

Annotation

Отзыв святого праведного Иоанна Кронштадтского на книгу "Толкование Евангелия" Б. И. Гладкова

Января 18. 1903

Возлюбленный о Христе брат Борис Ильич!

С величайшим интересом прочел я и ваше предисловие к высокопочтенному труду объяснения Евангелия, и отрывки объяснения. Прежнее время вашего заблуждения и состояние духовной неудовлетворенности и тоски по истине Божией послужили к удивительному изощрению вашего логического, философского ума и к очищению сердечного ока, к самой тонкой отчетливости и ясности в суждениях и предметах, касающихся веры. Я получил великое духовное удовлетворение при чтении вашего объяснения.

Ваш искренний почитатель

протоиерей Иоанн Сергиев

Толкование Евангелия

Предисловие к первому изданию

Пытливый ум человека, желающего сознательно относиться к себе и к окружающему его миру, всегда задавался вопросами: откуда этот мир? Кто управляет им? Что такое человек? Зачем он живет и как должен жить?.. Но все попытки разрешить эти вопросы оканчивались и оканчиваются полной неудачей, и стремление к истине по-прежнему остается неудовлетворенным у всякого, кто за разрешением их не обращается к единственному источнику истины — учению Господа нашего Иисуса Христа.

Грустно, что многие из образованных людей нашего века, зная названия почти всех языческих богов и скандальные сказки об их любовных похождениях, зная жизнь и дела царей и философов древних Греции и Рима, знакомясь с особенной любовью с плодами иностранной атеистической литературы, не знают Евангелия, не удосужатся сознательно прочесть его.

Как бы в оправдание своего невнимания и равнодушия к Евангелию такие люди нередко говорят, что в нем начертан лишь идеал, к которому надо стремиться, но идеал недостижимый, так как средства, предложенные для того, не по силам человеку, и что вообще многое в нем туманно, неудобопонятно.

Так говорящие люди или вовсе не читали Евангелия, или читали его поверхностно, невдумчиво; иначе они не стали бы повторять эти избитые фразы. Правда, вдумчивое, сознательное чтение Евангелий в том виде, как они написаны Святыми Евангелистами, требует от современного нам читателя немало времени и некоторой подготовки, и это объясняется тем, что:

1) ни одно из них не вмещает в себя полного изложения учения Иисуса Христа, которое во всем своем величии открывается лишь при дополнении одного Евангелия другим;

2) последовательность событий земной жизни Иисуса Христа, в особенности же времени Его проповеди и чудес, может быть выведена тоже лишь из совокупности всех четырех Евангелий, и

3) в Евангелиях, написанных более чем восемнадцать столетий назад, приводятся такие географические, исторические и бытовые особенности, которые в настоящее время для многих читателей становятся понятными лишь при надлежащих разъяснениях.

Поэтому весьма многие из желающих сознательно читать Евангелие не могут обойтись без толкований непонятных для них мест; люди же недосужные, действительно обремененные житейскими делами, особенно нуждаются в такой помощи, и помощь эта должна быть им оказана: ведь их-то, трудящихся и обремененных, и зовет к Себе Христос.

Толкований на Евангелия написано много, в древности и в последнее время, например: святым Иоанном Златоустом, блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским, Михаилом, епископом Курским и др.; но их труды представляют из себя или подстрочные толкования каждого Евангелия в отдельности, или беседы на те же Евангелия, а потому, несмотря на выдающиеся достоинства свои, не дают читателю ни полноты учения Иисуса Христа, ни последовательности в изложении событий.

Имеются у нас и систематические изложения, и толкования жизни и учения Иисуса Христа, но в них жизнь и учение Христа переданы словами авторов этих сочинений, а не словами Евангелистов.

Нельзя не упомянуть еще об одном затруднении, которое бедные люди (трудящиеся и обремененные) встречают в своем желании сознательно ознакомиться с Евангелием; затруднение это — страшная дороговизна всех специальных сочинений, объясняемая малым кругом читателей.

Все эти соображения побудили меня изложить в последовательном порядке, словами самих Евангелистов жизнь и учение Иисуса Христа, приложить к такому повествованию надлежащие объяснения и издать этот труд по общедоступной цене.

Толкованию Евангелия я предпослал "Введение", на которое обращаю внимание неверующих, маловерных и колеблющихся.

Кто перестал верить в Бога сердцем, кто потерял детскую веру в Него, тот может вернуть ее только при помощи рассудка или свершившегося над ним чуда. Но так как неверующие в Бога едва ли достойны совершения над ними чуда отвергаемым ими Богом, то для них остается один только путь: умом дойти до веры в Бога.

Я говорю так по собственному опыту. В шестидесятых годах прошлого столетия, я сам, к сожалению, был увлечен распространившимся тогда среди образованных людей безбожием и много лет прожил атеистом. Потеряв веру в Бога, я чувствовал, однако, что для полноты разумной жизни мне чего-то не достает, что на месте исчезнувшей веры осталась какая-то пустота, что учения материалистов и эволюционистов не удовлетворяют меня, не дают осмысленного познания самого себя и окружающего меня мира. И эта пустота, эта казавшаяся мне бесцельность и бессмысленность жизни заставили меня, наконец, призадуматься и основательно познакомиться с Евангелием.

К стыду моему (да и моему ли только?), ни из гимназии, ни из университета я не вынес надлежащего знания религии, которую официально исповедовал. Поэтому, приступая к пополнению этого пробела, я рассуждал так: "Все свои познания о Боге и назначении человека христиане заимствуют из четырех Евангелий. Но что это за книги? Кто и когда их составил? Можно ли на них полагаться? Не подложны ли они?"

Неизбежность таких вопросов вынудила меня прежде всего узнать: действительно ли принятые христианами четыре Евангелия написаны теми лицами, имена которых носят?

Тщательное ознакомление с ответами на этот вопрос привело меня к убеждению, что Евангелия действительно написаны в первом столетии по Р. Х. Апостолами Матфеем и Иоанном, учеником Апостола Петра Марком и спутником Апостола Павла Лукой.

Признав подлинность Евангелия, я задумался над другим вопросом: можно ли признать действительно совершившимся все записанное в Евангелиях? Тщательное исследование и этого вопроса

привело меня к утвердительному ответу.

Тогда возник третий вопрос: можно ли считать Иисуса Христа только Человеком? И если Он не только Человек, то Кто же Он?

Для того, чтобы прямо подойти к разрешению этого вопроса, надо было прежде всего узнать: действительно ли Христос воскрес? Ответ на этот вопрос должен был разрешить мне много других вопросов. Рассмотрев все доводы "за" и "против" Воскресения Его, я убедился в том, что Он действительно умер и воистину воскрес.

А если Он воскрес, если собственной властью воскрешал умерших и совершал заочные исцеления умиравших, если слову Его повиновались бури и волны морские, то следует признать, что Он обладал сверхъестественной силой, был вне законов природы, господствовал над ними, а не подчинялся им, и потому не мог быть только Человеком.

Если, к тому же, вся жизнь Его доказывает, что Он был безгрешен, если заклятые враги Его, книжники и фарисеи, вынуждены были безмолвствовать, когда Он всенародно спросил их — **кто из вас обличит Меня в неправде?** (Ин. 8, 46) — то, значит, Он не мог говорить неправду.

Признав, что Иисус Христос не мог сознательно говорить неправду, я должен был признать, что Он не мог и заблуждаться, так как заблуждение есть следствие легкомысленного отношения к исследованию истины, легкомыслие же несвойственно Ему.

А если Он не мог сознательно говорить неправду, не мог и заблуждаться, то как же Он мог узнать все то, о чем говорил?

А говорил Он, что человек бессмертен, что кратковременная, земная жизнь его есть только приготовление к жизни вечной, что за дела, совершенные людьми здесь, на земле, будет воздаяние на окончательном суде, что все когда-либо жившие люди будут тогда воскрешены и, соответственно прожитой жизни, одни будут блаженствовать в Царстве Небесном, а другие страдать, что для достижения блаженства в Царстве Небесном необходимо творить волю Божию, что Бог, как беспредельное Добро и Любовь, требует от нас любви к Нему и ко всем людям, что мы должны поступать со всеми людьми так, как желали бы, чтобы и с нами поступали другие, и т. д.

Но все это — тайны, открыть которые своими силами не мог ни один человек, как бы гениален он ни был. Они не могли быть известны и Христу, как Человеку. Объявляя их людям, как волю Отца Своего, пославшего Его в мир, Он говорил: **Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру** (Ин. 8, 26); а в прощальной беседе с Апостолами сказал: **Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам** (Ин. 14, 11).

Итак, Иисус говорит, что все, чему учил Он, поведал Ему Сам Бог, и что как Он в Боге, так и Бог в Нем.

Дойдя, таким образом, до недоступного уму человека, я думал так: "Иисусу Христу, как Свидетелю истины, можно или вполне верить, или совсем не верить; середины не может быть. Но так как безусловно правдивого во всем, безгрешного и всемогущего, воскресшего и вознесшегося Иисуса нельзя считать недостоверным Свидетелем, нельзя считать только Человеком, то остается один только исход: верить Ему безусловно во всем, а следовательно верить, что Он в Боге и Бог в Нем, то есть что Он Богочеловек". И я поверил.

Тут окончился путь исследования, и я вступил в область давно утраченной мною веры; я пристал к тому тихому берегу, от которого был оторван волной атеизма; я познал смысл жизни; я нашел раскрытой ту дверь, в которую тщетно стучался; я понял глубочайший смысл слов — **придите ко Мне все труждающиеся и обремененные... и найдете покой душам вашим** (Мф. 11, 28–29). Я пришел ко Христу и нашел ответ на

все мучившие меня вопросы, нашел и душевный покой.

Поэтому советую неверующим, сомневающимся и колеблющимся подойти к Господу нашему Иисусу Христу тем путем, каким я шел. Счастлив буду, если мой скромный труд поможет хоть одному из них вернуть утраченную или укрепить поколебавшуюся веру.

Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий. Ин. 20,31

Введение

Господь наш Иисус Христос [\[1\]](#) проповедовал устно и Сам не написал ни одной книги. Его учение, некоторые из совершенных Им чудес и главнейшие события Его жизни записаны другими в четырех книгах, называемых Евангелиями, то есть (по-русски) Благовествованиями.

Почти исключительно из этих четырех Евангелий мы заимствуем все наши познания о жизни и учении Иисуса Христа. Но для того, чтобы знакомиться по этим книгам с Личностью Иисуса Христа и Его учением, надо предварительно убедиться в их подлинности и достоверности.

1. Подлинность Евангелий

Земная жизнь Иисуса Христа, совершенные Им чудеса, Его учение, смерть и Воскресение, а затем самоотверженная проповедь Апостолов по всем странам известного тогда мира, — это такие, сами по себе, величайшие исторические события, о которых должны были много говорить и писать современники и последующие поколения.

Но были еще и особенные причины, вызвавшие внимание языческого мира к учению Христа. Евреи, распявшие Его и кричавшие перед тем Пилату: **Кровь Его на нас и на детях наших** (Мф. 27, 25), разослали (как о том свидетельствует Иустин Философ в своем "Разговоре с Трифоном-иудеем", гл. 108) по всей вселенной избранных мужей разглашать, что "появилась безбожная и беззаконная ересь через какого-то Галилеянина Иисуса, которого мы распяли, но ученики Его ночью похитили Его из гроба, где Он был положен по снятии с креста, и обманывают людей, говоря, что Он воскрес из мертвых и вознесся на небо".

Евреи, жившие тогда почти во всех городах обширнейшей Римской империи, помогали избранным мужам иудейским и, в свою очередь, разглашали самые нелепые слухи о христианах с целью выставить их в глазах равнодушных к вопросам веры язычников, как опасных и зловредных сектантов.

Эти обвинения вызвали гонения на христиан и вынудили последних, с одной стороны, поддерживать своих слабых духом и неокрепших еще в вере собратий посылкой им писем (посланий) утешения и увещания, с другой же стороны, защищаться, но только не оружием, а словом и пером, против клеветников и гонителей.

Вскоре и между христианами появились отступники от проповеданной Апостолами веры; пришлось опровергать их лжеучения...

Словом, со второй половины первого столетия после Рождества Христова должно было появиться и действительно появилось множество письменных произведений по поводу недавно совершившихся необычайных событий. Эти-то сочинения должны быть рассматриваемы как письменные свидетельства их авторов, и чем они древнее, чем ближе к временам апостольским, тем драгоценнее для нашей цели.

К сожалению, ожесточенные гонители, предавая казни исповедовавших Христа, истребляли с ними и все отбираемые у них христианские книги; поэтому уцелело из них и дошло до нас немного. Да и из дошедших до нас немногих произведений писателей первых веков христианства можно принимать как свидетельства лишь те, которые признаны невозбуждающими ни малейшего сомнения в их подлинности и принадлежности тому самому писателю, имя которого они носят. Одни из этих писателей — непосредственные ученики Апостолов, так называемые *мужи апостольские*, а также ученики мужей апостольских; другие — большей частью бывшие язычники, люди ученые, принявшие христианскую веру в зрелом возрасте; и, наконец, третьи — заклятые враги христиан.

Из сочинений непосредственных учеников Апостолов сохранились: послания святого Варнавы, святого Климента Римского, святого Игнатия Богоносца и святого Поликарпа, а также отрывки сочинений Папия Иерапольского у Эгезиппа, Иринейя и др.

Варнава. В Деяниях Апостолов говорится о Варнаве, как о друге и сотруднике Апостола Павла, имевшем при том общение и со всеми прочими Апостолами. Послание его, по свидетельству Климента Александрийского (о котором будет сказано ниже), писавшего в конце второго столетия, признавалось подлинным апостольским посланием; написано оно, по мнению историков, в первом десятилетии после разрушения Иерусалима, то есть между 70 и 80 годами по Р. Х. В этом послании находятся два точных места из Евангелия от Матфея — **Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию** (Мф. 9,

13) и **много званных, а мало избранных** (Мф. 22, 14), и одно место из Евангелия от Луки — **просящему у тебя давай** (Лк. 6, 30). Приводя в своем послании слова Иисуса Христа **много званных, а мало избранных**, Варнава добавил "*как написано*" [2] и этим засвидетельствовал, что заимствовал их не из устного предания, а из письменного источника; а это свидетельство дает основание утверждать, что Варнаве были известны Евангелия от Матфея и Луки.

Выражение святого Варнавы "как написано", употребленное им в своем послании, истолковывалось противниками подлинности Евангелий как позднейшая вставка переводчика послания на латинский язык, но Тишендорфу удалось открыть древнейший греческий пергаментный список Библии (известный теперь под названием Синайского кодекса), в котором содержится *весь* греческий оригинальный текст послания Варнавы со словами "как написано", тогда как из древнего латинского перевода известны были лишь первые пять глав этого послания. Латинский перевод послания Варнавы сделан был с греческого текста, и если в древнейшем греческом тексте имеются (как это доказал Тишендорф) слова "как написано", то сама собой проваливается попытка противников подлинности Евангелий подорвать значение послания Варнавы, как достоверного свидетельства (см. соч. Тишендорфа "Когда написаны наши Евангелия", напечатанное в журнале "Труды Киевской Духовной Академии" за 1865 г. Т. 3. С. 186).

Климент Римский был крещен из язычников Апостолом Петром, который перед своей мученической смертью поставил его Епископом Рима; при Императоре Траяне был сослан в Херсонес Таврический, на работы в каменоломнях, и затем казнен потоплением в море. Различные приписываемые ему сочинения, известные под общим названием "Климентин", признаются подложными, но против подлинности посланий его к Коринфянам сомнений не высказывается.

Во 2-м послании к Коринфянам, написанном около 95 года, приводя места из Евангелий от Матфея и Луки, он сопровождает их следующими словами: "говорит Писание", или "*говорит Господь в Евангелии*". Хотя Климент приводит в своих посланиях тексты Евангелий не буквально, но это не умаляет значения его указаний на существование в его время Евангелия.

Евсевий в своей Истории Церкви (3, 38) приписывает Клименту перевод с еврейского на греческий язык послания Апостола Павла к евреям.

Игнатий Богоносец был епископом Антиохийским с 67 по 107 год по Р. Х. Евсевий и Иероним свидетельствуют, что он, вместе с Поликарпом и Папием, был учеником Апостола Иоанна, а Иоанн Златоуст говорит, что он близко общался с Апостолами, при них находился, и епископскую власть получил непосредственно от них, сделавшись преемником Апостола Петра в Антиохии (Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. С. 633).

Во время гонения на христиан прибывшему в Антиохию Императору Траяну указали на Игнатия, как на главного предводителя христиан и опору их веры. Траян потребовал, чтобы Игнатий отрекся от Христа и принес жертву языческим богам. Игнатий остался непоколебимым в вере, за что и приговорен был к смертной казни, отвезен для этого в Рим и там брошен был в цирке на съедение диким зверям для забавы нравственно одичавшего и озверелого народа.

Из его сочинений, дошедших до нас, учеными исследователями признаны подлинными семь посланий, написанных в 107 году, на пути следования в Рим на казнь.

В этих посланиях (см. Послания святого Игнатия Богоносца, издание Казанской Духовной Академии. 1857 г.) святой Игнатий говорит о Евангелии, как книге общеизвестной, противопоставляя ее пророкам и Апостолам (то есть посланиям Апостолов). Так: а) в послании к Филадельфийцам из Трояды, в ст. 9, он говорит: "*Евангелие содержит нечто превосходнейшее, именно — пришествие Господа нашего Иисуса Христа, Его страдание и Воскресение. Ибо возлюбленные пророки предвозвестили о Нем, а Евангелие*

есть совершение...";

б) в послании к Смирнянам, в ст. 5, рассуждая о неверующих, он говорит: *"Их не убедили ни пророчества, ни закон Моисеев, и даже доселе не убеждают ни Евангелие, ни страдания каждого из нас";* в ст. же 7 того же послания он дает совет *"удаляться таких людей, и ни наедине, ни в собрании не говорить о них, а внимать пророкам, особенно же Евангелию, в котором раскрыто для нас страдание Господа и несомненно доказано Его Воскресение"*.

В своих посланиях, в подтверждение своих мнений, святой Игнатий нередко приводит дословно некоторые места из Евангелий; например:

а) в послании к Римлянам, в ст. 6, - **какая польза человеку, если весь мир приобретет, а душе повредит** (Мф. 16, 26);

б) в послании к Поликарпу, в ст. 2, - **будь мудр, как змея, и прост, как голубь** (Мф. 10, 16);

в) в послании к Смирнянам, в ст. 1, - **"Господь наш крестился от Иоанна, чтобы исполнить всякую правду"** (Мф. 3, 15);

г) в том же послании, ст. 3, - **"И когда Он пришел к бывшим с Петром, то сказал им: осяжите Меня и рассмотрите** (Лк. 24, 39), *что Я не дух бестелесный"*.

Семь посланий святого Игнатия дошли до нас в двух списках: пространном и сокращенном. Выше мы привели извлечения из сокращенного списка, но так как и пространный список принимался и принимается за подлинное послание святого Игнатия такими авторитетами, как святой Иоанн Златоуст, святой Григорий Двоеслов, святой Иоанн Дамаскин и К. Тишендорф, то продолжим извлечения из пространного списка посланий:

д) в послании к Римлянам, в ст. 3, - **если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас...** (Ин. 15, 19);

е) в послании к Ефесянам, в ст. 8, - **Слово стало плотию** (Ин. 1, 14); в том же послании, в ст. 5, - **неверующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем** (Ин. 3, 36);

ж) в послании к Магnezийцам, в ст. 9, - **если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне** (Ин. 5,46);

з) в том же послании, в ст. 6, - **возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего, как самого себя** (Лк. 10, 27).

Не приводя дальнейших извлечений из посланий святого Игнатия, ограничимся лишь указанием на следующие места Евангелий, встречающиеся в этих посланиях:

из Евангелия от Матфея: 1, 23; 4, 23; 5, 5, 45 и 48; 8, 17; 9, 35; 12, 33 и 40; 15, 13; 19, 12; 13, 43; 22, 40; 27, 52; 28, 19;

из Евангелия от Марка: 11, 25;

из Евангелия от Луки: 10, 16 и 27; 14, 11; 14, 15; 17, 10; 18, 13 и 14; 22, 31; 23, 34;

из Евангелия от Иоанна: 2, 19; 3, 8; 5, 30; 8, 29, 46, 56 и 58; 10, 11; 11, 25 и 26; 12, 32; 13, 34; 14, 6 и 24; 16, 13 и 14; 17, 3, 4, 5, 6, 11 и 21; и 20, 25, 27 и 28.

Таким образом, послания эти доказывают, что во время составления их, то есть в 107 году по Р. Х., святому Игнатию были известны все четыре Евангелия; а так как он, до написания посланий, прослужил в Антиохии епископом сорок лет, то, конечно,знакомился с Евангелиями он не в 107 году, а гораздо ранее и, вернее всего, вслед за составлением их.

Поликарп, епископ Смирнский, ученик Апостола Иоанна. Ученик святого Поликарпа, святой Ириной, епископ Лионский, в письме своем к Флорину так говорит о своем учителе: "Я был еще отроком, когда видел тебя в Малой Азии у Поликарпа; я мог бы теперь изобразить место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп, изобразить его походку, его образ жизни и внешний вид, его беседы к народу, как он рассказывал о своем обращении с Иоанном и с прочими самовидцами Господа, как он припоминал слова их и пересказывал, что слышал от них о Господе, Его учении и чудесах. Так как он слышал все от самовидцев жизни Слова, то *все его сказания согласовались с Писанием*" (см. Евсевий. 4, 14).

Святой Поликарп был епископом Смирнским более сорока лет; сожжен на костре во время гонения на христиан при Марке Аврелии по требованию языческой черни, которой помогали евреи, таская дрова для костра, несмотря на то, что это случилось в субботу.

В послании к Филиппийцам, написанном вскоре после мученической смерти святого Игнатия, святой Поликарп приводит следующие места из Евангелий: от Матфея — 5, 3 и 10; 6, 13; 26, 41; от Марка — 14, 38; и от Луки — 6, 37 и 38. Хотя в послании этом и нет ссылок на Евангелие от Иоанна, но зато в нем приводятся слова из первого послания этого Апостола (1 Ин. 4, 3), которое было написано им после Евангелия. Будучи же учеником Апостола Иоанна и приводя в своем послании (единственном, сохранившемся из всех его сочинений) извлечения из соборного послания Иоанна, Поликарп, несомненно, должен был знать и его Евангелие (Гл. 2 и 7 послания. См. "Писания мужей апостольских").

Папий, епископ Иерапольский. Святой Ириной, епископ Лионский, в 5-й книге своей против ересей, в гл. 23 (см. соч. его в рус. пер. 1871 г.), говорит, что Папий был учеником Иоанна и товарищем Поликарпа и написал пять книг под названием "Изъяснение Господних изречений". Книги эти, однако, не сохранились; лишь отрывки из них приведены Евсевием в его Истории Церкви (3, 39). В этих книгах, судя по сохранившимся отрывкам, Папий говорит: 1) что "Матфей записал беседы Господа на еврейском языке, а переводил их кто как мог"; и 2) "Марк, истолкователь Петра, с точностью написал все, что запомнил, хотя и не держался порядка слов и деяний Христовых, потому что сам не слушал Господа и не сопутствовал Ему. Впоследствии он был с Петром, но Петр излагал учение с целью удовлетворить нуждам слушателей, а не с тем, чтобы беседы Господни передать по порядку. Посему Марк нисколько не погрешил, описывая некоторые события так, как припоминая их: он заботился лишь о том, как бы не пропустить чего-либо слышанного или не переиначить". Он же приводит тексты из первого послания Апостола Иоанна (см. Тишендорф. 221).

Ренан говорит, что если Поликарп и Папий, считающиеся учениками Апостола Иоанна, не упоминают в своих сочинениях о его Евангелии, то, значит, в их время этого Евангелия не существовало. Это замечание имело бы существенное значение, если бы мы могли прочесть все сочинения Поликарпа и Папия, но так как из всех сочинений Папия до нас дошло только несколько отрывков, а из сочинений Поликарпа только его послание к Филиппийцам, то замечание Ренана теряет всякое значение. Очень может быть, что в затерянных для нас сочинениях этих мужей апостольских имелись заимствования и из Евангелия Иоанна; и в этом предположении нет ничего неправдоподобного, так как в сохранившихся произведениях их имеются дословные выписки из послания Иоанна, написанного им после написания им же Евангелия. Впрочем, новый отрывок из сочинений Папия, приведенный Томасием, свидетельствует, что Евангелие Иоанна было известно Папию (см. соч. Дидона "Иисус Христос". 1).

Писатели второй группы: святой Иустин Философ, святой Ириной, Тациан, Климент Александрийский, Афинагор Афинский, святой Феофил Антиохийский, Тертулиан и Ориген.

Иустин Философ в сочинении своем "Разговор с Трифоном-иудеем" говорит, что, будучи еще язычником, изучил все философские системы того времени и особенно увлекался учением Платона, но все его знания не давали ему ответа на интересовавшие его вопросы о Боге, о душе, о ее бессмертии и пр.,

пока один старец (по преданию святой Поликарп) не рассказал ему об Иисусе Христе и пророках, предвещавших Его пришествие. Изучив, вследствие сего, пророчества и Евангелие, он только в них нашел единую истинную и полезную философию (см. сочинения Иустина в переводе Преображенского. 1892 г. С. 134–146).

Иустин крестился около 137 года по Р. Х. и стал странствовать по всей обширнейшей Римской Империи, проповедуя христианскую веру, за это и за отказ принести жертву языческим богам был обезглавлен в период времени между 163 и 167 годами.

Святой Иустин Философ и мученик написал много сочинений, как о том свидетельствует историк Евсевий, но из немногих, дошедших до нас, признаны несомненно подлинными только две "Апологии" и "Разговор с Трифоном-иудеем". 1-я "Апология" была представлена Императору Антонину, а 2-я — Римскому Сенату, и обе написаны в защиту христиан и христианской веры от несправедливых обвинений и гонений со стороны язычников и евреев. Разговор с Трифоном-иудеем, то есть беседа ученого христианина с книжником иудейским, обнаруживает замечательное знание Иустином всех книг Ветхого Завета, Евангелий, Посланий Апостолов и Апокалипсиса. В этом разговоре Иустин доказывает иудею, что ветхозаветные пророки предсказали пришествие Христа, и что Иисус, распятый при Пилате, есть именно тот самый Христос, о котором говорили пророки.

1-я "Апология" Иустина написана между 150 и 155 годами; в этой "Апологии" и в "Разговоре с Трифоном" приводится множество дословных выписок из всех четырех Евангелий, например:

а) в ст. 16 1-й "Апологии" — **Вовсе не клянитесь. Но да будет слово ваше: да-да и нет-нет. А что сверх этого, то от лукавого** (Мф. 5, 34, 37);

б) в "Разговоре", в ст. 76, - **Сыну Человеческому должно много пострадать и быть отвержену книжниками и фарисеями, быть распяту и в третий день воскреснуть** (Мк. 8, 31; Лк. 9, 22);

в) там же в ст. 17, - **дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников** (Лк. 19, 46);

г) в 1-й "Апологии", в ст. 61, - **Если не родитесь снова, не войдете в Царство Небесное** (Ин. 3, 3).

Вообще же в сочинениях Иустина имеется 127 текстов Евангельских, а именно: 88 из Евангелия от Матфея, 7 — Марка, 25 — Луки и 7 — Иоанна. Приводя тексты из Евангелий, святой Иустин нередко добавляет: "как сказано в памятных записях Апостолов Его и их последователей", или: "Апостолы в написанных ими сказаниях, *которые называются Евангелиями*, передали..." ("Разговор с Трифоном". Ст. 102–103; 1-я Апология. Ст. 66).

Таким образом, сочинения Иустина Философа свидетельствуют, что около 137 года по Р.Х. все четыре Евангелия были общеизвестными среди христиан священными книгами.

Ириней, епископ Лионский. В письме своем к Флорину, извлечение из которого приведено выше, святой Ириней называет себя учеником святого Поликарпа, ученика святого Апостола Иоанна. Рождение Ириней относят к 130 году. Молодость он провел в Смирне, где ознакомился с сочинениями греческих поэтов и философов; в зрелом возрасте он был послан святым Поликарпом в Галлию (нынешнюю Францию) для распространения христианства; по смерти Лионского епископа Пофина, в 177 году, был избран преемником ему и умер в 202 году.

На долю святого Ириней выпала борьба (словом и пером) против ересей. Он написал много сочинений в защиту христианства, но дошло до нас только одно: "Обличение и опровержение лжеименного знания", известное более под названием "Пять книг против ересей" (см. пер. Преображенского 1871 года).

В этом сочинении имеются следующие свидетельства о Евангелиях:

1) В 3-й книге (гл. 1. С. 272–273) Ириней говорит: "Об устройении нашего спасения мы узнали не через кого другого, а через тех, через которых дошло к нам Евангелие, которое они проповедовали устно, потом же, по воле Божией, передали нам в Писаниях. Так, Матфей издал у евреев на их собственном языке Писание Евангелия в то время, как Петр и Павел в Риме благовествовали и основали Церковь. После их отшествия Марк, ученик и истолкователь Петра, передал нам письменно то, что было проповедано Петром. И Лука, спутник Павла, изложил в книге проповеданное им Евангелие. Потом Иоанн, ученик Господа, возлежавший на Его груди, также издал Евангелие во время пребывания своего в Ефесе Азийском". 2)

Приводя в той же 3-й книге, в гл. 10–11 (с. 293–310), дословно из этих Евангелий все относящееся к рождению Иоанна Предтечи, благовествованию Марии, рождению Иисуса Христа, встрече с Симеоном Ириней говорит: "Таковы первые начала Евангелия. И столь велика достоверность этих Евангелий, что сами еретики воздают им свидетельство и, исходя от них, каждый из них старается подтвердить свое учение". 3)

Говоря о том, что еретик Маркион и его последователи, признавая Евангелие от Луки, сокращают его для своих целей, святой Ириней отстаивает авторитет Евангелистов в следующих выражениях: "Апостолы просто и ни на кого не смотря преподавали всем то, чему они были научены от Господа. Так и Лука, ни на кого не смотря, передал нам то, что узнал от них, как сам свидетельствует, говоря: "как передали нам бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова" (с. 340). Лука проповедовал вместе с Павлом, от него был назван *возлюбленным* (Кол. 4, 14), с ним благовествовал и им уполномочен передать нам Евангелие" (с. 339).

В этом сочинении святого Иринея имеется такое множество дословных заимствований из Евангелий, что если бы приводить их здесь, то пришлось бы переписать большую часть всех четырех Евангелий.

Тациан, ученик святого Иустина Философа, живший во втором веке (умер около 175 г.), написал, по свидетельству Евсевия и Иеронима, очень много книг; но до нас дошла только его "Речь против эллинов", в которой он обличает безумие языческой религии и доказывает божественность Священного Писания (см. "Сочинения древних христианских апологетов". Пер. Преображенского. 1895 г.).

В этой "Речи" Тациан так говорит о своем обращении от язычества ко Христу: "Я путешествовал по многим странам, сам занимался в качестве софиста вашими науками, изучал искусства и различные изобретения (ст. 35, с. 41). В то время, как ум мой рассматривал все лучшее, я напал на одни книги, которые древнее эллинских учений и столь божественны, что не могут быть сравниваемы с их заблуждениями; и я поверил этим книгам, по простоте их речи, безыскусственности писателей, удобопонятности объяснения всего творения, предвидению будущего, превосходству правил и, наконец, по учению об едином Властителе над всем (ст. 29, с. 36). Будучи просвещен познанием их, я решился отвергнуть языческие заблуждения, как детские бредни (ст. 30, с. 36); я распростился и с римским высокомерием, и с холодным афинским красноречием, и с различными учениями" (ст. 35, с. 41).

В этой же своей речи против эллинов Тациан подробно излагает учение о Слове (ст. 5–7, с. 14–16), заимствуя многое из Евангелия от Иоанна, и приводит даже подлинные слова этого Евангелиста, например: **тьма не объяла света** (Ин. 1, 5) (ст. 13, с. 22), и: **все Им сотворено и без Него ничего не сотворено** (Ин. 1, 3) (ст. 19, с. 29).

Тациан примкнул впоследствии к секте энкратитов; в это время он, по свидетельству историка Евсевия (кн. 4, 30), составил свод четырех Евангелий, выпустив из них родословие Иисуса Христа и другие места, доказывающие происхождение Его по плоти от Давида. Этим сводом Евангелий, называемым диатессароном, пользовались не только последователи Тациана, но и православные христиане. Феодорит (+456 г.) нашел в церквах своего округа более 200 экземпляров диатессарона, отобрал их и заменил Евангелиями четырех Евангелистов.

Климент Александрийский, ученик Пантена, человек высшего по тому времени образования, незадолго до 200 г. сделался главой знаменитого Училища Александрии.

Из его многочисленных сочинений дошли до нас "Увещание к язычникам", "Педагог", "Смесь или Строматы" и "Кто из богатых спасется?"

В "Строматах" он так выражается о философии: "Философия есть действительный образчик истины, божественный дар эллинам (с. 2). Господом дарована она эллинам прежде призвания их к вере, потому что и она вела их ко Христу, как евреев закон (с. 28). Философия ищет истину; истина же разумеется та, о которой Сам Господь сказал: *Я — истина* (с. 33). Впрочем, мы не просто всякую философию принимаем, а ту, которая признает Промысел и бессмертие (с. 97)".

В том же сочинении он так говорит о своих учителях: "Это сочинение есть сокровище воспоминаний на старость; в нем безыскусственно начертываются те сильные и одушевленные речи, какие удостоился слушать я, и некоторым образом живописуются блаженные мужи, действительно заслуживающие памяти... Эти люди, хранившие истинное предание блаженного учения непосредственно от Святых Апостолов — Петра, Иакова, Иоанна и Павла...даже до нас дожили, передавая нам эти семена прародителей и Апостолов".

Во всех своих дошедших до нас сочинениях Климент приводит многочисленные места из всех четырех Евангелий, как из таких книг, подлинность и истинность которых не подлежала ни малейшему сомнению, и упоминает при том имена самих Евангелистов.

Евсевий в своей Истории Церкви (4, 14) приводит следующее место из сочинений Климента "Начертания": "Из Евангелий прежде написаны те, которые содержат в себе родословие Иисуса Христа. Евангелие же Марка получило свое бытие так: когда Петр в Риме всенародно проповедовал Слово Божие и возвещал Евангелие по вдохновению от Духа Святого, тогда многие из бывших там просили Марка, давнего его спутника, помнившего все, сказанное им, написать, что он проповедовал. Марк написал Евангелие и передал его нуждавшимся. Узнав об этом, Петр явно и не противился этому делу, и не склонял к нему. А последний из Евангелистов, Иоанн, заметив, что в Евангелиях возвещено только о телесном, по убеждению ближних и по внушению Святого Духа написал Евангелие духовное".

Афинагор, афинянин, языческий философ, живший во втором веке. Он намеревался писать против христианства, приступил для этого к чтению Священного Писания и сделался проповедником того учения, против которого восставал.

В 166 или 177 году он подал Императорам Марку Аврелию и Люцию Коммоду "Прошение о христианах", составляющее блестящую защиту христианства от несправедливых нападков на него и гонений (см. "Сочинения древних христианских апологетов". Пер. Преображенского. 1895 г.). Доказывая в этом прошении нравственное превосходство христиан над язычниками, он приводит подлинные слова Евангелий; например: из Евангелия от Матфея — 5, 28, 39, 44–46; 19, 9; из Евангелия от Луки — 6, 27, 28, 32, 34 и 39. А в одном месте своего "Прошения" (ст. 12, с. 65), приводя текст из Евангелия, он поясняет, что так *говорит Писание*, и тем доказывает, что текст этот заимствован им из написанной книги: **Ибо если любите любящих вас, — говорит Писание, — и если займы даете тем, которые дают вам, какую награду будете иметь?** (Лк. 6, 32 и 34). Говоря о Боге Отце, Боге Сыне и Духе Святом (ст. 10, с. 62), Афинагор обнаруживает несомненное знакомство и с Евангелием от Иоанна.

Феофил, бывший епископом Антиохийским от 176 до 186 г., получил, как видно из его же сочинений, языческое воспитание и высшее по тому времени образование; в зрелом возрасте он познакомился со священными книгами христиан и уверовал в Иисуса Христа.

Он написал много сочинений и, между прочим, "Толкование на Евангелие", как о том свидетельствует

Иероним; но дошли до нас только "Три книги к Автолику" (см. "Сочинения древних христианских апологетов". Изд. Преображенского). Во 2-й книге, в ст. 22, рассуждая о Боге и сотворении мира, он говорит: "Посему нас учат священные писания и все духоносцы, из коих Иоанн говорит: **В начале было Слово, и Слово было у Бога**, показывая этими словами, что сперва был один только Бог и в Нем Слово. Потом он говорит: **и Бог был слово; все через Него сотворено и без Него ничто не сотворено**" (Ин. 1, 1–3). В 3-й книге, в ст. 13, он приводит следующее изречение Иисуса Христа, заимствуя его из Евангелия от Матфея (5, 28–32): **Всякий, кто посмотрит на чужую жену с похотью, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И кто женится на отпущенной мужем прелюбодействует; и кто разведется с женою, кроме вины блуда, подает ей повод прелюбодействовать**. В той же книге, в ст. 14: "Евангелие говорит: **любите врагов ваших, и молитесь за оскорбляющих вас**"...

Словом, и святой Феофил свидетельствует, что в его время наши Евангелия почитались священными книгами, как написанные Духоносцами.

Блаженный Иероним удостоверяет, что святой Феофил сам составил свод четырех Евангелий и написал Комментарий на Евангелие.

Тертуллиан родился в Карфагене около 145 г. по Р. Х. и умер, как полагают, около 220 года. Приняв христианскую веру, он стал ревностным защитником гонимых. Из его сочинений обращает на себя особенное внимание его знаменитая "Апология" или "Защита" христиан против язычников, написанная для правителей Римской Империи. Кроме того, до нас дошло еще много сочинений его, в том числе некоторые против ересей. В этих сочинениях Тертуллиан проявляет глубокое знание всех четырех Евангелий и приводит множество дословных выписок из них, а это приводит нас к заключению, что Четвероевангелие было его настольной книгой.

Ориген родился около 186 года. Христианин по рождению, он стал изучать Священное Писание с детского возраста под руководством своего отца, затем поступил в Александрийскую Школу и был учеником начальника Школы, Климента Александрийского; когда Климент вынужден был оставить Александрию, Ориген сделался его преемником.

Занимаясь истолкованием Священного Писания и преподаванием Богословия в Александрийской Школе, Ориген чувствовал необходимость в основательном знакомстве с философией и для этого посещал классы неоплатоника Аммония Сакка. В одном из своих писем он так выражается об этом: "Когда я всецело посвятил себя делу провозглашения божественного учения, и слава моего искусства в нем начала распространяться, и слушать меня приходили иногда еретики, а иногда и люди, получившие образование в греческой философии, то я считал необходимым исследовать мнения еретиков и то, что будто бы философы знают об истине... Я посетил многие места и повсюду искал тех, кто объявлял, что они знают что-либо".

Ориген написал множество сочинений, из которых для нашей цели особенно важны: "О началах", "Толкование на Евангелие от Иоанна", "Толкование на Евангелие от Матфея" и "Ответы Цельсу".

Сочинение "О началах" посвящено систематическому изложению христианской веры и содержит в себе много дословных выписок из всех четырех Евангелий.

"Толкование на Евангелие от Иоанна" и "Толкование на Евангелие от Матфея", по самому названию своему, свидетельствуют, что Евангелия эти во времена Оригена и ранее были общераспространенными Священными книгами, в подлинности которых никто не сомневался.

В своем "Толковании на Евангелие от Матфея" Ориген говорит: "Мне известно, что первое Евангелие написано Матфеем, который был некогда мытарем, а потом Апостолом Иисуса Христа, и что он написал его на еврейском языке для христиан, уверовавших из иудеев. Второе Евангелие — Марка, который написал

его по сказаниям Петра. Третье за тем Евангелие — Луки, одобренное Павлом и написанное для уверовавших из язычников. Последнее же Евангелие — от Иоанна" (Евсевий. История Церкви. 6, 25).

Писатели третьей группы: еретики Василид, Карпократ, Валентин, Птоломей, Гераклион и Маркион, и язычник Цельс.

Василид жил в Александрии и стал известен около 125 года. Он составил 24 книги толкований на Евангелия; а что эти толкования были объяснением наших Евангелий, об этом, по мнению Тишендорфа, можно заключить из слов Агрипы Кастора, приводимых Евсевием, так как он утверждал, что Василид всю совокупность Евангелий принимал как одно целое. Это предположение подтверждается свидетельством Ипполита, что Василид буквально приводит выдержки из Евангелий Иоанна и Луки, применяя их сообразно своей системе. Он же указывает и на повествование Матфея о звезде, явившейся волхвам (Тишендорф. Когда написаны наши Евангелия).

Карпократ, современник Василида. Излагая его учение и касаясь, между прочим, веры его в переселение душ, святой Ириной говорит, что он и его последователи основывались на следующих словах Иисуса Христа, заимствованных ими из Евангелия Матфея (5, 25 и 26) и Евангелия Луки (12, 58): **Когда ты идешь с противником своим, то постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу. Истинно говорю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки** (Ириной. Кн. 1. Гл. 25, 4).

Валентин, родом египтянин, жил в Александрии, около 140 года прибыл в Рим, умер в 160 году. Он был основателем особой секты еретиков, известных под именем валентиниан. Стремясь к разрешению вопросов о происхождении Бога, мира и человека, добра и зла, Валентин многое заимствовал из древних религий востока и учений греческих философов и все это хотел примирить с христианством, но составил нелепейшую, туманно-фантастическую систему.

По мнению Тишендорфа, характеристической особенностью системы Валентина служит терминология, заимствованная из Евангелия Иоанна. "В этом, — говорит Тишендорф, — видно столь неоспоримое отношение их, первой к последнему, что, при отрицании зависимости Валентина от Иоанна, остается только допустить зависимость последнего от первого. Понятно, что дерзость противников Евангелия Иоанна доходила до этой нелепой выдумки; в этом видна отчаянная борьба за любимое мнение, которому грозят уничтожением. Ириной говорит, что секта Валентина вполне пользовалась Евангелием Иоанна, выводя свое учение о первой огдоаде из первой главы Иоанна; это же, со своей стороны, подтверждает и Ипполит, удостоверяя, что Валентин употреблял известные изречения Господа из Евангелия от Иоанна. Кроме этих свидетельств о Евангелии Иоанна, нельзя также оставить без замечания, что Валентин пользовался и первыми тремя Евангелиями, так, например: Валентин узнает своего демиурга в капернаумском сотнике и изречением его (Мф. 8, 9) характеризует демиурга; умершую и воскрешенную дочь Иаира (Лк. 8, 41) он представляет чувственным образом своей Ахамафи; страдание и искупление двенадцатого эона представляет в истории женщины, двенадцать лет страдавшей кровотечением и исцеленной Господом. Нельзя представить более убедительного доказательства церковного авторитета Евангелий в первые десятилетия второго века, как этот странный способ, каким Валентин и его школа пытались обосновать столь фантастическую систему на простых словах Евангелий" (Тишендорф. Когда написаны наши Евангелия).

Птоломей, один из учеников Валентина, написал послание к "Флоре", вполне сохраненное Епифанием; в нем, вместе с некоторыми цитатами из Евангелия Матфея, имеется одна и из Евангелия Иоанна (Тишендорф).

Гераклион, современник Валентина, написал целый комментарий на Евангелие Иоанна; Ориген сохранил этот комментарий во многих отрывках, из которых видно, как Гераклион пытался подкрепить

свое учение Евангелием Иоанна (Тишендорф).

Маркион родился в начале второго столетия в Синопе, где отец его был епископом; был пресвитером Синопской Церкви и за ересь отлучен своим же отцом. По свидетельству святого Ириней, он искажал Евангелие Луки, устраняя из него все, что относится к рождению Иисуса Христа (Ириней. Кн. 1. Гл. 27, 2). А Тертуллиан приводит следующий отрывок из письма Маркиона, доказывающий, что он хорошо был знаком с Евангелиями Матфея и Луки: "Удалите от глаз моих, говорит он, это строгое повеление Кесаря (Лк. 2, 1) эту жалкую гостиницу, эти пелены, эти беспокойные ясли (Лк. 2, 7); это множество Ангелов да воздаст честь Господу своему и да не увлекается ночными призраками (Лк. 2, 13–14). Оставьте пастухов лучше при их стадах (Лк. 2, 8 и 15–17). Пусть маги не трудятся предпринимать столь дальнего пути; богатство их пусть останется при них (Мф. 2, 1 и 11). Да будет Ирод человеколюбивее, чтоб Иеремия не хвалился своим пророчеством (Мф. 2, 16–18). Не должно обрезать младенца, чтоб он не плакал (Лк. 2, 21). Не должно представлять его в храм, чтобы издержками на жертвоприношение не отяготить родителей. Не передавайте его в руки Симеона, чтобы дряхлый старик не уронил его. Заставьте молчать эту престарелую пророчицу, чтоб она не заколдовала младенца" (Лк. 2, 22–38). Приводя этот отрывок письма, Тертуллиан восклицает: "Вот какими умствованиями дерзнул ты, Маркион, устранить достоверные доказательства о человечестве Христовом!" (см. Творения Тертуллиана. Пер. Карнеева. Ч. 3. Ст. 2–3). Ввиду этого надо признать, что Маркион знал Евангелия Матфея и Луки.

Цельс — языческий философ времен Антонина и Марка Аврелия, написавший в середине второго века замечательное по ненависти ко Христу сочинение "Истинное слово".

Несмотря на страшные гонения, число христиан все более и более возрастало: ни костры, на которых массажи сжигали их, ни дикие звери, пожиравшие их в цирках, не остановили стремление ко Христу. Этот необъяснимый для гордых римлян успех Евангельской проповеди заставлял их призадуматься над дальнейшей судьбой могущественного Рима. Императору Марку Аврелию внушали, что христиане отказываются помогать ему в защите от врагов, что если так будет продолжаться, то скоро он останется один и государство делается добычей варваров, и что для восстановления римской доблести и могущества Римской империи остается одно только средство — истребить всех христиан. Под влиянием таких наветов Марк Аврелий издал жестокий приказ, предписывавший разыскивать христиан и казнить их, а имущество их отдавать доносителям и сыщикам. Последствия этого зверского приказа были ужасны. Но философ Цельс злорадствовал, говоря: "Демон христиан изгоняется из каждой страны, и посвященные ему скованными уводятся и привязываются к столбу, и демон этот или, как ты говоришь, Сын Божий не отмщает за себя".

Тот же Цельс, предчувствуя, однако, что казни и на этот раз не достигнут цели, счел нужным выступить против христиан с иным оружием, со своим сочинением "Истинное слово". Сочинение это не дошло до нас в полном своем составе, но известно по множеству дословных выписок из него в сохранившемся сочинении Оригена "Восемь книг против Цельса".

В своих нападках на христиан Цельс пользовался еврейской ненавистью к ним и всякой ложью, которую евреи распространяли про Иисуса Христа, но материал для нападений заимствовал из наших Евангелий.

"Несомненно, что он знал:

1) *Евангелие от Матфея*, потому что говорит о всех происшествиях, описанных в первых двух главах этого Евангелия и обойденных молчанием прочими Евангелистами, как-то: о звезде, указывавшей путь волхвам, о путешествии их в Вифлеем, о дарах, принесенных ими новорожденному Мессии, о гонении Ирода, явлении Ангела Иосифу, пребывании Иисуса в Египте; он приводит многие места из Нагорной проповеди, рассказывает о призвании Апостолов и выписывает самые слова Спасителя: **когда же будут**

гнать вас в одном городе, бегите в другой (Мф. 10, 23); упоминает о предательстве Иуды, отречениях Петра, молитве Иисуса Христа в Гефсиманском саду — **Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия** (Мф. 26, 39), о чаше с уксусом и желчью, поднесенной Спасителю во время Его страданий, о мраке и землетрясении во время Его смерти, и о многих происшествиях, как они описаны у Евангелиста Матфея;

2) *Евангелие от Марка*, потому что передает частный случай, основание которому мог позаимствовать только из этого Евангелия: он утверждал, будто воскресшего Спасителя видела лишь одна женщина и, притом, "испуганная и испугленная"; такое возражение он мог основывать разве только на одном месте Евангелия Марка: **их объял трепет и ужас** (Мк. 16, 8);

3) *Евангелие от Луки*, потому что жалуется в одном месте на гордость генеологистов, которые возводят родословную Иисуса даже до Адама, — частности, принадлежащая исключительно одному Евангелисту Луке (3, 23–38), и

4) *Евангелие от Иоанна*, так как указывает на учение о Слове, которое есть Сын Божий, на то, что из пронзенного ребра распятого Спасителя истекла кровь и вода, называет Его светом и жизнью, — опять частности, которые находятся только у одного Евангелиста Иоанна" (из Сб. Барсова. 1, 51).

Сам Цельс признавал, что пользовался нашими Евангелиями; Ориген приводит его слова: *"И это все мы заимствовали из ваших собственных писаний; мы не употребляем других свидетельств, потому что вы падаете на свой собственный меч"*. Но вместе с тем Ориген указывает, что Цельс приводит в своем сочинении много и такого, чего нет в Евангелиях; и это касается его богохульных свидетельств против Девы Марии, его истории детства Иисуса и пр.; на источник этих выдумок указывает сам Цельс, говоря: *"Я мог бы представить многое, что написано об Иисусе сообразно с истиной, но иначе, чем в писаниях учеников Иисуса"*... (Тишендорф).

Можно было бы привести сочинения и других писателей, но мы считаем достаточным свидетельства писателей первых двух веков.

Итак, в подлинности наших Евангелий убеждают нас свидетели глубокой древности: непосредственные ученики Апостолов, языческие философы, обратившиеся ко Христу, и заклятые враги Его.

Свидетели эти не знали, о чем их будут спрашивать через 17–18 веков, и потому-то оставленные ими письменные показания (сочинения) особенно ценны для нас.

Если бы Цельс, Маркион, Валентин, Василид и другие враги Христа сомневались в подлинности Евангелий, то, конечно, попытались бы доказывать основательность своих сомнений. Но так как в их произведениях нет даже и намеков на подобные попытки, то следует заключить, что они вынуждены были отвергнуть всякие сомнения и признать подлинность Евангелий, и вынуждены были поступить так, конечно, не по легкомыслию своему, а по всестороннему исследованию. А если бы они могли догадаться, что через много веков найдутся такие люди, которые станут отвергать подлинность наших Евангелий, то едва ли стали бы в своих сочинениях ссылаться на Евангелия, как на несомненные писания учеников Иисуса Христа, едва ли бы стали делать из них дословные заимствования, едва ли оставили бы такое оружие против неверующих!

А языческие ученые, сделавшиеся христианами, — философы Иустин, Тациан, Климент, Афинагор, Феофил, — неужели могли, в поисках истины, принять такие книги, в подлинности которых не удостоверились после тщательного исследования?

А непосредственные ученики Апостолов, видевшие своими глазами составителей наших Евангелий, знавшие их лично, из их уст слышавшие то, что изложено в Евангелиях, и, быть может, списывавшие для себя Евангелия с рукописей самих Евангелистов, — неужели они могли приводить в своих посланиях

дословные выписки не из тех Евангелий, которые, так сказать, при них написаны, а из каких-то других?

В правдивости показаний всех этих свидетелей, по отношению к рассматриваемому нами вопросу, сомнений быть не может. А если все они свидетельствуют, что признавали наши Евангелия подлинными, и признавали их таковыми не по вере только, но и по убеждению, и имели притом все способы к составлению такого убеждения, то мы не имеем никакого основания отвергать их свидетельства.

Признав, таким образом, подлинность наших канонических Евангелий, мы должны теперь точнее исследовать вопрос о времени написания их.

Если Цельс в своем сочинении, написанном в середине второго века, повторяя сказанное в наших Евангелиях, говорит, что все это заимствовал из писаний учеников Иисуса; если Иустин Философ в своей 1-й Апологии, написанной около 150 года, приводя тексты Евангелий, поясняет, что так *передали Апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями*; если Игнатий Богоносец, в посланиях своих 107 года, приводя множество дословных заимствований из всех четырех Евангелий, говорит, что *Евангелие содержит пришествие Господа нашего Иисуса Христа, Его страдание и Воскресение...* то, основываясь на таких свидетельствах, мы должны признать, что все четыре Евангелия написаны в первом столетии.

Святой Ириней в своем сочинении "Пять книг против ересей" свидетельствует, что сначала написал Евангелие Матфей, потом Марк, затем Лука и после уже Иоанн; он же удостоверяет, что Матфей написал Евангелие в то время, когда Апостолы Петр и Павел благовествовали в Риме; что Марк, ученик и истолкователь Петра, передал письменно то, что было проповедано Петром; что Лука, спутник Павла, изложил в книге проповеданное Апостолом Павлом Евангелие, и что Иоанн также написал Евангелие во время пребывания своего в Ефесе (кн. 3. Гл. 1, 1).

Ириней был, как сказано выше, учеником Поликарпа, а Поликарп — учеником Апостола Иоанна; поэтому переданное Иринею предание о времени и последовательности составления четырех Евангелий могло дойти к нему не иначе, как через Поликарпа, от самого Апостола Иоанна.

Известно же, что Апостолы Петр и Павел потерпели мученическую смерть в Риме в царствование Нерона, которое окончилось в 68 году; следовательно, Евангелие Матфея написано до 68 года.

По преданию, сохраненному Климентом Александрийским, Апостол Матфей оставался в Иерусалиме до 15-го, а по преданию, записанному Евсевием, до 8-го года по Вознесении Иисуса Христа, и затем удалился на проповедь к другим народам; а так как, по свидетельству Папия, Ириней, Оригена, Иеронима и др., он написал свое Евангелие для евреев на еврейском языке, то надо полагать, что написал он его до отшествия своего к другим народам, то есть до 42–49 годов по Р. Х.

Евсевий Кессарийский в своей "Истории Церкви" (5, 10) передает сохранившееся до его времени (260–340 годов) предание о том, что глава Александрийской Школы Пантен путешествовал в Индию для проповеди учения Иисуса Христа и нашел там у местных жителей копию написанного на еврейском языке Евангелия Матфея; он узнал там, что в Индии проповедовал Апостол Варфоломей, который принес с собой и оставил там это Евангелие.

Евангелие, написанное Матфеем на еврейском языке, было вскоре переведено на общепотребительный в то время греческий язык; еврейский подлинник потерян, и никто из древних писателей его не знал. Предполагают, что перевод сделан самим Матфеем.

Марк, спутник Апостолов Павла и затем Петра, после их мученической смерти в Риме переселился в Александрию и был там первым епископом; это обстоятельство, то есть продолжительное пребывание Марка в Александрии (о чем свидетельствует Евсевий), придает особую силу достоверности свидетельству жившего тоже в Александрии некоторое время спустя Климента Александрийского, до которого поэтому

могло дойти верное предание о Марке. По рассказу Климента, сохраненному Евсевием, христиане, жившие в Риме, где Марк находился вместе с Апостолом Петром, просили Марка записать для них устную проповедь Петра. Апостол Петр не препятствовал этому и не побуждал; он порадовался ревности римлян и, когда написано было Евангелие, всенародно одобрил написанное. "И эта запись, — прибавляет Климент, — называется Евангелием Марка". Таким образом, свидетельства Иринейя и Климента заставляют нас признать, что Марк написал свое Евангелие ранее смерти Апостола Петра, то есть до 68 года.

Лука оканчивает свою книгу Деяний Апостольских известием о двухлетнем пребывании Апостола Павла в Риме; около этого времени, то есть около 63 или 64 года, она и была написана, так как если бы она была написана после, то в ней, несомненно, были бы описаны обстоятельства и последующей жизни Апостола Павла. Эта книга есть продолжение Евангелия, о чем сам Лука свидетельствует в самом начале ее (Деян. 1, 1); следовательно, Евангелие от Луки написано ранее 63 года.

Апостол Иоанн сам свидетельствует в своем Апокалипсисе, что был на острове Патмос *за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа* (Откр. 1, 9), то есть был сослан туда. Из начала 11 главы Апокалипсиса видно, что он написан до разрушения Иерусалима, то есть до 70 года, так как в этой главе говорится о храме, как еще стоящем. Климент Александрийский и Ориген говорят, что Иоанн был сослан тираном, не поясняя каким; но, имея в виду, что это могло случиться лишь до 70 года, надо признать, что Иоанн был сослан на остров Патмос в последний год царствования Нерона, то есть в 68 году, после смерти Апостолов Петра и Павла. А так как Иоанн написал свое Евангелие после Апокалипсиса, то несомненно, что оно написано после 68 года. По свидетельству Епифания, Иоанн написал Евангелие в глубокой старости, в царствование Домициана, которое, как известно, началось в 81 и окончилось в 96 году. Поэтому время написания Евангелия Иоанном надо отнести к восьмидесятым или началу девяностых годов первого столетия по Р. Х.

Относительно времени появления Апостольских писаний надо заметить, что первые христиане несомненно нуждались в письменном изложении того учения, какое проповедовали им Апостолы; несомненно также, что Апостолы должны были удовлетворять эту потребность обращающихся к Христу; и мы имеем доказательства, что Апостольские писания собирались и распространялись при жизни их авторов. Апостол Павел в послании своем к Колоссянам (4, 16) писал: **Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы.** А Апостол Петр во втором послании своем (3, 15–16) говорит: **И долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания.** Из этих слов Апостола Петра видно, что ему был известен *сборник посланий Павла*, а также и другие *Писания*, вероятно, тоже Апостольские. А из этого надо заключить, что собрание Апостольских писаний было сделано в те времена, когда живы были авторы их и другие очевидцы и служители Слова, которые могли удостоверить подлинность их; а потому подложность какого-либо писания могла быть тотчас же обнаружена.

2. Достоверность Евангелий

Признав, таким образом, наши четыре канонические Евангелия подлинными, то есть действительно написанными теми самыми лицами, имена которых они носят, нам надо еще решить вопрос: достоверны ли эти писания? Можно ли относиться с доверием ко всему в них написанному? Можно ли признать, что в действительности все так и происходило, как в них написано, и все так и было сказано, как Евангелисты записали?

Но прежде, чем представить доказательства достоверности Евангелий, послушаем, что говорят об этом люди неверующие в Иисуса Христа, как Богочеловека.

Они вычеркивают из Евангелий все рассказы о чудесах, считая чудеса, как нарушения законов природы, невозможными, недопустимыми; они называют баснями евангельские рассказы о рождении Иисуса и жизни Его до появления на Иордане; они отвергают, конечно, Его Воскресение и Вознесение и оставляют в Евангелиях только краткие, да и то искаженные ими сведения о замечательном Учителе из Назарета, Который будто бы был первоначально учеником Иоанна, а потом, когда Иоанн был взят под стражу, выступил с самостоятельным учением о нравственном возрождении народа еврейского. Но чтобы объяснить такой взгляд на евангельскую историю, они, и во главе их Давид Штраус (см. его соч. "Мифическая история Иисуса"), говорят, что вся история жизни Иисуса, в том виде, как она изложена в Евангелиях, развилась постепенно в воображении еврейского народа из предположения, что Иисус был Мессией. Ко времени жизни Иисуса евреи ждали явления Мессии, обещанного им Избавителя. Из произвольного, с большими натяжками, толкования ветхозаветных книг сложилось представление о том, каким именно должен быть Мессия; а воспоминания о замечательном Учителе из Назарета создали в народном воображении мысль о том, что именно этот Учитель и был ожидаемым Мессией. А раз такое представление создано, то для составителей Евангелий нетрудно было, путем различных выдумок, подделок и перетасовок, подогнать к Иисусу и приладить все ветхозаветные предсказания о Мессии; словом, нетрудно было из преданий об Иисусе создать басню о Мессии. По народным понятиям Мессия должен был:

— быть Сыном Божиим, — происходить из рода царя Давида, — родиться в Вифлееме, — быть, подобно Моисею (первому спасителю народа еврейского), преследуемым в детстве и чудесно спасенным, — быть, подобно Давиду, призванным к мессианскому служению и помазанным пророком, каковым должен явиться ветхозаветный Илия, — подобно народу израильскому, быть искушаемым в пустыне, — подобно Моисею, поститься сорок дней, и т. д.

И вот, для того, чтобы в народном представлении создать из Иисуса Мессию, предание приписало Ему все, что отвечало народным идеалам об Избавителе, но чего на самом деле совсем и не было. Чтобы оправдать на Иисусе народное представление о Мессии, как Сыне Божиим, фантазия составителей Евангелия Луки создает рассказ о явлении Марии Ангела, который прямо называет Ее будущего Сына Сыном Всевышнего, Сыном Божиим; а в рассказ о Крещении Иисуса, передаваемый первыми тремя Евангелистами, вводится вымысел о голосе Самого Бога, засвидетельствовавшем, что *Сей есть Сын* (Лк. 3, 22) Его. Чтобы сделать Иисуса потомком царя Давида и, следовательно, заставить Его родиться в Вифлееме, городе Давидовом, автор третьего Евангелия воспользовался известной ему переписью, бывшей в правление Квириния Сирией; и хотя эта перепись была сделана более чем через десять лет после рождения Иисуса, но составитель Евангелия, нисколько не стесняясь этим, ведет Марию и Иосифа в Вифлеем записаться в списки с тем, чтобы там в это время родился Иисус. С той же целью составители первого и третьего Евангелий выдумывают родословную Иисуса, производя Его от Давида. Чтобы подделать сходство первоначального детства Иисуса с детством Моисея и осуществить на Иисусе

пророчество волхва Валаама о восходящей звезде от Иакова, составитель первого Евангелия выдумал рассказ о волхвах, видевших звезду на востоке, о путешествии их в Иерусалим, поклонении их Младенцу Иисусу, бегстве Марии и Иосифа с Младенцем в Египет и возвращении их после смерти Ирода. Чтобы оправдать на Иисусе сходство Его с Моисеем, составители первых трех Евангелий уводят Иисуса в пустыню для сорокадневного поста. Чтобы придать Иисусу сверхъестественную силу, как Сыну Божию, народная фантазия не только приписала Ему совершение множества чудес, но даже воскресила Его после смерти и вознесла на небо. Словом, по мнению Штрауса, составители Евангелий, тщательно собирая все сказки о жизни Иисуса, нисколько не стеснялись в своих писаниях, чтобы подогнать дошедшее до них предание к еврейскому идеалу Мессии.

При дальнейшем последовательном изложении известных нам событий из жизни Иисуса Христа мы поговорим и о тех событиях, которые, по мнению Штрауса, созданы народной фантазией и разукрашены и систематизированы составителями Евангелий. Мы, конечно, коснемся вопроса и о том, возможно ли наших Евангелистов считать обманщиками, способными выдавать за истину созданные народной фантазией басни? Возможно ли подозревать их в умышленном искажении исторических фактов? Возможно ли считать их вообще способными говорить неправду? Теперь же займемся разбором основной мысли Штрауса.

В сознании еврейского народа выработалось представление о Мессии; и так как пришествия Его страстно желали и напряженно ожидали в то время все евреи, то нужен был только повод, чтобы эта идея Мессии отлилась в форму исторического рассказа о Нем, как Царе Израилевом. Таким поводом было явление и учение гениального Равви, Иисуса, Которому и навязано воображением Его последователей все, чего требовало тогдашнее народное верование от своего Мессии.

Так говорит Штраус. Между тем, все содержание наших Евангелий, вся эта история, которую он называет умышленной подделкой под идею о Мессии, да и воззрения ученых раввинов того времени, изложенные в Талмуде, доказывают, что евреи тогда создали себе представление о Мессии совсем не такое, какое сквозит почти в каждой строке Евангелий. Между еврейскими понятиями о Мессии и Евангельским Иисусом нет ничего общего: это две личности, диаметрально противоположные. Мессия евреев должен был быть величественным земным царем-завоевателем, который освободит их от подчинения Риму, покорит им все народы земли и сделает их главой над этими народами. Между тем Иисус Христос, как описывают Его Евангелисты, говорил, что царство Его — **не от мира сего** (Ин. 18, 36), Он отклонил страстное желание чудесно насыщенной Им толпы провозгласить Его Царем; Он постоянно внушал Своим ученикам, что Ему предстоят страдания и смерть на кресте; Он не только не оправдывал каких-либо завоеваний, то есть насилий, но даже заповедал любить врагов и не противиться злему злом, а побеждать его добром. Спрашивается, могла ли народная фантазия олицетворить в страдающем и униженном Иисусе идею о величественном Мессии, покорителе евреям всех народов? Конечно, не могла. Потому-то народ и не признал Иисуса за Мессию; потому-то он и требовал Его казни, как объявленного синедрионом лже-Мессии, не признанного даже пророком. Да и могло ли народное воззрение на Мессию, царству которого не будет конца, примириться с мыслью о возможности распятия Его на кресте? "Возможно ли распять того, кто будет царствовать вечно? Конечно, нет", — так рассуждали современные Иисусу евреи, и почти все (за исключением немногих друзей Его) отвернулись от Него.

Помимо этого, осуществление надежд Израиля на пришествие Мессии должно было начаться появлением ветхозаветного пророка Илии; однако Предтечу Иоанна, пришедшего в духе и силе Илии, синедрион не признал даже обыкновенным пророком. Хотя Иисус действительно родился в Вифлееме, но Его все считали уроженцем Назарета, из которого (по народной поговорке) не может быть ничего доброго; следовательно, и в этом отношении с именем Иисуса Назарянина не могло быть связано представление о Мессии. Иисус постоянно нарушает закон о субботе, не соблюдает преданий старцев, основывает Царство

не Мессии, а Божие и провозглашает новый закон; но это Царство и этот закон — конец мечтам евреев об их могуществе, конец и их закону. Наконец, что особенно оскорбляет вождей еврейского народа и служит для них величайшим соблазном, это наименование Иисусом Себя Сыном Божиим. Понятие о Сыне Божиим совсем не вязалось с представлением евреев о Мессии. Это-то и послужило главным пунктом обвинения Иисуса как в синагоге, так и перед Пилатом.

Итак, следует признать, что между историческим Христом, каким Он изображается в Евангелиях, и представлениями современных Ему евреев о Мессии нет ничего общего; еврейские понятия о Мессии не укладываются в тот образ Христа, который начертан в Евангелии; и потому мнение Штрауса о том, что народное предание и составители Евангелий подделывали рассказы о событиях жизни Иисуса Христа для неперемного олицетворения во Христе мессианской идеи, оказывается плодом его собственной пылкой фантазии и желания его во что бы то ни стало и чем бы то ни было подтвердить свою личную идею об Иисусе Христе.

Покончив, таким образом, с фантазией Штрауса о мифическом Иисусе, перейдем теперь к обсуждению и разрешению вопроса о достоверности наших Евангелий.

Евангелисты Матфей и Иоанн были непосредственными учениками (Апостолами) и спутниками Иисуса Христа, свидетелями очевидцами последних лет Его земной жизни, Его учения и совершенных Им чудес; Марк записал в своем Евангелии лишь то, что такой же свидетель-очевидец, Апостол Петр, проповедовал об Иисусе Христе в Риме; а Лука исследовал все события земной жизни Иисуса Христа и в своем Евангелии представил тщательно проверенные сведения, добытые им не только от служителей Слова, Апостолов, но и от других очевидцев.

Таким образом, Евангелия Апостолов Матфея и Иоанна следует рассматривать как показания свидетелей-очевидцев, собственноручно ими же написанные; Евангелие Марка — как показание Апостола Петра, тоже свидетеля-очевидца, записанное с его слов другим лицом и им же одобренное; а Евангелие Луки — как систематический сборник показаний Апостолов и других очевидцев, поименно не названных, к числу которых, однако, несомненно, принадлежит и Пресвятая Дева Мария.

То обстоятельство, что составители трех Евангелий были свидетелями-очевидцами жизни Иисуса Христа, Его учения и чудес, доказывает, что они действительно сами видели и слышали то, о чем свидетельствуют. Но этого недостаточно для признания их показаний истинными: надо еще знать — *как* они видели и *как* слышали, потому что можно *видя* — *не видеть* и *слыша* — *не слышать*, то есть можно вовсе не понимать виденное и слышанное или же понимать превратно.

При разрешении этого вопроса надо, прежде всего, иметь в виду, что почти все иудеи того времени ожидали Мессию в блеске земного величия как великого царя-завоевателя, который покорит им все народы земли и будет царствовать вечно, и что таких понятий о Мессии не чужды были и Апостолы. Сопровождая Иисуса Христа в Его путешествиях, присутствуя при совершении Им чудес и слушая Его учение, они под влиянием этих ложных понятий о Мессии все-таки ожидали, что Он, наконец, провозгласит Себя Царем, и потому долго не могли признать, что Царство Христа *не от мира сего*. Несмотря на прямое объяснение им Иисусом Христом цели Своего пришествия на землю, они много раз обнаруживали недостаточность веры в своего Учителя; а когда приблизился конец Его общественного служения на земле, когда повели Его на распятие, они сочли все потерянным и, под влиянием страха преследования со стороны врагов Христа, все, кроме Иоанна, разбежались. Только явление воскресшего Христа утвердило их в вере, да и то Фома, отсутствовавший при первом явлении, потребовал *осязательных* доказательств Воскресения Его.

Таким образом, следует признать, что часто обнаруживаемое Апостолами *маловерие* несомненно охраняло их от увлечений и заблуждений, давая, вместе с тем, полную возможность спокойно вдумываться

во все виденное и слышанное. Такие поразительные чудеса, как воскрешения мертвых, всенародно совершенные Иисусом Христом, казалось, должны были произвести на Апостолов сильнейшее впечатление, под давлением которого *маловерие* должно было уступить место *слепой вере*. Но Апостолы дошли до *сознательной*, а не *слепой веры* в Иисуса Христа, и притом дошли до сознательной веры постепенно, имея полный простор для свободного и спокойного размышления; а эта-то постепенность перехода Апостолов от маловерия к сознательной вере освобождает их, как свидетелей, от всяких подозрений в увлечении и неправильной передаче виденного и слышанного.

Дойдя до такой сознательной веры, они пошли во все страны известного тогда мира, везде открыто свидетельствовали о том, чему сами были очевидцами и чему учил их Христос. Скромные галилейские рыбаки не побоялись идти в неведомые страны возвещать религию любви, не остановились перед натиском врагов Христа, перед сопротивлением со стороны язычников, перед гонениями, истязаниями и даже мученической смертью; а это доказывает, что никакая сила не могла поколебать их сознательной, основанной на убеждении веры в воскресшего Христа.

Рассматривая показания Апостолов как обыкновенных свидетелей, мы должны иметь в виду, что обыкновенному человеку свойственно скрывать или оправдывать свои дурные поступки, ошибки и заблуждения. Поэтому свидетели, вообще правдивые, вполне достоверные относительно событий, в которых лично не принимали никакого участия, а были только свидетелями (в буквальном смысле этого слова), нередко перестают быть правдивыми, как только речь заходит об их собственных деяниях: о своих ошибках и проступках они или вовсе умалчивают, или же, выходя из роли безличного повествователя, начинают говорить пристрастно, с явным намерением скрыть истину и изобразить себя в лучшем виде. Уклонение же свидетеля от истины по отношению к самому себе отчасти подрывает доверие и к прочим частям его показания.

Но Апостолы говорят и о своих ошибках и грехах, ничуть не стараясь обелить себя, нисколько не скрывая своего *маловерия*, которое они так часто проявляли.

Услышав свидетельство Иоанна Крестителя об Иисусе, ученики его, Андрей и Иоанн, пошли за Иисусом и пробыли у него тот день; а потом Андрей говорит брату своему Симону: Мы нашли Мессию и приводит его к Иисусу (Ин. 1, 37–42). И после этого, после многих чудес, совершенных Иисусом, — после чудесного улова рыбы, вызвавшего восклицание Петра: **Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный** (Лк. 5, 8), после укрощения бури, — Апостолы в страхе рассуждают: **Кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?** (Мк. 4, 41). После первого насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, после хождения Иисуса по морю и спасения утопавшего вследствие маловерия Петра, после сказанных Петром слов: **Ты — Христос, Сын Бога живого,** — те же Апостолы, ввиду множества окружавшего Иисуса народа, которому нечего было есть, говорят: **Откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их?** (Мк. 8, 4). Такое же маловерие обнаружено и в вопросе: **Как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?** (Мф. 17, 10) и в просьбе: **Господи! Покажи нам Отца** (Ин. 14, 8), и в других случаях, перечислять которые нет надобности. И обо всем этом Апостолы повествуют, не проявляя даже и намерения сколько-нибудь оправдать себя. Мало того, Апостол Петр, проповедуя в Риме, говорил своим слушателям о своем трехкратном отречении от Христа со всеми подробностями, записанными с его слов Евангелистом Марком (Мк. 14, 66–72). Апостолы не постеснялись признаться, что по взятии Иисуса под стражу все они разбежались (Мф. 26, 56; Мк. 14, 50).

Говорить же так откровенно и правдиво о своих сомнениях, заблуждениях и грехах могут только люди, для которых правда дороже своего личного я, дороже всего на свете, которые, притом, сознали свои ошибки и грехи и всенародно покаялись в них. А потому, если Апостолы говорят правду, во всей ее наготе, даже о своих грехах, то следует признать, что они говорят такую же правду и о тех событиях, при которых

были только свидетелями-очевидцами.

С другой стороны, особый характер достоверности приобретает показание свидетеля, относящегося к большой скромностью к своим хорошим поступкам, заслуживающим безусловной похвалы. Таким свидетелем, в особенности, мы должны считать Апостола Иоанна; так, например, Евангелист Матфей и Марк свидетельствуют, что все ученики Иисуса, оставив Его, разбежались; но сам Иоанн, не побоявшийся потом явиться на Голгофу, стоять у Креста и, по повелению Иисуса, принять на свое попечение Его Матерь, хотя и говорит об этом в своем Евангелии, но как в этом, так и в других случаях, не называет себя по имени, а ограничивается скромным указанием, что то был ученик Иисуса.

Итак, следует признать, что Апостолы, письменные показания которых мы рассматриваем, действительно видели совершенные Иисусом Христом чудеса и слышали Его учение, вполне сознательно усвоили все виденное и слышанное, свои показания обо всем этом, а также о своих заблуждениях и грехах передали сначала устно, а затем изложили и письменно, и не отреклись от своих слов ни при истязаниях, ни даже на кресте; а такие свойства свидетелей придают безусловную достоверность их показаниям.

Все сказанное относится к Евангелиям Матфея, Марка и Иоанна, как к показаниям Апостолов Матфея, Петра и Иоанна, свидетелей-очевидцев. Евангелист же Лука не принадлежал к числу Апостолов и потому не был таким же, как они, очевидцем. Хотя предание причисляет Луку (как и Марка) к 70 ученикам Иисуса Христа и не сомневается в том, что он был одним из двух учеников, которым по дороге в Эммаус явился Иисус Христос после Своего Воскресения, однако, сам Евангелист Лука об этом ничего не говорит; поэтому будем считать его только историком, собирателем тщательно исследованных сведений.

Называя свое Евангелие повествованием о **совершенно известных... событиях**, записанных им так, **как передали их бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова**, Евангелист Лука тем самым удостоверяет, что сообщенные им сведения составляют показания свидетелей, из которых одни были **с самого начала очевидцами**, а другие — **служителями Слова**, то есть Апостолами.

К очевидцам, бывшим с самого начала, несомненно, надо причислить Пресвятую Деву Марию, так как только от Нее одной Лука мог узнать подробности явления Ей ангела-благовестника, свидания ее с Елисаветой, путешествия Ее с Иосифом в Вифлеем, рождения Иисуса Христа, явления ангела пастухам, поклонения последних Божественному Младенцу, встречи с Симеоном и пребывания двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалимском храме, а также, пожалуй, и подробности рождения Иоанна Предтечи. В этом убеждает нас сам Лука, оканчивающий повествование об этих событиях таким пояснением: **и Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем** (Лк. 2, 51); выражение "**слова сии**" доказывает, что все изложенное выше, то есть вся первая глава Евангелия с 5-го стиха и 51-й стих второй главы, содержат в себе *слова Матери Его*, которые Она *сохраняла в сердце Своем*.

Все прочее, изложенное в Евангелии Луки, начиная с 3-й, главы, передано ему, как он сам о том свидетельствует, служителями Слова, то есть Апостолами. О достоверности показаний Апостолов сказано выше, но о правильности передачи Евангелистом Лукой их показаний мы имеем возможность судить потому, что все Евангелие Луки впоследствии было рассмотрено Апостолом Иоанном перед составлением им своего Евангелия. Составляя свое Евангелие, Иоанн имел под руками все три ранее написанные Евангелия; это доказывается не только преданием, но и содержанием самого Евангелия Иоанна. Он обошел молчанием события, подробно описанные другими Евангелистами, и со своей стороны описал только те события, которые или опущены первыми тремя Евангелистами, или недостаточно подробно ими изложены. Если бы Иоанн нашел Евангелие Луки неверным, то, конечно, исправил бы в своем Евангелии все его погрешности; но так как Иоанн, дополнив некоторые места всех трех Евангелий, оставил Евангелие Луки без исправления, то следует признать, что он считал это Евангелие истинным.

Помимо этого, вся деятельность Луки, как спутника и сотрудника Апостола Павла, заставляет

относиться к нему с полным уважением, устраняющим даже и тень недоверия.

Итак, личные качества Апостолов Матфея, Петра и Иоанна, а также Евангелистов Марка и Луки, ручаются за достоверность всего ими рассказанного, и мы со спокойной совестью можем применить к Апостолам и тем очевидцам, бывшим с самого начала, на которых ссылается Евангелист Лука, слова Евангелиста Иоанна: **И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили** (Ин. 19, 35).

Достоверность некоторых сказаний Евангелистов подтверждается, в главнейших чертах, и современными им языческими и иудейскими писателями.

Пилат донес римскому императору Тиверию о том, что Христос был распят и воскрес из мертвых, что об этом событии известно всем в Палестине, что Его почитают многие за Бога, и что сам Пилат слышал о Его чудесах. Тиверий, получив это донесение, велел римскому сенату включить Иисуса Христа в число богов. Об этом свидетельствуют Тертуллиан и Евсевий, причем Тертуллиан, в своей "Апологии", обращаясь к правителям Рима, ссылается в подтверждение своих слов на документы, хранившиеся в их архивах: "Справьтесь с вашими летописями!". Надо заметить, что Тертуллиан писал в то время, когда христианство считалось зловредной сектой, и потому едва ли он решился бы так смело сослаться на римские документы, если бы в них не было записано донесение Пилата. "Справьтесь с вашими летописями, — говорил он, — и вы увидите, что я говорю правду!" А что он действительно говорил правду о донесении Пилата, это подтверждается тем впечатлением, какое произвело это донесение на императора Тиверия: соглашаясь признать божество Иисуса Христа, Тиверий не преследовал христиан, и в его правление христианство распространялось беспрепятственно в пределах Римской Империи.

Тацит (язычник, римлянин, родился в 54 году по Р. Х.) занес в свою летопись (15, 44), что в правление Тиверия, при Понтии Пилате, Христос был казнен, что Христос — основатель христианской секты, быстро распространившейся по всей Империи и вызвавшей против себя гонения Нерона.

Плиний Младший, современник Тацита, в письме своем к императору Траяну свидетельствует о быстром распространении христианства в Малой Азии, о нравственной чистоте и твердости христиан, несмотря на жестокие преследования, и о поклонении их Христу, как Богу.

В *Талмуде*, сборнике устных иудейских преданий и раввинских объяснений закона, во второй его части, называемой "Гемара", составленной в Палестине около 390 года по Р. Х., говорится о том, что Иисус Христос совершая чудеса, но чудеса те приписываются Талмудом действию злого духа. Талмуд относится вообще крайне враждебно к Иисусу Христу и, говоря о Нем, употребляет такие выражения: "Да погибнет имя Его и да исчезнет память Его!" При таком явном пристрастии Талмуда, лишаящем его значения достоверного исторического исследования, для нас важно свидетельство его о том, что Христос совершал чудеса. Если составители Талмуда, заклятые враги Христа, не решились отвергать факта совершения Им чудес, а только приписали их действию сатаны, то из этого надо вывести заключение, что совершение Иисусом Христом чудес — вне всякого сомнения.

Иосиф Флавий, иудейский историк, родившийся в 37 году по Р. Х., в своем сочинении "Иудейские древности" (кн. 18, гл. 3, отд. 3) так говорит об Иисусе Христе: *"Около этого времени жил Иисус, мудрый человек, если нельзя иначе назвать Его, как только человек: ибо Он совершил дела чудные, учил тех, которые с охотой приемлют истину. Он приобрел Себе много последователей, как из Иудеев, так и из язычников. Он был Мессия (Христос). Несмотря на крестную смерть, на которую Пилат, по требованию старейшин народа, осудил Его, первые ученики Его не оставили прежней к Нему любви. Он явился им живым три дня спустя после Своей смерти, как предсказали пророки об этом и о других чудесах Его жизни; и до сего дня последователи Его продолжают существовать под именем христиан, которое они имеют от Него"*.

Приведенное выше свидетельство Иосифа Флавия об Иисусе Христе находится во всех рукописях его сочинения и приводится историком Евсевием (кн. 1, гл. 11) без всякого сомнения в подлинности, как несомненно принадлежащее Иосифу. Но новейшие критики-отрицатели признают это свидетельство, в настоящем его виде, подложным на том основании, что: 1) оно не упоминается ни одним из христианских писателей до Евсевия, как-то: Иустином Мучеником, Климентом Александрийским, Оригеном, Тертуллианом и другими; между тем, подобное свидетельство Иосифа Флавия было бы серьезным оружием в их руках при защите христианства от нападений язычников и евреев; и 2) что это свидетельство не согласуется с характером и верованием Иосифа, не принадлежавшего к числу христиан.

На это можно возразить:

1) много сочинений христианских писателей первых трех веков (до Евсевия) не дошло до нас; может быть, в этих-то затерянных сочинениях и содержались ссылки на Иосифа Флавия? Поэтому, отвергать подлинность свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе Христе на том основании, что в сохранившихся сочинениях христианских писателей о нем ничего не говорится, едва ли возможно;

2) Иосиф Флавий свидетельствует о таких событиях, в достоверности которых тогда никто не сомневался; а потому и защитникам христианства нечего было ссылаться в своих сочинениях на свидетельство Иосифа, получившее значение лишь теперь, ввиду нового похода со стороны атеистов на достоверность Евангелий; и

3) Иосиф Флавий, не будучи христианином, дал такое свидетельство об Иисусе Христе не потому, что уверовал в Него, как Мессию, а потому, что счел необходимым, как историк, внести в свою летопись общеизвестные факты.

Впрочем, отвергать всецело это свидетельство Иосифа не решается даже Ренан, потому что сознает, что умолчание Иосифа об Иисусе Христе было бы более неправдоподобным, чем это свидетельство. Вот почему он признает это свидетельство подлинным, но полагает, что христианская рука тронула некоторые места его, и потому считает, что вместо слов "Он был Мессия" следует читать "Он был назван Мессией". Делая такую ни на чем не основанную поправку, Ренан не замечает, что повторяет слова первосвященников Иудейских, говоривших Пилату: **Не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский** (Ин. 19, 21). Как будто такая перефразировка могла изменить сущность дела? Пусть Иосиф Флавий не признает Иисуса Христа Мессией; для нас достаточно свидетельства его о том, что Иисус *"был назван Мессией, совершил дела чудные и явился живым три дня спустя после Своей смерти"*.

В том же сочинении своем ("Иудейские древности") Иосиф Флавий так говорит об Иоанне Крестителе: "Некоторые иудеи видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны господина Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивые чувства к Предвечному и собираться для омовения. "При таких условиях, — учил Иоанн, — омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения тела, тем более, что души их заранее успеют очиститься". Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, то Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повлекло к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в окопах послан в Махерон и там казнен" (кн. 18, гл. 5, отд. 3).

Неверующие в Бога говорят, что все в мире совершается по законам природы, нарушение которых невозможно, что чудеса, как нарушения этих законов, тоже невозможны, и что поэтому сказания Евангелистов о чудесах неправдоподобны.

Главнейшее из описанных Евангелистами чудес есть чудо Воскресения Иисуса Христа; поэтому, если может быть доказана действительность этого чуда, то тем самым будет доказана достоверность и остальных чудес, записанных Евангелистами.

Против действительности чуда Воскресения Иисуса Христа приводят обыкновенно три возражения:

- 1) ученики Иисуса украли Его тело и разгласили, что Он воскрес;
- 2) Иисус не умер на кресте, а был погребен мнимоумершим, затем ожил и явился Своим ученикам;
- 3) Иисус воскрес не в действительности, но лишь в воображении Его учеников.

Рассмотрим эти возражения по порядку.

Евангелист Матфей свидетельствует, что после погребения Иисуса Христа, на другой день, в субботу, пришли к Его гробу (пещере, высеченной в каменной скале) первосвященники и фарисеи, приложили к камню, которым заложен был вход в пещеру, печать и приставили стражу, дабы **ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу, что Он воскрес из мертвых** (Мф. 27, 64–66).

Принимая такие предосторожности, как прикладывание печати синедриона к камню и приставление стражи, они, конечно, предварительно удостоверились — в гробу ли тело Иисуса, не украдено ли оно Его учениками в предшествовавшую ночь; если бы тела уже в то время не было в гробу, то незачем было и стражу приставлять. Поэтому следует признать, что первосвященники и фарисеи тогда только успокоились, когда увидели тело Иисуса Христа лежащим в гробу; только тогда они приложили к камню печать, поставили стражу и удалились.

Из дальнейшего повествования Евангелиста Матфея мы знаем, что когда Иисус Христос воскрес и стражники объявили о том первосвященникам, то **сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были** (Мф. 28, 11–15).

Вот как было дело. Чтобы лучше разобраться в нем, надо, прежде всего, узнать, какая стража стояла у гроба Господня.

Охранявших гроб Евангелист называет *воинами* (Мф. 28, 12); а так как служители храма и синедриона не были воинами, то следует признать, что охраняла гроб воинская стража. Но из каких воинов она состояла и кому была подчинена?

Некоторые толкователи Евангелия говорят, что стража была иудейская, состоявшая из воинов постоянного еврейского отряда, который, как народное войско, находился в подчинении синедриона и был вне всякой зависимости от римского правителя. В подтверждение этого приводят изречение Пилата: **Имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете** (Мф. 27, 65). "Если (говорят) Пилат сказал первосвященникам — **имеете стражу**, — то, значит, они действительно имели свою собственную стражу. Потому-то (говорят) и не предали суду воинов, охранявших гроб и согласившихся признаться, что на карауле спали". Воины эти были подчинены синедриону; и, конечно, синедрион, покупая у них такое согласие, не мог предать их суду за нарушение караульной службы.

Но если бы это было так, если бы синедрион действительно имел свой собственный воинский отряд, состоящий из преданных ему евреев и не подчиненный в служебном отношении Пилату, то зачем первосвященники и старейшины обещали воинам, охранявшим гроб Господень, свое заступничество перед Пилатом? Ведь они сами, без Пилата, могли освободить их от всякой ответственности. А если такое предстательство было обещано, то это означает, что охраняли гроб подчиненные Пилату римские воины. Им, действительно, угрожала бы большая ответственность, если бы Пилат узнал, что они спали на карауле

все до единого. В римских войсках была строгая дисциплина, нарушение которой наказывалось беспощадно. Мы знаем, что когда Апостол Петр был чудесным образом освобожден из темницы, то Ирод казнил воинов, карауливших его (Деян. 12, 19). Такой же казни подлежали и те воины, на дежурстве которых произошло бы похищение тела Иисуса. Однако, воинов, охранявших гроб Господень, не только не казнили, но даже не судили. Почему же их не судили? Ведь если они, исполняя поручение синедриона, разглашали, что спали на карауле и что в это время Апостолы украли тело Иисуса, то слух о таком нарушении караульной службы должен был дойти до Пилата; и Пилат не мог оставить его без расследования; расследовав же, не мог оставить без наказания виновных; и, конечно, предстательство ненавистного Пилату синедриона не могло бы освободить от ответственности виновных воинов. А потому следует признать, что если этих воинов не судили, то на это были особые причины, о которых я скажу ниже.

Продолжая доказывать, что охраняли гроб Господень римские воины, спрощу еще: если бы синедрион имел свое собственное еврейское войско, то зачем же первосвященники ходили к Пилату и просили его, чтобы *он* приказал охранять гроб до третьего дня? Не лучше ли было бы, не унижаясь перед язычником, приказать воинам своей еврейской стражи охранять гроб, тем более что к своей страже первосвященники должны были относиться с большим доверием? Имея свой воинский отряд, первосвященники не обязаны были бы спрашивать у Пилата разрешения приставить часть отряда ко гробу. А если первосвященники просили Пилата, чтобы *он* приказал охранять, то это самое доказывает, что речь шла о страже из подчиненных Пилату римских воинов и что обратились первосвященники с такой просьбой к Пилату потому, что сами не имели никакого воинского отряда. Иосиф Флавий, еврейский историк первого века, удостоверяет, что на время пасхи римские правители Иудеи посылали к храму Иерусалимскому особый отряд римских воинов для охранения порядка ("Иудейские древности". Кн. 20. 1л. 5). Этот отряд, если и не был подчинен в служебном отношении первосвященникам, все-таки должен был руководствоваться их указаниями и советами по охранению порядка, должен был помогать им. Но и при таких отношениях к этому отряду римских воинов первосвященники не могли поручить ему (или части его), без особого разрешения Пилата, охрану гроба Господня на такое продолжительное время, *до третьего дня*. Потому-то они, не имея собственного воинского отряда, пошли к Пилату просить, чтобы *он приказал охранять гроб*. Пилат не мог простить первосвященникам то насилие, какое они учинили над ним, заставив его предать смерти ни в чем не повинного Праведника (Мф. 27, 19). Он уже высказал им свое негодование, резко ответив на просьбу об изменении надписи на кресте: **что я написал, то написал** (Ин. 19, 22). Так же резко ответил и теперь Пилат на просьбу приказать охранять гроб: **имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете** (Мф. 27, 65). Говоря так, Пилат, конечно, подразумевал ту стражу из римских воинов, которая охраняла порядок при храме. С другой стороны, если бы синедрион действительно имел свой еврейский отряд воинов, то несомненно, что воины этого же отряда были бы посланы синедрионом и в Гефсиманский сад взять Иисуса под стражу; и **тысяченачальник**, явившийся с воинами в этот сад (Ин. 18, 12) был бы тоже тысяченачальником того же еврейского войска. Но одно уже слово "тысяченачальник", то есть командующий тысячным отрядом воинов, доказывает всю неправдоподобность такого предположения. Евреи постоянно бунтовали против римской власти, особенно в дни своей пасхи; и потому нет ни малейшего основания предполагать, что римляне позволили им иметь в Иерусалиме свое собственное войско, да еще в таком значительном составе. Такой непростительной ошибки никогда не сделало бы римское правительство, умевшее держать в строгом подчинении покоренные народы.

Итак, самое присутствие тысяченачальника в том воинском отряде, который вел Иуда в Гефсиманский сад, доказывает, что и воины этого отряда, и сам тысяченачальник были из римского войска. А это, в свою очередь, доказывает, что если первосвященники не могли послать своих собственных воинов в Гефсиманский сад для исполнения наисерьезнейшего, по их мнению, поручения, для осуществления заветной мечты своей, то, значит, у них и не было своего войска.

К тому же Евангелист Матфей, писавший свое Евангелие для евреев, назвал охранявшую гроб стражу по-римски *кустодией* (custodia), а не по-еврейски; и это дает основание утверждать, что стража была из римских воинов.

Все это в совокупности приводит к несомненному убеждению, что охраняли Гроб Господа римские воины.

Остается теперь дознать, как поступили в действительности те римские воины, которых первосвященники и старейшины уговорили поддержать придуманную ими басню о похищении тела Иисуса. Евангелист Матфей удостоверяет, что не все воины, охранявшие гроб Господень, а лишь **некоторые** из них, пришли к первосвященникам и объявили обо всем случившемся. Подкупая этих воинов, первосвященники и старейшины сказали им: "Скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали. И если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим". Они, взяв деньги, **поступили, как научены были** (Мф. 28, 11, 15).

Итак, не все воины, караулившие гроб Господа, а лишь **некоторые** из них, подкупленные первосвященниками и старейшинами, поступили, как научены были. А научены они были *сказать*, что ученики Иисуса украли тело Его. Научены были сказать: кому? Конечно, не Пилату, который казнил бы их за это. А если не Пилату, то кому же? Распространять в народе слух о похищении тела Иисуса было бы для этих воинов весьма рискованно; к тому же о распространении этого слуха должны были позаботиться сами заинтересованные в том первосвященники; и они действительно позаботились об этом, но не сейчас, а несколько позднее. Следовательно, от подкупленных воинов требовалось не распространение нелепого слуха, а лишь негласное подтверждение его, если бы в этом встретилась надобность; требовалось лишь *сказать* тем, кто у них будет спрашивать об этом. Выражение Евангелиста "*поступили, как научены были*" еще не доказывает, что подкупленные воины на самом деле подтверждали слух о похищении тела Иисуса; выражение это скорее можно понять в том смысле, что подкупленные воины изъявили согласие поступить так, как учили первосвященники: их просили *сказать*, и они могли ответить: "Хорошо, скажем". Но, давая такой ответ, воины эти прекрасно понимали, что просьба первосвященников неисполнима, так как, исполняя ее, они должны сознаться в совершении тяжкого воинского преступления и подвергнуться за него смертной казни. Поэтому следует признать, что воины эти, хотя и взяли от первосвященников деньги и надавали им много обещаний, но слуха о похищении тела Иисуса не только не распространяли, но даже и не поддерживали опасным для них же лжесвидетельством.

Что сами первосвященники первое время не распространяли слуха о похищении тела Иисуса, и что, вследствие этого, подкупленным воинам не пришлось подтверждать его, это видно из книги "Деяния Апостолов", написанной Евангелистом Лукой. В этой книге ничего не говорится об этом слухе. Значительно позже, когда проповедь Апостолов привлекала ко Христу множество людей во всех странах известного тогда мира, первосвященники (как удостоверяет Иустин Философ в своем "Разговоре с Трифоном-иудеем", гл. 108), "разослали по всей вселенной избранных мужей (конечно, евреев) разглашать, что появилась безбожная и беззаконная ересь через Иисуса, какого-то Галилеянина, Которого мы распяли, но ученики Его ночью похитили Его из гроба, где Он был положен по снятии с креста, и обманывают людей, говоря, что Он воскрес из мертвых и вознесся на небо".

Итак, **некоторые** из охранявших гроб Господа римских воинов пришли к первосвященникам объявить о случившемся и, приняв от них **довольно денег**, *обещали* поддерживать клевету о похищении тела Иисуса. А другие воины, охранявшие гроб, куда пошли? Если **некоторые** пошли к первосвященникам, как поставившим отряд на караул, то остальные должны были пойти к своему начальству, чтобы доложить о чудесном событии, свидетелями которого они были. И надо полагать, что они или прямо пошли к Пилату, или же были вызваны к нему после того, как доложили обо всем своему непосредственному начальнику, а

этот последний доложил самому Пилату. Хотя Евангелист не поясняет, куда пошли остальные, кроме *некоторых*, воины, но мы, на основании других данных, можем утверждать, что Пилат узнал о свершившемся чуде именно от этих воинов. Ведь он донес римскому императору Тиверию о Воскресении Христа (см. выше) и, конечно, не решился бы делать такое донесение на основании слухов, неизвестно от кого исходящих; если он донес Тиверию о Воскресении Христа, как о совершившемся событии, то, несомненно, основал свое донесение на личном докладе ему тех воинов, которые были свидетелями чудесного события.

Вот и прямой ответ на вопрос: почему Пилат не казнил воинов, спавших будто бы при охране гроба? Не казнил потому, что они в действительности не спали, охраняя гроб, и ничего преступного не совершили.

Такое исследование вопроса о воинах, охранявших гроб, доказывает не только полную несостоятельность мнения о похищении тела Иисуса учениками Его, но и действительность самого события Воскресения Христова. Но, не ограничиваясь этим исследованием, пойдём дальше.

Если бы действительно Апостолы украли тело Иисуса, то неужели озлобленные враги Христа не пожелали бы воспользоваться удобным случаем, чтобы сразу избавиться и от всех ближайших учеников Его? Неужели они не потребовали бы от Пилата и их крови? Ведь расследованием этого дела и казнью Апостолов они не только оправдались бы перед народом за отвержение Иисуса, но еще и значительно укрепили бы в своем влиянии на него. Однако, ничего подобного синедрин не предпринимает. Мало того, через несколько недель, когда Апостолы своей проповедью о Воскресении Иисуса стали обращать к Нему тысячи евреев, и синедрин потребовал их к себе, то и здесь он не решился обвинить их в похищении тела Иисуса, а ограничился лишь запрещением проповедовать (Деян. 6, 18).

Что же за причина такого поведения первосвященников, фарисеев и старейшин народных? Причина понятна: сами они выдумали сказку о похищении тела Иисуса и потому прекрасно понимали, что возбуждение преследования против Апостолов обличит их самих в обмане, навлечет на них страшную ответственность и усилит в народе веру в действительное Воскресение Иисуса. Они решили, что лучше молчать, и затем, по прошествии некоторого времени, обратиться в свою пользу невыясненность дела; тогда еще кто-нибудь поверит им, а при возбуждении преследования против мнимо виновных никто не поверит. Вот почему они постыдно молчали.

Обратимся теперь к Апостолам и постараемся понять: могли ли они похитить тело Иисуса? Апостолы, несомненно, любили Иисуса, верили в Него, как в Мессию, и с нетерпением ожидали то счастливое время, когда Он откроет Свое Царство, где они займут почетнейшие места. Они, как и все евреи того времени, верили, что Мессия будет царствовать вечно, следовательно, умереть не может. Вот почему им всегда были непонятны слова Иисуса о предстоящей Ему смерти; они не хотели верить в возможность Его смерти, а потому и не придавали никакого значения Его словам о Воскресении; они считали эти слова за иносказания, притчи, к каким так часто прибегал их Учитель. И вдруг — Иисуса распинают! Он умер и погребен, как и все люди! "Если Он умер (могли рассуждать Апостолы), то, значит, Он не Мессия; а если Он не Мессия, зачем же Он обманывал нас?"

Мысли эти, несомненно, должны были волновать Апостолов. А если в души их закралось сомнение, если они считали себя обманутыми, то спрашивается: какое дело было им до тела Того, Кто ввел их в такое ужасное заблуждение? Ведь они, кроме Иоанна, не любопытствовали даже узнать, где погребен Христос; они не нашли нужным пойти, подобно женам-мироносицам, ко гробу Иисуса, чтобы воздать телу Его обычный долг уважения и почета! А при таком душевном состоянии Апостолов похищение ими тела Иисуса было бы бессмысленным и бесцельным, но вместе с тем и крайне опасным делом. Вход в пещеру, где лежало тело, был завален громадным камнем и охранялся вооруженной стражей. Прийти, отвалить

камень, войти в пещеру, взять тело и унести его и совершить все это так, чтобы стражники не заметили ничего, — да это более чем невозможно! С другой стороны, если бы Апостолы верили, что Иисус воскреснет, то и в таком случае похищение ими Его тела было бы бесцельным, даже безрассудным: к чему похищать тело, если оно в третий день будет воскрешено?

Наконец, если бы враги Иисуса намеревались издеваться над Его телом, то в таком только случае у учеников Его могла возникнуть мысли о перенесении тела в безопасное место; но ничего подобного со стороны врагов не обнаружено; напротив, Иисуса похоронили по всем обрядам еврейским. К тому же не представлялось никаких поводов даже к возбуждению подобного вопроса, во-первых, потому, что издевательство над телом умершего не могло обойтись без прикосновения к нему, всякое же прикосновение к умершему считалось осквернением; и во-вторых, потому еще, что евреи, как об этом свидетельствует Иосиф Флавий ("Иудейская война". Кн. 4. Гл. 5, 2), так заботились о скорейшем и непременно погребении умерших, что даже пригвожденных ко кресту по судебному приговору снимали с крестов до захода солнца и погребали.

Помимо всего этого, следует признать, что Апостолы, по своим нравственным качествам, не способны были похитить тело Иисуса и затем ложно уверять всех, что Он воскрес. Ведь они пронесли по всему миру проповедь о воскресшем Христе и не отреклись от своей веры в Его Воскресение ни при гонениях, ни даже тогда, когда их вели на казнь за эту веру. Значит, они непоколебимо верили в то, что Иисус действительно воскрес; а такой веры они не могли бы иметь, если бы сами похитили тело Иисуса и спрятали от Его врагов. И что заставило бы их уверять всех, что Иисус воскрес, если бы Он не воскресал? Прежняя любовь к Нему? Но эта любовь должна была бы не только угаснуть, но даже превратиться в ненависть, так как они поняли бы, что были обмануты, обольщены несбыточной мечтой, а потом брошены на произвол судьбы.

Итак, следует признать, что Апостолы не похищали и не могли похитить тело Иисуса.

Но не украли ли тело Иисуса сами первосвященники? Думаю, что если бы они сами украли его раньше приставления ко гробу стражи, то незачем было бы и приставлять ее: Апостолы не могли украсть тело, которого не было уже в гробнице; и потому опасения первосвященников о возможности похищения не имели бы ни малейшего основания. С другой стороны, предположение о похищении первосвященниками тела Иисуса явно неправдоподобно потому, что, по их же учению, прикосновение к телу умершего считалось осквернением, вызывавшим особые омовения и жертвоприношения; и они, конечно, не решились бы прикоснуться к телу умершего Иисуса, тем более в первый день пасхи. Наконец, если бы они сами украли тело Иисуса, то, конечно, показали бы его народу, когда Апостолы всюду проповедовали о Воскресении Господа.

Итак, все вышеизложенное приводит к заключению:

- 1) что охраняли гроб Господа римские воины;
- 2) что они были свидетелями Воскресения Христова;
- 3) что некоторые из них пошли доложить первосвященникам о случившемся и, получив от них довольно денег, согласились, в случае надобности, поддержать своим свидетельством их клевету о похищении тела Иисуса, но обещания своего не исполнили;
- 4) что слух о похищении тела Иисуса был распространен первосвященниками значительно позже, через несколько лет, когда Апостолы своей проповедью обратили ко Христу множество евреев и язычников;
- 5) что остальные из охранявших гроб воины доложили о Воскресении Христа Пилату, который, основываясь на этом личном докладе свидетелей-очевидцев, донес обо всем римскому императору Тиверию;

6) что первосвященники не только не привлекли к суду Апостолов за мнимое похищение тела их Учителя, но даже и не обвиняли их в этом, когда призывали к себе в синедрион;

7) что Апостолы не могли бы проповедовать о Воскресении Христовом и жертвовать за эту истину своей жизнью, если бы похитили тело Его;

8) что не могли совершить похищения и сами первосвященники;

9) что пущенный первосвященниками слух о похищении тела Иисуса есть гнусная клевета;

10) что, прикладывая печать ко гробу и приставляя к нему воинскую стражу, первосвященники, сами того не подозревая, были орудиями Промысла Божия, так как Богу угодно было, чтобы свидетелями Воскресения Иисуса Христа были люди, не принадлежащие к числу Его учеников, такие люди, которым могли бы поверить даже не знающие ни Христа, ни учения Его, которым поверили Пилат и Тиверий; и 11) что, таким образом, благодаря Промыслу Божию, не только опровергается клевета о похищении тела Иисуса, но и доказывается действительное Его Воскресение.

Второе возражение против действительности Воскресения Христова основано на предположении, что Он не умер на кресте и был погребен в обморочном состоянии (летаргическом сне).

Возражение это опровергается с научно-медицинской точки зрения. Так, профессор (доктор медицины) А. Шилтов, в своем сочинении "Мысли о Богочеловеке", говорит, что бичевание и истязания Иисуса до распятия, полное изнеможение и упадок сил, затем невыносимые муки на кресте должны были вызвать опаснейшую болезнь — отек легких, доказательством чему служит истечение из прободенного бока крови и воды; затем, сквозные раны на руках и ногах; обильное кровоизлияние из них; наконец, прободение легких копьем — все это должно было неминуемо привести к смерти; сохранение жизни при таких условиях невозможно. Если даже допустить, что Христос был в глубоком обмороке, то и в таком случае сильный удар копьем и прободение бока с ранением важнейших органов были вполне достаточны, чтобы жизнь и без того обессиленного и истекавшего кровью Божественного Страдальца угасла мгновенно.

Если Христос не умер на кресте и, следовательно, не воскресал, то был обыкновенным человеком. По утверждению же профессора Шилтова, человек со сквозными ранами на ногах не может ходить, пока не заживут эти раны; а заживление их возможно не ранее двух недель. Между тем, Христос на третий день не только прошел от Иерусалима до Эммауса, но и обратно вернулся в тот же день в Иерусалим, чтобы явиться десяти Апостолам; следовательно, Он прошел со сквозными ранами на ногах двадцать верст. Только Богочеловеку с обновленным и прославленным телом возможно было совершить такое путешествие.

Кроме того, если допустить предположение о мнимой смерти Иисуса Христа, то тогда придется допустить также предположение и о том, что Иисус Христос, чтобы уверить Своих учеников в Своем Воскресении, должен был обманывать их и затем, после нескольких явлений им, скрыться от них навсегда и провести остальное время Своей жизни в неизвестности, то есть надо признать Иисуса обманщиком. Однако на это не решается никто, кроме коснеющих в своем заблуждении евреев; никто не осмеливается называть Его обманщиком; атеисты, отвергающие Его божество, признают Его совершеннейшим в нравственном отношении Человеком.

Возражение против действительности Воскресения Иисуса Христа, заключающееся в том, что Он, будто бы не умирал, настолько неосновательно, что его опровергает сам Д. Штраус: "Вышедший из гроба полумертвым, — говорит Штраус, — ходящий в болезненном виде, нуждающийся во врачебных пособиях, перевязках, подкреплении и уходе за ним, и, наконец, изнемогающий от страданий никак не мог бы произвести на учеников того впечатления Победителя над смертью и гробом, Владыки жизни, которое служило основанием дальнейшей их деятельности; такое возвращение к жизни только ослабило бы то

впечатление, какое Иисус производил на учеников Своих при жизни и смерти, исторгло бы у них в высшей степени плачевные вопли, но никак не могло бы превратить их скорбь в воодушевление, их уважение к Нему возвысить до обожания".

Итак, следует признать, что Иисус Христос действительно умер. Остается рассмотреть последнее возражение: самообольщение Апостолов.

Д. Штраус и его единомышленники признают, что ученики Иисуса могли сделаться побеждающими мир проповедниками Евангелия только при помощи твердой веры в Его действительное Воскресение; но такая вера Апостолов могла возникнуть не вследствие действительного Воскресения Христа, а вследствие особого душевного состояния их: они мечтали о Воскресении своего Учителя, страстно желали видеть Его воскресшим и потому приняли за действительное явление им Христа лишь представившееся их расстроенному воображению видение Его.

Итак, проследим душевное состояние Апостолов, в каком они находились после распятия их Учителя, чтобы решить вопрос: могли ли они дойти до мечтательного созерцания Иисуса Христа, как бы воскресшего из мертвых. Но прежде послушаем, что говорят специалисты о призраках или видениях.

Тот же профессор Шилтов, на которого я ссылаюсь, говорит: "Психологически невозможно, чтобы Апостолы, упавшие духом вследствие смерти своего Учителя, могли видеть Его призрак, ибо в состоянии уныния и отчаяния человек не способен ни к каким галлюцинациям. Способность видеть видения зависит от особого состояния нервной системы; для этого надо быть крайне чувствительным (*сенситивом*); а такая чувствительность встречается далеко не часто между людьми, и особенно редко между мужчинами. К тому же один и тот же призрак не может быть видим одновременно многими людьми. А так как Апостолы были люди простые, со здоровыми нервами, то если бы они даже не находились в состоянии уныния и отчаяния, то и в таком случае нельзя было бы допустить возможность для них галлюцинации, да еще коллективной".

Затрагивая вопрос о так называемых "*двойниках*", профессор Шилтов говорит, что видение двойника возможно только при наличности того, чей "двойник" кажется видимым: следовательно, кто говорит, что Апостолы видели не Самого Христа, а Его двойника, тот признает, что при таком видении присутствовал Сам Христос. Что же касается так называемых *телепатических* явлений, то во всех известных случаях подобных явлений призрак является обыкновенно в минуту смерти или серьезной опасности и бывает видим только тому, кому близкое лицо мысленно сообщает о постигшем его несчастье; посторонним же лицам, находящимся тут же в минуту появления призрака, последний остается невидимым".

Итак, по словам профессора Шилтова, наука не может допустить возможности явления Апостолам призрака Иисуса Христа. К тому же, призрак тела и костей не имеет, разговаривать не может, не может и принимать пищу. А так как явившийся Апостолам Господь показал им Свои руки, ноги и ребра (и Апостолы осязали их), разговаривал с ними и ел при них рыбу и мед, то, конечно, не мог быть призраком, а был действительно воскресшим Иисусом Христом.

Все это настолько очевидно, что, казалось бы, нет надобности приводить дальнейшие доказательства действительного Воскресения Христа. Но так как Штраус все свои опровержения чуда воскресения Христова строит на предположении, что Апостолы приняли призрака Иисуса за Его реальное явление и так как Штраусом увлекаются наши интеллигенты, незнакомые с Евангелием, то я вынужден поговорить об этом подробно, чтобы доказать всю несостоятельность таких предположений Штрауса и его слепых поклонников.

Я уже говорил, что Апостолы считали Иисуса Христа таким Мессией, о каком мечтали в то время все евреи, то есть блистательным царем-завоевателем, покорителем евреям всех народов земли, таким царем, который будет царствовать вечно, следовательно, и умереть не может. Вот почему им всегда

казались странными, непонятными слова Христа о предстоящих Ему страданиях и смерти. Слова эти они считали за иносказания, за притчи, к каким так часто прибегал их Учитель в Своих беседах. Хотя Христос всегда пояснял, что Он не только умрет, но и воскреснет, однако это пояснение казалось им загадочным, и они не придавали ему никакого значения. Мессия, по их понятиям, не может умереть; как же Он может воскреснуть?

Когда Иисус Христос, после Своего Преображения, сходил с горы с Апостолами Петром, Иоанном и Иаковом и велел им никому **не рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых**, то они спрашивали друг друга: **что значит: воскреснуть из мертвых** (Мк. 9, 9-10). Эти три Апостола знали, конечно, что значит вообще воскреснуть из мертвых, так как ранее того, в их же присутствии, Иисус Христос воскресил дочь Иаира (Мф. 9, 23–25; Мк. 5, 37–42; Лк. 8, 51–55) и сына вдовы Наинской (Лк. 7, 12–16); а потому, если они недоумевали и спрашивали: **что значит: воскреснуть из мертвых?** — то это недоумение их относилось исключительно к Самому Иисусу Христу, Который, если Он Мессия, не может умереть; а если Он не может умереть, то как же Он воскреснет из мертвых?

Когда, при последнем путешествии Своем в Иерусалим, Иисус Христос, подзвав двенадцать Апостолов, опять начал говорить им о том, что будет с Ним, что осудят Его на смерть и предадут на распятие, и в третий день воскреснет (Мф. 20, 17–19; Мк. 10, 32–34; Лк. 18, 31–33), то все **они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного** (Лк. 18, 34), по той же, конечно, причине.

Вообще, смерть истинного Мессии казалась Апостолам настолько невозможной, неправдоподобной, что когда Христос, задолго еще до Своей крестной смерти, стал открывать им эту тайну, то Апостол Петр отвел Его в сторону и начал уговаривать, чтобы Он оставил этот разговор. **Будь милостив к Себе, Господи!** (сказал он) **да не будет этого с Тобою!** (Мф. 16, 22). Смысл этих слов Петра таков: "Ты — Мессия, Ты будешь царствовать вечно, следовательно, и умереть не можешь; к чему же расстраивать Себя такими мыслями? Пожалей Себя, Господи! Этого не будет с Тобой!"

Когда Иуда-предатель привел в Гефсиманский сад отряд воинов и служителей иудейских (Лк. 22, 52; Ин. 18, 12), чтобы взять Иисуса; когда начиналось уже исполнение предсказаний Спасителя о Его страданиях и смерти, Апостолы и тут не хотели верить в возможность страданий Мессии. Желая защитить Его от угрожавшей опасности, они сказали Ему: **Господи! не ударить ли нам мечом?** (Лк. 22, 49). А пылкий Петр, не дождавшись ответа Иисуса, выхватил меч и ударил им первосвященнического раба (Мф. 26, 51; Мк. 14, 47; Лк. 22, 50; Ин. 18, 10).

О, как слаба была вера их в Божественность Христа! Они вообразили, что Тот, Кто воскрешал мертвых, нуждается в их защите, что Проповедовавший непротивление злу злом допустит исключение по отношению к Самому Себе!

Иисус запретил им защищать Его силой; и когда Его связали и повели из сада, то **все ученики, оставив Его, бежали** (Мф. 26, 56; Мк. 14, 50). Бежали они, по всей вероятности, не столько от страха преследования со стороны мстительных фарисеев (так как их оставили в покое), сколько от закравшегося в них сомнения: Мессия ли Иисус, если Его связали и повели, как преступника?

Под влиянием этих волновавших их чувств они если и видели, как распинали их Учителя, то лишь издали, прячась в толпе; один только Иоанн не побоялся стоять у креста. Когда же тело Иисуса сняли с креста и погребли, то они пришли в уныние, переходящее нередко в разочарование. Они (кроме, конечно, Иоанна) не полюбопытствовали узнать, где положили тело их Учителя; они не присоединились к женам мироносицам, чтобы оказать Умершему последний долг почтения. Они только плакали и рыдали.

Вот каково было душевное состояние Апостолов, когда они лишились своего Учителя и остались одни:

страх преследования, уныние, недоумение, сомнение, тоска, отчаяние... но только не ожидание Воскресения Иисуса Христа, в которое они положительно не верили, о котором даже и думать не могли.

Неверие Апостолов в возможность Воскресения Христа было так сильно, что, когда Мария Магдалина, придя ко гробу Господню и увидев камень отваленным, побежала к Апостолам и сказала им: **унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его**, — то Апостолы Петр и Иоанн пошли с ней ко гробу, вошли в него, убедились, что тела Христова в нем нет, и опять возвратились к себе, **ибо** (как объяснил впоследствии Апостол Иоанн) **они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых** (Ин. 20, 2, 9, 10). Да, предсказаний Самого Христа о предстоявшем Ему Воскресении они не понимали, а пророческих предсказаний еще не знали; хотя они и знали предсказания о пришествии Мессии, но, зараженные общееврейским суеверием о Мессии-Завоевателе, они не вникали в смысл предсказаний о страданиях и смерти обещанного Избавителя.

Когда же Христос явился Марии Магдалине, и она пошла и возвестила Апостолам, **плачущим и рыдающим**, то **они, услышав, что Он жив и что она видела Его, — не поверили** (Мк. 16, 10–11). Вслед за Марией Магдалиной пришли к Апостолам другие женщины, ходившие рано ко гробу, и возвестили им, что видели воскресшего Христа; но **показались им** (Апостолам) **слова их пустыми, и не поверили им** (Лк. 24, 11). И показались Апостолам их слова пустыми, несмотря на то, что они рассказали им, как они встретили Христа, как **ухватились за ноги Его** (Мф. 28, 9) и, не доверяя еще глазам своим, осязанием убедились в Его действительном Воскресении; но Апостолы **и им не поверили**.

А Клеопа и другой ученик, шедшие в тот же день в Эммаус, рассказывали встретившемуся им Путнику о крестной смерти Иисуса и с глубоким разочарованием, с грустью и отчаянием сказали: **А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля** (Лк. 24, 21). Этими словами Клеопа и другой ученик вполне определили душевное состояние Апостолов и других учеников в то время: "Мы надеялись было, что Он Мессия, но... Он оказался не Мессией!" Слова "**надеялись было**" выражают прежнюю надежду, оказавшуюся несбыточной, и наступившее вслед за тем полное разочарование: ни веры, ни даже надежды — ничего не осталось! Передавая Незнакомцу сообщение некоторых женщин о явлении им Ангелов, сказавших, что Иисус жив, Клеопа и другой ученик обнаружили полнейшее неверие в возможность воскресения Его, так как добавили, что женщины те **изумили нас** (Лк. 24, 21–22).

Можно ли после этого говорить, что Апостолы были так подготовлены к Воскресению Христа, так мечтали увидеть Его воскресшим, с такой уверенностью ждали явления Его, что вызванное их мечтательностью и расстроенным воображением видение Христа приняли за действительное явление Его, за Воскресение Его из мертвых? Можно ли говорить такие нелепости?

Говорящие так забывают, что в состоянии полного уныния и безнадежности, в которое повергла Апостолов смерть их Учителя, такое мечтательное настроение невозможно. Только чудо Воскресения, только действительное явление воскресшего Иисуса могло рассеять сомнения Его учеников.

Но посмотрим, как Апостолы отнеслись к явлению им воскресшего Христа.

Из Евангелий Марка, Луки и Иоанна мы знаем, что когда в первый день Воскресения Своего Иисус явился собравшимся в доме ученикам и сказал им: **Мир вам! Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и откуда такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги** (Лк. 24, 36–40). И несомненно, что Апостолы осязали Его. Отвергнув показания Марии Магдалины и других женщин, удостоверявших, что они видели воскресшего Христа, Апостолы, очевидно, доверяли только собственным чувствам. Когда же Христос стал посреди них, то они и зрению своему не поверили, но смутились и испугались. Так велико было неверие их в возможность воскресения их Учителя! Когда же им предложено было довериться

своему осязанию, ибо приведение или **дух плоти и костей не имеет**, то они не могли отказаться от такого способа удостоверения, что перед ними не дух, а Сам воскресший Учитель их. И они, несомненно, осязали руки и ноги Его. Об этом хотя и нет точных указаний в Евангелиях, но в первом соборном послании Апостола Иоанна, в словах **что осязали руки наши** (1, 1), содержится ясное указание на то, что Апостолы своими руками осязали руки, ноги и раны Христовы. Но... и осязанию своему они не поверили. Они уже начинали сознавать, что перед ними не приведение; они уже предчувствовали что-то необыкновенное, и на грустных до того лицах их засияла радость. Но они все еще **не верили и дивились** (Лк. 24, 41).

Тогда Христос **сказал им: есть ли у вас здесь какая пицца? Они подали Ему часть... рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними** (Лк. 24, 41–43).

Фома не был при этом явлении господя; и когда ему рассказали обо всем происшедшем, он не поверил и Апостолам-очевидцам, уже уверовавшим в Воскресение Христово. На уверения их, что они действительно видели Учителя, что осязали руки и ноги Его, и что Он ел при них рыбу и мед, Фома ответил: **если сам не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его**, то словам вашим не поверю. Вот как велико было недоверие Апостолов к чужим показаниям в таком деле!

Через восемь дней Господь опять явился Апостолам, среди которых был и Фома. Фома был поражен, когда Господь прямо обратился к нему с требованием, чтобы он перстом осязал Его раны от гвоздей и рукой — прободенные ребра Его. Фома подошел к Господу, осязанием убедился, что это не только не дух, но именно Сам Христос, руки и ноги Которого были пригвождены ко кресту и ребра Которого были прободены копьем. Не имея уже никакого основания сомневаться в тождестве Явившегося ему с Тем Учителем, Который был распят, умер и погребен, Фома в умилении пал перед Ним и воскликнул: **Господь мой и Бог мой!** (Ин. 20, 24–28).

Вот каких доказательств потребовали Апостолы, чтобы убедиться в действительном Воскресении Иисуса Христа!

При чтении этих повествований может показаться даже обидным это маловерие Апостолов в Божественность их Учителя; но при серьезном размышлении об этом маловерии приходишь к заключению, что так было угодно Богу. Да, Богу угодно было привести Апостолов к *сознательной* вере в Иисуса Христа, как Сына Божия, и устранить всякую возможность обвинять их в вере слепой, в легкомыслии и мечтательности: ведь им надлежало идти в мир и свою веру передать другим; ведь их вера должна была быть крепка, как камень, и на камне том должна была воздвигнуться Церковь Христова! Вот чем объясняется все маловерие, все сомнения Апостолов.

Когда Апостолы, потребовав таких обидно-осязательных доказательств, убедились, наконец, в том, что Иисус Христос действительно воскрес не только духовно, но и телесно, тогда только открылись их сердца, до тех пор *окамененные*. Но их не могла не тревожить мысль: "Почему воскресший Иисус не провозглашает Себя Царем Израилевым? Ведь должен же Мессия открыть Царство Израилево? Ведь об этом писали пророки, начиная с Моисея. Почему же Иисус медлит с таким важным делом, которое составляет цель Его пришествия?"

Вопросы эти должны были волновать Апостолов. Но Апостолы не могли тогда дать ответа на них, не могли сами разрешить свои недоумения.

С такими-то недоумениями они, по велению Господа, собрались в Иерусалиме и пребывали все вместе, ожидая нового явления. И вот, Господь явился им в сороковой день по Воскресении Своем и вывел их из города на гору Елеонскую, на то самое, вероятно, место, на котором Он, в ночной беседе с четырьмя Апостолами, предсказал разрушение Иерусалима и храма, кончину мира, Свое Второе пришествие и

Страшный суд. Вспоминая теперь сказанное тогда Господом о втором пришествии Его, считая эти явления Его после Воскресения за предсказанное пришествие, думая не о Царстве Небесном, которого не понимали еще, а о царстве Мессии-Завоевателя, Апостолы мечтали, что Господь теперь же и откроет Царство Израилево. Но так как Господь при всех Своих явлениях Апостолам не сказал ни единого слова об этом воображаемом всемирном царстве еврейском, то Апостолы не вытерпели и решились, наконец, сами спросить Его, когда же Он откроет это царство, когда провозгласит Себя Царем? И вот, они подходят к Нему все вместе и спрашивают: **не в сие ли время, Господи, восстанавливаешь Ты царство Израилю?** (Деян. 1, 6). Господь множество раз говорил Апостолам, что Царство Его — не от мира сего, не такое, как царства земных царей; и если Апостолы до сих пор не могли уразуметь этого, если они в состоянии будут уразуметь все тогда только, когда Отец пошлет им Духа Святого, то теперь бесцельно было бы отвечать на их вопрос. Поэтому Господь сказал им: **не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли** (Деян. 1, 7–8). Сказав сие, Он поднял руки Свои и благословил их. **И, когда благословлял их, Он поднялся в глазах их и стал отдаляться от них и возноситься на небо** (Лк. 24, 50–51; Деян. 1, 9).

Апостолы поклонились возносившемуся Господу и долго смотрели на Него. Наконец, облако скрыло Его от их взоров (Лк. 24, 52; Деян. 1, 9). Нет Его более с ними! Конец мечтам о блистательном земном Царстве Мессии! Конец мечтаниям об обещанных им двенадцати престолах!.. Грустно было Апостолам расставаться навсегда со своим Учителем. Грустно, невыносимо тяжело было осознать несбыточность своих мечтаний и отказаться от них! Чувствовалась, вероятно, не только осиротелость без Учителя, но и томительная пустота в сердце, которое так недавно было полно самых радужных надежд на прекрасное будущее.

Так могли чувствовать и так могли рассуждать Апостолы, оставшись сиротами, с разбитыми надеждами; в таком, вероятно, настроении они вернулись в Иерусалим, где провели десять томительных дней в беседах о всем, что совершилось в эти три с половиной года.

И вот, в день Пятидесятницы свершилось нечто сверхъестественное, чудесное: в третьем часу утра по еврейскому счету, а по нашему — в девятом, **сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них** (Деян. 2, 2–3). На шум этот собрался народ; в собравшейся толпе было много иностранцев, которые тоже хотели узнать, что случилось, и обращались к Апостолам с вопросами. Каково же было их изумление, когда Апостолы отвечали им, каждому на его народном языке или наречии! В толпе было также множество евреев, собравшихся на праздник Пятидесятницы; многие из них могли засвидетельствовать, что Апостолы — простые, неученые галилеяне, не знающие никаких иностранных языков. И изумлялись все, и спрашивали друг друга: **что это значит?** (Деян. 2, 12).

Тогда Апостол Петр, так недавно еще покинувший своего Учителя и трижды отрекшийся от Него, выступает со смелой речью, какую мог произнести только человек неустрашимый и глубоко убежденный в правоте своих слов: "Мужи Израильские! Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, **чему все мы свидетели**. Итак, Он, быв вознесен десницею Божиею и **приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите**. Итак, твердо знай весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли" (Деян. 2, 14–36).

Слушали эту вдохновенную речь Петра все, собравшиеся на шум, и в числе их, несомненно, были и те евреи, которые требовали казни Иисуса, которые кричали Пилату: **распни! Распни Его!** Потрясенные

смелым свидетельством Петра о Воскресении распятого Иисуса, они спрашивали Петра и других Апостолов: **что нам делать?** И Петр ответил им: **покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа.** Охотно принявшие слово его крестились; и присоединилось в тот день душ около трех тысяч (Деян. 2, 37–41).

Вскоре Петр и Иоанн шли вместе в храм. К ним обратился, прося милостыни, хромой от рождения, который совсем не мог ходить: каждый день его приносили к храму и сажали у дверей его. Петр сказал ему: **серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.** И взял Петр хромого за руку и поднял его; и хромой вскочил и стал свободно ходить, славя Бога. Весь собравшийся у храма народ видел это; и сбежались все в притвор Соломонов, куда вошли Петр и Иоанн и не отходивший от них исцеленный хромой.

Увидев собравшуюся толпу народа, Петр сказал: **мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата... Сего... Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели** (Деян. 3, 12; 2, 32).

Многие из слушавших Петра уверовали в Господа Иисуса Христа, и было их около пяти тысяч человек (Деян. 4, 4).

Видя такой успех проповеди Петра, синедрион собрался под председательством Каиафы и спросил Апостолов: **какою силою или каким именем вы сделали это?** (то есть исцелили хромого).

Тогда Петр... сказал им: начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он пред вами здрав (Деян. 4, 7-10).

Удивляясь смелости Петра и не зная, что возразить ему, синедрион приказал Петру и Иоанну "отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса". Но Петр и Иоанн сказали им на это: **судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали** (Деян. 4, 13–20).

Злобный синедрион, видя, как народ прославляет Бога за совершенное Петром чудо, зная, что уже до восьми тысяч человек уверовали в воскресшего Иисуса, вынужден был смолкнуть после вдохновенной, смелой речи Петра. Синедрион рад был бы растерзать Петра и Иоанна на клочки, но побоялся возмущения народа и отпустил их.

Апостолы, верные слову Петра и Иоанна, не страшились ничего, открыто проповедовали народу спасение во Христе воскресшем и совершили множество чудес. Вера в чудотворную силу Христа, именем Которого Апостолы исцеляли больных, была так велика в народе, что больных выносили на улицу и клали на постелях и кроватях с тем, чтобы хотя тень проходящего Петра осенила их. Несли в Иерусалим и из окрестных городов больных и одержимых нечистыми духами; и исцелялись все, и число верующих возрастало с каждым днем (Деян. 5, 12–16).

Да, вот что случилось с Апостолами в день Пятидесятницы. Из робких, трусливых, боявшихся при посторонних людях даже произнести имя Иисуса, они стали смелыми, неустрашимыми проповедниками Его. Были они простыми, неучеными людьми, едва ли даже и читавшими когда-либо Писание. Были они заражены лжеучением книжников о всемирном царстве еврейском, открыть которое должен ожидаемый Мессия; и думали они только об этом царстве, о том положении, какое они займут в нем, об обещанных им двенадцати престолах. Едва ли они понимали своего Учителя, когда Он говорил им о Царстве Небесном, и совсем не верили, что Он — Сын Божий, пришедший в мир для спасения и искупления людей. Бывали дни,

когда они теряли веру в Иисуса даже как в еврейского царя-завоевателя. Да, все это было.

Но что же такое случилось с ними, что они мгновенно отрешились от всех ложных взглядов на Иисуса и Его назначение? Что такое случилось, что они сразу уразумели все, чего прежде не понимали? Что такое случилось, что они стали открыто, всенародно проповедовать воскресшего Христа, **Сына Божия** (Деян. 9, 20), посланного Отцом в мир для спасения людей и искупившего их Своею Кровью? Что такое случилось, что они, некнижные люди, стали сразу же приводить все пророчества о Христе и объяснять их в их истинном значении, а не так, как объясняли книжники и фарисеи? Что такое случилось, что Апостолы стали исцелять больных от всех болезней и изгонять бесов? Что такое случилось с Апостолами, что на угрозы властного синедриона, распявшего их Учителя, они вместо того, чтобы с покорностью подчиниться приказанию — "молчать", отвечают смело, убежденно: **Мы не можем не говорить того, что видели и слышали** (Деян. 4, 20)? Что такое случилось, что они начинают всенародно крестить всех, по слову их уверовавших во Христа, **Сына Божия**?

Да, что такое случилось с Апостолами, что они мгновенно преобразились, стали не теми, какими были? Что такое случилось с ними? Объясните-ка это вы, неверующие в Господа нашего Иисуса Христа! Вы можете только отрицать это событие. Но как же вы объясните, что с этого именно момента силой слова Апостолов вера в распятого и воскресшего Христа, Сына Божия, стала быстро распространяться не только среди евреев, но даже и язычников? Этого вы не можете отрицать. Так подумайте же: какими Апостолы были до дня Пятидесятницы и какими стали тотчас же после описанного святым Лукой события? И вы вынуждены будете признать, что в этот день, в это знаменательное утро с ними действительно случилось нечто необыкновенное, что они сразу преобразились, стали не теми, какими были. И так как они не могли преобразиться своими человеческими силами; не могли со своей прежней колеблющейся верой, а подчас и полным неверием, совершать чудеса (Мф. 17, 19–20); не могли проповедовать во Христе Сына Божия, в Которого прежде не верили, то вы должны согласиться, что воздействовала на Апостолов, преобразила их иная, сторонняя сила; и Сила эта — Дух Святой, о Котором Иисус Христос говорил в прощальной беседе Своей с Апостолами: **Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам** (Ин. 14, 26); **Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину** (Ин. 16, 12–13).

Да, Дух Святой сошел на Апостолов; и мгновенно спала с глаз их завеса, сотканная лжеучением книжников иудейских и скрывавшая от них свет Христовой истины; спала завеса, и они сразу уразумели все, над чем так часто недоумевали, в чем нередко сомневались, чему верить не хотели; спала завеса, и мгновенно исчез навеянный ею образ Мессии-Завоевателя, и на место его стал ясный, отчетливый образ Христа-Богочеловека, Сына Божия, равного Отцу. И сами Апостолы сознавали и открыто исповедовали, что преобразились, возродились не своей силой или благочестием, а силой Духа Святого, посланного на них Богом во имя Иисуса Христа, Сына Божия.

Да, только действительное воскресение Христа могло привести Апостолов к твердому, ничем непоколебимому убеждению (не вере только, а убеждению) в том, что Он воистину воскрес; а сошествие на них Святого Духа, это другое величайшее чудо, дало им возможность уразуметь все, чему они были свидетелями за три с половиной года следования их за Христом. Это второе чудо было необходимо, чтобы Апостолы могли освободиться от всех фарисейских лжеучений о Мессии, мешавших современным Христу евреям уверовать в Него, как в Сына Божия, истинного Примирителя и Искупителя, Царство Которого не от мира сего. Вот почему я и остановил внимание читателей на значении этого второго чуда.

И, несмотря на все это, неверующие в Воскресение Христово требуют иных доказательств и спрашивают: "Почему Христос не явился врагам Своим, распявшим Его? Почему Он не явился народу, требовавшему Его казни?"

На эти вопросы можно отвечать только предположениями, ибо нам не дано знать планы и намерения Божий. Думаю, что если ближайшие ученики Иисуса, любившие Его всей душой, не поверили ни Марии Магдалине, ни женам-мироносицам, ни Клеопе и шедшему с ним в Эммаус ученику, утверждавшим, что видели воскресшего Иисуса; если они не поверили женам-мироносицам, свидетельствовавшим, что они ухватились за ноги явившегося им Господа и осязанием удостоверились, что это не дух, не призрак; если они не поверили и своим глазам, когда Господь явился им самим; если они сначала не доверяли даже и осязанию своему и, осязая руки и ноги Его, все еще **не верили и дивились** (Лк. 24, 41), и поверили только тогда, когда Он ел перед ними, то как мог поверить в Воскресение Его народ, считавший Его под конец лжемессией и требовавший Его казни? Какие еще доказательства надо было представить народу, и сколько раз представлять их? Нельзя же было в каждой толпе народа, в каждом еврейском поселении предоставлять всем и каждому осязать руки, ноги и ребра Воскресшего? Всякое же явление без таких осязательных доказательств было бы принято народом за призрак, привидение и в действительности воскресения распятого и умершего Иисуса не убедило бы никого. И оправдались бы слова притчи, сказанной Господом: **если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят** (Лк. 16, 31).

Еще спрашивают неверующие: "Почему Христос не сошел с креста? Ведь этим Он несомненно доказал бы всем Свое Божество, Свое равенство Отцу? Почему Он, наконец, не облегчил Своих страданий на кресте, если имел власть не только исцелять всякие болезни, но даже воскрешать мертвых? Почему?" И на эти вопросы мы можем ответить только предположением, весьма впрочем, правдоподобным.

Мы знаем, что Христос требовал от Своих последователей подражания Ему, как Человеку; Он требовал, чтобы они жили так, как Он жил. Призывая к Себе всех труждающихся и обремененных, уговаривая их взять на себя иго Его заповедей и обещая им за это душевный покой, Он зная, что людям грешным трудно сразу поднять это бремя; поэтому Он, в Нагорной проповеди Своей, учил Апостолов и всех последователей Своих, как они должны перевоспитать себя и исправиться, чтобы иго Его заповедей не показалось им неудобноносимым; а после этого, указывая на Самого Себя, говорил: "**Научитесь от Меня** (Мф. 11, 29) нести это иго; несите его так, как Я несу; и тогда вы увидите, что **бремя** Моих заповедей **легко**". И при других случаях Он всегда указывал на Себя, как обязательный для нас и доступный нам Образец совершенства. Но так как Христос был Богочеловек, Сын Божий, то мы можем подражать Ему только по Его человечеству, то есть жить так, как жил Христос-Человек; подражать же Ему в Его Божестве мы не можем, и Он не требовал этого от нас. Вот для того-то, чтобы подражание Ему, как совершенному Человеку, было возможно, Он никогда не пользовался Своей Божественной властью лично для Себя, никогда не облегчал этой властью Свои человеческие страдания, немощи Своего тела. Он испытывал мучения голода и жажды; нуждался в подкреплении Своих сил сном; Он радовался и скорбел, и скорбь Его нередко разрешалась слезами; Он, как Человек, подвергался искушениям и побеждал их не Божественной властью, а единственно покорностью воле Отца; Он содрогнулся всем Своим человеческим существом, когда в Гефсиманском саду Его мысленному взору предстала чаша страданий; и Он, как Человек, даже молил Отца об отсрочке исполнения Его воли; а когда подчинился воле Отца, то невыразимые страдания, на кресте исторгли вполне человеческий вопль Его: **Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?** То есть для чего в такой ужасный час мучительной казни Божественная сила Самого Христа, всегда пребывавшая с Ним, не облегчила Его страданий? Да, Христос, как Человек, никогда не пользовался для Себя Божественной властью, принадлежавшей Ему, как Сыну Божию; никогда не облегчил Себе несения ига Своих заповедей. Поэтому-то Он и требовал, чтобы мы подражали Ему, жили так, как жил Он, Христос-Человек. А если бы Он пользовался Своей Божественной властью для облегчения Своих страданий и человеческих немощей, то подражать Ему было бы для нас невозможно, и тогда одна из целей Его воплощения была бы не достигнута. Вот почему Он не сошел со креста и не облегчил Свои страдания, а

претерпел мучительную казнь до конца.

Посмотрим же теперь, что сделали враги Христовы, первосвященники, книжники и фарисеи, чтобы поколебать веру в народе в справедливость слов Апостолов, везде провозглашавших, что Христос воскрес. Ведь если Христос не воскрес, то они, руководители евреев, *обязаны* были уличить Апостолов во лжи.

Смелая проповедь Петра, прямое обвинение руководителей еврейского народа в убийстве Мессии должны были встревожить первосвященников и фарисеев. Если Петр и другие Апостолы, на которых он ссылается, как на свидетелей, обманщики, то надо было немедленно изобличить их в обмане. Место погребения Иисуса было хорошо известно им: они же приложили к нему печать синедриона. Если Он не воскрес, если тело Его лежит в гробу, то достаточно было только повести эту, обращенную Петром, трехтысячную толпу ко гробу, показать лежащее в нем тело Иисуса и обнаружить обман. Но они молчат, молчат потому, что знают уже, что гроб пуст. Но где же тело Иисуса? Если его украли ученики, то надо было тотчас же привлечь их к суду, уличить их показанием стражников, карауливших тело, и тем воспрепятствовать Петру ссылаться на свидетельство Апостолов. Но убийцы Христа и этого не делают, так как не уверены, что стражники поддержат на суде их клевету. Так где же тело Иисуса Христа, если гроб пуст и оно не украдено учениками Его? Где?

Вопросы эти не могли не волновать членов синедриона. Они первые должны были всесторонне исследовать их, так как им принадлежало руководство иудейским народом в религиозно-нравственном отношении; на них же лежала ответственность за пролитую кровь Иисуса; и они, конечно, не преминули тщательно, хотя и негласно, убедиться в справедливости слов стражников, первых свидетелей чуда Воскресения. Трудно допустить предположение, что они оставили эти слова без проверки; правдоподобнее считать, что они лично, хотя и не в полном составе синедриона, ходили ко гробу Иисуса и видели его пустым. После тщательного исследования они не могли не признать, что Иисус Христос действительно воскрес. Но отчего же они постыдно молчали о том? Отчего всенародно не исповедали свой тяжкий грех? Отчего своим публичным покаянием не оградили народ свой от грозивших ему бедствий?

Да оттого, что этим развращенным людям блага земные были ближе, дороже благ небесных. Они не надеялись покаянием получить прощение своего тяжкого греха; но, вместе с тем, они прекрасно понимали, что всенародное покаяние их в убийстве Мессии повлекло бы за собой немедленное избиение их камнями тем же народом, который был вовлечен ими в соучастие в этом преступлении. В страхе за свою жизнь они молчат, боясь преследования; они бессильны возражать Петру, собирающему вокруг себя народ и проповедующему о Воскресении распятого Христа; но крест и пустой гроб не дают им покоя; они хотели бы забыть даже имя Распятого ими, но не могут: молва о Нем в народе растет, именем Его Петр исцелил уже хромого от рождения, толпы идут к нему креститься, исповедуя воскресшего Христа... И вот убийцы Его, призвав Петра и Иоанна, оказываются бессильными сказать что-либо против события Воскресения и ограничиваются лишь приказанием **отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса** (Деян. 4, 18).

Таким образом, падают все возражения против чуда Воскресения Иисуса Христа; разбор же их выясняет, что чудо это действительно совершилось.

Тщательно опечатанный гроб с телом Иисуса, оказавшийся на третий день погребения пустым; клевета синедриона о похищении тела учениками, удостоверяющая, при всей своей наглости и лживости, что гроб действительно опустел; неверие Апостолов в возможность Воскресения Мессии, Который, по понятиям иудеев, не мог и умереть; неверие их в Воскресение их Учителя даже тогда, когда возвестили им о том жены-мироносицы; то же неверие их даже при явлении им воскресшего Иисуса; требование от Него осязательных доказательств действительности Его телесного Воскресения; осязание собственными руками ран Иисуса; принятие в их присутствии Иисусом Христом пищи; последующие явления Иисуса Христа Апостолам и Вознесение Его на небо; непоколебимая затем уверенность Апостолов в том, что явившийся

им Христос есть действительно воскресший из мертвых; смелая и не останавливающаяся ни перед чем проповедь их об этом чуде; явление Иисуса Христа гонителю христиан Савлу; и, наконец, полное бессилие недавно еще сильного синедриона, и даже отсутствие каких-либо серьезных попыток с его стороны опровергнуть эту неумолкавшую проповедь Апостолов, везде провозглашавших, что ХРИСТОС ВОСКРЕС... — все это заставляет и нас с твердым убеждением сказать: да, ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!

Итак, если главнейшее евангельское чудо, Воскресение Иисуса Христа, доказано, то падают и все возражения атеистов против достоверности Евангелий, основанные на том, что будто бы чудеса невозможны, что чудес не бывает.

Уверовав, что Иисус Христос действительно воскрес в третий день после Своей смерти, как и предсказывал им не раз, Апостолы поняли, что все события Его жизни, свидетелями которых они были, поразительно верно оправдали предсказания ветхозаветных пророков о явлении Мессии; и они уверовали, что Он — истинный Мессия, обещанный Избавитель. Поэтому Евангелисты, повествуя о **совершенно известных** им событиях, сознательно, по глубокому убеждению, говорят: **сие произошло, да сбудется Писание.**

Это-то исполнение всего возвещенного Богом через пророков служит тоже бесспорным доказательством достоверности Евангельских событий. События эти были предсказаны; они должны были произойти; и так как они произошли действительно вполне согласно с ветхозаветными о них предсказаниями, то достоверность их, а, следовательно, и Евангельских повествований о них, вне всякого сомнения.

Книги Ветхого Завета содержат в себе такое множество пророчеств о предстоявшем пришествии Мессии, что приводить их все считаем для нашей цели излишним, и ограничимся лишь главнейшими и, притом, общепонятными, а так же откровением Даниилу.

Относительно времени пришествия Мессии мы имеем два указания: в пророчестве Иакова и в откровении Даниилу.

Умирая в Египте, **призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни.** Предсказывая затем будущность своих сыновей и их потомства, Иаков относительно своего сына Иуды сказал: **Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов** (Быт. 49, 1, 10).

Это предсказание всегда понималось в том смысле, что Примиритель, то есть Мессия, явится тогда, когда прекратятся цари из колена Иудина. А так как Ирод был первым царем в Иудее из иноплеменников (он был идумеянин), то пришествие Мессии ожидалось всеми иудеями со времени воцарения Ирода; и, действительно, в его царствование родился Иисус Христос.

В откровении же Даниилу указывается период времени, по прошествии которого явится Христос.

Несмотря на все попытки многих исследователей подорвать историческое значение книги пророка Даниила и отнести составление ее неизвестным автором ко временам, наступившим после гонений Антиоха Епифана, книгу эту следует считать подлинной и написанной самим Даниилом. Семьдесят толковников (ученых евреев) перевели ее на греческий язык и поставили наряду с книгами Исаии, Иеремии и Иезекииля; а это доказывает, что во время перевода Библии, то есть в 270 году до Р. Х., задолго до воцарения Антиоха Епифана, книга пророка Даниила входила в еврейский список священных книг. Книга эта считалась евреями священной и во времена Иосифа Флавия, признавшего Даниила величайшим пророком.

В книге пророка Даниила, в главе 9, говорится, что во время молитвы Даниила, вызванной чтением пророчества Иеремии о семидесяти годах плена вавилонского, архангел Гавриил, быстро прилетев,

коснулся его и

22...сказал: "Даниил! Теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению. 23 В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе, ибо ты муж желаний; итак вникни в слово и уразумеи видение. 24 Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святы́й святых. 25 Итак знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена. 26 И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения. 27 И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя".

Толкование этого откровения и исчисление указанных в нем седмин мы заимствуем из сочинения А. Рождественского "Откровение Даниилу о семидесяти седминах".

Седмина или "*шабуа*" есть собственно "седмеричное время", время, состоящее из семи равных частей, безотносительно к тому, как велики эти части. Так как семидневный период имел большое значение в ветхозаветной религии, то здесь под седминой, на первый взгляд, естественнее всего было бы разуметь "седмицу", неделю; но в данном случае *шабуа* не может иметь такого значения, потому что, говоря в следующей главе о седминах в смысле недель, Даниил называет их не просто "седминами", а "седминами дней" (**в эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмины дней**) (Дан. 10, 2), и делает это как бы намеренно для того, чтобы отличить эти седмины от упоминаемых в предшествующей главе. Нельзя разуметь под седминами и седмин месяцев, так как период около сорока одного года, которому равняются 490 месяцев, слишком короток для событий, возвещенных в последних стихах: построение города, разрушение его и храма и т. д. Таким образом, остается единственно возможное понимание седмин, как семилетий. Древние христианские толкователи и еврейские ученые всегда разумели под седминами Даниила именно седмины лет.

Начало периода семидесяти седмин определяется, в стихе 25 откровения Даниилу, "повелением о восстановлении Иерусалима".

Из Священного Писания известно, что откровение Даниилу о седминах было во время нахождения евреев в плену вавилонском, и что после падения Вавилонского царства и присоединения его к Персидскому было издано несколько благоприятных евреям царских указов. Первый из этих указов, изданный Киром, давая разрешение на построение храма, умалчивает о построении разрушенного Иерусалима (2 Пар. 36, 23; 1 Езд. 1, 2–4; 6, 3–5). Второй указ Дария Гистаспа не включает в себе даже и намек на позволение строить город, а говорит, повторяя указ Кира, опять-таки только о построении храма (1 Езд. 6, 6–7). Третий указ дан был священнику Ездре, предводительствовавшему евреями-переселенцами в 7-м году царствования Артаксеркса Долгорукого. Хотя и в этом указе Артаксеркса нет прямого повеления или разрешения строить город, но зато в нем имеется разрешение Ездре делать все, что он захочет на имеющиеся у него деньги: **И что тебе и братьям твоим заблагорассудится сделать из остального серебра и золота, то по воле Бога вашего делайте** (1 Езд. 7, 18); это разрешение Ездра мог понимать очень широко и мог воспользоваться им для построения города, так как в этом чувствовалась потребность всеми обратно переселившимися после плена евреями, ввиду враждебности соседей; а что он так именно и понимал указ Артаксеркса, это видно из последовавшей затем молитвы его (1 Езд. 9, 9); а что он действительно приступил, по этому указу, к восстановлению Иерусалима, о том свидетельствует Неемия. Иных

разрешений, повелений или указов о восстановлении Иерусалима не было.

На этих основаниях началом периода седмин может быть принят седьмой год царствования Артаксеркса Долгорукого, как год, в котором дано разрешение строить Иерусалим.

В каком же году вступил на престол Артаксеркс Долгорукий? Источником для определения начала царствования Артаксеркса служит *Канон царей* или *царств* Птоломея, греческого географа и астронома, жившего во II веке по Р. Х. В этом Каноне даны таблицы ассирийских, мидийских, персидских, греческих и римских царей, начиная с Набонассара. При имени каждого царя указано число лет его царствования и сумма всех лет, протекших до последнего года его царствования от первого года Набонассара. Все хронологи согласны, что первый год Набонассара начинается с 26 февраля 747 года до Р. Х. по Дионисиевскому счету. Известно также, что египетский год, положенный в основу хронологии Птоломея, имеет 365 дней. Зная это, легко определить и время царствования Артаксеркса. В каноне царей значит, что Артаксеркс вступил на престол в 283 году и царствовал 41 год. Если перевести эти годы на наше, то есть Дионисиевское, летоисчисление, то окажется, что Артаксеркс вступил на престол около 18 декабря 464 года до Р. Х., и что седьмой год его царствования продолжался до конца 458 года. Принимая же во внимание, что Дионисий считал 754 год от основания Рима годом рождения Иисуса Христа, следует признать, что седьмой год царствования Артаксеркса, то есть начала Данииловых седмин, был 296-м (754–458=296) годом от основания Рима.

Конец первых шестидесяти девяти седмин указан в пророчестве Даниила ясно: до **Христа Владыки**, то есть до явления Христа, должно пройти шестьдесят девять седмин или 483 года, начиная с 296 года от основания Рима. Складывая 296 и 483, узнаем, что конец 69 седмин и, следовательно, явление Христа должно было последовать в 779 году от основания Рима.

Евангелист Лука удостоверяет, что явление Иоанна Крестителя на проповедь и Крещение им Иисуса Христа последовали в пятнадцатый год правления Тиверия кесаря (Лк. 3, 1), то есть в 779 году от основания Рима.

Итак, явление Иисуса Христа на Иордане последовало в том самом году, как было объявлено ангелом Даниилу.

Если выступление Иисуса Христа на общественное служение роду человеческому есть конец первых 69 седмин, то это же событие есть и начало последней седмины, так как откровение не дает права предполагать никакого промежутка между отдельными периодами седмин. В стихе 27 откровения сказано: **И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение.** Народ еврейский не узнал своего Мессию убил Его, распяв на кресте, и за это был отвергнут Богом; смерть Христова прекратила завет Бога с Израилем; с момента смерти Христовой ветхозаветное богослужение, **жертва и приношение**, потеряло свое значение, *прекратилось* если не внешним образом, то внутренним. Следовательно, сообразно с откровением о седминах, смерть Христова должна была случиться в *половине* последней седмины, то есть приблизительно через три с половиной года после выступления Его на проповедь. Из повествования Евангелистов, особенно же из Евангелия от Иоанна, мы знаем, что в продолжение общественного служения Иисуса Христа праздновалась три раза еврейская пасха, и что накануне четвертой пасхи Он был распят; а это дает основание утверждать, что общественное служение Иисуса Христа продолжалось приблизительно три с половиной года или половину седмины, как и было сказано о том в откровении Даниилу. Конец этой последней, семидесятой седмины соответствует перенесению проповеди Евангелия от иудеев к язычникам: в продолжение всей этой седмины утверждался Новый Завет со многими из народа еврейского, сначала Самим Иисусом Христом, а потом Его Апостолами; по окончании же этой седмины, а вместе с ней и всего периода седмин, в Новый Завет призываются все народы.

Таким образом, ветхозаветными пророчествами предсказаны не только время вообще пришествия Мессии, но даже год выступления Его на проповедь, продолжительность Его общественного служения и время Его смерти.

Посмотрим теперь некоторые пророчества, относящиеся к жизни Иисуса Христа.

Пророк Исайя возвещает происхождение Мессии от Девы: **Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил** (Ис. 7, 14).

Пророк Михей указывает место, где родится Мессия: **И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных** (Мих. 5, 2).

Тот же пророк Исайя, предвидя шествие Иисуса на проповедь, восклицает: **скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним** (Ис. 62, 11).

Он же возвещает о чудесах, которые сотворит Спаситель: **Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь** (Ис. 35, 4–6).

Пророк Захария предвещает торжественный въезд Мессии в Иерусалим: **Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной** (Зах. 9, 9).

Этот торжественный въезд Спасителя, эти ликования сынов и дочерей Сиона приводят в волнение первосвященников и фарисеев, они совещаются между собой, как погубить Иисуса; но то, что они будут говорить на этом совещании, записано уже за много лет перед тем в книге Премудрости Соломона: **Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет** (Прем. 2, 12–20).

Псалмопевец Давид предвидит, что предателем Иисуса будет близкий Ему человек: **Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пядь** (Пс. 40, 10).

Пророк Захария предсказывает, что Иуда продаст своего Учителя за тридцать сребренников, бросит потом эти сребренники в храм, и что на эти деньги будет куплена земля горшечника: **и они отвесят в уплату Мне тридцать сребренников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, — высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника** (Зах. 11, 12, 13).

Исайя видит мучения, которым подвергнется Мессия: **Я предал хребет Мой биящим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания** (Ис. 50, 6). Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стриженным его безгласен, так Он не отверзал уст Своих (Ис. 53, 7).

В пророчестве Давида говорится, какой смертью умрет Христос, как будут делить одежды Его, как Он будет мучиться жаждой на кресте и как напоят Его уксусом: **скопище злых обступило меня, пронзили руки**

мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище; делают ризы Мои между собою и об одежде моей бросают жребий (Пс. 21, 17–19). Поношение сокрушило сердце мое, и я изнемог, ждал сострадания, но нет его, — утешителей, но не нахожу. И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом (Пс. 68, 21–22).

Пророк Исайя говорит даже о месте погребения Христа: **Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого (Ис. 53, 9).**

Моисей, доведя евреев до земли обетованной, перед смертью своей заклиная их слушаться **гласа Господа Бога** и тщательно исполнять заповеди Его: и обещал им за то все блага земные и господство над всеми народами. **Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего, сказал Моисей, и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя. Проклят ты [будешь] в городе и проклят ты [будешь] на поле (Втор. 28, 15–16).** Перечисляя затем все проклятия и бедствия, которые постигнут евреев, если они не послушают гласа Господа Бога, Моисей, между прочим, сказал: **И рассеет тебя Господь [Бог твой] по всем народам, от края земли до края земли... Но и между этими народами не успокоишься... И будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов, к которым ответит тебя Господь [Бог] (Втор. 28, 64–65, 37).**

Евреи отвергнули Христа, воплощенного Бога, не послушали *гласа Его*; и как поразительно верно исполнились над ними пророчества Моисея!

Итак, год выступления Иисуса Христа на проповедь, продолжительность Его общественного служения, главнейшие события Его жизни, совершенные Им чудеса, ненависть к Нему тех, кого Он должен был обличать, торжественный въезд Его в Иерусалим, предание Его Иудой за тридцать сребренников, доставшихся потом горшечнику за купленную у него землю, мучения и истязания, которым подвергли Христа, Его смерть, даже год смерти, разрушение храма, рассеяние и проклятие народа израильского — все это было предсказано за множество лет, и все совершилось с поразительной точностью!

Можно ли после этого говорить, что Евангельские события недостоверны, выдуманы Евангелистами?

Однако, несмотря на все эти доказательства, против достоверности Евангелия представляют еще следующее возражение: в Евангелии изложено учение о Боге; но так как вера в Бога несовместима с новейшими успехами естествознания, в особенности же с открытиями в области астрономии, то все изложенное в Евангелии не заслуживает доверия.

Если это так, то все естествоиспытатели, в особенности же астрономы, должны быть неверующими в Бога. Однако, известно, что знаменитейшие естествоиспытатели, которым наука обязана своими гигантскими успехами, всегда оканчивали свои научные исследования признанием существования Бога.

Известный астроном Кеплер окончил свое сочинение "Гармония миров" такой молитвой: "Благодарю Тебя, Создатель и Бог мой, за то, что Ты даровал мне эту радость о творении Твоём, это восхищение делами Твоими. Я открыл величие дел Твоих людям, насколько мог мой конечный дух постигнуть Твою бесконечность".

Астроном Гершель говорил: "Чем более раздвигается область науки, тем более является доказательств существования Вечного, Творческого и Всемогущего Разума".

Знаменитые астрономы Коперник и Ньютон были тоже верующими в Бога.

Известный естествоиспытатель Линней, оканчивая свои научные труды, воскликнул: "Вечный, Великий, Всеведущий и Всемогущий Бог прошел мимо меня! Я не видел Его в Лице, но Его отражение охватило мою душу и погрузило ее в благоговение! Я тут и там замечал Его следы в Его творениях. Во всех

Его делах, даже самых малых и незаметных, какая сила, какая мудрость, какое невообразимое совершенство! Я наблюдал, как одушевленные существа идут друг за другом непрерывной цепью, примыкая к царству растительному, а растения сцепляются с царством минеральным, уходящим во внутренность земного шара, между тем как этот шар кружится в неизменном порядке около солнца, дающего ему жизнь. Наконец, я видел солнце и все другие светила, всю звездную систему, бесконечную, неисчислимую в своей беспредельности, движущуюся в пространстве, повешенную среди вечной пустоты первым непостижимым Двигателем, Существом существ, Причиной причин, Вождем и Хранителем вселенной, Господином и Работником всякого дела в мире!.. Итак, справедливо верить, что есть Бог, Великий и Вечный, не порожденный никаким существом, Который сотворил это всемирное дело и водворил в нем порядок. Он исчезает из наших глаз, хотя и наполняет их светом. Лишь одна мысль постигает Его; лишь в этом глубочайшем святилище сокрыто Его величие".

Астроном-философ Фламарион говорит: "Если Бог существует, то Его бытие не может быть заподозрено или отвергаемо наукой". Предприняв исследование вопроса о бытии Бога с научной точки зрения, он пришел к заключению, что "математический порядок астрономической организации обязан своим происхождением Разуму, без сомнения высшему, чем разум астрономов, открывших выражение правящих миром законов", и "что на земле, как и на небе, есть непостижимая Разумная Сила, заведующая всем домостроительством мира и составляющая его величие и красоту". Придя, таким образом, к признанию бытия Бога, Фламарион оканчивает свое заключение восклицанием: "О, Неведомое, Таинственное Существо! О, Великое и Непостижимое! Кто же и Что такое Ты, если дела Твои столь велики? Жалкие человеческие существа, эти ничтожные муравьи, копошащиеся на поверхности их ничтожной планеты, уверены, что знают Тебя, о Всевышний! И какое имя дать тем, кто отрицает Тебя, кто не верит в Тебя, кто не живет мыслью о Тебе, кто никогда не чувствовал Твоего присутствия, Отец всей природы? Я с любовью преклоняюсь пред Тобою, о Божественное Начало; но я так ничтожен, что не смею и думать, чтобы я мог быть услышан Тобою... Но Ты слышишь меня, Создатель! Ты, дающий красоту и благоухание полевому цветочку, внимаешь и мне! Голос океана не может заглушить для Тебя моего лепета, и моя мысль доходит до Тебя в этой общей молитве!"

Вот как великие люди науки постигали Творца вселенной! Основательное, без предвзятых мыслей изучение законов природы и осмысленное созерцание мира во всем его величии привели их и многих других ученых не к отрицанию, а к признанию бытия Бога. И как же не правы после этого те, которые селятся уверить меньших братьев, что вера в Бога не совместима с научными исследованиями, что она подрывается в корне своем по мере проникновения ума человеческого в тайны мира! И как прав был знаменитый Бэкон, когда говорил, что "немного науки отдаляет от Бога, много — приближает к Нему".

Но и без изучения законов природы одно лишь созерцание величия мира приводило всегда все народы земли к признанию Бога, как Творца и Вседержителя. Известный греческий писатель, историк и путешественник Плутарх говорил: "Обойдите всю землю, и вы увидите много во всем различий; вы увидите селения, где нет никаких законов; увидите людей, которые не знают, что такое деньги; встретите города без укреплений, целые племена, не имеющие жилищ; но нигде вы не найдете страны или народа, среди которых не строились бы алтари и жертвенники, где не сжигались бы жертвы и не возносились бы молитвы к небу". А Цицерон сказал: "Нет такого грубого и дикого народа, который не имел бы веры в Бога, хотя бы он и не знал в то же время Его сущности. А что настолько всеобщее, в чем согласны все, то не может быть ложным".

Да, хотя в каждой стране и в каждом народе могут быть люди, не признающие существование личного живого Бога, но не было и нет такого народа, который весь поголовно был бы безбожным. И эта вера в Бога, присущая всем народам, это стремление людей установить связь с Ним, составляет отличительную черту человека. Из всех живых существ, населяющих землю, только человек, как

одаренный искрой божественного разума, стремится к своему Творцу, только он религиозен. И чем более человек возвышается над животными своим умственным и нравственным развитием, тем он становится способнее приблизиться к Богу и преклониться перед Его мудростью, силой и величием.

Но для человека недостаточно чувствовать и знать, что Бог существует: надо знать — каков Он?

Придя к сознанию бытия Бога, Фламарион задается вопросом: *"Кто же Ты, если дела Твои столь велики?"* Такой вопрос волновал не одного Фламариона: во все века, все народы земли, на какой бы ступени умственного развития они ни стояли, веруя в Высшее Существо, создавшее мир и управляющее им, всегда стремились познать Его; мудрецы Востока, философы древних Греции и Рима — все хотели поднять завесу, скрывающую от них Неведомого Бога, но все попытки в разрешении этого вопроса собственными человеческими силами разбивались в прах; надо было, чтобы Сам Бог открыл Себя людям. Это-то откровение и составляет сущность Евангелия.

Чтобы лучше усвоить себе евангельское учение, надо вспомнить ветхозаветные понятия о Боге. В Ветхом Завете Бог представлен грозным, мстительным, карающим за грех не только самого согрешившего, но и его неповинных детей, внуков и правнуков. О воздаянии в будущей загробной жизни за прожитую земную жизнь ветхозаветные люди почти и не думали; о будущей вечной жизни они не имели надлежащего представления и были уверены, что расплата за добрые дела и за грехи производится здесь же, на земле, пока человек жив. Поэтому, все отношения ветхозаветных людей к грозному и мстительному (по их понятиям) Богу основывались, главным образом, на страхе перед Ним, и выражались в словах: *"Бойся Бога"*.

Христос же принес нам благую весть о том, что человек бессмертен, что кратковременная земная жизнь его есть только приготовление к жизни вечной; что за дела, совершенные людьми здесь, на земле, будет воздаяние на окончательном суде; что все когда-либо жившие люди будут тогда воскрешены и сообразно прожитой жизни одни будут блаженствовать в Царстве Небесном, а другие страдать; что для достижения блаженства в Царстве Небесном надо творить волю Божию; что Бог, как беспредельное Добро и Любовь, требует от нас любви к Нему и ко всем людям; что мы должны поступать со всеми вообще людьми так, как желали бы, чтобы и с нами поступали другие, и т. д.

Словом, Христос открыл нам Бога Любви и Добра; Бога, идущего навстречу заблудшему грешнику, чтобы довести его до раскаяния и исправления; Бога, прощающего всех искренно кающихся, и с радостью принимающего в дом Свой возвратившегося с покаянием блудного сына; Бога, вводящего в Царство Небесное разбойника, раскаявшегося только на кресте, перед последним предсмертным вздохом! Христос проповедует нам Бога Любви и Всепрощения и отношение наше к Нему выражает в двух словах: *"Люби Бога!"*

Какая же громадная разница в ветхозаветных и новозаветных понятиях о Боге! Там страх, здесь любовь! Там надо было воздерживаться от грехов из-за страха жестокой казни от мстительного и грозного Судьи; здесь же — из-за желания исполнить волю Доброго, Любящего Отца, Которого сам любишь всем сердцем своим, всей душой своей!

Но все это тайны, открыть которые своими силами не мог ни один человек, как бы гениален он ни был. Поэтому, чтобы поверить этим словам, надо ознакомиться с личностью, говорившей их; надо узнать: Кто такой был Иисус? Можно ли считать Его только Человеком? И если Он не только Человек, то Кто же Он?

Для того, чтобы прямо подойти к разрешению этого вопроса, надо прежде всего узнать: действительно ли Христос воскрес? Выше было уже доказано, что Он воистину воскрес. А если Он воскрес, если собственной властью воскрешал умерших и совершая заочные исцеления умирающих, если слову Его повиновались бури и волны морские, то следует признать, что Он обладал сверхъестественной силой, был

вне законов природы, господствовал над ними, а не подчинялся им, и потому не мог быть только Человеком.

Если, к тому же, вся жизнь Его доказывает, что Он был безгрешен; если заклятые враги Его, книжники и фарисеи, вынуждены были молчать, когда Он всенародно спросил их: **Кто из вас обличит Меня в неправде?** — то, значит, Он не мог говорить неправду. Признавая, таким образом, что Иисус Христос не мог сознательно говорить неправду, мы должны признать, что Он не мог и заблуждаться, так как заблуждение есть следствие легкомысленного отношения к исследованию истины, легкомыслие же не свойственно Ему.

А если Он не мог сознательно говорить неправду, не мог и заблуждаться, то как и от кого Он мог узнать все то, о чем говорил?

Тайны, которые Христос поведал миру, не могли быть известны Ему, как Человеку. Объявляя их, как волю Отца Своего, то есть Бога, пославшего Его в мир, Он говорил: **Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру** (Ин. 8, 26); а в прощальной беседе с Апостолами сказал: **"Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне... верьте Мне по самым делам, которые Я совершил"** (Ин. 14, 11).

Итак, Иисус говорил, что все, чему учил Он, поведал Ему Сам Бог, и что как Он в Боге, так и Бог в Нем.

Иисусу Христу, как Свидетелю истины, можно или вполне верить, или совсем не верить; середины быть не может. Но так как безусловно правдивого во всем, безгрешного и всемогущего, воскресшего и вознесшегося Иисуса нельзя считать недостоверным свидетелем, нельзя считать только Человеком, то остается один только исход: верить Ему безусловно во всем, хотя бы кое-что и было недоступно ограниченному уму человеческому.

ГЛАВА 1. Предсказание ангела о рождении Иоанна Предтечи. Благовестие Пресвятой Деве Марии. Встреча с Елисаветой. Рождение Иоанна

Евангельская история начинается рассказом Евангелиста Луки о событиях, предшествовавших и сопровождавших рождение Иоанна Предтечи и Господа нашего Иисуса Христа, но, к сожалению, Евангелист не поясняет, в каком именно году произошли эти события, а ограничивается краткими указаниями, что это было **во дни Ирода, царя иудейского** (Лк. 1, 5), когда **вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле** (Лк. 2, 1).

Определение года рождения Иисуса Христа.

Древнейшие Отцы и учителя Церкви, упоминаящие о годе Рождества Христова (Иустин мученик и Тертуллиан), говорят об этом вообще неопределенно. Живший в VI веке римский монах Дионисий, по прозвищу Малый, годом рождения Иисуса Христа считая 754-й год от основания Рима; этот год и принят христианами началом нового летосчисления. Позднейшие исследования доказали, однако, что Дионисий ошибся. По свидетельству иудейского историка Иосифа Флавия, современника разрушения Иерусалима, Ирод Великий, в царствование которого родился Иисус Христос, был назначен на царство указом римского сената в 714 году от основания Рима и 37 лет спустя умер, за 8 дней до пасхи, вскоре после лунного затмения («Иудейские древности». Кн. 17), но так как 37-й год царствования Ирода соответствовал 750 году, по астрономическому же вычислению лунное затмение происходило в ночь с 13 на 14 марта 750 года, а иудейская пасха в том году приходилась на 12 апреля, то следует признать, что Ирод, царь иудейский, умер в начале апреля 750 года от основания Рима и что, следовательно, Иисус Христос родился ранее 750 года. Для более точного определения года рождения Иисуса Христа служат следующие данные:

а) Евангелист Лука свидетельствует, что Крещение Иисуса Христа Иоанном произошло **в пятнадцатый... год правления Тиверия кесаря**, и что в то время **Иисус был лет тридцати** (Лк. 3, 1, 23); но так как Август принял Тиверию в соправители за два года до своей смерти, в январе 765 года, и, следовательно, пятнадцатый год правления Тиверия начинался в январе 779 года, а Иисусу Христу было тогда, по выражению Евангелиста, *лет тридцать*, то следует признать, что рождение Иисуса Христа должно было последовать не ранее 748 и не позже 749 года; и

б) все Евангелисты свидетельствуют, что Иисус Христос был распят в пятницу, в день еврейской пасхи; а так как, по астрономическим вычислениям, 783-й год был единственным в то время, когда еврейская пасха (празднуемая всегда с вечера 14 числа первого весеннего лунного месяца нисана) должна была прийти в пятницу, 7 апреля, то следует признать, что Иисус Христос распят был 7 апреля 783 года. Если Ему было тогда тридцать четыре года, то Он родился в 748 году, а если Ему было тогда только тридцать три года или тридцать четвертый от рождения, то он родился в 749 году от основания Рима. Поэтому одни исследователи считают 748-й, другие же 749-й год от основания Рима годом рождения Иисуса Христа. Таким образом, дионисиевское летосчисление отстает от более точного не менее как на пять и не более как на шесть лет.

Ко времени рождения Иисуса Христа Палестина составляла часть Римской империи, и управлял ею, по назначению римского императора, идумеянин Ирод, называвшийся царем иудейским. Таким образом, **скипетр** (царская власть) отошел от потомков Иуды, и, следовательно, по предсказанию Иакова, настало время пришествия Примирителя (Быт. 49, 1, 10); настало оно еще и потому, что и седмины Даниилы

приходили к концу (см. Введение, с. 71–74). Все говорило за скорое явление обещанного евреям Избавителя-Христа-Мессии, и евреи ждали, что Он явится и избавит их от ненавистного римского ига.

В это-то время среди священников, служивших при храме Иерусалимском, был престарелый Захария. Вероятно, священников того же имени было много, потому что Евангелист Лука, повествуя о нем, счел необходимым добавить, что он был **из Авиевой чреды** (Лк. 1, 5). К служению при скинии были первоначально назначены исключительно потомки Елеазара и Ифамара, сыновей Аарона, но когда потомство это размножилось и, вследствие этого, пришлось установить между священниками очередь в отправлении их обязанностей, то Давид разделил их на 24 чреды, чтобы они понедельно совершали служение; очереди эти соблюдались и после построения храма, в который была перенесена скиния.

Хотя Захария и престарелая жена его Елисавета отличались не только точным соблюдением всех заповедей и уставов, но и высоконравственной жизнью, истинной праведностью, однако они были бездетны, а это между евреями считалось Божиим наказанием за грехи.

Однажды, когда Захария служил при храме, пришлось ему выйти для каждения в Святилище храма.

Устройство иерусалимского храма

Храм Иерусалимский был построен первоначально Соломоном, но, при завоевании Иудеи Навуходоносором, был разрушен. После возвращения евреев из плена Вавилонского на том же месте был построен другой такой же храм, но меньших размеров. Этот второй храм состоял из двух частей, разделенных завесой: *Святое Святых*, куда входил раз в год первосвященник в праздник очищения, и *Святое*, или *Святилище*, в которое ежедневно, утром и вечером, входил для каждения священник, избираемый по жребию из всех священников очередной чреды. Храм этот стоял на обширной четырехугольной площади, обнесенной со всех сторон высокой стеной; внутри к наружным стенам пристроены были крытые, на мраморных колоннах галереи, или притворы; притвор с восточной стороны назывался притвором Соломоновым. Площадь, на которой стоял храм, была разделена невысокими стенами на дворы: для женщин, для израильтян и для священников; все же пространство между этими дворами и притворами называлось двором язычников, так как далее этого двора язычников не пускали. Двор женщин назывался так потому, что предназначался исключительно для женщин евреек, которые не допускались ни во двор израильтян, ни во двор священников. Двор израильтян, куда могли входить только мужчины евреи, отделялся невысокой стеной от двора священников. Двор священников окружал собственно храмовое здание с трех сторон; на этом дворе стоял жертвенник, на котором приносились установленные жертвы. Таким образом, все приходившие в Иерусалимский храм молились вне храма, в разных окружающих его дворах; даже священники во время служения находились вне храма и входили в него лишь на короткое время для каждения.

Вот в этот-то храм или, лучше сказать, в одно из двух его отделений, в *Святое*, должен был войти Захария для каждения. Там стоял жертвенник, на котором священник зажигал благовонный курительный порошок; в положении и зажигании порошка и заключалось каждение.

Когда Захария вошел в *Святое* и начал исполнение своих обязанностей, то увидел ангела.

Явление ангела священнику Захарии; об ангелах вообще

Неверующие в существование ангелов, а следовательно, и в возможность явления их людям, говорят, что воображению людей с расшатанными нервами представляются иногда такие предметы, которые, не существуя в действительности, кажутся им, однако, существующими. Таким же, кажущимся только, видением называют они и явление ангела Захарии.

Не отвергая того, что воображению людей, страдающих расстройством нервов, могут представляться картины, не соответствующие действительности, мы полагаем, однако, что таким возражением вопрос об

ангелах не исчерпывается. Задумываясь над сотворением человека, одаренного искрой божественного Разума, невольно задаешься вопросом: неужели Бог остановился в Своей творческой деятельности на сотворении человека как на существе, выше которого ничего не может быть? Как ни велик разум истинного человека, однако, даже между гениальным человеком и Богом — пропасть великая, неизмеримая. Неужели же нет иных существ, которые стояли бы между человеком и Богом? И разум и сердце подсказывают нам ответ на этот вопрос: должны быть существа богоподобнее человека, стоящие к Богу ближе, чем поставлен человек, и постигающие существо Бога более, чем это доступно нам. Человеку, кроме разума, дана свобода воли и божественный голос совести. С этими свойствами души он может стремиться к доступному ему совершенству, некоторому богоподобию. Но, какой бы степени совершенства он ни достиг, хотя бы самой высочайшей, он все-таки остается существом, связанным своей телесной оболочкой, прикованным к своему земному уделу. Должны же быть иные, высшие существа, стоящие вне законов тяготения и пространства, тех законов, которым одинаково подчинены как тело человека, так и все животные и все неодушевленные предметы? Изучение природы приводит к неизбежному заключению, что строгая последовательность в сотворении живых существ, начиная от растительной клеточки (библейской зелени) и доходя до человека, должна была продолжиться еще далее и остановиться на создании мира духов [3].

Но помимо этих общих соображений, к признанию бытия ангелов как духов бесплотных приводят нас слова Господа нашего Иисуса Христа.

В конце Введения к настоящему труду сказано, что Иисусу Христу можно или верить вполне, или совсем не верить, середины тут быть не может, и что так как безусловно правдивому во всем, безгрешному и всемогущему, воскресшему и вознесшему Христу нельзя не верить, то остается один только исход: верить Ему безусловно во всем, хотя бы кое-что и было недоступно ограниченному человеческому уму. А так как Иисус Христос говорил об ангелах как о существующих бесплотных духах, то мы должны верить Ему, как верим, что человек обладает бессмертной душой, которая, освободясь от своей телесной оболочки, становится тоже бесплотным духом. Все учение Иисуса Христа направлено к тому, чтобы ввести нас в этот высший мир ангелов, сделать нас ангелоподобными; и если отвергать существование ангелов, то надо отвергать и бессмертие нашей души, и будущую вечную жизнь, и вообще все учение Христа о назначении человека. Но так как, повторяю, мы не можем не верить Иисусу Христу, то должны верить и в существование ангелов.

Но вера в бытие ангелов несколько не устраняет вопроса о том, было ли Захарии видение или явление ангела?

При разрешении этого вопроса надо иметь в виду, что Евангелист Лука, повествуя о явлении Захарии ангела, передает, конечно, все подробности этого явления со слов близких к Захарии, и не иначе, как словами самого же Захарии, ибо посторонних свидетелей явления ему ангела не было. Захария же был праведен **пред Богом** (Лк. 1, 6), следовательно, сообщая близким своим подробности этого события, он, несомненно, передал им правдиво и точно все, что сам видел и слышал; вполне достоверный по своим высоконравственным качествам, свидетель описываемого события не способен был, конечно, к искажению истины, а потому нет никаких оснований не верить ему. К тому же, увидев ангела, он **смутился**, то есть, недоумевая сначала, видение это или явление, и когда убедился, что это не кажущееся, но действительно явление ангела, тогда только решился в этом именно смысле передать подробности совершившегося. Но так как одной праведности свидетеля недостаточно, чтобы безусловно поверить его показанию, то обратим внимание и на последствия этого события. Из последующих повествований Евангелиста видно, что предсказание ангела сбылось с поразительной точностью, а это дает основание утверждать, что предсказание было действительно дано, а не создано воображением Захарии; а если оно было дано ангелом, то, следовательно, он *явился*, и явление это было действительно, а не кажущееся.

Евреи верили, что явление ангела предвещает близкую смерть того, кому он является, поэтому страх, свойственный всем разделявшим это верование, напал и на престарелого священника. Но страх и смущение были тотчас же рассеяны Божиим посланником, сказавшим: **Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются** (Лк. 1, 13–14).

Молитва Захарии

Обыкновенно полагают, что ангел говорил о *молитве* Захарии относительно разрешения неплодия его жены, но это одно только предположение. Если Захария и молился прежде о даровании ему потомства, то в описываемое Евангелистом время он уже потерял всякую надежду иметь детей, так как не поверил даже ангелу, возвестившему ему о предстоящем рождении Елисаветой сына. Вернее, что Захария, как один из немногих лучших людей того времени, ожидавших Мессию, молился ни о чем другом, как о скорейшем пришествии Его. И вот, в ответ на такую молитву он слышит от ангела то, чего никак не мог ожидать: **и жена твоя Елисавета родит тебе сына**. Применительно к этому объяснению речь ангела может быть выражена так: ты молился о пришествии Мессии; молитва твоя услышана: Он придет скоро; сын твой, которого родит тебе Елисавета, жена твоя, будет Предтечей Его.

Он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера. Сикером назывался всякий опьяняющий напиток, приготовленный не из винограда. Словами этими ангел указывает на то, что Иоанн будет *назорей*, которые, по закону (Числ., гл. 6), должны были воздерживаться в продолжение всей своей жизни от всех хмельных напитков. **И Духа Святаго исполнится еще от чрева матери** (Л к. 1, 15). Этими словами ангел указывает на необыкновенное обилие даров Духа Святого, которые будут сообщены Иоанну для выполнения Его предназначения (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 2, 243).

Ангел говорит, что сыну Захарии, Иоанну, предстоит приготовить народ израильский к пришествию Мессии и обратить сынов Израилевых к Господу Богу их.

Евреи того времени, хотя и поклонялись Единому Истинному Богу и соблюдали законы Моисея, но перестали понимать нравственное значение этих законов и считали точное соблюдение обрядовой стороны их единственным условием спасения; на себя они смотрели, как на избранный Богом народ, который должен господствовать над всеми; Мессию ожидали в полном блеске земного величия, как великого завоевателя, который покорит Израилю все народы земли и будет царствовать вечно. Словом, вера их в Бога и обещанного им Мессию была слишком далека от истиной веры их праотцов. Народ с такими извращенными понятиями не мог, конечно, понять учение Иисуса Христа *о царстве не от мира сего*, и поэтому к принятию этого учения надо было подготовить его. Задача нелегкая! Для выполнения ее требовался человек, одаренный свыше особой силой духа, такой, например, силой, какой одарен был пророк Илия, великий ревнитель истинной веры в Бога во время безбожия и нравственного отупения народа израильского. Вот почему ангел говорит, что Иоанн **многих** (но не всех) **из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; предъидет пред Ним** (то есть Богом, Мессией) **в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца** (веру) **отцов детям, и непокоривым** (нечестивым) **образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный**, и для сего он **Духа Святаго исполнится от чрева матери своей** (Лк. 1, 16–17, 15).

Захария не поверил ангелу: он и жена его были слишком стары, чтобы можно было, по человеческим понятиям, ожидать от них потомства; поэтому он попросил от ангела знамения, то есть доказательства его слов.

Чтобы рассеять сомнения Захарии, ангел называет свое имя, известное Захарии как священнику, из пророчества Даниила; говорит, что послан к нему Богом объявить благую весть о скором пришествии Мессии и рождении Его Предтечи; но, не ожидая ответа Захарии, произносит приговор за неверие: **Ты**

будешь молчать... до того дня, как это сбудется (Лк. 1, 20). Слово замирает на устах Захарии, он становится нем.

Обычное каждение в Святилище требовало немного времени; но Захария долго не выходил к ожидавшему его молившемуся во дворах храма народу; а когда наконец вышел и стал объясняться с народом знаками, то все поняли, что с ним случилось в Святилище что-то необычайное; вероятно, сам Захария, объясняясь с народом знаками о причине продолжительного пребывания его в Святилище, дал понять ожидавшим его выхода, что ему было явление ангела.

Захария оставался при храме для служения до конца своей очереди и лишь тогда возвратился в дом свой.

После сих дней зачала Елисавета (Лк. 1, 24). Православная Церковь празднует зачатие Предтечи 23 сентября. Если рождение Иисуса Христа произошло не ранее конца 748 и не позже конца 749 года от основания Рима, то зачатие Предтечи, как происшедшее за год и три месяца до Рождества Христова, относится к 747 или 748 году.

Пять месяцев (до встречи с Пресвятой Девой) скрывала Елисавета свою беременность от людей, но в тиши уединения благодарила Господа, что Он в дни ее старости избавил ее от поношения, освободил от стыда перед людьми.

Бесплодие, как сказано выше, считалось у евреев наказанием Божиим за грехи, поэтому на бесплодных смотрели презрительно, как на прогневавших Бога; бесплодную жену еврей мог прогнать из своего дома, выдав ей разводное письмо.

Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

Вот почему Елисавета радовалась, что наконец-то избавится от поношения людей и перестанет стыдиться своего бесплодия.

Рождение Пресвятой Девы Марии и жизнь Её при храме

В Назарете, небольшом городке Галилеи, к западу от Геннисаретского, или Галилейского озера, жили Иоаким, потомок царя Давида, из колена Иудина, и жена его Анна, до глубокой старости не имевшие детей. Молясь постоянно о даровании им потомства, они обещали отдать на служение Богу дитя, какое у них родится. После пятидесяти лет супружества у них родилась дочь Мария; когда Ей исполнилось три года, родители, исполняя данный Богу обет, отвели Ее в Иерусалимский храм, где и оставили на воспитание и для служения Богу.

Православная Церковь празднует Рождество Пресвятой Девы Марии 8 сентября, а Введение Ее во храм 21 ноября.

Обручение Ее Иосифу

Проживая при храме среди других воспитывавшихся там девиц, Дева Мария проводила время в молитве, чтении Священного Писания и рукоделии; когда же она достигла четырнадцатилетнего возраста, Ей надлежало оставить храм, так как, по установившемуся обычаю девицы этого возраста должны были вступать в супружество и потому им не позволялось оставаться при храме. Но Пресвятая Мария дала обет Богу навсегда остаться Девой и призналась в этом первосвященнику и священникам. Они приняли обет Девы, но, желая не оставлять Сироты без покровительства и попечения, нашли нужным обручить Ее Ее же родственнику, известному своей праведной жизнью, восьмидесятилетнему старцу Иосифу, который под именем мужа должен был быть Ее попечителем. Иосиф был плотником и жил в Назарете, куда и отправился с Пресвятой Девой после обручения.

Явление Ей ангела

В шестой месяц после зачатия Предтечи тот же **Ангел Гавриил**, который возвестил Захарии о предстоящем рождении от него сына Иоанна, **послан был от Бога в Назарет** (Лк. 1, 26) к обрученной Иосифу Деве Марии. По преданию, Мария читала в то время книгу пророка Исаяи и остановилась на пророческих словах его: **Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил** (Ис. 7, 14), и молила Бога о скорейшем ниспослании возвещенного пророками Избавителя. В эту минуту пламенной молитвы раздается голос небесного посланника: **Радуйся, Благодатная!** Радуйся скорому пришествию Мессии! **Господь с Тобою; благословенна Ты между женами** (Лк. 1, 28).

Слова ангела смутили Марию своей необычностью: Она не поняла их и оставалась в раздумье.

Не бойся, Мария! Ты, именно Ты из всех жен, **обрела благодать у Бога** (Лк. 1, 30). Ты **родишь Сына** и назовешь Его Иисусом; **Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего** (Лк. 1, 31–32). Так возвестил Марии ангел, рассеяв Ее смущение; дальнейшими словами о престоле Давида и Царстве вечном ангел устранил всякое сомнение в том, что он говорит именно о Мессии, Сыне Божиим.

Мария с полной верой приняла благовестие ангела. Но Она дала обет Богу навсегда остаться Девой; Она не желала и не смела нарушить его; предполагая же, что без нарушения этого обета нельзя сделаться матерью, Она спросила: **Как будет это, когда Я мужа не знаю?** (Лк. 1, 34).

Ангел объяснил Ей, что данный Ею обет не будет нарушен, что Она родит Сына без мужа, сверхъестественным образом: **Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя** (Лк. 1, 35).

Пресвятая Дева не требовала от ангела никаких доказательств в подтверждение его благовестия, но он сам указал Ей на Елисавету: если бесплодная Елисавета, будучи в преклонном возрасте, когда по естественным законам нельзя уже иметь детей, зачала по соизволению на то Бога, так как сказанное Захарии слово Божие не может остаться **бессильным** или неисполненным, то несомненно совершится и зачатие Младенца Девой без мужа.

Покорная воле Божией Мария со смирением ответила: **Се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему** (Лк. 1, 38).

Благовещение празднуется 25 марта.

Приняв благовестие ангела с покорностью воле Божией, Пресвятая Дева не сказала об этом Иосифу.

Иоанн Златоуст так объясняет Ее молчание: «Дева молчала, ибо думала, что не уверит жениха, сказавши о необыкновенном деле, а скорее огорчит его, подав мысль, что прикрывает сделанное преступление. Если Сама Она, услышав о даруемой Ей благодати, судила по-человечески и спрашивала: **Как будет это, когда Я мужа не знаю?** (Лк. 1, 34), то гораздо более усомнился бы Иосиф, услышав об этом от подозреваемой жены. Посему Дева вовсе не говорит Иосифу» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 1, 64).

Путешествие Пресвятой Девы к Елисавете и встреча с ней

Скрывая свою тайну от Иосифа, Мария, вероятно, желала поделиться Своей радостью с кем-либо из близких Ей. Ближе всех на земле были для Нее тогда: священник Захария, принимавший большое участие в Ней во время пребывания Ее при храме, и жена его Елисавета, двоюродная Ее сестра; к тому же Мария узнала от ангела тайну, возвещенную Елисавете; и вот, желание разделить ее радость и поделиться Своей влечет Пречистую Деву туда, где жила Елисавета, в Нагорную (южную) часть Палестины, в землю бывшего иудейского царства, в город Иудин.

Указание Евангелиста, что Захария и Елисавета жили в городе Иудином, слишком неопределенно, так как городов в земле Иудиной было много. По преданию, сохранившемся до четвертого столетия по Р. Х., Предтеча родился в небольшом городке Иутте или Ютте, близ Хеврона. Основываясь на этом предании,

мать Императора Константина Великого, царица Елена, построила в Иутте церковь, и с тех пор считают этот городок местом свидания Марии с Елисаветой.

Не зная о явлении ангела Марии, Елисавета встречает Ее, однако, тем же необычайным приветствием, с которым обратился к Ней ангел, как бы повторяет слова ангела: **Благословенна Ты между женами**. Прекрасно зная, хотя бы от мужа своего Захарии, что Мария дала Богу обет навсегда остаться Девой и что Иосиф обручен Ей не как муж, а как попечитель и охранитель, Елисавета говорит: **И благословен плод чрева Твоего** (Лк. 1, 42), то есть прямо указывает на то, что Пресвятая Дева будет Матерью. Мало того, Елисавета поясняет, Чьей Матерью будет Мария, так как высказывает изумление: **Откуда мне такое счастье, что пришла Матерь Господа моего ко мне?** (Лк. 1, 43). Очевидно, что Елисавета могла говорить так только потому, что **исполнилась Святаго Духа**, Который внушил ей эти мысли и слова. Младенец, которого Елисавета носила уже шестой месяц, пришел в необычайное движение, **выиграл радостно** (Лк. 1, 44), как только вошедшая Мария сказала Свое приветствие.

Храня от всех, даже от Иосифа, возвещенную ангелом тайну, Пресвятая Дева хотела поделиться ею только со Своей престарелой родственницей Елисаветой, для чего и предприняла далекое путешествие. Но каково же было Ее изумление, когда Она, при первой встрече с Елисаветой, не успев еще не только поведать ей Свою радость, но даже сказать что-либо, кроме обычного слова приветствия, слышит в ее вдохновенной речи и буквальное повторение слов ангельского благовестия, и открытое признание Ее Матерью Господа! Слышит также, что бесплодная и престарелая Елисавета готовится быть матерью! Пресвятой Деве стало теперь ясно, что тайна Ее уже открыта Елисавете Самим Богом. Удивление сменилось восторгом и умилением при мысли, что время пришествия Мессии и избавления Израиля уже наступило, и, под влиянием этих чувств, Пресвятая Дева произносит чудную, вдохновенную песнь: **Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем** (Лк. 1, 46–47).

В этом торжественном гимне Пресвятая Дева, отклоняя всякую мысль о Своих личных достоинствах, славит Всемогущего Бога, призревшего **на смирение Рабы Своей** (Лк. 1, 48); Она радуется призванию Своему быть Матерью Мессии; Она пророчески предвидит, что за эту милость к Ней Господа Ее будут прославлять и превозносить все уверовавшие в Ее Сына народы, во все грядущие века, что милость Божия будет простираться и на всех боящихся Его, всех чтущих Его Святое Имя, что обещание, данное Аврааму, исполнилось, что Царство Мессии уже наступило, что презираемые и гонимые миром последователи его восторжествуют, что сильные и надменные, гордые своим умом и надеющиеся лишь на земные блага будут отвергнуты и познают суетность своего мнимого богатства, а смиренные, возлагающие все свое упование на Бога, будут приняты и возвеличены.

Пробыв около трех месяцев у Елисаветы, Пресвятая Дева возвратилась в Назарет. Вероятно, Она не дождалась рождения Иоанна Предтечи; мы судим об этом так потому, что Евангелист Лука не упоминает Ее имя в числе собравшихся к Елисавете разделить ее радость рождения сына, и еще потому, что о рождении Предтечи Евангелист повествует вслед за рассказом о возвращении Девы Марии в дом Свой.

Рождение Иоанна

Когда Елисавета родила сына, то родные и соседи ее порадовались, что Господь оказал ей милость Свою; на восьмой же день пришли к ней, чтобы совершить обряд обрезания новорожденного, и хотели назвать его по имени отца.

Обрезание крайней плоти, начавшееся с Авраама, производилось по закону Моисея (Лев. 12, 3) в восьмой день от рождения; через совершение обрезания новорожденный вступал в общество избранного народа, а потому день обрезания считался радостным семейным праздником.

Елисавета, конечно, знала, какое имя должно быть дано ее сыну, и потому на предложение родных и

соседей назвать новорожденного Захарией сказала: **Нет, назвать его Иоанном** (Лк. 1, 60).

Такого имени не носил никто из родственников Захарии. Назвать новорожденного Иоанном значило отступить от веками освященного обычая, и потому за разрешением возникшего недоразумения все обратились к самому Захарии и знаками спрашивали его, как назвать младенца. Если его спрашивали знаками, то надо полагать, что он, по наказанию Божию за неверие, был не только нем, но и глух; он не слышал, когда у него словами спрашивали, и потому с ним объяснялись только знаками. Захария потребовал дощечку и написал ответ на предложенный вопрос: **Иоанн имя ему** (Лк. 1, 63).

Господь наказал Захарию немотой и глухотой не навсегда: ангел объявил ему, что он не будет говорить до того дня, когда сбудется предсказание о рождении Елисаветой сына; поэтому, после рождения младенца и наречения его Иоанном, открылись уста Захарии, и он стал славить Бога.

Явившимся на семейный праздник было, конечно, известно, что Захария стал нем и глух после явления ему ангела в Святилище храма; они знали, что бесплодная и престарелая Елисавета давно уже потеряла всякую надежду иметь детей, да и не могла иметь их, судя по естественным законам. И вот, они присутствуют при обрезании ее сына; они недоумевают, почему и мать, и глухонемой отец, не следуя установившемуся издревле обычаю, хотят назвать своего сына Иоанном; при них немота и глухота Захарии моментально проходят, и они слышат, как молчавший девять месяцев священник начинает славить Бога и вдохновенно предсказывает своему сыну великую будущность — предшествовать Господу и приготовить путь Ему. Все эти чудесные события так поразили присутствующих при обрезании Иоанна, что на них напал страх, перешедший и ко всем окрестным жителям; во всей стране Иудейской говорили об этом; все недоумевали и друг друга спрашивали: какое назначение имеет младенец сей?

Пророчество Захарии

Захария же в пророческом воодушевлении видит, подобно Деве Марии, Мессию как бы пришедшим уже и совершившим великое дело искупления человечества; обращаясь же к сыну своему, он повторяет предсказание ангела о том, что Иоанн будет **велик пред Господом** (наречется Пророком Всевышнего), **предъидет пред Ним** (предъидешь пред Лицом Господа), **дабы представить Господу народ приготовленный** (приготовить путь Ему), **и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их** (Лк. 1, 15–17) (дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, просветить сидящих во тьме и тени смертной).

О детстве и дальнейшей жизни Иоанна до явления его на проповедь покаяния Евангелист Лука говорит очень кратко: **возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях** (Лк. 1, 80).

По преданию, слух о необыкновенных обстоятельствах, окружавших зачатие и рождение сына Захарии, Иоанна, дошел до царя Ирода. Подозрительный Ирод тогда как будто не обратил на это никакого внимания; но вот, являются в Иерусалим восточные мудрецы и спрашивают: «Где родившийся Царь Иудейский?» Трепетавший за свой царский престол Ирод решил избить в Вифлееме и его окрестностях всех младенцев, а потом, вспомнив о сыне Захарии, послал убийц и в Иутту. Захария в то время отправлял служение при храме, а Елисавета, узнав о замысле Ирода, скрылась с сыном в пустыне. Рассерженный неудачей, Ирод послал к Захарии в храм спросить, где скрыл он своего сына? Старец ответил: «Я теперь служу Господу Богу Израилеву и не знаю, где сын мой». После угроз лишить жизни Захария повторил, что не знает, где сын его, и пал под мечами убийц между храмом и жертвенником (Вишняков. Святой Великий Пророк и Предтеча Господень Иоанн. С. 54–55 [4]). Когда скончалась и Елисавета, то Предтеча Христов остался сиротой и жил в пустыне.

Рождение Иоанна Предтечи празднуется 24 июня.

ГЛАВА 2. Рождение Иисуса Христа. Поклонение пастухов. Обрезание Иисуса. Принесение Его в храм. Встреча с Симеоном. Отшествие из Иерусалима

Родословная Иисуса Христа по Матфею

Евангелист Матфей писал свое Евангелие для евреев. А так как евреям надлежало доказать, что Иисус есть истинный Мессия, обещанный праотцам их, и что он происходил от Давида и Авраама, то Евангелист Матфей и начинает свое Евангелие родословной Иисуса Христа. Зная, что Иисус не был сыном Иосифа, Евангелист не говорит, что Иосиф родил Иисуса, а говорит, что **Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос** (Мф. 1, 16). Но почему же он приводит родословную Иосифа, а не Марии? По объяснению Златоуста, евреи не имели обыкновения вести родословные по женской линии, закон же их повелевал брать жену непременно из того же колена и рода, к которому принадлежал муж; поэтому Евангелист, не отступая от обычая, привел родословную Иосифа для того, чтобы доказать, что Мария, жена Иосифа, а следовательно, и родившийся от Нее Иисус, происходит из того же колена Иудина и рода Давидова (Беседы на Евангелие от Матфея. 1, 30–31). Подробности о родословной Иисуса приведены ниже, в главе 6.

Сомнения Иосифа и его сон

Пресвятая Дева отправилась на свидание с Елисаветой, будучи только обрученной невестой; вероятно, предстояло еще совершение брака по возвращении Ее в Назарет. После благовестия ангела прошло уже почти три месяца. Иосиф, не посвященный в эту тайну, заметил Ее положение; наружный вид мог дать повод к мысли о неверности невесты; он мог всенародно обличить Ее и подвергнуть строгой казни, установленной законом Моисея, но, по доброте своей, не хотел прибегать к такой крутой мере; после долгих колебаний и соображений он решился отпустить свою невесту тайно, не делая никакой огласки, вручив Ей разводное письмо без объяснений причин развода; на это закон давал ему право даже и по отношению к невесте.

Но как только он подумал об этом, то явился ему во сне ангел и объявил, что обрученная ему невеста родит от Духа Святого и что рожденного Ею Сына он назовет Иисусом, то есть Спасителем, так как Он спасет людей Своих от грехов их; поэтому **не бойся принять Марию, жену твою** (Мф. 1, 20). Иосиф признал этот сон за внушение свыше, повиновался ему, принял Марию как жену, но **не знал Ее** (Мф. 1, 25), то есть жил с Ней не как муж с женой, а как брат с сестрой или, судя по громадной разнице в годах, скорее как отец с дочерью.

Неверующим в возможность бессеменного зачатия можно заметить, что воскрешение Лазаря, тело которого в продолжении четырех дней разлагалось и издавало трупный запах, вызывает еще больше удивление; однако мы в нем не сомневаемся, а почему? Да потому, что не сомневаемся в том, что Кто создал вселенную и законы, ею управляющие, Тот не может быть рабом, этих законов, Тот вправе проявлять Свою творческую силу во всякое время, по Своему усмотрению; и если Он так наглядно проявлял эту силу в создании живого человека из разложившегося трупа, то нет ничего удивительного, что та же сила проявлена и в зачатии Марией без мужа.

Повествуя об этом, Евангелист от себя добавляет: **А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил** (Мф. 1, 22, 23; Ис. 7, 14). Евангелист Матфей писал свое Евангелие для евреев и потому не

упуская ни одного случая, чтобы доказать им в рождении и дальнейшей жизни Иисуса исполнение пророчеств о Мессии; поэтому он и приводит тут пророчество Исайи о рождении Девой Сына, Которого назовут Еммануилом. Имя **Еммануил** означает **с нами Бог**, а имя *Иисус* — *Спаситель*. Если Исайя пророчествовал о Иисусе, Сыне Девы Марии, то почему же он называет Его не Иисусом, а Еммануилом? Он не называет рожденного Девой Еммануилом, а говорит, что так Его *назовут*. Кто же назовет? Не Иосиф и не Мария, а люди, народы, населяющие землю, так как в лице Его **с нами** будет **Бог**. Это не есть собственное имя Того Сына, о рождении Которого от Девы пророчествовал Исайя, а лишь пророческое указание на то, что в лице этого Сына как Человека будет Бог, — что Он будет Богочеловек.

Перепись и путешествие в Вифлеем

Евангелист Лука начинает повествование о рождении Иисуса пояснением, что в то время вышло от римского императора Августа повеление произвести перепись по всей земле, то есть во всех пределах обширной Римской империи, и что эта перепись была *первая* в правлении Квириния Сирией.

Против достоверности этих исторических указаний возражают, говоря, что, по свидетельству Иосифа Флавия, перепись в Сирии была произведена после низложения Архелая, следовательно, после смерти Ирода лет через десять, когда Квириний был назначен правителем Сирии, а Иисус родился, как удостоверяет Евангелист Лука, в царствование Ирода.

Чтобы примирить это кажущееся противоречие, некоторые толкователи Евангелия полагали, что перепись была начата перед временем рождения Иисуса Христа, но затем, по случаю возникших народных волнений и смерти царя Ирода, была приостановлена, а лишь через 10–12 лет, в правлении Квириния, окончена, и что поэтому в стихе 2-м 2-й главы Евангелия от Луки вместо слов **эта перепись** надо читать: *самая перепись*, так как ошибка могла произойти от сходства греческих слов, переводимых по-русски словами *эта* и *самая*. Указывают еще на древнейший список Библии, известный под названием Синайского кодекса, в котором приведенное место Евангелия Луки изложено так: «Эта первая перепись была совершена прежде, чем Квириний был правителем Сирии». Главнейшим же подтверждением правдивости повествования Евангелиста Луки служит надпись на одном памятнике, найденном в 1764 году в Тиволи, древнем Тибуре; надпись эта удостоверяет, что Сульпиций Квириний, сын Публия, после покорения Августу народа гомонадов, убившего своего царя Аминту, получил, как проконсул провинции Азии, *во второй раз Сирию* и Финикию. Итак, Квириний два раза был назначаем правителем Сирии, и если при назначении его во второй раз, при низвержении Архелая, была произведена перепись, то это была вторая перепись. Так и Евангелист Лука говорит, что произведенная перед рождением Иисуса перепись была **первая** перепись в правление Квириния, и говорит так, вероятно, умышленно, чтобы отличить эту перепись от *второй*, бывшей в правление того же Квириния.

Евреи вели свои родословные по коленам и родам; обычай этот был так силен, что, узнав о повелении Августа, они пошли записаться каждый в город своего рода. Иосиф был, как известно, из рода Давидова, поэтому он и должен был отправиться в Вифлеем, называемый Давидовым городом, потому что в нем родился Давид.

Пророк Михей предсказал, что Христос родится именно в Вифлееме, городе Иудином: **И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных** (Мих. 5, 2).

По римским законам, женщины наравне с мужчинами подлежали поголовной переписи, поэтому Иосиф пошел в Вифлеем записаться не один, а с Пресвятой Девой. Неожиданное путешествие в Вифлеем, в тот город, в котором должен родиться Мессия, и притом путешествие незадолго до разрешения Пресвятой Девы от бремени, должно было доказать Иосифу и Марии, что указ кесаря о переписи есть орудие в руках Провидения, направляющее к тому, чтобы Сын Марии родился непременно в Вифлееме, а не в Назарете.

После утомительного пути старец Иосиф и Дева Мария пришли в Вифлеем, но будущей Матери Спасителя мира не нашлось места в гостинице, и Она со Своим спутником вынуждена была поместиться в пещере (как это утверждает святой Иустин Философ), куда загоняли с пастбища скот; здесь-то, в зимнюю ночь, родился Христос.

Рождение Иисуса

Родив Сына, Пресвятая Дева Сама спеленала Его и положила в ясли. Этими краткими словами Евангелист повествует, что Богоматерь родила безболезненно.

Выражение Евангелиста **и родила Сына своего Первенца** (Лк. 2, 7) дает неверующим повод говорить, что у Пресвятой Девы, кроме Иисуса первенца, были и другие дети, которые назывались Его *братьями*. Но, по закону Моисея (см. Исх. 13, 2), *первенцем* назывался всякий младенец мужского пола, *разверзающий ложесна*, то есть перворожденный, хотя бы он же был и последним. О том, что так называемые *братья* Иисуса не были Его родными братьями, сыновьями Его Матери, будет сказано ниже, в главе 7-й.

Поклонение Пастухов

Иисус Христос родился ночью, когда в Вифлееме и окрестностях его все погружены были в глубокий сон; не спали только пастухи, которые в поле стерегли вверенное им стадо. К этим скромным людям, *труждающимся и обремененным*, является ангел с радостной вестью о рождении Спасителя мира. Лучезарный свет, окружавший ангела среди ночного мрака, испугал пастухов, но ангел тотчас же успокоил их, сказав: **Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь** (Лк. 2, 10–11). Этими словами ангел дал понять им истинное значение Мессии, пришедшего не для одних евреев, но для всех людей, ибо *радость* будет всем людям, которые, конечно, примут Его за Спасителя, уверуют в Него.

Ангел объяснил пастухам, что они найдут родившегося Христа Господа в пеленах, лежащего в яслях. Не те ли это были пастухи, которые загоняли иногда свое стадо в пещеру, приютившую ныне Богоматерь и рожденного Ею Младенца?

Но почему же ангел не возвестил о рождении Христа старейшинам иудейским, книжникам и фарисеям? Почему он не призвал и их к поклонению божественному Младенцу? Да потому, что эти слепые вожди слепых перестали понимать истинный смысл пророчеств о Мессии и, по своей исключительной иудейской горделивости, воображали, что обещанный им Избавитель явится в полном блеске величественного царя-завоевателя и покорит им весь мир, а с такими извращенными понятиями они, конечно, не поверили бы и ангелу, что родившийся в пещере, при такой убогой обстановке, Младенец есть истинный Мессия-Христос.

Пастухи не сомневались, что ангел послан к ним от Бога, и потому удостоились слышать торжественный небесный гимн: **Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!** (Лк. 2, 14). Ангелы славят Бога, пославшего в мир Спасителя; они радуются, что с принятием новой заповеди любви мир будет и на земле, и что к людям, которые подчинятся закону любви, будет Божие благоволение. Слава и мир! Слава на небе, мир на земле!

Нам могут, однако, заметить: прошло двадцать столетий с тех пор, как ангелы возвестили наступление мира на земле, а люди все продолжают воевать, обагрят землю человеческой кровью; какой же это мир?

Мир, возвещенный ангелами, нельзя понимать как немедленное прекращение всех войн и ссор, как одновременное замирение всех живущих на земле людей, как начавшийся уже мир всего мира. Сам Иисус Христос, говоря Своим ученикам — **мир оставляю вам, мир Мой даю вам** (Ин. 14, 27) — и объясняя им, что этот мир будет с ними и что они будут считаться Его учениками только тогда, когда будут исполнять новую Его заповедь любви — **по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**

(Ин. 13, 35), — не скрывал от них и той распри, которую породит Его учение. **«Не думайте, — сказал Он, — что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч (Мф. 10, 34).** Следовательно, мир дается не всем живущим на земле, не всем даже признающим Иисуса Христа за Господа: **Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7, 21),** но только тем, которые вправе называться истинными учениками Христа, тем, которые свято исполняют Его заповедь любви; причем этот мир есть мир внутреннего мира человека, мир его души, и об этом-то мире пели ангелы в своем гимне.

Ангелы удалились, а пастухи поспешно отправились в Вифлеем, нашли Младенца, лежащего в яслях, и первые поклонились Ему. Они рассказали Марии и Иосифу о том событии, которое привело их к колыбели Христа Господа; рассказывали они о том же и другим, и все, слышавшие их рассказ, удивлялись.

А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем (Лк. 2, 19). Она не удивилась необычным рассказам, но запоминала все слышанное.

Евангелист Лука, подробно описывающий события благовестия ангела и рождение Иисуса Христа, очевидно, писал со слов Самой Богоматери, а потому его повествование — вне всякого сомнения.

Определение дня Рождества Христова

Рождество Христово Восточные Церкви стали праздновать лишь в конце IV столетия, приняв для этого, по примеру Западных Церквей, день 25 декабря. Иоанн Златоуст (Творения. 2. С. 392–400) следующим образом объясняет, почему западные, а за ними и восточные христиане празднуют Рождество Христово 25 декабря: полагали, что Захария был первосвященник, и что явление ему ангела было за завесой, во Святом Святых, куда раз в год, в праздник очищения, входил первосвященник, а так как праздник этот приходился в конце сентября, в десятый день седьмого лунного месяца (см. Лев. 16, 29), то днем зачатия Предтечи стали считать 23 сентября; отсчитав девять месяцев от этого числа, признали, что рождение Предтечи произошло 24 июня. В шестом месяце после зачатия Иоанна Крестителя, то есть в марте, было благовестие ангела Деве Марии, после чего Она пошла к Елисавете, пробыла у нее около трех месяцев и, не дождавшись рождения ею сына, вернулась домой, что должно было случиться до 24 июня; поэтому считают, что Благовещение было 25 марта, а через девять месяцев, то есть 25 декабря, родился Иисус Христос. По тому же исчислению *Обрезание* празднуется на восьмой день, 1 января, а *Сретение* — на сороковой день, 2 февраля. Все эти расчеты основаны на предположении, что Захария был первосвященником. Но предположение это едва ли правильно, так как Иосиф Флавий, перечисляя всех первосвященников того времени, не упоминает в числе их Захарию. К тому же Захария был, как говорит Евангелист Лука, очередным священником, из Авиевой чреды, первосвященник же не причислялся ни к какой чреде. Он мог быть в описываемое время первосвященником из всех священников Авиевой чреды, так как ему по жребию пришлось войти в Святилище для каждения, но из-за этого нельзя считать его первосвященником. К тому же Евангелист Лука говорит, что Захария, как избранный по жребию из очередных священников, вошел в **храм Господень для каждения**, то есть в Святилище, где находился жертвенник кадильный, а не в Святое Святых. Поэтому, хотя мы и празднуем 25 декабря день рождения Иисуса Христа, но действительный день рождения Его нам не известен, как неизвестны и дни зачатия Иоанна, благовестие Пресвятой Деве Марии, рождение Иоанна, обрезание Иисуса и встречи Его Симеоном.

Обрезание Господне

Пресвятая Дева оставалась в Вифлееме с Младенцем и Иосифом; на восьмой день совершенно было обрезание Младенца, и Его назвали Иисусом. По закону Моисееву (см. Лев. 12, 2–8) женщина, родившая сына, считалась нечистой семь дней и, кроме того, тридцать три дня должна была оставаться дома, не прикасалась ни к чему священному; по прошествии же этих дней она должна была явиться в храм и

принести жертву. Но если родившийся сын — первенец, то, по первоначальному закону, он должен был быть посвящен Богу для служения при храме; со временем же, когда для этого служения избрано было одно только колено Левино, то за первородных назначен был выкуп в пять священных сиклей (см. Числ. 18, 16), то есть около четырех рублей на наши деньги.

В глазах евреев необрезанный не мог войти в общество народа Божия; он не мог входить ни в храм, ни в синагоги; необрезанного евреи не признали бы за Мессию. Равным образом, и Пресвятая Дева, не отбыв срок очищения, не могла бы считаться истиной израильянкой. Вот почему были исполнены все эти законные требования.

Принесение Младенца Иисуса в храм и встреча Его Симеоном

В храме, при принесении Богоматерью выкупа и жертвы, находился благочестивый старец Симеон, ожидавший **Утешения Израилева**. Так как явление Мессии должно было принести народу еврейскому утешение, то принято было и Самого Мессию называть *Утешением, Утехой*; вот почему про Симеона сказано, что он был чающий, то есть ожидающий Утешения Израилева (Лк. 2, 25).

Евангелист Лука не дает нам о личности Симеона никаких сведений кроме того, что он был благочестив, ожидал пришествия Мессии, был предупрежден Духом, что не умрет до тех пор, пока не увидит Христа, и по особому вдохновению пришел в храм в то именно время, когда Младенец Христос был принесен туда Своей Матерью и Иосифом.

Узнав в Младенце обещанного Мессию, старец Симеон берет Его на руки и высказывает радость, что наконец-то он увидел Славу народа Израилева, Свет для просвещения язычников и Спасение для всех народов, — что наконец-то Владыка-Бог отпускает его с миром (то есть душевным покоем) из этой временной жизни в лучшую, вечную.

Возвращая Младенца Иисуса удивленной Богоматери, Симеон в пророческом вдохновении видит будущее: видит озлобление иудеев против посланного для спасения их Мессии, слышит споры и пререкания (**се, лежит Сей... в предмет пререканий**) между последователями и врагами Его, те пререкания, которые (да откроются помышления многих сердец) обнаружат любовь к истине в одних и закоренелую злобу в других, одних возвеличат в Царстве Славы, а других низвергнут из него (**се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле**); он видит скорбную Мать, стоящую у Креста с душой, как бы пронзенной оружием (**и Тебе Самой оружие пройдет душу**), и под влиянием такого пророческого предвидения, указывая на Младенца Иисуса, говорит: **Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец** (Лк. 2, 34, 35). Ангел возвестил Марии только радость, Симеон предсказывает Ей и скорбь.

Вдохновенная пророческая речь Симеона должна была привлечь всех бывших в то время в храме. То было время общего ожидания пришествия Мессии, и потому все присутствовавшие при этом, в особенности священники, должны были бы сохранить **все слова сии, слагая их в сердце Своем** (Лк. 2, 19) (как то сделала Богоматерь); но, к сожалению, почти все евреи того времени ожидали Мессию в блеске земного величия и были так упорны в своем заблуждении, что в Сыне бедной Матери, Которого держал на руках Симеон, не могли признать Христа Спасителя. Евангелист даже не говорит, чтобы вдохновенная пророческая речь Симеона произвела какое-либо впечатление на находившихся в то время в храме; одна лишь престарелая вдова, известная под именем Анны пророчицы, поверила Симеону, славил Младенца Иисуса как Господа и говорила о Нем в Иерусалиме всем ожидавшим пришествия Мессии.

Возвращение в Назарет

Евангелист Лука повествует далее, что Пресвятая Дева и Иосиф, совершив в храме все, что требовал закон, возвратились в Галилею, в свой город Назарет. Но из Евангелия от Матфея мы знаем, что

возвращение в Назарет последовало после поклонения волхвов в Вифлееме, избияния младенцев, бегства Святого Семейства в Египет и возвращения из Египта. Как же Евангелист Лука говорит, что Пресвятая Дева с Иисусом и Иосифом возвратились после встречи с Симеоном в Назарет? Нет ли тут противоречия? И отчего Евангелист Лука ничего не говорит о поклонении волхвов и других последовавших за тем событиях?

Эти вопросы разъясняются следующим образом. Ни один из четырех Евангелистов не имел притязаний на полное изложение всей истории земной жизни Иисуса Христа; да это было бы и невозможно, судя по свидетельству Евангелиста Иоанна, оканчивающего свое Евангелие такими словами: **Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг** (Ин. 21, 25).

Первое Евангелие написал Апостол Матфей, и записал в нем все, что было ему достоверно известно, и чему он притом придавал особое значение, а он писал с целью убедить евреев, что Иисус, Сын Девы Марии, есть именно Тот Мессия, о Котором так много пророчеств заключается в книгах закона и пророков. После него спутник Апостола Петра, Марк, по просьбе христиан, живших в Риме, записал для них устную евангельскую проповедь Апостола Петра; когда же труд Марка был им окончен и одобрен самим Апостолом Петром, то стал известен под названием Евангелия от Марка. В то время многие стали описывать события из жизни Иисуса Христа, но их писания были недостоверны (потому и отвергнуты Церковью); ввиду этого спутник Апостола Павла, Лука, рассудил, как сам объясняет в предисловии, описать по порядку, **по тщательном исследовании всего сначала**. Вот как он сам объясняет цель своего Евангелия: **Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, — то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен** (Лк. 1, 1–4). Значительно позже, когда из всех Апостолов оставался в живых один Иоанн, малоазийские епископы упросили его написать им новое Евангелие для изобличения умножившихся в то время еретиков. Иоанн исполнил их просьбу и написал свое, четвертое Евангелие, объяснив цель написания его в следующих словах: **Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его** (Ин. 20, 31). Составляя это Евангелие, Апостол Иоанн имел, конечно, под руками все три принятые Церковью Евангелия, ранее написанные, поэтому он не повторяет того, что подробно и удобопонятно изложено в первых Евангелиях, но или описывает пропущенное ими, или же дополняет и поясняет их повествования, где в этом встречалась надобность.

Итак, все четыре Евангелия надо рассматривать как повествования, взаимно друг друга дополняющие, вследствие чего умолчание одного Евангелиста о событиях, о которых повествует другой Евангелист, нельзя принимать за отрицание этих событий. Если бы, например, Евангелисты Лука и Иоанн отрицали описанные одним только Евангелистом Матфеем события: поклонение волхвов, избияние младенцев, бегство в Египет и возвращение в Назарет, то, конечно, не преминули бы упомянуть об этом в своих Евангелиях; следовательно, умолчание ими этих событий, обстоятельно и подробно описанных Евангелистом Матфеем, следует считать признанием истинности описанного и нежеланием повторяться.

Признавая, таким образом, умолчание Евангелиста Луки о поклонении волхвов, избиянии младенцев и бегстве в Египет за нежелание его повторять обстоятельное повествование об этих событиях Евангелиста Матфея, мы должны еще устранить кажущееся с первого взгляда противоречие в их повествованиях относительно времени возвращения Святого Семейства в Назарет.

Средства к устранению этого кажущегося противоречия содержатся в Евангелии.

Рассказывая о возвращении Святого Семейства из Египта, последовавшем после смерти Ирода, Евангелист Матфей говорит: **Он** (то есть Иосиф) **встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю**

Израилеву. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоился туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские и, придя, поселился в городе, называемом Назарет (Мф. 2, 21–23).

Выражение Евангелиста — **убоялся туда идти** — нельзя понимать в том смысле, что Иосиф побоялся *пройти* через Иудею в Галилею, так как, направляясь из Египта в Галилею, нельзя было миновать Иудею; поэтому, выражение — **туда идти** — надо понимать в другом смысле. Если Иосиф побоялся идти в Иудею единственно вследствие воцарения там жестокого Архелая и пошел в Галилею не по собственному желанию, но потому лишь, что получил откровение о том во сне, то следует признать, что, по возвращении из Египта, он намеревался поселиться в Иудее, а не в Галилее. Он хотел вернуться из Египта туда, откуда вышел, а так как из приведенных слов Евангелиста Матфея видно, что он хотел вернуться не в Назарет, а в Иудею, то следует признать, что и бегство в Египет последовало из Иудеи, и из того именно города Иудеи, пребывание в котором представляло особенную опасность по случаю предстоявшего избиения младенцев, то есть из Вифлеема.

Бегство Святого Семейства в Египет не могло последовать из Назарета еще и потому, что пребывание его в Назарете не представляло никакой опасности. Опасно было оставаться только в Вифлееме и окрестностях его, куда направлялись Иродовы убийцы; поэтому несомненно, что Святое Семейство отправилось в Египет из Вифлеема, и отправилось туда, конечно, после принесения Младенца Иисуса в храм и встречи там с Симеоном.

Бегство в Египет последовало, как известно, вскоре после поклонения волхвов. Но когда же произошло поклонение волхвов? До принесения Младенца Иисуса в храм или после?

Если бы поклонение волхвов произошло до принесения Иисуса в храм, то несомненно, что желавшие отличиться перед Иродом и снискать его расположение (а таковые могли быть и между священниками) немедленно донесли бы ему как о предсказании старцем Симеоном будущности Младенца, принесенного в храм бедной Матерью, так и о прославлении Анной пророчицей этого Младенца как ожидаемого Избавителя. Подозрительный Ирод не оставил бы таких указаний без внимания и начал бы искать опасного ему Младенца в Иерусалиме; но так как Евангелист Матфей не дает нам никаких указаний на подобные розыски в Иерусалиме новорожденного Царя Иудейского, то надо полагать, что и самое прибытие волхвов в Иерусалим с вопросом — **где родившийся Царь Иудейский** (Мф. 2, 2), — последовало после принесения Младенца Иисуса в храм.

Итак, следует признать, что, согласно с повествованием Евангелиста Луки, после принесения Младенца Иисуса в храм, Святое Семейство действительно отправилось в Назарет; но так как после того произошли поклонение волхвов Иисусу в Вифлееме, бегство в Египет и избиение младенцев в Вифлееме и окрестностях его, то несомненно, что для этого должно было произойти вторичное путешествие из Назарета в Вифлеем. Но для чего же Богоматерь с Иисусом и Иосифом вторично предприняли такое путешествие? На этот вопрос можно дать следующий, вполне правдоподобный и притом единственный, ответ: Иосиф, исполняя данное ему Богом поручение охранять Иисуса в Его младенчестве, должен был понять, что Мессия, Царь Иудейский, должен жить и действовать в Иудее, а не в языческой Галилее, не в Назарете, о котором евреи говорили: *Из Назарета может ли быть что доброе?* Иисус родился в Вифлееме, как и предсказал пророк; следовательно, и жить Ему надо в Вифлееме, городе царя Давида. Так, несомненно, должен был рассуждать Иосиф. И что могло удерживать его в Назарете? Он был плотник, следовательно, мог своим ремеслом заработать средства к жизни на всяком месте. Поэтому он решается переселиться на постоянное жительство в Вифлеем и предпринимает для этого с Марией и Младенцем Иисусом вторичное путешествие туда.

Только такое толкование и устраняет противоречие между Евангелистами Матфеем и Лукой.

ГЛАВА 3. Поклонение волхвов. Избиение младенцев. Бегство в Египет и возвращение из него.

Двенадцатилетний Иисус в храме

Прибытие волхвов с востока

Когда родился Иисус, пришли в Иерусалим волхвы с востока. Волхвами назывались люди ученые, обладавшие большими знаниями, в особенности в области астрономии. В Вавилоне и Персии они пользовались особым уважением, бывали жрецами и советниками царей. Говоря, что **пришли в Иерусалим волхвы с востока** (Мф. 2, 1), Евангелист не поясняет, откуда именно они пришли. Иустин мученик, Епифаний и Тертуллиан полагали, что волхвы пришли из Аравии; Иоанн Златоуст и Василий Великий — из Персии, а Блаженный Августин — из Халдеи. Вероятнее всего, они пришли из страны, составлявшей прежде Вавилонское царство, так как там, во время семидесятилетнего плена евреев, предки волхвов, явившихся в Иерусалим, имели возможность узнать от ученых евреев, что они ждут Избавителя, Великого Царя, Который покорит весь мир; там же жил пророк Даниил, и из откровения ему о седмицах волхвы могли знать приблизительно и время пришествия этого Царя; — там же, наконец, должно было сохраниться предание и о пророчестве волхва Валаама (времен Моисея), сказавшего: **Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля** (Числ. 24, 17; см. также Ис. 11, 10–16; 60, 6).

Значение виденной ими на родине звезды

Волхвы увидели звезду на востоке и пришли в Иерусалим. Какая же это была звезда? И зачем они пошли в Иерусалим?

Игнатий Богоносец, Ориген и Евсевий полагали, что это была особенная, нарочно созданная для этого случая, звезда; Иоанн Златоуст и Феофилакт считали ее разумной силой, явившейся в образе звезды. Астроном Кеплер доказывая, что виденная волхвами звезда была не что иное, как совпадение как бы в одной точке двух планет, Юпитера и Сатурна; мнение это он основал на том, что 17 декабря 1603 года произошло подобное же совпадение этих планет, а в следующую весну к ним присоединилась третья планета Марс, и что, по астрономическим вычислениям, совпадение Юпитера с Сатурном должно было происходить и в 747 году от основания Рима, а в следующем 748 году к ним должен был присоединиться Марс.

Такое чисто астрономическое объяснение необыкновенной звезды, явившейся волхвам, нисколько не подрывает чудесного значения самого путешествия волхвов в Иудею и поклонения их Младенцу Иисусу. Сам Иоанн Златоуст дает такое объяснение цели путешествия волхвов, которое может вполне примирить противоположные мнения о самой звезде. В Беседах на Евангелие от Матфея (6) он говорит: «Волхвы знают, что Новорожденный будет Царем не у них, а у другого народа, в стране отдаленной. Для чего же предпринимают такое путешествие, подвергаясь в этом деле великим опасностям? Они должны были знать, что когда придут в город, имеющий царя, и станут всенародно объявлять, что есть другой царь, кроме теперь там царствующего, то подвергнут себя тысяче смертей. Для чего и поклоняться лежащему в пеленах? Персиянину, варвару, не имеющему ничего общего с народом иудейским, решиться выйти из своей земли, оставить отечество, родных и дом и подвергнуться чужому владычеству! Перейти такой далекий путь, только поклониться, всех взволновать и тотчас уйти! И какие они нашли признаки царского сана, когда увидели хижину, ясли, Младенца в пеленах и бедную Мать? Кому принесли дары? и для чего?»

Разве было установлено и принято в обычай так изъявлять почтение всякому рождающемуся царю? Разве они обходили всю вселенную и о ком узнавали, что он из низкого и бедного состояния сделается царем, тому поклонялись прежде восшествия на царский престол? Видишь ли, сколько открывается несообразностей, если судить о сем по ходу дел человеческих?» Отвечая на эти вопросы, Иоанн Златоуст говорит далее: «Так как иудеи, непрестанно слыша пророков, возвещавших о пришествии Христовом, не обращали на то особенного внимания, то *Господь внушил варварам* прийти из отдаленной страны расспрашивать о Царе, родившемся у иудеев; и они от персов первых узнают то, чему не хотели научиться у пророков».

Необычайную звезду видели, конечно, все волхвы востока. Если такое небесное явление должно было, по их учению, означать рождение великого Царя, и если хождение на поклонение таким хотя бы и иноземным, царям входило в их обычай, то, казалось бы, *всем* им и надлежало отправиться в совместное торжественное путешествие. Однако неоспоримое предание называет только трех волхвов, пришедших в Иерусалим; где же остальные, почему они не последовали примеру трех, если такие путешествия были обычны? Дело в том, что такого обычая среди волхвов не существовало; поэтому, если трое из них пошли на поклонение иноземному Царю, то не по обычаю, а по другим причинам.

Допустим, что волхвы могли принять совпадение Юпитера и Сатурна за необычайную звезду, — что, привыкши считать особенные небесные явления предзнаменованиями чрезвычайных событий на земле, они вспомнили о звезде Иакова, об ожидании евреями великого Царя, о седмицах Даниила, и потому предположили, что именно теперь и родился Царь Иудейский; все-таки остается необъяснимым: зачем же, с какой целью из всех волхвов только тремя предпринято такое необычайное, далекое, опасное и не оправдываемое человеческим разумом путешествие? Зачем?

Отвечая на этот вопрос, мы должны признать чудесное значение этого путешествия: Богу угодно было призвать к поклонению Христу первыми: в лице пастухов — не зараженных фарисейским лжеучением евреев и в лице волхвов — ученых язычников как лиц, наиболее способных уверовать во Христа, Сына Божия.

Руководимые Богом волхвы так были уверены, что Христос, Царь Иудейский, действительно родился, что не спрашивают, пришедши в Иерусалим, родился ли Царь Иудейский, а стараются только узнать, **где родившийся Царь Иудейский?** А такая уверенность не могла явиться от одного только созерцания невиданной раньше звезды и от знакомства с некоторыми пророчествами да преданиями иудейскими, если бы не была вдохновлена свыше.

Беспокойство Ирода

Ирод, родом идумеянин, был незаконным царем евреев и потому испугался, что родившийся настоящий законный Царь свергнет его с престола. Но почему встревожился Иерусалим, то есть жители его, иудеи, когда им надо было радоваться рождению Христа, предвозвещенного пророками Избавителя? Иннокентий, архиепископ Херсонский, находил, что евреи того времени, не все, конечно, но громадное большинство, больше любили себя, чем Христа: они думали, что Ирод, встревоженный вестью о рождении Христа, будет преследовать всех, кто решится поклониться Христу; да и совесть у многих была нечиста: многие пользовались милостями Ирода, подслуживались ему и под его покровительством жили за счет угнетенного народа; как было предстать Христу с такой совестью? Вот почему евреи, оберегая лишь самих себя, боялись даже громко говорить о Христе и не пошли на поклонение Ему, хотя Вифлеем был так близок от Иерусалима.

Кровожадный Ирод, привыкший за время своего царствования беспощадно казнить всех, даже воображаемых только, врагов своих, узнав от волхвов о рождении Царя Иудейского, тотчас же решил избавиться от соперника обычным для него средством, убийством; но он не знал, куда послать убийц. Не

сомневаясь в том, что родившийся Царь Иудейский есть ожидаемый евреями Мессия-Христос, и что место Его рождения должно было быть предсказано пророками, он созывает первосвященников и ученых евреев (книжников) и прямо задает им вопрос: **Где должно родиться Христу?** (Мф. 2, 4).

Предсказание пророка Михея о месте рождения Мессии было хорошо известно книжникам, и они тотчас же указали Ироду на Вифлеем.

Пророчество Михея приведено здесь Евангелистом не буквально, но совершенно сходно с подлинником по смыслу. Вот слова Михея: **И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных** (Мих. 5, 2). В этом пророчестве кроме указания на Вифлеем как место происхождения Мессии, важны и другие указания: пророк не говорит, что Владыка будет жить в Вифлееме, а что Он только произойдет (изыдет) из этого города, и что действительное происхождение Его из начала, от дней вечных, то есть происхождению Его, как и Бога, нет начала.

Вифлеем — значит *дом хлеба*, а Ефрафа — *плодоносное поле*. Как то, так и другое названия даны были по причине особенного плодородия почвы той местности.

Ирод узнал от книжников место рождения Христа; но ему хотелось узнать еще и время Его рождения. Полагая, что звезда явилась волхвам в самый момент Его рождения, он призвал к себе волхвов тайно и выведал, очевидно, хитростью время явления звезды. Осторожный и подозрительный Ирод воображая, что евреи дорожат родившимся Христом и не дадут убить Его, а потому и облакает таинственностью свои объяснения с волхвами, хотя последствия доказали, что он ошибался, подозревая в евреях такую любовь к Мессии.

Отправление Иродом волхвов в Вифлеем

Узнав таким образом место и время рождения Христа, Ирод хотел иметь подробные о Нем сведения, дабы не ошибиться при исполнении своего коварного замысла; и вот для достижения этой цели он прикидывается благочестивым, желающим воздать Новорожденному надлежащие почести: он просит волхвов тщательно разведать о Младенце и все подробности сообщить ему.

Волхвы, по-видимому, поверили мнимой искренности Ирода, так как отправились в Вифлеем, не скрывая цели своего путешествия. По всей вероятности, они отправились в путь вечером, так как в таких жарких странах, как Палестина, не принято было путешествовать днем. Когда вышли они из Иерусалима и посмотрели на звездное небо, то увидели опять звезду, явившуюся им на родине до путешествия их в Иерусалим. Следовательно, звезда, явившаяся им на востоке, не указывала им путь в Иерусалим; да и надобности в этом не было, так как они знали, что долженствовавший родиться в то время Царь Иудейский должен был родиться не иначе, как в царстве Иудейском, и потому они пошли прямо в столицу этого царства. Явившаяся волхвам на родине их звезда перестала быть видимою, когда они отправились в путь, и вновь показалась, когда они вышли из Иерусалима в Вифлеем; с этим вполне согласуется вычисление Кеплера о вторичном, через год после первого, совпадении в одной точке Юпитера и Сатурна и присоединении к ним Марса в 748 году от основания Рима, то есть в год рождения Иисуса Христа.

Увидев звезду опять, волхвы обрадовались, так как видели в этом явлении явное подтверждение их мнения о последовавшем уже рождении Царя Иудейского. Но радость их несомненно перешла в благоговейное удивление, когда глазам их представилось чудо, когда они увидели в Вифлееме иную звезду над тем домом, в котором находился Младенец Христос.

Значение Вифлеемской звезды

Волхвы шли в Вифлеем потому, что книжники иудейские указали им на этот город как место рождения Христа, Царя Иудейского, поэтому они не нуждались в особом указании пути в Вифлеем,

отстоящий от Иерусалима в 9—10 верстах, тем более, что дорога туда проходила по глубокой долине. Но волхвы несомненно нуждались в указании, в каком именно доме из всех домов Вифлеема находился Младенец Христос. Из повествования Евангелиста не видно, чтобы волхвы обращались с этим вопросом к кому-либо из жителей Вифлеема; да едва ли вифлеемляне могли ответить на вопрос — **где родившийся Царь Иудейский?** Таким образом, без особого указания свыше волхвы не могли достигнуть своей цели; и вот, совершается чудо: они видят звезду над домом, где был Младенец. Если бы звезда остановилась в своем движении на недостигаемой высоте своего пути, то нельзя было бы понять, не только над каким домом или городом, но даже над какой областью она остановилась, а потому, если по остановке звезды волхвы могли безошибочно определить дом, где находился Младенец, то следует признать, что звезда эта стояла над самым домом настолько низко, что уже никаких сомнений не могло быть. Эта звезда, засиявшая над самой кровлей дома, была, конечно, не обыкновенная звезда, не совпадение Юпитера, Сатурна и Марса, которое волхвы увидели, выйдя из Иерусалима в Вифлеем, а особое чудесное явление.

Родился Иисус Христос в пещере, а поклонялись Ему волхвы в доме, в котором после того поселилось Святое Семейство.

Поклонение волхвов младенцу Иисусу и возвращение их на родину Убедившись чудесным явлением особой звезды над кровлей дома, что в этом именно, а не каком-либо ином доме находится Царь Иудейский, волхвы не поколебались в этом убеждении чрезвычайно бедной обстановкой, которая окружала Его; они тотчас же пали пред Ним ниц и, по обычаю востока, подали дары в знак особого почтения. В выборе даров усматривается особое значение: золотом платили дань царям, ладаном курили при богослужениях, а смирной намазывали тела умерших для замедления разложения; поэтому, следует считать, что волхвы принесли Иисусу: золото — как Царю, ладан — как Богу, смирну — как Человеку.

Окончив все, для чего было предпринято путешествие, волхвы намеревались возвратиться домой через Иерусалим и исполнить данное Ироду обещание; но отошли в страну свою иным путем, вероятно, южным побережьем Мертвого моря, и поступили так по особому откровению во сне. Откровение во сне, в какой бы форме оно ни было, привело их к убеждению, что Ирод затевает что-то недоброе, и потому, не желая содействовать ему в его кровожадных замыслах, они решили не встречаться с ним.

Бегство святого семейства в Египет

Христос пришел не для того, чтобы в младенческом возрасте пасть под мечом Иродовых убийц. Как только Ирод стал обдумывать способы избавиться от законного Царя Иудейского, Иосиф, по внушению Бога, уходит с Младенцем и Матерью Его в Египет, в страну, неподвластную Ироду, где Святое Семейство могло оставаться в полной безопасности.

Ангел говорит Иосифу во сне: **Встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет** (Мф. 2, 13).

«Иосиф, услышав это (говорит Златоуст), не соблазнился и не сказал: что это за странность? Ты прежде говорил, что Он спасет людей Своих, а теперь Он даже и Себя не спасет, и нам должно бежать, удалиться и переселиться в отдельную страну? Это противоречит тому, что обещано. — Но он ничего такого не говорит, ибо он был муж верный: не любопытствует даже о времени возвращения». На поставленный так прямо вопрос — отчего Христос Сам не спас Себя от Иродовых убийц? — Златоуст отвечает: «Потому, что если бы Господь с первого Своего возраста начал творить чудеса, то Его не стали бы признавать Человеком» (Беседы на Евангелие от Матфея).

Слова пророка Осии — **из Египта воззвал Я Сына Моего** (Ос. 11, 1) — относятся к выходу народа израильского из Египта при Моисее, причем Сыном Божиим называется весь народ израильский, а потому едва ли могут быть применены ко Христу.

Избиение Иродом младенцев

Ирод разгневался, когда волхвы не вернулись в Иерусалим. Выведав от волхвов, что звезда явилась им на их родине около года назад, он пришел к заключению, что Младенец теперь если и старше года, то во всяком случае моложе двух лет; место рождения Его известно. Чтобы обеспечить себя от притязаний нового Царя, надо убить в Вифлееме и его окрестностях всех младенцев двух лет и моложе; в числе их наверное и будет Христос. Так думал и решил Ирод. По случаю переписи Вифлеем и его окрестности были переполнены потомками царя Давида; туда поспешили Иродовы убийцы, и под мечами их пало (по преданию) около 14 000 младенцев.

И сбылось (поясняет от себя Евангелист) сказанное пророком Иеремией: **Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий** (Мф. 2, 18).

Рама — небольшой городок в колене Вениаминовом. На этом месте полководец Навуходоносора, Навузардан, собрал пленных иудеев, чтобы отвести их в Вавилон (Иер. 40, 1). Очевидец этого события, Пророк Иеремия изображает его, как плач Рахили, праматери отводимых в плен, как бы на смерть: **Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет** (Иер. 31, 15). Евангелист же видит в этом печальном событии образ другого события — избиения младенцев Иродом, а потому и приводит слова пророка как сбывшиеся в событии избиения младенцев в Вифлееме, близ которого погребена Рахиль (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1, 43).

Что Ирод решился на такое злодеяние, это понятно, судя по его властолюбивому и не останавливавшемуся ни перед чем характеру. Но чем же виноваты погибшие дети, и как Бог допустил Ирода совершить это злодеяние? Вот вопросы, которые волнуют многих.

Если бы назначение человека ограничивалось его жизнью на земле и, следовательно, оканчивалось бы с его смертью, то есть, если бы за свои хорошие и дурные поступки люди получали воздаяние только здесь, на земле, то тогда еще можно было бы задавать подобные вопросы; тогда каждый страдающий за правду, каждый невинно осужденный, каждый обездоленный вправе был бы считать себя обиженным, вправе был бы говорить: где же справедливость? И как Бог допускает нас страдать в то время, как люди злые, порочные, благоденствуют? Так действительно рассуждали потерявшие веру в своих богов язычники, не имевшие понятия о воскресении и вечной жизни; так рассуждают и теперь не знакомые с сущностью христианства.

Истинные же христиане думают иначе; они знают, что Иисус Христос учил о бессмертии души и предстоящем воскресении всех людей, о кратковременности земной и вечности будущей жизни, о воздаянии в будущей жизни за все совершенное здесь, на земле, о бессилии земного богатства, величия и славы пред Судом Божиим; они знают, что Христос наглядным примером, то есть Своими страданиями, смертью и Воскресением, доказал людям, что и они воскреснут. Поэтому, ожидая в будущей жизни воздаяния за добро и зло, совершенное ими на земле, они не обвиняют Бога в несправедливости, если подвергаются здесь незаслуженным страданиям и несчастьям, так как знают, что нередко эти несчастья посылаются свыше как испытания (пример в лице Иова) и что, во всяком случае, безропотно перенесенные беды будут зачтены им или прощением грехов, или особой наградой.

«Что такое смерть? (спрашивает Златоуст). То же, что снятие одежды: тело, подобно одежде, облекает душу, и мы через смерть слагаем его с себя на краткое время, чтобы опять получить его в светлейшем виде... Дай мне только твердую веру в Царство Небесное и — умертви меня, ежели хочешь, сегодня же! Я поблагодарю тебя за смерть, потому что через нее ты скоро переселишь меня к тем благам» (Творения. Т. 2. С. 74).

«Ты скажешь (говорит Златоуст), что дети совершили бы многие, может быть, и великие дела, если бы продолжалась их жизнь. Но Бог не попустил бы ранней смерти их, если бы они имели соделаться великими». «Напротив (говорит Иннокентий, Архиепископ Херсонский), они легко могли быть в числе тех,

которые кричали Пилату: **Распни, распни Его!** (Лк. 23, 21). **Кровь Его на нас и на детях наших** (Лк. 23, 29). Может быть, на них обрушились бы те скорби и беды, о которых Господь говорил пред Своими страданиями: **Приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!** (Лк. 23, 29). И это-то блаженство теперь и досталось вифлеемским матерям. Им лучше было потерять детей в невинном возрасте, чем видеть их несчастную смерть или ужасные бедствия впоследствии, когда они стали бы опорой их немощной старости».

«Таковы наши причины (говорит Златоуст); впрочем, это не все: есть и другие, сокровеннейшие, которые знает только один Господь».

Да, много недоумений и вопросов возникает в нас при виде бедствий, постигающих людей, по видимому, неповинных; и если мы бываем не в силах разрешить эти недоумения и ответить на мучительные вопросы, то должны помнить ответ Иисуса Христа Апостолу Петру: **Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после** (Ин. 13, 7). Многое непонятное нам становится иногда понятным по прошествии некоторого времени; окончательно же мы уразумеем все на последнем Суде Христовом над родом человеческим.

Кому не приходилось слышать, как люди, убитые горем, в особенности женщины, ропщут на Бога? Потеряв близкого, горячо любимого, прекрасного во всех отношениях человека, например, мужа, или сына, или дочь, они в отчаянии взывают к Богу и говорят: «Господи! За что Ты лишил меня последнего утешения в жизни? За что прекратил жизнь чудного человека, который, кажется, и не заслужил этого? Если такие хорошие люди преждевременно умирают, то зачем же живут люди дурные, люди злые, жизнь которых не только никому не нужна, но даже тяготит многих? Где же справедливость Твоя, Господи?» Не получив ответа на эти дерзновенные вопросы, сраженные горем нередко рассуждают так: «Если Бог существует, то Он должен быть справедлив; Он должен быть олицетворением высшей правды; и в мире, которым Он управляет, не должно быть даже и тени неправды. Но на самом деле мы видим вокруг себя больше зла, чем добра; почти на каждом шагу мы видим, как злые люди притесняют несчастных, обогащаются за их счет, заставляют их страдать, мучиться, переносить всевозможные лишения, а сами благоденствуют и проводят жизнь в роскоши и весельи на деньги, нажитые нечистым путем! Страшная нищета труженика, страдания его, жизнь, полная горя и отчаяния, жизнь беспросветная, жизнь без всякой надежды на лучшее, светлое будущее; и тут же рядом — безумная роскошь какого-нибудь тунеядца! Где же правда? Где же Бог? Как может Он допускать такое неравенство, такую вопиющую несправедливость?.. А если Он допускает такую несправедливость, то, значит, Он Сам несправедлив. А если Он несправедлив, то Его нет, Он не существует!»

Так нередко рассуждают убитые горем люди. Под влиянием таких мыслей они перестают молиться. Вместо того, чтобы искать утешения в молитве, вместо того, чтобы идти ко Христу, зовущему к Себе всех труждающихся и обремененных и обещающему им душевный покой, они отворачиваются от Него и говорят, что при такой несправедливости к ним со стороны Бога они не могут молиться Ему.

Но так могли рассуждать только язычники и евреи до пришествия на землю Господа нашего Иисуса Христа. Они верили, что за свои хорошие или дурные поступки они получают воздаяние здесь же, на земле, и только здесь. Понятно, что при таких воззрениях вопросы о справедливости были вполне уместны: каждый страдающий за правду, каждый невинно осужденный, каждый обездоленный мог считать себя обиженным, мог говорить: где же справедливость? и как Бог допускает, чтобы неправда царила среди людей? Да, так рассуждали язычники, постепенно терявшие из-за этого веру в своих богов; так рассуждают и теперь многие, не знакомые с сущностью христианства. Нам же, христианам, стыдно так рассуждать и так роптать на Бога.

Христос принес нам благую весть о том, что мы бессмертны, — что кратковременная земная жизнь

наша есть не что иное, как приготовительная школа к иной, вечной жизни, — что в этой школе мы должны стремиться к доступному нам совершенству и через это достигать цели своей земной жизни, то есть блаженства вечной жизни в Царстве Небесном.

Христос сказал, что в стремлении к совершенству мы встретим много препятствий, которые причинят нам немало бед и горя, но будут крайне необходимы для успешного шествия по намеченному пути. Христос говорил, что возмездие за прожитую земную жизнь ожидает нас не здесь, а в будущей загробной жизни; бедствия же, которые мы нередко испытываем здесь, зависят частью от нас же самих, частью же от свободной воли других людей. Господь создал нас не только разумными, но и свободными; обладая разумом и совестью, зная к тому же волю Божию, мы легко можем отличить хорошее от дурного; и если поступаем дурно, грешим, то потому только, что *хотим* грешить. Если бы мы действовали не по своей воле, если бы каждым поступком нашим руководил Сам Бог, то тогда мы были бы слепым орудием воли Божией, мы были бы автоматами и потому не могли бы отвечать за свои дурные дела, не были бы ответственными за них. Поэтому нельзя в каждом поступке человека усматривать проявление воли Божией, нельзя несправедливости людские приписывать Богу. Говоря так, я прекрасно понимаю, что Господь не мог устранить Себя от вмешательства в жизнь людей; я верю, что Он, предоставив нам полную свободу действий, руководит нами в нашем стремлении к достижению цели нашей земной жизни, в нашем желании быть совершенными, богоподобными. Но при таком руководительстве Он не насилует нашу волю; нет, Он предоставляет нам жить так, как мы хотим; и если мы сворачиваем с истинного пути, ведущего к совершенству, если мы уклоняемся от него и рискуем потерять его из вида, то Господь нередко посылает нам предостережения, в виде какого-либо бедствия. Часто мы не понимаем значения этих предостережений и начинаем говорить о несправедливости к нам Бога, начинаем роптать на Него; после же, по прошествии некоторого времени, мы приходим иногда к сознанию, что, подвергая нас бедствиям, Богу угодно было напомнить нам, что мы сбились с пути. И благо нам, если мы вовремя поймем это напоминание и пойдем за Господом, зовущим к Себе всех труждающихся и обремененных! Но и тут, когда мы идем на Его зов, заботливый Господь нередко испытывает нас, нашу веру в Него и нашу силу противостоять всем соблазнам и обходить все препятствия, встречающиеся на пути. И эти испытания нередко посылаются опять-таки в виде постигающих нас бедствий. И если мы безропотно переносим их и принимаем их не как несправедливость по отношению к нам, и не как наказание, нами незаслуженное, а как должное испытание, и если мы не колеблемся ни в вере нашей, ни в стремлении продолжать начатое шествие по пути к совершенству, то благо нам, ибо мы достигнем цели своего земного странствия. Но горе тем, которые эти предостережения и испытания, посылаемые Богом Любви, принимают за Его несправедливость, за незаслуженное ими наказание и ропщут на Него! Пусть в ропоте своем вспомнят, что награды и наказания будут там, в загробной вечной жизни; здесь же — только предостережения и испытания. Божественный Суд над нами будет там; там мы познаем справедливость Божию, там начнем новую жизнь, ту жизнь, которую здесь, сами, но с помощью Божией, готовим себе! Там мы пожнем то, что сеем здесь!

Итак, христианство если и считает смерть несчастьем, то только для людей, которые покаянием и добрыми делами не успели загладить, искупить свою греховную жизнь, так как после смерти нет места покаянию; для праведных же, а также для детей, еще не согрешивших, преждевременная смерть, как смена худшей одежды на лучшую, не может быть признана ни несчастьем, ни тем более несправедливостью.

Евангелист умалчивает о том, как долго прожило Святое Семейство в Египте и какие там произошли события: он и не имел намерения описывать все события жизни Иисуса Христа, а хотел только своим повествованием доказать евреям, что распятый ими Иисус есть действительно Мессия, Которого они, вопреки ясным пророчествам, не признали. Однако и Евангелист Матфей дает некоторые указания, по

которым можно судить о времени возвращения из Египта, следовательно, и о продолжительности пребывания там Иосифа с Младенцем Иисусом и Матерью Его: он указывает на смерть Ирода как на событие, устранившее необходимость дальнейшего пребывания их в Египте.

Смерть Ирода

Ирод умер в начале апреля 750 года от основания Рима. Смерть его была ужасна. По словам Иосифа Флавия, Господь Бог наказывал его за все его беззакония. Медленный жар мучил и пожирал его внутри. Его внутренность была полна язв; многие наружные части тела были изъедены червями; он едва мог дышать, и его дыхание было так зловонно, что нельзя было приблизиться к нему. И, вдобавок ко всему этому, страшный голод мучил его, такой голод, которого не было возможности утолить. Предвидя свой близкий конец, Ирод знал, что никто не пожалеет его, никто не будет оплакивать его кончину; поэтому он собрал к себе в Иерихон знатнейших евреев и дал приказ умертвить их в минуту своей смерти для того, чтобы (как объяснил он сам цель этого нового злодеяния) смерть его была оплакана; приказ этот не был, однако, исполнен. Но за пять дней до своей смерти Ирод казнил сына своего Антипатра («Иудейские древности». Кн. 17).

Возвращение святого семейства из Египта

По смерти Ирода Иосиф получил во сне повеление идти с Младенцем и Матерью Его в землю Израилеву. Иосиф повиновался: **встал** (от сна), **взял Младенца и Матерь Его и Пошел в землю Израилеву** (Мф. 2, 21). Из этих слов Евангелиста следует заключить, что выход из Египта последовал немедленно после явления ангела Иосифу во сне, то есть в тот же день. Если считать, что Иисус Христос родился в 748 году, то ко времени смерти Ирода Ему было около двух лет от рождения, то есть Он был тогда еще Младенцем; Младенцем называет Его и ангел, передающий Иосифу во сне повеление Божие возвратиться в землю Израилеву; поэтому, следует признать, что выход Святого Семейства из Египта последовал тогда, когда Иисус был еще в младенческом возрасте, то есть вскоре после смерти Ирода.

Дойдя до земли Израилевой, Иосиф намеревался поселиться в Иудее, то есть в Вифлееме, откуда, по пророчеству Михея, должен был выйти Христос; но он узнал, что в Иудее царствует жестокий и кровожадный Архелай, сын Ирода, и потому недоумевая, как тут поступить; получив же во сне откровение, пошел в Галилею, где царствовал менее кровожадный сын Ирода, Антипа, и поселился в городе Назарете, в котором и прежде жил.

Жизнь Иисуса в Назарете

Кровожадный Архелай, по сказанию Иосифа Флавия, в первые дни своего царствования умертвил в храме в праздник пасхи три тысячи евреев. Поселение в Назарете произошло, по мнению Евангелиста, для того, чтобы сбылось реченное через пророков, что **Он**, то есть Иисус Христос, **Назореем наречется** (Мф. 2, 23). Такого изречения нет в Ветхом Завете. Иоанн Златоуст полагал что изречение это взято Евангелистом из ветхозаветной книги, потерянной евреями. По мнению Епископа Михаила, Евангелист не указывает в частности ни на одно пророчество, но имеет в виду общий характер пророчеств об униженном состоянии Христа, так как не говорит *реченное чрез пророка*, но **чрез пророков**. Пророки, предвозвещая о Мессии, часто говорили об Его униженном состоянии, а жители Назарета были презираемы евреями; выйти из Назарета или быть Назаретцем — Назарянином или Назореем — это значило быть в пренебрежении, в презрении, быть униженным, отверженным. На Христе, поселившемся в Назарете, бывшем в унижении, дошедшем до смерти на кресте, и исполнилось в точности сказанное через пророков об этом унижении Его (Толкование на Евангелие от Матфея. 1, 23).

Поселение в Назарете несколько не противоречит пророчеству Михея о Вифлееме. Пророк не говорил, что в Вифлееме будет *жить* Тот, происхождение Которого из начала, от дней вечных; пророк

сказал, что Он, долженствующий быть Владыкой в Израиле, произойдет только из Вифлеема, *выйдет* из него. Так и сбылось пророчество: Иисус Христос родился в Вифлееме, вышел из него, но жил в другом городе.

Про жизнь Иисуса Христа до двенадцатилетнего возраста Евангелист Лука говорит кратко: **Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем** (Лк. 2, 40). Другие Евангелисты не сообщают ничего из жизни Иисуса Христа до самого Крещения Его. А так как Евангелист Лука писал свое Евангелие **по тщательном исследовании всего сначала** (Лк. 1, 3), то упоминание его лишь о беседе двенадцатилетнего Иисуса с учителями иудейскими в храме и умолчание о всех прочих событиях этого периода Его жизни доказывают, что, кроме знаменательной беседы с раввинами, в жизни Иисуса Христа, до появления Его на Иордане, не произошло ничего такого, что выдавало бы Его как Мессию: Богу угодно было, чтобы Христос оставался до времени в неизвестности, дабы тем оградить Его от злобы руководителей народа иудейского.

По закону Моисея (Втор. 16, 16), все евреи мужского пола обязаны были три раза в год являться на место, которое изберет Господь Бог, на праздники: пасхи, пятидесятницы и кущей; впоследствии местом этим стал Иерусалим; исключения допускались только для детей и больных. Особенно же строго соблюдалась обязанность путешествия в Иерусалим на праздник пасхи. Обычаем было установлено, что мальчики должны были ходить в Иерусалим на праздники, начиная с двенадцатилетнего возраста, так как с этого возраста они становились членами израильского общества, обязывались верно исполнять предписания Закона и назывались сынами Закона.

Евангелист Лука говорит, что родители Его, то есть Иисуса Христа, каждый год ходили в Иерусалим. Почему же Евангелист, зная, что Иосиф не был отцом Иисуса, употребляет такое неправильное выражение? Потому, что тайна рождения Иисуса Христа должна была оставаться до времени скрытой от всех; не зная этой тайны, все жители Назарета отцом Иисуса считали и называли Иосифа как мужа Его Матери; не желая обнаруживать эту тайну, сама Богоматерь называла Иосифа отцом Иисуса. Таким образом, Евангелист Лука, называя в этом месте своего повествования Иосифа и Марию родителями Иисуса, передает чужие слова и оставляет их без пояснений потому, что они и без того должны быть понятны каждому. Впрочем, в другом месте своего Евангелия Лука поясняет, что Иосиф не был отцом Иисуса, но таковым считали его: **Иисус... был, как думали, Сын Иосифов** (Лк. 3, 23).

На праздник пасхи приходило в Иерусалим, по свидетельству Иосифа Флавия, по крайней мере, два миллиона евреев. Празднование продолжалось восемь дней, по прошествии которых богомольцы возвращались по домам.

Двенадцатилетний Иисус в иерусалимском храме

Путешествуя ежегодно в Иерусалим вместе с Иосифом на праздник пасхи, Богоматерь, несомненно, каждый раз брала с Собой и Своего божественного Сына. В этом нас убеждают: невозможность предположения, чтобы Она решилась разлучаться с Ним на такое продолжительное время, а также точный смысл повествования Евангелиста Луки: **И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник** (Лк. 2, 42).

Выходя из Иерусалима по окончании праздничных дней и не видя около себя Иисуса, Иосиф и Мария думали, что Он идет с их родственниками, возвращающимися в тот же Назарет, куда и они шли. Быть может, и в прежние годы Отрок Иисус временно присоединялся в пути к другим партиям богомольцев, родственников или знакомых, а во время дневного отдыха или ночлега вновь переходил к той партии, в которой шли Его Мать и Иосиф. Только такими кратковременными, вошедшими, вероятно, даже в обыкновение, отлучками и можно объяснить, что Иосиф и Богоматерь идут до первого ночлега и не беспокоятся, что нет при них Отрока. Такое спокойствие их было следствием твердой уверенности, что

Отрок Иисус идет тут же, недалеко, в кругу своих. Если бы они могли подумать, что Иисус мог остаться в Иерусалиме, то, конечно, начали бы искать Его ранее наступления вечера и немедленно вернулись бы за Ним.

Возвратясь в Иерусалим, переполненный еще богомольцами, Иосиф и Мария не предполагали, что Иисус мог остаться в храме, и потому тщетно искали Его вне храма три дня; войдя, наконец, в храм, вероятно, с целью помолиться, они увидели Его среди учителей, удивлявшихся разуму и ответам Его.

В чем заключались вопросы и ответы двенадцатилетнего Иисуса учителям иудейским? Евангелист ничего не говорит об этом; но так как беседа происходила в храме, под руководством книжников, занимавшихся толкованием Священного Писания, и притом в то время, когда все ожидали пришествия Мессии, то можно с достоверностью предположить, что вопросы и ответы как учителей, так и Иисуса, касались пророчеств о Мессии. В этой беседе Отрок Иисус проявляет не только мудрость, но и знание Писания, такое знание, которое приводит в изумление самих книжников. Откуда же такое знание? Где, в какой школе Он учился? Ответ на эти вопросы мы находим в дальнейших повествованиях Евангелистов. Когда Иисус вошел в синагогу Назарета и стал учить, то все **дивились словам благодати, исходящим из уст Его, и говорили** (Лк. 4, 22): **откуда у Него такая премудрость?** (Мф. 13, 54); а когда Иисус учил в храме, то **дивились Иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись?** (Ин. 7, 15). Таким образом, жители Назарета, знавшие Иисуса Христа с детства, и Иудеи, то есть враги Иисуса, удостоверяют, что *Он не учился*, не был ни в какой школе. Сам же Иисус Христос не только не опровергает такое мнение о Нем иудеев (**как Он знает Писания, не учившись?**), но даже прямо утверждает его, говоря: **Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня** (Ин. 7, 16). Этому-то учению Пославшего, этим-то словам Самого Бога дивились иудеи, когда слышали проповедь Иисуса; та же премудрость Божия проявилась и в вопросах и ответах двенадцатилетнего Иисуса, не нуждавшегося в земных школах и учителях.

Увидев Иисуса среди учителей, Иосиф и Мария **удивились**, — вероятно, потому, что не ожидали встретить Его в таком сообществе и при такой обстановке. Обращаясь к Нему со словами — **что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя** (Лк. 2, 48) — Мария была, конечно, уверена, что с Ним, как состоявшим под охраной Самого Бога, не могло случиться ничего дурного, и если, несмотря на это, скорбела, то единственно лишь потому, что такая продолжительная, впервые случившаяся, разлука была неприятна, мучительна лично для Нее.

В этих словах Мария называет Иосифа отцом Иисуса. В глазах всех, не знавших тайны рождения Иисуса, Иосиф был отцом Его, хотя в действительности и не был таковым. Тайна эта должна была быть сохранена до времени, и потому Богоматерь иначе и не могла назвать Иосифа в этом случае. Но в ответе Иисуса блаженный Феофилакт усматривает как бы поправку к этим словам: «А когда нашли Его, смотри, как Он отвечает им! Так как Дева назвала Иосифа отцом Его, то Он говорит: не он (Иосиф) мой истинный отец, хотя Я и был в его доме; но Бог — Мой Отец, и потому Я в Его доме, то есть во храме Его» (Благовестник. 3, 47).

«Зачем было вам искать Меня? — говорит Отрок Своей Матери и Иосифу. — Зачем вы искали Меня в других местах Иерусалима, а не в храме? Или вы, знающие тайну Моего рождения, знающие Кто Мой Отец, не знали, что Мне должно быть там, где Мой Отец, в том, что принадлежит Отцу Моему (Лк. 2, 49)?»

В этих словах Иисус Христос впервые открывает Свое назначение — исполнить волю Пославшего Его; но ни Мария, ни Иосиф не поняли всей глубины ответа Иисуса. Однако, по свидетельству Евангелиста Луки, **Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем** (Лк. 2, 51); а это свидетельство убеждает нас в том, что все повествование о двенадцатилетнем Иисусе записано Святым Лукой со слов Самого Богоматери¹.

Возвращение Иисуса в Назарет и жизнь его до тридцатилетнего возраста О дальнейшей жизни

Иисуса до появления Его на Иордане Евангелисты ничего не говорят; один только Лука свидетельствует что Иисус возвратился из Иерусалима в Назарет, где и пребывал в повиновении у Матери Своей и Иосифа, преуспевая в премудрости и в любви у Бога и людей. Иосиф, названный отец Иисуса, был плотник, а так как на обязанности каждого еврея отца лежало обрезать сына, научить его заповедям Господним и какому-нибудь ремеслу, то несомненно, что и Иисус Христос, пребывая в повиновении у Иосифа, сначала помогал ему в его ремесле, а после смерти его и Сам зарабатывая средства к жизни этим ремеслом; в этом убеждают нас слова фарисеев, сказанные о Нем в синагоге Назаретской: **не плотник ли Он?** (Мк. 6, 3).

Евангелисты умалчивают о дальнейших подробностях жизни Иисуса до тридцатилетнего возраста, и поступают так потому, что целью их было изобразить общественное служение, а не частную Его жизнь².

В дальнейших повествованиях Евангелистов мы ни слова не услышим об Иосифе. Очевидно, что ко времени крещения Иисуса Иосифа уже не было в живых. Когда он умер — неизвестно, но из повествования Евангелиста Луки о том, что двенадцатилетний Иисус пошел с Матерью Своей и Иосифом в Назарет и был в повиновении у них, можно заключить, что после того Иосиф прожил еще несколько лет.

¹ По мнению профессора Несмелова, невозможно думать, что Иосиф и Мария забыли о чудесных событиях, предшествовавших рождению Иисуса и сопровождавших его; но, равным образом, невозможно думать и то, чтобы они понимали спасение Богом своего народа в смысле христианского учения о спасении людей. Они вполне верили в мессианское достоинство Иисуса, но понимали это достоинство в смысле вождельней иудейского народа. Понятно поэтому, что двенадцатилетний Мальчик, думавший и говоривший о Боге и совсем не помышлявший о политике, являлся для Марии и Иосифа пока еще не тем, чем по их мнению Ему суждено было сделаться; потому-то они и не поняли ответного слова Его о доме и о делах Отца Своего (Наука о человеке. Т. 2. С 298).

² Неверующие в Божество Иисуса Христа распространяют басни о том, будто бы Он, прежде выступления своего на проповедь, много путешествовал, был в Египте и Индии, познакомился с различными религиями и заимствовал из них многое.

Во-первых, эти басни не основаны ни на чем: нет ни одного исторического памятника, нет ни одного свидетельства, подтверждающего их. Во-вторых, люди, распространяющие эти басни, а также слепо принимающие их на веру, оказываются незнакомыми с Евангелием. Если бы они основательно изучили Евангелие, то не решились бы верить в такие нелепости.

Из всех четырех канонических Евангелий видно, что первосвященники, книжники, фарисеи и старейшины иудейские стали в явно враждебные к Иисусу Христу отношения с первого же дня Его всенародной проповеди (Ин. 2, 13–19). И потом они неотступно (хотя и не в полном составе) следили за Ним, желая уличить Его в нарушении законов Моисея и преданий старцев, чтобы предать Его за это суду синедриона. Куда бы ни пошел Господь, какой бы толпой народа ни был окружен, эти соглядатаи всегда были тут. Они боялись, что с провозглашением Иисуса Мессией их влияние на народ падет безвозвратно, а с потерей влияния они лишатся значительных выгод и доходов. Следя неотступно за Ним, враги Его, конечно, произвели тщательное расследование о Его прежней жизни. Не только прежде, но и теперь люди, желающие унижить своего врага, с особенным рвением копаются в его прошлом, узнают все мельчайшие подробности его жизни и, найдя какое-либо пятнышко, сейчас же раструбят о нем по всему свету. И враги Христовы, несомненно, узнали все Его прошлое. И, несмотря на это, никто из них не решился сказать, что Иисус путешествовал по разным странам и надолго отлучался из Назарета. А случаи к тому были. Когда, например, Господь говорил книжникам и фарисеям, что проповедуемое Им учение не Его учение, а Пославшего Его Отца, то враги Его имели прекрасный повод сказать Ему: Да, это учение не Твое; Ты заимствовал его от индусов и египтян; ведь Ты жил там! — Однако, никто не сказал Ему ничего подобного. Напротив, когда народ восхищался учением Христа, фарисеи и книжники прямо и открыто

засвидетельствовали перед всеми, окружавшими тогда Господа, что Он жил в Назарете и занимался там ремеслом плотника: **Не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем?** (Ин. 6, 42). Еще раньше этого, когда Христос проповедовал в назаретской синагоге и слушатели **дивились словам благодати, исходившим из уст Его** (Лк. 4, 22), то книжники и фарисеи с некоторыми назаретянами, желая рассеять произведенное проповедью впечатление, говорили: **откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотник ли Он, сын Марии, брата Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами Его сестры?** (Мк. 6, 3; Мф. 13, 54–56). (Что так называемые братья и сестры Иисуса были ему только троюродными, см. ниже, с. 185–186.) А этот, невольно вырвавшийся из уст книжников и фарисеев, возглас — **как Он знает Писание не учившись?** (Ин. 7, 15). Разве не служит он неопровержимым доказательством, что Иисус Христос не был ни в одной раввинской школе и вообще нигде — ни в Назарете, ни на стороне — не учился? А в те времена нельзя было человеку знать Писание, не учившись ни в какой школе. Тогда евреи не понимали уже еврейского языка и говорили на арамейском наречии; книги же ветхозаветные были написаны на еврейском языке одними согласными буквами без гласных, и потому чтение их представляло большие трудности. Перевод семидесяти толковников на греческий язык был в употреблении лишь у ученых эллинов; в еврейских же школах изучали Писание только по еврейскому тексту.

Итак, сами враги Христовы, разузнавшие, несомненно, от назаретян все относившееся к жизни Иисуса Христа, всенародно засвидетельствовали, что Он плотник, нигде не учившийся, Которого в Назарете все знают. Этого свидетельства, полагаю, достаточно, чтобы опровергнуть басни о путешествиях Иисуса Христа в Индию и Египет с целью изучения религиозных верований народов, населявших эти страны.

ГЛАВА 4. Иоанн Креститель и его проповедь

Евангелист Лука начинает свое повествование о явлении Иоанна Крестителя свидетельством, что в то время Палестина составляла уже часть Римской империи, и ею правили, именем римского императора, тетрархи или четверовластники, управлявшие каждый четвертой частью всей области.

Состояние евреев перед выходом Иоанна из пустыни

Подчинение римскому владычеству было тяжким ударом для горделивых евреев; они считали себя избранным народом, особенно любимым и покровительствуемым Богом; они управлялись законами, преподанными, по их мнению, Самим Богом; они должны, по обещанию Моисея, господствовать над всеми народами мира, а не быть в подчинении; ведь Моисей, доведя их предков до земли обетованной, перед смертью своей заклинал их исполнять эти законы и говорил: **Если ты... будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сегодня, то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли... и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать** (Втор. 28, 1, 12). Значит, подчинение Риму — временное; пророки предвозвестили пришествие Избавителя; Он придет, свергнет это иго и покорит Израилю все народы мира!..

Секты фарисеев и саддукеев

Так рассуждали тогда поработанные евреи; а так как исполнение пророчества Моисея поставлено было в зависимость от строгого исполнения заповедей, то понятно, что на изучение книги Закона (Торы) и на исполнение всех требований его было обращено особенное внимание. К сожалению, евреи того времени, за весьма немногими исключениями, были уже настолько нравственно испорчены, что перестали понимать истинный смысл заповедей; они думали, что вся праведность для них как потомков Авраама заключается лишь в точном исполнении обрядовой стороны Закона, и забыли, что тот же Моисей призывал на них все проклятия, если они не будут слушать **гласа Господа Бога** (Втор. 28, 15–68). Под влиянием таких стремлений образовалась секта ученых евреев, которые старались выделиться из среды других особенной ревностью к букве Закона и потому назывались *фарисеями*, то есть отдельными, отличными (*феришим*, от слова *фаруш* — отделение, отличие).

Изучая букву Закона, фарисеи не замечали смысла его; они забыли заповедь о любви к Богу и людям, и все свое внимание сосредоточили лишь на строгом соблюдении субботы, на омовениях, жертвоприношениях и вообще на всех внешних признаках благочестия. Завладев всеми видными общественными должностями, сделавшись учителями и руководителями народа, они злоупотребляли своим положением, наживались за счет вдов и сирот и прикрывали все свои хищения внешней набожностью. Умение притворяться и лгать, скрывать пустоту и порочность души под наружным видом святости составляло отличительную черту этих лицемеров.

Другая партия, состоявшая первоначально главным образом из священников, называлась партией *саддукеев*, или справедливых. Название этой партии одни производят от еврейского слова *цедаках* — справедливость, другие же от имени Садока, раввина, учившего за 260 лет до Рождества Христова, ученика Антигона. Антигон проповедовал, что человек обязан служить Богу бескорыстно, без надежды на награду и не из-за страха наказания после смерти. Садок же, односторонне поняв это учение, стал отвергать награды праведным и наказания грешникам и будущую загробную жизнь. Последователи его, саддукеи, считали, что душа человеческая уничтожается вместе с телом, — что поэтому нет воскресения, нет и загробной жизни, и что все на земле зависит от свободной воли человека, а не от Промысла Божия. Будучи большей частью священниками и даже первосвященниками, они признавали Священное Писание лишь потому, что

строгое исполнение народом обрядовой стороны приносило им значительные выгоды. Так, например, фамилия Ананов устроила на Масличной горе завод для разведения и базар для продажи жертвенных голубей; злоупотребляя своею властью, первосвященники этой фамилии умножили случаи, в которых жертвоприношения голубей были обязательны, и продавали пару голубей по золотому динарию. Эти обманщики, преданные чувственности и любостыжанию, смотрели на религию лишь как на средство к обогащению, хотя и старались это тщательно скрывать.

Вот каковы были наставники и руководители народа израильского в то время, когда должны были исполниться пророчества о пришествии Мессии!

Четверовластник Лисаний

Перечисляя четверовластников, Евангелист упоминает Лисания как правителя Авиллины, то есть области, примыкающей к Галилее и имевшей главный город Авилу. Противники достоверности Евангелии говорят, что Лисаний, хотя и был правителем этой области, но умерщвлен в 36 году до Рождества Христова, о другом же Лисании Иосиф Флавий и другие не упоминают; поэтому они (Штраус) усматривают в словах Евангелиста грубую историческую ошибку.

Но против такого обвинения представляют следующие возражения: Лисания, убитого до рождения Иисуса Христа, Иосиф Флавий называет *царьком*, а не четверовластником. Этого царька Антоний умертвил в 34 году до Рождества Христова и отдал его царство Клеопатре, царице египетской. Четверовластником же был другой Лисаний, что доказано раскопками развалин Авилы, произведенными в 1737 году. При этих раскопках найдена часть небольшого храма с надписью, в которой значится имя Нимфея, вольноотпущенного *Лисанием четверовластником*. Начинается эта надпись словами: *Во здравие государей Августов*. Этими Августами следует считать императора Тиверия и вдову императора Августа, Ливию, принявшую после смерти мужа титул Августы, так как до воцарения Тиверия в императорском семействе никогда не было двух лиц, одновременно носивших титул Августа. А это доказывает, что в царствование Тиверия в Авиле или Авиллине был четверовластник Лисаний (2-й), и что, следовательно, Евангелист Лука, упоминая о нем, не сделал никакой ошибки.

В то время первосвященником был Каиафа, зять Анны, бывшего первосвященника, отрешенного от должности правителем Иудеи. Пользуясь, однако, родством с заменившим его первосвященником, Анна сохранил за собой влияние в синагоге и после отрешения своего, поэтому и его считали и называли первосвященником.

Появление Иоанна

В это-то время, в пятнадцатый год правления Тиверия, то есть в 779 году от основания Рима, когда Иоанну, сыну Захарии и Елисаветы, исполнилось уже тридцать лет, когда он достиг такого возраста, какой давал право учительствовать, он вышел из своей пустыни по особому внушению свыше и проходил по всей окрестной стране иорданской, призывая всех к покаянию.

Все Евангелисты говорят об Иоанне как посланном от Бога. **Был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне** (Лк. 3, 2). Так говорит Евангелист Лука о призвании Иоанна. Ту же мысль выражает и Евангелист Иоанн в словах: **Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете** (Ин. 1, 6, 8). А Евангелист Марк начинает свое Евангелие словами пророка Малахии, относя их к Иоанну: **вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою** (Мк. 1, 2). Евангелисты Матфей (3, 3), Марк (1, 3) и Лука (3, 4) говорят, что Иоанн — это тот, о котором пророчествовал Исайя, **то есть глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу** (Ис. 40, 3).

Строгий подвижник, носивший самую грубую одежду из верблюжьего волоса и питавшийся акридами

(род саранчи) и диким медом, он представлял собою резкую противоположность современным ему наставникам и руководителям еврейского народа. Обходя города и селения окрестной страны, он везде объявлял о том, что Царство Небесное приблизилось, что оно близко, но что войти в него могут только люди с чистым сердцем. **«Покайтесь, — говорил он (Мф. 3, 2), — спешите каяться, спешите очиститься от грехов, так как скоро будет уже поздно каяться: Царство Небесное близко, уже приблизилось!»**

«Никакое слово не могло глубже поразить и тронуть, обратить на себя большее внимание и потрясти умы, как слово о приближении Царства Божия. В минуту чрезмерного напряжения умов, до которого довели евреев пыл неисполненных доселе надежд и скорбь при виде все более и более возрастающего угнетения, голос нового Пророка раздался, как клич к освобождению. Слово Пророка указывало, что в судьбах Израиля должен совершиться решительный переворот: конец надеждам, начинается их осуществление!». (Из соч. Дидона «Иисус Христос», кн. 2, гл. 2).

Народ заволновался и пошел за Иоанном на Иордан исповедовать грехи свои и, в знак очищения от них покаянием, омываться в волнах Иордана, креститься.

Впечатление, производимое Иоанном на народ

Сила духа и слова Иоанна производили на народные толпы необычайное впечатление. По свидетельству Иосифа Флавия, народ, увлеченный учением Иоанна, стекался к нему в великом множестве; влияние его было так велико, что народ готов был идти за ним, куда бы он ни повел его; и сам Ирод боялся этой власти великого учителя.

Одни только фарисеи и саддукеи, слепые вожди народные, были глухи к голосу Пророка, призывавшего к покаянию. Фарисеи были убеждены в своей праведности: они соблюдали не только все обряды, установленные Моисеем, но даже и те, которые освящены преданием и созданы ими же; они потомки Авраама; к чему же и в чем им каяться? Саддукеи же не верили в Царство Небесное, в воздаяние за дела земной жизни людей; следовательно, и им не было никакой надобности каяться и креститься.

Однако фарисеи и саддукеи не могли спокойно смотреть, как толпы народа идут к Иоанну, как он приобретает над народом власть и как эта власть начинает ускользать из их рук. Они идут к нему, в пустыню, на Иордан, посмотреть: что это за пророк? Да и пророк ли он? Не с доброй целью шли они к Иоанну; не близость Царства Небесного влекла их; не для всенародного открытого покаяния в своих грехах шли они; нет, страх за потерю своего влияния на народ да любопытство, а может быть, и скрытое намерение избавиться от нежданного обличителя привели их к Иоанну.

Евангелист Матфей свидетельствует, что Иоанн увидел многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему *креститься*: но это еще не доказывает, что они действительно крестились. Положительного указания на то, что они крестились, в Евангелиях не содержится; напротив, о том, что они не крестились, засвидетельствовал Сам Иисус Христос. Говоря народу об Иоанне, Он сказал: **И весь народ, слушавший Его, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него** (Лк. 7, 29–30).

Обличение Иоанном Фарисеев и Саддукеев

Когда приближались к нему фарисеи и саддукеи, которых даже издали можно было узнать по их особенным одеждам, то Иоанн, зная их помышления, обратился к ним с грозной, обличительной речью: **«Порождения ехиднины, кто внушил вам бежать от будущего гнева? (Мф. 3, 7).** Кто сказал вам, что вы избавитесь в будущей жизни от наказания за ваши грехи? Знайте же, что и вам нет спасения иначе, как в покаянии! Но и одного покаяния недостаточно для спасения: надо не возвращаться к прежним порокам, стараться больше не грешить; надо сотворить **достойный плод покаяния** (Мф. 3, 8), любовью к Богу и людям и добрыми делами доказать чистосердечность своего раскаяния и твердую решимость начать

новую, лучшую, богоугодную жизнь! Не наружным благочестием, не словами, а добрыми делами заслужите себе Царство Небесное! Поймите, что **дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь** (Мф. 3, 10), как ни на что более негодное! Поймите, что и с вами, как творящими лишь злые дела, будет поступлено также! Вы надеетесь, что спасетесь уже потому только, что вы потомки праведного Авраама! Напрасно! **И не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам»**. Дети Авраама назовутся не те, которые происходят от него по плоти, а те, которые будут жить в духе его; вас, плотских детей Авраама, Бог отвергнет и на ваше место призовет других людей, более вас достойных; **ибо говорю вам, что Бог может даже из камней сих воздвигнуть детей Аврааму** (Мф. 3, 9). Спешите же раскаяться и начать новую жизнь, пока еще не поздно! **Уже и секира при корне дерев лежит** (Мф. 3, 10). Идет уже Тот, в руках Которого эта секира исполнит над вами приговор Его Страшного Суда! **Лопата Его в руке Его** (Мф. 3, 12); Он ответит ею чистое зерно пшеницы от семян сорных трав и соломы; и как чистое зерно пшеницы собирают в житницу, а сорные семена и солому сжигают, так и Он отделит праведных от нечестивых; праведных введет в Царство Свое Небесное, а вас, нечестивых, осудит на вечную муку! Он хотя и идет за мной, но Он **сильнее меня**; Он настолько выше меня, что **я не достоин** быть Его последним слугой, не достоин даже **понести обувь** Его. Я не имею власти прощать грехи, и потому **я крещу вас в воде** лишь в знак вашего покаяния, но Он, **Идущий за мной... будет крестить вас Духом Святым и огнем** (Мф. 3, 11). Мое крещение — только доказательство того, что крестящийся покается, приготовился встретить Грядущего за мной; оно не дает прощения грехов; но Он, Идущий за мной, имеет власть прощать грехи; Он отпустит грехи тем, которые примут Его и покаются; крещением Своим Он освятит их силой Духа Святого и тем очистит их, как бы огнем, от всех грехов их прошлой жизни».

В обличительной речи Иоанна, кратко переданной нам Евангелистами Матфеем и Лукой, заключается все учение о покаянии для отпущения грехов. Многие думают, что стоит только покаяться, и Господь тотчас же простит грехи; но они забывают слова Иоанна Крестителя — сотворите же достойный плод покаяния; они забывают, что как не всякий верующий в Бога войдет в Царство Небесное, но только исполняющий волю Его, так и не всякий кающийся получает прощение, но только приносящий достойные плоды покаяния. Как вера без дел мертва, так и покаяние без дел недействительно.

Евангелист Матфей передает обличительную речь Иоанна как обращенную к фарисеям и саддукеям, а Евангелист Лука, передавая те же слова Предтечи, говорит, что они были обращены к народу (Лк. 3, 7–9). В этом нет никакого противоречия: несомненно, что с такими же увещаниями и угрозами обращался иногда Иоанн и к такой части народа иудейского, которая была заражена фарисейским лжеучением, а потому Евангелист Лука, описывавший все **по порядку** (1, 3), счел нужным дополнить повествование Матфея, указав и на обличение Иоанном народа.

Гордые своей мнимой праведностью фарисеи, а также неверующие саддукеи, ушли от Иоанна, не принеся покаяния и не крестившись, но затаив злобу против грозного обличителя. На народ же проповедь Иоанна производила потрясающее впечатление: все приходившие к нему каялись, в ознаменование покаяния погружались в воды Иордана (крестились) и на призыв пророка сотворить достойный плод покаяния спрашивали: **что же нам делать?** (Лк. 3, 10).

Советы Иоанна народу, мытарям и воинам

Евангелист Лука передает только сущность ответов Иоанна, но добавляет, что многому и другому поучал он народ. Народу он советует помогать бедным, кто чем может. Он не требует подвигов самоотвержения, не требует, чтобы крестящиеся сразу стали совершенными; он требует только доказательств искренности покаяния, подготавливает путь Господу, готовит людей встретить с чистым сердцем Идущего за ним. Придет время, когда желающим быть совершенными будет сказано: отвергни самого себя, то есть свое личное **я**, подчини свою волю воле Божией, безропотно переноси все

посылаемые тебе испытания, возьми крест свой и иди за Мной! Время это настанет скоро; но пока оно еще не наступило, пока о совершенстве грешников не могло быть речи, Иоанн требует: от народа — добрых дел в пределах возможности, а от мытарей и воинов — воздержания от грехов, свойственных их особым занятиям.

Мытарями назывались сборщики податей. Римские императоры не содержали в завоеванных областях своих сборщиков податей, а отдавали богатым людям за условленную плату право взимания в свою пользу всех без исключения податей и разного рода повинностей. Главные откупщики, в свою очередь, передавали право сбора податей по отдельным городам и селениям другим лицам (в том числе и евреям), которые назывались мытарями. Эти мытари в стремлении к наживе брали с народа более того, что следовало, и тем заслужили себе общую ненависть; кроме того, самим требованием уплаты податей мытари постоянно напоминали евреям об утрате самостоятельности, о подчинении ненавистному Риму. За все это народ ненавидел мытарей, презирал их, считал их грешниками, недостойными общения. «Израиль мечтал быть владыкой и светом всего мира, и римское порабощение было для него тягостнее и постыднее всех цепей тюрьмы. Насколько же позорнее в глазах правоверных были те, которые способствовали закреплению этих оков и на такой нечистой работе набивали свои карманы? Для евреев не было ничего более ужасного и оскорбительного, как мытарь, который для своей наживы жертвует лучшими заветами своей религии и самыми дорогими надеждами народного самосознания. Он — худший из ренегатов и бесконечно более виновный, чем всякий преступник; он — то же, что язычник и, пожалуй, ниже его. Таково было господствующее мнение об этих откупщиках, и в общем оно было, конечно, справедливо» (Профессор Глубоковский. Священное Писание Нового Завета. Лекции. С. 192).

Мытари не считали себя праведниками: они смиренно пришли к Иоанну креститься, и Креститель не отверг их: он принял их кающихся, крестил их и потребовал принести скромный плод покаяния — не брать с народа лишнего при взимании податей.

Уверение Иоанна, что он не Христос

Евреи того времени верили, что Христос, когда придет, будет крестить; то было время всеобщего ожидания Мессии-Христа; поэтому приходившие на Иордан к Иоанну креститься невольно задавались вопросом: не Христос ли он? Евангелист не говорит, чтобы народ обращался с таким вопросом к самому Иоанну; с таким вопросом обратились к нему несколько позже посланные от синедриона священники и левиты; теперь же, как повествует Евангелист Лука, **все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли Он** (Лк. 3, 15). Сокровенные мысли приходивших креститься были открыты Иоанну, и он всем отвечал (то есть много раз, всегда, как только подобные мысли волновали окружающих его), что он крестит их только водой, а Христос будет крестить Духом Святым.

Многое и другое благовествовал он народу, поучая его (Лк. 3, 18). Из приходивших к нему некоторые оставались при нем как ученики его.

ГЛАВА 5. Крещение Иисуса. Испытание

Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него (Мф. 3, 13). Так говорит Евангелист Матфей, а Евангелист Марк дополняет это повествование указанием, что Иисус пришел из Назарета Галилейского.

Зачем же безгрешный Иисус пришел к Иоанну креститься? На этот вопрос отвечают Иоанн и Сам Иисус Христос.

Приход Иисуса к Иоанну

По свидетельству Евангелиста Иоанна, приводимому ниже, Иоанн Креститель сказал посланным к нему от синедриона: **Я... для того пришел крестить в воде, чтобы Он (то есть Христос) явлен был Израилю** (Ин. 1, 31). Иисус Христос прожил в тиши маленького города Назарета тридцать лет (включая в то число и кратковременное пребывание в Вифлееме и в Египте) и теперь выступал на общественное служение, на исполнение воли пославшего Его Отца; поэтому Ему надлежало явить Себя народу, а народу надлежало услышать свидетельство о Нем как о давно ожидаемом Мессии. Такое явление народу и свидетельство о Нем Иоанна свершились на Иордане.

Но, говорят, зачем же было креститься? Явление Иисуса народу и засвидетельствование о Нем могли последовать и без крещения; напротив, крещение Иисуса могло уронить значение Его в глазах народа: народ мог подумать, что и Он грешник.

Крещение Иисуса

Все, приходившие к Иоанну, сначала исповедовали грехи свои, а потом крестились. Один Иисус, как безгрешный, пришел к Иоанну и прямо потребовал крещения; а Иоанн, чтобы показать народу, что пришедший Иисус не нуждается ни в покаянии, ни в крещении, говорит Ему: **мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?** (Мф. 3, 14). Слыша такие слова пророка, зная уже, что Идущий за ним Сам будет крестить Духом Святым, народ никак не мог подумать, что пришедший к Иоанну Иисус мог быть грешен, мог нуждаться в крещении. Поэтому требование Иисусом крещения не могло умалить значение Его в глазах народа. На вопрос же — зачем Он крестился, — отвечает Сам Иисус Христос, говоря Иоанну: **оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду** (Мф. 3, 15). Правдой называет Иисус волю Божию. «Воля Божия была (говорит святой Иоанн Златоуст), чтобы тогда все крестились, о чем послушай, как говорит Иоанн: **Пославший меня крестить в воде...** (Ин. 1, 33). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос, со всем другим, что требуется законом, исполнил и это» (Творения. Т. 2. 405).

Иисус Христос был не только Бог, но и Человек. Как Человек, Он должен был исполнить все, чего требовал от людей Бог, — примером Своим Он должен был показать другим, как надо относиться к Божиим повелениям. Вот почему, признавая, что Иоанн послан был от Бога крестить, Иисус, как Человек, исполнив ранее сего все заповеди Господни, начинает Свое служение исполнением последней ветхозаветной заповеди, только что возвещенной Богом через Иоанна.

Сошествие святого духа и голос с неба

Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды (повествует Евангелист Матфей, 3, 16) и **молился** (добавляет Евангелист Лука, 3, 21), молился, конечно, Отцу Своему, чтобы он благословил, освятил начало Его служения. В то самое время, когда Христос молился, на Него сошел Дух Святой, и голос Самого Бога-Отца засвидетельствовал о Нем как о Сыне Божием.

Это необычайное, сверхъестественное явление, описанное всеми четырьмя Евангелистами, толкуется

различно вследствие некоторого различия в повествованиях Евангелистов. Поэтому считаем необходимым привести для сравнения сказания всех Евангелистов.

Матфей: И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел *Иоанн* [5] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (3, 16–17).

Марк: И когда выходил из воды, тотчас увидел *Иоанн* разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (1, 10–11).

Лука: Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение! (3, 21–22).

Иоанн: И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем (1, 32).

Первые три Евангелиста, в общем, совершенно согласно повествуют, что когда Иисус выходил, или вышел, из воды, отверзлось небо, сошел на Него Дух Святой, и был слышен голос с неба. Но так как они не поясняют, кто именно видел это необычайное явление, то Евангелист Иоанн, дополнявший, как известно, своим Евангелием упущенное первыми Евангелистами, удостоверил, что Иоанн Креститель говорил посланным к нему от синедриона: **я видел Духа, сходящего с неба**. Такое добавление Евангелиста Иоанна имеет особенное значение потому, что он был учеником Предтечи, мог слышать это непосредственно от него самого, и, быть может, находился даже при нем во время Крещения Иисуса Христа. Итак, несомненно, что Иоанн Креститель видел все это необычайное явление; поэтому-то в русский перевод Евангелий от Матфея и Марка после слова **увидел** вставлено слово **Иоанн**, не встречающееся в славянском переводе.

Но кто еще видел? Святой Златоуст полагает, что видел все это и находившийся в то время при Иоанне народ (Беседы на Евангелие от Матфея. 1, 213). Но Евангелисты, ни первые три, ни четвертый, не дают никаких указаний для подобного ответа на вопрос. Златоуст говорит, что народ видел это знамение, но не поверил ему по своему жестокосердию. Но ведь народ был так потрясен тогда призывом нового Пророка к покаянию, что толпами шел к нему исповедовать грехи и креститься, и если бы в такое именно время увидел разверзшиеся небеса и Духа Божия и услышал бы голос Самого Бога, то, несомненно, тотчас же уверовал бы в Иисуса как ожидаемого Избавителя; если бы даже не вся, находившаяся тогда при Иоанне, толпа уверовала в Иисуса (по жестокосердию), то все-таки было бы немало обратившихся; и если бы даже все эти уверовавшие со временем оставили бы Иисуса как не отвечавшего их взглядам на Мессию, все же они теперь, при таких необычайных свидетельствах, должны были бы толпами пойти за Ним. Однако Евангелисты об этом молчат. Поэтому следует признать, что знамение это было не для народа и народом было невидимо [6].

Знамение это было, главным образом, для Самого Иисуса Христа. Поэтому-то Евангелист Матфей говорит: **отверзлись Ему небеса**, то есть Иисусу, для Иисуса. Кроме того, знамение это предназначалось и для Предтечи, так как, по его же свидетельству, переданному Евангелистом Иоанном, Пославший его крестить сказал ему: **На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом** (Ин. 1, 33). Предтеча увидел Духа в виде голубя, сходящего на Иисуса, и тотчас же понял, что Этот Иисус и есть крестящий Духом Мессия, Сын Божий.

Апостол Павел в послании своем к евреям (10, 5–9), говорит, что Сын Божий, **входя в мир**, говорил слова, открытые некогда пророку Давиду: **Иду исполнить волю Твою, Боже** (Пс. 39, 7–9).

В это самое время, когда Христос оканчивая Свою молитву, свершилось три чуда:

1. *Отверзлись небеса.* По объяснению Иннокентия, архиепископа Херсонского, свод небесный над главой Иисуса представился раскрытым наподобие того, как это бывает во время сильного, продолжительного блеска молнии из облаков.

2. *Дух Божий, как голубь, сошел на Иисуса.* Все четыре Евангелиста, повествуя о сошествии Святого Духа, употребляют выражение **как голубь**, то есть виденный Иоанном образ нисходившего Духа уподобляют голубю, сравнивают с внешним видом голубя. Если Евангелист Лука и говорит, что Дух Святой сошел в **телесном виде**, то из этого нельзя еще заключить, что Евангелист Лука говорит о настоящем голубе, так как к словам **в телесном виде** и он добавил — **как голубь**, и тем пояснил, что Дух Святой сошел подобно парящему голубю.

3) *Раздался с неба голос.* Этот голос слышали Иисус и Иоанн. Но к кому именно он был обращен? Слова — **Сей есть Сын Мой**, — помещенные в Евангелии Матфея, доказывают, что они были обращены не к Иисусу, а к третьему лицу, то есть Иоанну; слова же: *Ты— Сын Мой*, записанные Евангелистами Марком и Лукой, убеждают в том, что голос Бога был обращен непосредственно к Иисусу. Желющие подорвать доверие к Евангелиям усматривают в этом противоречие между Евангелистами; в сущности же, никакого противоречия тут нет. Слышали эти слова двое, Иисус и Иоанн. По содержанию своему слова эти относились только к Иисусу; но так как Иоанну было откровение, что на Ком он увидит Духа сходящего, Тот и есть крестящийся Духом, то, увидев Духа, сходящего на Иисуса, и услышав голос, свидетельствовавший, что это — Возлюбленный Сын Божий, Иоанн, смотревший в это время на Иисуса, окончательно убедился, что Сей действительно Сын Божий, Мессия; это впечатление, произведенное голосом с неба на Иоанна, передал Евангелист Матфей. Но Иисус, молившийся в то время и окончивший молитву словами **иду исполнить волю Твою**, услышал голос Отца Своего как ответ на Свою молитву, ответ, лично к Нему обращенный: **Ты — Сын Мой Возлюбленный!** В этом именно смысле слова эти записаны Евангелистами Марком и Лукой.

Таким образом, следует признать, что видимый знак сходящего Духа был для Иоанна, голос же Самого Бога, хотя и слышанный Иоанном, был несомненно обращен непосредственно, лично, к Иисусу как ниспосылающий благоволение Отца на возглас Сына — **иду исполнить волю Твою**.

Крещение Господне празднуется 6 (19) января и называется также Богоявлением, так как в этот день явились: Бог-Отец — голосом Своим, засвидетельствовавшим о благоволении к Сыну Возлюбленному; Бог-Сын — Крещением Своим в Иордане; и Бог-Дух Святой — нисхождением на Иисуса Христа.

О происхождении зла

Иисус, исполненный Духа Святаго, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола (Лк. 4, 1–2).

Диаволом называется ангел, восставший против Бога и сделавшийся поэтому духом зла.

Вопросом о происхождении зла люди заняты с тех пор, как стали мыслить. Все древнейшие религии, все величайшие умы древнего мира стремились к разрешению его; да и в позднейшее время он не перестает волновать многих. Откуда зло? Составляет ли оно нечто чуждое человеку, вне его находящееся, или же оно присуще ему по самой его природе?

Если допустить предположение, что человек создан злым, то надо признать, что он совершает злые дела не потому, что его воля дурно направлена, а потому, что он по природе своей зол. А если это так, то злые дела его не могут быть вменены ему в вину и он не подлежит за них никакой ответственности; мало того, он не подлежит и исправительным воздействиям, так как исправить можно только испорченное, но он не испорчен, а таковым создан. Заключение это, очевидно, нелепое, и прийти к нему можно было только вследствие ложности положенного в основу его предположения о том, что человек создан злым.

Что человек не создан злым, это видно и из учения Иисуса Христа. Бог требует, чтобы мы любили Его и творили волю Его. Воля же Его: чтобы мы любили всех людей и поступали с ними так, как хотели бы, чтобы они с нами поступали, чтобы мы любили врагов наших, добро творили даже ненавидящим нас и душу свою полагали за них, и чтобы, поступая так, уподобились Ему: **будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный** (Мф. 5, 48). Если Бог предъявляет человеку такие требования, да еще под страхом наказания за неисполнение их, то это служит несомненным доказательством, что человек может исполнить эти требования, ибо не только наказывать за неисполнение неисполнимых требований, но даже предъявлять такие требования было бы в высшей степени несправедливо; Бог же не может быть несправедливым. А так как нельзя требовать, чтобы созданный злым творил не зло, а добро, то следует признать, что человек создан добрым, способным творить добро, и что зло находится вне его.

Человек одарен свободой воли и потому может исполнить или не исполнить требования Бога, может слить свою волю с волей Бога и творить добро, или же отступить от воли Бога и творить зло. Следовательно, отступление от воли Бога и совершение злых дел есть следствие дурно направленной воли человека, то есть следствие согласования им своей воли с чьей-то иной, не божественной, волей.

Все это приводит к заключению, что не зверем человек создан, а если и становится иногда озверелым, то по своей вине, отступая от воли Божией.

«Кто из нас не испытывал, — говорит Лютард, — как ему в святейшие минуты, в благоговейные часы его настроения приходили такие злые и соблазнительные мысли, от которых он хотел бы отказаться и касательно которых он ясно сознает, что они не в нем имеют свое последнее происхождение? Мы все неоднократно испытываем, что нам приходится бороться не просто с плотью и кровью, но с таинственным миром темных сил, действия которых проникают в наше внутреннее существо» (Апология христианства. 12).

Что зло есть нечто постороннее человеку, вне его находящееся, это чувствует каждый, привыкший сознательно относиться к своим поступкам и проверять себя. Такой человек должен сознаться, что в нем много раз, в той или иной форме, происходила борьба добра со злом и что в этой борьбе он, помимо знакомого всем голоса совести, явственно слышал какой-то другой, враждебный ему голос, подстрекавший его к совершению дурного поступка, а если он, изнемогая в такой борьбе, поддавался внушениям этого голоса, то несомненно чувствовал, что подчинялся чужой воле, становился ее рабом.

Этот неведомый голос, эта темная сила влечет человека к гибели, и сам погибающий нередко сознает это. А так как никто не желает себе зла, то несомненно, что сила эта исходит не от самого подвергающегося искушению.

Это-то невидимое, но чувствуемое нами существо, голос которого мы слышим, и есть причина зла, находящаяся вне нас. Это существо и есть тот дух, который называют духом зла, злым духом.

Вера в существование злых духов присуща была всем народам, во все века, на всех ступенях развития человечества, и преемственно передавалась последующим поколениям; причем верили в существование духов не одни только невежественные толпы народные, но и выдающиеся представители языческой философии. А если это верование так всеобщее, то существование злых духов нельзя голословно отвергать только потому, что мы их не видим и не осязаем. В борьбе добра со злом мы чувствуем какую-то враждебную нам силу, какую-то чужую волю, порабащающую нас, а этого достаточно, чтобы искать достоверные свидетельства о сущности этой силы. Свидетельства эти содержатся в Евангелии.

Иисус Христос много раз говорил о злых духах. Он называл злого духа диаволом лукавым, сатаной и князем мира сего. Он научил нас молиться и в молитве просить Отца Небесного об избавлении нас от лукавого. В притче о плевелах Он говорил о действиях злого духа. Он изгонял бесов (злых духов), и они

повиновались Ему. Словом, Иисус Христос признавал существование злых духов, а этого для верующих в Него совершенно достаточно, так как они не сомневаются в истинности Его слов.

Но и неверующие в Христа вынуждены в своём отрицании считаться с тем, что Он признавая существование злых духов. Поэтому, чтобы умалить значение этого признания, одни из них говорят, что Иисус разделял суеверие своего времени и народа и воображал, что изгоняет бесов из людей, которые были просто сумасшедшими. Но так как подобное мнение не согласуется с признаваемой всеми атеистами мудростью Иисуса, то некоторые из них стали утверждать, что Иисус Сам не верил в злых духов, а если и говорил о них и как будто изгонял их, то только для того, чтобы приспособиться к понятиям современных Ему евреев. Но говорить так — значит выставить Иисуса обманщиком; между тем все отрицающие Его Божество признают Его безупречным в нравственном отношении.

Поэтому, если даже неверующие вынуждены сознаться, что Иисус Христос не мог говорить неправду, не мог говорить и о том, чего не понимая или чему Сам не верил, то следует признать, что как всякое слово Христа истинно, так истинно и учение Его о том, что злые духи существуют.

Дьявол не имеет никакой власти над людьми

Некоторых, даже верующих в Христа, соблазняют вопросы: как это Бог допустил существование злых духов, имеющих власть творить зло, власть, несовместимую с понятием о Его всемогуществе и доброте? Как примирить понятия о всемогуществе Бога и о власти дьявола? И не подрывает ли власть дьявола, не ограничивает ли она всемогущество Бога?

Святой Иоанн Златоуст во многих своих беседах дает следующий ответ на эти вопросы:

«Если бы дьявол обладал властью над людьми и побеждая их силой, то давно всех погубил бы и не осталось бы на земле ни одного праведного или добродетельного человека; но так как среди многих грешников всегда было немало добродетельных людей, то из этого следует заключить, что дьявол не имеет никакой власти над людьми. Если он и побеждает их, то только хитростью, обманом, соблазняя и подстрекая на дурные дела. Но так как человек одарен разумом и свободой воли, то в его власти не поддаваться соблазнам дьявола; если же он поддастся им, то сам виноват и не может оправдываться тем, что его соблазнил дьявол. Пыталась и Ева оправдать свой грех тем, что змей обольстил ее, но прощения не получила, а подверглась тяжкому осуждению, потому что в ее власти было не пасть. А Иов не был беспечен, и потому дьявол не мог соблазнить его, не мог вовлечь в грех, несмотря на все бедствия, которые неожиданно и незаслуженно пришлось ему испытать. Бдительным и внимательным дьявол не только не вредит, но даже приносит пользу, не по своей, впрочем, воле, потому что она зла, но потому, что они, выдержав нападение дьявола и не поддавшись его искушениям, оказываются победителями зла, испытанными в борьбе и потому способными мужественно встречать и дальнейшие нападения врага. Если же дьявол и побеждает многих, то только по их слабости, а не по своей силе. Итак, Бог, одарив человека разумом и свободой воли, оставил в мире дьявола для того, чтобы в борьбе с ним человек нравственно совершенствовался и, чуждаясь зла, стремился бы к Богу, источнику Света и Добра. Помни это, исправь свою волю, и никогда ни от кого не потерпишь вреда, не только от добрых, но и от злых, а когда согрешишь, постарайся узнать виновника греха, и найдешь, что это не иной кто, как ты, сделавший грех» (Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Том 2. С. 271–304).

Итак, следует признать, что дьявол не имеет никакой власти над нами, поэтому и существование его нисколько не противоречит всемогуществу Бога.

Но почему же Бог не сотворил человека таким, чтобы он не мог грешить, если бы даже и хотел? Зачем Он создал его грехоспособным?

Чтобы лишить человека возможности грешить, надо отнять у него свободу воли, надо связать ее, то

есть сделать его из свободного самоопределяющегося существа безвольным рабом божественной воли. Но в таком случае человеческая добродетель ничего не стоила бы и не была бы заслугой, потому что все доброе было бы совершаемо невольно, как бы по принуждению. Или же для лишения человека возможности грешить надо было лишить его разума и совести, чтобы произвольно совершаемое им зло не могло быть сочтено за грех и вменено ему в вину. Словом, пришлось бы лишить человека тех свойств души, какие отличают его от животных, то есть превратить его в животное. Превратить же человека в животное все равно, что совсем не создавать его. А так как по божественному плану мироздания, насколько мы можем постигнуть его, надлежало быть в мире разумно-свободным существам, и так как таковым на земле создан человек, то он должен был быть сотворен не только добрым, разумным и свободным, но еще и грехоспособным. Эта грехоспособность человека есть необходимое условие для возможности борьбы его со злом, а следовательно, и для победы над ним, для самосовершенствования для приближения его к Богу, — в чем и заключается его назначение, цель его создания и смысл его жизни.

На вопрос — почему Бог не сотворил нас такими, чтобы мы не могли согрешить, если бы даже и хотели, — святой Василий Великий отвечает так: «Потому же, почему и ты не тогда признаешь слугителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно выполняют перед тобой свои обязанности; поэтому и Богу угодно не вынужденное, но свободно совершаемое по добродетели. Кто порицает Творца, что не сотворил нас безгрешными, тот предпочитает природе разумной неразумную, природе, одаренной произволением и самодеятельностью — неподвижную и не имеющую никаких стремлений» (Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 4. Бес. 9).

По этому же вопросу говорит Руссо: «Провидение не хочет зла, которое совершает человек, злоупотребляя данной ему свободой. Оно сделало его свободным не для того, чтобы он делал зло, но чтобы он, по свободному избору, делал добро. Роптать на Бога, что Он не препятствует совершению зла, — значит упрекать Его в том, что Он дал человеку славную природу, и его действиям придал нравственное благородство, что Он сообщил ему правоспособность к добродетели. Как?! Чтобы воздержат человека от зла, неужели Он должен был ограничить его инстинктом, сделать его животным?» (Руссо. Эмиль).

Не излагая здесь подробного учения о диаволе, полагаем, что для нашей цели вполне достаточно сказанного, которое может быть сведено к следующим положениям:

1. мы должны верить в существование злых духов потому, что Иисус Христос говорил о них как о действительно существующих, и повелевал ими, слово же Его истинно;

2. существование злых духов не противоречит всемогуществу Божию, потому что злые духи не имеют никакой власти, никакой силы;

3. человек одарен разумом и свободой воли; поэтому он может, если захочет, противостоять всем искушениям диавола, и в таком случае диавол не только не опасен ему, но даже полезен, заставляя его быть бдительным и осторожным;

4. Бог дозволяет злым духам искушать людей для того, чтобы люди в борьбе со злом стремились к нравственному совершенству; и

5. если человек поддается искушению диавола, то должен винить не искусителя, а самого себя, ибо в его власти противостоять диавольскому соблазну; ему даны средства к борьбе, и он должен пользоваться ими, чтобы не быть побежденным; чем сильнее искушение, чем труднее борьба с духом зла, тем приятнее победа, тем выше подвиг победителя.

Искушение Иисуса вообще

Повествование об искушении Иисуса содержится в первых трех Евангелиях, причем во втором

(Марка) оно изложено весьма кратко; Евангелист же Иоанн вовсе о нем не говорит, но не потому, как думают некоторые, что не признавал его, а потому, что Евангелие его, как мы уже не раз говорили, имело целью дополнить упущенное первыми Евангелистами, и не должно было повторять то, о чем уже достаточно сказано.

Иисус был искушаем, подвергся испытанию. Но зачем же было испытывать Безгрешного? Разве Он мог согрешить?

Отвечая на этот вопрос, не следует забывать, что безгрешный Иисус был не только Бог, но и Человек. Как Человек, одаренный свободой воли, Он мог подвергаться искушениям, и подвергался им не раз, и если всегда оказывался победителем, то не потому, что был одарен неспособностью грешить, а вследствие постоянного, полного повиновения Отцу, вследствие безграничного отвращения от зла.

«Первоначальная возможность не грешить, заключающая в себе возможность греха, но исключаящая его действительность, развилась во Христе до невозможности грешить, до невозможности, которая грешить не может потому, что не хочет. Если бы Он с самого начала был одарен неспособностью грешить, то не мог бы быть истинным Человеком, и поэтому самому не мог бы быть образцом для нашего подражания» (Шафф. Иисус Христос — чудо истории).

В первых трех изданиях «Толкования Евангелия» я находил излишним давать более подробные объяснения по этому вопросу; но так как в рецензии на мою брошюру «Достойные плоды покаяния» высказано мнение о несоответствии учению Православной Церкви рассуждений моих о безгрешности Иисуса Христа, помещенных в той брошюре, то считаю необходимым поместить в этом, четвертом, издании «Толкования Евангелия» более подробные по этому вопросу объяснения.

Православная Церковь учит, что Христос есть истинный Бог и истинный, но безгрешный, Человек. Это — догмат, в истинности которого ни один православный человек не может сомневаться; это — основа Православия.

Но почему Христос был безгрешен? Потому ли, что был рожден неспособным грешить, или же потому, что не хотел грешить? Вот вопрос, который многие богословы обходят молчанием; между тем, он невольно напрашивается каждому, изучающему Евангелие.

Знакомясь с Личностью Иисуса Христа как Человека, невольно думаешь, что если Христос рожден неспособным грешить, то, значит, Он рожден не таким Человеком, какими рождаются все люди, и потому не может быть, по Человечеству Своему, обязательным для нас Образцом доступного нам совершенства, — значит, мы не можем жить так, как жил Христос-Человек, не можем подражать Ему. Между тем, Сам Христос указывая на Себя как на Образец не только возможного, но и обязательного для нас совершенства, призывал к Себе всех труждающихся в борьбе с искушениями и обремененных тяжестью грехов, Он обещал им душевный покой, если они возьмут на себя иго Его заповедей, а чтобы это иго не показалось им непосильным, неудобноносимым, Он сказал: **«Научитесь от Меня (нести его); несите его так, как Я несу; будьте такими же кроткими и смиренными, как Я, и тогда вы увидите, что иго Мое — благо, и бремя несения его — легко (Мф. 11,428—30)»**. В другой раз, обращаясь к народу и ученикам Своим, Он сказал: **отвергнись себя** (то есть: отвергни свое «я», свою волю, и живи не так, как хочется, а как Бог велит), **возьми крест свой, и следуй за Мною** (Мф. 16, 24). То есть: подражай Мне, живи так, как Я живу. В прощальной беседе Своей с Апостолами Христос подал им пример смирения и служения ближним и сказал: **Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам** (Ин. 13, 15). Словом, Христос заповедал нам подражать Ему, исполнять все заповеди Его так, как Он Сам исполнял их, — жить так, как Он жил по Человечеству Своему. И Апостолы смотрели на Него как на Образец доступного нам совершенства. Так, Апостол Петр в первом послании своем писал: **Христос оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его** (1 Пет. 2, 21). А Апостол Павел писал коринфским христианам: **Будьте подражателями мне, как я Христу** (1

Кор. 11, 1). Словом, и по учению Господа, и по толкованию этого учения Апостолами, *мы должны подражать Христу*.

Так понимали это учение и святые Отцы Церкви. Они учили, что Бог создал Адама не для греха, а для жизни праведной, но Адам, злоупотребив дарованной ему свободой воли и подчинив свою волю воле диавола, пал нравственно, согрешил; по следам его пошло и его потомство. Христос же, по Человечеству Своему, восстановил в Лице Своем Адама, каковым он был до грехопадения; Христос доказал Своею жизнью, что свобода воли дана человеку не для греха, а для успешной борьбы с ним, для жизни праведной; поэтому Христос и называется вторым Адамом.

Касаясь вопроса о безгрешности Иисуса Христа, Лактанций говорил, что Христос на Своем собственном примере показал, что и во плоти можно побеждать всякий грех и достигнуть богоподобной святости. А Иоанн Дамаскин учил, что «Сын Божий принял наше естество (между прочим) и для того, чтобы чрез Себя Самого и в Себе Самом возобновить образ (Божий) и подобие, и (таким образом) научить нас жизни добродетельной, чрез Себя Самого соделав ее удободоступною для нас».

Итак, и по учению Отцов Церкви мы обязаны подражать Христу как Человеку, и жить так, как Он жил. Но мы не могли бы подражать Ему, не могли бы идти по следам Его, если бы Он был рожден неспособным ко греху, то есть без свойственной нам свободы воли.

К тому же, если бы Христос не грешил не потому, что не хотел грешить, а потому, что не мог грешить, будучи рожден неспособным к тому, то зачем же было искушать Его? Зачем же Дух Святой повел Его от Иордана в пустыню **для искушения** от диавола? Неспособного согрешить бесцельно и искушать. Если бы при таких обстоятельствах Иисуса Христа искушали люди, то можно было бы сказать, что они поступали так по неведению. Но искушение Христу-Человеку было предназначено Самим Богом, ибо Христос **поведен был Духом** (Святым) **в пустыню** (Лк. 4, 1) **для искушения от диавола** (Мф. 4, 1).

А если Христос-Человек мог быть и был искушаем и не совершил ни единого греха, то следует признать, что Он не грешил не потому, что не мог, а потому, что не хотел грешить, потому что вполне подчинил Свою волю воле Отца: **не Моя воля, но Твоя да будет** (Лк. 22, 42). И только это признание делает для нас обязательным подражание Христу и безропотное шествие со своим крестом по следам Его. Противное же этому мнение приписывает Господу нашему Иисусу Христу требование от нас исполнения неисполнимого, возложение на нас бремени, которое мы не в силах понести, а самое совершенство, к которому мы обязаны стремиться и которого должны достигнуть, такое мнение превращает в идеал недостижимый, следовательно, такой, к которому незачем и стремиться: если ты никогда не доедешь до цели задуманного тобой путешествия, то зачем же предпринимать его? Да, к такому печальному и вместе с тем крайне ошибочному заключению можно придти, утверждая, что Христос-Человек не грешил потому, что и не мог грешить, потому что рожден был неспособным согрешить.

Выше было сказано, что Господь наш Иисус Христос, по Человечеству Своему, восстановил в Лице Своем Адама, каковым он был до грехопадения, восстановил в человеке образ и подобие Божий. Именуясь вторым Адамом, Христос, конечно, был чужд той наследственной склонности ко греху, той причастности к первородному греху первого человека, какая свойственна нам, рожденным от семени Адама. Но эта непричастность Иисуса к первородному греху нисколько не освобождает нас от обязанности подражать Ему, жить так, как жил Он, по Человечеству Своему. Грехоспособность, унаследованная нами от наших прародителей, есть только склонность ко греху, возможность его, но она не влечет за собой греха как необходимого следствия, ибо и с такой причастностью к первородному греху было и есть немало праведников.

Иисус Христос не только учил, как создать на земле Царство Божие, Царство Любви и Добра, но и Сам исполнял все, чему учил. Требуя от Своих последователей постоянной борьбы с духом зла, Он должен был

Сам, по человечеству Своему, вступить с ним в борьбу и победить его, и тем доказать, что такая победа доступна и нам.

Для такой-то борьбы, для испытания Своих человеческих сил, для приготовления Себя к Своему великому делу, Иисус-Человек пошел в пустыню.

Назначение Его состояло, между прочим, и в том, чтобы создать на земле Царство Божие и через него вести людей к вечной жизни в Царстве Небесном. Два пути могли вести к этой цели. Один путь скорый, другой же медленный. Можно было быстро распространить новое учение о Царстве Божиим по всему миру, покорив этот мир и объединив его под властью единого Царя-Мессии; о таком-то Царстве Мессии и мечтали все евреи того времени. Другой же путь, путь медленный, состоял в добровольном нравственном перерождении людей. Признавая, что Царство Божие на земле возможно лишь среди людей, готовых душу свою полагать за ближних своих, Христос должен был показать пример такой самоотверженной любви Своей к человечеству, спасти которое Он пришел. Словом, первый путь — путь скорого и блистательного водворения на земле Царства Божия во главе с торжествующим Мессией; второй же — медленный и тернистый путь, сопряженный со страданиями не только для последователей Мессии, но и для Него Самого.

Обсуждая эти пути вдали от шума людского, в дикой пустыне, Иисус подвергся искушению.

Иисус, исполненный Духа Святаго, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола (Лк. 4, 1–2). Так говорит Евангелист Лука. Евангелист Матфей поясняет, Его Иисус возведен был Духом в пустыню **для искушения от диавола** (Мф. 4, 1). А Евангелист Марк, повествуя о гласе с неба при Крещении Иисуса, говорит: **Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню** (Мк. 1, 12). Следовательно, Иисус Христос отправился в пустыню прямо от Иордана, немедленно после Своего Крещения.

Говоря о том, что Иисус был поведен Духом в пустыню, ни один из трех Евангелистов не поясняет — каким Духом; поэтому некоторые толкователи полагали, что Иисус был увлечен в пустыню Духом зла, тем самым, который потом и искушал его. Но это толкование явно противоречит буквальному смыслу евангельских повествований об этом событии. Евангелист Лука говорит, что Иисус, **исполненный Духа Святаго**, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню, конечно, тем самым Духом, которым и был исполнен, то есть *Святым*. Евангелист Матфей говорит, что Иисус возведен был **Духом** в пустыню, для искушения от диавола, противопоставляя здесь *Духа*, который ведет Иисуса в пустыню, *диаволу*, от которого Иисус будет искушаем, Евангелист Матфей не оставляет никакого сомнения в том, что, говоря о Духе, он говорит о Духе Святом. К тому же в повествованиях об искушении Иисуса, Евангелисты ни разу не назвали диавола *духом* (зла), а называли его *диаволом*, *искусителем*, *сатаной*.

В какую именно пустыню повел Дух Святой Иисуса, в Евангелиях не сказано; предание же гласит, что местом искушения была пустыня, находящаяся между Иерихоном и Иерусалимом; одна из гор этой пустыни называется *Сорокадневной*, по сорокадневному посту на ней Иисуса Христа.

Там сорок дней Он был искушаем от диавола (Лк. 4, 2).

Евангелист Матфей говорит, что искуситель приступил ко Христу *по прошествии сорока дней*, когда Христос почувствовал голод, а Евангелист Лука говорит, что диавол искушал Христа *в продолжение всех сорока дней* пребывания и поста Его в пустыне. Противоречия тут нет никакого; несомненно, что Иисус Христос подвергался не только тем искушениям в пустыне, о которых так подробно повествуют Евангелисты Матфей и Лука, но и другим. Сам Евангелист Лука, оканчивая свое повествование об искушении в пустыне, говорит: **диавол отошел от Него до времени** (Лк. 4, 13), то есть не навсегда оставил Его, а только на некоторое время. И действительно, искушения повторялись во все время общественного

служения Иисуса Христа, и если не непосредственно от диавола, то через него от других лиц: искушая Его, Апостол Петр уговаривал отстранить от Себя предстоящую смерть на Кресте; искушали Его фарисеи, требуя знамения с неба; искушали Его на Кресте словами самого диавола — **если Ты Сын Божий, сойди с креста** (Мф. 27, 40); искушали, конечно, и в других случаях, о которых Евангелисты умолчали, так как не задавались целью составить полное описание жизни Иисуса Христа. Поэтому вполне достоверно сказание Евангелиста Луки о том, что Иисус подвергался искушениям в продолжение всех сорока дней поста; но так как и он не говорит, в чем заключались эти предварительные искушения, то умолчание о них со стороны Евангелиста Матфея нисколько не колеблет достоверности его повествования.

Евангелист Марк, при всей краткости своего рассказа об искушении, сообщает, что Иисус в пустыне **был со зверями** (Мк. 1, 15). Это замечание нельзя объяснить желанием Евангелиста только усилить представление о дикости той пустыни, где постился Христос; оно, несомненно, имеет особое значение. Мы знаем, что Иисус Христос, услышав от возвратившихся с проповеди семидесяти учеников, что и бесы повиновались им, сказал: **даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам** (Лк. 10, 19); посылая же Апостолов идти по всему миру проповедовать Евангелие, Он сказал, что последователи Его **будут брать змей**, и змеи не повредят им (Мк. 16, 18). Если, таким образом, истинные последователи Христа должны господствовать над зверями, если духом своим, святостью, они должны покорять зверей своей воле, то, конечно, и Иисус Христос действовал на зверей пустыни той же властью безгрешности и святости Своей, какую сообщал и последователям Своим.

Нам кажется просто непонятным, как это можно быть среди диких зверей и остаться невредимым. Но почему же звери так опасны для нас? Почему они так враждебно относятся к нам? Не потому ли, что человек первый стал на них нападать и убивать? Не потому ли, что люди сами вселили в них страх и ненависть к себе, и что эти чувства, переходя к следующим поколениям преемственно, путем наследственной передачи, выработали в них непримиримую вражду к нам? Но так ли это было в начале? Не находились ли первые люди среди диких зверей в такой же безопасности, как и Христос в пустыне?

Христос **ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал** (Лк. 4, 2). Иисус почувствовал голод только по прошествии сорока дней полного воздержания от пищи. Почему же Он не испытывал мучений голода в продолжение этих сорока дней? Объяснять это божественной силой Христа нельзя, так как никогда Он не пользовался этой силой лично для Себя; не чувствовал же Он голода так долго, потому что, после совершившегося Крещения, сошествия Святого Духа и засвидетельствованного Отцом благоволения к началу Его искупительного дела, Он всецело был погружен в это дело, в исполнение воли Пославшего Его, и в такое время безусловного господства Духа над немощами тела не замечая, не чувствовал голода; а когда почувствовал мучения голода, то **приступил к Нему искушитель** (Мф. 4, 3).

В каком виде приступил искушитель

В каком виде приступил искушитель, да и вообще имел ли он какой-либо видимый образ — об этом Евангелисты ничего не говорят. Думаю, что диавол, как дух бестелесный, не может иметь никакого образа, видимого человеческими глазами. Если признать, что он может, по своему произволу, принимать тот или другой видимый нами образ, то есть может создавать для себя любую телесную форму, способную появляться и затем бесследно исчезать, то придется признать за ним власть совершать чудеса. Но мы знаем, что творить чудеса может только всемогущий Бог как Творец природы и законов, управляющих ею; только Он не подчинен действию этих законов и потому властен, по Своей всемогущей воле, совершать все, что Ему угодно, хотя бы и с нарушением или отступлением от этих законов. Все же сотворенное Богом подчиняется действию законов Божиих; а так как ангелы, как оставшиеся добрыми, так и ставшие злыми, сотворены, то не могут господствовать над природой, а должны подчиняться законам ее. Следовательно диавол не обладает властью чудотворения и потому не может создавать для себя произвольную телесную

форму, видимую человеческими глазами.

Говоря так, я знаю, что среди читающей публики обращается немало рассказов о похождениях дьявола, в которых ему приписывается совершение множества сверхъестественных, чисто сказочных дел; поэтому считаю вполне уместным привести здесь мнение нашего известного богослова, епископа Сильвестра, который в 3-м томе своего «Догматического Богословия» (С. 163) говорит: «Писание, утверждая об одном только Боге, что Он творит чудеса, этим самым дает прямое основание, по крайней мере, для предположения, что ангелы сами по себе не могут производить ничего чудесного».

Предвижу, что сторонники могущества дьявола укажут мне на явления людям ангелов, о каких явлениях говорится во многих местах Священного Писания. На это я скажу, что ангелы являлись людям по повелению Божию, и потому если становились видимы и говорили человеческим языком, то тут действовала всемогущая сила Самого Бога, посылавшего их, а не сила или власть ангелов, которой они сами по себе не обладают. Если же добрые ангелы, соблюдающие во всем волю Божию, не могут принимать видимую людям телесную форму и произносить человеческие речи без воздействия на них всемогущей силы Божией, то тем более не могут этого делать духи злые, отпадшие от Бога, и даже сам дьявол.

Некоторые говорят, что дьявол принимает видимый нами образ по соизволению Божию или по Божьему попущению. Но как соизволение, так и попущение предполагают опять-таки власть самого дьявола принимать различные формы, становиться видимым, а власти такой у него не может быть. Поэтому, допускающие тут соизволение или попущение Божие говорят, в сущности, о Божием *повелении*, о том, что Сам Бог в некоторых случаях повелевает дьяволу являться людям для искушения их; но говорить так — значит утверждать, что в таких случаях дьявол является слепым орудием Божиим, и что, следовательно, искушает не дьявол, а Бог. Но это будет клевета на Бога, ибо Бог никого не искушает, никого не вводит в грех.

Дьявол искушает, соблазняет нас внушением дурных мыслей и желаний, а для этого ему нет никакой надобности принимать какой-либо видимый образ; он может сеять зло, оставаясь невидимым, бесплотным духом. Думается, что, оставаясь невидимым духом, он скорее достигает своей цели, так как человек, подвергающийся при таких условиях его соблазнам, легче может принять внушаемые им мысли за свои собственные, а следовательно, и скорее может поддаться им. Поэтому, если бы дьявол и обладал властью принимать по произволу всевозможные видимые образы или формы, то и в таком случае ему невыгодно было бы обнаруживать себя. Вот почему и слова «*сказал дьявол*», «*отвечал дьявол*» нельзя понимать буквально; дьявол — дух бестелесный и потому не может говорить так, как говорят люди. И если в повествованиях и упоминается иногда о разговорах дьявола с людьми, то надо понимать, что эти разговоры ограничивались безмолвным обменом мыслей.

Первое искушение

Дьявол воспользовался удобным для искушения временем, когда Иисус, полный сознания своего Божества, почувствовал немощь Своего человеческого тела, крайний упадок сил от сорокадневного поста.

И приступил к Нему дьявол, и советовал Ему идти к Своей цели скорым и блистательным путем насильственного объединения всех народов в единое, величественное Царство Мессии. «**Если Ты Сын Божий**, внушал он, то для Тебя все возможно; следовательно, возможно и такое быстрое завоевание всего мира и подчинение его Своей власти. Впрочем, **если Ты действительно Сын Божий**, то можешь обставить Свое дело еще и так, что люди сами подчинятся Тебе, сами добровольно отдадутся под Твою власть: избавь только их от гнетущих забот о приобретении хлеба и всего необходимого для поддержания их жизни! И они несметными толпами пойдут за Тобой, как стадо овец идет за своим пастырем. Испробуй же Свою Божественную силу, и обрати эти камни в хлебы! И если **Ты Сын Божий**, если камни эти

действительно, по слову Твоему, обратятся в хлебы, то пользуйся Своей властью, твори это чудо непрерывно и корми таким способом всех людей! Избавь их от тягостных забот о хлебе насущном и дай им возможность сосредоточить все силы на устроении Твоего Царства, для создания которого Ты пришел! Испробуй же Свою силу, да кстати, утоли и голод, который мучает Тебя. Этим Ты отвратишь от Себя мучительную смерть и вместе с тем докажешь, что **Ты — Сын Божий!** Иначе кто же поверит Тебе, если Ты даже Себя не можешь избавить от голодной смерти. Так покажи же Свою власть и силу! **Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами (Мф. 4, 3)».**

Диавол предлагал Иисусу превратить камни в хлебы, то есть совершить чудо. Казалось бы, что для Иисуса не было бы никакого греха, если бы Он совершил предлагаемое чудо. Но для кого же это чудо было нужно? Вызывалось ли оно действительной необходимостью? И согласовалось ли оно с назначением Христа?

Диавол просил знамение не для себя, не для того, чтобы самому уверовать в Иисуса как Сына Божия; людей же в пустыне не было. Следовательно, чудо превращения камней в хлебы должно было иметь иное назначение. Прежде всего, оно могло утолить голод, который мучил в то время Иисуса. Но если бы Иисус-Человек, при всех страданиях Своих и муках, прибегал к той власти, которая была Ему присуща как Сыну Божию, и помощью этой власти освобождался от них, то Он не мог бы быть примером для нас, и Его назначение Икупителя и Спасителя рода человеческого не было бы исполнено. Вот почему все совершенные Иисусом Христом чудеса были для нужд других, но не для Его собственных. Воздержание от чудесной помощи Самому Себе было законом всей Его жизни.

С другой стороны, диавол предлагал Иисусу Христу превратить камни в хлебы еще и для того, чтобы со временем, непрерывно повторяя это чудо, покорить Своей власти весь мир. Действительно, уличные толпы тогдашнего языческого мира требовали «*хлеба и зрелищ*» Они, несомненно, пошли бы как покорные рабы за тем, кто творил бы перед ними чудеса и раздавал бы им даровой хлеб, то есть кормил бы их; они провозгласили бы его единым всемирным царем!.. Но Христос знал, что такие люди не благонадежны для свободного Царства любви и добра, какое Ему надлежало основать на земле. Он хотел сделать людей свободными, могущими идти за Ним сознательно, произвольно, а для этого не надо ни хлеба, ни зрелищ; достаточно слова Божия, правды Его, и в этом слове будет залог действительно счастливой жизни людей.

Поэтому, отвергая искушение диавола, Христос сказал: **написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4, 4).**

Потерпев поражение при этом первом искушении, диавол не оставляет Иисуса; нет, он приступает ко второму:

Второе искушение

И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма (Лк. 4, 9). Так говорит Евангелист Лука. Евангелист же Матфей говорит: **берет Его Диавол во святой город и поставляет Его на крыле храма (Мф. 4, 5).** Слова — **берет Его** — дали повод некоторым предполагать, что диавол перенес Иисуса по воздуху из пустыни в Иерусалим. Но говорить так — значит признавать за диаволом власть чудотворения, которой он не обладает, и предполагать, что Иисус отдался во власть диавола; а если бы это действительно произошло, если бы диавол, хотя бы на одно мгновение, овладел Иисусом, то дальнейших искушений не было бы: они были бы излишни для победителя-диавола. Между тем, в дальнейших искушениях мы видим со стороны Иисуса непоколебимую стойкость в борьбе с искушениями, а со стороны диавола отчаянное напряжение всего сатанинского лукавства. А это одно уже доказывает, что диавол не мог не только перенести Иисуса в Иерусалим, но даже заставить Его Самого идти туда. Весьма возможно, впрочем, что после первого искушения Иисус пошел в Иерусалим и взошел на кровлю храма, с которой открывался весь

город и его окрестности. Крыло храма было совсем не так высоко, чтобы достигнуть его можно было только посредством полета: историк Евсевий передает рассказ Егезиппа о мученической кончине Иакова, и из этого рассказа мы знаем, что Иаков был поставлен на крыле храма, чтобы проповедовать людям, стоявшим внизу, и когда не оправдал ожиданий иудеев, возведших его туда, то был сброшен ими оттуда. Поэтому следует признать, что перемещение Иисуса из пустыни в Иерусалим было не мысленное только, а действительное и притом добровольное, а не вынужденное. Слова же — **берет Его, повел Его и поставил Его** — надо понимать в смысле добровольного принятия Иисусом сделанного Ему диаволом вызова на искушение; принять вызов на искушение — значит вступить в борьбу с вызывающим, но это еще не подчинение ему.

И сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься, отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Лк. 4, 9—11).

Евангелисты передали нам весьма кратко слова диавола; но, по мысли, заключающейся в них, искусительная речь его могла быть сказана им приблизительно так: «Посмотри вниз! Вот несметные толпы народа, ожидающего с нетерпением пришествия Мессии! Но не думай, что народ этот может признать Мессию в таком скромном, как Ты, человеке, хотя бы и безгрешном и творящем чудеса! Нет, народ этот слишком развращен своими учителями; ему нужен или блеск земной славы, или знамение с неба. Поэтому, если Ты этот ожидаемый Избавитель, если Ты действительно Сын Божий, то Ты должен явиться Своему народу окруженный небесными силами, ангелами, явиться прямо с неба, как Бог!.. Ты основываешь Свои действия на Писании; Ты уже отказался обратить камни в хлебы потому только, что в Писании сказано, что не одним хлебом будет жить человек; так вспомни же, что в том же Писании сказано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Ангелы на руках понесут Тебя! Какой прекрасный случай! Бросься вниз! Ведь ангелы тотчас же подхватят Тебя и понесут к изумленному народу, — понесут Тебя, как бы с неба, на землю, прямо к Твоему народу, который, несомненно, при такой торжественной обстановке, восторженно примет Тебя! К чему избирать другой путь признания Тебя, путь тернистый, полный страданий для Самого Себя и тех, которые уверуют в Тебя? Не лучше ли сразу, без всяких страданий, в славе небесных сил явиться Израилю? Ведь Ты веришь Священному Писанию?! Ты веришь, следовательно, что ангелы не дадут Тебе даже коснуться камня ногой Твоей, а понесут Тебя на руках? А если веришь, и, конечно, если Ты Сын Божий, то Тебе бояться нечего! Итак, докажи, что Ты Сын Божий! Решайся! Бросься вниз!.. Бросайся же!.. Бросайся скорее!..»

Христос величественно отражает и это нападение краткими, но не допускающими никаких возражений словами: сказано: **не искушай Господа Бога твоего** (Лк. 4, 12).

Как много сказано этим кратким изречением, и сказано не только диаволу, но и нам, грешным, так часто искушающим Бога!

Не искушай Господа Бога твоего

Часто люди неверующие и маловерные говорят: «Мы готовы были бы уверовать в Бога как Всемогущего Творца всего мира, если бы увидели своими глазами особое в Бога чем-либо проявление Его всемогущества, если бы перед нами совершилось чудо». Они забывают, что весь мир, да и сам человек — чудо, и если не видят и не понимают этого чуда, а ждут особого для себя знамения и тем как бы требуют от Бога доказательств Его всемогущества, то *искушают Бога*, и потому знамение не дается им.

Часто люди легкомысленно предпринимают не вынуждаемые долгом, опасные, безумные действия, самонадеянно рассчитывая на чрезвычайную помощь Бога, на Его всемогущество, на Его чудесное вмешательство и спасение! При этом они вовсе не думают о том, заслуживают ли они такого особого попечения о них Бога, вмешательства Его в их легкомысленную жизнь и спасения их от их же собственного

безумия? И как часто гибнут они лишь потому, что забывают сказанное: **не искушай Господа Бога твоего.**

Нередко житейские беды, несчастья, посылаемые нам Богом для испытания нашей веры, приводят нас в смущение. Видя, как заведомые грешники, взяточники и казнокрады благоденствуют, мы, не замечая за собой особенно тяжких грехов, начинаем роптать на Бога, говорим: «За что же те утопают в роскоши, а мы бедствуем?» Вместо того чтобы безропотно переносить посланное нам испытание, мы просим, чтобы Бог покарал грешников, а нас наградил или, по крайней мере, избавил от бед; мы дерзновенно требуем, чтобы Бог теперь же, на наших глазах, проявил Свою справедливость, чтобы преждевременно совершил Свой суд... И мы не получаем желаемого, беды наши растут, нищета усиливается... Потому что мы забыли сказанное: **не искушай Господа Бога твоего.**

Третье искушение

Потерпев два поражения, диавол не отступил. **И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени** (Лк. 4, 5). И в этом искушении нельзя допустить, чтобы диавол возвел Иисуса помимо Его воли на гору. Возвращаясь из Иерусалима после второго искушения на Иордан, Иисус Сам взшел на гору, хотя, быть может, и по новому вызову диавола. На какую именно гору взшел Иисус — Евангелисты не говорят. Если это было вслед за первым искушением, как повествует Лука, то несомненно, что гора эта была в той же пустыне, в которой постился Христос. Если же возведение на гору последовало после искушения на крыле храма, как говорит Матфей, то горой искушения могла быть и гора, не находившаяся в пределах пустыни. Во всяком случае, гора эта была, по сказанию Евангелиста Матфея, *весьма высокая*. Но как бы высока ни была эта гора, обозреть с вершины ее все царства вселенной можно было только мысленно; поэтому и Евангелист Лука, повествуя об этом, говорит, что диавол показал Иисусу **все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое** (Лк. 4, 6–7). «Ты отказался превратить камни в хлеб, несмотря на мучения голода, которые Ты испытывал, и отказался, конечно, потому, что не мог совершить этого чуда; не в Твоей это было власти. Хотя Ты и веришь в Писание, однако побоялся положиться на помощь Бога, усомнился в том, что ангелы понесут Тебя на руках, и потому не бросился с кровли храма вниз к стоявшему там народу. Теперь я вижу, что Ты — не Сын Божий! А если так, то яви Себя в блеске земного величия, как Царь вселенной! Ведь евреи такого-то Мессию и ждут! Смотри, вот у ног Твоих все царства мира! Всмотрись в них и рассуди: кому послушен, кому подвластен этот мир? Богу или мне? Кто правит им? Из всех людей одни забыли Бога, другие и не знали Его; а меня все чтут, все делают то, чего я хочу; все поработаны мне. Здесь — все мое, здесь — власть моя! Но я готов разделить с Тобой эту власть, я готов отдать Тебе все царства мира, если Ты будешь служить не Богу, а мне. И будешь Ты тем Мессией, какого ждут евреи, будешь Владыкой мира, великим Царем Израилевым! И как легко Тебе достигнуть этого! Стоит лишь послушаться меня, вступить в союз со мной, поклониться мне... только поклониться! Итак, все это, все царства вселенной, всё будет Твое! Только подчинись мне! Поклонись!.. Поклонись же!..»

Отойди от Меня, сатана, — сказал Иисус, — написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи (Лк. 4, 8).

Сорокадневные искушения окончены. Иисус выдержал их без колебаний. Воля Отца была высшим законом для Него, не допускающим никаких отступлений. Отцу угодно, чтобы Он шел к Своей цели путем страданий и смерти на Кресте, и Он избрал этот тернистый путь. Победенный диавол удалился.

Следует заметить, что во втором искушении диавол пропустил весьма существенные слова псалма, на который ссылался. В псалме Давида сказано: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя **на всех путях Твоих**» (Пс. 90, 11); диавол же в своей искусительной речи пропустил слова: **на всех путях твоих**; и пропустил он эти слова потому, что с ними не могло согласоваться предложение его броситься вниз с

кровли храма; броситься с кровли храма — значит употребить средство, явно противное целям Искупителя, или пойти к достижению цели не теми путями, какие указаны Ему Отцом. В последнем же искушении диавол присвоил себе власть над миром, Вселенной — власть, принадлежащую одному лишь Богу.

В славянском переводе Евангелий Матфея и Луки последнее обращение Спасителя к диаволу выражено словами: **Иди за Мною, сатано...** Эти слова, понимаемые буквально и притом как русские слова, дали повод некоторым полагать, что Иисус Христос не отогнал от Себя сатану, а пригласил его следовать за Собой (иди за мной — следуй за мной). Но такое толкование не согласуется с тем предложением сатаны, на которое ответил Христос; наглая ложь сатаны, его дерзкая хвастливость не принадлежащей ему властью, наконец, предложение Христу, Сыну Божию, поклониться ему, диаволу, — все это должно было исторгнуть из глубины души Иисуса возглас — *уйди от Меня*, — но никак не приглашение — *следуй за Мною*. По объяснению Евфимия Зигабена (ученого монаха XII века), слова «иди за Мною, сатано» означают: «удались от Моих взоров, потому что находящийся сзади кого-нибудь бывает для того невидим» (Толковое Евангелие от Матфея. С. 48). К тому же сам Евангелист Лука, повествуя об окончании искушения, говорит, что **диавол отошел от Него до времени** (Лк. 4, 13), а не пошел за Ним.

Когда диавол отошел от Иисуса, то **Ангелы приступили и служили Ему** (Мф. 4, 11), торжествуя победу над духом зла.

Порядок искушений неодинаков у Евангелистов Матфея и Луки. Евангелист Матфей ставит вторым искушение на кровле храма, а искушение на горе (царствами мира) — третьим; Евангелист же Лука искушение на горе ставит вторым, а искушение на кровле храма — третьим. По сказанию того же Евангелиста Луки, диавол, окончив искушения, отошел от Иисуса; отошел же он, конечно, не после слов — **не искушай Господа Бога твоего** (Лк. 4, 12), а после слов — **отойди от Меня, сатана**. А так как последние слова сказаны были на горе, после искушения царствами мира, то следует признать, что это искушение и было последним. Некоторые полагают, что для этого последнего искушения Иисус должен был вернуться из Иерусалима (с кровли храма) в пустыню. Но для такого предположения нет никаких указаний в Евангелиях; чтобы подвергнуться искушению царствами вселенной, казалось бы, не было надобности возвращаться в ту же пустыню, в которой произошло первое искушение; показать Иисусу все царства мира во мгновение времени диавол мог и на другой горе, ближайшей к Иерусалиму, по пути к Иордану, куда отправился Иисус после искушений.

Неверующие в Бога отвергают достоверность повествований об искушении и говорят, что искушений в действительности не было, что за искушения были приняты видения или же, вернее всего, внутренняя борьба Самого Иисуса не с внешним врагом, а с требованиями плоти и присущими человеку стремлениями к власти, славе.

Несостоятельность таких предположений о безгрешном Спасителе слишком очевидна и потому не вызывает возражений: ведь свои повествования об искушении Евангелисты могли основывать только на словах Самого Иисуса Христа, так как посторонних свидетелей при искушениях не было. А этого вполне достаточно, чтобы признать повествования их истинными.

ГЛАВА 6. Посольство синедриона. Свидетельство Иоанна об Иисусе. Призвание первых учеников. Возвращение в Галилею. Родословная Иисуса

Допрос Иоанна посланными от синедриона

Слава о новом пророке росла; несметные толпы народа стекались к нему на Иордан креститься, а наиболее ревностные последователи его даже остались при нем в качестве учеников его. Синедрион, то есть верховный совет и суд еврейского народа, находившийся в Иерусалиме, не мог, конечно, смотреть равнодушно на это религиозное движение. Он знал уже от фарисеев и саддукеев, ходивших к Иоанну, что новый пророк не выдает себя за Христа-Мессию, — что, по словам этого пророка, Христос идет за ним и будет крестить Духом Святым. Зная все это, синедрион посылает, однако, к Иоанну священников и левитов с особым поручением. Посланные прежде всего спрашивают Иоанна: **кто ты?** (Ин. 1, 19).

Ответы Иоанна и свидетельство его об Иисусе как мессии

Но Иоанн, угадывая, с какой целью они пришли, не отвечает прямо на их вопрос, а объявляет, что он — не Христос. По-видимому, посланные очень настойчиво расспрашивали и уговаривали Иоанна потому что он, по словам Евангелиста, сначала **объявил** им, что он не Христос, затем **не отрекся** от этих слов; если Евангелист говорит, что он не отрекся от своих слов, то, значит, посланные синедрионом просили его, уговаривали отречься и объявить себя Христом; потом еще раз, вероятно, на новые предложения и уговоры, Иоанн окончательно **объявил**, что он **не Христос** [7]. Вероятно, пославшему их синедриону очень хотелось, чтобы Иоанн объявил себя Христом; иначе трудно объяснить ту назойливость, с которой они пристали к Иоанну. По мнению Златоуста (Беседы на Евангелие от Иоанна. 16), члены синедриона хотели ласками расположить Иоанна к тому, чтобы он объявил себя Христом, и затем подчинить его своему влиянию.

Посланные были из фарисеев; они знали пророчество Малахии: **Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного** (Мал. 4, 5); и поэтому, когда им не удалось склонить Иоанна объявить себя Христом, то стали допрашивать его: **Что же? ты Илия?** (Ин. 1, 21).

Пророчество Малахии можно относить к тому великому и страшному дню Господню, который мы называем Страшным Судом или Вторым Пришествием Христа; во всяком случае, нельзя понимать его буквально, нельзя считать, что должен был прийти непременно сам ветхозаветный пророк Илия, а не другой, подобный Илию; в этом нас убеждают и слова ангела, предсказавшего Захарии, что сын его, Иоанн, предыдет пред Господом **в духе и силе Илии** (Лк. 1, 17).

Но посланные синедриона понимали пророчество Малахии буквально и были уверены, что сам пророк Илия должен явиться перед пришествием Мессии; потому-то они и допрашивали Иоанна: не Илия ли он? Иоанн отвечая: «Нет». — «Так не Пророк ли ты? Не тот ли ты Пророк, о Котором сказал Моисей: **Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, — Его слушайте (Втор. 18, 15)?**»

Под Пророком, о котором говорил Моисей, всегда подразумевали Мессию, Избавителя, Христа. Поэтому на вопрос — не Пророк ли ты? — Иоанн ответил: **нет**. Этим ответом, по мнению Златоуста, Иоанн отрекся не от того, что он пророк, а от того, что он именно тот, предвозвещенный Моисеем, Пророк.

«Так кто же ты? Скажи! Ведь нас послали узнать — кто ты? И мы должны дать ответ пославшим нас; и

по какому праву ты крестишь, если ты не Христос, не Илия и не Пророк?»

Отвечая на эти вопросы, Иоанн повторил свой ответ, данный приходившим к нему фарисеям и саддукеям (см. выше, гл. 4, с. 138), но добавил: «Идущий за мною стоит среди вас». Он говорил прежде, что приблизилось Царство Небесное, что Христос **идет**, что пришествие Его **близко**, что лопата Его уже в руке Его и что секира у корня деревьев лежит; теперь же, после Крещения Иисуса, сошествия на Него Святого Духа и слышанного им голоса с неба, он прямо возвещает, что Христос уже пришел, **стоит среди вас... Я недостойн развязать ремень у обуви Его** (Ин. 1, 26–27).

Обувь бедных людей того времени состояла из двух дощечек, или пластинок коры, или кожи, которые ремнями привязывались к подошвам; при входе в дом рабы или слуги снимали эту обувь с пришедших и омывали им запыленные от ходьбы ноги. Обязанности развязывания ремней обуви, снятия ее и омывания ног считались самыми унижительными; и вот, Иоанн ставит себя, в сравнении с Христом, в такое же положение, в каком находится последний раб по отношению к своему господину.

Появление Иисуса и указание на него Иоанном как на Христа-Мессию Надо полагать, что это происходило уже после искушения Иисуса. На борьбу с голодом и духом зла шел в пустыню Иисус-Человек; Он вышел из этой борьбы Победителем Своими человеческими силами; и после такой победы к Иоанну на Иордан шел уже Иисус-Мессия, Иисус-Христос, Иисус-Богочеловек. На другой день после допроса Иоанна посланными синедриона Иоанн увидел шедшего к нему Иисуса и, указывая на Него, сказал: **Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира** (Ин. 1, 29).

Пророк Исайя изобразил страждущего Мессию в виде Агнца, на Которого Господь возложил грехи всех людей (Ис. 53, 6–7). Поэтому Иоанн, желая указать на Иисуса как на Мессию, называет Его так, как называл Его в своем пророческом вдохновении величайший из пророков.

Иоанн свидетельствует при этом, что шедший в то время к нему Иисус есть Тот Самый, о Котором он уже возвестил народу, фарисеям и саддукеям, — Тот, Который **стал впереди** его, потому что был прежде. Этими словами — **был прежде** — Иоанн как бы повторяет пророчество Михея об исхождении из Вифлеема Владыки, Которого происхождение из начала, от дней вечных [\[8\]](#) (Мих. 5, 2).

Свидетельство Иоанна, что он не знал Иисуса

Я не знал Его (Ин. 1, 31), — говорит Иоанн.

Известно, что Мать Иисуса, Пресвятая Дева Мария, была родственницей матери Иоанна, Елисаветы. Поэтому, дабы устранить всякое подозрение, что Иоанн свидетельствует об Иисусе по родству и что свидетельство его, вследствие этого, может быть не без пристрастным, Иоанн говорит: **Я не знал Его**.

Эти слова Иоанна можно понимать двояко: или он вовсе не знал Иисуса, никогда не видел Его раньше появления Его на Иордане, или же он знал Иисуса как частного человека, но не знал, что Он Мессия-Христос. Какому из этих толкований следует отдать преимущество — неизвестно, так как Евангелисты ничего не говорят об отношениях Иисуса к Иоанну до встречи их на Иордане. Иисус жил в Назарете, а Иоанн — в пустыне Иорданской, местности, довольно отдаленной от Назарета; Евангелист Лука повествует, что Иоанн **был в пустынях до дня явления своего Израилю** (Лк. 1, 80), то есть прямо из пустыни вышел на проповедь; поэтому весьма правдоподобно, что Иисус и Иоанн не знали друг друга. С другой стороны, из прочитанных уже нами повествований Евангелистов нам известно, что до появления Иисуса на Иордане никто кроме Его Матери, не знал, что Он — Мессия. Не знал, конечно, этого и Иоанн, если бы даже и имел какие-либо сношения с Иисусом.

По словам Иоанна, Бог, пославший его крестить, внушил ему: **На Кого увидишь Духа сходящего и прибывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым** (Ин. 1, 33). Иоанн увидел Духа, сходящего с неба на Иисуса и пребывающего на Нем. По этому признаку он узнал в Иисусе Мессию и

засвидетельствовал, что Иисус есть Сын Божий.

Иоанн два раза сказал: **Я не знал Его** (Ин. 1, 31, 33). Весьма вероятно, что такое повторение свидетельства было вызвано вопросами и сомнениями посланных от синедриона священников. Но присутствовали ли эти посланцы при торжественном свидетельстве Иоанна об Иисусе как о Мессии? Прямого ответа на этот вопрос в Евангелии Иоанна не имеется. Но так как этот Евангелист начинает свое Евангелие повествованием об Иисусе как Безначальном Слове, Сыне Божиим, и тут же приводит свидетельство Иоанна Крестителя перед присланными к нему из Иерусалима священниками и левитами, то не подлежит сомнению, что, хотя допрос Иоанна и начался вопросом — **кто ты?** — но под словами: **и вот свидетельство Иоанна** (Ин. 1, 19) — Евангелист подразумевает, конечно, свидетельство Предтечи не о себе, а об Иисусе. Свидетельство это лишь началось в первый день прихода посланных от синедриона и окончилось во второй день, когда на Иордан явился Сам Христос, а так как оно предназначалось не для народа, а исключительно для посланных от синедриона, то несомненно, что они должны были слышать не только начало, но и конец свидетельства. К тому же, по содержанию свидетельства Иоанна, в разговоре с ним об Иисусе могли участвовать только лица, сведущие в Писании, каковыми и были присланные священники из фарисеев.

Посланные, исполнив поручение, вернулись в Иерусалим и, конечно, доложили синедриону обо всем виденном и слышанном ими. Таким образом, теперь уже первосвященники, священники, старейшины, книжники, фарисеи... словом, все руководители еврейского народа знали, что Христос-Мессия уже пришел, — знали и все-таки не уверовали в Него. Они ревниво оберегали свою власть над народом и ненавидели всякого, кто угрожал им потерей этой власти; вот почему они не приняли Иоаннова крещения и не признали его за пророка; вот почему они отвергли и Иисуса Христа.

Евангелист Иоанн дополняет свое повествование о свидетельстве Предтечи указанием, что это происходило в Вифаваре, при Иордане, где крестил Иоанн. Вифавара, как утверждает Ориген, было селение на восточном берегу Иордана, почти прямо против Иерихона.

Вторичное, на другой день, появление Иисуса и указание на него Иоанна своим ученикам

На другой день после торжественного свидетельства Иоанна об Иисусе Христе стоял Иоанн по обыкновению на берегу Иордана и два ученика его находились при нем. Увидев опять идущего Иисуса, Иоанн указал на него этим двум ученикам и повторил сказанное накануне изречение: **Вот Агнец Божий!** Указывая на Иисуса как на Мессию, Иоанн подал им мысль, которую можно было бы выразить в следующих словах: «Вы ожидали пришествия Мессии; вы потому и пришли ко мне и сделались моими учениками, что я возвещал скорое Его пришествие; так вот Он! Он уже пришел; ожидания ваши сбылись; теперь вам незачем оставаться здесь; идите за Ним!»

Первые ученики Иисуса

Услышав это, оба ученика пошли за Иисусом. Не смея заговорить с Ним, они шли за Ним молча, желая как бы проследить, куда Он идет; поэтому на вопрос Иисуса — **что вам надобно?** — робко говорят: **«Учитель! Мы желаем знать, где Ты живешь»** (Ин. 1, 38). Получив разрешение следовать за Ним, они пошли за Иисусом не в Назарет, где Он имел постоянное жительство, а в место Его временного пребывания, каковым, по всей вероятности, был один из множества шалашей, устроенных на берегах Иордана для помещения приходивших к Иоанну, **и пробыли у Него день тот;** когда же уходили от Него, **было около десятого часа** (Ин. 1, 39). Евреи начинали счет часов дня с восхода солнца или с шести часов утра, следовательно, десятый час соответствует нашему четвертому пополудни; но Евангелист Иоанн писал свое Евангелие не для евреев, и потому, живя в Ефесе, среди греков и римлян, считал часы по способу римскому, такому же, как и наш. Поэтому, надо полагать, что два ученика Крестителя пробыли у Иисуса до десятого часа вечера; и это предположение вполне правдоподобно уже потому, что более согласуется с

предыдущими словами Евангелиста: **и пребыли у Него день тот**, то есть весь день, а не часть дня, не до четвертого часа по полудню (десятого по еврейскому счету).

Кто были эти ученики? Одного из них Евангелист называет Андреем, а про другого умалчивает. Андрей *первый* находит брата своего и обращает его к Иисусу, то есть первый из учеников Иоанна проповедует о пришедшем Мессии, и потому называется Первозванным. Но кто же другой ученик?

Евангелист Иоанн, повествуя о себе, ни разу не назвал себя по имени, а называл себя просто учеником или же учеником, которого любил Иисус (Ин. 13, 23; 18, 15; 19, 26; 20, 2; 21, 20); другие же Евангелисты, говоря о тех же событиях, называют Иоанном того Апостола, которого Евангелист Иоанн избегает называть по имени. Поэтому умолчание и в данном случае Евангелиста Иоанна об имени другого ученика дает нам полное основание считать, что этим учеником был сам Иоанн, ставший потом Апостолом и Евангелистом. Такое заключение подтверждается еще и следующими соображениями: первые три Евангелиста ничего не сообщили о посольстве от синедриона, о свидетельстве Иоанна перед священниками об Иисусе и о призвании Иисусом первых учеников; четвертый же Евангелист, Иоанн, дополнявший своим Евангелием упущенное первыми Евангелистами, повествует об этих событиях и, конечно, не с чужих слов, так как говорит о них так обстоятельно и подробно, как мог говорить только бывший очевидцем.

Андрей **первый** находит брата своего Симона; следовательно, из двух учеников Крестителя, последовавших за Иисусом, Андрей был *первым*, нашедшим брата, *первым* из нашедших. Это слово — *первый* — дает основание полагать, что другой ученик, не названный по имени, был *вторым*, нашедшим брата своего; если бы это было не так, то слово *первый* было бы излишним, неосновательно употребленным, чего, однако, нельзя допускать при толковании Евангелия Иоанна. Поэтому можно допустить предположение, что и другой ученик, Иоанн, нашел брата своего, Иакова, и привел его, как и Андрей, к Иисусу, и что этот ученик из скромности мог в своем Евангелии обойти молчанием это событие.

Иисус, взглянув на Симона, дал ему другое, многозначительное имя: Кифа или Петр. *Кифа* — слово сирохалдейское, а *Петр* — греческое; и то и другое в переводе на русский язык означают — *Камень*. Впоследствии Иисус Христос объяснил, почему Он так назвал Симона; Он сказал ему: **ты — Петр** (то есть камень), **и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее** (Мф. 16, 18).

На другой день Иисус собирался идти, или уже пошел, в Галилею; с Ним были ученики Его: Андрей, Иоанн, Петр и, быть может, Иаков. Встречает Иисус знакомого Андрею и Петру Филиппа, жившего в одном с ними городе, Вифсаиде, и говорит ему: **иди за Мною**. Филипп тотчас же пошел за Ним.

Призвание Филиппа и Нафанаила

Был ли Филипп на Иордане у Иоанна, слышал ли свидетельство его об Иисусе Христе, — неизвестно; можно предполагать, что был и слышал свидетельство Иоанна, потому что, ожидая, подобно всем евреям, Мессию в блеске земного величия, пошел беспрекословно за Иисусом, бедным Человеком, совсем не похожим по внешнему виду на того покорителя Израилю всех народов земли, о котором в своем ослеплении мечтали евреи того времени. В этом предположении укрепляет нас друг Филиппа, Нафанаил, не слышавший свидетельства Иоанна об Иисусе и потому не поверивший сразу, что Иисус из Назарета может быть Мессией.

Как бы то ни было, Филипп, пошедший за Иисусом, после беседы с Ним окончательно уверовал в Него и, встретив Нафанаила, с восторгом сообщил ему, что Иисус, сын Иосифов, из Назарета, есть Тот, о Котором писали Моисей и пророки. Называя Иисуса сыном Иосифа из Назарета, Филипп, конечно, не знал, что Иисус родился в Вифлееме и не был сыном Иосифа; говоря так, он повторял общепринятое тогда мнение о происхождении Иисуса.

Нафанаил принадлежал к разряду тех людей, которые стараются предварительно убедиться в истинности того, во что им предлагают верить. Зная же, что жители Назарета не пользуются хорошей славой, он усомнился в истинности слов Филиппа и сказал: **из Назарета может ли быть что доброе?** (Ин. 1, 46).

Филипп не стал спорить с ним, а предоставил ему самому убедиться в том, что Иисус из Назарета есть действительно обещанный Мессия. **Пойди и посмотри**, — сказал ему Филипп.

Эта встреча с Нафанаилом произошла, вероятно, на пути в Галилею, во время остановки Иисуса с учениками для отдыха. Филипп встретил Нафанаила, очевидно, не тогда, когда находился при Иисусе и других учениках Его, а когда отлучился от них, и притом на такое расстояние, с которого встретившийся Филипп и Нафанаил не могли видеть Иисуса, а Иисус их. Перед этой встречей Нафанаил сидел под смоковницей и, вероятно, совершал дневную молитву (*Кришму*), чтение которой под смоковницей было освящено обычаем и впоследствии даже одобрено Талмудом.

Когда Нафанаил подходил к Иисусу и услышал слова — **вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства** (Ин. 1, 47), — то был поражен: Иисус никогда не видел его, а говорит о нем, как о знакомом. В изумлении он спрашивает: **почему Ты знаешь меня?** (Ин. 1, 48).

Иисус не отвечает ему прямо на этот вопрос, но своим ответом (**прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя**) не оставляет в нем ни малейшего сомнения в Своем всеведении. Видя перед собой Всеведущего Иисуса, **Нафанаил преклоняется пред Ним и говорит: Равви! Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев** (Ин. 1, 49).

Нафанаил изумился всеведению Учителя, но Иисус говорит ему: **Увидишь больше сего** (Ин. 1, 50); обращая же к нему и остальным ученикам Своим, добавляет: **отныне**, то есть когда вы стали Моими учениками, **будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому** (Ин. 1, 51).

Сыном Человеческим Иисус Христос назвал Самого себя; так Он будет называть Себя во все время Своего мессианского служения.

Евреи называли ожидаемого ими Мессию Сыном Давидовым; и Иисуса Христа в некоторых случаях так называли те, которые признавали Его за Мессию. Но Сам Иисус никогда не называя Себя так. Он даже разъяснил книжникам и фарисеям, что Христа (Мессию) нельзя так называть, потому что сам Давид по вдохновению называет Его Господом (Мф. 22, 41–45; Мк. 12, 35–37; Лк. 20, 40–44).

Но почему же Иисус называя Себя Сыном Человеческим? И что означает это название?

Христос пришел спасти не одних только евреев, а всех людей, все человечество. Назначение его было быть Посредником между Богом и человечеством, то есть открыть всем людям волю Божию и научить их исполнять ее, быть им примером для подражания, примирить Бога с падшим родом человеческим, освободить людей от порабощения греху, от этого ужасного плена, то есть выкупить их из этого плена, своей жизнью и страданиями искупить их. Но для того, чтобы исполнить такое назначение, Посредник должен был принадлежать в равной мере как Богу, так и человечеству. Он должен был быть не только Богом, но и Человеком, то есть Богочеловеком. А так как таким именно Посредником и был Господь наш Иисус Христос, то Он называл Себя Сыном Божиим и Сыном Человеческим. Сыном Божиим Он называл Себя довольно редко, только тогда, когда надлежало открыть евреям Свое Божественное происхождение; Сыном же Человеческим Он называл Себя постоянно, во всех Своих поучениях и в разговорах с учениками; называя Себя так, Он этим хотел сказать, что Он — Представитель пред Богом всего человечества, а не одного только народа израильского, что Он — Сын Человечества.

Говоря ученикам Своим, что они будут видеть ангелов [\[9\]](#), восходящих и нисходящих к Нему, Сыну

Человеческому, Иисус Христос тем самым дал понять им, что Он больше, чем Царь Израилев, что Он Царь ангелов, Царь Вселенной.

Прибытие Иисуса в Галилею и чудо в Кане

После встречи с Нафанаилом Иисус продолжил путь в Галилею в сопровождении шести учеников, и когда прибыл туда, то молва о Нем разнеслась по всей окрестной стране. Молву эту распространили не только новые ученики Иисуса, но, конечно, и другие галилеяне, ходившие к Иоанну исповедать грехи и креститься. В то время вся Палестина была взволнована проповедью Иоанна Крестителя; все шли к нему и все слышали от него, что Царство Небесное приблизилось, что идет за ним Мессия-Христос, Который будет крестить Духом Святым; все возвращались по домам в полной уверенности, что Христос идет, что, пожалуй, уже пришел; и вдруг разносится молва, что Креститель Иоанн указал на Иисуса, сына Иосифа, из Назарета, как на Мессию-Христа, и что Иисус имеет уже учеников, уверовавших в Него как в Сына Божия! Молва эта, конечно, должна была волновать всех сильнее, чем проповедь Иоанна о покаянии; до сих пор было время надежд, теперь же наступило лучшее время, время исполнения тысячелетних ожиданий.

Продолжая повествование о событиях, совершившихся после обращения Нафанаила, Евангелист Иоанн говорит: **На третий день был брак в Кане** (Ин. 2, 1). Это выражение Евангелиста надо понимать в том смысле, что брак в Кане был на третий день после встречи Иисуса с Нафанаилом. Встреча эта произошла не в Вифаваре, где Филипп последовал за Иисусом, а на пути Иисуса из Вифавары в Галилею, но в каком именно месте этого пути — неизвестно; во всяком случае, до Назарета или Каны оставалось такое расстояние, которое Иисус с учениками мог пройти в два дня, чтобы на третий уже день быть в Кане. Пришел ли Иисус прямо в Кану или же заходил в Назарет — неизвестно. Из слов же Евангелиста — **и Мать Иисуса была там** — можно заключить, что Пресвятая Дева прибыла в Кану ранее Иисуса и учеников Его. Вероятно, семья, в которой происходили брачные празднества, была хорошо знакома с Богородицею, а может быть, была и родственной Ей.

Кана, небольшой городок, лежавший к северу от Назарета в 2–3 часах ходьбы, был родиной новообращенного Нафанаила, что видно из 2-го стиха 21-й главы Евангелия Иоанна. Назывался этот городок Каной Галилейской в отличие от другой Каны, находившейся недалеко от приморского города Тира.

Был также зван Иисус и ученики Его на брак (Ин. 2, 2); но как Он был зван? Как обыкновенный человек, как знакомый, или же как объявленный Иоанном Избавитель, Мессия-Христос? Об этом Евангелист умалчивает; но из дальнейшего повествования можно заключить, что находившимся на брачном пире еще не было известно торжественное свидетельство Иоанна об Иисусе перед посланными к Нему от синедриона; и потому надо полагать, что Иисус был приглашен как обыкновенный Человек, как знакомый, и что ученики Его, как пришедшие с Ним, были приглашены лишь по обычаю гостеприимства.

Семья, праздновавшая свадьбу, была из небогатых, так как не имела запаса вина на случай продления праздника и приглашения новых гостей. Заметив это, **Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них** (Ин. 2, 3).

Но что хотела Богородица сказать этими словами? Некоторые полагают, что, говоря так, Она давала понять Своему Сыну и ученикам Его, что пора оставить хозяев, уйти от них, так как у них нет вина, а обнаружение этого недостатка может причинить им неприятность. Но такое толкование не согласуется ни с ответом Иисуса (**что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой**), ни с дальнейшими словами Его Матери, обращенными к слугам (**что скажет Он вам, то сделайте**). Весь этот разговор доказывает, что, говоря — **вина нет у них**, — Пресвятая Дева надеялась, что Ее божественный Сын выведет бедных хозяев из затруднительного положения.

Но почему Она рассчитывала на чудотворную силу Его, когда Он до сих пор не совершил ни одного чуда и жил как обыкновенный Человек, чуждый лишь греха? Из слов благовествовавшего Ей ангела Она знала о назначении Своего Сына; Она знала, что зачатие и рождение Его были сверхъестественны и что вся жизнь Его была под особой охраной Бога. Сохраняя все это **в сердце Своем** (Лк. 2, 19), и не открывая никому этой тайны, Она не сомневалась, однако, что настанет время, когда Сын Ее выступит как Мессия-Христос, и потому всецело предалась воле Божией и спокойно ждала наступления этого времени. Но вот дошел до Нее слух, что новый Пророк Иоанн провозгласил скорое пришествие Избавителя, что он отказывался крестить Ее Сына, считая себя недостойным даже развязать ремень обуви Его, и затем свидетельствовал всенародно, что при Крещении Его видел сходящего на Него Духа Святого и слышал голос с неба — **Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение** (Мф. 3, 17). Прислушиваясь к этим слухам, Богородица поняла, что давно ожидаемое время уже наступило; пришедшие же теперь с Иисусом ученики Его, Андрей и Иоанн, могли успеть сообщить Ей, что новый Пророк на Иордане прямо указал посланным от синедриона на их Учителя как на Мессию-Христа. Первая после таких событий встреча с Сыном, чувство умиления пред Ним, радость, что давно ожидаемое время уже наступило, бедность хозяев брачного пира и искреннее соболезнование их горю — все это побудило Пресвятую Деву обратиться к Сыну Своему с нескрываемой уверенностью, что Он поможет бедным людям, что Он свершит чудо.

Что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой, — так отвечал Иисус Своей Матери.

Некоторые толкователи усматривают в этом ответе упрек Иисуса Матери за вмешательство Ее не в Свое дело и желание показать Ей, что отныне Он для Нее Мессия-Христос, Бог, а не Тот, Который пребывал до сих пор в повиновении у Нее. Но в слове **Жено**, обращенном к Матери, нельзя подозревать и намека на то, что Богородица отныне должна считать Его Господом Своим, а не Сыном. Слово **жено** употреблялось у евреев и других народов востока даже и тогда, когда обращались к матери, и считалось вполне почтительным. Нам известно, что точно так же назвал Иисус Свою Мать, когда в страшных муках на кресте поручал Ее попечению Своего любимого ученика: **Жено! се, сын Твой!** (Ин. 19, 26), когда проявил к Ней особенную заботливость, особенную любовь.

Что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Иоанн Златоуст так объясняет эти слова: «Меня еще не знают присутствующие; они не знают и того, что не доставало вина. Дай им сперва почувствовать это. Да об этом и не от Тебя Мне надлежало бы слышать. Ты Моя Мать: и потому Ты самое чудо делаешь подозрительным. А надлежало бы самим нуждающимся обратиться ко Мне с просьбой, не потому, чтобы Я в этом нуждался, но чтобы они с большим доверием приняли этот случай» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 22).

Приступив уже к исполнению воли Пославшего Его, Иисус Христос не мог сказать, что *вообще* еще не пришел час Его деятельности, и если сказал в ответе Матери Своей, что еще не пришел час Его, то этим хотел только дать понять Ей, что не следует торопиться, — что время проявления Его Божественной власти в этом доме, на этом празднестве, еще не наступило, хотя и может скоро наступить.

В этом ответе Сама Пресвятая Дева слышала не упрек, не отказ в просьбе, иначе Она не сказала бы служителям: что **скажет Он вам, то сделайте**.

Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского (Ин. 2, 6). По закону, евреи должны были в некоторых случаях совершать омовения или **очищения**; случаи эти были умножены обычаями и учением фарисеев. Поэтому в домах евреев всегда имелись особые, довольно вместительные, сосуды для воды омовения.

Толкуя совершенное Христом чудо, Иоанн Златоуст говорит: «Евангелист не без цели заметил *по очищению иудейскому*, а для того, чтобы кто-либо из неверующих не подозревал, что в сосудах были

остатки вина, и поэтому, когда была влита и смешана с ними вода, то составилось некоторое, самое слабое, вино. Поэтому Евангелист и говорит: *по очищению иудейскому*, показывая тем, что в сосудах тех никогда не хранилось вино. Но почему Он не сотворил чуда прежде, чем сосуды были наполнены водой, что было бы гораздо удивительнее? Ибо иное дело изменить готовое вещество только в качестве, иное — произвести самое вещество из ничего. Конечно, это удивительнее, но для многих показалось бы не столь вероятным. Потому-то Христос нередко добровольно уменьшает величие чудес, чтобы только удобнее они могли быть приемлемы. А почему, скажем, Он не Сам произвел воду и потом обратил ее в вино, а приказал влить ее слугам? Опять по той причине и для того, чтобы сами черпавшие воду были свидетелями чуда и чтобы оно нисколько не показалось призраком. Если бы кто-либо стал бесстыдно отвергать это, то слуги могли бы сказать: мы сами черпали воду. Затем, как скоро слуги наполнили сосуды водой, Он говорит им: **теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли** (Ин. 2, 8). Опять и здесь некоторые смеются, говоря: «Там было собрание людей пьяных; вкус у ценителей вина уже был испорчен; и они неспособны были понимать, ни судить о том, что тут делалось; таким образом, они не могли распознать, вино ли то было или вода. А что они были пьяны, это высказал сам распорядитель». Правда, это очень смешно. Но Евангелист уничтожает и такое подозрение. Он говорит, что не гости высказывали свое мнение о случившемся, но распорядитель, который был трезв и еще не пил ничего. Ведь вы знаете, что те, которым поручается распоряжение на таких пиршествах, более всех бывают трезвы, потому что имеют только одно дело — все распорядить чинно и в порядке. Поэтому для засвидетельствования чуда Христос и употребил распорядителя. Он не сказал: *наливайте вино возлежащим*» а сказал: «*Несите к распорядителю*». **Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином... зовет жениха** (Ин. 2, 9). Почему же он не пригласил слуг? Таким образом открыл бы и чудо. Причина та, что если бы оно в то время было обнаружено, то рассказу слуг не поверили бы, но подумали бы, может быть, что они не в своем уме, так как приписывают это дело Тому, Которого тогда многие считали человеком обыкновенным. Сами слуги, конечно, знали это дело хорошо по собственному опыту и не могли не поверить своим рукам; но уверить в том других не имели возможности. Поэтому и Сам Христос не всем открыл случившееся, а только тому, кто лучше других мог понять это, предоставляя точнейшее познание о чуде будущему времени по совершении других чудес, и это должно было сделаться достоверным. Ибо, что Он претворил воду в вино, на это Он имел свидетелями слуг; а что это вино было хорошее, на то свидетели — распорядитель пира и жених» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 22).

Если распорядитель пира и употребил выражение — **а когда напьются**, — то из этого нельзя еще заключать, что участники пира были пьяны: он говорил только о существовавшем обычае не приберегать хорошее вино к концу пира, а подавать его в начале. К тому же евреи отличались умеренностью в употреблении вина, и напиваться допьяна считалось у них непристойным; вино пили большей частью с водой; семья, праздновавшая свадьбу, была бедна и не располагала избытком вина; да и Иисус Христос не принял бы участия в таком празднестве, где были или могли быть пьяные.

Евангелист говорит, что чудом в Кане Иисус положил начало чудесам, поэтому совершенное в Кане чудо было первым в ряду чудес; следовательно, ранее сего Иисус не проявлял Своей божественной силы перед людьми.

Совершенное теперь чудо, если и осталось пока не замеченным участниками пира, распорядителем и женихом, то не могло быть незамеченным учениками Иисуса, сосредоточившими все свое внимание лишь на Нем и на Его действиях; в этом убеждает нас Евангелист, сказавший: **и уверовали в Него ученики Его**.

С возвращения Иисуса в Галилею начинается Его мессианское служение.

Определение времени крещения Иисуса

В пятнадцатый год правления Тиверия Кесаря, то есть в 779 году от основания Рима, выступил Иоанн

Креститель на проповедь. Когда он обошел всю окрестную страну Иорданскую с проповедью о покаянии, когда затем он стал крестить в Иордане и слава о нем распространилась настолько, что толпы народа шли к нему исповедать свои грехи и креститься, когда, наконец, прошли перед ним искушавшие его фарисеи и саддукеи, — тогда только пришел к Иоанну Иисус. Следовательно, между призыванием Иоанна на проповедь и Крещением Иисуса прошло довольно много времени. Из дальнейших повествований Евангелиста Иоанна видно, что после Крещения, сорокадневного поста и искушения Иисуса, после свидетельства о Нем Иоанна перед посланными от синедриона, Он пошел в Галилею, совершил чудо в Кане, пробыл несколько дней в Капернауме и пошел в Иерусалим на пасху. На все эти события потребовалось около двух с половиной месяцев; поэтому Крещение Иисуса совершилось, вероятно, в начале января 779 года от основания Рима (римляне начинали год с марта). Если Он родился в 748 году, то Ему во время Крещения был уже 31 год, а если Он родился в 749 году (разногласие во мнениях исследователей касается только этих двух лет), то ко дню Крещения Ему было 30 лет. Евангелист Лука не дает точных сведений о годах Иисуса, а говорит, что Он **был лет тридцати** (Лк. 3, 23), то есть около тридцати.

Евангелист Лука приводит родословную Иисуса от Адама, а Евангелист Матфей — от Авраама; обе родословные совершенно одинаковы от Авраама до Давида, а от Давида (см. на с. 181) — различны вообще, но сходятся в лице Салафииля и Зоровавеля.

Сравнение родословных Иисуса по Евангелиям Матфея и Луки и объяснение различия их

Это сходство различных родословных объясняют еврейским законом, по которому брат или ближайший родственник умершего бездетным обязан был взять его вдову и от нее продолжать род умершего; рожденные от такого брака дети считались законными детьми умершего и имели, в сущности, двух отцов: одного — по закону, а другого — по естественному происхождению.

Сравнивая между собой обе родословные, мы видим, что помещенный как в одну, так и в другую родословную Салафииль показан: у Матфея — сыном Иехонии, а у Луки — сыном Нирия. Одним из показанных Евангелистами отцов Салафииля был отец по закону, а другой — по природе. Из книги пророка Иеремии (Иер. 22, 30) известно, что Иехония, отведенный в плен вавилонский, был бездетным; следовательно, по смерти его родственник его Нирий восстановил ему род.

Такое объяснение сходства различных родословных дано писателем II века Юлием Африканским на основании сведений, сообщенных ему остававшимися еще тогда в живых родственниками Пресвятой Девы. «Так ли оно было, или иначе, — говорит Юлий Африканский, — но достоверно, что нелегко было бы приискать объяснение родословных более удовлетворительное, нежели то, которое они мне сообщили» (Евсевий. История Церкви. 1, 7).

Однако, это объяснение некоторого сходства совершенно различных родословных не отвечает нам на главный вопрос: почему эти родословные так различны? Попытаемся ответить на него.

Когда Евангелист Лука писал свое Евангелие, то, несомненно, должен был иметь под руками Евангелие Матфея. В этом убеждают нас не только факты написания Матфеем своего Евангелия значительно ранее написания Евангелия Лукой, а также близкое знакомство Луки со всеми Апостолами, но еще и вступительные слова самого Луки, которыми он начинает свое Евангелие: **Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях... то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил... (Лк. 1, 1–3).** А если это так и было, если Лука имел Евангелие Матфея и, следовательно, знал родословную Иосифа, приведенную Матфеем в первой главе его Евангелия, и если он привел в своем Евангелии родословную, которая, начиная от Давида, совсем не та, какую записал Матфей, то в этом надо усматривать не простую случайность или желание исправить сказание Матфея, а иную цель.

Несомненно, что оба Евангелиста хотели приводимыми ими родословными доказать, что Иисус происходил из царского рода Давида, ибо Мессия должен был быть потомком Давида и даже назывался Сыном Давидовым. Этой цели они и достигли, поставив в родословных имя Давида. Но средства к достижению этой цели у них различны.

Евангелист Матфей, приводя родословную Иосифа, доказав, что Иосиф, муж Марии, был потомком царя Давида. Этим он и ограничился, так как не сомневался в том, что, по установившемуся обычаю, жена Иосифа должна была быть из того же колена и рода, то есть из рода Давида. Для современных Матфею евреев это было так понятно, что не требовало никаких пояснений. Следовательно, по мнению Матфея, было вполне достаточно доказать, что Иосиф был потомком Давида, так как это доказывало и происхождение Марии, а следовательно, и рожденного Ею Иисуса, от Давида.

Лука же, писавший не для евреев, по-видимому, взглянул на дело иначе. К чему было приводить родословную Иосифа, если Евангелие утверждает, что Иисус не был сыном Иосифа, а родился от Девы Марии и Духа Святого? Не лучше ли привести родословную Самой Марии и тем доказать происхождение Ее и рожденного Ею Иисуса от царя Давида? Ведь это будет несравненно убедительнее, чем основанное на еврейском обычае предположение о непременном происхождении Марии из того же рода, к которому принадлежал Иосиф. Так, вероятно, думал Евангелист Лука, когда приступал к описанию происхождения Иисуса Христа. Он зная, что все современники Иисуса, в особенности же жители Назарета, считали Иисуса сыном Иосифа и что Сама Богоматерь однажды назвала Иосифа отцом Иисуса (см. Лк. 2, 48); он узнав о сверхъестественном рождении Иисуса не иначе, как от Самой Марии, Которая до Воскресения Своего Сына никому не доверяла тайну Его рождения; поэтому он, то есть Евангелист Лука, должен был в родословной Иисуса и Его Матери оговориться, что Иисус не был сыном Иосифа, но что Его только считали таковым, **думали**, что Он **сын Иосифов** (Лк. 3, 23). Так он и поступил. Поступая же так, он не имел никакого основания приводить родословную Иосифа, постороннего Иисусу человека. Если бы он хотел привести родословную Иосифа, то должен был бы повторить или переписать ту, какую записал у себя Евангелист Матфей; а так как он привел иную родословную, и так как, кроме родословной по женской линии, он никакой другой и не мог привести, то следует признать, что Евангелист Лука доказывал происхождение Иисуса от Давида кровным родством Пресвятой Девы Марии с Давидом. Но почему же он не говорит, что Иисус был Сын *Марии*, Илиев и т. д.? Да потому, что у древних (евреев, греков) дети именовались по отцу, а не по матери, подобно тому, как и мы называем друг друга по имени и по *отчеству*. Ведь и Евангелист Матфей, начиная изложение родословной Иосифа, не говорит, что Сарра, жена Авраама, родила Исаака, а Ревекка, жена Исаака, родила Иакова; он говорил: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...» Поэтому и Лука, предлагая родословную Иисуса через Матерь Его, Марию, не упоминает Ее имени, а, сделав оговорку об Иосифе, называет Иисуса Сыном Илия, Матфата и т. д.

Таким образом, при этом толковании мы должны признать, что Пресвятая Мария была дочерью Илия; между тем предание называет ее дочерью Иоакима. На первый взгляд это может показаться странным; но если мы примем во внимание, что евреи имели по два имени (например, Евангелист Матфей назывался Левием, Апостол Леввей назывался Фаддеем) и что Талмуд называет Марию, мать Иисуса, дочерью Илия, то увидим, что нет ничего странного в том, что Иоакима, отца Марии, называли еще Илием.

Помимо этих соображений, имеются еще грамматические доказательства того, что, упомянув об Иосифе с известной оговоркой, Евангелист Лука не считал его необходимым членом приводимой им родословной. Дело в том, что в словах — **как думали, Сын Иосифов** — перед именем **Иосиф** в подлиннике не достаёт члена *той*. Между тем, член этот стоит перед всеми прочими именами. Стоит он также перед каждым именем и в родословной Евангелиста Матфея. А это доказывает, что Лука не считал имени Иосифа необходимым членом родословной и что точный смысл настоящего стиха будет такой: и был Иисус Сын, как полагают, Иосиф, на самом же деле Илиев. Вот почему Евангелист Лука имя Илия, как первое звено в

родословной цепи, отмечает членом.

Нельзя не обратить еще внимание на то, что Евангелист Лука довел родословную до Адама и Бога и окончил ее словами: **Адамов, Божий** (Лк. 3, 38). Положим, все люди — потомки Адама, созданного Богом, все называют Бога своим Отцом, но однако никто не дерзает говорить, что он происходит от Бога. Поэтому, если бы Евангелист Лука действительно приводил бы родословную *Иосифа* и говорил бы в ней только о его происхождении, то, конечно, не назвал бы его, то есть Иосифа, *Божиим*; а так как он называет Божиим именно Того, чью родословную приводит, то следует признать, что он говорит не об обыкновенном человеке, не об Иосифе, а о Том, Который Один мог называться *Божиим* или *Сыном Божиим*, то есть об Иисусе Христе.

Глава 7. Путешествие Иисуса в Иерусалим. Изгнание торговцев из храма. Беседа с Никодимом.

Последнее свидетельство Иоанна об Иисусе

Прибытие Иисуса с учениками в Капернаум

После совершения чуда в Кане Иисус пришел в Капернаум. Евангелист говорит, что пришел Он **Сам и Мать Его, и братья Его, и ученики Его** (Ин. 2, 12). Были ли братья Его на брачном пиршестве в Кане — неизвестно; надо полагать, что не были, так как Евангелист ничего об этом не говорит. Поэтому можно допустить предположение, что Иисус с Матерью и учениками пошел из Каны в Назарет, пробыл там некоторое время и оттуда уже с Матерью Своей, в сопровождении братьев Своих и учеников, пришел в Капернаум.

Определение родства Иисуса с так называемыми Братьями его

Но какие же это братья Иисуса, когда Он был единственным Сыном Девы Марии?

О братьях Иисуса упоминают все четыре Евангелиста в дальнейших своих повествованиях, но по именам называют их только Матфей и Марк:

Матфей: откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? (13, 54–56).

Марк: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? (6, 2–3).

Итак, братьями Иисуса назывались Иаков, Иосия, Симон и Иуда. Но чьи они были сыновья? Для разрешения этого вопроса обратимся к Евангелиям. Называя женщин, стоявших на Голгофе во время распятия Иисуса Христа, Евангелисты говорят:

Матфей: между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых (27, 56).

Марк: Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего, и Иосии, и Саломия (15, 40).

Иоанн: При кресте Иисуса стояли Мать Его и сестра Матери Его Мария Клеопова. и Мария Магдалина (19, 25).

Лука, повествуя о шествии ко гробу Иисуса, говорит: То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними (24, 10).

Из этих свидетельств Евангелистов видно, что при кресте Иисуса стояли три Марии: Мария — Мать Его, Мария Магдалина, и третья Мария, которую Иоанн называет Марией Клеоповой и вместе с тем сестрой Матери Иисуса. Эту же третью Марию Матфей называет матерью Иакова и Иосии, Марк — матерью Иакова меньшего и Иосии, а Лука — матерью Иакова. Поэтому Иаков (названный Евангелистом Марком меньшим в отличие от Апостола Иакова) и Иосия были сыновьями Марии Клеоповой, сестры Богоматери. Хотя Евангелисты ничего не говорят о том, чьи сыновья были Симон и Иуда, тоже именуемые братьями Иисуса, но так как они в других, выше приведенных местах Евангелий, называются братьями

Иисуса вместе с Иаковом и Иосией, то следует признать, что Иаков, Иосия, Симон и Иуда были между собой родными братьями, а следовательно, сыновьями Марии Клеоповой, сестры Матери Иисуса.

Пресвятая Дева Мария была единственной Дочерью у Своих родителей; поэтому Мария Клеопова могла быть Ей только двоюродной сестрой или иной родственницей, а сыновья ее Иаков, Иосия, Симон и Иуда и дочери ее, о которых поименно Евангелисты не упоминают, могли быть лишь троюродными братьями и сестрами или просто родственниками Иисуса.

Употребленное в Евангелиях на греческом языке слово, переводимое словом *брат*, применялось не только к родным братьям, но и к двоюродным и даже другим родственникам; поэтому слова **братья Его**, относимые к Иакову, Иосии, Симону и Иуде, не дают никакого понятия о степени родства их с Иисусом.

Противники Христа под словами **братья** Иисуса понимают Его родных братьев, сыновей Девы Марии и Иосифа. Но против такого, ни на чем не основанного, кощунственного предположения имеются, кроме вышеприведенных, следующие возражения:

а) нигде, ни в одном месте Евангелий, не имеется даже и намек на то, чтобы у Пресвятой Девы Марии были другие сыновья, кроме Иисуса; напротив, везде, где только говорится о Ней, Она называется не иначе, как **Матерь Его** или **Матерь Иисуса**, то есть Мать единственного Сына;

б) оканчивая Свое служение и отходя к Отцу, Иисус с высоты креста обратился к Своей Матери и любимому ученику, Апостолу Иоанну, и сказал им: **Жено! се, сын Твой, и: се, Матерь твоя!** (Ин. 19, 26–27). Эти слова доказывают, что Иисус был единственный Сын Своей Матери. Если бы у Нее оставалось еще четыре сына, кроме Иисуса, то разве возможно было сказать, что отныне только Иоанн будет Ее сыном? Почему же Иоанн должен был принять на себя попечение о Ней, и даже взять Ее к себе в дом, если у Нее было еще четыре сына? и

в) старший из так называемых братьев Иисуса, Иаков, уверовавший в Него после Его Воскресения, был потом епископом Иерусалимским и составил послание двенадцати коленам, находящимся в рассеянии; в этом послании он не называет себя братом Иисуса Христа, а начинает послание такими словами: **Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа** (Иак. 1, 1); следовательно, он не считал себя братом Иисуса в том значении этого слова, как мы понимаем его, хотя его и называли братом Господним.

Но кто был отец Иакова, Иосии, Симона, Иуды и их сестер, называемых братьями и сестрами Иисуса? — Евангелисты не дают ответа на этот вопрос. Но так как их мать, Мария, называлась в отличие от других Марий *Клеоповой*, то надо полагать, что Мария Клеопова была женою Клеопы и что Клеопа был отцом так называемых братьев и сестер Иисуса Христа.

Вот все вполне достаточные сведения, почерпнутые из канонических Евангелий относительно братьев Иисуса Христа [\[10\]](#). Основываться на непризнанных Церковью апокрифических книгах мы находим невозможным, хотя, руководствуясь содержащимися в них сведениями, некоторые считают, что так называемые братья и сестры Иисуса Христа были детьми Иосифа от первого брака его или же детьми Иосифа и жены умершего бездетным родственника его, Клеопы, Марии Клеоповой.

Переселение Иисуса с матерью из Назарета в Капернаум

После сего пришел Он в Капернаум (Ин. 2, 12). Зачем приходил Христос на несколько дней в Капернаум, Евангелист не поясняет; сотворил ли Он там какое-либо чудо — тоже неизвестно. Иоанн Златоуст высказывает предположение, что целью путешествия в Капернаум было желание Иисуса Христа поместить в этом городе Свою Богоматерь на все последующее время Своих путешествий по Палестине.

Путешествие Иисуса в Иерусалим на праздник пасхи

Из Капернаума Иисус пошел в Иерусалим на праздник пасхи; хотя Евангелист и не говорил, пошел ли

Иисус Один или же с учениками Своими, но из последующего повествования видно, что ученики Его, хотя, вероятно, и не все, присутствовали в Иерусалимском храме на этом празднике пасхи, когда Христос изгнал из храма торговцев и сказал иудеям: **разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его** (Ин. 2, 19, 22).

Поэтому следует признать, что Иисус Христос отправился и пришел в Иерусалим в сопровождении некоторых из Своих учеников. Он пришел туда уже не по обязанности каждого взрослого иудея являться в храм на праздник пасхи, а для того, чтобы творить волю Пославшего Его, чтобы продолжать начатое Им в Галилее Мессианское служение.

На праздник пасхи приходило в Иерусалим из разных стран не менее двух миллионов евреев; все они обязаны были приносить в храм жертвы Богу: **никто не должен являться пред лице Господа с пустыми руками** (Втор. 16, 16); там же должны были быть *закланы*, то есть убиты, пасхальные агнцы (Втор. 16, 5–6). По свидетельству Иосифа Флавия, в 63 году по Р. Х., в день еврейской пасхи было *заклано* в храме священниками 256500 пасхальных агнцев. Кроме того, в дни пасхи убивалось множество мелкого скота и птиц для жертвоприношений. Сам храм был обнесен высокой стеной, а пространство между храмом и стенами было разделено на дворы, из которых самым обширным был двор язычников. Евреи нашли этот двор весьма подходящим для торговых целей, и обратили его в базарную площадь: согнали сюда стада пасхального и жертвенного скота, принесли множество птиц, устроили лавки для продажи всего необходимого при жертвоприношениях (ладана, масла, вина, муки и пр.) и открыли разменные кассы. В то время были в обращении римские монеты, а закон еврейский (Исх. 30, 13) требовал, чтобы храмовая подать уплачивалась еврейской монетой, священными *сиклями*; поэтому приходившие на пасху в Иерусалим должны были менять свои деньги, и обмен этот давал большой доход меновщикам. Стремясь к наживе, евреи торговали на храмовом дворе и другими предметами, которые не требовались при жертвоприношениях; доказательством этому служит нахождение там волов, не принадлежащих к пасхальным и жертвенным животным.

Синедрион, блюститель иудейского благочестия и святости храма, не только равнодушно смотрел на это торжище, но, по всей вероятности, даже потворствовал обращению храма в базар, так как члены его, первосвященники, занимались разведением голубей и продажей их для жертвоприношений по очень высоким ценам.

Очищение храма от скота и торговцев

Такое обращение храмового двора в базарную площадь совершалось, конечно, постепенно; Иисусу Христу приходилось в прежние годы не раз видеть это, но час Его тогда еще не настал, и Он вынужден был терпеть до времени. Теперь же, начав творить волю Пославшего Его, Он, придя в Иерусалим с учениками, прямо направляется к храму; войдя во двор язычников, молча берет одну из веревок, которыми, быть может, связывали или заграждали пригнанных животных, свертывает ее в виде бича, выгоняет овец и волов, опрокидывает столы меновщиков и, подойдя к продавцам голубей, говорит: **возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли** (Ин. 2, 16). Таким образом, называя Бога Своим Отцом, Иисус Христос впервые всенародно провозгласил Себя Сыном Божиим.

Требование от Иисуса знамения

Чтобы выгнать такое множество скота, потребовалось немало времени. Молча Христос очищал храм, и никто не осмелился сопротивляться Ему: всем уже было известно, что на Него как ожидаемого Избавителя, Мессию, указал Иоанн Креститель не только приходившему к нему креститься народу, но даже посланным от синедриона священникам; все, несомненно, ожидали появления Его в храме на праздник пасхи и, как только Он явился, молча подчинились Его божественной власти. Но когда Он кончил очищение храма от скота и торговавших им, подошел к продавцам голубей и сказал: **возьмите это отсюда...** то есть когда затронул интересы торговавших голубями первосвященников, то на это Иудеи

сказали Ему в ответ: **каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?**

Под именем *иудеев* Евангелист Иоанн понимает не евреев вообще, а исключительно враждебную Христу партию еврейских начальников: первосвященников, священников, старейшин и вообще членов синагоги. Поэтому, если Евангелист Иоанн говорит, что Иудеи сказали Ему в ответ, то это означает, что из всех присутствовавших при этом одни только начальники еврейские возразили Христу. Им мало было свидетельства Иоанна Крестителя; мало было удостоверения его, что он видел Духа Святого, сходящего на Иисуса, и слышал голос с неба — **Сей есть Сын Мой возлюбленный**; они захотели знамения от Самого Христа. В сущности же, они представляли себе Мессию совсем не в таком виде, в каком явился Иисус: им нужен был непобедимый вождь-завоеватель, который покорил бы евреям всю вселенную, а их, начальников еврейского народа, сделал бы царями покоренных народов; они видели, что Иисус из Назарета не таков, чтобы осуществить их честолюбивые мечты; и потому, не поверив свидетельству Иоанна, не поверив даже своим глазам, видевшим, как несметная толпа торгашей повиновалась неодолимой власти Иисуса, они приступили к Нему с *искушением*: стали требовать от Него знамения с неба в доказательство того, что Он имеет **власть так поступать**. Дьяволу Господь отказал в знамении, когда тот говорил: **если Ты Сын Божий, бросься вниз**. Так же Он отказал в знамении и искушавшим Его иудеям. Он сказал им: «Вы просите знамения; оно будет дано вам, но не теперь; после, когда вы **разрушите храм сей, и Я в три дня воздвигну его, тогда это послужит вам знамением**».

Ученые евреи не поняли слов Иисуса; Он, как объясняет Евангелист, говорил о теле Своем, как о храме, в котором пребывает Бог; Он предсказывал Свою смерть, разрушение тела Своего и Воскресение Свое в третий день. Но иудеи поняли слова Его буквально и старались восстановить против Него народ; они внушали народу, что Иисус говорит что-то несбыточное, что Он хочет разрушить храм, эту гордость евреев, который строился сорок шесть лет, и опять воздвигнуть его в три дня. Но тщетны были их старания: народа они не возмутили против Христа, и сами ушли с затаенной против Него злобой.

Некоторые толкователи Евангелий говорят, что Господь *в гневе*, бичом из веревок выгнал из храма торговцев. Но толкование это неправильно. Бич из веревок был сделан для того, чтобы подгонять выгоняемый из храма скот, а не для того, чтобы бить им торговцев; торговцы беспрекословно подчинились могучему, властному взгляду на них Иисуса, и сами ушли за своим скотом; а скот нуждался в другом воздействии. Следовательно, бич из веревок, как не предназначенный для людей, не может и считаться орудием гнева. Да из всего повествования Евангелиста об этом событии нельзя найти даже намека на то, что Христос выгнал торгующих из храма *с гневом*. В словах Его — **возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли**, — слышится властный, повелительный, но вместе с тем спокойный, а никак не гневный тон. В отказе дать знамение опять-таки слышится не гнев, а сожаление, что сей **род лукавый и прелюбодейный знамения ищет** (Мф. 16, 4) для того, чтобы уверовать, хотя имел уже много знамений и ни одному из них не поверил [\[11\]](#).

Праздник продолжался восемь дней. Евангелист Иоанн удостоверяет, что в эти дни Иисус Христос совершил много чудес. Какие это были чудеса — Евангелист не говорит; молчание его можно объяснить тем, что он писал свое Евангелие тогда, когда были уже написаны первые три Евангелия, в которых вообще было описано много чудес, совершенных Иисусом Христом.

Многие пришедшие на праздник, видя совершенные Иисусом чудеса, **уверовали во имя Его** (Ин. 2, 23), то есть признали Его за обещанного и пришедшего Мессию.

Но Сам Иисус не верял Себя им, потому что знал всех (Ин. 2, 24). Хотя многие и уверовали в Него, но уверовали главным образом потому, что видели совершенные Им чудеса, а вера, основанная на чудесах, на знамениях, не может считаться истинной, прочной верой; люди, привыкшие видеть чудеса, для укрепления своей полуверы требуют новых и новых чудес, а когда таковые им не даются, то кончают

неверием. Поэтому Христос не доверял таким людям, не был уверен в силе их веры. «Он не обращал внимания, — говорит Златоуст, — на одни слова, ибо проникал в самые сердца и входил в мысли; ясно видя только временную их горячность, Он не доверял им. Гораздо вернее были ученики, которые не знаменами только были привлекаемы ко Христу, но и учением Его. Он не имел нужды в свидетелях, чтобы знать мысли собственных Своих созданий» (Сет. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 24).

«Такое знание Его было непосредственное, не чрез людей приобретаемое, — говорит епископ Михаил, — но знание Свое, самобытное, без всякого посредства, Он Сам знал, что в человеке, какие его свойства, склонности, стремления и прочее. Один Бог вполне может знать все сокровенное в человеке без всякого посредства; если же Иисус обладал таковым ведением, то, значит, Он — Бог» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. Т. 3. С. 72).

Беседа с Никодимом

Изгнание Иисусом Христом торгующих из дома *Отца Своего*, произведенное, притом, так властно и с такой, явно не земной, силой, что даже синедрион не осмелился противиться этому, и совершенные затем Иисусом чудеса так сильно повлияли на евреев, что даже один из начальников иудейских, то есть членов синедриона, фарисей Никодим, захотел удостовериться, не Мессия ли в самом деле Этот Иисус из Назарета?

Этот самый Никодим, через два года после сего, когда первосвященники и фарисеи послали взять Иисуса, сказал им: **судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?** (Ин. 7, 51). Он же присоединился к Иосифу Аримафескому для погребения тела Иисуса и **принес состав из смирны и алая, литр около ста** (Ин. 19, 39).

Он пришел к Иисусу ночью, отчасти из страха перед своими неверующими товарищами, ставшими уже в явно враждебное положение ко Христу, отчасти же, быть может, из желания не придавать своему посещению огласки, не увеличивать тем все возрастающую славу пророка из Назарета.

Принятый Иисусом Никодим говорит: **«Мы (то есть фарисеи, книжники) знаем, что... таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог; поэтому мы и признаем, что Ты учитель, пришедший от Бога»** (Ин. 3, 2).

Таким образом, Никодим высказал свой, а быть может, и еще некоторых фарисеев, взгляд на Иисуса как на учителя (раввина), избранного Богом *человека*, пожалуй, даже пророка, но не Мессию.

Никодим знал, что посланным от синедриона Иоанн Креститель указал на Иисуса как на ожидаемого Мессию, и указание свое подкрепил свидетельством, что видел Духа Святого, сшедшего на Него, и слышал голос Самого Бога, удостоверившего, что Иисус — Сын Его возлюбленный. Никодим, конечно, видел, как Иисус изгнал из храма торговцев и всенародно назвал этот храм домом Отца Своего, а Себя, следовательно, Сыном Божиим. Никодим, несомненно, присутствовал при совершении чудес, в которых Иисус проявил Свою божественную власть и силу. И после всего этого, он, ученый фарисей, член синедриона, называет Иисуса просто Учителем, не верит ни свидетельству Иоанна, ни Его собственным словам, ни даже совершенным Им чудесам!

Христос знал причину такого ложного мнения о Нем фарисеев. Он знал, что фарисеи, а за ними и все руководимые ими евреи, ожидали не такого Мессию; они ждали в лице Мессии могучего земного царя, который покорит весь мир, а евреев вообще, в особенности же фарисеев, сделает владыками всех народов. Он знал, что, по учению фарисеев, всякий еврей, потому что он еврей, потомок Авраама, тем более всякий фарисей, войдет в Царство Мессии как непременный член его. Зная все это и желая обратить Никодима с ложного пути, на котором он стоял, на путь истинный, Христос начинает Свою беседу с ним

словами, доказывающими, что для вступления в Царство Мессии недостаточно быть евреем, потомком Авраама, а необходимо нечто иное, необходимо возрождение. **Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия** (Ин. 3, 3).

Чтобы лучше понять смысл беседы Господа с Никодимом, надо сделать маленькое отступление.

Создавая мир, Бог не ограничился созданием одной только бездушной природы, так как Он — **Бог живых**, а не **мертвых** (Мф. 22, 32; Мк. 12, 27; Лк. 20, 38). Конечно, Он не переставал бы быть Богом, если бы и вовсе не было живых существ; но для того, чтобы созданный Им мир мог постигнуть величие Его и мудрость Его творчества, чтобы установилась разумная связь между Творцом и Его творением, надлежало быть в мире живым разумным существам; и таким существом на земле создан человек. Первым же людям Бог внушил, как они должны жить, чтобы быть достойными сынами своего Творца. Он открыл им Свою волю, составляющую вечный, неизменяемый закон, вписанный, так сказать, в сердцах людских: *Люби Бога! Люби ближнего своего!* — поручая же им не только хранить, но и возделывать рай (Быт. 2, 15), Он вменил им в обязанность трудиться; и этот закон труда был дан им не в виде наказания за грех, так как они тогда еще не согрешили, а как необходимое условие счастья. Итак: *Люби Бога! Люби ближнего своего! И трудись!* Вот воля Божия, которую должны были соблюдать созданные Им люди. Согласуя все свои действия с этим законом, они должны были образовать на земле Царство Божие, то есть управляемое Самим Богом общество счастливых людей. В этом — цель их создания; в этом — их назначение. И если бы они действительно исполняли этот закон Верховного Царя, то на земле водворилось бы Царство мира, любви и добра, то есть истинное Царство Божие, рай земной (см. Гладков Б. И. Три заповеди).

Но первые же люди ослушались Бога и утратили право быть членами Его Царства. Однако им было внушено, что это Царство, этот рай земной потерян для них не навсегда, — что они могут вернуть его, если во всем будут исполнять волю Божию. Казалось, что жить по Божиему не трудно, так как Бог не требовал от людей ничего невозможного, ничего непосильного: *Люби Бога! Люби ближнего! И трудись!* Большого Он не требовал. Но и этого малого не могли исполнить первые люди. Вскоре возникла вражда между ними, и земля обогрилась кровью убитого человека. За первым убийством пошли и другие преступления, и грешные люди стали падать нравственно все ниже и ниже. Никакие бедствия не могли образумить их, и они стали забывать не только волю Божию, но и Самого Бога. Надлежало напомнить им эту волю, и она была провозглашена через Моисея на горе Синай в десяти заповедях.

Гениальный Моисей, сорок лет мечтавший об освобождении евреев от рабства египетского и об образовании из них управляемого Самим Богом Царства Божия, вынужден был сознаться, что нравственно испорченным людям не под силу точное исполнение объявленной в десяти заповедях воли Божией. Сознавая это, он сделал много уступок, много отступлений от синайских заповедей. Конечно, он мог отменить все законы и обычаи, противоречащие десяти заповедям, и издать новые, согласованные с ними; но даже и ему показалось это неисполнимым. Издать-то новые законы он мог, и страхом жестоких казней мог заставить повиноваться им; но не мог преобразовать веками испорченное сердце человеческое, не мог перевоспитать, возродить человека и заставить его любить, а следовательно, не мог и восстановить Царство свободных людей, любящих Бога и друг друга, — не мог вернуть людям потерянный рай.

Для этого должен был явиться иной Человек, Который не только разъяснил бы людям волю Божию и истинное назначение человека, но и возродил бы их к новой жизни, да и примером Своей жизни доказал бы возможность и даже легкость точного исполнения воли Божией. Моисей признавал это, и потому, в предсмертном прощании своем с народом, предсказывая пришествие такого Человека, сказал: **Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, — Его слушайте!** (Втор. 18, 15).

После смерти Моисея евреи то каялись и обращались к Богу, то грубо отвращались от Него; но минуты покаяния продолжались недолго, и за это их постигло множество бедствий. Напрасно вдохновенные

пророки призывали их к Богу, напрасно хотели объединить их под главенством Верховного Царя! Нравственное падение человечества было так ужасно, что спасти его мог только Сам Бог. И пророки сознавали это, и вдохновенно предвещали скорое пришествие Избавителя, Примирителя: **придет Искупитель Сиона (Ис. 59, 20), придет Желаемый (Агг. 2, 4–7), ликуй от радости, дочь Сиона... Царь твой грядет к тебе (Зах. 9, 9)**. Да, все они сознавали, что надо прежде перевоспитать людей, возродить их, и тогда только возможно возобновление Царства Божия, возвращение людям потерянного рая; они понимали, что такое перерождение людей не может свершиться без помощи Божией, и что для этого должен прийти Божий Посол.

Желанный Христос пришел и начал с перевоспитания испорченных людей. В Своей Нагорной проповеди, в так называемых заповедях блаженства, Он научил людей, как они должны перевоспитывать себя, как должны возрождаться, чтобы быть достойными сынами Отца Небесного и образовать Царство Божие на земле или тот потерянный рай, о возвращении которого мечтали лучшие люди древнего мира. Но и в Нагорной проповеди Своей, преподав подробные правила для возрождения и самоисправления, Господь сказал, что одними человеческими силами, без помощи Божией, возрождение невозможно, поэтому молитесь Богу о помощи! **Просите, и дано будет вам!**

Вот о таком-то самоисправлении и возрождении беседовал теперь Христос с Никодимом. Беседа Его, взятая отдельно, без связи с Нагорной проповедью, может показаться кому-нибудь и непонятной; но если принять во внимание, что сказанное в Нагорной проповеди, вероятно, было сказано и во время первого путешествия Господа в Иерусалим, и что Никодим мог слышать это раньше своей ночной беседы, то речь Господа о необходимости возрождения для вступления в Царство Божие станет вполне понятной.

Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия (Ин. 3, 5).

Употребленное в этом изречении Христа слово, переведенное с греческого на славянский и русский языки словом **свыше**, переводится также и словом *снова*; поэтому, сказанные Иисусом Христом Никодиму слова — **кто не родится свыше** — можно читать и так: *кто не родится снова*. В последнем именно смысле и понял эти слова Никодим, как это видно из последовавшего затем вопроса его. Но дальнейшие объяснения Иисуса Христа не оставляют никакого сомнения в том, что *родиться снова*, возродиться, можно не иначе как **свыше**, от Бога, при помощи Бога; поэтому изречение Иисуса следует понимать так: *кто не родится снова* и, притом, *свыше*, то есть, кто не возродится к новой жизни силой Самого Бога, **тот не увидит Царствия Божия**.

Слова *родиться снова, возродиться* были известны Никодиму: язычников, принимавших закон Моисея и обрезание, называли новорожденными; снова рожденными называли переходивших на путь истинный от нечестивой, порочной жизни. Но возрождаться путем обрезания не было никакой надобности для обрезанного; перерождаться же нравственно могли, по мнению фарисеев, только язычники; но истинные сыны Авраама, ревностные фарисеи, не нуждались в таком перерождении. Однако Иисус говорит о необходимости какого-то нового рождения, чтобы вступить в Царство Мессии. Какое же это новое рождение? Недоумевая в разрешении этого вопроса, Никодим полагая, что для потомков Авраама такое рождение могло быть не иначе, как плотским, таким же, как и первоначальное рождение каждого человека; но такое рождение невозможно, особенно для старого человека, лишившегося уже матери; это ни с чем несообразно, это нелепо. Рассуждая так, Никодим не мог скрыть эту, показавшуюся ему, нелепость нового рождения и почти с насмешкой спрашивает: «Неужели человек может в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» [\[12\]](#)

Чтобы рассеять недоумения Никодима, Иисус говорит: **Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше... истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может**

войти в Царствие Божие (Ин. 3, 5, 7).

Никодиму известно было очищающее действие воды при многочисленных омовениях, установленных законом Моисея и обычаями; он знал, что Иоанн Креститель приходивших к нему *крестил в воде* в знак покаяния, и говорил всем, что Идущий за ним будет *крестить Духом Святым* (Мф. 3, 11): он как ученый фарисей верил, что Мессия-Христос, когда придет, будет крестить (Ин. 1, 25); словом, он не мог отговариваться незнанием того, что Христос будет крестить водой и Духом; он должен был понять, наконец, что Иисус говорил о необходимости духовного возрождения (путем такого крещения Духом) для вступления в Царство Божие; но закоренелость фарисейских заблуждений мешала ему понять, что такое возрождение необходимо для всех без исключения, даже для фарисеев.

«Возрождение свыше, — сказал Иисус, — происходит от воды и Духа». Крещение водой, как говорил и Иоанн, готовило только к возрождению, но не возрождало человека. Крещению Иоанову не доставало крещения Духом Святым, которое всецело зависело от Бога. Поэтому для полноты крещения как возрождения необходимо, помимо крещения водой и предшествующего ему покаяния, еще и сошествие на крестящегося Святого Духа; тогда только совершается то духовное перерождение, которое открывает доступ в Царство Божие. Это Царство не похоже на царства земные, хотя и учреждается на земле; оно — духовное Царство, не плотское; поэтому, если для вступления в него необходимо родиться снова, то, конечно, родиться духовно, а не плотски. Никодим не понимал такого духовного возрождения и думал о плотском новом рождении или повторении рождения той же матерью; но Иисус объяснил ему, что если бы такое рождение и было возможно, то оно было бы бесполезно для вступления в Царство Мессии, так как было бы плотским, а не духовным, ибо рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух.

Узнав таким образом, что для вступления в Царство Мессии нужно не новое плотское рождение, а перерождение духовное, возрождение силой Духа Святого, Никодим все-таки не понимал, как тут действует Дух и в чем именно видимом, осязаемом, проявляется Его действие. Для вразумления его Иисус привел удобопонятный для него пример: дух, то есть ветер, дует на просторе, где хочет; ты не видишь его, хотя и слышишь шум; ты не знаешь, где он образуется, откуда приходит; не знаешь, где он кончается, куда уходит; но однако ты не отвергаешь существования ветра и его действия потому только, что не видишь его. Таково же действие Святого Духа в возрожденном человеке: когда начинается возрождающее действие Его и как Он действует, этого видеть нельзя, но через это нельзя и отвергать действия Духа; сам возрожденный не видит этого действия, не понимает даже, как совершилось в нем возрождение, хотя и чувствует, что оно совершилось.

Непонимающим действия Духа в крещении Иоанн Златоуст говорит: «Не оставайся в неверии потому только, что ты не видишь этого. Ты не видишь и души, однако же веришь, что у тебя есть душа и что она нечто другое, а не тело» (Сет. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 25).

После таких разъяснений Иисуса о возрождении человека силою Духа Святого Никодим все-таки оставался в недоумении и спросил: **как это может быть?** (Ин. 3, 9), как это Дух может возводить человека?

Ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь? (Ин. 3, 10) — сказал ему Христос, но не с укором, как думают некоторые, а с глубоким сожалением: если Никодим, один из учителей и руководителей народа израильского, настолько ослеплен буквой закона и пророчества, что не понимает их смысла, то чего же ожидать от самого народа? Ведь весь Ветхий Завет, все книги Закона и пророков содержат в себе описания видимых действий Духа Божия и предсказания об особом проявлении Его при пришествии Мессии! Фарисеи гордятся знанием Писания; они присвоили себе исключительное право понимать и толковать возвещенные пророками тайны Царства Божия; они взяли ключи к разумению этих тайн и, к сожалению, сами не поняли их, сами заградили себе доступ в это Царство, и другим препятствуют войти в него.

Глубоко сожалея, что народом израильским руководят такие слепые вожди, Иисус, конечно, не мог

отпустить от себя Никодима с неразрешенным вопросом: «Как это может быть?» Чтобы убедить его в истинности сказанного, в необходимости духовного возрождения даже для иудея, надо было объяснить ему, что с ним говорит не Учитель, пришедший от Бога, а Сам Бог. Но, чтобы довести его до такого понимания постепенно, Христос объясняет ему, что вообще свидетельство очевидцев принято считать достоверным, но в данном случае он, Никодим, а за ним, конечно, и единомышленники его, не верят даже и такому свидетельству. **Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете** (Ин. 3, 11).

Говоря во множественном числе (**Мы говорим... и свидетельствуем**), Иисус, по мнению Златоуста, говорил или о Себе и вместе об Отце, или только о Себе (Беседы на Евангелие от Иоанна. 26); другие же толкователи полагают, что Иисус Христос разумел здесь Себя и Своих учеников. Хотя Евангелист не поясняет, присутствовали ли при беседе с Никодимом ученики Иисуса, но несомненно, что сам-то Евангелист Иоанн, подробно описавший эту беседу, слышал ее от начала до конца.

«А вы свидетельства Нашего не принимаете. Вам предстоит еще услышать много такого, чего нельзя обнять умом, а надо принять сердцем, верой; но **если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?»** (Ин. 3, 12).

Но ведь об этих небесных тайнах, непостижимых уму человеческому, может свидетельствовать только Он, Христос, так как **никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах** (Ин. 3, 13).

«Никодим сказал: „Мы знаем, что Ты — учитель, пришедший от Бога“. Это самое теперь Христос исправляет, как-бы так говоря: не думай, что Я такой же Учитель, каковы были многие пророки, бывшие от земли; Я с неба пришел. Из пророков ни один не восходил туда, а Я там всегда пребываю» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 27).

Выражения — **восходил на небо, сшедший с небес и сущий на небесах** — нельзя понимать буквально, так как Вездесущий Бог существует не на небе только, а везде. Иисус Христос нередко, в особенности в притчах, брал для вразумления Своих слушателей примеры из окружающей их природы и из повседневной их жизни, и употреблял слова и выражения в общепринятом в то время смысле; так и в беседе с Никодимом Он говорил о небе, имея в виду общеупотребительное, следовательно, понятное для слушателя, значение этого слова: небо считали местом пребывания Бога, а землю — жилищем людей, поэтому небесное, то есть божественное, противопоставляли земному, человеческому. Зная значение этих слов, Никодим должен был понять, что выражение **никто не восходил на небо** относится к людям и означает, что никто из людей не знает существа Бога и Его тайн; добавление же к этому изречению — **как только сшедший с небес Сын Человеческий** — значит, что только Он, Христос-Мессия, Сын Человеческий, знает эти тайны, так как Он пришел к людям от Самого Бога и (как **сущий на небесах**) всегда пребывает в Боге.

«Мессия-Христос, и только Он один, имеет полное, всецелое и совершенное ведение о Боге и высочайших тайнах Его относительно Его Самого, тайнах Царства Божия на земле вообще и тайнах Царства Мессии в частности; ибо Он Сам и по вочеловечении не перестает быть с Богом, будучи Сам Богом и соединяя в Себе божественную и человеческую природу. Он, Бог, сошел с неба и воплотился для того, чтобы сообщить тайны Божии людям. Следовательно, Ему должно верить безусловно, верить в непреложную истинность учения Его о Боге, о Себе, о Царстве Божиим, о всем; и эта вера в Него как Мессию, Сына Божия и Сына Человеческого, есть необходимое условие со стороны человека для получения возрождения и затем участия в благодатном Царстве Его». (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3, 100).

Открыв Никодиму тайну Своего воплощения, Иисус Христос вслед затем посвящает его в тайну Своей

смерти, чтобы тем окончательно рассеять все ложные понятия фарисеев о Царстве Мессии. Никодиму известно было, что во время странствования евреев в пустыне за их ропот послал Господь на них ядовитых змей; и когда они в раскаянии просили Моисея помолиться Богу, чтобы он удалил от них змей, то Моисей, по повелению Божию, сделал медную змею и повесил ее на знамени, и укушенные ядовитыми змеями немедленно исцелялись, взглянув только на медное изображение змеи (Числ. 21, 5–9). Ссылаясь на это, известное Никодиму, повешение Моисеем медной змеи и на исцелительное действие одного лишь взгляда на нее, Иисус Христос сказал: **И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную** (Ин. 3, 14–15).

Слова — **должно вознесену быть** — означают предстоявшее вознесение Иисуса Христа на Крест, распятие Его. В таком именно смысле слова эти употребляются и в других местах Евангелия; так, например, приводя слова Иисуса Христа, обращенные к евреям — **и когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**, — Евангелист Иоанн поясняет, что **сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет** (Ин. 12, 32–33).

Как Моисей вознес медное изображение змеи на знамя, дабы всякий, погибающий от змеиного яда, получая исцеление, так Христос-Мессия должен быть распят на кресте, дабы всякий верующий в Него вступил в Царство Божие и имел жизнь вечную.

Никодим, мечтавший о величественном царстве непобедимого, могучего Царя Израильского, был, конечно, смущен, поражен и удивлен таким откровением Иисуса: вместо ожидаемого покорителя всех народов земли под власть евреев — распятый на кресте Мессия! С этим никак не могла примириться фарисейская горделивость. Как могут верующие в Распятого спастись (думал Никодим), если Он Сам не мог спасти Себя от смерти? Так думали и распинавшие Его, когда говорили: **если Ты Сын Божий, сойди с креста** (Мф. 27, 40).

Для вразумления Никодима, что распятие должно совершиться не по вине или немощи Распятого, Иисус сказал, что Он должен быть распят потому, что **так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного** (Ин. 3, 16). «Не удивляйся, Никодим, что Я должен быть вознесен ради спасения вашего: так угодно Отцу, и Он так возлюбил вас, что за рабов, и рабов неблагодарных, дал Сына Своего, чего никто не сделал бы и за друга» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 27).

Возлюбив мир, Бог отдал Сына Своего Единородного, **дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную**. Следовательно, пришествие Сына Божия в мир и предстоявшая смерть Его на Кресте имели целью спасение людей, дарование им жизни вечной в Царстве Небесном, спасение *всякого* человека, верующего в Него, но не одних только евреев.

Посылая Сына Своего спасти людей, Бог не послал Его судить их. Время для суда над неверующими в Сына Божия придет тогда, когда представится возможность разделить всех людей на верующих и неверующих в Него; впрочем, верующего нечего судить, а неверующий сам себя осуждает тем, что не верит. Суд состоит в отделении добрых от злых, и это отделение происходит само собой с появлением в мир Света: **люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны** (Ин. 3, 19–21).

Сущность всего сказанного Иисусом Никодиму можно выразить в следующих словах: «Вы ожидаете Мессию как царя-завоевателя, который покорит вам все народы земли, и в царство которого вы вступите уже потому, что вы — евреи, потомки Авраама. Но вы ошибаетесь. Царство Мессии есть Царство Божие, следовательно, не плотское, а духовное, не похожее на царства мира сего; и предназначено оно не для одних только евреев, а для всех людей, которые пожелают вступить в него. Для приготовления людей к

встрече Мессии Иоанн призывает их к покаянию и приносящих покаяние крестит водой. Но для вступления в Царство Мессии этого недостаточно. Надо еще креститься Духом, надо духовно переродиться; надо не только сознать свои грехи и покаяться в них, но еще всеми силами души своей воздерживаться от грехов; надо полюбить Бога и людей, и всегда, во всем исполнять волю Божию; свою волю подчинить воле Божией настолько, чтобы слиться с ней воедино. Такое объединение своей воли с волей Божией настолько изменяет внутренний мир человека, настолько обновляет его, что он становится как бы другим, вновь родившимся человеком. И без такого духовного перерождения, свершающегося с помощью Божией, без такого крещения Духом никто не может вступить в Царство Мессии. Ты удивляешься этому и тем обнаруживаешь полное незнание того, что тебе, как учителю Израилеву, надлежало бы знать. Но если ты сам и подобные тебе не знаете этого, почему же не верите Мне? Ведь Я говорю вам о том, что знаю от Бога и что видел у Него, ибо никто не восходил к Нему, кроме Сына Человеческого, пришедшего от Него и пребывающего с Ним. И если ты не понимаешь Меня, когда я говорю о том, что люди должны сделать здесь, на земле, чтобы вступить в Царство Мессии, то поймешь ли ты Меня, если Я скажу, что для открытия Царства Мессии Он Сам должен быть вознесен на крест? Тебе, конечно, покажется это непонятным; а между тем это необходимо для спасения людей, для того, чтобы открыть им вход в Царство Мессии. Такова воля Отца Небесного, чтобы Единородный Сын Его пострадал и чтобы уверовавшие в Него не только составили Царство Мессии, но и унаследовали бы жизнь вечную в Царстве Небесном. Бог послал Сына Своего спасать людей, а не судить и не наказывать. Да и к чему судить? Наступило время, когда каждый человек сам произносит суд над собой: уверовавший в Сына Человеческого оправдан и не подлежит суду, а не уверовавший уже осужден своим неверием. Да, пришествие Сына Человеческого делит людей, как блеснувший луч света: живущие по правде, любящие свет, идут к этому озарившему их Свету; живущие же неправдой, боящиеся обнаружения их злых дел так возлюбили свою тьму, прикрывающую их дела, так ненавидят обличающий их свет, что возненавидят и Сына Человеческого и не выйдут из своей тьмы, а следовательно, не войдут и в Царство Мессии, хотя бы считали своим предком самого Авраама».

Какое впечатление произвела эта беседа на Никодима, Евангелист не поясняет; надо полагать, что если Никодим и уверовал в Иисуса как Сына Божия, то значительно позже, после множества новых совершенных Им чудес. Открыто присоединиться к ученикам Христа он, очевидно, не решался; не состоял он и в числе тайных учеников, к каковым принадлежал Иосиф из Аримафеи, а выступил как почитатель Иисуса лишь при погребении Его (см. Ин. 19, 38–39). Во всяком случае, Никодим был так поражен совершенно неожиданным исходом беседы с Учителем, пришедшим от Бога, что едва ли мог молчать о ней: вероятно, он передал содержание беседы хотя бы самым ближайшим своим единомышленникам из фарисеев.

Эта знаменательная беседа дает повод некоторым делать неправильные из нее выводы: многие думают, что для вступления в Царство Небесное достаточно креститься и веровать в Иисуса Христа как Сына Божия; но они забывают, что, по точному смыслу слов Иисуса Христа, возрождение от воды и Духа и вера в Него составляют лишь условие для вступления в Царство Божие, но не обеспечивают вступление в Царство Небесное. Сам Христос сказал: **Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного** (Мф. 7, 21). Первый из толкователей этого изречения, Апостол Иаков, в соборном послании своем говорит: **Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?** (Иак. 2, 14, 19–20).

Прибывание Иисуса в Иудее

После беседы с Никодимом, происходившей в дни праздников пасхи, Иисус оставил Иерусалим и

пошел в землю Иудейскую, или в Иудею, где, конечно, учил и совершал чудеса. Евангелист не говорит, сколько времени пробыл Иисус с учениками в Иудее, но из дальнейших повествований его можно заключить, что пребывание в Иудее продолжалось около восьми месяцев: говоря об остановке Иисуса в Самарии, по пути из Иудеи в Галилею, он передает следующие слова Иисуса Христа, обращенные к сопровождавшим Его ученикам: **Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва?** (Ин. 4, 35). Из этих слов следует заключить, что Христос возвращался в Галилею за четыре месяца до жатвы; а так как таковая производится в Палестине в апреле, то отшествие из Иудеи могло последовать не ранее начала декабря, и, следовательно, в Иудее пробыл Иисус с апреля по декабрь.

Евангелисты Матфей, Марк и Лука ничего не говорят об очищении храма от торговцев, о беседе с Никодимом, о пребывании Иисуса в Иерусалиме и других местах Иудеи после первой пасхи во время Его общественного служения, а также о пребывании Его в Самарии. Рассказав о Крещении и искушении Иисуса, они прямо переходят к описанию деятельности Его в Галилее. Евангелист Матфей поступает так, очевидно, потому, что, будучи значительно позже призван Иисусом следовать за ним, вовсе не был с Ним в Иудее, не был очевидцем всего совершившегося там; быть может, не был в Иудее с Иисусом и Петр, со слов которого писал свое Евангелие Марк. Оба Евангелиста, Матфей и Марк, окончив повествования об искушении, как бы прерывают свой рассказ, и возобновляют его описанием событий, последовавших после взятия Иоанна Крестителя под стражу (Мф. 4, 12; Мк. 1, 14); такой же перерыв в повествовании делает в этом месте и Евангелист Лука, вероятно, по неимению во время составления Евангелия надлежащих сведений от очевидцев о пребывании Иисуса в Иудее, а может быть и по другой причине, о которой будет сказано ниже, в главе 10.

Читая Евангельскую историю, изложенную в последовательном порядке совершившихся событий, невольно обращаешь внимание на умолчание Евангелиста Иоанна о совершенных Иисусом в Иудее чудесах. Это молчание объясняется тем, что Иоанн писал свое Евангелие в то время, когда первые три Евангелия были уже настольными книгами почти у каждого христианина. Зная, что первые Евангелисты описали уже в своих Евангелиях множество совершенных Иисусом чудес, зная, что описать все чудеса почти невозможно, считая, что божественность Иисуса доказывается не одними только чудесами, а Его учением, жизнью и Воскресением, Иоанн счел излишним подробно описывать совершенные в Иудее чудеса, и ограничился указанием на то, что чудеса были совершаемы (Ин. 2, 23; 3, 2). Кроме того, весьма возможно, что и Иоанн не всегда находился при Иисусе Христе во время путешествий Его по Иудее после первой пасхи; на это он сам указывает, говоря, что **Сам Иисус не крестил, а ученики Его** (Ин. 4, 2). Если ученики Иисуса крестили народ, то должны были находиться там, где было много необходимой для того воды, то есть на берегу многоводной и достаточно глубокой реки; Иисус же обходил всю Иудею со Своей проповедью. Этим, вероятно, объясняется, что и другие ученики, как например Петр, со слов которого писал свое Евангелие Марк, не были постоянными спутниками Иисуса в Иудее (если только Петр вообще был в то время там).

Наставление Иоанна своим ученикам и новое свидетельство его об Иисусе

Евангелист Иоанн говорит, что во время пребывания Иисуса с учениками в Иудее крестили как ученики Иисуса, так и Предтеча Его — Иоанн Креститель продолжал готовить к принятию Мессии приходивших к нему, крестил их в покаяние; подготовленные таким образом евреи шли, конечно, к Иисусу, если не все, то, во всяком случае, весьма многие; кроме того, Сам Иисус привлекал к Себе громадные толпы слышавших о Нем и видевших совершенные Им чудеса. Народное движение принимало все большие и большие размеры, вследствие чего руководители еврейского народа, ревниво охранявшие свои права и сопряженные с ними доходы, опасаясь потерять свое влияние, начинают тайно действовать против Иисуса и Иоанна: они, по словам Евангелиста, вступают с учениками Иоанна в спор **об очищении**, то есть о том очищении, которое совершалось крещением Иоанновым и Иисусовым. В глазах фарисеев и саддукеев

Иисус и Иоанн были только пророки: и Тот (хотя бы через Своих учеников), и другой крестили; у обоих были ученики; нельзя ли поспорить, если не самих пророков, то, по крайней мере, их учеников, и тем подорвать их влияние на народ? Так, несомненно, рассуждали те, которых Евангелист Иоанн называет *иудеями* (см. выше, с. 190).

Чем окончился спор об очищении, Евангелист не говорит; но из приведенного им вопроса учеников своему учителю видно, что иудеи успели восстановить их против Иисуса настолько, что они не называют даже Его по имени, а говорят: **Тот, Который был с тобою при Иордане...** (Ин. 3, 26).

Как бы вступаясь за первенство Иоанна, ученики его с нескрываемой завистью обращают внимание своего учителя на то, что Тот, о Котором он свидетельствовал, Который, следовательно, нуждался в таком свидетельстве и был поэтому ниже их учителя, **Сам крестит, и все идут к Нему**. Они боятся, что возрастающая слава Иисуса затмит славу их учителя.

С выступлением Иисуса на общественное служение многие шли прямо к Нему, не встречая уже надобности предварительно идти к Предтече Его. Это замечал, конечно, и сам Иоанн, но все-таки продолжал проповедовать в Еноне, близ Салима; место это трудно определить в настоящее время, но можно с достоверностью предположить, что Иоанн перешел крестить туда, где не был еще со своей проповедью и куда еще не приходил Христос. Получив от Бога повеление крестить, Иоанн не мог считать это поручение оконченным без особого о том повеления Божия и потому продолжал крестить.

Жалоба учеников вызвала со стороны Иоанна новое свидетельство об Иисусе. Внушая им, что все на земле совершается по воле Божией и что если Иисус действует так, как они говорят, то действует не иначе, как по Божьему велению, Иоанн ссылается на них же как свидетелей сказанного им: **не я Христос, но я послан пред Ним** (Ин. 3, 28). Затем, желая наглядно объяснить им необходимость возрастания славы Иисуса и умаление значения своего, Иоанн сравнивает Иисуса с женихом, а себя — с другом жениха: значение друга жениха велико во время, предшествующее браку, а как только брак состоялся и жених вступит в права мужа, то друг жениха уступает ему первенство и радуется этому, а не завидует жениху. Услышав о том, что Иисус вступил в права Свои как Мессия, Иоанн радуется и говорит: **Сия-то радость моя исполнилась; поэтому, Ему, то есть Иисусу, должно расти, а мне умаляться** (Ин. 3, 29–30).

Еще при Крещении Иисуса Иоанн сказал, что недостойн развязать ремень обуви Его. Ученики Иоанна должны были помнить это. Но они, по-видимому, забыли, что учитель их ставил себя по отношению ко Христу в положение последнего раба. Поэтому он говорит им теперь, что он человек, **сущий от земли земной и есть и говорит, как сущий от земли**; а Иисус, как **Приходящий** свыше, **с небес есть выше всех** (Ин. 3, 31); что Иисус свидетельствует о том, что видел и слышал там, откуда пришел, то есть от Бога: что такое свидетельство надо принять, надо безусловно верить ему, но, к сожалению, не все принимают Его свидетельство.

По словам Евангелиста, Иоанн говорит, что **никто не примет свидетельства Его, Иисуса** (Ин. 3, 32). Употребленное здесь слово **никто** не вполне точно выражает мысль Иоанна: Креститель знал, что у Иисуса имеются ученики, которые, несомненно, приняли Его учение, Его свидетельство; он не имел никакого основания полагать, что из всех евреев, толпами идущих к Иисусу, никто не принял Его свидетельства; он, напротив, скорее скорбел, что не все следуют учению Иисуса. Поэтому в речи Иоанна слово **никто** следует заменить словами *не все* и такая замена будет вполне правильна еще и потому, что после слов **никто не принимает свидетельства Его** Евангелист приводит продолжение речи Иоанна: **Принявший Его свидетельство сим запечатлел, что Бог истинен** (Ин. 3, 33). Если Иоанн говорит о принявших свидетельство, то, конечно, не может говорить, что никто не принимает Его свидетельства.

Говоря, таким образом, что, к сожалению, *не все* принимают свидетельство Иисуса, Иоанн весьма прозрачно намекал на своих же учеников, так враждебно и с такой завистью говоривших ему об Иисусе.

С грустью замечая в своих учениках такие чувства по отношению к Иисусу, Иоанн сказал им: «Вы должны верить всему, что говорит и скажет Он; Его послал Бог и даровал Ему всю силу Духа Своего; поэтому все, что Он говорит, говорит Сам Бог; слова Его — слова Божии. Ведь Он — Сын Божий и имеет всю власть Божию. Кто верует в Него, тот тем самым доказывает, что верует в Бога, и за то может удостоиться блаженства вечной жизни; неверующий же в Сына отвергает Бога, и за это сам будет отвергнут Богом. Веруйте же в Иисуса как Сына Божия, обещанного вам Христа-Мессию; а меня считайте, как я и говорил вам раньше, рабом Его, недостойным даже развязать ремень обуви Его. Идите же к Нему, и следуйте за Ним! Ему надо расти, а мне умяться!»

Оканчивая свое служение Богу, Иоанн в этом последнем обращении к ученикам своим убеждал их присоединиться к Иисусу, следовать за ним. Слова эти — завещание величайшего из пророков.

ГЛАВА 8. Взятие Иоанна под стражу. Уход Иисуса из Иудеи. Беседа Его с самарянкой

Заключение Иоанна в темницу

Ирод Антипа, сын Ирода, совершившего избивание вифлеемских младенцев, управлял Галилеей и Переей; он, будучи женат, вступил в сожителство с Иродиадой, женой брата своего, Филиппа, при жизни его. Такое сожителство воспрещалось законом (Лев. 18, 16); поэтому Иоанн упрекал Ирода в совершении явного беззакония. Понятно, что Иродиада смотрела на Иоанна как на своего врага, и хотела избавиться от него самым обыкновенным в то время средством — убийством; но сама не имела власти казнить ненавистного ей пророка. Она употребляла все усилия, все свое влияние на любившего ее Ирода; она не раз упрашивала Ирода убить Иоанна и, вероятно, Ирод по временам поддавался этому влиянию, соглашался исполнить желание любимой женщины, но как только собирался приступить к осуществлению ее замысла, то невольно останавливался. Народ почитал Иоанна за пророка, и потому убийство его могло вызвать народное волнение, чего особенно боялся Ирод; кроме того, при всей своей нравственной распушенности Ирод понимал, что Иоанн не простой человек, что он, по праведности своей, должен считаться святым, и потому боялся его самого, полагая, что святой может причинить ему какое-нибудь особенное зло. Ирод в некоторых случаях советовался с Иоанном и много делал по советам его; он находил даже удовольствие беседовать с пророком.

Евангелист Марк говорит, что Ирод **берег** Иоанна. Но от кого же он оберегал Иоанна? Конечно, не от Иродиады, которая сама, без Ирода, не могла причинить пророку никакого зла. Народ любил и почитал Иоанна; следовательно, и с этой стороны не было никакой для него опасности. Поэтому беречь Иоанна Ирод мог только от замыслов коварных начальников еврейского народа. Вифавара, где крестил первоначально Иоанн, находилась на левом берегу Иордана, в Перее, подвластной этому Ироду; туда стекались несметные толпы народа, и это народное движение могло быть в руках синедриона прекрасным средством запугать Ирода, уверить его, что и его власти угрожает опасность. Вероятно, эти жалобы, эти подстрекательства послужили поводом к свиданию Ирода с Иоанном; свидание же это, беседа с пророком убедили Ирода, что этот святой человек не угрожает его власти никакой опасностью. Успокоясь с этой стороны, Ирод понял, что самому Иоанну угрожает опасность со стороны начальников еврейского народа, и потому **берег его** (Мк. 6, 20) от них.

Уважая Иоанна за его святость, пользуясь его советами, с удовольствием беседуя с ним и оберегая его от порождений ехидниных (Мф. 3, 7), слабохарактерный Ирод, после долгой борьбы со злобой Иродиады, уступил; но не решаясь, однако, убить Иоанна, ограничился заключением его в темницу, в крепости Махероне или Махере, расположенной на восток от Мертвого моря.

Так окончилось служение Иоанна, последнего из ветхозаветных пророков.

Евангелист удостоверяет, что Иисус Христос не крестил, а крестили Его ученики. Какое же это было крещение, и чем оно отличалось от Иоаннова крещения? «То и другое крещение равно не имело благодати Духа (говорит Златоуст), и целью того и другого было только приведение крещаемых ко Христу» (Беседы на Евангелие от Иоанна. 29). Из дальнейших повествований Евангелистов не видно, чтобы ученики Иисуса продолжали крестить и после отшествия их за своим Учителем из Иудеи в Галилею; скорее можно утверждать, что они после вовсе не крестились, так как и в наставлении двенадцати, при отправлении их на проповедь, Иисус Христос ничего не говорит о крещении; поручение же крестить все народы во имя Отца, и Сына, и Святого Духа дано Апостолам впервые Иисусом после Своего Воскресения (Мф. 28, 19).

Иоанн отдан под стражу. Фарисеи торжествуют, считая, что отныне опасность для них со стороны Иорданского пророка устранена. Но до них доходит тревожный слух, что Иисус из Назарета, Которого они отказались признать Мессией, крестит и приобретает учеников еще более, чем Иоанн; они решают направить теперь все свои козни исключительно на Иисуса.

Отшествие Иисуса из Иудеи в Галилею

Христос все это знал и так как час Его страданий еще не пришел, то Он удалился в Галилею. Он мог, конечно, Своей Божественной властью оградить Себя от фарисеев, но Он, как сказано выше, употреблял Свою божественную силу только для спасения других, но не для освобождения Себя как Человека.

Евангелист Матфей свидетельствует об отшествии Иисуса в Галилею так: **Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею** (Мф. 4, 12). Следовательно, как весть о заключении Иоанна, так и сведения о замыслах фарисеев вынудили Иисуса удалиться в Галилею.

Путь лежал в данном случае через Самарию, область, составлявшую часть Палестины и принадлежавшую прежде трем коленам израильским: Данову, Ефремову и Манассиину; в этой области был город Самария, бывшая столица царства Израильского. В царствование Осии, царя Израильского, Саламанассар, царь Ассирийский, покорил израильтян и отвел их в плен, в Ассирию, а на их место переселил язычников из Вавилона, Куты, Аввы, Емафы и Сепарваима (4 Цар. 17). От смешения этих переселенцев с оставшимися евреями произошли самаряне. Самаряне приняли Пятикнижие Моисея, поклонялись Иегове, но не оставляли служения и своим богам. Когда иудеи возвратились из плена вавилонского и начали строить храм, самаряне хотели принять участие в этом деле, но не были допущены иудеями; после самаряне выстроили себе отдельный храм на горе Гаризим. Приняв книги Моисея, они отвергли писания пророков и все предания, поэтому евреи считали их за язычников, даже хуже язычников, не принимали их в свое общество и не имели с ними никаких сношений.

Проходя через эту область, Иисус с учениками Своими остановился для отдыха около колодезя, который, по преданию, был выкопан Иаковом; колодезь этот находился около города Сихема, названного Евангелистом **Сихарь**. Усталый Иисус сел у колодезя, а ученики Его пошли в Сихем купить пищи.

«Не без намерения, конечно, Господь послал их (говорит епископ Михаил), но чтобы истребить в сердцах их обычный иудейский предрассудок против самарян как людей нечистых, к которым и прикасаться нельзя, тем более покупать у них пищу (Толковое Евангелие. Т. 3. С. 124).

Беседа Иисуса с самарянкой

Было около шестого часа (Ин. 4, 6), — говорит Евангелист Иоанн. Выше, на с. 170, мы уже пояснили, что Иоанн, писавший свое Евангелие не для евреев и живший во время написания его в Ефесе, среди греков и римлян, исчислял часы дня не по еврейскому способу, то есть не с шести часов утра, а по римскому, с полуночи и полудня, как и мы. Поэтому, если он говорит, что было около шести часов, когда Иисус сел у колодези, то надо считать, что было тогда около шести часов пополудни. Если бы Иоанн употреблял еврейское исчисление часов дня, то следовало бы признать, что Иисус остановился у колодца около полудня. Конечно, Господь мог остановиться для отдыха и в полдень, и около шести часов пополудни; но так как на востоке не принято ходить за водой в полдень, то следует признать, что беседа с самарянкой происходила вечером. В сущности, не все ли равно: в полдень или вечером происходила эта беседа? Конечно, время беседы не имеет никакого значения, но мы обращаем на это внимание читателей только потому, что способ исчисления Иоанном часов дня будет иметь большое значение при разрешении вопроса: в котором часу был распят Христос? (Об этом см. 2-е приложение.)

Приходит женщина из Самарии (Ин. 4, 7). Говоря так, Евангелист хотел пояснить, что женщина эта была самарянка, принадлежала к тому племени, которое населяло Самарию; поэтому, слова **из Самарии**

он отнес к слову **женщина**, а не к слову **приходит**.

Женщина пришла за водой; жаждавший Иисус сказал ей: **дай Мне пить**. Удивленная самарянка, признавая Иисуса за иудея, напоминает Ему о том, что иудеи не позволяют себе никаких сношений с самарянами. Но Иисус, пришедший в мир спасти всех, а не одних только иудеев, объясняет самарянке, что она не стала бы возбуждать такого вопроса, если бы знала, Кто говорит с ней и какое счастье (**дар**) Бог послал ей в этой встрече. Если бы она знала, Кто говорит ей — **дай Мне пить**, то попросила бы Его утолить ее жажду духовную, открыть ей истину, к познанию которой стремятся все народы земли, и Он дал бы ей эту воду живую.

Самарянка не поняла Иисуса; она думала, что Он говорит о той воде, которая утоляет жажду телесную, и потому, видя, что Иисусу даже нечем почерпнуть воды из глубокого колодезя, и зная, что по близости нет другого источника воды, она в недоумении, гордясь происхождением от Иакова, как бы упрекая Иисуса, говоря: «Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который вырыл этот колодезь и пил из него сам, и дети его, и скот его, так как только в нем и была вода? Где же Ты достанешь воду, о которой говоришь?»

Отвечая на этот вопрос, Иисус Христос объясняет самарянке, что вода, о которой она говорит, утоляет жажду временно; пьющие ее скоро опять почувствуют жажду, и сколько бы он не пил ее, жажда будет возобновляться, **а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек** (Ин. 4, 14).

Говоря — **всякий, пьющий воду сию, возраждет опять**, — Иисус подразумевал не одну только воду, утоляющую временно жажду телесную, потребность тела в воде, но вообще все земные потребности человека, к удовлетворению которых он постоянно стремится и все-таки чувствует себя неудовлетворенным: по мере удовлетворения одной потребности являются другие, по мере достижения намеченной цели открываются все новые и новые. Жажда наслаждений, богатства, власти — неутолима; и если человек все счастье свое полагает в достижении этих благ, то он, в сущности, несчастнейшее существо, ибо сколько бы он ни пил из этой чаши земных благ, он все-таки **возраждет опять** [13].

А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек. Кто, уверовав в Иисуса Христа, Сына Божия, познает в Нем Истинного Бога и через то познает цель своей кратковременной жизни на земле, составляющей лишь ступень на пути к жизни вечной, тот, удовлетворив свою жажду познания Бога и своего назначения, не будет уже никогда жаждать этого познания, а будет стремиться к жизни вечной, пренебрегая всем земным. Только таким стремлением к жизни вечной, к жизни в Боге, и можно объяснить душевное спокойствие христиан, шедших на казнь во времена гонений за веру во Христа; веруя в бессмертие души, в будущую загробную жизнь, жизнь вечную, возвещенную Христом, Сыном Божиим, они не только спокойно оставляли земной мир, полный неудовлетворенных земных желаний, неутолимой жажды все новых и новых ощущений, но даже боялись, что им могут временно помешать в этом стремлении; так, например, святой Игнатий Богоносец, отправленный в Рим на казнь, опасался, что почитатели его из христиан Рима будут ходатайствовать за него перед императором и добьются помилования его, поэтому он в Послании своем к Римлянам умоляет своих друзей не препятствовать ему достигнуть Бога.

Вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4, 14). Учение Иисуса Христа указывает людям, что назначение их — творить волю Божию и что точное исполнение этого назначения открывает им путь в жизнь вечную. Сравнивая поэтому Свое учение с водой, Иисус говорит, что как текущий источник воды приводит всякого путника, идущего по его течению, к тому месту, куда изливается, к реке ли, озеру или морю, так и учение Его: всякого живущего по этому учению, творящего волю Божию приводит к Богу, к жизни вечной, **сделается в нем как бы источником воды, текущей в жизнь вечную**.

Самарянка не поняла этих слов; она думала, что вода, которую обещает дать ей Христос, лишь избавит ее от телесной жажды, от необходимости черпать воду из глубокого колодезя Иакова. Она все еще смотрит на Иисуса как на обыкновенного человека и потому не может понять истинного значения Его слов.

Желая привести ее к пониманию этих слов, Иисус сначала приказывает ей позвать ее мужа, а затем прямо обличает ее в том, что она, имев пять мужей, живет теперь в прелюбодейной связи.

Пораженная всеведением Иисуса, обнаружившего ее тайну, самарянка теперь поняла, что говорит не с обыкновенным человеком, и потому, прерывая неприятный для нее разговор о ее семейных делах, спешит узнать от Иисуса, где Бог? Где надо Ему поклониться? Я вижу, говорит она, что Ты пророк; так скажи же мне, правы ли мы, самаряне, поклоняясь Богу на этой горе, как поклонялись и отцы наши, а не в Иерусалиме, где, по вашему мнению, есть единственное место для поклонения Богу?

Построенный самарянами на горе Гаризим храм был разрушен Иоанном Гирканом в 130 году до Рождества Христова, но самаряне продолжали приносить жертвы Богу на той же горе, на месте разрушенного храма. Выбирая гору Гаризим местом построения храма, они основывались на повелении Моисея поставить жертвенник на горе Гевал (Втор. 27, 4), но в своем списке пятикнижия вместо *Гевал* написали *Гаризим*. Моисей повелел также, по приходе в обетованную землю, произнести благословение на горе Гаризим, а проклятие на горе Гевал (Втор. 11, 29); не потому ли самаряне из двух этих гор избрали для построения храма Гаризим, как гору благословения? Иудеи же, не имея точного указания в законе Моисея о построении храма непременно в Сионе, считали, однако, что Иерусалим был избран местом построения храма по особому откровению (3 Цар. 8, 16).

А так как Моисей повелел иметь для общественного поклонения Богу только одно место во всей обетованной земле, то понятно, почему между самарянами и иудеями существовало непримиримое разногласие о том, у кого из них истинное место поклонения Богу. Самарянка обратилась за разрешением этого вопроса к Иисусу, как пророку, обнаруживая тем полную готовность принять Его решение. Поэтому и Иисус обращается к ней как бы с такими словами: если ты говоришь, что Я пророк, то поверь Мне, что в этом вопросе не правы и самаряне и иудеи; настанет время, когда будут поклоняться Отцу Небесному не только на горе сей или в Иерусалиме, но везде; но до наступления этого времени более осведомлены были в этом вопросе иудеи, чем вы, так как вы, кроме книг Моисея, не знаете других книг Священного Писания; к тому же, и самое спасение людей должно произойти от иудеев, которым обещан Спаситель-Мессия.

Говоря — **мы знаем, чему кланяемся**, — Иисус причисляет Себя к иудеям, и делает это (по объяснению Златоуста) потому, что говорит применительно к понятию самарянки, как иудейский пророк. Скоро эта женщина узнает, что Иисус Сам есть Лицо поклоняемое, но пока Он беседует с ней, как иудей.

Сказав сначала, что **наступает время**, когда будут поклоняться Отцу и не на горе сей, и не в Иерусалиме, Иисус, постепенно открывая самарянке Себя как Мессию-Христа, в дальнейшем разговоре с нею сказал, что *это время уже наступило*. С пришествием Его на землю люди познают Бога; они узнают, что **Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине** (Ин. 4, 24); они узнают, что только **таких поклонников Отец ищет Себе** (Ин. 4, 23).

По мнениям самарян и иудеев, поклоняться Богу можно только там, где Он пребывает; вот почему женщина, беседовавшая с Иисусом и убедившаяся, что говорит с пророком, то есть Посланником Бога, спрашивает Его: где же Бог находится? Где Он принимает поклонение? На горе ли Гаризим, или в Иерусалиме?

Вопрос этот и вызвал объяснение Иисуса, что **Бог есть Дух**, и потому поклоняться Ему надо не так, как поклоняются самаряне и иудеи: они воображают, что принесение животных в жертву для сожжения на

точно определенном месте и преклонение приносящим жертву своей головы и всего тела перед жертвенником освобождают его от дальнейших обязанностей по отношению к Богу и людям и делают его праведным; нет, не таких поклонников ищет Себе Бог! Не жертвоприношениями, не преклонением тела, вообще не внешними знаками почтения надо поклоняться Богу, а мысленно и чистосердечно, то есть духовно, истинно; и поклоняться надо везде, потому что Бог Вездесущ!

Начиная как будто понимать значение слов Иисуса, самарянка в раздумье говорит: «Я знаю, что все это, о чем Ты говоришь, возвестит нам Мессия, когда придет; и я знаю, что Он придет».

Сказав это, самарянка была уже так подготовлена к признанию Иисуса Мессией, что Иисус не стал более скрываться: «Мессия — **это Я, Который говорю с тобою**» (Ин. 4, 26).

В восторге от неожиданного счастья видеть Мессию, самарянка оставляет у колодезя свой водонос и спешит в город возвестить всем о пришествии Мессии, о том, что Он тут, сидит сейчас у колодезя.

Сказанные Иисусом Самарянке слова — **истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине** — дали повод некоторым утверждать, что Сам Господь Иисус Христос отверг, запретил всякие внешние выражения поклонения Богу, как то: стояние на коленях, поклоны, общественные богослужения и вообще все то, что выходит за пределы поклонения духом. Но они глубоко ошибаются.

Правда, Господь наш Иисус Христос не установил никаких религиозных обрядов, никаких богослужений. Он требовал от людей только веры, любви и добрых дел. Научив Своих учеников, как и о чем надо молиться, Он заповедал молиться не из тщеславия, не с тем, чтобы другим показаться молящимся, а с тем, чтобы в пламенной молитве, забывая все окружающее, всеми силами души стремиться к Богу; Он заповедал даже уединяться для молитвы в свою комнату и молиться тайно. Но из этого вовсе не следует, что Он запрещал всякие внешние проявления молитвенного настроения, а так же общественные молитвы. Осуждая одно лишь внешнее поклонение самарян и иудеев без всякого участия в том их духа, то есть ума и сердца, Он действительно назвал такое поклонение не истинным поклонением, не таким, какого хочет Бог; но этим самым Он вовсе не отверг внешних выражений истинного поклонения духом. Одно внешнее, обрядовое поклонение, без участия духа, недействительно и не богоугодно; но истинное поклонение духом, сопровождаемое присущими человеку внешними выражениями его душевного состояния, нисколько не умаляет через это истинности поклонения. Да если бы Иисус Христос действительно отвергал всякое внешнее выражение молитвенного настроения духа, то не принимал бы такого поклонения Себе от Апостолов (Мф. 14, 33), прокаженного (Мф. 8, 2), жены Хананейской (Мф. 15, 22) и многих других; да и Сам, молясь Отцу Своему в Гефсиманском саду, не стал бы преклонять колен Своих и склонять лицо Свое до самой земли. Человек состоит из духа и тела; тело должно быть подчинено духу; поэтому, если дух человека поклоняется Богу истинно, забывая на время окружающее, то как же тело этого человека может оставаться безучастным в таком поклонении? Как может такое истинное молитвенное настроение духа не отразиться на теле молящегося человека в тех внешних движениях, которые иногда совершенно невольно выдают даже тщательно скрываемое состояние духа? Что же касается общих молитв многих людей, собирающихся для совместного моления, то Спаситель не только не запретил их, но даже одобрил, сказав: **Истинно... говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них** (Мф. 18, 19–20).

Самарянка ушла в город в то время, когда ученики Иисуса пришли из города с купленным там запасом пищи. Они удивились, что Учитель их говорил с женщиной, так как, по обычаю еврейскому, Учителю говорить с женщиной считалось неприличным, а по учению раввинов, «кто учит свою дочь закону, тот совершает глупость», и «лучше сжечь слова закона, чем передавать их женщинам».

Не посмея, однако, высказать Иисусу свое удивление, ученики Его предложили Ему есть. Но Иисус,

забыв и голод и жажду, думал теперь о том, как Его слово, запавшее в душу Самарянке, быстро воспламенило ее верой в Него и как это слово, переданное ею своим согражданам, побудило их идти к Нему; видя толпу горожан, идущих к Нему, Он радовался, что брошенное Им семя начинает уже давать плод, и потому, на предложение учеников утолить свой голод, ответил, что пища Его — творить волю Пославшего Его; а затем, указывая им на идущих к Нему самарян, сказал: «Вы говорите, что жатва наступит через четыре месяца, а Я говорю вам: посмотрите на эту приближающуюся к нам ниву, как она побелела и поспела к жатве! Я пошлю вас жать то, что Мною будет посеяно, и вы, жнущие, получите награду, так как будете собирать плоды для жизни вечной; вы будете радоваться, собирая жатву, хотя сами и не сеяли, но и Сеющий слово Божие будет вместе с вами радоваться, что посеянное Им принесло плод».

При посеве зерна в землю чаще всего бывает, что жнет, то есть собирает плоды, тот, кто и сеял, ибо и сеял-то он для себя; при посеве же слова духовная жатва почти всегда достается другим; причем сеявший радуется, что другие собрали плоды его посева, так как и сеял он не для себя, а для других. Поэтому в отношении к духовной ниве совершенно справедливо, что **один сеет, а другой жнет**.

Пребывание Иисуса в Самарии

Во время этого разговора Иисуса с учениками подошли к Нему самаряне. Многие из них уверовали в Иисуса Христа **по слову женщины**, но еще большее число их уверовали **по Его слову**, когда пригласили Его к себе в город и слышали Его учение (Ин. 4, 39, 41).

Иисус пробыл в Сихеме (Сихарь) два дня. Евангелист не говорит, что Иисус совершил там какое либо чудо; поэтому, надо полагать, что самаряне не требовали от Него знамений, доказательств Его божественной власти, как требовали того евреи. Это обстоятельство ставит самарян, в отношении восприимчивости к истине, значительно выше евреев; да и из последующих повествований Евангелистов мы знаем, что когда Иисус Христос исцелил десять прокаженных, то из них один только поблагодарил Его, и это был самарянин; и об ограбленном и изувеченном разбойниками позаботился опять таки самарянин, а евреи, в лице своих высших представителей, отнеслись равнодушно к его несчастью.

Уходя из Сихема в Галилею, Иисус не пошел в Назарет, так как Сам же говорил, что **пророк не имеет чести в отечестве своем**, а пришел в Капернаум, значительный в то время город, расположенный на берегу Галилейского или Геннисаретского озера, называвшегося также морем.

Евангелист Матфей усматривает в этом исполнение пророчества Исаяи, предсказавшего, что народ земли Завулоновой и земли Неффалимовой, погруженный во тьму языческую, увидит Свет великий. Понятно, что в этом пророчестве Светом великим называется Избавитель-Мессия.

По свидетельству Иосифа Флавия, в то время в Галилее было до 204 городов и селений с населением до четырех миллионов. Население Галилеи было смешанное и состояло из евреев и иностранцев-язычников, между которыми были финикияне, греки, арабы, египтяне и др. Вследствие такого смешения галилейских евреев с язычниками, евреи из Иудеи смотрели на них с презрением. Но это-то смешение и предохраняло галилейских евреев от фарисейства евреев иудейских, и сделало их более восприимчивыми к учению Христа; это же смешение дало и язычникам галилейским возможность узнать, что евреи ожидают Спасителя, а следовательно подготовило отчасти и их к принятию Мессии-Христа, по крайней мере, как пророка. Вот почему проповедь Иисуса имела больше успеха в Галилее, чем в Иудее.

ГЛАВА 9. Исцеление сына царедворца. Чудесный улов рыбы. Исцеление бесноватого. Исцеление тещи Симона-Петра. Иисус в Назарете. Исцеление расслабленного. Призвание мытаря Матфея

Галилеяне были на празднике пасхи и видели, как Иисус очистил храм от скота и торгующих им; они видели там совершенные Им чудеса и слышали Его учение. Поэтому они приняли Иисуса с подобающим Ему почтением, а многие из них признали Его Мессией.

Встреча Иисуса с галилеянами

Хотя после Крещения, искушения и торжественного свидетельства Иоанна Предтечи Иисус и отправился прямо в Галилею, но пробыл там весьма недолго и поспешил в Иерусалим на праздник пасхи; тогда о Нем прошел только слух по всей Галилее, но видели Его еще не многие. Теперь же, после восьмимесячного отсутствия, Он возвращался из Иерусалима прославленным, и с этого времени начал проповедовать среди галилеян. Проповедь Свою Он начал призывом к покаянию, к возрождению, так как невозрожденному нельзя было проникнуть в Царство Небесное. Евангелист Матфей говорит, что **с того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное** (Мф. 4, 17). Но из этого нельзя заключить, что до этого времени Христос не начинал Своей проповеди. Говоря лишь о проповеди в Галилее и совершенно умалчивая о восьмимесячном пребывании Господа в Иудее, Евангелист Матфей начинает свое повествование рассказом о том, чем начал Свою проповедь Христос не вообще, а в Галилее.

Прибытие в Кану

В Капернауме проживал один из царедворцев Ирода Антипы, то есть служащий при его дворе. У этого царедворца заболел сын; и вот, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею и исцеляет от всяких болезней всех обращающихся к Нему, он пошел в Кану, где Иисус в то время находился, и просил Его пойти к нему в дом исцелить умирающего сына его. Царедворец полагал, что только личное присутствие Иисуса у постели умирающего может исцелить его. Эта-то неполнота веры царедворца и вынудила Иисуса сказать: **вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес** (Ин. 4, 48). Царедворец торопит Иисуса идти: **приди, пока не умер сын мой** (Ин. 4, 49). Но Иисус не идет, а дает ему знамение: исцеляет сына его заочно, и говорит: **пойди, сын твой здоров!** В это самое время **горячка оставила** умиравшего, и слуги царедворца, пораженные таким чудом, поспешили к своему господину, чтобы объявить ему эту радость. Царедворец любопытствовал узнать, когда именно выздоровел сын его, и убедился, что это случилось в то время, когда Христос сказал: **пойди, сын твой здоров**. Тогда только царедворец уверовал в Иисуса, а с ним и весь дом его.

В числе женщин, сопровождавших после того Иисуса, когда Он ходил по городам и селениям Галилеи, Евангелист Лука упоминает Иоанну, жену Хузы, домоправителя Иродова (Лк. 8, 3). Не был ли этот Хуза тем царедворцем, сына которого исцелил Иисус?

Исцеляющая сила

Неверующие в Бога и отвергающие вследствие этого чудеса говорят, что исцеление больного происходит не вследствие воздействия на него чудотворной силы, а потому, что он верует в эту воображаемую им силу, и эта вера, действуя на нервы его, производит через них в его организме такие

изменения, которые и вызывают так называемое исцеление; по их мнению, действующей силой здесь является вера.

Известный профессор Шарко (см. его работу «Исцеляющая вера») признает, что вера в возможность чудесного исцеления, проявляя власть духа над телом, действительно исцеляет некоторые болезни, не поддающиеся никакому лечению. Он даже приводит пример исцеления одной девушки, тринадцать лет пролежавшей в постели недвижимо вследствие паралича, но объясняет это исцеление не чудом Божиим, а воздействием силы духа больной на ее немощное тело и называет это исцелением верой.

Итак, по мнению Шарко, сильная вера в возможность чудесного исцеления производит чудо, то есть исцеляет неизлечимую болезнь. Если это так, если исцеляет одна вера, без всякого участия в том воли Божией и Его всемогущей силы, то в таком случае все больные, обладающие сильной верой в возможность чудесного исцеления, притом желающие исцелиться и молящие об этом Бога *должны* были бы непременно исцеляться, ибо все необходимое для исцеления налицо. Однако мы знаем, что множество больных, обладающих сильной верой в возможность чудесного исцеления и усердно молящих о том Бога, не получают никакого облегчения. Следовательно, недостаточно одной веры в возможность чудесного исцеления и усердной молитвы об исцелении, а нужно еще нечто другое: нужна исцеляющая сила и посторонняя воля, направляющая эту силу; а так как эта сила и воля находятся вне самого больного, молящего об исцелении, и исходят, конечно, не от окружающих его лиц, то следует признать, что сила эта, творящая чудеса, есть сила Самого Бога, и что действует она вследствие свободного проявления воли Божией. Итак, недостаточно хотеть исцелиться и верить во всемогущество Божие; надо еще, чтобы и Всемогущий Бог захотел исцелить больного; словом, исцеление может последовать лишь по воле Божией и по вере больного. Это подтверждается словами Иисуса Христа, сказанными слепым, просившим исцеления: **по вере вашей да будет вам** (Мф. 9, 29).

Если же нас спросят: «Почему исцеляются не все верующие во всемогущество Божие и молящие об исцелении?» — то мы ответим на это: «Вероятно, потому, что не все верующие достойны того, также как и *не все говорящие: "Господи! Господи!", войдут в Царство Небесное, но только исполняющие волю Отца Небесного* (Мф. 7, 21)».

Заочное исцеление сына царедворца

Но возражения Шарко и других [14] совершенно падают при заочном исцелении. Сын царедворца был в горячке, при смерти, следовательно, без сознания: да если бы он и не потерял в этой болезни сознания, то как он мог знать, что в такое-то время Иисус говорит его отцу — **сын твой здоров** (Ин. 4, 50)? Если даже допустить предположение, что больной знал о цели ухода отца своего, что он все время его отсутствия находился в состоянии особенного возбуждения нервов и все надеялся, что новый Пророк исцелит его (хотя все эти предположения неправдоподобны), то все-таки ничем иным, как чудом, нельзя объяснить, что исцеление последовало не по возвращении отца домой с радостной вестью о том, что он видел Иисуса, и что Иисус сказал ему — **сын твой здоров**, а тогда именно, когда эти слова были сказаны, и когда больной не мог быть уверенным даже, что отец его нашел Иисуса.

Это чудо было вторым из совершенных Иисусом чудес в Галилее. Первое, превращение воды в вино, было совершено до отшествия в Иудею, а это, второе, по возвращении из Иудеи; но это не второе вообще из всех совершенных Господом чудес, так как во время восьмимесячного пребывания в Иудее Им совершено было там множество чудес, о которых Евангелист подробно не говорит.

Проповедь Иисуса на берегу озера

Слух о пришествии Мессии быстро распространился по Галилее, и толпы народа стекались послушать Его учение. Каждый из приходящих к Нему хотел ближе подойти, чтобы всмотреться в Него и не проронить

ни одного Его слова; все теснились около Него, и однажды, когда Он был на берегу озера, вынудили Его сесть в лодку и, отплыв немного от берега, продолжать Свою проповедь.

Чудесный улов рыбы

Окончив поучение, Иисус велел Симону отплыть на глубину и закинуть сети для лова рыбы. Опытный рыбак, проработавший всю ночь и ничего не поймавший, был уверен, что и новый лов будет так же неудачен, но он повиновался Иисусу. Необычайный лов рыбы привел в ужас Петра, Иакова и Иоанна и всех помогавших им. Нерыбаки, то есть незнакомые с этим промыслом, может быть, и не пришли бы в ужас от такого обильного улова рыбы, а только порадовались бы ему; но люди, всю жизнь свою занимавшиеся ловлей рыбы на этом озере, понимали, что, при тех условиях, при которых они, по повелению Иисуса, закинули сети, нельзя было ничего поймать, и если они поймали такое множество рыбы, то это было чудо, совершенное Иисусом. Пылкий Петр благоговейно падает к ногам Иисуса и говорит: **выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный** (Лк. 5, 8). Этим воплем, вырвавшимся из глубины души, Петр исповедует величие и святость всемогущего Иисуса и смиренно признает себя грешником, недостойным сообщества с Ним. В то время Петр еще не знал, что Иисус именно к грешникам-то и пришел, чтобы призвать их к покаянию; подобно другим иудеям, он полагал, что Праведнику подобает быть только в сообществе праведных.

Призвание Петра, Андрея. Иакова и Иоанна

Иисус успокоил Петра, сказав ему: **«Не бойся. Следуя за Мной теперь, ты будешь потом словом Моим привлекать к себе умы и сердца людей; перестав быть рыбаком, ты станешь ловцом людей; отныне будешь ловить человеков** (Лк. 5, 10)».

Услышав этот призыв, Петр, а за ним Андрей, Иаков и Иоанн вытащили свои лодки на берег и, оставив на месте и сети, и пойманную рыбу, пошли за Иисусом.

Евангелисты Матфей и Марк, рассказывая о том же призвании Апостолов, умалчивают о том, что этому призванию предшествовал чудесный улов рыбы, вследствие чего их повествования, вполне согласные между собой, кажутся не вполне согласными с повествованием Евангелиста Луки. Для сравнения приведем повествования первых двух Евангелистов

Матфей. 4. 18–22:	Марк. 1. 16–20:
Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним	Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним. И, пройдя отсюда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети; и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним.

Из сравнения этих вполне согласных между собой повествований Евангелистов Матфея и Марка с повествованием Евангелиста Луки обнаруживается, что призвание учеников состоялось на берегу озера, называющегося морем, в то время, когда они были в лодках с рыболовными сетями; расхождение заключается в том лишь, что, по рассказу Луки, Петр с товарищами были призваны после улова рыбы, а по рассказу Матфея и Марка призвание состоялось тогда, когда Петр и Андрей закидывали сети в море, а Иаков и Иоанн чинили свои сети.

Нет никакого основания полагать, что Евангелисты Матфей и Марк говорят не о том событии, о котором повествует Евангелист Лука, так как невероятно, чтобы Иисус Христос призвал тех же учеников два раза при столь сходных обстоятельствах. Поэтому кажущееся разногласие в повествованиях Евангелистов следует объяснить тем, что первые два Евангелиста имели в виду рассказать *только* о том, как, по зову Иисуса, Петр, Андрей, Иаков и Иоанн оставили все и пошли за Ним; рассказывая же *только* об этом призвании, они могли обойти молчанием обстоятельства, предшествовавшие этому важнейшему в их глазах событию.

Рассказанное тремя Евангелистами призвание учеников можно было бы рассматривать как *первое* призвание Петра, Андрея, Иакова и Иоанна следовать за Иисусом в качестве Его учеников, если бы Евангелист Иоанн, вообще дополнявший первые три Евангелия, не рассказал нам о призвании Андрея, Петра, Иоанна, Иакова, Филиппа и Нафанаила, происшедшем ранее того, вслед за торжественным свидетельством Иоанна Крестителя об Иисусе как Мессии, Сыне Божиим (Ин. 1, 35–51).

Сопоставляя эти два призвания с обстоятельствами, предшествовавшими второму призванию, можно заключить, что после первого призвания ученики Иисуса не всегда следовали за Ним во время Его путешествий, а иногда отлучались к своим прежним занятиям; после же второго призыва они сделались неотлучными Его спутниками, а вскоре и избранными, в числе двенадцати, Апостолами.

Значение синагоги

Иисус часто учил в синагогах еврейских. Синагогой назывался дом для религиозных собраний: чтения закона и общественных молитв. Хотя Моисей повелел совершать богослужения и жертвоприношения в одном только месте, где находилась скиния (перенесенная после в первый храм, построенный Соломоном в Иерусалиме), но во время Вавилонского плена, вдали от Иерусалима, на чужбине, евреи чувствовали крайнюю необходимость в общественных собраниях с религиозной целью; если в таких собраниях и нельзя было приносить жертвы Богу по закону Моисея, то можно было, по крайней мере, совместно читать книги закона и молиться. Дома для таких собраний назывались синагогами. Синагоги сделались потом настолько необходимой принадлежностью всякого еврейского поселения, что и по освобождении евреев из плена их устраивали везде, где только поселялись евреи, не только в Палестине, но и в местах еврейского *расселения*. В синагоге были: ковчег, в котором хранились книги закона; кафедра, с которой читали закон и пророков, и места для сидения. Собирались в синагогу по субботам и праздникам. Читать и толковать закон и пророков мог всякий, признающий себя способным на то. Читающий обыкновенно стоял во время чтения, а когда начинал объяснять прочитанное, то садился.

Слушая постоянно мертвое слово своих учителей, каковыми были преимущественно фарисеи, галилеяне были чрезвычайно удивлены, когда услышали живое слово Иисуса; те говорили как рабы закона, а Иисус — **как власть имеющий** (Мк. 1, 22). Книжники и фарисеи исказили смысл закона, сами не понимали его, и потому говорили не убежденно и не убедительно. Иисус же говорил *Свое*, то, что слышал от Отца Своего, а потому говорил властно, убежденно и убедительно. Понятно, какое сильное впечатление производила Его речь на непредубежденных слушателей.

Евангелист Лука дополняет рассказ Евангелиста Марка, говоря, что Иисус в Капернауме **учил... в дни субботние** (Лк. 4, 31), то есть: каждую субботу пребывания Своего в Капернауме Он учил в синагоге.

В то время, когда Иисус учил в синагоге, был там **человек, имевший нечистого духа бесовского** (Лк. 4, 33), или, как говорит Евангелист Марк, **одержимый духом нечистым** (Мк. 1, 23).

О бесноватых вообще

Непризнающие существования злых духов отвергают, конечно, и возможность присутствия их в человеке; они говорят, что современники Иисуса и Сам Иисус принимали сумасшедших за бесноватых или

одержимых злым духом.

В главе об искушении (с. 146–147) сказано, что диавол, злой дух или бес, не имеет власти над человеком, и если побеждает его, то не силою, а обманом, обольщением. Человеку дан разум и свобода воли, и он этим оружием может бороться с искушениями дьявола; но если он поддается влиянию злого духа, подчиняет ему свою волю и исполняет то, что он укажет ему, то становится одержимым злым духом.

«Беснование нельзя смешивать ни с какой физической болезнью; это особое состояние души. Расстройство, замечаемое в способностях бесноватого, происходит не от болезненного состояния мозга или других органов, но от насильственного и разрушительного действия какой-то высшей воли; поэтому исцеление бесноватого не зависит от врачебной науки и может совершиться только нравственным воздействием духа на дух. Правда, беснование сопровождалось обыкновенно настоящими болезнями; некоторые чувства оставались бездейственными: бесноватый или ничего не видел и не говорил, или подвергался корчам и припадкам; но это расстройство органической жизни бесноватого находилось в зависимости от насильственного действия духа, который обладал им; единство, связывающее душу и тело, таково, что расстройство душевное влечет за собой и расстройство органическое» (из сочинения Дидона «Иисус Христос»). Судам уголовным и врачам-психиатрам известны случаи безотчетного и вполне непонятного влечения человека к совершению какого-нибудь зверского преступления, большей частью убийства. Подвергшийся такому влечению не сразу подчиняется ему; нередко он ведет ожесточенную борьбу с ним, но вместе с тем он чувствует, как воля его постепенно ослабевает, как он все менее и менее сопротивляется этому влечению, как он, наконец, поддается ему, становится его рабом, идет и совершает бесцельное, безумное, не оправдываемое никакими соображениями убийство; и почти всегда совершает его особенно зверским образом и как будто вполне спокойно, хладнокровно. Бывали случаи, когда подвергшийся подобному влечению несчастный шел в лечебницу, говорил о своем безотчетном и безудержном желании убить кого-нибудь (безразлично — кого именно), и в отчаянии молил врачей о спасении.

Профессор С. Корсаков в своем «Курсе психиатрии» (с. 253) приводит следующий случай такого непреодолимого влечения к совершению убийства. «Еще в феврале (говорит больной) у меня явилась мысль убить детей. Месяцев пять меня преследовала она; меня что-то толкало; я не мог от нее отделаться ни днем, ни ночью, ни за работой. В течение трех ночей я вставал с постели, чтобы убить детей. В первую ночь я выбежал на двор, чтобы выгнать эту мысль; через полчаса я успокоился и лег в постель. На другую ночь я также вышел и, вернувшись зажечь свечу, я взял бритву и, расхаживая взад и вперед по комнате, с кровожадностью смотрел на детей; наконец, я положил бритву на место и пошел на скотный двор... На третью ночь я несколько раз выходил и снова входил, чтобы покончить: я был совсем готов... Я вошел в комнату детей, держа в одной руке свечу, а в другой заступ... Я посмотрел, в кровати ли сын; его не было. Занавески кроватей моих дочерей были откинута, и я видел, что они в постели. Я подошел, поставил левую ногу на стул, чтобы иметь опору, и начал наносить один удар за другим по их головам... Они спали, не сделали ни одного движения... Я не знаю, сколько ударов я нанес... Перед убийством я ни о чем не думал, как только о том, чтобы убить и бежать; после я не посмотрел даже на трупы, но почувствовал очень большое облегчение, которое продолжалось до тех пор, пока я не пришел в лес. Тогда я почувствовал упадок сил и закричал: “Я погибший человек”...» Позднее больной говорил: «Это должно было случиться; я не мог помешать себе сделать это дело, убийство»...

Называя такие *влечения насильственными или навязчивыми*, профессор С. Корсаков говорит: «Больной сознает, что его влечение совершенно безумно, но не может с ним бороться. Он предвидит все его последствия, но не может преодолеть того мучения, которое испытывает до удовлетворения своего безрассудного, вредного для него самого и для окружающих влечения» (с. 251). «Иногда навязчивые влечения достигают высшей степени напряжения так быстро, что переходят в действие почти

одновременно с тем, как это влечение достигает сознания; однако и при этом человек не теряет сознания: он впоследствии ясно помнит, что именно он сделал, но решительно не может понять, по каким побуждениям он это совершил и что влекло его».

Когда на суде спрашивают врачей, можно ли признать сумасшедшим обвиняемого, совершившего убийство под гнетом такого влечения, они, в большинстве случаев, основываясь на изучении предшествовавшей жизни обвиняемого и обстоятельств, сопровождавших совершение преступления, говорят: обвиняемый действовал с полным сознанием преступности совершенного им поступка, и помнит все совершенное им со всеми мельчайшими подробностями; но воля его была подавлена навязчивым и насильственным влечением, и он не в силах был противиться этому влечению. А если он совершил преступление вопреки своей воле, под непреодолимым давлением чего-то, очевидно, постороннего ему, то есть чужой воли, то чья же эта ужасная, преступная, адски злая воля? Не того ли духа, которого мы называем злым? И этот несчастный, совершающий вопреки своей воле безумное убийство нередко даже неизвестного ему человека, разве он не одержим злым духом?

Многие спрашивают: «Почему во времена Иисуса Христа были бесноватые, а теперь их нет?»

Отвечая на этот вопрос, мы должны заметить, что в нем содержится крупная ошибка: одержимые злым духом и бесноватые всегда были, и в настоящее время их немало; но на тех одержимых, которые не проявляют буйства, мы почти не обращаем никакого внимания. Вспомните громкое уголовное дело об убийстве ростовщика Диманта, которому доставляло наслаждение любоваться беспомощностью и гибелью жертв его ростовщичества. Вспомните Шейлока (хотя и не существовавшего в действительности, но созданного как тип гением Шекспира), с адским хладнокровием готовившегося вырезать фунт мяса около сердца его должника Антонио. Разве это не одержимые злым духом? А если одержимые становятся буйными и, следовательно, опасными для окружающих, то их прячут от нас в дома для умалишенных, где они незаметно для нас и умирают.

Несомненно, что много так называемых сумасшедших теряют рассудок вследствие каких-либо телесных болезней, главным образом, болезней головного мозга; но несомненно также и то, что среди содержимых в домах для умалишенных немало страдающих только болезнью воли; и если их воля подчинена невидимому для них существу, то их следует считать одержимыми злым духом.

Исцеление бесноватого

Одержимые злым духом и во времена Иисуса Христа не всегда неистовствовали; только самые буйные удалялись из городов и селений в пустынные места, другие же продолжали жить в своих семьях. Один из таких, не особенно буйных, пробрался в синагогу в Капернаум, когда Иисус поучал собравшихся там, и неожиданно для всех громким голосом закричал: **оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.** Крик этот произвел потрясающее впечатление на всех, кроме Иисуса, который спокойным и, вместе с тем, властным тоном сказал злому духу (под влиянием которого кричал бесноватый): **замолчи и выйди из него!** (Лк. 4, 35). Бесноватый упал посреди синагоги, но тотчас же встал совсем исцеленным, так как злой дух, повинувшись повелению Иисуса, оставил его.

Ничего подобного не видели раньше находившиеся в синагоге, и потому **напал на всех ужас** (Лк. 4, 36).

Слух о необычайном исцелении бесноватого изгнанием из него злого духа быстро распространился по всем окрестным местам, вследствие чего все, имевшие больных различными болезнями, приводили их к Иисусу.

В этом событии изгнания злого духа особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что к Иисусу обращался, очевидно, не одержимый бесом, а сам бес; одержимый же только исполнял

беспрекословно волю беса, говорил то, что тот ему внушал; да и Иисус Христос, говоря: **Выйди из него**, — говорил эти слова злomu духу. Блаженный Феофилакт в своем толковании на Евангелие от Луки говорит, что бес, предпослав Господу упрек, хотел потом увлечь Его лаской, думая, что Господь оставит его; поэтому, он и говорит: **знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий**. Но Господь не принимает свидетельства от беса, научая нас тому же, и говорит: **замолчи и выйди из него** (Блаженный Феофилакт. Толкование на Евангелие от Луки. С. 66).

А как часто мы поддаемся лести диавола, возбуждающей в нас гордость, излишнее самомнение, доходящее иногда до мании величия! Чтобы избежать такого пагубного оболъщения, мы должны всегда помнить, что мы не можем быть своими судьями, и что если мы сами слишком высокого мнения о себе, то это мнение не наше собственное, а внушенное нам тем, свидетельству которого не следует доверять.

Случай с бесноватым произошел или в конце поучения, или же своей необычайностью помешал продолжать его, только, по словам Евангелиста Марка, Иисус **вскоре** вышел из синагоги. Его сопровождали четыре ученика, Симон, Андрей, Иаков и Иоанн, вторично призванные после чудесного улова рыбы и теперь не покидавшие Его.

Исцеление тещи Симона-Петра

Они пришли в дом Симона, теща которого была больна горячкой; Евангелист Лука, говоря о болезни тещи Симона, поясняет, что это была *сильная* горячка (Лк. 4, 38). Понятно, что Симон, Андрей и их товарищи, видев исцеление Иисусом других больных, просили Его исцелить и ее. Исцеление, как и во всех случаях исцеления Иисусом больных, произошло мгновенно: **горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им** (Мк. 1, 31). Горячка, в особенности *сильная*, чрезвычайно обессиливает страдающего ею, так что он после выздоровления едва поднимается с постели и не может ступить без посторонней помощи; теща же Симона, исцеленная от сильной горячки, сама встала **и служила им** (Лк. 4, 39); следовательно, не только болезнь оставила ее, но и утраченные за время болезни силы вернулись. В этом нельзя не видеть особенность чуда, совершенного Иисусом над тещей Симона-Петра.

Впечатление от этих двух чудес

Изгнание в синагоге злого духа из бесноватого и затем чудесное исцеление тещи Симона произвели такое сильное впечатление на всех видевших эти чудеса, и слух о них так быстро распространился по всему Капернауму, что к дверям дома Симона при захождении солнца собрался весь город. Это происходило в субботу, и, несмотря на сильное желание всех, у кого были больные, поскорее воспользоваться пребыванием в их городе Чудотворца, никто не посмел до захода солнца (окончания субботы) принести к Нему больных; но зато, конечно, все приготовились к этому, с нетерпением ожидали окончания дня, и при захождении солнца разом понесли к Нему всех больных различными болезнями. Скопление народа было громадное; **весь город собрался к дверям** (Мк. 1, 33) дома Симона, и Иисус прикасался к каждому больному, возлагая на них руки, и всех исцелил.

Евангелист Матфей, доказывая своим Евангелием, что Иисус есть Тот Избавитель, о Котором предвозвещали пророки, поясняет, что в исцелении больных у дома Симона сбылось пророчество Исаяи, сказавшего: **Он взял на Себя наши немощи и понес болезни** (Мф. 8, 17; Ис. 53, 4). Взять немощи (по толкованию Епископа Михаила) — значит снять их с немоществующих, уничтожить их, что Господь и исполнил Своими чудотворениями; понести же **болезни** — значит облегчить, уничтожить душевные муки, так как слово, переведенное словом болезни, означает собственно болезни или мучения духа (Толковое Евангелие. 1. С. 155).

Привели тогда же к Иисусу и бесноватых, и по слову Его бесы выходили из них. Бесы устами бесноватых всенародно заявляли, что Иисус есть Христос, Сын Божий, но Иисус, не желая принимать

свидетельства от злых духов, запрещал им говорить об этом.

Удаление Иисуса в пустынное место

Народ толпился перед домом Симона, вероятно, до поздней ночи, а рано по утрам Иисус удалялся в пустынное место молиться. Иисус часто удалялся для молитвы, ночью или рано утром, в такие места, где бы Ему никто не мог помешать; места эти были большей частью за городом или селением, где не могло быть людей, где было пустынно.

Розыски Его

Иисус удалился; но народ, с наступлением утра, опять столпился у дома Симона и, узнав, что Иисуса там нет, стал искать Его по городу. Видя это, **Симон и бывшие с ним** (Мк. 1, 36), то есть Андрей, Иаков и Иоанн, а может быть и некоторые другие, тоже пошли искать Иисуса и, найдя Его, звали Его в город, где все ждут и ищут Его.

Приход Его в Капернаум

Иисус, не отвергая их просьбы и, очевидно, вернувшись на некоторое время в Капернаум (о чем Его просил и весь народ Капернаума), сказал, однако, ученикам Своим, а потом и народу, что Ему надо идти проповедовать и в другие города и селения, а не оставаться в одном городе — **ибо Я для того пришел** (Мк. 1, 38), **на то Я послан** (Лк. 4, 43), чтобы проповедовать *всем*, а не одним только гражданам Капернаума.

Иисус совершал в Капернауме такое множество исцелений больных и изгнаний бесов, что после, говоря о неблагодарности жителей этого города, Он с грустью предсказал ту печальную участь, которая должна за это постигнуть его: **И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня** (Мф. 11, 23).

Путешествие его по Галилее

Выйдя из Капернаума со Своими учениками, Иисус ходил по всей Галилее, проповедуя и совершая чудеса. Слух о Нем прошел далеко за пределы Галилеи, по всей Сирии; к Нему приводили больных и бесноватых издалека, из Десятиградия (область по левую сторону Иордана), из Иудеи и даже из Иерусалима. Он всех исцелял, и многие из исцеленных и освобожденных от злых духов, а также и приводившие их, следовали за Иисусом, слушая Его учение.

Прибытие Иисуса в Назарет

Мы знаем, что, возвратись из Иудеи в Галилею, Иисус не пошел в Назарет, где провел почти всю Свою жизнь, и объяснил это уверенностью, что жители Назарета не уверуют в Него, так как обыкновенно **пророк не имеет чести в своем отечестве** (Ин. 4, 44). Теперь же, обходя все города и селения Галилеи в сопровождении учеников и толпы исцеленных Им и уверовавших в Него, теперь, когда слава о Нем распространилась по всей Сирии, когда и в отечестве Его, казалось бы, должны были оказать Ему честь, хотя бы как Пророку... теперь Он приходит в Назарет; но приходит, конечно, не из тщеславия, не для того, чтобы получить подобающие Ему почести, но для того, чтобы не лишиться Своего божественного учения и тех, с которыми так долго жил, которые, казалось бы, первыми должны были уверовать в Него. Он, по видимому, нарочно долго медлил приходом в Назарет, давая тем время и возможность жителям этого города узнать, какие необычайные чудеса Он сотворил, какие толпы народа постоянно следуют за Ним и как многие уже признали в Нем давно ожидаемого Мессию-Христа.

Проповедь его в назаретской синагоге

И вот теперь приходит Иисус в Назарет в сопровождении учеников, входит в синагогу (это был субботний день) и прямо идет к тому месту, с которого читали закон и пророков. Он раскрывает поданную Ему книгу пророка Исайи и начинает читать то место, где пророк от лица Мессии, который должен прийти,

говорит о цели Его пришествия. Устами пророка Мессия говорит, что Он послан Богом возвестить всем нищим, бедным, несчастным, скромным труженикам, что для них наступает Царство Божие, исцелить призывом к покаянию и проповедью любви и милосердия всех сокрушающихся о своих грехах, объявить, что даже закоренелые грешники, пленники греха, покаянием и добрыми делами могут получить освобождение от связывающих их греховных уз, дать прозрение тем, которые лжеучениями и неправильными толкованиями доведены до слепоты к истинному свету писаний, до непонимания его истинного смысла, отпустить на свободу всех их, здесь измученных, всех нищих, сокрушенных сердцем, подпавших под власть греха, ослепленных, и проповедовать наступление Царства любви и милосердия Божия.

Евреи не сомневались в том, что пророк Исайя говорил не от своего имени, а от имени ожидаемого Мессии. Присутствовавшие теперь в синагоге несомненно слышали, что Иисус свершил уже все, что, по прочитанным словам пророка, должен был свершить Мессия; следовательно, им ничего более не оставалось, как признать Иисуса Мессией.

Подготовив таким образом Своих слушателей, Иисус закрыл книгу, отдал ее служителю синагоги и сел. Минута была торжественная. Все смотрели на Иисуса, все с нетерпением ожидали, что Он скажет. И Он начал Свою проповедь словами: **ныне исполнилось писание сие, слышанное вами** (Лк. 4, 21). Доказывая затем, что писание это действительно исполнилось, призывая Своих слушателей к покаянию, давая им новую заповедь любви, и вообще разъясняя им, что надо разуместь под Царством Мессии и Царством Небесным и какими средствами можно достигнуть того и другого, Иисус, казалось бы, не оставил в Своих слушателях ни малейшего сомнения в том, что Он есть Тот давно ожидаемый Избавитель, о Котором говорили все пророки.

Действительно, многие из находившихся в синагоге, под влиянием этой проповеди и совершенных Иисусом в Иудее и Галилее чудес, готовы были принять Его как Мессию; они удивлялись *премудрости Его* и словам благодати, исходившим из уст Его, и, как говорит Евангелист Лука, все засвидетельствовали Ему, что действительно ныне исполнилось писание сие, слышанное ими. Но среди находившихся в синагоге были, несомненно, и фарисеи и вообще книжники, ученые евреи. Они ожидали в лице Мессии земного царя-завоевателя и были уверены, что этот царь, основав свое царство, поставит фарисеев и книжников во главе управления и подчинит им покоренные народы. Это убеждение их было настолько сильно, настолько уже всосалось в плоть и кровь их, к тому же оно сулило им такие почести и земные блаженства, что отрешиться от него им было неприятно и потому нелегко. Между тем, Иисус говорит о царстве нищих, покаявшихся грешников, о любви к ближним, то есть ко всем людям, а не одним только евреям, а о них-то, фарисеях, об их участии в Царстве Мессии ничего не говорит; так какой же это Мессия? **«Не Иосифов ли это сын?»** (Лк. 4, 22). **«Не плотник ли Он?»** (Мк. 6, 3). Откуда придет Мессия — никто не будет знать; а мы знаем, что Иисус жил в Назарете, среди нас; мы знаем Его Мать, Его братьев и сестер; поэтому Он не может быть Мессией». Так рассуждали руководители еврейского народа.

(О том, что так называемые братья и сестры Иисуса не были в действительности Его родными братьями и сестрами — смотри объяснение выше, в главе 7).

И соблазнились о Нем (Мк. 6, 3). Соблазнились, конечно, не фарисеи и вожди народные; соблазниться — значит поколебаться в вере, а они и не начинали верить в Иисуса. Соблазнились те из бывших в синагоге, которые уже засвидетельствовали Иисусу, что ныне исполнилось слышанное ими Писание пророка Исайи, которые удивлялись Его премудрости и благодати Его учения. Слова фарисеев — **не Иосифов ли это сын?** (Лк. 4, 22), **не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?** (Мк. 6, 3) — подействовали и на них; и они усомнились в том, чтобы их согражданин мог быть Мессией.

Видя такое колебание в вере, скоро перешедшее в неверие, Иисус прекрасно понимал, что

назаретяне ждут от Него доказательств Его мессианства, ждут чудес. Но так как неверие недостойно того, чтобы перед ним и по Его требованию совершались чудеса (см. другое изречение Иисуса — **не бросайте жемчуга вашего перед свиньями...** (Мф. 7, 6)), то Иисус, конечно, не прибег к такому способу вразумления Своих слушателей, а привел им два примера из ветхозаветной истории, наглядно поясняющие, что они недостойны тех знамений, на которые, быть может, рассчитывают. Как все вдовы-еврейки оказались недостойными принять пророка Илию, и он был послан к язычнице в Сарепту, как все прокаженные евреи времен пророка Елисея оказались недостойными получить исцеление, и пророк исцелил одного только язычника Неемана (см. 3 Цар. 17; 4 Цар. 5), — так недостойны и назаретяне видеть совершаемые Иисусом чудеса.

Изгнание Иисуса из синагоги и намерение назаретян сбросить его со скалы

Услышав такую горькую, и потому никогда не принимаемую спокойно, правду, убедившись, что их соотечественник, плотник Иисус, ставит их, горделивых евреев, ниже язычников, все находившиеся в **синагоге исполнились ярости** (Лк. 4, 28). Озлобление их против Иисуса, усиливаемое, конечно, подстрекательством фарисеев, дошло до того, что они решили тотчас же казнить Его: они выгнали Его из синагоги и повели за город на вершину горы, чтобы сбросить Его оттуда в пропасть.

Избавляться от пророков-обличителей убийством, казнью, было в обычае евреев. Несколько позже Иисус, обличая лицемерие фарисеев, сказал: **да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира** (Лк. 11, 50).

Таким способом хотели назаретяне избавиться и от Иисуса, поставившего их ниже язычников. Они думали, что имеют дело только с пророком, и потому уверены были в возможности разделаться с Ним обычным способом. Но они ошиблись: перед ними стоял Мессия-Христос, пришедший в мир спасти людей, а не погибнуть в начале Своего служения от руки соотечественников Своих. Как только назаретяне довели Иисуса до вершины горы, с которой хотели сбросить Его, свершилось нечто неожиданное, никем не предвиденное: Иисус прошел посреди их, никем не тронутый, и удалился.

Выше, в главе об искушении, мы говорили, что Иисус Христос никогда не пользовался Своей божественной властью, чтобы избавить Себя как Человека от страданий и лишений, так как, в противном случае, не мог бы служить нам примером. Теперь же добавим, что если Он и избегал иногда, притом же не случайно, а вполне сознательно, грозившей Ему опасности, то употреблял для этого не божественную власть Свою, не грозные силы природы, которыми повелевал, а единственно лишь воздействие Своего духа, Своего всепроницающего взгляда на совесть людей. Так, например, позже, когда фарисеи схватили камни, чтобы убить Его, Он кротко посмотрел на них и спросил: **много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?** (Ин. 10, 32). Не выдержали этого взгляда озлобленные фарисеи; поднятые их руки опустились, камни выпали из них; неистовые крики сменились мертвой тишиной, и Христос удалился. По всей вероятности, и теперь, когда оставалось только столкнуть Иисуса в пропасть, Он посмотрел на Своих палачей таким же кротким, любвеобильным, всепрощающим и проницающим душу взглядом, против которого они не могли устоять: совесть заговорила в них, им стало стыдно, и они опомнились; смолкли и их неистовые крики; мгновенно водворилась мертвая тишина; и когда Христос двинулся с места, чтобы уйти, все молча расступались, давая Ему дорогу, и едва ли кто-либо осмелился даже посмотреть на Него; и **Он, пройдя посреди них, удалился** (Лк. 4, 30).

Из повествований Евангелистов видно, что Иисус оставался еще некоторое время в Назарете, так как исцелял больных, возлагая на них руки. Исцеления эти совершены, конечно, не в виде знамения для назаретян, которым Иисус отказал в знамении, но из сострадания к больным, которых к нему привели; больных этих было немного, потому что верующих было слишком мало в этом городе; немногим верующим Господь не отказал в исцелении, но, как говорит Евангелист Матфей, **не совершил там многих**

чудес по неверию их (Мф. 13, 58).

Хождение Иисуса по окрестным селениям

Уйдя из Назарета, Иисус **ходил по окрестным селениям и учил** (Мк. 6, 6).

Возрастающая слава Иисуса не давала покоя фарисеям и учителям народа; они шли теперь к Нему со всех сторон, из всех мест Галилеи, из Иудеи и даже из Иерусалима; но шли, конечно, не с тем, чтобы беспристрастно исследовать все совершенное Им и затем уверовать в Него, а за тем, чтобы найти случай или законный повод избавиться от Него обычным способом, убийством.

Исцеление расслабленного, спущенного с кровли к ногам Иисуса

Иисус нисколько не стеснялся их присутствием и продолжал Свою проповедь. И вот, когда Он, сидя в одном доме, в присутствии фарисеев и законников учил собравшихся туда, с кровли дома спустили вниз расслабленного, лежавшего в постели. Оказалось, что принесшие к Иисусу этого расслабленного не могли пронести его в дверь дома, так как множество народа, не поместившегося в доме, толпилось вокруг.

Дома устраивались тогда так, что средняя часть дома была открыта сверху и называлась двором; в случае ненастья и в жаркое время года двор покрывали щитами из досок, или кожи, или полотна. Двор служил местом, куда собиралась вся семья домовладельца, где происходили приемы гостей и празднества; плоские кровли домов служили местом для прогулок и отдохновения, куда входили по лестницам, устраиваемым со двора, и иногда с улицы. Понятно, что при таком устройстве домов и дворов, не было надобности ломать кровлю и потолок, чтобы спустить сверху вниз расслабленного; надо было взойти по наружной лестнице на кровлю, дойти до начала двора, прикрытого временной разборной кровлей из щитов, снять один или несколько таких щитов и на веревках спустить вниз больного. Евангелист Марк, повествуя о том же событии, говорит, что расслабленного **несли четверо** (Мк. 2, 3), а четверем носильщикам нетрудно было сделать это.

Двор был всегда просторнее комнат дома; поэтому, надо полагать, что и Иисус учил в это время на дворе, где могло поместиться больше слушателей. И вот, в то время, когда Иисус учил, и когда все взоры были обращены на Него, к ногам Его спустили расслабленного. Только сильная вера во всемогущество Иисуса могла подвинуть близких этого расслабленного на такой смелый поступок. **И Он, видя веру их, сказал человеку тому: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои** (Лк. 5, 20; Мф. 9, 2).

Прощая расслабленному грехи, Иисус тем самым указал на греховность его прошлой жизни как на причину его болезни; быть может, невоздержанность, чрезмерное любострастие и развращенность довели его до положения расслабленного; и он сам, по-видимому, сознавал себя настолько грешным, что даже не решался просить об исцелении. По сказанию Евангелиста Матфея, Иисус, обращаясь к расслабленному, сказал: **«Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои, смело надейся на исцеление, потому что за твое смирение, сознание своей греховности и сильную веру, прощаются грехи твои, а с ними уничтожается и причина твоей болезни!»**

Книжники и фарисеи, сидевшие, конечно, все вместе, отдельно от презируемого ими народа, стали шептаться между собою, осуждая Иисуса в присвоении Себе власти Бога. Они говорили это, должно быть, так тихо, что слов их никто не мог слышать, потому что Иисус, обращаясь к ним, укоряет их не за слова, а за помышления.

Обнаруживая их помышления, Иисус тем самым дает им понять, что если Он обладает всеведением, свойственным одному только Богу, то, конечно, обладает и властью прощать грехи. Но, чтобы еще более вразумить их, Он спросил: **«Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, как причина твоей болезни, и потому отныне ты будешь здоров? или же прямо сказать: встань и ходи?»** (Лк. 5, 23). Если для прощения грехов нужна божественная власть, то такая же власть нужна и для исцеления болезни, которая может

оставить больного после уничтожения причины ее, то есть прощения грехов.

Фарисеи не ответили на этот вопрос; да Иисус Христос и не ждал от них ответа, но чтобы вразумить их, **что Он, Сын Человеческий, имеет власть на земле прощать грехи**, сказал расслабленному: **тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой!** (Лк. 5, 24).

Мгновенно вернулись к больному давно утраченные им силы; он при всех встал и не только сам пошел без посторонней помощи, но даже понес то, на чем лежал, и тем показал всем свое полное выздоровление.

Исцеленный славил Бога, простившего его грехи и даровавшего ему исцеление, а на присутствовавших напал страх и ужас. Казалось бы, такое властное прощение грехов и повеление расслабленному встать и идти домой должны были привести присутствующих к вере в Иисуса как Сына Божия; но на самом деле не только фарисеи и книжники, но даже и обыкновенные граждане, видевшие это чудо, не уверовали в Иисуса. Это видно из слов Евангелиста Матфея, повествующего, что **народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам** (Мф. 9, 8); если народ прославлял Бога за дарование такой власти человекам, то, значит, он считал Иисуса только человеком, хотя, быть может, и пророком. По сказанию Евангелиста Марка, присутствовавшие говорили: **никогда ничего такого мы не видали** (Мк. 2, 12).

Призвание мытаря Матфея

Сожалея, конечно, о такой закоренелости фарисеев и находившихся под их влиянием, Иисус вышел со двора, на котором только что совершил необычайное чудо, и тут же увидел человека, по занятиям своим считавшегося у евреев самым грешным и презренным; то был сборщик податей, мытарь (о мытарях см. выше, с. 137), именем Левий. К нему обращается Иисус; в присутствии сопровождавших Его, в числе которых несомненно были и фарисеи, вышедшие за Ним со двора, Иисус говорит Левию: **следуй за Мною**.

Этот мытарь, занятый постоянно сбором пошлин, вероятно, только слышал о совершенных Иисусом чудесах, но сам едва ли видел их; однако он бросает все и, возрожденный этим призывом, идет за Иисусом. А фарисеи и книжники, слышавшие свидетельство Иоанна, видевшие чудеса, совершенные Иисусом, не пошли за Ним, то есть не сделали Его последователями. Это доказывает, что грешники, сознающие свою греховность и готовые искренно раскаяться, ближе к Царству Небесному, чем превозносящиеся своей мнимой праведностью.

Евангелист Матфей называет *Матфеем* того мытаря, который последовал за Иисусом по зову Его (Мф. 9, 9); а Евангелист Марк, согласно с Евангелистом Лукой, называет его *Левием*, добавляя при этом, что он был сын Алфея, Алфеев. Но в этом нет никакого разногласия. Все три Евангелиста говорят об одном и том же лице. Доказательством этому служат последовательность в повествованиях об этом событии и тождество всех подробностей: все три Евангелиста говорят, что призвание мытаря произошло вслед за исцелением расслабленного, а так как нет никакого основания предполагать, что Иисус, исцелив расслабленного, призвал *двух* мытарей, то следует признать, что все три Евангелиста говорят об одном мытаре, но называют его различно; различие же в именах объясняется тем, что у евреев был обычай иметь несколько имен: Лука и Марк называли призванного мытаря Левием, вероятно, потому, что так называли его все имевшие с ним дело как с мытарем; Евангелист же Матфей называет его, то есть самого себя, Матфеем, тем именем, которым, вероятно, называли его не как мытаря, а как человека, близкие к нему, родные. Тем же именем Матфея называют призванного мытаря и Евангелисты Марк и Лука, когда перечисляют избранных позже двенадцать Апостолов. Кроме того, все три Евангелиста совершенно одинаково описывают последовавшее затем приглашение этим мытарем Иисуса и учеников Его к себе в дом (ср.: Мф. 9, 8-17; Мк. 2, 12-22; Лк. 5, 26-39).

Обед у Матфея

Обрадованный таким призывом, мытарь Матфей пригласил к себе в дом Иисуса и учеников Его и предложил им угощение. По обычаю восточных народов, во время обедов и ужинов не сидели за столом, а возлежали вокруг стола на особых приставных скамьях или диванах, облокачиваясь левой рукой на подушку.

Приглашенные Матфеем Иисус и ученики Его возлегли за столом. Пришли также и товарищи Матфея по сбору податей, и знакомые его, все грешники, по понятиям фарисеев, и возлегли за тем же столом.

Осуждение Иисуса фарисеями за общение с мытарями и грешниками Фарисеи, следовавшие за Иисусом, конечно, не решились войти в дом мытаря, чтобы не оскверниться, но они следили за всеми Действиями Иисуса; они знали, что Он возлежит в доме мытаря с мытарями же и другими грешниками, и, дождавшись выхода возлежавших у Матфея, спросили учеников Иисуса: для чего **Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?** (Мф. 9, 11). По понятиям их, праведный еврей не станет оскверняться общением с такими грешниками, а если Иисус ест и пьет с ними, то, значит, и Он грешник.

Наставление Иисуса по этому поводу

Иисус объясняет им, что как во враче нуждаются больные, а не здоровые, так и в Нем, Иисусе, нуждаются грешники, спасти которых призывом к покаянию Он пришел; и как место врача у постели больного, так и Его место там, где грешники. Фарисеи считают, что праведность заключается в принесении предписанных законом *жертв*, но они забывают или не понимают, что сказано Богом через пророка Осию: **Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений** (Ос. 6, 6). Поэтому, укоряя их в незнании пророчеств, Иисус говорит: «Если вы не знали этого раньше, то **пойдите** теперь, пойдите в синагогу, возьмите книгу пророков и **научитесь, что значит** сказанное Богом через пророка Осию: **милости хочу, а не жертвы?** (Мф. 9, 13). Научитесь же, поймите, что ваши жертвоприношения без любви вашей к ближним, без милосердия к ним, без добрых дел, не нужны Богу. Вы обвиняете Меня в том, что Я имею общение с грешниками? Но Я для того и пришел, чтобы грешники покаяться и исправиться; Я пришел призвать к покаянию и спасти не тех, которые считают себя праведниками и воображают, что им не в чем каяться, но тех, которые смиренно сознают себя грешниками и просят у Бога милости. Отец Мой хочет **милости, а не жертвы**, и Я, творя волю Отца Моего, иду к тем, которые нуждаются в этой милости».

Потерпев поражение в этом, фарисеи переносят свои обвинения на учеников Иисуса, укоряя их в том, что они не постятся.

Вопрос учеников Иоанна почему не постятся ученики Иисуса — и ответ на него

По сказанию Евангелиста Луки, укор этот сделан фарисеями и книжниками (Лк. 5, 33); но Евангелисты Матфей и Марк приписывают это: Матфей — ученикам Иоанновым (Мф. 9, 14), а Марк — ученикам Иоанновым и фарисейским (Мк. 2, 18).

Несомненно, однако, что при этом были фарисеи со своими учениками и ученики Иоанна Крестителя. Иоанн был строгий постник и, конечно, приучил своих учеников к постничеству; фарисеи со своими учениками тоже соблюдали все положенные и установленные обычаем посты, а ученики Иисуса не постились. Ученики Иоанновы, как уже сказано выше, относились с завистью к возрастающей славе Иисуса; они все еще считали своего учителя выше Иисуса, и потому относились к Нему почти враждебно. Понятно, что при таких условиях фарисеям нетрудно было обратить внимание учеников Иоанна на то, что ни Иисус, ни ученики Его не постятся. Этого было достаточно, чтобы начать разговор о посте; и начали его, по всей вероятности, фарисеи, поддержали же их ученики Иоанновы; при этом, весьма возможно, что тот же вопрос повторили за фарисеями и ученики Иоанна. Таким образом примиряется кажущееся разногласие в повествованиях Евангелистов. Евангелист Матфей и Апостол Петр, со слов которого писал Марк, обратили

больше внимания на вопрос учеников Иоанна, и потому умолчали о вопросе фарисеев; а Евангелист Лука, собиравший сведения от других очевидцев, сообщает только вопрос фарисеев, служащий как бы продолжением прежнего их вопроса.

Ученикам Иоанновым Иисус отвечает словами их учителя. Они должны были помнить, как после спора их с иудеями об очищении Иоанн сказал им: **друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха** (Ин. 3, 29). Поэтому, как бы напоминая им эти слова, Иисус говорит: **«Можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Ведь ваш учитель назвал Меня женихом, а себя — другом жениха; другом, которому надлежит радоваться, пока с ним жених, а не печалиться и поститься. Поэтому и Мои ученики, как друзья жениха, как сыны чертога брачного, пока Я с ними, пока слышат голос Мой и внимают Мне, должны радоваться. Время печали и поста еще не пришло для них; но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни».**

Последними словами Иисус хотел внушить Своим ученикам, что Он не всегда будет с ними, что Он будет силой временно отнят у них и что тогда настанут для них дни испытаний, печали и поста; но они не поняли этих слов.

Говоря, что для учеников Его не настало еще время поститься, Иисус добавил, что **никто не приставляет заплатки к ветхой одежде, отодрав от новой... и никто не вливает молодого вина в мехи [15]ветхие.**

Учение о несовместимости требований Моисеева закона с новыми заповедями

Отвечая на вопрос, почему не постятся Его ученики, Иисус Христос не мог не коснуться общего вопроса о совместимости Его учения с точным соблюдением всех еврейских обрядов и преданий старцев, то есть совокупности всех тех правил, которые назывались *законом*. Этот общий вопрос прекрасно разобран был потом Апостолом Павлом в его послании к Галатам, а потому, чтобы лучше усвоить себе смысл сказанной Иисусом притчи о ветхой одежде и ветхих мехах, приведем несколько слов из этого послания Апостола Павла и из объяснения их Иоанном Златоустом.

Апостол Павел упрекал Апостола Петра в том, что он, иудей, сам живя по-язычески, то есть не соблюдая закона иудейского, требует от обращенных язычников, чтобы они жили по-иудейски, то есть чтобы соблюдали все требования так называемого закона иудейского. Упрек этот Апостол Павел сопровождает объяснением, что отныне делами закона никто не может оправдаться, то есть спастись, а спасется верой в Иисуса Христа и исполнением Его заповедей; **а если** (как ты думаешь) **и законом** можно оправдаться, **то Христос напрасно умер** (см. Гал. 2, 16–21).

А вот что говорит по этому поводу Иоанн Златоуст: «Послушай слов Павла, который говорит, что соблюдением закона ниспровергается Евангелие... Если опять нужен закон, то, без сомнения, нужна не часть его, а нужен весь закон; а если весь, то мало-помалу уничтожится и оправдание верой. Если ты соблюдаешь субботу, то почему не обрезываешься? А если будешь обрезываться; то почему не станешь приносить жертвы? Если, в самом деле, необходимо исполнять закон, то необходимо исполнять его весь; если же всего исполнять не нужно, то не нужно исполнять и части его. С другой стороны, если ты страшишься подвергнуться осуждению за преступление одной части закона, то тем более нужно страшиться за преступление всего закона. А если необходимо исполнение всего закона, то необходимо отвергнуться Христа, или, последуя Христу, сделаться преступником закона; и виновником этого преступления закона окажется у нас Христос, так как Он Сам разрешал от исполнения закона, и другим повелел разрешать» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на послание к Галатам. 2, 6).

Сделав это отступление, вернемся к притче Иисуса Христа. Мы знаем, что фарисеи много раз упрекали учеников Иисуса в несоблюдении требований их закона, например в срывании колосьев в

субботу, в несоблюдении постов, в принятии пищи неумытыми руками; и каждый раз Христос оправдывал их. Оправдал Он их и теперь, когда фарисеи, совместно с Иоанновыми учениками, обвиняли их в несоблюдении постов; но в данном случае Господь не ограничился одним лишь оправданием, а высказал Свой взгляд и на несовместимость Его учения с точным соблюдением всех требований иудейского закона. Взгляд этот Он высказал в притче, которую толкуют различно. Как поняли эту притчу фарисеи — неизвестно. Но, придерживаясь авторитетных мнений Апостола Павла и Иоанна Златоуста, следует понимать ее вот как: «Вы (то есть фарисеи) требуете, чтобы Мои ученики прикрывались ветхой одеждой ваших обрядов и преданий старцев, а Я требую, чтобы они облеклись в новую одежду всепрощающей любви. Поймите же, что нельзя надеть новую одежду, не сбросив предварительно старую. Нельзя и чинить эту обветшалую одежду, вырезывая куски из новой; старую этим не поддержишь: она еще скорее распадется от этих заплат; да и новой повредишь. Ведь вы знаете также, что молодое вино не вливают в старые мехи, потому что они не в состоянии вместить его в себе. Так предоставьте же Моим ученикам свободу сделаться новыми мехами для принятия Моего учения и облечься в новую одежду, сбросив с себя обветшалую. Если они еще не вполне прониклись духом Моего учения, то все же они познали преимущества его перед вашим учением; и как вы, попробовав хорошего вина, не станете пить плохого, так и они, последовав за Мной, не пойдут к вам».

В этой притче слова — **никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого** (Лк. 5, 39), — как будто противоречат сказанному о ветхой одежде и ветхих мехах. Но это кажущееся противоречие устранилось, если мы примем во внимание, что старое вино считается хорошим, а молодое плохим, и если в самой притче слова эти заменим однозначными; тогда и самый смысл притчи будет ясен. *Никто, пив хорошее вино, не захочет тотчас плохого.*

ГЛАВА 10. Вторая пасха. Прибытие Иисуса в Иерусалим. Исцеление расслабленного

После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим (Ин. 5, 1).

Приход Иисуса на праздник пасхи (второй)

Об этом путешествии Господа в Иерусалим, а также о первом и о последующих (кроме последнего) говорит один только Евангелист Иоанн. Первые три Евангелиста могли умолчать о первых двух путешествиях отчасти потому, что тогда еще Апостолы не были избраны, а ученики Иисуса не всегда следовали за Ним, что доказывается вторичным призванием некоторых из них после чудесного улова рыбы, когда они **оставили все и последовали за Ним** (Лк. 5, 11; Мф. 4, 20, 22; Мк. 1, 18, 19). К тому же Евангелист Матфей, как призванный после первого возвращения Иисуса в Галилею, даже и не мог находиться при Нем и быть свидетелем-очевидцем происходившего в Иудее во время восьмимесячного пребывания там Господа; другие же из учеников, хотя несомненно и были с Ним в Иудее, но, вероятно, часто отлучались от Него, так как, подобно Иоанну Крестителю, занимались крещением народа (Ин. 4, 2); крестить можно было только при реке или вообще там, где было много воды (Ин. 3, 23), а Христос обходил в это время всю Иудею.

Но после второго путешествия в Иерусалим Апостолы уже были избраны и постоянно, следовали за своим Учителем; поэтому, если первые три Евангелиста молчат и о последующих путешествиях, то надо искать иные причины такого молчания. Причины эти будут понятны нам, если мы узнаем цели, какие преследовали первые три Евангелиста, составляя свои Евангелия.

Евангелист Матфей писал свое Евангелие *для евреев*, которым надо было доказать, что Иисус из Назарета был действительно тем Мессией, о Котором писали Моисей и пророки; иначе они не уверовали бы в Него. Доказать же это *евреям* можно было не иначе, как указанием на самое строгое совпадение жизни и дел Иисуса из Назарета с идеальным образом Избавителя Израилева по смыслу и букве ветхозаветных писаний о Нем. Такая цель естественно ограничивала Евангелиста в выборе материала из богатого по содержанию первохристианского предания.

Сопоставляя повествования первых трех Евангелистов с повествованием Евангелиста Иоанна, мы видим, что проповедь Иисуса Христа в Галилее протекала вообще спокойно и мирно, если не принимать в расчет случая в Назарете да постоянного надзора за Ним и шпионства фарисеев. Население Галилеи было разноплеменное, не зараженное фарисейским лжеучением, и потому восторженно встречавшее Проповедника Бога любви и всепрощения. Слово Его западало в сердца слушателей, как семя в плодородную почву, и давало роскошные всходы; слава же о Нем как Чудотворце привлекала к Нему толпы народа даже из соседних языческих стран, и это вынудило Его Самого предпринять путешествие в эти страны (Тирские и Сидонские); словом, Галилея представляла благодатную и благодарную почву для Сеятеля слова Божия; и потому большую часть времени Своего общественного служения Христос провёл в Галилее: здесь совершено Им множество чудес, доказывающих Его всемогущество; здесь поведено людям все учение Его, необходимое для восстановления Царства Божия и открытия дверей Царства Небесного; здесь же осуществилось на Иисусе все, чего могли ожидать евреи от обещанного Избавителя, все, что было за много лет предсказано пророками; словом, здесь, кроме событий смерти и Воскресения Господа, протекла вся евангельская история.

Посмотрим теперь, что же происходило в Иудее и, главным образом, в Иерусалиме во время пребывания там Господа? Евангелист Иоанн повествует о постоянной борьбе, какую приходилось Иисусу

Христу вести там с враждебной Ему партией начальников иудейских. Там считали Его простым учителем, творившим некоторые чудеса силой злого духа; там никак не могли и подумать о том, что Мессией может быть плотник из Назарета, говорящий о равенстве всех людей перед Богом и тем унижающий евреев, потомков Авраама; там даже хотели побить Его камнями за то, что Он называл Себя Сыном Божиим. Словом, история пребывания Господа в Иудее представляет постоянный и неумолкавший протест иудеев против мессианства Иисуса.

Понятно, что Евангелист Матфей, имевший целью доказать евреям, что Иисус из Назарета есть, действительно, Тот Мессия, о Котором писали Моисей и пророки, должен был ограничиться проповедью Господа в Галилее; и если он к своему рассказу добавил описание последних дней жизни Иисуса, проведенных в Иудее, то только потому, что смертью Его, предсказанной пророками, и Его Воскресением завершено наше спасение, а следовательно, и евангельская история. Вот почему Евангелист Матфей молчит о всех (кроме последнего) путешествиях Господа в Иерусалим.

Рассматривая Евангелие Марка, мы видим большое сходство во многих рассказах с Евангелием Матфея и даже местами буквальное повторение записанного Матфеем, а это сходство в общем и тождество в некоторых частях доказывают, что Евангелист Марк знал Евангелие Матфея и имел его под руками, когда писал свое, то есть когда записывал проповедь Апостола Петра в Риме. Проповедуя римлянам, язычникам, Апостол Петр, вероятно, находил излишним усиленно доказывать своим слушателям, что на жизни и делах Иисуса осуществились все предсказания ветхозаветных еврейских писателей; вот почему мы и не встречаем в Евангелии Марка такого обилия ссылок на эти писания, какими отличается Евангелие Матфея. И так как римлянам не было никакой надобности знать происходившие в Иерусалиме споры со Христом фарисеев, книжников и саддукеев, то и Апостол Петр в своих проповедях ограничился историей деятельности Иисуса в Галилее да последними днями Его жизни, то есть проповедовал по тому же плану, какой начертан в Евангелии Матфея. Первое Евангелие было, конечно, известно Петру; составлялось оно, несомненно, не без некоторого участия других очевидцев, в том числе и Петра, и потому оно не только одобрено Петром, но даже принято им в основу своей проповеди. Вот почему и Евангелист Марк молчит о путешествиях Господа в Иерусалим.

Что же касается третьего Евангелия, то хотя оно и отличается от первых двух описанием пяти чудес и изложением двенадцати притчей, о которых в первых Евангелиях вовсе не упоминается, но, вместе с тем, в нем заметно не только сходство с ними по плану, но даже буквальное повторение некоторых выражений. А это доказывает зависимость Евангелия Луки не только от Евангелия Матфея, но даже и от Евангелия Марка (ср. Мк. 5, 7–8 с Лк. 8, 28–29). Представляя как бы новую редакцию первых двух Евангелий с некоторыми дополнениями, Евангелие Луки не переступает установленных ими рамок и, подобно им, ограничивается служением Иисуса в Галилее и последними днями Его жизни, проведенными в Иудее.

Евангелист же Иоанн, составлявший свое Евангелие тогда, когда первые три были настольными книгами каждого христианина, обратил особенное внимание именно на те иерусалимские споры, которые обойдены первыми Евангелистами, но которыми вполне выясняется Божество Иисуса Христа и Его отношение к Богу-Отцу. Остановливаясь подробно на этих спорах, Иоанн так объясняет цель своего Евангелия: **Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий** (Ин. 20, 31). Вот почему, дополняя первые три Евангелия рассказами и о некоторых событиях из галилейского периода служения Господа, Иоанн главным образом говорит о пребывании Его в Иудее [\[16\]](#).

После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим (Ин. 5, 1). Так говорит Евангелист Иоанн, но не поясняет, на какой именно праздник пришел Иисус. Евангелист же Лука, повествуя о событиях, происшедших в Галилее вслед за тем периодом, о котором умалчивают все три Евангелиста, говорит: **В субботу, первую по втором дне Пасхи, случилось Ему** (то есть Иисусу) **проходить засеянными**

полями (Лк. 6, 1). Следовательно, проходил Господь засеянными полями вскоре после пасхи, а так как из рассказа Евангелиста Иоанна (Ин. 5, 1—47; 6, 1) можно вывести заключение, что на этом празднике Господь пробыл весьма недолго, то следует признать, что это был праздник пасхи, второй во время служения Господа.

Исцеление расслабленного у овечьей купальни

Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня.

Овечьи ворота находились на северо-восточной стороне городской стены. О них упоминается в книге Неемии (Неем. 3, 1, 32; 12, 39). Назывались они Овечьими, вероятно, потому, что близ них был рынок, на котором покупались овцы для жертвоприношений, или потому, что через них прогонялись к храму эти животные (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3. Гл. 5).

У этих ворот была купальня, сохранившаяся и после разрушения Иерусалима; поэтому Евангелист Иоанн, писавший свое Евангелие после разрушения Иерусалима Титом, не говорит, что *была* купальня, а утверждает, что **есть** в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня. Об этой купальне ничего не говорится в книгах Ветхого Завета; поэтому, надо полагать, что она стала известна сравнительно незадолго до пришествия Христа.

В этой купальне по временам вода возмущалась, становилась мутной или (как говорит Евсевий) кроваво-красной, и кто первый погружался в нее, тот получал исцеление от всякой болезни, какой бы ни страдал. Такое целебное свойство источника привлекало к нему множество больных, для которых и устроено было пять входов в купальню в виде коридоров; здесь больные ожидали возмущения воды.

Купальня эта называлась Домом милосердия или милости Божией, так как только благодаря милости Божией к народу она имела такое чудесно-целебное свойство.

Некоторые толкователи хотели объяснить свойствами самой воды целебную силу купальни. Но если бы эта вода действительно была целебная по составу своему, то ею пользовались бы постоянно, не ожидая, когда она помутнеет, а если бы природные целебные свойства появлялись в ней только тогда, когда она становилась мутной, то почему же не все погружавшиеся в нее получали исцеление, а только первый? Признавая, таким образом, невозможным объяснить происходившие по временам исцеления природными свойствами воды этой купальни, следует согласиться с Евангелистом, сообщившим нам свое и своих современников убеждение, что возмущение воды производилось ангелом и, конечно, по повелению Божию.

Когда Иисус подошел к этой купальне, то увидел больного, страдавшего тридцать восемь лет, и спросил его: «Хочешь ли быть здоровым?»

Больной, очевидно, не знал, что перед ним стоит Мессия-Христос, иначе он просил бы Его об исцелении. Но он только объясняет Иисусу, как обыкновенному человеку, причину своих неудач.

«Хочу, Господи (отвечал расслабленный); но горе мое в том, что сам не в силах скоро погрузиться в воду, и некому мне помочь: каждый раз, как только я пытаюсь войти в купальню, кто-нибудь предупредит меня и войдет прежде, чем я успею собраться с силами».

Сжалившись над безвыходным положением несчастного, Иисус сказал ему: **встань, возьми постель твою и ходи.**

Исцеление произошло мгновенно; больной встал, взял постель, на которой лежал, и пошел. Было же это в день субботний.

Обвинение фарисеями Иисуса в нарушении закона о субботе

Иудеи (так называет Евангелист Иоанн фарисеев, саддукеев, старейшин, членов синедриона и вообще евреев, власть имущих, составивших партию, враждебную Иисусу) много раз видели расслабленного, страдавшего тридцать восемь лет; но они не удивились, не порадовались, когда увидели его здоровым, не спросили: как это случилось? Их возмутило, что он осмелился нарушить субботний покой несением своей постели, и они тотчас же сделали ему замечание.

Исцеленный пристыдил их, сказав: **«Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи** (Ин. 5, 11). Кто имел власть освободить меня от тридцативосьмилетнего недуга, Тот несомненно мог и приказать мне нести в субботу мою постель; если это, по-вашему, грех, то спросите у Того, Кто мне это сказал».

Враги Христовы надменно спрашивают у исцеленного: **«Кто Тот Человек, Который осмелился разрешить тебе нести постель в субботу?»** Они не спрашивают: **«Кто тебя исцелил?»** Хотя они и не присутствовали при исцелении этого расслабленного, но догадывались, что Исцелителем должен быть Иисус из Назарета, и потому не хотели даже говорить об этом.

Исцеленный не мог удовлетворить любопытство вождей народных, потому что раньше не знал Иисуса; не мог и указать на Него, потому что Иисус скрылся, то есть вошел в находившуюся около купальни толпу народа.

Исцеленный пошел в храм благодарить Бога за дарованную милость. Там встречает его Иисус и предупреждает, чтобы он не грешил, так как от этого с ним может случиться худшее того, что было.

Второму расслабленному Иисус говорил, что болезнь его происходит от грехов. Каковы были грехи этих расслабленных — неизвестно, но несомненно, что многие болезни происходят от невоздержанного образа жизни, от таких поступков, которые считаются грехами, и что возобновление прежнего образа жизни после выздоровления, повторение прежних поступков, влечет за собой нередко возобновление болезни в сильнейшей степени. Впрочем, очень может быть, что словами — **чтобы не случилось с тобою чего хуже** (Ин. 5, 14) — Иисус дает ему понять о наказании, какое может последовать для него в этой же жизни, если он опять начнет грешить.

Намерение их убить Иисуса

Узнав своего Исцелителя, бывший расслабленный сейчас же объявил о том Его врагам, но сделал это не с злым намерением, не для того, чтобы предать своего Благодетеля: он думал, что, указывая на Иисуса как на Свершившего на нем такое чудо, он привлечет к Нему и врагов Его. Но он ошибся. Чем более чудес совершал Иисус, тем сильнее разгоралась злоба Его врагов, тем безумнее жаждали они Его крови. Придираясь к тому, что бывший расслабленный нес свою постель в субботу по повелению Иисуса, они считали это, ужасное по их понятиям, нарушение субботнего покоя достаточным поводом, чтобы убить Иисуса, и только искали случая взять Его потихоньку, не в толпе народа, которая могла заступиться за Него.

Зная их помышления, а может быть, и услышав непосредственно обращенный к Нему укор в нарушении субботы, Иисус признал своевременным объяснить им всенародно, почему Он так поступает.

Отец Мой доныне делает, и Я делаю (Ин. 5, 17), — сказал Иисус. В этих словах содержится вся сущность ответа; дальнейшие слова только развивают, поясняют эту мысль.

Объяснение Иисуса о равенстве своем с Отцом

«Если вы не смеете, — говорит Христос, — обвинять Бога, Моего Отца, в нарушении субботы, зная, что Он действует непрерывно, то не можете обвинять в том же и Меня, потому что Я делаю то, что делает Мой Отец».

Всенародно назвав Бога Своим Отцом и Себя Сыном Божиим, равным Ему, Иисус дал Своим врагам

новый повод обвинять Его и искать случая убить Его. Зная их помышления, зная их упорство в заблуждениях, Иисус все-таки хотел убедить их в истинности Своих слов, хотел спасти их.

Не желание оправдаться перед ними, а безграничная любовь к людям и даже к врагам Своим, врагам, за которых Он перед смертью Своей молился: **Отче! прости им, ибо не знают, что делают** (Лк. 23, 34), — вызвала дальнейшие объяснения.

Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя (Ин. 5, 19). Слова эти, еще в первые века христианства, подали Арию, Евномию и другим еретикам повод утверждать, что Сын не обладает властью, равной власти Отца, и что потому Он не единосущен, а подобосущен Отцу. Но мнение это опровергается другими изречениями Иисуса и самими действиями Его, не оставляющими ни малейшего сомнения в том, что Он имеет не служебную власть подчиненного Лица, а равную, тождественную власти Отца. Например: исцеляя расслабленного, Иисус сказал: **Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи... тебе говорю: встань...** (Лк. 5, 24); воскрешая мертвого сына вдовы Наинской, Он сказал: **юноша! тебе говорю, встань!** (Лк. 7, 14); укрощая бурю на море, Он сказал ветру и морю: **умолкни, перестань** (Мк. 4, 39). Словом, в каждом совершенном Иисусом чуде и во всех словах Его проявлялась божественная власть самостоятельно. Апостолы, совершая чудеса, совершали их именем Иисуса Христа, и не скрывали этого, а, напротив, громогласно объявляли, что не своей силой действуют; например, Апостол Петр, исцеляя хромого от рождения, сказал ему: **во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи** (Деян. 3, 6). Иисус же совершал чудеса всегда Своим Именем, Своей властью. Но, дабы не могли подумать, что эта власть не имеет ничего общего с властью Бога-Отца, Он объясняет теперь иудеям Свое единосущие с Отцом, и начинает это объяснение словами: Я ничего не могу творить Сам от Себя, отдельно от Отца, вопреки Его воле, то есть того, чего не сделал бы Он Сам. Эти слова Иисуса Иоанн Златоуст объясняет так: «Он не делает ничего противного Отцу, ничего чуждого Ему, ничего несообразного» (Беседы на Евангелие от Иоанна. 38, 4). Под словами — **не может творить** — Григорий Богослов понимает безусловную невозможность для Сына творить то, чего не творит Отец (Григорий Богослов. Творения. Ч. 3. Слово 30).

Эта безусловная невозможность для Сына творить то, чего не творит Его Отец, подтверждается дальнейшими словами Иисуса: **что творит Он, то и Сын творит также** (Ин. 5, 19). А это «означает равенство и как бы действие *одной* воли, власти и силы» (Златоуст. Там же).

В Своих проповедях Иисус нередко брал примеры из обыденной жизни человеческой, чтобы тем скорее привести слушателей к пониманию высказываемых Им истин. Так и в данном случае, Он берет пример из жизни дружной семьи, где отец, любя сына, показывает ему все, что сам делает, дабы и сын делал то же, — где сын, любя отца, не позволит себе сделать того, чего не сделал бы отец, — где, вследствие этого, устанавливается такое единство между ними, какое указывает как бы на то, что они действуют единым разумом и единой волей. Поэтому Иисус и говорит: **Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам.**

Непризнающие единосущия Сына с Отцом говорят, что если Сын творит то, что творит Отец, только потому, что Отец показывает Сыну все, что творит Сам, — что если Сыну нужно учиться у Отца, то равенства между Ними нет и не может быть. Но такое возражение основано единственно на выхватывании отдельных выражений из целой речи, на нежелании согласовать эти выражения с последующими и с общим смыслом речи. Вслед за этими словами Иисус говорит, что **Сын оживляет, кого хочет**, точно так же, как и **Отец воскрешает... и оживляет** (Ин. 5, 21), кого хочет; слова — **кого хочет** — означают равенство власти. Поэтому и слова — **показывает Ему все** — несколько не умаляют власти Сына, но лишь доказывают, что Сыну ведомо все, что творит Отец, — что из творений Отца ничто не может быть скрыто от Него, ничто не может остаться как бы непоказанным Ему.

И покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь (Ин. 5, 20). Много великих дел, много чудес совершил уже Иисус; но предстояло еще воскрешение мертвых и Воскресение Самого Иисуса, то есть такие дела, которые заставят удивиться даже и их, фарисеев, упорствующих в неверии.

Они увидят, как Иисус будет воскрешать мертвых, как будет словом Своим оживлять, возрождать духовно умерших. А если Сын оживляет и воскрешает так же, как и Отец, то, конечно, Они обладают единой властью.

«В словах — **так и Сын оживляет, кого хочет** — выражение **кого хочет** указывает довольно ясно, что речь идет собственно о духовном возрождении или воскресении силой и властью Сына, ибо последнее всеобщее воскресение будет воскресение *всех*, а не тех только, кого Сын хочет воскресить» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3, 5).

Выражение — **Сын оживляет, кого хочет** — может подать повод к следующему вопросу: если Сын возрождает духовно не всех, а только кого хочет, то чем же виноваты те, которых Сын не захотел возродить, оживить? За что же они будут лишены жизни вечной? Но этот вопрос опять является следствием выхватывания отдельных выражений из целой речи и желанием объяснить их, не сообразуясь с общим смыслом ее. Иисус хотел оживить, духовно возродить, оживотворить Своим учением *всех*, а не избранных только; это доказывается всей евангельской историей. К кому не успел Иисус лично обратиться с призывом возрождения, к тем послал Своих Апостолов. **Идите по всему миру, — сказал Он, — идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам** (Мк. 16, 15, Мф. 28, 19–20). Поэтому следует признать, что выражение **кого хочет** употреблено Иисусом лишь для показания равенства Своей власти с властью Отца, как новое доказательство истинности той мысли, которая составляет содержание всей речи.

Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну. В позднейших беседах Господь говорил, что будет судить весь род человеческий при Втором Пришествии Своем, а что в настоящее время Он пришел не судить грешников, а спасать; да и судить-то их теперь не предстоит никакой надобности, потому что каждый осуждает сам себя: кто верует в посланного Богом Христа, тот оправдан, а кто не верует, тот сам произносит над собой приговор. Следовательно, говоря, что Отец весь суд отдал Сыну, Христос говорил о будущем Страшном Суде.

Дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Все эти внешние проявления власти Сына, тождественной с властью Отца, должны вызвать, как необходимое следствие, такое же поклонение верующих Сыну, какое присуще Отцу. Отец и Сын единосущны; поэтому **кто не чтит** (то есть не признает Богом) **Сына, тот не чтит и Отца.**

Несколько позднее, на просьбу Апостола Филиппа — **Господи! покажи нам Отца, — Иисус ответил: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца... Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?** (Ин. 14, 8–10).

«Поэтому, — говорит Христос, — **верующий в Бога, Пославшего Меня, и слушающий** (и исполняющий) **слово Мое**, исполняет волю Пославшего Меня, и через это приобретает, **имеет жизнь вечную**; и так как он прямо **перешел от** разобщения с Богом к единению с Ним, от нравственной **смерти** к духовному воскресению, прямо вошел **в жизнь вечную**, то не подлежит уже осуждению, потому **и на суд не приходит**».

Время это наступает, да оно уже и настало: бывшие до сих пор мертвыми духовно слышат голос Сына Божия, слышат Его учение и, приняв это учение, нравственно оживут, духовно воскреснут к новой жизни, ибо Сын есть источник жизни, как и Отец.

Блаженный Феофилакт полагает, что в данном случае, говоря о мертвых, которые услышат глас Сына

Божия и оживут, Христос говорил о тех мертвых, которых потом воскресил: о сыне вдовы Наинской, о дочери Иаира и о Лазаре (Блаженный Феофилакт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Глава 5). Но мне кажется, что здесь речь идет не об умерших в буквальном значении этого слова, а о мертвых духовно, о тех духовно почивших, которые возродятся, оживут духовно, услышав новое учение о любящем и всепрощающем Боге и о самоотверженной любви к ближним, даже к врагам. К такому именно пониманию слов Господа об оживлении мертвых приводит нас выражение Его, что время для такого оживления (возрождения) **настало уже** (Ин. 5, 25), настало с тех пор, как люди слышали проповедь Самого Сына Божия. О воскрешении Им мертвых, находящихся в гробах, то есть умерших телесно, говорится в следующих 28 и 29-м стихах, а не в 25-м, который мы сейчас толкуем.

Следующие два стиха, 27 и 28-й, Иоанн Златоуст читает не так, как они приведены в славянском и русском переводах. Чтение его, заимствованное от Павла Самосатского, удобопонятнее и вполне соответствует общему смыслу речи Иисуса. Он читает их так:

27 И дал Ему власть и суд производить.

28 Не дивитесь тому, что Он есть Сын Человеческий: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Его.

В наших же переводах с греческого сказано так:

27 И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий.

Иоанн Златоуст говорит, что общепринятое чтение «не имеет никакой последовательности. Ибо Он не потому получил суд, что Он есть Человек; иначе что препятствовало бы и всем людям быть судьями? Но потому Он Судья, что Он — Сын Божий. Так как слушателям могли казаться слова Его несовместными, потому что они почитали Его не более как простым человеком, а между тем слова Его были выше человека, даже выше Ангела, и только одному Богу могли быть свойственны, то, разрешая такое недоумение, Он и присовокупляет: "Не дивитесь тому, что Он есть Сын Человеческий: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Его, и изыдут..." Но почему Он не сказал так: "не дивитесь, что Он — Сын Человеческий; ибо Он есть вместе и Сын Божий", а упомянул о Воскресении? Он уже высказал это выше: **услышат глас Сына Божия**. Говоря о таком деле, которое свойственно Богу, этим самым дает слушателям основание заключить, что Он есть и Бог, и Сын Божий» (Свт. Иоанн Златоуст Беседы на Евангелие от Иоанна. 39, 3).

Приспособляясь к понятиям слушателей, дабы скорее вразумить их, Иисус говорит: **«Не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня Отца, и потому суд Мой праведен** (Ин. 5, 30). Если бы все совершаемое Мною Я приписывал исключительно Себе, если бы Я искал славы Себе, а не пославшему Меня Отцу, то вы могли бы обвинять Меня в себялюбии, в стремлении к личной славе и в отсутствии вследствие этого во Мне способности быть беспристрастным, правдивым. Но Я не ищю славы Себе, не говорю, что творю все единственно по Своей воле, не сообразуясь с волей Отца; напротив, Я говорю, что творю то, что творит Мой Отец; **не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня Отца**. Поэтому вы, судя даже вполне по-человечески, должны признать, что Я говорю правду, что **суд Мой праведен»** [\[17\]](#).

Как слышу, так и сужу (Ин. 5, 30). Слова эти толкуют в том смысле, что Иисус вообще судит так, как слышит Отца судящего, то есть так судит, как судит Отец. Но, имея в виду, что все это объяснение с фарисеями клонилось к тому, чтобы доказать им равенство Сына с Отцом, Их единосущие, и что, в подтверждение сего, Иисус ссылался на свидетельство Самого Отца, — Дидон понимает эти слова иначе: «Если бы Я судил о Себе со свойственным людям честолюбием, если бы Я искал славы, то вы могли бы относиться ко Мне недоверчиво; но Я сужу так, как слышу; Я сужу *о Себе*, следуя голосу, который слышу, — голосу Отца Моего, пославшего Меня исполнить волю Его» (Дидон. Иисус Христос. Кн. 2. Глава 7).

Слушая все объяснения Иисуса о Его единосущии с Отцом, фарисеи и книжники уже готовы были сказать Ему: «Кто же поверит Тебе? Ведь Ты Сам свидетельствуешь о Себе, а по закону нашему такое свидетельство нельзя признать истинным: оно требует подтверждение посторонними свидетельствами».

Предвидя такое возражение и как бы предупреждая его, Иисус говорит: «**Если Я свидетельствую Сам о Себе, то, по вашим понятиям, свидетельство Мое не есть истинно** (Ин. 5, 31); и хотя Я не нуждаюсь ни в каких доказательствах истинности Моих слов, тем более не могу ссылаться на людей, как на свидетелей, — но, чтобы спасти вас от упорства в заблуждении, Я сошлюсь на такого свидетеля, которому вы не можете не верить. **Вы посылали к Иоанну** (Ин. 5, 33) избранных из своей среды спросить у него: "Кто ты? Не Христос ли ты?" Если вы считали Иоанна достоверным даже в отношении свидетельства о самом себе, то вы должны признать его достоверным и по отношению к другим. И вот, этот-то свидетель свидетельствовал обо Мне как о Мессии-Христе; и если этот свидетель достоверен, если, таким образом, **истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне** (Ин. 5, 32), то почему же вы не верите Мне? Не потому ли, что вы и Иоанну не верите? **Он был светильник, горящий и светящий** (Ин. 5, 35); вы сначала и порадовались явлению его [\[18\]](#), но ненадолго: светящий светильник осветил ваши дела, которые вы совершали во тьме, и дела эти представились в их настоящем виде; он обличал вас в беззакониях, и вы возненавидели его. **Впрочем Я не от человека принимаю свидетельство... Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня** (Ин. 5, 34, 36). Никто никогда не совершал таких дел, какие Я совершаю; творить их может только Бог; и если Я творю их, то самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют, что Я послан от Бога. Этими делами **пославший Меня отец Сам засвидетельствовал о Мне** (Ин. 5, 37)».

Иоанн Златоуст, толкуя слова Иисуса — **и Пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне**, — говорит, что Отец засвидетельствовал о Сыне при Крещении Его, на Иордане, голосом с неба: **Сей есть Сын Мой возлюбленный** (Мф. 3, 17) (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 40, 3). Блаженный Феофилакт полагает, что Бог засвидетельствовал о Нем во всем Писании, в законе и пророках (Блаженный Феофилакт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Гл. 5).

Но отнести эти слова к Писанию нельзя потому, что о Писании как самостоятельном свидетельстве Иисус говорит после (стих 39); предполагать здесь голос с неба во время Крещения Иисуса тоже нельзя, потому что голос этот слышали только Сам Иисус и Иоанн (см. выше главу о Крещении, с. 140).

Поэтому остается только одно возможное объяснение, относящее эти слова к совершенным Иисусом чудесам. В стихе 36 приведены слова Иисуса: **самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня**; стих же 37 начинается повторением сказанного: **и пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне**. В том и в другом выражении содержится одна и та же мысль: «Дела, творимые Мной, свидетельствуют, что Отец послал Меня, и так как дела эти **дал Мне совершить Отец**, то Он Сам этими делами и свидетельствует обо Мне. В них, в этих делах, творимых Мной, Он являлся вам и говорил с вами; но вы не поверили Тому, Кого Он послал совершить их, и потому вы были глухи и не слышали голоса Его; вы были слепы и не видели явления Его; для вас чуждо, непонятно слово Его; оно не оставляет в ваших сердцах никакого следа».

Слова — **а вы... гласа Его никогда не слышали** (Ин. 5, 37) — подтверждают наше мнение о том, что голос Бога, раздавшийся как бы с неба при Крещении Иисуса, слышали только Иоанн Креститель и Иисус Христос (см. выше, с. 141).

«Но если вы не верите ни Иоанну, ни чудесам, совершенным Мной, ни свидетельству Отца Моего о Мне, то вы все-таки веруете в Писания и через них думаете иметь жизнь вечную. **Исследуйте же Писания, и увидите, что они свидетельствуют о Мне** (Ин. 5, 39)».

Раввины учили, что если кто (конечно, из евреев) усвоит слова закона, то тем приобретает себе жизнь будущего века. Поэтому Иисус и говорит фарисеям, что они через Писания думают иметь жизнь вечную. Но так как они потеряли ключ к разумению Писания, перестали понимать, что все Писание заключается в обещании Бога послать в мир Искупителя, а также в ожидании Его явления, то они и не могут рассчитывать на жизнь вечную. **Вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь вечную** (Ин. 5, 40).

«Не подумайте, что Я ищу у вас славы человеческой; ведь Я знаю вас; Я знаю, что вы не любите Бога, что вы любите только себя. Любя исключительно себя, вы не принимаете тех, которые обличают вас; так, вы не приняли Иоанна, не принимаете и Меня, пришедшего во имя Отца Моего. Но, если кто придет во имя свое, не по повелению Божию, и будет лстить вам, того вы примете, того будете прославлять. Я знаю, что вы дорожите славой людской, взаимным самовосхвалением более, чем той неземной славой, какой может прославить только Бог; при такой испорченности ваших душ вы и не можете веровать в Меня».

Вся эта беседа не что иное, как открытое объявление Иисусом Своего равенства Отцу, открытое объявление Себя Сыном Божиим. И проведена она Иисусом вполне спокойно, бесстрастно, без малейшего желания возвеличить Себя, но с единственной целью вразумить заблуждавшихся фарисеев, что истинный Мессия должен быть Сыном Божиим, а не царем-завоевателем, и что Он, Иисус, и есть этот Мессия, Сын Божий. И доводы, приведенные для убеждения фарисеев в этой истине, строго логичны. Чудеса может совершать только Бог; в этом никто не сомневается. А так как Он, Иисус, совершает их, следовательно, Он равен Богу, и потому нет никаких оснований не признавать Его Сыном Божиим.

Сознавая логичность этих доводов и не смея отвергать совершения Иисусом чудес, фарисеи несколько позже придумали кощунственное возражение Господу и стали распускать в народе слух, что Он совершает чудеса не божественной властью, а силой дьявольской (Мф. 12, 24; Мк. 3, 22; Лк. 11, 15).

Упорные книжники не убедились доводами Иисуса. Они не отвергали Писания, но потеряли способность понимать его; они ждали не такого Мессию, который будет их обличать и ставить ниже мытарей, а такого, который оценит их по достоинству и поставит их в своем царстве выше всех. Они ждали такого Мессию, который **придет во имя свое** (Ин. 5, 43) и будет действовать от своего имени. Они отвергли поэтому Иисуса, пришедшего во имя Отца Своего, от Бога.

Непреклонное упорство книжников могло бы возмутить всякого человека; но кроткий и всепрощающий Иисус не возмутился. Уходя от них, Он все еще хотел вразумить их и с грустью сказал: **«Не думайте, что за такое упорство ваше Я буду обвинять вас пред Отцем** (Ин. 5, 45) Моим; вас будет обвинять Моисей, на которого вы надеетесь. Он писал обо Мне, и если бы вы верили ему, то поверили бы и Мне. Но вы не верите и Моисею; вы никому не верите; как же вам верить Моим Словам?»

После этого объяснения (тотчас или же вскоре, Евангелист не говорит) Иисус ушел из Иудеи в Галилею.

ГЛАВА 11. Возвращение Иисуса в Галилею.

Исцеление сухорукого. Учение о значении субботы

Возвращение Иисуса в Галилею

Недолго Иисус пробыл в Иерусалиме. Евангелист Лука говорит, что в первую субботу по второму дню пасхи Он проходил засеянными полями. Возвращаясь ли в Галилею или придя уже туда шел Иисус полями, — неизвестно и несущественно; для нас важно указание Евангелиста Луки на то, что это произошло в первую субботу по второму дню пасхи.

Пасха праздновалась евреями 14-го числа первого весеннего лунного месяца, нисана, в какой бы день недели ни приходилось это число. 14-го нисана вечером ели пасху; второй день пасхи, с вечера 15-го нисана, был праздник опресноков; опресноки ели семь дней. Пасха совпадала со временем жатвы хлеба; по закону Моисея, на другой день праздника пасхи надлежало приносить священнику первый сноп жатвы, а до этого дня воспрещалось есть новый хлеб и зерна, сырые и сушеные (Лев. 23, 5–6, 10–11, 14).

Таким образом, если Иисус был уже в первую субботу после второго дня пасхи вне Иерусалима, значит, Он пробыл этот раз в Иерусалиме весьма недолго.

Обвинение Фарисеями учеников Иисуса в нарушении закона о субботе (срывании колосьев)

Примечательно, что фарисеи почти везде и всегда следовали за Иисусом, следя за каждым Его шагом и придираясь ко всякому нарушению их обычаев и преданий. Следовали они за Иисусом и теперь, и когда увидели, что проголодавшиеся ученики Иисуса срывали колосья, растирали их руками и ели зерна, то тотчас же заметили Иисусу: **«Смотри, что Твои ученики делают в субботу»**.

По Евангелию Луки, **некоторые** из фарисеев сказали не Иисусу, а ученикам Его: **зачем вы делаете то, чего не должно делать в субботу?** (Лк. 6, 2). По Евангелиям же Матфея и Марка, с таким упреком фарисеи обратились к Иисусу. В этом нет никакого противоречия: надзор фарисеев (если можно так выразиться) за всем, что совершали Иисус и Его ученики, был настолько силен, а озлобление против Иисуса так страстно, что удивительно было бы, если бы **некоторые** из сопровождавших Иисуса фарисеев не обратились с укором непосредственно к ученикам Иисуса, после или прежде обращения *всех* фарисеев с укором к Самому Иисусу. Два Евангелиста записали вопрос, обращенный к Иисусу, а третий — вопрос ученикам; поэтому повествования всех трех вполне достоверны.

Фарисеи обвиняли учеников Иисуса только в нарушении субботы, так как они прекрасно знали, что после второго дня пасхи дозволялось есть хлеб и зерна нового урожая [\[19\]](#); знали они также, что вообще дозволялось срывать колосья с чужой жатвы руками, но только не серпом (Втор. 23, 25).

Объяснение Иисуса по этому поводу и ссылка его на случай с Давидом

Фарисеи упрекнули Иисуса в нарушении субботнего покоя. Иисус же объясняет им, что они, строгие ревнители Писания, обнаруживают полное непонимание его. **«Неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда, будучи голоден, вошел в храм и ел хлебы предложения, которых никто, кроме священников, не должен был есть?»**

Хлебами предложения назывались двенадцать хлебов, которые клались каждую субботу на особом столе, сначала в скинии, а после в храме, **пред Господом от сынов Израилевых** (Лев. 24, 5–9); эти хлебы как бы предлагались Тому, перед Кем были положены, и потому получили название хлебов предложения. Каждую субботу их сменяли новыми хлебами, а снятые должны были есть священники на том **святом месте**, где они были положены (Лев. 24, 9).

В Первой книге Царств, в главе 21, сказано, что Давид, гонимый Саулом, пришел в Номву (где тогда была скиния) к священнику Ахимелеху и просил у него хлеба для утоления мучившего его и спутников его голода. У священника не было простого хлеба, и потому он дал Давиду хлебы предложения.

Передавая слова Иисуса, Евангелист Марк называет Авиафаром того первосвященника, при котором Давид ел хлебы предложения, тогда как в книге Царств он называется Ахимелехом. Эту неточность Евангелиста в передаче слов Иисуса объясняют тем, что Авиафар был сыном и преемником первосвященника Ахимелеха, а также другом Давида; при жизни еще своего отца Авиафар помогал ему в исполнении обязанностей первосвященника, а по смерти его был так долго первосвященником при царе Давиде, что при имени царя Давида невольно вспоминалось имя Авиафара, как современного ему первосвященника. Во всяком случае, исторически верно то, что Давид вошел **в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения** (Мк. 2, 26).

Если мучения голода, которые испытывал Давид, заставили первосвященника нарушить закон о хлебах предложения, — если, таким образом, помощь ближнему в нужде выше соблюдения буквы закона, как милость выше жертвы, — то и ученики Иисуса, утоляя свой голод зернами из срываемых колосьев, могли нарушить закон субботнего ничегонеделания в том его виде, как понимали фарисеи. А что фарисеи неправильно понимали этот закон, — что в нем вовсе не содержится безусловного воспрещения что-либо делать, это Иисус разъяснил указанием на священников, которые в храме по субботам совершают священнодействия и жертвоприношения, убивают жертвенных животных, снимают с них кожу, готовят их для принесения в жертву и сжигают, **однако невиновны** (Мф. 12, 5) в нарушении субботнего покоя? Если служители храма невиновны в том, что нарушают покой субботнего дня, то тем более невиновны служители **Того, Кто больше храма** (Мф. 12, 6).

У фарисеев нет милосердной, сострадательной любви к ближним, какой требует Бог; все их внимание направлено на одни только жертвы, священнодействия и установленные преданием обычаи. Если бы они понимали, что сострадательная любовь к голодному выше всех преданий, обычаев и жертв, то они не осудили бы голодных, срывающих колосья в субботу. Поэтому, Иисус и говорит им: **если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных** (Мф. 12, 7).

Недавно еще, после посещения мытаря Матфея, Иисус объяснял фарисеям, что значит: **милости хочу, а не жертвы** (см. с. 241). Быть может, и теперь между фарисеями были некоторые из тех, которым Иисус сказал тогда: **пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы?** (Мф. 9, 13). Они, как видно, не научились понимать смысл этого изречения. Поэтому Иисус и говорит им теперь: «Если бы вы знали, если бы вы понимали, что Богу не нужны ваши жертвы, посты и омовения, а нужна любовь к ближним, милосердие к ним и добрые дела, то вы не осудили бы Моих учеников; но вы не понимаете даже того, что не человек создан для соблюдения субботы, а суббота дана, установлена для человека».

Объяснение значения субботы

Фарисеи перестали понимать, что суббота дана человеку для достижения высших нравственных целей, для успокоения от трудов, забот и треволнений житейских, — для того, чтобы хотя раз в неделю он мог отвлечься от суеты мирской, вспомнить все совершенное им в истекшие дни, осудить себя за дурные дела и за отсутствие или малое количество хороших, каяться и молиться, и проявлять свою любовь к ближним на деле, творя добрые дела. Они забыли, что человек вообще выше субботы, и что нельзя приносить в жертву букве закона то, что составляет цель и назначение человека.

Но в данном случае перед ними стоял Тот, Который властен и отменить ветхозаветную субботу, Который **есть господин и субботы** (Мк. 2, 28).

Исцеление Иисусом в субботу сухорукого

И, отойдя оттуда, вошел Он в синагогу их (Мф. 12, 9). Так говорит Евангелист Матфей; Евангелист Марк говорит: **И пришел опять в синагогу** (Мк. 3, 1); в Евангелии же Луки сказано: **Случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить** (Лк. 6, 6). Таким образом, нельзя с точностью определить, в какую субботу Иисус исцелил сухорукого: в ту ли самую, в какую ученики Его срывали колосья, или в другую. Из Евангелия Луки видно, что это было в другую субботу, а из Евангелия Матфея можно заключить, что в ту же самую субботу. Евангелисты вообще не придавали особого значения точному обозначению времени, в какое совершались описываемые ими события. Из того же обстоятельства, что Лука писал свое Евангелие после Матфея и Марка, имея, конечно, под руками их Евангелия, можно заключить, что Лука употребил выражение — **в другую субботу** — для того, чтобы пояснить неопределенное выражение Евангелиста Матфея — **и отойдя оттуда**. С другой стороны, последовательность рассказа выигрывает, если признать, что Иисус прямо с поля пришел в синагогу, в сопровождении тех же книжников и фарисеев.

Иисус уже исцелил в субботу расслабленного, лежавшего около купальни, и имел по этому поводу объяснение с книжниками и фарисеями. Поэтому, если теперь при виде сухорукого, ожидавшего исцеления, книжники и фарисеи спросили Иисуса: **Можно ли исцелять в субботы?** (Мф. 12, 10) — то, очевидно, это были не те книжники и фарисеи, с которыми объяснялся Иисус в Иерусалиме. Книжников и фарисеев было много по всем местам, населенным евреями; поэтому мы видим, что куда бы ни пошел Христос, они всюду следуют за Ним, хотя далеко не всегда в том же составе. Явление Иоанна с призывом к покаянию, а затем и явление Иисуса Христа, должны были сплотить эту враждебную Христу партию евреев; они считали, что им всем угрожает одинаковая опасность потери влияния на народ, поэтому они везде действовали единодушно, как бы сговорившись. Везде и при всяком случае они хотели обличить Иисуса в несоблюдении закона, обычаев и преданий, а так как, по закону Моисея, подобный нарушитель подлежал смерти, то им и казалось возможным избавиться от своего Обличителя обычным для евреев путем.

Они сначала наблюдали — не исцелит ли Иисус сухорукого в субботу, но, по-видимому, прошло некоторое время ожидания; вероятно, в это время Иисус учил находившихся в синагоге; фарисеи не вытерпели и спросили Иисуса: **можно ли исцелять в субботы?** Они не сомневались, что после такого вопроса Иисус обратит внимание на сухорукого и непременно исцелит его, то есть нарушит покой субботы, а этого только они и добивались.

Продолжение объяснения о значении субботы

Зная, с какой целью фарисеи предложили Ему этот вопрос, **зная помышления их** (Лк. 6, 8), и желая объяснить им, что не грешно делать добрые дела в субботу, Иисус приказывает сухорукому стать посреди синагоги, чтобы все могли видеть его, и обезоруживает фарисеев вопросом: **что должно делать в субботу? добро, или зло? спасти душу, или погубить?** (Лк. 6, 9). Они молчали, не успев подыскать *фарисейского* ответа на вопрос.

Они молчали и тем как бы показывали, что не понимают вопроса. Тогда Христос выражает Свою мысль в самой понятной для них форме. Они не знают, можно ли спасти человека в субботу; так пусть же корыстолюбие их подскажет им, можно ли спасти в субботу погибающее животное, принадлежащее им? Поэтому Иисус и спрашивает, кто из них не вытащит в субботу свою овцу, попавшую в яму? Они молчат, но сознают, что такого между ними не найдется.

А если так, если овцу можно вытащить в субботу из ямы, то ведь человек же лучше овцы! Возможно ли не спасти его в субботу? Итак, вы понимаете, вы сознаете, что если добрые дела надо делать всегда, то, конечно, и в субботу *можно* делать добро.

Для того же, чтобы доказать им, что *должно* творить добро в субботу, Он тотчас же всенародно исцелил сухорукого одним словом Своим.

Казалось бы, и каменные сердца должны были расплавиться при таких словах и чудесах; но у фарисеев сердца были крепче камня. Они пришли в страшное негодование, которое Евангелист Лука называет бешенством. Да это и было бешенство их; такое состояние духа иначе нельзя назвать, как бешенством, потому что только бес, только злой дух мог поступать так, как они; то есть они могли поступать так только потому, что допустили злого духа овладеть их волей, их разумом.

Беснуясь, они вышли из синагоги и вступили в союз с иродянами, чтобы погубить Иисуса. Иродянами называли приверженцев Ирода Антипы. Фарисеи и иродяне ненавидели друг друга, и если соединились для преследования одной цели, то, конечно, лишь вследствие того, что фарисеи выставили Иисуса как опасного для власти Ирода проповедника.

Евангелист Марк говорит, что Иисус *воззрел на них* (то есть фарисеев и книжников) **с гневом, скорбь об ожесточении сердец их...** (Мк. 3, 5).

Слова Евангелиста — **с гневом** — дают повод некоторым полагать, что Иисус разгневался на книжников и фарисеев. Но так ли это? В чем же выразился гнев Его? Евангелист говорит, что гнев Иисуса выразился лишь взглядом; но он же добавляет, что во взгляде этом видна была *скорбь* об ожесточении сердец фарисеев и книжников. А разве может быть гнев там, где скорбь? Чувства эти не уживаются вместе; они разного духа. Но как же объяснить в таком случае слова Евангелиста? Ведь мы же признаем и доказываем, что Евангелисты говорят правду? Нам кажется, что слова Евангелиста — **воззрев на них с гневом** — можно объяснить лишь тем впечатлением, какое произвело на учеников Иисуса выражение Его лица в то время. Мы имеем достоверные свидетельства о том, что Иисус всегда сохранял серьезное выражение лица, что Он никогда не смеялся, но часто плакал. При разговоре Иисуса с фарисеями и книжниками, ученики Его, конечно, пылали гневом против них; да и нельзя было обыкновенному человеку спокойно видеть их упорство. Вот почему они, сами гневно смотря на врагов своего Учителя и видя хотя скорбящее, но строгое лицо Иисуса, могли строгое выражение лица Его принять за гневное, думая по-человечески, что и Он не может не гневаться. Это — их впечатление, это — их предположение; но скорбь Иисуса и отсутствие каких-либо внешних проявлений Его гнева заставляют нас признать, что и в данном случае, как и всегда, Он был чужд этого осужденного Им чувства.

Из синагоги Иисус пошел к морю (Галилейскому); Его сопровождали ученики Его и множество народа, собравшегося не только из окрестных мест Галилеи, но и из Иудеи и Переи (находившейся на восток от Иордана), и даже из языческих стран: Тира, Сидона и Идумеи. В этой толпе было много больных; все они хотели исцелиться, все нетерпеливо спешили поближе подойти к Иисусу, обратить на себя Его внимание или просто хотя бы прикоснуться к Нему; многие из них бросались к ногам Его, теснили Его, и тем вынудили распорядиться, чтобы готова была лодка, в которую Он мог бы сесть, отплыть немного от берега и учить стоявший на берегу народ.

Пока подходил Иисус к морю, Он исцелил всех больных, находившихся в сопровождавшей Его толпе, **и запретил им** (то есть исцеленным) **объявлять о Нем.**

В этой кротости Иисуса, смирении Его и отсутствии в Нем тщеславия Евангелист Матфей видит подтверждение слов пророка Исаяи, изображающего характер ожидаемого Мессии (Ис. 42, 1–4): **Се, Отрок Мой, Которого Я избрал...**

И возвестит народам суд. **Суд**, в переводе с еврейского, означает *правду*; поэтому, выражение — **возвестит народам суд** — может означать: возвестит народам (всем народам, а не одним только евреям) правду, правду о Боге, о назначении людей и о вечной жизни их в Царстве Небесном, то есть возвестит ту правду, ту истину, которая теперь известна нам из Евангелия.

Никто не услышит на улицах голоса Его. Он не будет, подобно фарисеям, выступать со Своей

проповедью на шумных улицах и городских площадях, Он не будет искать Себе славы, и голоса Его там не услышат.

Слова пророка: **трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит** — Иоанн Златоуст объясняет так: удобно было Христу переломить их всех (то есть врагов Своих) как трость, притом уже надломленную; удобно было Ему воспламенившийся гнев иудеев погасить, как лен курящийся; но Он не захотел этого и тем доказал Свою величайшую кротость (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 40, 1).

Доколе не доставит суду победы. Таким смиренным и кротким образом действий. Он достигнет-таки того, что правда восторжествует, Он доставит правде победу, **и на имя Его будут уповать все народы.**

ГЛАВА 12. Избрание двенадцати Апостолов.

Нагорная проповедь

Избрание апостолов

Прошло более года с тех пор, как Иисус вышел из Своего назаретского уединения и стал проповедовать новое учение. За это время, проповедуя в Иудее и Галилее, Он, несомненно, высказал перед Своими слушателями все, что необходимо людям для спасения. Он всенародно проявил и всеведение Свое, и всемогущество, и богосознание Свое. Он показал Своим врагам, что Ему ведомы даже помышления их; Он совершал Своей властью, не обращаясь за помощью к Богу, такие чудеса, каких никто, кроме Бога, не может совершать; наконец, Он открыто называл Себя Сыном Божиим, равным Отцу (Ин. 5, 18). Словом, Христос высказал перед Своими слушателями все, что надлежало им знать лично о Нем, и подтвердил сказанное особыми знаменами (доказательствами), дабы они могли уверовать в Него и принять слово Его за безусловную истину. Убеждая слушателей Своих в истинности всего сказанного Им, Он объяснял им, что проповедует не Свое, как Человека, учение, но то, что слышал от Отца Своего, что заповедал сказать пославший Его Отец. Наконец, Он открыл людям тайну их бытия и объяснил им, *зачем* они живут. Но все это надо было знать не одним только евреям. Сын Божий сошел с небес для спасения *всех* людей; слово Его должно было быть проповедано всем народам земли, а для этого необходимы были проповедники, которые усвоили бы все учение Его и, с верой в Него как Сына Божия, пронесли бы это учение по всему миру. Надо было выбрать таких проповедников, научить их и послать на проповедь, да и самих проповедников сделать достойными возлагаемого на них поручения, сделать верующими и убежденными проповедниками, у которых слово не расходилось бы с делом, которые на себе осуществляли бы все, чему будут учить других. И Господь решил избрать таких проповедников и подготовить их к предстоящему им трудному делу.

Проводя нередко ночи на какой-нибудь горе или в пустынном месте, Христос молился и в молитве Своей беседовал с Отцом Своим. Так и теперь, перед предстоявшим избранием проповедников Своего учения, **взошел Он на гору... и пробыл всю ночь в молитве к Богу** (Лк. 6, 12).

Когда же настал день, Иисус призвал учеников Своих. Евангелист Марк поясняет, что Иисус **позвал** учеников к Себе на гору не всех, а **кого Сам хотел** (Мк. 3, 13). Из призванных на гору учеников Он избрал двенадцать и назвал их Апостолами.

Апостол — слово греческое, в переводе на русский язык — *посланник*. Назначение избранных двенадцати учеников — быть посланными на проповедь, поэтому Иисус и назвал их посланниками. Но так как, при предстоящей проповеди, от них могли требовать знамения, и знамения в некоторых случаях следовало давать, то Иисус облек их властью исцелять болезни и изгонять бесов.

Некоторые из двенадцати избранных теперь Апостолов были раньше этого избрания призваны Самим Иисусом быть Его учениками, а именно: Симон и брат его Андрей, Иоанн и брат его Иаков, Филипп, Нафанаил (он же Варфоломей) и Матфей (см. с. 170–173 и 239). Остальные только теперь избраны из многих учеников.

Евангелист Матфей умалчивает об избрании двенадцати Апостолов и говорит о них поименно лишь при повествовании об отправлении их Иисусом на проповеди; при этом Апостола Матфея (то есть себя) называет мытарем; Евангелист же Лука говорит и об избрании Апостолов, и говорит согласно с Евангелистом Марком. В наименовании некоторых Апостолов замечается как бы разногласие между Евангелистами, но разногласие лишь кажущееся, объясняемое желанием Евангелистов отличить чем-либо

Апостолов, носивших одинаковые имена. Так, второго Симона Матфей и Марк, в отличие от Симона-Петра, называют Симоном Кананитом, а Лука Зилотом; *зилот* — слово греческое, а *кананит* — перевод этого слова на еврейский язык; поэтому слова *кананит* и *зилот* — однозначные. Второго Симона называли *зилотом* (по-русски — ревнителем), вероятно, потому, что он, до призвания его Иисусом, принадлежал к еврейской политической партии, носившей название *зилотов*, то есть ревнителей самостоятельности и независимости еврейского народа. Про Апостола Леввея Евангелист Матфей говорит, что он был прозван Фаддеем; Евангелист Марк называет его по прозвищу Фаддеем, а Евангелист Лука — Иудой Иаковлевым. Что в числе двенадцати Апостолов было два, носивших имя Иуды, доказывается следующим местом из Евангелия Иоанна: на Тайной Вечери, где, после ухода Иуды Искариота, не было никого, кроме Иисуса и одиннадцати Апостолов, **Иуда — не Искариот, — говорит Ему: Господи! что зло, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?** (Ин. 14, 22). Поэтому Иуду не Искариота, в отличие от предателя, называют: Лука — Иудой Иаковлевым, то есть братом Иакова Алфеева (Деян. 1, 13), Матфей — Леввеем, прозванным Фаддеем, а Марк — просто Фаддеем. Второго Иуду, Искариота, называли так потому, что он происходил из городка Кериота. Слово Искариот считают составленным из двух слов: *иш* — человек и *Кериот* — название города. Апостол Нафанаил всеми тремя Евангелистами назван *по отчеству* Варфоломеем, то есть сыном Фоломея (*вар* — сын). Вот список Апостолов по трем Евангелиям:

Матфей, глава 10	Марк, глава 3	Лука, глава 6
Симон-Петр	Симон-Петр	Симон-Петр
Андрей, брат его	Андрей, брат его	Андрей, брат его
Иаков Зеведеев	Иаков Зеведеев	Иаков Зеведеев
Иоанн, брат его	Иоанн, брат Иакова	Иоанн
Филипп	Филипп	Филипп
Варфоломей	Варфоломей	Варфоломей
Матфей-мытарь	Матфей	Матфей
Фома	Фома	Фома
Иаков Алфеев	Иаков Алфеев	Иаков Алфеев
Леввей, прозванный Фаддеем	Фаддей	Иуда Иаковлев
Симон- Кананит	Симон-Кананит	Симон-Зилот
Иуда Искариот	Иуда Искариотский	Иуда Искариот

Симона Иисус назвал Петром при первом призвании его (Ин. 1, 42); теперь же, вероятно, повторил это название. Иакова и брата его Иоанна, сыновей Зеведеев, Иисус назвал сынами грома, и тем определил особенности их характеров: как сыны грома, они будут проявлять, и в слове и в деле, силу и стремительность. Эти особенности характера они вскоре проявили, попросив у Иисуса позволения свести с неба огонь на не принявших Его в одном самарийском селении (Лк. 9, 54).

Исцеление всех собравшихся больных и бесноватых

Призвав к Себе на гору некоторых (**кого Сам хотел**) из Своих учеников и избрав из них двенадцать, Иисус сошел с ними с горы и **стал на ровном месте** (Лк. 6, 17), окруженный множеством учеников и толпой народа, сошедшегося из разных мест послушать Его и исцелиться; тогда же все ожидавшие исцеления больные и страдавшие от нечистых духов исцелились; исцелились даже те, которые только прикасались к

Иисусу, **потому что**, как удостоверяет Евангелист Лука, **от Него исходила сила и исцеляла всех** (Лк. 6, 19). Что действительно от Иисуса исходила сила, исцелявшая болезни, доказывается Его же словами, переданными нам Евангелистами Марком и Лукой: когда к Иисусу, окруженному толпой народа, прикоснулась, незаметно для окружающих, женщина, страдавшая двенадцать лет кровотечением, то Иисус спросил: **кто прикоснулся к Моей одежде?** (Мк. 5, 30). **Когда же все отрицались... Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня** (Мк. 5, 30; Лк. 8, 45–46).

Объяснение силы сходящей из Иисуса при исцелении больных

Нас могут спросить: «Какая же это сила, которая исходила от Иисуса и исцеляла прикасавшихся к Нему?» Отвечая на это, мы прежде спросим, какая сила исходила от Иисуса, когда Он исцелял словом, когда говорил расслабленному: **«Встань, возьми постель твою и иди»?** Как при исцелении словом нельзя объяснять знакомыми нам силами природы ту силу, которой исцелял Христос, так нельзя теми же силами природы объяснить и исцеление от одного лишь прикосновения к Иисусу. Во всех случаях исцеления больных, а тем более в случаях воскрешения мертвых, действовавшая сила должна быть признана за силу Всемогущего Бога. Этой-то силой обладал Иисус Христос. Судить об этой силе мы можем только по внешним проявлениям ее; но как она действует и почему в одном случае она проявляет свое действие, а в другом случае нет, этого мы не знаем, да и знать не можем. Поэтому, нисколько не сомневаясь в том, что прикасавшиеся к Иисусу получали исцеление от болезней, мы должны признать, что целительной силой в таких случаях была божественная сила Самого Иисуса. А так как мы признаем Христа всеведущим, то, вследствие этого, должны признать, что исцеления от прикосновения к Иисусу происходили с Его ведома и согласно с Его волей; что, помимо Его воли, нельзя было получить исцеления этим путем, нельзя было, так сказать, похитить Его силу. Если же после прикосновения к Нему страдавшей кровотечением женщины Он и спросил: **«Кто прикоснулся к Моей одежде?»**, то не потому, что не знал, кто прикоснулся к Нему, а для того, чтобы этим заставить исцеленную обнаружить перед всеми силу своей веры и тем укрепить веру Иаира, только что просившего об исцелении своей дочери и узнавшего в это самое время, что исцелить ее уже нельзя, что она умерла (Мк. 5, 22–42; Лк. 8, 41–55).

Исцелив всех находившихся тут больных и страдавших от духов нечистых, Иисус взошел на гору, сел и, окруженный Апостолами, учениками и народом, произнес Свою проповедь, известную под названием *Нагорной*.

Проповедь на горе

По сказанию Евангелиста Матфея, вся эта проповедь была произнесена Иисусом на горе в продолжение одной беседы; из сказаний же Евангелиста Луки можно вывести заключение, что различные части этой проповеди были произнесены в разные времена и при различных обстоятельствах; и так как Евангелист Матфей вовсе не имел в виду излагать учение Иисуса Христа в последовательном его развитии, а стремился только правдивым повествованием своим доказать евреям, что Иисус был Тот именно Мессия, о Котором писали пророки, то некоторые толкователи полагают, что Евангелист Матфей соединил в одну проповедь различные поучения Иисуса, сказанные Им в разные времена. Но скорее можно допустить, что Господь произнес Нагорную проповедь в том именно виде, как изложил ее Евангелист Матфей, а затем, при других подходящих случаях, в разные времена, повторял многое из того, что сказал на горе. Последнее объяснение весьма правдоподобно уже потому, что слушатели Иисуса часто менялись, кроме Апостолов и некоторых учеников, неотступно следовавших за Ним, а при перемене слушателей Иисусу, несомненно, приходилось нередко повторять сказанное раньше. Помимо этого, строгая последовательность, с которой в Нагорной проповеди изложено учение Господа, придает самой проповеди значение цельного, вполне законченного поучения, которое, конечно, не могло быть составлено Евангелистом Матфеем из отдельных изречений Иисуса, произнесенных Им в разное время. Если кто и мог привести в систему эти изречения, то

только Сам Господь.

Приступая к изложению Нагорной проповеди, я хочу прежде всего постигнуть настроение той толпы, которая теперь окружила Иисуса.

Моисей в предсмертном прощании своем с народом еврейским заклинал его исполнять в точности волю Божию, объявленную ему в заповедях Господних; и за точное исполнение этих заповедей он обещал все блага земные, долголетие, богатство, счастье, успех во всех делах и, главное, господство над всеми народами: Господь **Бог твой поставит тебя выше всех народов земли. Сделает тебя Господь... главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего, которые заповедуют тебе сегодня** (Втор. 28, 1, 13). В той же прощальной речи своей Моисей призывал на евреев все проклятия, все кары небесные за неисполнение заповедей Господних и предсказал им, что они будут за то рассеяны по всей земле и будут **ужасом... и посмешищем у всех народов** (Втор. 28, 37). Но современные Иисусу евреи, руководимые своими слепыми вождями, забыли последние предсказания Моисея и думали только о господстве над всеми народами земли. Мечтая о господстве над всеми народами, евреи утратили, однако, свою политическую самостоятельность и сделались подвластными язычнику, римскому императору. Они не хотели понять, что в этом подчинении — начало исполнения второй части предсказаний Моисея. Слишком горды они были, чтобы сознаться в этом. Подчинение чужеземному владычеству было настолько ненавистно им, и они так жаждали скорейшего свержения этого ига, что, думая об Избавителе, Спасителе, Утеше Израиля, они невольно возмечтали, что грядущий Избавитель непременно избавит их от политического порабощения и восстановит царство Израиля. Отуманенные такими мечтами, они перестали понимать пророчества о Мессии; они ждали Его как могучего Царя, который не только освободит их, но и отомстит их угнетателям, и поработит им весь мир. Они увлекались даже сказками о том, что Мессия станет на морском берегу в Иоппии и повелит морю выбрасывать жемчуг и все свои сокровища к Своим ногам, что Он оденет народ Свой в багряницу, украшенную драгоценными камнями, и будет питать его манной еще более сладкой, чем та, какая посылалась их предкам в пустыне. Словом, они по-своему мечтали о предстоящем им блаженстве, о счастье в Царстве Мессии; и так мечтали не одни только фарисеи и книжники, но и все евреи; даже уверовавшие в Иисуса, как в Мессию, ждали, что вот Он, наконец, объявит Себя Царем Израилевым.

Общие вопросы о счастье, блаженстве

С такими-то мечтами, с такими-то ложными воззрениями на Мессию они окружили теперь Иисуса. Они думали, что настал конец их страданиям, их унижению, что отныне они будут счастливы, блаженны.

Счастье! Блаженство! Кто не стремился к нему? Кто не хотел быть счастливым? Одни ли евреи мечтали о блаженстве?

Но почему же так мало счастливых? От кого или от чего это зависит? В чем выражается счастье, блаженство людей? Да и есть ли вообще счастье на земле? Могут ли люди быть действительно счастливы, блаженны?

Вот вопросы, которые всегда волновали людей, и к разрешению которых издавна стремились лучшие умы.

Оглядываясь вокруг себя, мы видим, что люди стараются по-своему устроить свое счастье, обуславливая его известными благами: богатством, почестями, властью над ближними, разного рода чувственными наслаждениями и пр.; и каких только усилий не употребляют они в погоне за достижением этих благ! Но, достигая их, тотчас же разочаровываются и с грустью сознают, что счастье не в них. Так в чем же счастье, блаженство? Где оно? Кто же из людей счастлив?

Учение Иисуса о том, что составляет истинное счастье, блаженство

По учению Иисуса Христа, высшее, безусловное счастье, блаженство людей не здесь; оно — в вечной жизни в Царстве Небесном. Счастье же здесь, на земле, в этой нашей мимолетной земной жизни, возможно лишь настолько, насколько эта жизнь служит приготовлением к той вечной жизни. *Здесь* счастливы только те люди, которые ревностно стремятся к достижению постоянного блаженства *там*. Здесь счастливы только те, которые считают себя Божиими работниками и во всем творят волю Его, для которых высший закон — жить по правде Божией. А чтобы стать таким Божиим работником, надо духовно переродиться, надо сознать, что благо не в угнетении ближних, не в создании своего мнимого благополучия за счет их лишений и страданий, а в самоотверженной любви к ним, в труде над избавлением их от страданий и лишений. Из таких-то Божиих работников и составляется Царство Мессии, Царство Божие здесь на земле. Хотя это Царство лучших душ человеческих, в сущности, есть Царство духовное, не от мира сего, однако распространение его на земле, умножение таких Божьих работников, несомненно, отразится и на видимом благополучии людей, и создаст тот золотой век, о котором мечтали еще в древности вдохновенные пророки (Ис. 11, 1—10; Мих. 4, 1—4).

Объяснив в прежних беседах, *зачем* люди живут, Христос учит теперь Апостолов и других слушателей Своих, *как* надо жить, чтобы создать здесь, на земле, Царство Божие, этот потерянный рай, и тем приготовить себе блаженство вечной жизни в Царстве Небесном.

Как надо жить? *Так*, как жил Он, Христос, по Человечеству Своему, как жил Христос-Человек. Об этом Он не раз говорил, указывая на Себя как на Образец доступного нам совершенства. Он говорил: **«Научитесь от Меня** нести иго возлагаемых Мною на вас заповедей; посмотрите на Меня: как **Я кроток и смирен сердцем**; берите пример с Меня, **и найдете покой душам вашим**» (Мф. 11, 28—30; Ин. 13, 15).

Но возможно ли жить так, как жил Христос? Ему легко было исполнять все Свои заповеди потому, что Он был не только Человек, но и Сын Божий, равный Отцу. Мы же, привыкшие грешить, не смеем и сравнивать себя с Ним. Он — недостижимый для нас Образец совершенства.

Необходимость возрождения

Так рассуждают многие, даже и глубоко верующие. И они были бы правы, если бы Христос-Человек хотя бы один раз воспользовался Своей божественной властью, чтобы облегчить Свои человеческие немощи или избавить Себя от страданий. Но ведь мы знаем из Евангелия, что Он никогда не пользовался Своей божественной властью лично для Себя. Мы знаем, что Он как Человек испытывал усталость, нуждался в подкреплении Своих сил пищей и сном; Он томился от жажды, страдал от мучений голода; Он радовался и скорбел, и не всегда Он мог подавить в Себе скорбь, не всегда мог скрыть ее; скорбь Его нередко разрешалась слезами. Он как Человек подвергался искушениям, но всегда побеждал их; и побеждал не божественной властью, присущей Ему как Сыну Божию, а единственно покорностью воле Отца. Покорность эту заповедал Он и нам как могучее средство выходить победителями из борьбы с соблазнами, искушениями. Он как Человек содрогнулся в Гефсиманском саду от представшей мысленному взору Его чаши страданий и молил Отца об отсрочке исполнения Его воли; но и это искушение Он победил покорностью воле Отца, которую выразил в словах: **не Моя воля, но Твоя да будет** (Лк. 22, 42). А когда Он подчинился воле Отца, то страшные физические страдания на Кресте исторгли вполне человеческий вопль Его: **Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?** (Мк. 15, 34), то есть: для чего в такой ужасный час мучительной казни божественная сила Самого Христа, всегда пребывавшая с Ним, не облегчила Его незаслуженных страданий? Да, Христос как Человек исполнял Сам в точности все Свои заповеди; Он жил так, как учил других жить; слово Его никогда не расходилось с делом; божественной властью Своей Он никогда не облегчал Себе несение ига Своих заповедей, и потому Он в Своем Человечестве служит обязательным для нас примером; и *мы должны* жить так, как он жил. Но Сам Христос признавал, что людям, привыкшим грешить, трудно стать сразу совершенными, трудно сразу начать жить так, как Он жил.

Поэтому, не требуя вообще от людей ничего невозможного, Он в Своей Нагорной проповеди учит, как мы должны перевоспитать себя, чтобы исполнение Его заповедей не показалось невозможным или просто трудным. Сначала в так называемых девяти заповедях блаженства Он дает, если можно так выразиться, программу самоисправления, перевоспитания самого себя, и затем уже излагает все Свои заповеди как бы перевоспитанному по этой программе человеку, наглядно показывая, что такому обновленному человеку эти заповеди не могут казаться трудноисполнимыми.

Предложив вниманию читателей эти необходимые пояснения, приступлю теперь к изложению и объяснению Нагорной проповеди.

Исцелив всех больных и одержимых бесами, Господь **взошел на гору** (Мф. 5, 1). Думаю, что Он взошел не на вершину горы, на которой провел всю ночь в молитве, так как в этом не представлялось никакой надобности. **На ровном месте** (Лк. 6, 17), на котором Он находился, исцеляя больных, неудобно было проповедовать: многие из окружавших Его не видели бы и не слышали бы Его; желая же слышать, теснились бы около Него. Надо было выбрать место, удобное в этом отношении для всех, а так как таким местом мог быть склон горы, то, по всей вероятности, Господь взошел на этот склон, возвышавшийся над *ровным местом*, и сел там так, чтобы Его все видели и слышали.

И, когда Он сел, приступили к Нему ученики Его (Мф. 5, 1). Учениками Иисуса называли всех неотступно следовавших за Ним, но в данном случае под словом ученики надо разуметь только что избранных Апостолов, потому что для них, главным образом, и была произнесена Нагорная проповедь; их надо было научить, их надо было подготовить к исполнению возлагаемого на них поручения.

Заповеди блаженства

И Он, возведши очи Свои на учеников Своих и отверзши уста Свои, учил их, говоря: **Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.**

Христос говорит о Царстве Небесном. Он зовет туда, зовет к Себе всех. И мы *должны* идти к Нему, *должны* пройти то расстояние, какое отделяет нас от Него.

Представьте себе, для наглядности, что нас отделяет от Христа довольно крутая лестница в девять ступеней; вверху стоит Он, а мы — внизу. Стоим мы у подножья этой лестницы и не двигаемся вперед, не решаемся занести ногу на первую ступень ее. Стоим мы внизу, смотрим на Христа, протягивающего нам руки Свои, слышим, как Он говорит нам: **Придите ко Мне** (Мф. 11, 28)... **Покайтесь** (Мф. 4, 17), — и все топчемся на своем месте, все живем по-старому.

«**Покайтесь**, — говорит Христос, — сознайте свои грехи, признайте себя грешниками, осудите себя и дайте слово больше не грешить! Это первый шаг к спасению; это — первая ступень лестницы, отделяющей вас от Меня!»

Что же мешает нам осознать свои грехи, признать себя грешниками? — Наша гордость, как следствие безумного себялюбия.

Мы знаем, что любить самого себя не грех. В одной из основных заповедей Божиих, данных первым людям, сказано: **люби ближнего твоего, как самого себя** (Лев. 19, 18); и эту заповедь подтвердил Христос (Мф. 22, 39; Мк. 12, 31; Лк. 10, 27–28). Следовательно, любить себя не грешно. Но себялюбие не должно

быть безумным; оно не должно доводить до самообожания, до преклонения перед собой, как перед кумиром. И только тогда оно не мешает видеть свои прегрешения. В большинстве же случаев мы, люди грешные, любим себя больше, чем ближних, больше даже, чем Бога. И такое себялюбие ослепляет нас и помрачает наш рассудок; и мы проявляем тогда все признаки дальности зрения: отдаленные предметы мы видим прекрасно, в чужой душе замечаем самые малейшие недостатки, ни одной соринки в чужом глазе не пропустим, а вблизи, на себе, ничего не замечаем; не видим той нравственной грязи, которой сами облеплены с головы до ног; не сознаем даже самых тяжких грехов своих. Мало того, что мы не замечаем за собой ничего дурного, но все, что мы осуждаем у других, в себе кажется хорошим. Ведь любить больше всего на свете можно только существо наилучшее, совершеннейшее; и если я люблю себя больше всех, то ясно, что я признаю себя этим наилучшим, совершеннейшим существом; я ставлю всех близких мне значительно ниже себя; я унижаю их в своих глазах, а себя возвеличиваю; я превозношу себя выше всех, горжусь своими мнимыми, воображаемыми достоинствами, и, конечно, совсем не замечаю своих недостатков, пороков, грехов.

А чем я могу гордиться на самом деле? Ведь я должен в жизни своей подражать Христу, жить так, как Он жил, стремиться к доступному мне совершенству. Вот смысл моей жизни! И если я пойму это, если я попробую сравнить себя со Христом и узнать, так ли я живу, как должен жить, то вынужден буду сознать свое нравственное ничтожество в сравнении с данным мне для подражания Образцом человеческого совершенства.

Итак, посмотрим на себя! Заглянем в глубину души своей, в которой таится много неведомого для других! Вспомним свое прошлое! Вспоминая, будем взвешивать каждый поступок свой, какой придет на память, и будем спрашивать себя: так ли поступил бы Христос, как поступили мы? Почаще будем вспоминать свою прошлую жизнь, почаще сравнивать себя со Христом! И если мы не глухи к божественному голосу совести, внедренному в нас, то мы придем в ужас, когда увидим, как далеки мы от Христа, какая громадная разница между нами и тем, чем мы должны быть, чем мы можем быть. И уподобимся мы тогда человеку, впервые посмотревшему в микроскоп на ту воду, которую он считал чистой, как кристалл: как понятие о чистоте воды мгновенно исчезает при виде бесчисленного множества микроорганизмов, кишущих в воде, так и мы, считавшие свою душу чистой, как кристалл, содрогнемся от нравственной грязи, облепившей ее. И когда мы дойдем до такого сознания, то куда денется наша гордость? Мы поймем тогда, что гордиться-то нам нечем; и признаем мы, что казавшееся нам величие наше подобно миражу в пустыне: издали воображению путника рисуются чудные картины, а подъедет ближе — нет ничего. И тогда гордость оставит нас и уступит свое место в сердце нашем смирению. И только при этом условии у нас явится желание исправиться, отстать от своих грехов. Пока я был горд, пока я думал только о своем величии, о своих мнимых достоинствах и воображаемом превосходстве перед другими людьми, пока я, подобно фарисею притчи Господней, считал себя не таким, как прочие люди (Лк. 8, 11), — я и не замечал своих недостатков, грехов, а через это у меня и не могло быть желания исправиться, стать лучшим человеком.

Итак, первый шаг при начале самоисправления, это — сознание своего ничтожества в сравнении со Христом, служащим для нас Образцом возможного для нас совершенства; сознание своей бедности теми свойствами души и теми добрыми делами, какие приближают нас ко Христу; словом, сознание своей духовной, нравственной нищеты. И Господь начал Свою Нагорную проповедь с указания на этот первый шаг в деле самоисправления. **Блаженны нищие духом**, сказал Он, **ибо их есть Царство небесное** (Мф. 5, 3).

Блаженны нищие духом. Это изречение Господне понимается некоторыми буквально и потому толкуется совершенно превратно. Вместо того чтобы сознание своей духовной нищеты считать средством к достижению цели, то есть блаженства в Царстве Небесном, они самую нищету духом считают самостоятельной целью, истинным блаженством. По их мнению, истинное блаженство и заключается в

духовной нищете, в отсутствии духовных сил или в бедности этими силами; и таких бессильных, бездарных людей они называют *блаженными*. Но они ошибаются. Не о такой нищете говорил Господь. Он не говорил, что блаженство — в нищете духом; Он говорил, что блаженство — в Царстве Небесном, что блаженны будут там только те, которые начинают свое перевоспитание с сознания своего ничтожества в сравнении с тем, чем человек должен быть. Нищета духом противопоставляется гордости, ложной уверенности человека в его воображаемом превосходстве над другими людьми; нищета духом — это смирение, не исключаящее необходимости силы духа.

Другие же говорят: «Не могут быть блаженны нищие духом; блаженны только сильные духом!» Но и они заблуждаются. Чтобы из гордого человека стать нищим духом, то есть смиренным, сознающим свою нравственную нищету, сознающим себя хуже многих, нужна большая сила духа, большое напряжение воли; без этой силы не смиришь себя, не сломишь свою гордость. Следовательно, понятия о нищете духом и о силе духа не только не противоречат друг другу, но, напротив, восполняют одно другое: не обладая силой духа, нельзя стать нищим духом; и сила нужна большая. Гордому человеку, привыкшему считать себя выше всех, не таким, **как прочие люди**, тяжело сознать, что он хуже очень многих, а может быть и хуже всех. Если тяжело разочарование в друге, то каково же развенчать самого себя, свалить себя с той скалы, на которую был вознесен своей гордостью, повергнуть кумир свой в прах! Такое разочарование в самом себе причиняет на первых порах невыразимые душевные муки; приходится много выстрадать и победить множество искушений. Сколько соблазнительных мыслей вторгается в душу, сколько стремлений к самооправданию, к обелению всех своих грязных дел! Чтобы выдержать все эти искушения и победить их, нужна большая сила духа.

Осознаем же свое ничтожество в сравнении со Христом-Человеком, Образцом доступного нам совершенства! Страхнем с себя гордость, навеянную безумным себялюбием! Повергнем кумир свой в прах, и смело, с Божией помощью, станем на первую ступень! Станем твердой ногой, чтобы не оступиться и не упасть вниз! Станем, и будем идти вперед, не спуская глаз со стоящего вверху Христа, ожидающего нас с распростертыми объятиями! Пойдем же к Нему! Он ждет нас и примет не как грозный судья, а как любящий отец встречает своего блудного сына!

Когда мы сознаем свою нравственную нищету и, силой своего духа (конечно, при помощи Божией), победим все искушения, все соблазны к самооправданию, то нам станет стыдно, что раньше не сознавали своей греховности и так много нагрешили. И станет нам жаль, что так беспутно жили; и захочется вернуть прошлое и начать жить сначала. Но так как вернуть прошлое нельзя, то мы станем оплакивать свои грехи, раскаиваться в них и горевать, что нельзя сделать так, чтобы их не было. И в таком горе мы услышим, как Господь, стоя на верху лестницы, обращается к нам со словом утешения и говорит: «Плачь! Плачь о грехах своих, но не унывай!

Оплакивая свои грехи, ты уже начинаешь чувствовать отвращение к ним, ты уже даешь себе слово больше не грешить; и если ты будешь верен своему слову, если ты действительно будешь воздерживаться от грехов, то ты утетишься в теперешнем горе: перестав грешить, ты удостоишься блаженства вечной жизни, несмотря на то, что в прежней жизни твоей за тобой числится множество грехов; ты утетишься *там* за то, что оплакивал свои грехи *здесь*: **блаженны (будут) плачущие (здесь), ибо они утешатся (там)** (Мф. 5, 4)».

И эти слова Господни неправильно понимаются некоторыми. Блаженство не в слезах, не в оплакивании своих грехов; блаженство — в Царстве Небесном; блаженны *будут там* те, которые *здесь* смиренно сознают тяжесть грехов своих и оплакивают их. Слезы покаяния — это средство к достижению цели, и потому сами по себе не могут быть целью жизни человеческой; слезы — это второй шаг по пути самоисправления, и шаг более легкий, чем первый.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Не всякий, однако, плач дает утешение. «Плачет бессильная злоба; плачет униженная гордость; плачет неудовлетворенная суетность; плачет оскорбленное самолюбие... и мало ли бывает суетных слез? Сколько неудовлетворенных страстей, сколько малодушных, столько и пустых слез; но это слезы грешные, слезы бесполезные, слезы, крайне вредные для плачущих, ибо причиняют смерть души» (Из бесед отца Иоанна Кронштадтского о блаженствах).

Плачущие... утешатся. Утешатся они не только там, в Царстве Небесном, когда дальнейшим (кроме сокрушения о грехах) самоусовершенствованием откроют себе доступ в это Царство, но утешатся и здесь, на земле. Оплакивая свои грехи, давая себе слово больше не грешить, воздерживаясь всеми силами души от всего, что наталкивает на грех, они примиряются со своей совестью, прежде укорявшей их, они успокаиваются, утешаются. Утешаются они еще и сознанием, что вступают в Царство Божие, где в качестве Божиих работников будут содействовать водворению возможно большего счастья на земле.

Кто имел достаточно силы смирить себя и сознать свою бедность хорошими делами, приближающими ко Христу; кто в раскаянии оплакивает свои грехи, свою безумно и беспутно прожитую жизнь, — тот сам осудит себя за свои грехи и всю вину примет исключительно на себя. Да и кого он может винить в этом, кроме самого себя? Винить диавола — смешно, потому что он не имеет никакой власти над нами: он может только соблазнять нас, нашептывать нам дурные мысли, но принудить ни к чему не может (см. с. 146–147). Бог даровал нам волю, чтобы бороться с соблазнами и побеждать их; Он же даровал нам разум и совесть, чтобы отличать хорошее от дурного, а Господь наш Иисус Христос окончательно облегчил нам нашу задачу: Своими заповедями и Своей жизнью Он научил нас, как мы должны жить. И если мы все-таки живем не так, как должны, то, кроме себя, никого винить в том не можем: ни диавола, ни злых людей. Сам согрешил, сам и отвечай!

Итак, смиренно сознающий себя грешником и оплакивающий свои грехи непременно придет к заключению, что во всем виноват он один. А если виноват он сам, то какой же смысл гневаться на кого-либо? Если и может он гневаться, то только на себя, за свое слабование и податливость на соблазны. И если он вообще человек не злобный, то, перестав обвинять других в своих грехах, перестав гневаться на них, раздражаться, он, незаметно для себя, становится кротким, то есть делает третий шаг по пути самоисправления, поднимается на третью ступень, приближающую его к доступному ему совершенству. «И будут (говорит Христос) **блаженны** в Царстве Небесном **кроткие!**» Но если сознавший свое ничтожество и оплакивающий свои грехи не обладает незлобием; если он раздражителен и гневлив, — то кротость не придет к нему сама собой: такое свойство души надо выработать в себе, надо воспитать его; и это не так легко. Однако сознание, что без кротости нельзя сделать ни одного шага вперед по пути самоисправления, это сознание заставляет человека поработать над собой, заставляет зорко следить за каждым шагом своим, за каждым словом. Вот тут-то нужна сила духа, чтобы сдерживать себя, владеть собой, чтобы подавлять в себе гневливость и раздражительность и не давать им простора. И чем труднее будет самоисправляющемуся человеку воздерживаться от гнева и раздражительности, тем чаще он должен прибегать в молитве за помощью свыше: и невозможное для него, по слабости его человеческих сил, станет возможным по милости Божией.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Следовательно, кроме вечной жизни в Царстве Небесном, кроткие унаследуют землю. Какую же землю они унаследуют, и когда? На этот вопрос предложено несколько ответов. Иоанн Златоуст, ссылаясь на некоторых толковников, полагающих, что здесь речь идет о земле духовной, не соглашается с ними и говорит, что нигде в Писании не упоминается о земле духовной и что поэтому надо признать, что Христос разумел здесь чувственную награду (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 15, 3). Другие толкователи говорят, что в то время землей владели язычники, а общество верующих состояло из нескольких последователей Христа, и, однако, это малое общество кротких людей скоро победило языческий мир и унаследовало от него землю.

Епископ Михаил полагает, что это — образное выражение, заимствованное от наследования евреями земли обетованной. Обетование наследовать землю Ханаанскую было выражением благоволения Божия; поэтому выражение *наследовать землю* равносильно выражению получить Божие благоволение [20] (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1, 5).

Не удовлетворяясь этими ответами, постараемся подойти к разрешению вопроса с другой стороны. Мы знаем, что Христос пришел, между прочим, и для того, чтобы основать на земле Царство Божие, пройти через которое необходимо для вступления в Царство Небесное. Это Царство Божие есть общество людей, внутренний мир которых управляется волей Божией как вечным и неизменяемым законом. Это общество, в начале чрезвычайно малое, разрослось, однако, так, как вырастает из малого зерна роскошное ветвистое дерево; но рост этого общества продолжается, и оно будет расти до тех пор, пока все народы земли не составят единое стадо с Единым Пастырем. Вот конечная цель, к которой должно стремиться человечество; и она будет достигнута, хотя и не так скоро, как хотелось бы. Конечно, в этом едином духовном стаде не все будут достойными членами его, как не все овцы обыкновенного овечьего стада бывают одинаковы по своим качествам; но это несколько не помешает Царству Божию овладеть всей землей, и тогда достойные сыны его, то есть **кроткие** унаследуют всю **землю**.

Сознавшему свое ничтожество в сравнении с доступным ему совершенством, оплакивающему грехи свои, ставшему притом же кротким Господь говорит: **Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся** (Мф. 5, 6).

Но что такое правда? О какой правде говорит Господь? Чтобы ответить на этот вопрос, мы, прежде всего, должны признать, что правда — одна и что искать ее надо в Боге как Первоисточнике ее. И ее всегда искали, хотя большей частью не там, где следует.

Во все времена, на всех степенях умственного и нравственного развития, люди, не имевшие никакого понятия об истинном Боге и о назначении человека, всегда стремились поднять завесу, скрывавшую от них Неведомого Бога и тайну бытия человеческого; всегда сознавали свою греховность и старались по-своему умиловить своих богов, оправдаться перед ними. И сколько было народностей, столько же и представлений о сокровенной правде, представлений крайне разнообразных и друг другу противоречащих. Не зная же правды о Боге и человеке, не зная, чего требует от них Бог, они, конечно, не могли и оправдаться пред Ним, не могли спастись. Положим, воля Божия и вся правда Его была открыта еще первым людям, поселенным в раю; она, так сказать, вписана в сердцах людей; она слышится во внушениях божественного голоса совести. Но, несмотря на все это, люди так ожесточили сердца свои, что разучились читать в них; глухи стали и к голосу совести; мало того, внушения истинного врага своего стали принимать за голос совести; стали подчиняться ему и составили себе ложное понятие о том, что будто бы у каждого человека своя совесть. Вот как люди извратили все внушенные им понятия о Боге и правде Божией. Поэтому надлежало вновь возвестить всему миру забытую им правду. И вот Бог, в лице воплотившегося Сына Божия, открывает Себя людям и объявляет волю Свою, то есть возвращает правду Божию. Отныне всякий *жаждущий и алчущий* этой *правды насытится*, то есть удовлетворит свой мучительный голод духовный, свою жажду правды, истины. Познав цель своей жизни и волю Божию, исполнение которой ведет к достижению цели, он будет жить по правде Божией, то есть не так, как хочется, а как Бог велит.

Да, жить по воле Божией — значит жить по правде. Живя по правде, мы должны сообразовать с волей Божией не только поступки свои, но и слова, ибо слово может иногда повредить ближним нашим больше, чем дело. Еще на горе Синай сказано было: **Не произноси ложного свидетельства** (Исх. 20, 16). Не говори того, чего не было; не лги; говори всегда правду. Да, живи по правде, говори только правду! И тогда ты получишь полное духовное удовлетворение той жажды правды, которая возродилась в тебе, ступившем уже

на четвертую ступень лестницы, отделяющей тебя от Христа; ты не только насытишься правдой, но еще *блажен* будешь за это в Царстве Небесном.

Жаждали правды все философы, трудившиеся над разрешением мировых загадок, но утолили свою жажду только те, которые нашли эту правду в Евангелии.

Сделав этот шаг по пути самоисправления, став на четвертую ступень лестницы, отделяющей нас от Христа, мы не должны оглядываться назад; мы должны безостановочно идти вперед и вперед. Оглядываясь назад, мы рискуем подпасть тысячам соблазнов; и, кто знает, устоим ли мы в борьбе с ними? Не ожесточатся ли сердца наши, не окаменеют ли они также внезапно, как окаменела жена Лота? Ведь соблазны и искушения овладевают нами иногда так быстро, что мы не успеваем даже опомниться. Так будем же идти вперед, не оглядываясь назад и не зевая по сторонам! Будем помнить, что идем *к тесным вратам* Царства Небесного и что *путь к ним узок* (Мф. 7, 13–14). Можно быть беспечным, идя просторным путем к широким вратам погибели: путь тот так просторен, что, как бы мы ни сбивались в нем со своей колеи, мы все-таки попадем прямо в них. Но, идя узким путем к тесным вратам, надо быть очень внимательным. Приведу сравнение. Представьте себе, что вы идете узкой тропинкой в горном ущелье; справа от вас возвышается отвесная скала, а слева, от самой тропинки вашей, начинается такой обрыв, в который и заглянуть-то страшно. Благоразумие подскажет вам, что надо идти по тропинке, не спуская глаз с нее, чтобы не оступиться в бездну; и если вы будете идти с такой осторожностью, то дойдете благополучно до цели вашего путешествия; но если вы станете смотреть по сторонам и отвлекать свой взор от намеченного пути, от своей узкой тропинки, то неминуемо оскользнетесь и погибнете. Или, например, вы идете по узкой доске, перекинутой через глубокий и бурный поток; чтобы не свалиться с этой доски, вы будете зорко смотреть на нее и на свои ноги и, конечно, не станете в это время смотреть по сторонам.

Так надо идти и к тесным вратам Царства Небесного тем узким путем, который ведет к ним. Сколько встречается по пути соблазнов, сколько искушений! Как приветливо манит к себе, на простор, тут же вблизи пролегающий путь к верной гибели! Какую вообще силу воли надо иметь, чтобы не соблазниться, не выйти из своей узкой колеи! Но человеку, поднявшемуся уже на четыре ступени по лестнице, возвышающей его до возможного для него совершенства, все эти соблазны не так страшны; он набрался уже сил, он закалил свою волю, чтобы успешно вести борьбу с ними; он, в большинстве случаев, выходит победителем из этой борьбы. Но если почему-либо силы его станут ослабевать и он почувствует, что вот-вот свернет со своего пути, то пусть не забывает, что у него есть сильная поддержка, могучая помощь в лице Христа; пусть обратится к Нему, и Господь протянет ему руку помощи, поддержит его, не даст ему упасть.

Нищий духом, плачущий о своих и чужих грехах, кроткий, живущий по правде Божией будет, конечно, строгим к себе и снисходительным к другим. Сознывая бездну грехов своих в прошлом, моля милосердного Бога о прощении их, всеми силами души воздерживаясь от новых грехов и все-таки согрешая, он должен будет прощать всех согрешивших против него; он будет милостивым к ним. Такое милосердие — необходимейшее условие для дальнейшего самосовершенствования. **Блаженны будут милостивые к другим, ибо и они помилованы будут** (Мф. 5, 7). Значит, человеку, взявшемуся за перевоспитание самого себя, за самоисправление, нечего отчаиваться, что у него в прошлом множество грехов: будь милостив к другим, прощай им их прегрешения, все причиненные ими тебе обиды! Тогда Господь простит и твои согрешения; будь милостив к другим, и сам помилован будешь!

Милостивый Бог требует и от людей милосердия, сказав: **милости хочу, а не жертвы** (Мф. 9, 13). А если такова воля Божия, то понятно, что надо быть милостивым, чтобы войти в Царство Небесное, чтобы быть счастливым, блаженным.

Взаимную любовь и милосердие — вот что завещает нам Христос. **Будьте милосерды, как и Отец ваш**

(Небесный) **милосерд** (Лк. 6, 36), — сказал Он. Но в чем же должно выражаться милосердие с нашей стороны? На этот вопрос отвечает Иисус: **как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними** (Мф. 7, 12). Если мы желаем себе от других сострадания и помощи, когда терпим болезни, беды, нужду, то и другие, по всей справедливости, вправе ожидать от нас такого же сострадания и такой же помощи. Это — общие указания на дела милосердия. Несколько позже Иисус дал и более частные указания, перечислив некоторые из таких дел. Говоря о предстоящем всеобщем Суде и об отделении на нем праведных от грешных, Он сказал, что обратится к праведникам со следующими словами: **приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне** (Мф. 25, 34–36, 40).

Этими указаниями не исчерпываются, конечно, все дела милости, милосердия; нужда людей так разнообразна, а бедствия их так многочисленны, что подробного перечисления всех дел милосердия нельзя и представить; да это было бы излишне, ввиду данного Иисусом общего определения милости, под которое нетрудно подвести и все частные случаи.

Следует заметить, однако, что не все дела милосердия делают творящего их блаженным. Творить добрые дела надо не с гордостью и самовосхвалением, а с усердием и радостью; не упрекать облагодетельствованного, а смиренно признавать, что сам получаешь через это больше, чем даешь: в лице нуждающегося даешь Самому Богу, Который, конечно, не останется у тебя в долгу; но Бог примет только то, что дается от чистого сердца, из любви к ближнему, а не ради тщеславия.

Поднявшись на эту пятую ступень, мы услышим, как Господь говорит: «**Блаженны будут в Царстве Небесном чистые сердцем**» (Мф. 5, 8). И мы поймем из этих слов, что надо не только не делать ничего дурного, противного воле Божией, но надо даже и мысли греховные гнать от себя. Надо так жить, чтобы не только люди, которые не знают наших помыслов, но и совесть, от которой ничто не укроется, не могла бы упрекнуть нас ни в чем.

Чистые сердцем... Бога узрят, — сказал Христос. Но так как Бог есть дух (Ин. 4, 24), а дух нельзя видеть телесными очами, то и слово узрят нельзя понимать буквально. Слова Бога узрят означают то особое душевное настроение чистых сердцем, которое можно объяснить чувством близости их к Богу. Это сознание своей близости к Богу бывает у чистых сердцем настолько ясным и не допускающим никаких сомнений, насколько мы бываем уверены в существовании предметов материального мира, когда видим их своими глазами.

Блаженны чистые сердцем, — говорит Господь. А в чем обнаруживается нечистота сердца, Он объяснил при другом случае, сказав: **из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека** (Мк. 7, 21–23). Вот в чем состоит нечистота сердца.

Следовательно, чтобы очистить сердце, надо освободиться от грехов, надо воздерживаться от повторения их, надо не только не грешить, но даже и не желать ничего греховного. Для человека, существа падшего, подверженного постоянным искушениям духа нечистого, сохранить сердце чистым нелегко, но не невозможно. Человеку дан разум и свобода воли; ему же учением Иисуса Христа указаны и средства к очищению сердца: покаяние, ежедневное самоиспытание, молитва, слезы и скорби, борьба смирения и любви к ближним с гордостью и себялюбием, дела милосердия и постоянное призывание Бога на помощь в этой действительно трудной борьбе.

Чистые сердцем испытывают и здесь, на земле, такое душевное спокойствие, какое составляет

истинное блаженство. Да, блаженны чистые сердцем! И как жалки имеющие нечистое сердце! Как бы они ни старались новыми грехами заглушить свою совесть, она все-таки по временам дает о себе знать; упреки ее мучительно терзают сердце; все прежние грехи, все, что оскверняло сердце, все встает и страшными картинами проходит перед взором грешника. Предчувствие кары небесной, страх и ужас одолевает его; он рад бежать... бежать от Божиего правосудия, да некуда!.. И как часто такие люди кончают самоубийством, не подумав о том, что бежать надо не от Бога, а к Богу, — что покаяться никогда не поздно, — что разбойник, покающийся перед самой смертью на кресте, не только был прощен, но и введен в Царство Небесное.

С этой шестой ступени мы поднимаемся на седьмую, которую легко переступить. Стоя уже близко к доступному нам совершенству, мы пожалеем других, не пожелавших идти с нами или отставших от нас. Помня заповедь Господню о любви к ближним и чувствуя уже в себе всю полноту этой любви, мы, естественно, пожелаем увлечь их за собой. И мы пойдем к ним, и будем звать к себе; но сейчас же поймем, что не взаимная любовь руководит ими в их отношениях, а корысть, вражда и человеконенавистничество. И первым нашим делом будет уничтожить вражду между ближними, водворить между ними мир и согласие. Любовь к другим есть чувство, врожденное человеку; но неправильное воспитание, уродливое развитие себялюбия и желание господствовать над другими покрыли это природное чувство такой толстой корой, что оно совсем и незаметно у людей, идущих пространном путем к широким вратам гибели. Однако, стоит только снять эти наслоения, и освобожденная от них любовь вступает в свои права. Кому не приходилось видеть, как люди, близкие друг другу и связанные взаимной любовью, ссорятся из-за чего-нибудь и становятся врагами. И чего только они не наговорят один на другого, какой только грязью не обольют друг друга! Но стоит им помириться, стоит только снять с их сердец вражду, как зловредную корку, и прежняя любовь радостно сияет в их лицах! И как приятно мирить враждующих! Какой неземной радостью наполняется сердце примирителя, миротворца! И кто достиг такого душевного состояния, такой чистоты от грехов и даже греховных помыслов, тот успешно водворяет мир кругом себя, мирит всех, и все охотно подчиняются ему, его советам и увещаниям! И такие миротворцы, перевоспитавшие себя и взявшиеся за воспитание других, сынами **Божиими** нарекутся (Мф. 5, 9)! Чистые сердцем почувствуют близость свою к Богу, близость свою к тому совершенству, которое составляет цель их жизни; сделавшись же миротворцами, они настолько приблизятся к доступному им совершенству, или богоподобию, что станут уже достойными сынами Отца Небесного, **сынами Божиими** нарекутся!

Будьте в мире между собою. И Бог любви и мира будет с вами. Так учил Апостол Павел (1 Фес. 5, 13; 2 Кор. 13, 11).

Святой Григорий Нисский говорил: «Из всего, чем люди домогаются наслаждаться в жизни, есть ли что сладостнее мирной жизни? Все, что бы ты ни назвал приятным в жизни, приятно бывает только тогда, когда соединено с миром. Пусть будет все, что ценится в жизни: богатство, здоровье, жена, дети, дом, родные, друзья. Пусть будут прекрасные сады, места для веселых пиршеств и все изобретения удовольствий, пусть все это будет, но не будет мира, — что пользы в том? Ты сам рассуди, что за жизнь у тех, которые враждуют между собой и подозревают друг друга? Они встречаются угрюмо, и один в другом всего гнушаются; уста их безмолвны, взоры отвращены и слух одного закрыт для слов другого. Все, что приятно для одного из них, ненавистно для другого и, напротив, что ненавистно и враждебно одному, то нравится другому. Посему, кто предотвращает других от этого постыдного порока, тот оказывает величайшее благодеяние и справедливо может называться блаженным, тот творит дело силы Божией, уничтожая в природе человеческой зло. Господь потому и называет миротворца сыном Божиим, что доставляющий такое спокойствие человеческому обществу делается подражателем истинному Богу».

Итак, блаженны будут смиренномудрые, плачущие о грехах, кроткие, алчущие и жаждущие правды

Божией, милостивые, чистые сердцем, миротворцы. Им Христос обещал Царство Небесное. Но Он: предвидел, что им нелегко будет этот путь к вечной блаженной жизни, — что им придется много претерпеть за правду, за их стремление исполнить волю Божию. Поэтому, не скрывая от них предстоящих им испытаний, Он утешает их повторением данного уже обещания: Он говорит, что гонения не только не лишат их истинного блаженства, Царства Небесного, но еще вернее обеспечат его за ними. **Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.**

Развращенный мир, послушный внушениям злого духа, не любит правды; на знамени своем он несет поистине диавольские слова: *правдой не проживешь!*. То есть: живя по правде, не проживешь так, как того хочет враг рода человеческого, как живет теперь большинство людей, даже именующих себя христианами.

Если правдивый человек попадет в общество живущих неправдой, то, в лучшем случае, прослышет за чудака. Над ним будут посмеиваться; будут держаться в стороне от него, так как всякое соприкосновение с ним людей, живущих неправдой, тотчас же обнаружит резкую противоположность между ними; и это обнаружение пропасти, разделяющей их, будет служить неизбежным обличением неправды. *Правда глаз колет* тому, кто живет неправдой; она причиняет ему хотя и заслуженные страдания, но, все-таки страдания, и потому возбуждает в нем ненависть к правдивому человеку, желание отомстить ему. Чувство любви к ближним незнакомо служителю неправды; его заменяют ненависть, жажда мести, желание воздать сторицей своему невольному обличителю. И, как ни грустно, однако надо сознаться, что служители правды очень часто страдают за нее; их преследуют, гонят от себя все **делатели неправды** (Лк. 13, 27). Если, например, в каком-либо правительственном или общественном учреждении лихоимство пустило глубокие корни, то честному человеку там не жить: он — не ко двору взяточникам; и они дружными усилиями выживут его из своей среды, если он сам раньше не уйдет от них. И хорошо еще, если только выживут, а случается, что его же оклеветают, взведут на него небывальщину и дружным хором поддержат на суде свою клевету, хотя бы путем клятвопреступления. И пострадает невинный, и осудят его судом несправедливым. Но пусть не унываем пусть помнит, что за верность правде его ожидает блаженство вечной жизни в Царстве Небесном. И что значат страдания в этой мимолетной земной жизни в сравнении с блаженством жизни вечной? Лучше пострадать за правду здесь, но этим приготовить себе вечную радость там. Пусть предложат вам воспользоваться на четверть часа всем счастьем земным, но с тем, чтобы потом изнывать в течение остальной вашей, положим пятидесятилетней, жизни от невыносимых каторжных работ в ручных и ножных кандалах; ведь вы откажетесь от предлагаемого вам мимолетного счастья; и откажетесь, несмотря на то, что четверть часа времени в сравнении с пятьюдесятью годами все-таки представляет некоторую заметную величину. Как же не отказаться от неправды, если вся продолжительная жизнь человека — ничто, ноль в сравнении с вечностью.

Да и здесь, на земле, гонимый за правду получает истинное утешение уже в одном сознании, что совесть не упрекает его за служение правде; и это сознание дает ему то душевное спокойствие, какое возвестил Господь всем последователям Своим (Мф. 10, 28–30). А люди, которых совесть упрекает за их грязные дела, испытывают уже здесь, на земле, невыразимые нравственные страдания и не в силах заглушить их ни разгулом, ни безумной роскошью.

«Любите же все, братья мои, правду, и ненавидьте неправду или грех всякого рода; высказывайте прямо и смело святую правду; и обличайте с кротостью и терпением неправду, чтобы правда царствовала, как подобает ей, а неправда была посрамляема и искореняема и не поднимала бы высоко, с наглостью, свою голову! Будут оскорбляться люди твоей правдивой речью, не будут любить и жаловать? Что ж из того? Людям ты будешь неприятен (как бельмо на глазу), но зато будешь устами Божиими, зеницей ока Божия. И как спокойна совесть, как доволен бывает человек, когда выскажет святую правду; и как мучит совесть, когда постыдится или побоится высказать ее, когда нужно!» (Из бесед отца Иоанна Кронштадтского).

Итак, блаженны будут в Царстве Небесном те, которые были здесь гонимы за правду. А так как эту правду принес на землю Христос, то гонители правды будут гнать и тех, кто исповедует воскресшего Христа как Сына Божия, равного Отцу. Но Господь обещает блаженство вечной жизни тем, которые не отрекутся от Него при всевозможных гонениях за имя Его. **Блаженны вы, сказал Он, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.**

Предсказания Господни о гонениях за имя Его исполнились в точности. В царствование Нерона начались гонения на христиан. Их во множестве распинали на крестах, травили в цирке дикими зверями, отдавали на растерзание львам, жгли на кострах; привязывали в садах Нерона к столбам, обкладывали горячими материалами и поджигали, чтобы такими живыми факелами освещать императорские сады во время прогулок по ним самого Нерона, римской знати и народа. Всем христианам предлагалась тогда полная свобода, если они отрекутся от Христа и принесут жертвы языческим богам. Были, конечно, и малодушные, которые наружно отрекались от Христа и потом в слезах покаяния молили Господа о прощении их тяжкого греха. Но громадное большинство христиан безбоязненно шло на казнь, а от Христа не отсеклось.

Примером бесстрашных праведников, пострадавших за Христа, может служить святой Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, рукоположенный в этот сан самими Апостолами в 67 году по Р. Х. Римский император Траян требовал, чтобы все его подданные, в том числе и христиане, приносили жертвы языческим богам в благодарность за победы, одержанные им над скифами, а тех, которые отказывались от принесения таких жертв, велел беспощадно казнить. Отправляясь в поход против парфян и армян, он прибыл в Антиохию, где ему указали на епископа Игнатия как руководителя всех антиохийских христиан. Траян потребовал, чтобы Игнатий в его присутствии принес жертву языческим богам и тем отсекся бы от Христа. Игнатий отказался исполнить повеление императора и за это был приговорен к смертной казни: Траян приказал отправить его в Рим и там бросить в цирке на растерзание львам. Весть об этом приговоре быстро распространилась по всей Антиохии, и некоторые из почитателей святого Игнатия поспешили в Рим, чтобы ходатайствовать о его помиловании. Святой Игнатий узнал об этом и отправил римским христианам послание, в котором решительно воспротивился намерению своих друзей. «Умоляю вас (писал он), не оказывайте мне неблагоприятной любви. Боюсь, чтобы она не причинила мне вреда; потому что вам легко исполнить, чего вы желаете, а мне трудно достигнуть Бога, если вы будете жалеть меня... Простите мне: я знаю, что для меня полезно. Ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу! Огонь и крест, множество зверей, рассечения, раздробление костей, расторжение членов, лютые муки дьявола пусть придут на меня, — только бы достигнуть мне Иисуса Христа. Никакой пользы не принесет мне целый мир, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всей вселенной. Его ищу, за нас умершего! Его желаю, за нас воскресшего! Не препятствуйте же мне войти в жизнь! Не желайте мне смерти! Хочу быть Божиим. Не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому Свету!» — Вот как молил своих друзей святой Игнатий! Вот сила веры! Вот камень, на котором должна стоять Церковь Христова! И вы понимаете, что если фундамент Церкви сложен из таких камней веры, то и врата ада не одолеют ее.

20 декабря 107 года по Р. Х. приговор Траяна был приведен в исполнение: святой Игнатий, привезенный в Рим, был брошен в цирке (Колизее) на растерзание львам. И это только один пример мученической кончины праведников за имя Христово, а их великое множество. И всем гонимым за имя Его Христос обещал блаженство в будущей вечной жизни: **Блаженны вы, сказал Он, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас (Мф. 5, 11–12).**

«Гонения за веру Христову есть и теперь и будут до скончания мира; только теперь гонят не пытками, не казнями, а неверием, дерзким отрицанием веры, поношением, насмешками, кощунством, клеветой или

гордым невниманием и презрением. Благочестивых людей ныне обзывают именами ханжей, рутинеров, людей отсталых, с узкими взглядами; веру христианскую называют верой черни; христианскую сострадательность — слабодушием и нервной раздражительностью; милостыню — глупой расточительностью; наружную молитву — лицемерием; напротив, широкую разнузданность плоти или распущенность, угождение всем ее бесчисленным похотям называют современным прогрессом; отчуждение же от молитвы и жизнь, чуждую всяких обязательств веры, — признаком современного человека. Согласитесь, что жить кому бы то ни было из верующих среди таких людей весьма неприятно, и счастлив тот, кто среди них не живет; а кто живет, — терпи гонения, насмешки, колкости; впрочем, не будь и безмолвен, но умей дать ответ о своей вере, о своем уповании, да посрамится нечестие!» (Отец Иоанн Кронштадтский. Беседы о блаженствах).

Евангелист Лука дополняет повествование Евангелиста Матфея о возвещенном Иисусом блаженстве; он приводит слова Иисуса заключающие в себе предостережение тем людям, которые счастье, блаженство видят лишь в упоении земными благами.

Горе вам, богатые! (Лк. 6, 24), — сказал Господь. Сопоставляя эти слова со словами «блаженны нищие духом», следует признать, что здесь речь идет не о богатых в буквальном значении этого слова, не о тех, которые обладают вещественным богатством, так как и они могут быть нищими духом; под именем богатых здесь разумеются те, которые составляют противоположность нищим духом, то есть гордые, возмечтавшие о своем величии, стремящиеся своими мнимыми достоинствами выделиться из среды своих братьев, стать выше них, и утешающиеся раболепством перед ними тех, которые почему-либо от них зависят. Не нужно пользоваться особой властью или каким-либо выдающимся положением в обществе, чтобы быть таким богатым: глупая гордость, самомнение и самообожание присуще людям всех классов и положений. Такие люди получают удовлетворение своих желаний здесь, на земле; они утешаются в этой жизни, нисколько не заботясь о будущей, вечной. Таким-то людям Господь дает предостережение, говоря: **горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение.**

Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете (Лк. 6, 25), — сказал Господь, и сказал это, по всей вероятности, вслед за словами: **блаженны алчущие и жаждущие правды**; а если не вслед за ними, то, во всяком случае, противоположение пресыщенных алчущим здесь несомненно. Поэтому под именем пресыщенных следует разуметь тех, которые, в противоположность алчущим правды, вовсе не думают о правде Божией, — которые вместо Бога ставят свой разум, вместо помощи Божией — свои силы, вместо исполнения воли Божией, правды Его — исполнение своих прихотей, своих желаний, — которые правдой называют все, что способствует их благополучию, хотя бы это благополучие и было сопряжено с несчастьем ближнего, — которые правдой считают господство сильного над слабым, — словом, тех, которые, создав свои понятия о правде, не ищут правды Божией. Такие люди пресыщены своей лжеправдой. И им-то Господь возвещает горе, так как их правда не откроет им врата Царства Небесного.

Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете (Лк. 6, 25). Смеющиеся противопоставляются плачущим. Поэтому под смеющимися здесь разумеются люди, нисколько не думающие о своих грехах, не сокрушающиеся о них, но как бы смеющиеся над ними и легкомысленно и беспечно проводящие жизнь. Горе им потому, что покаяние, сокрушение о своих грехах, самоосуждение и самоисправление возможны только в этой жизни, а если они эту жизнь проводят безумно, не думая о самоисправлении, и если поэтому не отстают от грехов, то не войдут в жизнь вечную, не будут блаженны, а напротив, восплачут и возрыдают.

Напрасно думают некоторые, что Христос осудил этими словами всякое веселье, всякий смех, всякое веселое состояние духа. Приняв приглашение на брачный пир в Кане, Он тем самым доказал, что пользование житейскими удовольствиями само по себе не составляет греха, если, конечно, не влечет за

собой вредных для души последствий. Блага земные даны нам Богом, и даны, конечно, для того, чтобы мы разумно пользовались ими, поэтому в пользовании этими благами нет греха; грех — в способах пользования земными благами и в отношениях наших к ним. Если мы пользуемся ими безрассудно, неумеренно, если мы привязываемся к ним так, что забываем исполнение воли Божией, то, конечно, такое пользование ими и такое отношение к ним грешно. Если мы из благ земных сотворим себе кумира, если в погоне за ними не станем искать Царства Божия и правды Его, то горе нам! Поэтому смех и веселье сами по себе не осуждены. Осужден дерзкий смех над значением греха и последствиями его, смех над способами достигнуть вечной жизни, смех и равнодушие ко всему тому, что составляет исполнение воли Божией, смех, как сознательное или даже легкомысленное отрицание необходимости самоосуждения, сокрушения (плача) о грехах и самоисправления.

Говоря о блаженствах, Иисус предупредил Своих последователей, что их будут гнать за имя Его и что они не должны смущаться этим, так как их ожидает за то великая награда на небесах. Поясняя эту мысль, Он сказал, что озлобленный против Его учения мир будет хвалить, говорить хорошо только о тех, которые потворствуют людским слабостям, но это будут так называемые лжепророки. Бойтесь быть такими! **Горе будет вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо** (Лк. 6, 26).

Эту дивную программу самоисправления, перевоспитания самого себя преподал Господь Апостолам, а с ними и всем вообще грешным людям. Как учитель грамоты не требует от неграмотных учеников, чтобы они с первого же урока умели читать, а начинает обучение их с азбуки, так и Господь не требует от грешного человека, чтобы он сразу стал совершенным. Не предъявляя вообще неисполнимых требований, Господь учит грешника, как он должен собственными усилиями, при предлагаемой ему помощи Божией, постепенно восходить на те девять ступеней крутой лестницы, которые обязательно пройти, чтобы приблизиться к Нему и затем уже с легкостью нести благое бремя Его заповедей. Эту программу самоисправления, а равно и все последующие заповеди Господь изложил в такой строгой постепенности, что успешное прохождение одного параграфа программы создает в душе человека непреодолимое желание скорее пройти и следующий, непосредственно из него вытекающий; исполнение одной заповеди Христовой подготавливает почву для исполнения следующей, и так далее; словом, как заповеди блаженства, так и последующие за ними заповеди изложены в таком последовательном порядке, что надо только решиться начать исполнение их; и кто решится на это, тот будет идти вперед все с меньшими и меньшими затруднениями; и желание идти вперед и дойти до конца будет возрастать в нем по мере успешного шествия; а сознание, что, не дойдя до конца, не достигнешь и цели своей земной жизни, будет постоянно укреплять его силы, бодрить его дух.

Не надо только откладывать своего, при помощи Божией, самоисправления; не надо говорить: *еще успею исправиться*, потому что никто не знает, когда именно будет отозван из этой жизни, за пределами которой нет места ни покаянию, ни самоисправлению.

И вот, взошедших на последнюю ступень лестницы Сам Господь встречает победным возгласом: **«Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах** (Мф. 5, 12). Сознав свою духовную нищету, оплакивая прошлую греховную жизнь, сделавшись кроткими и алчущими правды, вы, милостивые и чистые сердцем миротворцы, вы, готовые пострадать за правду и перенести за имя Мое всякие гонения, — вы стали теперь лучшими людьми, и вам легко будет исполнять все Мои заповеди, с которыми Я сейчас обращаюсь к вам».

Да, вот программа самоисправления, перевоспитания самого себя, преподанная Господом грешным людям. Для взрослого человека, испорченного жизнью, она представляет некоторые трудности, но трудности преодолимые.

При искреннем желании исправиться, стать лучшим человеком, можно, с Божией помощью,

достигнуть цели. Но, дабы будущему поколению не пришлось перевоспитывать себя по этой программе, надо воспитать его и все последующие поколения воспитывать в этом направлении. Надо воспитателям юношества проникнуться мыслью о тяжелой ответственности за неправильное или небрежное воспитание детей и юношей, вверенных их попечению.

Окружавшая Иисуса толпа, жаждавшая восстановления Царства Израилева, мечтавшая о тех земных благах, которые как из рога изобилия посыплются на них в этом Царстве, предвкушая давно ожидаемое блаженство, готовая уже объявить Иисуса Царем Израилевым, слышит теперь от Него, что блаженство в этом Царстве ожидает не их, потомков Авраама, Исаака и Иакова, не их, избранных Самим Богом для господства над всеми народами земле; а каких-то нищих духом, плачущих, кротких, алчущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, притом же изгнанных, гонимых, преследуемых. Многие из слушателей были убеждены в том, что эти слова к ним, сынам Израиля, не относятся, что они войдут в Царство Мессии, как для них исключительно приготовленное, и войдут потому только, что они евреи, а если Иисус относит Свои слова и к ним, считает, что и они должны смиренномудрствовать, плакать о грехах и прочее, то Он — не Мессия. Так думали, конечно, все находившиеся в числе слушателей Иисуса книжники и фарисеи; так думали, вероятно, и многие из окружавших Иисуса евреев, зараженные их лжеучением.

Но не к ним обращал Свою речь Христос. Перед Ним стояли только что избранные двенадцать Апостолов; эти скромные труженики, эти бедняки, не получившие никакого образования и говорившие на малоизвестном языке, эти рыбаки и мытари должны были проповедовать Его учение по всей вселенной и покорить Ему весь мир! Им-то Он и объяснял теперь, какими они должны быть, чтобы не только самим войти в Царство Небесное, но и других вести туда, — какие испытания предстоят им на этом пути и какой силой духа они должны обладать, чтобы преодолеть все сопротивления, претерпеть все гонения и восторжествовать над царством тьмы. Но так как такой всепобеждающей силой духа, они, конечно, не могли обладать сами по себе, а мысль о предстоящих гонениях могла привести их в смущение, могла усилить их невольное недоверие к своим силам, то Христос, излагая Свои заповеди блаженства в последовательном порядке, вразумлял их, что смиренномудрствующий (нищий духом) будет оплакивать грехи свои, плачущий станет кротким, жаждущим правды и милостивым, милостивый к другим будет обладать чистым сердцем и сделается миротворцем; а кто всего этого достигнет, тот не устрашится ни злословия, ни гонения, ни мучений; тот сделается лучшим из людей, совершеннейшим человеком и будет отличаться от других, как соль отличается от земли. Мысль Иисуса, сложенную в основание этих слов, можно выразить так: «Если вы в точности исполните, осуществите на себе все заповеди Мои, только что преподанные вам, то не бойтесь никаких гонений! **Вы** будете тогда как **соль земли** (Мф. 5, 13); вы будете обладать тогда такой силой духа, что ничто не помешает распространению Моего учения; вся людская злоба, все гонения и мучения окажутся бессильными перед силой вашего всепобеждающего духа. Но если вы отступите от Моих заповедей, то потеряете эту силу, а потерявши ее, станете бесполезными для Моего дела спасения людей, как бесполезна бывает соль, утратившая свое свойство, свою силу; и тогда вас не только будут гнать, но еще будут презирать, как не устоявших в истине; и вы уподобитесь соли, потерявшей силу, которую выбрасывают **на поправление людям**. Но вы не только соль земли, **вы — свет мира**. Вы должны просветить светом Моего учения весь мир; и как свет не может не светить, так и вы, проникнутые духом Моего учения, не в силах будете не просвещать им мир. **Не может укрыться** от взоров путника **город, стоящий на верху горы** (Мф. 5, 14), и зажженную свечу ставят так, чтобы светила всем в доме. Так и зажженный Мною в вас свет истины да светит всему миру! Да видят все ваши добрые дела! Да изумятся смирению и кротости, с какими вы будете переносить все гонения и мучения, и да прославят Отца вашего Небесного, давшего вам такую силу!»

Эти слова Иисуса можно применить ко всем вообще просвещенным Его учением. Приняв свет

Христов, мы не должны, мы не смеем скрывать его от взоров окружающих нас, затенять его весьма распространенным теперь чувством ложного стыда, боязнь прослыть отсталыми от современного безбожия.

Как не смеем мы зарывать в землю таланты, данные от Бога, так не смеем не освещать светом истины окружающую нас тьму. Просвещаясь светом Христовым, мы не права приобретаем (права придут потом), а обязанности; и кто больше принял этого света, кому больше дано, с того больше и взыщется, если он своим светом не будет светить во тьме. А как много вокруг нас тьмы непроглядной!

Уверения Иисуса, что он пришел не нарушить закон, а исполнить

В девяти заповедях блаженства Иисус высказал, какими *должны быть* люди, если желают составить на земле Царство Божие и затем войти в Царство Небесное. В дальнейшем изложении Своего учения Он хотел объяснить Своим слушателям, какими они *не должны быть*, чего они должны не делать, чтобы избежать осуждения на предстоящем Суде Его. Но так как те заповеди, которые Он намеревался дать, могли показаться многим, в особенности книжникам и фарисеям, несогласными с ветхозаветным законом, то, чтобы рассеять это недоумение, Он говорит: **«Не думайте, что Я, устанавливая условия получения блаженства вечной жизни, нарушаю в чем-либо ветхозаветный закон; не подумайте вообще, что Я пришел нарушить закон или пророков: нет, не нарушить пришел Я, но исполнить».**

Всею Своей жизнью, учением, страданиями, смертью и Воскресением Иисус *исполнил* все пророчества о Нем (см. подробности во Введении к этому труду), следовательно, *не нарушил* их. Что же касается собственно закона, изложенного в книгах Моисея, то как Человек Он *исполнил* его, совершив все, что требовалось от Него, и *не нарушил* его, не совершив ничего запрещенного законом, не совершив ни одного греха.

Таким образом, Иисус как Человек исполнил и не нарушил ветхозаветный закон. Но Он был Богочеловек и пришел на землю вовсе не для того, чтобы показать пример исполнения этого закона. Он пришел напомнить людям волю Божию, разъяснить ее им, дополнить Своими заповедями закон, в котором была выражена эта воля, научить людей, как перевоспитать себя, как возродиться, чтобы исполнение воли Божией не представляло никаких затруднений, да и примером Своей жизни показать, что исполнение ее возможно и легко [\[21\]](#).

Различие между законами Бога и законами Моисея

Вечный и неизменный закон Божий давно уже был известен евреям. Закон этот краток, но в нем вся правда Божия: **люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и люби ближнего твоего, как самого себя** (Втор. 6, 5; Лев. 19, 18). Но евреи туго понимали этот закон, часто нарушали его, а в последнее время и совсем исказили его фарисейскими изворотами. А потому надлежало изъяснить им истинный смысл его, развить и дополнить его. К этому и приступает теперь Христос, предварительно успокаивая ревнителей закона уверением, что он будет исполняться, пока существует этот мир. Утверждая таким образом ветхозаветный закон Бога, Иисус придал ему гораздо большее значение, чем придавали ему сами фарисеи: они делили все требования закона на большие и малые и говорили, что в нарушении малых требований нет греха; но Иисус, отвергая такое фарисейское деление заповедей, сказал, что все заповеди одинаково важны и что исполняться должны даже самые (по мнению фарисеев) малейшие из них; при этом, выражаясь удобопонятнее для слушателей, представлявших себе закон не иначе как писанным, Он пояснил, что даже последняя *йота* закона, то есть самая малая по начертанию буква еврейской азбуки, и та *черта*, которой в законе отмечена буква в отличие от другой, сходной с ней по очертанию, даже такая черточка закона должна быть исполнена. Говоря так, Иисус разумел, конечно, исполнение закона по духу его, а не по буквальному его смыслу, превратно истолкованному фарисеями.

Фарисеи не считали грехом нарушение малых заповедей закона, относя к ним, между прочим, заповедь о любви [22]. Иисус же сказал, что **кто нарушит одну из заповедей сих малейших** (разумея при этом заповеди ветхозаветные) **и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном** (Мф. 5, 19). Слова эти можно понять так: кто говорит, что нарушение малых заповедей не составляет греха, и через это сам нарушает их и других учит нарушать, тот за это и будет малейшим для Царства Небесного, тот будет признан малейшим из всех людей, то есть последним, ничтожным, которому, конечно, будут закрыты врата Царства Небесного.

Что действительно таков смысл слов Иисуса, видно из последующего разъяснения: **«Ибо... если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное** (Мф. 5, 20); если вы, подобно книжникам и фарисеям, будете стеснительные или строгие для себя заповеди называть малыми и не считать грехом нарушение их, то не войдете в Царство Небесное».

Под словом **закон** евреи разумели законы, в которых изложена воля Божия, объявленная и внушенная людям, а также все изданные Моисеем законы, которыми управлялись они как члены религиозной и гражданской общины. Словом, ветхозаветный закон вмещал в себе законы Бога и законы людей. Законами Самого Бога мы считаем десять синайских заповедей, а также внушенные людям при сотворении их заповеди: *люби Бога! люби ближнего! и трудись!* [23] Все же прочие законы, содержащиеся в книгах ветхого завета, изданы людьми.

Законы Бога, в которых выражена Его воля, вечны и неизменны. Воля Божия не подлежит никаким колебаниям, никаким изменениям; она постоянна и вечна, как вечен Сам Бог. «Скорее (сказал Христос) весь мир пропадет, уничтожится, чем изменится в чем-либо воля Божия». Вот об этой-то воле Божией, о законах, в которых она выражена, и говорил Христос, когда успокаивал ревнивых книжников и фарисеев: **Не думайте, что Я пришел нарушить закон**. Про законы же, изданные людьми и, главным образом, Моисеем, Господь при другом случае сказал, что **закон и пророки** имели значение лишь **до Иоанна**; с сего же **времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него** (Лк. 16, 16), то есть: до Иоанна люди могли спастись точным исполнением требований всех ветхозаветных законов, но с появлением Иоанна, а тем более Христа-Мессии, для вступления в Царство Божие, а затем и в Царство Небесное, недостаточно праведности, основанной на законах и пророках, а необходимо точное исполнение заповедей Христовых, необходимо усилие над самим собой, необходимо самоисправление, духовное перерождение.

Не смея, таким образом, смешивать законов Бога с законами Моисея и прочих еврейских законодателей, мы при изложении Нагорной проповеди будем каждый раз задаваться вопросом: не отменяет ли новая заповедь Христова синайские заповеди, а также закон о любви к Богу и ближним? Что же касается законов, изданных людьми, то мы таким вопросом по отношению к ним задаваться не будем, потому, что Нагорной проповедью все они для нас, христиан, отменены (см. выше, с. 242).

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду (Мф. 5, 21), — сказал Христос.

Из десяти заповедей, данных на горе Синай, шестая гласит: **Не убивай!** (Исх. 20, 13). По карательным законам Моисея, за умышленное убийство полагалась смертная казнь (Числ. 35, 1621), причем умертвить убийцу мог мститель за кровь; совершивший же неумышленное убийство подлежал суду (Числ. 35, 24) состоявшему из судей, избравшихся евреями из своей среды в каждом месте их пребывания (Втор. 16, 18). Высшим судилищем, судившим важнейшие дела и, главным образом, преступления против веры, стал со временем синедрион, заседавший в Иерусалиме и состоявший из 72 членов.

Воспрещение всякого гнева

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду (Мф. 5, 22). Давая эту новую заповедь, Иисус не отменил ветхозаветной заповеди **не убивай**, основанной на вечном законе любви, так как, осуждая даже только гневающегося на брата, Он, несомненно, осуждал и убийцу; кто достиг такого нравственного совершенства, что даже не гневается ни на кого, тот, конечно, и не убьет.

Мнения по этому поводу отцов церкви

В некоторых древних списках Евангелия нет слова **напрасно**; в них сказано, что **всякий гневающийся на брата своего подлежит суду**. Из древних толкователей Евангелия, Иустин Философ и Тертуллиан, по видимому, руководствовались такими списками Евангелия, в которых не было слова **напрасно**.

Святой Иустин Философ в первой Апологии своей, представленной императору Антонину, царствовавшему с 138 по 161 г. по Р. Х., говорит: «А о том, чтобы быть незлопамятными, услужливыми для всех и негневливыми, вот Его (Иисуса) слова: ударившему тебя в щеку подставь и другую, и кто берет у тебя рубашку или одежду, не препятствуй; **кто рассердится, тот** повинен огню» (Соч. Иустина Философа. Русск. пер. Преображенского. 1892 г. С. 46).

Тертуллиан в своей Апологии говорит: «Какой превосходнее, какой премудрее закон? Тот ли, который говорит только: "не убей, не прелюбодействуй, не делай зла, не обижай никого", или тот, которым предписывается еще **не гневаться**, не иметь вожделений даже глазами, не говорить ни о ком дурно, не противиться злу?» (Соч. Тертуллиана, русск. пер. 1849 г. С. 90).

Святой Иринеи Лионский в четвертой книге своей «Против ересей», написанной в конце второго века, передает слова Иисуса так: «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего **напрасно**, подлежит суду» (Соч. святого Иринея. Русск. пер. Преображенского. 1871 г. С. 443).

Святой Василий Великий, допуская праведный гнев с целью исправления согрешившего, то есть гнев против греха, а не против брата согрешившего, соглашался, однако, что и такой гнев может перейти в напрасный, так как душа, начав прекрасным, впадает нередко в худое (Правила, вопрос 68). Признавая ненапрасным гнев только против дьявола, он говорит: «Ты гневаешься на брата своего напрасно. Ибо не напрасен ли гнев, когда один бывает причиной действия, а ты раздражаешься на другого? Не то же ли ты делаешь, что и псы, которые грызут камень, а не трогают бросившего камень? Жалок, кто служит орудием действия; ненавистен, кто действует. Против него обрати свою раздражительность — против человекоубийцы, отца лжи, делателя греха; но будь сострадателен к брату» (Свт. Василий Великий. Творения. 4, беседа 10).

Святой Григорий Богослов, вообще допуская справедливый гнев людей благочестивых, говорит однако: Гнев питай на одного только дьявола, чрез которого ты пал» (Свт. Григорий Богослов. Творения. 4, слово 44). В Слове «На гневливость» он признал гнев корнем зла: «Сержусь на домашнего беса, на гневливость; и мне кажется, что этот один гнев справедлив, если уже надобно потерпеть что-нибудь из обычного людям. Знаю, что из многих корней, от которых прозябает зло, самый дикий и черный есть гнев» (Там же. Ч. 5).

Святой Иоанн Златоуст находил, что приведенными словами Иисуса «гнев не уничтожается совершенно; страсть гнева может быть полезна, если только умеем пользоваться ею в приличное время... когда мы не за себя отмщаем, но обуздываем дерзких и обращаем на прямой путь беспечных. Не гнев собственно есть нарушение закона, но гнев неблагоприятный; посему и пророк сказал: **Гневаясь, не согрешайте** (Пс. 4, 5). Посмотри, сколько добра произвел гнев Апостола Павла против Коринфян. Посредством гнева также обратил он опять и отпавший народ Галатийский и многих других» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 16, 7). «Гнев внедрен в нас не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавливали других согрешающих» (Беседы на псалмы. 4).

Блаженный Августин полагал, что воспрещен гнев на брата, а не на грех, обременяющий душу его. Признавая же вместе с тем, что разгневанному гнев его никогда не кажется несправедливым и что застарелый гнев переходит в ненависть, он советовал: лучше и по причине ни на кого не гневаться, чем, имея повод к раздражению и затаивая гнев, возненавидеть (Греч. Толкование Нагорной проповеди, извлеченное из творений блаженного Августина).

Оправдывая ненапрасный гнев, некоторые толкователи говорят, что Сам Бог гневается на грешников. Против такого способа оправдания гнева возражает святой Григорий Богослов: «Если в Писании слышишь, что Бог гневается, то не принимай сего за совет предаваться страсти. Иначе будет значить, что ты изобретаешь для себя зло, а не освобождения от него ищешь. Слушай Писание с добрым, а не с худым намерением. Бог не терпит ничего подобного тому, что терплю я. Никто не говори этого! Он никогда не выходит Сам из Себя; это свойственно тем, которые большей частью в борьбе сами с собой. Но Бог, как очевидно, есть естество неизменяемое. Почему же Он так изображается? Для чего? Разумей, что речь не прямая, и тогда найдешь смысл.

Невозможность для гневающегося общения с Богом

«Поелику сами мы бьем, когда приходим в гнев, то поражение (Богом) злых представили на вид гнева. Таким же образом изобрели мы зрение, слух, руки; и поелику имеем в них нужду для приведения чего-либо в исполнение, то приписываем их и Богу, когда Он совершает, по нашему представлению, то же. Притом слышишь, что от гнева Божия терпят злые, а не добрые, и терпят по законам правосудия. Но твой гнев не полагает себе меры и всех делает равными. Поэтому не говори, что твоя страсть дана тебе от Бога и свойственна Самому Богу» (Свт. Григорий Богослов. Слово на гневливость).

Обращаясь к разрешению вопроса о том, как надо читать текст о гневе, мы должны признать, что *всякий* гнев, беспричинный или же возникший по уважительной причине, неизбежно сопровождается озлоблением против того, на кого мы гневаемся, и тем нарушает главнейшую заповедь о любви к ближнему и заповедь о кротости, так как где озлобление, негодование, там нет любви, нет кротости; поэтому надо признать, что Христос осудил всякий гнев. Такое мнение подкрепляется дальнейшими словами Иисуса: **Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой** (Мф. 5, 23). Если бы Иисус запрещал только напрасный гнев, то Он не отвергал бы, безусловно, дар твой в то время, когда брат твой имеет *что-нибудь* против тебя, то есть когда считает себя обиженным твоим гневом; отвергая же, безусловно, всякий дар, приносимый при таких обстоятельствах, Он тем самым осудил всякий гнев, следовательно, и ненапрасный. Если ты собираешься молиться Богу и вспоминаешь, что вследствие твоего, хотя бы и не напрасного, гнева или по другим причинам, брат твой имеет что-нибудь против тебя, то подожди молиться! Молитва твоя не будет принята Богом, пока ты не примиришься с братом! Иди же к нему, примиришься, и тогда только носи Богу дар чистой души твоей! С другой стороны, если признать безгрешность ненапрасного гнева, то спрашивается: кто же будет решать вопрос о том, напрасно или не напрасно я гневаюсь? Конечно, я сам. Но разве я могу быть беспристрастным судьей своих поступков? Гневаясь, раздражаясь, человек перестает быть рассудительным, теряет душевное спокойствие и всегда находит виновными всех, кроме самого себя. Хотя после, когда гнев пройдет, он и может признать себя виновным, может сознаться, что гневался напрасно, но в пылу гнева он всегда считает себя правым.

Ввиду этого следует признать, что Иисус Христос, требуя от Своих последователей всепрощающей любви ко всем, даже врагам, требуя от них кротости и умиротворения враждующих, запретил всякий гнев.

Кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

Слово рака, по объяснению переводчиков Евангелия на славянский и русский языки, означает: *пустой человек*. Иоанн Златоуст говорит, что слово это «выражает только некоторое презрение или неуважение со стороны того, кто его произносит. Подобно тому, как мы, приказывая что-нибудь слугам и другим низкого состояния людям, говорим: пойд *ты* туда, скажи *ты* тому-то; так точно и говорящие сирским языком употребляют слово *рака* вместо слова *ты*».

Словом безумный называли не только глупого, но и нечестивого, бессовестного человека. Епископ Михаил говорит, что у древних мудрость означала не столько просвещенный ум, сколько благочестивую жизнь; поэтому безумием или глупостью называлось и нечестие, а безумными или глупыми — люди порочные, безнравственные.

Геенной огненной называлась долина Генномова, находившаяся близ Иерусалима, к юго-западу от него. Когда евреи предавались идолослужению, то в этой долине совершались отвратительные служения Молоху (4 Цар. 16, 3; 2 Пар. 28, 3). Этот, сирский идол был медный, с телячьей головой; руки его протянуты были так, как бы готовы были принять кого-либо. Ему приносили в жертву детей: зажигали внутри идола огонь, и когда идол раскалялся, то бросали ему на протянутые руки детей, которые в страшных мучениях умирали. Чтобы заглушить стоны сжигаемых живьем детей, евреи громко кричали и шумели, употребляя при этом и различные инструменты. После плена вавилонского, окончательно отстав от идолопоклонства, евреи получили отвращение и к месту прежнего идолослужения; но, дабы усилить это отвращение, стали свозить туда из Иерусалима нечистоты и трупы остающихся без погребения; там же совершались иногда и смертные казни; воздух в этой долине был так заражен, что для очищения его там постоянно горел огонь; поэтому место это стало страшным и отвратительным; оно прозвано долиной огненной и служило образом вечных мучений грешников.

Последствия разных степеней гнева

Слова: *суд*, *синедрион* и *геенна огненная* употреблены Иисусом не в буквальном их смысле, но для более удобопонятного обозначения последствий различных степеней гнева. Кто гневается на брата, не высказывая еще ничем своего гнева, тот уже совершает грех, влекущий за собой осуждение, ответственность перед Богом; но кто в гнев своем обнаружит презрение к брату, тот совершает тяжкий грех и подлежит большей ответственности, а кто настолько разгневается, что оскорбит брата своего, тот совершает еще более тяжкий грех и подвергнется за то в будущей жизни такому наказанию, которое можно сравнить с осуждением здесь на постоянное пребывание в долине огненной.

Необходимость скорее мириться с обиженным

Указав на различные степени гнева, Христос дальнейшими словами Своими пояснил, что даже малейший гнев, малейшая обида, нанесенная брату, делают нас недостойными общения с Богом. **Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойд прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой** (Мф. 5, 23–24). Он не сказал: «Иди и примиришься с братом своим, если сильно оскорбил его». Нет, Он сказал: «Примиришься, если брат твой имеет что-нибудь против тебя». «И не сказал (говорит Златоуст): когда ты гневаешься справедливо или несправедливо, но просто; **что брат твой имеет что-нибудь против тебя**, хотя бы даже гнев твой был справедлив».

Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта (Мф. 5, 25–26).

Кто назван здесь соперником? «Это не может быть диавол (говорит Августин), так как наш долг не только не мириться с ним никогда, но даже вести против него вечную войну. Это не может быть Бог, так как

Он представлялся бы в одно и то же время и обвинителем и судьей. Это скорее закон, который мы нарушаем».

Иоанн Златоуст полагал, что соперником Христос называл обиженного брата, судьей — обыкновенного судью, судящего людей здесь, на земле, а темницей — место заключения.

Некоторые толкователи, соглашаясь, что соперником назван обиженный брат, полагают, однако, что под именем судьи Христос разумел Бога; что словами **пока ты еще на пути с ним** Он вразумлял слушателей, что мириться с братом можно лишь в этой временной жизни, пока живы оба, обидевший и обиженный; что под именем слуги Он разумел ангелов, а темницей называл вечные мучения.

Соглашаясь с этим последним толкованием, епископ Михаил говорит, что «речь Иисуса иносказательная. Образ взят из римского судопроизводства в отношении к заимодавцу и должнику, которое введено было и в Иудею после покорения ее римлянами, незадолго до Рождества Христова. По римским законам, посредники старались сперва дома примирить заимодавца с должником, если первый требовал уплаты долга; если посредники не успевали в этом, то заимодавец требовал, чтобы должник шел с ним к судье; в случае несогласия должника заимодавец тащил его туда силой. У судьи уже не было пощады к должнику, его сажали в тюрьму; и заимодавец держал его там, доколе должник или родственники не уплачивали долга. Господь представляет человека немирлолюбивого или гневающегося на ближнего должником этого последнего, находящимся с ним уже на пути к судье, который не выпустит виновного из темницы, доколе не уплачен будет весь долг» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1. С. 97). **Пока не отдашь до последнего кодранта.** (Кодрант — римская монета, равная двум лептам.)

Таким образом, смысл этой части Нагорной проповеди таков: «Вашим предкам сказано было — не убивай (Исх. 20, 13), а кто убьет, подлежит суду. Этой и другими ветхозаветными заповедями и страхом ответственности перед судом человеческим за нарушение их вас охраняли от самых тяжких грехов, и праведным считался тот, кто исполнил те заповеди. Но с тех пор как благовестуется вам Царство Небесное, от вас требуется иная праведность; Я хочу ввести вас в это Царство, Я указываю вам путь и средства к достижению этой единственной цели человеческой жизни; Я говорю вам, что войдут в него, блаженны будут, **кроткие**. Поймите же, что не войдет в него и будет осужден не только тот, кто убьет, но и тот, кто нарушит новую заповедь Мою о кротости, кто гневается на ближнего, ничем даже не проявляя свой гнев; кто же проявляет гнев на ближнего выражением презрения к нему, тот совершает тяжкий грех, влекущий за собой и ответственность тяжкую; а кто разгневается настолько, что оскорбит ближнего, тот подвергнется в будущей жизни такому наказанию, какое вы можете сравнить лишь с вечным пребыванием в вашей ужасной огненной долине». От этой ответственности не избавят тебя ни жертвоприношение Богу, ни молитва: никакое общение с Богом невозможно, если ты обидел ближнего, если он имеет что-нибудь против тебя. Только искреннее примирение с обиженным может избавить тебя от последствий такого греха. Но помни, что ты не знаешь ни дня, ни часа, когда ты или обиженный тобой будете отозваны из этого мира! Помни, что за пределами этой земной жизни нет места ни для раскаяния, ни для прощения! Спешите мириться с обиженным тобой, пока вы оба живы, пока путь ваш к вечной жизни еще не пройден, пока ты не предстал перед Богом, перед Судьей твоим. Тогда уже поздно будет мириться с обиженным, тогда тебе нечем будет искупить свой грех, и ты навек останешься там, куда пойдут осужденные грешники, как остается здесь в темнице должник, не имеющий чем заплатить долг своему заимодавцу.

Торопил обидчика мириться с обиженным и Апостол Павел, говоря: **солнце да не зайдет во гнев вашем** (Еф. 4, 26).

Продолжая сравнение Своих заповедей с ветхозаветными, Христос сказал: Вы слышали, что сказано древним: **не прелюбодействуй**.

Воспрещение любострастного взгляда на постороннюю женщину (не жену)

Из десяти заповедей, данных на горе Синай, седьмая заповедь гласит: **Не прелюбодействуй** (Исх. 20, 14). Запрещая мужу иметь половые сношения с другими женщинами, кроме своей жены, а жене — с другими мужчинами, кроме своего мужа, заповедь эта охраняла чистоту брака. За нарушение этой заповеди Моисей грозил смертной казнью (Лев. 20, 10).

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Евреи считали прелюбодеянием только совершившееся половое сношение одного из супругов с посторонним; но Христос только что сказал им: **Блаженны чистые сердцем**. Заповедуя блюсти чистоту сердца, чистоту помышлений, Он тем самым признал согрешившим не только того, кто совершил уже прелюбодеяние, но и того, кто, смотря на женщину любовно, готов прелюбодействовать с ней.

Осуждая, таким образом, даже желание, готовность совершить прелюбодеяние, Христос не нарушил этим ветхозаветную заповедь, но дополнил ее, как дополнил заповедь **не убивай** воспрещением даже гнева.

«Почему же (спрашивает Златоуст) Христос в словах Своих не касается женщин? Он знает, что муж и жена суть единое существо, почему нигде и не различает пола» (Беседа на Евангелие от Матфея. 17).

Но всякое ли плотское желание и всякий ли взгляд на постороннюю женщину воспрещен заповедью Иисуса?

Иоанн Златоуст говорит, что запрещено не просто пожелание, потому что желать можно и не видя женщин, например, спасаясь в горах; запрещено этой заповедью лишь желание, возникающее вследствие любовно-страстного взгляда на женщину.

Нам кажется, что нельзя так ограничительно толковать эту заповедь Иисуса. Правда, Он говорит о любовно-страстии, возникающем от взгляда на женщину, но разве для этого необходимо смотреть непременно телесным глазом? Разве нельзя мысленно вызвать перед собой образ красивой женщины и, лицедея его, возгореться любовно-страстным желанием? Разве такое желание безопасно и не может осуществиться в действительности? Разве подобное любовно-страстное желание не нарушает заповедь о чистоте сердца?

На вопрос же о том, *всякий ли взгляд* на женщину осуждается этой заповедью, отвечает святой Афанасий Великий: «Любодействует с женой в сердце, кто согласен на дело, но препятствует ему в этом или место, или время, или страх гражданских законов».

Наставление как избегать соблазнов

Говоря о соблазне, вовлекающем в грех, Иисус сказал: **Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... и если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.**

Мнение Иоанна Златоуста о соблазнах, о правом глазе, о правой руке

«Давая эту заповедь, Христос говорил не о членах, нет! Он нигде не осуждает плоть, но везде обвиняет развращенную волю. Не глаз твой смотрит, а ум и сердце. Когда душа наша бывает обращена на другие какие-либо предметы, тогда глаз часто не видит того, что находится перед ним. Следовательно, не все надо приписывать действию глаз. Если бы Христос говорил о членах, то сказал бы не об одном глазе и притом не о правом только, но об обоих. Ведь, если кто соблазняется правым глазом, тот, без сомнения, соблазняется и левым. Итак, почему же Спаситель упомянул только о правом глазе и о правой руке? Чтобы ты знал, что речь идет не о членах, но о людях, имеющих с нами тесную связь. Если ты кого-либо столько любишь, что полагаешься на него, как на правый глаз свой, или признаешь его настолько полезным для себя, что считаешь его вместо правой руки своей, и если он развращает твою душу, то ты и такого человека

отсеки от себя. В самом деле, когда близкий тебе человек и себя самого не спасает, и тебя с собой губит, то какое было бы человеколюбие обоим вам погрязать в бездне погибели, тогда как, разлучившись друг от друга, по крайней мере, один из вас может спастись?» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 7, 3).

Так же толкуют это изречение Иисуса блаженный Августин, блаженный Феофилакт и др.

Учение о браке и разводе

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Допущение Моисеем развода

В законе Моисея (Втор. 24, 1–4) сказано: **Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жены, — то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену, после того как она осквернена.**

Главнейшая повелительная часть этого закона заключается в воспрещении мужу вновь вступать в брак с бывшей его женой, которая после развода с ним была женой другого; ссылка же на право мужа отпускать жену, не нашедшую благоволения в его глазах, указывает лишь на существовавший обычай, который, как сказал Иисус, был допущен Моисеем по жестокосердию евреев. Поэтому объявленное Иисусом запрещение разводиться с женой, не совершившей прелюбодеяния, и жениться на разведенной нисколько не нарушает даже Моисеев закон. Оставляя в силе закон его, воспрещающий разведенной жене вступать в брак с прежним мужем после того, как она была осквернена, Христос только дополнил его повелением оставаться ей после развода безбрачной.

О браке и разводе Иисус говорил не только в Нагорной проповеди Своей, но и в последовавшей несколько позднее беседе Его с фарисеями. Содержание этой беседы передано нам Евангелистами Матфеем и Марком. Поэтому для полноты учения Иисуса по этому предмету ниже мы приводим повествования обоих Евангелистов, тем более, что на кажущемся разногласии их некоторые толкователи строят неправильные заключения.

Матфей. 19. 3-9	Марк. 10. 2-12
И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?	Подошли фарисеи и спросили, искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою?
Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? (Быт. 1, 27). И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью (Быт. 2, 24), так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.	Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей?
Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать	Они сказали: Моисей позволил писать разводное

разводное письмо и разводиться с нею? (Втор. 24, 1).	письмо и разводиться.
Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими; а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует.	Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь. В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). Посему оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью (Быт. 2, 24); так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.
	В доме ученики Его опять спросили Его о том же.
	Он сказал им: кто разводится с женой своей и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует.

Чтобы понять изречения Иисуса о разводе, следует предварительно объяснить: что такое брак по Его учению?

Ответ на этот вопрос содержится в вышеприведенной беседе с фарисеями.

В славянском переводе Евангелия Матфея, в стихе 4 главы 19, вместо слова *мужчину* поставлены слова *мужеский пол*, выражающие мысль Иисуса несколько точнее; поэтому мы и приводим здесь изречение Его по славянскому переводу: **сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть; И рече... будета оба в плоть едину**. Слова эти означают, что Бог, сотворивший мужчину, как мужскую половину природы человеческой (пол — половина), сотворил и другую к нему половину в лице женщины, и повелел им, двум половинам, соединиться для совместной жизни так, чтобы составить одно целое, одну плоть, чтобы они считались уже как бы одним существом.

Воспрещение Иисусом разводиться, кроме вины любодеяния

Слова эти, одинаково переданные обоими Евангелистами, доказывают, что Иисус признавал брак не простым сожителем мужчины с женщиной, а союзом, установленным Самим Богом в начале. А из этого мог быть только один вывод: **что Бог сочетал, того человек да не разлучает** (Мф. 19, 6), то есть брак есть такой союз или объединение раздвоенной на две половины природы человеческой, который люди не должны разрушать, расторгать. Но так как эта нерасторжимость брака вытекает как необходимое следствие из сочетания мужчины и женщины в одно целое, то понятно, что раздвоение их должно лишать и сам союз их значения нерасторжимого.

Апостол Павел, развивая учение Иисуса Христа о браке как сочетании мужчины и женщины в одно целое, писал Коринфянам (1 Кор. 7, 4): **Жена не властна над своим телом** (или: не владеет своим телом), **но муж; равно и муж не властен** (или: не владеет) **над своим телом, но жена**.

Такое единство плоти, основанное на предоставлении мужем своего тела в исключительное обладание жены, и женой своего тела в такое же обладание мужа, несомненно нарушается с появлением третьего лица, завладевающего телом одного из них; происходит раздвоение целого, распадение союза.

Придавая браку такое значение, Христос не мог не осудить обычай евреев разводиться с женами по одному лишь капризу; но, вместе с тем, Он не мог и не признать, что прелюбодеяние одного из супругов влечет за собой распадение целого на составные части (самостоятельные половины), то есть расторжение союза.

Моисей знал свой жестокосердный народ; он понимал, что запрещение отпускать жену, потерявшую благоволение мужа, вынудило бы евреев прибегать к другому средству избавляться от нелюбимых жен: женоубийств, поэтому он снисходительно смотрел на укоренившийся обычай и, *не узаконивая развод вообще*, ограничился лишь воспрещением вторично брать отпущенную жену, уже оскверненную другим.

Но Иисус Христос требовал от Своих последователей высшей нравственности. Он признавал брак расторгжимым союзом; однако Он знал, что люди не могут сразу сделаться совершенными; Он знал, что, даже стремясь к совершенству, они будут еще поддаваться греху, нравственно падать, подниматься и вновь падать, и что поэтому грех прелюбодеяния еще возможен. Вот почему, *не узаконивая развод даже по вине прелюбодеяния*, но лишь допуская возможность его вследствие грехоспособности людей, Он ограничился в Своей Нагорной проповеди и в беседе с фарисеями осуждением всякого развода, не вызванного прелюбодеянием.

Расторгнутый не по вине любоддеяния брак, как незаконно расторгнутый, считается как бы продолжающимся, и потому, вступление разведенных таким образом супругов в новый брак с другими лицами должно считаться прелюбодеянием, нарушением единства плоти их по первому браку. Нарушают это единство и вступающие в брак с такими супругами, и через это совместно с ними совершают прелюбодеяние. Вот почему Христос сказал: **кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует** (Мф. 19, 9); **и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует** (Мк. 10, 12).

Такое толкование основано на повествовании Евангелиста Матфея, в Евангелии же Марка не содержится слов: **кроме вины любоддеяния** (Мф. 5, 32), или: **не за прелюбодеяние** (Мф. 19, 9); поэтому, читая Евангелие Марка (Мк. 10, 1), можно заключить, что Иисус осудил всякий вообще развод.

Это кажущееся разногласие в повествованиях Евангелистов Матфея и Марка объясняется тем, что они передают нам ответы Иисуса на различные вопросы. Евангелист Матфей передает ответ на вопрос фарисеев: **по всякой ли причине** (Мф. 19, 3) позволительно человеку разводиться с женою своею? На этот вопрос (по всякой ли причине) и последовал ответ: нет, не по всякой причине позволительно разводиться, а только по причине прелюбодеяния. А Евангелист Марк передает нам ответ Иисуса на другой вопрос фарисеев: **позволительно ли** разводиться мужу с женою (Мк. 10, 2)? То есть признает ли Иисус допущенный Моисеем развод по прихоти, по капризу мужа? В первом вопросе (по всякой ли) сквозило и сознание фарисеев, что нельзя же в самом деле разводиться по всякой причине, и желание их узнать, *по какой же причине* позволителен развод; на такой прямой вопрос и последовал прямой ответ. В вопросе же втором, переданном Евангелистом Марком, сквозило желание фарисеев обличить Иисуса в отвержении закона Моисея; поэтому; как и в других подобных случаях, Иисус не дает им прямого ответа на вопрос, а напоминает им, что Бог сотворил для мужчины *одну* женщину, и что человек не должен разлучать тех, кого Бог сочетал; Он не сказал им даже, что разводящийся с женою и женящийся на другой прелюбодействует (это Он сказал после ученикам Своим — см. Мк. 10, 10); говоря так, Он предоставил им самим составить из сказанного ответ на их вопрос.

Такое толкование заставляет нас признать, что в повествованиях Евангелистов по этому предмету нет никакого противоречия.

Опровержение мнения графа Л. Н. Толстого о разводе

Между тем это кажущееся противоречие подало повод графу Л. Н. Толстому отступить от буквального смысла Евангелия Матфея и исказить переданные им слова Иисуса, лишь бы согласовать их с Евангелием Марка. Этот толкователь Евангелия полагает, что слова — **кроме вины любоддеяния** — относятся не к жене, а к мужу, и что поэтому стих 32-й главы 5-й Евангелиста Матфея следует читать так: «Кто разводится с женою, кроме того, что сам виновен в распутстве (так как каждый разводится только для того, чтобы взять

другую), подает повод и жене прелюбодействовать». Относя слова — **кроме вины любодеяния** — к мужу граф Толстой утверждает, что муж, разводясь с женой и по ее вине любодеяния, и без этой вины, одинаково подает ей повод прелюбодействовать. Но ошибочность этого мнения очевидна: если жена невинна в прелюбодеянии, то, разводясь с ней, муж ее действительно подает ей повод искать себе другого мужа, то есть прелюбодействовать от первого, остающегося в живых; если же развод совершается вследствие прелюбодеяния жены, то муж не может подать ей этим повод к совершению уже совершенного ею проступка: развод с распутной женой не создает для нее повода сделаться распутной, так как она уже была такой до развода. Поэтому следует признать, что слова — **подает ей повод прелюбодействовать** — предполагают развод с невинной в прелюбодеянии женой, и что, следовательно, слова — **кроме вины любодеяния** — относятся к жене, а не к мужу. Если же эти слова относятся к жене, то вышеприведенное искажение графом Толстым Евангелия Матфея не имеет никакого оправдания. Так же произвольно искажает этот толкователь и стих 9-й главы 19-й Матфея: слова — **не за прелюбодеяние** — он заменяет словами — «если и не по распутству», относит их опять-таки не к жене, а к мужу, и весь стих этот излагает так: «Кто разводится с женой своей, если не по распутству, а для брачного соединения с другой, то все-таки прелюбодействует» (Граф Толстой. *В чем моя вера?*).

Отвергая вообще всякое искажение Евангелия, мы, основываясь на повествовании Евангелиста Матфея, должны признать, что Иисус Христос в Нагорной проповеди Своей имел в виду развод с женой невинной в прелюбодеянии и что, не касаясь вопроса о том, намеревается ли разводящийся муж жениться на другой или не намеревается, Он признал такой развод грехом, потому что им создается для разведенной жены повод прелюбодействовать; в беседе же с фарисеями, как бы продолжая сказанное в Нагорной проповеди, Он добавил, что разводящийся не за прелюбодеяние жены грешит еще потому, что расторгает союз, который сочетал Сам Бог, и что если такой Муж женится на другой, то сам прелюбодействует (дальнейшие объяснения учения о браке и безбрачии см. ниже, глава 30).

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

Воспрещение клятвы

На горе Синай сказано было евреям: **Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно** (Исх. 20, 7). Но евреи часто нарушали эту заповедь и легкомысленно произносили Имя Бога, ссылаясь на Него, как Свидетеля своей правоты, и призывая на себя все кары небесные, то есть кляли себя Именем Божиим, клялись; поэтому Моисей, по снисхождению к жестокосердию их, желая предохранить их от совершения более тяжкого греха, клятвopреступления, разрешил им клятву, но требовал, чтобы они *не клялись ложно*, не прикрывали свои ложные уверения Именем Божиим.

Относительно же исполнения клятвы нет точного требования в законе Моисея, а имеется лишь требование исполнять обеты (обещания): **Если дашь обет Господу Богу твоему, немедленно исполни его, ибо Господь Бог твой взыщет его с тебя, и на тебе будет грех** (Втор. 23, 21).

Но все это открыто нарушалось евреями: они кляли Именем Бога, кляли во лжи, не исполняли обещаний, данных Богу, а фарисеи измыслили для них мнимое успокоение совести; потворствуя клятве во лжи, считая весьма обыкновенным явлением нарушение клятвы, клятвopреступление, они уверяли евреев, что запрещено клясться только Именем Бога и что поэтому всякая другая клятва, хотя бы и для прикрытия лжи, безгрешна; что можно безнаказанно клясться небом, землей, Иерусалимом, головой своей и прочим; что нужно только уметь обойти закон.

Но Христос требовал от Своих последователей нравственности выше фарисейской: нищий духом, плачущий о своих и чужих грехах, кроткий, правдивый, милостивый, чистый сердцем и водворяющий мир достоин такого уважения, такого доверия, что ему никогда не придется подкреплять слова свои призывом

Бога во свидетели; такому человеку должны безусловно верить все; от него никто не потребует клятвы; его слова **да** или **нет** будут вернее, надежнее клятвенных уверений грешника. «Будьте же такими, — говорил Христос, — и потому **не клянись вовсе... но да будет слово ваше: да, да; и нет, нет**» (Мф. 5, 34, 37). Не верьте своим учителям, которые, потворствуя вашей слабости, разрешают вам клятвы, не содержащие Имени Бога: и небо, которым вы клянётесь, и земля, и Иерусалим, и ваша голова, — все принадлежит Богу; все Божие, и потому чем бы вы ни клялись, вы, в сущности, клянётесь Самим Богом. Если же вас принуждают к клятве, если не верят вам, когда вы правоту сказанного вами подтверждаете простыми **да** или **нет**, то знайте, что это недоверие происходит от того, что вы своей лживостью, своим пристрастием ко злу, ушли от постоянного общения с Богом, и что, следовательно, всякое требование, чтобы вы подтвердили свою правдивость чем-нибудь иным, кроме **да** или **нет**, происходит от зла, которым вы заражены, от лукавого.

Этими словами (**не клянись вовсе**) Христос не нарушил, а подтвердил синайскую заповедь, гласящую: **Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно** (Исх. 20, 7).

Мнение о клятве апостолов и отцов церкви

Слова Иисуса — **не клянись вовсе** — породили множество толкований в первые века христианства.

Апостол Иаков в соборном послании своем, говорит: **Прежде же всего, братия мои, не клянись ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас! «да, да» и «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению** (Иак. 5, 12).

Апостол Павел сам прибегал к клятве, как это видно из посланий Его: а) в послании к Римлянам он писал: **Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас** (Рим. 1, 9); б) во втором послании к Коринфянам: **Бога призываю во Свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф** (2 Кор 1, 23); в) в послании к Филиппийцам: **Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа** (Флп. 1, 8).

Святой Иустин Философ в своей первой Апологии, излагая учение Иисуса Христа, говорит: «О том, чтобы совсем не клясться, а говорить истину, Он так заповедал: **вовсе не клянись!** Но да будет слово ваше: "да, да" и "нет, нет". А что сверх этого, то от лукавого».

Святой Ириней в четвертой книге своей против ересей (13), доказывая, что Иисус не отменил заповеди закона, говорит: «И что Господь заповеди закона, которыми человек оправдывается, не разрушил, но распространил и восполнил, это открывается из Его слов. Сказано древним, говорит Он: **не прелюбодействуй**; а Я говорю вам... И — сказано: **не преступай клятвы**; а Я говорю вам: **не клянись вовсе, но да будет у вас слово: "да, да", "нет, нет"**».

Тертуллиан, по-видимому, не отвергал клятвы вообще, но не допускал возможности клясться демонами, как то делали язычники. Так, в Апологии своей (32) он говорит: «Что же касается до гениев или демонов, то мы и заклинаем, дабы изгнать их из тел человеческих. Мы не клянемся и не божимся ими, чтобы не воздать им чести, принадлежащей Единому Богу».

Святитель Василий Великий, уговаривая сборщиков податей не принуждать плательщиков к клятвам и повторяя то же в письме к правителю области (81, 85), выразился так: «Как скоро люди научаются нарушать клятву, то думают, что клятва изобретена для них в орудие обмана» (Творения. Т. 6). Он же, в правиле 29-м (Т. 7): «Кто связал себя клятвой на злое дело, тот пусть принесет покаяние за опрометчивость в клятве, но да не поддерживает своего лукавства под видом благоговения. Сохранение клятвы не принесло пользы Ироду, который, чтоб не нарушить клятвы, сделался убийцей Пророка. Клятва вообще запрещается, тем более достойна осуждения клятва, данная в злом деле» (Свт. Василий Великий. Творения. Т. 7).

Святитель Григорий Богослов в разговоре «На тех, которые часто клянутся» (Творения. Ч. 5) говорит: «Что хуже клятвы? Я рассуждаю, что ничего нет хуже... Если бы не было опасности от ложной клятвы, то клятва была бы делом благочестия... Ложная клятва, как давно уже доказано, есть отречение от Бога... Благонравным менее нужды в клятве; что говорю: менее? Им вовсе не нужна клятва. За них порукою добрые нравы...» Допуская затем клятву, когда представляется необходимость избавить других от опасности или себя от обвинений в гнусном преступлении, Григорий Богослов продолжает: «Я утверждаю, что должно избегать клятв наиболее ужасных, короче сказать, тех, в которых упоминается Божие Имя. Желал бы никакой клятвы не допускать, а в противном случае пусть будет какая-нибудь другая клятва... Множество клятв есть уже признак, что нет к тебе доверия; поэтому или вовсе не клянись, или клянись как можно реже. Иной скажет, что множеству клятв лучше поверят; но разве из многого невероятного может составиться вероятное?.. Не находим ли, что и Бог иногда клянется? Так говорит Писание. Но что совершеннее Бога? Конечно, не найдешь ничего совершеннее. А если ничего нет совершеннее, то, значит, что Бог и клясться не может. Как же в Писании говорится, что Бог клянется Самим Собой? Как скоро Бог говорит что-нибудь, это уже есть клятва Божия, и Он перестал бы быть Богом, если бы сказал ложь... А что Ветхий Завет не запрещает клятвы, но требует только истинной, то тогда и убивать было законно, ныне же не позволено даже ударить; тогда подвергалось осуждению совершение худого поступка, ныне же осуждается самое первое движение ко греху. А потому целомудренный и не клянется».

Святитель Иоанн Златоуст в знаменитых «Беседах о статуях», произнесенных в Антиохии после народного мятежа и ниспровержения императорских статуй, восстает против привычки антиохийцев клясться: «Сколько раз мы, в раздражении и гнев, клялись не примиряться с оскорбившими нас; потом, когда гнев угасал и раздражение утихало, мы и хотели бы мириться, но, будучи удерживаемы клятвами, скорбели, как захваченные какой-либо сетью и связанные неразрешимыми узами. Поэтому и дьявол, зная, что гнев есть огонь и легко погасает, а по угашении гнева бывает примирение и дружба, зная это и желая, чтобы огонь этот оставался неугасимым, нередко связывает нас клятвой, дабы, если и прекратится гнев, то остающийся еще за нами долг клятвы поддержал в нас пламя и произошло одно из двух: или, примирившись, мы нарушили бы клятву, или, не примирившись, подвергли бы себя осуждению за злопамятство. Зная это, будем избегать клятв» (Беседа 8). «Подлинно, тяжек этот грех, и весьма тяжек: он весьма тяжек потому, что не кажется тяжким; потому я и боюсь его, что никто не боится его. Потому-то я и веду продолжительную речь об этом, что хочу исторгнуть глубокий корень и уничтожить долговременное зло. Но такой-то, скажешь, человек хороший, имеющий сан священника, живет весьма целомудренно и благочестиво, однако клянется? Не говори мне об этом хорошем, воздержанном, благочестивом и имеющем сан священства; но, если хочешь, — пусть это будет Петр или Павел, или ангел, нисшедший с неба, я и тогда не посмотрю на достоинство лица, потому что я читаю закон о клятве не рабский, но царский; а когда читается царский указ, тогда должно умолкнуть всякое достоинство рабов. Если ты можешь утверждать, что Христос повелел клясться или что Христос не наказывает за это, докажи, и я покорюсь. Если же Он с такой ревностью запрещает это и оказывает такую попечительность об этом предмете, что ставит клянущегося наравне с лукавым (**а что сверх этого, то** есть «да» или «нет», **то от лукавого**), то для чего ты представляешь мне такого-то и такого-то? Бог произнес приговор над тобой, основываясь не на небрежности подобных тебе рабов, а на предписании Своих законов. Я повелел, скажет Он, и нужно было повиноваться, а не ссылаться на такого-то и не заниматься чужими грехами. Если и великий Давид впал в тяжкий грех, то, скажи мне, неужели поэтому для нас безопасно грешить?» (Слова огласительные. 1-е слово. Т. 2). «Но как же быть, скажешь ты, если кто-нибудь требует клятвы и даже принуждает к тому? Страх к Богу да будет сильнее всякого принуждения! Если ты станешь представлять такие предлоги, то не сохранишь ни одной заповеди. Тогда ты и о жене скажешь: что, если она буйна и расточительна? Скажешь и о любострастном взгляде: уже ли мне нельзя и смотреть? Равно можешь сказать и о гневе на брата: что, если я вспыльчив и не могу удержать своего языка? Таким образом тебе не

трудно будет поправить все вышесказанные заповеди. Между тем, касательно законов человеческих ты никогда не смеешь представлять подобные предлоги, но волей или неволей, а непременно повинешься предписанию. Притом, что касается рассматриваемой заповеди, то тебе может не представиться и необходимости когда-либо клясться. Кто внял учению о вышесказанных блаженствах и устроил себя так, как повелел Христос, того всякий будет считать достойным почтения и уважения, и никто не станет принуждать к клятве» (Беседы на Евангелие от Матфея. 17). Уговаривая не принуждать никого к клятве, Златоуст говорит: «Но если ты не стыдишься ничего другого, так постыдись этой самой книги, которую подаешь для клятвы: раскрой Евангелие, держа в руках которое ты заставляешь другого клясться, и, услышав, что Христос говорит там о клятвах, вострепещи и удержишься! Что же Он говорит там о клятвах? А Я говорю вам: не клянись вовсе (Мф. 5, 34)» А ты этот закон, запрещающий клятву, делаешь клятвой? *О, дерзость! О, безумие!* Ты делаешь то же, как если бы кто самого законодателя, воспрещающего убийство, заставил быть помощником в убийстве. На счет денег ты сомневаешься, скажи мне, и убиваешь душу? Приобретишь ли ты столько, сколько делаешь вреда душе и своей, и ближнего? *Если веришь, что этот человек правдив, не налагай на него обязательство клятвы; а если знаешь, что он лжив, не заставляй его совершить клятвопреступление»* (Беседы о статуях. 15).

Блаженный Августин говорит: «Пусть тебя не соблазняет то, что Господь клялся, потому что Один только Бог клянется безопасно, ибо не может ошибаться». Чувствуя, однако, что нельзя безусловно отвергать клятву и что призывание Бога во свидетельство истины, как исповедание веры правосудного Бога, не может быть само по себе грешным, блаженный Августин сам подтверждал иногда слова свои призыванием во Свидетели всевидящего Бога и, по собственному его признанию, делал это с благоговейным страхом, и нравственное чувство его говорило ему, что тут не было греха (Тренч. Нагорная проповедь).

На четвертом (Халкидонском) Вселенском Соборе, между прочим, постановлено потребовать от египетских епископов, чтобы они дали **клятвенное обещание** разъяснить, почему они медлят подписать послание Льва к Флавиану.

Вот мнения Апостолов и Отцов Церкви о клятве и присяге. К сожалению, мнения эти не только не согласуются между собой, но даже явно противоречат друг другу. Как же тут быть? Каким мнением руководствоваться, когда от нас будут требовать клятвы или присяги?

Конечно, мы должны в этом отношении следовать указаниям Православной Церкви, допускающей присягу по требованию государственной власти. Но так как это допущение не согласуется с буквальным смыслом заповеди о клятве, то попытаемся объяснить, на чем оно основано.

Если бы Господь не в Нагорной проповеди Своей, а просто на вопрос, например, фарисеев, — *позволительно ли клясться*, — сказал — *не клянитесь вовсе*, — то такая заповедь Его имела бы безусловно обязательную силу и не допускала бы никаких исключений. Но мы знаем, что эта заповедь дана Им в Нагорной проповеди и притом тогда, когда Он уже высказал, как грешные люди должны перевоспитывать себя, чтобы исполнение новых заповедей не показалось им трудным. В так называемых девяти заповедях блаженства Господь научил нас, какие усилия мы должны употребить над собой, чтобы *подготовить* себя к исполнению Его заповедей. Он говорил, что мы должны сознать свое нравственное ничтожество в сравнении с Образцом доступного нам совершенства; что, дойдя до такого сознания, мы захотим исправиться, изменить образ своей жизни, отстать от своих греховных привычек, победить свои страсти; — будем оплакивать прошлую, безумно прожитую, жизнь; дадим себе слово жить не так, как хочется, а как Бог велит, то есть по правде Божией; будем винить во всем самих себя, будем строги к себе и снисходительны к другим, и потому не будем гневаться ни на кого, не будем раздражаться, словом, станем кроткими, милостивыми; — будем считать грехом не только поступки свои, противные воле Божией, но

даже и помыслы, и через это достигнем той степени совершенства, какая называется чистотой сердца; кроткие, милостивые и чистые сердцем, мы будем вносить с собой мир всюду, где только покажемся, будем мирить враждующих; и тогда мы настолько свыкнемся с новой, обновленной жизнью, что уже не захотим вернуться к прежней греховной и готовы будем перенести всякие гонения за правду и за Вестника этой правды, Христа.

Вот к такому-то обновленному, возрожденному к новой жизни человеку и обращается Господь со Своими заповедями: «Не гневайся ни на кого! Мирись скорее с тем, кто имеет что-либо против тебя! Не нарушай святости брака даже мысленной готовностью изменить жене или мужу! *Будь правдивым* всегда и во всем, чтобы тебе верили все без особых с твоей стороны подтверждений истинности твоих слов!» И когда ты достигнешь этой степени совершенства, то все, зная твою правдивость, будут верить тебе без всяких клятв; *и потому не клянись вовсе.*

Итак, следует признать, что требование **не клянись вовсе** есть лишь необходимое следствие одной из основных заповедей Господних «о правдивости», которую можно выразить словами «*будь правдив*». Разница между основной и зависимой заповедью заключается в том, что требования основной заповеди не допускают никаких отступлений; в исполнении этого требования заповеди зависимой могут быть сделаны исключения. Это доказал нам Сам Христос. Когда на суде синедриона первосвященник Каиафа спросил Его: **заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?** (Мф. 26, 63), то Господь ответил ему: **Ты сказал** (по сказанию же Евангелиста Марка, Господь ответил: **Я**). Вопрос Каиафы был облечен в обычную форму клятвы, и если Господь дал на него ответ, то, значит, Он подтвердил этот ответ клятвой, хотя и не Им произнесенной. Следовательно, Господь в данном случае отступил от данной Им заповеди и тем самым как бы разрешил клятву в исключительных случаях. Обсуждая ответ Господа Каиафе, мы прекрасно понимаем, почему Христос вынужден был отступить от Своей заповеди. На протяжении более трех лет Своего служения Он много раз говорил книжникам и фарисеям о Своем равенстве Отцу, о том, что Он в Отце и Отец в Нем, — словом, о Своем Божестве, о том, что Он — Сын Божий. Но то были частные разговоры с представителями враждебной Ему партии, и от них они могли впоследствии отречься и утверждать, что о божественном происхождении Иисуса ничего не знали. Вот почему надлежало Иисусу официально, перед судом иудейским, объявить Себя Христом, Сыном Божиим. Поэтому, в таком исключительном случае Он и отступил от Своей заповеди. И отступил Он не для Своей выгоды; нет, Он знал, что после такого именно признания с Его стороны Ему будет немедленно объявлен смертный приговор.

Основы учения православной церкви о клятве

Основываясь на таком отступлении от заповеди о клятве, допущенной Господом, Православная Церковь, со своей стороны, допускает присягу по требованию государственной власти, но считает клятву грехом во взаимных отношениях людей между собой. В присяге судебной допускается много исключений: от нее освобождаются те свидетели, от которых, судя по их отношениям к сторонам, трудно ожидать правдивых показаний. Следовательно, здесь применяется совет святителя Иоанна Златоуста: «*если думаешь, что человек лжив, не заставляй его совершать клятвопреступление*». Желательно, чтобы поскорее был принят и другой совет его: «*а если веришь, что этот человек правдив, не налагай на него обязательства клятвы*».

Всякая присяга, в том числе и судебная, имеет значение только для истинного христианина; но он и без присяги скажет правду. А для человека только именующегося христианином, живущего же язычески, присяга — простой обряд. Кто часто бывает при разборе судебных дел, тот знает, что свидетели нередко дают явно лживые показания и под присягой; и такое лжесвидетельство стало столь заурядным явлением, что против клятвопреступников лишь в исключительных случаях возбуждают уголовное

преследование. Присяга не нужна и самим судьям, потому что они оценивают силу доказательств по своему внутреннему убеждению, а не по клятвенным уверениям свидетелей. Суд может не поверить свидетельским показаниям, данным под присягой, и поверить одному, не закреплённому присягой. Судебная присяга — пережиток прежнего времени, когда закон не доверял судьям и требовал от них установления формальной правды, а формальной правдой считал, между прочим, показания двух свидетелей, подкреплённые присягой. Но эти времена давно прошли, и теперь нет никакого смысла оставлять в силе судебную присягу. Отступление от обязательности государственной присяги сделано уже и по отношению к законодательным установлениям: члены их не присягают, а дают только обещание работать в известном направлении, и обещание это удостоверяют своими подписями.

Вообще, государственной властью сделан уже шаг к ограничению в случае отступления от заповеди Господней о клятве. Желательно, чтобы она не остановилась на этом и продолжала бы отменять не вызываемые крайней необходимостью требования клятвы.

О непротивлении злему

Продолжая сравнение Своих заповедей с ветхозаветными, Христос сказал: **Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.**

В испорченной природе человека и теперь еще таится чувство мести, то есть желание и готовность отомстить обидчику, своим судом разделаться за обиду, и притом отомстить так сильно, чтобы обидчик восчувствовал и чтобы его страданиями вполне удовлетворился мститель. В древности же месть была освящена обычаем и служила почти единственным средством, сдерживавшим посягательства на личную неприкосновенность. Обычай разделываться с обидчиком мщением существовал и у евреев, и они, по-видимому, настолько широко пользовались им, что Моисей признал необходимым оградить от мщения тех, которые совершали убийства неумышленно. Так, он повелел, по вступлении в обетованную землю, отвести шесть городов, куда мог бы убежать убийца, убивший человека неумышленно; **и будут у вас города сии убежищем от мстителя (за кровь), чтобы не был умерщвлен убивший, прежде нежели он предстанет пред обществом на суд** (Числ. 35, 10–12). По другому, по-видимому, позднему закону, города эти должны были служить убежищем всякому убийце... **дабы мститель за кровь в горячности сердца своего не погнался за убийцею... и не убил его, между тем как он не подлежит осуждению на смерть (Втор. 19, 3, 6).** Тот же закон вменял в обязанность старейшинам города взять из убежища совершившего убийство умышленно **и предать его в руки мстителя за кровь, чтоб он умер** (Втор. 19, 12). Но, дабы положить предел произволу мстителя, Моисей, в законе, повторённом в трех его книгах, предоставлял мстителю причинить отданному ему на мщение такой же вред, какой им был причинен, но не более. **Отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб** (Исх. 21, 23–25). **Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб** (Лев. 24, 19–20). **Да не пощадит [его] глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. [Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему]** (Втор. 19, 21). Этот закон применялся и судом при определении наказания.

Эти ветхозаветные законы Моисея, устанавливая внешнее равновесие между преступлением и возмездием за него и тем обуздывая произвол и жестокость мстителей, не узаконивали, однако, месть и не предписывали обиженному или его родным мстить за обиду во что бы то ни стало. Зная жестокосердие евреев, готовых воздать сторицей за причиненный вред, Моисей внушал им, что если они не возвысились еще до любви к ближним и потому не могут воздержаться от мщения, то должны, по крайней мере, быть справедливыми в воздаянии и не поддаваться злобному чувству мести. Таким образом, ветхозаветный

закон снисходительно терпел укоренившийся обычай родовой мести и стремился лишь ослабить последствия применения его. И исполнявшие такой закон считали себя праведными.

Любовь к ближним была заповедана и ветхозаветным евреям; но ближними-то своими они считали только евреев, сынов народа своего, и опирались в этом на буквальный смысл закона: **Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя** (Лев. 19, 18). Оставляя без исполнения повеление не мстить сынам народа своего, жестокосердные евреи считали всякого нееврея своим врагом и, признавая таким образом, что любить надо только евреев, они из этого заключили, что всех неевреев надо ненавидеть (хотя прямого закона о ненависти к врагам не было).

Христос же в основу Своего учения положил любовь ко всем без исключения, притом не только к любящим, но и ненавидящим нас. **Любите, — сказал Он, — врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас** (Мф. 5, 44). Кроме того, вступление в Царство Небесное Он обусловил кротостью, милосердием, чистотой даже помыслов, а эти чувства и всепрощающая любовь несовместимы с обычаем мести, с причинением страданий любимому существу, с воздаянием злом за зло. Вот почему, требуя от Своих последователей иной праведности, Христос сказал: **А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;** то есть: вовсе не мсти, никогда и никому; не причиняй страданий ближнему, которого ты должен любить, не воздавай ему злом за зло.

Примеры исполнения этой заповеди самим Христом

Заповедь эту, взятую не в связи со всем учением Христа и главной заповедью Его о любви, а отдельно от других заповедей, некоторые понимают буквально. Доказать, что они заблуждаются, нетрудно: стоит только напомнить им, что у Иисуса Христа слово не могло расходиться с делом, что Он не только дал нам новые заповеди, но и на Себе показал пример исполнения их, и что поэтому для разрешения смущающего их вопроса им следовало бы узнать: как исполнял и, следовательно, как понимал заповедь о непротивлении злу Сам Христос?

Посмотрим же, нет ли в Евангелии указаний на оказанное Иисусом Христом сопротивление злу.

Евангелист Иоанн повествует, что когда озлобленные иудеи схватили камни, чтобы убить ими Иисуса, то Он не подставил Себя под удары, а отвратил их, сказав: **много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?** (Ин. 10, 31–32). Этот кроткий вопрос проник в заскорузлую совесть иудеев и оказал свое действие: камни выпали из рук их! Таким образом, угрожавшая Иисусу опасность, зло, было отвращено, и притом отвращено противлением ему, но только не злом же, а добром. А если так действовал Сам Иисус, давший нам заповедь о непротивлении злему, то очевидно, что Он понимал эту заповедь не буквально.

Не буквально понимал Христос и приведенный Им пример непротивления злему: подставление другой щеки. Евангелист Иоанн свидетельствует, что когда опрашивал Иисуса первосвященник Анна и один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: **так отвечаешь Ты первосвященнику?** — то Иисус не подставил другой щеки, а отвечал ему: **если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?** (Ин. 18, 22–23). Не подставил Христос другой щеки не потому, чтобы хотел уклониться от вторичного оскорбления; исполняя волю Отца Своего, Он уже готов был отдать Себя на мучительную смерть, которую не раз предсказывал, и потому удар служителя по другой щеке не мог бы утратить Его; если бы, действительно, необходимо было подставить другую щеку, если бы заповеди Его надо было исполнять буквально, то Он, несомненно, подставил бы ударившему Его и другую щеку. Но Он поступил иначе: кротким вопросом Он воспротивился злему служителю и тем избавил его от повторения тягчайшего преступления.

Эти примеры доказывают, что Иисус Христос не буквально понимал и исполнял Свою заповедь о непротивлении злу; следовательно, и нам заповедал исполнять ее не буквально.

Не буквально понимали эту заповедь и первые толкователи ее, Апостолы Петр и Павел. **Такова есть воля Божия**, — писал Апостол Петр в первом послании, — **чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей... не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение... И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?** (1 Пет. 2, 15; 3, 9, 13). **Никому не воздавайте злом за зло**, — писал Апостол Павел в послании к Римлянам, — **но пекитесь о добром перед всеми человеками. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром** (Рим. 12, 17, 19, 21).

Итак, показанные Иисусом примеры исполнения заповеди о непротивлении злу доказывают, что Он вменил нам в обязанность не смотреть безучастно на проявление зла, а сопротивляться злу, искоренять его. На вопрос же — как, какими средствами, сопротивляться злу? — отвечает Сам Иисус, говоря: **благотворите ненавидящим вас**; то есть: за ненависть, за зло, причиненное тебе, не мсти; но и не бездействуй, а воздавай за зло добром, сопротивляйся злу, но только не его оружием.

Примеры сопротивления злу добром

Поясняя Свои слова, Иисус привел примеры [\[24\]](#) сопротивления злу добром: **кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два** (Мф. 5, 39–41). Но это только примеры исполнения заповеди; примеры же нельзя возводить на степень заповеди; к тому же примерами этими не исчерпываются все способы противления злу добром.

Главнейшая заповедь Христа: люби ближнего, не только друга, но и врага своего, как самого себя, и потому поступай с ними так, как хочешь, чтобы с тобой поступали. Этой заповедью разъясняются все недоразумения, возникающие при толковании других, вытекающих из нее заповедей. А потому следует признать, что, приведя лишь три примера противления злу добром, Иисус тем самым предоставил Своим последователям самостоятельно, на основании главнейшей заповеди Его, решать в каждом отдельном случае, какими способами проявления добра они могут победить зло. «Люби (говорит блаженный Августин) и делай что хочешь. Непреложно то, чтобы брат воздавал брату добро за зло; форму же, в которой должно это исполнить, подскажет тебе любовь, располагающая средствами высшими, чем простое желание не мстить».

Итак, ветхозаветная месть, которую, по жестокосердию евреев, лишь терпел закон Моисея, как терпел и отпущение жен, и клятву, — запрещена Господом Иисусом безусловно; сопротивление же злему запрещено условно, а именно: сопротивляясь злему, не делай зла, а твори добро.

Эта заповедь о непротивлении злему, судя по приведенным примерам исполнения ее, дана лично самому претерпевавшему зло; но так как бороться со злом приходится и третьим лицам, при которых совершается зло, а также целым обществам людей или народам, то мы рассмотрим применение ее во всех трех случаях.

О противлении злему самим претерпевающим зло

Самому претерпевавшему зло указаны примеры дозволенного противления злему. Но против такой борьбы со злом многие возражают, находя, что кроткие, милосердные готовые на всевозможные уступки непременно сделаются добычей хищников.

Так ли это? Не доказал ли нам Христос примером Своим, какая сила заключается в кротости? Не обезоружил ли Он Своей кротостью озлобленных иудеев, хотевших убить Его камнями? Не опустилась ли

рука архиерейского служителя, пристыженного кратким вопросом оскорбленного им Иисуса? Не случилось ли каждому из нас, хотя бы раз в жизни, со смирением и кротостью ответить раздраженному противнику (например, начальнику) и тем смирить его? Ведь сопротивление насилию или иному злу таким же насилием или злом влечет за собой ожесточенную борьбу, оканчивающуюся победой сильного над слабым, причем слабый с затаенной злобой временно подчиняется сильному и ожидает лишь случая отомстить ему. Такая победа не водворяет мира, если за ней и следует временное примирение, то оно всегда оканчивается новой борьбой, а эта новая борьба вызывает еще более ожесточенную, и так далее, без конца. Вообще, если грубой силе или иному проявлению зла противопоставить такую же силу или такое же зло, то нескончаемая вражда, со всеми ее последствиями, неизбежна; хотя бывают, конечно, случаи, когда благоразумие столкнувшихся врагов заставляет каждого из них сомневаться в исходе борьбы и расходиться без боя, но и в таком случае они расходятся, по-видимому, мирно лишь для того, чтобы помериться силами при другой обстановке. Словом, где борьба ведется с обеих сторон с единственным желанием причинить противнику зло, там господство сильных над слабыми, там царство зла, там власть тьмы!

А так как Христос пришел водворить на земле Царство Божие, Царство Добра и Любви, и уничтожить власть тьмы, то Он и обязывает нас не бороться со злым его же оружием, а побеждать злого той силой, какой у него нет, силой кротости и любви.

Если кротость, смирение и всепрощающая любовь подвергающегося насилию не воздействует сразу на злого, то готовность пострадать еще более, например, подставление другой щеки, может обезоружить и самого закоренелого злодея.

И кто сделает вам зло, — спрашивает Апостол Петр, — если вы будете ревнителями доброго? (1 Пет. 3, 13).

«Никто не нападет на человека (говорит Златоуст), имеющего такое расположение духа; а если бы и нашлся кто, настолько жестокий, что дерзнул бы и на него, то, без сомнения, нашлось бы еще более таких, которые человека, вошедшего на такую степень любомудрия, покрыли бы не только одеждами, но, если бы возможно было, и самой плотью своей» (Беседы на Евангелие от Матфея. 18).

О противлении злему третьими лицами

Но если злой нападет в моем присутствии на другого, то как должен я поступить? Воспротивиться злему, хотя бы силой, защитить подвергшегося нападению, или же безучастно смотреть, как совершается зло?

Толстовцы говорят, что всякое противление злу силой воспрещено, и потому, если на злого не действуют убеждения, то надо предоставить ему беспрепятственно совершить все задуманное им зло.

Но они забывают, что и нападающий (злой), и подвергающийся нападению по отношению ко мне, свидетелю проявления зла, оба — мои ближние; по заповеди Христа, я должен любить и того и другого, и я же должен противиться злему, творя добро. Но, спрашивается, сотворю ли я добро, проявлю ли я любовь к обоим, если предоставлю злему беспрепятственно совершить задуманное им зло? Сотворить добро по отношению к злему я могу только отвращением его от совершения зла как греха, губящего его душу. Сотворить добро по отношению к подвергающемуся нападению я могу только избавлением его от угрожающего ему зла. Следовательно, проявить любовь к обоим и сотворить для них добро я могу только отвращением зла; поэтому противление злу составляет в таком случае, мою обязанность, вытекающую из смысла заповедей Иисуса Христа.

Но где предел этому противлению? Должен ли я противиться злему с самоотвержением, с опасностью для моей и его жизни?? Должен ли я любовь к ближним и желание сделать обоим им добро

ставить выше опасений за свою жизнь? На эти вопросы отвечает Сам Христос, говоря: **Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих** (Ин. 15, 13). Говоря так, Христос понимал под именем друзей всех вообще ближних, а под словом душу — жизнь. Заповедуя нам проявлять высшую степень любви к ближним — жертвование собственной жизни для спасения их от зла, Он тем самым указал, что в борьбе со злом или злым, нельзя останавливаться на полпути из опасения самому пострадать, а надо действовать с готовностью, в случае надобности, и душу свою положить за начатое доброе дело.

Толстовцы, поясняя свое учение на примере нападения разбойника на незащищенного ребенка, говорят: «Какой бы страшный разбойник ни напал на какого бы то ни было невинного и прекрасного ребенка, христианин не имеет основания, отступив от данного ему Богом закона, делать над разбойником то, что разбойник хочет сделать над ребенком; он может умолять разбойника, может подставить свое тело между разбойником и его жертвой, но одного он не может: сознательно отступить от данного ему Богом закона, исполнение которого составляет смысл его жизни» (Л. Н. Толстой. О непротivлении злу). Словом, толстовцы признают, что христианин, желающий буквально исполнить заповедь Иисуса о непротivлении злу, может, в приведенном для примера случае, подставить самого себя под нож разбойника, но не должен, не смеет силой препятствовать разбойнику убить незащищенного ребенка.

Но ведь в таком случае принесение христианином самого себя в жертву злобе разбойника будет бессмысленным, бессмысленным. Заповеди Иисуса о жертвовании жизнью своей для блага ближних он этим не исполнит, потому что никакого добра не сделает ни разбойнику, ни ребенку; напротив, доведя разбойника до двойного убийства, он тем самым ему же причинит зло, возложив на душу его новый грех; притом, имея возможность спасти жизнь ребенка и, несмотря на это, предоставив разбойнику беспрепятственно убить его, он тем самым как бы соглашается на причинение ребенку зла и чрез это становится повинным в смерти его. Поступив так, толстовец причинит зло и разбойнику и ребенку, и сам совершит тяжкий грех, становясь участником (попустителем) убийства. Правда, он, если останется жив, будет утешать себя мыслью о том, что даже пальцем не тронул разбойника и потому буквально исполнил заповедь о непротivлении злу. Какое, скажет он, мне дело до того, что ребенок убит и что разбойник совершил тяжкий грех? Ведь я не противился злему, следовательно, исполнил заповедь буквально; таков данный мне Богом закон, исполнение которого составляет смысл моей жизни.

Так утешали себя и фарисеи, когда, желая буквально исполнять заповедь о субботнем покое, считали грехом совершить в субботу доброе дело. Что мне до того (говорил фарисей), что погиб человек, которому я отказал в помощи? Ведь я отказался спасти его в *субботу*, я благочестиво воздержался от нарушения данного мне Богом закона, исполнение которого составляет смысл моей жизни.

Но таких фарисеев обличал Христос, доказывая им, что они за буквой закона не замечали смысла его. Предостерегая же учеников Своих от такого понимания и исполнения заповедей, Он говорил: **если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное** (Мф. 5, 20). Впрочем, толстовцы равнодушно относятся к этим словам, так как не верят в Царство Небесное.

Таким образом, если заповедь о непротivлении злему сопоставить с заповедью о самоотверженной любви, то станет понятно, что непринятие мер к предотвращению зла, когда к тому представлялась возможность, составляет несомненное нарушение заповеди о любви; предоставление же злему беспрепятственно совершить зло, когда была возможность воспротивиться злему, то есть попустительство к совершению зла, составляет нарушение заповеди о протivлении злу добром. Следовательно, употребление силы против злого с целью предотвращения зла, если ничем иным нельзя предотвратить его, не только не составляет нарушение заповеди о непротivлении, но есть необходимое следствие точного исполнения заповеди о любви и о воздаянии добром за зло.

Но если я, действуя таким образом, вынужден буду причинить вред или видимое зло самому злему? Если, спасая ближнего от угрожающего ему зла, а злого от греха, с готовностью даже душу свою положить за спасение их, я иначе не могу достигнуть цели, как только совершив убийство или какое-либо телесное повреждение злого? Будет ли это грехом с моей стороны или, лучше сказать, вменится ли мне этот грех в вину? Если я, спасая ближнего, подвергаю свою жизнь опасности, то, конечно не преследую никаких лично своих целей, а всецело отдаюсь служению ближнему; если я, действуя таким образом, спас жизнь подвергшегося нападению, спас и душу злого от страшного греха, то эти добрые дела не искупят ли мой невольный грех, убийство злого? Ведь я был поставлен, помимо своей воли, в печальную необходимость выбирать одно из двух: или допустить убийство невинного и гибель души злого и за то принять на свою душу двойной грех, или же отвратить зло и грех злого, рискуя самому совершить зло. Третьего исхода нет, если не считать бесцельного, по совету толстовцев, подставления самого себя под нож разбойника. А потому, если я был поставлен в необходимость выбирать из двух зол и выбрал меньшее, совершив притом же два добрых дела, то полагаю, что вынужденный грех мой будет мне прощен, что на весах божественного правосудия свершенный мной с самоотвержением подвиг спасения ближнего перевесил мой грех и, во всяком случае, я буду менее виноват, чем если допущу совершиться злейшему преступлению.

О противлении злу соединенными силами народа, или о войне

Мы рассмотрели способы противления злу как тем лицом, против которого оно направлено, так и третьими лицами. Остается еще рассмотреть вопрос о противлении злу целым обществом людей, народом, или вопрос о войне.

Хотя Иисус Христос не касался вопросов государственных и на вопрос о том, позволительно ли давать подать кесарю, ответил — **отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу** (Мф. 22, 21), — однако это не дает нам права отвергать Его заповеди в тех случаях, когда мы действуем сообща, целым обществом, народом. Если в борьбе со злом своими единичными силами мы должны в выборе средств борьбы руководствоваться заповедью о любви к ближним, то несомненно, что то же чувство любви должно руководить нами и в борьбе против зла соединенными силами народа. Поэтому нападение одного народа на другой с целью причинить ему зло и из этого зла извлечь для себя выгоду, составляя грубое нарушение заповеди о любви к ближним, не может быть оправдано никакими соображениями, как не может быть оправдано и нападение разбойника с целью поживиться за счет своей жертвы. Но другой-то народ, на которого сделан разбойничий набег, должен ли безучастно смотреть на хищнические последствия такого набега, или же может оказать сопротивление нападающему на него?

Толстовцы говорят, что всякая война сопряжена с убийством и насилием, а так как убийство и всякое иное противление злему силой воспрещено, то поэтому воспрещена всякая война, хотя бы оборонительная, вызванная беспричинным хищническим набегом другого народа.

Говоря так, толстовцы забывают, что народ, на который совершается хищнический набег другого народа, состоит не только из взрослых людей, способных отразить нападение, но и из стариков, женщин и детей, нуждающихся в защите. Предположим, что все способные воевать взрослые люди такого народа были бы толстовцами. Желая по-своему исполнить заповеди Христа о любви к врагам и непротивлении злу, они должны были бы без всякого сопротивления отдать себя, своих стариков, жен и детей, свое и их достояние во власть врагов своих. Но, исполняя таким образом заповедь о любви к врагам, исполнят ли они заповедь о любви к тем ближайшим из всех ближних своих, к тем беззащитным членам своих семейств, которых, по заповеди Христа, они тоже должны любить и даже душу свою положить за них? Если они считают себя в праве самостоятельно распоряжаться своей жизнью и без сопротивления подставлять себя под пули и штыки неприятеля, то, спрашивается, какое право они имеют так же самовластно

распоряжаться жизнью тех, которые ждут от них защиты? Кто дал им право приносить жизнь этих беззащитных в жертву своим убеждениям? Несомненно, что, поступая так, они не только нарушат заповедь о любви к этим беззащитным, но и примут еще на себя ответственность за то причиненное беззащитным зло, какое они могли бы отвратить. Следовательно, заповеди Христа они все-таки не исполняют, а злу дадут восторжествовать и тем окажут содействие водворению на земле не Царства Божия, а царства грубой силы, царства зла.

Итак, в войне двух народов один народ совершает зло безусловное, а другой, взявшийся за оружие после того, как истощил все меры убеждения и уступок ради предотвращения зла, хотя и совершает зло, но зло относительное. Убивать врага хотя бы и на войне — грех, но предоставить врагу беспрепятственно убивать, поработать беззащитных и неповинных — грех более тяжкий. Печальная необходимость заставляет из двух зол выбирать меньшее.

Отдельные лица, призываемые для участия в войне, то есть воины, не могут, конечно, отказываться от исполнения своих обязанностей, ссылаясь на то, что всякая война грех. За несправедливую войну несут ответственность перед Богом не воины, а те, которые ее начали, имея возможность не начинать. Если бы Христос смотрел на всякого воина так же, как смотрят толстовцы, то есть как на убийцу, то, несомненно, высказался бы по этому поводу хотя один раз; однако во всем Евангелии мы не находим об этом ни одного слова; но так как Он не осудил капернаумского сотника за принадлежность к числу римских воинов и не повелел ему оставить свою службу после того, как исцелил его слугу, то следует заключить, что Иисус Христос не считал убийцами тех, которые, защищая ближних своих, душу свою полагают за них.

Прозящему у тебя дай

Прозящему у тебя дай (Мф. 5, 42), — сказал Иисус. Но, спрашивает блаженный Августин, значит ли это, что ни в какой просьбе не отказывать? Обязан ли был Иосиф исполнить требование жены Пентефрия, или Сусанна — сдаться на обольщение иудейских старшин! Должен ли я ссудить деньгами того, кто замышляет воспользоваться ими для притеснения невинного или заведомо истратить их на удовлетворение своих порочных прихотей?

Всякому ли просящему нужно давать

Очевидно, продолжает Августин, правило это в некоторых случаях подлежит ограничениям. Да и в самих словах Спасителя Августин уже усматривает ограничение: под именем *просящего* можно разуметь *всякого* человека, а к глаголу *дай* нельзя прибавить дополнение *всего, чего он ни попросит*. Если ты отпустил нищего-ленивца, дав ему наставление о пагубных последствиях лени, то ты не отпустил его ни с чем, а подал ему нечто, хотя и не то самое, чего он просил. В таком смысле, по мнению Августина, толковал эту заповедь Сам Иисус Христос. Когда некто из народа сказал Ему: **Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство**, то Иисус отказал в исполнении этой, казалось бы, столь легкой просьбы, ответив: **кто поставил Меня судить или делить вас?** Но вместе с тем дал и окружавшим Его совет: **смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества** (Лк. 12, 13–15). Поэтому повеление *давай* означает: давай то, что для принимающего составляет истинное благо; бывают дары, которые вредно просить и полезно не получать; поэтому отказ в таких дарах составляет самое существенное подаяние.

Этому толкованию Августина не следует, однако, придавать распространительного значения. Если мы каждый раз будем входить в рассуждения о том, принесет ли пользу просящему получение того, о чем он просит, то, за невозможностью в большинстве случаев разрешить этот вопрос, будем, пожалуй, опасаться причинить просящему вред исполнением его просьбы, и потому будем воздерживаться от исполнения заповеди Христа — **прозящему у тебя дай**, то есть впадем в другую крайность.

Нередко просящему копейку на хлеб отказывают потому, что он, судя по внешнему виду его, способен к труду. «Он (говорят) должен работать, а не просить подаяния; таким тунеядцам грех подавать!» А не грех ли так говорить, не удостоверясь, действительно ли просящий копейку отказывался от работы и предпочел попрошайничество? Все ли желающие работать находят работу? Не случаются ли и с трудолюбивыми людьми несчастья, вследствие которых они теряют службу, лишаются заработка? Что же? Всем им, как способным к трудам отказывать в подаянии? Если отказываете в подаянии, так дайте работу, а не отпускайте просящего ни с чем! Если он выбился из колеи даже по своей вине, если он, не находя работы, нуждается, голодает, то отказ в подаянии не заставит ли голодного взять хитростью или силой то, в чем ему отказывают? Не натолкнут ли его эти отказы на преступление? Производящиеся в судах дела о кражах и грабежах представляют множество случаев нравственного падения вследствие неполучения своевременной помощи. Не будем же судить строго протягивающего руку за подаянием; если не можем предоставить ему работу и не имеем времени тщательно исследовать причину его нищеты и способы поставить его в прежнюю колею, то лучше, не мудрствуя лукаво, подадим ему, что можем. Если при таких обстоятельствах мы подадим, например, десяти просившим у нас, и из них девять окажутся обманщиками и тунеядцами, а десятого мы спасем от действительной беды, и если бы даже подаяние тунеядцу составляло грех, то несомненно, что спасение одного ближнего от гибели искупило бы те девять грехов. Ну а отказ этому десятому, действительно нуждавшемуся, разве не лег бы тяжким грехом на душу отказавших ему? Разве не к таким людям обратится Христос при окончательном суде над родом человеческим со словами: **алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня** (Мф. 25, 42–43)?

Иногда отказывают в подаянии неспособному к труду, например, старику, только потому, что он не в рублище и что ему выдают из приходского попечительства на наем угла и на хлеб; отказывающие ему в подаянии оправдывают себя, говоря: «Зачем ему подавать? Он просит лишнее, без чего может обойтись». Но пусть рассуждающий так спросит самого себя: всегда ли он просит у Бога только хлеба насущного, или же просит и чего-нибудь лишнего? И если он не ограничивается молением о хлебе на сегодняшний день, то как же он может надеяться получить от Бога просимое, если сам отказывает ближнему своему, просящему у него чего-нибудь побольше куска хлеба?

Иногда отказывают в подаянии очевидно голодному и прозябшему, и отказывают только потому, что общий вид его изобличает в нем человека неравнодушного к спиртным напиткам. Говорят, что он сейчас же пропьет данное ему подаяние и что поощрять таким образом пьянство — грех. Но не грех ли читать наставления о вреде пьянства человеку голодному и почти замерзающему? Не лучше ли сначала отогреть и накормить его, а потом уже побеседовать с ним о вреде пьянства? Иначе наставления сытого только раздражат голодного, озлобят его против всех имущих, но голода не утолят и продрогшего тела не согреют.

Мы уже сказали, что все заповеди Иисуса Христа объясняются главнейшей Его заповедью **люби ближнего, как самого себя**. Поэтому если мы когда-либо зададимся вопросом: следует ли дать просящему то, чего он просит? — то безошибочный ответ подскажет нам не холодный рассудок, а сердце, согретое любовью к ближним. Чтобы не впасть в фарисейство в деле благотворения, надо уметь мысленно стать в положение просящего ближнего, и сострадать ему, то есть страдать вместе с ним его страданиями и понять его желания; и если его желания не нарушают заповедей Христовых, то удовлетворить и, по возможности, как бы свои собственные желания.

Прозящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся [25] (Мф. 5, 42). Так передал нам слова Иисуса Евангелист Матфей, а Евангелист Лука записал ту же заповедь в следующих выражениях: **Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад** (Лк. 6, 30).

Благотворящий бедному взаимы дает Господу

«Сделав доброе дело, — говорит Златоуст, — не ищи благодарности, чтобы иметь тебе должником Самого Бога, Который сказал: «Взаймы давайте тем, от которых вы не надеетесь ничего получить. Имея такого должника, для чего же ты, оставив Его, требуешь от меня, человека бедного и скудного? Разве Этот Должник гневается, когда требуют с Него долг? Или Он болен? Или отказывается платить? Но разве ты не видишь Его несчетных сокровищ? Разве ты не видишь Его неизреченной щедрости? Итак, с Него проси и требуй, это Ему приятно. А если Он увидит, что ты с другого требуешь Его долг, то Он оскорбится этим, и не только не отдаст тебе, но и осудит тебя. В чем ты нашел Меня неблагодарным, скажет Он? Какую бедность у Меня нашел, что, оставив Меня, идешь к другим? Одному дал займы, а с другого требуешь? Ведь, хотя и человек получил, но велел дать Бог. Сам Бог сказал: **Благотворящий бедному дает займы Господу** (Притч. 19, 17). Ты дал займы Богу; с Него и требуй!» (Беседы на Евангелие от Матфея. 15).

Эту вдохновенную речь святителя мы должны вспоминать всегда, как только нас возмутит неблагодарность облагодетельствованных нами. Если мы, делая ближним добро (или, как сказал Христос, употребляя удобопонятные для Своих слушателей выражения — **давая им займы**), будем рассчитывать получить от них похвалу, благодарность или подобное же добро, то чаще всего нам отплатят самой черной неблагодарностью; и эта неблагодарность будет достойным воздаянием за то, что мы, благотворя, не были бескорыстны. **И если займы даете** (то есть делаете добро) **тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность?** (Лк. 6, 34); то есть достойны ли вы за то какой бы то ни было благодарности? В другой беседе Своей Христос объяснил, что, делая добрые дела, благотворя, мы исполняем лишь заповедь Его, то есть волю Божию, и потому не вправе даже рассчитывать на благодарность людей. **Кто из вас, сказал Он, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдь скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать** (Лк. 17, 7—10). Так пусть же людская неблагодарность не останавливает нас делать то, что повелел нам Бог! Не будем вменять себе в доблесть или особую заслугу исполнение наших обязанностей по отношению к ближним! Не будем отвращаться от хотящего воспользоваться нашей готовностью помогать ближним! Да и помогая им, будем помогать вполне бескорыстно, не рассчитывая ни на какую услугу или иное воздаяние с их стороны.

Любите врагов ваших...

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного (Мф. 5, 43—44).

На с. 325—326 приведен ветхозаветный закон, повелевавший евреям не мстить и не иметь злобы на сынов народа своего, но любить ближнего своего, как самого себя. Считая себя обязанными любить только сынов народа своего и признавая людей других народов своими врагами, евреи понимали этот закон как повеление ненавидеть врагов. Ненавидели врагов и язычники, и самые грешные, по понятиям евреев, люди, то есть мытари. Христос же требовал, чтобы ученики Его были в нравственном отношении выше всех евреев и язычников, чтобы они были достойными сынами Отца своего Небесного. И как Отец их Небесный, чуждый гнева и ненависти, любит всех людей, даже злых и неправедных, — видимым доказательством чего может служить повеление Его Своему солнцу светить добрым и злым, и дождю изливаться на праведных и неправедных, — так и они, ученики Христа, желающие быть сынами Отца Небесного, должны любить всех, любить врагов, благословлять проклинающих, благотворить ненавидящим и молиться за обижающих и гонящих их. Только при этом условии они и могут называться сынами Отца Небесного.

Пример Христа

Показывая пример исполнения заповеди о любви к врагам, Иисус молился за распинавших Его: **Отче! прости им, ибо не знают, что делают** (Лк. 23, 34). В подтверждение же того, что Бог любит всех людей, злых и добрых, праведных и неправедных, Христос сказал: **Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию** (Мф. 9, 13). Да, Он пришел спасти грешников и проявил к ним такую любовь, что, спасая их, душу (то есть жизнь) Свою отдал за них.

Заповедав Своим ученикам такую возвышенную, чистую любовь, которая дает людям, ее проявляющим, право именоваться сынами Отца Небесного, Иисус тотчас же для сравнения указал им на любовь мира сего, то есть на себялюбие. От этой-то любви, любви корыстной, свойственной грешникам и язычникам, и предостерегал Он Своих учеников, говоря: **если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?**

Мнение толстовцев о любви к врагам

Любить врагов? По мнению толстовцев, это невозможно. Это (говорят они) одно из тех прекрасных выражений, на которые нельзя иначе смотреть, как на указание недостижимого идеала; можно не вредить своему врагу, но любить — нельзя; не мог Христос предписывать невозможное (Л. Н. Толстой. В чем моя вера?).

Исходя из положения, что нельзя любить личного врага и что Христос не мог предписывать невозможное, толстовцы полагают, что под именем *врага* Христос разумел врага народа; нельзя (говорят они) любить личных врагов, но людей вражеского народа можно любить точно так же, как и своих.

Опровержение этого мнения

Если из всей Нагорной проповеди вырвать одно только изречение Иисуса о любви к врагам и если толковать его без связи с остальными изречениями, то, пожалуй, можно было бы согласиться с толстовцами. Но если слово о любви к врагам не отделять от последующих слов Иисуса о благословении проклинающих, благотворении ненавидящим, молитве за обижающих, а также о любви только к любящим, приветствии только братьев и прочее, то станет ясно, что Христос говорил не только о врагах народных, о людях вражеского народа, но и о личных врагах и даже главным образом о врагах личных.

Мы привели здесь мнение толстовцев не потому, чтобы считали его заслуживающим опровержения, но для того, чтобы доказать, что личного врага можно любить и что Христос не предписывал ничего невозможного.

Кто привык гневаться по всякому, самому ничтожному даже поводу; кто не умеет владеть собой; кто никому ничего не прощает; кто воздаёт злом не только за зло, но даже и за добро; кто мстит всем, причинившим ему какую-либо неприятность, — тот, конечно, не может любить своего личного врага, а может только ненавидеть его. Если такому человеку сказать, что Христос заповедал любить врагов, то он ответит, что любить врагов невозможно, что Христос указал этой заповедью на совершенство, достижение которого не по силам человеку.

Но ведь Христос не с этой заповеди Начал Свою Нагорную проповедь? Заповедью о любви к врагам Он почти окончил Свои поучения о том, каковы должны быть люди, желающие достигнуть истинного счастья, блаженства, то есть вечной жизни в Царстве Небесном. Начал же Он Нагорную проповедь другими, более легкими заповедями и, излагая их одну за другой, постепенно довел Своих учеников и других слушателей до сознания о возможности и необходимости любить даже врагов. Он прежде всего требовал смиренномудрия, сокращения о грехах, кротости, стремления к познанию правды Божией, милосердия, чистоты даже помыслов, умиротворения враждующих, терпения в перенесении страданий и гонений за правду. Затем, как бы обращаясь к возрожденному исполнением таких заповедей человеку, Он требует от него не только не причинять никому никаких страданий, но даже не гневаться ни на кого и

безотлагательно мириться с гневающимся на него братом, быть верным жене своей и не осквернять брачного союза даже любострастным взглядом на другую женщину, быть, безусловно, правдивым и не нуждаться в подтверждении своих слов клятвой, не мстить, но воздавать добром за зло, и просящему не отказывать в помощи. Понятно, что человек, исполнивший и эти заповеди, достигший такого высокого нравственного совершенства, благотворящий и ненавидящему его, будет, несомненно, сокрушаться о грехах своего врага, будет искренно желать, чтобы он покался и тем избавил себя от осуждения, словом, будет *жалеть* его; жалость же есть не что иное, как основа любви; кто жалеет врага, кто желает ему добра, тот несомненно и любит его.

Жизненный опыт указывает, что даже человек, не достигший высокого нравственного совершенства, но просто добрый, нередко совершенно бескорыстно щадит врага своего, жалеет его, следовательно, проявляет любовь к нему.

Поэтому любовь к врагу вообще возможна, а для высоконравственного человека, исполнившего все заповеди Христовы, даже необходима как неизбежное следствие совокупности всех усвоенных им добродетелей.

Оканчивая изложение главнейших заповедей Своих, Иисус сказал: **будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.**

Слова эти нельзя понимать в смысле повеления сравняться с Богом в совершенстве, так как величие Божие; недостигаемо и даже непостижимо для человека.

Возможность достижения человеком совершенств Бога, открытых во Христе-человеке

Познавать Бога и Его совершенство люди стали лишь с пришествием Христа на землю, и именно в лице Его, Богочеловека. Своим учением и проявлением божественной силы всемогущества в совершенных Им чудесах Христос открыл нам величие Отца Своего и недоступные нам совершенства Его, как Бога. Но так как Он был Богочеловек, то в Нем открылись нам, во всей полноте своей, и те совершенства Божества, которые может вместить в себе человек. Поэтому, признавая для себя недостигаемыми совершенства Христа-Бога, мы можем, однако, стремиться к достижению тех совершенств Отца Небесного, которые открыты нам во Христе-Человеке. Давая нам заповеди, Христос на Себе показал пример исполнения их, то есть образец того совершенства, которое доступно человеку

По поводу стремления к совершенству блаженный Августин говорит: «Не будь доволен той степенью нравственного достоинства, на которой ты находишься, но стремись к той, которой еще не достиг; ибо, как только ты смотришь на себя с самодовольством, то уже не пойдешь далее; если же скажешь: довольно! — то ты погиб. Все прибавляй, все иди вперед, все совершенствуйся!»

Сказав ученикам Своим, *чего* они не должны и *что* должны делать, чтобы достигнуть блаженства в вечной жизни, Иисус Христос перешел затем к вопросу о том, *как* надо делать то, что Он заповедал.

Не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас, сказал Он.

Воспрещение творить милостыню напоказ

Этими словами Христос не запрещает творить милостыню или вообще добрые дела перед людьми, в присутствии сторонних людей, так как отказ просящему на том только основании, что люди могут заметить дающего и прославить его за то, нарушил бы заповедь — **Прозящему у тебя дай** (Мф. 5, 42). Христос говорит здесь не об обстановке, в которой совершаются добрые дела, а о намерении, с которым они совершаются. Если доброе дело совершается исключительно во имя чистой любви к ближнему, без всяких расчетов на похвалы людей или награды от сильных мира сего, то, хотя бы пришлось совершить его и всенародно, оно не перестает через это быть истинно добрым делом, исполнением воли Божией.

Опасение быть замеченным не должно останавливать в исполнении обязанностей по отношению к ближним. В той же Нагорной проповеди Иисус сказал: **да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного** (Мф. 5, 16). Следовательно, нет ничего дурного не только в том, что доброе дело совершается в присутствии сторонних людей, но даже и в том, что эти сторонние люди прославляют творящего добро. Но если подавание или пожертвование дается или вообще доброе дело совершается с тем, чтобы обратить на себя внимание людей и прославиться среди них в качестве благотворителя, или же снискать себе особое благоволение сильных мира сего и получить чин или орден, то подающему с такой целью подавание не будет вменено в праведность и не избавит его от осуждения, ибо не любовь к ближнему руководила им, а исключительно тщеславие, себялюбие, желание получить награду здесь, на земле.

Таких лжеблаготворителей Христос сравнивает с лицемерами, подававшими милостыню не иначе, как в многолюдных собраниях, в синагогах и на улицах, и при том так, чтобы обратить на себя всеобщее внимание (как бы трубя перед собой), разглашая о предстоящей раздаче милостыни. Эти лицемеры чаще всего ненавидят ближних своих, обирают их, и если от избытка награбленного дают что-либо на благотворительные дела, то не из любви к ним, а с единственной целью прославиться благотворителем и тем обелить свои грязные дела. Их-то и осуждает Христос.

Но иногда человек, творящий добрые дела исключительно из любви к ближним, без всяких расчетов на похвалы и награды земные, может потом сам себя возвеличить и возмечтать о своих доблестях. Такое самомнение, гордость, несомненно, более тяжкий грех, чем тщеславие; и от этого-то греха предостерегает Христос, заповедуя творить добро как бы втайне от самого себя: **пусть левая рука твоя не знает, что делает правая** (Мф. 6, 3), то есть, сотворив добро, скорее забыть про него и никогда о нем не говорить и даже не вспоминать; не говорить, чтобы не вызвать лстивых похвал людских; не вспоминать — чтобы не возгордиться; но помнить всегда, что, творя бескорыстно добрые дела, мы ничего особенного не делаем, за что достойны были бы похвал, а исполняем лишь свои обязанности, творим волю Божию.

Воспращение молиться напоказ

И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаться молиться, чтобы показаться перед людьми... Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Этими словами Христос не запрещает молиться в храмах и других молитвенных собраниях, как не запрещает и творить милостыню перед людьми; но Он запрещает молиться на виду у всех с тем, чтобы показаться перед людьми молящимся. Следовательно, и здесь осуждается не обстановка, в которой человек молится, но то тщеславие, ради которого человек показывается людям как бы молящимся. Такой человек не молится, не о Боге думает; нет, мысли его далеки от Бога: он думает только о том, как бы обратить на себя внимание окружающих его людей и заслужить у них славу набожного, праведного человека. Таких-то лицемеров и осуждает Господь.

Но если кто истинно молится в храме, не только не стараясь обратить на себя внимание окружающих, но даже стараясь остаться незамеченным ими, то за такое моление он не подлежит осуждению. Кто в молитве сосредоточивает все мысли свои только в Боге, тот даже не видит и не замечает окружающих его; да и что за беда, что его могут увидеть молящимся? Ведь *он молится не для того, чтобы его видели*, и потому значение и сила молитвы его через это не уменьшится.

Человеку, как существу несовершенному, Христос заповедал неуклонно стремиться к совершенству; но так как на пути к достижению этой цели постоянно встречаются препятствия в обуравляющих человека страстях и, между прочим, в тщеславии и гордости, то, желая устранить эти препятствия, Христос запретил

даже и добрые дела творить с дурными намерениями, с тем, чтобы люди видели их; заповедуя избегать людских похвал, нередко доводящих слабохарактерных до тщеславия и гордости, Христос сказал, что лучше подавать милостыню тайно, лучше молиться в уединении, чем подвергаться опасности греха. Истинному последователю Христа, достигшему некоторой степени совершенства, вполне безопасно и милостыню подавать всенародно и также всенародно молиться, потому что, подавая милостыню и молясь, он руководствуется только любовью к Богу и ближним, причем похвалы людские к нему не пристанут и не собьют его с твердого пути. Но если человек еще не окреп духом, если расточаемые ему похвалы могут вскружить ему голову и заставить его возмечтать о себе, сделаться гордым от сознания своих прославленных добродетелей, то только заповеданная ему Христом осторожность может спасти его от падения и гибели; такой человек, продолжая делать добрые дела исключительно из любви к Богу и ближним, должен считать эти дела лишь исполнением своих обязанностей и потому даже не вспоминать о них как о своих заслугах, забыть их, держать их втайне от себя. Молясь, он должен избегать взоров людских и молиться в том уединении, какого требует состояние его души. Если ему необходимо уединение в буквальном смысле, он должен войти в свою комнату и дверь за собой затворить, чтобы никто и ничто не мешали ему молиться. Если такого уединения не требуется, он все-таки должен уединиться в самом себе, все мысли свои сосредоточить исключительно в Боге, забыть все окружающее и не обращать никакого внимания на стоящих тут же посторонних людей. Если молящийся, например, в храме не может думать только о Боге, если стоящие возле него отвлекают его внимание и он, вместо стремления к Богу, начинает думать о житейских делах, то лучше ему молиться где-нибудь в одиночестве. Если нельзя молиться в своей комнате, молись в поле, в лесу, в дороге, на улице, вообще там, где никто не мешает тебе, где ничто не отвлекает тебя от Бога. Молись чаще, чаще мысленно беседуй с Богом, беседуй так, чтобы люди и не замечали этого.

По мнению Августина, *комната*, о которой говорит Христос, есть человеческое сердце, *дверь* — чувственный вход, через который проникают беспорядочные и нечистые житейские мысли, *дверь*, в которую всегда стучится искушитель, а находя ее затворенной и для него запертой, уходит и оставляет нас.

Ту же мысль высказывает и Амвросий Медиоланский: «Вот комната молитвы, которую ты всегда имеешь с собой; в эту комнату преимущественно должно уединяться, хотя бы мы находились и между людьми».

«Если и в комнату войдешь (говорит Златоуст) и затворишь за собой двери, а сделаешь это напоказ, то и затворенные двери не принесут тебе никакой пользы. Спаситель желает, чтобы ты прежде, чем затворить двери комнаты, изгнал из себя тщеславие и заключил двери сердца твоего. Из глубины сердца твоего извлеки глас, сделай молитву твою тайной».

В одной из дальнейших бесед Своих Иисус привел образцы молитв — тщеславной и сердечной: **два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне, грешнику!** (Лк. 18, 10–13).

Воспращение просить в молитве лишнего

Предостерегая от тщеславной молитвы лицемерных фарисеев, Христос предостерег Своих учеников и от подражания язычникам: **А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него** (Мф. 6, 7–8).

Молясь, не говорите **лишнего**. А что такое *лишнее* в молитве? На этот вопрос отвечает Сам Иисус

Христос в той же Нагорной проповеди: **не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам** (Мф. 6, 31–33). Смысл этих слов, в связи с прежде сказанными, таков: назначение человека — достигнуть вечной жизни в Царстве Небесном; средство к достижению этой цели — исполнение воли Божией, правды Его в этой земной жизни, в Царстве Божиим. Следовательно, главнейшая забота человека должна заключаться в отыскании возможности, путем исполнения воли Божией, вступить здесь в Царство Божие, сделаться достойным членом его, и тем открыть себе вход и в Царство Небесное. На этом он должен сосредоточить все свои мысли, сообразно этому во всем поступать и об этом молиться; все же не относящееся к этому, все земное, временное, как-то: пища, питье, одежда и прочее, все это — *лишнее*; лишнее не для человека, ибо он не может жить без пищи, питья, одежды, но *лишнее для молитвы*; *лишнее* потому, что человеку, ищущему прежде всего Царства Божия и правды Его, все это будет дано Богом и без прошения его, ибо Отец его Небесный знает, что он во всем этом имеет нужду.

Однако моление об этом лишнем не безусловно воспрещено. Научив нас молиться о хлебе *насушном*, Христос тем самым признал не подлежащим осуждению моление о даровании нам, *в мере действительной необходимости*, и благ земных; но это моление не должно заслонять собой искания Царства Божия и правды Его.

По этому поводу Иоанн Златоуст говорит: «Господь внушает, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего: ни красоты телесной, которая увядает от времени, изглаживается от болезни, исчезает при смерти; ни денежного богатства, которое, подобно речным водам, притекает и утекает, переходит то к одному, то к другому, убегает от тех, кто удерживает его, и не остается у тех, кто любит его, подвергается бесчисленному множеству бедствий от моли, от разбойников, от клеветников, от пожаров, от кораблекрушений, от нападений врагов и от прочих зол; ни почетной власти, которую также сопровождает множество скорбей. А некоторые из людей, впадших в крайнее безумие, не только просят у Всевышнего телесной красоты, богатства, власти и тому подобного, но восстают против своих врагов, умоляют послать им какое-нибудь наказание, и Того, Кого просят быть к самим себе милостивым и человеколюбивым, в отношении к врагам своим хотят сделать немилостивым и нечеловеколюбивым. Господь, желая предотвратить это, заповедует: не говорите лишнего» (Беседы о жизни по Богу. Т. 3. Кн. 1).

Заповедуя не говорить на молитве лишнего, как язычники, Христос пояснил, что язычники думают, что в **многословии** своем будут услышаны.

Толкуя эти слова, «Августин делает различие между *многословием*, которое здесь порицается, и неустанными молитвами, которые Господь так усиленно поощряет в другом месте. Кто Сам проводил ночи в молитве, Кто сказал: **ищите, и обряцете** (Мф. 7, 7) Кто объяснял притчей, что должно всегда молиться и не унывать, Тот, конечно, был очень далек от порицания *продолжительной* молитвы, если это действительно молитва. Он может осуждать только те молитвы, которые под этим названием представляют нескончаемый набор громких и пышных слов, заменяющих изливания глубочайшего, искреннего чувства и невыразимые в словах сердечные воздыхания» (Тренч. Нагорная проповедь).

Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него (Мф. 6, 8). По поводу этих слов некоторые спрашивают: а если Он наперед знает, чего мы просим, то какая необходимость вообще просить чего-либо? Какая нужда выражать какое-либо прошение словами, пересказывать что-либо Тому, Кому все уже известно? Какая нужда вообще в молитве?

Слова Иисуса — **знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него** — содержат в себе воспрещение многословия в молитве, а не самой молитвы [26]. Если бы не было надобности в молитве вообще, то Христос не говорил бы: **Просите, и дано будет вам** (Мф. 7, 7); **молитесь**

за обижающих вас и гонящих вас (Мф. 5, 44); истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам (Ин. 16, 23) и т. д.

Но почему же (говорят) Всеблагий Бог не подает людям все, в чем они имеют нужду, и без прошения их, без молитвы?

По учению Иисуса Христа, люди имеют действительную нужду лишь в достижении Царства Небесного; но так как человек одарен свободой воли и может произвольно искать это Царство или бежать от него, то понятно, что оно только просящему дано будет. В стремлении к достижению этой цели; в борьбе с искушениями и страстями, силы человеческие нередко ослабевают, и потому молитвенное обращение к помощи Божией становится неизбежным. Сам Христос молился в Гефсиманском саду перед предстоящими Ему страданиями, когда заметил, что Его человеческие силы слабеют; искушаемый мыслью о возможности избавиться от этих страданий, Он молился и окончил молитву Свою словами: **да будет воля Твоя!**

Следовательно, Иисус Христос не только не осудил обращение наше к Богу в молитве, но даже словом и примером Своим заповедал нам молиться.

Подает же Бог без прошения, без молитвы, только ищущим прежде всего Царства Божия и правды Его, и притом подает им только то, что для них считается *лишним* в молитве.

Молитва Господня

Молитесь же так: **Отче наш...** Молитва, данная Господом Своим ученикам и известная под именем молитвы Господней (Мф. 6. 9—13), есть только образец согласной с Его учением молитвы, нисколько не исключающий возможности и других молитв, ибо и Сам Господь Иисус Христос произносил другие молитвы (Ин. 17).

Отче наш. Бог, как Творец мира и людей, считается Отцом всех Своих творений. Но все ли люди смеют называть Его своим Отцом?

Для того, чтобы иметь право называть Бога Отцом, надо исполнять заповеди, данные Христом: «Любите (сказал Он) врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас, **да будете сынами Отца вашего Небесного** (Мф. 5, 44—45)».

Следовательно, только исполняющие заповеди Христовы, стремящиеся к совершенству, могут называть Бога своим *Отцом*; все же остальные люди, не переставая быть творениями или, по ветхозаветному, рабами Божиими, недостойны именоваться сынами Отца Небесного. В этом убеждает нас происшедший после Нагорной проповеди разговор Иисуса с иудеями. Иисус сказал иудеям: **Вы делаете дела отца вашего. На это сказали Ему: Мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога. Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего** (Ин. 8, 41—44).

Сыны Отца Небесного должны быть чужды себялюбия; они должны любить весь род человеческий, даже врагов своих, и за всех молиться. Вот почему, уча Своих последователей молиться, Христос повелевает им говорить — **Отче наш**, а не *Отче мой*, то есть молиться за всех, а не за себя только.

Называя в этой молитве Бога Отцом *нашим*, мы тем самым признаем всех людей, как детей одного Отца, нашими братьями; а так как братья должны быть равноправны, то и все люди равны перед Богом; ни богатство, ни знатное происхождение не могут выделить человека из общего уровня; только благочестие, исполнение воли Божией, искание Царства Божия и правды Его могут отличить человека и сделать его

достойным сыном Отца Небесного.

Суций на небесах. На обыкновенном разговорном языке *небом* всегда назывался и теперь называется весь мир, кроме земли. Но так как Бог есть Дух, не нуждающийся в каком-либо особом месте для Своего пребывания, Дух вездесущий, то слова молитвы — *суций на небесах* — надо понимать не буквально. Отцом *Небесным* мы называем Бога в отличие от отца *земного*, как и вообще все неземное называем небесным.

Да святится имя Твое. «Что это значит? (спрашивает Августин) Может ли Бог быть еще святее, чем *Он* есть? В Себе Самом не может; это имя само в себе пребывает одно и то же, вовеки святое; но святость его может умножаться и возрастать в нас самих и в других людях, и в этом прощении мы молимся, чтобы род человеческий более и более познавал Бога и чтил Его Всесвятого».

«Да святится — значит *да прославится* (говорит Златоуст). Сподоби нас — как бы так учит нас Спаситель молиться — так чисто жить, чтобы через нас все Тебя славили» (Беседы на Евангелие от Матфея. 19).

В начале Нагорной проповеди Иисус сказал Своим ученикам: **да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного** (Мф. 5, 16). Добрые дела совершаются во исполнение воли Божией; видящие осуществление этой воли в добрых делах познают святость Бога, во имя Которого эти дела совершаются, познают святость имени Его, а через это имя Божие святится, признается святым, прославляется даже и теми людьми, которые до того времени были далеки от Бога.

В первые века христианства истинные последователи Христа, исполнением заповедей Христовых, в которых им открыта была воля Божия, самоотверженной любовью к ближним и всегдашней готовностью душу свою положить за них привлекали к Христу толпы язычников, познававших в них величие и святость Того Бога, воля Которого вдохновляла их, и имя Которого свяtilось в них.

Можно привести много примеров и из позднейших времен, даже из нашего времени, когда добрые дела и вообще святая жизнь праведника заставляли маловерных и даже неверующих признать величие Божие и святость имени Его.

Поэтому слова — **да святится имя Твое** — можно понимать так: да проявится святость имени Твоего в людях, творящих волю Твою! Да светит свет Твой в них, и да познают и прославят Тебя все народы земли! Да будет везде свято имя Твое!

Да придет Царствие Твое. Бог есть Творец и Царь всего мира; следовательно, Царство Его — весь мир. Но в учении Иисуса Христа отличается Царство Божие на земле от Царства Небесного.

Под именем Царства Небесного разумеется та неземная жизнь вечного блаженства, которая обещана праведным людям после окончательного Суда Божия над родом человеческим, после Страшного Суда. Царство Небесное придет независимо от желаний или молитв людей; молитвы не могут ускорить наступление его; следовательно, здесь речь идет не о наступлении его. Царством же Божиим Христос называл Царство земное, совокупность всех людей, творящих волю Божию, таких людей, для которых воля Божия, заповеданная нам Христом, составляет высший и безусловно обязательный закон, которые одушевлены истинной любовью ко всем, даже врагам, и которые благотворят даже и ненавидящим их; это — духовное Царство, не ограниченное никакими границами: оно везде, где люди творят волю Божию. Вот о скорейшем наступлении этого Царства для всех людей мы и молимся, когда говорим: **да придет Царствие Твое**. Мы молим Бога, чтобы все люди скорее познали Его волю и исполнили ее, чтобы Царство Божие, Царство мира, любви и добра [27] вместило бы в себе всех без исключения людей и объединило бы их в единое стадо с Единым Пастырем.

Но так как достигнуть Царства Небесного можно не иначе, как пройдя земную жизнь и, притом исполняя волю Божию и, вследствие этого, состоя членом Царства Божия здесь, на земле, то, молясь о том, чтобы Царство Божие вместило *всех* людей, мы тем самым молим и о вступлении *всех* без исключения людей в Царство Небесное. Следовательно, произнося слова — **да придет Царствие Твое** — мы одновременно молим о распространении на всех людей Царства Божия и о нелишении их Царства Небесного.

Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Бог — Творец мира; Ему подчинено все. Но Он же, создав человека, даровал ему свободу воли. Злоупотребляя этой свободой, люди действуют далеко не всегда согласно с волей Бога. Вот почему весь мир, руководимый исключительно волей Бога, противопоставляется людям, руководимым своей свободной волей, как небо противопоставляется земле; и если мы просим, чтобы воля Божия была и на земле, как на небе, то это означает нашу просьбу, чтобы воля Божия руководила людьми так же, как она руководит всем миром, чтобы воля людей совпадала бы с волей Бога, чтобы люди желали лишь того, что угодно Богу. Это не уничтожает свободу воли человека, но приводит ее в согласие с волей Бога.

Эту необходимость согласования своей воли с высшей волей Иисус Христос объяснил при другом случае: **не ищущей Моей воли**, сказал Он, **но воли посланного Меня Отца** (Ин. 5, 30). Если Он, Богочеловек, во всем согласовал Свою волю с волей Посланного Его, то тем более мы, обуреваемые искушениями и немощами нашего тела, должны заботиться о том, чтобы воля наша во всем согласовалась с волей Отца нашего Небесного.

В той же Нагорной проповеди Христос сказал: **Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного** (Мф. 7, 21). Вот почему Он учит нас после слов — **да придет Царствие Твое** — говорить: **да будет воля Твоя, да исполняется всеми людьми воля Твоя!**

Хлеб наш насущный дай нам на сей день. «Он повелел (говорит Златоуст) просить *хлеба насущного* не для объедения, а для питания, восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть от голода, — не роскошных столов, не разнообразных яств, произведений поваров, изобретений хлебопеков, вкусных вин и прочего тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу. Не этого просить научает нас заповедь, но *хлеба насущного*, то есть обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день... В самом деле, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашний день, то для чего беспокоишь себя заботой о нем?.. Тот, Кто даровал тебе тело, вдохнул душу, сделал тебя животным разумным и приготовил для тебя все блага прежде, нежели создал тебя, забудет ли тебя, Свое создание?» (Беседы «О жизни по Богу»; Беседы на Евангелие от Матфея. 19).

В этих словах молитвы, под именем хлеба насущного разумеется все, крайне необходимое для поддержания нашей жизни. А так как человек состоит из души и тела, то под хлебом насущным надо разуметь не только пищу, питье, одежду, жилище и все прочее, необходимое для поддержания жизни тела, но и все, что облагораживает, очищает, возвышает наши души и тем приближает их к Богу.

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, то есть прости нам грехи наши *так, как* и мы прощаем согрешившим против нас.

Христос заповедал нам любить врагов наших, благословлять проклинающих нас, благотворить ненавидящим нас и молиться за обижающих и гонящих нас. Кто исполняет эту заповедь, тот, несомненно, *прощает* своих врагов, и за то сам заслуживает прощения грехов. Но если кто и не достиг такого совершенства, кто еще не может любить врагов своих и благо творить им, но, однако, не гневается на них и прощает им все обиды, тот все-таки в праве просить у Бога прощения грехов своих.

Но кто не прощает согрешившим против него, кто гневается на них и желает им зла, — смеет ли тот самый просить у Бога прощения своих грехов? Ответ на этот вопрос содержится в следующих пояснительных словах Иисуса Христа: **Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.**

Итак, прежде чем просить у Бога прощения грехов наших, мы сами должны простить всем своим обидчикам; мало того, мы должны примириться с тем, на кого сами не гневаемся, но кто имеет *нечто* против нас, то есть считает себя обиженным нами; и тогда только мы можем молиться о прощении грехов наших.

Вдумайтесь в эти слова молитвы: *прости нам грехи наши так, как и мы прощаем согрешившим против нас!* И если вы не прощаете обидевших вас, то вы должны прийти в ужас от этих слов, которые произносите ежедневно. Ведь вы просите, чтобы Бог не прощал вас! Вы просите, чтобы Он простил вас *так, как* и вы прощаете; а если вы таите злобу против обидевших вас и не хотите простить их, то, значит, вы просите Бога, чтобы и Он не прощал вас. Одумайтесь же и не дерзайте просить у Бога прощения ваших грехов, если сами не прощаете обидевших вас! Спешите скорее простить всех, чтобы не было поздно! Ведь вы не знаете, когда будете отозваны из этого мира, а за пределами этой жизни нет места ни покаянию, ни всепрощению!

«Бог благоволил вступить с нами в договор (говорит блаженный Августин); Он говорит тебе: прости, и Я прощу! Не простил ты — сам против себя идешь, а не Я».

Необходимость прощать все обиды, чтобы получить прощение своих грехов, Христос объяснил особенно наглядно в притче о должнике (Мф. 18, 21–35), которую окончил такими словами: **Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его** (Мф. 18, 32–35).

Бывают случаи, когда мы прощаем согредившего против нас брата, но прощаем не чистосердечно, не из любви к согредившему, не из-за желания снять с него тяжесть греха, а по особым соображениям, находя это в данное время выгодным для себя; словом, прощаем не охотно, а как бы по принуждению. Хотя такое вынужденное прощение все-таки лучше гнева и затаенной злобы на брата, но оно не дает нам права надеяться, что и Бог простит нам наши прегрешения. В приведенных выше словах Господа, которыми Он окончил притчу о должнике, заключается положение, не вызывающее ни малейшего сомнения: **«Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его»**. Да, надо прощать охотно, искренно, чистосердечно, из любви к ближнему, а не по иным соображениям, и только тогда мы в праве надеяться, что и Господь простит нам наши грехи; только тогда мы можем обращаться к Богу с мольбой: **и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.**

Сознающий свою греховность, осуждающий себя, решающийся больше не грешить естественно желает снять с себя ответственность за совершенные им грехи, а потому в раскаянии молит о прощении. Таким образом, искренняя молитва о прощении грехов есть вместе с тем и покаяние в грехах.

Кто не раскаивается в грехах своих, кто не признает себя грешным, тот не нуждается в прощении грехов и не молится о том. **Покайтесь**, — взывал Иоанн Креститель (Мф. 3, 2). Призывом к покаянию начал Свою проповедь и Иисус Христос. За покаянием следует молитва о помиловании; нет покаяния без молитвы, нет и молитвы без покаяния.

И не введи нас в искушение.

Искушением вообще называется испытание, в частности же — соблазн. Испытать можно Бога и человека. По отношению к Богу искушение выражается большей частью в требовании от Него доказательств Его всемогущества или же в испытании Его милосердия. По отношению же к человеку искушение выражается в испытании его нравственных сил склонением его к чему-либо безнравственному, греховному. Испышает нас соблазном греха злой дух, а также люди; испышаем мы и сами себя. Бог же никого не испытывает. Если Он иногда и насылает на нас беды для испытания нашей веры, то такие испытания не могут считаться искушениями в смысле соблазна. Подвергаться искушениям, соблазнам — неизбежная участь каждого человека; и чем сильнее искушение, тем труднее борьба с ним, но зато тем приятнее победа, тем выше подвиг победителя. Сознывая неизбежность для человека искушения вообще, мы не должны, однако, на этом основании искать их, идти навстречу им. Это было бы слишком самонадеянно с нашей стороны. Напротив, зная слабость свою, мы должны всеми мерами избегать их сами и отвращать от них наших ближних. Но если искушение пришло, мы должны встретить его во всеоружии разума и воли и победить его, устоять против соблазна, не поддаться ему. Если человек начнет свое самоисправление и возрождение, по указаниям Иисуса Христа, с сознания своей духовной нищеты, и пройдет последовательно, с Божией помощью, все ступени лестницы, ведущей к возможному для него совершенству, то дальнейшая борьба будет для него легка; но и в таком случае, при всей легкости борьбы, он не должен забывать возможности своего падения, и потому постоянно должен молить Бога о помощи.

Испытать, то есть соблазнять нас, наталкивать нас на совершение чего-нибудь дурного, могут: мы сами, то есть наши похоти и страсти, затем другие люди и, наконец, дух зла. Животное не может бороться с похотями своего тела и вполне подчиняется им. Человек же одарен духом, господствующим над телом, и потому может побеждать похоти его. Силой того же духа он может бороться и с соблазнами близких ему людей и, в крайности, должен отречься от соблазняющего его друга, хотя бы он был так необходим, как глаз или правая рука. Может соблазнять нас и диавол. Диавол может только соблазнять нас, внушать нам дурные мысли и желания, но власти над нами не имеет; если он, по-видимому, и приобретает над нами власть, то только потому, что мы сами, добровольно, подчиняемся ему без сопротивления, сами вручаем ему эту власть и становимся его рабами, но такой власти над нами ему не дано свыше. Мы можем побеждать и его, мы должны быть победителями! И если мы ведем упорную борьбу с ним и сознаем, что без помощи свыше можем не выдержать всего натиска духа зла, то должны молить милосердного Бога о помощи (подробности о злом духе см. выше, с. 145).

Итак, мы молимся не о том, чтобы не подвергаться искушениям, так как обязаны сами по возможности избегать их, а о том чтобы, вступив в борьбу с искушениями, не обессилеть, не пасть, не причинить тем себе зла.

Итак, наше бессилие в борьбе с искушениями, наше нравственное падение причиняет нам много зла. Молясь о поддержании нас в борьбе, мы, вместе с тем, молим и об избавлении нас от вредных последствий борьбы, победителями из которой мы не сумели и не смогли выйти. Мы молим избавить нас от зла, от бедствия, которое постигло нас отчасти по нашей вине. И так как мы привыкли все зло приписывать диаволу, которого называем также духом лукавым, то и оканчиваем молитву словами: **но избавь нас от лукавого.**

Всепрощающий и любвеобильный Господь разрешил нам просить Его об избавлении нас даже от таких бед, какие мы могли бы сами предотвратить, если бы не обессилили в борьбе.

Молитва оканчивается исповеданием веры в Бога, Которому принадлежит **Царство**, то есть власть над всем миром, **сила** всемогущества и **слава** во все века.

Аминь — слово еврейское, означающее подтверждение чего-либо: «так, действительно, истинно, да

будет». Оно было произносимо народом в синагогах после прочтения кем-либо одним молитв. Обычай этот перешел и к христианам.

Воспрещение поститься напоказ

Предостерегая Своих последователей от пагубного тщеславия, Иисус Христос заповедал делать добрые дела и молиться не напоказ, не с тем, чтобы люди видели это и хвалили. Точно также заповедал Он и поститься так, чтобы люди этого не замечали.

Значение поста

Выше было сказано, что излишество в пище и питье обременяет желудок, помрачает ум и ослабляет волю. Такие последствия излишества испытал, вероятно, каждый из нас. Следовательно, для подчинения тела духу необходимо иногда воздержание от пищи и питья, и это в особенности необходимо в борьбе с искушениями и для лучшего сознания своих грехов, самоосуждения и покаяния. Воздержание от пищи и питья может быть полное и неполное, более или менее продолжительное, в зависимости от сил постящегося и от силы того искушения, с которым приходится бороться. Во всяком случае, человек должен поститься лично для себя, для торжества духа своего над страстным и похотливым телом, а не для того, чтобы казаться постящимся.

Фарисеи того времени особенно старались казаться постящимися. Евреи имели обыкновение часто совершать омовения тела и мазать голову маслом; это необходимо было в жарком климате Палестины. Фарисеи же в дни поста не умывались, не чесали волос и не мазали их маслом, надевали старые одежды и посыпали головы пеплом; так поступали они для того, чтобы необычным внешним видом своим обратить на себя внимание людей и обмануть их. Они не столько постились, сколько казались постящимися; обманутый ими народ хвалил их за такое мнимое благочестие, и они этим вполне удовлетворялись, так как только для этого и лицемерили.

От Своих же последователей Христос требует иного поста. Не будьте унылыми, мрачными, когда поститесь, не изменяйте своей внешности ничем и вообще старайтесь не обращать на себя внимания людей; ведь вы поститесь не для них, а для себя, и не перед ними, а перед Отцом вашим Небесным, Который видит все, что вы совершаете втайне, и знает даже ваши помышления; зная ваши добрые дела, молитвы и пост, совершаемые втайне от людей, Он воздаст вам явно [\[28\]](#).

Выше было сказано, что заповедями Христа не воспрещается явное совершение добрых дел и молитв, если они совершаются не для того, чтобы люди видели их; точно также не воспрещается и явный пост, если кто постится для подчинения своего тела духу, для большего удобства молиться и каяться, а не того, чтобы люди видели это и хвалили постящегося.

Цель земной жизни человека — достижение вечного блаженства в Царстве Небесном. Поэтому он должен заботиться только о том, что ведет его к этой цели: самоотверженная любовь к ближним, даже к врагам, совершение для них добрых дел, самоосуждение, покаяние, пост и молитва, это — такие сокровища, которые необходимы для вступления в Царство Небесное, и которые не отнимутся ворами и не истребятся ни молью, ни ржавчиной, как истребляются и отнимаются сокровища, имеющие значение лишь для кратковременной земной жизни.

Не собирайте себе сокровищ на земле

Зная слабость Своих слушателей к любостыжанию, к накоплению богатств и предметов роскоши, зная, что эта слабость, превратившись в страсть, отуманивает ум и делает сердце неотзывчивым к нуждам ближних, Христос предостерегал их от пристрастия к тленным сокровищам земли и заповедал им накапливать только те сокровища, которые имеют значение на небе, то есть для вступления в Царство Небесное. **Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и**

крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше (Мф. 6, 19–21). Полюбив богатство, предметы роскоши и вообще все земное и привязавшись к нему всем сердцем, человек не думает уже о накоплении тех нетленных сокровищ, которые открывают двери Царства Небесного: сокровища его, кумир его — на земле, и сердце его поработано земным; он ничего, кроме земного, не чувствует, не видит и не понимает; сердце его окаменело, глаза ослеплены, ум помрачен.

Поясняя эту мысль примером, Христос сказал: **если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно** (Мф. 6, 22–23).

С пришествием Христа на землю ум человеческий просветился Его учением; царившая до тех пор среди людей непроглядная тьма относительно их назначения, цели и смысла их временной земной жизни рассеялась; свет Христова учения озарил их и указал им путь, ведущий к вечной жизни в Царстве Небесном. Но если кто настолько омрачит, отуманит свой ум пристрастием к богатству, роскоши и всем земным утехам, что не будет уже видеть указанного ему пути, по которому все должны идти, то он уподобится потерявшему зрение. Как понятие о свете вещественном приобретает посредством восприятия лучей света сетчатой оболочкой глаза, так и понятие о Боге и назначении человека воспринимается посредством ума. Если человек обладает здоровым, неповрежденным зрением, то для него все светло, он видит все окружающее его, видит и свое тело светлым, освещенным; точно также и ум, не омраченный ничем, доступен для света Христовой истины. Но как для человека, потерявшего зрение, все погружается во тьму, и он перестает видеть даже свое тело, так и для человека с омраченным умом наступает тьма и он теряет способность познавать истину. И если человеку тяжело переносить ту тьму, которая водворяется вокруг него с потерей им зрения, то **какова же** та нравственная **тьма**, которая овладевает человеком при помрачении его ума привязанностью к сокровищам земли?

Заповедуя накапливать только такие сокровища души, которые ведут в жизнь вечную, Христос коснулся и того практического вопроса, который, конечно, волновал в то время многих из его слушателей: нельзя ли спасти свою душу, достигнуть вечной жизни, не покидая своей привязанности к богатству, роскоши и всем житейским утехам? Нельзя ли жить так, чтобы и добрые дела делать, и со своими кумирами, сокровищами земными, не расставаться?

Никто не может служить двум господам

«Нет! — отвечает Христос, — **никто не может служить двум господам!**» То есть никто не может одновременно служить двум господам с одинаковой к обоим любовью и преданностью; **ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть** (Мф. 6, 24). Так всегда бывает в обыденной жизни людей; точно так же нельзя быть одновременно преданным Богу, исполняя Его волю, и привязанным к земным сокровищам. Как сердце не может раздвоиться, так **не можете служить Богу и маммоне** (богатству): станете усердствовать в накоплении земных богатств, и за этим занятием, поглощающим все ваше внимание, будете не радеть о Боге, то есть о подготовке себе входа в Царство Небесное, а если стремление к накоплению богатств обратится в вас в страсть, то вы возненавидите все, что препятствует вашему любостыжанию.

Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться.

Не заботьтесь, то есть не предавайтесь излишним, беспокойным, томительным заботам о пище, питье и одежде, — таким заботам, которые поглощают все ваше время и внимание и отвлекают вас от забот о спасении души. Если Бог питает птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы,

если Он одевает полевые лилии так, как и Соломон во всей славе своей никогда не одевался, то, конечно, напичкает и оденет и вас, трудящихся, если вы будете искать прежде всего Царства Божия и правды Его.

Все это место Нагорной проповеди было неправильно понято манихеями и странствующими монахами, которые известны были под именем евхитов. Они осуждали всякий труд, всякую человеческую предусмотрительность, проповедовали праздность и воздержание от труда как особые добродетели.

Само собой разумеется, что только лень и празднолюбие подсказали тем странствующим монахам такое толкование слов Нагорной проповеди. Но если бы они понимали истинный смысл всего учения Иисуса Христа да стряхнули бы с себя лень, то не решились бы осуждать трудолюбие и заботливость.

Поселяя первых людей в рай, Бог вменил им в обязанность хранить и возделывать рай, то есть трудиться. Этот закон труда дан был не в наказание первым людям за грехи, так как они тогда еще не согрешили, а как необходимое условие счастья людей. Следовательно, кто трудится, тот исполняет волю Божию, а кто проводит время праздну, тот противится повелению Бога. Этот закон труда был подтвержден при изгнании Адама из рая: **в поте лица твоего будешь есть хлеб** (Быт. 3, 19). Признавая обязательную для всех людей силу этого закона, Христос до выступления на проповедь Сам постоянно трудился, добывая Себе пропитание ремеслом плотника. Он заповедал нам трудиться не только для себя, но и для ближних, чтобы голодного накормить, жаждущего напоить, странника приютить и нагого одеть. Посылая Апостолов Своих на проповедь, Он сказал им, **что трудящийся достоин пропитания** (Мф. 10, 10); посылая же семьдесят учеников проповедовать, Он сказал: **трудящийся достоин награды за труды свои** (Лк. 10, 7).

Предусмотрительность и забота тоже не воспрещены: Сам Христос с учениками Своими имел денежный ящик для покупки необходимого пропитания; после чудесного насыщения народа по Его приказанию были собраны оставшиеся куски, очевидно, для сбережения до следующего дня. Первые последователи Его и толкователи Его учения, Апостолы, не осуждали труд; Апостол Павел постоянно трудился (ремеслом его было делание палаток) и отказывался от всякой денежной помощи лично для себя (Деян. 18, 3; 20, 34; 2 Фес. 3, 8); он же, высоко ценя закон труда, писал Фессалоникийцам во втором послании своем: **если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**: (2 Фес. 3, 10).

Слова — **не заботьтесь** — не вполне верно передают выраженную Иисусом Христом мысль. Он не обязывает нас, подобно птицам небесным, не сеять, не жать и не собирать в житницы, и, подобно лилиям полевым, не трудиться и не прясть; но предостерегает только, чтобы заботы о том, что пить, что есть и во что одеться, не довели бы нас до того тревожного состояния духа, которое близко к безнадежному отчаянию, к потере веры в милосердие Божие. «Не унывайте, не отчаивайтесь и не **говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?.. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам** (Мф. 6, 31, 33). Трудитесь: **трудящийся достоин награды за труды свои** (Лк. 10, 7); но знайте, что награда за труды дается Богом и что вы сами, как бы ни заботились, ничего не можете достигнуть без помощи Божией. **Кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?»**

В церковнославянском переводе это последнее изречение изложено так: «Кто же от вас пекийся может приложить *возрасту* своему лакоть един?» Августин полагал, что Иисус Христос говорил здесь не о росте, а о возрасте, то есть о жизни, и что смысл этих слов таков: да и кто из вас одними своими заботами, без Божией помощи, может продлить жизнь свою хотя бы на один час?

Итак не заботьтесь (не сокрушайтесь, не отчаивайтесь) **о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.**

В этом последнем изречении слово *забота* опять-таки не вполне верно передает мысль Иисуса Христа. В церковнославянском переводе вместо слова *забота* поставлено — *злоба*, что более соответствует греческому *kakia*.

Довлеет дневи злоба его (Мф. 6, 34). «Не довольно ли для тебя (говорит Златоуст) есть хлеб твой в поте лица твоего? Для чего подвергаешь себя другому *злостраданию!* Для чего ты стараешься отяготить настоящий день больше, чем уделено ему тяготы? Для чего возлагаешь на него бремя и наступающего дня?» (Беседы на Евангелие от Матфея. 22).

«Кто же (спрашивает Августин) действительно живет по духу правил, преподанных здесь Спасителем? Тот, кто верит, что в случае немощи или иной причины, препятствующей ему работать, он и не трудясь будет накормлен, как кормятся птицы, будет одет как одеваются лилии; тот, кто, будучи здоров, в силах и среди благоприятных обстоятельств, помнит, что все это суть данные Богом средства к приобретению вещей, потребных для нашего тела; трудясь же, не думает, что есть иной, кроме Бога, истинный податель пищи и одежды; тот, кто помнит, что лишь заботливость, а не труд (ибо труд определен Богом) осуждается».

Не судите, да не судимы будете

Не судите, да не судимы будете (Мф. 7, 1). Так передал нам слова Иисуса Христа Евангелист Матфей. А Евангелист Лука, повторяя те же слова — **не судите, и не будете судимы**, — записал еще сказанное Христом, как бы в пояснение их: **не осуждайте, и не будете осуждены!** (Лк. 6, 37).

Толкование слова «судить»

Слово *судить* имеет несколько значений: во-первых, *судить* — значит рассуждать, думать, мыслить о чем-либо, обсуждать что-либо; во-вторых, *судить* — значит осуждать, порицать, злословить кого-либо за замеченные в нем действительные или воображаемые недостатки и за его поступки; и, в-третьих, *судить* — значит творить суд над людьми, разбирая и решая, с обязательной для них силой, их споры и тяжбы, а также разбирая дела о преступлениях и присуждая виновных к наказаниям.

Словам — **не судите, да не судимы будете** — можно, конечно, придать только второе или третье значение, но никак не первое.

Все христианские толкователи Евангелия согласны, что этой заповедью Христос запрещает злословие, злоязычие, порицание, осуждение ближнего за его действительные или воображаемые недостатки и за его поступки. Но с ними не согласен граф Л. Н. Толстой, утверждающий, что Христос запретил всякий вообще суд как отправление государственного правосудия; поэтому, ввиду распространенности среди образованных людей учения графа Толстого, рассмотрим и его мнение по этому вопросу.

Сказав — **не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы** — Христос, как бы в пояснение этой заповеди, добавил: **И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.**

Все это место Нагорной проповеди составляет дальнейшее развитие заповеди, выраженной в молитве Господней, в словах — **и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим** (Мф. 6, 12). Той заповедью Христос сказал, что прощение заслужит только тот, кто сам прощает всем, а здесь Он требует от Своих учеников и последователей еще большего совершенства и говорит: не только прощайте, но и не осуждайте, не порицайте обидевших вас.

По заповеди Христа, я должен любить врага своего и благо творить ему; я не смею не только воздавать ему злом за зло, но даже и гневаться на него; я должен прощать ему всякое причиненное мне зло и воздавать ему за него добром. А если таковы мои обязанности к моему ближнему, обидевшему меня; если я, независимо от степени его умысла и виновности против меня, должен, во всяком случае, простить его, то к чему же послужит порицание его поступков, осуждение его, злословие? Где порицание,

злословие, осуждение, там нет искреннего братского всепрощения. Я должен непринужденно, охотно, от всего сердца простить; следовательно, я не должен ни порицать, ни осуждать. **Не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете** (Лк. 6, 37).

Таким образом, сопоставляя эту заповедь Христа с прежде сказанными, следует прийти к заключению, что, говоря — **не судите**, — Христос запрещал порицание чужих недостатков и поступков, осуждение их, злословие.

Запрещая осуждение в смысле порицания, злословия, Христос не запретил *обсуждения* поступков ближнего с целью исправления его, что вытекает прямо из слов Его: **и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего** (Мф. 7, 5). Однако было бы крайне несправедливо замечать и с порицанием оглашать недостатки ближнего и его дурные поступки, не замечая в то же время своих собственных недостатков, обеляя свои дурные поступки. Чтобы быть обличителем чужих пороков, надо самому быть беспорочным; надо прежде вынуть из своего глаза бревно, и тогда уже указать брату на сучок в его глазе; да и указать-то не с порицанием, не укоризненно, не злорадно, а с любовью и желанием, чтобы это указание принесло ему пользу, чтобы он исправился. Надо предварительно исправиться самому, и потом уже, руководствуясь своим опытом, научить и брата, как ему избавиться от его грехов.

«Что же, скажешь ты, — если кто прелюбодействует, неужели я не должен сказать, что прелюбодеяние есть зло, и неужели не должен исправить распутника? Исправь, но не как неприятель, не как враг, подвергая его наказанию, но как врач, прилагающий лекарство. Надо не порицать, не поносить, но вразумлять; не обвинять, но советовать; не с гордостью нападать, но с любовью исправлять» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 23).

Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.

По мнению Августина, нелепо было бы думать, что если мы неправильно осуждаем других, то и Бог будет неправильно судить нас, или, если мы неправедно меряем другим, то и по отношению к нам будет употреблена неправедная мера. За неправоту, с которой грешник осуждает, ему будет воздано не такой же равномерной неправотой, а *строгостью* на Суде Божиим, сообразной степени его неправоты, *по неправоте его*. Давид в псалме своем (Пс. 17, 26–27) сказал: **Ты поступаешь... с лукавым — по лукавству его**, то есть строгость Своего Суда по отношению к лукавому Ты соразмеришь со степенью его лукавства.

Порицание, осуждение ближних, злословие по отношению к ним — грех весьма распространенный. Слепление зараженного этим грехом поразительно: он с наслаждением копается в душе ближнего своего, подмечая в ней самые малейшие пятна, и не замечает в то же время, что своя-то душа — сплошное грязное пятно; он издали видит сучок в глазе брата своего, а бревна в своем глазе даже и не чувствует; вместо того чтобы сожалеть согрешившего ближнего, он осуждает его и нередко злорадствует. Чтобы предостеречь от этого греха, Христос сказал: **Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете** (Лк. 6, 37). Напоминая нам об этой заповеди в покаянные дни Великого поста, Православная Церковь молится: *Господи! даруй мне зреть мои прегрешения, и не осуждать брата моего!* Следовало бы почаще произносить эту молитву людям, склонным к злословию.

Опровержение мнения графа Л. Н. Толстого

В таком смысле понимали и ныне понимают заповедь о неосуждении все христианские церкви. Но граф Л. Н. Толстой в сочинении своем «В чем моя вера?» старается доказать, что слова — **не судите, не осуждайте** — означают: «не только не судите ближнего на словах, но и не осуждайте судом, не судите ближних своими человеческими учреждениями, судами».

Свое мнение он основывает, во-первых, на том, что греческие слова *крино* и *катадикадзо*,

переведенные на русский язык словами *судить*, *осуждать*, не имеют иного значения, кроме *приговаривать по суду*, *казнить*, *приговаривать по суду к наказаниям*, и что в таком именно смысле слова эти употреблены в посланиях Апостолов Иакова (Иак. 4, 12) и Павла (Рим. 2, 1–4); во-вторых — на том, что толкователи первых веков отличали «свое учение от всех других тем, что они никого ни к чему не присуждают, никого не судят, не казнят, а только переносят мучения, налагаемые на них судами человеческими». Третье положение графа Толстого в защиту своего мнения, это — воздаяние судами за зло злом же (наказанием), вопреки учению Христа о всепрощении и непротивлении злу. Известно, что Лука писал свое Евангелие на греческом языке и что Евангелие Матфея, написанное первоначально для евреев на еврейском (арамейском) языке, было вскоре после написания переведено на греческий язык, и лишь в греческом переводе было в употреблении у первых христиан не из евреев.

Греческое слово *крино*, употребленное Евангелистами Матфеем и Лукой и переведенное на русский язык словом *судить*, означает: отбирать, разбирать, выбирать, разъединять, различать, судить, привлекать к суду, осуждать или присуждать к наказанию, сравнивать, испытывать, определять, судить или иметь суждение, осуждать. Греческое слово *катадикадзо*, употребленное только Евангелистом Лукой и переведенное на русский язык словом *осуждать*, означает: осуждать; но для того, чтобы оно означало *осуждать по суду*, *приговаривать к наказанию*, необходимо, чтобы оно было поставлено в связи с словом, обозначающим то наказание, к которому приговаривают.

Ввиду разнообразного значения слова *крино*, необходимо исследовать, какое именно действие обозначали этим глаголом Евангелисты, повествуя о других событиях. В Евангелии Иоанна имеются следующие изречения Христа: **Вы судите по плоти; Я не сужу никого... много имею говорить и судить о вас** (Ин. 8, 15, 26). В обоих этих изречениях в греческом списке стоит глагол *крино*, а так как очевидно, что Христос говорил не о присуждении по суду к наказаниям, а лишь об обсуждении поступков иудеев, то следует признать, что в изречении — **не судите, да не судимы будете** — глагол *крино* может иметь то же значение, то есть *осуждать*, *иметь суждение*, а не *приговаривать по суду к наказаниям*, как полагает граф Толстой.

И по отношению к глаголу *катадикадзо* необходимо узнать, в каком именно значении употребляли его Евангелисты при передаче других изречений Иисуса Христа. В Евангелии Матфея (12, 1–7) говорится, что, когда ученики Иисуса, проголодавшись, срывали колосья и ели зерна, то фарисеи, сопровождавшие Его, заметили Ему: **ученики Твои делают то, чего не должно делать в субботу**. Он же сказал им: **если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невинных** (в церковнославянском переводе **николиже убо бысте осуждали не повинных**). Из этого рассказа видно, что фарисеи в замечании своем, сделанном ими Иисусу, лишь упрекнули учеников Его в нарушении субботнего покоя, но не судили их, как судьи, не осудили их по суду; к тому же, они и не были судьями, следовательно, и не имели власти судить; между тем в греческом списке Евангелия, в этом изречении Иисуса, стоит глагол *катадикадзо*. Следовательно, этот глагол имеет двоякое значение: осуждать, то есть упрекать, порицать, злословить и осуждать, то есть приговаривать к наказанию. А так как Иисус Христос в Своих проповедях вообще не касался современных Ему государственных установлений и говорил, что Его Царство **не от мира сего** (Ин. 18, 36), то следует признать, что и в изречении — **не осуждайте, и не будете осуждены** — употребленный Лукой глагол *катадикадзо* имеет значение *осуждать*, *упрекать*, *порицать*, *злословить*, но не *приговаривать по суду к наказаниям*, как полагает граф Толстой.

Не приводя здесь дальнейших возражений графу Толстому по поводу толкования им греческих слов *крино* и *катадикадзо*, желающим ближе познакомиться с этим вопросом рекомендуем прочесть сочинение А. Орфано «В чем должна заключаться истинная вера каждого человека», из которого мы заимствовали вышеприведенные замечания.

Рассмотрим теперь другой довод графа Толстого, состоящий в том, что первые толкователи Евангелия отвергали суды.

Апостол Павел в первом послании к Коринфянам говорит: **Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых** (то есть язычников), **а не у святых** (то есть христиан)? **К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными. И то уже весьма унижительно... что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?** (1 Кор. 6, 1, 5–7). Уговаривая коринфских христиан терпеть лишения и обиды, в крайнем же случае судиться у христиан, а не у язычников, Апостол Павел тем самым доказал, что он не отвергал суды как установления человеческих обществ.

Апостол Петр в первом соборном послании своем говорит: **будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро** (1 Пет. 2, 13–14). Уговаривая христиан подчиняться всякому человеческому начальству, в том числе и судьям, приговаривающим к наказаниям за преступления, Апостол Петр, конечно, не отвергал суды как государственные установления.

Афинагор в своем «Прошении о христианах» говорит: «Мы научены не только бьющему не воздавать тем же и не судиться с теми, кто нападает на нас и грабит, но и подставлять для удара другую часть головы тем, кто ударит по щеке, и отдавать верхнее платье тем, кто отнимает нижнее. Конечно, если кто может обличить нас в великом или малом преступлении, мы не просим избавить нас от наказания, но *признаем справедливым нести наказание*, как бы ни было оно сильно и жестоко» (см. Сочинения древних христианских апологетов. Пер. Преображенского. Изд. 1895 г. С. 54–55). Считающий своей обязанностью прощать личные обиды и вместе с тем признающий справедливым нести наказание, определяемое судом за преступление, не мог, конечно, отвергать необходимость суда.

Впрочем, довольно мнений первых толкователей Евангелия! Они не могли отвергать суды человеческие уже потому, что их не отвергал Сам Иисус Христос.

Значение судов государственных

Не касаясь в Своем учении государственных установлений, проводя резкую грань между Своим Царством и царством мира, заповедуя нам воздавать кесарю кесарево, а Богу Божие, Христос в одном из Своих изречений высказался за необходимость суда. Обличая книжников и фарисеев, Он сказал: **Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять** (Мф. 23, 23). Словами этими он упрекнул книжников и фарисеев в том, что они, гоняясь за мелочами, отчисляя из своих доходов десятую часть даже от мяты, аниса и тмина, чего по закону и не обязаны были делать, пренебрегли исполнением самых важных предписаний закона — правосудием при исполнении ими обязанностей судей. А это важнейшее требование закона надлежало делать, то есть исполнять. Если же отправление правосудия надлежало делать, то, конечно, суды, учреждаемые для сего, не только не отвергнуты, но даже утверждены Христом как установления, необходимые в обществе людей, не сплотившихся еще в единое стадо с Единым Пастырем, в объединенное человечество единого Царства Божия.

Правда, Христос заповедал прощать все обиды, следовательно, не привлекать обидчика к суду; Он же сказал, что если **кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду** (Мф. 5, 40). Но все это относится только к обиженному или обижаемому; только обиженный может (и должен) простить причиненную ему обиду; но посторонний человек, не потерпевший от обиды, не в праве простить обиду, не ему причиненную. А так как судьи судят совершивших преступление не против них, а против посторонних им лиц, то понятно, что они, исполняя свои судебские обязанности, не вправе

руководствоваться заповедью о прощении; для них установлена другая заповедь: **милости хочу, а не жертвы** (Мф. 12, 7); милостивого и снисходительного отношения к обвиняемому, а не отмщения ему или устрашения других, требует от них Христос.

Граф Толстой говорит, что суды воздают преступникам злом за совершенное ими зло, тогда как Христос заповедовал воздавать за зло добром.

Нельзя не согласиться с тем, что если суд, приговаривая к наказанию, руководствуется лишь желанием отомстить преступнику за совершенное им зло, или же строгостью наказания устрашить других, дабы и им неповадно было, то он, несомненно, воздает злом за зло. Но, говоря — **милости хочу, а не жертвы**, — Христос имел в виду такой суд, который преступника (грешника) не делает орудием или средством для достижения посторонних ему целей, например, отмщения и устрашения. Заповедую любить даже врагов, Он тем самым вменил нам в обязанность любить и преступников, жалеть их, благо творить и им. А какое благо мы можем сделать преступнику? Неужели только предоставлением ему полной свободы беспрепятственно продолжать свою преступную деятельность? Но ведь мы должны любить не только злых, но и добрых, не только совершающих преступления, но и тех, которые страдают от этих преступлений: мы обязаны заступиться за обижаемых и даже душу свою положить за них. Следовательно, предоставление преступнику свободы в дальнейшем совершении преступлений будет не согласно с заповедью о любви к ближним вообще. Но будет ли это согласно с заповедью о любви к преступнику? Ведь преступление есть проявление злой воли, грех; содействуя такому проявлению воли, мы несомненно причиняем зло, губим душу того, чья воля так дурно направлена. Поэтому, сотворить преступнику благо мы можем в том только случае, когда помешаем ему совершать дальнейшие преступления, убедим его в том, что совершение преступлений есть зло, и подчиним его волю требованиям разума и совести, то есть, исправим его. Лишение преступника свободы, останавливая дальнейшее проявление его злой воли, составляет первый шаг к его исправлению, а что затем следует предпринять для достижения цели, то подскажет, в каждом отдельном случае, любовь и милосердие к согрешившему.

О смертной казни

Итак, только наказания исправительные как меры воздействия на извращенную волю преступника согласуются с заповедью о любви к ближним; наказания же, применяемые в виде отмщения за совершенное зло или как устрашение для других (*дабы иным впредь неповадно было*) — явно противоречат заповеди Господней. Толкуя Евангелие, а не «Уложение о наказаниях», я не касаюсь вопроса об оправдании наказаний с государственной точки зрения; это не мое дело. Но не могу не сказать несколько слов о несогласуемости смертной казни с заповедью о любви к ближним. Выше сказано, что уголовные наказания должны применяться лишь как меры исправления преступника (то есть грешника или, по народному воззрению, *несчастливого*), а так как смертной казнью мы не можем исправить его, то и сама казнь эта не может быть оправдана.

Граф Толстой говорит, что мы не вправе лишением преступника свободы останавливать проявление его злой воли; мы можем действовать на него только путем убеждения да молиться о нем. И в таком непротивлении злу граф Толстой видит исполнение воли Божией! Но ведь воля Божия — ввести по возможности всех людей в Царство Небесное, а так как войдут в него только достойные сыны Отца Небесного, стремившиеся к достижению совершенства и достигнувшие его, то спрашивается: будет ли исполнена воля Божия, если, по учению графа Толстого, мы предоставим злым и порочным людям беспрепятственно водворять на земле вместо Царства Божия царство зла, власть тьмы? Будет ли исполнена заповедь Христа о любви к ближним вообще, следовательно, и о любви к злым и порочным людям? Возможно ли будет тогда, хотя бы в отдаленном будущем, объединение всего человечества в единое стадо с Единым Пастырем, Иисусом Христом? Не будет ли тогда человечество представлять из себя

единое стадо порочных людей с единым пастырем своим, духом зла? Так неужели же мы должны стремиться к этому осуществлением учения графа Толстого?

Итак, не подлежит никакому сомнению, что Иисус Христос, говоря — **не судите, да не судимы будете**, — запретил осуждение ближних как порицание и злословие их, но не запретил ни отправления государственного правосудия, ни обсуждения поступков ближних с целью указания им на их недостатки и исправления их.

Выше было сказано, что осуждать поступки брата, обличать его и учить его, как избавиться от грехов, может только тот, кто сам освободился от грехов, кто вынул из своего глаза не только находившееся там бревно, но и самый малейший сучок, словом, кто может назваться достойным сыном Отца своего Небесного. Но и таких людей Христос предостерегает против обличения всякого грешника. Не все (говорит Он) в состоянии понять вас и оценить вашу любовь к ним; погрязшие в разврате, пороках и злодеяниях могут с негодованием отнестись к вашему желанию вывести их из скотоподобного положения; они так привыкли к своей нравственной грязи и окружающей их тьме, что всякое стремление к очищению их, всякий луч света, проникающий в их темное царство, они принимают с озлоблением и ожесточенно защищают неприкосновенность своего болота. Не трогайте таких людей! **Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями** (Мф. 7, 6). Пользы им не принесете, себе же повредите. То слово истины, которое вы к ним понесете, останется непонятым ими; они будут издеваться над ним, они попрут его своими ногами и, обратившись на вас же, растерзают вас.

Они отзовутся на обращенный к ним призыв, как свиньи накидываются на брошенный им жемчуг, по виду своему похожий на зерно; но когда поймут, что тот призыв не может удовлетворить их похоть, то поступят, как те свиньи, которым вместо зерна брошен жемчуг: жемчуг затопчут ногами, а бросившего его растерзают, как озлобленные псы.

Просите, и дано будет вам.

Просите, и дано будет вам. Этой последней заповедью Иисус Христос окончил объяснение средств к достижению Царства Небесного. Многим из слушателей могло показаться трудным исполнение всего сказанного Им, непосильным то бремя или иго, которое Он возлагал на них. А вскоре после того ученики Его даже открыто высказались по этому предмету, спросив: **так кто же может спастись?** (Мф. 19, 25). Объяснив при другом случае, что иго, возлагаемое Им на желающих спастись, — **благо, и бремя... легко** (Мф. 11, 30), Христос, оканчивая теперь Свою Нагорную проповедь, потребовал от Своих слушателей настойчивости в достижении указанной им цели: **ищите, и найдете; стучите, и отворят вам** (Мф. 7, 7). Но при этом настойчивом искании Царства Небесного не забывайте, что не можете обойтись исключительно своими силами, без помощи Божией; и потому молитесь, **просите, и дано будет вам**. Как всякий, настойчиво и прилежно **ищущий**, всегда **находит**, и неотступно **стучащему** непременно **отворят**, так и непрестанно **просящий** получает. **Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.**

Многие ропщут на Бога, что не тотчас получают то, чего просят, а от ропота переходят или к отчаянию, или, что еще хуже, к неверию. «Если не тотчас получаешь (говорит Златоуст), то и в таком случае не отчаивайся. Христос ведь для того и сказал — стучите, — чтобы показать, что, если и нескоро отверзет двери, должно ждать. Если постоянно будешь просить Бога, то хотя и нескоро получишь просимое, однако же непременно получишь. Для того-то и заперта дверь, чтобы побудить тебя к толканию; для того-то и не тотчас внимает, чтобы ты просил. Итак, постоянно проси, и непременно получишь. Но чтобы ты не сказал — что, если я буду просить и не получу? — в предотвращение этого Спаситель представляет тебе притчу,

показывая не только, что должно просить, но и о чем должно просить. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? Так, если ты не получаешь, то не получаешь потому, что просишь камня. Хотя ты и сын, но этого еще не довольно к получению. Напротив, это-то самое и препятствует тебе получить, что ты, будучи сыном, просишь бесполезного. Не проси ничего мирского, но всего духовного, и непременно получишь. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовного? Конечно, от того, что ты или не со тщанием ударяешь в двери, или сделал себя недостойным к принятию просимого, или скоро перестал просить. Но ты опять скажешь: для чего же Спаситель не сказал, *чего* должно просить? Но Он уже все сказал прежде» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 23). Он сказал: Ищите... **прежде Царства Божия и правды Его, и это все** (то есть земное) **приложится вам** (Мф. 6, 33).

Но действительно ли все земное надо считать тем *камнем*, о подаче которого нельзя просить Отца Небесного? Не научил ли нас Сам Христос молиться о даровании нам хлеба насущного? И не составляет ли этот хлеб насущный все необходимое для поддержания и продолжения человеческой жизни, то есть то мирское, молиться о котором не следует, по мнению святителя Иоанна Златоуста? Ведь Иисуса Христа молили об исцелении от недугов телесных, от болезней, и Он исцелял больных, а из этого мы должны заключить, что можно молиться о даровании здоровья, об избавлении от болезни. Но так как здоровье телесное необходимо для поддержания жизни, и потому составляет такое же вполне *мирское* благо, как пища, питье, одежда, жилище и прочее, то следует признать, что Христос не запретил просить Бога о даровании благ, земных или мирских, в мере действительной необходимости, когда учил молиться о хлебе *насущном*, здесь же, говоря — **просите и дано будет вам**, — Он действительно подразумевал лишь блага, ведущие в жизнь вечную, так как этим увещанием обещал Своим ученикам и слушателям помощь Божию в исполнении всех Его заповедей, в несении того ига, которое Он возлагал на них.

В сущности, иго это не так тяжело, как это может казаться с первого взгляда. Все заповеди Христовы, все иго Его вмещаются в следующих заключительных словах Его: **во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**.

По поводу этого последнего изречения, заключающего в себе сущность всей Нагорной проповеди, говорят, что оно не представляет ничего нового, так как законом Моисея вменено евреям в обязанность любить ближних, да и лучшие из языческих философов учили не делать другому того, чего себе не желаешь.

Правда, в ветхозаветном законе сказано: **люби ближнего твоего, как самого себя** (Лев. 19, 18). Любви к ближним учили и ветхозаветные пророки. Но евреи, ложно понимая закон и пророков, признавали своими ближними только евреев, и только по отношению к ним считали возможным применять закон любви. Языческие же философы, хотя и учили не делать другому зла, то есть жалеть его, но до любви к этому другому, до необходимости благо творить ему, не дошли. Впрочем, вернее будет, если мы скажем, что закон любви заглушен был у язычников себялюбием, и только у весьма немногих из них сохранился в виде жалости к ближнему, в виде требования *не делать ему зла*. А если это так, если закон любви настолько присущ человеческой природе, что сознавался, хотя и смутно, даже людьми, не просвещенными светом Христова учения, и притом задолго до пришествия Христа, то следует заключить, что это — вечный закон, данный при сотворении человека и как бы вписанный Творцом мира в сердца людей. Когда же люди разучились читать в сердцах своих, когда они потеряли ключ к разумению этого вечного закона любви, то Сам Бог, в лице Иисуса Христа, пришел на землю восстановить его силу.

При исполнении заповедей Христовых надо, однако, зорко следить за собой, чтобы не сбиться с указанного нам пути. Употребляя общедоступные сравнения из обыденной жизни, Иисус Христос назвал *узким* этот путь, ведущий к вечной жизни; как идея вообще всяким узким путем, например, тропинкой по

краю отвесной скалы или по доске, перекинутой через бурный поток, надо быть очень внимательным и осторожным, чтобы не сойти с них и не попасть в бездну, так и идя в жизнь вечную, надо внимательно следить за каждым поступком, за каждым желанием своим, дабы не свернуть с этого пути; как трудно, сбившись с узкого пути, вновь попасть на него, — так трудно войти в Царство Небесное, сойдя с ведущей в него дороги. Идя указанным путем, надо ни на минуту не упускать из вида цели своего шествия, то есть тех *как бы* ворот, через которые надо пройти; ворота эти тесны, то есть тоже узки; просмотришь их — и попадешь не туда, куда стремился. Путь же, ведущий к погибели, Христос назвал *пространным* и врата *широкими*: как бы ты ни менял различные колеи этого пути, как бы невнимателен к себе ни был, пространный путь этот приведет тебя к широким вратам погибели.

Не сбивайтесь с узкого пути, ведущего к тесным вратам вечной жизни. Не слушайте тех, которые захотят совратить вас. Эти совратители будут на словах благочестивы и кротки; но так как у них слово всегда расходится с делом, то вы не верьте их лицемерным словам, а смотрите на дела их. Как дерево узнаете вы по плодам его, так и людей узнавайте по делам их. Дерево, приносящее худые плоды, может по внешнему виду казаться хорошим, но вы не обращаете внимание на внешность его и, не получая от него хороших плодов, срубаете его и бросаете в огонь, как годное только на топливо. Так и по отношению к людям: не увлекайтесь их внешним видом, не верьте их словам, если они на деле не оправдывают их. Такие люди не могут быть учителями, руководителями жаждущих истины; они хотя и будут называть себя проповедниками слова Божия, провозвестниками Его воли, пророками, но это — лжепророки, это хищные волки, прикрывшиеся лишь овечьей шкурой. Берегитесь их!

Такие лжеучители или лжепророки были и до пришествия Христа, были и после Него. Немало их и теперь. Если не все они могут быть названы хищными волками; если некоторые из них ведут строгую, нравственную жизнь и не руководствуются в своем проповедничестве корыстными, хищническими или честолюбивыми расчетами; если они даже искренно заблуждаются в своем вероучении, — все же они, вводя других в заблуждение, сталкивая их с пути, ведущего в Царство Небесное, похищая у них, так сказать, это Царство, заслуживают уподобления волкам.

Берегитесь их! Знайте, что не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

Сущность всей Нагорной проповеди

В Нагорной проповеди Христос объяснил ученикам Своим и другим слушателям цель кратковременной земной жизни человека, указал и средства к достижению этой цели, а в конце проповеди опять напомнил им, что только указанные Им средства, то есть исполнение Его заповедей, добрые дела, могут привести к желанной цели.

Апостолы, первые толкователи слов Иисуса Христа, так и понимали изречение Его — **не всякий, говорящий Мне...** Они учили, что вера тогда только и сильна, тогда только и спасает, когда доказана на деле.

Апостол Иаков в соборном послании своем говорит: **Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его?., вера без дел мертва** (Иак. 2, 14–26).

Апостол Павел писал Коринфянам: **Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто** (I Кор. 13, 2). Апостол Иоанн в первом соборном послании своем сказал: **Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины** (1 Ин. 2, 4).

Основываясь на приведенных заключительных словах Иисуса Христа и на толковании их Апостолами, Православная Церковь признает, что мы, грешные люди, не можем оправдаться перед Богом одной только

верой, — что для оправдания себя, для невменения нам в вину наших грехов, мы должны представить свои добрые дела, которые на весах божественного правосудия могли бы перетянуть тяжесть наших грехов, — что вера без дел не спасет нас и не откроет нам врата Царства Небесного.

Католическая Церковь тоже признает невозможным оправдаться одной верой. Но протестанты, отделившиеся от Католической Церкви, считают, что только вера может оправдать человека, а не дела его. Такое положение своего вероучения они основывают на других изречениях Иисуса, из которых главные: **дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя, и по вере вашей да будет вам** (Мф. 9, 22, 29). Хотя этими изречениями Христос весьма ясно, вполне удобопонятно объяснил и женщине, страдавшей кровотечением, и двум слепым, что исцеление, а не оправдание, мог получить только человек, веровавший в Его всемогущество, то есть способный воспринять Его чудотворную силу, однако протестанты, ложно толкуя Его учение, находят добрые дела и вообще исполнение заповедей Его совершенно излишними для оправдания своих грехов.

Такое лжеучение распространилось в 1874 году в великосветских домах Петербурга вследствие проповеди приезжавшего из Англии лорда Редстока, а затем пошло и по всей России заботами последователя Редстока, полковника гвардии Василия Александровича Пашкова, очень богатого человека, тратившего на это дело значительные средства.

Редсток и последователь его Пашков основали в России секту, известную под названием *пашковской*. Основа вероучения этих сектантов такова: Христос пришел на землю, чтобы спасти людей от греха и смерти; Он умер за грехи людей и воскрес для спасения их; Своей смертью и Воскресением Он оправдал все грехи людей, как настоящие, так и будущие, и за то требует от них одной только веры; поэтому веруй и спасен будешь! Делами же не оправдаешься и не спасешься, хотя добрые дела суть плоды веры и вытекают из нее сами собой.

Признав добрые дела излишними для спасения, пашковцы отвергли весь наш церковный строй, богослужение, таинства, почитание икон, святых и прочее.

Не ограничиваясь знакомством из книг с сущностью пашковского вероисповедания, я зимой 1908 года отправился в собрание пашковцев (Петербург, Морская, 43) послушать их проповедника. Прочитав десятую главу Деяний Апостолов об обращении ко Христу сотника Корнилия, проповедник говорил, что ни благочестие Корнилия, ни добрые дела, ни молитва не могли спасти его, а спасла одна только вера. Развивая эту мысль, он много раз повторял, что вообще спасает только вера в Иисуса Христа, принявшего на Себя грехи всех и Своей крестной смертью искупившего от грехов всех верующих в Него. «Я вижу Крест (сказал проповедник), на котором распят Господь; и вижу свои грехи на этом Кресте. А так как грехи эти не могут быть в одно и то же время в двух местах, то, значит, на мне их нет! Я спасен! И вы все, находящиеся здесь, можете теперь же, не выходя из этой залы, получить прощение ваших грехов и спастись: стоит только уверовать в Господа нашего Иисуса Христа! Помните, что ни благочестие, ни добрые дела, ни молитва не могут спасти человека! Спасает только вера! Уверуйте, и спасетесь!»

Хотя между сектантами вообще, а также и между пашковцами, встречается немало людей строгой жизни и высокой нравственности, однако это не мешает признать крайне вредным учение, отвергающее необходимость творить добро и успокаивающее своих последователей тем, что Христос пострадал за них и этим раз навсегда спас их. Последователи этого учения, усвоив себе лишь веру в искупление людей Христом, *могут* со спокойной совестью творить всякие гнусности и беззакония: зачем утруждать себя совершением добрых дел в пользу других людей? Зачем стеснять себя воздержанием от причинения им зла, если это зло приносит мне выгоду? Отчего не смотреть на них как на орудия для достижения своекорыстных целей? Отчего не поработить их себе в борьбе за существование, или даже вовсе устранить их со своего пути, если они мешают достижению намеченной цели? Словом, зачем любить других и

работать на них, когда выгоднее любить себя и приносить интересы других в жертву себялюбию?! Вот до чего *может* додуматься иной пашковец, если не только его прошедшие и настоящие, но даже и будущие грехи оправданы и прощены за одну лишь веру его в Иисуса Христа! [29]

Все люди, надеющиеся спастись лишь верой, и отвергающие свою обязанность исполнять волю Отца Небесного, выраженную в заповедях Христа, будут, конечно, удивлены, когда на Страшном Суде Христовом услышат: **отойдите от Меня, делающие беззаконие** (Мф. 7, 23). В оправдание свое они скажут: «Господи! ведь мы верили в Тебя! А если сами не делали добрых дел, не исполняли заповедей Твоих, то **не от Твоего ли имени мы пророчествовали? (то есть проповедовали) и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?»**

И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас (Мф. 7, 23).

По мнению Августина, выражение: **Я никогда не знал вас** — равносильно другому — *вы никогда не знали Меня*.

«Не только тот (говорит Златоуст) лишится Царства Небесного, который имеет веру, а о жизни не радеет, но и тот, кто при вере сотворил много знамений, а доброго ничего не сделал... Не удивляйся тому, что, сотворивши столько чудес, они подверглись наказанию. Вся эта благодать была не что иное, как дар Подавшего ее, а те ничего от себя не привнесли, почему справедливо и наказываются... Спаситель хотел примером этим показать, что ни вера, ни чудеса ничего не значат без добродетельной жизни... И что дивиться тому, что Он дары благодати дал людям, уверовавшим в Него, но не имеющим жизни согласной с верой? Тогда, при начале евангельской проповеди, нужны были многие доказательства силы Христовой: поэтому и из числа недостойных многие получали дары; Иуда, будучи злым, имел дар чудотворения» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 25).

Итак, не верьте лжепророкам, что для спасения достаточно одной веры. Кто только слушает учение Христа и охотно верит Ему, ожидая за то спасения, но на деле не доказывает силы своей веры, тот обнаружит свое бессилие при первом соблазне, при первом серьезном испытании; а если придется ему пострадать за веру, то он, пожалуй, и вовсе отречется от Христа; он уподобляется **человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое** (то есть окончательное, гибельное).

Кто же не только слушает со вниманием учение Христа, но исполняет заповеди Его, у кого вера сквозит в каждом деле, в каждом поступке, того не собьют с пути истины никакие соблазны, никакие испытания, несчастья, страдания и даже мучения, словом, никакие житейские бури. Такой человек уподобляется **мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне** (Мф. 7, 24, 25).

Впечатление, произведенное проповедью на народ

Иисус Христос окончил Свою божественную проповедь, произведя на слушателей необычайное впечатление: **народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи**.

Да и как было не дивиться этому учению? Ведь никогда и никто не говорил *того*, что сказал Христос, и не говорил *так*, как Он. Языческие мудрецы и основатели различных религий старались подделаться к слушателям своим и для этого делали различные уступки человеческой слабости. Один только Христос не нуждался в подобных сделках. Ветхозаветные пророки, возвещая народу волю Божию, говорили: **было слово Господне ко мне**; или: **и сказал мне Господь**. Христос же говорил лично от Себя, выражаясь так: **А Я говорю вам**. Книжники и фарисеи присвоили себе исключительное право понимать Писание, **взяли себе**

ключ разумения его (Лк. 11, 52), и если толковали его народу, то в своих толкованиях касались больше обрядности, буквы Писания, а не смысла его; к тому же они считали народ настолько невежественным, что признавали бесполезным даже толковать ему то, чего он не в силах был понять; они говорили, что **народ невежда в законе, проклят он** (Ин. 7, 49); они с презрением относились к народу. Толкуя Писание, они не скрывали возможности (по их понятиям) толковать его на разные лады; один из книжников хвалился, что каждому стиху Священного Писания может дать шесть тысяч различных толкований. Поэтому евреи не только не понимали своих руководителей, но часто и не верили им. Христос же говорил просто, ясно, понятно для каждого, и говорил не о тонкостях обрядовой стороны закона, о чем так любили распространяться фарисеи. Он учил, как надо жить, чтобы создать здесь, на земле, Царство Божие, Царство Добра; Он говорил, что человек бессмертен, что кратковременная земная жизнь его есть только приготовление к вечной жизни, что достигнуть вечного блаженства в Царстве Небесном можно лишь исполнением воли Божией, содействием к водворению на земле Царства Божия и правды Его, что поэтому надо заботиться не о благах земных, а о том, что может привести в Жизнь Вечную, что все люди равны перед Богом, что не богатство и знатность рода откроют тесные врата Царства Небесного, а самоотверженная любовь к ближним, что ближними следует считать не только друзей из народа своего, но всех без исключения людей, даже врагов, что надо любить и врагов, благословлять проклинающих, благотворить ненавидящим, молиться за обижающих и гонителей, — что все это необходимо делать, чтобы быть сынами Отца Небесного. Требуя от людей исполнения данных Им заповедей, Христос Сам исполнял их в точности. Поэтому, судя даже вполне по-человечески, праведная, безусловно безгрешная жизнь Его давала Ему право, **власть** (Мф. 7, 29), требовать от людей, чтобы и они жили так, как Он жил. Фарисеи же и книжники налагали **на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагивались до них** (Лк. 11, 46). Это новое, никогда не слышанное учение произвело сильное впечатление на слушателей, и когда Иисус, окончив проповедь Свою, сошел с горы, то толпы народа двинулись за Ним.

ГЛАВА 13. Исцеление прокаженного. Исцеление слуги капернаумского сотника. Христос в доме Симона-фарисея

Окончив Нагорную проповедь, Иисус сошел с горы в сопровождении толпы народа, и к Нему подошел прокаженный.

О проказе как болезни

Проказа как болезнь описана Моисеем в книге Левит, в главе 13. Болезнь эта считалась настолько опасной, по заразительности ее, что Моисей признал необходимым подвергать осмотру через священников всех, у кого появлялась на теле опухоль, или лишай, или пятно, чтобы путем такого осмотра выделить больных проказой и объявить их нечистыми. Но не все прокаженные изгонялись из городов и селений, а только те, у которых проказа была на голове: **У прокаженного, на котором эта язва (то есть язва на голове), должна быть разодрана одежда, и голова его должна быть не покрыта, и до уст он должен быть закрыт и кричать: нечист! нечист! Во все дни, доколе на нем язва... он должен жить отдельно, вне стана жилища его** (Лев. 13, 45–46). Проказа считалась неизлечимой; Но когда она покрывала все тело больного и затем спадала, как чешуя, то в дальнейшем развитии своем считалась уже не заразительной; тогда священники могли объявить прокаженного чистым и, в знак очищения, потребовать от него установленное Моисеем жертвоприношение.

Вот как описывает положение этих страдальцев святой Григорий Богослов в Слове (14) о любви к бедным, сказанном в устроенной святым Василием Великим богадельне, в которой было много прокаженных: «Перед вашими глазами поразительное и плачевное зрелище, которому едва ли кто поверит, кроме очевидцев: люди — живые мертвецы, у которых конечности большей части телесных членов отгнили; люди, которых почти нельзя узнать, кто они были прежде, или, лучше сказать, это — несчастные останки живших некогда людей; люди, которые одни из всех и жалеют и вместе ненавидят себя; которые не знают, о чем больше плакать, — о тех ли частях тела, коих уже нет, или об оставшихся, — о тех ли, которые преждевременно истребила болезнь, или о тех, которые еще сберегаются на жертву болезни: те сотлели прежде гроба, а эти некому и в гроб положить. Это люди, у которых нет ни имущества, ни родства, ни друзей: многие не хотят к ним подойти, не хотят посмотреть на них, бегут от них, гнушаются ими, как чем-то омерзительным, негодуют почти и на то, что дышат одним с ними воздухом. Кто нежнее отца? Кто сердобольнее матери? Но для сих отверженных заперто и родительское сердце. И отец своего собственного сына, хотя и оплакивает, но гонит от себя. А мать, рыдая над живым, как над мертвым, хотела бы заключить в объятия свое детище, но боится плоти его, как неприятеля. А в народе поднимаются повсюду ропот и гонение против несчастных. Их гонят из городов, гонят из домов, с площади, с дорог, и — о горькая участь! — их отгоняют и от самой воды. А что всего страннее — тех, коих, как нечистых, отгоняем от себя, заставляем опять возвращаться к нам, потому что не даем им ни жилища, ни пищи, ни врачевства для ран, ни одежды. Потому-то они и скитаются день и ночь обнищавшие, нагие, бесприютные, показывая пораженное недугом тело, слагая жалобные песни, чтобы выпросить кусочек хлеба, или малейшую часть чего-нибудь вареного, или какое-нибудь разодранное рубище для прикрытия себя от стыда, или для облегчения боли от ран. Кто не сокрушится, внимая их стонам, сливающимся в одну жалобную песнь? Кто может переносить эти звуки? Кто может спокойно смотреть на это зрелище? Вот некоторые из них лежат одни подле других, не на радость соединенные недугом в одно сообщество. Их окружает толпа зрителей, даже и соболзнующих, но — на короткое время. Их преследуют и солнечный зной, и пыль, а иногда и

жестокие морозы, дожди и бури; их стали бы попирать ногами, если бы одно прикосновение к ним не почиталось гнусным. На священные песнопения внутри храма они отвечают стонами и воплями, и таинственным молитвословиям служат отголоском горькие рыдания» (Творение. Ч. 2).

Исцеление Иисусом прокаженного

Один из таких несчастных бросился к ногам Иисуса, **пал ниц** перед Ним (как повествует Евангелист Лука) или, **падая перед Ним на колени** (как повествует Евангелист Марк), умолял Его, говоря: **Господи! если хочешь, можешь меня очистить** (Лк. 5, 12). Больной сознавал, что болезнь его неизлечима, но Он глубоко верил, что для Иисуса нет невозможного, что Он может исцелить его если захочет.

Иисус дотронулся до больного и сказал: **хочу, очистись** (Мб 8, 3; Мк. 1, 41; Лк. 5, 13). Как только произнес Он эти слова, все струпья, язвы, опухоли, раны, все мгновенно исчезло, и изумленным взорам присутствовавших предстал обновленный, здоровый человек. Чудо несомненное и поразительное! Во всей ветхозаветной истории говорится только о двух случаях исцеления прокаженных: Моисей исцелил сестру свою Мариам и пророк Елисей — Неемана Сирианина; но они исцелили прокаженных силой Бога, Которого для этого в молитвах своих призывали, или, лучше сказать, тех прокаженных исцелил Бог по молитвам Моисея и Елисея. Здесь же Христос исцелил прокаженного собственной силой, Своей волей: **хочу, очистись**.

Иисус приказал исцеленному молчать *здесь* о случившемся, но немедленно идти в Иерусалим показаться священнику и принести надлежащие жертвы.

Некоторые толкователи полагают, что если бы исцеленный медлил показаться священнику, то молва о чудесном исцелении его могла бы дойти до Иерусалима раньше его прихода туда, и тогда священники, враждебные Иисусу, стали бы утверждать, что исцеленный вовсе и не был болен проказой.

Евангелист Марк говорит, что, отсылая исцеленного к священнику, Иисус посмотрел на него строго. Эту строгость всегда кроткого Иисуса епископ Михаил объясняет так: прокаженным по закону воспрещался вход в чужой дом, но надежда исцелиться побудила прокаженного нарушить закон и войти в дом, где был Иисус; поэтому Иисус, исцелив прокаженного по вере его, осудил строгостью взгляда нарушение им закона (Толковое Евангелие. 2, 25).

Толкование это едва ли правильно. Нет никаких оснований утверждать, что прокаженный вошел в дом, в котором находился Христос. Слова Евангелиста Марка о том, что прокаженный, выйдя, начал рассказывать об исцелении, указывают лишь на то, что прокаженный *вошел* туда, где находился Христос, и *вышел* оттуда исцеленным; а войти он мог не только в дом, но и в толпу, окружавшую Иисуса. А что он действительно вошел не в дом, а в толпу, это видно из повествования Матфея: **Когда же сошел Он с горы... подошел прокаженный** (Мф. 8, 1–2). Впрочем, куда бы ни вошел прокаженный, в дом или в толпу народа, он одинаково нарушил закон Моисея, изданный в предупреждение распространения проказы. Но так как без такого нарушения закона не могло бы состояться и исцеление, то едва ли Христос мог осудить сильную веру, которая не остановила прокаженного и перед всенародным нарушением строгого закона. В другом подобном случае, когда страдавшая кровотечением пренебрегла запретительным законом Моисея и вошла в толпу народа, Господь не осудил ее, а сказал: **дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя** (Мф. 9, 22). Так и теперь Господь не осудил прокаженного за его сильную веру, и если посмотрел на него строго, то скорее всего этим строгим взглядом Он хотел усилить Свое запрещение разглашать о совершенном чуде.

Исцеленный, полный восторга от своего исцеления и благоговения к Исцелившему его, не сумел молчать: он всем рассказывал о происшедшем и провозглашал о совершившемся над ним необычайном чуде. Евангелисты умалчивают о том, какое впечатление произвели его рассказы на священников в Иерусалиме.

Совершенное чудо и рассказ о нем самого исцеленного привлекли к Иисусу еще больше (**великое множество**) народа; но Иисус избегал слишком большого скопления народа вокруг Себя, поэтому Он часто удалялся в пустынные места и молился там.

После этих событий Иисус пришел в Капернаум. Евангелисты Матфей и Лука говорят, что Он **вошел** в Капернаум, указывая тем самым на то, что Он перед этим был близ этого города, в окрестностях его; это подтверждается и преданием, указывающим на так называемую *гору блаженства* недалеко от Капернаума, на которой Иисус произнес Свою Нагорную проповедь.

Исцеление слуги сотника

В Капернауме стоял отряд римских войск, начальник которого назывался сотником. Сотник этого отряда был язычник по рождению, но расположенный к иудейской религии, доказательством чему служит построение им синагоги. Он, несомненно, много слышал о чудесах, совершенных Иисусом, и, узнав о прибытии Его в Капернаум, послал к Нему посольство из начальников (старейшин) синагоги просить прийти исцелить слугу его. По свидетельству Евангелиста Матфея, слуга сотника лежал в **расслаблении** и жестоко страдал (Мф. 8, 6); по свидетельству же Евангелиста Луки, слуга сотника **был... при смерти** (Лк. 7, 2), умирал. Начальники синагоги явились ко Христу и упрашивали Его исполнить просьбу сотника: **он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу.**

Иисус пошел с ними, но не потому, что этот сотник был по понятиям начальников синагоги, достоин такого посещения, а по человеколюбию Своему, по беспредельной любви к страждущему человечеству. Когда шествие приближалось к дому, где лежал умирающий, сотник, считая себя недостойным принять Иисуса под кров свой, послал к Нему навстречу друзей своих сказать Ему: **не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдь, и идет; и другому: придь, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает.**

Смирение и сила веры язычника настолько тронули Иисуса, что Он, обратившись к сопровождавшему Его народу, воскликнул: **и в Израиле не нашел Я такой веры.**

Под именем Израиля Иисус подразумевал весь еврейский народ.

Эта искренняя вера смиренного язычника мгновенно перенесла мысли Иисуса Христа в будущее: Он видит толпы язычников, идущие к Нему, — видит, как Его слово, брошенное на языческую почву, возшло и разрослось в громадное дерево, под которым укрылось множество народов, — видит и народ иудейский, одиноко стоящий вдали и злобно взирающий на это роскошное дерево. Под влиянием таких мыслей Он с грустью сказал: **многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства (то есть евреи) извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.**

Вечный пир с Авраамом, Исааком и Иаковом был у евреев народным изображением небесного блаженства; и так как на востоке гости, приглашенные на пир, *возлежали* за столом во время пира, то евреям казалось, что они в Царстве Небесном **возлягут** с Авраамом, Исааком и Иаковом. Снисходя к понятиям окружавшей Его толпы евреев и уподобляя, для удобопонятности, Царство Небесное пиру их праотцев, Иисус сказал, что они-то, то есть евреи, будут прогнаны с этого пира, подобно тому, как они сами изгоняют из своих домов провинившихся во время пира гостей и заставляют их оставаться вне дома (освященного), во тьме внешней и на холоде восточной ночи, и вынуждают их плакать от огорчения и скрежетать зубами от холода. Эта тьма вне комнаты пира, а тьма внешняя (по-славянски — кромешная), и скрежет зубами прогнанных с пира представляются образом мучений тех людей, которые не будут

допущены в Царство Небесное; буквального же значения этим словам придавать нельзя.

И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час (Мф. 8, 13), в то самое время, как Иисус произнес эти слова. Таким образом, исцеление это произошло заочно по одному слову Иисуса.

Об исцелении слуги сотника повествуют Евангелисты Матфей и Лука, причем в их повествованиях замечается некоторое разногласие; Евангелист Матфей говорит, что сам сотник подошел к Иисусу и лично просил Его сказать только слово, чтобы выздоровел слуга Его; а Евангелист Лука говорит, что сотник сам не пошел к Иисусу, а послал старейшин иудейских просить Его прийти и исцелить слугу его, а потом выслал навстречу Иисусу друзей своих.

«Некоторые говорят, что это разные лица. Но я (говорит Златоуст) думаю, что это одно и то же лицо. Но отчего же, скажет кто-либо, по свидетельству Матфея, он сказал: **я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой**; по свидетельству же Луки, послал за Христом, чтобы Он пришел? Весьма вероятно, что когда сотник хотел идти, иудеи воспрепятствовали, льясь ему и говоря: мы сходим и приведем Его. Смотри, и самая просьба их исполнена лести; **он любит народ наш и построил нам синагогу**, говорят они; и не знают даже, за что нужно похвалить этого мужа. Но как скоро сотник освободился от докучливости иудеев, то посылает сказать: "Не подумай, что я не пришел по лености, но потому, что почел себя недостойным принять Тебя в дом". Вероятно, что и сам он, после того, как послал друзей, пришел и сказал то же» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 26).

Епископ Михаил дополняет объяснение Иоанна Златоуста так: «Евангелист Матфей употребляет в этом случае оборот речи довольно обыкновенный и свойственный многим писателям, по которому сказанное кем-либо через других или при посредстве других представляется сказанным непосредственно от него самого, и ответ, полученный через других, представляется ответом, данным ему самому; Евангелист же Лука повествует точнее, как было дело. Потому у Евангелиста Матфея представляется разговор Иисуса Христа как бы с самим сотником, тогда как разговор этот происходил через посредство других, сначала иудейских старейшин, потом друзей. Может быть, впрочем, что и сам сотник после друзей вышел из дома ко Господу» (Толковое Евангелие. 2).

Сотник признавал себя недостойным принять Иисуса в своем доме, поэтому невозможно допустить, чтобы он оставался спокойным, видя Иисуса приближающимся к этому дому; он должен был выйти и остановить Иисуса, и он несомненно так и поступил [30]. Таким образом оказывается, что оба Евангелиста совершенно правдиво передали это событие, но каждый из них передал не все подробности, вследствие чего повествование одного надо дополнить повествованием другого. Если мы поступим так, то должны будем признать, что сначала пришли к Иисусу иудейские старейшины, потом друзья сотника и, наконец, у самого дома вышел к Иисусу и сам сотник; Лука передает нам разговор Иисуса со старейшинами иудейскими и друзьями сотника, а Матфей обратил внимание лишь на самого сотника и его слова, исполненные веры, так как эти именно слова и составляли существеннейшую часть всего рассказа. При объяснении кажущихся разногласий между Евангелистами следует всегда помнить, что ни один из Евангелистов не претендовал на передачу со всеми подробностями всех событий последних лет земной жизни Иисуса Христа.

Христос в доме Симона-Фарисея

В одном из городов Галилеи, быть может, Магдале, один из фарисеев, по имени Симон, пригласил к себе Иисуса на обед. С какой целью последовало это приглашение — Евангелист не объясняет, но очевидно, что Симон был не из числа расположенных к Иисусу, так как не оказал Ему в своем доме самой обычной в то время вежливости: не облобызал Его и не велел омыть Ему ноги и помазать голову.

Покаявшаяся грешница

Христос принял приглашение, и когда, по восточному обычаю, возлег перед обеденным столом, в дом Симона вошла известная в том городе грешница. Предание гласит, что то была Мария Магдалина. О Марии Магдалине в Евангелии говорится как о женщине, из которой Иисус изгнал семь бесов (Мк. 16, 9; Лк. 8, 2), а так как в Священном Писании число *семь* часто применяется вместо *много*, множеством же бесов обозначается иногда множество грехов, то можно полагать, что Мария Магдалина была большая грешница. В дальнейших повествованиях говорится, что она всюду следовала за Иисусом, стояла у креста Его, присутствовала при Его погребении и первая удостоилась видеть Его воскресшим. Вообще, это — выдающаяся личность в евангельской истории. Поэтому некоторые думают, что если бы в дом Симона-фарисея вошла Мария Магдалина, то Евангелист Лука, тщательно исследовавший все евангельские события, назвал бы ее по имени, а так как он умалчивает об имени той женщины, то, вероятно, это была не Мария Магдалина, а другая женщина, известная всему городу блудница. Но если принять во внимание, что тот же Евангелист, вслед за рассказом о случившемся в доме Симона-фарисея, говорит, что за Иисусом, ходившим после того по городам и селениям, следовали двенадцать Апостолов и некоторые женщины, в числе которых на первом месте ставит Марию Магдалину (Лк. 8, 1–3), и если допустить предположение, что Лука нарочно не назвал по имени явившуюся в дом Симона грешницу, потому что не хотел связывать прошлого этой грешницы с именем Марии Магдалины, ставшей после того праведницей, — то следует верить преданию.

Вошедшая в дом Симона женщина принесла с собой алавастровый сосуд с миром. Алавастром назывался особый вид мрамора, отличавшийся легкостью и прочностью; из него выделялись, между прочим, сосуды для хранения благовонных жидкостей; сосуды эти имели форму высокого кувшина с узким горлышком. Нард, это — дерево, росшее преимущественно в Индии; из корней его добывался душистый сок, ценившийся очень дорого. Из этого сока, оливкового масла и душистых цветов варили благовонную жидкость, называвшуюся нардовым миром. В те времена богатые люди мазали себе миром волосы на голове, бороду и даже все лицо; на пиршествах у богачей принято было мазать миром головы и гостей, а для оказания кому-либо особого почета мазали и ноги. Мазали миром при погребении и тела умерших богатых людей.

Когда Христос, в сопровождении учеников Своих, многих женщин и толпы народа, вошел в тот галилейский город, в котором жил Симон-фарисей, то несомненно, что проживавшая там же богатая блудница, увлекавшая в свои сети толпы мужчин, полюбопытствовала посмотреть на нового Пророка. Несомненно также, что учение Иисуса, услышанное ею, открыло ей новый мир и произвело на нее такое сильное, потрясающее впечатление, что она решила оставить свой порочный образ жизни; и вот, когда Христос вошел в дом Симона, она идет туда, останавливается у ног возлежащего Иисуса, припадает к ним, рыдает и так обильно проливает слезы покаяния, что обливает ими неомытые ноги Иисуса, вытирает их своими волосами, целует их и мажет принесенным ею миром.

Этот нравственный переворот, видимо совершившийся в душе блудницы, эти слезы покаяния, это открытое исповедание грехов не тронули заскорузлое сердце фарисея, а только дали ему повод считать Иисуса простым человеком, даже не пророком. По его понятиям, прикосновение грешницы оскверняло человека, и потому благочестивый еврей, не желавший оскверниться, не позволил бы грешнице даже дотронуться до своих ног. **«Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему** (рассуждал Симон), и не допустил бы Себя до осквернения, а так как, очевидно, Он не знает, что к нему прикасается грешница, то Он — не пророк» (Лк. 7, 39).

Притча о двух должниках

Всеведущий Иисус знал, о чем думал фарисей, и для обличения его сказал ему притчу: **у одного**

заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? (Лк. 7, 41–42).

Ответить на этот вопрос было нетрудно. **Думаю, тот, которому более простил,** — сказал Симон.

«**Видишь ли ты эту женщину?** (сказал Господь Симону). Ты считаешь ее грешницей, и думаешь, что она оскверняет всякого человека одним прикосновением своим. Ты удивляешься, как это Я не обращаю на нее внимания, как это Я не прогоню ее от Себя; ты даже думаешь, что Я не знаю, кто — у ног Моих. Ты не жалел ее, когда она отдалась во власть греха, во власть тьмы; ты и не подумал тогда об ее исправлении, а теперь ты не только не радуешься ее раскаянию, но даже смотришь на нее с презрением и гадливостью. А почему? Потому что ты никого не любишь, кроме самого себя; ты считаешь себя праведником, и боишься, что общение с грешниками может лишить тебя этой мнимой праведности. Ты и Меня считаешь грешником; и если решился пригласить Меня на обед, то все-таки отнесся ко Мне не как к другу или даже гостю, а как к человеку, которого ты принимаешь лишь из снисхождения, из милости. Ты даже не велел своим слугам омыть Мне запыленные ноги, что принято по отношению к каждому, входящему в дом; **а она слезами облила Мне ноги, и волосами головы своей отерла** (Лк. 7, 44). Ты не встретил Меня обычным приветствием, которым обыкновенно встречают всякого гостя: ты не облобызал Меня, **а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги** (Лк. 7, 45). Ты побоялся бы даже прикоснуться к не омытым ногам Моим, чтобы не оскверниться, а она целует эти ноги и обливает их слезами своими. Ты не велел слугам своим помазать Мне голову маслом, **а она драгоценным миром помазала Мне ноги** (Лк. 7, 46) и не перестает целовать их, не обращая никакого внимания на твои и твоих гостей презрительные взгляды на нее. А отчего это? Что случилось с этой грешницей? Что привело ее сюда, за Мной, в чужой дом, без приглашения домохозяина? Что побудило ее оставить всю роскошь своего дома и прийти сюда, стать в положение последней рабыни и обильно проливать слезы покаяния? Как ты думаешь об этом, Симон? Ты молчишь; но Я объясню тебе, Я Сам отвечу на эти вопросы. Слово мое о любви к Богу и к ближним и о блаженстве в Царстве Небесном, случайно услышанное этой женщиной, так глубоко запало в ее душу и произвело такой нравственный переворот в ней, что она уверовала в Бога, полюбила Его и всех людей, порвала все, что связывало ее с ее прошлым, и пошла за Мной, зажегшим в сердце ее эту искру любви; и пришла она сюда, и не постыдилась при всех вас проливать слезы покаяния, не постыдилась этим осудить свою прежнюю греховную жизнь, чтобы начать новую. Пойми же, насколько она выше тебя! Пойми, что для самоисправления, для возрождения к новой жизни, для вступления в Царство Божие, надо отрешиться от себялюбия и возлюбить Бога и ближних; и чем сильнее эта любовь, чем самоотверженнее она, тем надежнее человек для Царства Божия, тем ближе он к Царству Небесному. И потому **прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много** (Лк. 7, 47). А ты? Ты никого, кроме себя самого, не любишь; ты и грешником себя не считаешь; но ты, как и другие люди, тоже не без греха; и если тебе простятся твои грехи, то ты, считая себя праведником, и не отблагодаришь, не полюбишь Того, Кто властен простить твои грехи, ибо, по-твоему, и прощать-то тебе нечего; поэтому ты и не можешь полюбить той сильной и самоотверженной любовью, какая загорелась в этой женщине. И за это Я говорю ей: **прощаются тебе грехи** (Лк. 7, 48)».

Симон и все гости его должны были понять, что под заимодавцем притчи Христос разумел Самого Себя, Которому все люди должны, перед Которым все грешны, одни более, а другие менее; и никто из этих должников не может освободиться от последствий своих грехов, несмотря на слезы покаяния, если не будет прощен Заимодавцем. И если судить по-человечески, то освободившийся от множества грехов должен более и возлюбить Того, Кто простил их, а менее согрешивший и возлюбит менее, то есть будет менее благодарен Своему Освободителю; в действительности же не сила любви соразмеряется с количеством прощенных грехов, а прощение дается по силе этой любви, возрождающей грешника.

Мария Магдалина так решительно порвала со своим прошлым и проявила такую силу любви к Богу,

возродившему ее к новой жизни, что не обращала никакого внимания на презрительные взгляды фарисеев и думала только о том, как ей на деле доказать силу этой любви. Господь знал, что такая самоотверженная любовь к Богу приведет эту женщину к точному исполнению Его воли и воспламенит в ней такую же самоотверженную любовь к ближним, ко всем людям вообще. Господь знал, что сила такой всеобъемлющей любви, в соединении с сердечной, искренней верой, так преобразит внутренний мир этой женщины, что все ее будущее загладит, искупит грехи прошлого. Поэтому Он и сказал Симону: **прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много**, а кто мало любит, кто не обладает такой силой любви, тому и прощено будет мало, тому простится по мере любви его.

Да, искренняя, чистая, бескорыстная любовь производит чудеса в человеке: она возрождает его и делает достойным сыном Отца Небесного. Она (по выражению Апостола Павла) **долготерпит, милосердствует... не завидует... не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит** (1 Кор. 13, 4–7). Объясняя Коринфянам, как любовь преобразует человека, Апостол Павел писал им, что любовь больше веры, больше надежды, и что человек без любви — **ничто** (1 Кор. 13, 2, 13).

Видя пробуждение такой силы любви в покаявшейся женщине, зная, к чему приведет ее эта сила, Господь сказал ей: **прощаются тебе грехи**.

Фарисеи не поняли сказанного Господом. Послышался ропот; все стали говорить: **кто это, что и грехи прощает?**

«Предупреждая более открытое выражение этого ропота, который мог обрушиться и на эту женщину, Господь кротко дает ей намек уйти от этих холодных и жестоких мнимо-добродетельных и строгих судей: «Иди с миром! Вера твоя спасла тебя!» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. Т. 2).

ГЛАВА 14. Поучения в притчах

После того Иисус проходил по городам и селениям в сопровождении двенадцати Апостолов, толпы народа и некоторых женщин, которых Он исцелил от болезней и освободил от одержавших их злых духов.

Из всех сопровождавших Христа женщин Евангелист называет только трех: Марию Магдалину, Иоанну, жену Хузы, домоправителя Ирода, и Сусанну. Про Сусанну в Евангелиях ничего более не говорится. Относительно Иоанны полагают, что это — жена того царедворца, сына которого исцелил Иисус (Ин. 4, 46–53); Иоанна упоминается в Евангелии Луки (24, 10) в числе жен-мироносиц, пришедших ко гробу Господню.

Имя Марии Магдалины упоминается всеми четырьмя Евангелистами. Она стояла при Кресте Иисуса (Ин. 19, 25; Мк. 15, 40; Мф. 27, 56); она присутствовала при погребении Его (Мф. 27, 61; Мк. 15, 47); она первая удостоилась видеть воскресшего Христа (Ин. 20, 14–17; Мк. 16, 9). Про ее прошлое Евангелисты Лука и Марк выражаются кратко: *Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов* (Лк. 8, 2); *Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов* (Мк. 16, 9).

По мнению блаженного Феофилакта, Священное Писание принимает иногда число *семь* в смысле множества; поэтому и слова Евангелистов о том, что Иисус изгнал из Магдалины семь бесов надо понимать в том смысле, что Он изгнал из нее многих бесов; можно понимать это изречение еще и в смысле противоположения семи бесов семи духам добродетели (Толкование на Евангелие от Марка. 26).

Если принять первое толкование, то следует признать, что Мария Магдалина была бесноватой, что, однако, не согласуется с преданием о ней, а если держаться второго объяснения блаженного Феофилакта, то придется признать, что Мария Магдалина прежде была вообще порочной женщиной. Это последнее определение личности Магдалины подкрепляется преданием о том, что она была грешницей и помазала ноги Иисуса миром в доме Симона-фарисея. Происходила она из города Магдалы, стоявшего на западном берегу Галилейского или Геннисаретского озера.

Эти и другие женщины, сопровождавшие Иисуса, помогали своим имуществом Ему и Его Апостолам: Иисус был беден и до выступления на проповедь зарабатывал средства к жизни личным трудом (плотника), а теперь Он, конечно, не мог заниматься этим ремеслом; Апостолы же оставили все и пошли за Ним, поэтому Иисус и Апостолы нуждались в вещественной помощи.

Иисус Христос совершал Свои путешествия по Галилее и окрестным странам, возвращаясь почти каждый раз в Капернаум. Во время пребывания Своего в этом городе Он любил выходить к берегу Галилейского озера, называвшегося морем, и поучать народ там на просторе, где могли поместиться все желавшие слушать Его. В один из таких дней к Нему на берег собралось такое множество народа, что Он вынужден был, как это и прежде случалось, сесть в лодку и, отделившись таким образом от толпы, поучать ее. **И поучал их много притчами** (Мф. 13, 3).

В Своих поучениях Иисус Христос всегда сообразовался с уровнем понимания слушателей: говоря с книжниками и фарисеями, Он уличал их в непонимании или искажении смысла Писания; ученикам Своим постепенно, в ясных, не требующих объяснения выражениях открывал цель Своего пришествия, предстоявшие Ему смерть и Воскресение, а народу говорил притчами. Сильное, потрясающее впечатление на толпы народа производили чудеса, совершаемые Иисусом, а не учение Его, остававшееся для многих малопонятным. Если фарисей Никодим не мог понять, что для вступления в Царство Небесное необходимо духовное возрождение или перерождение, то и от народа, воспитанного в ложных понятиях о Мессии и Царстве Его, нельзя было ожидать сознательного отношения к поучениям Иисуса. Народ бессилён был

умом понять Иисуса, но сердце подсказывало ему, что **великий пророк восстал между** ними, и **Бог посетил народ Свой** (Лк. 7, 16). Вот почему поучения Свои к народу Иисус Христос излагал большей частью в особой иносказательной форме, дававшей слушателям возможность легко запомнить слышанное и потом вдуматься в его смысл. Для Своих иносказаний, сравнений, Иисус брал примеры из обыденной жизни народа и окружавшей его природы.

Притча о сеятеле

Так и в данном случае, Он напомнил им их родные *поля*, местами заросшие колючим кустарником, тернием, местами же каменистые, покрытые тонким слоем рыхлой почвы, и, сравнивая с таким полем стоявшую перед Ним толпу, сказал: **вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то.**

В тот же день, когда Господь окончил поучать народ притчами, двенадцать Апостолов и окружавшие Его попросили разъяснить им эту притчу, и Господь разъяснил.

Вот, вышел сеятель сеять (Мф. 13, 3). **Семя есть слово Божие** (Лк. 8, 11). **Сеятель слово сеет** (Мк. 4, 14). Но кто же этот сеятель? В другой притче о плевелах Иисус Христос под именем сеятеля подразумевал Себя, Сына Человеческого, как это видно из данного Им Своим ученикам объяснения той притчи: **сеющий доброе семя есть Сын Человеческий** (Мф. 13, 37); в объяснении же этой притчи Он не говорил, кого надо считать сеятелем. Поэтому надо признать, что сеятелем считается здесь прежде всего Сам Иисус Христос, а затем и все Апостолы, преемники их и все проповедники, устно или письменно сеющие слово Божие.

Как разнородна бывает почва, в которую бросает сеятель семена, так разнохарактерна бывает и толпа народная, перед которой выходит проповедник, сеятель слова Божия.

И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы и поклевали то. Труд сеятеля пропал; семя, упавшее на невспаханную почву, не подготовленную к прорастанию, не дало ростка; птицы поклевали его. Так бесплоден бывает иногда и труд проповедника слова Божия. Если *все* слушатели его с отуманенным умом и загрубелым сердцем, то он может руководствоваться заповедью Христа — **не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями** (Мф. 7, 6). Но не о таком случае говорится в притче о сеятеле; здесь толпа разнородна, здесь имеются и добрые сердца, могущие принять слово Божие, и потому здесь проповедь обязательна, и опасения, что сеемое слово будет не всеми усвоено, не должны останавливать сеятеля.

Посеянное при дороге, — поясняет Христос, — **означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их** (Мк. 4, 15). Так записал слова Иисуса Евангелист Марк. То же самое объяснение передают Евангелисты Матфей и Лука, но с некоторыми добавлениями, весьма существенными; так, по Евангелию от Матфея, **ко всякому, слушающему слово о Царстве и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его** (Мф. 13, 19), **чтобы они не уверовали и не спаслись** (Лк. 8, 12).

Из сопоставления сказаний всех трех Евангелистов об объяснении Иисусом Христом этой части притчи о сеятеле становится ясным, что посеянному при дороге уподобляются такие слушатели слова Божия, которые *не разумеют* его, которые не в силах даже и понять его, как не в силах бывает утоптанная дорога принять упавшее на нее зерно. Приведем пример из нашей жизни: В церкви читали Евангелие; стоял тут среди других один человек, который внимательно слушал чтение, но ничего не понял; выходя из церкви, он встретился с вышедшим оттуда же приятелем и просил его объяснить ему прочитанное Евангелие, но тот сказал ему, что и сам ничего не понял. Тогда идет он к одному знакомому и просит растолковать ему, что означают слышанные им слова Евангелия; но знакомый его был неверующий и сказал ему: «Напрасно и слушал; только время потерял! Не стоит и слушать того, что там читают!» Не получив ни от кого

объяснения, человек этот не получил никакой пользы от услышанного им слова Божия и скоро забыл его: оно было похищено у него. Конечно, если бы он обратился за разъяснением к верующему и понимающему смысл и значение слова Божия, то тот дал бы ему настоящее объяснение, и слово Божие проросло бы и в нем, как может прорасти и зерно на дороге, если ее вскопают и разрыхлят.

Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло.

«В Сирии (по свидетельству Плиния) пашут весьма неглубоко, так как под поверхностью лежит каменный грунт, летом иссушающий семена». На таком каменном грунте, если он покрыт тонким слоем плодородной почвы, зерно всходит быстро, но укорениться ему негде, и когда настает зной, росток, бессильный для борьбы с ним, погибает.

Посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 16–17). Это люди, которые, услышав слово Божие, сразу же поняли его, уразумели все. Умом они приняли его, но сердце-то их не отзывчиво к добру, холодно оно; умом они понимают, что надо любить ближних, будь то даже враги наши, и что надо благо творить им; они сознают, что надо прощать всем и не гневаться ни на кого, что надо за причиненное зло воздавать добром; но как только приходится им доказать все это на деле, то росток слова Божия и засыхает в них, и они оказываются бессильными согреть его в холодном сердце своем. Они охотно принимают благую весть о вечном блаженстве в Царстве Небесном; но когда приходится для достижения этого блаженства изменить привычный образ жизни, отстать от грехов, вести упорную борьбу с искушениями, претерпеть лишения, а иногда и гонения за веру, то оказываются малодушными, бессильными в борьбе со злом; они падают духом, вера их ослабевает, и как гибнет под палящими лучами солнца растение, не имеющее корня, так гибнут и надежды их на Царство Небесное.

Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Семя это упало не в разросшиеся кусты терния, а в такую почву, из которой они выкорчеваны, и которая достаточно хорошо распахана, но только корневища терновые не все извлечены. Если бы Иисус Христос подразумевал здесь разросшиеся уже кусты, то не сказал бы — и выросло терние. После посева по земле, казавшейся хорошо разработанной, оставшиеся в ней корни терния прорастают; всходит и посеянное семя; но быстро растущие побеги терния заглушают его, лишают света, поглощают всю влагу из почвы и не дают посеянному правильно развиваться; вырастает из него тощий стебель, который не дает колоса и зерна. **Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода** (Мк. 4, 18). Эти люди принимают слово Божие, но оно не возрождает их: наслаждения житейские (Лк. 8, 14), погоня за богатством, суета и предрассудки века не дают им времени укрепиться в вере, заглушают божественное слово; слово это все более и более забывается и потому остается бесплодным. Такие люди сознают, что хорошо было бы достигнуть вечного блаженства в Царстве Небесном, но тут же мир предлагает им свои земные блага. Вечное блаженство (рассуждают они) когда-то еще будет, а молодость, наслаждения житейские, богатство, уйдут и не вернешь их, если вовремя не воспользуешься ими; покаяться и жить по заповедям Божиим еще успеет, и потому пользование благами мира сего не помешает нам в свое время подумать и о Царстве Небесном. Так рассуждают люди, в которых слово Божие заглушается терниями; они не замечают, что терние это все более и более разрастается, что тоществу стеблю посеянного в них слова становится все теснее и теснее, что приходит наконец время, когда трудно и поздно уже вырывать поросли терния, сильно разросшиеся; они забывают также, что нельзя служить Богу и маммоне, и что человек не знает ни дня, ни часа, когда отозван будет из этой жизни.

Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное в тридцать.

Упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении (Лк. 8, 15),

То же самое объяснение этой части притчи передает и Евангелист Матфей, но с добавлением: «Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и **разумеющего**, который и бывает плодоносен» (Мф. 13, 23).

Здесь, следовательно, подразумеваются те люди, которые слушают слово Божие и понимают его, добрые и чистые сердца которых заботливо хранят его, которые в терпении несут иго Христово и через то достигают известных степеней совершенства, сообразно усилиям, употребляемым ими для достижения Царства Небесного: приносят плод во сто крат, в шестьдесят и в тридцать. Таким людям противопоставляются люди с сердцами огрубелыми, как утоптанная и накатанная дорога¹.

Но (скажут) чем же виноваты слушающие и *не разумеющие* слово и слушающие, но не имеющие для хранения слова чистого и доброго сердца? Если бы они обладали этими данными для успешного произрастания посеянного и в них зерна, то, может быть, и оно дало бы плод? Да ведь все люди приходят в мир добрыми, и зло внедряется в них потом вследствие их же вины: или сознательного стремления к нему, или же легкомысленного попущения; следовательно, черствым, невосприимчивым сердце делается по вине самого человека. Можно и твердую придорожную полосу земли вспахать и обратить в плодородную. Здесь говорится не о неразумных людях, но о не разумеющих, то есть могущих, но не желающих разуместь; при сильном желании и не разумеющий может уразуметь слово Божие, казавшееся ему прежде непонятным, а уразумев его, и исправить свое неотзывчивое сердце; следовательно, все зависит от воли самого человека, который и должен нести заслуженную им ответственность за невнимание к слову Божию и нежелание уразуметь его.

Притча о плевелах

Продолжая поучать народ, стоявший пред Ним на берегу, Иисус сказал: **Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел.**

Слова — **когда же люди спали** — не означают беспечности людей, так как к посеянному полю не были приставлены стражники для охраны посева; слова эти означают лишь время, когда пришел враг, то есть ночь, когда все люди обыкновенно спят. Плевелы — это сорное растение, очень похожее зеленью и стеблем на пшеницу, вследствие чего его нельзя выполоть в то время, когда всходы пшеницы еще малы, когда прополка им не приносит вреда; когда же плевелы достигают такого роста, что их можно отличить от пшеницы, тогда выдергивание их сопряжено с вытаптыванием и повреждением корней пшеницы. **Когда взошла зелень и показался плод** (то есть колос), **тогда явились** (то есть обнаружались) **и плевелы**, взошедшие одновременно с пшеницей, но своевременно не замеченные.

Пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы. Рассказ об этом не мог удивить слушателей Иисуса, так как подобная месть была в обычае у народов востока.

Рабы посеявшего доброе семя были удивлены, когда увидели выросшие с пшеницей плевелы, и предложили свои услуги выбрать их; но так как они, выбирая плевелы, могли выдернуть вместе с ними и пшеницу, то он сказал им: **оставьте расти вместе то и другое до жатвы...**

По объяснению Иисуса Христа, данному Апостолам, посеявший доброе семя есть Сын Человеческий, то есть Он Сам; враг Его — диавол; поле — мир; доброе семя — сыны Царства Божия; плевелы — сыны лукавого.

Учение Христа предлагается всем, оно сеется по всему миру; но и диавол своими соблазнами сеет зло среди людей. Люди одарены разумом и свободой воли; им предоставлен выбор между добром и злом; одни идут узким путем в тесные врата Царства Небесного, другие же широкой дорогой в противоположную сторону. Поэтому на обширной ниве мира вместе с достойными сынами Отца Небесного (пшеницей) живут и сыны лукавого (плевелы).

И как часто при виде возмутительных поступков злых, безнравственных людей говорят: «О Господи! Почему Ты не наказываешь теперь же злых людей? Зачем Ты даешь им возможность пользоваться всеми благами мира? Зачем они теснят, угнетают добрых?» На все эти вопросы Христос отвечает: **Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; настанет время жатвы, день Страшного Суда, и Я скажу жнецам, Ангелам Своим: соберите прежде плевелы... чтобы сжечь их... и соберут... делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов... а пшеницу уберите в житницу мою... Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.**

Притча о зерне горчичном

После притчи о плевелах Иисус Христос сказал притчу о зерне горчичном. Иоанн Златоуст так объясняет связь между этими притчами. В притче о сеятеле сказано, что три части всех посеянных семян погибают, а всходит, спасается только одна; притчею же о плевелах пояснено, что и этой четвертой части посеянного угрожает большая опасность от плевел. Слушая эти притчи, ученики могли прийти в уныние от такого малого числа людей, могущих спастись. Поэтому-то Господь и предлагает им притчу о горчичном зерне. Зерно это, будучи **меньше всех семян на земле**, становится, когда всходит, **больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные** (Мк. 4, 31, 32). То же самое будет и с проповедью. Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех униженнее, но так как сила, в них сокрытая, была велика, то проповедь Евангельская распространилась по всей вселенной (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 11).

Блаженный Иероним по тому же вопросу выражается так: «Евангельская проповедь меньшее из всех учений. В самом начале оно кажется неправдоподобным: оно проповедует человека и Бога, Бога умирающего, и соблазн Креста. Сравни это учение с догматами философов, с их книгами, блистательным красноречием, со сложением их речей, и увидишь, как семя Евангелия меньше всех этих семян. Но то, при своем начале проникая глубоко, не животворит; напротив того, слабеет, истощается и, подобно злакам, иссыхает. Благовестив же, по-видимому малое, будучи посеяно в душе верующего или в целом мире, укореняется подобно сильному дереву.

Царство Божие, Царство Христа на земле или Церковь Христова, сначала совсем малое, едва приметное, как горчичное зерно, разрослось со временем так, что вместило в себе множество народов, подобно тому, как в ветвях горчичного дерева укрываются стаи птиц небесных.

Горчичное зерно так мало, что у евреев того времени была поговорка: *мал, как горчичное семечко*. Это не то однолетнее растение, которое растет и у нас; это растение многолетнее, достигающее громадных размеров: под ветвями его может проехать человек на коне, а на ветвях садятся огромные стаи птиц.

Притча о закваске

Развивая ту же мысль о будущности основываемого Им Царства Божия на земле, Иисус Христос сказал притчу о закваске. **Еще сказал: чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все.** Известно, что ничтожное количество закваски (дрожжей), положенное в громадное (сравнительно с закваской) по объему тесто, сообщает всему тесту свои свойства и возбуждает в нем брожение. Так и **малое стадо** Христово (Ин. 6, 32; Лк. 12, 32), войдя в мир, создаст обширное Царство Божие на земле, долженствующее объединить все человечество.

«Не говори Мне: что можем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукой, и не только прикасается, но даже смешивается с ней, так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение с врагами своими, тогда их и преодолете» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 45).

По свидетельству Евангелиста Марка, Иисус Христос **такowymi многими притчами проповедывал им** (то есть народу) **слово**; но не все притчи, сказанные им тогда, записаны Евангелистами. Евангелист Матфей, обращавший при написании своего Евангелия особенное внимание на исполнение Иисусом всех пророчеств о Мессии, говорит, что, поучая притчами, Иисус исполнил сказанное Богом через пророка Давида. Семьдесят седьмой псалом начинается так: **Внимай, народ мой, закону моему, приклоните ухо ваше к словам уст моих. Открою уста мои в притче** (Пс. 77, 1).

Когда Иисус окончил притчи, приступили к Нему ученики и спросили: **для чего притчами говоришь им?**

Потому говорю им притчами, — отвечает Христос, — **что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают**. Они не слепы и не глухи, но, развращенные своими лжеучителями (книжниками и фарисеями), они почти потеряли способность понимать виденные ими знамения и слышанное ими учение. **И сбывается над ними пророчество Исаяи, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете², и глазами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их** (Мф. 13, 14–15; Ис. 6, 9–10). Испорченность большинства этих людей так велика, что они умышленно становятся глухи к слову истины и закрывают глаза свои от великих знамений, как бы опасаясь, что в противном случае они, пожалуй, обратятся к Богу и будут спасены Им. Но Христос не отталкивает и их от Себя; нет, Он и им преподает Свое учение о Царстве Небесном, но только в иносказательной форме, предоставляя им самим, при желании, додуматься до сокрытого в притчах смысла. **Кто имеет** искреннее желание понять смысл притчи и учения Христа, **тому дано будет** это понимание, и **приумножится** в нем; **а кто не имеет** такого желания, тот останется глух к учению Христа, если бы оно излагалось даже и не в притчевой форме; тому не принесет пользы даже и то богопознание, которое имеют все люди, на какой бы ступени религиозного развития они ни стояли; **у того** само собою оно отпадет как бесполезное для него, как бы **отнимется и то, что имеет** (Мф. 13, 12).

Апостолам же, которые для Христа оставили все земное и пошли за Ним и тем обнаружили веру в Него и искреннее желание следовать Его учению, — им через это сделалось доступным, возможным воспринять то, что другие, без веры и желания, слыша не слышат и видя не видят и не понимают; им-то **дано знать тайны Царствия Небесного³**.

Слова — **кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет**, — взятые в отдельности, без связи с предыдущими и последующими, могут показаться непонятными; но если принять во внимание, что они сказаны в разъяснение вопроса о том, что слово Божие о Царстве Небесном воспринимается, усваивается теми только, ум и сердце которых восприимчивы к тому, то станет понятным, что здесь речь идет не о приумножении вещественных богатств богатого и обнищании бедного в буквальном смысле этих слов, а об обогащении духовного мира человека истинным богопознанием. Скажут: чем виноват человек, не имеющий такой восприимчивости к слову Божию? За что же отнимется у него и то, что имеет? На это мы ответим, что стремление к богопознанию присуще всем людям как разумным существам, но многие из них так затуманили свой ум различными лжеучениями, так ожесточили свое сердце, что нехотя слушают слово Божие и слушая не слышат его; они повторяют навязанные им праздные речи, например, о том, что в Евангелии много непонятного, а потому и не

заглядывают в него; в этом-то и вина их, за это отнимается у них и то разумение, какое они имели. Но если те же люди без предвзятых мыслей приступят к чтению слова Божия и будут читать его с верой и искренним желанием понять его, то они, несомненно, поймут его; понимание дано будет им; и чем более они будут проникаться величием этого слова, тем более приумножится в них это понимание, тем светлее, яснее будет для них божественная истина; тогда **блаженны** будут и их **очи, что, видя, видят**, и их **уши, что, слыша, слышат** (Мф. 13, 16).

Многие ветхозаветные пророки **желали видеть** (Мф. 13, 17) то, о чем пророчествовали; многие праведники хотели видеть осуществление своих ожиданий пришествия Мессии и слышать Его; но они не видели и не слышали Его. **Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат** (Мф. 13, 16).

К сожалению, в то время даже ближайšie ученики Иисуса, Апостолы Его, не вполне ясно еще сознавали то, что видели и слышали. По сказанию Евангелиста Марка, они, видимо, затруднялись понять смысл притчи о сеятеле, так как Христос спросил у них: **Не понимаете этой притчи? как же вам уразуметь все притчи?** (Мк. 4, 13).

Вот что значит притча сия (объяснение притчи о сеятеле приведено выше, на с. 394).

Окончив поучение притчами и отпустив народ, Иисус **вошел в дом** (Мф. 13, 36) и тут, оставшись наедине с Апостолами, объяснил им, по их же просьбе, значение притчи о плевелах (объяснение приведено выше, на с. 398). Апостолы просили объяснить им только две притчи; следовательно, остальные были поняты ими и без объяснений. Выше было сказано, что поучение притчами предназначалось исключительно для народа. Между тем, оставшись наедине с учениками, Он продолжает говорить притчами — зачем? Не затем ли, чтобы испытать их восприимчивость к слову Божию, их вдумчивость и разумение? «Вот, — говорит Он, — вы не поняли притч о сеятеле и плевелах; **как же вам уразуметь все притчи?**» (Мк. 4, 13). И тут же, очевидно, для испытания, понимают ли они вообще мысли, сокрытые в притчах, Он говорит им новые притчи.

Притча о человеке бросившем семя в землю

Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва.

Притча эта всегда считалась одной из труднейших для толкователя. Кого надо подразумевать под человеком, бросающим семя в землю? По мнению Антония, архиепископа Волынского и Житомирского, здесь под сеятелем разумеется не Бог, а человек-христианин, насаждающий доброе семя (учение Христово или подвиги благочестия) как в своем сердце, так и в общественной жизни; он не может следить за дальнейшим возрастанием благодатной жизни в себе и в других, как отдыхающий хозяин не следит за постепенным произрастанием засеянной нивы, но Господь, невидимо утверждая добродетель в его сердце и в общественной жизни, подобно солнцу и дождю, поднимающим растущий в поле хлеб, затем вдруг неожиданно для тружеников обнаруживает благодатные плоды их трудов и дает обильную жатву Божию.

Толкуя притчи Господни, надо всегда иметь в виду, что, поучая притчами, Иисус Христос брал примеры не вымышленные, а из повседневной жизни Своих слушателей, и поступал Он так (по объяснению Иоанна Златоуста) для того, чтобы сделать слова Свои более выразительными, облечь истину в живой образ, глубже запечатлеть ее в памяти и как бы представить глазам. Поэтому в притчах надо искать сходства или подобия только в общем, а не в частностях, не в каждом слове, в отдельности взятом. Кроме того, каждую притчу надо понимать в связи с другими однородными и с общим духом учения

Христа.

Иисус Христос в Своих проповедях и притчах весьма точно разграничивает Царство Небесное от Царства Божия. Царством Небесным Он называет то Царство Бога, которое назначается исключительно для праведников и начнется после окончательного Суда над родом человеческим. Царством же Божиим Он называет основанное Им на земле Царство верующих в Него и творящих волю пославшего Его Отца Небесного. Царство Божие подготавливает вступающих в него людей к Царству Небесному; началось оно с пришествием Христа, бросившего в сердца людей слово Божие, подобно тому, как и земледелец бросает семя в землю; окончится же тогда, когда наступит время жатвы, когда вполне созреет плод, выросший из посеянного слова Божия. Созреет же этот плод тогда, когда все человечество, населяющее землю, объединится в одно общество верующих, в единое стадо Единого Пастыря; когда все человечество станет одним полем, на котором посеяны добрые семена (рост плевел вместе с пшеницей не нарушит единства поля, как не нарушило единства малого стада Христова присутствие в нем Иуды). Тогда-то начнется Царство Небесное. Видимое участие Иисуса Христа в Царстве Божием выражается в основании Им этого Царства и в посылке жнецов, когда созреет плод. Хотя невидимое руководство Его этим Царством несомненно теперь для всех верующих в Него, но Апостолы в то время не имели еще такой веры в Него. Им надо было привести из обыденной жизни наглядный пример для пояснения, как начинается и как окончится Царство Божие здесь, на земле. Лучшим примером послужил тот же посев, о котором уже было говорено. Человек, бросивший семя в подготовленную им для того землю, сделал этим все, что от него требовалось; хотя, при желании, он и наблюдает за ростом посеянного, и ограждает его от неблагоприятных сторонних влияний, но, вследствие силы, сокрытой в семени, **земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе**. Так и слово Божие, посеянное Иисусом Христом и упавшее на благоприятную почву, вследствие благодатной силы, заключающейся в нем, возрождает человека; и если ни терния, ни плевелы не заглушают его, то оно вырастает и дает плод даже без дальнейшего содействия Посеявшего.

На основании сказанного можно полагать, что в этой притче Сеятель — Сам Христос, семя — принесенное Им на землю слово Божие, а вырастающее из семени растение — Царство Божие. Главная же мысль притчи — действие силы слова Божия, соединяющей людей в единое Царство Божие. Остальные части притчи не следует принимать в расчет при толковании ее, так как они не имеют особого самостоятельного значения (например: и как семя всходит и растет, не знает он) и приводятся лишь для наглядного подтверждения верности главной мысли.

Притчи о сокровище, скрытом в поле, об искателе жемчуга и о неводе

Продолжая испытывать Апостолов, могут ли они понимать Его мысли, скрытые в притчах, господь сказал им две притчи об искателях истины, то есть правды Божией. Один человек случайно нашел сокровище, зарытое в поле; найдя его, он так обрадовался, что пошел, продал все, что имел, и купил поле то. А другой искал хороших жемчужин, и когда нашел **одну драгоценную жемчужину**, то пошел, тоже продал все, что имел, и купил ее (Мф. 13, 46).

Притчи о сокровище, скрытом в поле, и о жемчуге имеют большое сходство между собой; та и другая говорят об обретении истины и пути к Царству Небесному (то есть Христа, так как Он есть истина и путь), с той лишь разницей, что в первой притче говорится о внезапном, неожиданном обретении сокровища, а во второй — об обретении драгоценной жемчужины после долгого искания вообще хороших жемчужин. Примером внезапно находящих сокровище, которое было скрыто от них, могут служить язычники, впервые услышавшие проповедь Апостолов об Иисусе Христе и познавшие через то, что исполнение возвещенной Им воли Божией есть единственное средство для вступления в приготовленное для праведников Царство Небесное. Озаренные проповедью Апостолов, многие из них бросали все, что раньше привязывало их к

земной жизни, и такой ценой приобретали себе величайшее сокровище во Христе. Таких слушателей слова Божия Иисус уподобил человеку, который, обрабатывая чужую землю, случайно нашел зарытый в нем клад; чтобы обладать этим кладом, надо было купить поле то; и вот, он продает все, что имел, и покупает его, а с ним и найденное сокровище (в те времена, когда люди не могли считать себя вполне безопасными, многие богатые зарывали в землю часть своих сокровищ). Примером искавших истину и нашедших ее только в учении Христа может служить святой Иустин Философ: в сочинении своем «Разговор с Трифоном-иудеем» он говорит, что, будучи еще язычником, он изучил все философские системы того времени и особенно увлекался учением Платона, но все его знания не давали ему ответа на интересовавшие его вопросы о Боге, о душе, ее бессмертии и прочем, пока один старец (по преданию, святой Поликарп) не рассказал ему об Иисусе Христе и пророках, предвещавших его Пришествие; изучив, вследствие сего, пророчества и Евангелия, он только в них нашел единую истинную и полезную философию. Таким же искателем хороших жемчужин был и Тациан, ученик Иустина Философа, нашедший драгоценную жемчужину в Евангелии, и многие другие.

Четвертую притчу сказал Иисус ученикам — притчу о неводе, закинутом в море и захватившим рыб всякого рода. Здесь говорится о том времени, когда евангельская проповедь распространится по всему миру, когда основанная Христом Церковь вместит в себя (захватит) все народы земли; тогда вытащат невод на берег, хорошее соберут в сосуды, а худое выбросят вон. Тогда **изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.**

Объяснение значения слов: печь огненная, геенна огненная, тьма внешняя, плач и скрежет зубов

Представляя своим слушателям будущность грешников, Иисус Христос сказал, что осужденные Им при кончине века грешники ввержены будут **в печь огненную, где будет плач и скрежет зубов.** Следует ли буквально понимать слова — **печь огненную**, или же считать, что ожидающее грешников наказание лишь уподобляется мучениям в огненной печи? Нам кажется, что буквально понимать эти слова можно было бы тогда только, если бы Иисус Христос всегда выражался так о предстоящей грешникам будущности; между тем известно, что в других случаях Он выражался несколько иначе: так, в Нагорной проповеди Он сравнивал мучения грешников с пребыванием в долине (геенне) огненной (Мф. 5, 29); после того, говоря об участи, какая постигнет иудеев, Он сказал, что они **извержены будут во тьму внешнюю: и там будет плач и скрежет зубов, а многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном** (Мф. 8, 11–12). Сожжение в печи огненной известно было слушателям Иисуса из книг Ветхого Завета: так, Иуда, сын Иакова, осудил на сожжение невестку свою Фамарь (Быт. 38, 24); Давид бросил в обжигательные печи покоренных им жителей города Раввы (2 Цар. 12, 31); Навуходоносор велел бросить в печь, раскаленную огнем, Анания, Мисаила и Азария, не поклонившихся золотому истукану (Дан. 3, 21). Вообще у народов востока сожжение живьем было одним из обыкновенных способов смертной казни, и казнь такая была самой ужасной, мучительной. Поэтому Иисус Христос, говоря о страшном наказании грешников в будущей вечной жизни и желая наглядно представить Своим слушателям судьбу их, указал на казнь в огненной печи как на некоторое подобие того, что их ожидает, если они не покаются и не возродятся к новой жизни. Позже, отвечая саддукеям на вопрос о воскресении, Иисус уподобил духам, ангелам, людей, которые будут воскрешены для Страшного Суда, и тогда же объяснил, что тела воскрешенных не будут теми чувственными телами, какими облечены мы во время нашей земной жизни (Лк. 20, 27–36), а из этого можно заключить, что и страдания осужденных будут скорее душевными, чем чувственно-телесными.

Окончив беседу с учениками притчами, Иисус спросил их: **поняли ли вы все это?** И когда из ответа их убедился, что они теперь понимают Его, то назвал их *книжниками*, но не теми книжниками-иудеями, которые вместе с фарисеями составляли враждебную Ему партию, а книжниками, наученными Царству Небесному. Книжники иудейские знали только *старое*, ветхозаветное пророчество о пришествии Мессии,

да и то не понимали его; а книжник, наученный проповедью Христа, знающий и *старое* пророчество, и *новое* учение о Царстве Небесном, будет пользоваться и тем и другим и, как домовитый хозяин выносит из своей сокровищницы не только новое, но и старое, смотря по надобности, так и они, проповедуя, будут пользоваться не только учением Его, но и ветхозаветными пророчествами о Нем.

1 Упоминание о терпении, об усилиях, ниспровергает ересь протестантов о том, будто вера сама по себе производит в человеке дух ревности без всякой борьбы и усилий.

2 Можно привести множество примеров, как люди с огрубелыми сердцами нехотя слушают то, что им не по сердцу, и умышленно закрывают глаза, чтобы не видеть того, что может поколебать их предубеждения.

Евреи ждали Мессию, как непобедимого царя-завоевателя, который покорит им весь мир и будет царствовать вечно. Пришел истинный Мессия — Христос, Сын Божий, — и начал проповедовать Свое учение. Но фарисеи, книжники, первосвященники и вообще главари еврейского народа не хотели и слышать этой проповеди и умышленно закрывали глаза на все дела, совершенные Иисусом. Они не хотели ни слушать, ни видеть того, что доказывало ложность их учения и божественность пришедшего Мессии, Царство Которого не от мира сего; не хотели потому, что огрубели сердца их под влиянием навязчивых мыслей о Мессии-завоевателе.

Апостол Павел проповедовал о воскресшем Христе пред ареопагом в Афинах; но когда дошел до самого события Воскресения, одни члены ареопага насмеялись над ним, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время (Деян. 17, 32). Они не стали слушать проповедника потому, что сердца их огрубели под таким же влиянием навязчивой мысли о невозможности воскресения мертвых.

Так и в наше время: наша интеллигенция (конечно, не вся поголовно), не знающая ни Иисуса Христа, ни Его Евангелия, оставившая в средней школе принесенную туда детскую веру и заменившая ее модным атеизмом, как признаком будто бы высшего умственного развития, не хочет и слышать о Христе Богочеловеке, Сыне Божиим. Начитавшись Бюхнера, Ренана, Штрауса, Геккеля, наши интеллигенты так загнипнотизировались их лжеучениями, что вывести их из этого гипнотического сна очень и очень трудно. Один неверующий студент, изнемогавший от сознания бесцельности и бессмысленности человеческой жизни, писал мне о своем страстном желании познать смысл жизни; я указал ему на необходимость изучения Евангелия и Личности Иисуса Христа, чтобы познать смысл жизни, а он ответил мне, что сомнения, глубоко внедрившиеся в его душу, положительно препятствуют ему даже развернуть Евангелие. Приведу еще пример. В Ницце мне часто приходилось встречаться с одним знакомым моим, доктором, человеком пожилым. Видимо, и его волновал вопрос: зачем мы живем? Он искал ответа на этот вопрос и взялся за чтение Евангелия. Но тот дух отрицания и сомнения, который овладел им еще на школьной скамье, решительно препятствовал ему заняться изучением Евангелия *без предубеждения*, и после он писал мне, что завидует людям верующим, но **сам** верить не может тому, что было почти две тысячи лет назад и о чем можно говорить и писать что угодно, так как нет (?) критерия и фактических доказательств.

3 Вам дано знать (точнее, разуметь) тайны Царствия Небесного, а им не дано.

Слово **дано** подразумевает того, кем **дано**. В данном случае можно подразумевать Бога, Которым одним **дано** разуметь тайны Царства Небесного, а другим **не дано**. Но правильно ли приписывать Богу такое неравенство в распределении Его наиважнейших даров — уразумения тайн Царства Небесного? Конечно, нет. Бог создал людей по образу и подобию Своему, и это **подобие** дает всем людям возможность разуметь те тайны, которые открыл Христос. Тайны эти, для уразумения их, не требуют особенного умственного развития; они очень просты и воспринимаются легко, если не умом, то сердцем. Надо только верить в Того, Кто открыл эти тайны (Ин. 6, 28–29). Надо или верить, или убедиться, что

Христос был действительно Сын Божий и что поэтому каждое слово Его — истина. Но эта возможность верить или убедиться в божественности Христа дается самими же людьми. Если кто берется за изучение Евангелия без предубеждения, пробудившись от гипнотического сна, навеянного Бюхнерами, Геккелями и т. п., то он сам дает себе возможность уразуметь открытые Господом тайны. Если же ничто не может пробудить его, если он допустил так загипнотизировать себя, что открытые Христом тайны становятся недоступными ему для уразумения, то, конечно, он *сам* не дает себе возможности уразуметь их.

Вообще, во всякой неудаче надо винить прежде всего самого себя; отыскивая причину неудачи, надо прежде всего задаться вопросом: не виноват ли я сам в том, что такое-то или иное дело мне не дается, из рук валится? И при добросовестном исследовании почти всегда оказывается, что виновник всех неудач сам же неудачник. Таким образом, выражение Господа — **вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано** — надо, мне кажется, понимать так: вы (то есть Апостолы), отрекшиеся от всего, что связывало вас с миром, отрекшиеся от собственности, семьи и друзей и последовавшие за Мною, — вы приобрели тем возможность уразуметь открытые Мною тайны; вашими же делами вам **дано** уразуметь их. А им, которые ожесточили сердца свои грубым себялюбием и отуманили ум свой лжеучением книжников и фарисеев, — именно этим себялюбием и затемнением ума **не дано** уразуметь открытые Мною тайны. Следовательно, дают или не дают уразуметь эти тайны те условия, в которые мы сами себя ставим. И кто поставил себя в благоприятные тому условия, **кто имеет**, таким образом, все необходимое для познания истины, **тому дано будет** познать ее, **и познание это приумножится**; а **кто** поставил себя в иные условия, не благоприятствующие познанию истины, тот сам у себя отнимает всякую возможность познать ее, отнимает у себя даже врожденное всем людям стремление к Богу и познанию Его, даже **и то, что имеет** всякий, носящий имя человека.

ГЛАВА 15. Ответы книжнику и двум ученикам. Укрощение бури. Исцеление бесноватых в стране Гадаринской. Исцеление страдавшей кровотечением. Воскрешение дочери Иaira. Исцеление двух слепых и немого бесноватого. Воскрешение сына вдовы Наинской

Ответы книжнику и двум ученикам

В тот самый день, когда Господь поучал народ притчами, пришел Он вечером опять к берегу моря Галилейского. Толпы народа опять собрались вокруг Него, и Он хотел сесть в лодку, чтобы переплыть на другой берег. В это время подошел к Нему книжник и сказал: **Учитель! я пойду за Тобю, куда бы Ты ни пошел.**

Желая испытать, действительно ли он готов сделаться Его учеником, желая обнаружить его сокровенные мысли, Иисус объяснил ему, что быть учеником и следовать за Ним не так легко для людей, преданных удобствам жизни, земным благам: **лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.**

Этот ответ произвел, по-видимому, сильное впечатление на тех из спутников Христа, которые уже назывались учениками Его; на лицах многих из них видна была готовность следовать за Ним; но чтобы испытать силу этой готовности, Он сказал одному из них: **следуй за Мною.** Этот ученик только что лишился отца и собирался хоронить его. Поэтому он колебался и недоумевал, что ему делать? Нарушить обычай и не быть на похоронах отца он считал невозможным, и потому, решаясь оставить на время Иисуса, он просит позволения прежде пойти похоронить отца, обещаясь вернуться после и следовать за Иисусом. Но Иисус не дал просимого позволения: **предоставь,** — сказал Он, — **мертвым погребать своих мертвецов.**

«Два раза употребляемое слово *мертвый* имеет здесь (говорит епископ Михаил) два разных значения: на первом месте поставленное означает мертвых духовно, на втором — мертвых в собственном смысле, телесно умерших. Иудеи употребляли слово *мертвый* в приложении к человеку, который безразлично относился к какому-либо предмету, или на которого известный предмет не имел влияния. Так, быть мертвым для мира, для закона (Рим. 7, 4), для греха (Рим. 6, 2) означает, что мир, закон, грех не имеют влияния на человека, не имеют власти над ним, что он свободен в отношении к ним, действует так, как будто бы их не было. Так бывают люди мертвые и для религии, будучи глухи к голосу ее. Таковы были и те, о которых говорит здесь Спаситель. "Оставь мертвых, которые глухи к Моему слову, к Моему делу, которые не понимают и не разумеют его, и которые мертвы по грехам своим (Еф. 2, 1, 3); предоставь им хоронить своих мертвецов, а ты, внявший слову жизни, Мною проповеданному, иди за Мной, продолжай быть Моим учеником". Господь хотел сим, по-видимому не совсем понятным, запрещением отдать последний долг умершему отцу или испытать характер и преданность Себе этого ученика, так как истинная любовь ко Христу должна оставить ради Него и родных и друзей (Мф. 10, 37; Лк. 14, 26), или — предостеречь и предохранить его от родных, которые может быть, пожелали бы отвлечь его от Христа. Может быть, Господь видел, что заботы домашние, заботы житейские отвлекли бы совершенно этого ученика от дела Божия, а потому и не позволяет ему отходить от Себя. Без сомнения, обязанность детей —

повиноваться родителям, воздавать им почтение как при жизни, так и по смерти, Господь и не разрушает сей обязанности. Он поучает только, что ради благовествования Царства Божия должно все оставлять, когда того требуют обстоятельства» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1).

Другой ученик не дождался призыва Иисуса и сам сказал Ему: **я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими** (Лк. 9, 61). И ему Христос не дал просимого позволения. Первый ученик имел более уважительную причину для кратковременной отлучки — смерть отца; другой же просто не имел сил сразу порвать все связи с прошлым: желая следовать за Господом, он сознавал свою привязанность к жизни земной со всеми ее радостями, и в нем происходила борьба двух противоположных желаний; наконец, желание следовать за Иисусом начинает побеждать, и он, в восторге от такой победы, сам, без вызова, спешит сказать: **я пойду за Тобою, Господи! но...** тут вновь начинается борьба, жизнь манит к себе, и пылкий ученик стыдливо и робко говорит: **но прежде позволь мне проститься с домашними моими.**

Отвечая Ему, Христос сравнил с пахарем идущего по пути в жизнь вечную. Пахарь, взявшийся за плуг, должен смотреть вперед, чтобы запряженные в плуг животные тянули ровно, не сбиваясь с борозды, и чтобы плуг шел прямо на надлежащей глубине; только при соблюдении таких условий пахота будет хороша и цель пахаря будет достигнута. А если он будет оглядываться назад, то и животные будут сбиваться с борозды, и плуг будет выскакивать; а через это цели своей пахарь не достигнет. Так точно и человек, решившийся следовать по начертанному Христом пути, должен зорко смотреть вперед, должен постоянно иметь перед собой цель своего шествия, и только тогда он может надеяться войти в те тесные врата Царства Небесного, которые стоят в конце его пути. Но если в нем еще происходит борьба, если он не может отрешиться от соблазнов, если он по временам оглядывается на них, то он *не благонадежен для Царствия Небесного*, мало того, он **не благонадежен и для Царствия Божия** (Лк. 9, 62) здесь, на земле.

Евангелисты умалчивают о том, как поступили эти два ученика: пошли ли за Иисусом, или же поддались искушению. Надо полагать, что если бы они ушли по домам, то Иисус сказал бы по этому поводу поучение Апостолам, но так как и об этом Евангелисты умалчивают, то, вероятно, эти ученики последовали за Господом.

Укрощение бури

После того Иисус вошел в лодку с учениками Своими и велел им отплыть на другую, то есть восточную, сторону озера. Они исполнили приказание и отплыли. Отплыли с Ним и другие лодки, как о том свидетельствует Марк, но, вероятно, эти другие лодки отстали или приняли иное направление, так как в дальнейшем повествовании о них не упоминается.

Утомленный Иисус заснул на корме. Поднялась страшная буря, волны били в лодку и стали заливать ее, но Он спокойно спал. Ученики, почти все рыбаки этого самого озера, привыкшие бороться с его бурями и непогодами, выбились из сил и в отчаянии будят спавшего Учителя. Слова, с которыми Апостолы и ученики обратились к Иисусу, Евангелисты передают различно. По сказанию Марка, они спросили: **Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?** В этих словах слышится и укор Учителю за невнимание к судьбе Его учеников, и скрытая уверенность, что Он может предотвратить их гибель, если захочет. Лука передал только крики отчаяния: **Наставник! Наставник! погибаем** (Лк. 8, 24). А по словам Матфея, ученики, разбудив Иисуса, обратились к Нему с мольбой: **Господи! спаси нас, погибаем** (Мф. 8, 25). В таком различии возгласов учеников Иисуса нельзя усматривать разногласие в повествованиях Евангелистов; в минуту общего отчаяния ученики не могли говорить в один голос, по предварительному уговору; напротив, каждый из них спешил высказаться, каждый по-своему торопился просить Иисуса о спасении, поэтому следует признать, что все переданное Евангелистами было действительно сказано различными учениками, причем каждый из трех Евангелистов записал те слова, которые были ему лучше

известны.

Итак, некоторые ученики говорили: **Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?** Другие в отчаянии кричали: **Наставник! Наставник! Погибаем.** А третьи молили Его: **Господи! спаси нас, погибаем.**

Выслушав всех, Иисус сказал им: **«Что вы так боязливы, малoverные? Неужели для вас мало свидетельства Иоанна и всех совершенных Мною перед вами чудес, чтобы, наконец, узнать, Кто Я? Неужели вы думаете, что можете погибнуть в волнах родного вам моря? Вы, которых Я избрал для проповеди Моего учения всему миру? О, малoverные!»** Поднявшись затем и став на корме, Он обратился к бушевавшему урагану и разъяренному морю и властным, повелительным голосом сказал: **умолкни, перестань.** Мгновенно **ветер утих, и сделалась великая тишина.** Обратившись же опять к ученикам, Он с грустью сказал им: **где вера ваша?** (Лк. 8, 25).

Это было первое испытание веры Апостолов, и они оказались малoverными: плывя с Иисусом Христом, они испугались бури и вообразили, что могут погибнуть, а когда ветер и море мгновенно подчинились повелению Христа, они в страхе великом недоумевали и спрашивали друг друга: **кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?** По сказанию Матфея, так говорили люди, вероятно, лодочники, не состоявшие в числе учеников Иисуса по сказаниям же Марка и Луки, так говорили и ученики.

«Ты переплываешь море этой жизни (говорит Августин), и ветер поднимается, застигают тебя бури и искушения. Отчего это, если не от того, что Иисус засыпает в тебе? Если бы Он в тебе не спал, ты бы наслаждался внутренней тишиной. Что же значит, что Иисус в тебе засыпает, если не то, что в сердце твоём вера Иисусова дремлет? Что же ты должен сделать для своего избавления? Пробуди Его и скажи: **Наставник! мы погибаем!** Он пробудится, то есть к тебе возвратится вера и пребудет в тебе. Когда пробуждается Христос, тогда и среди бурных треволнений вода не зальет твоего корабля, твоя вера будет повелевать ветрами и волнами, и опасность минует».

Исцеление бесноватых в стране гадаринской

Продолжая плыть к другому берегу, Иисус с учениками приплыл в страну Гадаринскую, лежащую на восточном берегу озера. Эту страну Лука называет Гадаринской, по имени находившегося в ней города Гадары, а Матфей называет ее страной Гергесинской, по имени другого города Гергеса; оба эти города были в числе городов Десятиградия.

Вышедших на берег встретил бесноватый, **человек, одержимый нечистым духом.** Евангелисты Марк и Лука говорят об одном бесноватом, а Евангелист Матфей о двух (Мф. 8, 28). В этом, по мнению Златоуста, нет разногласия: разногласие между Евангелистами оказывалось бы только тогда, когда бы Марк и Лука сказали, что был *только один* беснующийся, а другого не было; когда же один говорит о двух, а другие об одном, то это не есть признак разноречия, а показывает только различный образ повествования.

Считая безусловно правдивыми повествования всех Евангелистов, мы должны признать, что бесноватых было два, но так как один из них был особенно свиреп, а другой, по сравнению с первым, оставался едва замеченным, то Марк и Лука упоминают только об одном, как наиболее замечательном. Он обладал необычайной, нечеловеческой силой: разрывал цепи и разбивал оковы; много раз его сковывали оковами и цепями, но каждый раз безуспешно, вследствие чего оставили его на произвол судьбы. Он жил в горных пещерах, называвшихся гробами, потому что в таких или подобных им искусственных пещерах хоронили умерших. В страшных мучениях он днем и ночью кричал, с отчаяния бился о камни и своими неистовыми криками наводил такой страх на всех окрестных жителей, что никто не решался проходить тем путем, на котором мог встретиться с ним.

Что же сделал этот страдалец, увидя вышедших из лодки на берег Иисуса и учеников Его? Евангелист Матфей, кратко говорящий об этом событии, свидетельствует, что два бесноватые, увидя Иисуса,

закричали: **что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас.** Евангелист Марк повествует о том же событии так: **увидев же Иисуса издали, прибежал и поклонился Ему, и, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!** Ибо, поясняет Евангелист, **Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.** Евангелист Лука передает это событие вполне согласно с Евангелистом Марком: **Он, увидев Иисуса вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня.** (Лк. 8, 28). Ибо, поясняет и Лука, **Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека** (Лк. 8, 29).

Признавая безусловно истинными повествования всех трех Евангелистов, мы полагаем возможным принять нижеследующую последовательность рассказанных Евангелистами событий. Увидя Иисуса издали, бесноватые закричали: **что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас.** Затем, один из двух бесноватых, тот, которого никто не в силах был укротить, прибежал, пал пред Ним, то есть Иисусом, и поклонился Ему. Иисус сказал: **выйди, дух нечистый, из сего человека.** Тогда бесноватый вскричал и громким голосом сказал: **Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю (или умоляю) Тебя Богом, не мучь меня.**

Установив последовательность всего происшедшего, ответим на вопрос: возможно ли все сделанное и сказанное бесноватым приписать ему самому, как свободно действующему человеку?

Одичалый, давно удалившийся в пустынные прибрежные скалы, живший в пещерах, не имевший к тому же никаких сношений с людьми, не мог, конечно, знать ни о явлении Христа, ни о том, Кто Он. Между тем, только что увидев Его, он называет Его Иисусом, Сыном Божиим, и с упреком кричит Ему, зачем Он пришел преждевременно мучить его; затем подбегает к Нему, падает пред Ним на колени, кланяется Ему и как бы просит избавить его от чего-то ужасного. А когда Иисус повелел нечистому духу выйти из него, то он вместо благодарности громким голосом говорит: **что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня!** Такое поведение бесноватого, противоречащее его словам, указывает на какую-то двойственность в нем самом: он прибежал к Иисусу, пал к ногам Его и поклонился, то есть поступил так, как обыкновенно поступают ищущие спасения или избавления от какой-либо беды или от грозного врага; ему оставалось только высказать словами, чего он именно желает, о чем молит; он не успел еще или не сумел высказать свои желания, как всеведущий Иисус уже повелел нечистому духу выйти из него; тогда бесноватый начинает говорить, но слова его выражают совсем другие мысли, другие желания, настолько противоречащие смиренному преклонению пред Иисусом, что их никак нельзя приписать самому бесноватому. Очевидно, что бесноватый говорил не от себя, — что он бессознательно выражал своими словами чью-то чужую волю, чьи-то посторонние для него желания и опасения, — словом, что устами его говорил кто-то другой и что этот другой был тот, кто и довел несчастного до страшных мучений и одичания.

Что этот страдалец был действительно одержим злым духом или многими злыми духами, мы должны признать уже потому, что Иисус Христос повелел духу нечистому выйти из него. Но люди маловерные, сомневающиеся в существовании злых духов, пусть серьезно обсудят вопрос о несоответствии слов бесноватого с его поведением и с теми желаниями, которые он должен был высказать Иисусу, и тогда они, наверное, признают, что устами бесноватого говорил кто-то другой. Кто же? Какой ответ дадут они на этот вопрос, кроме евангельского?

Иисус **спросил его: как тебе имя?** Кого спросил Иисус? Лежавшего ли у ног Его человека, или злого духа? Некоторые толкователи полагают, что вопрос этот был обращен к злому духу, другие же — что так спросил Иисус самого бесноватого. Но так как ответил на этот вопрос злой дух, говоривший устами этой жертвы, то следует признать, что и вопрос был обращен к злому духу. **Легион имя мне, потому что нас много.** Легионом назывался отряд из 6000 воинов; на обыкновенном же разговорном языке это слово

означало неопределенное множество.

Злые духи, овладевшие несчастным, увидев Иисуса еще издали, узнали в Нем Сына Божия, имевшего власть и над ними. Зная, что всем им предстоит наказание от Бога за их отступничество от Его воли, они, вероятно, вообразили, что наказание это последует немедленно, потому что как бы с упреком закричали Ему, что Он пришел мучить их **прежде времени**. Затем, оставаясь при том же убеждении о представшей уже для них преждевременной гибели, они молили Господа, **чтобы не высылал их вон из страны той**; куда же? Дополняя повествование Марка, Лука говорил что злые духи **просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну**, то есть в беспредельное пространство, туда, где нет людей. Желая остаться еще некоторое время в стране той, населенной большей частью язычниками, бесы просили позволение войти хотя бы в свиней, стадо которых паслось недалеко от того места. Иисус позволил; бесы вошли в свиней, которые тотчас же бросились с крутизны в море и все потонули.

Это позволение войти в свиней смущало многих толкователей Евангелия; спрашивали: зачем Иисус причинил Своим позволением такой убыток владельцам свиней? И зачем бесы, очевидно, желавшие еще действовать в этой стране, войдя в свиней, немедленно же потопили их?

По объяснению Тренча, для бесноватого, может быть, было необходимо, чтобы освобождение его от злых духов было запечатлено явным и для него сокрушением их; иначе он не мог убедиться, что Христос действительно и навсегда избавил его от них. К этому объяснению следует добавить, что Иисус хотел отправить (и действительно отправил) освобожденного от злых духов в его родной город, чтобы он свидетельствовал о совершенном над ним чуде, а такому посланнику, долженствовавшему склонять сердца язычников к Иисусу, надлежало самому быть твердо убежденными, что злые духи окончательно оставили его; ему необходимо было наглядно убедиться в этом; и вот, просьба бесов позволить им войти в стадо свиней, и затем внезапная гибель до тех пор спокойно пасшегося стада, гибель, совпавшая с полным как бы перерождением бывшего бесноватым, устранили в нем всякое сомнение в том, что он воистину освобожден от власти над ним злых духов.

На вопрос же, зачем такой убыток причинен владельцам свиней, мы ответим словами Иова: «**Господь дал, Господь и взял**» (Иов 1, 21). Да и можно ли назвать гибель свиней убытком? Ведь только это событие и вызвало к Иисусу жителей окрестных деревень и ближайшего города; иначе они не видели бы Иисуса и не поверили бы возвратившемуся домой их собрату, что он освобожден от злых духов властью над ними Иисуса; уверование же во Христа хотя бы и не тотчас же, составляет такую прибыль для души, которая бесконечно превышает убыток для кармана от гибели свиней.

Еще вопрос: зачем бесы потопили свиней? Этот вопрос разрешается ответом на предыдущий, с тем, однако, добавлением, что свиньи потонули не по воле бесов. Некоторые толкователи полагают, что свиньи, вследствие внутреннего ощущения новой и необычайной силы против воли вошедших в них бесов, бросились в море. Мы же полагаем, что так должно было быть по воле Божией.

Испуганные пастухи, видя гибель всего стада, побежали в город и расположенные по пути деревни объявить о постигшем их (по их мнению) несчастье; они **побежали**, вероятно, не только вследствие напавшего на них страха, но также и из желания привести владельцев свиней на место происшествия и оправдаться перед ними, пока еще Иисус со Своими спутниками не ушел.

Пришли жители этих поселений **посмотреть, что случилось** (Мк. 5, 14); подошли к Иисусу и увидели свирепого прежде, наводившего страх на них, человека спокойно **сидящего у ног Иисуса, одетого и в здоровом уме**. Бесноватый, разрывавший на себе даже цепи и оковы, конечно, не имел никакой одежды: **в одежду не одевавшийся** (Лк. 8, 27); и если его сограждане увидели его теперь одетым, то несомненно, что одели его ученики Иисуса. Пришедшие нашли его в здоровом уме; следовательно, они разговаривали с ним и по его разговору уже заключили, что он действительно в здоровом уме. В разговоре приняли участие и

возвратившиеся пастухи; они как очевидцы все рассказали пришедшим. А пришедших было много, **весь народ Гадаринской окрестности**, как говорит Лука. Но это были люди грубые; их уму и загрубелому сердцу недоступно было познать смысл случившегося; на них напал великий страх, они ужаснулись. Страх этот подсказал им опасение, как бы не случилось с ними чего-нибудь еще более ужасного, если неведомый им Человек со Своими спутниками останется в их стране; и вот, они, не решаясь предпринять по отношению к нежданым посетителям что-либо насильственное, просят Иисуса удалиться от них и оставить их коснеть в прежнем духовном невежестве. Иисус исполнил их просьбу, но не вполне: удаляясь от них, Он оставил им освобожденного от власти злых духов. Благодарный за свое спасение человек хотел следовать за Иисусом, но так как ему надлежало быть свидетелем в этой стране свершившегося над ним чуда, то Христос сказал ему: **иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя**.

Бесновавшийся пошел и начал проповедывать в Десятиградии, что сотворил с ним Иисус; и все дивились.

Намереваясь послать его проповедовать в Десятиградии, Иисус, конечно, открыл ему свет истины, научил его, сделал его пригодным для проповеди, а на такую беседу было достаточно времени до прибытия жителей ближайших города и деревень. Таким образом, человек этот, не только освобожденный от злых духов, но и просвещенный учением Иисуса Христа, пошел проповедовать о Нем в стране десяти городов, Десятиградии. Во многих случаях Иисус запрещал исцеленным рассказывать о совершенном над ними чуде, потому что большинство чудес совершалось из любви Господа к страждущим; излишние рассказы не могли оказать никакого содействия делу Христа, но могли привлечь к Нему еще большие толпы народа и усилить преждевременно подозрительность врагов Его. Тут же нельзя было скрывать совершенное чудо, так как народ этой страны сразу не мог понять его, и потому необходимо было, чтобы об этом чуде проповедовал сам облагодетельствованный им. Вот почему Христос сказал ему: «Иди и расскажи».

Сопоставляя это чудо с укрощением бури, Златоуст говорит: «Тогда как народ почитал Иисуса человеком, бесы пришли исповедать божество Его; и те, которые оставались глухими при возмущении и укрощении моря, услышали демонов, взывавших о том, о чем море возвещало своей тишиной».

Войдя в лодку с учениками, Иисус поплыл обратно и пристал к противоположному берегу, к тому месту, где был Капернаум. Матфей, оканчивая повествование об исцелении бесноватых в стране Гергесинской (она же Гадаринская), говорит, что Иисус, **войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в Свой город** (Мф. 9, 1), то есть Капернаум, так как тот же Евангелист, в главе 4 своего Евангелия, говорит: **и, оставив Назарет, пришел (Иисус) и поселился в Капернауме приморском** (Мф. 4, 13).

Толпы народа ожидали Иисуса на берегу. Ждал Его с нетерпением Иаир, один из начальников синагоги, двенадцатилетняя, единственная дочь которого была при смерти; ждал Его с надеждой, что вот придет Чудотворец и исцелит умирающую.

Начальники синагог, как старейшины еврейского народа и хранители преданий, принадлежали к враждебной Иисусу партии, доказательством чему служит вопрос фарисеев служителям первосвященников: **неужели и вы прельстились? Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? Но этот народ невежда в законе, проклят он** (Ин. 7, 47–48). К этой партии принадлежал, по всей вероятности, и Иаир; но так как он, в числе прочих начальников Капернаумской синагоги, видел совершенное Иисусом чудо над слугой сотника, то в нем возгорелась надежда, не исцелит ли Иисус и его дочь? Сотник римских войск верил, что если Иисус захочет исцелить его слугу, то достаточно будет заочного слова Его, и слуга выздоровеет, а Иаир не имел такой веры, потому что просил Иисуса прийти и возложить руки на умирающую. Но смерть, угрожавшая его единственной дочери, заставила огорченного отца схватиться за последний луч надежды, забыть все счеты своих сотоварищей с новым учением и пасть

к ногам Учителя из Назарета.

Христос не мог отказать Иаиру и пошел с ним. Видя начальника своего умоляющим Иисуса Христа, народ с особенным любопытством устремился к его дому; каждый хотел быть поближе к Иисусу, и потому **теснили Его**.

Исцеление страдавшей кровотечением

Во время этого шествия к дому Иаира женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет и потерявшая всякую надежду когда-либо вылечиться, так как пролечила уже все состояние свое, — протеснилась в толпе и, подойдя сзади Иисуса, коснулась одежды Его. Она не смела прямо подойти к Иисусу и просить об исцелении, потому что, по закону Моисея, женщина, страдавшая такой болезнью, считалась нечистой, должна была все время болезни оставаться дома и не смела ни к кому прикасаться (Лев. 15, 25–28); но она имела такую сильную веру в чудотворную силу Иисуса, что решилась тайно от Него прикоснуться к Нему, и была уверена, что исцелится от одного лишь прикосновения. Она не ошиблась в том, что исцелится; но безусловно ошибалась, думая, что это исцеление произойдет без ведома Иисуса. Для совершения чуда необходимо проявление: с одной стороны — воли Божией, творящей чудо, а с другой — веры человека, способной воспринять эту творческую силу. В Назарете Иисус исцелил только немногих больных и, несмотря на желание Свое облагодетельствовать всех, **не совершил там многих чудес по неверию их** (Мф. 13, 58); не совершил потому, что назаретяне по неверию не могли воспринять творческую силу Иисуса. Для исцеления Христос всегда требовал веры, поэтому-то Он и слепым сказал: **по вере вашей да будет вам** (Мф. 9, 29). Творческая сила Бога действует, конечно, и без воли, ведома и веры людей; но в тех случаях, когда просят у Бога проявления Его милосердия, надо, чтобы просящий верил в возможность получить просимое, чтобы он способен был принять то, что Бог ему дает.

Больная прикоснулась к Иисусу и тотчас же выздоровела. Она выздоровела, конечно, по воле Иисуса Христа, но так как она, получив исцеление, притаилась, между тем, вера ее была настолько сильна, что о ней следовало знать и другим, — то Христос пожелал обнаружить прикоснувшуюся к Нему; это необходимо было для того, чтобы поддержать и усилить зарождавшуюся веру Иаира, которому сейчас придется услышать печальную весть о том, что его дочь умерла. Христос несомненно знал, кто к Нему прикоснулся; Он мог прямо указать на женщину, стоявшую теперь недалеко от Него в толпе; но Он поступил иначе: Он дал этой женщине возможность самой признаться в своем подсказанном верой поступке; Он спросил: **кто прикоснулся ко мне?**

Ответ Апостола Петра обнаруживает, что сам Петр и другие Апостолы еще не понимали Иисуса и не имели надлежащей веры в Него. Они вообразили, что Иисус, Сам не зная, кто прикоснулся к Нему, поручал им разузнать и обнаружить прикоснувшегося; потому-то они и отвечали Ему, что в такой толпе, которая окружает и теснит Иисуса, вероятно, многие прикасаются к Нему, и потому нет возможности узнать, кто именно. Христос не назвал теперь Апостолов маловерными, но утвердительно сказал: **прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня** (о силе, исшедшей из Иисуса, смотри объяснение выше на с. 271).

Иисус посмотрел вокруг, и исцеленная женщина поняла, что не может утаиться от Того, Кто исцелил ее; она подошла, пала к ногам Его и рассказала всю правду. По понятиям евреев, она совершила преступление: будучи нечистой, осмелилась войти в толпу народа и через это сделала нечистыми всех, кто сталкивался или соприкасался с ней. Народ, вероятно, ждал, что Иисус осудит ее за это; да и сама исцеленная с трепетом ожидала осуждения. Но Иисус успокоил ее, сказав: **дерзай, дочь!** (Лк. 8, 48) **вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей** (Мк. 5, 34).

«**Дерзай!** — так говорит Христос всем верующим. — Приси у Бога, и если ты сам подаешь просящим у тебя, то **по вере** твоей и тебе Богом *дано будет*».

Воскрешение дочери Иаира

Исцеление женщины, страдавшей кровотечением, остановило шествие Иисуса. В это время умерла дочь Иаира, и кто-то пришел сказать ему, чтобы не утруждал Учителя. Все кончено! — думал опечаленный Иаир. Пока еще смерть не вступила в свои права, он надеялся, что Иисус спасет его дочь; исцеление на его глазах неизлечимо больной женщины поддержало несколько эту надежду, а теперь все надежды рушились; единственная дочь умерла, исцелить ее уже нельзя.

Видя отчаяние удрученного горем отца, Иисус успокаивал его, говоря: **не бойся, только веруй, и спасена будет**. Иаир не мог понять этих слов, потому что Иисус, исцеляя многих больных, не воскресил еще ни одного умершего. Иаир молча пошел за Иисусом. За ними следовала толпа, желавшая видеть, что сделает Иисус с умершей, которую исцелить уже нельзя.

По обычаю евреев, родные умершего не довольствовались тем, что сами оплакивали понесенную ими потерю, но нанимали особых плакальщиков и плакальщиц, которые занимались этим, как промыслом; иногда оплакивание сопровождалось игрой на музыкальных инструментах. Поэтому в доме, где лежал умерший, в особенности же у богатых людей, раздавались плач, крики отчаяния и заунывная игра преимущественно на свирелях. Когда Иисус приблизился к дому Иаира, то **увидел свирельщиков и народ в смятении** (Мф. 9, 23), **плачущих и вопиющих громко** (Мк. 5, 38); **все плакали и рыдали** (Лк. 8, 52).

Оплакивать можно только умерших, а дочь Иаира сейчас будет воскрешена; плакать над ней не надо. **Не плачьте**, — говорит Иисус, — **она не умерла, но спит** (Лк. 8, 52).

Понимая эти слова буквально, отрицатели чудес говорят, что дочь Иаира находилась в обморочном сне и потому была не воскрешена, а лишь пробуждена. Но слова Иисуса — **она не умерла, но спит** — нельзя понимать буквально, так как и про Лазаря, лежавшего четыре дня в гробу и уже разлагавшегося, Он сказал Апостолам: **Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет... Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер** (Ин. 11, 11–14). Кроме того, действительная смерть дочери Иаира была так очевидна для близких к этому дому и приглашенных на погребение, что они, услышав Иисуса, **смеялись над Ним, зная, что она умерла** (Лк. 8, 53). Отрицатели чудес считают Иисуса Христа обыкновенным человеком; но как же они, в таком случае, верят Ему, что девица не умерла, но спит? Ведь Он произнес эти слова, не видя ее, и, следовательно, по их понятиям, не зная — действительно ли она умерла или только впала в обморочный сон? Таким образом, отрицая всемогущество Иисуса Христа, они сами же признают Его всеведущим. Противоречие явное, ниспровергающее и самое сомнение отрицателей в действительности воскрешения дочери Иаира. К тому же, хотя это было первое, но не единственное воскрешение Иисусом умерших. Подойдя к дверям дома, Иисус велел всем выйти из него. Предстояло раскрыть людям великую тайну, остававшуюся до пришествия Христа недоступной пониманию людей; надо было наглядно, на примере воскрешения кого-либо из умерших, доказать, что если Он, Иисус Христос, говорит о предстоящем воскрешении всех когда-либо умерших для Суда над ними, то таковое воскрешение для Бога возможно, а следовательно, оно будет, — и что потому человек умирает лишь временно, в сущности же он бессмертен.

Свидетелями раскрытия такой величайшей тайны могли быть только люди, способные понять ее, а не те наемные плакальщики, которые смеялись над Иисусом, и не праздная, падкая на зрелища толпа. Вот почему даже из двенадцати избранных Апостолов Он взял с Собой только трех — Петра, Иоанна и Иакова, которых потом удостоил присутствовать и при Преображении Своем, и при Гефсиманском молении. Исключение Иисус сделал только для отца и матери умершей.

Подойдя к умершей, Иисус взял ее за руку и сказал: **девица, тебе говорю, встань**. Достаточно было слова Христа, и умершая воскресла. По повелению Его, душа умершей соединилась с ее телом, но не с таким, каким она его оставила, то есть не с обессиленным болезнью, изнуренным и истощенным, а с

восстановленным в прежней его силе; воскресенная **встала и начала ходить**, чего, она, конечно, не могла бы сделать в том состоянии, в каком находилась перед смертью.

Видевшие это небывалое чудо изумились. Чтобы вывести их из такого состояния, Иисус велел дать воскресенной есть, так как только таким наглядным доказательством Он мог немедленно убедить их в том, что перед ними стоит живой человек, нуждающийся в пище, а не тень умершей.

Здесь, в Галилее, Иисусом совершено уж так много чудес, подготовлявших Апостолов к вере в Него как Сына Божия, что разглашение всего совершенного Им могло лишь привлечь к Нему до времени особенное внимание Его озлобленных врагов; могло привлечь и те толпы озлобленного против римского владычества народа, который с нетерпением ждали появления обещанного Избавителя, Царя Израилева. Вот почему Христос запретил рассказывать о воскресении им дочери Иаира. Но если присутствовавшие при этом чуде нарочно и не разглашали о нем, все-таки слух о нем разнесся по всей стране той.

Исцеление двух слепых и немого бесноватого

Иисус вышел из дома Иаира; толпа народа двинулась за Ним, и из этой толпы раздавались крики: **помилуй нас, Иисус, сын Давидов!** Иисус продолжал идти, как бы не обращая внимания на эти крики, в сущности же желая испытать силу веры кричавших и называвших Его притом сыном Давидовым, то есть Мессией. Когда Иисус пришел в дом (какой — неизвестно), кричавшие в толпе приблизились к Нему. Это были двое слепых; они, конечно, приступили с просьбой об исцелении их от слепоты, о даровании им зрения. Спросив у них: **веруете ли, что Я могу это сделать?** и получив ответ: **ей, Господи!** — то есть: да, Господи! веруем, — Христос **коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам.** Убедившись в действительной вере слепых, называвших Его к тому же сыном Давидовым и Господом, Иисус даровал им зрение силой Своего всемогущего слова; прикосновение к глазам слепых было излишне для совершения чуда, но было необходимо для самих слепых. Многих слепых исцелил Христос, но каждый раз повеление Свое сопровождал прикосновением к глазам их, а из этого следует заключить, что такое прикосновение было необходимо для того, чтобы слепые, не видевшие Иисуса, могли лучше уразуметь, что исцелил их именно Он, так как зрение возвращалось к ним в то самое мгновение, которое совпадало с прикосновением к ним Иисуса. **И открылись глаза их.**

И этим исцеленным Иисус запретил, по тем же причинам, разглашать о случившемся с ними, но они от радости не сумели молчать.

Не успели еще прозревшие выйти из дома, где был Иисус, как привели к Нему немого, который вместе с тем был и бесноватым. Бес, одержавший этого немого, не мог заставить его говорить, и немой молчал, а это доказывает, что диавол не обладает силой чудотворения и что бесноватые не немые хотя и говорят нередко то, что внушают им злые духи, но говорят сами (смотри выше, с. 157).

Немой не мог, конечно, просить Иисуса об исцелении; его нельзя было и спросить о силе его веры. Поэтому Христос повелевает злему духу выйти из немого, и в то же время возвращает последнему способность говорить.

Удивляясь изгнанию беса из немого, народ говорил: **никогда не бывало такого явления в Израиле** (Мф. 9, 33), то есть в народе израильском, или еврейском. Фарисеи же, чтобы охладить произведенное этим чудом впечатление на народ, говорили, что Иисус **изгоняет бесов силою князя бесовского**, то есть диавола. Очевидно, они говорили это не в присутствии Иисуса, иначе Он опроверг бы их клевету как и сделал это в скором после того времени.

Воскрешение сына вдовы наинской

Путешествуя по Галилее, Иисус пришел в город Наин, расположенный близ южной границы Галилеи, на северном склоне горы Малый Ермон. Его сопровождали ученики и множество народа. У городских

ворот Иисус встретился с похоронным шествием: выносили из города для погребения умершего юношу, единственного сына матери-вдовы. Увидя удрученную горем вдову, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь. Потом прикоснулся рукою к одру, желая остановить шествие. Несшие догадались и остановились. Тогда Он сказал: **юноша! тебе говорю, встань!** Мертвый поднялся, сел и стал говорить.

Жители Наина, вероятно, хранили предание об оживлении пророком Елисеем сына одной богатой женщины в городе Сонаме, расположенном на южном склоне их горы; они должны были знать и об оживлении пророком Илией сына вдовы города Сарепты, так как главнейшие события жизни этого пророка произошли тоже недалеко от Наина. Увидя теперь воскрешение Иисусом умершего сына вдовы Наинской, они, как свидетели этого чуда, могли вспомнить и про чудеса, совершенные прежде ветхозаветными пророками. Но при сравнении только что совершенного чуда с ветхозаветными обнаруживалось громаднейшее различие между ними. Пророки Илия и Елисей долго и усиленно молили Бога о даровании жизни умершим (3 Цар. 17, 19–23; 4 Цар. 4, 33–35) и не приписывали себе их оживление или воскрешение: **И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил.** Здесь же Иисус не обращался с молитвой к Отцу Своему, а Сам собственной властью, волей и силой воскресил юношу, сказав одно лишь слово: **Встань!**

Все, видевшие воскрешение юноши, должны были признать величие чуда и говорили: **великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой.** Это чудо, властно совершенное Иисусом на виду толпы народа, совершенное без призывания помощи Божией, не убедило наинцев в том, что перед ними стоит давно ожидаемый ими Мессия! Они признали в Нем только великого Пророка. Такое мнение об Иисусе они распространили по всей окрестности и даже по всей Иудее.

Один из рецензентов моего «Толкования Евангелия» в его первом издании заметил, что я совершенно произвольно переставил рассказ о воскрешении сына вдовы Наинской, поставив его в своем изложении после рассказа о воскрешении дочери Иаира, что не согласуется с порядком изложения этих событий в Евангелии от Луки. По этому поводу считаю нужным заметить, что Евангелист Лука далеко не всегда соблюдал хронологический порядок в изложении евангельских событий, хотя и старался описать все по порядку; следовательно, нельзя излагать все события в порядке, принятом Евангелистом, из одного лишь опасения нарушить его порядок; напротив, необходимо отступить от этого порядка, если того требуют основательные соображения.

Соображения, которыми я руководствовался, отступая от порядка Евангелиста Луки, следующие. Если бы Иисус Христос воскресил сына вдовы Наинской раньше воскрешения дочери Иаира, то о таком небывалом чуде знали бы все в Капернауме, знал бы и начальник синагоги Иаир. А если бы Иаир знал, что Иисус из Назарета может не только исцелять больных, но даже и воскрешать умерших, то, конечно, не обнаружил бы такого маловерия в божественную силу Иисуса. Если бы он знал, что Иисус воскресил умершего юношу, не прикасаясь к нему, одним лишь повелительным словом Своим, то не просил бы Иисуса идти в его дом и **возложить** руки на его больную дочь, а когда ему сказали, что дочь его умерла, то он не пришел бы в отчаяние, а просил бы Иисуса воскресить умершую. Но так как он, по-видимому, не допускал даже возможности воскрешения Иисусом умерших, то, очевидно, он не знал о воскрешении сына вдовы. Он не мог бы не знать о таком чуде, а если не знал, то только потому, что чудо это совершено после воскрешения его дочери. Вот почему я и переставил эти события, считая такой порядок правдоподобным.

ГЛАВА 16. Посольство от Иоанна. Ответ Иисуса посланным. Речь Его к народу об Иоанне и об иудеях. Укоризна городам галилейским.

Прославление Бога-Отца. Призвание трудящихся и обремененных

Недоумение учеников Иоанна

Слух обо всем, что совершено Иисусом, достиг и учеников Иоанна Крестителя, которые, как сказано выше (см. с. 206), ревниво охраняли славу своего учителя и потому, может быть, недружелюбно относились к возрастающей славе Иисуса. До них дошел и последний слух о воскрешении Иисусом дочери Иаира и сына вдовы Наинской, а также о том, что народ почитает Его за великого Пророка. Обо всем этом они возвестили Иоанну, заключенному в темнице в крепости Махерон, на восточном берегу Мертвого моря. К заключенным в темницах (тюрьмах) допускались родные и знакомые для свидания; поэтому ученики Иоанна приходили к нему и сообщали все, что только слышали об Иисусе и что сами видели. Они, как и все почти евреи того времени, ждали Мессию в блеске земной славы, ждали, что Он провозгласит Себя Царем Израилевым, свергнет иго римлян и покорит евреям все народы земли. Между тем, Иисус не только не намеревается восстановить Царство Израилю, но даже все Его учение не согласуется с их представлениями об этом Царстве; следовательно, Он, по их мнению, не может быть Мессией; Он — только Пророк; Мессия же еще придет, надо ждать Его. Вот какие мысли овладевали учениками Иоанна Крестителя. Несомненно, что они часто беседовали об этом со своим учителем; несомненно также, что Иоанн употреблял все усилия, чтобы заблуждающихся учеников своих убедить в том, что Иисус, Которого он крестил в Иордане, есть действительно Мессия. Сам Иоанн не мог сомневаться в этом: **Пославший его крестить в воде сказал ему: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И он видел и засвидетельствовал, что Сей (то есть Иисус) есть Сын Божий** (Ин. 1, 32–34). Колебания и нерешительность были чужды характеру Иоанна. Он хотел передать и ученикам своим непоколебимую веру в Иисуса как истинного Мессию, Сына Божия, но все усилия его были тщетны; и вот он говорит им: если вы не верите мне, так идите же сами к Нему и спросите — **Ты ли Тот, Которому должно придти или другого ожидать нам?** Такой совет он дал, конечно, всем ученикам своим, но для того, чтобы совет этот не остался без исполнения, поручил двум ученикам идти к Иисусу и от себя предложить Ему такой вопрос.

Отправление двух из них Иоанном к Иисусу

Посланные пришли к Иисусу в то время, когда Он, окруженный толпой народа, исцелял **от болезней и недугов и от злых духов, и... слепым даровал зрение**. Подойдя к Иисусу, они сказали, что Иоанн Креститель послал их спросить: **Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам?** (Лк. 7, 20) — **нам**, то есть предлагавшим этот вопрос ученикам Иоанновым, а не самому Иоанну, который не нуждался ни в вопросе этом, ни в ответе на него.

Вопрос был предложен в такой форме, что, казалось бы, на него должен был последовать краткий ответ: «Да, Я Тот, Которому должно прийти». Но если бы Иисус Христос ответил так, то ученики Иоанна могли бы не поверить Ему, подумав, что Он Сам свидетельствует о Себе. Поэтому Иисус вместо такого ответа совершил перед посланными множество чудес, дабы они могли понять, что свидетельствуют о Нем

дела, которые Он творит.

Ответ Иисуса посланным

Ученики Иоанна должны были знать, что об этих делах, совершенных Иисусом, пророчествовал Исаяя как о делах, которые совершит Мессия: **скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь** (Ис. 35, 4–6). Вот почему Иисус, не давая прямого ответа на вопрос учеников Иоанна и как бы ссылаясь на пророчество Исаяи, сказал им: **пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромы ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют.**

Этот, хотя и не прямой, ответ Иисуса ученики Иоанна должны были бы понять так: расскажите Иоанну все, что вы видели и слышали, и он словами Исаяи скажет вам, робким душою: **Будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш и Он... спасет вас!**

Понять ответ Иисуса именно так, а не иначе, должны были бы ученики Иоанна еще и потому, что Иисус окончил его словами — **и блажен, кто не соблазнится о Мне**, то есть не усомнится в том, что Я именно Тот, Которому должно было прийти. Но так ли поняли ответ Иисуса ученики Иоанна, как бы следовало понять, — Евангелисты умалчивают. Казалось бы, все виденное и слышанное ими должно было бы произвести сильное впечатление и на их нерасположенные к Иисусу сердца: все исцеленные от разных болезней и недугов, прозревшие и заговорившие, все труждающиеся и обремененные, нищие духом, — все благовествовали, вещали славу Иисуса. Ученикам Иоанна оставалось лишь принять это благовествование, и многие из них несомненно приняли его и уверовали в Иисуса Христа как истинного Мессию; многие, но не все. Некоторые из учеников продолжали упорно не признавать Его, а после смерти Иоанна образовали особую секту.

Посланные Иоанна ушли. Появление их и предложенный ими от имени Иоанна вопрос могли соблазнить окружающих Иисуса. Многие могли думать, что это сам Иоанн спрашивал Иисуса: Тот ли Он, Которому должно прийти, или другого ожидать? А если Иоанн так спрашивал — значит, он сомневался в Иисусе, значит, прежде, на Иордане, он заблуждался, а теперь, наученный темницей быть осторожнее, поколебался и сам не знает, Кто Тот, на Которого он указал как на Агнца, принимающего на Себя грехи мира.

Чтобы рассеять такие мысли, надо было напомнить начинавшим уже забывать Иоанна, как они несметными толпами стремились к нему в Иорданскую пустыню слушать его проповедь о приближении Царства Небесного, всенародно каяться и креститься, как он обличал фарисеев и саддукеев, какой ответ дал посланным от первосвященников...

И вот, Иисус обращаясь к окружающему Его народу, спросил; **что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую?** (Лк. 7, 24).

Беседа Иисуса с народом об Иоанне

«Неужели для того, — говорит Златоуст, — чтобы увидеть какого-нибудь жалкого и непостоянного человека? Нет, такое множество народа не устремилось бы с таким усердием в пустыню, если бы не надеялось увидеть там великого и твердого, как камень, мужа. Люди легкомысленные и переменчивые, которые говорят сегодня одно, а завтра другое, и ни на чем не останавливаются, подобны трости (тростнику, росшему и на берегах Иордана), колеблемой ветром. Но Иоанн не такой; вы ходили смотреть не трость, ветром колеблемую».

Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Но одевающиеся пышно и роскошно живущие находятся при дворах царских.

Иоанн открыто обличал Ирода за незаконную связь его с женой брата, и, не смотря на это, Ирод уважал его и советовался с Ним. И если бы Иоанн имел склонность к роскоши и удобствам жизни, то за одно молчание свое мог бы достигнуть величайших почестей при царском дворе; но он темницу предпочел царским чертогам, а говорить неправду или молчать не решился.

Что же смотреть ходили вы? пророка ли? Да, говорю вам, и больше пророка.

Он больше пророка, потому что это о нем Бог возвестил через пророка Малахию: **вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою** (Лк. 7, 27). А если о явлении его было пророчество, если он — ангел, возвещающий пришествие Мессии, то, конечно, **из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя** (Лк. 7, 28). Но, несмотря на это, Тот, Который, по мнению некоторых, меньше Иоанна, в Царстве Божием больше его.

Итак, Иоанн был не трость, ветром колеблемая, не такой человек, который любит роскошно жить; это был величайший из всех пророков. Таким именно и считал его народ, привлекаемый его подвижнической жизнью и безбоязненным обличением нечестивых. **И весь народ, слушавший Его, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него.** Весь народ, и даже мытари признали, что Иоанн послан от Бога, и потому, послушные его голосу, покаяться, крестились и славили Бога за то, что Он послал им такого Пророка возвестить о пришествии Мессии и приготовить их к принятию Его. Одни лишь фарисеи и законники не признали в Иоанне Божия посла, не крестились у него и тем отвергли волю Божию о спасении их.

Фарисеи и законники все еще ждут Мессию, обещанного Богом через Моисея и пророков. Но **все пророки и закон прорекли до Иоанна: от дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его** (Мф. 11, 12–13).

Все ветхозаветные пророки возвещали пришествие Мессии; последний же из них, Малахия, предсказал, что предшествовать Мессии будет тот, кого Бог пошлет приготовить путь для Него. Пришел Иоанн, возвестил о приближении Царства Небесного и потребовал, чтобы народ покаянием и крещением приготовился встретить обещанного Избавителя; затем он всенародно указал на Иисуса как на Агнца Божия, Который берет на Себя грех мира. Следовательно, с пришествием Иисуса Христа должны были смолкнуть все пророчества; они уже исполнили свое назначение, прорекли в свое время волю Божию; отныне ожидание грядущего Царства окончилось, начинается стремление вступить в Него. Но для вступления в Царство Небесное недостаточно только отрицательных добродетелей (например: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй и т. д.), а требуются добродетели положительные (самоотверженная любовь даже к врагам, благоволение всем и прочие), то есть требуется не только воздержание от греха, но непременно совершение добрых дел на пользу ближних, а так как для этого необходимо усилие над собой, борьба со страстями и искушениями, то и вступление в это Царство вовсе не так легко, как воображали евреи; Царство Небесное хотя и приблизилось с пришествием Иоанна, и открылось уже с явлением Христа, но вступят в него только те, которые делают усилия над собой для достижения указанного им совершенства, которые, так сказать, силой берут это Царство.

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его. Это — одно из основных положений в учении Господа о спасении. Но, к сожалению, на него не обращают внимания не только сектанты разных протестантских толков, но и многие из православных христиан. О заблуждениях сектантов сказано мною на с. 376 и в сноске на с. 377. Теперь же поговорю о заблуждениях некоторых православных.

Относясь с полным недоверием к силам самого человека, они проповедуют, что сам человек *ничего* не может сделать для своего спасения. И проповедуют они так потому, что Господь, прощаясь с Апостолами, сказал: **без Меня не можете делать ничего** (Ин. 15, 5).

Но такое понимание слов Христа основано на недоразумении. Господь этими словами окончил сравнение Себя с виноградной лозой, а верующих в Него — с ветвями лозы. **Я есмь... виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь... а вы — ветви... Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне... кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего.** Эти слова означают вот что: ветвь виноградная живет той же жизнью, как и лоза, на которой она растет, и питается теми же соками, какими питается лоза; и только при этом условии она может приносить много плода. Так и последователи Христа: деятельность их тогда только может вести их ко спасению, когда они живут той же жизнью, какой жил Христос по Его человечеству, когда питают свои души той же духовной пищей, какую силен был Он, Христос-Человек, то есть покорностью воле Отца. Христос не только учил, как мы должны жить, исполняя волю Божию, но и Сам жил так, как учил, Сам был живым примером для нас. Без подражания Ему, без стремления быть похожими на Него и жить так, как Он жил, мы действительно не можем сделать ничего для своего спасения; жить же, подражая Христу, значит исполнять все Его заповеди, а для этого требуется усилие человека над самим собой, борьба с соблазнами и искушениями. Следовательно, вышеприведенное изречение Господне не дает нам никакого права отвергать силы самого человека. Конечно, силы человеческие слабы; мы не можем обойтись без помощи свыше, без благодатной милости Божией. Виноградная ветвь подвергается иногда нападению вредных насекомых и грибков, с которыми сама не может справиться и от которых очищает ее виноградарь. Так и человек, изнемогающий в борьбе с искушениями, нуждается в помощи Небесного Виноградаря; и если он обращается к Нему за этой помощью, то она дается ему, ибо Господь сказал: **Просите, и дано будет вам** (Мф. 7, 7). — Да, без подражания Христу, без стремления жить одной с Ним жизнью и без Его благодатной помощи, мы не можем спастись, не можем удостоиться блаженства вечной жизни. А из этого ясно, как заблуждаются те православные христиане, которые относятся с полным недоверием к силам самого человека и надеются спастись *только* благодатной помощью свыше.

А заблуждаются они потому, что не обращают внимания на одно из основных положений в учении Христа: **Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его** (Мф. 11, 12); **всякий усилием входит в него** (Лк. 16, 16). Конечно, Царство Небесное берется не грубой силой так, как берутся, завоевываются царства земные. Царство Небесное *дается*, врата его открываются только тому, кто употребляет усилия над самим собой, чтобы сделаться достойным его; и, наоборот, врата Царства Небесного закроются перед теми людьми, которые надеялись только на свою веру да на милость Божию, а сами и не думали о самоисправлении, о борьбе со своими страстями и пороками. Перед такими людьми врата Царства Небесного закроются, как говорил Господь; и услышат они голос Его: «Истинно говорю вам: не знаю вас! Отойдите от Меня!»

Мысль эта выражена Христом настолько ясно, что всякие недоумения по этому поводу прямо-таки непростительны. И эту мысль Господь не раз высказывал Своим ученикам и слушателям; и нередко Он облакал ее в форму притчей. **Широки врата**, сказал Он, **и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; но вы входите тесными вратами; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь** (то есть в Царство Небесное), **и немногие находят их** (см. Мф. 7, 13–14). Несколько позже, подтверждая ту же мысль притчей, Господь сказал: **Подвизайтесь** (то есть старайтесь, употребляйте усилия) **войти** (в Царство Небесное) **сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут** (Лк. 13, 24). Многие пожелают войти в него, когда уже поздно будет думать об этом; и станут они стучать в двери и молить, чтобы им отворили их. И станут ссылаться на свою веру в Господа, на знакомство с Его учением, со значением Его искупительной жертвы; но все это будет тщетно: они в жизни своей *не подвизались*, не употребляли усилий над собой, чтобы стать достойными Царства Небесного. И за это врата Царства закроются перед ними, и услышат они грозный приговор: **отойдите от Меня все делатели неправды** (Лк.

13, 27). В притче о десяти девах, ожидавших прихода жениха, Господь назвал таких беспечных людей *неразумными* и сказал, что они услышат тот же приговор: «Уйдите отсюда! Не знаю вас» (Мф. 25, 1—12). В притчах о минах и талантах Христос разъяснил, что закроются врата Царства Небесного и перед тем, кто не воспользовался данными ему даже малыми талантами, то есть силами, чтобы *подвизаться* войти в это Царство; закроются, несмотря на то, что он веровал во Христа и называл Его Господом; закроются за то, что он зарыл свой талант в землю вместо того, чтобы употребить его в дело, как силу, открывающую врата Царства Небесного.

Да, все эти изречения Господни доказывают нам, что **Царство Небесное действительно берется силою**, то есть дается только тому, кто ведет упорную борьбу со своими страстями, кто употребляет значительные усилия над собой, чтобы выйти победителем из этой борьбы; Царство Небесное **восхищают** только такие борцы, которые постоянно упражняют и через это развивают свои духовные силы в том направлении, какое указано Христом. Человек, воспитавший в себе силу воли, закаливший ее в борьбе со страстями и соблазнами и вышедший из такой борьбы победителем, приобретает такое умение владеть собой, такую силу характера, что и сами соблазны отходят от него, оставляют его в покое; и искушитель проходит мимо такого человека, как ставшего уже неблагонадежным для греха.

Однако, несмотря на все усилия свои, такой человек все-таки нуждается в помощи Божией и без нее не может даже подойти к вратам Царства Небесного; войти же в него сам ни в каком случае не может: он должен быть введен туда Господом нашим Иисусом Христом, Своей искупительной Жертвой принявшим на Себя грехи таких людей. Итак, **Царство Небесное силою берется**, но не иначе, как при помощи Божией.

Говоря об Иоанне как последнем пророке, Иисус коснулся весьма распространенного тогда среди евреев верования, что перед пришествием Мессии явится пророк Илия. Малахия вещал: **Я пошлю к вам Илию пророка перед наступлением дня Господня, великого и страшного** (Мал. 4, 5). Пророчество это относится, несомненно, к тому великому и страшному дню, когда свершится окончательный Суд над родом человеческим, то есть ко Второму Пришествию Христа. Про Иоанна же Малахия пророчествовал как про ангела (посланника), который приготовит путь Господу, а что этот посланник не будет сам пророк Илия, а будет только **в духе и силе Илии** (Лк. 1, 17), об этом возвестил отцу Иоанна, священнику Захарии, архангел Гавриил.

Верование в непереносимое пришествие Илии было чрезвычайно сильно; между тем, с появлением Иоанна прекратилось явление пророков и, следовательно, Илия теперь не придет; поэтому упорствующие в своих заблуждениях евреи должны признать Илию в Иоанне, чтобы уверовать в Иисуса как Мессию. Вот почему Иисус и говорит им: если вы понимаете буквально пророчество Малахии о пришествии Илии перед пришествием Мессии, то знайте же, что тот, **которому должно придти** перед Мессией, уже пришел, пришел в духе и силе Илии; поэтому считайте, что **он есть Илия, если хотите принять** его как действительного посланника Божия для приготовления пути Господу.

Сравнение фарисеев и законников с капризными детьми

Только что сказав о том, что фарисеи и законники отвергли волю Божию, не крестившись от Иоанна, Иисус говорит: **кому уподоблю род сей?** (Мф. 11, 16). Он сравнивает их с теми капризными и своенравными детьми, которым никак не могут угодить их товарищи: подражая старшим, товарищи их играют им на свирели и думают, что они будут плясать, но они не пляшут; тогда поют им печальные песни и ждут, что они станут рыдать, но никто не рыдает. Игравшие на свирели и потом певшие печальные песни с упреком говорят товарищам: **мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали** (Мф. 11, 17). Таким-то капризным и упрямым детям уподобляются фарисеи с законниками и все их единомышленники. **Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес.**

Иоанн Креститель, как Назорей, не пил ни вина, ни сикера, то есть не пил никаких спиртных напитков; он и хлеба не ел, так как питался акридами и диким медом; он вел суровый образ жизни, жил в пустыне и вообще был строгим подвижником. От приходивших к нему он требовал сокрушения о грехах и покаяния, чтобы достойно встретить грядущего Мессию. Фарисеи же и законники (книжники) ждали Мессию как великого царя-завоевателя, который сделает их царями над покоренными народами; следовательно, по их понятиям, им незачем было сокрушаться, плакать и каяться в ожидании Мессии; напротив, им надо было веселиться. И вот, Иоанн своей проповедью как бы пел им печальные песни, а они не рыдали, а говорили, что в нем бес, что он потому и ведет такой суровый, мрачный образ жизни. Пришел потом Иисус, Сын Человеческий, пришел не праведников спасать, а мытарей и вообще грешников; чтобы иметь общение с ними и постоянно поучать их, Он не отказывался разделить с ними их трапезу, Он ел с ними и пил вино; и вот фарисеи и законники нашли, что так как Мессия не должен быть другом мытарей и грешников, то поэтому Иисус — не Мессия; а если Он Пророк, то должен вести не такой образ жизни, должен походить на ветхозаветных пророков. Иисус возвещал им блаженство вечной жизни в Царстве Небесном и говорил: **Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах** (Мф. 5, 12), а они не радовались, подобно тому, как не плясали те дети, которым их товарищи играли на свирели.

И оправдана премудрость всеми чадами ее.

Блаженный Феофилакт объясняет это изречение так: «Когда уже (говорит Христос) ни Иоаннова, ни Моя жизнь не нравится вам, и вы отвергаете все пути спасения, то Я — Премудрость Божия — оказываюсь правым не перед фарисеями, а перед чадами Своими, и уже вы не будете иметь оправдания, но непременно подвергнетесь осуждению: ибо Я со Своей стороны исполнил все, а вы неверием своим доказываете, что Я прав, как не опустивший ничего» (Толкование на Евангелие от Матфея).

Епископ Михаил находит, что «чада премудрости суть мудрые, те, которые правильно понимают предметы, события и их взаимное отношение. Истинная, божественная премудрость, которая явилась в лице и действиях Иоанна, и особенно — в лице и действиях воплотившейся Премудрости — Иисуса Христа, — **оправдана**, познана как истинная мудрость, чадами ее, теми, кто ищет ее, любит ее, приобретает ее; оправдалась именно тем, что они не дозволили себе увлечься мнением о Христе и Иоанне неправильным, какое имели иудеи (род сей), и узнали в них Мессию и Предтечу Его, то есть имели правильное о них понятие» (Толкование на Евангелие от Матфея).

Некоторые толкователи полагают, что под *премудростью* здесь разумеется приведенная Господом для сравнения народная поговорка о детях, играющих на свирели и поющих печальные песни. Того же мнения держится и Антоний, архиепископ Волынский. Если признать, что народная мудрость (или премудрость, что одно и то же) выражается в народных поговорках и пословицах и что рассказ о детях, упрекавших своих товарищей, взят Господом из народной поговорки, то такое объяснение можно считать правильным, ибо фарисеи, как чада народа своего, своим отношением к Иоанну и Иисусу вполне оправдали народную мудрость (премудрость), выраженную в этой поговорке. Это объяснение проще и удобопонятнее объяснений блаженного Феофилакта и епископа Михаила.

Укоризна городам галилейским

Говоря о фарисеях и законниках (книжниках), упорно отвергающих свое спасение, Христос с грустью подумал о тех городах, в которых Он дал особенно много знамений и совершил множество чудес для вразумления жителей их, что Он — Мессия и что другого им не дожидаться. Такое упорное неверие большинства жителей этих городов, руководимых фарисеями и книжниками, не останется, конечно, без наказания; и вот Христос, зная участь, какая постигнет их за это, не с гневом, а с воплем, с сердечным сокрушением предвещает им горе. **Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!** (Мф. 11, 21). Виновны, конечно, жители городов, а не местность, на которой построены эти города, и не самые города как

совокупность домов и других построек. В Вифсаиде оказалось много непринявших Иисуса, однако из нее произошли пять Апостолов: Андрей, Петр, Иоанн, Иаков и Филипп. **Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись.** Тир и Сидон населены были язычниками, а Хоразин и Вифсаида — евреями. Сравнивая языческие города с еврейскими, Иисус пояснил, что положение тех язычников будет на Страшном Суде лучше положения евреев, которым предоставлена была возможность спастись, но они не захотели.

Во вретнице, то есть в рубище, в той одежде, в какой евреи ходили в дни поста; **в пепле**, то есть с посыпанной пеплом головой, как делали евреи в знак особенного сокрушения своего.

И ты, Капернаум, до неба вознесшийся (Мф. 11, 23). Возноситься до неба — значит возмечтать, возгордиться. Капернаум был довольно значительный город среди городов Галилеи; но возвеличился он, прославился тем, что в нем имел пребывание Иисус Христос, что сюда стекались со всех сторон желавшие слушать учение Его и исцелиться от недугов и что здесь совершено Им множество чудес. С таким вознесшимся до неба городом Иисус сравнил известные по нечестию жителей библейские города Содом и Гоморру, пораженные серным дождем и огнем и окончательно истребленные (Быт. 9). **И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но, говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе.**

Слово ад не означает здесь ада в действительном значении его, а употреблено лишь как противоположность небу: до неба вознесшийся, то есть непомерно возвеличившийся, будет низвергнут, уничтожен; жителям же Капернаума, отвергнувшим Христа, предстоит в будущей жизни гораздо худшая участь, чем нечестивым жителям истребленных городов Содома и Гоморры.

Первая часть суда Господня над упомянутыми городами исполнилась очень скоро: в войне евреев с римлянами, когда разрушен был Иерусалим, разрушены были и эти города; от них остались одни только развалины, а в настоящее время на месте цветущих когда-то городов стоят жалкие деревушки.

Гордые своей мнимой мудростью и своими знаниями Писания фарисеи и книжники не поняли пророчеств о Мессии, не поняли Иисуса и Его учение; они видя — не видели, слыша — не слышали, и потому не уразумели всего того, что свершалось перед ними; все это, по их слепоте, было сокрыто, как бы утаено от них. Люди же простые, не знавшие всех пророчеств и вообще Писания так, как знали книжники и фарисеи, поняли, что Иисус есть именно Тот, Которого евреи так долго ждали, и что другого нечего ждать; поняли же это они не столько умом, сколько сердцем, и притом искренно, бесхитростно, как младенцы. Хотя действительно мудрые люди, притом же основательно знающие Писания, скорее и легче познали бы Христа и Его учение, чем люди, равняющиеся по простоте своей младенцам, но таких мудрецов не было среди современных Иисусу евреев; были лишь называвшее сами себя мудрыми книжники и фарисеи, извратившие свой ум в изыскании способов ловко обходить строгие требования закона и поработать себе еврейский народ. Вот почему Иисус, не видя вокруг Себя истинных мудрецов, окруженный большей частью простыми людьми, жаждавшими спасения, сказал: **славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты открыл младенцам то, что мудрые сами утаили от себя, ибо на то была Твоя благая воля.**

Слыша эти слова, некоторые могли подумать, что если Иисус благодарит Бога за то, что Он открыл младенцам сокрытое от мудрых, то, следовательно, Сам не мог бы этого сделать. Чтобы рассеять подобные мысли, Иисус тотчас же напоминает Своим ученикам и слушателям ранее объясненное им равенство Свое с Отцом; **Все предано Мне Отцом Моим**, говорит Он; все, что делает Отец, то делает и Сын, **и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть** (Мф. П, 27).

«Природа Сына Божия (говорит епископ Михаил), тайна единства в Нем божественного и

человеческого естества, высота и чистота Его божественного характера таковы, что ни один человек не может их вполне понять и узнать; один Бог Отец знает Его совершенно. **И Отца не знает никто**; ни человек, ни ангел и никакое творение не может постигнуть и узнать вполне Бога. Только Сын знает Его вполне» (Толковое Евангелие. 1).

По мнению Златоуста, Иисус, говоря — **Отца не знает никто, кроме Сына**, — не то понимает, что все Его не познали, но что никто не имеет об Отце такого знания, какое имеет Сын. То же можно сказать и о Сыне. Равным образом, Он не понимает здесь какого-то неведомого Бога, Который никому не открыл Себя, как утверждает Маркион, но показывает невозможность полного о Нем познания, потому что мы и Сына не знаем так, как должны знать» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 38).

И кому Сын хочет открыть. Сын, то есть Иисус Христос, хочет открыть Отца всем без исключения, но не все способны принять такое откровение. Он всех призывает к Себе, всем в лице Своем открывает Отца, всем говорит: **Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.**

Призыв трудящихся и обремененных

«Не тот или другой приходи, но идите все, находящиеся в заботах, скорбях и грехах; идите не для того, чтобы Я подверг вас истязанию, но чтобы Я разрешил грехи ваши; идите не потому, что Я нуждаюсь в славе от вас, но потому, что Мне нужно ваше спасение. Смотрите на Меня и учитесь от Меня всему тому, что Я делаю; тогда узнаете, какое великое благо смирение и кротость, и найдете покой душам вашим» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 38).

«**Возьмите иго Мое на себя**, исполняйте все заповеди Мои и не думайте, что они трудны или неудобноисполнимы; берите пример с Меня; будьте так же кротки и смиренны, как Я, и тогда вы поймете, что **иго Мое** само по себе составляет **благо** как для тех, которые его несут, так и для всех, с кем они соприкасаются, а если это иго благо, то **и бремя** несения его должно быть **легко** (Мф. 11, 29–30)».

Легкость ига заповедей христовых

Все иго Христовых заповедей вмещается в следующих словах Его: **во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними** (Мф. 7, 12). В чем же трудность несения его? Ты хочешь, чтобы тебя все любили? Люби и ты всех. Хочешь, чтобы тебе не только не делали никакого вреда, но даже и не гневались на тебя? И ты никому не вреди и не гневайся ни на кого, а будь со всеми кроток. Хочешь, чтобы с тобой не ссорились? Сам не только не заводь ссор, но спеши мириться со всяким, кто имеет нечто против тебя. Хочешь, чтобы жена твоя не прелюбодействовала, не нарушала святость брака? Так не прелюбодействуй же и ты, даже не смотри с похотливостью на постороннюю женщину. Хочешь, чтобы все говорили тебе правду? Не лги же и ты, и будь всегда правдив настолько, чтобы тебе все верили, не требуя в подтверждение твоих слов никакой клятвы. Ты, конечно, желаешь, чтобы тебе не мстили, не воздавали злом за причиненное тобой, хотя бы случайно, зло ближнему твоему? Не мсти и ты даже за преднамеренное зло, причиненное тебе. Хочешь, чтобы за зло тебе платили добром? Покажи же и ты пример великодушия: люби врагов своих, благо твори ненавидящим тебя, молись за обижающих тебя, молись за гонителей своих. Ты хочешь, чтобы тебе не отказывали в твоих просьбах? Просящему у тебя и ты подай, и от ищущего твоей помощи и ты не отвращайся. Хочешь, чтобы тебя не осуждали, не злословили? Сам не осуждай и не злословь никого. Хочешь, чтобы тебя накормили, когда ты будешь голоден, напоили, когда будешь жаждать, одели, когда останешься наг, оказали тебе гостеприимство, когда тебе некуда будет головы преклонить, утешили тебя, когда ты будешь болен или когда тебя постигнет несчастье? Сам же накорми голодного, напои жаждущего, одень нагого, прими странника, утешь больного и навести заключенного в темницу.

Вот иго, налагаемое Христом на Своих учеников и последователей! В чем же трудность несения его?

Не труднее ли свобода от этого ига? Ведь иго это дает душевное спокойствие (**покой душам**) всем смиренно несущим его. Свобода же от этого ига, хотя и содействует временному накоплению некоторых земных благ, не в силах, однако, дать обладателю их душевного покоя. Неся другое иго, иго мира сего, иго себялюбия, свободный от ига Христова смотрит на всех людей как на средства удовлетворения своего сребролюбия, похотей и страстей; он не любит их; он, ради личной корысти, вредит им во всем, мстит им, воздаёт злом за добро, притесняет и грабит их; он осуждает и злословит всех, и бесстыдно лжет; он злопамятен и никогда не прощает чем-либо обидевших его; он поклоняется золотому тельцу и, в погоне за наживой, за обогащением себя на чужой счет, стремится подчинить своей власти, своему влиянию, поработить себе всех соприкасающихся с ним. Он достигает цели; но сколько душевных терзаний он испытывает в этой постоянной, ожесточенной борьбе с ближними? И как ни старается он заглушить эти терзания мнимым весельем, разгулом, азартными играми, бешеной тратой неправильно нажитых денег, — душевный покой все дальше и дальше уходит от него. А при малейшей неудаче, при потере власти или влияния на окружающую среду, в особенности же при потере хотя бы части состояния, он приходит в отчаяние и изнемогает под тяжестью ига мира сего; и горе ему, если он не в силах уже услышать всегда зовущий голос Любви — **придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.**

ГЛАВА 17. Отправление Апостолов на проповедь и наставления им

Путешествие Иисуса по окрестным городам и Селениям

Иисус ходил по городам и селениям, проповедуя слово Божие; за Ним постоянно следовала толпа людей, приходивших издалека послушать Его и исцелиться от разных недугов. Сожалея их и не желая (как говорит Златоуст) «водить всех за Собой, Он посылает учеников. Впрочем, не для того только посылает, но и для собственного их обучения, чтобы, образовавшись в Палестине, как бы в некотором училище ратоборства, они приготовили себя к подвигам в целом мире» (Толкование на Евангелие от Матфея. 32).

Отправление апостолов на проповедь

Евангелист Марк, говоря о послании Апостолов довольно кратко, дополняет, однако, подробное повествование об этом Евангелиста Матфея: не всех Апостолов вместе и не каждого порознь послал Иисус, а **по два** (Мк. 6, 7). Не послал Он их всех вместе для того, чтобы по возможности большее число людей проповедовали и чтобы больше мест они посетили; послал же Он их не по одному, а по два, для того, чтобы они могли друг друга поддерживать и ободрять и чтобы евреи больше верили их свидетельству, так как, по закону Моисея, для засвидетельствования истины чего-либо необходимо было показание не менее двух свидетелей.

Евангелист Матфей называет по именам всех Апостолов (об этом см. с. 270).

Посылая Апостолов на проповедь, Иисус Христос знал, что от них будут требовать знамений, доказательств их посланничества, и потому дал им власть над нечистыми духами, власть изгонять их, а также силу исцелять больных, очищать прокаженных и воскрешать мертвых. Давая такую власть и силу, «Он смиряет их высокоумие и предостерегает от сребролюбия. И чтобы они не подумали, что производимые ими чудеса — плод их добродетели и не возгордились тем, говорит: вы ничего своего не даете тем, которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды: это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 32). **Даром получили, даром давайте** (Мф. 10, 8).

Иисус посылал теперь Своих Апостолов только к евреям, даже запретил им ходить к язычникам и самарянам: **идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева** (Мф. 10, 6). «Не подумайте, — говорит Он, — будто за то, что они Меня поносят и называют беснующимся, Я питаю к ним ненависть и отвращение; напротив, Я стараюсь исправить их прежде других, и запрещаю вам ходить к другим народам; к ним посылаю вас учителями, врачами» (Свт. Иоанн Златоуст, там же, 32).

О предстоявшем пришествии Мессии пророки возвещали еврейскому народу; поэтому тому же, а не иному, народу надлежало возвестить прежде и о действительном пришествии Мессии-Христа.

Наставления им

Давая наставление Апостолам, Иисус Христос предвидел, что заботы о пище, одежде и жилище могут отвлекать их от проповеди, а потому и говорит им: **«Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха** (Мф. 10, 9—10). Ведь вы идете проповедовать о приближении Царства Небесного и учить своих слушателей, как войти в это Царство; вам предстоит много труда, много лишений на пользу ближних, а всякий трудящийся так достоин получать все ему необходимое от тех, для кого он трудится: **трудящийся достоин пропитания**».

Не всякий, конечно, трудящийся достоин награды: трудится вор, ломая замок, чтобы проникнуть в

чужую квартиру и совершить кражу; трудится казнокрад, составляя подложные отчеты; трудится кабатчик, спавая пристрастных к спиртным напиткам... Но такой труд достоин иной мзды — не той, о какой говорил Иисус. Рассчитывать на помощь Божию в воздаянии за труд могут только те, которые, трудясь, исполняют заповедь о любви к ближним; только они *достойны пропитания*.

Заповедуя Апостолам не отвлекаться от исполнения возложенного на них поручения и потому разрешая им принимать от Своих учеников пропитание, Иисус Христос «не отворил этим (по выражению Златоуста) для Апостолов дверей ко всем», а повелел им искать достойных того: **В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете**, то есть кто, по своему благочестию, достоин принять Апостолов. Проповедовать о покаянии и приближении Царства Небесного они должны были всем, даже преимущественно грешникам, но жить могли только в домах достойных, «дабы (как говорит Иероним) недоброй славой принявших Апостолов не посрамить достоинства самой проповеди».

А входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему. Слова «мир дому сему» составляли обычное у евреев приветствие и выражали желание спокойствия, счастья. Но желать мира не значит еще дать мир; поэтому Иисус поясняет Своим Апостолам, что их желание мира действительно принесет мир той семье и даже всему городу, которые с радостью примут их и будут достойны того, то есть примут их с чистым сердцем, без всякого лукавства и задних мыслей; **и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то** ваше желание мира дому тому не осуществится, **и мир ваш к вам возвратится**. А если кто откажет вам в гостеприимстве и не станет слушать вас, то не оставайтесь в таком доме или городе и, выходя, покажите, что вы не имеете ничего общего с ними, даже не желаете уносить с собой пыль того города, приставшую к вашим ногам: **отрясите прах от ног ваших** (Мф. 10, 14).

Евреи боялись оскверниться от общения с язычниками и думали, что нечиста даже земля, по которой язычники ходят, поэтому они считали необходимым отрясать прах языческой земли от ног своих, чтобы очиститься от осквернения. А Иисус Христос, посылая Апостолов только к евреям и давая им совет поступать с не принявшими их евреями так, как евреи обыкновенно поступают только с язычниками, тем самым высказался, что такие евреи хуже язычников, что **отраднее будет земле Содомской и Гоморрой, рекой в день суда, нежели городу тому**.

Не скрывал Христос от Своих Апостолов тех испытаний, тех даже страданий, какие предстоят им: **Я посылаю вас, как овец среди волков; но не бойтесь предстоящей вам борьбы с врагами Моими: мудростью и кротостью вы победите их; будьте мудры, как змии, и просты, как голуби** (Мф. 10, 16). Остерегайтесь людей, которые способны напасть на вас, как волки на овец; не подвергайте без крайней необходимости свою жизнь опасности, не вызывайте напрасной вражды к себе; **будьте мудры** [31], и да поможет вам мудрость ваша распознать, где надлежит сеять слово Божие и где воздержаться от этого, поступив по заповеди Моей — **не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями** (Мф. 7, 6).

Когда же будут гнать вас в одном городе, то не упорствуйте, не подвергайте напрасно свою жизнь опасности, а бегите в другой, и там проповедуйте: ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий (Мф. 10, 23).

«Итак, чтобы ученики не говорили: а что, если мы убежим от гонителей куда-нибудь, а они и там найдут нас и опять будут преследовать, — Спаситель, уничтожая таковой страх, говорит: вы не успеете обойти Палестины, как Я тотчас приду к вам» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 34).

«Не успеете окончить дела вашего теперешнего посланничества в городах народа еврейского, как **придет Сын Человеческий**. В параллельном сему изречении (Мф. 16, 28) прибавлено — **в Царствии**

Своём; и это прибавление указывает, что речь идет не о Втором славном Пришествии Господа на Суд при кончине мира. Пришествие Иисуса Христа в Царстве Своём есть то же, что открытие сего Царства, а открытие Царства Христова совершилось Его Воскресением и ниспосланием Святого Духа Апостолам, после чего они пошли уже во весь мир с проповедью об открытии сего Царства. Следовательно, изречение Господа можно перефразировать так: еще не успеете вы огласить проповедью Евангелия всей Палестины, как Царство Мое откроется. Этим Господь, очевидно, имеет в виду утешить учеников Своих среди предрекаемых им бедствий и скорбей: не бойтесь и не смущайтесь; скоро откроется Царство Мое, и вы облечетесь всемогущей силой свыше, против которой бессильны будут враги ваши» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1. С. 192).

Когда же мудрость ваша подскажет вам, что избежать угрожающей вам опасности нельзя, что самое уклонение ваше от нее будет нарушением ваших апостольских обязанностей, то не бойтесь никаких испытаний: враги Мои **будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас**, но вы не сопротивляйтесь им силой, а противопоставьте их силе свою кротость, голубиное незлобие, и тогда вы победите мир. А когда **поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками, то не заботьтесь, как или что сказать... ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.**

Говоря о царях, к которым поведут Апостолов, Иисус Христос разумел не только предстоявшую теперь, исключительно для евреев, апостольскую проповедь, но и будущую, среди язычников. Поэтому, предвидя вражду, какая возникает у закоренелых язычников по отношению к принявшим новое учение, зная наперед, что среди членов одной и той же семьи одни примут проповедь Апостолов, другие же будут коснеть в язычестве, и что ненависть последних к новому учению будет так велика, что перед ней не устоят самые крепкие узы родства [\[32\]](#), что брата, исповедника новой веры, брат-язычник выдаст гонителям, а отец — сына, что дети-язычники будут даже убивать своих родителей, — Христос сказал: **«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его (Мф. 10, 34–36); предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их. И вы будете ненавидимы всеми за имя Мое; но не бойтесь этого и не останавливайтесь из-за этого в вашей проповеднической деятельности; знайте, что спасется только тот, кто все претерпит до конца своей жизни. Не смущайтесь, что вас будут ненавидеть и преследовать: вы Мои ученики, а Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина (Мф. 10, 24). И если Меня, хозяина дома называли веельзевулом, не тем ли более вас, как домашних его? (Мф. 10, 25). Если мир Меня ненавидит, то возненавидит и вас. Если вас будут бить и истязать, то не бойтесь убивающих тело ваше, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и Тело погубить в геенне (Мф. 10, 28).** Как ни ничтожна по цене монета ассарий, за которую продаются две малые птицы, но ни одна из таких птиц не упадет на землю без соизволения на то Отца вашего Небесного; вы же, избранники Мои, лучше многих малых птиц; и если Отец ваш Небесный так любит вас, что все волосы ваши у Него сосчитаны, то не бойтесь ничего! Знайте, что вы находитесь под особой охраной Его, и что все, что только случится с вами, случится не иначе, как с Его соизволения. Не бойтесь же! Проповедуйте всенародно, с кровель домов, все, что Я говорил вам тайно, наедине; и знайте, что сокровенное, непонятное для многих назначение ваше просветить мир светом истины станет со временем открытым, понятным для всех, и вас, презираемых и гонимых, узнают и прославят все народы; а Я пред Отцом Моим Небесным объявлю вас Моими верными последователями, достойными вечного блаженства за то, что вы открыто перед людьми свидетельствовали обо Мне; и так поступлю с каждым, исповедующим Меня. **А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным (Мф. 10, 33)** и в последний день скажу ему: "Я не знаю тебя!" (см. Л к. 13, 27)».

Исповедуя Христа, надо и любить Его больше всех, больше даже отца и матери, и, во всяком случае,

волю Его, выраженную в Его заповедях, ставить выше воли кого бы то ни было из людей. «Почитай и люби своих родителей, заботься о них в старости, повинуйся им, но если они станут принуждать к нарушению Моих заповедей, не слушайся их! Если ты так любишь отца своего, что в угоду ему готов нарушить заповеди Мои и тем доказать ему, что любишь его более, нежели Меня, то ты недостойн Меня; и если ты, ставши Моим учеником, не в силах будешь снести все испытания и страдания, какие Богу угодно будет послать тебе, если ты не понесешь вслед за Мной креста своего, то Ты не достоин Меня».

Присужденные к распятию на кресте несли всегда до места казни тот крест, на каком их распинали; такое несение осужденным на казнь своего креста означало покорность его произнесенному над ним приговору и готовность перенести мучительную смерть. Поэтому Христос, требуя от Своих учеников, чтобы они всегда были готовы перенести с полным смирением и покорностью воле Божией всякие страдания за веру в Него, сравнивает их с покорно несущим свой крест на казнь.

Кто блага земной жизни предпочитает благам Небесного Царства, кто жертвует будущими благами ради благ земных, кто боится расстаться с земной жизнью, кто отречением от Христа сберегает себе эту жизнь, которой иначе угрожала бы опасность, кто таким образом душу свою сберегает для этой, а не для будущей жизни, — тот не достоин Христа; ибо, **сберегший душу свою для сей жизни, потеряет ее** для жизни вечной, не войдет в Царство Небесное. А тот, кто жертвует ради Христа жизнью своей, кто теряет душу свою для этой жизни, тот, в сущности, сберегает ее для жизни вечной, и потому только тот достоин называться учеником Христа.

Наставляя и утешая Апостолов, Иисус Христос упоминал и о той награде, которая ожидает всех, которые примут их во имя Его: **«Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня. Кто примет вас как пророков или как праведников, веруя в ваше пророческое призвание или в вашу праведность, тот получит награду, какую получают пророк или праведник; кто даже напоит вас, томимых жаждой, чашей холодной воды, уважая вас только как учеников Моих, и тот не останется без награды».**

Окончив наставления двенадцати Апостолам, Иисус пошел проповедовать в города Галилеи. Апостолы же, разделившись по два, пошли по селениям, **проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли.**

Подробностей о проповеднической деятельности Апостолов среди евреев Евангелисты не сообщают; но из одного вопроса Иисуса Христа Апостолам, заданного после их возвращения («имели ли вы нужду в чем, когда Я посылал вас?»), видно, что Апостолы, не взяв с собой ни денег, ни сумы с хлебом, ни запасной одежды, не имели нужды ни в чем необходимом. Как долго ходили они и когда именно возвратились — неизвестно; однако, можно считать несомненным, что Апостолы собрались к Иисусу в то время, когда Он узнал о смерти Иоанна Крестителя.

Глава 18. Исцеление бесноватого слепого и немого.

Обвинения Иисуса книжниками в том, что Он изгоняет бесов силой веельзевула. Отказ им в знамени. Приход к Иисусу Его Матери и братьев

Когда Апостолы отправились на проповедь, то не могли уже быть свидетелями-очевидцами тех событий из жизни Иисуса Христа, которые совершились в их отсутствие. Поэтому об этом периоде деятельности Спасителя мы имеем весьма мало сведений, да и те записаны Евангелистами, очевидно, со слов других свидетелей, постоянно сопровождавших Господа.

Иисус в Капернауме

Евангелист Марк говорит, что после того (то есть после отправления Апостолов на проповедь, но когда именно — неизвестно) Иисус пришел в дом. Судя по последующему повествованию того же Евангелиста, надо полагать, что Он пришел в Капернаум, где поселился Сам, оставив Назарет (Мф. 4, 13), и где пребывала Богоматерь и Ее родственники.

Возвращение Иисуса в Капернаум опять привлекло к Нему толпы народа, жаждавшего исцеления от недугов; в этот раз стечение народа было так велико, что Иисусу и Его ученикам некогда было хлеба поесть.

Враждебные Иисусу фарисеи распустили слух, что **Он вышел из себя**. Судя по последовавшему вслед за тем обвинению фарисеями Иисуса в том, что Он изгоняет бесов силой князя бесовского, можно полагать, что *выйти из себя*, по мнению врагов Иисуса, означало — перестать владеть собой, обезуметь или подчиниться власти дьявола. Слух этот дошел до ближних Иисуса, то есть Его Матери и так называемых братьев Его (объяснение о том, что это не были братья Его, см. на с. 185), и они пошли взять Его из толпы народа и увести к себе. Богоматерь, зная тайну рождения Иисуса, не могла, конечно, разделять опасений Своих родственников, и если пошла с ними, то не с целью взять Его, а просто из желания видеть Его.

Исцеление бесноватого слепого

Пока они шли, к Иисусу привели бесноватого, который был слеп и нем. Иисус исцелил его: слепой и немой стал видеть и говорить. Присутствовавший при этом народ, пораженный необычайным чудом, добивался узнать, кто этот чудотворец? Не Христос ли Он, сын Давидов?

Обвинение Иисуса фарисеями в том, что он изгоняет бесов силой князя бесовского

Ответ на этот вопрос должны были бы дать руководители и наставники народа, книжники и фарисеи. Но они, услышав, что народ готов признать Иисуса за Христа-Мессию, поспешили со своей гнусной клеветой. Не имея никакой возможности отвергать совершаемые Иисусом всенародно изгнания бесов из бесноватых, они объясняли это не божественной силой Иисуса, а силой сатаны, и тем хотели вселить в народе ненависть и страх к Иисусу, как имеющему будто бы сношения с нечистой силой.

Евангелист Матфей говорит, что это обвинение было возведено на Иисуса фарисеями, а Евангелист Марк повествует, что ту же клевету распускали **книжники, пришедшие из Иерусалима** (Мк. 3, 22). Фарисеи и книжники составляли сплоченную партию, враждебную Иисусу, и действовали против Него заодно.

Ответ Иисуса на это обвинение

Фарисеи и книжники не решались сказать Самому Иисусу, что Он изгоняет бесов силой веельзевула (сатаны), а старались тайно от Него внушить это народу. Но Иисус прямо к ним обращается с опровержениями их клеветы и тем обнаруживает перед ними Свое всеведение, то есть божественное свойство. Начинает Он Свои опровержения примерами, понятными каждому, и делает это для того, чтобы сами враги Его вынуждены были всенародно признать себя неправыми. Он говорит, что всякое общество людей, будь то государство (царство), город или семья (дом), сильно только единением всех его членов; но если между членами общества начнутся несогласия, ссоры, раздоры; если они разделятся на враждебные друг другу партии, если ослабеет сила единения их, то само общество (царство, город, семья) распадется и не может устоять.

«Если Я, имея в себе беса, посредством его изгоняю других бесов, то, значит, между бесами несогласие и распря и они восстают один на другого; если же они восстают друг на друга, то их сила погибла и рушилась. **И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою**; если же он разделился, то лишился силы и погиб, а если погиб, то как может изгнать другого?» Вот первое опровержение. Второе, следующее за ним, касалось учеников. **И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют?** Апостолы уже изгоняли бесов, получив на то власть от Спасителя, но фарисеи не обвиняли их. Они вооружались не против дел, а против лица. Поэтому Христос, желая показать, что одна зависть — причина их обвинения, указывает и на Апостолов. «Если Я, как вы говорите, изгоняю бесов силой веельзевула, то тем более они, как получившие на то власть от Меня. Однако же вы ничего подобного о них не говорите. Почему же вы Меня, даровавшего им такую власть, обвиняете, а их освобождаете от обвинений? Если ученики Мои, будучи одного с вами рода, веруют в Меня и повинуются Мне, то очевидно, что они осудят тех, которые делают и говорят противное. **Посему они будут вам судьями** (Мф. 12, 27). **Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие**». Евангелист Матфей говорит — **если же Я Духом Божиим...** а Евангелист Лука — **если же Я перстом Божиим...** (Лк. 11, 20), показывая этим, что изгнание бесов есть дело высочайшей силы и особенной благодати. Он не сказал просто: **достигло... Царствие Божие**, но прибавил — **до вас**. Итак, что же вы не радуетесь своим благам? Для чего вооружаетесь против своего спасения? Вот, теперь настало время, о котором предсказывали пророки. Вот признак проповеданного ими пришествия: бесы изгоняются силой божественной. — После второго опровержения Он приводит и третье, говоря: **как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного?** Что сатана не может изгнать сатану, это ясно из предыдущего, а что иначе и невозможно изгнать сатану, как победивши его наперед, — и с этим все согласны. Что же означают слова Христа? Ничего более, как только усиливают то, что Он сказал прежде. Фарисеи хотели доказать, что Он не Своей властью изгоняет бесов, а Он доказывает, что не только бесов, но самого их начальника победил собственной Своей силой. Если диавол есть начальник, а бесы его подчиненные, то как можно пленить последних, когда он сам не будет побежден и покорен? Христос называет сатану сильным не потому, что он таков по природе, нет, — но указывая на его прежнюю большую власть, какую он имел над нами по нашей беспечности. **Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает**. Вот и четвертое опровержение. «Какое Мое намерение? — говорит Христос. — Привести людей к Богу, научить их добродетели, возвестить им Царство. А чего хотят диавол и бесы? Противного этому. Итак, каким образом тот, кто не собирает со Мной и кто не за Меня, будет помогать Мне? И что Я говорю — помогать? Напротив, он еще старается расточать Мое. Как же поэтому не только не помогающий Мне, но еще расточающий Мое, может иметь со Мной такое согласие, чтобы стал со Мной вместе изгонять бесов?» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 41).

Доказав таким образом что Он изгоняет бесов божественной силой Духа Святого, Иисус сказал: **всякий грех и хула простятся человеку, если они чистосердечно раскаются; а хула на Духа не простится человеку**.

«Вы много говорили о Мне, что Я обманщик, что Я противник Божий. Я вам это прощу и не потребую вашего наказания, если вы раскаетесь; но хула на Духа не отпустится и кающимся. — Почему же? Потому, что Христа не знали, кто Он был, а о Духе получили уже достаточное познание. Все, что ни говорили пророки, говорили по внушению Духа, и в Ветхом Завете все имели о Нем очень ясное понятие. — Если уже вы говорите, что Меня не знаете, то несомненно знаете, что изгонять бесов и совершать исцеления есть дело Духа Святого. Итак, не Меня только поносите, но и Духа Святого. Потому и наказание ваше, как здесь, так и там, неизбежно» (Свт. Иоанн Златоуст, там же, 41).

Да не подумают, что хула на Господа нашего Иисуса Христа простительна. Христос отнесся снисходительно только к тем, которые, видя в Нем Человека, не могли допустить совмещения в Нем Божества, — только к тем, которые не веровали в Него до высшего и нагляднейшего проявления Им Своего Божества, то есть до Его Воскресения; теперь же хула на Сына Божия так же непростительна, как и хула на Духа Святого.

Продолжая Свои объяснения о том, что изгнание бесов не может совершаться силой бесовской, Иисус привел им доказательство из окружающей их природы: достоинство дерева определяется плодами его; если плоды хороши, то и дерево считается хорошим, и, наоборот, если плоды дурны, то и дерево признается дурным; как же они, книжники и фарисеи, видя добрые дела Иисуса, решаются хулить Его, Творца этих дел? Ведь доброе исходит из доброго источника, а злое из злого; и если Он, Иисус, творит только добрые дела, то может ли Он быть злым? Равным образом, они, книжники и фарисеи, будучи злы, как порождения ехидны (змеи), злое и творят, и говорят только злое; их уста говорят злое от избытка злости их сердца.

Праздное слово, по объяснение Златоуста, есть слово, несообразное с делом, ложное, дышащее клеветой, а также и пустое слово, например: возбуждающее неприличный смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное.

Люди дадут ответ в день Страшного Суда не только за дела свои, но и за всякое греховное слово, так как слова выражают мысли и чувства человека.

Требование фарисеями от Него знамения

Иисус окончил Свои объяснения книжникам и фарисеям. Никто из них не решился возражать Ему. Казалось бы, отсутствие с их стороны возражений можно было счесть за отказ их от своего гнусного обвинения. Но они, потерпев поражение, не смирились, не уверовали в Иисуса как Мессию-Христа, а приступили к Нему с искушением, говоря как бы так: если Ты изгоняешь бесов не силой веельзевула, а благодатью Божией, то хотелось бы нам видеть от Тебя знамение в том.

Отказ в знамении

Они только что видели знамение (доказательство) божественной силы Иисуса в изгнании Им беса из слепого и немого; они видели множество других чудес Иисуса; они несомненно знали о воскрешении Им дочери Иаира и сына вдовы Наинской, а может быть, и присутствовали при этом. И после всего этого они просят знамения! Нет, такие люди не поверят никаким знамениям; это те свиньи, о которых говорил Христос в Своей Нагорной проповеди: **не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас** (Мф. 7, 6). Вот почему Иисус давая нам пример исполнения всех заповедей Своих, отказал коварным искусителям в знамении, сказав им: **род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**. Не дастся им то знамение, которое хотелось бы им видеть теперь же, немедленно, то есть какое-нибудь поразительное знамение с неба; но знамение будет дано всем, и этим знамением, этим чудесным явлением, этим доказательством божественности Иисуса, будет Его Воскресение, прообразом которого

было в Ветхом Завете чудо, совершенное Богом над пророком Ионой: **ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи** (Мф. 12, 40).

Указание на знамение Ионы

Из ветхозаветной книги пророка Ионы известно, что он был послан Богом в Ниневию проповедовать покаяние погрязшим в грехах жителям этого громадного города (в нем было тогда одних только детей, не умевших еще отличать правой руки от левой, более ста двадцати тысяч). Испугавшись исполнения такого поручения, он бежал в Иоппию, сел на отходящий корабль и поплыл по Средиземному морю в Фарсис; в открытом море поднялась страшная буря; Иона видел в этом грозном явлении наказание Божие за его грех ослушания; с его же согласия он был выброшен с корабля в море и, по повелению Божию, был поглощен большим китом; пробыл он во чреве кита три дня и три ночи, молился там о спасении своем и, по повелению Божию, был извергнут китом на сушу; пошел потом в Ниневию, проповедовал там необходимость покаяния и угрожал, что, в противном случае, через сорок дней Ниневия будет разрушена. Ниневитяне поверили Богу, говорившему устами пророка, объявили пост, покаяться и были пощажены.

По объяснению Епископа Михаила, еврейские слова, которые переводятся в книге пророка Ионы словами *кит великий*, не означают непременно кита, а означают вообще большую рыбу какого-либо рода; можно думать, что это была акула, которая может свободно проглотить целиком человека (Толковое Евангелие. 1. С. 243).

Если это был кит, то, конечно, не гренландский, имеющий очень узкое горло, а скорее так называемый *роркваль*, особый вид китов, водящихся в Средиземном море [33]; роркваль имеет под нижней челюстью громадный мешок со складками, и в таком мешке свободно может поместиться человек, не подвергаясь, как в желудке, действию пищеварительных соков.

Иисус сравнил пребывание Ионы три дня и три ночи во чреве кита с предстоявшим пребыванием Своим три дня и три ночи во гробе (в сердце земли); между тем из Евангелия всех четырех Евангелистов известно, что Он умер в пятницу в три часа пополудни (по нашему счету) и воскрес до восхода солнца, когда было еще темно, в день, следовавший за субботой, то есть в воскресенье. Если делить сутки на день и ночь, то придется признать, что Христос воскрес ночью, до наступления дня; следовательно, Он пробыл во гробе только два дня и две ночи [34]. Как же согласовать с таким выводом предсказание Иисуса о том, что Он будет *в сердце земли три дня и три ночи*?

Доказательства пребывания Иисуса в гробу три дня и две ночи

Относительно согласования дней нет больших трудностей. Евреи начинали день (по-нашему, сутки) с захода солнца или шести часов вечера, причем, исчисляя продолжительность какого-либо события, часть дня всегда принимали за целый день. Таким образом и считается первым днем пребывания Иисуса во гробе конец пятницы, до захода солнца; от захода солнца в пятницу и до захода солнца в субботу прошел полный второй день, а от захода солнца в субботу начался третий день. С этим вполне согласуются все предсказания Господа о том, что Он воскреснет *в третий день* (ср. Ин. 2, 19–22; Мф. 16, 21 и др.), то есть не по прошествии трех суток, а *в третий день*, в начале третьего дня по еврейскому счету.

Относительно же трех ночей согласование предсказания с действительным пребыванием Иисуса во гробе представляет большие затруднения. По этому вопросу Преподобный Исидор Пелусиот дает такое объяснение: Христос был распят в пятницу, причем от шестого часа до девятого (или, по нашему счету, от полудня до трех часов дня) была тьма, которую следует считать за ночь; от девятого (третьего) часа опять было светло, а потом наступила ночь с пятницы на субботу; таким образом, ночь с субботы на воскресенье была третьей ночью после смерти Иисуса или, как говорится, третьей ночью пребывания Его в гробе. — Такое объяснение едва ли можно признать правильным. Время пребывания Иисуса *в сердце земли* надо

считать не с момента смерти Его, а с момента погребения, какое совершилось по окончании тьмы, наступившей в двенадцать часов; следовательно, если бы даже и возможно было принять за ночь время необыкновенного солнечного затмения, то и в таком случае надо было бы признать, что эта ночь окончилась до положения Иисуса во гроб и потому в счет трех ночей идти не может.

Думаю, нет никакой надобности прибегать к каким-либо натяжкам или искусственным объяснениям, чтобы найти третью ночь, которой на самом деле не было. Иисус Христос много раз говорил о предстоящей Ему смерти и каждый раз объяснял, что **в третий день** воскреснет. Во всех таких предсказаниях Его для нас важны два несомненные обстоятельства: первое — что Он действительно воскреснет, и второе — что Он воскреснет **в третий день** после Своей смерти. И эти предсказания сбылись с точностью. Что же касается сравнения Иисусом продолжительности Своего пребывания во гробе с продолжительностью пребывания Ионы во чреве кита, то это сравнение или уподобление не может иметь силы, равной с предсказанием. Предсказание должно исполниться в точности во всех подробностях, уподобление же должно совпасть лишь в главнейших точках соприкосновения. Ведь мы не ищем в притчах Господних непременно соответствия с главной мыслью притчи всех ее мельчайших подробностей. Так и в данном случае, в притче об Ионе нет надобности домогаться согласования всех ее подробностей с действительным временем пребывания Иисуса во гробе. Сказана эта притча фарисеям и книжникам, требовавшим знамения, поэтому и рассматривать надо ее с этой точки зрения. Христос отказал им в знамении, и мысль, которой Он руководствовался при этом, можно выразить в следующих словах: «Вашим предкам было дано знамение в лице Ионы пророка; его выбросили в море и считали погибшим, умершим; однако через три дня и три ночи он был выброшен на берег живым; подобное же знамение будет дано и вам: вы распнете Меня и будете думать, что избавились от Меня навсегда; но вы ошибетесь: Я в третий день воскресну!» — Далее такого уподобления Сам Иисус Христос не мог идти, так как случай с Ионой не тождествен с пребыванием Иисуса во гробе: Иона не умирал и не воскресал, а находился живым *во чреве кита*; Христос же действительно умер и в третий день воскрес. А если эти два примера не совпадают даже в самых существенных чертах, то, конечно, не могут вполне совпадать и в мелочах, и потому ссылка Господа на Иону есть только притча, некоторое уподобление, но никак не предсказание. А если это так, то нечего отыскивать во что бы то ни стало третью ночь, которой не было и о которой не было сказано в форме предсказания.

Указание на покаявшихся Ниневитян и на царицу Савскую

Ниневитяне поверили Ионе, не требуя от него никаких знамений (доказательств) справедливости его слов, а фарисеи и книжники, видев множество чудес, совершенных Иисусом, требуют от Него еще особенного знамения с неба. Ниневитяне были язычники, а евреи поклонялись истинному Богу. Ниневитяне ничего не знали об Ионе, а об Иисусе Христе евреям возвещали все пророки. Вот почему ниневитяне, когда восстанут на Страшный Суд, окажутся несравненно выше закоренелых в неверии евреев; пример их искреннего покаяния по призыву Ионы пристыдит горделивых книжников и фарисеев и осудит их.

В 3-й книге Царств сказано, что **царица Савская, услышав о славе Соломона... пришла** к нему, с дорогими подарками, **испытать его загадками... и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце** (см. 3 Цар. 10, 1—13). Предполагают, что царство Савское находилось в южной Африке, на восточном берегу, в местности, изобиловавшей золотом, недалеко от Трансвааля.

Напоминая фарисеям и книжникам о путешествии царицы Савской, Иисус сказал им, что эта язычница издали пришла **послушать мудрости Соломоновой** (Мф. 12, 42), а они, книжники и фарисеи, не принимают Того, Кто, будучи **больше Соломона**, Сам пришел к ним, чтобы спасти их от греха; вот почему на окончательном Суде рода человеческого царица Южная станет выше их; ее признание мудрости

Соломона осудит их, не признавших божественности посланного к ним Мессии Христа.

Отказав лукавым фарисеям в особом знамении как подтверждении Своей божественной власти, Господь сослался на язычников Ниневию, на которых произвела сильное впечатление проповедь Ионы: они отозвались на призыв пророка к покаянию, всенародно каялись во грехах своих и, в знак искреннего покаяния, постились и молились об отвращении возвещенного Ионой бедствия. И такое впечатление на язычников произвел голос внезапно пришедшего к ним Пророка, которого они до тех пор и не знали. Фарисеи же знали, что Креститель Иоанн всенародно объявил Иисуса Сыном Божиим и, в подтверждение истинности своих слов, сказал, что слышал голос Самого Бога, удостоверивший, что **Сей есть Сын Его возлюбленный**. И фарисеи не поверили Иоанну. После того Иисус совершил множество таких чудес, какие может творить только Бог; и они все-таки не поверили. Воскресил Он двух мертвецов, а они и после того продолжали упорствовать в своей неверии. Какие же после этого знамения могут поколебать их упорство? Если, как мы знаем, даже Воскресение распятого и умершего Христа не могло воздействовать на их совесть, то какое значение могло бы иметь теперь особое знамение, которого так настойчиво домогались фарисеи? Оно могло бы только повредить им, а пользы не принесло бы. Оно временно могло бы произвести на них благоприятное впечатление, и они, пожалуй, перестали бы преследовать Иисуса, не проявляли бы ничем свою ненависть к Нему, свою злобу. Но надолго ли? Не произошло ли бы с ними то же, что и с людьми, обуреваемыми какой-либо страстью, от которой они временно освободились? Не возвратилась ли бы к фарисеям затаенная ими на время злоба, да еще с большей силой, как возвращаются иногда к человеку страсти, от которых он, казалось, совсем отстал?

Притча о злых страстях и пороках, возвращающихся к человеку, временно освободившемуся от них

Эту мысль Господь высказал фарисеям, но не прямо, а иносказательно, притчей, предоставляя им самим додуматься до объяснения смысла ее. **Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом** (Мф. 12, 43–45).

Приступая к объяснению этой притчи, мы должны помнить наставление Иоанна Златоуста, говорившего, что в притчах Господних надо доискиваться главной мысли, сокрытой в них, и не заботиться об объяснении каждой подробности, приводимой иногда лишь для связности рассказа.

В этой притче нечистый дух приводится как олицетворение какой-либо страсти, которая овладевает человеком. Нередко человек ведет упорную борьбу с обуревающей его страстью и побеждает ее; он освобождается от ее власти, она оставляет его, как бы уходит от него, подобно тому, как и злой дух оставляет одержимого, когда бывает изгнан из него. Освободившийся от своей страсти (например, пьянства, прелюбодеяния, азартной игры и т. п.) радуется тому и становится иным, обновленным человеком. Сердце его чисто, дурные помыслы изгнаны, душа светла, и его внутренний мир уподобляется дому, который был загрязнен неопытными постояльцами, но, по выезде их, выметен и убран. Но случается нередко, что страсти, временно освободившие человека, возвращаются к нему и овладевают им еще с большей силой; случается, что вместо одной страсти возгорается их много, и бывает тогда **для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом**. Да, так могло случиться и с фарисеями, домогавшимися особого знамения. Временно они освободились бы от своей злобы; но потом эта страсть проявилась бы в них с большей силой. Потому-то Господь и на этот раз отказал им в знамении.

Евреи ожидали пришествия Мессии и знали, что Он будет рожден еврейкой. Поэтому каждая еврейка надеялась быть матерью Его и в этом видела величайшее блаженство, какое только возможно для женщины избранного народа. Вот почему одна из таких женщин, пораженная божественностью слов

Иисуса и уверовавшая в Него как в Мессию-Христа, невольно представила себе Ту, Которая удостоилась быть Матерью Христа, и прославила Ее, громогласно воскликнув: **блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!** (Лк. 11, 27).

На это Иисус, как бы успокаивая эту женщину, сказал: Нет, блаженна не только удостоившаяся быть Матерью Христа, но **блаженны все, слышащие слово Божие и соблюдающие его** (Лк. 11, 28), блаженны творящие волю Божию.

Приход к Иисусу матери его и так называемых братьев

В это время Мать и так называемые братья Иисуса, пришедшие, чтобы взять Его, не могли из-за толпы пробраться к Нему, стояли вне дома и просили сказать о них Иисусу. Исполняя эту просьбу, **некто сказал Ему: вот, Мать Твоя и братья твои стоят вне, желая говорить с Тобою** (Мф. 12, 47).

По сказанию Евангелиста Иоанна, мнимые братья Иисуса **не веровали в Него** (Ин. 7, 5); Христос знал это, знал также цель прихода их и потому отверг их желание говорить с Ним. Но Мать Его, Пресвятая Дева Мария, не разделяла их мнений; Она веровала в Него как Сына Божия, и пошла теперь к Нему не для того, чтобы воспрепятствовать Ему исполнять волю Отца Его, но для того, чтобы только удостовериться — действительно ли Ему угрожает такая опасность, о которой говорят Его мнимые братья; но так как о желании Ее говорить с Ним Ему было передано в то время, когда **он еще говорил к народу**, то Он отверг и Ее желание. **Кто Мать Моя? и кто братья Мои?** — сказал Он (Мф. 12, 48).

По объяснению Филарета, митрополита Московского, Христос как бы так говорил: «Для чего волею земной Матери хотите вы отвлечь Меня от исполнения воли Отца Небесного? Когда сии две воли влекут в разные стороны — Я знаю и тотчас покажу, которой из них и с какою решительностью должно следовать. **Кто Мать Моя и братья Мои?** Кто же они? **Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра и мать** (Мф. 12, 50)».

Если Христос, отправляя Апостолов на проповедь, сказал: **Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня** (Мф. 10, 37); если Он не позволил ученику Своему пойти похоронить отца, то, конечно, Он должен был Своим примером показать ученикам, как надо исполнять Его заповеди и поучения. И вот, при первом представившемся к тому случае Он показал, что исполнение воли Отца Его Небесного выше исполнения желаний Его земной Матери. Но в этих словах нельзя усматривать отречения Иисуса от Своей Матери или проявления равнодушия к Ней: любовь Свою к Ней Он доказал на Кресте, поручив заботы о Ней любимому ученику Своему.

Вот и все, что мы знаем о событиях, происшедших в жизни Иисуса Христа за время проповеднической деятельности Апостолов, посланных к **погибшим овцам дома Израилева** (Мф. 10, 6). И знаем мы так мало об этом периоде служения Господа потому, что не было тогда при Нем Апостолов, тех достовернейших свидетелей-очевидцев, из показаний которых составились наши Евангелия. И этот пропуск в повествованиях Евангелистов служит одним из доказательств правдивости всего ими написанного: чему они сами не были свидетелями-очевидцами и о чем не могли добыть достоверных сведений от таких же правдивых» как они, очевидцев, о том они и не говорят ничего. Между тем, этот пропуск в повествованиях соответствует довольно продолжительному времени. Если Апостолы, посланные по два вместе, и распределили между собой (то есть разделили на шесть частей) все места Палестины, населенные евреями, все же обойти, не торопясь, по одной шестой части этих мест они скоро не могли. Но как долго проповедовали они — мы не знаем; знаем только, что возвратились они перед Пасхой (Ин. 6, 4), третьей со времени Крещения Иисуса.

ГЛАВА 19. Смерть Иоанна Крестителя. Возвращение Апостолов. Насыщение народа пятью хлебами и двумя рыбами. Хождение Иисуса по воде и спасение утопавшего Апостола Петра. Беседа о хлебе жизни. Оставление Иисуса многими учениками

Пир Ирода

Выше (см. с. 209) было сказано, что правитель Галилеи и Переи, Ирод Антипа, будучи женат, вступил в сожительство с Иродиадой, женой брата своего Филиппа, при жизни последнего, что Иоанн Креститель обличал эту противозаконную связь и, через это в лице Иродиады приобрел себе заклятого врага, что Иродиада желала избавиться от Иоанна и что в угоду ей Ирод Антипа заключил его в крепость Махеру. Крепость эта была построена Иродом в Перее, близ границы Аравии, и служила сборным пунктом для войск в войнах против арабов.

Законная жена Ирода Антипы, дочь аравийского царя Ареты, владения которого примыкали к Перее, бежала к отцу, как только узнала, что ее муж вступил в незаконную связь с Иродиадой. Оскорбленный Арета начал войну против Ирода, вследствие чего Антипа со всем своим двором переехал из Тивериады, места своего постоянного пребывания, в Махеру, и жил там в своем дворце.

Пляска Саломии

По случаю дня своего рождения он сделал пир вельможам, тысяченачальникам и старейшинам галилейским. Евреи не праздновали дня Рождения, но Антипа подражал в этом случае восточным царям. По обычаям Востока, женщины не смели присутствовать на пиршествах мужчин: только рабыням дозволялось плясать во время пиров. Но Саломия, дочь Иродиады и Филиппа, пренебрегая обычаями, **вошла** к пирующим в легкой одежде танцовщицы и начала плясать; своею пляской она так воспламенила отуманенного вином Ирода, что он в награду ей готов был отдать все, даже половину царства своего, и эту готовность свою он подтвердил клятвой в присутствии всех пировавших с ним.

В восторге от произведенного впечатления, Саломия **вышла** и спросила у матери своей, не участвовавшей в пиршестве: **чего просить?** Та ни минуты не колебалась: самым драгоценным для нее подарком была бы смерть ее неумолимого обличителя; она уверена была, что с головой Иоанна Крестителя она приобретет не половину, а все царство своего любовника, и потому, не задумываясь, ответила: **голова Иоанна Крестителя** (Мк. 6, 24). Опасаясь же, что обещание Антипы убить Иоанна опять будет не исполнено, она внушила дочери, чтобы та требовала немедленной смерти Пророка, и даже дала ей блюдо, на котором должны были принести ей голову убитого.

С поспешностью, с блюдом в руках, входит к пирующим Саломия и, обращаясь к Ироду, говорит: **хочу, чтобы ты дал мне теперь же, без всяких отсрочек и промедлений, на этом блюде голову Иоанна Крестителя** [35].

Царь опечалился, но не потому, что принесенная на пир голова Иоанна могла нарушить веселье пирующих; нет, в те времена, не только при дворах восточных деспотов, но даже и при дворах римских

императоров, нравы были не таковы, чтобы смерть хотя бы и уважаемого человека могла остановить дальнейший разгул участников пира. Опечалился Ирод потому, что поставлен был в необходимость или нарушить клятву, или же убить Пророка, которого сам оберегал от злобы фарисеев. И то и другое было нехорошо, но надо было выбрать одно из двух решений. И вот, он смотрит на своих вельмож и на старейшин, как бы вызывая их ответ на занимавший его вопрос. Вероятно, собеседники решили, что лучше убить человека, чем нарушить неосторожно данную клятву, так как уступая им, Ирод решился на убийство. **Ради клятвы и возлежавших с ним** (Мк. 6, 26), он послал оруженосца, велел ему принести голову Иоанна. Темница, в которой содержался Иоанн, была недалеко от дворца Ирода, а может быть и в самом его дворце, так как в то время узников содержали не в отдельных домах (тюрьмах), а при дворцах правителей и при домах судей. Оруженосец-палач исполнил приказание, отсек Иоанну голову и принес на блюде; взяла ее Саломия и отнесла своей матери.

Умерщвление Иоанна

Предание гласит, что Иродиада издевалась над головой Иоанна, иглой колола его язык, обличавший ее в распутстве, и велела выбросить его тело в один из окружающих Махеру оврагов; но **ученики Иоанна взяли обезглавленное тело его**, как свидетельствует о том Евангелисты Матфей и Марк, **и положили его во гробе** (Мк. 6, 29). Где именно положено тело Иоанна, Евангелисты не говорят, но предание сохранило об этом некоторые подробности: опасаясь со стороны Иродиады мщения даже над бездыханным телом Иоанна, ученики унесли его за пределы Переи, туда, куда не простиралась власть Ирода Антипы, а именно в Севасту, находившуюся под властью Пилата. Севаста или Севастия — город, обстроенный при Ироде великом, отце Антипы, на месте прежнего разрушенного города, называвшегося Самарией. Здесь-то, в пещере, где погребены были пророки Авдий и Елисей, положено было, как гласит предание, тело последнего Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна.

(Печальное событие усекновения главы Иоанна Предтечи Православная Церковь вспоминает ежегодно 29 августа).

Дошедшая до Иисуса весть о смерти Иоанна; возвращение апостолов; удаление Иисуса с апостолами на лодке в пустынное место

Совершив погребение тела Иоанна, ученики Его пошли к Иисусу и возвестили Ему о смерти их Учителя. В то же время собрались к Нему и Апостолы, исполнив возложенное на них поручение, **и рассказали Ему все, и что сделали, и чему научили** (Мк. 6, 30). Между тем, в то время вокруг Иисуса были громадные толпы народа: **много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда** (Мк. 6, 31). Весть о насильственной смерти последнего Пророка не могла не опечалить Иисуса, и так как Он всегда в минуты скорби искал уединения от шумной толпы, то и теперь захотел уйти куда-нибудь в пустынное безлюдное место. К тому же Апостолы Его только что собрались из разных мест, исполнив возложенное на них поручение. Надо было и с ними побеседовать наедине, принять от них отчет, а для этого надо было предоставить им возможность предварительно отдохнуть от шума народной толпы, то есть временно остаться наедине со своими мыслями, сосредоточиться на них и спокойно поведать Пославшему их все, что они именем Его совершили. Вот почему Иисус удалился с Апостолами **Один**, без толпы, в пустынное место. Евангелист Матфей говорит, что Иисус удалился на лодке в пустынное место **Один** (Мф. 14, 13); Евангелист Марк — что, по повелению Иисуса, Апостолы должны были идти в пустынное место **одни**; а Евангелист Лука — что Иисус, **взяв... с Собою** возвратившихся Апостолов, **удалился особо в пустое место, близ города, называемого Вифсаидою** (Лк. 9, 10). Из сопоставления сказания трех Евангелистов следует заключить, что Евангелист Матфей под словом **Один**, а Евангелист Марк под словом **одни**, разумеют одного Иисуса и одних Апостолов, без сопровождения их народом, которым они были окружены, но что Иисус удалился от народа вместе с Апостолами, а не отдельно от них, видно из повествования Евангелиста Луки о том, что

Иисус, взяв с Собой Апостолов, удалился особо, то есть без посторонних лиц, но с ними; это видно также и из повествования Евангелиста Марка, что народ увидел, как *они* отправлялись... и бежали туда пешие из всех городов; бежали, конечно, не за Апостолами, а за уплывшим с ними Иисусом.

По сказанию Евангелиста Луки, Иисус с Апостолами направлялся к городу Вифсаида. Долго ли продолжалось это путешествие, Евангелисты не говорят; но из повествования Евангелиста Марка можно заключить, что оставшаяся на берегу толпа народа побежала берегом озера по тому направлению, куда плыла лодка с Иисусом и Апостолами, и, увеличенная по пути выходящими из городов навстречу ей людьми, шла берегом, следила за плывшей с Иисусом и Апостолами лодкой и опередила их (**и предупредили их**). Увидя множество народа, собравшегося на берегу, Иисус не мог уже продолжать Свой путь в Вифсаиду; Он сжалился над ожидавшими Его, как над стадом овец, не имевшим пастыря, велел причалить к берегу, вышел из лодки **и начал учить их много**; по сказанию же Евангелиста Луки, **и требовавших исцеления исцелял** (Лк. 9, 11).

Чудесное насыщение более пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами

Пристав к пустынному берегу озера, где не было никакого жилья, где ожидавшие Иисуса толпы народа не могли найти себе ни ночлега, ни пищи, Апостолы с наступлением вечера обратились к Иисусу с просьбой отпустить народ: **Место здесь пустынное и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи** (Мф. 14, 15). Но Иисус, сказав — **не нужно им идти, вы дайте им есть** (Мф. 14, 16), — взошел с Апостолами на гору и сел там. Народ пошел за Ним. Тогда, указывая на идущие к ним толпы, Иисус, желая испытать веру Апостола Филиппа, спросил у него: **где нам купить хлебов, чтобы их накормить?** «Да у нас и средств нет, чтобы купить хлеба для такой толпы, — отвечал Филипп, — ведь **им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу**. Не догадываясь, что Тот, Кто воскрешал мертвых и исцелял слепых, немых и расслабленных, может накормить и голодных, — Апостол Андрей, брат Петра, говорит Христу: **здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?** (Ин. 6, 7).

Видя маловерие Своих Апостолов, Иисус тотчас же доказывает им, что для Него нет ничего невозможного, а чтобы они знали, какое именно множество народа Он собирается накормить, Он приказывает им рассадить всех отделениями или рядами на зеленой траве, по сто и по пятидесяти человек, и таким способом сосчитать всех. Оказалось около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей.

Тогда, взяв принесенные Ему пять хлебов и две рыбы, Иисус возвел очи Свои к небу, помолился, благословил хлебы, преломил их и дал ученикам Своим, чтобы они раздали народу; и две рыбы разделил на всех. Ученики понесли куски хлеба и рыб возлежавшему народу и увидели свершающееся в их руках величайшее чудо: по мере раздачи народу количество кусков хлеба и рыбы не уменьшалось, а увеличивалось: «ели все, сколько кто хотел, и насытились».

Все четыре Евангелиста утверждают, что **ели все**, то есть значительно более пяти тысяч человек, и что все евшие насытились (Мф. 14, 20; Мк. 6, 42; Лк. 9, 17; Ин. 6, 11–12); а Евангелист Иоанн добавляет, что ученики Иисуса раздавали возлежавшим столько хлеба и рыбы, **сколько кто хотел**. Когда, по повелению Иисуса, стали собирать остатки хлеба, то наполнили ими двенадцать коробов. Коробами назывались те корзины, которые евреи брали с собой в путешествие вместо походных сумок, для хранения пищи. Как бы малы ни были эти короба, во всяком случае, двенадцать коробов нельзя было наполнить пятью хлебами, разломанными на куски, если бы количество этих кусков не было чудесным образом умножено.

Желание народа провозгласить Иисуса царем

Чудо поразительное, совершенное на глазах многотысячной толпы! Чудо, которое эта толпа не только видела, но и чувствовала, и в наличности которого не имела ни малейшего повода сомневаться!

Впечатление, произведенное им на окружавшую Иисуса толпу, было громадно, и под влиянием его все заговорили: **это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир** (Ин. 6, 14), то есть Мессия, а если Он Мессия, то, значит, Царь, долженствующий покорить евреям весь мир и царствовать вечно; отчего же Он медлит объявить Себя Царем? Вот, приближается Пасха, и на этот праздник соберутся в Иерусалим евреи со всех концов мира; возьмем Его, поведем в Иерусалим на праздник, там объявим Его Царем и свергнем ненавистное иго римлян. — Так, вероятно, рассуждали в толпе, окружавшей Иисуса. Толпа была так восторженно настроена, что готова уже была приступить к выполнению своего плана, но была успокоена и с миром отпущена Иисусом. Как только началось это брожение в народе, Иисус **тотчас понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону моря**, а Сам пошел к толпе, успокоил и отпустил ее, и после уже взошел на гору помолиться наедине.

Из повествования Евангелиста Иоанна можно было бы заключить, что Иисус удалился на гору тотчас, как только узнал, что Его хотят объявить Царем: **Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один**. Но такое заключение противоречило бы сказаниям других Евангелистов, передающих некоторые подробности отшествия Иисуса на гору; так, Евангелисты Матфей и Марк говорят, что Иисус, понуждая Апостолов войти в лодку и плыть на другую сторону моря, Сам остался на берегу, чтобы отпустить народ (Мф. 14, 22; Мк. 6, 45); **и, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине**, как говорит Евангелист Матфей; или: **и, отпустив их, пошел на гору помолиться**, как говорит Евангелист Марк (Мф. 14, 23; Мк. 6, 46). Кроме того, нельзя вообще допустить, чтобы Иисус Христос, пришедший спасти людей от греха и положить жизнь Свою за них, чтобы Он мог скрыться от восторженной толпы народа, способной в таком состоянии наделать много необдуманных поступков. Надо полагать, что Кто мог накормить многотысячную толпу пятью хлебами и двумя рыбами, Тот мог и успокоить ее; Тот, слову Которого повиновались разъяренные волны и бури, Кто невредимым прошел среди озверелой толпы назаретян, собравшейся сбросить Его со скалы, Тот, конечно, мог безбоязненно идти теперь к стоявшему на берегу народу и словом Своим привести в спокойное состояние волновавшие их чувства. Так Он и поступил: сначала отпустил народ, а потом взошел на гору помолиться.

Поспешное отправление Иисусом апостолов на лодке обратно

Противоречия между повествованиями Иоанна, с одной стороны, и Матфея и Марка с другой, тут нет: Евангелист Иоанн совсем ничего не говорит о том, что Иисус понудил Апостолов войти в лодку и плыть на ту сторону моря, а говорит только, что они с наступлением вечера сошли к морю и, вошедши в лодку, отправились на ту сторону моря; не говорит он об этом понуждении и о том, что Иисус отпустил народ, не потому, что этого не было, а просто потому, что не считал нужным сообщать особые подробности чуда насыщения народа пятью хлебами. Считая вообще необходимым лишь дополнять повествование первых трех Евангелистов, Евангелист Иоанн в своем Евангелии или совсем ничего не говорит о том, о чем подробно повествуют другие Евангелисты, или говорит кратко, с целью дополнить сказания какой-либо подробностью или установить связь с последующим событием, о котором первые Евангелисты ничего не сообщают. Так было и в данном случае: последовавшая затем беседа Иисуса о хлебе жизни передана одним только Евангелистом Иоанном, и так как эту беседу необходимо было связать с предшествовавшим чудом насыщения народа, то Евангелист Иоанн повествует кратко и о нем; иначе же он не стал бы повторять то, что подробно рассказано раньше его тремя Евангелистами; повествуя же по необходимости об этом чуде, он дополняет рассказ о том же трех Евангелистов упущенной ими подробностью о желании народа провозгласить Иисуса Царем. Установив таким образом связь между чудом насыщения народа и беседой о хлебе жизни, да дополнив сказания других Евангелистов упоминанием о желании народа провозгласить Иисуса Царем, он уже не заботился о пересказе того, что сказано другими.

Итак, Иисуса хотели провозгласить Царем, то есть Мессией. Он — действительно Мессия, о Котором возвещали пророки. Почему же Он уклонился от этого? Почему не захотел, чтобы народ открыто теперь же

признал Его Мессией? Да потому, что не только народ, но и ближайšie ученики Иисуса, даже Апостолы, имели еще превратные понятия о Мессии; все они воображали, что обещанный евреям Избавитель-Мессия будет Царем земным, Царем-Завоевателем, и покорит евреям весь мир; никто еще не мог отрешиться от этих предрассудков, никто не допускал даже и мысли о том, что Царство Мессии может быть Царством не от мира сего. Поэтому, при таких понятиях народа о Царстве Мессии, провозглашение Иисуса Царем было бы ни чем иным, как открытым возмущением народа против власти римского императора [36].

Возвращение Иисуса к народу

Апостолы не могли не сочувствовать толпе, желавшей объявить Иисуса Царем, тем более, что всякое возвеличение их Учителя радовало их; они могли увлечься народным волнением, примкнуть к толпе и действовать с нею заодно. Вот почему, желая спасти Своих Апостолов от увлечения несбыточной мечтой и от участия в заговоре, Иисус тотчас же приказал им сесть в лодку и плыть без Него к противоположному берегу, а Сам пошел к волновавшейся толпе.

Апостолы сели в лодку и отправились одни, без Иисуса, на другую сторону моря. Евангелист Иоанн говорит, что они отправились в Капернаум; Евангелист Марк говорит, что Иисус понудил Апостолов отправиться вперед на другую сторону, к Вифсаиде, а Евангелист Матфей упоминает только о другой стороне моря. Спрашивается: куда же отправились Апостолы, и где произошло насыщение народа? — Ученики Иоанна возвестили Иисусу о смерти их учителя в то время, когда Он был в Капернауме; тотчас же Иисус на лодке отправился с возвратившимися Апостолами в пустынное место **близ города, называемого Вифсаидою** (Лк. 9, 10); туда же за Ним пошли (побежали) толпы народа, а так как из этого пустынного места Апостолы возвращались на лодке по направлению к Капернауму или расположенной на том же берегу Вифсаиде, то следует признать, что Иисус, получив весть о смерти Своего Предтечи, удалился со Своими Апостолами в пустынное место близ города, называемого Вифсаидой-Юлиевой на северо-восток от Галилейского моря; возвращались же Апостолы одни к противоположному берегу, северо-западному, на котором были расположены недалеко один от другого два города — Вифсаида приморская и Капернаум; следовательно, чудо насыщения народа пятью хлебами и двумя рыбами совершено на пустынном северо-восточном берегу Галилейского моря, ближайшим городом к которому была Вифсаида-Юлия [37].

Бедствие апостолов в море

Апостолы плыли в лодке; **становилось темно... дул сильный ветер, и море волновалось**; они отъехали далеко от берега, их **лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный** (Мф. 14, 24). Выбиваясь из сил в борьбе с противным ветром, Апостолы должны были вспомнить, как они погибали на том же море и как буря мгновенно утихла по одному лишь слову их Учителя; они должны были пожалеть, что остались одни, без своего Спасителя, а Он не приходил к ним, **Он оставался один на земле**, как свидетельствует Евангелист Марк, **и увидел их бедствующих в плавании** (Мк. 6, 48), **и в четвертую... стражу ночи подошел к ним, идя по морю**.

Евреи того времени делили всю ночь на четыре части, называвшиеся стражами, по три часа в каждой. Первая стража — от шести часов пополудни по нашему времени до девяти часов; вторая — от девяти часов до полуночи; третья — от полуночи до трех часов утра; и четвертая — от трех до шести часов утра.

Шествие к ним Иисуса по воде

Около четвертой стражи, то есть около трех часов утра проведя всю ночь в молитве, пошел Иисус к бедствующим в плавании [38], подошел к пустынному берегу, где не было лодок (единственную лодку, на которой приплыли Иисус с Апостолами, теперь било волнами посреди моря), и пошел далее по морю.

Христос пошел по воде, то есть воспользовался Своей божественной властью творить чудеса,

господствовать над законами и силами природы. Но и в данном случае Он воспользовался этой властью не для Себя лично, не для спасения Себя от опасности и не для преодоления препятствий к достижению личных целей; нет, Он пошел по воде для спасения погибавших Апостолов.

Тем временем Апостолы проплыли уже около двадцати пяти или тридцати стадий от берега. Стадий — греческая мера длины, равная приблизительно 185 метрам. Плыли они против ветра, усиленно гребли веслами не менее шести часов, и, вероятно, окончательно выбились из сил, когда увидели идущего к ним по морю Иисуса. Шла уже четвертая стража ночи: было уже достаточно светло (это было весной, перед праздником Пасхи); Апостолы могли хорошо рассмотреть шедшего к ним, но они настолько еще были маловерны, что не могли и подумать, что это идет Иисус. Люди не могут ходить по воде, а Иисус, по их понятиям, был Человек; следовательно, Он не мог идти по морю; следовательно, это не Он, а призрак. В древности существовало поверие, что души умерших могут являться людям и бывают видимы, как призраки или тени. За такой-то призрак Апостолы приняли шедшего к ним Иисуса; приняв это явление за дурное предзнаменование о предстоящем крушении их лодки, они, в страхе за свою жизнь, закричали.

Испуг апостолов; шествие Петра к Иисусу

По сказанию Евангелиста Марка, им даже показалось, что этот призрак идет как бы мимо их, хочет миновать их (Мк. 6, 48). **Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь.** — Пылкий Петр, только что кричавший от страха вместе с другими Апостолами, услышав теперь голос своего Учителя, рвется к Нему и молит Его: **Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде.**

Некоторые толкователи Евангелия (например, Тренч) находят, что в словах Петра — **повели мне** — высказано желание выделиться из среды Апостолов, такое же желание, какое он высказал и в другом случае, сказав — **если и все соблазнятся, но не я** (Мк. 14, 29), и что отчасти за это он потерпел неудачу в хождении по воде.

Говоря Иисусу — **повели мне придти к Тебе по воде**, — Апостол Петр тем самым высказал уверенность, что если Иисус повелит, то он, Петр, дойдет к Нему по воде. Иисус отвечает ему: **иди!** то есть: «Если вера твоя в Меня сильна [\[39\]](#), то иди и не бойся! ты придешь ко Мне».

Спасение утопающего Петра

Петр вышел из лодки; сила веры свершила над ним чудо: **он пошел по воде**. Но неперестававший ветер, бушующие волны отвлекли внимание Петра от ожидавшего его Иисуса; он испугался, вера его поколебалась, он стал погружаться в воду и утонать. В отчаянии он закричал: **Господи! спаси меня**. Христос не остановил ветра и волн, но **простер руку** Свою к Петру, **поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?** зачем поколебалась вера твоя, силу которой ты испытал, когда, выйдя из лодки, не погрузился в воду, а **пошел** по ней ко Мне? — Не усмирив Иисус тотчас же бушующее море преднамеренно, желая показать Петру, что он, восстановив в себе поколебавшуюся веру, может вновь идти по воде. **И, когда вошли они в лодку, ветер утих.** Из этих слов Евангелиста видно, что, при том же бурном состоянии моря, Иисус и Петр дошли до лодки по воде, и когда вошли в нее, то тогда только ветер утих.

Пораженные чудом, Апостолы, по выражению Евангелиста Марка, **чрезвычайно изумлялись в себе и дивились, ибо они не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено** (Мк. 6, 51–52). Когда же Иисус с Петром вошли в лодку и ветер мгновенно утих, изумление сменилось благоговением, и они, пав пред Иисусом, поклонились Ему и сказали: **истинно Ты Сын Божий.**

Продолжая беспрепятственно плыть, Иисус и Апостолы пристали к берегу земли Геннисаретской, как говорят Евангелисты Матфей и Марк (Мф. 14, 34; Мк. 6, 53), или: пристали **к берегу, куда плыли**, как говорит Евангелист Иоанн (6, 21). В каком бы месте они ни пристали к берегу — безразлично; важно лишь

указание Евангелиста Иоанна, что лодка тотчас пристала к берегу. Лодка не могла быть близко к берегу; она находилась среди моря, в 25–30 стадиях от места отправления; следовательно, если она **тотчас**, то есть чрезвычайно быстро, пристала к берегу, то в этом надо видеть лишь продолжение чуда хождения по воде.

Противники достоверности Евангелий усматривают противоречие между Евангелистами в том, что, по сказанию Иоанна, Апостолы хотели принять Его (Иисуса) в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли, а по сказаниям Матфея и Марка, Он вошел в лодку. Из сопоставления этих повествований выводят заключение, что Апостолы хотели принять в лодку Иисуса, но не приняли, и лодка без Него пристала к берегу, вблизи которого она и находилась в то время.

Выводить такое заключение из краткого, недосказанного повествования Иоанна — нельзя. Выше было объяснено, почему Иоанн говорит вообще кратко о насыщении народа и хождении Иисуса по воде; он ничего не сказал даже о хождении Петра по воде. Поэтому по меньшей мере неосторожно опровергать подробные повествования других Евангелистов кратким (как бы мимоходным) указанием Иоанна на те же события. Да и выражение Иоанна — **хотели принять Его в лодку** — нисколько не исключает самого принятия Его: да, они хотели принять Его в лодку, когда Он сказал им — **это Я; не бойтесь**, но не приняли Его тотчас же потому, что Петр вышел из лодки и пошел к Нему; а затем Иисус вместе с Петром вошли в лодку.

Прибытие в землю геннисаретскую; исцеление больных на берегу озера

И... прибыли в землю Геннисаретскую (Мф. 14, 34). Геннисаретской землей называлась равнина, примыкавшая к северо-западному берегу Геннисаретского или Галилейского озера, на котором были расположены города Капернаум и Вифсаида. В каком именно месте этой равнины высадились на берег Иисус и Апостолы — неизвестно; вероятно, это было не очень далеко от Капернаума, так как в тот же день Иисус был в этом городе. Как только Иисус вышел на берег, сейчас же был окружен жителями того места; они узнали Его, поспешили оповестить об этом во всех окрестных селениях и принесли к Нему всех больных. Вера в чудесную силу Иисуса была уже настолько распространена по всей Галилее, что жители того места, где Он высадился, просили лишь позволения больным прикоснуться к Его одежде, **и которые прикасались, исцелялись** (Мф. 14, 36); исцелялись они, конечно, не от одного только прикосновения, но по вере своей и воле Того, к Кому прикасались.

Возвращение в Капернаум чудесно насыщенных в пустыне

Многотысячная толпа народа, чудесно насыщенная и затем успокоенная Иисусом, осталась ночевать на том же пустынном берегу, где свершилось это чудо. Все видели, что у берега стояла одна только лодка и что в эту лодку вошли ученики Иисуса и отплыли, а Иисус, не входя даже в нее, ушел на гору. На другое утро они, по-видимому, искали Иисуса, но не нашли; не было тут и учеников Его. Между тем, на виду у них к берегу пристали лодки, пришедшие из Тивериады, города на западном берегу озера. На этих-то лодках (судах) многие, если не все, отправились в Капернаум и, прибыв туда, стали и там искать Иисуса. Они нашли Его и так изумились, что спросили: **Равви! когда Ты сюда пришел?** В этом вопросе слышится и другой: *как Ты сюда пришел?* Они догадывались, что обыкновенными способами передвижения Он не мог прибыть в Капернаум; они этим вопросом вызывали Иисуса на откровенность, но Он оставил их вопрос без ответа.

Понимая прекрасно настроение искавшей Его толпы, Иисус сказал: **«Вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились.** Много чудес совершил Я среди вас; но почему же вас поразило только последнее? Не потому ли, что вы думаете только о земном, о благах этой кратковременной жизни?

Вы и ищете Меня теперь только для того, чтобы опять насытиться. Старайтесь не об этой тленной

пище, питающей лишь тело, но о той, которая питает душу и вводит в жизнь вечную. И эту пищу даст вам Сын Человеческий, а что Он действительно даст ее, — это подтверждает вам Его Отец, Бог, открывшийся вам в Нем и в творимых Им делах».

Отвлеченные этими словами от мысли о пище тленной, евреи спросили Иисуса: «Что же нам делать, чтобы творить дела Божии и иметь жизнь вечную?»

Веровать **в Того, Кого Он послал**, — вот что прежде всего требуется для входа в Царство Небесное и жизни вечной.

Вера в Иисуса как необходимое условие для входа в царство небесное

Да, это первый шаг по пути к спасению. До пришествия Христа евреи хотя и верили в Бога, но нередко отступали от Него и поклонялись идолам, а затем, под влиянием своих учителей, разучились понимать Писания и дошли до ложного представления о Боге и назначении человека. Люди же других народностей, хотя и сознавали, что существует Высшее Существо, правящее миром, то есть Бог, но разумение ими Бога не простиралось далее тех пределов, какие выражены были в надписи над одним из жертвенников в Афинах: *Неведомому Богу*. Да, до пришествия Христа, Бог был для людей Неведомым Богом. Но вот пришел Христос, и от Него мы узнали, что человек бессмертен, что земная кратковременная жизнь его есть только приготовление к жизни вечной, что за дела, совершенные нами здесь, на земле, будет воздаяние на окончательном Суде, что люди будут тогда воскрешены и, сообразно прожитой жизни, одни будут блаженствовать в Царстве Небесном, а другие страдать, что для достижения блаженства в Царстве Небесном необходимо творить волю Божию, что Бог, как беспредельное Добро и Любовь, требует от нас любви к Себе и к ближним нашим, что мы должны поступать со всеми вообще людьми так, как желали бы, чтобы и с нами поступали другие, что, любя ближних своих, мы должны и душу свою полагать за них, и т. д. Но для того, чтобы принять все это как непреложную истину, чтобы поверить этому, надо убедиться в том, что Иисус Христос не мог говорить неправды; но и такого убеждения еще мало: надо убедиться в том, что Он, проповедуя, не заблуждался, а доподлинно знал все, о чем говорил, а так как знать это мог только Бог, то надо уверовать в Него как в воплотившегося Бога. Изучая Его жизнь, учение и проявленные Им в чудесах доказательства Его всемогущества, мы должны признать, что это был не только Человек, но и Бог, то есть Богочеловек; воскресение же Его должно окончательно укрепить в нас эту веру. Дойдя до такой веры, а следовательно, и до познания воли Божией, мы можем уже сознательно творить и дела Божии, то есть исполнять Его волю.

Вот почему Иисус и говорит: **чтобы вы могли творить дела Божии**, надо прежде всего, **чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал**.

Иисус говорил это тем, которых только что чудесно накормил пятью хлебами и двумя рыбами. Но этого чуда для них было недостаточно. Моисей низвел манну с неба и кормил ею весь народ еврейский в продолжение сорока лет, и Мессия, по учению раввинов, будет так же питать евреев; поэтому что значит, в сравнении с таким постоянным кормлением всех евреев, чудесное насыщение один раз всего лишь нескольких тысяч человек? — Так рассуждали неблагодарные и жестокосердные евреи, и сказали Иисусу: «Отцы наши верили, и мы верим, что Моисей был послан от Бога, потому что он представил доказательства тому, низведя манну с неба, которую наши отцы ели в пустыне; а Ты какое дашь нам знамение? Что Ты делаешь, чтобы мы поверили Тебе, что и Ты послан от Бога?»

Беседа о хлебе жизни

На этот вопрос Иисус кротко ответил: «Моисей не дал вам небесного хлеба, о котором Я теперь говорю; та манна, которую через Моисея даровал отцам вашим Бог, питала только тела их; Я же говорю о том хлебе небесном, который питает душу и подготавливает к жизни вечной; этот-то хлеб и дает вам теперь

Отец Мой, послав Меня к вам, **ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру**».

Постоянно нуждаясь в хлебе для поддержания жизнедеятельности своего тела, человек не может обойтись и без питания своей души, без пищи духовной, если не желает быть существом скотоподобным, если стремится к самосовершенствованию. Лучшие души древнего мира томилась в тщетных поисках истины, правды, жаждали познать Неведомого Бога; да, они томилась, так как неудовлетворение запросов духа не менее мучительно, чем голодание тела, и ответ на эти запросы составляет ту духовную пищу, без которой человек не может жить сознательно. Этот ответ принесен Христом от Бога или, как принято говорить, с неба. Это Слово и есть тот хлеб с небес, о котором говорит теперь Христос, и Слово это — Он Сам.

Нетерпеливые слушатели, не поняв, о каком хлебе говорит Иисус, и полагая, что обещанный Им хлеб, дающий жизнь миру, избавит их навсегда от забот о приобретении пищи, прерывают Его речь такой просьбой: **Господи! подавай нам всегда такой хлеб** (Ин. 6, 34).

Сказав уже, что манна питала одних только евреев, а хлеб Божий, Который Он принес с небес, даст жизнь всему миру, Иисус, продолжая прерванную речь, говорит: **Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда**.

Слова эти выражают ту же мысль, какую Иисус высказал самарянке, сказав: **Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную** (см. выше, с. 213–214).

«Вы просите всегда давать вам тот хлеб, о котором Я говорю. Но это зависит от вас же самих: идите ко Мне и верьте, что Я говорю вам истину, ту истину, которую поведал Мне Бог; тогда вы не будете мучиться исканием истины и пути к блаженству вечной жизни. Вы познаете и истину, и путь, и не будете уже страдать неудовлетворенностью запросов духа, голодом души. Но для этого надо верить, что Я послан Отцом Моим, а вы видите Меня, и видели совершенные Мною дела, и все-таки требуете от Меня нового знамения Моего посланничества от Бога; а почему? Потому, что вы не веруете в Меня. Вы спросили у Меня, что вам делать, чтобы творить дела Божии? И Я ответил вам, что для того, чтобы творить дела Божии, то есть исполнять во всем волю Его, надо прежде всего знать эту волю. А так как волю Божию открываю вам Я, то надо веровать в Меня; надо верить, что Отец Небесный действительно послал Меня в мир, чтобы спасти всех, и что Я творю волю Пославшего Меня. Отец хочет, чтобы все люди спаслись. Он зовет через Меня всех; и кто приходит ко Мне, тот тем самым творит волю Отца Моего, тот, по воле Отца, отдается Мне, или как бы дается Мне Отцом. И всякого приходящего ко Мне и исполняющего волю Отца, Я не только не изгоню вон из Царства Моего, но, напротив, с радостью приму, потому что воля Отца Моего, чтобы Я не погубил, а спас всех, кто во имя Его приходит ко Мне, и чтобы Я воскресил их в последний день к блаженству вечной жизни; и Я воскрешу их. Итак, слово Мое, открывающее вам волю Божию и дающее вам возможность творить дела Божии, есть истинно тот хлеб, который утоляет ваш духовный голод. **Да, Я — хлеб жизни** (Ин. 6, 35); приходящий ко Мне и верующий в Меня не будет более мучиться этим голодом, не будет жаждать истины и искать пути к вечной жизни, ибо он найдет во Мне и истину, и путь».

Когда Господь говорил это, в синагоге послышался ропот: то переговаривались между собой книжники и фарисеи, повторяя сказанное Иисусом: **Я... хлеб, сшедший с небес**. Не понимая или не желая понять значения этих слов, они почти с насмешкой говорили: **не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сошел с небес?** (Ин. 6, 42). Говорили они так для того, чтобы охладить в присутствовавших зарождающуюся веру в Иисуса, как посланного Самим Богом. Все учение Иисуса и дела, которые Он творил, подсказывали многим слушателям Его, что Он действительно пришел от Бога; и в это самое время раздается протест фарисеев: «Что Он говорит? Разве можно верить Ему, что Он пришел от Бога, с небес? Не с небес Он пришел, а из Назарета; это все мы знаем; мы знаем, что Он сын

плотника Иосифа, и Сам плотник; мы знаем и Его Мать. Как же Он говорит, что сошел с небес? Кто может поверить этому?»

Что роптали так не все находившиеся в это время в синагоге, а только книжники и фарисеи [40], видно уже из того, что, отвечая на этот ропот, Иисус ссылается на пророчества, чего никогда не делал, когда поучал несведущий в Писании народ.

Этот открытый ропот, эти дерзкие слова врагов Христовых вынудили Господа прервать Свою речь к народу и обратиться в ту сторону, где они сидели. Посмотрев на них, Господь сказал: «**Не ропщите между собою** (Ин. 6, 43); не возбуждайте напрасного ропота среди слушающих Меня. Возьмите книгу пророков, и прочтите, что значит написанное в ней: **и будут все научены Богом** (Ин. 6, 45)? Вдумайтесь в смысл этих слов и поймите, наконец, что никто не видел Бога, кроме Того, Кого Он послал в мир; только один Он видел Бога; только Он может знать Его волю и, зная ее, научить вас; следовательно, только через Него вы можете быть **научены Богом**. А так как и слова, и дела Мои доказывают вам, что Я Тот, Кого Он послал в мир, то всякий слушающий Меня и верующий, что Я послан Богом, научается через Меня Самим Богом. Поэтому только верующий в Меня, верующий, что Я послан от Бога, — может спастись и удостоиться блаженства Вечной Жизни. Поэтому-то Я и говорю вам, что **Я... хлеб жизни!** не такой хлеб, какой ели ваши предки в пустыне: тот хлеб, хотя и питал тела их, но от смерти не мог избавить их, и они умерли. Я же — хлеб, питающий душу и дающий ей жизнь вечную, то есть избавляющий ее от духовной смерти, от вечных мучений. **Я хлеб живой, сшедший с небес;** и кто будет питаться этим хлебом, тот будет жить вечно. Вас соблазняют эти слова Мои; вы не хотите верить, что Я, открывший вам волю Отца Моего, питаю алчущих и жаждущих правды Божией и потому называю Себя хлебом, сшедшим с небес. Что же скажете вы, когда Я открою вам величайшую тайну, которую вы сейчас и уразуметь не можете, которую поймут только верующие в Меня, да и то не теперь, а после? Что подумаете вы, если Я скажу вам, что Я отдам тело Свое для спасения мира и что это тело Мое будет истинным хлебом, дающим жизнь вечную?..»

Беседуя с фарисеем Никодимом (см. с. 199), Господь сказал: «Если Я говорю тебе о земном, о том, что так понятно всякому не зараженному фарисейским лжеученьем, и ты не понимаешь Меня, — то поймешь ли ты, если Я скажу тебе, что Мессия, Сын Человеческий, должен быть вознесен на крест, дабы всякий, верующий в Него, удостоился блаженства вечной жизни?» Никодим, ожидавший Мессию как воинственного Царя, который будет царствовать вечно, не мог, конечно, поверить, что этот Царь будет вознесен на крест. Так же и в настоящей беседе с книжниками и фарисеями о хлебе жизни Господь сказал: «Если вы не понимаете, что слово Божие питает душу человеческую, то как же вам понять, что для спасения людей Сын Человеческий должен будет отдать тело Свое, и оно, а равно и кровь Его, станут истинной пищей и истинным питием, приводящим в жизнь вечную?»

Вновь послышался ропот в синагоге; враги Христовы стали громко говорить между собой и *спорить*: как Он может дать нам есть Плоть Свою?

Если иудеи спорили между собой, как говорит Евангелист, то, значит, были между ними и такие, которые не находили ничего странного в словах Иисуса, которые готовы были уверовать в Него как пришедшего от Бога, как истинный хлеб жизни. Но таких, конечно, было очень мало среди лиц, составлявших партию, враждебную Иисусу. Однако этот ропот и эти споры, как увидим ниже, подействовали на многих из находившихся в синагоге, а этого только и добивались коварные фарисеи.

Позднее, в прощальной беседе Своей с Апостолами на Тайной Вечери, Иисус, благословив хлеб, преломил его и, раздавая Апостолам, сказал: **приимите, ядите: сие есть Тело Мое**. Подавая же им чашу с вином, сказал: **пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов** (Мф. 26, 26–28). **Сие творите в Мое воспоминание** (Лк. 22, 19). Слова эти сказаны были в тот вечер, когда Иисус и Апостолы, по обычаю евреев, ели ветхозаветную пасху, служившую

воспоминанием об избавлении евреев от плена и ига египетского. Пасха та состояла из испеченного агнца, которого евреи ели с пресным хлебом и горькими травами; и ели ее в первый раз в ночь перед выходом своим из Египта. То была ветхозаветная пасха. Теперь же Иисус, указывая на предстоящую Ему крестную смерть, а на Себя как на новозаветного Агнца, принимающего на Себя грехи всего мира (Ин. 1, 29), говорит, что тело Его и кровь Его, принимаемые под видом хлеба и вина, составят пасху **Нового Завета**. Кровь ветхозаветного агнца, которой евреи перед исходом из Египта мазали косяки и перекладины дверей своих домов, чтобы сохранить своих первенцев от истребления (Исх. 12), заменяется теперь кровью Христа, кровью Нового Завета, проливаемой Им за многих **во оставление грехов** их. Таким образом, на Тайной Вечери окончательно было установлено Таинство принятия Тела и Крови Христовой, Таинство Евхаристии; в беседе же о хлебе жизни в Капернаумской синагоге Иисус не указывает на хлеб и вино, под видом которых верующие в Него должны принимать Тело и Кровь Его, но говорит, что хлеб, который Он даст, это плоть Его, которую Он отдаст за жизнь мира.

Да, для того, чтобы сознательно творить волю Божию и через это не только спастись от осуждения, но и удостоиться блаженства Вечной Жизни, надо знать эту волю. Объявил эту волю людям Христос; но, чтобы принять ее за действительную волю Божию, надо поверить Христу, надо поверить, что все, что Он говорит — говорит Сам Бог, что Он и Отец — одно. Препятствовало верить этому то, что Иисус был Человеком; никто, даже Апостолы, не могли тогда понять тайны воплощения Бога, тайны Богочеловечества Иисуса. Поэтому Иисусу Христу надлежало принести в жертву Свою жизнь, как Человека, Свое человеческое тело, чтобы последующим Воскресением его убедить людей в Своем Божестве, а следовательно и в истинности всего сказанного Им. И тогда это воскресенное тело Его и пролитая кровь Его будут действительно той небесной пищей, которая будет питать веру во Христа как Бога, и приведет верующих к блаженству вечной жизни. Вот почему Иисус сказал, что хлеб, сшедший с небес, есть тело Его, которое Он отдает **за жизнь мира**, то есть за предоставление людям возможности уверовать в Него и через это достигнуть Вечной Жизни.

Книжники и фарисеи продолжали спорить, но Господь, желая прекратить этот спор, сказал им, дважды подтверждая справедливость Своих слов (**истинно, истинно**): **если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем... и Я воскрешу его в последний день** (Ин. 6, 53–56).

Слова — **пребывает во Мне, и Я в нем** — не оставляют никакого сомнения в том, что Тело и Кровь Христа, отдаваемые Им за спасение людей, составляют необходимое средство к общению всех верующих со Христом, к единению их во Христе. Недостаточно только верить в Иисуса как Богочеловека, надо слиться с Ним воедино и пребывать в Нем, дабы и Он пребывал в нас. В Нем, как Бого-Человеке, выразилось полное слияние Его человеческой воли с волей Божией; к подобному слиянию своей воли с волей Бога должны стремиться и мы, всей силой своей воли, всеми помыслами и желаниями мы должны пребывать во Христе, желать того, чего Он хотел, поступать во всем так, как Он учил; тогда и Он, руководя нашей волей и нашими действиями, будет пребывать в нас, и тогда только, то есть при таких условиях Он воскресит нас в последний день к Вечной Блаженной Жизни (воскрешены будут все, но не все к Блаженной Жизни). А для такого единения Иисус установил Таинство принятия Тела и Крови Его. **Как... Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною** (Ин. 6, 57), и жить будет не так, как отцы ваши, которые ели манну и умерли; нет, он вечно будет жить.

Беседа эта происходила в Капернауме, в синагоге, в присутствии Апостолов и других учеников Иисуса. Теперь уже не фарисеи и книжники, а многие из учеников Его потихоньку, как бы шепотом, говорили друг другу: **Какие странные слова! кто может это слушать?** (Ин. 6, 60). Этот ропот был не замечен другими, находившимися в синагоге, но не мог ускользнуть от всеведущего Иисуса, и Он **сказал им: это ли соблазняет вас? Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?** (Ин. 6,

61–62).

«Речь патетически-отрывочная, требующая дополнения, которое должно быть таково: если вас это соблазняет, то не в больший ли соблазн придете, когда увидите Сына Человеческого, восходящего туда, где был прежде? Господь здесь говорит о восхождении Своем к Отцу в обширном смысле, как восхождению в славу Свою через страдания (Лк. 24, 26); в видимых страданиях — начало славы Его; пострадав, Он умер и воскрес, и вознесся. На этот-то исходный, так сказать, пункт Его славы — страдания Свои и позорную смерть, — Он и указывает здесь как на предмет соблазна для иудеев еще большего, чем соблазн о теперешней речи Его. Если вы теперь соблазнили словом Моим о хлебе жизни, Плоти Моей, что же будет, не больший ли соблазн для вас будет, когда увидите страдания и позорную смерть Мою, не уразумев, по плотскому направлению ваших воззрений, что эти страдания и смерть — путь к славе Моей и восхождение туда, где Я был прежде?» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие).

Говоря возроптавшим ученикам, что их еще более соблазнит конец Его земного поприща, когда они увидят Его распятого на Кресте, хотя эта крестная смерть будет только началом восхождения Его туда, где Он был прежде, Господь сказал: «Вы думаете все о земном, о плотском, и не можете отрешиться от него даже и тогда, когда Я вам говорю о небесном, о спасении душ ваших. Поймите же, что жизнь истинную, Жизнь Вечную дает не пища телесная, не манна, которую ели отцы ваши, но та пища духовная, тот хлеб небесный, какой Я даю вам. Ведь истинная Вечная Жизнь есть жизнь духа, а не тела; дух оживляет тело, **дух животворит**, но не плоть; **плоть не пользует нимало**, не ведет к блаженству вечной жизни. Вы думаете только о земном, о плотском, **слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь**; они ведут к совершенству духа, к совершенству душ ваших, и обеспечивают вам блаженство Вечной Жизни. Но для понимания их нужна вера в Меня, а я вижу, что среди вас находятся и неверующие; они-то и не понимают Меня; не понимая же Меня, они не идут за Мной; отказываясь от исполнения воли Божией, они и не могут прийти ко Мне. Воля Отца Моего, чтобы все уверовали в Меня и все пришли ко Мне; приходящий ко Мне приходит по воле Отца Моего, и этот приход его как бы дается ему Отцом; а кто отвергает волю Божию, тому и не дано от Отца Моего прийти ко Мне. **Для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего**».

Оставление Иисуса многими учениками

Беседа о хлебе жизни окончена. Иисус вышел из синагоги, и тут произошло разделение толпы, всюду следовавшей прежде за Ним; **многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним** (Ин. 6, 66).

Эти ученики поняли, наконец, что Иисус вовсе не такой Мессия, какого ждали евреи, и что Он, по духу Своего учения, и не может быть тем Царем-Избавителем, который должен свергнуть ненавистное евреям иго римлян и покорить им весь мир; поняв это, они ушли от Иисуса и не возвращались к Нему.

До сих пор несметные толпы народа следовали за Иисусом; многие постоянно ходили за Ним, постоянно слушали Его поучения и потому назывались Его учениками. Но громадное большинство следовавших за Ним поражались только совершаемыми Им чудесами, истинной же веры в Него не имели. Такие последователи неблагонадежны и непостоянны. Им нужны все новые и новые чудеса, чтобы поддерживать их восторженное настроение; например, после чудесного насыщения многотысячной толпы, многие из свидетелей этого чуда дерзнули спросить Иисуса: «Что Ты такое сотворил, чтобы мы могли поверить Тебе, что и Ты послан от Бога?» Непостоянство и ненадежность таких людей выразились особенно сильно в последние дни земной жизни Иисуса: изумленные новым необычайным чудом воскрешения умершего и уже разлагавшегося Лазаря, евреи восторженно приветствовали торжественный въезд Иисуса в Иерусалим, а через четыре дня после того кричали Пилату: «Распни! распни Его!» Нет, такие люди не уверовали бы в Иисуса как в истинного Мессию, если бы Он даже объяснил им понятным для них языком значение установленного Им Таинства принятия Тела и Крови Его. Вот почему Иисус не стал ни

продолжать им объяснения учения о хлебе жизни, ни удерживать их, когда они стали расходиться от Него. Не многочисленность учеников нужна была Иисусу для распространения Его учения по всему миру, а непоколебимая вера в Него немногих, готовых и душу свою положить за Него. Потеряв одного даже из двенадцати избранных учеников Своих, Иисус, в прощальной беседе с одиннадцатью, сказал: **мужайтесь: Я победил мир** (Ин. 16, 33).

Вопрос Иисуса апостолам не желают ли и они отойти

Иисус скорбел, конечно, что чувственно настроенная толпа не может отрешиться от своих предрассудков и лжеучений, не может возвыситься до понимания Его учения, но разделение всех следовавших прежде за Ним на верующих и не верующих в Него *должно было* произойти; оно было необходимо для успеха Его дела, и оно произошло теперь: Иисус остался с немногими учениками. Желая же испытать веру избранных Им Апостолов, Он спросил их: **не хотите ли и вы отойти?** Таким вопросом Он предоставил Апостолам полную свободу следовать за Ним или уйти от Него, по примеру других. От имени всех Апостолов Симон Петр отвечал: **Господи! к кому нам идти?** другого учителя, к которому мы могли бы перейти, нет; Ты, и только Один Ты, преподаешь такое учение, которое верующих в Тебя приведет к вечной жизни; **Ты имеешь глаголы вечной жизни**. Нет, мы не отойдем от Тебя; **мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго**.

Петр говорил так за *всех* Апостолов, но Иисус, проникая в душу каждого из них, поправил Петра, сказав, что *не все* они имеют такую веру, что один из них так же враждебно относится к Нему, как диавол. Иисус не сказал, кто именно этот один; но Евангелист поясняет, что это Он говорил об Иуде Искариоте, который после предал Его.

Когда именно запала в душу Иуды преступная мысль предать своего Учителя — неизвестно. Из дальнейшего повествования Евангелиста Иоанна мы знаем, что Иуда был казначеем малой общины Христовой, то есть носил ящик, в который верующие в Иисуса опускали свои пожертвования, и производил все расходы для удовлетворения скромных потребностей Иисуса и Апостолов; мы знаем также, что этот казначей **был вор** (Ин. 12, 6), то есть присваивал себе из денежного ящика то, что составляло общее достояние. Сделавшись вором, не оставался ли Иуда в числе двенадцати только потому, что находил это выгодным для себя? Не задумал ли он давно уже предать Иисуса врагам Его, неотступно следовавшим за Ним всюду, куда бы Он ни пошел? — Если на этот вопрос следует отвечать утвердительно, то Иисус, указавший на одного из двенадцати как на изменника и врага Своего, обнаружил тем Свое всеведение; если же в то время Иуда еще не думал о предательстве, то Иисус, говоря так, доказал, что Ему ведомо и будущее. Как в том, так и в другом случае мы видим проявление Иисусом таких свойств, какие присущи только Богу.

После беседы о хлебе жизни Иисус вышел из Капернаума и ходил по Галилее. Евангелист Иоанн, повествуя о чудесном насыщении народа в пустыне, сказал, что в то время приближалась Пасха, праздник иудейский. Иисус всегда ходил на этот праздник в Иерусалим, но теперь не пошел и вообще не хотел быть в стране, называемой Иудеей, потому что **Иудеи**, то есть книжники, фарисеи и старейшины народные, задумав уже насильственным образом избавиться от Него, только **искали случая убить Его** (Ин. 7, 1). Иисус не уклонился от крестной смерти, а Сам шел навстречу ей, когда это было необходимо для исполнения воли Пославшего Его. Теперь же время то еще не настало, и потому Он не пошел в Иерусалим, а продолжал проповедовать в Галилее.

ГЛАВА 20. Избрание семидесяти учеников и отправление их на проповедь. Третья Пасха. Учение Иисуса о том, что оскверняет человека. Путешествие Иисуса в пределы Тирские и Сидонские. Путешествие по области Десятиградия. Чудесное насыщение 4000 человек. Возвращение в Галилею

Избрание и отправление на проповедь семидесяти учеников

Об избрании семидесяти учеников повествует один только Евангелист Лука. Из его повествования видно, что и после оставления Иисуса многими учениками число верных Ему, а также впервые последовавших за Ним, было достаточно велико, чтобы можно было из их среды выбрать семьдесят лучших. Посольство семидесяти отличалось от посольства двенадцати тем, что Иисус послал их предшествовать Ему в те города и места, в которые Сам хотел идти; следовательно, цель отправления их — приготовить к принятию учения Христа тех, которые еще не знали его. Из последующих повествований видно, что вскоре после этого Иисус отправился в языческую страну Финикию, где были города Тир и Сидон, расположенные на берегу Средиземного моря, а затем в страну Десятиградия. Поэтому надо полагать, что в эти же и, быть может, другие страны послал Иисус по два (как и двенадцать) вновь избранных учеников.

Наставления им

Посылая их на проповедь, Иисус сказал им, как они должны держать себя в отношении людей, к которым шли, и что должны были делать. Наставление это однородно с тем, какое дано было Апостолам, но оно передано Евангелистом Лукой в сокращенном виде. Что это наставление передано не полно, доказательством служит умолчание Евангелиста о даровании семидесяти ученикам власти над бесами; между тем власть эта была дана им, так как они, Возвратясь к Иисусу, с радостью говорили: **Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем** (Лк. 10, 17).

Между этими двумя наставлениями замечается различие только в следующем (см. выше, с. 442–447):

Семидесяти ученикам Иисус сказал: **никого на дороге не приветствуйте**; а двенадцати Апостолам этого не говорил. «У восточных народов приветствия не выражались, как у нас, легким поклоном или пожатием руки, а поклонами земными, объятиями, целованием и выражением при сем разных благожеланий, и требовалось довольно много времени для подобных церемоний» (Епископ Михаил). «Так заповедует им для того, чтобы они не занимались людскими приветствиями и ласками, и чрез то не полагали бы препятствия делу проповеди» (Феофилакт. Толкование на Евангелие от Луки).

Семьдесят учеников должны были проповедовать в тех городах и местах, куда почти вслед за ними шел Сам Иисус, поэтому они должны были особенно дорожить своим временем и не тратить его на такие действия, какие не имели прямого отношения к цели их путешествия.

Семидесяти Иисус сказал: **и если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш**. Сыном мира называется здесь такой человек, который готов принять и принимает тот мир души, какой дает учение Христа.

Заповедуя семидесяти отряпать от ног прах тех городов, в которых не примут их, Иисус добавил: «Но и в таком случае, уходя, кротко говорите не принявшим вас: **знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие** (Лк. 10, 11). Не укоряйте их, не гневайтесь, а предупредите, что если покаются, то могут быть спасены, ибо Царство Божие близко, не закрыто и для них. Но если они и после этого станут упорствовать, то жителям Содомы отраднее будет в последний день, чем им».

Отправив семьдесят учеников на проповедь, Иисус оставался еще некоторое время в Галилее. В это время в Иерусалиме праздновалась Пасха, куда должны были сходить все евреи. Пришедшие на Пасху галилеяне рассказывали, конечно, о чудесах, совершенных Иисусом, и о Его учении, не понятом ими. Враги Его несомненно прислушивались к этому говору, собирали о Нем справки, ждали, что и Он придет в Иерусалим, и составили заговор убить Его. Не дождавшись Иисуса в Иерусалиме, они пошли к Нему в Галилею, где Он, вероятно, проводил время в молитве и беседах с Апостолами.

Приход к Иисусу книжников и фарисеев

Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников. Выражение Евангелиста — **собрались к Нему** — дает основание полагать, что собралось много фарисеев и что сборище это было не случайное, а заранее подготовленное и имевшее целью уличить Иисуса в нарушении закона и преданий. И что же? Как только они пришли, тотчас же увидели страшное, по их мнению, нарушение учениками Иисуса преданий старцев: они ели хлеб неумытыми руками! Для фарисея, полагавшего всю святость в точном соблюдении всех обрядов, установленных законом и преданием, было ужасно то преступление, над совершением которого они застали ближайших учеников Иисуса, и которое они, конечно, совершали с ведома или даже дозволения своего Учителя, поэтому они тотчас же стали укорять таких нарушителей преданий.

Вероятно, Апостолы ничего не ответили фарисеям на их упреки. Не получив никакого ответа, фарисеи и книжники спрашивают Самого Иисуса: **зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?**

Во всех, подобных этой, беседах с фарисеями и книжниками Иисус не отвечает прямо на их вопросы, но или Сам задает им такой вопрос, ответом на который разрешается и предложенный Ему, или говорит им притчу, вынуждающую их сознаться в своей неправоте. Так было и в данном случае. Не порицая, но и не освящая Своим словом предание, на которое ссылались враги Его, не осуждая, но и не хваля Своих учеников, нарушающих это предание, Иисус спрашивает книжников и фарисеев: **зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?** Что выше: закон, данный Богом, или ваше предание? — Книжники и фарисеи забыли, что Моисей, повторяя отцам их данные Богом законы, сказал: **Все, что я заповедую вам, старайтесь исполнить; не прибавляй к тому и не убавляй от того** (Втор. 12, 32). Они прибавили от себя к закону Моисея множество дополнений и приписали их самому Моисею; они уверяли народ, что Моисею на горе Синай даны два закона, из которых один записан им, а другой устно передан народу, потом преемственно передавался следующим поколениям и известен под названием преданий старцев. Вот на эти-то предания книжники и фарисеи опирались всегда, когда им было выгодно нарушать закон, данный Богом через Моисея.

Книжники и фарисеи упрекнули учеников Иисуса в том, что они нарушают предания, а Иисус указывает им на сознательное нарушение ими Закона и на умышленно-неправильное толкование Закона народу. **Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?** Закон, данный вам, гласит: **почитай отца и мать**, и угрожает смертью тому, кто злословит их. А вы? Вы учите отказывать родителям в помощи под предлогом намерения пожертвовать Богу то, что они просят; и кто поступает так, соблюдая ваше предание, того вы освобождаете от исполнения важнейшей заповеди! [\[41\]](#)

«Фарисеи учили юношей, под видом благочестия, презирать отцов. Если кто из родителей говорил сыну: дай мне овцу, которую ты имеешь, или тельца, или иное что, то им отвечали: то, чем ты желаешь от

меня пользоваться, я отдаю в дар Богу, и ты не можешь получить этого. Отсюда происходило двойное зло: и Богу не приносили, и родителей, под предлогом приношения Богу, лишали дара; и оскорбляли родителей под предлогом обязанности к Богу, и Бога — под предлогом обязанности к родителям» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 51).

Все заботы фарисея были направлены к тому, чтобы казаться не таким, каким он в действительности есть. Он хотел казаться благочестивым, праведным; но так как быть действительно благочестивым нелегко, то он измышлял всевозможные способы обходить суровые предписания закона, толковать их превратно в свою пользу и даже заменять их обычаями, установленными такими же, как и он, лицемерами.

Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исая, говоря: эти люди чтят Бога и молятся Ему только наружно; уста их говорят одно, а сердце чувствует другое; сердце их далеко от Бога. Они отвергают Его заповеди и заменяют их своими, заповедями человеческими. Напрасно же они думают, что таким путем могут угодить Богу; напрасно они учат тому же и других.

Фарисеи, избалованные в лицемерии и отступничестве от Закона, молчат, ничего не отвечают на вопрос Иисуса. Не желая бросать жемчуга Своего перед свиньями,

Учение о том, что оскверняет человека

Иисус оставляет фарисеев с их затаенной злобой и ничего более не говорит им; но, не желая оставлять в недоумении стоявший тут же, сзади фарисеев, народ, объясняет народу, а не фарисеям, что входящее в уста человека не оскверняет его, не делает его через это нечистым, а оскверняет его то, что выходит из уст. Сказав это, Иисус вошел в дом; за Ним последовали ученики Его. Фарисеи же, озлобленные на Иисуса за всенародное обличение их в лицемерии, остались с *народом* и, вероятно, тотчас же стали разьяснять ему, что слова Иисуса — соблазн для истинных иудеев, желающих быть благочестивыми и в точности соблюдать все предания старцев. Ученики Иисуса, входившие за Ним в дом и слышавшие эти рассуждения фарисеев, сказали потом Иисусу: **знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились?**

По мнению Иоанна Златоуста, ученики говорили это не потому, что заботились о фарисеях, а потому, что сами смутились от слов Иисуса, но признаться в этом не решались. А что они действительно и сами соблазнились, видно из того, что Петр подходит и говорит Иисусу: **Изъясни нам притчу сию.** Открывая свое душевное смущение, но не осмеливаясь явно сказать — я соблазняюсь, он просит изъяснения притчи (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 51).

Заметив смущение учеников Своих, Иисус обратился к ним с притчей. Он сравнил слово Божие с семенем, которое садовник сеет, а возрождение человека от действия слова Божия — с ростом вырастающего из семени растения. Садовник зорко следит за ростом посеянного им; всякое растение, вырастающее помимо его воли, то есть не им посеянное или посаженное, а случайно выросшее там, где ему не следует быть, он вырывает и выбрасывает из сада. Так и всякое учение, не содержащее в основе своей правды Божией, будет рано или поздно отвергнуто. **Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму** (Мф. 15, 13–14). Вас смущает, что Я отвергаю учение фарисеев о преданиях, к которым вы так привыкли; но ведь это учение человеческое, оно не от Бога исходит, оно даже явно противоречит воле Божией и потому не может устоять перед истиной. Знайте же, что всякое учение, не согласное со словом Божиим, — ложно, и ложь его рано или поздно разоблачится. Не бойтесь же фарисеев и не следуйте их лжеучению; **оставьте их.** Как слепого не заставишь видеть, так и их ничем не вразумишь. Они **слепые вожди.** Если же вы будете следовать их учению, то есть если сами сделаетесь как бы слепыми, то что же произойдет? Слепой будет вести слепого? Да ведь они оба упадут в яму.

Читая это изречение Иисуса, можно, пожалуй, подумать, что Он вполне равнодушно говорит о предстоящей гибели не только слепых вождей народа еврейского, но даже и тех, кого они ведут за собой. Но такое заключение будет ошибочно. Если бы Христос относился равнодушно к гибели одних только врагов Своих, слепых вождей народа, то не стал бы так настойчиво и при всяком случае вразумлять их, открывать глаза их, чтобы они видели и понимали все; между тем мы знаем, что Он даже в последний день Своего открытого служения хотел спасти их, и когда они все-таки упорствовали и не хотели ничего видеть, Он, с воплем и сокрушением сердечным, воскликнул: **Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!** (Мф. 23, 27) — А если это так, если Господь до последнего дня употреблял все усилия, чтобы спасти слепых вождей от падения в яму, то следует признать, что в разбираемом нами изречении Его нельзя видеть даже и малейшего намека на равнодушие Его к гибели желающих оставаться слепыми; нет, здесь — только предостережение не идти за слепыми вождями, не вверяться их водительству, так как они идут ложным путем, ведущим к гибели. Оставьте их, желающих оставаться слепыми! Не следуйте за ними. Если они сами сознательно идут в яму, если ничто не могло отвлечь их от этого пути, то не идите же вы за ними, не идите уже потому, что вместе с ними упадете в эту яму!

После этого Апостол Петр просил Иисуса объяснить притчу о входящем в уста. Петр просил от лица всех Апостолов, так как Евангелист Марк, повествуя о том же, говорит, что, когда Иисус вошел в дом, **ученики Его спросили Его о притче** (Мк. 7, 17).

Неужели и вы так непонятливы? сказал Христос. **Неужели не понимаете, что ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его?** (Мк. 7, 18). Не оскверняет оно, потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища (Мк. 7, 19). А исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека (Мф. 15, 18); **ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека** (Мк. 7, 21–23), **а есть неумытыми руками — не оскверняет человека** (Мф. 15, 20).

К этому объяснению Иисусом Христом Своих слов нечего прибавить: все ясно. Однако, основываясь на этих словах, многие полагают, что Христос отвергал посты. С таким мнением нельзя согласиться. Пост, как полное воздержание от употребления пищи, или же как употребление пищи в количествах, едва необходимых для поддержания жизни, всегда признавался могучим средством в борьбе с плотскими страстями. Многие люди, желавшие жить не скотской, а разумной жизнью, всегда стремились обуздать свои страсти, подчинить их своему разуму (духу); сознавая же, что обильное питание вообще, а также употребление некоторых видов пищи (например, мяса, вина) сильно возбуждает страсти и делает человека глухим к голосу совести, — такие люди прибегали или к полному на некоторое время воздержанию от всякой пищи, или к воздержанию от употребления мяса и вина, или же вообще к крайне умеренному питанию. Сам Христос призывал Своих последователей к борьбе с плотью и, для примера нам, Сам постился сорок дней в пустыне. Поэтому из слов Его — **не то, что входит в уста, оскверняет человека**, — нельзя выводить заключения о том, что Он отвергал полезность и необходимость поста. Он говорил лишь о том, что оскверняют человека, делают его недостойным Царства Небесного [\[42\]](#), злые помыслы и дурные дела, а не пища и не употребление ее без соблюдения чтимой фарисеями внешней чистоты: **есть неумытыми руками — не оскверняет человека**, сказал Он и этими заключительными словами рассеял всякие недоумения относительно истинного смысла этой беседы.

Путешествие в пределы Трийские и Сидонские

После того Иисус пошел в пределы Тирские и Сидонские, то есть в языческую страну Финикию,

расположенную на берегу Средиземного моря, главные города которой были Тир и Сидон. Ушел Он из Галилеи, вероятно, с целью удалиться на некоторое время как от врагов Своих, так и от возбужденной толпы, и дать народу возможность успокоиться, занявшись обычными делами. На эту цель путешествия отчасти указывает Евангелист Марк, говоря, что Иисус, **войдя в дом, не хотел, чтобы кто узнал** о Его пришествии, **но не мог утаиться** (Мк. 7, 24).

Слава о Нем распространилась далеко за пределы Галилеи и Иудеи, и везде встречали Его, как великого Чудотворца. Узнала о Его приближении к Финикии одна женщина и вышла к Нему **из тех мест**, как говорит Евангелист Матфей. Выражение Евангелиста — **выйдя из тех мест** — дает повод предполагать, что встреча ее с Иисусом произошла в то время, когда Иисус не дошел еще до Финикии. Женщина та была язычница, сирофиникианка, как говорит Евангелист Марк (7, 26), но, несомненно, знакомая с иудейской верой, так как назвала Иисуса Сыном Давидовым. По сказанию Евангелиста Матфея, она была хананеянка. Сирофиникианцами назывались жители Финикии, составлявшей часть Сирии; хананеянами же назывались все народы, населявшие Палестину и оттесненные к северу евреями, перешедшими из Египта.

Исцеление дочери хананеянки

Женщина эта, увидев Иисуса, издали **кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова** (Мф. 15, 22–23). Это молчание не было, конечно, следствием равнодушия к страданиям кричавшей и ее дочери, но было испытанием ее веры. А она, не смея еще приблизиться к Иисусу, продолжала кричать и молить Его, надеясь, что будет услышана. Она так неотступно и громко молила об исцелении своей дочери, что Апостолы подошли к Иисусу и просили Его отпустить ее.

Желая продолжить испытание веры хананеянки, Иисус сказал Апостолам: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. Слова эти нельзя понимать буквально, так как Сам Иисус много раз говорил, что Царство Его, Царство Божие на земле, вместит в себе все народы земли, а не одних только евреев; посылая, после Воскресения Своего, Апостолов на проповедь, Он послал их благовествовать всему миру, а не одним только евреям. Но так как евреи были избранным народом и пришествие Избавителя было обещано им, а не другим народам, то понятно, что и весть о приближении Царства Божия должна была быть объявлена прежде всего евреям. В этом смысле и надо понимать слова Иисуса о том, что Он послан только к погибшим овцам дома Израилева. Он послан спасти прежде всего евреев, а затем и всех прочих людей, населяющих землю, а так как спасение евреев еще не совершилось и ими окончательно еще не отвергнуто, то обращение язычников казалось преждевременным.

Постепенно приближаясь к Иисусу, хананеянка наконец подошла к Нему и, по словам Евангелиста Марка, **припала к ногам Его... и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери** (Мк. 7, 25, 26). **Она... кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне** (Мф. 15, 25). Иисус все еще испытывал ее веру и молчал, а затем на неотступную мольбу ее ответил: **Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам** (Мф. 15, 26).

Подтверждая ту же мысль, что благовествовать надо прежде всего евреям, чадам Божиим, и что благовествование это нельзя считать оконченным, Христос сказал хананеянке: **«Дай прежде насытиться детям** (Мк. 7, 27), дай Мне окончить Мое дело у тех, которым обещано было Мое пришествие; как нехорошо отнимать хлеб у детей и бросать его псам, так нельзя и Мне спасти язычников, когда не все еще сделано для спасения евреев».

Творя так, Христос не имел намерения выразить язычникам то презрение, какое питали к ним евреи. По учению Его, все люди равны перед Богом; все, несмотря на происхождение и принадлежность к той или другой народности, могут идти к Нему и, творя выраженную Им волю Божию, войти в Царство Небесное. Сказал же это Он с целью испытать веру язычницы и показать Апостолам Своим силу этой веры.

Не смея возражать Сыну Давидову, женщина эта, сознавая свое недостойнство пред Ним, скромно подтверждает слова Его: так, Господи! нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам; но ведь и псы, сидя под столом, едят те крохи хлеба, которые падают со стола господ их; дай же и мне воспользоваться хотя крохами тех благодеяний, которые Ты так щедро даешь евреям.

Тронутый смирением и силой веры хананеянки, Иисус воскликнул: **о, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему** (Мф. 15, 28). **Пойди домой, бес вышел из твоей дочери** (Мк. 7, 29).

И исцелилась дочь ее в тот час (Мф. 15, 28). **И, придя в свой дом, она нашла, что бес вышел, и дочь лежит на постели** (Мк. 7, 30). Не нужно было ни прикосновения к больной, ни непосредственного воздействия на одержавшего ее злого духа. Достаточно было властных слов Христа — **да будет!** И мгновенно совершилось заочное исцеление.

Хананеянка заслужила такую милость к ней Христа: она верила в Его всемогущество, верила, что Он и в отсутствие ее беснующейся дочери может исцелить ее, если захочет; она надеялась, что Он не откажет ей в этом исцелении; с непоколебимой верой и сильной надеждой, она приступила ко Христу и молила Его; она не остановилась в своих мольбах, когда заметила, что Иисус как бы не обращает на них никакого внимания; она продолжала молить Его, когда ходатайство за нее самих Апостолов не увенчалось успехом; она припала к ногам Его и не переставала кланяться Ему, несмотря на такой отказ Его, который мог показаться ей даже обидным, после которого все дальнейшие просьбы могли показаться бесполезными; вера ее и надежда не поколебались и от такого ответа; она со смирением продолжала молить... и достигла цели. Христос сжалился над ней и исцелил дочь ее.

Как часто мы, обращаясь к Богу с какой-либо просьбой и не получая скоро просимого, охлаждаем к молитве и говорим: «Я молился, просил, но ничего из этого не вышло, и потому перестал молиться». Перестанем же рассуждать и говорить так, и научимся примером хананеянки *неотступно* просить Бога; будем помнить всегда, что если мы и не получаем от Бога просимого, то причиной того — мы сами: Бог, как беспредельное Добро и Любовь, подает всем по вере и делам; поэтому, если мы не получаем просимого, то или имеем недостаточную веру, которая не может воспринять дар Божий, или по грехам своим недостойны этого дара. Постараемся же укрепить свою веру, поменьше грешить, а побольше делать добрых дел, и тогда будем смиренно, терпеливо и неотступно, по примеру хананеянки, просить Бога с непоколебимой уверенностью, что рано или поздно получим просимое. **Просите**, — сказал Христос, — **и дано будет вам** (Мф. 7, 7).

Возвращение Иисуса в Галилею через десятиградие

Как долго оставался Иисус в Финикии — неизвестно. Евангелист Матфей говорит, что Иисус, возвращаясь из Финикии, пришел к морю Галилейскому (Мф. 15, 29), а Евангелист Марк добавляет к этому, что Иисус шел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия [43]. На основании свидетельств Плиния и Иосифа Флавия надо полагать, что Десятиградием назывался союз десяти городов, большая часть которых, в том числе Гадара, Иппос и Пелла, были на восточной стороне Галилейского озера, один лишь Скифополь был на правом берегу Иордана. Страна Десятиградия была прежде населена евреями и входила в черту обетованной земли; во время нахождения евреев в плену ассирийском она заселилась язычниками, и после того оставалась страной по преимуществу языческой.

Исцеление глухого косноязычного

Каким путем шел Иисус из Финикии через Десятиградие к Галилейскому озеру — неизвестно. Евангелист Марк повествует, что во время этого путешествия, в местности, не названной по имени, привели к Иисусу глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку, то есть исцелить его.

Множество чудес, множество исцелений совершил Иисус одним словом Своим, а тут, для совершения

исцеления глухого косноязычного, вложил пальцы Свои в уши его, плюнул, коснулся языка его, воззрел на небо, вздохнул и сказал: **отверзись**. К чему все это, когда Он несомненно мог исцелить одним словом Своим?

По объяснению епископа Михаила, Иисус отвел больного в сторону, желая отклонить праздное любопытство полуязыческой толпы, состоявшей из язычников и евреев; вложил в уши больного пальцы Свои и коснулся языка его — для того, чтобы этими действиями возбудить у больного веру в возможность исцеления (больной был глух, и потому на него нельзя было подействовать словами); воззрел на небо и вздохнул, то есть внешними действиями проявил молитвенное обращение Свое к Богу — для того, чтобы окружавшие Его не могли подумать, что Он совершает исцеление нечистой силой, как о том всюду распускали слухи фарисеи (Толковое Евангелие. 2. С. 99).

Однако и тут, призывая Бога, Иисус не сказал: «*Отверзи*, Боже, слух и язык этому несчастному», но, обращаясь к больному, властно, повелительно сказал: **Отверзись**, то есть и тут исцелил Своим всемогущим словом.

И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто.

И повелел им, то есть приведшим к Нему больного, **не сказывать** об этом **никому**. Иисус хотел избежать излишнего возбуждения толпы совершаемыми Им чудесами; поэтому Он отвел в сторону от народа глухого косноязычного и совершил над ним чудо в присутствии лишь приведших его; по той же самой причине Он велел им не говорить никому об этом чуде. Но они, обрадованные и удивленные, не могли скрыть своего восторга от толпы, к которой тотчас же возвратились, и все рассказали. Иисус повторил Свое запрещение, но и это не подействовало: чем более Иисус приказывал им хранить молчание, тем более они говорили о Нем.

Весть о совершившемся чуде быстро облетела всю толпу народа; все удивлялись и говорили: **все хорошо делает, — и глухих делает слышащими, и немых — говорящими.**

Слова Евангелиста — **все хорошо делает** — дают повод предполагать, что, находясь в Десятиградии, Иисус совершил не одно только это чудо, а и другие подобные.

Пройдя Десятиградие, Иисус подошел к морю Галилейскому, вероятно, с восточной или северо-восточной стороны его. Толпы народа следовали за Ним, толпы встречали Его, и где бы Он ни остановился, тотчас же собиралось вокруг Него множество народа. Так было и теперь. Дойдя до берега моря и взойдя на гору, Он и там тотчас же был окружен множеством людей, приведших с собой хромых, слепых, немых, увечных и страждущих другими болезнями. Вера в чудотворную силу Иисуса была так велика, что никто из приведших к Нему больных не просил Его ни прикоснуться к больному, ни даже сказать слово, чтобы больной выздоровел, как это бывало прежде; подходившие теперь к Иисусу молча повергали больных к ногам Его, и Он исцелял их. Видевшие исцеляемых таким образом прославляли Бога Израилева, то есть прославляли Бога. Называли евреи Бога Богом Израилевым потому, что считали себя народом, избранным Самим Богом из всех народов земли, а Бога — исключительно своим Богом.

Вторичное чудесное насыщение народа

Три дня продолжалось пребывание Иисуса с народом на пустынном берегу Галилейского моря. Запасы хлеба истощились, купить его негде было. Тогда Иисус, призвав Апостолов, сказал им: **жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге** (Мф. 15, 32). **Ибо некоторые из них пришли издалека** (Мк. 8, 3).

Апостолы, недавно еще видевшие совершенное Иисусом чудо насыщения более чем пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, сами раздававшие народу хлеб и собравшие двенадцать коробов остатков, теперь как бы забыли это чудо и, по маловерию своему, опять высказывают недоумение: **откуда**

нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы накормить столько народа?

Евангелист Марк, передавая вполне согласно с Евангелистом Матфеем подробности вторичного умножения хлебов, выражает недоумение Апостолов в следующих словах: **откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их?** (Мф. 8, 4). Вопрос их — **кто** мог бы? — доказывает, как они далеки были от непоколебимой веры во всемогущество Иисуса.

Недоумение Апостолов тотчас же рассеялось: Иисус совершил второе чудо умножения хлебов и насыщения ими народа.

На этот раз насыщено было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей, и собрано остатков семь корзин.

Прибытие Иисуса в пределы Магдалинские

Иисус не хотел отпустить от *Себя* голодных, но когда накормил их, то отпустил, а Сам с Апостолами (как говорит Евангелист Марк, 8, 10) сел в лодку и отправился к западному берегу моря в пределы Магдалинские, или, как говорит Евангелист Марк, в пределы Далмануфские. Далмануфа — небольшая деревня близ города Магдалы, расположенного на западном берегу Галилейского моря, поэтому пределы Магдалинские можно назвать также и пределами Далмануфскими.

Встреча его фарисеями и саддукеями

Как только Иисус вышел на берег, тотчас же приступили к Нему, очевидно, ожидавшие Его и нарочно собравшиеся фарисеи и саддукеи. Эти две секты всегда враждовали между собой, но в замыслах против Иисуса действовали единодушно.

Имея точные сведения о всех совершенных Иисусом чудесах, но приписывая их дьявольской силе, фарисеи и саддукеи начали спорить с Ним и требовали, чтобы Он показал им знамение от Бога, с неба. Требование это объяснялось как бы желанием их уверовать в Иисуса, если Сам Бог знамением с неба подтвердит им, что Иисус — действительно Мессия. На самом же деле, они лицемерили: они уверены были, что Иисус, ради удовлетворения их любопытства, не даст и теперь им никакого знамения с неба, как не давал и прежде, а это, по их мнению, даст им повод разглашать в народе, что Иисус, не могущий дать знамения с неба, не может быть признан Мессией; а потому они и настаивали на своей просьбе.

Зная их лукавые помышления, Иисус с грустью посмотрел на них, глубоко вздохнул и как бы про Себя сказал: **для чего род сей требует знамения?**

Обличение их в лицемерии

То время изобиловало поразительными знаменьями: седьмины Данииловы окончились; скипетр отошел от потомства Иуды; евреи подчинены языческому царю и ждут обещанного Избавителя; пришел Иоанн в духе и силе Илии приготовить путь Господу; явился Иисус и Своими делами осуществил все, что возвещали пророки о Мессии. Вот знаменья, по которым знакомые с Писанием должны были узнать, что наступившее время есть действительно время пришествия Мессии! Но фарисеи и саддукеи настолько ослеплены были своими превратными понятиями о Мессии, что потеряли способность различать эти знаменья времен. Хотя они привыкли по известным признакам судить о будущем, например, о предстоящей погоде, и вечером, видя красное небо, говорят: завтра будет ведро, а поутру, видя багровое небо, говорят: сегодня будет ненастье... и потому должны были бы по известным им признакам (знаменьям) узнать и наступление времени Мессии, но упорно не хотят узнать. **Лицемеры!** сказал им Иисус, **различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете** (Мф. 16, 3). Затем, обращаясь, по видимому, к окружающим Его, а не к фарисеям и саддукеям, Он сказал: **Истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение.**

Неожиданное удаление Иисуса с апостолами в лодке на другую сторону озера

Не желая продолжать разговор с этими лицемерами, не желая даже оставаться с ними, Иисус, только что вышедший из лодки, опять сел в нее с Апостолами и отправился на другую сторону озера.

Неожиданность отъезда Иисуса на другую сторону озера лишила Апостолов возможности сделать запас хлеба на предстоящее плавание, и они отчалили от берега, имея с собой всего лишь один хлеб. Это беспокоило их. А Иисус, сев в лодку, скорбел об ожесточении сердец фарисеев и саддукеев, которых оставил теперь с толпой народа на берегу. Скорбь эта усиливалась еще сознанием, что избранные ученики Его, Апостолы, если и были преданы Ему, все-таки не имели еще надлежащей веры в Него. Желая предостеречь их от слепоты фарисеев, не умеющих различать знамений времени Его, Он сказал им: **смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой.**

Беседа о закваске фарисейской и саддукейской

Те же слова Иисуса Евангелист Матфей, передает так: **смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской** (Мф. 16, 6). Ирод Антипа принадлежал к секте саддукеев, поэтому закваска Иродова означает то же, что и закваска саддукейская.

Апостолы не поняли этого предостережения и думали, что Иисус упрекает их за то, что они не взяли с собой хлеба.

«Неужели вы думаете, что Я, накормивший пятью хлебами пять тысяч и семью хлебами четыре тысячи человек, не могу сделать того же и для вас, двенадцати учеников Моих? Зачем же вы, **имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните того**, что на ваших же глазах совершилось? Неужели вы еще не понимаете и не разумеете все совершающееся перед вами? Неужели и теперь сердце ваше твердо как камень? Как же не понимаете, что не о хлебе Я говорил вам, когда сказал: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской?»

Тогда только Апостолы поняли, что Иисус предостерегал их от опасности, какую влечет за собой учение фарисеев и саддукеев.

Путешествие в Вифсаиду Юлиеву: исцеление слепого

Переплыв озеро, Иисус с Апостолами пристал к берегу и пошел в Вифсаиду Юлиеву. В этом городе привели к Нему слепого и просили, чтобы Он прикоснулся к нему, то есть, чтобы прикосновением к нему исцелил его. Это был не слепорожденный, так как, после первого возложения на него рук, сказал, что видит людей, как деревья; следовательно, он видел прежде и людей и деревья.

Иисус выводит слепого из селения и поступает так же, как и при исцелении глухого косноязычного, и, вероятно, по тем же причинам, так как и эта страна была полуязыческая. Необходимо было возбудить у слепого веру в божественную силу Иисуса, но так как видеть Иисуса слепой не мог, то надо было прикосновением к нему дать ему почувствовать близость к нему Того, Кто мог исцелить его. Так и поступил Христос. Исцелил же его Иисус не сразу, а постепенно, быть может, для того, чтобы этой постепенностью довести слепого до сознания, что исцеление его произошло единственно лишь от прикосновения к нему Иисуса. **И он исцелел и стал видеть все ясно** (Мк. 8, 25).

Совершив это исцеление умышленно вдали от толпы народа, Христос велел исцеленному не только рассказывать о том никому, но даже не входить в селение, а идти прямо домой.

Иисус исцелял больных и вообще совершал чудеса не для того, чтобы прославиться, а единственно из любви к страждущим. Он знал, что вера, поддерживаемая лишь чудесами, ненадежна; такая вера требует все новых и новых чудес, а без них не только охладевает, но даже переходит иногда в неверие. Он знал, что пораженные чудесами евреи могли провозгласить Его Царем Израилевым, то есть признать Его не тем

Мессией, каким Он был, а каким им хотелось Его видеть, поэтому Он всегда уклонялся от всяких поводов к провозглашению Его Мессией, и даже запрещал Апостолам разглашать, что Он Христос; поэтому-то Он запрещал и исцеленным рассказывать об исцелении их.

И пошел Иисус с учениками Своими в селение Кесарии Филипповой.

Кесария Филиппова — город, называвшийся прежде Панеей, был расширен и украшен четверовластником Филиппом и назван Кесарией в честь Кесаря римского Тиверия; Филипповой же называлась эта Кесария в отличие от другой Кесарии, Палестинской, находившейся на берегу Средиземного моря.

После беседы о хлебе жизни, с того времени, когда многие ученики Иисуса оставили Его и перестали ходить за Ним, Он искал уединения от толпы народа и возможности оставаться только с двенадцатью Апостолами. Время земной жизни Его приближалось к концу, а избранные Им проповедники Его учения далеко еще не подготовлены к исполнению возлагаемого на них поручения. Надлежало чаще беседовать с ними наедине и постепенно приучать их к мысли, что Мессия — не тот царь земной, который, по учению фарисеев, поработит весь мир евреям, а Тот, Который Сам пострадает за этот мир, будет распят и воскреснет. Чтобы Апостолы не соблазнились, видя Иисуса на Кресте, надо было заблаговременно подготовить их к этому, надо было внушить им, что это должно случиться, что такова воля Божия. Вот для чего Иисус и предпринимал теперь такие отдаленные путешествия; и если вокруг Него собиралась толпа народа, то Он старался уйти от нее.

Вопрос Иисуса: за кого почитают его люди?

Идя из Вифсаиды Юлиевой на север, Он и на пути беседовал с Апостолами. Дорогой Он спросил их: **за кого почитают Меня люди?** (Мк. 8, 27). — Иисус хотел, чтобы Апостолы сами сказали Ему, за кого *они* почитают Его. Он, конечно, знал мнения народа и Апостолов о Нем, и если спросил — **за кого почитают Меня люди**, — то только для того, чтобы этим вопросом вызвать признание самих Апостолов. Много уже знамений явлено им, почти все учение Иисуса уже преподано им, да и самим им дана власть совершать именем Иисуса чудеса, поэтому вполне своевременным было им познать, наконец, Кто их Учитель?

Апостолы сказали Иисусу, что в народе различные мнения о Нем: при дворе Ирода Антипы Его считали за воскресшего Иоанна Крестителя, народ же считает Его за одного из ветхозаветных пророков, за Илию, Иеремию и других. На вопрос же — **а вы за кого почитаете Меня?** (Мк. 8, 29; Мф. 16, 15) — ответил Петр: **Ты — Христос, Сын Бога Живаго** (Мф. 16, 16).

Апостолы, как постоянные спутники Иисуса, видели Его бедность, смирение и даже уничижение; они знали, что в постоянных утомительных путешествиях Ему часто негде бывало и головы преклонить; они понимали поэтому, что Он не тот Мессия, какого ждали и ждут евреи. Словом, если бы они смотрели на Иисуса только как на Человека, то, по человечеству Его (по плоти и крови), не могли бы признать в Нем истинного Мессию, Христа, Сына Бога живого. Однако они признали Его, и признали потому, что в делах Его видели дела Самого Бога. Таким образом, Сам Бог, открывшийся в делах Иисуса, вразумил Апостолов, что Иисус есть действительно Мессия. Потому-то Иисус и сказал Петру: **блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах.**

Исповедание Петра было высказано так твердо, решительно, что Иисус сказал ему: **ты — Петр**, то есть камень, **и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее** (Мф. 16, 17).

Объяснение слов Иисуса: на сем камне я создам церковь Мою...

Это изречение Иисуса толкуется различно. Одни полагают, что, говоря о камне, на котором Он создаст Церковь Свою, то есть общество верующих в Него людей, Он назвал камнем высказанное Петром исповедание веры в Него как Христа, Сына Бога живого, — что это исповедание, эта вера, крепкая как

камень, послужит неодолимым основанием для возведения на нем величественного здания Церкви Христовой, которую и силы ада не победят. Речь эта иносказательная и представляет общество верующих в виде здания, построенного на крепком фундаменте, на скале. Таковым фундаментом, скалой, камнем, то есть основанием, на котором зиждется Церковь Христова, следует признать непоколебимую веру во Христа как воплотившегося Бога; без этой веры не может быть Церкви Христовой; она не может существовать и при слабой вере, так как при первом же испытании, при первом гонении падает, как падает дом, выстроенный на песке, от первого наводнения.

Другие же толкователи полагают, что под камнем Иисус разумел самого Петра; такого мнения держатся католики, приписывая Апостолу Петру, а затем и Папе Римскому, как преемнику его, главенство над всей Церковью Христовой. Сторонники такого толкования подкрепляют его еще тем, что Апостолу Петру Христос дал ключи Царства Небесного, то есть власть прощать грехи.

Из дальнейших повествований Евангелистов видно, что Апостол Петр, почти вслед за такими словами Иисуса, стал искушать Его, прося пощадить Себя и не доводить до смерти от руки старейшин, первосвященников и книжников, а когда Иисуса взяли под стражу, то трижды отрекся от Него. А это доказывает, что, говоря — **Ты — Христос, Сын Бога Живаго**, — сам Апостол Петр не был еще таким камнем, который мог бы выдержать, вынести на себе всю тяжесть Церкви Христовой; после Воскресения Христова и сошествия на Апостолов Святого Духа Он с другими Апостолами действительно стал непоколебимым, как камень, проповедником учения Иисуса Христа; но во время путешествия Иисуса к Кесарии Филипповой он не был еще таким камнем. К тому же ключи Царства Небесного, власть отпускать или не отпускать грехи, даны были не одному Петру, а и другим Апостолам, что доказывается словами Иисуса, сказанными после Воскресения: **Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся** (Ин. 20, 23).

Поэтому не Петра, а веру в Иисуса как воплотившегося Бога надо считать тем основанием, которое дает крепость, силу Церкви Христовой, и притом такую силу, что **и врата ада не одолеют ее**.

В прежние времена для защиты от вторжения неприятелей вокруг городов строили стены и всю воинскую силу сосредоточивали у ворот, так как проникнуть в них было легче, чем проломить стену. Поэтому, уподобляя в иносказательной речи Церковь Свою зданию, построенному на скале, а ад, как вместилище зла, городу, окруженному стеной, Иисус сказал, что все соединенные силы ада, сосредоточенные как бы у ворот его, или **врата ада не одолеют ее**.

И дам тебе ключи Царства Небесного. Продолжая ту же иносказательную речь и уподобляя теперь не Церковь, а Царство Небесное зданию, имеющему входные ворота или двери, Иисус говорит Петру, что даст ему ключи от дверей Царства Небесного, то есть власть открыть эти двери для одних и закрыть для других. А чтобы не оставить Апостолов в недоумении относительно значения этих ключей, Он тотчас же и объясняет, что кому Петр простит грехи, тому будут открыты двери Царства Небесного, а кому не простит, для того они будут закрыты. Власть эту Иисус дал после того всем Апостолам.

Приняв такое исповедание веры от Петра, говорившего именем всех Апостолов, Иисус запретил им рассказывать, что они признают Его за истинного Мессию. Он убедился уже, что руководители еврейского народа, старейшины, фарисеи и книжники, не уверуют в Него, так как им нужен Мессия воинственный, который поработит им все народы земли; Он знал также, что руководимый этими слепыми вожжами народ увлекается, главным образом, чудесами, а не учением Его, и что такое увлечение изменчиво, непостоянно; Он понимал прекрасно, что если бы Апостолы теперь же стали убеждать руководителей народа и самый народ еврейский, что Учитель их есть истинный Мессия, то были бы отвержены и не поняты своими слушателями. Теперь уже стало несомненным, что учение Христа возвестит всему миру не народ еврейский, когда-то избранный Богом, а Апостолы, и что вполне достаточно их, этого малого стада Христова, чтобы победить мир. Прощаясь с Апостолами на Тайной Вечери и идя на Крест, Иисус сказал им:

мужайтесь: Я победил мир (Ин. 16, 33). — Поэтому в то время, когда Петр именем всех Апостолов исповедал Иисусу веру в Него, не предстояло никакой надобности и было бы бесполезно разглашать эту веру.

Беседа Иисуса с Апостолами о предстоящей ему смерти

Но их, самих Апостолов, надо было укреплять в этой вере и подготовить к мысли о предстоящих Иисусу страданиях, смерти и Воскресении. Вот почему, как только они признали в Иисусе истинного Мессию, Он сейчас же стал говорить им, что истинный Мессия не может быть тем царем, о появлении которого мечтали евреи, что Царство Его не от мира сего, что оно не в блеске земном, а в величии и святости духа, что истинный Мессия не будет поработителем народов, не будет властвовать над ними и угнетать их, а Сам будет слугой всем, и Сам пострадает для спасения их от порабощения греху, — что Его распнут, Он умрет и в третий день воскреснет.

Просьба Петра быть милостивым к себе

Ко всему этому надо было постепенно готовить Апостолов, так как и они, при всей своей вере во Христа, не могли и мысли допустить, что Мессия, Сын Божий, может пострадать и умереть. Мысль эта так была чужда им, что когда Иисус высказал им ее, то пылкий Петр отвел Его в сторону и стал уговаривать и упрашивать Его: **будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою** (Мф. 16, 22). Эти слова означают искреннее желание Петра, чтобы Бог был милостив к Иисусу и не допустил Его до страданий и смерти. «Бог милостив, этого с Тобой не случится!»

Петр говорил это Иисусу тихо, отведя Его в сторону, чтобы другие Апостолы не могли слышать; но Иисус, **обратившись** ко всем Апостолам и, по сказанию Евангелиста Марка, **взглянув** (Мк. 8, 33) на них, сказал Петру, очевидно, так, чтобы все слышали: **«Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.** Ты советуешь Мне избежать страданий и смерти? Но с такими же советами приступил ко Мне и сатана, когда искушал Меня царствами мира сего; ты повторяешь его слова, и потому ты для Меня то же, что сатана, которому Я уже сказал и теперь повторяю: **отойди от Меня!** Если бы ты смотрел на предстоящие Мне страдания и смерть как на исполнение Мною воли Божией, то не считал бы их позорными, не стал бы уговаривать Меня уклониться от них. Знай же, что такова воля Отца Моего, и она должна быть исполнена!»

Призыв Христа взять крест свой и идти за ним

Обращаясь затем ко всем Апостолам и подозвав к Себе стоявший невдалеке народ, Христос сказал: **кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.**

Объяснение слов: отвергнись себя

Слова Господа — **отвергнись себя** — смущают многих. Многие думают, что Христос заповедал нам полное отвержение наших личных желаний, наших потребностей, и вменил нам в обязанность заботу только о других, о ближних наших. Некоторые же идут в своем понимании этого изречения еще далее и проповедают полное отречение от мира и удаление в пустыню; словом, проповедают отшельничество и аскетизм.

Думается, что и то, и другое мнения составляют крайности и не согласуются с мыслью, выраженной Господом в словах — **отвергнись себя.**

Христос никогда не осуждал пользование земными благами как дарами, ниспосылаемыми Богом. Он требовал только, чтобы мы не считали себя хозяевами и полновластными распорядителями этих благ, — чтобы мы блага эти признавали Божиим достоянием, а себя считали бы только управителями, приставленными к этому достоянию, обязанными управлять им согласно с волей Хозяина, Бога, и дать

отчет в управлении им, чтобы, управляя Божиим достоянием, мы исполняли бы заповедь Его о любви к ближним, и чтобы благо творили им. Богач притчи, которому Бог даровал обильный урожай хлеба, был осужден не за то, что позаботился собрать его в житницы, а за то, что счел себя полновластным хозяином его и вообразил, что эти блага даны ему Богом единственно для удовлетворения его прихотей; а если бы он смотрел на обильный урожай как на Божие достояние, данное ему лишь во временное управление согласно с волей Божией, и действительно управлял бы им так, как Богу угодно, то не был бы осужден. Другой богач притчи был осужден не за то, что обладал благами мира сего, а за то, что управлял ими как своими собственными, вопреки воле Божией, и ни разу не обратил внимания на нужду лежавшего у ворот его нищего Лазаря. Злые виноградари были осуждены не за то, что пользовались плодами виноградника, данного им в управление, а за то, что не давали посланным от Хозяина плодов, которых Он требовал, — за то, что хотели присвоить себе этот виноградник. Словом, пользование земными благами не осуждается Христом, если не нарушает главнейшую заповедь Его о любви к ближним.

Что же касается отшельничества и аскетизма, то надо заметить, что уединение и воздержание бывают иногда крайне необходимы для успешной борьбы с соблазнами, с похотями нашего тела. Тело должно быть подчинено духу; дух должен властвовать над ним. И вот для такой-то борьбы, для закаления своей воли, не только бывает полезно, но даже необходимо уединение и строгий пост. И многие великие и святые люди пользовались этим могучим средством и побеждали все соблазны, все плотские похоти свои. Но когда человек, прибегнув к такому средству порабощения плоти своему духу, выходит победителем из борьбы, то оставаться ему вдали от мира нельзя: он должен идти в мир, в Царство Божие, и там творить волю Божию. Если же он, выдержав борьбу и победив все искушения, все соблазны, останется вдали от мира, наслаждаясь тем душевным спокойствием, какое настает после такой победы, то как же он исполнит заповедь о любви к ближним? Как он будет благо творить им? Как и когда он докажет свою любовь к ним? (подробнее см. ниже, в главе 36).

Итак, следует признать, что, сказав — **отвергнись себя**, — Господь не заповедал нам ни полного воздержания от пользования теми земными благами, которые могут считаться лишними для поддержания жизни тела, ни тем более отшельничества и аскетизма. *Отвергнуться себя* — значит отвергнуть свое «я», свою волю, то есть подчинить свою волю воле Божией и *поступать во всем не так, как я хочу, а как Бог велит*. Вот что значат эти слова Господа.

Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Если Я говорю вам о предстоящей Мне смерти и о Воскресении Моем, и говорю, что это свершится по воле Отца Моего, которая для Меня то же, что Моя воля, — то и вы должны так же слить свою волю с волей Божией, и все испытания, какие Он посылает вам, переносить так же покорно, как несет крест свой осужденный на распятие. Если, подчиняясь безропотно воле Божией и неся крест свой за Мною, вы и подвергнетесь тяжким испытаниям и страданиям в жизни сей, то этим спасете душу свою и приобретете себе сокровища на небесах, а если захотите свою волю ставить выше воли Божией, жить не так, как Богу угодно, то повредите душе своей и лишитесь блаженства в будущей жизни. И какая польза для человека, если он, стремясь к накоплению богатств и приобретению власти, приобретет себе хотя бы весь мир, то есть все сокровища земные, но через это погубит душу свою и обречет ее на вечные мучения в будущей жизни? **Какой выкуп даст человек за душу свою, когда придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и... воздаст каждому по делам его** (Мф. 16, 26–27)? Не спасут тогда его погибшую душу и все сокровища мира сего, на приобретение которых он положил всю свою земную жизнь. Говоря так, Христос сознавал, что среди окружавшей Его толпы мало таких, которые готовы жертвовать благами мира сего и даже жизнью своей для спасения души своей. Но, дабы Апостолы не смущались этим, Он тотчас же успокоил их уверением, что некоторые из них **увидят Царствие Божие, пришедшее в силе** [44] (Мк. 9, 1).

Иоанн Златоуст, Феофилакт, епископ Михаил и другие толкователи Евангелия полагают, что Иисус

Христос разумел предстоящее Преображение Свое, когда говорил, что некоторые из стоящих здесь увидят Царство Божие, пришедшее в силе. Но так как в этом предсказании Христос говорил, несомненно, о таком будущем, до которого доживут только некоторые из слушателей Его, а Преображение совершилось всего лишь через шесть дней, то едва ли можно согласиться с таким толкованием.

Из Апостолов, к которым были обращены эти слова, последним умер Иоанн; к концу его жизни общество верующих во Христа, объединенных любовью к Богу и ближним, было, несмотря на гонения, настолько уже велико, что он действительно удостоился видеть **Царствие Божие, пришедшее в силе**.

Слова Иисуса Христа о предстоящих Ему страданиях и крестной смерти, о страданиях, ожидающих и Его последователей, должны были произвести сильное впечатление на Апостолов. Им трудно было отрешиться от вековых надежд евреев; им тяжело было допустить мысль о том, что Мессия, долженствовавший спасти, избавить евреев от иноземного ига, Сам пострадает и будет распят. А от таких волновавших Апостолов чувств недалеко и до стыда: начинающий сомневаться доходит нередко до отрицания того, во что прежде верил; за отрицанием следует сожаление, а за сожалением стыд; отвергнувший свое верование начинает стыдиться его.

Зная, какие мысли и чувства волнуют Апостолов, Христос предостерег их от опасного чувства стыда, в которое может перейти сомнение: **кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами** (Мк. 8, 38).

ГЛАВА 21. Преображение Господне. Исцеление бесноватого, которого Апостолы не могли исцелить

Преображение Господне

Много знамений, много доказательств Своего всемогущества, Своего Божества, показал Господь Своим Апостолам; но они все еще не имели той сильной веры в Него, какая должна победить мир и победоносно противостоять всем силам ада. Они все еще не могли отрешиться от еврейских суеверий о блистательном Царстве Мессии-Завоевателя; они все еще не могли понять, что Царство Мессии — не от мира сего. Для убеждения их необходимо было особенное знамение, и оно дано было избранным из двенадцати. Через шесть дней после последней беседы с Апостолами Иисус взял Петра, Иакова и Иоанна, тех самых избранных из двенадцати, в присутствии которых совершил воскрешение дочери Иаира, и пошел с ними на гору помолиться.

Евангелисты Матфей и Марк говорят, что это произошло **по прошествии дней шести** (Мф. 17, 1; Мк. 9, 2) после последней беседы Иисуса с Апостолами. А Евангелист Лука говорит, что это случилось **дней через восемь** (Лк. 9, 28). Противоречия тут нет, так как (по объяснению Златоуста) Лука считал и тот день, в который Иисус беседовал с Апостолами о предстоящей Ему смерти, и тот, в который возвел трех учеников Своих на гору, а Евангелисты Матфей и Марк считали только те дни, которые разделяли эти два события.

Евангелисты не называют гору, на которую взошел Иисус, но предание указывает на гору Фавор, находящуюся в южной части Галилеи. Апостол Петр во Втором соборном послании своем (1, 18) называет ту гору святой.

Из повествования Евангелиста Луки видно, что Апостолы Петр, Иаков и Иоанн, взятые Иисусом на гору, **отягчены были сном**, то есть, совершив обычную вечернюю молитву, крепко заснули в то время, когда Иисус молился; так же заснут они и в Гефсиманском саду во время предсмертной молитвы Иисуса.

На вершине горы, в тиши ночной, молился Христос, и взорам Его представилось все совершившееся в эти годы Его проповеднической и чудотворной деятельности, и все предстоящее Ему будущее. Народ еврейский, которому было обещано пришествие Мессии, и с которого должно было начаться спасение рода человеческого, отверг своего Избавителя: руководители этого народа, желавшие видеть Мессию грозным царем-завоевателем, относились к Иисусу сначала с нескрываемым презрением, а затем и с явной злобой; самый народ, увлекавшийся лишь чудесами Иисуса и не упускавший случая воспользоваться ими, считал Его только Пророком; преданность же евреев своим пророкам известна: одних они убивали, других изгоняли. Заглянув в будущее, Христос слышит озлобленные крики облагодетельствованного Им народа: **распни, распни Его!** (Лк. 23, 21), видит Себя преданного смертной казни и распятого на Кресте посреди распятых же разбойников. Как Человек, Христос не мог равнодушно относиться к неблагодарности еврейского народа и к предстоящим Ему страданиям; Он, несомненно, скорбел. Но, покорный воле Отца Своего Небесного, Он в молитве, в единении с Богом искал Себе утешения. Молясь, Он постепенно отрешался от всего земного, становился все выше и выше всех скорбей и страданий и, наконец, как бы отрешился от Своего человечества и преобразился в иное, сверхъестественное, божественное бытие: вид лица Его изменился, **и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, блистающими, как свет.**

Спавшие Апостолы проснулись и поражены были необычайным видом Иисуса: среди ночного мрака сиял Христос в Небесной Славе Своей. Со Христом стояли два человека и беседовали с Ним. Апостолы догадались, что это были Моисей и Илия.

По сказанию Евангелиста Луки, Моисей и Илия явились во славе, то есть в ином виде, не в том, в каком обыкновенно бывают люди, живущие на земле. Это явление поразило Апостолов настолько, что они не знали, что сказать, чем выразить свой восторг и удивление; Петр же воскликнул: **хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи (шатра): одну Тебе, одну Моисею и одну Илии.**

Иисус ни слова не сказал Петру на его восторженный возглас. Много раз уже говорил Он Апостолам о Своем Божестве, о Своем единстве с Богом, но они все еще смотрели на Него как на Человека. Поэтому для вразумления Петра, Иакова и Иоанна потребовалось особое знамение, которое и не замедлило явиться: мгновенно явилось облако и покрыло их, и раздался голос, говоривший: **Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте.**

Такой же голос с неба, говоривший те же самые слова, слышал Иоанн Креститель, когда крестившийся от него Иисус выходил из Иордана. Хотя этот голос слышали тогда только Иоанн и Иисус, но об этом Иоанн всем рассказывал, и об этом несомненно знали ученики его, из которых некоторые (как-то: Андрей и Иоанн) стали учениками и Апостолами Иисуса. Поэтому присутствовавшие при Преображении Апостолы Петр, Иаков и Иоанн поняли, что слышат голос Самого Бога. В страхе и благоговении они преклонились пред невидимым Богом, пали на лица свои.

Евангелист Лука сообщает, что когда раздался голос — **Сей есть Сын Мой Возлюбленный**, — то Иисус оставался уже один, без Моисея и Илии, которые стали удаляться от Него раньше, в то время, когда Петр предложил сделать три шатра (Лк. 9, 33). Из этого повествования, а также и из слов того же Евангелиста, что «явилось облако и осенило их» и что они «устрашились, когда вошли в облако», можно заключить, что облако покрыло одних только Апостолов, и притом, так, что они могли видеть Иисуса и удостовериться, что Он остался один; Иисуса же, стоявшего выше их, облако не коснулось.

Иисус подошел к Апостолам, дотронулся до них и сказал: **встаньте и не бойтесь**. Они встали. Облако скрылось; чудное видение окончилось: перед ними стоял Иисус в том самом виде и в той же одежде, как они привыкли видеть Его.

Все это чудесное событие совершилось для вразумления Петра, Иакова и Иоанна. Многие из учеников Иисуса, а может быть, и некоторые из Апостолов, считали своего Учителя одним из воскресших ветхозаветных пророков, Илией, Иеремией, то есть только Человеком. Явление главнейших пророков, Моисея и Илии, в положении служебном к Иисусу, должно было наглядно доказать Апостолам, что Иисус выше ветхозаветных пророков; явление им Самого Иисуса в божественной славе должно было убедить их, что Иисус не может считаться только Человеком; голос же, который они слышали из облака в то время, когда видели Иисуса одного стоявшим несколько выше их, должен был привести их к непоколебимой вере в то, что Иисус есть Сын Божий, Бого-Человек. Все это они видели и голос Божий слышали, но уразумели это видение только после Воскресения Иисуса. Во Втором послании своем Апостол Петр писал: **мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последую, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от величественной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе (2 Пет. 1, 16–18).**

Да, Апостолы, очевидцы Преображения Господня, поняли истинный смысл его только после Воскресения Христа; теперь же, сходя с горы и получив приказание никому не говорить о том, что видели, **доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых** (Мк. 9, 9), они недоумевали и спрашивали друг друга: **что значит: воскреснуть из мертвых** (Мк. 9, 10). Они прекрасно понимали, что значит вообще воскреснуть из мертвых, так как сами присутствовали при воскрешении дочери Иаира и сына вдовы Наинской, а потому, если они недоумевали теперь и спрашивали — **что значит: воскреснуть из мертвых**, —

то это недоумение относили исключительно к Самому Иисусу Христу, Который, как Мессия, не мог, по их понятиям, и умереть, а если не мог умереть, то как же Он воскреснет из мертвых? А это доказывает, что, несмотря на уверения Иисуса, Апостолы все еще не хотели верить, что Он может умереть.

По свидетельству Евангелиста Луки, бывшие очевидцами Преображения **умолчали, и никому не говорили в те дни о том, что видели** (Лк. 9, 36).

Недоумеая, как может Иисус воскреснуть, если Он не может и умереть, Апостолы спросили Иисуса: «Если Ты действительно обещанный Избавитель, то как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде?» На этот вопрос Иисус дал такое же объяснение, какое раньше еще дал по поводу посольства от Иоанна (см. выше, с. 429). По пророчеству Малахии, Илия должен явиться перед Вторым Пришествием Христа для окончательного Суда над родом человеческим; приготовить же путь Господу для первого Пришествия должен был Иоанн, который, по свидетельству Архангела Гавриила, явится **в духе и силе Илии** (Лк. 1, 17).

Исцеление бесноватого, которого не могли исцелить апостолы

Сойдя с горы, Иисус увидел Своих учеников, среди которых были и остальные девять Апостолов, окруженными народом и книжниками. Между учениками и книжниками шел какой-то спор. Из последующего повествования видно, что во время отсутствия Иисуса к ученикам Его был приведен бесноватый, но они не могли исцелить его. Весьма вероятно, что по этому поводу и произошел у них спор с книжниками; книжники издевались над учениками Иисуса и, конечно, не преминули позлословить и о Самом Иисусе; ученики же были смущены постигшей их неудачей. В это время является Иисус; народ спешит приветствовать Его, а отец бесноватого сначала издала умоляет Его взглянуть на несчастного сына, а затем, подойдя к Нему ближе и преклонив колени, подробно говорит о мучениях больного, просит помиловать его и добавляет, что ученики Иисуса не могли исцелить его.

Так как неудача, постигшая Апостолов, была следствием отчасти неверия отца бесноватого, то Иисус сказал: «О, неверующие! Сколько чудес совершено среди вас Мною и именем Моим Моими учениками! А вы все еще упорствуете в своем неверии! Сколько же еще времени надо Мне быть с вами и терпеть ваши требования все новых и новых знамений, чтобы вы наконец уверовали?»

Это не упрек, не гнев; нет, это скорбь Иисуса о неверии развращенного фарисеями народа. Кроткий и любвеобильный, как и всегда, Иисус велел привести больного.

По сказанию Евангелиста Луки, больного не довели до Иисуса: **Когда же тот еще шел, бес поверг его и стал бить** (Лк. 9, 42). Подошедши к страдальцу, Иисус спросил его отца: **как давно это сделалось с ним?** Ответив на этот вопрос, отец просил Иисуса сжалиться над ними и помочь им, но словами — **если что можешь** — обнаружил неверие в чудотворную силу Его. На замечание же Иисуса, что для получения просимого нужна вера просящего в возможность исполнения его просьбы, отец отрока, рыдая, воскликнул: **верую, Господи! помоги моему неверию.** «Томимый желанием видеть сына своего исцеленным, но, чувствуя в то же время слабость своей веры, несчастный отец, в сильном порыве сокрушенного духа (со слезами), исповедует Господу свое маловерие. Верую, Господи! Готов веровать всей душой, но не могу: маловерие одолевает, неверие против воли вторгается в душу мою и ослабляет веру; помоги этому неверию моему, прогони его из души моей, не поставь мне его в грех; и я буду веровать в тебя всем сердцем» (Епископ Михаил. 2. С. 120).

Отец больного отрока просил Иисуса совершением чуда укрепить его веру, то есть просил знамения; требовали знамения и фарисеи. Почему же Иисус всегда отказывал в знамении фарисеям, а отцу больного отрока не отказал? Много чудес, много знамений (доказательств) божественной силы Иисуса видели фарисеи, но все-таки упорствовали в своем неверии и дерзко требовали от Него особенного знамения с

неба, то есть искушали Бога (см. об искушении выше, с. 160–161). А отец больного отрока хотел верить, вера уже зарождалась в нем, но была еще слаба и нуждалась в укреплении. Требуя знамения с неба, фарисеи даже не говорили, что уверуют в Иисуса как Мессию, Сына Божия, если увидят какое-нибудь доказательство того, вызванное Им прямо с неба, а отец отрока со слезами говорил: «Верую, Господи! Но моя вера слаба; хочу верить вполне, но не могу; помоги же моему малoverию». Вот почему пришедшему ко Христу с желанием уверовать дано знамение, а фарисеям, не имевшим такого желания, не дано.

Христос повелел духу немому и глухому выйти из отрока и впредь не входить в него. Отрок вскрикнул и, после сильного сотрясения всем телом, казался мертвым, но Иисус поднял его, и он встал. Сбежавшийся народ дивился величию Бога, свершившего такое чудо.

По сказанию Евангелиста Марка, Иисус, исцелив отрока, **вошел... в дом**; за Ним последовали Апостолы и, оставшись с Ним наедине, спросили: **почему мы не могли изгнать его? По неверию вашему** (Мф. 17, 20), отвечал Он.

Сила веры

Апостолы получили от Иисуса власть именем Его творить чудеса, но так как для совершения чуда необходима была непоколебимая вера в божественную силу Даровавшего им эту власть и уверенность, что этой властью чудо будет действительно совершено, а таковой верой Апостолы не всегда обладали, то надо было им на деле показать, что без надлежащей веры с их стороны они не могут пользоваться этой властью. Таким образом, неудача, постигшая Апостолов, не была простой случайностью, а была вызвана необходимостью воздействовать на них и тем усилить их веру. **Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас** (Мф. 17, 20).

Некоторые толкователи полагают, что Иисус Христос, сравнивая веру с ничтожным по величине горчичным зерном, признал, что даже самая малая, слабая вера имеет такую чудотворную силу, что может и горы перестанавливать. Но с таким толкованием нельзя согласиться. Малая вера Апостолов только что привела их к неудаче в исцелении больного-бесноватого, только что доказала им, что малoverие и слабоверие не дает им никакой силы. Они несомненно верили в Иисуса, называли Его даже Христом, Сыном Божиим, но вера их была еще слаба, мала; и это малoverие их Иисус назвал даже неверием: Он сказал, что Апостолы не могли изгнать беса не по малoverию их, а **по неверию**; следовательно, по отношению к чудотворению малoverие Он приравнял к неверию, отсутствию веры.

Примеров сильной и слабой веры было немало среди христиан во времена гонений на них.

По учению Христа, истинные последователи Его, достойные называться сынами Отца Небесного, после своей кратковременной, мимолетной земной жизни будут вечно блаженствовать в Царстве Небесном. Имевшие сильную, непоколебимую веру в Него, а следовательно, и в правдивость Его слов и обещаний, спокойно претерпевали ужасные пытки и казни, даже с восторгом встречали смерть, так как ни на мгновение не сомневались в том, что за гробом их ожидает блаженство вечной жизни. Такая твердая, ничем непоколебимая вера, имевшая силу преодолеть присущую всем людям привязанность к жизни, действительно могла творить чудеса, если бы обладавшим ею была дана на то власть. А те христиане, которые не имели такой сильной веры, которые по временам сомневались, будет ли за этой земной жизнью другая, лучшая, те, при первых же испытаниях, из-за страха мучений и смерти, отрекались и от Царства Небесного, и от Самого Христа, лишь бы продлить себе пользование земными благами; такая колеблющаяся, слабая вера, не обладающая силой воздействия на внутренний мир человека, очевидно, ничего не может произвести и вне его.

Понятно, что не про такую слабую, колеблющуюся веру говорил Христос Своим Апостолам, а про веру

сильную, ничем непоколебимую, не останавливающуюся для исполнения воли Божией ни перед какими затруднениями, преградами (горами). Но почему же Он, говоря о такой вере, сравнивал ее с горчичным зерном? Нам кажется, что сильную, непоколебимую веру Он сравнил не с величиной горчичного зерна, как известно, весьма малого по объему, а со способностью горчичного зерна вырастать в роскошное дерево. Ранее этого Он сравнил будущность основанного Им Царства Божия с будущностью горчичного зерна, посаженного в землю; как из ничтожного по величине горчичного зерна вырастает большое, ветвистое дерево вследствие силы, заключающейся в самом зерне, так и **малое стадо** Христово, руководимое непоколебимой верой в Него, разрастется в обширное Царство Божие и вместит в себе все народы земли. Теперь же, желая показать Апостолам, что может сделать непоколебимая вера, Он приводит знакомый уже им пример: как горчичное зерно заключает в себе силу превратиться в большое дерево, так и твердая, непоколебимая вера обладает скрытой в ней силой преодолевать все препятствия, могущие встретиться при исполнении воли Божией, силой творить чудеса, даже перестанавливать горы, если бы встретилась к тому надобность.

Продолжая объяснение Апостолам причин постигшей их неудачи, Иисус сказал, что, кроме сильной веры, необходимы пост и молитва, чтобы свершить то чудо, какое Он только что сотворил: пост — чтобы отрешиться от всего земного, молитва — чтобы призвать особую помощь Бога: **сей же род изгоняется только молитвою и постом** (Мф. 17, 21). А так как Апостолы не обладали надлежащей для чудотворения силой веры и не прибегли к Богу, путем молитвы и поста, за помощью, а отец больного вовсе не имел веры, а лишь хотел верить, то исцеление и не могло совершиться.

Повелевая духу нечистому выйти из отрока, Господь назвал его духом *немым* и *глухим*, а потом сказал Апостолам, что **сей род** изгоняется только молитвой и постом. Что же означают слова — **дух немой и глухой** (Мк. 9, 25) и почему сей род требует для изгнания особых усилий?

Думаю, что Господь назвал злого духа [\[45\]](#) немым и глухим не потому, что он в действительности был нем и глух, а потому, что под его влиянием отрок онемел и оглох. Поэтому и слова — **сей род** — надо отнести не к злему духу, а к одержимому им, который не мог понять, что хотели Апостолы сделать с ним, когда приступили к нему, а следовательно, не мог иметь и веры в возможность исцеления. Между тем, мы знаем, что Господь требовал от исцеляемых Им веры в божественную силу Его и, следовательно, в возможность исцеления. Хотя Он исцелял и таких, которые не могли проявить своей веры (например, находившихся в бессознательном от болезни состоянии, а также отсутствовавших больных), но во всех других случаях Он всегда требовал от исцеляемых Им веры. Если Господь исцелял и неверующих, так как Ему все возможно, то спрашивается: возможно ли это для Апостолов? Да, возможно (отвечает Христос); но для этого нужны особые с их стороны усилия, особое призывание помощи Божией; нужна молитва, сила которой не ослаблялась бы, порывы которой не задерживались бы никакими житейскими привязанностями; нужна молитва при строгом воздержании, строгом посте.

Отрок ничего не слышал и ничего не говорил; он и не знал Иисуса, и не имел, да и не мог иметь веры в Него; словом, он был представителем того рода больных, исцеление которых требует особых усилий, к каковым Апостолы не прибегли, а потому и потерпели неудачу.

ГЛАВА 22. Прибытие в Капернаум. Спор Апостолов о том, кто из них больше. Наставление им о смирении. Речь о соблазнах. Разные наставления Апостолам. Притча о немилосердном должнике. Уплата подати на храм

Прибытие в Капернаум

Выше было уже сказано, что, после проповеди о хлебе жизни, Иисус избегал толпы народной, желая оставаться наедине со Своими Апостолами. Направляясь теперь в Капернаум, Иисус проходил Галилею, обнаруживая желание, чтобы никто не узнал их. Апостолы не хотели верить, что настоящий Мессия, пришедший спасти евреев, Сам может пострадать и умереть; мысль об этом не совмещалась с их понятиями о Мессии, а потому самая смерть Иисуса могла временно, до Его воскресения, поколебать в них веру в Него. Потому-то Христос, оставаясь последнее время наедине с Апостолами, постоянно внушал им, что Он должен умереть, ибо такова воля Отца Его, но Он же и воскреснет в третий день.

Но и на этот раз **они не поняли слова Его, а спросить Его о сем слове боялись** (Лк. 9, 45). Им так не хотелось расстаться со своими мечтами о восстановлении Царства Израилева, что они боялись даже и расспрашивать своего Учителя о подробностях предстоящих Ему страданий, опасаясь услышать что-нибудь еще более печальное.

Спор Апостолов о том, кто из них больше

Сопровождая своего Учителя в Капернаум, Апостолы шли в некотором отдалении от Него и спорили о чем-то. Придя в Капернаум, Иисус Христос спросил Апостолов: **о чем дорогою вы рассуждали между собою?** (Мк. 9, 33). Они молчали; им стыдно было признаться, что они спорили о первенстве, о том, кто из них больше. Но Иисус сказал им: **кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою** (Мк. 9, 35). Видя, что от Иисуса не могут скрыться и помыслы их, Апостолы сами уже обратились к Нему за разрешением их недоумения и спора и спросили: **кто больше в Царстве Небесном?**

Апостолы никак не могли отрешиться от еврейских воззрений на Царство Мессии и потому, уподобляя его царствам земным, интересовались узнать, кто из них и какое место займет в этом Царстве. Им уже сказано, что первым в Царстве Небесном может быть только тот, кто здесь на земле добровольно сделается последним, кто не будет угнетать ближних своих, не будет господствовать над ними, а сам будет служить им чем может, **кто будет всем слугою**; но они, очевидно, не поняли этих слов, потому что приступили к Иисусу и спросили: **кто больше в Царстве Небесном?**

Наставление о смирении

Видя такую непонятливость Своих учеников и приверженность их к еврейским понятиям о Царстве Мессии, Иисус взял дитя, приласкал его и сказал: «Вы спорите о первенстве в Царстве Небесном; вы рассуждаете о том, кому из вас, Моих учеников, приготовлено там наипочетнейшее места. Честолюбие, гордость, тщеславие руководят вами в этом споре. Но вы забыли сказанное Мною, что войдут в Царство Небесное, блаженны будут только нищие духом, смиренномудрые, кроткие, а не гордецы и честолюбцы. Повторяю же вам, что если **не обратитесь** (Мф. 18, 3) от честолюбия и гордости к смиренномудрию и кротости, то не только не будете первыми в Царстве Небесном, но и совсем не будете допущены в него;

если не будете так же, как дети, чужды этих пороков, то не войдете в Царство Небесное. Итак, кто отрешится от своего воображаемого величия и станет таким же малым, **как это дитя**, тот и будет иметь большее значение в Царстве Небесном, тот и будет истинным Моим учеником. Знайте же, что кто примет во имя Мое такого последователя Моего, кто окажет ему помощь в нужде, кто будет ему слугой, тот принимает Меня Самого, а так как Я в Отце и Отец во Мне, то тот, кто Меня принимает — принимает посланного Меня Отца».

Рассказ Иоанна о том, как апостолы запретили одному человеку действовать именем Иисуса

Слова Иисуса напомнили Апостолу Иоанну виденного ими человека, который именем Иисуса изгонял бесов, но они не только не приняли его во имя Христа, но даже запретили ему совершать добрые дела. В то время, время явной вражды к Иисусу со стороны главарей еврейского народа, небезопасно было быть Его учеником и всюду открыто следовать за Ним; нужно было иметь достаточно мужества, чтобы преодолеть страх преследования со стороны врагов Иисуса. Поэтому кроме тех учеников, которые не боялись следовать за Иисусом, были у Него и так называемые тайные ученики, к числу которых принадлежал Иосиф Аримафейский. Вероятно, одного из таких учеников, веровавшего в Иисуса, но не имевшего мужества открыто присоединиться к Его последователям, одного из таких учеников и встретили Апостолы, когда он именем Христа изгонял бесов. Находя, что ученик Иисуса должен находиться при Нем и безбоязненно следовать за Ним, Апостолы не признали в нем своего полноправного сотрудника и именем Учителя запретили ему продолжать свою деятельность: «Не ходишь с нами, — значит ты не наш; или открыто следуй за Иисусом, как истинный ученик Его, или перестань действовать Его именем!»

Вспоминая этот случай, Иоанн тотчас же рассказал о нем Иисусу, желая, конечно, знать, хорошо или дурно они поступили, запретив незнакомцу действовать именем их Учителя.

Христос не одобрил их и дал наставление, которым они должны были руководствоваться и в будущей деятельности своей. «**Не запрещайте** (Мк. 9, 39), — сказал Он, — ибо творящий чудо именем Моим несомненно верует в Меня; верующий же в Меня не может быть врагом Моим, не может действовать против Меня, по крайней мере, в скором времени, а если он со временем и отпадает от Меня, если вера его поколеблется, то все это — в будущем; в настоящем же он действует не против Меня, а следовательно и не против вас; а **кто не против вас, тот за вас** (Мк. 9, 40). Не запрещайте же творить добрые дела **во имя Мое** даже и тем, которые почему-либо не решаются открыто объявить себя Моими учениками; напротив, содействуйте им как и чем можете; и знайте, что кто окажет какую-либо услугу вам и другим Моим последователям во имя Мое, — кто, сам будучи беден, не в состоянии будет сделать для вас ничего иного, как только напоит вас чашей воды, когда вы будете жаждать, истинно говорю вам, не потеряет награды своей (Мк. 9, 41)».

Речь Иисуса о соблазнах

Продолжая прерванную Иоанном беседу, Иисус сказал: **а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**, так как его ожидает более тяжкое наказание в будущей жизни.

Хотя под именем **малых сих** Иисус разумел всех вообще имеющих чистую, детскую, чуждую всяких сомнений, веру в Него, но так как речь идет здесь о соблазнах, о совращении верующих, о вселении в души их сомнений в правде Божией, и так как дети наиболее подвержены таким соблазнам со стороны воспитателей и старших вообще, то принято относить это изречение Иисуса Христа преимущественно к соблазнительям детей.

Пример современных соблазнов безбожием

К прискорбию, надо признать, что в нашем образованном обществе немало встречается неверующих

людей, которые считают как бы обязанностью своей распространить вокруг себя неверие. Приобретая кое-какие знания из области естественных наук и не умея примирить их с учением Христа, не зная даже этого учения, они насмешливо относятся ко всяким внешним проявлениям веры, издеваются над верующими. Кому не случалось видеть, как мать заставляет ребенка молиться, ставит его перед иконой и подсказывает ему слова молитвы, а отец тут же хохочет над этим. Ребенок слушает хохот отца, и в душу его западает мучительный вопрос: кто же прав? Мама, заставляющая молиться Богу, или папа, смеющийся над молящимися? И мучает его этот неотвязчивый вопрос до тех пор, пока кто-либо из старших не поможет его горю. Но и тут помощь является не всегда с той стороны, которая могла бы укрепить в нем веру. Нередко недоумевающий юноша слышит рассуждения старших о вере, подкрепляемые ссылками на мнения известных ученых, слышит, что будто бы никакой творческой силы не надо было для создания мира, что существовавшая материя, в силу закона постепенного развития, сама образовала весь видимый мир со всеми животными и людьми, что мир управляется законом борьбы за существование, что в этой борьбе слабые должны погибнуть и уступить свое место сильным, что благо в силе и возможности угнетать слабых, что счастье сильных зиждется на несчастье слабых, что жалость, любовь, самоотвержение несовместимы с законом борьбы, и т. д. Слушая это учение, которым новейшие философы хотят заменить учение Христа, юноша окончательно сбивается с толку, а когда попадает в среднюю школу, то чаще слышит повторения тех же рассуждений, чем разъяснения правды Божией. И все эти люди, соблазняющие *малых сих*, редко дают себе отчет в своих действиях, редко задаются вопросами: а хорошо ли мы, сами не знающие смысла и цели в жизни, делаем, когда своими рассуждениями отнимаем у юноши веру в Бога, веру в указанный Христом смысл жизни? Хорошо ли мы поступаем, когда вторгаемся в мирную детскую душу и, уходя, оставляем в ней мучительную пустоту?.. К сожалению, такими вопросами задаются немногие из соблазнительей. Но если кто из них не вполне еще подчинился идолу силы и борьбы за существование, кто сохранил еще чувство жалости к слабым, угнетенным и обиженным, кто слышит еще по временам голос совести, — тот должен понять, какое зло он причиняет *малым сим*, отнимая у них веру в Бога, в смысл и цель жизни и наталкивая их, разочарованных, на самоубийство как на единственное средство скорее окончить бессмысленную и бесцельную, по их мнению, жизнь. А если он поймет значение совершенного им зла, если чувство жалости к своей жертве заговорит в нем, а совесть вступит в свои права, то он сам признает, что **лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской** (Мф. 18, 6).

Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит.

«Если надобно прийти соблазнам, — скажет кто-либо из противников, — то для чего же Христос сожалеет о мире, тогда как должен бы избавить его от соблазнов и подать руку помощи? Если надобно прийти соблазнам, то как можно избежать их? — Когда Христос говорит о необходимости соблазнов, то не уничтожает этим свободы воли и не подчиняет жизнь нашу какой-либо необходимости действий, но предсказывает только то, что непременно должно случиться. Если бы люди, от которых происходят соблазны, решились не делать зла, то соблазны и не пришли бы, а если бы они не могли прийти, то не были бы и предсказаны. Но так как люди предалися злу, то соблазны пришли, и Спаситель предсказывает лишь то, что должно было случиться. Сожалеет же о людях, которым не принесли пользы Его учение и жизнь, сожалеет о том, что и после такого врачевания они не избавились от своей болезни, подобно тому, как если бы кто-нибудь, сожалея о больном, о котором прилагали великое старание, но который не захотел повиноваться предписаниям врача, сказал: горе этому человеку от болезни, которую он усилил собственным своим нерадением. Но для чего же, спросишь ты, Господь не уничтожил их? Для чего же уничтожать их? Для тех ли, кто получает от них вред? Но они получают вред не от соблазнов, а от собственного нерадения. Это видно из примера людей добродетельных, которые не только не терпят от

соблазнов никакого вреда, но еще получают величайшую пользу. Таков был Иов, таков Иосиф, таковы все праведники и Апостолы. Если же многие и погибли, то погибли от своей беспечности. Если бы было не так и погибель зависела от соблазнов, то надлежало бы всем погибнуть. Если же есть люди, которые избегают соблазнов, то не избегающий их должен винить себя самого. Прийти соблазнам надобно, но погибать от них нет необходимости» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 59).

В каком случае разрешается прервать всякие отношения с ближним

Говоря о соблазнах, Господь повторил сказанное Им в Нагорной проповеди о том, как надо поступать с соблазнительями. Уподобляя близкого друга правой руке и правому глазу и тем указывая на крайнюю необходимость поддерживать общение с таким другом, Господь сказал, что и такого друга надо оставить и порвать с ним всякие сношения, если он соблазняет, склоняет на что-либо дурное, греховное (подробности см. на с. 310).

«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих (Мф. 18, 10). Как бы человек ни был мал и ничтожен в ваших глазах, как бы он ни был грешен, — не презирайте его! Помните, не забывайте никогда, что Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее (Мф. 18, 11). Поэтому и вы не гнушайтесь грешниками, не презирайте их, не сторонитесь от них, подобно фарисеям, а идите к ним и спасайте их; выводите их к свету Божией правды из той нравственной тьмы, в которой они погрязли; зовите их ко Мне; зовите всех труждающихся в борьбе с искушениями, всех обремененных тяжестью грехов, и Я успокою их! Не презирайте же никого! Не презирайте уже потому, что Отец Небесный заботится о всех людях безразлично, и каждого из них поручил попечению особого ангела, а эти ангелы всегда видят лице Отца Моего Небесного (Мф. 18, 10)».

По объяснению епископа Михаила, слова Иисуса о том, что ангелы всегда видят Бога, нельзя понимать буквально. «Образ речи взят от того, что быть доступным к царю настолько, чтобы постоянно видеть его, есть знак особенной царской милости, близости, доверия; почему особенно близкие к царю люди и назывались у евреев видящими лицо царя» (Толковое Евангелие. 1. С. 344).

Не презирайте и тех, которые кажутся вам погибшими в бездне грехов своих, **ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.** Как каждый из вас, потерявши одну овцу из стада, идет искать заблудившуюся и, найдя ее, радуется о ней более, нежели об остальных незаблудившихся, так и Сын Человеческий пришел на землю отыскать и спасти заблудшихся, погибающих, ибо воля Отца вашего Небесного, чтобы все спаслись, чтобы никто не погиб. Если же такова воля Божия, если для спасения грешников Он послал Сына Своего, то как же люди могут презирать подобных себе, хотя бы и более грешных? Не презирайте заблудшегося, а полюбите в нем человека, послужите ему, направьте его на путь истины, с которого он сбился, спасите его.

Если же согрешит против тебя брат твой, то не жди, чтобы он пришел к тебе просить прощения; прощай ему без всякой с его стороны просьбы, прощай немедленно, не гневайся на него ни одной минуты. И не успокаивай своей совести тем, что ты чистосердечно простил обидевшему тебя брату, думай не столько о себе, сколько о согрешившем против тебя; иди же к нему, дружески объясни ему значение его поступка, пробуди в нем голос совести, доведи его до раскаяния и полного примирения с тобой, и если ты достигнешь цели, то **приобрел ты брата твоего (Мф. 18, 15),** который был для тебя потерян. Но если он не слушает тебя, не сознается в своем грехе и не захочет примириться с тобой, то не оставляй его в таком положении, а позови себе на помощь одного или двух друзей и, совместно с ними, постарайся обнаружить перед братом твоим его грех; пусть они будут посредниками между вами и дознают, кто из вас прав и кто виноват, а в случае надобности и подтвердят это, как свидетели. Если же не слушает и их, то скажи той местной общине верующих, к которой вы принадлежите; пусть настоятели и руководители общины (Церкви) усомнят обидевшего тебя и помогут тебе вернуть его расположение и любовь к тебе. Но если он

не послушается и Церкви, то тогда, и только тогда, ты можешь несколько успокоиться, признав, что сделал со своей стороны все, чтобы примириться с обидевшим тебя братом; только тогда ты можешь не считать себя виновным в потере брата; только тогда ты можешь прекратить с ним братские сношения и считать его настолько же чуждым тебе, как чужды евреям язычники и мытари; но и тогда не переставай молиться о нем, помня сказанное раньше: **молитесь за обижающих вас и гонящих вас** (Мф. 5, 44).

Значение церковной анафемы

А если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь (Мф 18, 17). На этих словах основывается отлучение от Церкви, *анафема*. Отлучение от Церкви вовсе не должно быть сопряжено с проклятием, как ошибочно думают некоторые. Церковь Христова, обязанная любить врагов своих и молиться за них, не может в то же время проклинать их, то есть призывать на них все беды и несчастья, желать им зла. «Мы не погрешим (говорит Амвросий, архиепископ Харьковский), если силу и смысл *анафемы*, изрекаемой Православной Церковью вредным и неисправимым членам ее, выразим в двух словах: *Оставьте нас!* Вы не веруете, как Господь повелел нам веровать; вы пренебрегаете Его святыми заповедями; для вас ничто в Церкви не свято, ничто не дорого, вам ничего не нужно; — *оставьте нас!* Мы готовы быть в мире с вами, как со всеми гражданами, не ведающими веры и закона Христова; мы можем быть и соседями вашими, и сослуживцами, и сотрудниками в делах общежития, но не можем быть в единомыслии с вами относительно предметов веры, в общении молитв и таинств. Вы стали *язычниками*, отреклись от чистоты и полноты веры Христовой, вы по жизни стали для нас тем, чем были *мытари* для древних евреев; мы так и понимаем вас, как Господь повелел нам вас разуметь: **да будет он тебе как язычник и мытарь!**» (Вера и Разум. 1886 г., январь).

Дарование Апостолам власти прощать грехи

Говоря о суде Церкви, неизбежно было коснуться вопроса о том, может ли Церковь прощать согрешивших. Каждому обиженному вменено в обязанность прощать обидчику и домогаться примирения с ним.

Но может ли кто-либо другой прощать обиды, когда сам обиженный не прощает их? Прощать чужие обиды не может посторонний человек без особого на то полномочия. Но так как всякая обида составляет в то же время и грех перед Богом, как нарушение заповеди о любви, то полномочие прощать грехи Христос дал Своим Апостолам, сначала одному Петру, а затем и всем остальным. **Что вы свяжете на земле, — сказал Он им, — то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе** (Мф. 18, 18). **Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся** (Ин. 20, 23).

Апостолы передали это полномочие, эту власть прощать грехи своим преемникам, пастырям Церкви Христовой, священникам. Но властью этой нередко злоупотребляют. Идет, например, нераскаянный грешник к священнику для обычной исповеди, и воображает, что священник именем Бога простит ему все грехи его, и что после того можно с легкой совестью опять грешить до следующей исповеди; подходит он к священнику и на все вопросы его отвечает: «Грешен», а сам и не думает о грехах, не стыдится их и не высказывает ни малейшей решимости больше не грешить; священник читает над ним разрешительную молитву, оканчивающуюся словами — «прощаю и разрешаю», и нераскаянный грешник уходит, довольный тем, что так легко освободился от грехов своих. Спрашивается: можно ли считать, что ему прощены все грехи, в которых он притворно каялся? Думаю, что нет. Вспомним ответ Иисуса Христа двум грешницам: одной, которая, в сердечном сокрушении о своих грехах, проливала слезы и омывала ими ноги Иисуса, Он сказал: **прощаются тебе грехи** (Лк. 7, 48), а другой, которая не обнаружила ничем своего искреннего раскаяния, Он сказал: **и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грехи** (Ин. 8, 11). Эти слова Господа не оставляют никакого сомнения в том, что вторая грешница, хотя и не осуждена, но и не прощена; ей сказано лишь, что если она впредь не будет грешить, то может надеяться на прощение и прежних грехов своих.

Думаю, что такое же условное прощение получает и всякий приходящий на исповедь.

Сила совместной молитвы

Все заповеди Иисуса, все беседы Его с учениками клонились к уничтожению вражды между людьми и к объединению их взаимной любовью для образования Царства Божия на земле. Заповедуя немедленно мириться с обидчиком и тем прекращать зарождавшуюся вражду, Христос тут же объясняет Апостолам, какая сила заключается в дружбе, любви и единомыслии. **Истинно... говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них** (Мф. 18, 19–20). Говоря так, Иисус разумел не всех вообще называющих себя последователями Его, не всех говорящих Ему: **Господи! Господи!** — но лишь исполняющих волю Отца Его Небесного. Поэтому не все просящие получают просимое, но лишь достойные того, достойные называться сынами Отца Небесного; только им, всегда и во всем творящим волю Божию, дано будет все, чего бы они ни попросили, так как Христос всегда пребывает с ними. Выражения **о всяком деле, чего бы ни попросили** — подтверждают мысль о том, что эти слова Иисуса относятся не ко всем вообще, а только к истинным, по праведности своей, христианам, так как только им можно было обещать исполнение просьбы о *всяком* деле, ибо лишь они не решатся просить о деле, противном воле Божией.

Когда Иисус окончил эту беседу с Апостолами, Петр попросил разъяснения относительно пределов всепрощения: **сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?** (Мф. 18, 21).

Об обязанности всегда прощать согрешившему

Книжники учили, что прощать можно только три раза; но Христос требовал от Своих последователей большей праведности. Поэтому Петр, желая превзойти праведность книжников, но не вполне еще усвоив дух учения Христа, спрашивает: не достаточно ли будет прощать до семи раз?

Христос учил, что надо прощать всегда, неограниченное число раз; сколько бы раз брат твой ни обижал тебя, ты каждый раз должен прощать его, ибо, если ты не простишь брату в двадцатый или сотый раз, или вообще когда-либо, то несомненно нарушишь заповеди о любви и прощении. Вот почему на вопрос Петра Иисус ответил: **До седмижды семидесяти раз** (Мф. 18, 22), то есть до 490 раз. Не устанавливая никаких пределов или границ прощению, Иисус употребил такое выражение потому, что едва ли возможны случаи такого множества обид со стороны одного человека по отношению к одному и тому же ближнему его, поэтому слова **до седмижды семидесяти** раз надо понимать в смысле бесконечного числа раз.

Но чтобы Петр и другие Апостолы могли понять, для чего требуется такое всепрощение, Иисус тотчас же сказал им притчу. Объяснения ее мы заимствуем из Беседы Иоанна Златоуста на притчу о должнике (Творения. Т. 3).

Притча о немилосердном должнике

«Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими (Мф. 18, 23). Не пробегай без внимания это изречение, но открой мне судилище то и, вошедши в свою совесть, подумай о том, что сделано тобой во всю жизнь. Если ты богат — подумай, что отдашь отчет: на блудниц истратил ты деньги или на бедных, на тунеядцев и льстецов или на нуждающихся, на распутство или на человеколюбие, на удовольствие, лакомство и пьянство или на вспоможение несчастным? И не в одной только трате потребуют у тебя отчета, но и в приобретении имущества: праведными ли трудами собрал ты его или хищением и лихоимством, получив ли родительское наследство или разоривши дома сирот и расхитивши имущества вдовиц? И не богач только, но и бедный даст отчет — в бедности: благодушно ли и с

благодарением ли перенес бедность, не впал ли в уныние, не подсадовал ли, не возроптал ли на Божий Промысел, видя другого в роскоши и удовольствиях, а себя в нужде? Как у богача потребуют отчета в милостыне, так у бедного в терпении, или, лучше, не в терпении только, но и в самой милостыне, потому что бедность не мешает милостыне; свидетель — вдовица, положившая две лепты и этим малым вкладом превзошедшая тех, которые положили помногу. И не богатые только да бедные, но и начальники с судьями должны дать отчет: не извратили ли они правду, не произнесли ли приговора над подсудимыми по пристрастию или по ненависти, не дали ли, уступив лести, несправедливого решения или, по злопамятству, не сделали ли зла невинным? Да и не светские только начальники, но и предстоятели Церкви дадут отчет в своем начальстве, и они особенно подвергнутся строжайшим и тягчайшим взысканиям. Тот, кому вверено служение слова, даст там строгий отчет, не опустил ли по лености или по злорадству чего-либо такого, что бы сказать надлежало, и доказал ли на деле, что изъяснил он все и не скрыл ничего полезного. Но не в одних делах, а в словах тогда дадим отчет: не бессмысленно ли и не попусту ли тратили слова, потому что не столько вредна пустая трата денег, сколько бессмысленное, суетное и напрасное употребление слов. Напрасная трата денег делает иногда ущерб имени, а слово, произнесенное без рассуждения, губит и разрушает души. Ущерб имени можно опять поправить, а слово, раз вылетевшее, возвратить назад нельзя. И не только в своих словах мы дадим отчет, но и в слушании чужих слов; например, не внял ли ты ложному обвинению ближнего? И что говорю я о словах и о слухе, когда мы подлежим взысканию даже за помыслы? — **Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов** [46] (Мф. 18, 24). Так вот сколько ему было доверено, и столько-то он издержал! Огромное количество долга!

Введенный первым оказался неисправным и, несмотря на такую неисправность, нашел, однако, господина человеколюбивым; вот это особенно удивительно и необычайно. Люди, когда найдут должников, радуются так, как будто нашли добычу и лов, и делают все, чтобы взыскать весь долг. А Бог, напротив, все направлял к тому, чтобы освободить должника от долгов. **А как он не имел, чем заплатить**, то есть был чужд добродетелей, не имел ни одного доброго дела, которое можно было бы вменить ему в отпущение грехов, **то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить** (Мф. 18, 25). Для чего же он приказал, не имея намерения исполнить это приказание? Для того, чтобы увеличить страх должника и заставить его просить о пощаде. Мог он, конечно, простить его и до просьбы, но не сделал этого, чтобы тот, не зная тяжести своих грехов, не сделался жестоким к ближним; для этого наперед показал ему величину долга, а потом простил ему все. Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: **государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу** (Мф. 18, 26). Не сказал ведь, что не может заплатить; таков уж обычай у должников — обещать, хоть и ничего не могут отдать, лишь бы избежать настоящей беды. Послушаем все мы, нерадящие о молитве, какова сила молений! Кто может быть грешнее этого должника, который виновен был в стольких преступлениях, а доброго дела, ни малого, ни великого, не имел? Однако ж, лишенный и чуждый всякой добродетели, не сказал: я не имею дерзновения покрыть стыдом, как могу приступить, как могу просить? А лишь только попросил он господина, то и успел преклонить его на милость. Не станем же отчаиваться из-за грехов, не станем унывать, но будем приходить к Богу, припадать, умолять, как сделал это должник. Что не пал он духом, не повергся в отчаяние, исповедал грехи, попросил некоторой отсрочки и замедления, — все это хорошо. Но последующее уже не похоже на прежнее: что приобрел он усердной мольбой, все вдруг погубил гневом на ближнего. **Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему** (Мф. 18, 27). Тот просил отсрочки, этот дал прощение; стало быть, тот получил больше, чем просил! **Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев** [47], и, схватив его, душил, говоря: **отдай мне, что должен**. Что может быть преступнее этого? Еще в ушах его раздавались слова благодеяния — и он забыл уже о человеколюбии господина! Видишь, какое благо помнить свои грехи! Ведь и этот должник, если бы постоянно помнил их, не был бы так жесток и бесчеловечен. Никто не может сделать душу так

любомудрой, смиренной и кроткой, как постоянное памятование о грехах. Памятуя о них, мы не только изгладим их, но и будем ко всем людям снисходительнее. **Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе.** Теми же словами, посредством которых тот нашел прощение, и этот просит о спасении.

Но тот, по безмерной жестокости, не тронулся этими словами. Если бы он даже простил, так и это не было бы уже делом человеколюбия, но долгом и обязанностью. В самом деле, если бы он сделал это прежде, чем был расчет с господином, то поступок его был бы делом его собственного великодушия; теперь же, после прощения стольких грехов, он был уже обязан, как бы неизбежным долгом, не злопамятствовать на товарища. Но должник ни о чем этом не думал, а вдруг, воспламенившись гневом, **посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видевши это, вознегодовали и рассказали государю своему** (Мф. 18, 30–31). Услышав это, господин призывает его, опять начинает суд и говорит: **злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?** (Мф. 18, 32). — Слушайте, лихоимцы (к вам слово)! Слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, а для самих себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь ее к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего! Что бы ты ни сделал последнему, все это сделаешь, как человек, и притом в настоящей только жизни, но Бог не так поступит: Он подвергнет тебя большему и вечному мучению в жизни будущей: **и отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга** (Мф. 18, 34), то есть навсегда, потому что он никогда не будет в состоянии заплатить своего долга. Итак, после того, как дар уже оказан, и человеколюбие явлено, приговор отменен ради злопамятства. Не погрешит, кто назовет этот грех тягчайшим всякого греха: другие грехи все были прощены, а этот не только сам не мог быть прощен, но возобновил опять и другие грехи, которые были уже изглажены совсем. Ни от кого так не отвращается Бог, как от человека злопамятного и коснеющего в гневе. Это в особенности показал Он здесь; да и в самой молитве заповедовал нам говорить так: **и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим** (Мф. 6, 12). Если уж помнить грехи, то помнить должно только свои. Помня собственные грехи, о чужих мы никогда и не подумаем, а коль скоро о тех забудем, эти легко придут нам на мысль. Если бы и этот должник помнил о десяти тысячах талантов, то не вспомнил бы ста динариев, но как забыл о тех, когда стал душить товарища, то привлек на свою голову тяжесть множества прежних грехов. **Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его».**

Условность прощения грехов

Эта притча, помимо главной мысли о всепрощении, прекрасно разъясненной Иоанном Златоустом, вмещает в себя и другую, весьма важную для нашего спасения. Наказание прощенного уже, но вновь согрешившего грешника, при том же наказании его не только за новый грех, но и за все прежние, покрытые уже прощением грехи, доказывает, что прощение грехов в этой жизни не дается безусловно и навсегда; напротив, всякое прощение дается под условием, чтобы прощенный более не грешил. **Иди и впредь не грехи** (Ин. 8, 11). Тогда прежние грехи твои не будут вменены тебе в вину ни здесь, ни на окончательном Суде; но если ты вновь начнешь грешить, то призовешь на свою голову наказание и за те грехи, за которые не был осужден и мог бы быть окончательно прощен.

Уплата подати на храм

Когда Иисус с Апостолами находился в Капернауме, то сборщики храмовой подати подошли к Петру и спросили: **Учитель ваш не даст ли дидрахмы?** (Мф. 17, 24).

Драхмой называлась серебряная монета весом около 4 грамм; две таких драхмы, дидрахма, равнялись по ценности еврейскому полсиклю и составляли ежегодную подать на храм, которой облагались все евреи, где бы они ни находились, богатые и бедные, кроме священников и левитов. Подать эта

установлена первоначально Моисеем (Исх. 30, 11–16), но ежегодной стала после построения храма Соломонова (2 Пар. 24, 6).

На вопрос сборщиков Петр ответил утвердительно, не сомневаясь, что Иисус уплатит требуемую подать, а это дает основание полагать, что и прежде Иисус, не желая нарушать закон, платил установленные подати. Хотя Иисус не слышал ни вопроса сборщиков, ни ответа Петра, так как находился в это время в доме, но последовавшим затем разговором Своим с Петром дал ему и другим Апостолам понять, что от Него, как всеведущего, ничто не может скрыться. Когда Петр вошел в дом, где находился Иисус, то, конечно, должен был тотчас же передать Ему требование сборщиков. Но Иисус не дал ему высказаться, предупредив его рассказ вопросом: **как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних?** (Мф. 17, 25).

С Иисуса требовали подать на храм Божий, как бы для Бога; конечно, Сын Божий свободен был от платежа этой подати, подобно тому, как и цари земные берут подати только с посторонних, освобождая от уплаты их своих сынов, то есть членов своего семейства. Но чтобы не подавать повода к новым обвинениям в нарушении закона, Иисус, не имея средств уплатить храмовую подать, указал Петру — как и где он найдет статир для уплаты подати за Него и за себя. **Пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя** (Мф. 17, 27). (Статир — две дидрахмы).

«Если он знал, что во рту рыбы, которая первая попадется Петру, есть проглоченный ею статир, то Он всеведущ. Если создал Он статир во рту рыбы, то Он всемогущ» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1. С. 337).

Евангелист не говорит, пошел ли Петр к морю и поймал ли рыбу со статиром во рту, но мы не сомневаемся в том, что рыба со статиром во рту действительно была поймана, так как Иисус Христос совершил множество чудес, значительно превосходящих это чудо своим величием.

ГЛАВА 23. Путешествие Иисуса в Иерусалим на праздник кущей. Толки о Нем. Речь Иисуса о Себе.

Приказ первосвященников и фарисеев схватить Иисуса

Приближался праздник Иудейский — поставление кущей, установленный в воспоминание сорокалетнего странствования евреев в пустыне, когда они шли из Египта в землю обетованную; праздновался он семь дней, с 15 дня седьмого лунного месяца (тирси). В продолжение всех семи дней народ должен был жить в особых палатках, или шалашах, называвшихся кущами.

На этот праздник сходились в Иерусалим почти все евреи, имевшие к тому какую-нибудь возможность. Толпы народа уже шли туда, а Иисус, по-видимому, ничем не обнаруживал желаний Своего идти на праздник. Последнее время Он заметно избегал народной толпы и большую часть времени посвящал беседам с Апостолами наедине.

Приглашение Иисуса так называемыми братьями его идти в Иерусалим и объявить себя миру

Так называемые братья Иисуса (о том, что они не были Его родными братьями, — См. с. 185–187), отправляясь на праздник, уговаривали и Его идти туда же. «Иди, — говорили они, — в Иудею; там яви Себя миру; зачем скрываться здесь в Галилее желающему быть известным?» Передавая слова их, Евангелист поясняет, что они не веровали в Иисуса.

Нет ничего удивительного в том, что так называемые братья Иисуса не веровали в Него как в Мессию [48]. Они, как и большинство современных им евреев, были убеждены, что ожидаемый ими Мессия будет непобедимым завоевателем, блистательным царем всего мира, и подчинит весь мир евреям. Понятно, что при таких воззрениях на назначение Мессии они не могли признать кроткого и бедного Иисуса желанным Избавителем. Они несомненно знали о совершаемых Им чудесах, но с учением Его едва ли были знакомы. Если назаретяне не хотели верить, не хотели даже и подумать о том, что их согражданин, плотник Иисус, мог быть Мессией, то тем более не могли верить в Него его ближайшие родственники, от которых тоже была скрыта тайна Его рождения. Что эти родственники не ходили за Иисусом, а знали о делах Его только по слухам, видно из их же слов. Они советуют Ему не скрываться здесь, а идти в Иудею: **чтобы и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь** (Ин. 7, 3). Если они думали, что ученики Иисуса не видели дел, которые Он творил, то из этого можно заключить, что они имели в виду только последнее время служения Его, когда Он действительно избегал многолюдства и уединялся с Апостолами для приготовления их к предстоящим страданиям Его, смерти и Воскресению; из этих слов их видно, что о времени, предшествовавшем этому уединению, они совсем ничего или почти ничего не знали.

«Мое время, — сказал Христос, — то есть время действовать так, как вы Мне советуете, еще не настало; мир... Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы (Ин. 7, 6–7); эта ненависть может ускорить наступление конца, что было бы противно воле Отца Моего. **Вас мир не может ненавидеть**, потому что вы своим неверием в Меня не возбуждаете против себя злобы его: вы и идите на праздник, а Я еще не пойду (Ин. 7, 8)».

Прибытие Иисуса в Иерусалим на праздник кущей

Иисус не хотел идти в Иерусалим к началу праздника. Он знал, что Его будут ожидать там, и потому не желал придавать торжественности Своему приходу. В свое время Он не уклонился от торжественного

въезда в Иерусалим, а теперь время для этого еще не настало. Поэтому Он пришел в Иерусалим в половине праздника, и не торжественно, не в сопровождении толпы народа, а **как бы тайно** (Ин. 7, 10). Выражение Евангелиста — **как бы тайно** — указывает лишь на отсутствие обычной толпы, всегда и всюду сопровождавшей Иисуса, но не на скрытность Его прихода. Если бы Он хотел скрываться, то не вошел бы в храм, где все тотчас же узнали Его. Между тем, Он вошел в храм и стал учить находившийся там народ.

Толки о Нем в народе

В начале праздника, когда все несомненно ждали прибытия Иисуса, много толков о Нем было в народе. Эти толки особенно поддерживались поисками врагов Его, постоянно расспрашивавших всех: **где Он?** (Ин. 7, 11). Впрочем, опасаясь преследования со стороны своих начальников и руководителей, народ не смел **явно** говорить о Нем, поэтому Евангелист ограничивается кратким указанием на толки в народе об Иисусе: **говорили, что Он добр** (Ин. 7, 12, 13). Да, вспоминая все исцеления, все благодеяния, которыми пользовались все приходившие к Иисусу, народ признавал, что только истинно добрый может делать столько добра, но враги Христовы, прислушиваясь к говору народному, со своей стороны старались внушить всем, что в делах Иисуса нет ничего доброго, что Он обольщает, обманывает народ.

Удивление иудеев по поводу знания писания Иисусом нигде не учившимся

Когда Иисус, в половине уже праздника, вошел в храм и обратился к народу с проповедью, то присутствовавшие при этом Иудеи, переговариваясь между собой, высказывали невольное удивление, **как Он знает Писания, не учившись?** [\[49\]](#) (Ин. 7, 15).

В то время знание Писания, то есть ветхозаветных книг закона и пророков, составляло достояние лишь тех, которые приобретали эти знания в известных школах ученых раввинов, а Иисус, как это всем было известно, не был ни в одной из таких школ. Как же, каким путем Он мог так основательно узнать Писания? Этот вопрос был неразрешимым для книжников и фарисеев, так как они признавали Иисуса только человеком, могущим приобретать знания лишь от подобных же себе людей.

Объяснение Иисусом источника всех его знаний

Иисус тотчас же разъясняет их недоумение, говоря: **«Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня [\[50\]](#)** (Ин. 7, 16); все, что Я знаю и чему учу, Я знаю от Того, Кто послал Меня. Если бы Я желал славы Самому Себе, то говорил бы от Себя, но Я говорю именем Пославшего Меня, ищу славы Ему, а не Себе; уже по одному этому вы должны бы признать, что нет во Мне неправды и что учение Мое и все знания Мои — от Бога. Но кто из вас хочет творить волю Божию, кто без предубеждения вникнет в Мое учение, тот и без этого познает, что оно — от Бога. Впрочем, вы не желаете творить волю Божию, и потому вам трудно понять, что Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня; это вы доказываете тем, что не исполняете данного вам Моисеем закона, в котором тоже выражена воля Божия. Никто из вас не поступает по закону Моисея; между тем, Меня вы обвиняете в нарушении закона и хотите за это убить».

Вся эта речь Иисуса была обращена к начальникам еврейского народа, книжникам и фарисеям, как ответ на их недоумение — как Он знает Писания не учившись? Но народ, не знавший еще о замыслах своих начальников погубить Иисуса и принимая последние слова Его на свой счет, обиделся; из толпы послышались голоса: **кто ищет убить Тебя?** Не злой ли дух внушает Тебе такие мысли? **Не бес ли в Тебе?** (Ин. 7, 20).

Евангелист не рассказывает того поучения, с которым Иисус обратился к народу, войдя в храм, но из последующего изложения видно, что речь шла, между прочим, об исцелении больного в субботу. Говорил Иисус и раньше о том, что добрые дела можно делать и в субботу; повторил Он то же и теперь, указав на обычай евреев совершать обрезание и в субботу, чтобы не пропустить установленного для того восьмого дня от рождения. Окончил Свою речь Он призывом судить о законе не по букве его, не по внешности, но по

внутреннему его содержанию, по духу его, дабы суждение могло считаться правильным.

Слушая, как Иисус обличает законников, *иерусалимляне*, которые могли знать о злоумышлениях врагов Его, в недоумении рассуждали: **«Не Тот ли это, Которого ищут убить?»** (Ин. 7, 25). Как же позволяют Ему так открыто и смело говорить? Почему же начальники молчат? Не удостоверились ли они, что Он подлинно Христос? Впрочем, нет, Он не Христос: мы знаем откуда Он, а откуда придет Христос — никто не будет знать».

Раввины учили, что Мессия родится в Вифлееме, потом незаметно исчезнет и внезапно откроется, но никто не будет знать, откуда и как.

Эти рассуждения иерусалимлян, ближе стоявших к правящей партии, не могли скрыться от Иисуса. Он громким голосом сказал им: «Вы говорите, что знаете Меня, и знаете откуда Я? Но вы ошибаетесь; вы не знаете Того, Кто послал Меня; как же можете знать Меня? Я знаю Его как Пославшего Меня, а вы не знаете Его».

Приказ первосвященников и фарисеев служителям схватить Иисуса

Эти слова показались обидными гордым фарисеям, которые считали евреев избранными Самим Богом из всех народов земли, а себя хранителями и истолкователями Его воли. Поэтому они с нетерпением следили за Иисусом, ожидая первой удобной минуты схватить Его, но, однако, никто не решился наложить на Него руки. Между тем говор в толпе продолжался, многие уверовали в Иисуса и, в оправдание своей веры, говорили: **когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?** (Ин. 7, 31). Фарисеи, услышав такие толки о Нем в народе, поспешили устроить совещание с первосвященниками и решили не откладывать далее осуществление своих замыслов, а скорее схватить Его. Для исполнения этого решения посланы были служители синедриона, но им, по-видимому, не было дано прямого приказа идти и схватить Иисуса, а поручено было только следить за Ним и не упустить удобного для ареста времени, как это видно из последующих действий этих служителей.

Зная, по всеведению Своему, состоявшееся распоряжение первосвященников и фарисеев, Иисус обратился ко всему окружавшему Его народу и сказал: **«Еще не долго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня** (Ин. 7, 33). Я пойду Сам, когда настанет тому время, и время это близко; не долго быть Мне с вами. Вы хотите схватить Меня и убить, но когда Я пойду к Пославшему Меня, то будете желать Меня видеть, будете искать и не найдете, так как не можете прийти туда, где буду Я». Этими словами Иисус указывал на предстоявшее Ему восшествие к Отцу, куда никто из людей не может прийти. В словах же — **будете искать Меня, и не найдете** (Ин. 7, 34) — заключается предсказание, что евреи, не принявшие Иисуса, будут потом искать Мессию, и не найдут; будут тщетно ждать Его пришествия, и никогда не дождутся.

Враги Иисуса не поняли этих слов. Рассуждая о них с нескрываемой насмешкой, они говорили: **куда Он хочет идти?** (Ин. 7, 35). Не хочет ли Он, отвергнутый нами, идти к язычникам и их учить? **И что значат сии слова... будете искать Меня, и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете придти?** (Ин. 7, 36).

Эллинским рассеянием называлось поселение или рассеяние евреев в странах, населенных греками, эллинами. Эллинами же называли евреи и всех вообще язычников, поэтому слова — идти в эллинское рассеяние и учить эллинов — означали: идти к язычникам и учить их.

В последний день праздника евреи оставляли свои кущи, торжественным шествием вступали в храм и оттуда расходились по домам своим, что служило воспоминанием вступления в Обетованную землю. Пять дней перед тем евреи предавались увеселениям, а в этот день, называвшийся великим, при чтении Закона и при совершении особых обрядов, вспоминали все величайшие события народной жизни. В этот день, как и в предшествовавшие дни праздника, очередной священник шел из храма к Силоамскому источнику;

здесь он наполнял золотой сосуд водой и, при радостных криках толпы и звуках труб и кимвалов, относил его в храм и восходил с ним к жертвеннику всесожжения; при криках народа — *подыми руку!* — священник выливал из сосуда воду. Этот обряд установлен был в воспоминание того события, как странствовавшие в безводной пустыне евреи изнемогали от жажды и как Моисей, по повелению Божию, *поднял руку, ударил жезлом своим в скалу и извлек из нее источник воды* (Исх. 17, 6; Числ. 20, 11).

Призыв Иисусом к себе всех жаждущих истины

Иисус воспользовался этим обрядом, чтобы объяснить народу, каким путем он может удовлетворить свою духовную жажду, свое стремление к познанию правды Божией. **«Кто жаждет,** — сказал Он громким голосом, обращаясь к толпе, — **иди ко Мне и пей** (Ин. 7, 37). Кто хочет познать волю Божию, кто хочет быть достойным сыном Отца Небесного и достигнуть блаженства вечной жизни, — **иди ко Мне!** Возьми на себя иго Моих заповедей, научись от Меня кротости и смирению, пей из этого источника спасения! **Кто верует в Меня,** тот Сам сделается источником благодати, которая будет утолять духовную жажду ищущих спасения; тот сам сделается скалой, из которой, как из скалы горы Хорива, **потекут реки воды живой** (Ин. 7, 38)».

Приводя эти слова Иисуса, Евангелист поясняет, что Иисус, уподобляя каждого верующего в Него скале, источающей воду, говорил об озарении верующих благодатью Духа Святого, каковое должно было совершиться после Его прославления, то есть после Его Вознесения.

Рассуждения в народе: не мессия ли Иисус; вмешательство фарисеев в эти рассуждения

Речь Иисуса взволновала толпу. Все стали рассуждать о Нем; одни признавали в Нем Пророка, другие же уверенно говорили: **Это Христос**. Прислушиваясь к этим разговорам, фарисеи сказали своим единомышленникам, а те разнесли в толпе народной иные суждения: известно всем, что Иисус родом из Галилеи, из города Назарета, а разве из Галилеи может прийти Христос? В Писании сказано, что Христос придет из Вифлеема, из того места, откуда был Давид; поэтому при таком ясном указании Писания Иисус-галилеянин не может быть Мессией-Христом.

Что эти рассуждения исходили не от самого народа, а от книжников и фарисеев, видно уже из того, что они основаны на Писании, знанием которого народ не обладал. Ветхозаветные книги были написаны на древнееврейском языке, которого современные Иисусу евреи не понимали, так как говорили на особом арамейском наречии. Сами же фарисеи называли народ невеждою в законе. Поэтому невероятно, чтобы невежественный в Писании народ мог сам, без подстрекательства книжников и фарисеев, приводить уверовавшим в Иисуса возражения, основанные на Писании.

Споры среди народа о личности Иисуса дошли до того, что некоторые хотели схватить Его. Кто же хотел схватить Его? Не служители ли синедриона, для того и посланные в храм? Скорее всего, что это были именно те самые служители. Желая исполнить приказание начальства, они пытались схватить Иисуса, но каждый раз их руки опускались: совесть подсказывала им, что грех тронуть такого Человека. В таком настроении духа они возвратились к первосвященникам и фарисеям и на упрек их — **для чего вы не привели Его?** — отвечали: **никогда человек не говорил так, как Этот Человек** (Ин. 7, 46).

Злобные фарисеи в ужасе воскликнули: **«Неужели и вы прельстились?»** (Ин. 7, 47). Неужели вы, так близко стоящие к нам, могли поверить, что галилеянин может быть Христом? Вы бы прежде подумали, **уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев** (Ин. 7, 48), людей, сведущих в Писании, знающих, откуда придет Христос? Вы увлеклись верой народа, **но этот народ невежда в законе, проклят он** (Ин. 7, 49)».

Голос Никодима в защиту Иисуса

Каково же было изумление озлобленных и раздраженных неудачей фарисеев, когда из их же среды раздался голос в защиту Иисуса! Фарисей Никодим, приходивший к Иисусу ночью во время Его пребывания

в Иерусалиме после Крещения, спросил своих товарищей: **судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?** Вопрос Никодима доказывает, что все это происходило в заседании синедриона, и что Иисус уже был осужден на смерть; иначе незачем было говорить: судит ли закон наш человека без выслушивания его объяснений и оправданий? Со злобной насмешкой возразили они Никодиму: **«И ты не из Галилеи ли?** Ведь только невежественный галилеянин может поверить, что Мессия может быть из Галилеи! А ты — ученый фарисей! Рассмотрни же повнимательнее Писания, и узнаешь, что из Галилеи не может быть даже пророка». Никодим не стал спорить с ними, и все разошлись по домам.

ГЛАВА 24. Грешница перед судом Иисуса. Речь Иисуса о Себе. Обличение фарисеев. Покушение фарисеев убить Иисуса

Проведя ночь в молитве на горе Елеонской, Иисус утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их (Ин. 8, 2).

Грешница перед судом Иисуса

Книжники же и фарисеи, желая найти что-нибудь к обвинению Его (Ин. 8, 6), привели к Нему в храм женщину, застигнутую при самом совершении ею прелюбодеяния, и, поставив ее пред Ним, посреди расступившегося народа, сказали: «Учитель! эта женщина взята в самом действии прелюбодеяния. Вот свидетели тому. А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь? (Ин. 8, 4–5). Как нам поступить? Побить ее камнями или отпустить?»

Предлагая такой вопрос, книжники и фарисеи были уверены, что как утвердительным, так и отрицательным ответом на него Иисус даст им повод к обвинению Его. Если Он скажет — *побейте ее камнями, как повелел вам Моисей*, — то Его можно будет обвинить перед римским правителем Иудеи, так как римские уголовные законы, действовавшие во всех подчиненных Римской империи странах, не допускали смертной казни за прелюбодеяние; да и самое произнесение смертных приговоров было отнято от местных еврейских судов и синедрона. Если же Он скажет — *отпустите ее*, — то Его можно будет обвинить в нарушении Закона Моисея. Словом, они спрашивали: кому надо повиноваться — римскому императору или Моисею?

Задав такой вопрос, книжники и фарисеи, нагло смотрели на Иисуса, как на поставленного ими в безвыходное, по их мнению, положение. Но Он, **наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания** (Ин. 8, 6). Молчание Иисуса раздражало обвинителей, и они **продолжали спрашивать Его**, то есть много раз повторяли свой вопрос, а Он все молчал и продолжал писать пальцем на песке.

Наконец, Иисус, подняв голову и посмотрев на нетерпеливых обвинителей, сказал: **кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И** не желая даже видеть, какое впечатление произвели Его слова на коварных врагов Его, опять наклонился низко и писал на земле.

Слова Иисуса произвели потрясающее впечатление на всех. Как стрелой, они проббили заскорузлую совесть книжников и фарисеев и заставили их вспомнить свои грехи; они стояли в безмолвии, руки их опустились, взоры потупились; они, быть может, впервые почувствовали стыд и, обличаемые совестью, стали тихо один за другим, расходиться и скрылись все. По-видимому, и народ последовал за ними, так как, по сказанию Евангелиста, **остался один Иисус и женщина, стоящая посреди** (Ин. 8, 9).

Книжники и фарисеи, приведшие грешницу в храм к Иисусу, не имели права судить ее и приговаривать к установленному в римских законах наказанию, так как не были судьями, не составляли суда как государственного установления. Они привели грешницу в храм с намерением уличить Иисуса в нарушении закона — или римского, или Моисеева; к самой же грешнице отнеслись с глубоким презрением и обнаружили свое жестокосердие: они выставили ее на позорище, злословили, осуждали ее, забыв свои грехи и противопоставляя ее нравственному падению свою мнимую праведность; они, вероятно, произносили при этом, хотя и не во всеуслышание, свою обычную молитву: **Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики и прелюбодеи** (Лк. 18, 11–12).

Вот почему Иисус, вместо прямого ответа на их вопрос, заставил их совесть заговорить и сказать им: может ли человек упрекать ближнего своего в грехе, когда и сам грешен? Может ли осуждать другого человек, сам достойный осуждения? **Кто из вас без греха**, сказал Христос, **первый брось на нее камень!** Никто не бросил камня в грешницу; все, как горделивые книжники и фарисеи, так и бесхитростный народ, все вынуждены были признать себя грешными, все со стыдом удалились.

Иисус пощадил удалившихся и даже не посмотрел на них, а когда храм опустел, то обратился к грешнице, стоявшей неподвижно посреди храма, с вопросом: **женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?**

Женщина эта имела полную возможность выйти незаметно с народом из храма и скрыться, но она осталась, она не посмела уйти; она понимала теперь, что, куда бы ни бежала, не скрыться ей никогда от Того, Кому ведомы даже и помышления людей. В сознании своей греховности готовая, быть может, броситься к ногам Судьи и в раскаянии просить прощения, она, однако, должна была чувствовать, какая неизмеримая пропасть лежит между нею и безгрешным Христом, и, вероятно, поэтому, стояла неподвижно, не смея даже взглянуть на Него. Лишь кроткий вопрос Иисуса вывел ее из томительного оцепенения, и она ответила: **никто, Господи**.

И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грехи (Ин. 8, 11).

Господь не осудил грешницу потому, что пришел не судить, но спасти погибающих грешников. Пришел Он исполнить волю Отца Небесного; воля же Отца — никого не погубить, но всех спасти.

Условность прощения и неосуждения

Некоторые толкователи полагают, что в этих словах Иисуса заключается прощение грешнице ее греха. Но такое толкование едва ли правильно. В тех случаях, когда Христос прощал грехи, то прямо и говорил: **прощаются тебе грехи** (Мф. 9, 2; Мк. 2, 5; Лк. 5, 20; 7, 48); а тут сказал: и **Я не осуждаю тебя**. Неосуждение не равносильно прощению. **Не осуждаю** — значит, не подвергаю ответственности за грех, но и не освобождаю от нее; иди и впредь не грехи! И если действительно не будешь грешить, то тогда, и только тогда, освободишься окончательно от ответственности за прежние грехи; только тогда они будут прощены. Это, так сказать, *условное осуждение*, которое, в силу своей условности, равносильно условному прощению. **Иди и впредь не грехи!** Тогда прежние грехи твои не будут вменены тебе в вину ни здесь, ни на окончательном Суде; но если ты вновь начнешь грешить, то призовешь на свою голову наказание даже и за те грехи, за которые не был в свое время осужден, и мог бы быть окончательно прощен.

Не будем же осуждать, упрекать, поносить ближнего за совершенный им грех. Посмотрим прежде на себя, на свое прошлое, и, наверное, найдем там множество всевозможных грехов; и тогда, вспомнив сказанное — **кто из вас без греха, первый брось... камень!** — воздержимся от осуждения других. Будем строги к себе и снисходительны к другим. Будем почаще повторять великопостную молитву: «Господи! Даруй мне зреть мои прегрешения и не осуждать брата моего».

После этого события, в тот же или другой какой-либо день, Иисус опять поучал народ. Евангелист очень кратко говорит об этом поучении, передавая лишь главную мысль его. Можно догадываться, что этому поучению послужило поводом воспоминание на празднике кущей, как чудесный огненный столб освещал в пустыне путь евреям и привел их в землю Обетованную. То был свет, руководивший одним только народом еврейским и указывавший ему путь к лучшей, чем в Египте, земной жизни. Христос же пришел указать не одним евреям, а всему миру путь к блаженству вечной жизни. Поэтому, обращаясь теперь к народу, находившемуся под впечатлением воспоминаний о свете, приведшем его в землю обетованную, Он сказал: **Я — свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни** (Ин. 8, 12). Как евреи, освещаемые на пути из Египта огненным столпом, даже и ночью

не были во тьме, так и последователи Христа не только не будут блуждать во тьме неведения правды Божией, но и сами станут светом, ведущим в жизнь вечную.

Фарисеи, опираясь на общепринятое правило, по которому никто не может быть свидетелем в своем деле, возразили Иисусу: **Ты Сам о Себе свидетельствуешь; поэтому свидетельство Твое не может быть истинно** (Ин. 8, 13).

Речи Иисуса о Себе и в Своем единосущии с Отцом

«Если Я и Сам о Себе свидетельствую, то и в таком случае свидетельство Мое истинно, — сказал Иисус, — потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду (Ин. 8, 14). Вы судите по человечеству Моему, по плоти Моей, и считаете Меня только Человеком, поэтому-то вы и заблуждаетесь и требуете от Меня иного свидетельства [51]. Дела Мои должны вас вразумить, что ими свидетельствует о Мне Отец Мой, пославший Меня в мир, и что, таким образом, о Мне свидетельствуют двое, Я Сам и Отец, а свидетельство двух даже и по вашему закону считается истинным. Но пусть будет так, как будто Я Сам свидетельствую о Себе; и в таком случае свидетельство Мое истинно, потому что Я знаю, что Я пришел от Бога, и к Нему иду: может ли быть ложным такое свидетельство? Я не сужу никого (Ин. 8, 15), так как пришел спасать грешников, а не судить; а если и сужу Я о Себе, то суд Мой [52] истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня».

Слыша уже много раз речь Иисуса об Отце и притворяясь непонимающими, фарисеи спросили Его: **где Твой Отец?**

«Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего, — сказал Иисус, — но так как вы не хотите познать Меня, не знаете Меня, то не знаете и Отца Моего».

Позднее, в прощальной беседе с Апостолами, на просьбу Филиппа — **покажи нам Отца**, — Иисус сказал: **Видевший Меня видел Отца**, так как **Я в Отце и Отец во Мне** (Ин. 14, 8—10). На вопрос же фарисеев Иисус не стал повторять сказанное Им много раз о Своем единосущии с Отцом, а ограничился лишь указанием, что они не могут знать Отца потому, что не хотят знать Сына.

Но и из этих слов фарисеи могли вывести заключение, что Иисус приравнивает Себя к Богу, и потому могли бы считать эти слова достаточным поводом к обвинению и аресту Его; однако **никто не взял Его**, потому что, как объясняет Евангелист, **еще не пришел час Его**.

Продолжая прерванную фарисеями речь о предстоящем отшествии Его к Отцу, Иисус сказал: **«Куда Я иду, туда вы не можете придти. Познать Меня и раскаяться в своих заблуждениях вы можете только здесь, пока Я с вами; когда же Я отойду, то раскаяние вам не поможет: вы будете искать Меня, но тщетно, и умрете в грехе вашем»**.

С нескрываемой насмешкой рассуждали фарисеи между собою, но однако же так, чтобы и Иисус слышал их: что это он говорит: **Куда Я иду, туда вы не можете придти? Неужели Он убьет Сам Себя?** Ведь только в таком случае мы действительно не можем последовать за Ним, так как не решимся на самоубийство.

«Вы рассуждаете так, — ответил им Христос, — потому, что судите обо всем по человечеству своему и не хотите отрешиться от своих чисто земных, низменных понятий; вы не хотите вознестись мысленно к иному миру, миру небесному; все ваши помыслы, все ваши желания сосредоточены на обеспечении себя исключительно благами мира сего, этой временной земной жизни. Я же не от сего мира (Ин. 8, 23); потому вы и не понимаете Меня; потому-то Я сказал вам и вновь повторяю, что **если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших**».

Вопрос фарисеев: Кто же Ты?

Кто же Ты? — спросили фарисеи. Иисус не назвал Себя ни разу Мессией, Христом, Избавителем, Который был обещан евреям, Которого они ждали; но Он так прозрачно, так понятно высказывал это другими словами, что все должны были понять Его; понимали и фарисеи, но притворялись непонимающими и упорствовали в этом мнимом непонимании. Вот почему и на этот вопрос Иисус не дал прямого ответа.

Ответ Иисуса переведен на церковнославянский и русский языки не так, как его понимали древние и некоторые из новейших толкователей. Приводим оба перевода:

На церковнославянский язык:

Глаголаху убо ему: ты кто еси; И рече им Иисус: начаток, яко и глаголю вам.

На русский язык:

Тогда сказали Ему: кто же Ты? Иисус сказал им: от начала Сущий, как и говорю вам.

Различные переводы и толкования этого ответа

Если признать этот перевод правильным, то надо признать также, что Иисус, не давая в других случаях фарисеям ни разу прямого ответа на подобные вопросы, на этот раз ответил прямо и решительно, сказав: Я — **от начала Сущий** (Ин. 8, 25). А так как Существующим от начала, или Безначальным (что одно и то же), признается только Бог, то, говоря так, Иисус объявил Себя Богом или Богочеловеком.

Между тем, Феофилакт переводит этот ответ Иисуса иначе. «Господь говорит: "Я говорю вам то, что и в начале"» (Толкование на Иоанна, с. 209). По переводу епископа Михаила, Иисус сказал им: «Прежде всего, я то, что и говорю вам» (Толковое Евангелие. 3. С. 262). А по мнению Иоанна Златоуста, ответ Иисуса значит вот что: «Вы недостойны даже слушать слова Мои, не только знать, кто Я, потому что вы все говорите с намерением искушать Меня и нимало не внимаете словам Моим» (Беседы на Евангелие от Иоанна. 59). Евфимий Зигабен понимал этот стих так же, как и Иоанн Златоуст: «Это все равно, если бы Иисус Христос сказал так: совершенно излишне даже и то, что Я говорю вам; вы недостойны никакого слова, как искусители» (Толковое Евангелие от Иоанна. С. 136). К. П. Победоносцев в своем переводе «Нового Завета» на русский язык переводит слова Господа так: «Я начало, как и говорю вам».

Таким образом, ни один из этих переводов не согласуется с синодальным переводом на русский язык. Какой же перевод надо считать правильным?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что в Своей речи Христос высказал фарисеям много горькой правды о них же самих, и даже назвал их сынами диавола, исполняющими похоти отца своего. И эта горькая правда, эти слова, которые должны были показаться оскорбительными для гордых сынов Авраама, были встречены ими лишь с язвительной насмешкой: не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе? (Ин. 8, 48). Но когда Христос в конце этой беседы сказал: **прежде нежели был Авраам, Я есмь** (Ин. 8, 58), то есть когда Он назвал Себя Вечносущим, или Богом, то фарисеи бросились к сложенным в кучи камням, чтобы ими казнить Его. Между тем, после ответа Иисуса на вопрос — **кто же Ты?** — фарисеи не только не прибегли ни к какому насилию, но даже ничем не помешали Ему продолжать Свою речь. А из такого поведения врагов Христовых вслед за ответом Его на вопрос — **кто же Ты?** — надо заключить, что самый ответ не содержал в себе ничего такого, что могло бы вызвать взрыв негодования со стороны фарисеев. Если бы Господь отвечал на этот вопрос так, как сказано в русском синодальном переводе (Я — **от начала Сущий**), то ответ этот, несомненно, вызвал бы такой же, если не еще больший, порыв фарисеев тотчас же казнить Иисуса. А так как ничего подобного не произошло, то следует признать, что и ответа такого не было.

Как же ответил Господь на вопрос — **кто же Ты?** Он не дал им прямого ответа, но выразил сожаление, что они до сих пор не знают, Кто Он? «С самого начала Моей проповеди Я говорю вам, Кто Я, но вы все не хотите понять Меня. Что же сказать вам теперь? Скажу то же, что и от начала говорил вам».

Продолжая прерванную вопросом фарисеев речь о том, что евреи умрут во грехах своих, если не уверуют в Него, Иисус сказал: «**Много имею говорить и судить о вас** (Ин. 8, 26), и хотя вам неприятно слушать Мои обличения вашего упорства в неверии, но Я должен это говорить, так как слышал это от Пославшего Меня».

Слушатели **не поняли, что Он говорил им об Отце** (Ин. 8, 27), Боге, но Иисус продолжал Свою речь и сказал: «Теперь вы не понимаете того, что Я вам говорю, но **когда вознесете Сына Человеческого** (Ин. 8, 28), тогда поймете Меня и признаете, что Я лично от Себя ничего не делал и не говорил, и делал только то, что угодно было Отцу Моему, Который всегда был со Мною и не оставлял Меня никогда».

Речь эта произвела сильное впечатление на слушателей, из которых многие уверовали, что Иисус есть истинный Мессия. В числе уверовавших несомненно были и из враждебной Иисусу партии, так как, по сказанию Евангелиста, Иисус обратился к уверовавшим в Него **Иудеям** (Ин. 8, 31); иудеями же Евангелист Иоанн называл, в отличие от народа, только враждебную Иисусу партию, состоявшую из первосвященников, старейшин еврейского народа, книжников, фарисеев и саддукеев.

Итак, не ко всем уверовавшим, а только к так называемым иудеям, уверовавшим в Него, обратился теперь Иисус: «Вы обнаруживаете веру в Меня и высказываете готовность быть Моими учениками; но одного желания недостаточно; надо быть верным Моему слову, надо в точности соблюдать все, что Я заповедую; и **если пребудете верными в слове Моем** (Ин. 8, 31), то будете истинными учениками Моими и познаете возведенную Мною волю Божию, то есть истину, и это познание истины сделает вас свободными» [53].

Ему отвечали; кто отвечал? Иоанн Златоуст полагает, что отвечали те же только что уверовавшие в Иисуса *иудеи*. Но враждебное настроение отвечавших, а также невероятность такого быстрого отпадения только что уверовавших, доказывают, что отвечали или возражали Иисусу иудеи, не уверовавшие в Него, но стоявшие тут же, среди уверовавших.

Обличение фарисеев в том, что они — сыны диавола и творят волю его

Фарисеи, гордившиеся происхождением от Авраама, которому, по их мнению, было обещано господство над миром, а не рабство, возразили Иисусу: «Как же Ты говоришь, что сделаешь нас свободными? Мы и без Тебя, как потомки Авраама, свободны; мы не были рабами никому никогда». Говоря так, гордые своим происхождением от Авраама фарисеи забыли, что предки их были рабами в Египте и Вавилоне и что они сами подвластны чужеземному царю, то есть тоже находятся в политическом порабощении. Но Иисус не указал им на эту ошибку, потому что говорил не о политической свободе, а о свободе духа, о свободе от заблуждений и греха. «**Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха** (Ин. 8, 34), а от этого рабства может избавить только Бог. Да, познание истины сделает вас свободными!»

Фарисеи могли бы возразить Ему, что для избавления от грехов они приносят жертвы, установленные Моисеем, и что священники очищают их от грехов. Предвидя подобное возражение, Иисус говорит, что священники их, будучи сами рабами, не имеют власти прощать другим грехи. «**Раб не пребывает в доме вечно** (Ин. 8, 35), он не господин дома, а сын — господин дома; как господин дома может освободить своих рабов и сделать их полноправными гражданами, так и вы тогда только будете свободны, когда Сын Человеческий освободит вас от грехов. Хотя вы и потомки Авраама, но не можете этим происхождением от него оправдывать свои действия, так как ищите случая убить Меня. Вы не понимаете Меня; Мое учение не

вмещается в вас, и это происходит оттого, что **Я говорю** вам то, что **видел у Отца Моего**; а вы делаете то, что **видели у отца вашего**».

Отец наш есть Авраам, — сказали фарисеи. «Нет, — возразил им Иисус, — **если бы вы были дети Авраама**, известного своей праведностью и добрыми делами, **то дела Авраамовы делали бы** (Ин. 8, 39); а вы? вы **ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога**; нет, **Авраам этого не делал** (Ин. 8, 40). Поэтому вы не можете называть себя сынами Авраама; есть у вас другой отец, и вы творите дела его, творите то, чего он хочет».

«**Мы не от любодееяния рождены**, — сказали фарисеи, — наш отец — Авраам; а если Ты говоришь о другом отце, то все мы **одного Отца имеем, Бога**».

Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел (Ин. 8, 42). «Но вы не хотите понять Меня, вы даже **не можете слышать слова Моего** (Ин. 8, 43); а почему? Да потому что **ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти** (волю) **отца вашего. Он был человекоубийца от начала** сотворения рода человеческого, и ненависть свою, злобу к людям проявил тем, что соблазнил первых людей; а сделал это он потому, что **не устоял в истине** Божией, и ныне **нет в нем истины**; он говорит только ложь, **ибо он лжец и отец лжи** (Ин. 8, 44). И вы боитесь истины; вы ищете убить Меня, потому что Я говорю истину. Вы **не верите Мне** (Ин. 8, 45), но, однако, **кто же из вас обличит Меня в неправде?**»

Всенародный вызов Иисуса фарисеям обличить его в неправде

Вся эта беседа происходила в храме, в присутствии многочисленной толпы народа, среди которой были уверовавшие в Иисуса, как Мессию, были и не веровавшие в Него. В этой-то толпе, назвав всенародно Своих врагов сынами диавола, творящими волю его, и, вследствие этого еще более озлобив их против Себя, Иисус повелительно спрашивает их: «**Кто из вас обличит Меня в неправде?** Кто укажет хотя бы на один случай, когда Я в словах или делах погрешил против правды?.. Вы молчите? Вы не можете обличить Меня в неправде? Значит, **Я говорю истину**; а если так, то **почему же вы не верите Мне?** (Ин. 8, 46). Ведь Я говорю вам слова Божии, и если бы Бог был вашим Отцом, то вы слушали бы их; но вы не слушаете, потому что вы — не от Бога, потому что не Он ваш отец».

Кто из вас обличит Меня в неправде? Кто из вас может обличить Меня в грехе? (в церковнославянском переводе: **Кто от вас обличает Мя о гресе**). Вот вопрос, с которым никогда и никто из людей не осмелился и не осмелится обратиться к своим врагам. Все люди, даже самые праведные, святейшие, всегда сознавали и сознают, что их можно обличить в неправде и грехе, так как между людьми бывают лишь более или менее грешные, но безгрешных не бывает. А если бы кто был настолько безрассуден, что решился задать подобный вопрос своим врагам, то был бы немедленно уличен и посрамлен. Да и могут ли быть у людей такие озлобленные враги, какими были так называемые Евангелистом Иоанном **Иудеи** по отношению к Иисусу Христу? Только полное сознание Своей безгрешности и правоты во всем, и в словах, и в делах, только безусловная уверенность, что все сказанное Им сказано Самим Богом, и что в Свете истинном никто не найдет тьмы, только такое сознание и такая уверенность дали Христу возможность выставить Себя перед Своими врагами и предложить им всенародно обличить Его в неправде, в грехе.

И никто не осмелился выступить обличителем. Да и после того, на суде синедриона и Пилата, злобные враги Его могли обвинять Его только в том, что Он **сделал Себя Сыном Божиим** (Ин. 19, 7); обличить же и обвинить в неправде и грехе не могли даже при помощи лжесвидетелей.

Все это приводит к убеждению, что Иисус был безгрешен и говорил только правду. А так как Он, как прежде, так и в этой знаменательной беседе с фарисеями, утверждал, что говорит лишь то, что слышал от

Отца Своего, Бога, то мы должны верить, что все сказанное Им сказано Самим Богом, — что, следовательно, в Нем Сам Бог открылся людям. Мы должны верить также, что Иисус — совершеннейший Человек, и вместе с тем — Бог, то есть Богочеловек или воплотившийся Бог. Вообще Иисусу Христу можно или верить вполне, или вовсе не верить, середины не может быть; а так как, по вышеуказанным основаниям, Ему нельзя не верить, то мы должны верить ему вполне во всем, даже и непонятном для нашего ограниченного ума.

Фарисеи давно уже распространяли в народе слух, что Иисус совершает чудеса и изгоняет бесов не божественной силою, но бесовской. Хотя в свое время Иисус блистательно опроверг это обвинение и посрамил Своих обвинителей (см, выше, гл. 18, с. 450), но у них не было против Него иного оружия, кроме гнусной клеветы; и вот теперь, будучи не в силах уличить Иисуса в неправде и грехе, они нагло принимаются за то же оружие и говорят: **Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?**

Слова — **не правду ли мы говорим** — доказывают, что фарисеи и раньше называли Иисуса самарянином, и если Евангелисты об этом не упоминают, то следует признать, что фарисеи называли Иисуса так, по крайней мере, в своем кругу. Самаряне были заклятыми врагами евреев, но, по мнению фарисеев, даже самарянин, если только он не бесноватый, не решился бы сказать, что евреи — сыны дьявола. Вот почему они, не смея возразить Иисусу по существу всей Его речи, ограничиваются повторением прежнего оскорбления.

Выслушав спокойно в высшей степени дерзкие слова фарисеев, Иисус кротко ответил им: **«во Мне беса нет; напротив, подобными речами, которые вам кажутся речами бесноватого, Я воздаю честь Отцу Моему Небесному. Я вынужден говорить с вами так, потому что Я чту Отца Моего; вы же, вместо того, чтобы склонить покорно голову свою перед Тем, Кто говорит вам истину от имени Отца, бесчестите Меня (Ин. 8, 49), называя Меня самарянином и бесноватым; но вместе с тем вы бесчестите и Того, от имени Кого Я говорю и действую, то есть Бога, Которого однако же осмеливаетесь называть Отцом своим. Впрочем Я не ищущу Моей славы; если не хотите признать во Мне Того, Кто Я действительно и воздать Мне подобающую честь и славу, то знайте, что есть Ищущий славы Моей, и Судящий вас, не воздающих славы Мне»** (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3. С. 277).

Все это сказано фарисеям. Обращаясь же к уверовавшим в Него, Иисус сказал: «Если вы, уверовавшие в Меня, соблюдете слово Мое, будете исполнять все заповеди Мои, творя во всем и всегда волю Божию, то не увидите смерти вовек».

Фарисеи не поняли, что слова Иисуса — **не увидит смерти вовек** (Ин. 8, 51) — равнозначащи словам «достигнет блаженства вечной жизни». Они думали, что Он обещает Своим последователям бессмертие в их земной жизни, и потому увидели в этом обещании подтверждение своего гнусного обвинения: **теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер, умерли и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек** (Ин. 8, 52). **Неужели Ты больше... Авраама и пророков? Чем Ты Себя делаешь** (Цн. 8, 53), за Кого Себя выдаешь?

«Вы упрекаете Меня в том, что Я Сам славлю Себя, — сказал им Иисус, — если бы Я действительно Сам, без воли Отца Моего, славил Себя, то такая слава в глазах ваших была бы **ничто**; но вы забываете, что делами, которые Я творю, **Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш** (Ин. 8, 54), и в этих делах Его, творимых Мною, **вы не познали Его**. Если бы вы признавали Его Богом, то исполняли бы заповеди Его, а вы и ими пренебрегаете. Он сказал: «Не убей!». Вы же намереваетесь убить Меня, и только ищете удобного к тому случая, и притом тогда, когда не можете обличить Меня ни в каком грехе. Очевидно, что вы совсем не знаете Его. А Я знаю Его, и знание это доказываю тем, что во всем творю волю Его, **соблюдаю слово Его; и если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжец**. Вы спрашиваете Меня: неужели Я больше отца вашего Авраама? А Я вам скажу на это, что Авраам, которого вы называете

отцом своим, **рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался».**

Аврааму обещано было Богом, что **благословятся в семени его все народы земли** (Быт. 22, 18); вследствие этого Авраам несомненно желал видеть исполнение этого обещания, которое всегда понималось как обещание пришествия Мессии, в Царстве Которого найдут благословение все народы земли. Он рад был увидеть наступление этого Царства; и теперь, когда оно наступило, он, пребывая в ином мире, **увидел и возрадовался.**

Ученые фарисеи и этого не поняли и сказали Ему: **Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты говоришь, что видел Авраама?**

Намерение фарисеев побить Иисуса камнями

На этот вопрос Иисус дает решительный ответ, смысл которого был ясен даже и для фарисеев, потерявших ключ разумения: **прежде нежели был Авраам**, прежде, чем он родился и жил, **Я есмь** (Ин. 8, 58). Фарисеи поняли, что Он говорит о Своей вечности и, следовательно, о Своем Божестве, и вместо того, чтобы уверовать в Него, они бросились к сложенным на дворах храма камням, заготовленным для окончания не отстроенных еще храмовых построек, **и взяли камень, чтобы бросить на Него; но Иисус... пройдя посреди них... пошел далее**, вышел из храма и таким образом **скрылся** от взоров Своих озлобленных врагов. Поставленное в начале этого стиха слово *«скрылся»* может дать невнимательным читателям повод подумать, что Христос бежал от фарисеев, взявшихся за камни; но такое мнение было бы неосновательно: Евангелист ясно говорит, что Иисус, выходя из храмового двора, не искал Себе более безопасного выхода, а прошел **посреди них**, то есть взявшихся за камни, следовательно, не укрывался от опасности; мало того, выйдя из храма, Он не только не предпринял ничего для того, чтобы укрыться от врагов, но сейчас же вновь привлек к Себе их внимание, исцелив слепорожденного. Поэтому надо признать, что Иисус вышел из храма не потому, что фарисеи намеревались убить Его, а потому, что окончил Свою речь торжественным объявлением Себя Вечносущим, то есть Богом. Продолжать после этого беседу с фарисеями не предстояло уже никакой надобности, но показать народу Свое всемогущество, или напомнить ему о нем, надо было. Вот почему Иисус не тайно, а открыто, в сопровождении Апостолов, вышел из храма, пройдя посреди схвативших камни фарисеев, и тотчас же, без просьбы со стороны кого-либо, совершил величайшее чудо, даровав зрение слепорожденному.

ГЛАВА 25. Исцеление слепорожденного. Притча о добром пастыре

Исцеление слепорожденного

Выходя Из храма, Иисус увидел слепого, просившего милостыню. Апостолы спросили Иисуса: **кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?** (Ин. 9, 2). Апостолы, как и большинство евреев, верили, что все важнейшие несчастья случаются с людьми не иначе, как в наказание за особенные грехи, и не только за их собственные, но и за грехи их родителей, дедов и прадедов; такое верование основывалось на законе Моисея, гласившем, что Бог наказывает детей за вину отцов до третьего и четвертого рода (Исх. 20, 5), и на учении раввинов, утверждавших, что ребенок может согрешить еще в утробе матери.

Иисус отвечал им: **Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божий.**

Слова — **не согрешил ни он, ни родители его**, — указывают не на безгрешность их вообще, а лишь на то, что они не совершили такого греха, за какой достойны были бы тяжкого наказания.

Но это для того, чтобы на нем явились дела Божии (но да явятся дела Божия на нем, как сказано в славянском переводе). Буквальный смысл этих слов не оставляет сомнения в том, что человек этот был поражен от рождения слепотой с целью со временем показать на нем чудодейственную силу Иисуса Христа! Но справедливо ли такое поражение слепотой, такое тяжелое наказание для человека, еще не согрешившего? Вместо того чтобы отвечать на этот вопрос, постараемся узнать, правильно ли переведены эти слова с греческого списка Евангелия. По мнению Иоанна Златоуста и Феофилакта, греческое слово *iva* (да, чтобы) нередко, в особенности же в Священном Писании, употребляется для обозначения не причины, а последствия; поэтому правильнее читать этот стих так: «не согрешил ни он, ни родители его; но, вследствие рождения его слепым, на нем явятся дела Божий». Такой перевод устраняет необходимость отвечать на вопрос о справедливости наказания слепотой с целью проявления на нем же силы Божией. Никто не виноват в том, что человек этот родился слепым; он родился слепым по причине, выяснение которой не представляло никакого в данном случае значения, но появление слепорожденного за стеной храмового двора в то именно время, когда Христос всенародно провозгласил Себя Вечносущим, послужило поводом Ему показать или напомнить народу Свое всемогущество.

Это подтверждается последующими словами Иисуса: **Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать** (Ин. 9, 4). День — время работы, ночь — время отдыха; поэтому слова — **Мне должно делать, пока есть день** — надо понимать так: «Мне должно делать дела Пославшего Меня, пока Я здесь, среди вас». Словами же — **приходит ночь** — Христос несомненно указывает на предстоящее отшествие Его из этого мира, на окончание Его земной деятельности.

Доколе Я в мире, Я свет миру (Ин. 9, 5). Как свет не может не светить, так и Я не могу не делать дела Пославшего Меня, пока Я здесь. **Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому** (Ин. 9, 6). Много чудес, много исцелений совершил Христос одним словом Своим, а тут, как и еще в некоторых исключительных случаях, прибег к особым действиям, но не потому, чтобы в них заключалась целебная сила, а для возбуждения веры в исцеляемом; он был слеп, не мог видеть Иисуса, и потому необходимо было каким-либо действием дать ему понять, что над ним сейчас будет совершено чудо. Воздействовав таким образом на слепорожденного и возбудив в нем надежду на исцеление, Иисус послал его умыться в купальне Силоам. Эта купальня была устроена на Силоамском

источнике, вытекавшем из священной горы Сионской, поэтому как источник, так и купальня считались священными. Евангелист Иоанн, писавший свое Евангелие на греческом языке, счел необходимым пояснить, что слово, **Силоам** означает: **посланный** (Ин. 9, 7).

Омывшись в водах Силоама, слепорожденный прозрел. Соседи его и знавшие его прежде как слепого недоумевали, когда увидели Его зрячим; одни из них говорили, что это тот самый, который сидел близ храма и просил милостыню; другие же, не отрицая этого со своей стороны, находили в нем большое сходство с бывшим слепым. Недоразумение это разрешил сам исцеленный, и на вопрос — **как открылись у тебя глаза?** — ответил: **Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: пойдти на купальню Силоам и умойся. Я пошел, умылся и прозрел.** Отчетливо рассказав все случившееся с ним, он не мог, однако, указать на своего Исцелителя, так как не видел Его, не мог даже сказать, где Он, но назвал Его по имени, которое, вероятно, слышал от других. Выслушавшие объяснение бывшего слепца повели его к фарисеям, так как исцеление произошло в субботу, когда, по учению фарисеев, не следовало даже исцелять. Исцеленный рассказал и фарисеям то, что знал о своем исцелении; по поводу этого рассказа между фарисеями произошел спор. Одни (вероятно, громадное большинство) нагло утверждали, что **не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы.** Другие же, по всей вероятности, только что уверовавшие в Иисуса во время беседы Его в храме, не соглашались с таким мнением и говорили: **как может грешный человек творить такие чудеса?** (Ин. 9, 16). Спор этот перешел в *распрю*, и озлобленные враги Христовы, побежденные своими товарищами, обращаются к исцеленному, надеясь в нем найти поддержку своего мнения. Они рассчитывали, что он не осмелится возражать им, так как, по постановлению синедриона, всякий, признавший Иисуса за Христа-Мессию, должен быть отлучен от синагоги. **Ты что скажешь о Нем? — это пророк,** — ответил исцеленный (Ин. 9, 17). Не найдя поддержки своему мнению в исцеленном, злобные иудеи возбудили вопрос: **да был ли он еще слеп? И, призвав родителей его, спросили: это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым? как же он теперь видит?** (Ин. 9, 19). Боясь отлучения от синагоги и мщения фарисеев, родители исцеленного дали уклончивый ответ; они подтвердили, что это их сын, родившийся слепым, но почему теперь видит, — отозвались незнанием. Они ответили, что не были при этом исцелении и потому не знают, кто отверз ему очи; спросите его; он в совершенных летах и потому может отвечать сам за себя.

Удостоверясь таким образом, что исцеленный был действительно слепым от рождения, иудеи вызывают его вторично. На время допроса его родителей он был удален. Враги Христа стараются теперь внушить бывшему слепцу, что они произвели тщательное расследование о Том Человеке, Которого он не знает и даже не видел, и пришли к несомненному убеждению, что **Человек Тот грешник** (Ин. 9, 24). Ненависть их к Иисусу была так велика, что они даже не называли Его по имени. Поверь же нам, говорили они, **воздай славу Богу** и признай со своей стороны Его грешником, нарушающим закон о субботнем покое.

Воздай славу Богу — эта обычная форма заклинания говорить под клятвой истину (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3, 299).

Исцеленный не произнес желанной фарисеями клятвы, но не без глумления над ними сказал: **грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу.**

Что же сделал Он с тобою? как отверз твои очи? — снова спросили его фарисеи. Этот вопрос приводит в раздражение исцеленного. «Вы уже спрашивали меня об этом, и я ответил вам (говорит он), а если тогда вы не хотели меня слушать, то чего теперь хотите от меня? Вы так тщательно исследуете подробности совершенного надо мною чуда, так интересуетесь ими, что можно подумать, не хотите ли и вы сделаться Его учениками?»

На эту явную насмешку фарисеи с гордостью ответили: «**Может быть ты ученик Его, Этого нарушителя**

закона о субботе, а мы ученики того, кто дал нам этот закон, **мы Моисеевы ученики... с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он** (Ин. 9, 28–29)».

Руководители и учителя еврейского народа, очевидно, должны были разузнать, откуда явился Иисус, за Которым идут толпы народа и Которого многие считают Христом, но они говорят, что не знают Его, то есть очевидно лгут. В этой-то лжи и упрекает их исцеленный, говоря: **«Удивительно, что вы не знаете, откуда Он** (Ин. 9, 30), отверзший мне очи, сотворивший чудо, неслыханное от начала века; мы же знаем, что грешников Бог не слушает, а слушает только того, кто чтит Его и творит волю его, и если бы Он не был от Бога, то не мог бы сотворить такое чудо».

Пристыженные простым бесхитростным человеком, ученые фарисеи не в силах далее продолжать спор с ним и, чтобы как-нибудь выйти из неловкого положения, в которое поставил их бывший слепец, прибегают к обычному в подобных случаях способу: указывают на невозможность продолжения спора вследствие неравенства спорящих сторон. «Ты (говорят они) грешник, родившийся весь во грехах, и за то наказанный слепотой; ты ли учишь нас, учителей народных, точных исполнителей закона?» **И выгнали его вон** (Ин. 9, 34) из того собрания, в котором происходил допрос его и его родителей.

Иисусу рассказали обо всем этом, и Он нашел необходимым укрепить в исцеленном так смело исповеданную им веру. Нашедши его, Иисус спросил: **ты веруешь ли в Сына Божия?** (Ин. 9, 35). Исцеленный не видел еще Того, Кто исцелил его, следовательно, и не знал Его, а потому не мог даже и догадаться, что Исцелитель его говорит теперь с ним. Выражая полную готовность веровать в Сына Божия, то есть Мессию, он спрашивает: **а Кто Он?** (Ин. 9, 36). И когда Иисус открылся ему, то он пал пред Ним, поклонился Ему и в умилении воскликнул: **верую, Господи!** (Ин. 9, 38).

Духовное ослепление ученых фарисеев и книжников и просветление слепорожденного дали Иисусу Христу повод сказать несколько слов о последствиях Его явления в мир.

Обличение фарисеев в слепоте

Еще Симеон, держа на руках Младенца-Иисуса, сказал: **се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий... да откроются помышления многих сердец** (Лк. 2, 34). Об этом-то разделении людей на последователей и на противников Его, как следствии явления Его в этот мир, и говорит теперь Христос: **на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы** (Ин. 9, 39).

Современники земной жизни Иисуса, видя Его и слыша Его учение, а последующие поколения изучая Его учение, судят о Нем, и суждения эти приводят их к тому, что превозносящиеся своей ученостью, способностью все видеть и понимать, оказываются иногда непонимающими главного — истины Божией, становятся слепыми по отношению к ней; а те, которые казались непросвещенными наукой и как бы слепыми, сердцем чувствовали эту истину и приняли ее. Этим и оправдались слова Иисуса, что **видящие**, то есть способные видеть и понимать виденное, **стали слепы**, а те, которые не имели способности сразу все увидеть и познать виденное, то есть как бы невидящие, увидели.

Услышав это, некоторые из фарисеев, не все, присутствовавшие в храме, а лишь немногие, случайно появившиеся тут, или нарочно явившиеся сказали Иисусу: **«Неужели и мы, ученые фарисеи, знатоки закона, неужели и мы слепы?»**

«Нет, вы не слепы, — сказал им Христос, — но тем хуже для вас, что вы, не будучи слепы, не хотите видеть того, что происходит перед вами: **если бы вы действительно были слепы**, то ваше неверие, как следствие слепоты, не было бы вменено вам, и вы **не имели бы на себе греха; но как вы говорите**, что вы не слепы, что можете видеть, **то грех** вашего неверия **остается на вас** за то, что вы смотрите и не видите».

Эти слова Господа должны почаще вспоминать все просвещенные светом Его учения. Познавшие

через Него волю Божию, то есть правду, истину, приобрели тем возможность сделаться свободными от заблуждений, от греха, и потому не могут уже отговариваться незнанием этой правды; они не слепы, они прекрасно видят все, все понимают; и если, несмотря на это, они все-таки живут не по правде Божией, то нет им никакого извинения в их грехе, если они покаянием и добрыми делами не искупят его.

Притча о добром пастыре

Фарисеи считали себя непогрешимыми руководителями еврейского народа и истолкователями данного Богом закона; потому-то они с насмешкой и спросили у Иисуса: **неужели и мы слепы?** Объяснив им ответственность их за то, что они видя не видят, Христос в иносказательной, не сразу понятой ими, форме разъясняет им, что они не могут считаться добрыми пастырями народа, так как думают больше о своих личных выгодах, нежели о благе пасомых ими, и потому ведут их не к спасению, а к гибели. Для наглядности Он сравнивает народ со стадом овец, а руководителей народа — с пастырями этого стада. В восточных странах стада овец загоняли на ночь для охранения от воров и волков в пещеры или нарочно устроенные для того дворы, причем в один двор нередко загоняли стада, принадлежащие разным хозяевам; утром привратники открывали пастухам двери двора, пастухи входили в них, отделяли свои стада от чужих, называя своих овец по именам, и выходили на пастбища; овцы узнавали своих пастухов по голосу и виду, слушались их и выходили за ними. Воры же и разбойники не смели войти в охраняемые стражею двери двора, а перелезали тайно через ограду. Все это было прекрасно известно фарисеям. И вот, беря такой общеизвестный пример, Христос говорит: **кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инуде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса** (Ин. 10, 1–5).

Фарисеи не поняли Иисуса; впрочем, мысль, положенная в основу этого иносказания, не была еще Им высказана вполне, и потому Он, продолжая Свою речь, сказал: **истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам... кто войдет Мною, тот спасется** (Ин. 10, 7, 9).

Теперь стало ясно, что Он говорит об основанном Им на земле Царстве Божиим, Царстве людей, соединенных верою в Него и любовью к ближним. Это Царство Он уподобляет двору овец; но так как во двор надо пройти через двери, а в Царство Божие можно войти не иначе, как уверовав в Него, то Он и называет Себя тою дверью, которая ведет в это Царство.

Но Он не только дверь, Он — Пастырь. Он вывел Своих овец из старой ограды Моисеева закона и зовет их к Себе; они идут за Ним, и Он, как Пастырь добрый, ведет их к блаженству вечной жизни, и любовь Свою к ним доказывает тем, что жизнью Своею жертвует за них. Пастырю доброму Иисус противопоставляет воров и разбойников, которые думают только о том, как бы поживиться на счет овец, а также наемника, которому овцы не дороги, который не любит их и думает только о своем личном благополучии. Ворами и разбойниками Он называет всех лже-пророков, лже-мессий, наемниками — фарисеев и подобных им мнимых руководителей народа, а волком — дьявола.

Но Христос пришел не для того только, чтобы вывести евреев из ограды Моисеева закона и привести в Царство Божие; Он пришел спасти весь мир, всех людей, готовых уверовать, к какой бы народности они ни принадлежали, и всех их объединить новым законом любви. Вот почему, говоря о Себе как о Пастыре добром, Он тут же счел нужным вновь рассеять ложные понятия евреев о Мессии как исключительном Царе Израилевом. **Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь** (Ин. 10, 16).

До пришествия Христа можно было делить все народы, населяющие землю, на евреев, поклонявшихся Истинному Богу и составлявших поэтому избранное стадо, и язычников, поклонявшихся

идолам. Слова Иисуса, что будет **одно стадо и один Пастырь**, доказывают, что отныне евреи перестают быть исключительным, избранным стадом Божиим, — что в это избранное стадо будут привлечены и язычники, **овцы... не сего двора**, и таким образом составитя одно разноплеменное стадо под главенством одного Пастыря — Христа. Такая мысль, заключающаяся в приведенных словах Иисуса Христа, ясна и не вызывает никаких возражений.

Но, спрашивается, можно ли развивать эту мысль шире? Следует ли считать, что со временем все без исключения человечество, вмещающее в себе все народы земли, войдет в это одно стадо, — что вне этого стада других стад не будет, и что, следовательно, все люди будут признавать своим Пастырем Иисуса Христа?

Ответ на этот вопрос надо искать в Евангелии, в изречениях Иисуса Христа. Говоря о кончине мира и предстоящем втором пришествии Своем, Христос сказал: **И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец** (Мф. 24, 14; ср. Мк. 13, 10). Это изречение Иисуса Христа приводит к заключению, что до кончины мира всем народам, населяющим землю, будет проповедано Евангелие, то есть будет дана возможность познать истинного Бога и Его волю, но все ли они полюбят Бога и все ли будут творить волю Его, то есть все ли объединятся в одну дружную семью, одушевленную любовью к Богу и друг к другу, — этого (по мнению некоторых толкователей) из приведенных слов Иисуса вывести нельзя; предстоящее же разделение при окончательном Суде на праведников и грешников не только всех воскресенных для того, но и тех, которые доживут до того времени, наводит этих толкователей на мысль, что и к кончине мира все человечество не составит единого стада, овцы которого были бы послушны голосу своего Пастыря.

С таким мнением нельзя, однако, согласиться. Мысль о едином стаде и едином Пастыре заложена, так сказать, в сердца людей при самом создании их и поддерживалась в сознании лучших представителей рода человеческого в течение всего, весьма продолжительного, времени существования его. Мысль о том, что над людьми царит Сам Бог, волю Которого они должны исполнять как безусловно обязательный закон, освещает всю ветхозаветную историю. Основные законы Божий (люби Бога, люби ближнего и трудись!) даны были еще первым людям [54]; в них — вся правда Божия, и ими должны были определяться все взаимные отношения людей. И если бы люди действительно управлялись этими законами, то давно уже составили бы *единое стадо с единым Пастырем*, то есть тот рай земной, то Царство Божие, которое и составляет назначение земной жизни человечества. Но люди созданы существами свободными; они могли подчиняться воле Божией, выраженной в этих законах, могли и противиться ей. Поняв дарованную им свободу в смысле противления всякой чужой воле, а следовательно, и воле Божией, люди, не замечая того, стали слепо исполнять иную волю, волю злую, восстанавливающую их друг против друга, разъединяющую их и тем препятствующую им сплотиться в единое дружное стадо с единым Пастырем. Не замечая этого подчинения, человек думал, что творит свою волю, делает то, чего сам хочет, и потому стал считать свои желания высшим для себя законом, а удовлетворение их — смыслом своей жизни. И прошло так множество лет, и люди падали нравственно все ниже и ниже. Забыв волю Божию, выраженную в Его вечных и неизменяемых законах, они не понимали цели человеческой жизни и не видели в ней никакого смысла; лучшие же представители язычества дошли до отчаяния и считали, что единственное счастье человека заключается в возможности прекратить самоубийством свою бесцельную и бессмысленную жизнь. Но смутное воспоминание о той счастливой поре, когда люди блаженствовали, ни в чем не нуждаясь (присущее почти всем народам, населяющим землю), скорбь об утрате этого блаженства и мечты о наступлении золотого века, о возврате потерянного рая, — все это приводило людей с душой, не погрязшей в мелочах будничной жизни, к сознанию, что так дальше жить нельзя и что должен явиться Человек, Который обновит падший мир; и ждали Этого Человека с востока. Вдохновляемые Богом еврейские пророки вещали скорое наступление этого счастливого будущего. Пророк Исайя, громя в своих

пламенных речах беззакония своих современников, утешал их, однако, что наступит то блаженное время, когда «волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их; и младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку на гнездо змеи; не будут делать зла и вреда на святой горе» (Ис. 11, 1—10). Пророк Михей, говоря о той же счастливой поре, предсказывал, что когда люди «перекуют мечи свои на плуги, и копыя свои — на серпы; не будет поднимать народ на народ меча, и не будет более учиться воевать; но каждый будет сидеть под своей виноградной лозой и под своей смоковницей, и никто не будет устрашать их» (Мих. 4, 1—4). И вообще лучшие люди того времени верили, что счастье будет возможно лишь тогда, когда мечи будут заржавлены, а плуги — блестять; когда житницы будут полны, а больницы и тюрьмы — пусты; когда ступени храмов и школ будут стерты, а дорога к судам зарастет травой.

И вот, пришел Христос с благой вестью о том, что человек бессмертен, что кратковременная земная жизнь его есть подготовка к Жизни Вечной, что для этой Вечной Жизни люди будут воскрешены и после окончательного Суда над ними одни будут блаженствовать, а другие страдать, что удостоиться блаженства Вечной Жизни можно лишь исполнением воли Божией, что Бог требует от людей любви к Нему, Создателю, и ко всем людям, что благо человека не в угнетении ближних, а в постоянной помощи им, в любви даже и к тем, которых мы ошибочно считаем врагами своими, ибо врагов не должно быть, все должны быть братьями, друзьями...

Принося такую весть, Христос сознавал, что «не мир принес на землю, а меч», и что учение Его породит страшные раздоры между людьми, даже членами одной и той же семьи; но вместе с тем Он говорил Своим Апостолам в прощальной беседе Своей, чтобы они не смущались этим, так как победа за Ним обеспечена: **мужайтесь: Я победил мир** (Ин. 16, 33).

Раньше Он говорил, что все народы земли услышат Его голос (то есть Его учение), и тогда настанет та счастливая пора, о которой вещали пророки и мечтали язычники, — **тогда будет одно стадо и один Пастырь**.

Спрашивается: можно ли сомневаться в истинности сказанного Господом о едином стаде с единым Пастырем после того, как Он сказал, что Он **победил мир**? В чем же другом могла бы выразиться эта победа, как не в объединении всех людей, населяющих землю, в одно стадо, в одно Царство Божие, в котором царит Сам Бог, и восстановить которое пришел Христос? Конечно, такое объединение людей в одно Царство Божие будет совершаться очень медленно, но оно уже совершается и, по слову Господню, совершится непременно. Много плевел растет и теперь на ниве Христовой, но, при дружных усилиях всех истинных учеников Христовых, плевел этих будет все меньше и меньше. Много земель еще не занято этой нивой; но Слово Божие сеется теперь и там, где даже нет благоприятных условий, и оно дает всходы. И пусть не говорят, что плевелы заглушат пшеницу! Хотя по временам плевелы и могут усиленно разрастаться и угнетать своим ростом пшеницу, но не надо забывать, что Слово Божие, как горчичное зерно, обладает чудесной силой вырастать в роскошное дерево, под ветвями которого не будет места для плевел. Конечно, если мы будем проповедовать, что люди никогда не объединятся в одну дружную семью, любящую Бога и друг друга, то этим мы отдадим возвращение людям потерянного рая; отдадим, но не воспрепятствуем исполнению воли Божией и осуществлению сказанного Христом. Не будем же сомневаться в истинности слов Господа; постараемся согреть сердца свои и ближних своих любовью, дабы в нас царил Бог мира и любви; будем, по мере сил своих расширять пределы Царства Божия; соединимся все в молитве и будем молить милосердного Создателя: да умолкнет дух злобы, вражды и человеконенавистничества, пожинаящий ныне обильную жатву! Да воспламятся сердца наши любовью к Нему, Отцу Небесному, и друг к другу! Да поможет Он нам сознать свою духовную нищету, свое нравственное бессилие и ничтожество в сравнении с тем совершенством, к какому мы должны стремиться! Да дарует Он нам силы расширять пределы Царства Его! Да будем все едино, и да будем едино с Ним! Да

будем едино стадо с единым Пастырем!

Говоря о Себе как о Пастыре, отдающем жизнь Свою за Своих овец, Иисус сказал, что отдает Свою жизнь добровольно, что никто не отнимает ее у Него и отнять не может, что Ему принадлежит власть как отдать ее, так и вновь принять, и что власть эту Он принял от Отца Своего. Этими словами Он указывал на предстоящую Ему смерть, и, дабы ученики Его не могли отпасть от Него, видя Его на Кресте, Он наперед объяснил им, что без Его воли никто не может лишить Его жизни и что отдавая ее добровольно, Он имеет власть опять принять ее. Апостолам Своим Он уже не раз говорил, что воскреснет; этими же словами Он пояснил, что не будет воскрешен, а воскреснет Сам, в силу власти Своей опять принять жизнь, отданную за овец Своих.

От этих слов опять произошла распря между **Иудеями**, то есть между фарисеями, из среды которых, как сказано выше, некоторые уверовали в Иисуса как Мессию. Озлобленные враги Христовы говорили: **Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его?** (Ин. 10, 20). Фарисеи же, уверовавшие в Иисуса, не соглашались со своими товарищами: **это слова не бесноватого** (говорили они); **может ли бес отверзать очи слепым?** (Ин. 10, 21).

На этом Евангелист Иоанн оканчивает повествование свое о пребывании Иисуса в Иерусалиме на празднике кущей.

ГЛАВА 26. Иисус в доме Марфы. Возвращение семидесяти учеников. Притча о ближнем. Учение о неотступности в молитве

Объявив Себя всенародно Сыном Божиим, прежде Авраама бывшим, Иисус окончательно восстановил против Себя руководителей еврейского народа. Руководители эти не признали в Нем Мессию, объявили Его лжепророком и богохульником, а по закону Моисея (Втор. 13, 1–5), лжепророка надлежало предать смерти.

Не уклоняясь от предстоявшей Ему смерти, отдавая жизнь Свою добровольно и имея власть вновь принять ее, Христос нашел, однако, что время для этого еще не наступило, и потому удалился из Иерусалима, но не тайно, а в сопровождении Апостолов и других учеников.

Иисус в Вифании

В продолжение пути, как говорит Евангелист Лука, пришел Он в одно селение (Лк. 10, 38). Из последующих повествований известно, что это была Вифания, селение, расположенное недалеко от Иерусалима, на одном из склонов горы Елеонской; там жил Лазарь, которого Иисус называл Своим другом (Ин. 11, 11), и сестры его, Марфа и Мария. Евангелист Лука ничего не говорит о Лазаре, быть может, отсутствовавшем в это посещение Иисусом его дома.

Наставление суетившейся Марфе о том, что нужно человеку

Приняв Иисуса с учениками, старшая сестра Марфа стала суетиться с приготовлением угощения для гостей, а Мария села у ног Иисуса и слушала Его. Сознавая, что одной трудно услужить всем гостям, Марфа обращается к Иисусу как бы с упреком, обнаружившим, однако, дружеские отношения Его к этой семье: **Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне** (Лк. 10, 40).

Не с укором, а с чувством глубокого сожаления ответил Христос на такую просьбу озабоченной Марфе: **«Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом** (Лк. 10, 41), и считаешь это многое необходимым; но ты ошибаешься: твоя забота, твое усердие направлены к тому, без чего можно обойтись и что составляет лишь житейскую, скоропреходящую суету. *А нужно только одно* — внимание к Слову Божию и исполнение воли Его. Мария, которую ты упрекаешь, избрала лучшее дело, и то, что она приобретает, слушая Меня, никогда не отнимется от нее, всегда останется при ней как в этой, так и в будущей жизни».

Марфа любила Иисуса не менее Марии, любила слушать Его и, конечно, исполняла Его главнейшие заповеди, но она признавала необходимым прежде заняться житейскими делами, а потом уже внимать Слову Божию; в заботах и суете она забывала сказанное раньше Иисусом: **ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам** (Мф. 6, 33). Мария же считала искание правды Божией выше житейских забот и потому всей душой отдавалась этому лучшему делу, забывая все земное.

Иисус часто бывал в доме Лазаря, Марфы и Марии; идя в Иерусалим и возвращаясь из него в Галилею, Он заходил к ним по пути; во время же пребывания Своего в Иерусалиме Он часто уходил от шумной толпы и приходил к ним для отдыха. А такие дружеские отношения Иисуса к этой семье доказывают, что все члены ее, в том числе и Марфа, были хорошие люди, вполне достойные любви Его.

Возвращение семидесяти учеников и беседа с ними Иисуса

Выйдя из Вифании, Иисус с Апостолами пошел в Галилею. Каким путем Он проходил и где встретился с возвратившимися семьюдесятью учениками — Евангелист не говорит. Некоторые толкователи полагают, что Иисус встретился с ними в Перее, так как семьдесят учеников посланы были туда, где Он Сам еще не был, а не был Он именно в Перее. Не отвергая того, что Иисус, возвращаясь в Галилею, прошел через Перею и там проповедовал и совершал чудеса, мы думаем, однако, что встреча с семьюдесятью учениками должна была произойти не в Перее, а в Галилее: из Галилеи они были посланы, и в Галилею должны были возвратиться; только там они могли собраться все вместе, чтобы дать отчет Пославшему их.

Увидя Иисуса, семьдесят учеников Его с радостью приветствовали Его и с восторгом говорили: **Господи! И бесы повинуются нам о имени Твоем** (Лк. 10, 17). Они, конечно, рассказали о всех чудесах, совершенных ими именем Иисуса, но главным чудом, несомненно, считали изгнание бесов.

«А Господь сказал им: не удивляйтесь, что бесы повинуются вам; ибо начальник их давно низвержен и не имеет никакой силы. Хотя для людей это и не было видно, но для Меня, созерцающего и невидимое, это было видно: как молния спал с неба сатана» (Феофилакт. Толкование Евангелия от Луки).

По объяснению епископа Михаила, *«упасть с неба»* — значит вообще пасть, унизиться, быть побежденным, как бы уничтоженным; сияние же молнии представляется образом внезапности и быстроты. Сын Божий еще до воплощения Своего видел внезапное, как молния, падение возмутившихся ангелов; но так как они, низвергнутые с неба, стали соблазнять людей и склонять их на служение злу, то Сын Божий воплотился с целью освободить людей от греха, Сам подвергся искушению от диавола, победил Его и затем изгонял бесов из одержимых ими людей. Окончательное же поражение диавола и торжество добра над злом совершится при кончине сего мира. Всю эту борьбу и победу над сатаной Господь представляет в одном пророческом духовном созерцании и выражает кратко словом «видел». По поводу радости семидесяти учеников о том, что и бесы повинуются им, Господь в этой возвышенной и образной речи объясняет им, что победа эта над демонами обеспечена Его силою: ибо они уже были побеждены, побеждаются и будут побеждены; победа учеников Его над демонами есть плод Его победы над ними, необходимое и неизбежное следствие Его торжества над ними» (Толкование Евангелия. 2. С. 407–409).

Сказав о победе над сатаной, Иисус дал Своим **ученикам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью**. Слова эти нельзя понимать буквально; нельзя считать, что отныне ученики Иисуса будут вполне безопасно наступать на ядовитых змей и скорпионов. Слова — **и на всю силу вражью** — убеждают нас в том, что здесь речь идет опять-таки о власти над злыми духами, над этой враждебной людям силой, а не над змеями и скорпионами, как пресмыкающимися гадами. Выражаясь иносказательно о победе над диаволом, Иисус в такой же, то есть иносказательной форме выразился и относительно данной ученикам власти над ним и всей его вражьей силой.

Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах.

По объяснению епископа Михаила, в Писании Бог иногда представляется с книгой, в которой записываются имена и дела верных рабов Его. Поэтому быть написанным на небесах — значит быть гражданином Небесного Царства, или получить блаженство вечной жизни (Толкование Евангелия. 2. С. 409–410).

Беседа Иисуса с законником о заповедях

Где именно происходила эта беседа Иисуса с учениками, наедине или в присутствии толпы народа, — Евангелист не поясняет; ничего не говорит он также и о том, куда затем пошел Иисус, а прямо переходит к повествованию об искушении Иисуса одним из законников, то есть книжников, изучавших Писание. По

всей вероятности, законник искушал Иисуса всенародно, так как в противном случае искушение это было бы, с точки зрения самого законника, бесцельно: нельзя было бы обличить Иисуса в неправильном понимании закона.

Учитель! — сказал он, — **что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?**

Христос заставляет лукавого законника самого ответить на этот вопрос. «Ведь ты знаешь, что в законе написано? Как читаешь, как понимаешь его?»

Законник дословно повторил закон, содержащийся во Второзаконии (6, 5) и в книге Левит (19, 18), о любви к Богу и ближним.

Выслушав его, Иисус сказал: **«Правильно ты отвечал; поступай так, как в законе написано, и достигнешь жизни вечной».**

В то время вопрос о ближнем решался законниками различно: основываясь на букве закона, изложенного в книге Левит (19, 18), законники исключали из числа ближних всех неевреев; но некоторые из них считали своими ближними только таких же праведников, какими признавали себя, всех же прочих евреев называли грешниками, гнушались ими, презирали их и поэтому не причисляли их к своим ближним. Любя только таких ближних, законник хотел сказать Иисусу, что он в точности исполняет требование закона; но, подозревая, что Иисус не согласится с таким учением о ближних, сам спрашивает Его: **а кто мой ближний?** (Лк. 10, 29).

Притча о милосердном самарянине

На этот вопрос Иисус ответил чудной притчей. Шел священник и увидел лежащего при дороге едва живого человека, раздетого, израненного, истекающего кровью; служитель Божий даже не остановился, увидев несчастного, и прошел мимо. Следом за ним шел левит, подошел к нему, из праздного любопытства посмотрел на него и пошел своей дорогой. Проезжал той дорогой и самарянин; и он увидел страдальца. Самарянин, презираемый евреями (о самарянах см. выше с. 211), глубоко убежденный в том, что ни один еврей никогда не окажет ему помощи в несчастье, видит израненного, умирающего еврея; чувства жалости и сострадания заставили его забыть народную вражду и оказать врагу своему такую помощь, какую вправе были бы ожидать от него лишь самые близкие родственники: он размыл раны вином, помазал их для утолнения боли маслом и перевязал их; посадил несчастного на своего осла и повез его в ближайшую гостиницу, а сам шел пешком; ухаживал за больным и в гостинице, и, отъезжая на время, поручил его попечению содержателя гостиницы, приняв все расходы на свой счет.

Этот самарянин лучше священника и левита, лучше всех законников понял, что для жалости и сострадания, а следовательно, и для милосердия, нет различия между самарянином, евреем и язычником, что в этом отношении все люди равны, все — ближние нам.

Понял это и законник, искушавший Иисуса; но все-таки гордость, еврейская помещала ему назвать самарянина ближним еврею, попавшемуся разбойникам, и на вопрос — **кто из этих троих... был ближний попавшемуся разбойникам?** — отвечал: **оказавший ему милость.** Тогда Иисус сказал: **«Иди, и ты поступай так же по отношению ко всем без исключения людям, и в таком только случае можешь рассчитывать на Жизнь Вечную».**

Просьба учеников научить их молиться

После встречи этой с законником Иисус, по всей вероятности, продолжал путешествие по Галилее; и вот, один из учеников Его попросил научить их молиться и сослался на пример Иоанна Крестителя, научившего своих учеников. Надо полагать, что этот ученик был не из двенадцати Апостолов, которых Иисус научил молиться раньше этого.

Исполняя просьбу ученика, Иисус произнес ту же молитву, которой учил Апостолов в Нагорной проповеди (см. выше, с. 349), а затем и то же самое учение о неотступности в молитве.

Некоторые толкователи полагают, что Евангелист Матфей соединил в одну Нагорную проповедь много поучений Иисуса Христа, сказанных им в разное время. Если считать это мнение основательным, то придется признать, что Иисус не во время произнесения Им Нагорной проповеди, а только теперь впервые научил Своих учеников молиться; но такое заключение более чем неправдоподобно: трудно допустить предположение, что Христос лишь в конце Своего служения научил Своих Апостолов молиться; в то время, к которому относится повествование Евангелиста Луки, Иисус изложил уже перед Апостолами все Свое учение, и Ему оставалось лишь убедить их, что Ему, по воле Отца Его, надлежит пострадать, быть убиту и воскреснуть в третий день; следовательно, силе неотступной молитвы и самой молитве Он научил их значительно раньше.

Молитва Господня, записанная Евангелистом Лукой, не вполне тождественна с молитвой, записанной Евангелистом Матфеем, в отношении просьбы о хлебе насущном.

Матфей 6. 11:	Лука 11. 3:
Хлеб наш насущный дай нам на сей день.	Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день

Думаю, что тут нет никакого противоречия. Во-первых, Евангелист Лука записал не ту молитву, которую Господь преподал в Нагорной проповеди, а другую, которую Он значительно позже научил молиться постоянно ходивших за Ним слушателей (учеников), а Господь мог несколько изменить прежде данную молитву. Во-вторых, в молении о хлебе насущном главная мысль выражена словом **насущный**, а не словами **сей** или **каждый**. Христос научил нас просить у Бога только того, без чего мы не можем существовать, что составляет существенный, **насущный** предмет наших потребностей, но не более; поэтому просим ли мы хлеба насущного на **сей** или на **каждый** день, это несколько не изменяет главной мысли. К тому же, молясь **каждый** день о даровании нам хлеба насущного на **сей** день, мы невольно привыкаем к мысли о том, что молим о даровании нам его на **каждый** день моления, или на сей день, что одно и то же. И ученики Господни могли, таким образом, невольно изменить это слово молитвы, а с их слов, вероятно, и записал эту молитву Евангелист Лука.

По сказанию Евангелиста Луки, учению о неотступности молитвы Иисус предпослал притчу о человеке, пришедшем к другу своему в полночь просить три хлеба; просьба была заявлена крайне несвоевременно и, однако, была исполнена, и притом не по дружбе, а по неотступности ее. Применяя эту притчу к обращающимся к Богу с молитвой, Христос сказал: **Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам** (Мф. 7, 7). В словах — **просите, ищите, стучите** — невольно слышится, как неисполняемая вначале молитва, при постоянном повторении ее, доходит до неотступности, как она смело и уверенно стучится в двери милосердия Божия.

ГЛАВА 27. Обличение фарисеев и законников на обеде у фарисея. Наставления ученикам. Беседа о любостязании. Притча о богаче. Притчи о рабах, ожидающих возвращения господина своего, и о благоразумном домоправителе. Речь Иисуса по поводу известия о казни Пилатом галилеян. Притча о смоковнице. Исцеление скорченной женщины

Иисус на обеде у фарисея

После того один фарисей просил Иисуса к себе обедать. Иисус принял приглашение, вошел в дом фарисея и возлег за обеденным столом, не умыв рук. Фарисей заметил это и удивился, то есть высказал Гостю свое удивление. По установившемуся обычаю, освященному преданием, перед обедом и после него надлежало умывать руки; по всей вероятности, обычай этот возник вследствие того, что на Востоке не употребляли ни вилок, ни ложек, а брали все руками из общего блюда. Против этого обычая Христос едва ли стал бы что-нибудь говорить, если бы фарисеи не придавали ему значения закона, без соблюдения которого нет спасения. Но так как они соблюдали лишь чистоту тела и пренебрегали чистотой сердца, то Иисус уже обличал их в этом, когда они в большом числе собрались к Нему в Галилее с целью указать народу на нарушение Им закона. Весьма вероятно, что фарисей, пригласивший теперь Иисуса обедать, был в числе тех фарисеев и слышал прежние обличения (см. выше, с. 487), но настолько предан был соблюдению внешней чистоты, что не утерпел и сделал замечание своему Гостю.

Обличение фарисеев и книжников

На это Господь сказал ему: «Да, вы, фарисеи, весьма строго соблюдаете чистоту чаши и блюда, и вообще внешнюю чистоту, и не замечаете, что внутренность ваша, сердце ваше исполнены хищения и лукавства. Не Бог ли, создавший тело, создал и душу? Отчего же вы, заботясь о том, чтобы тело было чисто, чтобы руки были вымыты, вовсе не заботитесь о чистоте души? Очищайте же душу свою добрыми делами, подавайте милостыню из того, что у вас есть; и тогда, когда вы очистите себя, когда в вас не будет ни хищения, ни лукавства, то все у вас будет чисто: чаши ваши и блюда не будут наполняться похищенным и неправедно приобретенным, и через это станут несравненно чище, чем теперь при всей вашей заботливости о внешней чистоте их. Вы думаете, что спасаетесь внешней чистотой и точным соблюдением всех обрядов и преданий старцев; нет, не спасение вас ждет, а горе! **Горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и нерадите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять».**

По закону Моисея (Числ. 18, 20–24; Втор. 14, 22–29), евреи обязаны были отдавать на содержание левитов и на жертвы десятую часть хлеба, вина, масла и всякого произведения семян, которое приходит с поля. Обязаны ли они были отдавать десятую часть тех произведений земли, которые не принадлежат к числу полевых растений, — этот вопрос был спорный, но фарисеи, как строгие блюстители буквы закона, отдавали десятую часть и таких огородных растений, как мята, анис (рута) и тмин.

Не укоряя фарисеев за такое строгое исполнение закона, Иисус указывает им, что прежде всего надлежало им быть справедливыми в суде, при разборе судебных дел, милостивыми в отношении ко всем несчастным и верными Богу; между тем эти-то обязанности они оставляют без внимания и утешают себя тем, что исполняют даже мелочи, ясно не оговоренные в законе. Не пренебрегая исполнением и этих мелочей, надлежало прежде всего делать главнейшее.

Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того.

«Над скрытым в земле гробом, над которым нет ни памятника, ни насыпи и никакого внешнего знака, люди ходят и не знают, что тут гроб, полный костей и тления; так и встречающиеся с фарисеями могут и не заметить, что внутри их кроется неблагообразного, ибо все закрыто в них лицемерием, как гроб землей» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 2. С. 434).

На это некто из законников, очевидно, не принадлежащей к секте фарисеев, но принявший слова Иисуса и на свой счет, сказал Ему: **Учитель! говоря это, Ты и нас обижаешь** (Лк. 11, 45). Законник этот думал, что не заслуживает упрека, и что поэтому Христос выгородит его и ему подобных из числа тех, кого Он нашел нужным обличить теперь на званом обеде. Но вместо ожидаемого оправдания законнику пришлось выслушать обличение в том, что они, то есть законники, требуют от народа точного исполнения всех, даже мельчайших постановлений Моисеева закона, себя же считают свободными от несения этого бремени. А что действительно совокупность всех постановлений закона была бременем неудобноносимым, это видно из слов Апостола Петра, сказавшего, что это — **иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы** (Деян. 15, 10).

Горе Вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними.

Казалось бы, что устройство гробниц на могилах убитых пророков доказывает скорее уважение к памяти убитых, чем сочувствие убийцам; но так как фарисеи во всем поступали притворно, лицемерно, то и в устройстве ими гробниц можно видеть единственное желание их обмануть народ, показав ему свое уважение к убитым пророкам. Ненависть их к последнему Пророку, Иоанну Крестителю, и злобная готовность при первом удобном случае убить Самого Христа, доказывают их сочувствие преступным делам своих отцов. Преступность их отцов, а следовательно, и их самих, как сочувствующих отцам, усиливается тем, что убитыми и изгнанными оказывались посланники Самого Бога. В убийствах этих проявлялось сопротивление воле Божией, и за это **взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Захарии, убитого между жертвенником и храмом.**

По вопросу о том, кто был Захария, упоминаемый здесь Иисусом, высказаны различные мнения. Некоторые толкователи полагают, что это — Захария, сын Иодаев, побитый камнями на дворе храма в царствование Иоаса (2 Пар. 24, 20–21), но это мнение едва ли правильно, потому что после Захарии, сына Иодаева, было убито много пророков, Христос же говорит о Захарии, сыне Варахином, как о последнем из убитых пророков. Другие толкователи Евангелия думают, что Иисус Христос подразумевал одного из двенадцати меньших пророков, носившего тоже имя Захарии; но и это мнение неосновательно, потому что о мученической кончине этого пророка ничего неизвестно ни из Писания, ни из преданий. Еще менее основательно мнение о том, что это — Захария, сын Варуха, убитый среди храма, так как он был убит значительно позже смерти и Воскресения Христа и не только не был пророком, но даже не верил в Иисуса Христа. Более основательно следует признать мнение Оригена, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других, считающих, что Иисус Христос говорил о Захарии, отце Иоанна Крестителя. Хотя в Евангелии не сказано, чей сын был Захария, отец Иоанна, но так как он пророчествовал о скором

пришествии Мессии и, по преданию, был убит в храме, к тому же убит не предками тех евреев, которых теперь обличал Иисус, а современниками их, то следует признать это последнее мнение более правдоподобным.

Горе вам, законникам, присвоившим себе исключительное право понимать и по-своему толковать другим волю Божию, возведенную через пророков! Сами вы не поняли ее и хотевшим понять воспрепятствовали своими ложными толкованиями.

Раздраженные такими обличениями, книжники и фарисеи решили во что бы то ни стало обвинить Иисуса в каком-либо нарушении закона или неправильном толковании его, и потому закидали Его вопросами, вынуждая ответы на них. Но цели своей они по-прежнему не достигли.

По всей вероятности, книжники и фарисеи стали **сильно приступать** (Лк. 11, 53) к Иисусу с вопросами уже тогда, когда обед окончился и все вышли из дома. **Стараясь уловить что-нибудь из уст Его** (Лк. 11, 54), они, конечно, должны были *приступать* к Нему всенародно, так как подобная беседа в тесном кругу их единомышленников не могла бы привести к желанной ими цели.

Предостережение учеников от фарисейского лицемерия

Увидя Иисуса, окруженного книжниками и фарисеями, народ стал собираться к Нему; и вот, когда собрались тысячи людей и стали теснить друг друга, Христос начал говорить ученикам Своим: «Берегитесь фарисейского лицемерия! Знайте, что нет ничего сокровенного, нет ничего тайного, что не открылось бы рано или поздно; и если вы, говоря что-либо, будете, подобно фарисеям, рассчитывать на непонятливость слушающих вас, на их темноту, будете скрывать от них свои мысли или будете говорить тайно, чтобы другие не узнали, то знайте, что все сокровенно и таинственно сказанное вами будет раскрыто потом при свете истины. Да если вы сумеете скрыть свои помышления от людей, то от Бога как скроете их? К чему же тогда послужит лицемерие, которым фарисеи селятся прикрыть свою лживость? Не бойтесь говорить правду открыто, всенародно! Не ужасайтесь, если вас за это будут преследовать, мучить и даже убивать! Знайте, что преследующие правду могут убить только тело ваше, а душе повредить не могут. Бойтесь тех, которые будут соблазнять вас отречься от правды! Своею лестью, своим лицемерием они будут казаться вам друзьями вашими, расположенными к вам; они будут вкрадываться в душу с тем, чтобы погубить ее, и погубят ее, если вы послушаетесь их. Берегитесь же их! Бойтесь их!»

Речь Иисуса прервал некто из окружающей Его толпы: **Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас?**

В таком вопросе заключается решительный отказ Христа стать Судьею в споре двух братьев о наследстве. Но почему же Он отказался исполнить обращенную к Нему просьбу? Почему не захотел помочь обиженному? Почему не восставал против множества общественных зол, угнетавших народ? Ведь все страдания людей были так близки Его любвеобильному сердцу! Не мог же Он относиться к ним равнодушно?

Ответ на эти вопросы надо искать в самом учении Иисуса Христа.

Несомненно, что Христос сострадал всем несчастным, обиженным, униженным и угнетенным; Он страдал за род людской, находившийся под властью тьмы и погрязший в неправде; Он хотел сделать всех счастливыми здесь, на земле, а чрез то и блаженными в Царстве Небесном. Но для достижения этой цели Он избрал единственно верный, и притом прямой путь: надо было преобразовать сердце человека; надо было научить людей, что не себялюбие, не мстительность, не угнетение ближних делают человека счастливым, а самоотверженная любовь, воздание добром за зло и готовность добровольно пострадать для блага других; надо было внушить всем, что люди, возрожденные любовью к Богу и ближним, сами создадут себе иные условия общественной жизни, такие условия, при наличии которых невозможны

будут ни рабство, ни деспотизм и никакие иные виды насилия. Создавая Царство Божие на земле, в противоположность господствовавшему тогда царству зла, власти тьмы, Христос не мог действовать силой против силы, злом против зла, и в этом — величие и божественность Его учения! Пересоздать силой общественный строй какого-либо народа, оставив самый народ по-прежнему звероподобным, — это еще не значит уничтожить насилие и неправду. К тому же Христос пришел не судить и карать грешников, а спасать их от рабства греху, сделать их свободными.

Вот почему Христос устранял Себя от всякого вмешательства в государственные и общественные дела; по этой же причине Он отказался и от участия в разделе между братьями наследства.

Предостережение от любостяжания

Просивший о понуждении брата к разделу был, очевидно, так занят этим делом, что не слушал Иисуса, предостерегавшего в то время Своих учеников от фарисейского лицемерия; все мысли его были сосредоточены на ожидании наследства, и он так увлекся мечтами о богатстве, что прервал Иисуса; свое дело о наследстве он считал выше, важнее всех поучений Галилейского Учителя.

Притча о богаче

Пользуясь этим случаем, Иисус обратился ко всем окружавшим Его с предостережением: **смотрите, берегитесь любостяжания**, которым так заражен этот человек; **ибо жизнь человека**, продолжительность ее **не зависит от изобилия его имения**. А чтобы эта мысль была понятнее слушателям, Он рассказал притчу о богаче, который, по случаю хорошего урожая, собирался перестроить и значительно расширить свои житницы, собрать в них весь хлеб и все имущество свое, и в самодовольстве, сказать душе своей: **много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись** (Лк. 12, 19). Богач этот так озабочен был сбором обильного урожая, что ни о чем больше не думал, и утешался тем, что жизнь его обеспечена теперь на многие годы и что он может предаваться беззаботному веселью.

Собирание в житницы урожая как благ, ниспосланных Богом, не вызывает никакого осуждения; собрать надо было, но и поделиться с бедными избытком урожая тоже необходимо было, и если бы этот богач поступил так, то не навлек бы на себя наказания. Но он думал, что Бог послал этот урожай исключительно ему, для продления его беспечной жизни; и как ошибся он! Мечтая прожить долгие годы в полном довольстве, он умер в ту же ночь. **Безумный... кому же достанется то, что ты заготовил?** (Лк. 12, 20).

Кому достанется? Этот вопрос не давал и не дает покоя многим богачам. Еще Соломон, задумываясь над этим вопросом, сказал: **все — суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это — суета!** (Еккл. 2, 17–19).

Сенека, в письме о внезапной смерти одного богатого знакомого, писал: «Как глупо строить планы в жизни! Мы не можем распоряжаться собою даже на завтра! Каково же безумие тех, которые тешат себя надеждами на отдаленное будущее: я куплю, я построю, я дам взаймы, я возьму обратно, я займу должность и затем буду наслаждаться довольством в годы старости и утомления!»

Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

Наставление быть всегда готовыми к ответу за прожитую жизнь

Раньше этого, в Нагорной проповеди Своей, Иисус предостерегал Апостолов от любостяжания и говорил: **Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте себе сокровища на небе** (Мф. 6, 19–20) (см. выше, гл. 12, с. 358). Сбирать сокровища на небе — значит творить волю Божию, то есть: любить ближних,

помогать им, облегчать их страдания, душу свою полагать за них. Кто так поступает, тот богатеет заслугами своими перед Богом, или иначе: **в Бога богатеет**. Тот предстанет на окончательный Суд с такими оправдывающими его сокровищами, которые откроют ему двери Царства Небесного. А с чем явится на этот Суд тот, кто собирал **для себя** только сокровища земные? Чем оправдает он свою жизнь? Нищим он предстанет пред Богом, и в позднем раскаянии сам назовет себя безумным!

Притча о рабах, ожидающих возвращения господина своего

Продолжая Свои наставления ученикам, Христос заповедал им так жить, в Бога богатея, чтобы всегда быть готовыми отойти из этого мира и предстать на Суд Божий. Рассказав им о рабах, ожидающих препоясанными (то есть готовыми к работе) и со светильниками в руках возвращения господина своего с брака и не знающих, когда именно он придет, Иисус сказал: **Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий** (Лк. 12, 40).

Епископ Феофан по поводу этих слов Христа говорит: «Надо быть готовым на всякий час: не знать, когда придет Господь или для последнего Суда, или для взятия тебя отсюда, что для тебя все равно. Смерть все решает; за нею итог жизни; и что стяжешь, тем и довольствуйся всю вечность. Доброе стяжал — блага участь твоя; злое — зла. И решиться все это может сию же минуту, вот в эту самую, в которую ты читаешь эти строки; и затем всему конец: наложится печать на твое бытие, которой никто уже снять не может. Есть о чем подумать!... Но надивиться нельзя, как мало об этом думается. Что за тайна делается над нами! Все мы знаем, что вот-вот смерть, что избежать ее нельзя, а между тем совсем почти никто об ней не думает, а она придет внезапно и схватит. И то еще... когда даже схватывает смертельная болезнь, все не думается, что конец пришел» (Мысли на каждый день, с. 444).

Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий.

Выслушав это наставление и предостережение, **Апостол Петр спросил Иисуса: Господи! к нам ли притчу сию говоришь, или и ко всем?**

На этот вопрос Господь отвечал притчей, из которой они должны были понять, что только что оконченное наставление относилось не только к ним, но и ко всем.

Притча о благоразумном домоправителе, которому поручено раздавать хлеб слугам

Господин поручил своему домоправителю раздавать своевременно хлеб слугам. Если домоправитель верен и благоразумен, то будет поступать так, как ему приказано, притом поступать так всегда, в какое бы время ни возвратился господин его, и за это получит величайшую награду. Но если он, надеясь на продолжительное отсутствие господина своего, станет обижать слуг, не давать им того, что должно, а сам будет предаваться беззаботному веселью, то придет господин его в такой день и час, в какой он и не ждал его, и подвергнет его участи, какую заслуживают неверные и неблагоразумные рабы. Но не только такой беспечный домоправитель, а и рабы господина подвергнутся наказанию за неисполнение воли его, хотя не все одинаковому: кто знал волю господина своего и не был готов во всякое время встретить его, тот заслужит строжайшее наказание, а кто не знал воли господина и потому встретил его неподготовленным, тот будет наказан не так строго. **И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут** (Лк. 12, 48).

Выслушав эту притчу, Апостолы должны были понять, что Господин — это Христос, поручающий им, как домоправителям, раздавать рабам Его, то есть всем людям, блага Его учения; они посвящены в это учение, им много дано, и потому с них много и взыщется, если они вздумают отступить от точного исполнения воли Его и соблазниться житейскими благами. Но так как, с пришествием Христа на землю, всем без исключения людям предоставлена возможность познать волю Божию, то познавшие ее и, однако же, не исполнившие подвергнутся строжайшему наказанию; тем же, которые почему-либо не могли

познать ее, будет оказано снисхождение.

Не забывайте никогда, люди просвещенные, что с полученным образованием вы взяли ключ к разумению Христова учения, и что вам придется дать отчет: какое употребление вы сделали из него? Просветили ли себя и других светом истины Божией? Исполнили ли узанную вами волю Божию? Помните всегда, что вам много дано, и потому с вас много и взыщется. Помня это, будьте строги, взыскательны к себе и относитесь снисходительно к тем, кому мало дано; знайте, что с них мало взыщется Самим Христом.

Продолжая беседу, Иисус сказал: **«Огонь пришел Я низвести на землю, тот божественный огонь, который воспламенит в сердцах людей любовь к Богу и ближним; и как желал бы Я, чтобы он уже возгорелся!»**

Но так как этому должна предшествовать крестная смерть Самого Христа, и этой смертью Он должен как бы креститься (не в покаяние или прощение грехов, в которых, будучи безгрешным, не нуждался, а в воскресение из мертвых), и так как огонь любви мог воспламениться не раньше этого крещения, то Он сказал: **Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!** Как Я хочу, чтобы это скорее совершилось!

Рассказ о галилеянах, убитых Пилатом

К концу этой беседы подошли к Иисусу пришедшие из Иерусалима и **рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их** (Лк. 13, 1). Евангелист Лука не сообщает никаких подробностей об этом происшествии, вероятно, потому, что подобные этому были нередки: евреи часто восставали против римского владычества, и всякое восстание беспощадно подавлялось вооруженной силой; возмущения бывали и в храме, в особенности во время больших праздников, когда вооруженные римские солдаты охраняли в нем порядок. Судя по сказанию Евангелиста Луки, можно полагать, что возмущившиеся галилеяне были, по приказанию правителя Иудеи, Пилата, убиты в храме в то самое время, когда приносили жертвы, вследствие чего кровь их смешалась с кровью жертвенных животных.

Евреи признавали, что всякое несчастье, какое постигает человека, ниспосылается ему Богом в наказание за грехи его или его родителей, причем особенное бедствие, обращающее на себя всеобщее внимание, посылается за особенно тяжкие грехи.

Наставление Иисуса по этому поводу

Христос же учил, что воздаяние за прожитую жизнь, а следовательно, и наказание за грехи, последуют на окончательном Суде над родом человеческим: что же касается наказаний, которым иногда люди подвергаются в этой жизни, то они имеют значение или испытаний, если посылаются добродетельным людям, или предостережений, если им подвергаются люди порочные. Таким предостережением для евреев была смерть галилеян, убитых по приказанию Пилата. Поэтому Иисус сказал: **думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? (Лк. 13, 2). Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете [55]** (Лк. 13, 4–5).

Евреи отвергли Мессию-Христа, то есть совершили величайший из всех грехов. Однако они могли еще искупить этот грех искренним раскаянием. К этому-то покаянию и призывает их Иисус, предостерегая, что если не покаются, то все погибнут так же, как погибли убитые в храме галилеяне и задавленные башней иерусалимляне.

Евреи не покались; напротив, распятием своего Мессии еще более согрешили и за то навлекли на себя страшную кару, которая, в свою очередь, служила грозным предостережением тем из них, которые, пострадав, остались живы. Кара эта — разрушение Иерусалима, совершившееся тридцать шесть лет спустя.

По свидетельству Иосифа Флавия, в продолжение осады Иерусалима римскими войсками в самом городе и его окрестностях погибло более миллиона людей; город был сожжен и разрушен.

Предвидя эти бедствия, Иисус призывал евреев к покаянию и тут же, в притче, объяснил им, почему наказание это постигнет их не тотчас же, а спустя некоторое время.

Притча о смоковнице

Некто, имея в своем винограднике смоковницу, ждал от нее плодов; но, приходя за этим третий год и не находя плодов, приказал виноградарю срубить ее. Добрый виноградарь просил подождать еще год, надеясь особым попечением о ней вызвать плодоношение и соглашаясь срубить ее через год, если она и при таком уходе не даст плода.

Если слушатели Иисуса были внимательны и вдумчивы, то должны были понять, что владелец виноградника — Бог, Владыка всех народов, — ждет от Своей смоковницы, народа еврейского, плодов, то есть веры в посланного к ним Мессию, покаяния и добрых дел. Приходит к концу уже третий год общественного служения Сына Человеческого, а смоковница все еще не дает плода; срок этот весьма достаточный для того, чтобы узнать, способна ли смоковница к плодоношению, уверует ли народ еврейский в посланного ему Избавителя, покается ли и начнет ли жить по воле Божией, принося достойные плоды покаяния. Поэтому, не имея уже надежды на исправление закоснелых в своем упорстве евреев, Хозяин виноградника произносит суд над бесплодной смоковницей: **«Сруби ее, — говорит Он Виноградарю, Иисусу Христу, — на что она и землю занимает?»** (Лк. 13, 7). Оставь без внимания этот жестокосердый народ! Отвергни его! Место его займут иные народы, которые уверуют в Тебя и будут творить волю Мою! Но добрый Виноградарь просит отсрочить исполнение этого приговора, думая, что, при чрезвычайных мерах с Его стороны, этот народ, быть может, и даст ожидаемые от него плоды; время срубить бесплодную смоковницу, отвергнуть избранный народ, еще не ушло: **оставь ее и на этот год**; если же не принесет плода, **то в следующий год срубишь ее** (Лк. 13, 8–9)».

Излюбленная Владельцем виноградника смоковница все-таки не дала плода; евреи не только не раскаялись, но распяли Христа, и за то над ними исполнился суд Божий: храм их, единственное место, где они, по закону своему, могли приносить жертвы Богу, разрушен; дерзкая попытка римского императора Юлиана Отступника восстановить его оказалась бесплодным покушением отменить последствия заслуженного евреями приговора; разрушен и город их, и сами они рассеяны по всей земле, и с тех пор скитаются, как отверженные, не имея отечества.

Исцеление скорченной женщины

Во время пребывания Своего в Галилее Иисус вошел в субботний день в синагогу и совершил там чудо: исцелил женщину, которая восемнадцать лет была скорчена и не могла выпрямиться. Присутствовавшие при этом фарисеи молчали, но начальник синагоги высказал негодование и, обращаясь к народу, сказал, чтобы приходили исцеляться в другие шесть дней недели, но не в субботу.

Обличение фарисеев в нарушении субботнего покоя

Много раз уже разъяснял Христос, что добрые дела позволительно делать и в субботу; объяснил Он Своим слушателям и теперь, что если они совершают в субботу много житейских дел, не терпящих отлагательства до другого дня, например, отвязывают вола своего или осла и ведут на водопой, то, конечно, должны оказывать помощь ближним, избавлять их от страданий во всякое время, хотя бы в субботу (об исцелениях в субботу см. выше, с. 249, 263). Относительно этой скорченной женщины Христос сказал, что сатана связал ее вот уже восемнадцать лет. Эти слова толкуются различно. Епископ Михаил полагает, что скорченная женщина не была бесноватой в строгом смысле этого слова, но болезнь ее происходила от действия духа нечистого. Того же мнения держался и блаженный Феофилакт. Другие же

полагают, что женщина эта была связана узами греховной порочной жизни своей, от которой и произошла ее болезнь, а так как грехи приписываются действию сатаны, то и слова Иисуса надо понимать в этом смысле.

Когда Иисус окончил Свою речь, пристыженные противники Его молчали, а народ радовался, что видел такие славные дела.

После этого, ввиду приближавшегося праздника обновления, Иисус пошел в Иерусалим и, проходя по городам и селениям, учил стекавшийся к Нему народ.

ГЛАВА 28. Иисус в Иерусалиме на празднике обновления

Праздник обновления

Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления, и была зима. Праздник обновления был установлен Иудой Маккавеем, примерно за 160 лет до Рождества Христова, в воспоминание возобновления, очищения и освящения храма, оскверненного Антиохом Епифаном при взятии им Иерусалима (1 Мак. 6, 59). Праздник этот начинался двадцать пятого числа месяца Хаслева (около половины декабря) и продолжался восемь дней.

Евангелист Иоанн говорит, что тогда была зима, и потому Иисус ходил, то есть учил, в притворе Соломоновом. В Палестине в декабре бывает вообще тепло; но в тот год, вероятно, было холодно, и на открытых дворах храма неудобно было поучать народ, а потому Иисус избрал для Своих бесед притвор Соломонов, то есть одну из крытых галерей, которыми храм был окружен со всех сторон.

Тут **Иудеи**, то есть фарисеи и прочие враги Иисуса, **обступили Его**, оттеснив таким образом Апостолов и других учеников Его, и спросили: **долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо.**

Объяснение Иисуса о единосутии его с отцом

Два месяца назад на празднике кущей фарисеи спрашивали Иисуса: **где Твой Отец? и: кто же Ты?** (Ин. 8, 19, 25). И если Он не ответил им на эти вопросы прямо, то все-таки из всей Его беседы с ними они должны были вывести заключение, что если Он называет Себя Сыном Божиим, прежде Авраама бывшим, то, конечно, признает Себя Мессией-Христом. Фарисеи все это прекрасно поняли тогда же и даже хотели за это побить Иисуса камнями. Не могли они так скоро забыть это, и потому, если теперь спрашивали Иисуса — Христос ли Он? — то, конечно, не из желания уверовать в Него, как думают некоторые. Да и самый вопрос, предложенный в дерзко-вызывающем тоне, доказывает, что это были враги Иисуса. Если бы фарисеи намеревались уверовать в Него как Мессию, если бы они не решались открыто признать Его только потому, что Он сам ни разу еще не назвал Себя Христом, то не подлежит никакому сомнению, что Иисус Сам пошел бы навстречу такому желанию и не стал бы уклончиво отвечать им, не оставил бы их в мучительном недоумении. Но Он знал их замыслы и потому отвечал им: Я уже говорил вам, кто Я, но вы не поверили Мне; если вы не хотели верить Моим словам, то должны были бы поверить Моим делам, которые Я творю во имя Отца Моего, ибо они свидетельствуют о Мне; но вы и делам Моим не придаете веры, и это потому, что вы — не Моего стада овцы, как Я уже сказал вам. **Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную** (Ин. 10, 27–28). Овец этих дал Мне Отец Мой; а Он больше, могущественнее всех, и потому никто не отнимет их у Него. Никто не отнимет их у Меня, потому что **Я и Отец — одно** (Ин. 10, 30).

Покушение фарисеев побить Его камнями

Услышав это, фарисеи схватили камни. Намерение фарисеев побить Иисуса камнями на празднике кущей не осуществилось по причинам, объясненным выше (см. с. 553), но фарисеи могли объяснить эту неудачу тем, что у них не было под руками камней, и потому, по всей вероятности, запаслись теперь камнями, спрятав их, быть может, в карманы свои. Вероятность такого предположения подкрепляется еще и тем, что все это происходило в притворе Соломоновом, где не могли находиться склады камней, а если бы фарисеи, не имея в своих карманах камней, бросились бы за ними к имеющимся на дворе храма складам, то едва ли Иисус ожидал бы их возвращения? Скорее Он, как и прежде, оставил бы Своих

озлобленных врагов, так как час Его еще не пришел.

Вооруженные камнями фарисеи уже замахнулись ими на Иисуса, и дикая расправа озлобленных врагов Христовых началась бы, если бы Иисус не воспротивился ей, сказав: **много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?**

Кротость и смирение победили зло: руки фарисеев опустились, камни выпали из них. Совесть на мгновение пробудилась в них, и им стыдно стало убивать Человека, действительно совершившего столько добрых дел; но, желая все-таки оправдать свои действия в глазах народа, они сказали: **не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом.**

На обвинение в том, что Он, будучи Человеком, делает Себя Богом, Иисус отвечал ссылкой на Писание, в истинности которого фарисеи не сомневаются. В Писании приведены слова Бога — **Я сказал: вы боги.** Поэтому, если Бог назвал богами тех, к которым обратился с такими словами, то как же вы говорите, что Я богохульствую, называя Себя Сыном Божиим, — **Я, Которого Отец освятил и послал в мир** (Ин. 10, 36)?

Чтобы понять эту ссылку Иисуса Христа на Писание, надо прочесть весь псалом пророка Асафа. Вот что сказано в этом 81-м псалме: **Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки нечестивых. Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются. Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей** (Пс. 81, 1–7).

Смысл этого псалма не оставляет никакого сомнения в том, что в нем *богами* названы люди, призванные творить суд и защищать слабых от посягательств сильных; богами они названы потому, что должны быть органами Божественного правосудия и проводниками правды Божией. Именем Самого Бога говорится им, в каком случае они могут именоваться сынами Всевышнего, как бы богами: если будут по правде судить бедного и сироту, оказывать справедливость каждому угнетенному и нищему; если будут избавлять бедных и нищих от притеснений со стороны нечестивых, то будут достойными сынами Всевышнего и назовутся богами. Но, вместе с тем, те из органов божественной власти, которые ничего этого не разумеют и ходят во тьме, так что от их злодеяний колеблются все основания земли, все основы общежития, — все погибнут, несмотря на то, что названы богами.

Приведя выдержку из этого псалма, Христос сказал как бы так: «Вы, конечно, не решитесь обвинять псалмопевца в богохульстве; поэтому, если он назвал богами достойных носителей божественной власти, то как же можете обвинять в богохульстве Меня, назвавшего Себя Сыном Божиим и творящего дела, какие может творить только Бог?

Вы могли бы не верить Мне (продолжал Иисус), если бы Я не творил дел Отца Моего; но так как Я творю то, что свойственно только Богу, то из этих дел вы должны понять, что Я и Бог — одно, что Он во Мне и Я в Нем».

Удаление Его за Иордан

Услышав это, фарисеи опять хотели схватить Иисуса, но Он уклонился от рук их и пошел за Иордан. Как Христос уклонился, Евангелист не говорит; вероятно, так же, как и на празднике кущей, то есть прошел посреди них, и никто не осмелился дотронуться до Него.

И пошел Иисус за Иордан, туда, где прежде крестил Иоанн. По сказанию того же Евангелиста, Иоанн крестил сначала в Вифаваре при Иордане (Ин. 1, 28), а потом в Еноне, близ Салима (Ин. 3, 23). Где именно находились Енон и Салим, с точностью неизвестно, Вифавара же была в Перее, то есть в восточной части Палестины, расположенной по левую сторону Иордана и подчиненной четверовластнику Ироду Антипе.

Сюда-то направил Свой путь Иисус.

Здесь проповедовал Иоанн Креститель, призывая всех к покаянию; здесь, несомненно, было много его учеников, которые теперь пришли к Иисусу, видели совершаемые Им чудеса, слышали Его учение и засвидетельствовали, что **все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно**. Слыша такое свидетельство, **многие там уверовали в Него**.

В первые годы Своей проповеди Иисус запрещал уверовавшим в Него разглашать, что Он есть Христос. Он хотел, чтобы народ сам уверовал в Него, и для этого Он дал народу много знамений. Теперь же, когда служение Его приходило к концу, Он нашел своевременным открыто, всенародно объявить Себя Сыном Божиим, Единосущным Отцу, дабы евреи не могли оправдывать себя неведением. Когда Он сказал: **Я и Отец — одно**, то враги Его прекрасно поняли эти слова и тут же засвидетельствовали это, сказав: **Ты, будучи Человек, делаешь Себя Богом**. Отвечая озлобленным врагам Своим, Господь сказал: **Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?** (Ин. 10, 36). Словом, на празднике обновления, когда фарисеи и книжники сами спросили Его, Он ли Христос, Он рассеял всякие недоумения, провозгласив Себя Сыном Божиим, равным Отцу.

И, несмотря на это, многие неверующие решаются утверждать, что Иисус ни разу не назвал Себя Сыном Божиим. К сожалению, эти противохристианские мысли идут и от графа Л. Н. Толстого, который своими прежними трудами заслужил всеобщую известность; сочинения его о Христе читаются нашей интеллигенцией, и сказанному в них верят, как словам новоявленного пророка. Но пусть же сами поклонники Толстого прочтут внимательно и без предвзятых мыслей все, что говорилось на празднике обновления! Тогда они поймут, что нельзя слепо верить даже и таким современным кумирам, как граф Л. Н. Толстой. А если они пожелают прочесть все Евангелие, то узнают, что в нем записано 39 случаев, когда Иисус обнаруживал Свое богосознание, то есть объявлял Себя Богочеловеком, Сыном Божиим[56].

ГЛАВА 29. Исцеление страдавшего водяной болезнью. Притча о званых. Речь о малом числе спасающихся. Притча о богаче и нищем Лазаре

Иисус на обеде у фарисея

Во время пребывания Иисуса в Перее **случилось Ему в субботу придти в дом одного из начальников фарисейских вкушать хлеба**. Из дальнейшего повествования Евангелиста можно заключить, что Иисус был приглашен в числе многих к фарисею на обед. А так как это была суббота, то все зорко следили за Ним, не нарушит ли Он закона о субботнем покое. Случай такого нарушения не замедлил представиться: к Нему подошел страдающий водяной болезнью, прося исцеления.

Исцеление страдавшего водяной болезнью

Видя вокруг Себя книжников и фарисеев, Иисус спросил их: **позволительно ли врачевать в субботу?** (Лк. 14, 3). Ответа не последовало. Тогда Иисус, прикоснувшись к больному, **исцелил его и отпустил** (Лк. 14, 4), а законникам и фарисеям сказал: **если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь, не тотчас ли вытащит его и в субботу?** (Лк. 14, 5).

Строгие блюстители закона сознавали, что каждый из них нарушает субботний покой для спасения или сохранения своего имущества, но открыто признаться в этом не решались.

Притча о званых

В это время прибывающие гости занимали места за обеденным столом, причем каждый из них старался занять место поближе к хозяину, так как на этих местах всегда сидели наиболее почетные и знатные гости.

Заметив такое стремление поставить себя выше других, Иисус дал им наставление не садиться самовольно на первое место, не возвышать самого себя, а смиренно ждать такого приглашения от хозяина пира. С тем, кто считает себя выше всех, кто, вследствие такого самомнения, стремится везде быть первым, может случиться большая неприятность: придет кто-нибудь почетнее его, и хозяин пира попросит самозванца уступить ему место, а другие лучшие места будут уже заняты, и встанет тогда гордец со стыдом и сядет на последнее место; **ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится** (Лк. 14, 11).

Как трудно, даже почти невозможно, грешному человеку быть беспристрастным судьей своей жизни! Себялюбие всегда найдет хотя бы и ложные оправдания дурных поступков, а гордость превознесет и преувеличит значение кажущихся хорошими; и возмечтает о себе человек, и, подобно фарисею, будет считать себя не таким, как прочие, а такие мечты ослепляют, не дают возможности замечать свои недостатки, не дают места самоосуждению и препятствуют самоисправлению. И такой самовозвышающийся человек, считающий себя не таким, как прочие, и потому всюду стремящийся занять первое место, будет пристыжен и унижен, когда на окончательном Суде над родом человеческим ему предложат занять свое, то есть последнее место. В предупреждение такого печального исхода Христос заповедует нам смирение и самоуничижение и обещает нам, что не возвышающие сами себя будут возвышены.

Заметив, что званые на этот пир — все родственники, друзья и богатые соседи хозяина, Иисус, обращаясь к нему, сказал: когда даешь обед или ужин, не зови таких гостей, которые и тебя могут также

угостить и тем воздать тебе за твое гостеприимство, а зови нищих, увечных, хромых, слепых и вообще бедных, которые сами не могут отплатить тебе тем же, но за которых воздаст тебе Бог в будущей вечной жизни.

Говоря — **не зови друзей** (Лк. 14, 12) — Христос этим не воспрещает дружеские и родственные отношения к равным по состоянию, выражающиеся в гостеприимстве и угощении. Однако, этими словами Он предупреждает, что за добрые дела по отношению к тем, которые не остаются за то в долгу, награда получается здесь, на земле, и потому рассчитывать за такие добрые дела на награду в будущей жизни нельзя; поступающий так **собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет** (Лк. 12, 21). Творящий добро тем, от которых не может получить воздаяния, *взаимы дает Богу*, Который, конечно, не остается у человека в долгу.

О необходимости усилий над собой для вступления в царство Мессии

Услышав слова Иисуса о воскресении праведных, один из участников обеда, вероятно, тоже фарисей, сказал: **блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!** (Лк. 14, 15) Говоря так, он, очевидно, под Царством Божиим подразумевал Царство Мессии и притом в том именно значении, какое придавали ему фарисеи, а так как фарисеи в царство мессии считали, что это Царство приготовлено именно для них, то и назвавший блаженным того, кто вкусит хлеба в этом Царстве, таковым блаженным считал несомненно себя и себе подобных. Но Христос, обращаясь к нему, притчею объяснил ему, что фарисеи-то и подобные им мнимые праведники не будут участниками Царства Мессии.

Один человек устроил большой званый ужин, но когда послал раба своего сказать званным, что все уже готово, то все они, как бы сговорившись, стали отказываться, придумывая разные отговорки. Один отговаривался покупкою земли, другой — покупкою волов, а третий — женьшеньбой. Тогда хозяин дома послал раба своего привести из того же города нищих, увечных, хромых и слепых, и, когда они возлегли и остались еще свободные места, послал раба за город звать всех, кого встретит, чтобы не было за ужином пустого места.

Смысл этой притчи таков: под видом большого ужина представлено Царство Мессии, как Царство Божие на земле и Царство Небесное в будущей вечной жизни. Устроитель этого ужина, Бог, приглашал, посредством ветхозаветного закона и пророков, весь народ еврейский вступить в уготованное для них Царство, а затем, когда Царство это приблизилось, вновь послал к приглашенным повторить приглашение и притом послал Самого Мессию. В притче Иисус назван рабом потому, что в некоторых пророчествах Мессия именовался рабом Господа, и еще потому, что он явился в образе человека, то есть раба Божия. Посланный Мессия объявил евреям: **приблизилось Царство Небесное** (Мф. 3, 2); **идите, ибо уже все готово** (Лк. 14, 17). Но те из евреев, к которым, главным образом, относился этот призыв, которые по развитию своему и знанию Писания могли скорее всего понять и принять это приглашение, то есть книжники, фарисеи и прочие руководители народа, как бы сговорившись, стали отказываться от приглашения и не пошли на званый ужин. Тогда Господь повелел Мессии звать мытарей и грешников того же города, то есть того же народа; и когда все еще осталось много свободных мест, послал за пределы города, то есть народа еврейского, звать всех язычников вступить в Царство Мессии. Оканчивая эту притчу, Господь сказал: **никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много их было званых, все были званы, но мало оказалось избранных** (Лк. 14, 24).

Обед окончился, и гости вышли из дома фарисея. Вероятно, под впечатлением только что слышанной притчи некто спросил Иисуса: **неужели мало спасающихся?**

(Когда именно, где и кем предложен этот вопрос, — Евангелист не поясняет, но нам кажется, что уместнее всего поместить беседу по поводу этого вопроса вслед за притчей о званных).

Неужели мало спасающихся, то есть *вступающих* или достойных вступить в Царство Мессии, Царство Божие и Небесное?

Не отвечая прямо на этот вопрос, Иисус сказал, что без усилия или особого старания, действительно, трудно войти в это Царство, врата которого тесны. О трудности войти узким путем в тесные врата вечной жизни Иисус говорил Апостолам в Нагорной проповеди (см. выше гл. 12, с. 373); давая и теперь наставления по тому же поводу, Он добавил, что войти в это Царство пожелают многие, **и не возмогут** (Лк. 13, 24), то есть пожелают тогда, когда будет уже поздно, когда двери Царства будут затворены. **Тогда вы**, думающие, что это Царство предназначено исключительно для вас, **стоя вне его, станете стучать в двери**, прося отворить их. Но Господь скажет вам: **Не знаю вас, откуда вы** (Лк. 13, 25). А вы ответите: «Как не знаешь, Господи? Ведь мы жили, управляемые Твоим законом и поучаемые Тобой через пророков». Но Он скажет вам: «Да, Я учил вас, но вы глухи были к Моему учению; вы не хотели знать Меня, и Я не знаю вас; отойдите же от Меня, делатели неправды! И увидите вы, как придут иные люди со всех стран света и возлягут в Царстве Небесном с Авраамом, Исааком и Иаковом и всеми пророками, а вы, потомки этих праведников, будете изгнаны вон; и вот, те, которых вы считаете последними, которых здесь презираете, будут там первыми, а сами вы, считающие себя первыми, станете последними».

Толкуя распространительно эту речь Иисуса, можно вывести из нее назидание для всех вообще людей: узкий путь к тесным вратам Царства Небесного надо пройти в этой жизни, надо здесь, на земле, добрыми делами *в Бога богатеть* и тем приготовить себе свободный вход в это Царство; после же смерти поздно будет: не заботившиеся об этом своевременно найдут двери Царства Небесного затворенными и услышат роковой приговор: «Отойдите от Меня, делатели неправды!»

Эту мысль Господь развил еще яснее, нагляднее, в следующей притче о богаче и нищем Лазаре.

Притча о богаче и нищем Лазаре

Один богач проводил жизнь в роскоши, одевался в порфиру и виссон [57] и ежедневно пиршествовал, не замечая, что у его ворот лежал нищий Лазарь, покрытый ранами и струпьями. Всегда голодный, страдалец Лазарь желал напиться хотя бы теми остатками от стола богача, какие на его глазах бросали собакам, но, по-видимому, и это было недоступно ему; никто не сжалился и над его болезнью, никто не перевязал раны его, и собаки облизывали их, препятствуя тем их заживлению. Умер несчастный, умер и богач; после смерти положения их переменялись, каждый получил воздаяние по заслугам своим: Лазарь перенесен был ангелами в рай, а богач низвергнут в ад. Богач, в страшных мучениях, стал вспоминать свою беспутно проведенную жизнь; и представился ему нищий Лазарь, страдавший у его ворот и тем постоянно напоминавший ему о своих страданиях, на которого, однако, он не обращал никакого внимания, ничем не помог ему. В раздумье о том, где теперь этот страдалец, что случилось с ним, богач вдруг увидел его стоящим вдали вместе с Авраамом и взмолился: «**Отче Аврааме!** Пошли ко мне Лазаря облегчить мои страдания!» — «**Чадю!** (отвечал Авраам). Вспомни свою жизнь! Все, что считал ты высшим благом, чего жаждал и к чему стремился, ты получил с избытком; как богач, ты в роскоши и в неге проводил все дни свои; ты думал только о себе и был глух к воплям страдальца, мимо которого проходил каждый день, и ни разу не бросил ему куска хлеба, а он с кротостью и смирением переносил все свои муки и не роптал, не жаловался, что незаслуженно страдает. Поэтому Лазарь, не получивший от жизни ничего и, вместе с тем, сохранивший чистое сердце и незапятнанную грехом душу, **здесь утешается, а ты**, взявший от жизни все для себя и не сделавший ничего доброго для других, страдаешь теперь, и **страдаешь** вполне заслуженно. К тому же никто из нас не может ни избавить тебя от мучений, ни даже облегчить их, так как между нами и вами пропасть великая и сообщения невозможны: **хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят** (Лк. 16, 24–26)».

Познав теперь все безумие прожитой жизни своей, богач просит Авраама послать к оставшимся в

живых пяти братьям его Лазаря как свидетеля постигшей его горькой участи, чтобы он научил их, как жить и как избавиться от этого места мучений.

«У них есть Моисей и пророки, — отвечал Авраам, — пусть слушают их (Лк. 16, 29); они возвестили волю Божию, и кто исполнит ее, тот спасется». — «Нет, отче Аврааме (Лк. 16, 30). Глухи мои братья к голосу Моисея и пророков, не слушают их, как и я не слушал; но если бы предстало перед ними какое-либо особое *знамение*, если бы кто из умерших пришел к ним и рассказал, что делается здесь, в загробном мире, то наверное покаяться бы».

Если бы кто пришел с того света и тем доказал существование его, то мы поверили бы в бессмертие души и вечную жизнь за гробом! Так говорят и теперь неверующие во Христа и, следовательно, в истинность Его слов. Им, как фарисеям, нужно знамение с неба. Но знамение не дается им. Почему? Да потому, что если каждому неверующему, во все времена и везде, где только живут люди, давать подобные знамения, то знамения эти должны были бы быть непрерывными и повсеместными; к тому же, если бы такое знамение было дано какому-либо неверующему, если бы к нему явился его умерший друг или родственник, то несомненно, что он объяснил бы такое явление своим болезненно-настроенным воображением и все-таки не поверил бы.

Если Моисея и пророков не слушают братья твои, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не только не покаются, но даже не поверят (Лк. 16, 31).

Не поверили евреи воскресшему из мертвых Иисусу Христу, и за то извергнуты из Царства Божия, основанного Христом здесь, на земле, а в будущей жизни тщетно будут стучаться в двери Царства Небесного, из глубины которого раздастся голос: «Отойдите от Меня, делатели неправды!»

На празднике обновления Иисус открыто объявил Себя Сыном Божиим, единосущным Отцу. И это, в связи с чудесами, совершенными Иисусом, должно было бы убедить Апостолов, что их Учитель действительно Сын Божий, а не еврейский Царь-Завоеватель. Но, по-видимому, и их соблазняло человечество Иисуса, и они не могли понять, как это Иисус может быть Сыном Божиим, сшедшим с небес, когда всем известно, что Он плотник из Назарета, сын Иосифа и Марии? Тайна рождения Иисуса была сокрыта от них; о ней они узнали из уст Богоматери значительно позже, после сошествия на них Духа Святого. К тому же Апостолы так сжились с лжеучением книжников о Царстве Мессии, что смотрели на учение Иисуса Христа, так сказать, сквозь очки, закопченные этим лжеучением. Апостолы, конечно, не раз приходили к заключению, что Иисусу, творящему собственною властью то, что может творить только Бог, надо верить безусловно во всем; и они несомненно, по временам, готовы были верить Ему и верили; но мысли о всемирном царстве еврейском, сталкиваясь с мыслями об Иисусе, Сыне Божиим, должны были приводить Апостолов в полное недоумение; и чем чаще они думали о могущественном всемирном царстве еврейском (а не думать о нем они, как истинные евреи, не могли), тем более должна была ослабевать в них вера в Иисуса, Сына Божия.

Просьба апостолов умножить в них веру

Они, несомненно, переживали мучительную борьбу веры с сомнениями; но выйти победителями из этой борьбы, рассеять все сомнения они не могли собственными силами, и потому обратились к Иисусу с мольбой: **умножь в нас веру (Лк. 17, 5)**, помоги нашему неверию.

Иисус ничего не предпринял теперь, чтобы умножить веру Апостолов, а предоставил времени довершить укрепление и усиление их веры; повторил Он только сказанное прежде о силе и могуществе истинной, непоколебимой, никогда не допускающей сомнения, веры (подробности см. выше, с. 514).

ГЛАВА 30. Учение Иисуса Христа о разводе и девственности. Благословение детей

Совет фарисеев Иисусу удалиться из владений Ирода

Ирод Антипа услышал обо всем, что делал Иисус, и старался разузнать — кто Он? Одни говорили ему, что это Иоанн восстал из мертвых, другие — что Илия явился, а третьи — что один из древних пророков воскрес. Такие же мнения были сообщены Самому Иисусу Апостолами, когда Он спросил их: **за кого почитают Меня люди?** (Мк. 8, 24). Но из всех этих мнений Ирода тревожило одно: «Не Иоанн ли это, которого я обезглавил? Не будет ли он мстить мне?» И искал случая увидеть Иисуса, чтобы удостовериться, насколько верно его предположение.

В то же время пришли к Иисусу некоторые из фарисеев и, под видом особого расположения к Нему, посоветовали Ему удалиться из пределов власти Ирода: **ибо он хочет убить Тебя**, — говорили они (Лк. 13, 31).

Фарисеи не могли дать такой совет Иисусу из расположения к Нему, так как всегда и везде оставались открытыми врагами Его; поэтому надо полагать, что они посланы были самим Иродом, который опасался возмущения народа, всегда толпами следовавшего за Иисусом, и потому естественно мог желать, чтобы Иисус удалился из подвластных ему областей.

Понимая хитрость фарисеев и подославшего их Ирода, Иисус сказал: **пойдите, скажите этой лисице, что Я изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу** (Лк. 13, 32).

Лисица хитра, лукава и кровожадна; поэтому Христос и назвал лисицей хитрого и кровожадного Ирода. Слова же — **сегодня и завтра, и в третий день кончу**, — нельзя понимать буквально, потому что до прекращения изгнания бесов и совершения исцелений Иисусом, то есть до Его крестной смерти, оставалось еще значительно более трех дней. По мнению Феофилакта, слова — сегодня и завтра — означают большое число дней; по мнению же епископа Михаила, слова эти составляли народную поговорку, означающую, что известное действие будет продолжаться до известного времени, впрочем, недолго.

Сказав это, Иисус добавил, что не страшится никаких угроз Ирода уже потому, что не было примера, **чтобы пророк погиб вне Иерусалима** (Лк. 13, 33), и что и Он пострадает там же, а не в Галилее или Перее, подвластных Ироду.

И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: **по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?**

Речь Иисуса о браке разводе и безбрачии, то есть девстве

Этим вопросом фарисеев и последующим вопросом учеников вызваны объяснения Иисуса о нерасторжимости брака и о безбрачии — нерасторжимости брака вообще и о допущении развода по вине прелюбодеяния сказано выше (гл. 12, с. 313) при изложении Нагорной проповеди. Здесь же остается изложить взгляд Иисуса Христа на безбрачие.

Христос безусловно отверг обычай евреев отпускать по произволу жен, потерявших благоволение мужей; Он установил нерасторжимость брака и лишь снисходительно отнесся к расторжению брака по прелюбодеянию.

Такое учение о браке показалось ученикам Иисуса трудноисполнимым, и они откровенно сказали:

если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Эти ученики, по всей вероятности, были не из числа Апостолов; они еще не прониклись духом Христова учения и смотрели на жену не как на равноправного друга, но как на рабыню, обязанную удовлетворять все прихоти своего господина; они не подумали, что если Христос заповедал любить всех, даже врагов, и всем прощать всякие обиды, то надо любить и жену, надо и ей прощать; они забыли, что не только всепрощающая любовь, но даже одно сознание святости принятых на себя мужем перед женою и детьми обязанностей заставит его безропотно нести свой крест супружества, если оно не дало ему того счастья, на которое он рассчитывал.

На это замечание учеников Иисус ответил: **не все вмещают слово сие, но кому дано.**

Это изречение можно относить не только к последующим словам о безбрачии (девстве), но и к предыдущим о нерасторжимости брака. Если кто не может возвысится до всепрощающей любви и отрешиться от узкого себялюбия, если кто не может понести всю тяготу супружества, не может вместить слово о святости брака как установленного Богом союза, то лучше не жениться. Но, отказываясь от брака, надо оставаться девственником, а не предаваться блуду. Только два положения допускаются: или брак, или безбрачие; в первом случае половые сношения разрешаются только с женой, во втором же требуется безусловное воздержание от удовлетворения половой похоти. Если для многих тяжело честное исполнение обязанностей супружества, то нелегко и воздержание. Поэтому-то Апостол Павел и писал Коринфянам: **хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа** (1 Кор. 7, 1–2).

Иисус Христос не принуждал ни к браку, ни к девственной жизни, но отдавал предпочтение девственности. К такому заключению необходимо прийти, если понимать слова Его так: «Вы говорите, что при таких обязанностях к жене лучше не жениться; и Я скажу вам, что лучше не жениться, но так как многие не могут воздерживаться от плотских сношений с женщинами, то такие пусть женятся, и в этом нет никакого греха; а кто может воздержаться, кто может остаться всю жизнь девственным, пусть остается».

Говоря так, Он привел три примера девственности, называя девственников скопцами. Конечно, не о скопцах в буквальном смысле этого слова Он говорил, то есть не о тех, которые оскотлены телесно и тем лишены всякой возможности иметь половое сношение с женщинами. Такие люди не заслуживают никакой похвалы. Нельзя хвалить слепого за то, что он не видит, и глухого за то, что не слышит того, что могло бы развращающим образом действовать на них, так как они не по доброй воле своей поступают так; равным образом и скопца, лишённого детородного органа, нельзя и хвалить за то, что он не имеет половых сношений с женщинами, так как он и при желании не мог иметь их. Человек одарен свободой воли и потому подвергается награде и наказанию только за свои произвольные поступки. Если в нем происходит борьба между плотью и духом и он силой духа своего побеждает греховные похоти плоти, то честь и слава ему! А если такая борьба даже невозможна, то не может быть и победы, не стоит он и похвалы.

А так как Христос несомненно хвалил девственность, вменяя ее в заслугу, то следует признать, что Он не мог похвалить скопцов (евнухов), так как девственность их не произвольна, а вынуждена, и потому не может считаться заслугой с их стороны.

Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так. Есть девственники, которые стали таковыми не по своей воле, а потому, что родились неспособными к супружескому сожитию. «Не высоко думайте о себе (говорит святой Григорий Богослов), скопцы по природе! Потому что целомудрие ваше не подвергалось искушению и не доказано опытом».

И есть скопцы, которые оскотлены от людей.

И эти девственники стали таковыми не по своей воле: люди оскотили их и сделали неспособными к супружескому сожитию. В древности был обычай приставлять к царским наложницам в качестве

хранителей их целомудрия евнухов, то есть оскопленных мужчин. С этой целью оскопляли мальчиков и выращивали их невольными девственниками. Понятно, что девственность их не может быть поставлена им в заслугу.

И есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного.

На этом неправильно понятом изречении основано самооскопление лиц, принадлежащих к религиозной секте скопцов. Они думают, что добровольное оскопление себя, лично или при содействии других, одобрено Иисусом Христом и что через такое самооскопление они несомненно вступят в Царство Небесное.

Заблуждение их слишком очевидно. Скопцов, хотя бы и самооскопившихся, Христос не мог ставить выше всех, обещая им Царство Небесное. Он говорил о девстве, то есть о безусловном воздержании от половых сношений; но из всех девственников выделил особо только тех, которые способны к таковым сношениям, но воздерживаются от них по своей воле, чтобы тем легче достигнуть Царствия Небесного. Говоря о родившихся неспособными и евнухах, Иисус не обещал им никакой награды за их вынужденную девственность; поэтому не мог Он обещать награды за таковую вынужденную девственность и тем, которые сами себя сделали неспособными, сами себя оскопили.

Итак, здесь речь идет о добровольной девственности лиц, не лишенных способности к брачному сожитию. Сознывая всю трудность для человека быть девственником, Христос и не обязывает

никого на этот подвиг, а говорит: **Кто может вместить, да вместит** (Мф. 19, 12).

Само собой разумеется, что все сказанное здесь о девственниках, принявших этот подвиг добровольно, относится в равной мере и к девственницам.

Но в чем же состоит заслуга девственников? Почему безбрачие лучше брака? И почему **не все вмещают слово сие, но только те, кому дано?** (Мф. 19, 11).

Некоторые сектанты находят, что брак есть зло, и потому безбрачие как воздержание от этого зла составляет добродетель, вводящую в Царство Небесное. Против такого мнения восстает Иоанн Златоуст (Книга о девстве. Творения. Т. I). Во-первых, брак как союз, установленный Самим Богом, нельзя считать злом; во-вторых, за одно лишь воздержание от худых дел не полагается никакой награды. А так как за девство обещается Царство Небесное, то следует признать, что оно есть действительное добро, имеющее заслуги само в себе, а не в отрицании брака, — что оно есть добро положительное, а не отрицательное.

«Девство (говорит Златоуст) потому хорошо, что отклоняет всякий повод к излишней заботе о житейских делах и доставляет полный досуг для дел богоугодных; девственник или девственница отрешаются не только от уз брачных и сопряженных с ними забот, но и от всех наслаждений плотских, то есть от всего, что отвлекает от мысли о Боге; отказываясь от брака, они вместе с тем должны отказаться от всего вообще, что могло бы привязать их к земному и отвлечь от исполнения воли Божией; они должны быть свободны от всех житейских забот. Я знаю трудность этого состояния (продолжает Златоуст), знаю силу этих подвигов, знаю тяжесть этой борьбы. Для этого требуется душа ревностная, мужественная, неподчиняющаяся похотям; здесь надобно идти по раскаленным угольям и не обжечься, выступать против меча и не быть раненым; ибо сила похоти так велика, как сила огня и железа; и если душа выступит неприготовленною и не будет противиться ее влечениям, то скоро погубит себя. Посему нам нужно иметь алмазный ум, неусыпное зрение, великое терпение, крепкие стены с ограждениями и запорами, бдительных и доблестных стражей, а прежде всего этого помощь свыше, ибо **если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж** (Пс. 126, 1). Как же мы можем приобрести эту помощь? Если мы приложим все со своей стороны, здравые помыслы, великое усердие к посту и бдению, строгое исполнение закона, соблюдение заповедей и, что всего главнее, не будем самонадеянны. Если бы мы

успели совершить даже великие подвиги, мы всегда должны говорить самим себе: **если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его** (Пс. 126, 1)».

К этим словам святителя добавим, что ведущий ожесточенную борьбу с плотью и неотступно взывающий к Богу о помощи непременно получит ее, так как сказано: **Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам** (Мф. 7, 7). Но кто со своей стороны не предпринимает никаких усилий в борьбе с плотью, а лишь молится, чтобы победа дана была ему свыше, тот едва ли может рассчитывать на получение просимого. Возможность сохранить девственную чистоту тела и духа, несмотря на все соблазны мира, должна приобретаться собственными усилиями, но при помощи Божией; поэтому желающие остаться девственниками или девственницами могут рассчитывать только на *помощь* Божию, но не на дар.

Благословение детей

Христос не успел еще окончить беседы о браке и девственности, как сквозь окружавшую Его толпу стали пробираться женщины с детьми. Ученики не пускали их, а они умоляли пропустить их к Иисусу, чтобы Он возложил руки свои на детей и помолился о них.

Иисус услышал мольбу матерей и отказ учеников и, обращаясь к ним, сказал: **пустите детей и никогда не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное** (Мф. 19, 14). Царство Небесное открыто будет непорочным, как дети. Об этом Христос говорил уже Апостолам, когда они просили Его, кто больше в Царстве Небесном? (см. выше, с. 519). Повторил Он и теперь, что, **кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него** (Мк. 10, 15).

Не препятствуйте им приходить ко Мне. Напишите себе эти слова на стене, воспитатели детей, и читайте их каждый раз, как приступаете к исполнению своих обязанностей! Сами не препятствуйте детям идти ко Христу, и смотрите зорко, чтобы никто не сбивал их с этого пути. Помните, что на вас лежит ответственность за целостность этого стада Христова. Но этого мало — *не препятствовать*; на вас лежит более высокая обязанность: вы должны вести своих питомцев ко Христу. И не отговаривайтесь, что на это приставлен к детям законоучитель. Он преподает им Закон Божий, а вы внедряйте в сердцах их этот Закон; следите за исполнением его; внушайте им, что счастье на земле возможно только тогда, когда люди будут любить ближних своих самоотверженной, всепрощающей любовью; да и на собственном примере доказывайте им, что жизнь во Христе есть единственно счастливая здесь, в Царстве Божием, и притом открывающая двери Царства Небесного. А если вы не можете вести своих питомцев ко Христу, по своему неверию или равнодушию к делам веры, то изберите себе другое поприще; не принимайте на свою душу той, хотя бы нравственной только, ответственности, которая может и вас привести к сознанию, что лучше было бы, если бы повесили вам мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской! (см. выше, с. 520).

ГЛАВА 31. Притчи о заблудшей овце и о потерянной драхме. Притча о блудном сыне. Притча о неверном управителе

Ропот фарисеев и книжников на Иисуса за общение Его с грешниками

Куда бы Иисус ни пришел, всюду к Нему собирались несметные толпы народа. В толпе всегда были фарисеи и книжники, приходившие искушать Его, а также мытари и грешники, сходящиеся слушать Его и каяться во грехах. Фарисеи были горды своею мнимою праведностью; они были уверены, что, принося установленные жертвы и соблюдая все обряды, не нуждаются уже ни в поучениях Иисуса, ни тем более в покаянии. Душевное же настроение мытарей и грешников выражалось в мольбе: «Боже! Милостив будь ко мне грешному».

Христос, пришедший не праведников, а грешников призвать к покаянию, всегда шел навстречу всем сознающим свою греховность и желающим изменить свой образ жизни; если надо было для спасения грешника идти к нему в дом, Он шел; если надо было возлечь с ним за обеденным столом, Он не гнушался и есть с ним. Но такое обращение Его с грешниками, такое милосердие Его возмущало фарисеев и книжников; они считали унижительным для своего достоинства не только протянуть руку помощи падшему брату, но даже просто прикоснуться к нему, так как прикосновение к грешнику считалось осквернением и вызывало очистительные омовения и жертвоприношение; по их мнению, иметь общение с грешниками могли только грешники, и потому если Иисус не гнушался их, то, следовательно, Сам был грешник, а если Он грешник, то зачем же народ следует за Ним? Это их возмущало, и они открыто высказывали свое негодование.

Притчи о заблудшей овце и потерянной драхме

«Вы обвиняете Меня в том (сказал Христос), что Я принимаю грешников, отставших от Бога, даже хожу к ним, довожу их до раскаяния и, спасая от гибели, возвращаю их Богу? Но ведь и вы поступаете так же в отношении того, что для вас дорого, близко. **Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? (Лк. 15, 4). Или какая женщина, имея десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет (Лк. 15, 8).** Если же вы поступаете так, теряя свое имущество, то зачем укоряете Меня, когда Я спасаю людей, отставших от Бога, Отца их? Добрый пастырь, найдя заблудшую овцу, не наказывает ее за то, что она отстала от стада, даже не гонит ее к стаду, а от радости, что нашел ее, берет ее на плечи свои и несет домой, созывает друзей и соседей и говорит им: **порадуйтесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лк. 15, 6–7).** Так радуюсь и Я, когда возвращаю к Богу потерянных овец стада Его».

Обезоруженные этими словами фарисеи и книжники злобно молчали; если бы они были способны сознавать свои заблуждения, то им было бы стыдно. Но одних ли их пристыдил Иисус своими притчами? Не повинны ли и мы в том же фарисействе? Не уклоняемся ли и мы от общения с падшими братьями из опасения унижить тем свое достоинство? Не относимся ли и мы к ним с тем же высокомерным презрением, которое составляло отличительную черту фарисеев? Постыдимся же такому сходству и последуем за Христом; пойдём с Ним к нуждающимся в нашей помощи, как бы низко они ни пали; обратимся к ним не с укором, не с сухим назиданием, а согреем их ласкою и всепобеждающею любовью; будем смотреть на них

как на больных, нуждающихся не в наказании за свою болезнь, а в заботливом лечении, несмотря на то, что больны они по своей же вине, и если нам удастся спасти погибавшего и вывести его на прямой путь, то мы поймем ту радость, которой радовался Христос, доводя грешников до искреннего покаяния; мы поймем, что призваны служить не умножению радости людей счастливых и без нас, а избавлению от греха, горя и отчаяния тех, которым нечему радоваться.

Некоторые толкователи задаются вопросами: как мог добрый пастырь, спасая одну заблудшую овцу, оставить в пустыне все стадо свое? И кого надо подразумевать под девяноста девятью не заблудившимися овцами и девятью непотерянными драхмами?

На первый вопрос отвечают так: пастырь оставил свое стадо не на произвол судьбы, не в дикой пустыне, а на просторном пастбище, считающемся пустынным лишь по безлюдью, по безопасности от воров и разбойников.

По второму вопросу высказываются различные мнения. Одни толкователи полагают, что под девяноста девятью овцами и девятью драхмами надо подразумевать ангелов и души умерших праведников, не имеющих нужды в покаянии. Другие же думают, что здесь речь идет о тех мнимых праведниках, каковыми, например, были фарисеи, которые не сознают своих грехов и потому отвергают всякие попытки к их спасению. Как то, так и другое объяснение едва ли можно считать правильными: ангелы и души умерших праведников не могут составлять единого стада с живущими на земле грешниками, единого в том именно значении, о котором говорится в притче; нельзя также считать фарисеев и подобных им мнимых праведников незаблудшими овцами и непотерянными драхмами, так как они окончательно потеряны как для Царства Божия на земле, так и для Царства Небесного.

При всех подобных неудачах в объяснении второстепенных слов какой-либо притчи Христовой следует иметь в виду, что Христос, беря для Своих притчей примеры из обыденной жизни Своих слушателей, пояснял Свое учение лишь главной мыслью рассказа, а не мелочными подробностями его, не имевшими иногда прямого отношения к главной мысли. Если допустить это положение, то бесполезны будут попытки истолковывать во что бы то ни стало все без исключения подробности каждой притчи; гоняясь за ними, можно упустить главную мысль, можно, как говорится в пословице, из-за деревьев не заметить леса.

Притча о блудном сыне

Продолжая обличение книжников и фарисеев и вместе с тем поучая остальных Своих слушателей, Христос произнес притчу о блудном сыне. У некоторого человека были два сына; младшему надоело быть под попечением отца, захотелось пожить веселой, разгульной жизнью подальше от родительского дома; с этой целью он попросил отца выделить его, а когда получил надел, то, собрав все доставшееся на его долю, ушел в дальнюю сторону и там расточил все свое состояние, живя распутно. Наступившая нужда, а затем и голод заставили его наняться пасти свиней. Во все время своей беспутной жизни он ни разу не подумал об отце, и только теперь, когда дошел до отчаянного положения, когда приходилось умирать от голода, вспомнил про него и, надеясь на его милосердие, сказал: **встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою** (Лк. 15, 18). Встал и пошел к отцу своему. А отец, как только увидел приближающегося к нему в рубище сына, тотчас же понял все, сжалился над несчастным, не стал дожидаться, пока он дойдет до него и с почтением попросит прощения, сам побежал навстречу ему, обнял его, пал ему на шею и целовал его, а потом велел одеть его в лучшую одежду и заколоть откормленного теленка: **станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться** (Лк. 15, 23–24). Старший же сын его, возвратясь с поля и узнав причину отцовского веселья, обиделся, рассердился и не пошел к отцу и брату, а когда отец вышел позвать его, то он с упреком сказал: **я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка,**

чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка (Лк. 15, 29–30). Негодование старшего сына было так велико, что он не захотел назвать виновника веселья братом своим, а презрительно сказал: **этот сын твой**. Чувство любви к брату, даже к падшему и потому нуждающемуся в поддержке, было чуждо ему; любил он только себя и готов был судьбу своего брата принести в жертву своему себялюбию; такого сына, который расточил свое состояние с блудницами, надо было, по его мнению, прогнать, а не принимать с распростертыми объятиями; пусть гибнет! Сам же виноват! Нечего жалеть его!

Так нередко рассуждаем и так поступаем и мы, грешные, когда согрешивший против нас брат в раскаянии просит у нас прощения. Мы считаем как бы особым долгом своим сначала поставить ему на вид все его грехи, нередко даже преувеличить значение их, поглумиться над ним, растравить все его сердечные раны и лишь по окончании такой нравственной пытки простить его. Поступая так, мы оправдываем себя тем, что проделываем все это для пользы согрешившего брата, что этим доводим его до раскаяния, сознания своего греха. Но так ли это? Ведь тот, кто просит прощения, кто говорит — **я согрешил против неба и пред тобою**, — тот уже сознал свой грех, покаялся и, следовательно, не нуждается в доведении его до раскаяния.

Не так поступает Милосердый Бог. Грешнику достаточно опомниться, прийти в себя, оглянуться на свое прошлое, осудить себя, в раскаянии, хотя бы и вынужденном, вспомнить о милосердии Божием, сказать — **пойду к Отцумоему**, и действительно пойти; и Милосердый Господь с радостью примет блудного сына Своего, который **был мертв и ожил, пропадал и нашелся**.

Как часто мы уклоняемся от Бога только потому, что, по тяжести своих грехов, признаем себя недостойными прощения! Как часто мы говорим: «Грехи мои так велики, что Бог не простит мне, как бы я ни молился Ему; поэтому бесполезно и молиться». Рассуждая так, мы приписываем Богу свои недостатки, свои несовершенства: сами мы не простили бы брату, так же много нагрешившему против нас, и потому думаем, что и Бог не простит нас, если мы обратимся к Нему. Но внимательное чтение притчи о блудном сыне должно убедить нас в необъятной любви и безграничном милосердии Бога. Будем же чаще вспоминать эту притчу и, как бы грешны мы ни были, не будем отчаиваться; сознав тяжесть своих грехов, свернем с греховного пути, вспомним, что есть у нас Отец, Который скорбит о нас и ждет нашего возвращения на путь Божественной истины; скажем: **пойду к Отцумоему!** И пойдём к Нему смело, надеясь на Его милосердие. Но, рассчитывая на милосердие Божие, будем сами прощать всех, согрешивших против нас, помня слова Иисуса Христа: **если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших** (Мф. 6, 15); да и прощать-то будем не со злобой, а с радостью, что согрешивший против нас сознал свой грех и, следовательно, почти освободился от него, с такой радостью, с какой отец притчи простил своего блудного сына.

В притчах о заблудшей овце и о потерянной драхме говорится о милосердии Божием к людям, случайно выбившимся из колеи и ставшим на скользкий путь греха. Такие люди еще не погибли, не потеряны для Царства Божия: их еще можно вернуть назад. И вот, Господь идет к ним, посылая им какое-либо испытание, которое заставляет их вовремя одуматься, раскаяться и вернуться на прямой путь, а когда они возвращаются в стадо Христово, то не наказывает их за то, что отстали от него, а с радостью принимает их. В притче же о блудном сыне говорится о милосердии Божием к грешнику, сознательно предавшемуся греховной, распутной жизни, жаждавшему насладиться этой жизнью; но когда на краю гибели этот грешник вспомнил о Боге и в раскаянии пошел к Отцу своему, то и такого блудного сына Бог с радостью принял и простил. Любовь к сыну, хотя бы и к блудному, заставляет Отца радоваться, что пропавший нашелся, что мертвый ожил, а эти два чувства — любовь и радость — не допускают даже возможности какого-либо наказания, возмездия; они ведут только к безусловному прощению, полному забвению всего прошлого...

Окончив притчу о блудном сыне, Иисус произнес притчу о неверном управителе.

Притча о неверном управителе

Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении в твоём, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители. Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше? Никакой слуга не может служить двум господам, ибо, или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Притча эта считается самой трудной для толкования, настолько трудной, что некоторые толкователи совсем отказываются от объяснения её и думают, что заключительное изречение Господа могло быть искажено переписчиками.

Не отвергая трудности толкования этой притчи, я все-таки не могу согласиться с мнением о поврежденности текста, так как это мнение ни на чем не основано. Если мы все трудности, с которыми встречаемся при чтении Евангелия, будем объяснять искажением текста при переписке, то дойдем до отрицания подлинности Евангелия, то есть верности имеющих у нас списков с рукописями самих Евангелистов. Думаю, что если мы чего не понимаем, то должны, нисколько не стесняясь, сознаться в этом; отыскивая же причину непонимания, должны искать её в нас же самих, а не в том предмете, который нам непонятен. Ведь все, что мы понимаем и знаем, составляет ничтожную каплю в сравнении с океаном неведомого для нас.

Поэтому, не обвиняя переписчиков в искажении Евангелия, а напротив, считая текст наших списков верным с рукописями Евангелистов, приступим, с Божью помощью, к объяснению этой наитруднейшей для толкования притчи.

Изречение Господне — **и Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным** (Лк. 16, 9) — превратно толковалось многими любостыжателями ещё в первые века распространения христианства. Основываясь на нём, говорили, что достаточно уделить бедным частицу из накраденного и награбленного, и эти бедные, благодетельствованные преступником, введут, то есть умолят Господа ввести его в Царство Небесное. Толкуя в этом же смысле изречение Иисуса Христа, Юлиан Отступник издевался над всем учением Господа.

Но против такого превратного толкования всегда восставали Отцы Церкви, такие как Афанасий Александрийский, Василий Великий, Августин, Иоанн Златоуст и другие.

Вот как громил таких толкователей в своей пламенной речи Иоанн Златоуст:

«Внимайте вы (говорил он), которые убийствами думаете благотворить ближним и берете цену душ человеческих! Это милостыни иудейские или, лучше сказать, сатанинские. Есть, подлинно есть и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят десять или сто

златниц. О них-то пророк говорит: **вы заставляете обливаться слезами жертвенник Господа** (Мал. 2, 13). Не хочет Христос питаться плодами любостязания, не принимает Он такой пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше ничего не давать, чем давать чужое. Скажи мне, если бы ты увидел двух человек, одного нагого, а другого в одежде, и, раздевши последнего, одел первого, то разве не неправо поступил бы ты?» (Свт. Иоанн Златоуст Беседы на Евангелие от Матфея. 85, 3).

Блаженный Феофилакт, выразитель древних святоотеческих толкований, дает следующее объяснение притчи:

«Всякая притча (говорит он) прикровенна и объясняет образно сущность какого-нибудь предмета, но она не во всем подобна тому предмету, для объяснения которого берется. Посему не следует все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом насколько прилично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целостности притчи, а с предметом ее не имеющие никакого соответствия. Ибо, если мы возьмемся до тонкой подробности объяснять все, кто домоправитель, кто приставил его к управлению, кто донес на него, кто должники, почему один должен маслом, а другой пшеницей, почему говорится, что они должны были по сто... и если все прочее вообще будем исследовать с излишним любопытством, то мы затемним свою речь и, вынужденные затруднениями, может быть, дойдем и до смешных объяснений. Посему настоящею притчею надо воспользоваться, насколько это возможно».

«Господь (продолжает блаженный Феофилакт) желает здесь научить нас хорошо распоряжаться вверенными нам богатством. И, во-первых, мы научаемся тому, что мы не господа имения, ибо ничего собственного не имеем, но что мы управители чужого, вверенного нам Владыкою с тем, чтобы мы управляли им так, как Он повелевает. Воля же Владыки такова, чтобы вверенное нам мы употребляли на нужды сослужителей, а не на собственные удовольствия. Неправедным называется то богатство, которое Господь вручил нам для употребления на нужды братьев и сослужителей, а мы удерживаем его для самих себя. Когда же на нас доносят и мы имеем быть отставленными от управления имением, то есть исторгнутыми из здешней жизни, когда именно мы будем давать отчет в управлении имением, то узнаем, что в этот день мы не можем ни трудиться (ибо тогда не время делать), ни милостыни просить (ибо неблагоприлично), так как девы, просившие милостыни, названы глупыми (Мф. 15, 8). Что же остается делать? Разделить с братьями это имение, дабы, когда перейдем отселе, то есть переселимся из здешней жизни, бедные приняли нас в вечные обители. Ибо нищим во Христе назначены в удел вечные обители, в которые они могут принять явивших им любовь здесь через раздачу богатства, хотя богатство, как принадлежащее Владыке, сначала нужно было раздать бедным».

«Господь учит еще о том, что **верный в малом**, то есть хорошо распоряжавшийся вверенным ему имением в мире сем, **и во многом верен** (Лк. 16, 10), то есть и в будущем веке достоин истинного богатства. *Малым* называет земное богатство, так как оно поистине мало, даже ничтожно, ибо скоропреходящее, а *многим* — богатство небесное, так как оно всегда пребывает и прибывает. Посему, кто оказался неверным в этом земном богатстве и данное на общую пользу братьев присвоил себе, тот не будет достоин и того *многого*, но будет отвергнут как неверный. Поясняя сказанное, прибавляет: **если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?** (Лк. 16, 11). Неправедным богатством назвал богатство, которое остается при нас: ибо если бы оно не было бы неправедно, оно и не было бы у нас. А теперь, поелику оно у нас, то очевидно, что неправедно, так как оно задержано нами и не роздано бедным. Итак, кто нехорошо и неверно управляет сим имением, как тому доверить истинное богатство? И нам кто даст наше, когда мы неверно распоряжаемся чужим, то есть имением? Наш удел — богатство небесное и божественное, ибо там жилище наше. Доселе Господь учил нас, как должно верно управлять богатством. А так как управление богатством по воле Божией совершается не иначе, как при твердом беспристрастии к нему, то Господь прибавил к учению Своему и сие: **Не можете служить Богу и маммоне**

(Лк. 16, 13), то есть невозможно тому быть слугою Божиим, кто привязался к богатству и, по пристрастию к нему, нечто удерживает за собой. Посему, если ты намерен верно распоряжаться богатством, то не порабощайся ему, то есть не имей привязанности к нему, и ты истинно послужишь Богу».

Итак, по мнению блаженного Феофилакта, всякое вообще богатство, удерживаемое обладателем его в свою пользу, называется неправедным богатством. Раздача же такого богатства бедным составляет указанный Господом способ приобретения друзей, которые могут ввести своего благодетеля в вечные обители.

Что все богатства земные принадлежат Богу как единственному Собственнику всего существующего в мире, и что люди, обладающие такими богатствами, — только временные управители, приставники, обязанные дать отчет своему Господину, — в этом не может быть никакого сомнения. Но чтобы управители обязаны были раздавать бедным все до последней нитки из вверенного их управлению богатства, не оставляя себе ничего, — в этом позволительно усомниться. Христос никогда не осуждал пользование земными благами как дарами, ниспосланными Богом. Он требовал только, чтобы мы не считали себя полными хозяевами и безотчетными распорядителями этих благ. Он требовал, чтобы мы признавали эти блага Божиим достоянием и, управляя ими, не забывали Его заповеди о любви к ближним и чтобы *благо* творили им, чтобы голодных накормили, жаждущих напоили, странников приютили, нагих одели, находящихся в больницах и тюрьмах посетили... (Мф. 25, 34–40). Злые виноградари (Мф. 21, 33–41; Мк. 12, 1–9; Лк. 20, 9–16) были осуждены не за то, что пользовались плодами виноградника, данного им в управление, а за то, что не давали посланным от Хозяина плодов, которых Он требовал, — за то, что хотели присвоить себе виноградник. Не мог Господь обязывать нас отдавать бедным все, что мы имеем, не оставляя себе и своему семейству ничего. Поэтому мнение блаженного Феофилакта, что неправедным богатством следует считать всякое богатство (а следовательно, и часть его), удерживаемое обладателем его в свою пользу, — едва ли можно считать правильным; и мне кажется, что это даже не прямое мнение его, это просто недомолвка, нечто недоговоренное, подтверждением чему служит одно выражение его «разделить с братьями это имение»; разделить с братьями — значит и на свою долю оставить часть подлежащего разделу (подробное объяснение по этому вопросу см. ниже с. 702–707).

Помимо этого, объяснение блаженного Феофилакта не дает ответа на самые главные вопросы, возникающие при чтении притчи о неверном управителе: достоин ли был похвалы управитель? Почему Господь выставил его как пример для подражания? И почему Он заповедал приобретать друзей богатством неправедным, если, богатство само по себе не может считаться ни праведным, ни неправедным, а называется неправедным или по преступности его приобретения, или по преступности целей, для достижения которых оно употребляется, или же по особой привязанности к нему, по преклонению перед ним, как перед кумиром, идолом? Да и мог ли вообще Господь сказать, что врата Царства Небесного можно открыть богатством неправедным? На все эти вопросы мы не находим ответа в толковании блаженного Феофилакта.

По мнению митрополита Московского Филарета, «истинное значение притчи определяется следующими чертами. Приставник управляет чужим имением. Подобно сему, всякий человек в настоящей жизни пользуется богатством и другими дарами Божия творения и провидения не как независимый обладатель, никому не обязанный; отчетом, но как приставник, обязанный отчетом Богу, Которому единому первоначально и существенно все принадлежит. Приставник, наконец, должен оставить управление и дать в нем отчет; подобно и всякий человек с окончанием земной жизни должен оставить то, чем распорядился на земле, и дать в своих действиях отчет пред Судом Божиим. Отставляемый приставник видит, что останется скудным и бездомным; подобно сему и преставляемые от земной жизни усматривают, что они скудны подвигами и добродетелями, которые отверзли бы для них одну из обителей небесных. Что делать бедному приставнику? Что делать скудной душе? Приставник имеет надежду быть

принятым в дома тех, которым от избытка вверенного ему управления сделал одолжение. Душа при недостатке совершенства имеет надежду, что бедствующие и скорбящие, которым она от своего земного благосостояния подавала помощь и утешение, благодарной молитвой веры помогут и ей отворить дверь вечного крова, которую себе отверзают верностью в подвиге терпения. Конечно, слово притчи ясно показывает, что она, употребляя мирское мудрование, в подобие духовной мудрости, отнюдь их не смешивает: **сыны века сего догадливее сынов света в своем роде** (Лк. 16, 8). То есть: как жаль, что чада мудрости мирской имеют довольно искусства, среди самого разрушения, темными средствами устроить свое временное благосостояние, а чада света, ученики мудрости божественной, часто не употребляют довольно тщания, чтобы при ее свете, с ее силой, уравнивать и упредить свой путь в вечные кровы!» Чтобы объяснить смысл слов — **приобретайте себе друзей богатством неправедным** (Лк. 16, 9), или, как сказано в славянском переводе, **сотворите себе друга от маммоны неправды**, митрополит Филарет говорит, что «у сириян был идол, который назывался *маммона* и суеверно почитался покровителем богатства. От сего и к самому богатству перенесено то же название: *маммона*. Господь, конечно, не без причины, вместо простого названия богатства употребил слово маммона, в котором с понятием богатства объединяется понятие идолослужения; и причину сего иную можно предложить, как ту, что хотел означить не просто богатство, но богатство, с пристрастием собираемое, с пристрастием обладаемое, делающееся идолом сердца. Таким образом определяется смысл и целого выражения: **маммоны неправды**. Это значит богатство, которое через пристрастие к нему сделалось неправедным или порочным; ибо в священном языке неправда может означать вообще порок, подобно как и правда — вообще добродетель. Что же посему значит наставление: **сотворите себе друга от маммоны неправды**? Это значит: богатство, которое через пристрастие легко становится у вас маммоною неправды, веществом порока, идолом, обратите в доброе стяжание через благотворение бедным и приобретите в них духовных друзей и молитвенников за вас. Что касается до тех богатых, которые не только не свободны от неправды пристрастия к богатству, но и отягчены неправдой злоприобретения, — они напрасно ищут легкого способа прикрыть свою неправду в притче о неправедном приставнике. Но если хотят истинного, собственно к ним относящегося наставления, то найдут оное в наставлении мытаря Закхея».

Заключительная часть этого толкования вполне правильна; но, к сожалению, святитель не объяснил, почему это заключение надо считать необходимым выводом из смысла всей притчи. Неверный управитель притчи отягчен был не «маммоной неправды», о которой говорит святитель, а тою именно «неправдою злоприобретения», которая, по его же утверждению, не может быть прикрыта способом, указанным в притче. Поэтому самое заключение святителя не может считаться логическим выводом из самой притчи, если понимать ее так, как он понимал. К тому же и это толкование не дает ответа на главные вопросы и недоумения, возникающие при чтении притчи.

Некоторые толкователи полагают, что человек грешный, не сотворивший ничего доброго для оправдания своей греховной жизни, богатый, так сказать, только грехами, может и это неправедное богатство свое употребить с пользой и приобрести им себе друзей, молитвенников за него перед Богом. Если он сознает всю греховность своей жизни и вместо того, чтобы скрывать свои грехи, будет открывать всем свою грешную душу, будет представлять им весь ужас и всю пагубность такой жизни и тем предостерегать их от подражания ему и подобным ему грешникам, то многие воздержатся от греха; таким предупреждением, таким спасением их, откровенный грешник сделает для них доброе дело и приобретет себе в них друзей, а друзья эти умолят Отца Небесного о прощении его. Несомненно, что такой грешник искренно раскаивается в своих грехах, если приносит всенародное покаяние в них; за такое раскаяние он может заслужить прощение, подобно блудному сыну притчи; и если он своим открытым покаянием еще удерживает и других от греха, то совершает по отношению к ним доброе дело, то есть творит *достойный плод покаяния*, и потому может быть принят в вечные обители, несмотря на множество грехов. Таким

образом, толкование это вполне согласно с духом Христова учения, но, к сожалению, его нельзя даже назвать толкованием рассматриваемой нами притчи. Неверный управитель, принявший много грехов на свою душу за время управления имением господина своего, если и покаялся, то только перед Богом и своей совестью; никому из людей он своих грехов не исповедал, никому не выставял напоказ свою израненную грехами душу, никого от греховной жизни не предостерег. А потому предлагаемое толкование нельзя считать правильным.

Толкований притчи о неверном управителе очень много; но так как ни одно из них не дает ясного, не оставляющего никаких сомнений, ответа на вышеуказанные вопросы, то я не буду приводить их здесь; ограничусь лишь наиболее распространенным среди богословов мнением о смысле и значении этой притчи.

Полагают, что под приточным образом господина, имевшего управителя, надо разуместь Самого Бога; под неверным управителем — людей, которые употребляют дарованные им Богом богатство не согласно с возвещенной им волей Божией, то есть не помогают нуждающимся ближним своим. Требование господином притчи отчета от своего управителя приравнивают истребованию Богом отчета от каждого человека, переселившегося в вечность. Под должниками разумеют всех нуждающихся в посторонней помощи, а под друзьями, принимающими в свои дома отставленного управителя, — ангелов и угодников Божиих.

По основаниям, которые будут высказаны ниже, я полагаю, что и это толкование оставляет много недоумений не разъясненными.

Недавно появилось в печати объяснение притчи о неверном управителе профессора протоиерея Т. Буткевича (см. Церковные Ведомости. 1911 г. №№ 1–9).

Объясняя эту притчу, профессор Т. Буткевич задается вопросом: почему господин притчи не только не предал суду своего неверного управителя, но даже похвалил его?

Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, профессор Т. Буткевич предварительно говорит, и весьма подробно, о еврейских богачах и их управителях: «Нужно признать фактом, не подлежащим сомнению, что у евреев всегда более, чем у других народов, обнаруживались страсти корыстолюбия и любостяжания. Начиная с Моисея, все ветхозаветные и боговдохновенные писатели, в особенности же Давид, Соломон, Иисус сын Сирахов и пророки, согласно утверждают, что многие уже древние евреи, забыв Иегову и Его заповеди, часто не брезговали никакими средствами для своего обогащения: они не гнушались обманом, воровством, даже разбоями и ограблениями купеческих караванов. Но особенно было широко распространено среди евреев барышничество в торговле и ростовщичество: заем в 100 % казался устроенным не на тяжелых условиях. Если пять талантов [58] давали другие пять талантов — это еврея не удивляло; но он стремился к тому, чтобы одна мина [59] приносила ему десять мин (Мф. 25, 20; Лк. 19, 16). Заем обеспечивался не только распиской и залогом должника, но и поручительством других лиц. Если имущества должника было недостаточно для погашения долга, кредитор мог бросить должника в тюрьму или обратить его со всем его семейством в вечное рабство».

«Ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа простой еврейский народ, обремененный тяжелыми римскими налогами и податями на храм, десятинами в пользу священников и левитов, угнетаемый корыстолюбивыми кредиторами и мытарями, жил вообще в большой бедности и нужде. Но чем беднее был народ, чем сильнее сказывалась его нищета, тем рельефнее бросались в глаза те немногие лица, которые владели большими богатствами и окружали себя чисто восточной роскошью».

Современные Христу еврейские богачи слыли под именем «иерусалимских князей», проживали в Иерусалиме в собственных дворцах, устройством и роскошью напоминавших дворцы римских кесарей, а

для летнего отдыха и увеселений устраивали еще загородные дачи. Они владели тучными полями, засеваемыми пшеницей, а так же виноградниками и садами масличных деревьев. Но главный доход им давали торговля и промышленность. Собственные корабли «князя» привозили ему серебро из богатейших испанских рудников, а отправляемые им на восток караваны привозили шелковые ткани и различные пряности. Во всех приморских городах до Гибралтара у «иерусалимских князей» были большие торговые склады, банкирские конторы и агентуры.

«Само собой разумеется, что "иерусалимские князя" не могли лично вести всех своих сложных торговых дел и заведывать своими имениями. Подражая римским императорам, они, одевшись в порфиру и виссон, каждый день пиршествовали блистательно (Лк. 16, 19), а в каждом имении, в каждой конторе, на каждом корабле имели своих доверенных агентов или *управителей* и *приставников*.

Получая от своего хозяина только общие инструкции относительно цен на товары или арендной [сохранена орфография оригинала., - прим. автора сканирования] платы за сады и поля, управители сами отдавали в аренду бедным жителям поля и виноградники; сами заключали контракты с арендаторами и хранили эти контракты у себя; сами же вели торговлю. "Князь" считал для себя унижительным лично проверять деньги, доставляемые ему агентами и управителями главному казначею, всегда находившемуся при его доме. Он совершенно успокаивался, когда казначей докладывал ему, что управители своевременно доставляют от имений то, что им было назначено».

«Князь» назначал известную арендную плату за свои сады, виноградники и поля, но управитель сдавал их дороже и излишек обращал в свою пользу; кроме того, арендаторы платили обыкновенно аренду не деньгами, а продуктами, а управитель продавал их и своему господину представлял наличные деньги. Все это давало управителям полный простор к злоупотреблениям, и они, пользуясь своим положением, притесняли бедных арендаторов и наживались на их счет.

Охарактеризовав таким образом еврейских богачей и их управителей, профессор Буткевич говорит, что когда господин притчи объявил своему управителю, что он не может более управлять его имением, и потребовал от него представления отчета, то управитель, рассуждая сам с собой, искал выхода из своего тяжелого положения. Оставаясь после увольнения от службы без всяких средств к жизни, он предвидел, что ему предстоит или взяться за черную работу, то есть копать землю в садах и виноградниках в качестве чернорабочего, или просить милостыни. Но (говорит) **копать не могу, просить стыжусь** (Лк. 16, 3). Наконец, он нашел исход и зовет должников, то есть арендаторов, своего господина. Что это были действительно арендаторы садов и полей, видно уже из того, что в расписках их долги обозначены не деньгами, а сельскохозяйственными продуктами (оливковым маслом, пшеницей). Хотя нередко сельскохозяйственные продукты продавались и в долг, но в таких случаях в расписках долг всегда обозначался деньгами, а не продуктами.

Призвав арендаторов, каждого порознь, управитель предлагает им переписать их арендные расписки и в новых уменьшить суммы их долгов. Управитель мог бы совсем уничтожить расписки и тем особенно расположить к себе арендаторов, но он этого не сделал. Почему? Конечно, не потому, что боялся ответственности. Если поступок управителя считать преступным, то не все ли равно — отвечать ли за растрату всего вверенного имущества или же части его? Заплатить было нечем, а уголовная ответственность одинакова как в том, так и в другом случае.

Имея, таким образом, возможность совсем уничтожить арендные расписки, управитель ограничился уменьшением долгов арендаторов. И за это господин не только не предал его суду, но даже похвалил. Эта похвала доказывает, что, уменьшая сумму долгов арендаторов, управитель никакого ущерба господину своему не причинил и ничего преступного не совершил. Но что же он сделал? Притесняя арендаторов при сдаче им полей и садов, он брал с них арендную плату выше того размера, который назначен был его

господином, и весь излишек брал себе. Теперь же, отыскивая выход из своего тяжелого положения, он вспомнил арендаторов, которых притеснял; совесть заговорила в нем, он раскаялся и захотел загладить свой грех перед ними добрым делом. Он позвал их и простил им только те излишки арендной платы, которые выторговал у них в свою пользу, а так как излишки эти были неодинаковы, то одному он простил 50 % его долга, а другому только 20 %.

«При таком объяснении становится понятным, почему господин притчи не предал суду своего управителя, а похвалил его. Хозяин свое получил; его интересы не пострадали; за что же мог он гневаться на своего управителя? Но похвалить его он мог, ибо управитель его, раньше бывший дурным человеком, теперь оказался не только *благоразумным*, но и честным, благородным, отказавшимся воспользоваться тем, что ему принадлежало по людской справедливости, но не по совести».

В русском переводе Евангелия сказано, что господин похвалил управителя, что *догадливо* поступил; между тем «греческое слово Фрохоцос, нигде в древнегреческой литературе не встречается в смысле *догадливости* оно значит: рассудительно, мудро, благоразумно, пронизательно. Поэтому евангельский текст следовало бы перевести так: "и похвалил господин управителя неверного, что *благоразумно* поступил". Славянский перевод точнее русского; там стоит слово "*мудре*", а не "догадливо"».

«Некоторые толкователи, признающие поступок управителя безнравственным, указывают на то, что и после этого поступка Спаситель называет управителя *неверным*. На это *Фонк* отвечает совершенно справедливо: управитель здесь называется *неверным* не потому, что своим последним поступком проявил несправедливость в особенно высокой степени, а потому, что это произвище уже принадлежало ему по его прежнему поведению». В пользу этого объяснения можно найти и фактические подтверждения: Апостол Матфей навсегда остался с прозвищем *мытарь*, Апостол Фома — *неверный*, Симон — *прокаженный*».

Продолжая объяснение притчи, проф. Т. Буткевич говорит: «Спаситель, рассказав, как господин похвалил управителя неверного, добавил от Себя: **ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде** (Лк. 16, 8). Сынами века сего Господь назвал тех людей, которые, подобно мытарям и управителям "иерусалимских князей", заняты по преимуществу житейскими попечениями и своими личными чувственными интересами. Но кого нужно разуметь под "сынами света"?»

Все толкователи этой притчи под «сынами света» понимают истинных последователей Христа, праведников и угодников Божиих. «Но (говорит проф. Т. Буткевич) тяжело думать, что праведники и угодники Божий, которые только и могут именоваться "сынами света" (ибо в ком царствует грех, тот еще не сын света), менее благоразумны, чем грешники, воры, плуты, мошенники и вообще люди, стоящие вдали от света. Тяжело святых Апостолов признавать людьми, которым не мешает хитрить и заимствоваться внешней догадливостью у сынов века сего. Сынам света, праведникам, обители вечные уже уготованы Отцом Небесным (Мф. 25, 34); что же им могут дать еще сыны века сего? Зачем им нужна мирская ловкость и находчивость? Подобные вопросы невольно приходят в голову, и нам кажется, что нужно искать иного объяснения.

Во время Своего общественного служения, Иисус Христос не раз называл фарисеев *слепыми* (Мф. 15, 14; 23, 16–17, 26). Но фарисеи думали о себе иначе: как знатоки ветхозаветных писаний и отеческих преданий, они только себя считали *сынами света*, всех же других, особенно же мытарей и грешников, они могли признавать только сынами тьмы и века сего. Поэтому весьма естественно предположить, что при произнесении притчи, видя в числе своих слушателей *мытарей* и *фарисеев*, Спаситель назвал первых сынами века сего, а последних (конечно, иронически) — сынами света, как они сами называли себя. Тогда изречение Его: **сыны века сего благоразумнее сынов света**, будет ясно и просто: мытари благоразумнее фарисеев, — что мытарями неоднократно и было доказано на деле. Наше предположение находит для себя особенное подтверждение еще в том, что в этом стихе Иисус Христос говорит не о сынах света

вообще, а только о сынах света **в своем роде**, подобно тому, как по-русски говорят, например, о полицейском стороже: начальство своего рода или в своем роде».

Дав такие прекрасные объяснения вышеуказанных двух существенно важных вопросов и доказав ссылками на ветхозаветные книги, что в Писании богатство нередко называется «имуществом неправедным», — профессор Т. Буткевич переходит к заключительным словам Спасителя: **И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители** (Лк. 16, 9).

«Что же это за "неправедное богатство" или, точнее, "богатство неправды", которым Господь повелевает нам приобретать друзей, а через них и вечные обители? Чтобы мы верно могли понять это наставление, Иисус Христос, конечно, не случайно, а с намерением, слово "богатство" заменяет наименованием сирийского идола богатства *маммона*, то есть с понятием *богатства* соединяет понятие *идолослужения*, потому что Он хотел означить не просто богатство, но богатство, с пристрастием собираемое, делающееся идолом сердца. Поэтому слова Спасителя — приобретайте себе друзей богатством неправедным — нельзя объяснять одним только требованием возвращать краденое или награбленное и не пользоваться им; слова эти означают, что для приобретения друзей, а через них и вечных обителей, то есть для достижения своего спасения мы не должны идти тем путем, каким идут любостяжатели, скупцы и скряги, владеющие неправедным богатством только для себя, а для этого мы прежде всего должны подавить в своей душе страсть любостяжания, а затем посвятить себя делам христианской благотворительности, как того требует от нас абсолютный Собственник всего существующего — Бог, научивший нас тому, как мы должны распоряжаться временно вверенными нам земными благами. Под *друзьями* надо разуметь нищих, бедных и вообще нуждающихся, то есть *меньших братьев* Христа, уготовляющего места во многих обителях Отца Своего для всех Своих последователей. **Вечные обители** — это Царство Небесное, ибо на земле ничего вечного нет. Во многих древних рукописях вместо греческого слова, переведенного на русский словом **обнищаете**, стоит слово, означающее *умрете*. Все толкователи согласны, что здесь речь идет о смерти; *когда умрете*, как и следовало бы перевести в русский Библии вместо выражения "когда обнищаете"».

В заключение своего объяснения притчи о неверном управителе профессор Т. Буткевич говорит, что «богатый человек, имеющий неверного управителя, — это приточный образ Самого Бога; неверный управитель — это образ каждого грешника. Подобно управителю, грешник долгое время пользуется данными ему на время земными благами; но живет так же, как и управитель, беспечно, распутно, не думая о том, что пробьет некогда час, когда ему нужно будет оставить землю и предстать пред лицо Судьи, от Которого он получил в своей жизни все необходимые для спасения дары и воля Которого ему была возвещена своевременно. Управитель, призванный к господину, узнал его бесповоротное решение о своем смещении и задумался над вопросом — что делать? Подобно сему Господь привлекает сердце грешника к Себе и пробуждает в нем уверенность в необходимости оставления земной юдоли и переселения за пределы вечности. Услышав решительный голос Божий, совесть грешника приходит в крайнее смущение и беспокойство; возникает роковой вопрос — что делать? Нет ли каких земных средств для спасения? Но, увы! Ничто не спасет человека от смерти. Остается одно: покориться воле Божией. Управитель начал тем, что уничтожил в расписках должников своего господина ту часть платы, которая предназначалась ему в собственность. Этим же должен начать дело своего спасения и кающийся грешник. Ему известна воля Божия: **если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**. Итак, необходимо прежде всего примириться со своими ближними, простить им все их грехи против нас и испросить себе прощение наших грехов против них. Приточные должники — это наши ближние; все они грешны пред Богом и потому называются Его должниками. Должники притчи ни разу не названы должниками управителя, а только должниками его господина, хотя значительная часть их долга

должна была поступить в пользу управителя. Этими чертами Господь раскрывал перед Своими слушателями ту истину, что перед людьми, нашими ближними, мы должники только относительные, и лишь пред Одним Богом мы должники, то есть грешники, в собственном смысле. Заповедь о любви к ближним дана Богом, а потому, согрешая против ближних, мы прежде всего грешим против Самого Бога и Его заповедей. Поэтому одним только исполнением заповеди о любви к ближним, без исполнения заповеди о любви к Богу, нельзя достигнуть Царства Небесного. Любовь же к Богу проявляется в исполнении заповеди Его о благотворении бедным и нуждающимся. Ангелы и угодники Божий, как друзья кающегося грешника, предстательствуют за него пред Богом и тем уготовляют для него вечное жилище в Царстве Небесном. Материальное богатство, хотя оно по способу приобретения и пользования несправедливо, при богоугодном распоряжении им может содействовать человеку в достижении высших нравственных целей».

Таково объяснение профессора Т. Буткевича притчи о неверном управителе.

Мне кажется, что профессор Т. Буткевич своим прекрасным объяснением значения поступка управителя и слов «сыны света в своем роде» подошел очень близко к раскрытию истинного смысла слов Спасителя о приобретении друзей богатством несправедливым; но, по-видимому, им руководило желание не противоречить общепринятым толкованиям, и это отклонило его в сторону от проложенного им же пути; поэтому его объяснение заключительных слов Христовых не устраняет тех недоумений, которые возникают при чтении притчи о неверном управителе.

Никто из верующих не может сомневаться в том, что Бог — единственный и безусловный Собственник всего существующего; Он дает нам вещественные блага лишь во временное, согласно с Его волей, пользование или управление, а также и духовные дарования, с тем, чтобы мы стремились к достижению указанной Им цели нашей земной жизни; Он же потребует от нас отчет, когда мы, окончив наше земное странствование, переселимся в вечность. Поэтому под образом приточного господина, отдавшего свое достояние своему управителю во временное управление, можно было бы подразумевать Самого Бога, если бы другие слова притчи не противоречили такому уподоблению. Противоречие же усматривается в следующем: требование господином притчи от своего управителя отчета нельзя уподобить требованию Богом отчета от людей умерших, переселившихся в вечность. Управитель притчи *прежде* должен был дать отчет, а *потом* оставить управление именем, а человек, переселяющийся в вечность, *сначала* оставляет со своей смертью управление вверенным ему именем, а *потом* дает отчет. Управитель притчи имел достаточно времени, чтобы устроить свои дела и обеспечить свое будущее земное существование; для грешной же души, представшей пред лицо Судии, чтобы дать отчет, все кончено: посмертное покаяние не спасет ее (Лк. 16, 19–31), совершение же добрых дел в исполнение заповеди Господней за пределами земной жизни невозможно.

Профессор Т. Буткевич, как бы предвидя такое возражение, говорит, что «Господь неисповедимыми судьбами Своими и средствами, не всегда доступными нашему пониманию, привлекает сердце грешника к Себе и пробуждает в нем уверенность в необходимости оставления земной юдоли и переселения за пределы вечности, и потому такой грешник, покоряясь воле Божией, должен примириться с ближними, простить их и испросить у них прощение, а затем добрыми делами в пользу бедных и нуждающихся заслужить себе прощение грехов и от Бога».

Да, милосердный Господь нередко наводит грешников на мысль о будущей загробной жизни, о необходимости заблаговременно покаяться, исправиться и загладить свои грехи добрыми делами. Но такое приведение грешника к покаянию нельзя назвать требованием отчета: отчет будет истребован и дан в будущей жизни, там, а не здесь. Отчет будет истребован от всех людей вообще; озарение же, задолго до смерти, мыслию о необходимости дать своевременно отчет даруется далеко не всем.

Таким образом, оказывается, что нет никакой возможности уподоблять требование господином притчи отчета от своего управителя требованию Богом отчета от всех людей. Невозможность же такого уподобления не дает нам права под образом господина притчи разуместь Самого Бога. Далее профессор Т. Буткевич в одном месте своего объяснения притчи под друзьями управителя разумеет наших ближних, а в другом — ангелов и угодников Божиих. Но я думаю, что если и возможно *маммоной неправды* приобрести себе друзей среди людей, живущих на земле, то едва ли это возможно по отношению к ангелам и угодникам Божиим. То положение, что ангелы и угодники Божий молитвами своими предстательствуют пред Богом за всех кающихся грешников, не дает нам права уподоблять их приточным друзьям управителя, ибо ангелы и угодники Божий, предстательствуя пред Богом своими молитвами за грешников, едва ли ограничивают свое предстательство только кающимся грешниками. Если Господь наш Иисус Христос шел и к нераскаянным грешникам и словом Своим доводил их до покаяния, то надо полагать, что как ангелы, так и переселившиеся в вечность угодники Божий, молят Бога и о нераскаянных грешниках, молят о приведении их к покаянию. Следовательно, если считать их «друзьями» людей, то надо считать друзьями всех людей вообще, а не одних только кающихся, не таких только, как управитель притчи.

Господин притчи похвалил своего управителя за то, что он благоразумно поступил; подобно этому (говорит профессор Т. Буткевич) и Бог не только прощает грешника, раскаявшегося и загладившего свои грехи добрыми делами, но и удостоивает его похвалы, то есть высшего блаженства в вечности.

Мне кажется, что и это уподобление невозможно. Управитель притчи простил должникам господина своего только то, что выторговал у них в свою пользу; он отказался только от дальнейшего совершения зла, но положительного добра не совершил. Если господин притчи и мог похвалить его за это, то за одно только отречения от зла, без сотворения блага, едва ли Господь удостоит кающегося грешника *высшего* блаженства в Вечной Жизни. Управитель притчи отказался от дальнейших притеснений арендаторов, переписав их контракты; но из притчи не видно, чтобы он возвратил арендаторам арендные платежи, излишне полученные им за прошлое время; следовательно, он не довел дело до конца, не сполна осуществил свои добрые намерения. И если господин притчи мог похвалить своего управителя за такую находчивость, догадливость или мудрость, то едва ли такой управитель может удостоиться от Бога не только *высшего* блаженства, но даже и простой похвалы. А это опять-таки доказывает, что под образом господина притчи никак нельзя разуместь Самого Бога.

Приступая, со своей стороны, к объяснению притчи о неверном управителе, я нахожу, что не все притчи Господни имеют иносказательное (аллегорическое) значение. Например: притчи о богаче, которому Бог послал обильный урожай, о богаче и нищем Лазаре, о милосердном самарянине не содержат в себе никакой аллегии. Думаю, что и в притче о неверном управителе нет никакого иносказания и что все неудачи в толковании ее происходили от непременно желанья объяснить: кого надо разуместь под приточными образами господина, управителя, должников и друзей.

Итак, не будем доискиваться иного смысла этой притчи, а попытаемся объяснить ее как приведенный Господом, с целью назидания, пример из жизни современных Ему евреев.

Для точного уразумения смысла этой притчи и, главным образом, значения заключительных слов Спасителя, следует прежде всего узнать, кому и по какому поводу она была сказана.

Повествование свое о сказанных Иисусом Христом четырех притчах, в том числе и о притче о неверном управителе, Евангелист Лука начинает следующими словами: **Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними** (Лк. 15, 1–2). Раньше этого с таким же упреком и осуждением фарисеи обратились к ученикам Иисуса, когда Он возлежал с мытарями и грешниками за столом у мытаря Левия (или Матфея): **для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? И Господь ответил им тогда: не здоровые имеют нужду во**

враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9, 9—13; Мк. 2, 14—17; Лк. 5, 27—32).

Итак, это был уже второй случай, когда фарисеи и книжники открыто осуждали Иисуса за общение с грешниками. В первом случае Господь ограничился кратким указанием на цель Своего пришествия; теперь же, при повторении упрека и осуждения, Он признал необходимым вразумить фарисеев и книжников притчами. Что с первыми тремя притчами — о пропавшей овце, о потерянной драхме и о блудном сыне — Христос обратился не к мытарям и грешникам, а к фарисеям и книжникам, видно из слов Евангелиста Луки: **Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними. Но Он сказал им** (то есть фарисеям и книжникам) **следующую притчу** (Лк. 15, 2—3). Конечно, притчи эти были выслушаны всеми окружавшими тогда Иисуса мытарями и грешниками; их-то, как ищущих спасения своего, и имел в виду Господь в Своих притчах; но все-таки с первыми тремя притчами Он обращался к фарисеям и книжникам, отвечая *им* на их упрек.

Притчами этими Христос наглядно показал упрекавшим Его фарисеям и книжникам, как милосердный Бог, без всякого зова и мольбы со стороны грешников, случайно сбившихся с истинного пути, Сам идет к ним на помощь и выводит их из этой среды, где они могут погибнуть; и как Он же идет навстречу даже таким грешникам, которые сознательно шли по греховному пути, которые хотели грешить, но потом опомнились, осудили свое прошлое и решились жить не так, как хочется, а как Бог велит. Если же Сам Бог так поступает с грешниками, то, конечно, и Христос, Который послан Им в мир не судить, а спасать грешников, не может поступать иначе.

Эти три притчи, сказанные фарисеями и книжниками, должны были порадовать мытарей и грешников, окружавших Спасителя, должны были убедить, что спасение возможно и для них, отверженных и презираемых. Но с чего начать? Как заслужить прощение грехов?

В ответ на эти вопросы, несомненно занимавшие теперь мытарей и грешников, Господь сказал четвертую притчу (о неверном управителе), обращаясь к ним [\[60\]](#) непосредственно, как к подготовленным уже первыми тремя притчами к уразумению ее.

Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его. Из объяснений этой притчи профессора Т. Буткевича видно, что управитель не расточал имущества своего Господина, а только жил роскошно, проживая самовольные поборы, собираемые им с арендаторов. Жил он, вероятно, так, как нельзя было жить на получаемое им от господина содержание; а это дало повод предполагать, что он не довольствуется своим жалованием, а расходует на себя и доходы, следуемые господину его. Вот почему и донесено было о расточительности его.

Господин поверил доносу, быть может, потому, что доноситель заслуживал особенного доверия. **И, призвав его** (то есть управителя), **сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять** (Лк. 16, 2). Поверив безусловно доносу, господин не только потребовал от управителя представления отчета, но и объявил ему свое решение об увольнении его от должности.

Управитель не оправдывался, потому что сознавал, что часть получаемой им арендной платы он присваивал себе и расточал ее. Хотя эта часть арендной платы составляла излишек против назначенной его господином, однако, сдавая отчет и прилагая к нему арендные контракты, он тем самым изобличил бы себя в том, что представлял господину своему доходы не в том размере, в каком они поступали от арендаторов, а в меньшем. Словом, если бы он сдал при отчете все подлинные контракты, то донос на него подтвердился бы и ему не миновать бы ответственности.

Поставленный в такое затруднительное положение, управитель призадумался. По-видимому, он проживал все, что получал, и не скопил себе ничего на черный день, потому что, по его же словам, ему

предстояло быть или чернорабочим поденщиком, копающим землю в садах и виноградниках, или нищим, протягивающим руку за подаванием. С таким печальным будущим он не хотел примириться: копать землю он не мог, вероятно, потому, что такая непривычная для него работа была ему не под силу; просить же подавания он стыдился, потому что (как поясняет профессор Т. Буткевич) для евреев не было большего стыда, как нищенствовать, протягивая руку за куском черствого хлеба. Что мне делать? — вот вопрос, который занимал его теперь.

Человек, которого постигла беда, нередко начинает вспоминать свое прошлое, желая уяснить себе, что именно привело его к бедственному положению. Он сожалеет, что жизнь его сложилась так, а не иначе; он раскаивается, что жил не так, как следовало бы. За раскаиванием следует желание предпринять что-либо такое, чтобы беда миновала, желание найти наилучший выход из своего положения. Так и неверный управитель, оглядываясь на свое прошлое, вспомнил, вероятно, как он обижал арендаторов, притесняя их и вымогая у них излишнюю против назначенной хозяином арендную плату, и как он проматывал эти деньги, нелегко достававшиеся несчастным труженикам. И у него могло явиться желание не только оправдаться перед хозяином, но и загладить свои неблагоприятные поступки перед арендаторами; и он нашел выход из своего тяжелого положения. Чтобы составить отчет об управлении имением согласно с волею господина, надлежало приложить к отчету такие арендные контракты, в которых была бы показана арендная плата в размерах, назначенных самим господином, а для этого надо было переписать все контракты и значительно уменьшить в них арендную плату. Поступая так, управитель мог не только оправдаться перед господином своим, но и расположить к себе арендаторов, которым теперь придется платить аренды значительно меньше против прежнего. Оказывая этим большую услугу арендаторам, управитель рассчитывал, что они будут признательны ему за это и не откажут ему в материальной помощи, когда он будет отставлен от управления.

Так разрешил управитель волновавший его вопрос, и немедленно же начал приводить свой план в исполнение. Зовет он должников (арендаторов) господина своего, каждого порознь, и приказывает им переписать арендные контракты, значительно уменьшив в них размеры следуемых с них арендных платежей. Он не объявляет им причины такой неожиданной милости и, конечно, производит на них сильное впечатление, вызвавшее чувство глубочайшей благодарности их к благодетелю. Зовет управитель арендаторов *порознь* потому, что оказывает им неодинаковую милость: одному он уменьшает арендную плату на 50 процентов, другому — на 20. Если бы он позвал их всех вместе, то, оказывая им неравномерную милость, он мог бы вызвать ропот со стороны тех, кому уступил меньше; а чтобы устранить этот ропот, должен был бы объяснить им истинную причину такого неравномерного к ним милосердия, что совсем не входило в его расчеты.

Как ни скрывал управитель свои планы от арендаторов и самого господина своего, однако господин все узнал. Принимая от управителя отчет и найдя его составленным правильно и подтвержденным оправдательными документами, господин мог прийти в недоумение: если дела управителя все в порядке, если растраты нет, то, значит, донос был ложный? Доносчику угрожала за это, по крайней мере, немилость господина; и он, чтобы оправдаться, вынужден был доподлинно разузнать, что такое сделал управитель, чтобы избежать ответственности за расточительность; разузнав же всю правду, он, конечно, поспешил доложить обо всем господину (в Евангелии не говорится, как узнал господин о поступке своего управителя, и все сказанное мной — только мое предположение, весьма, впрочем, правдоподобное).

Господину притчи управитель никакого ущерба не причинил; отчет с оправдательными документами он представил в большом порядке; привлекать его к ответственности не было законного основания; похвалить же за догадливость или мудрость можно было. **И похвалил господин управителя неверного [61], что догадливо поступил** (Лк. 16, 8). В притче не сказано, уволил ли господин своего управителя после представления отчета; но надо полагать, что не уволил, потому что признал действия

управителя заслуживающими похвалы.

Оканчивая притчу рассказом о том, как господин похвалил управителя, которого считал неверным, Иисус Христос добавил: **ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде** (Лк. 16, 8).

Что хотел Господь сказать этим? Принимая прекрасное объяснение профессора Т. Буткевича, следует признать, что Господь под «сынами века сего» разумел грешников, заботившихся только о своем земном благополучии, а под «сынами света в своем роде» — фарисеев и книжников, которых не раз называл «вождями слепыми», между тем как они сами считали себя праведниками и кичились своею мнимой праведностью.

Следовательно, мысль Спасителя, насколько мы можем постигнуть ее, можно выразить так: неверный управитель, грешник, покаялся и примирился с теми, кого обижал, за что и удостоился похвалы господина своего. А фарисеи и книжники, эти слепые вожди народа, считают себя праведниками и не хотят покаяться. Поэтому такие грешники, как этот неверный управитель, такие **сыны века сего**, оказываются благоразумнее, мудрее, **догадливее** книжников и фарисеев, этих так называемых **сынов света в своем роде**.

Несколько позже, во время последнего пребывания Своего в храме Иерусалимском, Господь высказал ту же мысль в следующей притче, с которой обратился к книжникам и фарисеям: **У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Сказав эту притчу, Господь обратился к фарисеям и книжникам с вопросом: Который из двух исполнил волю отца? Те отвечали: первый. Тогда Иисус сказал им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие** (Мф. 21, 28–31).

Да, мытари и все вообще грешники, которые в свое время отказывались от исполнения воли Божией, но, вместе с тем, не считали себя праведниками, могут еще одуматься, раскаяться и начать жить так, как Бог велит; и кто из них делает этот первый шаг ко спасению, тот несомненно заслуживает похвалы за свое благоразумие. Но среди грешников бывает немало и таких, которые считают себя праведниками, **сынами света в своем роде**. Ослепленные своей мнимой праведностью, они не видят, не замечают своих грехов и потому считают покаяние излишним, а работу в Божием винограднике совершенно для них бесполезной. И что же из этого выходит? Грешники, сознавшие свои грехи и ставшие на путь ко спасению, далеко уйдут от мнимых праведников, которые топчутся на одном месте и потому не подвигаются вперед ни на шаг; **да, сыны века сего догадливее** (мудрее, благоразумнее) **сынов света в своем роде**.

Продолжая притчу о неверном управителе, Христос сказал окружавшим Его мытарям и грешникам: **И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете (умрете), приняли вас в вечные обители** (Лк. 16, 9).

Этими словами Господь, несомненно, ответил окружавшим Его мытарям и грешникам на вопросы, которые занимали их теперь. Следуя за Спасителем, призывавшим всех к покаянию, и считаясь уже Его учениками, мытари и грешники сознавали свою греховность (ср. Лк. 18, 10–14), но, по обилию грехов своих, не могли надеяться на спасение от ответственности в будущей жизни. Теперь же, прослушав притчи о пропавшей овце, о потерянной драхме и, в особенности, о блудном сыне, они поняли, что спасение возможно и для них. Обрадованные этим, они недоумевали: с чего начать, чтобы удостоиться прощения грехов?

Вот на этот-то вопрос и отвечает Господь. С чего начать? Начните с того, с чего начал неверный управитель: примиритесь прежде всего с теми, кого вы обидели; возвратите им *все*, неправедно полученное от них; употребите это *неправедное богатство* как средство примирения с ними, и вы этим

богатством неправедным приобретете в лице их друзей, которые будут молить Бога о помиловании вас. Слова — **чтобы они... приняли вас в вечные обители** — нельзя понимать буквально, так как всякому понятно, что принять в Царство Свое Небесное может только Бог, и если Господь употребил такое выражение, то его надо рассматривать как оборот речи, нередко употребляемый в разговоре.

В Нагорной проповеди Своей Христос сказал: **если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдй прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой** (Мф. 5, 23–24). Христос говорил о жертвеннике и жертвоприношении потому, что современные Ему евреи, каясь во грехе и прося у Бога прощения, всегда приносили узаконенную Моисеем жертву за грех; в сущности же, здесь речь идет об обращении грешника к Богу с мольбою о прощении его грехов. И вот, такому-то грешнику Господь говорит: прежде чем просить у Меня прощения твоих грехов, пойдй примиришься с братьями твоими, которых ты обидел! Отдай им все, что неправедно получил от них.

Продолжая Свои наставления мытарям и грешникам, Господь сказал (вы знаете эту поговорку): **«Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом»** (Лк. 16, 10). Вы понимаете, что нельзя доверить большего дела тому, кто и в малом оказался неверным, нечестным. Вы же ищете спасения душ своих; вы хотите получить *многое*, поэтому будьте верны в малом, будьте верны в том неправедном богатстве, которым вы обладаете; поступите с ним по Моим указаниям, и тогда только можете рассчитывать на получение истинного богатства, блаженства вечной жизни. **А если окажется, что вы в этом неправедном богатстве не были верны, то кто поверит вам истинное?»**

Этим Христос окончил Свои наставления мытарям и грешникам о необходимости возвращения по принадлежности неправедно приобретенного богатства. Но Он не мог остановиться на этом, так как исполнение этого наставления составляет только первый (после покаяния) шаг к спасению; Он не мог оставить Своих слушателей в неведении, что же делать дальше, сделав этот первый шаг? Он, несомненно, должен был осветить им весь путь, ведущий в вечные обители; и Он действительно осветил его, доказательством чему служат заключительные слова Его о несовместимости служения Богу и маммоне.

В русском синодальном переводе Евангелия, в стихах девятом и одиннадцатом 16-й главы Евангелия от Луки, говорится о **неправедном богатстве**; в переводе же на церковнославянский язык, в стихе девятом, вместо слов — **приобретайте себе друзей богатством неправедным** — сказано: **сотворите себе друга от маммоны неправды**. При сличении этих двух переводов с греческим текстом Евангелия Луки, оказывается правильным перевод на церковнославянский язык. Так же, то есть согласно с греческим текстом, следовало бы перевести и одиннадцатый стих, ибо и в нем говорится о *маммоне неправды*, но как в нашем русском переводе, так и в церковнославянском, в одиннадцатом стихе, слова «в маммоне неправды» переведены словами: «в неправедном богатстве» и «в неправедном имени».

«Маммона» — сирийский идол, языческий бог любостяжания, которому молились и приносили жертвы. Понятно, что только злой дух мог внушить людям, что есть бог, покровительствующий любостяжанию. И потому Иисус Христос не без намерения (как говорит митрополит Московский Филарет) назвал неправедное богатство *маммоной неправды*. Называя его так, Он тем самым высказался, что неправедно приобретенное богатство есть богатство диавольское, сатанинское, от которого надо скорей избавиться, дабы не оставаться служителем сатаны.

Итак, Господь заповедал мытарям и грешникам скорее освободиться от *маммоны неправды*, быть верными исполнителями этой заповеди относительно неправедного богатства, тяготеющего над ними. Приступая же затем к наставлениям, что делать дальше, Господь не мог не обратить внимания Своих слушателей на то богатство, как бы мало оно ни было, которое они приобрели и приобретают честными, праведными способами, которое останется у них после возвращения по принадлежности всего неправедно

приобретенного.

Если *маммону неправды*, то есть имущество, добытое нечистыми путями, мы по справедливости можем назвать богатством диавольским, орошенным слезами невинных жертв любостяжания, которое нажито злом и во имя зла, то, с другой стороны, всякий честный заработок можно назвать Божиим достоянием. Хотя все существующее принадлежит одному только Богу и потому все, находящееся в нашем обладании, для нас — *чужое*, но это слово «чужое» особенно применимо к достоянию, праведно приобретенному: оно приобретено нами по милости Божией, оно дано нам Богом во временное управление и мы должны управлять этим «чужим» достоянием согласно с волей Хозяина его, то есть Бога. Воля же Божия, чтобы мы голодных накормили, жаждущих напоили, странников приютили, нагих одели, больных и заключенных в тюрьмах посетили... (Мф. 25, 34–36), словом, оказывали бы помощь нуждающимся ближним, которых Христос назвал Своими меньшими братьями (Мф. 25, 40). Надо управлять этим *чужим* достоянием так, чтобы, в награду за то получить *свое*, то, что только и может принадлежать человеку, то есть блаженство вечной жизни. На земле мы — временные странники; живя земной жизнью, мы только проходим путь, ведущий в вечность; и потому все земное — не наше, *чужое*; *наше* — там, куда мы идем.

Эти понятия о *нашем* и *чужом* были известны всем ученикам Иисуса Христа, то есть всем ходившим за Ним и поучавшимся Его словом, так как это — основа учения Христова. Знали это, конечно, и окружавшие теперь Господа мытари и грешники, поэтому не представлялось надобности повторять им эти общеизвестные всем ученикам Господа истины. И потому, заповедуя им управлять Божиим, то есть *чужим* для них, достоянием согласно с волей Хозяина-Бога, и обещая им за это то, что составляет единственную собственность людей, Господь предупреждает их: **если окажется, что в этом *чужом* вы не были верны, кто даст вам ваше?**

Будьте же верны в этом *чужом*; помните, что вы только управители, слуги Божий и должны служить одному только Богу; помните, что **никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.** Нельзя предаваться своей страсти любостяжания; нельзя любить тленное богатство, отдаваясь ему всеми силами души своей, идолопоклонствуя перед ним, и в то же время служить Богу, ибо **где сокровище ваше, там будет и сердце ваше** (Мф. 6, 21). Итак, если хотите спастись, то прежде всего возвратите по принадлежности все неправедно вами приобретенное и примиритесь со всеми, кого вы обидели; затем смотрите на ту часть вашего богатства, которая честно приобретена вами, как на Божие достояние, к которому вы приставлены как временные управители, обязанные дать отчет в управлении. Не творите себе из него кумира, а управляйте им согласно с волей Божией; не отказывайте нуждающимся в посильной помощи; будьте верными управителями вверенного вам чужого достояния, как бы мало оно ни было, и тогда получите *ваше истинное* богатство в вечных обителях Отца вашего Небесного.

Таков смысл притчи о неверном управителе. Притчей этой Христос указал путь ко спасению любостяжателям, накопившим богатства неправедными путями. Проповедуя, что спасение возможно для всех грешников, на какой бы ступени нравственного падения они ни стояли, Господь не мог, конечно, оставить без надежды на спасение и таких грешников, как мытари, которые были всеми презираемы, всеми отвержены. И вот, обнадеживая их, Он притчей Своей учит их, с чего они должны начать и как продолжать свое шествие по пути к Царству Небесному. Другого значения эта притча не может иметь, и если мы захотим доискиваться какого-либо другого смысла, то неизбежно запутаемся в своих тщетных поисках.

Окружавшие Спасителя мытари и грешники не просили разъяснения ее, следовательно, поняли ее. Надо полагать, что указанный в ней путь ко спасению стал известен и другим мытарям, лично не

слыхавшим ее. В этом нас убеждает Закхей, начальник мытарей, который, приняв вскоре в своем доме Иисуса Христа, сказал Ему: **Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо** (Лк. 19, 8). Закхей решился не только возратить по принадлежности все несправедливо приобретенное им, но и вознаградить обиженных им, отдав им вчетверо более того, что от них получил; не ограничиваясь этим, он обязался половину имущества своего употребить на благотворительные дела, на помощь нуждающимся ближним.

Вот так-то должны поступать все вообще любостяжатели, несправедливо разбогатевшие. К сожалению, мы видим нередко, как богачи, составившие состояние нечестными путями, уделяют на благотворительные дела ничтожные частицы своего несправедливого богатства, а сами «пиршествуют блистательно» (см. Лк. 16, 19). И думают такие богачи спасти свои грешные души этими подачками. Но ведь они не свое дают, а чужое, и потому не могут загладить свои грехи даже широкой благотворительностью на чужой счет. Не спасутся они, если не поступят по указаниям Господа нашего Иисуса Христа. Возвратите же, любостяжатели, по принадлежности все нечестно вами приобретенное, примиритесь с обиженными и обездоленными вами, и тогда уже благотворите из своего кармана деньгами, честно заработанными. Отдайте обиженным вами *все* взятое у них несправедливо; не утаивайте себе ничего; и не отговаривайтесь, что не знаете всех обиженных вами и потому не можете возратить им присвоенное вами! Если действительно не знаете их, если не можете примириться с каждым из них так, чтобы они ничего не имели против вас, то, по крайней мере, не пользуйтесь сами нечестно приобретенным, а отдайте все бедным! И когда вы очиститесь от тяготившего над вами сатанинского достоинства, то благотворите на свой счет; и только тогда вы можете надеяться, что Господь примет чистый дар ваш, как бы мал он ни был, и откроет вам Свои вечные обители.

Да, мытари и грешники, окружавшие Господа, поняли эту притчу, и, несомненно, радость засияла на их лицах. Не поняли ее только фарисеи и книжники, упрекавшие Иисуса за общение с грешниками. Свое непонимание смысла притчи о неверном управителе они выразили очень дерзко: они смеялись над Иисусом Христом. Причину их дерзкого смеха Евангелист объясняет их сребролюбием.

Эти сребролюбивые книжники и фарисеи были истинными выразителями взглядов большинства современных им евреев на богатство. Богатство — это тот золотой кумир, которому они поклонялись, которому служили. Сребролюбием евреи отличались издревле, а потом, отведенные в плен Вавилонский и по освобождении из плена не вернувшиеся в землю обетованную, а рассеявшиеся по всем странам мира (вернулось только 42000), евреи были везде чужими, гостями, и притом весьма нежеланными. Сознывая свою отчужденность от всего мира, они стали еще более сребролюбивы, так как всю силу свою видели только в деньгах. Они помнили предсказание Моисея: **Господь, Бог Твой, поставит тебя выше всех народов земли... и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы** (Втор. 28, 1, 12). И они все усилия свои обратили на накопление сребра и злата и эти отличительные черты своего характера передавали потомству своему, которое поныне свято хранит заветы предков.

Понятно, что сребролюбивым книжникам и фарисеям показались смешными поучения Иисуса о возвращении по принадлежности всего несправедливо приобретенного. Возвращать деньги, хотя бы нечестно нажитые, когда в них вся сила, а, следовательно, и все счастье таких мнимых праведников, как эти книжники и фарисеи? Да это смешно! И они стали смеяться.

Господь кротко ответил им на их дерзкий смех: **Вы выказываете себя праведниками пред людьми; вы стараетесь обмануть их своей мнимой праведностью; но Бог знает сердца ваши** (Лк. 16, 15). Вы считаете деньги и вообще богатства земной силой, возвышающей людей; но знайте же, **что богатство, которое, по вашему, так высоко, так могуче у людей, пред Богом — ничто, мерзость, препятствующая многим достигнуть блаженства вечной жизни.** Вы успокаиваете себя тем, что в точности соблюдаете все

установленные Моисеем и преданием старцев обряды, и через это вступите в Царство Мессии, как для вас будто бы приготовленное. Но вы ошибаетесь: исполнением воли Божией, выраженной в законе и пророчествах, спасались только до явления Иоанна. С пришествием же его **Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием** (а не принадлежностью только к роду Израилеву) **входит в него** (Лк. 16, 16).

Глава 32. Последнее путешествие Иисуса в Иерусалим. Исцеление десяти прокаженных. Притча о судье неправедной. Притча о фарисее и мытаре. Беседа с богатым юношей и учениками о богатстве. Притча о работниках в винограднике

Служение Иисуса приходило к концу. Ему надлежало идти в Иерусалим, чтобы **пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть** (Мф. 16, 21), о чем Он неоднократно говорил Своим Апостолам.

Последнее путешествие Иисуса в Иерусалим

Из какого именно города или селения отправился Он в путь — неизвестно; Евангелист говорит лишь о том, что идти надо было через Самарию. Хотя в Самарии знали Иисуса, но ненависть самарян к иудеям вынудила Иисуса послать вперед **вестников** (Лк. 9, 52), чтобы они приготовили для Него и сопровождавших Его Апостолов помещение для ночлега или дневного отдыха.

Непринятие Его в Самарии; желание Иакова и Иоанна наказать самарян. Как исполнили посланные данное им поручение — неизвестно; но когда Иисус и Апостолы входили в то селение Самарии, где предполагали отдохнуть, то самаряне отказали Ему в обычном гостеприимстве, так как Он и спутники Его имели вид путешественников в Иерусалим, то есть иудеев. Тогда двое из Апостолов, Иаков и Иоанн, которых Иисус называл «сыны грома», в негодовании на самарян, оскорбивших Христа, захотели немедленно же наказать их так, как наказал Пророк Илия посланных к нему от царя Охозии (4 Цар. 1, 1-12). **Хочешь ли, — спросили они Иисуса, — мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?** (Лк. 9, 54).

Наставление Иисуса по этому поводу

Иисус дал Апостолам власть совершать чудеса, и они, несомненно, совершали их, потому что сказать так самоуверенно, что по слову их сойдет огонь с неба, могли только испытавшие силу своего слова. Но в этом случае «сыны грома», пылкие братья Иаков и Иоанн, забыли, что сила эта дана им для того, чтобы делать добро, а не зло, и что их Учитель заповедал им прощать обидчиков, а не мстить им. Мечь была ветхозаветным обычаем, но этот обычай заменен новой заповедью — **любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас** (Мф. 5, 44).

Иисус заставил их вспомнить эту заповедь, запретив мстить чем бы то ни было негостеприимным самарянам. **Не знаете, какого вы духа, — сказал Он им, — ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать** (Лк. 9, 55–56), то и ученики Его должны быть проникнуты тем же духом любви и всепрощения.

Непринятые самарянами, Иисус и Апостолы **пошли в другое селение** (Лк. 9, 56), лежавшее, вероятно, за пределами Самарии, так как, направляясь в Иерусалим, они шли **между Самариею и Галилею** (Лк. 17, 11); быть может, для этого пришлось им вернуться обратно в Галилею.

Исцеление десяти прокаженных

При входе в одно из селений, лежавших по пути, Иисус увидел десять прокаженных, которые (соблюдая требования закона) **остановились вдаль** (Лк. 17, 12). Видя сопровождавшую Иисуса толпу, прокаженные догадались, что это идет Галилейский Пророк, и потому издали стали кричать: **Иисус Наставник! помилуй нас** (Лк. 17, 13) (о прокаженных см. объяснение выше, с. 380). Вероятно, Иисус не желал возбуждать сопровождавшую Его толпу совершением чуда над прокаженными на глазах у всех, и потому приказал им идти в Иерусалим и показаться священникам. Страдавшие проказой являлись священникам тогда лишь, когда освобождались от этой болезни, для того, чтобы священники удостоверили их выздоровление и приняли от них установленную жертву. Эти же десять прокаженных еще не исцелились, но тотчас же послушались Иисуса и пошли; дорогой уже они заметили, что проказа сошла с них. Евангелист не поясняет, скоро ли совершилось над ними это чудо, и ограничивается лишь указанием, что один из них, самарянин, видя, что исцелен, возвратился к Иисусу, припал к ногам Его и громким голосом прославлял Бога; девять же исцеленных евреев не нашли нужным поблагодарить своего Благодетеля. Видя такую неблагодарность, Иисус с грустью сказал: **не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?** Обращаясь же к исцеленному самарянину, сказал: **встань, иди; вера твоя спасла тебя.**

Вопросы фарисеев о времени наступления Царства Божия

Сопровождали Иисуса в Его путешествии и фарисеи, следившие за всеми Его действиями. Слыша постоянно рассказы Иисуса о Царстве Божием и Царстве Небесном и не понимая, в чем состоит различие между тем и другим, фарисеи, вероятно, во время остановки Иисуса для отдыха, завели с Ним разговор о Царстве Божием, и спросили, когда же оно придет? Спрашивая Иисуса о Царстве Божием, фарисеи подразумевали под ним Царство Мессии, которое понимали совершенно превратно как царство могучего царя-завоевателя, свергающего иго римлян и покоряющего евреям весь мир. Эти заблуждения фарисеев разделял и народ еврейский; не чужды им были и сами Апостолы. Вот почему в вопросе, предложенном Иисусу фарисеями, было немало свойственного им лукавства и коварства. Если народ считает Иисуса за Мессию, думали фарисеи, то пусть же Он не томит его напрасными ожиданиями, пусть скажет, когда придет Царство Мессии, и какой будет признак начала его. Фарисеи прекрасно знали из прежних бесед Иисуса, что проповедуемое Им Царство — не то, какого ожидают евреи, и потому им хотелось, чтобы Он всенародно, вновь и притом точнее, определеннее разъяснил, что Он не тот Мессия, какого ждет свободолобивый народ, изнемогающий под игом язычников.

Речь Иисуса о Царстве Божием и о Царстве Небесном

Иисус понял это коварство, но не стал подделываться под настроение окружающей Его толпы. Он говорил уже не раз, что Царство Его, то есть Царство истинного Мессии, — **не от сего мира** (Ин. 8, 23), то есть не такое, каковы царства мира сего, хотя и оно есть Царство земное. Царства мира сего возникают и падают так, что все это видят, все замечают; завоевывается какое-либо царство мира сего, воцаряется в нем чужеземец-победитель и силой приводит к повиновению себе всех побежденных; люди покоряются ему, исполняют все его требования, все чуждые им законы, оказывают ему наружное почтение, но в душе нередко ненавидят угнетателя. Словом, в царстве мира сего можно быть точным исполнителем всех законов и повелений царя, и вместе с тем не любить его; можно быть таким гражданином, о которых Иисус как-то сказал: **приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня** (Мф. 15, 8). Да, таким гражданином, сердце которого далеко отстоит от царя, но который, вместе с тем, оказывает ему видимые знаки повиновения и почтения, — таким гражданином можно быть только в царстве мира сего, но не в Царстве Божием. В Царстве Божием, как и в царствах мира сего, надо исполнять царский закон, а так как главнейший закон Божий — **возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и ближнего твоего, как самого себя** (Мф. 22, 37, 39), — то нельзя быть членом Царства Божия, не любя своего Царя — Бога. Следовательно, для того, чтобы вступить в Царство Божие, надо

прежде всего полюбить Бога всем сердцем, полюбить и ближних, как самого себя; с этого надо начать. А так как такое воцарение Бога происходит в душе человека, то Иисус и сказал фарисеям в ответ на их лукавый вопрос: **Царствие Божие внутри вас есть** (Лк. 17, 21). Оно не приходит так приметно, как возникают царства мира сего. Про царства мира говорят, что в такой-то стране царствует такой-то царь, а в такой-то — другой, но про Царство Божие этого сказать нельзя; нельзя сказать, что **вот, оно здесь**, в этой стране, **или: вот, там** (Лк. 17, 21), так как Царство Божие не ограничивается никакими пределами страны или стран; оно везде, где любят Бога и ближних, и прежде всего оно в душе человека, внутри его. Если люди любят Бога и ближних, то куда бы они ни переселялись, в какой бы стране ни жили, везде они члены единого Царства Божия, везде они исполнители воли Божией, везде Божий работники.

Окончив беседу о Царстве Божием, Иисус сказал, что **должно всегда молиться и никогда не унывать** (Лк. 18, 1).

Наставление Иисуса о том, что должно всегда молиться и никогда не унывать

Некоторые толкователи полагают, что слова **должно всегда молиться и не унывать** составляют вывод самого Евангелиста из последующей притчи. Но едва ли такое мнение можно считать правильным. Евангелист Лука, будучи лишь повествователем того, что передали ему **бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова** (Лк. 1, 2), ни разу не высказал своего личного мнения по поводу рассказанных им событий; следовательно, нет оснований полагать, что он в данном случае отступил от принятого им способа изложения Евангелия. К тому же, если читать это место Евангелия от Луки так: «говоря притчу о том, что в одном городе был судья... (и т. д.), Иисус сказал, что должно всегда молиться и не унывать», — то станет несомненным, что наставление это сказано Самим Иисусом, а не выведено Евангелистом из Его притчи (см. Л к. 18, 1–2).

Должно всегда молиться. Разве можно всегда молиться? — спрашивают многие. Если постоянно молиться, если все время проводить только в молитве, то когда же работать? Когда же исполнять семейные и общественные обязанности?

Если понимать молитву лишь во внешнем ее выражении, то есть в произнесении молитвенных слов, положении на себя крестного знамения и коленопреклонении, то, конечно, молясь так непрестанно, всегда, мы не будем иметь времени для исполнения наших обязанностей по отношению к ближним. Но не о такой молитве говорил Христос. Непрестанной молитвой называется постоянное согласование всех своих мыслей и поступков с волей Божией, непрерывное стремление души к Богу, стремление стать совершенным. Вся жизнь верующего, говорит Ориген, есть одна великая, последовательная молитва [62].

Молясь, не унывайте, если не скоро получаете просимое. Уныние происходит от сомнения в возможности получить просимое; сомнение же несовместимо с верой в милосердие Божие. Если Господь сказал — **просите, и дано будет вам** (Лк. 11, 9), — то нечего унывать, надо верить, что получишь просимое, и лишь терпеливо ждать, стараясь в то же время сделаться достойным просимой милости (о неотступности молитвы см. выше, с. 494).

Притча о судье неправедном

Заповедь Свою — **всегда молиться и не унывать** — Иисус разъяснил притчей о неправедном судье. К одному судье, который Бога не боялся и людей не стыдился, ходила бедная вдова и постоянно просила его защитить ее от несправедливых требований ее соперника (то есть противника по судебному делу), но все ее просьбы были безуспешны. Наконец, судье надоели эти просьбы вдовы, и он исполнил их лишь для того, чтобы она не приходила больше докучать ему.

Окончив эту притчу, Иисус сказал: **слышите, что говорит судья неправедный?** Если он, будучи неправедным, все-таки защитил несчастную вдову, неотступно просившую у него защиты, то **Бог ли не**

защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре (Лк. 18, 6–8). Если неотступность просьб вдовы пробила заскорузлую совесть несправедливого судьи и заставила его заступиться за обиженную, то возможно ли даже подумать, что Судья Праведный, Бог, не исполнит молитв тех, которые могут считаться избранными Его, которые и мысли, и поступки свои согласуют с Его волей? Но Господь медлит иногда подавать просимое даже таким избранным, испытывая силу и крепость их веры; медлит, но все-таки подает.

Итак, не может быть никаких сомнений в том, что Бог как Судья Праведный исполнит Свое обещание и всегда будет подавать верующим просимое, хотя и не немедленно. Но можно ли быть уверенным, что эти верующие сохранят всегда надлежащую веру в Его слово? Сохранится ли в них эта вера до конца? В этом еще можно сомневаться. Но скорее праведные люди ослабеют в своей вере, чем Бог отступит от Своих обещаний [63].

Итак, если нет места сомнениям, то неуместно и уныние. Верующий должен молиться, твердо верить в возможность получения просимого, своими делами сделаться достойным того, то есть стать как бы *избранным*, и никогда не унывать, если просимое не скоро дается. **Сказываю вам**, — говорит Христос, — **что подаст им защиту вскоре.**

Должно всегда молиться, сказал Христос. Но как молиться, с каким чувством приступать к молитве — это указано в следующей притче о фарисее и мытаре.

Молитвы фарисея и мытаря

Фарисей и мытарь вошли в храм помолиться. Мытарь, признавая себя великим грешником, стал вдали от всех; не решаясь приблизиться к святому месту, не смея даже **поднять глаз на небо**, он смиренно говорил: **Боже! будь милостив ко мне грешнику** (Лк. 18, 13). Фарисей же стал впереди всех, чтобы все видели его молящимся; признавая себя безгрешным, он не просил у Бога милости, а лишь благодарил Его: **Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю** (Лк. 18, 11–12).

Закон Моисея обязывал евреев поститься только один день в году, именно десятый день седьмого месяца (Лев. 16, 29), день очищения; но некоторые из евреев, желавшие казаться особенно благочестивыми, постились два дня каждой недели, второй и пятый. Закон Моисея обязывал каждого еврея отдавать Богу (на содержание левитов) десятую часть **от всего произведения семян... которое приходит с поля ежегодно** (Втор. 14, 22), и **из плодов дерева** (Лев. 27, 30); фарисеи же, желая казаться более праведными, отдавали десятую часть и огородных растений. Хотя фарисеи хвастались, что отдают десятую часть *из всего, что приобретают*, но, по всей вероятности, сверх требуемого законом они отдавали десятую часть лишь мелочных доходов своих, как-то: доходов от мяты, тмина и прочего, и преспокойно утаивали более крупные суммы, которые приобретали, **поедая дома вдов** (Мф. 23, 14). Как бы то ни было, но фарисей притчи дерзко объявляет Богу, что делает добра более, чем требуется от праведников; следовательно, он выше, святее многих праведников, и потому не может быть даже и сравниваем с прочими людьми, которых он называет грабителями, обидчиками и прелюбодеями, и в особенности с этим мытарем, смиренно-стоявшим в отдалении от него.

Еще раньше, на обеде у одного из начальников фарисейских, Христос предостерегал гостей его от самовозвышения и тогда же сказал, что возвышающий сам себя, оправдывающий себя, будет осужден на окончательном Суде и унижен перед теми, которые смиренно признавали себя грешнее других людей и тем унижали себя перед ними (см. выше, с. 590). Ту же мысль Христос повторил и теперь, добавив, что молившийся мытарь притчи ушел из храма несколько облегченным от тяжести грехов, гордый же фарисей, хотя и вышел самодовольным и гордым, но оправдания не получил и от предстоящего ему в будущем унижения не избавился.

Применяя эту притчу к себе, заглядывая в глубину своей души, мы должны сознаться, что нередко бываем такими же фарисеями, о каких говорил Христос. При несчастье мы ропщем и говорим: «За что Бог наказывает меня? Ведь у меня нет таких грехов, за которые я заслуживал бы такого наказания? Я не убийца, не грабитель, не вор; я посещаю храм Божий почти каждое воскресенье и во все большие праздники; соблюдаю все таинства и обряды своей религии; подаю милостыню нищим и состою членом приходского благотворительного общества; **я не таков, как прочие люди**; за что же Ты караешь меня так, Господи?» Говорящий или думающий так разве не тот же самооправдывающийся или самовозвышающийся фарисей, о котором говорил Христос в Своей притче? Постыдимся же такому сходству и будем смиренно повторять слова мытаря: **Боже! будь милостив ко мне грешнику**. Все мы грешны и должны помнить, что с некоторых из нас и за малый грех взыщется строже, чем с *прочих* за тяжкие грехи; что если нам много дано, то с нас много и взыщется.

Беседа с богатым юношей и апостолами о богатстве

Все предыдущие беседы происходили на пути Иисуса в Иерусалим, во время остановок, необходимых для отдыха. После одного из таких привалов, когда Иисус выходил для продолжения Своего путешествия, некто подбежал к Нему, пал пред Ним на колени и спросил: **Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?** (Мк. 10, 17).

С таким же вопросом обращался к Иисусу законник (см. выше, с. 569), дерзновенно желая испытать Его в знании закона. Но юноша, павший пред Иисусом на колени, действительно хотел узнать, что надо делать, чтобы попасть в то Царство Небесное, о котором проповедовал Галилейский Учитель.

«Ты называешь Меня Учителем, следовательно, обращаешься ко Мне как к Человеку, — сказал Иисус, — зачем же называешь Меня благим? Ведь благ только Бог. Но если хочешь войти в Царство Небесное и иметь там блаженство вечной жизни, то исполняй заповеди.

Юноша знал заповеди, данные Богом через Моисея, но ему хотелось узнать, нет ли еще иных, которые ему неизвестны, и потому спросил: «Какие заповеди я должен исполнять?»

Иисус повторил ему ветхозаветные заповеди, запрещавшие вредить ближнему, напомнил о необходимости почитать отца и мать и закончил заповедью о любви: **люби ближнего твоего, как самого себя** (Мф. 19, 19).

«Все эти заповеди я исполняю с детства, — сказал юноша, — **чего еще недостает мне?**»

«Если ты исполняешь все эти заповеди, то войдешь в Царство Небесное, — ответил ему Христос, — но если хочешь быть совершенным, **то одного тебе недостает** (Мк. 10, 21): **пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною** (Мф. 19, 21)». Как исполнял богатый юноша ветхозаветные заповеди — неизвестно; но надо полагать, что он понимал их в духе современных ему книжников и фарисеев, так как весьма опечалился, когда Христос предложил ему отказаться от любостыжания: богатство, которым он обладал, стало его кумиром; расстаться с ним он не мог, и потому, несмотря на призыв Христа следовать за Ним, ушел от Него. В душе юноши происходила борьба: хотелось обеспечить себе блаженство Вечной Жизни и, в то же время, поклоняться своему идолу — богатству; но так как то и другое несовместимы, то опечаленному богачу пришлось выбирать одно из двух, и он предпочел последнее.

Этот разговор Иисуса Христа с богатым юношей приводит к заключению, что путь к блаженству Вечной Жизни указан еще ветхозаветными заповедями, выражавшими собой вечную, неизменяемую волю Божию; чтобы удостоиться этого блаженства, надо было осмысленно исполнять их и, главное, любить ближнего своего, как самого себя. Но так как евреи исказили смысл этих заповедей, а главнейшую, о любви к ближним, совсем не поняли, считая своими ближними только евреев, то Иисусу Христу пришлось

восстановить истинный смысл их, разъяснить и дополнить их. Одним из таких дополнений было указание на возможность для человека быть совершенным. Отрекись от всего, что сбивает тебя с пути к вечной жизни, отрись от друга, который соблазняет тебя, хотя бы он был так близок и необходим тебе, как правая рука твоя или глаз твой; отрись от всех страстей своих, которые поработают твою волю; и если страсть любостыжания одолевает тебя, то лучше раздай нищим все, что имеешь, и не бойся кажущейся бедности, какая тебе предстоит; ты станешь богаче, чем был: ты **будешь иметь сокровище на небесах!**

Итак, слова Иисуса Христа — **продай имение твое и раздай нищим**, — сказанные юноше, которому богатство мешало войти в Царство Небесное, имеют значение условное и потому не могут считаться заповедью безусловно обязательной для всех. Если богатый человек смотрит на свое богатство не как на свою личную собственность, данную ему для наслаждений, а как на достояние Божие, данное ему лишь во временное управление, и если он управляет им согласно с волей Господина своего, то есть Бога, то он может спастись и не раздавая нищим *всего* имущества, к которому он приставлен [64]. Но так как накопление богатства чаще всего превращается в страсть любостыжания, заглушающую голос совести и поработавшую волю, то, указывая Апостолам на пример удаляющегося юноши, Христос сказал: **как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!** (Мк. 10, 23).

Не только в Царство Небесное, но и в **Царствие Божие** богатому **трудно** войти, так как в душе его чаще всего царит не Бог, а идол любостыжания; а где царит не Бог, где не исполняется воля Божия, как царский закон, там нет и Царства Божия.

Апостолы ужаснулись, услышав эти слова Иисуса; ужаснулись они, конечно, не за себя, так как и прежде были бедны, а когда пошли за Иисусом, то оставили все, что имели; ужаснулись они за тех, кому им надлежало проповедовать Христово учение; ужаснулись за успех своей будущей проповеди. Чтобы несколько успокоить их, Иисус сказал, что трудно войти в Царство Божие не богатым вообще, а лишь **надеющимся** (Мк. 10, 24) на богатство свое, то есть тем из богачей, которые надеются не на Бога, а на силу, заключающуюся, по их мнению, в богатстве; которые считают себя полновластными распорядителями и хозяевами своих богатств и потому употребляют их лишь для удовлетворения своих прихотей, а не на помощь ближним; которые любят только себя, а Бога и ближних своих забыли. Удобнее корабельному канату пройти сквозь игольное ушко, чем такому самонадеянному богачу войти в Царство Божие.

(Греческое слово *камэлон* означает *верблюд*, но, по мнению некоторых толкователей, под ним можно понимать и *корабельный канат*).

Богатство, честно приобретенное, как дар Божий, не может быть само по себе злом, от которого необходимо во что бы то ни стало отделаться. Зло заключается не в богатстве, а в пристрастии к нему, в любостыжании, поработавшем человека и отвращающем его от Бога; но так как страсть эта сильна, и люди, давшие ей волю, не в силах бывают потом справиться с ней, то, говоря вообще, богатому *трудно* войти в Царство Божие, а самонадеянному богачу так же *невозможно*, как корабельному канату или верблюду пройти сквозь игольные уши.

Услышав такое сравнение и полагая, что Христос говорит о всех вообще богатых людях, Апостолы изумились и спросили: **так кто же может спастись?**

Иисус говорил, что не могут войти в Царство Небесное и даже не могут быть членами Царства Божия только те из богачей, которые всей силой своей души привязались к своему богатству и из-за страсти любостыжания не видят Божией правды; такие-то люди не могут спастись иначе, как при особенной помощи Божией [65]. Какое-нибудь посланное Богом испытание, какое-нибудь семейное несчастье или иное горе заставляют иногда таких самонадеянных богачей призадуматься над бессилием их богатства, над бессмысленностью и бесцельностью прожитой ими жизни; и если они, потеряв всякую надежду спастись своим богатством, отвращаются от своего идола и идут к Богу, прося Его помощи, то спасение

становится возможным и для них.

Спрашивая сначала о возможности спасения других, Апостолы невольно подумали и о себе, причем выразитель их желаний и мнений, Апостол Петр, сказал: **вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?**

О награде, ожидающей апостолов

Иисус сказал юноше: «Если хочешь быть **совершенным**, продай имение свое и раздай нищим»; а Апостолы были так бедны, что им нечего было продавать для раздачи нищим, потому они и спросили: могут ли они стать совершенными при своей бедности?

Отвечая не только Апостолам, но всем вообще, кто когда-либо призадумается над этим вопросом, Иисус сказал: «Всякий, кому препятствуют следовать за Мною братья его или сестры, или отец, или мать, или жена, или дети, или привязанность его к своему богатству, к дому или земле, и кто все это оставляет ради Меня и Моего благовествования, тот получит в этой же жизни, здесь, на земле, среди ожидающих его гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в будущем веке Жизнь Вечную; вы же, последовавшие за Мною, **в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых**» (Мф. 19, 28).

Иисус Христос подтвердил ветхозаветную заповедь о почитании к отцу и матери и заповедал любить не только родных и всех ближних, но даже врагов, и благо творить им; поэтому Он не мог призывать Своих последователей к оставлению родителей, жены и детей, братьев и сестер, если они не препятствуют жить согласно с волей Божией. Заботы о жене, о детях и о престарелых родителях составляют обязанность, от исполнения которой можно уклониться только в крайности, когда приходится выбирать одно из двух, когда другого исхода нет, когда предстоит или отречься от Христа и жить так, как хотят эти близкие люди, или же уйти от них и остаться верным Христу. Вот в таком только случае Иисус и допускал оставление отца, матери и прочих близких, и освобождал от исполнения обязанностей по отношению к ним. Зная же, что нелегко отречься от семьи, с которой отрекающегося связывают узы родства, дружбы, любви, и от дома, в котором он родился и с которым сжился, Иисус успокаивает Своих последователей обещанием, что они, потеряв ради Него семью, и дом, и землю, найдут теперь же, в этой жизни, во сто раз больше отцов, и матерей, и детей, и братьев, и сестер, и домов, и земель. Действительно, в первые века распространения христианства, среди гонений на христиан, все христиане составляли как бы одну семью, все были братья во Христе, и дом каждого из них был всегда открыт для христианина; поэтому отрекшийся ради Христа от своего дома и своей семьи вступал в дом каждого христианина, как в свой собственный, и встречал в нем: в лице старших — отца и мать, с отеческой любовью относившихся к нему, в равных себе по возрасту — братьев и сестер, а в меньших — детей; а таких домов было, несомненно, во сто крат более, чем покинутых им. Но, помимо такого временного успокоения после тяжелой потери близких сердцу, предпочитающие Христа всему на свете получают в награду Жизнь Вечную в будущем веке.

Это — награда всем вообще последователям Христа, которые, зная Его учение, уверовали в Него умом и сердцем как в Бога; но Апостолам, которые оставили и пошли за Ним единственно лишь по призыву Его и по указанию некоторым из них Иоанном Крестителем, которые пошли за Ним в то время, когда еще не открылось Его учение и не было еще совершено Им столько чудес; таким людям, взявшимся к тому же пронести учение Христа по всему миру, должна быть иная, высшая награда: они должны разделить славу Христа. Потому-то Иисус и сказал им, что в пакибытии, то есть при воскресении для нового бытия, новой жизни, всех людей, когда-либо живших, — когда явится Сын Человеческий в Своей божественной славе, то и они, Апостолы, разделят с Ним эту славу, и такое возвышение их над всем родом человеческим осудит двенадцать колен не уверовавших в Него израильтян.

По мнению Иоанна Златоуста, Апостолы будут судить евреев не как судьи, а как свидетели: «В каком смысле сказал Господь о царице Южской, что она осудит род тот, и о ниневитянах, что они осудят их, в том же смысле говорит и об Апостолах. Иудеи были воспитаны в тех же самых законах и по тем обычаям, и вели такой же образ жизни, как и Апостолы. Поэтому, когда они в свое оправдание скажут, что мы не могли уверовать во Христа потому, что закон воспрещал принимать заповеди Его, то Господь, указав им на Апостолов, имевших один с ними закон и однако же уверовавших, всех их осудит, как о том и раньше сказал: **посему они будут вам судьями**. Престолы не означают седалища, но ими означает неизреченная слава и честь» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 64, 2).

Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19, 30).

Евреи как народ, прежде всех призванный Богом, естественно считали себя первыми среди всех людей и рассчитывали быть такими же первыми и в будущей жизни. Обличая их заблуждение в этом отношении, Иисус уже не в первый раз объявил, что считающие себя здесь первыми будут в будущей жизни последними и, наоборот, считающиеся здесь последними могут сделаться первыми там, так как спасение не зависит от времени призвания или обращения.

Притча о рабочих в винограднике

Чтобы нагляднее выразить эту мысль, Иисус сказал притчу о рабочих в винограднике. Владелец виноградника вышел рано поутру на торговую площадь нанять работников в свои виноградники, договорившись с ними по динарию в день, послал их в виноградник свой работать. Часа через три он опять пошел на торжище и увидел там рабочих, стоящих празднично и ожидающих найма, и им сказал: «Идите в виноградник мой, и что следовать будет вам, дам вам». Они пошли. Выходил он в полдень и часа три спустя после полудня, и каждый раз посылал в свой виноградник рабочих, ждавших нанимателей. Наконец, вышел он перед заходом солнца, когда рабочий день приближался к концу и все-таки нашел на торжище многих, стоявших празднично, так как никто не нанял их. И их он послал в виноградник, обещая заплатить, что будет следовать по расчету. Когда наступил вечер, работавшие в винограднике ожидали, что получат плату сообразно количеству проработанных ими часов, но были удивлены, когда хозяин велел своему управителю выдать всем поровну, по динарию, начав выдачу с последних. Увидя, что пришедшие в последний час получили по динарию, работавшие целый день думали, что получат более; но когда и им дано было тоже по динарию, то стали роптать на хозяина, говоря: «Мы перенесли тягость целого дня и полуденный зной, а ты сравнял нас с работавшими один только час, да и то во время вечерней прохлады». Обращаясь к одному из роптавших, хозяин кротко сказал: **друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми Свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что добр?** (Мф. 20, 13–15).

Главная мысль этой притчи такова: как работники виноградника получили все по динарию, независимо от количества часов, проведенных каждым из них за работой, так и в Царстве Небесном блаженство Вечной Жизни получают все удостоившиеся того, несмотря на время, употребленное ими, чтобы заслужить это блаженство. Прожившие всю жизнь свою добродетельно, исполняя всегда и во всем волю Божию, войдут в Царство Небесное наравне с теми, которые лишь в старости обратились к Богу. Примером тому служит разбойник, только перед смертью своей на кресте покаявшийся в грехах и признавший в распятом с ним Иисусе Сына Божия (Лк. 23, 39–43).

Призывая к покаянию, Христос много раз говорил, что покаяться никогда не поздно. Притчей о блудном сыне (см. выше, с. 607) Он разъяснил, что даже на краю гибели от множества тяжких грехов не поздно бывает сознать всю гнусность их и в раскаянии пойти к Милосердному Богу. Притчей о рабочих в винограднике Он успокоил даже таких грешников, которые, по преклонному возрасту своему, одной ногой стоят уже в могиле, подав им надежду спастись и войти в Жизнь Вечную. Не надо только злоупотреблять

этой притчей; не надо откладывать свое обращение к Богу, говоря — *еще успею*, так как никто из нас не знает, долго ли еще проживет и действительно ли успеет покаяться, если будет беспечно откладывать покаяние до более удобного, по своим понятиям, времени.

Такова главная мысль этой притчи. Выше уже было сказано, что бесполезно добиваться истолкования каждой мельчайшей подробности притчи, каждого отдельного слова ее; поэтому и мы не будем останавливаться на подробностях притчи о рабочих в винограднике, приводящих в недоумение многих толкователей. Скажем лишь о ропоте работавших целый день да о заключительных словах притчи.

Работавшие в винограднике с утра, то есть люди, всю свою жизнь исполнявшие волю Божию и считавшие себя лишь Божиими работниками, получили наравне с другими по динарию, то есть удостоены Вечной Жизни; но так как ропот на Бога и зависть потрудившимся менее их несовместимы с праведностью вступающих в Царство Небесное, то следует признать, что они не роптали, — что ропот и зависть приписаны им лишь для того, чтобы нагляднее представить слушателям величие Божиего милосердия. Если мы разделим эту притчу на две части и к первой отнесем рассказ о найме работников и повелении выдать всем одинаковую плату, а ко второй — ответ хозяина роптавшим, и если этот ответ сочтем за вывод Самого Иисуса Христа из притчи, то кажущееся противоречие устранилось: рассказав, как хозяин заплатил последнему рабочему, проработавшему всего один час, столько же, сколько и работавшим целый день, Иисус Христос как бы обратился к Своим слушателям с вопросом: «Вам покажется это несправедливым, обидным для трудившихся целый день? Но ведь они наняты были по динарию и получили свою плату сполна; хозяин виноградника никого не обидел, а если по доброте своей расплатился со всеми поровну, то кто вправе из-за этого роптать? Разве хозяин виноградника не властен поступать в своем деле, как хочет?»

Последние же слова Иисуса — **так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званных, а мало избранных** (Мф. 20, 16), — не составляют (по мнению Иоанна Златоуста) заключения, выведенного из притчи. Здесь первые не сделались последними, но все получили одну награду, сверх всякой надежды и ожидания. Но как здесь, сверх чаяния и ожидания, сбылось то, что последние сравнялись с первыми, так сбудется и еще большее и удивительнейшее, то есть, что последние окажутся впереди первых, а первые останутся за ними (Беседы на Евангелие от Матфея. 64, 4).

ГЛАВА 33. Воскрешение Лазаря. Заговор первосвященников и фарисеев

Весть о болезни Лазаря

Иисус приближался к Иерусалиму и уже недалеко был от Вифании, селения на юго-восточном склоне горы Елеон, где жили Лазарь и сестры его, Мария и Марфа. Лазарь был болен, поэтому сестры его, услышав о приближении Иисуса, послали сказать Ему об этом, надеясь, конечно, что Он поспешит к ним и исцелит больного. Иисус любил всю семью Лазаря и при каждом путешествии Своим в Иерусалим заходил к нему, чтобы отдохнуть от шума всюду следовавшей за ним толпы, поэтому Мария и Марфа не сомневались в том, что больной брат их будет исцелен; они даже не просили Иисуса исцелить его, а только дали Ему знать о болезни того, кого он любил: **вот, кого Ты любишь, болен** (Ин. И, 3).

Но Иисус ни только не поспешил в Вифанию, но даже нарочно остался два дня на том месте, где застала Его весть о болезни Лазаря; а чтобы Апостолам была понятна такая медленность с Его стороны, Он сказал им, что болезнь Лазаря **не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий** [66] (Ин. 11, 4).

Иисус знал, что Лазарь умрет, и если сказал, что его болезнь не к смерти, то потому, что намерен был воскресить его, и что, следовательно, болезнь эта не окончится той смертью, которая прекращает навсегда земную жизнь человека. Он знал, что воскрешением умершего Лазаря прославится Бог и что слава эта прославит и Его, Сына Божия, совершившего такое чудо.

По прошествии двух дней Иисус сказал ученикам: **пойдем опять в Иудею** (Ин. 11, 7).

Иисус, выйдя из Галилеи, направлялся в Иерусалим, то есть в Иудею; цель этого путешествия была известна Его Апостолам, и потому, если Он сказал — **пойдем опять в Иудею**, — то надо полагать, что в это путешествие Он вступил уже в пределы Иудеи и опять ушел за Иордан, в Персею; Апостолы же приняли это за возвращение Иисуса в Галилею. Вот почему они были удивлены желанием Его идти **опять** в Иудею, и сказали Ему: «Учитель! Давно ли иудеи хотели побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?»

Говоря так, Апостолы обнаружили свое маловерие. Видя столько необычайных чудес, совершенных Иисусом, вдумываясь в Его божественное учение, они готовы были признать Его истинным Мессией, и даже Апостол Петр, на вопрос Иисуса — **а вы за кого почитаете Меня?** — воскликнул: **Ты — Христос, Сын Бога Живаго** (Мф. 16, 15–16). Но они не хотели и думать о том, что Мессия-Христос, Сын Божий, может умереть; а так как озлобленные против Него иудеи могли убить Его, если Он опять появится в Иерусалиме, то они, любя Иисуса искренно, хотели отклонить Его от такого опасного, по их мнению, путешествия.

Иисус знал, что Ему предстоит умереть и воскреснуть и что все это свершится по воле Отца Его; предстоявший Ему путь был для Него ясен, как бывает ясна дорога для путника, путешествующего днем; Вот почему, желая успокоить Своих Апостолов, Он сказал: **не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним** (Ин. 11, 9–10). И как путник идет своей дорогой, пока не прошли эти двенадцать светлых часов дня, и видит все предстоящее ему в пути, так и Я хожу по воле Отца Моего, и ничто непредвиденное не может случиться со Мною. К чему же ваши предостережения?

Затем, чтобы показать им Свое всеведение, Он сказал: **Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить Его** (Ин. И, 11). Апостолы, не теряя надежды удержать Иисуса от опасного путешествия в Иерусалим, заметили, что незачем идти, если Лазарь уснул, так как сон есть признак перелома болезни, поворота к

лучшему: **если уснул, то выздоровеет** (Ин. 11, 12). Они не поняли Иисуса, и потому Он вынужден был прямо сказать им, что **Лазарь умер** (Ин. 11, 14). При этом Иисус добавил, что радуется за них, Апостолов, что Его не было в Вифании, когда Лазарь был болен, так как исцеление его от болезни не могло бы укрепить их веру в Него так, как предстоящее воскресение.

Прекращая этот разговор, вызванный опасениями Апостолов, Иисус сказал: **но пойдём к нему** (Ин. 11, 15).

Видя непреклонную решимость Иисуса идти в Иерусалим на явную смерть, один из Апостолов, Фома, по прозванию Близнец, сказал: «Что же нам после этого делать? Неужели мы оставим Его? **Пойдем и мы умрем с Ним**» [67] (Ин. 11, 16).

Прибытие Иисуса в Вифанию

Никто из Апостолов не возразил Фоме, и все пошли за Иисусом.

Когда Иисус приближался к Вифании, то Ему сказали, что Лазарь умер и четыре дня уже во гробе. Навстречу Ему вышла сестра умершего, Марфа, и с грустью сказала, что если бы Иисус не медлил Своим приходом, если бы Он застал брата ее живым, то не умер бы он. Впрочем, не теряя надежды на что-то лучшее, что-то такое, о чем могла только мечтать, но не решалась прямо высказаться, она сказала: **«Но и теперь, когда брат мой умер, знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог»**.

Воскреснет брат твой, — сказал ей Иисус.

Воскреснет Лазарь! Да об этом-то она и мечтала, на это-то и намекала Иисусу, говоря — **знаю, что, чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог**. Однако обещание Иисуса она принимает не с восторгом, как можно было ожидать от нее, а с некоторой робостью. Угнетенная горем, она боится верить своему счастью; желая проверить себя, не ошибается ли она, понимая слова Иисуса в этом, а не ином смысле, она нарочно в ответе своем придает им иной, неутешительный для себя, смысл: **знаю, что воскреснет в последний день, когда все будут воскрешены для Суда; но какое мне в том утешение, когда теперь он мертв?**

Марфа верила, что Бог исполнит всякую просьбу Иисуса; следовательно, в ней не было достаточной веры во всемогущество Самого Иисуса. Вот почему, желая довести ее до такой веры, Он и говорит ей: **«Я есмь воскресение и жизнь. Я имею власть и силу воскрешать и давать жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верить ли сему? Верить ли, что Я, имеющий силу теперь же воскресить твоего умершего брата, имею власть даровать жизнь вечную и всякому верующему в Меня? Верить ли, что верующий в Меня становится бессмертным, и если умирает временно, то лишь для того, чтобы ожить иной, лучшей, вечной жизнью?»**

Так, Господи! — отвечала Марфа, — **я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.**

Воскрешение Лазаря

Предстояло совершение величайшего чуда. Этим чудом Иисус хотел обратить к Себе сердца еще не уверовавших в Него и дать возможность Своим врагам одуматься и раскаяться; поэтому Он не только не уклонился от совершения его всенародно, но даже послал Марфу за сестрой Марией и оставался, в ожидании ее и ее спутников, на том самом месте, где встретила Его Марфа. Хотя Марфа **тайно** позвала Марию, но поспешность, с которой последняя встала и пошла, вынудила утешавших ее иудеев пойти за ней. Они, как объясняет Евангелист, думали, что она пошла ко гробу брата плакать, поэтому и они пошли за ней. Семья Лазаря пользовалась, по-видимому, особенной любовью и уважением среди знакомых, так как к осиротевшим сестрам пришли оплакивать их горе многие из иудеев, живших в Иерусалиме, отстоявшем от Вифании **стадиях в пятнадцати** (Ин. 11, 18) (около трех километров).

Мария подошла к Иисусу, со слезами пала к ногам Его и сказала: **Господи! если бы Ты был здесь, не**

умер бы брат мой. Обливалась слезами Мария, плакали и пришедшие с ней иудеи; слезы Марии, исторгнутые из глубины ее удрученной горем души, вызвали слезы и на глазах Иисуса, притворные же слезы сопровождавших ее иудеев возмутили Его.

«**Иисус... восскорбел духом и возмутился** (Ин. 11, 33). Греческое слово, переведенное словом **восскорбел**, включает в себе понятие негодования, гнева и отвращения, причиняемого возмутительным поступком, а слово, переведенное словом **возмутился**, включает понятие содрогания, потрясения; значит, все выражение точнее будет перевести: *возмутился и содрогнулся*. Чем же возмущена была душа Господа в эту минуту? Несколько после, когда иудеи, бывшие тут, выразили довольно ясно враждебное отношение к Нему, Он опять возмутился (ст. 38: то же греческое слово); это дает основание предполагать, что Господь и в эту минуту возмутился тем же, то есть иудеями, их поведением в это время. Евангелист говорит, что Господь возмутился так, когда увидел Марию плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, то есть когда увидел, с одной стороны, искренние слезы глубоко скорбящей сестры умершего, а с другой стороны, рядом с нею, плач этих людей, которые питали злую вражду против Него, возлюбленного друга скорбящих сестер. Крокодиловыми слезами врагов Его, иудеев, Господь возмущен был до глубины души. К тому же Господь видел, что эта вражда к Нему доведет Его до смерти; и вот, органы этой вражды к Нему здесь, при величайшем, имеющем сейчас совершиться, чуде. Это чудо будет величайшим знамением и доказательством Его мессианского достоинства, и должно бы затушить вражду к Нему; но вместо сего оно будет (Он знал это) решительным поводом к приговору о Его смерти (стихи 47–53). Это возмущение было так сильно, что произвело внешнее телесное потрясение; но это потрясение, по смыслу греческого слова, не было вполне невольным потрясением, а выражало некоторое усилие Самого Господа подавить это духовное возмущение. Внешним выражением быстрой и решительной победы над возмущением духа был краткий и быстрый вопрос: **где вы положили Его?** (Ин. 11, 34). Вопрос обращен, без сомнения, к сестрам умершего, и они же, конечно, ответили Ему: **пойди и посмотри. Иисус прослезился** (Ин. 11, 35). Возмущение духа побеждено и разрешилось слезами Господа, — дань человеческой природы Его» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3. С. 347–349).

Евангелист говорит о впечатлении, какое произвели слезы Иисуса на присутствовавших при этом иудеев. Даже из них некоторые были тронуты Его слезами и говорили: **смотри, как Он любил его** (Ин. 11, 36). Другие же, злорадствуя, говорили: **не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?** Если бы мог, то, конечно, любя Лазаря, не допустил бы его до смерти; однако Лазарь умер; следовательно, **Сей** не мог этого сделать, потому-то, досадуя, и плачет.

Озлобленные враги Христовы избегали называть Его по имени, а потому и теперь презрительно сказали о Нем — **Сей**.

Господь, подавляя в Себе чувство скорби, молча подошел к гробу Лазаря, то есть к пещере, вход в которую был заложен камнем; дойдя до нее, Он приказал отнять камень. Открытие пещер, в которых были погребены умершие, производилось только в исключительных случаях, и то лишь вскоре после погребения, а не тогда, когда труп уже разлагался. Разлагающийся труп человека производит вообще удручающее впечатление не только на родственников и друзей умершего, но даже и на посторонних лиц. К тому же в теплом климате Палестины разложение трупов начинается очень скоро после смерти, вследствие чего евреи хоронили своих покойников в тот же день, в какой они умерли; на четвертый же день после смерти разложение должно было достигнуть такой степени, что даже верующая Марфа начала сомневаться в возможности воскрешения Лазаря; поэтому она, как бы желая предотвратить это печальное и бесцельное, по ее мнению, зрелище, робко говорит Иисусу: **Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе** (Ин. 11, 39).

Когда посланные от сестер Лазаря сказали Иисусу, что тот, кого Он любит, болен, то Иисус ответил им,

что эта болезнь не к смерти, а к славе Божией. Когда же Марфа вышла Ему навстречу и объявила Ему, что брат ее умер, то Он сказал ей: **воскреснет брат твой, ибо Я есмь воскресение и жизнь... Веришь ли сему?** (Мн. 11, 23, 25–26). Теперь же, напоминая Марфе прежде сказанное, Он спросил: **не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?** (Ин. 11, 40).

После того сестры изъявили согласие на открытие пещеры, и камень отняли от входа в нее. Иисус, самолично имеющий власть творить чудеса и воскрешать умерших, знал, однако, что озлобленные враги Его приписывают все Его чудеса силе диавола; поэтому, желая, вероятно, показать стоявшему тут же народу, что творит чудеса божественной, а не дьявольской силой, Он возвел очи к небу и громко сказал: **Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня** (Ин. 11, 41). Апостолам же, ближе стоявшим к Нему, Он должен был показать, что сотворит сейчас необычайное чудо хотя и божественной властью, но лично Ему принадлежащей, так как Он в Отце и Отец в Нем. Поэтому, продолжая Свою молитву, вероятно, таким голосом, какой мог быть услышан только окружавшими Его Апостолами и сестрами Лазаря, Он сказал: **Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.**

Потом, подойдя ближе ко входу в пещеру, Он громким голосом позвал **Лазаря: Лазарь! иди вон** (Ин. 11, 43). И на глазах многолюдной толпы свершилось непостижимое умом человеческим чудо: встал из гроба не мнимоумерший, а человек, труп которого уже разлагался и издавал смрад; встал, обвитый погребальными пеленами с обвязанной платком головой; встал, вышел из пещеры и остановился у входа в нее, так как погребальные пелены стесняли его движения; и в таком виде предстал изумленной толпе. **Развяжите его,** — сказал Христос, — **пусть идет.**

Чудо это произвело потрясающее впечатление на народ. Даже многие из Иудеев уверовали в Него, но некоторые из них, затаив свою злобу, молча удалились и поспешили в Иерусалим объявить синедриону о случившемся.

Решение Синедриона убить Иисуса

Весть эта взволновала врагов Иисуса и была признана настолько важной, что первосвященники и фарисеи немедленно собрали членов верховного совета, синедриона. В заседании синедриона враги Христа, чувствуя себя среди своих единомышленников, не стеснялись так, как это было иногда необходимо среди толпы народной. Они верили, что Иисус творит чудеса; они теперь не говорили, что Он творит их силой веельзевула, так как убедились, что Он творит их Своей божественной властью; они просто испугались, что народ пойдет за Ним и что тогда настанет конец их власти и хищениям; они испугались за свое личное благополучие, которое для них было дороже всех пророков и даже Мессии. **«Что нам делать?»** (Ин. 11, 47) — рассуждали они. — **Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него** (Ин. 11, 48), провозгласят Его Царем Израилевым, восстанут против римского владычества... и тогда беда: придут римские войска, овладеют Иерусалимом и всем народом нашим, и настанет конец нашей власти».

Такие мрачные картины, представлявшиеся испуганному воображению членов синедриона, рассеял практичный первосвященник Каиафа. Он удивился, что его сотоварищи ломают свои еврейские головы над разрешением вопросов о том, что будет, если все уверуют в Этого Человека. Надо, чтобы народ не успел уверовать в Него; надо просто убить Этого Человека, чтобы Он не творил больше чудес и не смущал тем народ. **«Удивляюсь,** — сказал он, — **как это вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»** (Ин. 11, 49–50). Речь Каиафы не встретила возражений, и синедрион постановил: убить Иисуса.

Повествуя об этом совещании заговорщиков, Евангелист Иоанн от себя поясняет, что Каиафа, говоря, что лучше одному человеку умереть за народ, говорил, в сущности, не от себя, так как предсказал, что

Иисус действительно умрет за народ; **и не только за народ**, — продолжает Евангелист, — **но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино** (Ин. 11, 51–52). Говоря так, Евангелист разумел не евреев, рассеянных в то время по всем странам между язычниками, а самих язычников. Приписывая же Каиафе как первосвященнику это пророчество, Евангелист основывался на том, что в древности первосвященники, начиная с Аарона, были провозвестниками воли Божией, пророчествовали.

Удаление Иисуса из Вифании в город Ефраим

Ввиду состоявшегося приговора синедриона Иисус не пошел из Вифании в Иерусалим, а ушел с Апостолами в город Ефраим, расположенный близ пустыни, вероятно, Иерихонской, и там оставался некоторое время с учениками Своими.

Между тем приближался праздник Пасхи иудейской; в Иерусалим, по обыкновению, собралось множество евреев со всех концов Палестины. Многие из пришедших интересовались видеть Иисуса как Целителя и Чудотворца, искали Его и, не находя, спрашивали друг друга: **как вы думаете? не придет ли Он на праздник?** (Ин. 11, 56). Ждали Иисуса и первосвященники с фарисеями, но с другой целью: чтобы схватить Его и убить, а чтобы Он не мог укрыться от них, они всенародно объявили, что каждый, узнавший о месте Его пребывания, обязан тотчас же объявить об этом синедриону для исполнения состоявшегося над Ним приговора.

О других случаях воскрешения мертвых

О воскрешении Лазаря повествует один только Евангелист Иоанн: в Евангелиях первых трех Евангелистов о нем ничего не говорится. Почему? Над разрешением этого вопроса трудились многие толкователи Евангелия и, однако, не дали такого ответа, какой не вызывал бы возражений. Нам кажется, что наиболее удовлетворительным ответом служат заключительные слова Евангелия Иоанна: **Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг** (Ин. 21, 25). Евангелист Иоанн, как известно, дополнил Евангелия первых трех Евангелистов; но и он, по собственному признанию, описал далеко не все, что сотворил Иисус; следовательно, и в его Евангелии содержатся лишь краткие сведения о главнейших событиях в жизни Иисуса Христа. Никто из четырех Евангелистов не намеревался описывать подробно всю жизнь Иисуса; каждый из них писал свое Евангелие для особого круга читателей, **дабы они уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий** (Ин. 20, 31), а для достижения этой цели достаточно было поведать читателям лишь о некоторых чудесах. По этой причине первые два Евангелиста говорят об одном только воскрешении Иисусом дочери Иаира; третий Евангелист дополняет их повествования рассказом о воскрешении сына вдовы Наинской, а четвертый повествует и о воскрешении Лазаря. Следовательно, надо признать, что Евангелисты Матфей и Марк молчат о воскрешении Лазаря по той же причине, по какой ничего не говорят и о воскрешении сына вдовы Наинской, то есть потому, что признавали одного воскрешения умершей дочери Иаира вполне достаточным, чтобы убедить своих читателей в том, что Иисус действительно Христос, Сын Божий. Не говорят они ничего и о воскрешении других умерших, каковы воскрешения несомненно были; доказательством этому служат слова Самого Спасителя, приводимые Евангелистами Матфеем (11, 5) и Лукой (7, 22): когда ученики Иоанна пришли к Иисусу и спросили Его — **Ты ли тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?** — то Иисус совершил перед ними много чудес и сказал им: **пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют**. Нельзя допустить предположения, чтобы Иисус приказал ученикам Иоанновым рассказать своему учителю не только о том, что они тут видели своими глазами и слышали своими ушами, но даже и то, что они могли услышать от других; несомненно, что ученикам Иоанна приказано рассказать своему учителю только то, чему они сами были свидетелями-очевидцами; поэтому слова Иисуса **мертвые воскресают** доказывают, что при учениках

Иоанна было совершено воскрешение одного или нескольких умерших. Но о воскрешении их Евангелисты не сочли нужным говорить потому, что раньше рассказали о власти Иисуса воскрешать даже мертвых, и этого считали вполне достаточным, чтобы уверовали в Него те, для которых они писали свои Евангелия (ср. объяснение на с. 245).

ГЛАВА 34. Просьба Саломии и сыновей ее, Иакова и Иоанна. Наставление о смирении. Иисус в доме Закхея-мытаря. Притча о минах. Исцеление слепого Вартимея

Неизвестно, сколько времени оставался Иисус в пустыне; но с приближением праздника пасхи Он признал необходимым оставить Свое уединение и идти в Иерусалим. Когда Он в сопровождении учеников тронулся в путь, то все спутники Его считали, что Он идет на явную смерть, и потому в ужасе и страхе следовали за Ним, шедшим на этот раз впереди всех.

Беседа Иисуса с апостолами о предстоящих смерти и воскресении Его

В продолжение этого пути, когда все, удрученные горем, шли молча, Иисус подзвал к Себе двенадцать Апостолов и сказал им: «Ваше предчувствие не обманывает вас; да, мы идем в Иерусалим, и там свершится все предсказанное пророками о Сыне Человеческом: **предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его: и в третий день воскреснет**» (Лк. 18, 32–33).

Не в первый раз говорил им об этом Иисус, но как прежде, так и теперь они не могли уразуметь сказанного. В лице Петра они признали уже Иисуса за Христа, Сына Божия, но не могли и мысли допустить, чтобы Мессия, Сын Божий, мог быть убит; а если Он не может быть убит, то как же Он воскреснет? Если же Иисус будет убит, то, значит, Он не Мессия, не Сын Божий! Так Кто же Он? — Эти вопросы напрашивались на разрешение, но Апостолы не в силах были ответить на них; **слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного** (Лк. 18, 34).

Просьба Саломии и ее сыновей

Не разумели сказанного, но все-таки надеялись, что скоро настанет Царство и слава их Учителя. Отдаваясь мечтам об этом Царстве, они, несомненно, думали и о том, что они, ближайšie сотрудники Иисуса, займут в нем выдающееся положение. В самом разгаре этих мечтаний мать Апостолов Иакова и Иоанна, Саломия, подходит к шедшему впереди всех Иисусу и, кланяясь Ему, чего-то просит; на вопрос же Иисуса — **чего ты хочешь?** — отвечает: **скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем.**

С такой просьбой, по сказанию Евангелиста Матфея, обратилась к Иисусу Саломия, сопровождаемая сыновьями своими; по сказанию же Евангелиста Марка, с той же просьбой обратились к Иисусу сами Апостолы Иаков и Иоанн. Это кажущееся разногласие в повествованиях Евангелистов нетрудно примирить, если признать, что сначала с просьбой выступила Саломия, за которой стояли ее сыновья, а затем и сами сыновья подошли к Иисусу и повторили ту же просьбу, доказывая тем, что их мать действовала по соглашению с ними.

Иаков и Иоанн вместе с Петром избраны были Иисусом из всех двенадцати Апостолов присутствовать при Его Преображении и при воскрешении Им дочери Иаира. Это избрание, это отличие от других, дало им повод думать, что они и в Царстве Мессии, в славе Его, займут лучшие места, будут первыми; под влиянием этих дум они и обратились к Иисусу с просьбой возвысить их над другими в Царстве Славы Его.

Не знаете, чего просите, — отвечал им Иисус. — **Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься**

крещением, которым Я крещусь?

Иисус знал, что эти самые Апостолы, желающие теперь сесть рядом с Ним в Царстве Славы Его, почти сравняться с Ним, оставят Его одного и разбегутся, как только настанет час Его страданий. Поэтому Он и спросил их: «Можете ли пить ту чашу страданий, которую Мне предстоит испить, о которой Я только что говорил вам? Можете ли креститься тем кровавым крещением на кресте, которым Мне предстоит креститься?»

(В древности был обычай посылать некоторым из осужденных на казнь чашу с ядом, поэтому выражение **пить чашу** означало: испытывать страдания, оканчивающиеся смертью).

На этот испытующий вопрос Иисуса пылкие «сыны грома» ответили; **можем**. Зная, что со временем Апостолы пострадают за Него и, следовательно, в состоянии будут пить чашу страданий и креститься кровавым крещением, Иисус пророчески сказал Иакову и Иоанну: «**Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься** (Мк. 10, 39); но чтобы сесть у Меня по правую сторону и по левую — это не от Меня зависит, а от Отца Моего: **кому уготовано Отцем Моим**».

Сесть рядом с Иисусом Христом, Сыном Божиим, в Царстве или Славе Его, то есть сравняться с Ним в Его Божестве, не может никто из людей, как бы добродетелен он ни был. Почему же Иисус не ответил в этом смысле Иакову и Иоанну? Почему прямо не отверг их неисполнимую просьбу? По мнению Иоанна Златоуста, Иисус поступил так, желая побудить Своих учеников, чтобы они надежду на спасение и прославление основывали на собственных добрых делах, а не на том лишь, что они — избранные Апостолы. Говоря так, Он только дает ответ сообразно разумению вопрошавших, снисходя к их слабости.

Наставление о смирении

Просьба Иакова и Иоанна возбудила негодование среди остальных Апостолов. Иисус услышал их ропот и, подозвав их к Себе, сказал: «**Вы знаете, что в этом мире князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими** (Мф. 20, 25); но Царство Мое не похоже на царства мира сего, и потому, если кто из вас хочет вступить в Мое Царство, то должен поступать не так: кто хочет быть большим, тот должен быть всем слугой, и кто захочет быть первым, да будет последним, как раб. Если Я пришел в этот мир не для господства над людьми, не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих, то и вы поступайте так же. И если будете всегда поступать так, как Я вам заповедую, и исполните все, то и тогда не гордитесь, не возвеличивайте сами себя, так как вы будете только точными исполнителями воли Божией, исполнителями возложенной на вас Богом обязанности.

Разъяснение Иисуса, что совершение добрых дел составляет обязанность Его последователей

Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдя скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».

Как часто мы, сделав какое-либо доброе дело для ближнего, кичимся этим, стараемся тем или иным способом огласить его и требуем от благодетельствованного нами выражения особой благодарности. Между тем, делая добрые дела, помогая ближним в нужде или избавляя их от бед и несчастий, мы исполняем лишь повеление Бога, заповедавшего нам любить ближних и благо творить им. А если мы в таких случаях только рабы, исполняющие приказание Господина своего, Бога, если мы, делая добро ближним, только исполняем свои обязанности, то не в праве рассчитывать ни на благодарность со стороны тех, кому мы послужили, ни на восхваление со стороны других. И как часто неблагодарность благодетельствованных служит наказанием для благодетелей за то, что творили добро не из любви к

ближним, а из тщеславия, что забыли заповедь Христову: творить добро так, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Итак, если за твои добрые дела тебе отплатят черной неблагодарностью, то не возмущайся! Вспомни слова Иисуса Христа и смиренно скажи: «Я — раб, ничего не стоящий, потому что сделал то, что должен был сделать».

Этим, конечно, не оправдывается неблагодарность. Воспользоваться благодеянием и не постараться отплатить благодетелю какой-либо услугой и даже не выразить ему чувства признательности могут только люди, не озаренные христианской любовью, забывшие или не знающие, что любить надо даже врагов, что неблагодарность не совместима с любовью к благодетелю. Бывают случаи, когда облагодетельствованные, выбившиеся из нужды по милости своих благодетелей, стыдятся признаться в том и не только не проявляют никакой признательности к своим благодетелям, но даже начинают относиться к ним враждебно и за добро платят злом. Это люди, отдавшиеся во власть тьмы; это зло, восставшее против добра.

Оканчивая изложение этой беседы Иисуса с Апостолами, надо остановиться еще на словах Иисуса: **Сын Человеческий... пришел... чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих** (Мк. 10, 45). Греческое слово *лутрон* переведенное на русский язык словом *искупление*, означает *выкуп*, то есть сумму, какую в древности платили за взятых на войне в плен; за выкуп их освобождали из плена, если же выкуп не был внесен, то пленные оставались рабами своих победителей и считались для своего отечества погибшими. Выкупом (или искуплением) называет Иисус и Свое дело спасения рода человеческого, потому что все люди — грешники, находящиеся как бы в плену греха, все — пленники греха, которым грозят осуждение и вечные страдания, а Он, Христос, Своим учением, примером Своей жизни, страданиями и смертью указал людям путь к освобождению из такого плена, выкупил желающих освободиться от него, или искупил. Но почему же не всех, а только **многих**? Потому, что выкуп дан для освобождения из плена лишь желающих того, то есть исполняющих то, что заповедал Христос; многие этого желают, многие исполняют волю Божию, но далеко не все, поэтому и сказано — **для искупления многих**, а не всех.

Еще одно замечание: некоторые толкователи помещают притчу о рабах ничего не стоящих вслед за изложением просьбы Апостолов об умножении в них веры, руководствуясь в этом порядке изложения своих повествований Евангелистом Лукой (17, 6—10). Но так как Евангелист Лука не все события и изречения Иисуса излагал в последовательном порядке и так как притча о рабах ничего не стоящих имеет более внутренней связи с наставлением Иисуса по поводу просьбы сыновей Зеведеевых, чем с просьбой Апостолов об умножении в них веры, то я и поместил ее здесь.

Обращение Закхея-Мытаря

Продолжая Свой путь к Иерусалиму, Иисус пришел в Иерихон. Здесь жил богатый человек, начальник мытарей, именем Закхей. Он хотел видеть Иисуса и узнав о том, что Он идет через Иерихон, вышел к сопровождавшей Его толпе, искал Его, но, будучи мал ростом, не мог увидеть Его; однако, желание непременно видеть Иисуса было настолько сильно в нем, что он забежал вперед толпы и взлез на стоявшую при дороге смоковницу, мимо которой Иисусу надлежало идти. Подходя к этой смоковнице, Иисус увидел сидевшего на ней Закхея, остановился и сказал ему: **Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме** (Лк. 19, 5). Закхей, презираемый евреями мытарь (хоть и сам еврей, судя по имени), не ожидал такой чести и счастья видеть у себя в доме Галилейского Пророка; с великой радостью он поспешил слезть с дерева и пошел с Иисусом в свой дом. За ними шли, конечно, Апостолы, другие ученики и толпа народа, среди которого неизменно находились и враги Христовы. В сопровождавшей Иисуса толпе послышался ропот: **все** (Лк. 19, 7), подстрекаемые, вероятно, фарисеями, стали говорить, что Иисус зашел к грешному человеку; все стали осуждать Его за это, так как, по понятиям евреев, праведники не должны были иметь никаких сношений с явными грешниками. Иисус слышал этот

ропот, слышал его и Закхей. Радость, что посетил его Иисус, и стыд за несправедливо прожитую жизнь наполняли сердце Закхея; совесть заговорила в нем, и он в раскаянии сказал: **Господи! половину имени моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо** (Лк. 19, 8), то есть: половину того имени, которое приобретено мной праведными путями, отдам нищим, все же несправедливо приобретенное возвращу по принадлежности, да еще добавлю из остающегося у меня столько, чтобы воздать обиженным мной вчетверо (об этом см. выше, с. 636).

Видя такое раскаяние и действительную готовность Закхея загладить свое прошлое, Иисус сказал: **ныне пришло спасение дому сему** (Лк. 19, 9). Обращаясь же к роптавшим, сказал: «Ведь и он сын Авраама, хоть и погибавший; Сын же Человеческий пришел отыскать и спасти погибающих».

Многие из сопровождавших Иисуса в этом путешествии Его думали, что по прибытии в Иерусалим Он объявит Себя Царем Израилевым, что настанет, наконец, давно ожидаемое евреями Царство Мессии. Зная это, Иисус незадолго перед тем объяснил Своим слушателям, что временное Царство Его, то есть Царство Божие на земле, наступает теперь же, и притом неприметным образом, так как обнимает лишь внутренний мир человека, душу его, а что постоянное, вечное Царство Его, то есть Царство Небесное, наступит весьма приметным образом, и притом внезапно, разом для всех, но не так скоро, как некоторые об этом думают. Не повторяя теперь сказанного ранее, не говоря даже о том, что Царство Божие уже наступило, Иисус нашел, однако, необходимым еще раз разъяснить, что Царство Небесное откроется нескоро, и что, следовательно, напрасны мечты евреев о скором открытии ожидаемого ими Царства Мессии.

Притча о минах

Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться (Лк. 19, 12). После покорения Иудеи римлянами, для получения царской или подобной ей власти, Ирод великий (царь), а затем и сыновья его, Архелай и Ирод Антипа (тетрархи), должны были отправляться в Рим; следовательно, содержание начала притчи заимствовано из событий, хорошо известных слушателям. Только здесь человеком высокого рода надо считать Самого Иисуса Христа, отправляющегося после вознесения Своего как бы в дальнюю, неведомую нам страну, с тем, чтобы по прошествии некоторого, довольно продолжительного времени, вернуться, то есть прийти вторично во славу Своей, для Суда над родом человеческим и для открытия Царства Небесного, прийти Царем Небесным.

Призвав же десять рабов своих, дал им десять мин и сказал им: употребляйте их в оборот, пока я возвращусь.

Отходя к Отцу Своему, Христос оставил Своим ученикам и будущим последователям, рабам Своим, богатство, заключающееся в Его учении, подтвержденном примером Его жизни. Это богатство надо было употребить в дело, чтобы сделаться достойными членами ожидаемого Царства. Всем дано поровну, все могли извлечь одинаковую пользу.

Но граждане ненавидели его и отправили вслед за ним посольство, сказав: не хотим, чтобы он царствовал над нами. Пример, знакомый слушателям: когда Архелай, сын Ирода, поехал в Рим домогаться утверждения его царем иудейским, то евреи, не любившие его, послали в Рим посольство из пятидесяти человек просить, чтобы не давали ему царской власти над ними.

Сограждане Иисуса, *иудеи*, ненавидели Его, не хотели иметь Его Царем. Представителю цезарьской власти в Иудее, Пилату, они в лице своих первосвященников заявили: **Нет у нас царя, кроме кесаря** (Ин. 19, 15), а когда Пилат выставил над распятым Иисусом надпись — **Иисус Назорей, Царь Иудейский**, — те же первосвященники сказали ему: **не пиши: Царь Иудейский** (Им. 19, 19–21). Да и после Воскресения Иисуса *иудеи* послали избранных мужей (посольство) разглашать всюду, что ученики украли тело Его и рассказали,

что Он воскрес.

И когда возвратился, получив царство, велел призвать к себе рабов тех... чтобы узнать, кто что приобрел.

Когда Христос придет вторично судить людей, когда, так сказать, возвратится к нам, то возвратится Царем Небесным и потребует от нас, рабов Своих, отчет в употреблении дарованных нам благ; и мы должны будем объявить, кто из нас и что именно приобрел, то есть какие добрые дела совершил, что может представить в оправдание своей жизни.

Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин... Пришел второй и сказал: господин! мина твоя принесла пять мин.

Похвалил господин рабов тех и дал им в награду управление городами: первому десятью, второму пятью.

Предстанет пред Судьей-Христом первый раб и скажет: «Господи! Твое благодатное учение, Твое указание мне пути к Царству Небесному принесло мне большую пользу: я воспользовался им, я полюбил ближних, как самого себя, я облегчал их страдания, я помогал им в нужде, я душу свою положил за них». Придет второй раб и тоже представит в оправдание своей жизни совершенные им добрые дела; придет множество подобных им рабов, и все за свою верность Царю получают награды. Но придут и такие, которым нечем оправдаться, которые беспутно прожили жизнь свою. **Господин! вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок, ибо я боялся тебя, потому что ты человек жестокий: берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял.**

Люди, погрязшие в пороках, редко сознают свою вину. В своей неудачно сложившейся жизни, в своем нравственном падении, в своих гнусных поступках они готовы обвинять всех, даже Бога, но только не себя. «Виноват ли я, — говорит подобный человек, — если Бог не дал мне силы воли противостоять соблазнам? Виноват ли я, если соблазны преследуют меня на каждом шагу? Если среда, в которой я живу, заела меня? Да и когда мне было думать о ближних, если я сам почти всегда нуждался, не всегда имея возможность удовлетворить свои разнообразные потребности, с каждым днем возрастающие? Христовы заповеди я знал; я хранил Его учение и ждал, что обстоятельства мои поправятся, и что я буду иметь возможность подумать и о ближних; не виноват же я, что это время не наступило?»

«Почему же ты, лукавый раб (скажет ему Христос), не передал другим то знание Божией правды, какое тебе было дано? Почему ты не научил, не просветил тех, кто нуждался в этом свете? Если ты заблуждался, думая, что не можешь поработать на благо ближних, то ты все-таки должен был, по крайней мере, подвинуть к тому других и их усилиями умножить данное тебе богатство?»

И сказал предстоящим: возьмите у него мину и дайте имеющему десять мин. И сказали ему: господин! у него есть десять мин. Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у не имеющего отнимется и то, что имеет (Лк. 19, 24–26). Слова эти нельзя понимать буквально, то есть, что богатому дано будет, а у бедного отнимется и то, что имеет, так как здесь речь идет не о вещественном богатстве. Здесь отнятием мины у ленивого раба и передачей ее усердному изображается лишь наказание одного и награда другому на окончательном Суде. Самое же отнятие, если и совершается, то во время земной жизни человека: способности человека и его знания развиваются и совершенствуются по мере приложения их к делу, и, наоборот, гложут и как бы отнимаются у него, если остаются без надлежащего употребления; поэтому всякому, с особенным усердием применяющему к делу дарованные ему Богом знания, дано будет его же усердием гораздо больше того, что он имел, а у ленивого собственным его нерадением отнимется и то, что ему было дано.

Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избеите

предо мною. Рассудив Своих последователей, то есть христиан, и воздав каждому по делам его, Христос подвергнет строгой каре евреев и вообще тех, которые не хотели признавать Его своим Царем, не хотели считать возвещенную Им волю Божию за безусловно обязательную для них, как обязательен царский закон.

Исцеление слепых в Иерихоне

Сказав эту притчу, Иисус пошел далее по направлению к Иерусалиму. Тут произошло исцеление слепых, о чем повествуют Евангелисты Матфей, Марк и Лука; и так как их повествования не вполне согласуются, то нахожу необходимым привести их здесь дословно:

Матфей 20. 29–30:	Марк 10. 46:	Лука 18. 35:
И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа.	Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни.	Когда же подходил Он к Иерихону. один слепой сидел у дороги, прося милостыни.
И вот, двое слепых, сидевшие у дороги, услышав, что Иисус идет мимо, начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов!		

Итак, Матфей и Марк говорят, что исцеление произошло при выходе из Иерихона, а Евангелист Лука говорит, что это было при входе в Иерихон, когда **подходил** Иисус к Иерихону. По мнению епископа Михаила, греческое слово *εγγιδζειν*, употребленное у Евангелиста Луки, означает: находиться близ чего-либо, с какой-либо стороны, вследствие чего толкуемое выражение Евангелиста Луки можно перевести так: *когда же Он был близ Иерихона* (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 2. С. 537). Итак, если Евангелист Лука говорит, что исцеление произошло *близ* Иерихона, то между его словами и повествованиями Матфея и Марка нет никакого противоречия по отношению к месту совершения чуда.

Остается еще устранить противоречие относительно числа слепых. Евангелист Матфей говорит, что Иисус исцелил двух слепых, а Евангелисты Марк и Лука говорят об одном. Такое же кажущееся противоречие между теми же Евангелистами было замечено при разборе их повествований об исцелении бесноватых в стране Гадаринской и была сделана ссылка на мнение Иоанна Златоуста (см. выше с. 413). То же можно сказать и об исцелении слепых: их было два, как утверждает Евангелист Матфей, но один из них был настолько известен, что Евангелист Марк называет его даже по имени; быть может, этот сын Тимеев кричал так громко, что заглушал другого и тем как бы затмил его в глазах тех, со слов которых писали об этом случае Евангелисты Марк и Лука; во всяком случае, умолчание Евангелистов Марка и Луки о другом слепом не может подрывать достоверность повествования Евангелиста Матфея о том, что слепых было двое. С точки зрения Евангелистов, существенное значение имело чудо, совершенное Иисусом; на это они и обратили внимание своих читателей, не придавая никакого значения тому, одного или двух слепых исцелил Господь; исцеленных вообще было так много, что считать их — было бы бесцельно.

Итак, следует признать, что когда Иисус выходил из Иерихона, двое слепых, сидевшие у дороги и просившие милостыни, услышав шум проходящей толпы народа, спросили: Что это такое? И когда им сказали, что это идет Иисус, то слепые, несомненно, слышавшие о Его чудесах и о том, что некоторые признают Его обещанным Избавителем, пожелали воспользоваться этим случаем, чтобы исцелиться, и громким голосом закричали: **помилуй нас, Господи, Сын Давидов!** (Мф. 20, 30). Кричали они так громко и неотступно, что шедшие впереди заставляли их молчать, но они не унимались и продолжали взывать к милосердию Иисуса. Услышав их мольбу, Иисус остановился и велел позвать их к Себе. Один из этих

слепых, обращавший на себя особенное внимание своим криком, всем известный Вартимей, услышав, что их зовет Иисус, встал, сбросил с себя верхнюю одежду, чтобы не мешала идти, и пришел к Иисусу. На вопрос — **чего ты хочешь от Меня?** — Вартимей отвечал: **чтобы мне прозреть** (Лк. 18, 41). Иисус сказал: **прозри! вера твоя спасла тебя** (Лк. 18, 42). В это время подошел, вероятно, и другой слепой с той же просьбой, и Иисус, **умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним** (Мф. 20, 34), **славя Бога; и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу** (Лк. 18, 43).

ГЛАВА 35. Иисус в Вифании. Торжественный въезд в Иерусалим. Осуждение бесплодной смоковницы.

Изгнание торговцев и меновщиков из храма

Иисус в Вифании у Лазаря

Продолжая Свое путешествие, Иисус, **за шесть дней до Пасхи** (Ин. 12, 1), прибыл в Вифанию, в дом воскрешенного Им Лазаря. В тот год пасха совершалась в пятницу, следовательно, Иисус прибыл в Вифанию в субботу. Иисусу предложен был ужин, за которым Лазарь возлежал с Ним и Апостолами, а Марфа служила; сестра же ее Мария взяла фунт драгоценного нардового мира, помазала им ноги Иисуса и отерла их волосами своими. Весь дом наполнился благоуханием.

Помазание Марией ног Иисуса миром; ропот Иуды

Тогда Иуда Искариот, хранитель денежного ящика, в который опускались пожертвования на содержание Иисуса с Апостолами и на раздачу нищим, сказал: «Лучше было бы продать это миро за триста динариев и раздать нищим, чем так непроизводительно тратить его». Сказал же это он, как объясняет Евангелист Иоанн, не потому, что заботился о нищих, а потому, что был вор; если бы это миро было продано за триста динариев, то деньги для раздачи нищим поступили бы к нему, и он имел бы возможность украсть их, если не все, то хотя бы часть; об этом-то он и жалел теперь.

Нищих всегда имеете с собою, — сказал Иисус, — а Меня не всегда (Ин. 12, 8), **оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего** (Ин. 12, 7). Смысл этого изречения, по мнению епископа Михаила, таков: «Не напрасно, как ты, Иуда, думаешь, и не без цели она помазала Меня теперь; она помазала в предведении и в предзнаменование того дня, когда предательство твое сведет Меня в гроб, и Я буду помазан, как мертвец» (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 3. С. 366).

Пока Иисус оставался в Вифании, в доме Лазаря, многие из сопровождавших Его от Иерихона успели дойти до Иерусалима и рассказать там, что Иисус идет в Иерусалим на праздник пасхи и остановился на время в Вифании. Услышав эту весть, многие из врагов Иисуса (*иудеев*) пришли в Вифанию не только наблюдать за действиями Иисуса, но и посмотреть на воскрешенного Им Лазаря. О воскрешении Лазаря все говорили, все стремились увидеть его как несомненное доказательство совершенного над ним необычайного чуда; число уверовавших в Иисуса постоянно росло; даже многие из принадлежавших к враждебной Ему партии иудеев уверовали в Него. Это возмущало первосвященников и фарисеев, и они решили убить и Лазаря, чтобы он не мог более свидетельствовать о всемогуществе Иисуса.

Было время, когда Иисус не хотел усиливать злобу фарисеев, и потому нередко уклонялся от открытого столкновения с ними. Но теперь надлежало вынести на Себе всю адскую злобу этих сынов тьмы, и Он решил торжественно вступить в Иерусалим, дабы они не могли потом оправдываться тем, что Он скрывал от них Свое Мессианское достоинство.

Торжественный въезд Господа в Иерусалим

На другой день (Ин. 12, 12) после ужина в Вифании пошел Иисус в Иерусалим. Его сопровождали толпы народа, вышедшего с Ним из Вифании и встречавшегося по пути, дойдя до горы Елеонской, скрывавшей от путников священный город, Иисус остановился; остановилась, конечно, и вся сопровождавшая Его толпа. Подозвав к Себе двух учеников, вероятно, Апостолов, Иисус приказал им идти в ближайшее селение. **Войдя в селение, которое прямо перед вами; вы тотчас найдете ослицу**

привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу (Мф. 21, 2–3). Ученики пошли, нашли у ворот ослицу и молодого осла привязанных, и, когда стали отвязывать осленка, хозяева его спросили их, зачем они это делают? Они ответили так, как научил их Иисус. И привели к Нему ослицу и осленка, покрыли их своими одеждами и посадили Иисуса на молодого осла. Не в царской колеснице, запряженной конями, въезжал Иисус в столицу Иудейского царства, а на молодом осле, покрытом, вместо дорогих попон, изношенными одеждами Его бедных Апостолов. И в этом, как поясняют Евангелисты Матфей и Иоанн, сбылось предсказание пророка, который говорил: **Скажите дочери Сионой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной.**

Апостолы в то время не догадались, что все это было предсказано за четыреста с лишним лет; но когда Иисус воскрес и вознесся, тогда только поняли, что это было не случайное событие, а исполнение древнего пророчества, и что они сами, не ведая того, исполнили то, что было предсказано.

В книге пророка Исаяи сказано: **Проходите, проходите в ворота, готовьте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов! Вот, Господь объявляет до конца земли: скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним (Ис. 62, 10–11).** А пророк Захария говорил: **Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной (Зах. 9, 9).**

Когда Иисус ехал на молодом осле, постепенно поднимаясь в гору, ученики Его, не одни только Апостолы, а и другие уверовавшие в Него как в обещанного Мессию, подстилали Ему одежды свои по дороге. Но когда шествие приблизилось к спуску с горы, когда взорам сопровождавшей Иисуса толпы представился Иерусалим во всей своей красе, произошел особенный взрыв восторга; близость того момента, когда давно ожидаемый Избавитель вступит в Сион как Царь Израилев, исторгла из уст многотысячной толпы громогласную благодарность Богу за все чудеса Иисусовы: **благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних! (Лк. 19, 38).**

По объяснению архиепископа Феофилакта, последние слова означают вот что: «Прежняя вражда, которую мы имели с Богом, прекращена. Ибо не было на земле Царя-Бога. А теперь, когда Бог грядет по земле, поистине **мир на небесах**, и потому **слава в вышних**, так как и Ангелы прославляют то единение и примирение, которое даровал нам едущий на осле Царь-Бог».

В то время Иерусалим наполнен был несметными толпами евреев, пришедших на праздник пасхи. Там были и свидетели воскрешения Лазаря, которые, будучи сами поражены этим чудом, не могли не говорить о нем. Они свидетельствовали всенародно, что Иисус вызвал из гроба Лазаря, воскресив его из мертвых. Весть эта быстро разнеслась по городу, и когда народ увидел Иисуса, спускающегося с горы, то вышел к Нему навстречу с пальмовыми ветвями. В полной уверенности, что давно ожидаемое спасение и избавление народа еврейского наконец-то настало, что вот-вот Грядущий к ним Сын Давидов объявит Себя Царем Израилевым и спасет их от римского ига, они восторженно кричали: «Спасение! Спасение! Благословен грядущий во имя *Господне* наш Царь, Царь Израилев! Благословенно наступающее царство отца нашего Давида! Осанна в вышних!»

Слово **осанна** означает спасение. Евреи употребляли его как восклицание, выражавшее радость при торжественных случаях, подобно нашему *ура*; поэтому выражение **осанна в вышних** (Мф. 21, 9): означает желание, чтобы крики радости и восторга были слышны не только здесь, на земле, но и **в вышних**, на небе, там, где Бог (Епископ Михаил. Толковое Евангелие. 1. С. 397).

В сопровождавшей Иисуса толпе были и фарисеи. Но они не приветствовали восторженными криками грядущего Царя-Мессию; злобой на Него кипели их ожесточенные сердца; они готовы были бы тут же

растерзать Его, но боялись народа, который был за Него, и потому, отложив до времени исполнение приговора синедриона, чувствуя свое одиночество в этой восторженной толпе, они нашли, однако, нужным предупредить Иисуса, что такое народное движение может перейти в волнение, в восстание против законной власти римлян, и повлечет за собой ужасные последствия. Подойти близко к Иисусу было невозможно; и вот, они **из среди народа** сказали или, вернее, крикнули Ему: «**Учитель! запрети ученикам Твоим** (Лк. 19, 39) называть Тебя Царем, Сыном Давида».

«**Сказываю вам**, — кротко отвечал им Христос, — **что если они умолкнут, то камни возопиют** (Лк. 19, 40). Если вы так бездушны и бессердечны, что не можете понять народного восторга, то знайте же, что в такое время легче заставить камни заговорить, чем их — умолкнуть!

Предсказание Иисуса о предстоящей гибели Иерусалима

Иисус продолжал Свой путь среди неумолкавшей толпы, но злобное замечание фарисеев навело на Его грустные думы: Он знал, что этот ликующий народ, видящий теперь в Нем спасение свое, скоро будет неистово вопить: «Распни, распни Его!» Он знал, что этот священный город, в который Он вступает, эта краса и гордость народная, будет скоро разрушен, так что и камня на камне не останется в нем. Все это вызвало в Нем прилив невыразимой скорби, разразившейся рыданием. Несколько дней спустя, подвергаясь оскорблениям, бичеванию и распятию на кресте, Он не проронил ни одной слезы, а теперь рыдал, сознавая, что избранный Богом народ гибнет, что нет уже никакой возможности спасти его. «О, если бы ты хотя теперь, — воскликнул Он, — в этот день твой узнал, что служит к спасению твоему! Но это скрыто и ныне от глаз твоих. И за это твое неверие, за то, что ты не понял этого времени, времени посещения твоего Богом, **придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне**» (Лк. 19, 43–44).

Тридцать шесть лет спустя исполнилось сказанное Иисусом о судьбе Иерусалима и народа еврейского. Осажденный римскими войсками и стесненный со всех сторон окопами, Иерусалим был разрушен, причем погибло более миллиона людей.

Торжественное шествие Иисуса привело в движение всех находившихся в то время в городе. Евреи палестинские несомненно знали, что это идет Иисус, но прибывшие в Иерусалим чужестранцы, в том числе и евреи Вавилона и Египта, могли не знать Его и потому с удивлением спрашивали: «Кто это?» Участвовавшие во встрече и сопровождении Христа отвечали, что это Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.

Фарисеи же были смущены народной радостью; они видели, что прибыльная для них власть над народом ускользает из их рук, что принимавшиеся до сих пор нерешительные меры против Этого Человека не привели ни к чему, что весь мир идет за Ним. Рассуждая так, они решили безотлагательно, при первом удобном случае, привести в исполнение свой приговор.

Иисус в храме

Торжественное шествие направлялось через весь город прямо к храму. Пройдя через притвор Соломонов, Иисус направился к самому храму, чтобы помолиться. Потом, осмотрев все происходившее в стенах храма, Он увидел, как и три года назад, стада быков и жертвенных животных, столы меновщиков, скамьи с голубями и палатки с разными товарами.

Три года назад, когда Иисус пришел в Иерусалим на первую после Крещения Своего пасху, Он застал дворы и притворы храма обращенными в торговую площадь, и выгнал всех торгующих. В следующем году Иисус опять пришел в Иерусалим на пасху, но торговли в храме не было; евреи боялись Галилейского Пророка и помнили сказанное им: **дома Отца Моего не делайте домом торговли** (Ин. 2, 16). На третий год

Своего служения Иисус не был в Иерусалиме на празднике пасхи. Когда же приближалась четвертая пасха, то падкие до наживы евреи, торговавшие прежде в храме, были озабочены вопросом: придет ли Иисус на праздник? Они знали, что вражда к Нему руководителей народа усилилась, что синедрион постановил о Нем смертный приговор, что начальство уже отдало приказ схватить Его, как только Он появится в городе, и что, наконец, воскресив Лазаря, Он не пошел в Иерусалим, а удалился в пустыню. Все это поселило в них уверенность, что не пойдет Иисус на верную смерть. А если так, то почему же и не возобновить прежний обычай? Почему же и не поторговать в храме, если эта торговля прибыльна и пройдет на этот раз благополучно? Руководствуясь такими соображениями, евреи, с разрешения, конечно, первосвященников, нагнали опять в храмовой двор стада животных, расставили палатки с разными товарами, поставили столы с разменными кассами и скамьи с голубями, которыми торговали первосвященники, — и начали торговать. Каково же было их изумление, когда они услышали, что Иисус торжественно вступает в Иерусалим и что народ приветствует Его как Царя Израилева! Не без страха они поджидали появления Его в храме.

Удаление его на ночлег в Вифанию

Но, по свидетельству Евангелиста Марка, **время уже было позднее** (Мк. 11, 11), день кончился, наступала ночь, и Иисус с двенадцатью Апостолами поспешил уйти из этого шумного города в Вифанию, чтобы отдохнуть от испытанных в течение дня волнений. Там, вероятно, в доме Лазаря, провел Он ночь, а на другой день утром пошел опять в Иерусалим.

Возвращение утром в Иерусалим; осуждение бесплодной смоковницы; связь этого осуждения с притчей о смоковнице

На этот раз шествие Его не отличалось никакой торжественностью; сопровождали Его только Апостолы. Дорогой Иисус захотел есть и, увидев издали стоявшую по пути смоковницу, покрытую листьями, подошел к ней, чтобы утолить голод ее плодами, но, не найдя на ней смокв, сказал: **отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек!** (Мк. 11, 14). **И смоковница тотчас засохла** (Мф. 21, 19).

До сих пор мы видели, что, куда бы ни явился Иисус, Он всюду щедрой рукой сеял вокруг Себя добро, а здесь мы слышим суровый приговор над бездушной смоковницей за то, что на ней не оказалось плодов в то время, когда их и не могло быть. Всеведущий Христос знал, конечно, что не найдет на этой смоковнице плодов; зачем же Он искал их? А если их и не могло быть, то за что же Он осудил ее?

Почти все плодовые деревья сначала цветут и завязывают плоды, а потом уже распускают листья. Таковы и смоковницы Палестины, но между ними имеется разновидность, сохраняющая до весны как листья, так и поздно поспевающие плоды. Евангелист Марк хотя и говорит, что время сбора смокв еще не наступило, но он же свидетельствует, что смоковница, которую издали увидел Иисус, была покрыта листьями; следовательно, на этой смоковнице могли быть прошлогодние плоды, хотя время сбора смокв вообще еще не наступило и другие смоковницы стояли тогда без листьев и плодов. Словом, внешний вид этого дерева давал повод предполагать, что на нем могут быть плоды, а этого было достаточно, чтобы при виде его продолжить сказанную Апостолам раньше притчу о смоковнице и как-бы привести в исполнение отсроченный тогда приговор (см. выше, с. 583). В той притче (Лк. 13, 6–9) под бесплодной смоковницей, росшей в винограднике, разумелся народ еврейский, от которого Владелец виноградника, Бог, требовал плодов, то есть веры в посланного Им Христа, покаяния и добрых дел. Третий год служения Иисуса приходил к концу, а смоковница Божия все еще не давала плода, и потому Владелец виноградника, Бог, сказал Виноградарю, Иисусу Христу: **сруби ее: на что она и землю занимает?** (Лк. 13, 7) то есть: оставь этот жестокосердный народ! Отвергни его! Место его займут иные народы, которые уверуют в Тебя, и будут творить волю Мою! Но добрый Виноградарь просил отсрочить исполнение этого приговора, думая, что, при чрезвычайных мерах с Его стороны, этот народ, быть может, и даст ожидаемые от него плоды: **Оставь ее и на этот год, если же не принесет плода, то в следующий год срубишь ее** (Лк.

13, 8–9). После того, когда со стороны Виноградаря-Иисуса были приняты особые меры к тому, чтобы вызвать в смоковнице плодоношение, когда совершено много новых чудес и возвращена жизнь разлагавшемуся труп Лазаря, и когда смоковница все-таки оставалась бесплодной, настало время срубить ее. Восторг народный и крики осанна Христос не мог принять за ожидаемые плоды, так как знал, что тот же народ через четыре дня будет неистово кричать: **распни, распни Его!** (Лк. 23, 21). Да, настало время срубить бесплодную смоковницу. И вот, как бы продолжая ту притчу, Христос-Виноградарь подходит к смоковнице, резко выделяющейся среди других деревьев: те были не только без плодов, но даже и без листьев, а эта покрыта роскошными листьями, скрывающими ее бесплодие. Но чтобы объявить ее бесплодной и привести в исполнение отсроченный приговор, надо было ближе подойти к ней, надо было показать Апостолам, что она действительно бесплодна, а потому напрасно и землю занимает.

Вот почему и для чего Иисус подошел к бесплодной смоковнице искать на ней плодов, хотя знал, что их нет; вот для чего Он и осудил ее, хотя знал, что смоковницу нельзя наказывать за отсутствие на ней смокв. Не смоковницу осудил Он, а народ еврейский, который отныне выброшен из Божия виноградника; смоковница же, как вещь, как бездушный предмет, служила лишь наглядным изображением бесплодности избранного народа.

Притчу эту и окончательное осуждение бесплодной смоковницы можно применить и к нам грешным. Если я стараюсь казаться набожным, хожу в церковь, ставлю свечи перед иконами и кладу земные поклоны; если среди знакомых рассуждаю об упадке в людях веры и благочестия, громлю пороки их и говорю о необходимости помогать ближним; если все это выходит у меня прекрасно на словах, а сердце мое далеко от этих прекрасных слов; если сам-то я никакого добра не делаю, никакой помощи ближним не оказываю, то не смоковница ли я, пышно разодетая листьями, но... бесплодная? И какова же участь предстоит мне? Та же, как бесплодной смоковнице.

Очищение храма от торговцев

Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул (Мк. 11, 15). Все безмолвно повиновались. При первом изгнании торговцев из храма иудеи, то есть фарисеи и торговавшие голубями первосвященники, спросили Его: **каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?** (Ин. 2, 18). Теперь же, когда власть Его так поступать была очевидна даже для врагов Его, никто не осмелился сделать Ему ни малейшего замечания. Вероятно, присутствовавший тут же народ, одушевляемый призывом Иисуса, стал выгонять стада животных, выносить столы меновщиков, палатки, товары и пр.; народ, еще кричавший Иисусу **осанна Сыну Давидову!** не мог, конечно, оставаться безучастным зрителем очищения храма Божиего от осквернителей его; да и сами торгующие прекрасно понимали незаконность своих действий и потому, в свою очередь, поспешали удалиться. Храм был очищен настолько, что не позволялось даже переносить через дворы его какие-либо вещи.

Речь о значении храма

Очищая храм, Иисус **учил** тех, конечно, кто разрешил обратить храмовые дворы и притворы в базарную площадь, то есть первосвященников и фарисеев: **Не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников.**

Молча выслушали этот упрек руководители еврейского народа; молчали потому, что сознавали свою вину. Они должны были вспомнить, что в книге пророка Исаяи сказано: **И сыновей иноплемеников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа... Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы... ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов** (Ис. 56, 6–7). Должны были вспомнить они и сказанное пророком Иеремией: **Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?** (Иер. 7, 11). Знали иудеи также,

что, когда Соломон выстроил первый храм (разрушенный потом Навуходоносором) и всенародно молился, то просил Бога и об иноплеменниках: **Даже и иноплеменник, который не от народа Твоего Израиля, когда он придет из земли далекой ради имени Твоего великого... и будет молиться у храма сего, Ты услышь... и сделай все, о чем будет взывать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы земли... знали, что Твоим именем называется дом сей** (2 Пар. 6, 32–33). И вот тот храм, который, по мысли первого строителя его, должен был привлекать к Единому Богу всех иноплеменников, стекавшихся в Иерусалим по разным делам, превращен теперь в торговый рынок и производит на иностранцев впечатление скорее вертепа разбойников, чем дома молитвы!

Исцеление больных, слепых, хромых

Когда храм был, наконец, очищен, то приступили к Иисусу все находившиеся в нем слепые и хромые, и Он исцелил их. Евангелист говорит об исцелении только слепых и хромых, приступивших к Иисусу в храме; но несомненно, что все находившиеся в то время в Иерусалиме увечные и страдающие разными недугами спешили к Нему, чтобы исцелиться; трудно допустить предположение, что они не пользовались пребыванием Иисуса в Иерусалиме, где только что встречали Его как грядущего во имя Господне Сына Давидова. Целый день Он пробыл в Иерусалиме; и так как в этот день, кроме изгнания торговцев, исцеления хромых и слепых, бывших в храме, и краткого объяснения с первосвященниками и книжниками, ничего не произошло, то надо полагать, что все остальное время дня было посвящено Иисусом исцелению страждущих.

Восторги присутствовавших при этом детей

Находившиеся в храме дети, слышавшие, как вчера приветствовали Иисуса, видели теперь своими глазами совершаемые Им чудеса, видели, как немые заговорили, слепые стали видеть и глухие слышать, как расслабленные и разбитые параличом вставали с носилок, на которых их принесли, и уходили, славя Бога. Все это должно было произвести на детские, неиспорченные еще фарисеями души необычайное впечатление, и они после каждого исцеления восторженно кричали: **осанна Сыну Давидову!**

Слышали это первосвященники, книжники и фарисеи. Не дерзая взять Иисуса для исполнения приговора синедриона, они, в бессильной злобе, пытались ослабить значение этих неподдельных детских восторгов и сказали Ему: слышишь ли, что они говорят? Ведь это дети, ничего не понимающие: похвала их ничего не стоит.

Иисус отвечал им: **«Да! Слышу; но понимаю эту радость детей не так, как вы; разве вы никогда не читали сказанное Давидом: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?»** (Мф. 21, 16).

В восьмом псалме воспевается величие Бога, сознаваемое всеми на земле настолько, что даже младенцы и грудные дети славят имя Его: **Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу** (Пс. 8, 2–3).

Удаление в Вифанию

Изобличенные опять в непонимании Писания, злобные **иудеи** замолчали. Иисус же, не желая продолжать с ними объяснения, оставил их и, по случаю позднего времени, вышел из города и пошел опять в Вифанию в сопровождении Апостолов. Пришли они в Вифанию, вероятно, довольно поздно, когда уже было темно, так как, проходя мимо осужденной утром смоковницы, Апостолы не отличили ее от других смоковниц, стоявших еще без листьев, не заметили, что она засохла. Это было в понедельник.

Засохшая смоковница

На другой день утром, когда Иисус с Апостолами шли из Вифании в Иерусалим и проходили мимо той

смоковницы, все увидели, что она засохла до корня. Собственно засохла она, по свидетельству Евангелиста Матфея, тотчас же после произнесенного Иисусом осуждения, но заметили это Апостолы только теперь, на другой день (во вторник) поутру. Вспомнил Петр сказанное Иисусом вчера и сказал Ему: **Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла** (Мк. 11, 21). В этом возгласе слышалось удивление, что смоковница засохла, и так скоро.

Речь Иисуса о силе веры

«Не удивляйтесь тому, что смоковница засохла, — сказал им Иисус, — истинно говорю вам, что если вы будете иметь сильную веру, не допускающую никаких сомнений, то сделаете больше того, что сделано Мной со смоковницей; сила вашей непоколебимой веры преодолет все препятствия, какие встретятся вам при исполнении воли Божией; и если бы потребовалось, чтобы гора эта поднялась со своего места и свергнулась в море, то знайте, что даже и это, кажущееся вам совершенно невозможным, чудо может свершиться».

О власти чудотворения

Неверующие спрашивают: «Отчего же ни Апостолы, ни Сам Иисус не сдвинули с места ни одной горы?» Кто мог воскресить разлагавшийся труп, Кому повиновались бури и волны морские, Кто словом Своим исцелял все болезни, Кто Сам, будучи мертвым, воскрес, — Тот, несомненно, обладал властью и горы переставлять с места на место, и в действительности переставил бы, если бы это было необходимо. Власть чудотворения Он передал Апостолам, и они совершали чудеса, как это видно из второй книги Евангелиста Луки Деяния Апостолов. Но власть эта была дана им не для забавы праздных зевак, а для исполнения воли Божией; не было воли Божией, чтобы они сдвинули гору с места, не представлялось в этом надобности — они и не думали о совершении такого чуда.

Относительно власти чудотворения надо заметить, что Апостолы и другие святые люди, обладавшие ею, творили чудеса не своей силой, а силой Бога: Сам Бог творил чудеса по молитвам их, а не они, ибо властью всемогущества обладает только Бог. Апостолы получили власть чудотворения еще тогда, когда посланы были на проповедь; однако, после того, они потерпели неудачу в исцелении бесноватого отрока, ибо не обладали в то время непоколебимой верой во всемогущество Даровавшего им эту власть (Мф. 17, 19; Мк. 9, 28). Думается, что если бы Иаков и Иоанн призвали огонь с неба на негостеприимных самарян (Лк. 9, 54), то огонь не сошел бы, ибо, как объяснил им Иисус, власть чудотворения дана им для совершения добрых дел, а не для наказания грешников. А это приводит к заключению, что творит чудеса только Бог, как по Своему непосредственному усмотрению, так и по молитвам людей, выдающихся особенной праведностью, святостью своей.

Думаю, что кстати будет сказать здесь и о чудотворных иконах. Некоторые из мало развитых людей верят, что сама икона творит чудеса. Но такое мнение не только ошибочно, но и опасно. Ошибочно оно потому, что иконы как изображения Спасителя, или Богоматери, или святых людей, не могут обладать всемогуществом, властью господствовать над силами природы. Опасно же оно потому, что может выродиться в поклонение иконам как Самому Божеству. Мы чтим святые иконы, и в этом нет никакого греха (как ошибочно думают некоторые сектанты). Но если мы будем думать, что не Бог совершает чудо по молитвам людей, молящихся перед чудотворной иконой, а сама икона, то это будет нарушение второй синайской заповеди.

Множество чудес совершает Господь по молитвам людей даже и грешных, и совершает их ежедневно, постоянно; но мы не замечаем их или, не понимая милости Божией, принимаем их не за чудо, а за нечто обыкновенное, должное. Обращает же наше внимание только чудо, совершенное всенародно, на виду у всех, чудо несомненное. Потому-то Господь и совершает их перед некоторыми особенно чтимыми иконами, называемыми поэтому чудотворными; совершает их Господь, чтобы напоминать

грешным людям о Своем милосердии и призывать их к Себе.

ГЛАВА 36. Беседы в храме. Притча о двух сыновьях.

Притча о злых виноградарях. Речь о камне, отвергнутом строителями. Притча о брачном пире. Ответ Иисуса фарисеям о подати кесарю. Ответ саддукеям о воскресении. Ответ законнику о наибольшей заповеди. Речь о Христе: чей Он Сын? Обличение книжников и фарисеев. Лепта вдовы. Приход эллинов к Иисусу. Притча о пшеничном зерне. Молитва Иисуса и голос с неба

Когда Иисус пришел в Иерусалим и вошел в храм, подошло к Нему посольство от синедриона, состоящее из первосвященников, книжников и старейшин народных.

Вопрос фарисеев Иисусу: кто дал ему власть поступать так?

По установившемуся в народе мнению, синедриону принадлежало право производить расследование о пророках и давать отзыв о них. Такое расследование о Галилейском Пророке Иисусе не было еще произведено, и народ ожидал его последствий, так как этот Пророк называл Себя Сыном Божиим, следовательно, Мессией. После взрыва народных чувств в день торжественного въезда Иисуса в Иерусалим все ждали, что Он объявит Себя Царем Израилевым и что начнется давно ожидаемое владычество евреев над всем миром. Но, к общему изумлению, Он этого не сделал, а в тот же день вечером ушел пешком с двенадцатью учениками в Вифанию. Сомнение запало в душу многих. Поэтому задуманное синедрионом испытание Иисуса отвечало отчасти и желанию народа. Были ли это посланные от синедриона, или же весь синедрион, в полном своем составе, — неизвестно; однако, судя по важности поручения, какое должны были исполнить пришедшие теперь к Иисусу, можно полагать, что это был синедрион почти в полном составе, а не посольство от него.

Шествие синедриона в храм, где уже находился Иисус, привлекло множество народа. Вошли члены Верховного Совета в храм и тотчас же начали допрос: «Скажи нам, **какою властью Ты это делаешь?** (Мк. 11, 28). Кто Тебе дал право торжественно вступать в Иерусалим, принимать от народа название Сына Давидова, изгонять из храма торгующих и совершать исцеления? Кто Тебе дал эту власть?»

Если бы члены синедриона беспристрастно исследовали все известное им об Иисусе (а известно им было все, так как они постоянно следили за Ним), то давно узнали бы, какой властью действует Иисус, давно признали бы Его Мессией. Но таким беспристрастием они не обладали. Дрожа за свою власть над народом и за сопряженные с ней выгоды, они готовы были убить всякого, хотя бы и Мессию, кто только угрожал им потерей этой власти.

Вопрос Иисуса Фарисеям об Иоанне Крестителе

Христос все это знал, а потому, как в прежних случаях, так и теперь, не ответил прямо на их вопрос, а

предложил им Свой, ответ на который мог бы служить ответом и на их вопрос, словом, Он заставил их самих отвечать. **Спрошу и Я вас об одном** (сказал Он), **отвечайте Мне; тогда и Я скажу вам, какою властью это делаю. Крещение Иоанново с небес было** (то есть от Бога), **или от человеков? отвечайте Мне.**

Синедрион посылал к Иоанну священников и левитов, принадлежащих к секте фарисеев, узнать, кто он? И тогда же Иоанн сказал им, что он не Христос, но что Христос уже пришел, **стоит среди вас** (Ин. 1, 26). И когда Иисус, после сорокадневного поста и искушений, подошел к Иордану, где Иоанн объяснялся с посланными синедриона, то Иоанн, указывая на Него, сказал: **вот Он, Агнец Божий, Который берет на себя грех мира** (Ин. 1, 29). Тогда же Иоанн рассказал посланным, как Дух Святой сошел на Иисуса при крещении Его и как голос с неба назвал Его Сыном Божиим (см. выше, с. 165).

Все это синедрион прекрасно знал, а потому, если бы он на вопрос Иисуса ответил, что Иоанн был Пророк, посланный от Бога, то этим самым признал бы, что Божий Посол говорил правду, и что, следовательно, Иисус есть действительно Христос, Сын Божий.

Вопрос Иисуса поразил синедрион неожиданностью своей. Они, конечно, заранее сговорились, о чем спрашивать Иисуса и как отвечать Ему, но такого вопроса, вероятно, не ожидали, так как для ответа на него вынуждены были совещаться тут же, в храме. **Если скажем: с небес, то Он скажет: почему же вы не поверили ему** (Мк. 11, 31), когда он свидетельствовал вам обо Мне, называя Меня Христом, Сыном Божиим? И тогда народ провозгласит Его Царем Израилевым и восстанет против кесаря; и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом. Нет, так нельзя отвечать! Ну, а если мы скажем, что Иоанн был обыкновенный человек, и что ни в словах его, ни в крещении не было ничего божественного, то как бы нам не подвергнуться другой опасности: народ уверен, что Иоанн — пророк, и может за него побить нас камнями, если мы дадим такой ответ. Лучше скажем, что не знаем.

И отвечали: не знаем откуда. Ответом этим синедрион всенародно признал себя неспособным судить о пророках и давать о них народу руководящий отзыв. Если же он не может судить о пророках, то тем более о Мессии. А потому такой синедрион не заслуживает ответа на поставленный им вопрос.

И Я не скажу вам, какою властью это делаю, — сказал им Иисус.

Притча о двух сыновьях

Затем, обращаясь к ним же, спросил: «А не ответите ли вы Мне на другой вопрос? У одного человека было два сына, и он послал их в свой виноградник работать: один из них отказался идти, но потом ему стало стыдно, он раскаялся и пошел; другой же сказал: "иду", но не пошел. Который из двух исполнил волю отца?»

Не понимая, какую цель преследовал Иисус, говоря эту притчу, они отвечали: «Конечно, **первый** (Мф. 21, 31); может ли быть в этом сомнение?»

«Вы правильно ответили, — сказал им Иисус. — Послушайте же, что означает эта притча. Господь через Иоанна призывал вас к покаянию, необходимому для вступления в Царство Божие, и требовал от вас достойных плодов покаяния; словом, звал вас поработать в Его винограднике. Звал Он также мытарей и блудниц. Казалось, что вы, гордящиеся знанием Писания, скорее явных грешников откликнетесь на Его зов; к тому же своим наружным благочестием вы всегда старались выдавать себя за точных исполнителей воли Божией; вы всегда говорили: "Иду, Господи!", хотя и не трогались с места. Не пошли вы и на призыв Иоанна. А мытари и блудницы, которые, предаваясь греху, отказывались творить волю Божию, услышав Иоанна, одумались, раскаялись и пошли работать в Божием винограднике. И это вы видели, но все-таки не раскаялись, не поверили Иоанну. Так знайте же, что мытари и блудницы впереди вас стоят по пути в Царство Божие; многие из них даже войдут в него, а вы будете отвергнуты!»

Пришли члены синедриона в храм как обвинители, а теперь молча стояли перед Иисусом и всем

народом как осужденные.

Притча о злых виноградарях

«Выслушайте и другую притчу, — сказал им Иисус. — Один человек насадил виноградник, обнес его оградой, устроил винодельню и построил сторожевую башню; но так как ему необходимо было отлучиться в другое место, то он отдал виноградник в управление виноградарям с обязательством доставлять ему часть плодов. Когда наступило время собирать плоды, он послал к виноградарям слугу принять от них плоды; но виноградари избили его и ничего не дали. Послал он другого слугу; но и этого виноградари отослали ни с чем, разбив ему камнями голову. Послал хозяин виноградника третьего слугу, но виноградари убили и его. Посылал он еще много слуг, но все безуспешно: виноградари плодов не давали, а посылаемых слуг то били, то и совсем убивали. Казалось бы, настало время отнять у злых виноградарей данный им в управление виноградник; но хозяин был так добр, что решился еще испытать одно последнее средство: "Есть у меня, — сказал он, — сын возлюбленный; пошлю его; не может быть, чтобы они отвергли и его; наверное, постыдятся его и отдадут ему должное". Отправился к виноградарям сын хозяина; но те, увидев его издали, узнали в нем сына и наследника, и, опасаясь, что он отберет от них виноградник, сговорились убить его. "Убьем его, — говорили они, — и тогда виноградник навсегда делается нашим". Порешивши так, они схватили его, убили и выбросили вон из виноградника».

Притча эта произвела сильное впечатление на народ; когда же Иисус сказал, что виноградари убили сына и выбросили из виноградника, то народ, в негодовании на злых виноградарей, в один голос закричал: **«да не будет этого!»** (Лк. 20, 16).

Первосвященники же, книжники, фарисеи и старейшины народные злобно смотрели на всех, как уличенные преступники. Заключение слова Иисуса по поводу первой притчи не оставляли в них никакого сомнения в том, что и вторая будет обличать их беззакония; содержание же этой второй притчи было настолько прозрачно, что руководители и развратители еврейского народа должны были в злых виноградарях узнать себя; они должны были догадаться, что Иисусу известно и их решение убить Его. Да, они несомненно поняли, что под виноградником притчи разумеется избранный Богом еврейский народ, попечение о котором вверено Хозяином виноградника, Богом, первосвященникам и начальникам народным (виноградарям); они поняли, что Бог посылал к ним Своих слуг, пророков, требовать плодов их управления народом, вразумлять их, что управление это вверено им не для их личной выгоды, а для того, чтобы они заботились о плодоношении виноградника и отдавали плоды его Хозяину, то есть чтобы воспитывали народ в духе точного исполнения воли Божией; они должны были при этом вспомнить, что пророки эти были гонимы и даже убиваемы, что последний Пророк и Креститель Иоанн был ими отвергнут и что именующего Себя Сыном Божиим, Иисуса, они уже порешили убить, но еще не успели. Словом, смысл притчи был для них ясен, как теперь для нас; но если бы они хоть малейшим намеком дали народу возможность понять, что узнают себя в лице злых виноградарей, то народ этот, пожалуй, схватил бы камни и избил бы их всех. Вот этот-то страх перед народом удвоил их бесстыдство и наглость, и они, чтобы показать всем, что притча не имеет к ним никакого отношения, на вопрос Иисуса — **итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?** — отвечали: «Несомненно, что злодеев сих предаст лютой казни, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые своевременно будут отдавать ему плоды».

Злодеи эти сами произнесли над собой приговор, который вскоре исполнился: от них отнято управление еврейским народом; отнято и право быть проводниками воли Божией среди евреев и приходивших в Иерусалимский храм язычников, так как храм разрушен, а народ, рассеянный по всей земле, перестал существовать как народ.

Речь о камне отвергнутом строителями

Продолжая Свои обличения, Иисус спросил: «**Неужели вы никогда не читали в Писании, что камень, который отвергли строители** (Мф. 21, 42) здания, будет положен во главу Угла и что Сам Бог сделает это на удивление всем? Знайте же, что **кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит** (Мф. 21, 44). Вы отвергли этот камень, и он упадет на вас: **отнимется за это от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его** (Мф. 21, 43)».

Говоря о камне, отвергнутом строителями, и ссылаясь при этом на Писание, Иисус имел в виду 117-й псалом и пророчество Исаяи (8, 13–15). Архиепископ Иннокентий так объясняет эти изречения: «117-й псалом содержит торжественную песнь, кою Давид благодарит Бога в храме после низложения врагов своих. Государство иудейское сравнивается здесь со зданием, коего строители — Саул и старейшины 12 колен Израилевых. Камень, ими отверженный, есть Давид, которого потом Сам Бог положил во главу угла, — сделал царем и победителем. А так как Давид был свыше установленным прообразом великого Потомка своего — Мессии, то многие черты из его царствования и личной судьбы, в таинственном смысле, относятся к Иисусу Христу. Надобно полагать, что Иисус Христос имел при сем в виду и следующее место из пророчества Исаяи (8, 14–15): **И будет Он** (то есть Господь Саваоф) **освящением и камнем преткновения, и скалою соблазна для обоих домов Израиля... и многие из них преткнутся и упадут, и разобьются**. В настоящем случае под камнем разумел Иисус Себя Самого. Упадающими на сей камень разумеются те из иудеев, кои, соблазняясь Его уничиженным состоянием, не принимали Его учения. Для таковых покаяние было легко, и они терпели только одно наказание — лишение благодеяний. Но были между неверующими во Христа и такие люди, на коих сам камень имел упасть, чтобы раздавить их, потому что они грешили не по слабости и неведению, а по злобе и буйству; были нераскаянны, а потому недостойны и помилования. Одно из таких страшных падений последовало при разрушении Иерусалима» («Последние дни жизни Иисуса Христа»).

Первосвященники и фарисеи, озлобленные на Иисуса за всенародное обличение их, готовы были бы взять Его и тут же своими руками убить, но боялись, что за Него вступится народ, почитавший Его если не за Мессию, то за Пророка.

Притча о брачном пире царского сына

Продолжая говорить притчами, Иисус сказал им: «Царство Небесное подобно брачному пиру, который устроил царь для своего сына. Гости были приглашены царем на этот пир заблаговременно и потому могли подготовиться, чтобы по первому зову его явиться к нему в назначенный для того день; однако, они не пошли, когда царь послал рабов своих звать их. Тогда царь опять посылает с ним сказать, что все уже готово, остановка только за ними, чтобы начать пир: приходите же! Но они все-таки не пошли; одни пошли на свое поле, другие занялись торговлей, прочие же оскорбили и убили посланных к ним рабов. Тогда разгневанный царь посылает войско, истребляет убийц и сжигает их город, но брачного пира не отменяет, а посылает рабов своих на распутье звать на пир всех, кого найдут, так как пир готов, а званные оказались недостойными принять участие в нем. Посланные рабы пошли и собрали всех, кого только нашли, злых и добрых, и брачный пир начался [68]. Выходит к гостям царь, видит между ними человека, одетого не в брачную одежду, и спрашивает его: "Друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?" Но тот молчал, сознавая себя виновным и не имея никаких оправданий. Тогда царь приказал своим слугам связать ему руки и ноги и выбросить его из ярко освещенных царских палат пира во тьму внешнюю: пусть плачет там и скрежещет зубами от досады и холода!»

Оканчивая эту притчу, Иисус сказал: **много званых, а мало избранных**.

Притча о брачном пире, весьма сходная по мысли, заключающейся в ней, с притчей о злых виноградарях, служит вместе с тем ее продолжением. Притча о виноградарях оканчивается убиением хозяйского сына, под которым подразумевается Иисус Христос притча же о брачном пире указывает на

последствия такого уклонения евреев от Божиего зова. Бог готовил Царство Свое для достойных вступить в него, и на этот брачный пир Сына Своего звал прежде всего евреев, как избранный Им народ; звал Он их через пророков, но они даже не отзывались на их зов, не шли тем путем, который мог привести их на этот пир; звал Он их через Иоанна Крестителя, взывавшего к ним: **покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное** (Мф. 3, 2). А они все-таки не шли; звал Он их именем Сына Своего, говоря: «Идите ко Мне все!..» Но они приняли Его за раба царского и порешили убийством отделаться от Него. Цели своей они не достигли: Он воскрес, идет на брачный пир (отказавшихся от приглашения постигла печальная участь: пришли римские войска и истребили их, а город и храм их разрушили и сожгли). И посылает Апостолов по всему миру звать всех желающих войти в Царство Небесное. Успех Апостольской проповеди был необычайный: за ними потянулось на брачный пир множество людей. Но одного желания войти в Царство Небесное недостаточно. Как на царский пир восточных царей приглашенные могли войти не иначе, как в парадной одежде, предлагаемой им от царя, так и в Царство Небесное можно войти только с чистой душой, в светлом одеянии добра и Божией правды. И как не пожелавшего надеть предложенную ему от царя одежду выгоняют из ярко освещенных палат царского пира за стены его двора, где изгнанного поражает внешняя тьма и где он от ночного холода, стыда и досады скрежещет зубами, так и в Царство Небесное не будет допущен тот, кто свою грязную одежду души не сменит на одежду света.

Таким образом, в этой притче Иисус не только открыл судьбу еврейского народа, прежде всех званного на брачный пир, но и указал на условия, без соблюдения которых нельзя войти в Царство Небесное. Царь, по доброте Своей, зовет всех; званных много, но далеко не все окажутся достойными занять приготовленные места.

Посрамленные члены синедриона пошли, как бы удаляясь из храма, но, отойдя от Иисуса и окружавшей Его толпы, остановились и стали совещаться: что делать при таких обстоятельствах? Действовать открытой силой нельзя, народ заступится за Него; но и бездействовать невозможно. И вот, решили выбрать *лукавых* людей, которые, притворяясь благочестивыми, постарались бы поймать Его на каком-нибудь неосторожном против правительства слове, чтобы тотчас же предать Его за это представителю цезарьской власти, Пилату. В лукавых людях, по-видимому, не было недостатка; фарисеи выбрали несколько наименее способнейших в этом отношении учеников своих и пригласили иродиан идти с ними. Конечно, на этом совещании обсуждались и вопросы, какие должны быть предложены Иисусу с целью уловления Его на каком-либо слове; и так как, между прочим, решено было предложить вопрос и о том, позволительно ли платить подать кесарю, то для этого вопроса и были приглашены иродиане, которым, как признававшим законность уплаты податей римлянам, удобнее было сделать донос на Иисуса в случае неодобрения Им таковой уплаты.

В то время в Палестине в ходу было два рода монет: государственная и священная. Государственной монетой считалась римская с изображением римского императора (кесаря) и соответствующей надписью; эта монета была в обращении среди евреев во всех их торговых сделках; ею же платились подати кесарю. Священной монетой считалась еврейская монета *сикль*, которой евреи платили подати на Иерусалимский храм; по одному сиклю должен был платить ежегодно каждый еврей, где бы он ни находился.

Евреи признавали себя подданными одного только Бога, и потому считали себя обязанными платить подати только Ему, на Его дом, то есть храм Иерусалимский. Всякую иную подать они считали незаконной, подчиняющей их иному царю, кроме Бога, делающей их из рабов Божиих рабами язычников. Этот вопрос должен был заинтересовать всю окружавшую Иисуса преданную Ему толпу. Если Он скажет, что подать кесарю законна, то этим оттолкнет от Себя народ, с ненавистью и озлоблением платящий эту подать; а если скажет, что подать незаконна, что ее не следует платить, то сейчас же — донос на Него Пилату и арест.

Ответ Иисуса фарисеям о подати Кесарю

Лукавые подошли к Иисусу под видом преданных учеников Его и начали льстиво говорить Ему: «Учитель! мы знаем, как Ты справедлив, и как всегда говоришь одну только правду, нисколько не опасаясь, что эта правда может быть неприятна кому-либо, хотя бы даже сильным мира сего; Ты не обращаешь внимания ни на какое лицо, если предстоит надобность обличить его в беззаконии, потому что Ты истинно учишь пути Божию. Скажи же нам, как Тебе кажется: позволительно ли нам давать подать кесарю или непозволительно? Не превращаемся ли мы через это из народа Божия в рабов языческого царя? Научи же нас, давать ли нам эту подать или же отказаться от платежа ее?»

Иисус сразу дал им понять, что лукавство и коварство их не могли скрыться от Него. **Что искушаете Меня, лицемеры?** — сказал Он, — **покажите Мне монету, которую платится подать.**

У законников еврейских издревле принято было за правило: чья монета, того и царство.

Искусители подали Иисусу динарий, римскую монету, на которой были изображение кесаря и надпись с его именем.

Взяв монету и посмотрев на нее, Он отдал ее обратно и спросил: **Чье это изображение и надпись?**

Не понимая еще, к чему клонится этот вопрос, искусители отвечали: **кесарева.**

«Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу (Мф. 22, 21), — отвечал Иисус. — Отдавая кесарю то, что принадлежит ему, вы нисколько не нарушаете своих обязанностей по отношению к Богу, потому что в то же время вы и Богу должны отдавать то, чего Он требует от вас».

А требует Бог от нас, как это видно из учения Иисуса Христа, любви к Нему и ближним; Он требует, чтобы мы все любили друг друга так, как самих себя, чтобы мы любили даже врагов своих, чтобы мы помогали в нужде ближним, и чтобы в помощи этой действовали самоотверженно, даже душу свою полагая за них, если это необходимо. А эти требования нисколько не противоречат повиновению государственной власти. **Царство Мое**, — говорил Иисус, — **не от мира сего (Ин. 18, 36); Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 21).** Это — Царство душ, к которому верующие в Бога и исполняющие волю Его принадлежат духовно.

Но есть иные царства, царства **мира сего**; это отдельные общины людей или государства, управляемые каждое своей государственной властью и обеспечивающие своим сочленам свободу и неприкосновенность личности и имущества. Эти общины настолько необходимы, что вне их могут жить только дикари в какой-нибудь пустынной стране. Поэтому Иисус Христос никогда не восставал против этих общин, никогда и ничего не говорил о государственной власти. Можно быть подданным самого благоустроенного государства и в то же время быть безбожником, любить только себя и ненавидеть всех ближних; и, наоборот, можно быть подданным какого-нибудь изверга, вроде Нерона, и в то же время душой всецело принадлежать к Царству Божию, безбоязненно творя волю Бога. Эта мысль, впервые высказанная Иисусом в Его изречении **отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу (Мф. 22, 21)**, была неизвестна государствам древнего мира; там каждый глава государства присваивал себе и духовную власть, вмешивался и во внутренний мир человеческой души; каждый царь был в то же время и верховным жрецом или служителем своих народных (языческих) богов и свои повеления, относившиеся к управлению государством, выдавал нередко за волю богов. А так как те законы, которые выдаются за повеления богов, могут быть отменены или изменены не иначе, как с соизволения тех же богов, то все государства, управляемые подобными законами, обречены на застой, на неподвижность. Наоборот, государства христианские, несущие на своем знамени священные слова — **отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу**, — оставили в своем развитии далеко позади себя те государства, которые смешивают эти два совершенно различные царства.

Лукавые ученики фарисеев и иродиане могли и не понять этой мысли, но все-таки они признали себя

побежденными таким неожиданным для них ответом Иисуса: Он не отверг обязанности евреев платить подати кесарю; следовательно, донести на Него Пилату, как на бунтовщика, нельзя, и потому цель лукавого вопроса осталась недостигнутой. Но в то же время Он не освободил их и от исполнения воли Божией, от подданства Единому Богу; следовательно, нельзя обвинить Его и перед синедрионом, как безбожника.

Сущность всего учения о Царстве Божием

Словами — **отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу** — Иисус закончил учение Свое о Царстве Божием на земле. Постараемся же подвести, по возможности, итог сказанному об этом Царстве. Иисус Христос учил, как мы должны жить, как должны устроить свою жизнь здесь, на земле, чтобы достигнуть вечного блаженства в Царстве Небесном. Устраивающие свою жизнь согласно возвещенной Им воле Божией, исполняющие эту волю, как царский закон, составляют Царство Божие.

Царство это, основанное Христом, будет продолжаться до кончины мира и открытия Царства Небесного. Малое вначале, состоявшее всего из одиннадцати Апостолов и других немногих последователей Христа, оно, подобно горчичному зерну, должно было разрастись (и действительно разрослось) в роскошное дерево.

Царство Божие, или Церковь, не может иметь никаких пространственных пределов; оно не стеснено никакими границами стран земных; оно везде, где любят Бога и ближних, где исполняется воля Божия, где царит Бог; оно — в душе человека. **Царство Божие внутри вас есть.**

Царства **мира сего**, то есть общины людей, управляемые каждая своей государственной властью, требуют от своих граждан под страхом наказания точного исполнения всех издаваемых этой властью законов, но требуют лишь внешнего повиновения, не касаясь чувств, сокрытых в душе повинующегося; поэтому гражданином царства мира сего можно быть и по принуждению, по необходимости. В Царстве же Божием не так. Главнейший основной Закон Божий, обязательный для желающего вступить в Царство Божие, — любовь к Богу; следовательно, принадлежать к этому Царству можно не иначе, как любя Бога, а так как любовь не может возникнуть ни по принуждению, ни по необходимости, то следует признать, что гражданином Царства Божия можно быть только по добровольному влечению сердца. Силой можно заставить побежденных быть подданными победившего их царя, но никому нельзя приказывать вступить в Царство Божие.

Не подлежит никакому сомнению, что Христос хотел привлечь всех в основанное Им Царство Божие, хотел сделать всех людей счастливыми здесь, на земле, а через это и блаженными в Царстве Небесном; но Он сознавал, что для этого надо прежде всего преобразовать сердце человека; надо научить людей, что не себялюбие, не мстительность, не угнетение ближних делают их счастливыми, а любовь к Богу и ближним, воздаяние добром за зло и готовность добровольно пострадать, если это необходимо, для блага других. Создавая Царство Божие на земле, в противоположность господствовавшему тогда царству зла, власти тьмы, Христос не мог действовать силой против силы, злом против зла. Пересоздать силой общественный строй какого-либо народа, оставив сам народ по-прежнему звероподобным, — это еще не значит уничтожить насилие, неправду, страдания. Вот почему Христос и дал медленный, но единственно верный путь распространения основанного Им Царства Божия.

По той же причине Он никогда не вмешивался в государственные дела Римской империи, в пределах которой проповедовал. Он не мог, конечно, смотреть равнодушно на царившее тогда повсюду зло; но Он знал, что победить его можно не силой, не злом, а любовью и добром; Он знал, что люди, возрожденные любовью к Богу и ближним, сами со временем создадут себе иные условия общественной жизни, такие условия, при наличии которых невозможны будут ни рабство, ни деспотизм и никакие иные виды насилия. Он знал, что царства мира сего будут с особым озлоблением противодействовать распространению Царства Божия, но не одолеют его никакой силой; напротив, Царство Божие, несущее на своем знамени

любовь даже к врагам и воздаяние добром за зло, распространяясь все более и более среди граждан царства мира сего, окажет несомненно нравственно-возрождающее влияние и на самый строй этих царств.

Что же требуется от вступающего в Царство Божие? — Требуется, прежде всего, чтобы он любил Бога. Если мы, любя, например, жену, мать, отца, детей, стараемся исполнять их желания, и если такое исполнение их желаний доставляют нам истинное удовольствие, как бы удовлетворение наших собственных желаний, то несомненно, что, любя Бога, мы будем находить полное нравственное удовлетворение, если будем исполнять Его волю, если будем делать то, чего Он хочет, если воля Его станет нашей волей. Если нам тяжело бывает отказать любимому человеку в исполнении его законного и удобоисполнимого желания; если вынужденный чем-либо отказ болезненно отзывается в любящем сердце, то несомненно, что и человек, любящий Бога, но почему-либо поступивший вопреки Его воле, должен испытывать нравственные муки, как только сознает себя виновным перед Ним. Словом, любовь к Богу нравственно обязывает творить волю Его.

Но какова же эта воля? Удобоисполнима ли она? Чего требует Бог от тех, кто любит Его? — Лично для Себя Он ничего не требует от нас; все требования Его, обращенные к нам, касаются нас же самих: «Любите ближних своих, как самих себя!» и: **как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними** (Мф. 7, 12). Вот воля Божия, вот устав Царства Его.

Законы царств мира сего налагают нередко на людей бремена неудобноносимые и составляют тяжкое, иногда бесцельное и бесполезное для других, иго. **Бремя** же, налагаемое на нас законом Бога, **легко**, так как **иго** этого бремени есть **благо** (Мф. 11, 30) для других, а, следовательно, в силу взаимности, и для нас самих.

В чем же заключается бремя Божия закона? В том, чтобы мы поступали с людьми так, как желали бы, чтобы и они с нами поступали.

Посмотрим же, тяжело ли это требование? Удобоисполнимо ли оно? — Ты, вероятно, испытывал не раз щемящую боль сердца, когда сознавал, что многие, даже близкие к тебе люди, не любят тебя и нисколько не стесняются открыто проявлять свое нерасположение к тебе? И ты осуждал их за их бессердечность. Но заглянул ли ты в свое сердце? Спросил ли себя: любишь ли ты всех людей вообще и близких тебе в особенности? Ведь ты сам иногда дышишь злобой против многих, не всегда даже и повинных перед тобою. За что же негодуешь на других? Если хочешь, чтобы тебя любили все, люби и ты; и верь, что любящее сердце всегда найдет отклик в сердцах других людей. Ты, быть может, скорбел, доходил даже до отчаяния, когда тебе, нуждающемуся в помощи, все отказывали в ней? Ты недоумевал, почему, например, такой-то отказал тебе в своей поддержке, которая ему почти ничего не стоила бы? Не правда ли, как тяжело, как грустно встречать повсюду холодные, равнодушные к твоей *нужде* лица? Как больно сознавать, что некому помочь тебе? Так не отказывай же и сам в посильной помощи нуждающимся; и если ты не в состоянии помочь так, как хотелось бы, помоги, как можешь, но все-таки помоги; подай хотя чашу воды жаждущему и не могущему утолить свою жажду без посторонней помощи. Да и помогая посильно ближним, не возвеличивайся перед ними, не выставляй себя напоказ как благодетеля, не труби о своих добрых делах! Знай, что в человеческом сердце есть скверное чувство неблагодарности к тем, кто рисуется своими благодеяниями, кто напоминает о них облагодетельствованным; эта неблагодарность служит наказанием за то, что доброе дело сделано не из любви к ближним, а для того только, чтобы благодетеля хвалили, возвеличивали. Поэтому старайся помогать нуждающимся так, чтобы по возможности никто не знал бы об этом, и никогда не попрекай облагодетельствованных тобой. Тогда и ты вправе будешь рассчитывать, что и тебе не откажут в помощи, когда будешь нуждаться в чем-либо, да и оказывая помощь, не будут ставить тебе это на вид, не будут пробуждать в тебе чувств озлобленной неблагодарности. Согрей сердце свое любовью не только к тем,

которые любят тебя, но и к врагам своим; молись за них, чтобы Господь смягчил и их сердца; помогай и им и верь, что твоя всепрощающая любовь даже к ненавидящим тебя обезоружит их, заставит и их полюбить тебя. Ты обижаешься и негодуешь, когда знакомые твои осуждают тебя за какие-либо ошибки в жизни, за бестактные поступки, когда злословят тебя за них? Но загляни в свое прошлое, и ты увидишь, что сам не безгрешен в этом отношении, что сам не прочь был иногда позлословить и осудить ближнего. Не злословь же, не осуждай никого, и тебя не будут злословить. Не приходилось ли тебе когда-либо слышать от своих знакомых, что такой-то человек никогда и ни о ком не говорил дурно? Не припомнишь ли, с каким уважением они отзывались о том человеке? Не убеждаешься ли, что такого человека никто не решится ни осуждать, ни злословить? Старайся почаще заглядывать в свою душу, осуждай себя за грехи, отстань от них, исправься, и тогда познаешь, как исправить брата своего. Ты возмущаешься, когда другие люди лгут, обманывают, нарушают свое слово, даже клятву. Не обманывай же и сам никого, никогда не лги, будь всегда и во всем настолько правдив, чтобы все верили твоему слову, не требуя никаких клятв. Ты испытываешь невыразимые муки, когда узнаешь про неверность своей жены? Но вправе ли ты осуждать ее? Сам-то ты безгрешен ли в этом отношении? Будь же прежде всего сам целомудренным, не прелюбодействуй, не развратничай; мало того, не делай ничего такого, что влечет к этому греху, даже мысленно не возбуждай в себе половой похоти к посторонней женщине (не жене твоей); и только тогда ты будешь вправе чувствовать обиду, нанесенную тебе неверностью жены. Ты, конечно, желаешь, чтобы никто не нарушал твоей телесной неприкосновенности, чтобы никто не обижал тебя и даже ничем не выражал своего гнева или презрения к тебе? Но загляни в свое прошлое и увидишь, что нередко обида, причиненная тебе, пробуждала в твоём сердце жажду мести, желание воздать противнику не только тем же, но и гораздо большим, сторицей? Подумай, как больно было бы тебе, если бы обиженные тобой мстили тебе за каждую причиненную тобой обиду! Поэтому не только не мсти никому, но даже не трогай никого; будь кроток, не гневайся, не унижай ближнего не только обидным словом, но даже и презрительным взглядом. Если кто обидел тебя, прости ему обиду; верь, что своим великодушием ты обезоружишь его, а если ты сам обидел кого, спеши к обиженному, проси прощения, мирись с ним скорее; будь уверен, что тебя все простят, если будут знать, что и ты прощаешь всем... Вообще, во всем поступай с людьми так, как хочешь, чтобы и они поступали с тобой.

Вот бремя, возлагаемое на вступающих в Царство Божие, где царят Любовь и Добро! Призывая к Себе, в это Царство Любви и Добра, всех труждающихся и обремененных и обещая дать им душевный покой, Христос сказал: Возьмите на себя иго Моих заповедей, смотрите на Меня, как Я исполняю их, и познайте, что **иго Мое благо, и бремя Мое легко** (Мф. 11, 30).

Некоторые, впрочем, не согласны с таким взглядом на бремя заповедей Христовых, полагая, что исполнение воли Божией сопряжено с непременно́м отречением от мира и всех благ его.

Мнение это не имеет, однако, основания ни в откровениях Ветхого Завета, ни в учении Иисуса Христа. Если, создав первых людей, Бог сказал им: **плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею** (Быт. 1, 28), то несомненно, что жизнь в мире и обладание всем, что дает земля, не только не может противоречить воле Божией, но, напротив, вполне согласуется с нею. Да и Христос никогда не требовал от Своих последователей отречения от мира и благ его.

Правда, Он сказал однажды Апостолам и стоявшему с ними народу: **кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною** (Мф. 16, 24). И эти слова Господа смущают многих. Многие думают, что Христос заповедал нам полное отвержение наших личных желаний, наших потребностей, и вменил нам в обязанность заботу только о других, о ближних наших. Некоторые же идут в своем понимании этого изречения еще далее и проповедуют полное отречение от мира и удаление в пустыню, словом, проповедуют отшельничество и аскетизм.

Но они забывают, что Христос никогда не осуждал пользование земными благами как дарами, ниспосылаемыми Богом. Он требовал только, чтобы мы не считали себя хозяевами и полновластными распорядителями этих благ, чтобы мы блага эти признавали Божиим достоянием, а себя считали бы только управителями, приставленными к этому достоянию, обязанными управлять им согласно с волей Хозяина, Бога, и дать отчет в управлении им, чтобы, управляя Божиим достоянием, мы исполняли бы заповедь Его о любви к ближним, и чтобы благо творили им. Богач притчи (Лк. 12, 16–21), которому Бог даровал обильный урожай хлеба, был осужден не за то, что позаботился собрать его в житницы, а за то, что счел себя полновластным хозяином его и вообразил, что эти блага даны ему Богом единственно для удовлетворения его прихотей; а если бы он смотрел на обильный урожай как на Божие достояние, данное ему лишь во временное управление, согласно с волей Божией, и действительно управлял бы им так, как Богу угодно, то не был бы осужден. Другой богач притчи (Лк. 16, 19–31) был осужден не за то, что обладал благами мира сего, а за то, что управлял ими как своими собственными, вопреки воли Божией, и ни разу не обратил внимания на нужду лежавшего у ворот его нищего Лазаря. Злые виноградари (Мф. 21, 33–41; Мк. 12, 1–9; Лк. 20, 9–16) были осуждены не за то, что пользовались плодами виноградника, данного им в управление, а за то, что не давали посланным от Хозяина плодов, которых Он требовал, — за то, что хотели присвоить себе этот виноградник. Словом, пользование земными благами не осуждается Христом, если не нарушает главнейшую заповедь Его о любви к ближним.

Что же касается отшельничества и аскетизма, то надо заметить, что уединение и воздержание бывают иногда крайне необходимы для успешной борьбы с соблазнами, с похотями нашего тела. Тело должно быть подчинено духу; дух должен властвовать над ним. И вот для такой-то борьбы, для укрепления своей воли, не только бывает полезно, но даже необходимо уединение и строгий пост. И многие великие и святые люди пользовались этим могучим средством и побеждали все соблазны, все плотские похоти свои. Но когда человек, прибегнув к такому средству порабощения плоти своему духу, выходит победителем из борьбы, то оставаться ему вдали от мира нельзя: он должен идти в мир, в Царство Божие, и там творить волю Божию. Если же он, выдержав борьбу и победив все искушения, все соблазны, останется вдали от мира, наслаждаясь тем душевным спокойствием, какое настает после такой победы, то как же он исполнит заповедь о любви к ближним? Как он будет благо творить им? Как и когда он докажет свою любовь к ним?

Итак, следует признать, что, сказав — **отвергнись себя!** — Господь не заповедал нам ни полного воздержания от пользования теми земными благами, которые могут считаться лишними для поддержания жизни тела, ни тем более отшельничества и аскетизма. *Отвергнуть себя* — значит отвергнуть свое я, свою волю, то есть подчинить свою волю воле Божией. *Живи не так, как хочется, а как Бог велит.* Вот что значат эти слова Господа.

Проповедники отречения от мира ссылаются еще на сказанное богатому юноше: **если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь Сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною** (Мф. 19, 21; Мк. 10, 21; Лк. 18, 22), а также на сказанное Апостолам: **всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную** (Мф. 19, 29; Мк. 10, 29; Лк. 18, 29). Но эти слова нельзя понимать буквально. Заповедуя любить даже врагов и благо творить всем, Христос не мог требовать от Своих последователей, чтобы они отреклись от своих обязанностей по отношению к родителям, жене, детям и всем родственникам, — не мог требовать, чтобы мы произвольно слагали с себя эти обязанности. Не мог Он требовать также, чтобы все Его последователи продали свои дома, земли и вообще все свое достояние, и вырученные от этого деньги раздали нищим, то есть сами сделались бы нищими и жили бы, как птицы небесные. Понимать буквально приведенные изречения Христа, значит, совсем не понимать Его учения. Обращаясь с этими словами к юноше и Апостолам, Он говорил о соблазнах, без которых нельзя прожить, которые даже необходимы, чтобы в борьбе с ними люди

нравственно совершенствовались. И раньше этого Он говорил что если друг, необходимый, как правый глаз, служащий как бы правой рукой, соблазняет, склоняет отступить от исполнения воли Божией, то лучше отказаться от такого друга, уйти от него, порвать с ним всякие сношения, чем поддаться его соблазну. Ту же мысль Он провел и в этой беседе с юношей и Апостолами: Он сказал, что если родители, или жена, или дети, или братья и сестры, вздумают склонять к нарушению воли Божией, то, при невозможности нравственно воздействовать на них и тем заставить их отречься от дальнейших соблазнов, лучше оставить их, уйти от них, чем поддаться их соблазнам и тем погубить себя. Заповедь Господня ставит любовь к Богу прежде, выше любви к ближним; поэтому если отец, или мать, или жена скажут: люби меня и исполняй все мои прихоти, хотя бы это было сопряжено с нарушением воли Божией, словом, люби меня, а Бога разлюби, — то, при упорном нежелании их прекратить соблазны, колебаний не должно быть: надо продолжать любить Бога и безусловно отказать в исполнении их требований, обнаруживающих полное отсутствие в них всякой любви, кроме узкого себялюбия; если же, при таких безбожных требованиях, с одной стороны, и отказах в исполнении их, с другой, совместная жизнь сделается положительно невозможной, если иного исхода нет, как только выбор между любовью к Богу и противоположной ей любовью к соблазнителю, то в таком только случае я могу оставить тех, по отношению к которым на мне лежат обязанности, заповеданные Богом. Если же меня никто из близких ничем не соблазняет, не предъявляет ко мне никаких требований, противоречащих воле Божией, а я сам соблазняю себя возможностью уклониться от исполнения своих обязанностей по отношению к ним и, опираясь на буквальный смысл вышеприведенных изречений Иисуса Христа, оставляю их на произвол судьбы и удалюсь от мира и от них, то в этом мной будет руководить не любовь к ближним, а узкое себялюбие, и, поступив так, я не только не совершу ничего богоугодного, но, напротив, навлеку на свою душу тяжкий грех против основной заповеди Господней.

Ту же самую мысль о соблазнах и необходимости борьбы с ними высказал Иисус и богатому юноше, спросившему, что он должен сделать, чтобы иметь жизнь вечную. Отвечая прямо на поставленный юношей вопрос, Иисус сказал ему, что к блаженству Жизни Вечной в Царстве Небесном приводит точное соблюдение заповедей, то есть воли Божией; когда же юноша самонадеянно заявил, что заповеди он всегда исполнял, а теперь желает знать, чего еще не достает ему, то Иисус тотчас же обличил его в непонимании истинного смысла заповедей, в слишком большой привязанности к своему богатству, в готовности отказаться и от блаженства в Вечной Жизни, лишь бы не расставаться со своими земными сокровищами. **Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и тогда приходи и следуй за Мною; и будешь иметь сокровище на небесах** (Мф. 19, 21). Эти слова были сказаны для испытания юноши, для обнаружения его пристрастия к богатству, такого пристрастия, какое заслоняет собой любовь к Богу и готовность исполнять Его волю. Такое пристрастие к богатству, такое поклонение золотому кумиру несовместимо с поклонением Богу: **Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне** (Лк. 16, 13; Мф. 6, 24). Поэтому, если пристрастие к богатству настолько сильно, что ради него человек готов изменить Богу, то лучше отказаться от богатства, лучше сделаться нищим и за то приобрести сокровище на небесах, чем, предаваясь своей страсти, подвергнуться осуждению на вечные муки. В этих словах Иисуса, обращенных к юноше, а затем и к Апостолам, богатство, дома и земли сравнены, в отношении представляемого ими соблазна, с теми родителями, женой, детьми, братьями и сестрами, которые отвращают от Бога и заставляют служить им, а не Богу. Но эти слова нельзя возводить на степень заповеди (об оставлении домов, братьев и пр. см. выше, с. 649).

О продаже имений и раздаче нищим вырученных денег Иисус говорил Апостолам еще и при другом случае. **Продавайте имения ваши**, сказал Он, **и давайте милостыню** (Лк. 12, 32–33). Но так как это было

сказано тотчас же после слов — **не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство**, — то следует признать, что повеление о продаже имений относилось исключительно к одним Апостолам, посылая которых на проповедь, Иисус не позволил им брать с собой ни денег, ни даже сумы, — и что, следовательно, это повеление не имеет значения общеобязательной заповеди.

Итак, отречение от родных, богатства и вообще от мира, со всеми его благами и радостями, вовсе не составляет непременно условия вступления в Царство Божие. Напротив, жизнь в мире, борьба с соблазнами и постоянная победа над ними, жизнь не для себя только, но и для блага других, жизнь, руководимая любовью к Богу и самоотверженной любовью к ближним, совместная с другими деятельность на пользу общую, для водворения всюду мира, любви и добра, постоянное противление злу добром, — вот жизнь, вполне согласная с законами Царства Божия.

Живя в мире, пользуясь всеми его благами и радостями и желая в то же время быть истинными членами Царства Божия, мы должны всегда помнить, что мир — это Божий виноградник, данный нам лишь в пользование с тем, чтобы мы давали Богу плоды его и в свое время представили бы отчет в управлении им. В мире мы Божии работники, приставники к Божию достоянию, управители Его, обязанные отчетностью перед Ним. Плоды же, которых требует Бог от своих виноградарей, приставников и управителей, — это добрые дела о отношении к ближним нашим, нуждающимся в нашей помощи. Поэтому согласное с волей Бога пользование благами и радостями мира сего вполне уместно в Царстве Божием. Время уныния, скорби, постоянного сокрушения и страданий настанет после кончины мира для тех, которые не хотели возродиться любовью Богу и ближним и доказать эту любовь добрыми делами. Теперь люби ближних! Любящее сердце твое подскажет тебе, что надо делать для них! Люби! Живи и жить давай другим! И будешь ты достойным членом Царства Божия.

Итак, жизнь в Царстве Божием, то есть жизнь, согласная с волей Божией, дающая здесь, на земле, полное нравственное удовлетворение и душевное спокойствие, ведущая к тому же, к вечному блаженству в будущей загробной жизни, — вот тот потерянный рай, о возвращении которого мечтали лучшие люди и боговдохновенные пророки древнего мира.

Ответ Иисуса саддукеям о воскресении и будущей жизни

Искушение Иисуса вопросом о подати кесарю окончилось; со стыдом удалились иродиане и лукавые ученики фарисеев, но, по заранее составленному уговору, тотчас же подошли к Иисусу несколько саддукеев. Саддукеи составляли среди евреев секту неверующих в воскресение душ и будущую вечную жизнь; вообще они весьма равнодушно относились к вопросам веры, что не мешало им, однако, занимать места священников и быть даже первосвященниками (подробности о саддукеях см. выше, с. 131). Саддукеи вели нескончаемые споры с фарисеями о воскресении душ и старались доказать, что в книгах Моисея не только не содержится никаких указаний на бессмертие душ, но даже имеются обязательные для евреев постановления, явно противоречащие учению о воскресении мертвых; таково постановление (или закон ужичества), в силу которого бездетную вдову, по смерти ее мужа, должен взять себе в жены его брат с тем, чтобы восстановить умершему брату продолжение его рода. И вот этот-то спор саддукеи представили теперь на разрешение Иисуса.

Ссылаясь на этот закон Моисея, они сказали: «Было семь братьев, и старший из них женился, но умер бездетным; жену его взял второй брат, но тоже умер бездетным; взял ее третий брат, потом четвертый, и так далее все семь братьев, и все умирали, не оставив потомства; после смерти всех их умерла и жена. Итак, если воскресение мертвых будет, то чьей женой воскреснет эта женщина? Ведь у нее было семь мужей! Не может быть, чтобы она была там женой всех или ничьей, так как это была бы нелепость; нелепости же не мог допустить в своих законах такой великий и боговдохновенный законодатель, каким был Моисей. Следовательно, по учению Моисея, воскресения не будет».

«Вы говорите так, — ответил им Иисус, — потому, что не понимаете будущей Вечной Жизни. Вы судите о ней превратно, думая, что и там люди будут жить той же чувственной жизнью, как и здесь, на земле. Но это не так: люди, удостоившиеся по воскресении своем стать сынами Божиими, будут равны ангелам и жить будут иной жизнью, духовной, ангельской, и, подобно ангелам, не будут ни жениться, ни замуж выходить; они даже умереть не могут. Что же касается вашего мнения о том, будто в книгах Моисея нет указаний на воскресение мертвых, то и в этом отношении вы заблуждаетесь. Разве вы никогда не читали о явлении Бога Моисею? Разве вы не знаете, как Он назвал Себя? — Он сказал Моисею: **Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова** (Мк. 12, 26). Говорил Он это в то время, когда Авраама, Исаака и Иакова не было уже в числе живущих на земле, когда они были уже мертвы для земли, и если все-таки Бог назвал Себя их Богом, то, значит, они для Него живы, ибо Он не может быть Богом несуществующего. **Бог не есть Бог мертвых, но живых** (Мф. 22, 32)».

Побежденные таким ответом Иисуса саддукеи отошли; а присутствовавшие при этом книжники, радуясь в душе поражению своих противников по вопросу о воскресении мертвых, забыли, что саддукеи действовали тут как их единомышленники, не могли скрыть своей радости и сказали Иисусу: **Учитель! Ты хорошо сказал** (Лк. 20, 39). Народ же, видя поражение иродиян, фарисейских учеников и саддукеев, удивлялся мудрости Иисуса.

Ответ Иисуса законнику о наибольшей заповеди

Ввиду такой неудачи фарисеи опять собрались вместе тут же в храме на совещание и порешили предложить Иисусу самый трудный, по их мнению, вопрос о том, какую из заповедей закона надо считать самой главной. Фарисеи делили все заповеди на большие и малые, причем обрядовые законы считали большими заповедями, а все прочие — малыми, но никак не могли сговориться, какая же из больших заповедей самая важная: одни считали самой главной заповедью закон о субботе, другие — закон об обрезании. И вот теперь, выбрав из своей среды самого сведущего законника, они подослали его к Иисусу спросить: **Учитель! скажи, какая наибольшая заповедь в законе?** (Мф. 22, 36).

Иисус отвечал ему словами закона, взятыми из книг Моисея. Указав на две основных заповеди о любви к Богу и к ближним, Господь сказал: **Иной большей сих заповеди нет** (Мк. 12, 31); **на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки** (Мф. 22, 40). Кто любит Бога всеми силами своей души, тот несомненно будет стремиться всегда и во всем творить волю Его, тот будет исполнять и все заповеди Его, ибо кого любишь, тому и угождаешь, того желания стараешься исполнить. Поэтому самая первая обязанность человека — любить Бога. Но Бог требует любви не только к Себе; **возлюби ближнего твоего, как самого себя** [69] (Лев. 19, 18; Мк. 12, 31), — говорит Он. И это — вторая заповедь. Кто любит ближнего, как самого себя, тот будет с ним поступать так, как желал бы, чтобы и с ним поступали, то есть будет помогать ему в нужде, утешать его в горе, отстранять от него всякое зло, словом — будет благо творить ему; любовь к ближнему, всегда и при всяких обстоятельствах, подскажет любящему сердцу, что именно надо сделать для ближнего. В этих двух заповедях вмещаются все заповеди, гласящие об отношениях человека к Богу и себе подобным; все, что после сказано Богом Моисею и что затем возвещено пророками, все это — только развитие основных начал, заключающихся в этих двух заповедях; на них утверждается весь закон и пророки.

Этот ответ привел в восторг самого законника, искушавшего Иисуса; и он, забыв цель, с какой обратился к Иисусу, забыв злобу уполномочивших его фарисеев, воскликнул: **хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, — это выше, это больше всех всесождения и жертв.**

Искренность и неподдельность восторга, с каким говорил это законник, тронули Иисуса; Он видел, что

этот грешник может покаяться, может исправиться, если и дальше будет с таким же чувством принимать истину, а потому сказал ему: **недалеко ты от Царствия Божия**.

После этих трех неудачных покушений уловить Иисуса на каком-нибудь неосторожном слове, фарисеи, стоявшие до сих пор в некотором отдалении, собрались вместе и приблизились к Иисусу, но спрашивать Его о чем-либо не посмели.

Речь Иисуса о Христе: чей Он Сын

Обращаясь к ним, Иисус спросил: **что вы думаете о Христе? чей Он сын?** — Нисколько не задумываясь, они в один голос ответили Ему: **Давидов** (Мф. 22, 42). Ответили они так потому что, по ветхозаветным пророчествам, Христос должен был быть потомком царя Давида. Слово **сын** означало у евреев не только сына в собственном смысле, но и потомка; поэтому и вопрос Иисуса надо понимать так: от кого Христос должен произойти? — «От Давида», — отвечали фарисеи.

«Да, вы думаете, что Христос — потомок Давида, то есть только Человек. Но как же сам Давид называет Его своим Господом? Разве вы не читали, как он в своем псалме вдохновенно говорит о Христе: **сказал Господь**, то есть Бог, **Господу моему**, то есть Мессии-Христу: **седи одесную Меня** (Пс. 109, 1). Ведь если Он был Господом Давида и существовал уже в то время, когда Давид писал это, то как же Он мог быть потомком Давида, тогда еще не родившимся?»

Фарисеи, ослепленные буквой Писания и потерявшие ключ к разумению его смысла, не понимали, что Христос-Мессия, как Богочеловек, должен быть — по божеству Своему — Сыном Божиим, а по человечеству — потомком Давида. Они ожидали Мессию, как человека, который освободит евреев от подчинения римлянам и покорит им, евреям, все народы земли. А с такими превратными понятиями они, конечно, ничего не могли ответить на вопрос Иисуса (ответ на этот вопрос см. ниже, в главе 48).

Таким образом, враги Христовы потерпели всенародно полное поражение и до времени затаили в себе свою злобу. Но им предстояло еще выслушать от Иисуса прямое обвинение их в полной нравственной распущенности, лишаящей их права быть руководителями народа, и это обвинение было произнесено тут же, в храме, всенародно.

Обличение книжников и фарисеев

Обращаясь к народу и ученикам Своим и указывая при этом на фарисеев, стоявших, вероятно, отдельно от презираемого ими народа, Иисус сказал: **на Моисеевом сидище сели книжники и фарисеи** (Мф. 23, 2) (Моисей учил народ, давая ему законы, книжники же и фарисеи заняли теперь его место и присвоили себе исключительное право учить народ этим законам и толковать их смысл). Все законы, какие они велят вам исполнять, исполняйте если, конечно, они не извращают их смысла и значения; но примера с них не берите, не подражайте им в их поступках, ибо они говорят одно, а делают другое; они возлагают на вас неудобноносимое бремя точного исполнения всех обрядов и преданий, а сами не хотят и пальцем шевельнуть, чтобы примером своим облегчить вам несение этого ига. Сами они если и исполняют что-либо из требований закона и преданий, то только для вида, когда они на глазах у людей; да и тогда все их действия направлены лишь к тому, чтобы по внешности чем-нибудь отличиться от народа: они без всякой надобности увеличивают размеры носимых ими **хранилищ** со словами закона, желая тем показать свою ревность к исполнению его, хотя сами первые же нарушители его; они увеличивают и воскрилия свои, эти кисти на краях одежд, которые Моисей повелел вам носить (Числ. 15, 38–40), чтобы вы понимали и исполняли все заповеди и были святы пред Богом. Они любят, чтобы им везде оказывали почет и уступали первые места не только в синагогах, но и на пиршествах, — чтобы при встрече и в народных собраниях их все приветствовали и называли учителями. Не подражайте им! Не называйтесь ни учителями, ни наставниками, и тем не возвышайтесь над другими, ибо все вы равноправные братья, а Учитель и

Наставник ваш — один Христос. Книжники и фарисеи, начальствующие в школах, любят, чтобы их называли отцами; не называйте так никого на земле, ибо один у всех Отец, это Бог. Вообще не возвышайте сами себя; помните, что у Бога считается большим тот, кто больше других потрудится на пользу ближних, кто будет всем слугою; кто таким образом унижает себя *здесь*, тот возвышен будет там, а кто сам себя возвышает, кто требует, чтобы все служили ему и оказывали почет, тот считается у Бога самым ничтожным, и за такое самовозвышение унижен будет при окончательном Суде [70].

Затем, обращаясь к фарисеям и книжникам, Иисус сказал: «**Горе будет вам, книжники и фарисеи**, за то, что учите народ лицемерно обходить требования закона, в котором выражена воля Божия! Вы ведете народ не тем путем, который приводит в Царство Небесное; вы затворяете врата этого Царства даже для тех, которые хотят войти в него: они ищут путь, ведущий к нему, они обращаются к вам, просят вас указать им этот путь, а вы заслоняете его и указываете иной, ведущий к погибели. Горе вам за то, что сами, своей греховной жизнью, затворяя перед собой Царство Небесное, не пускаете туда и других, желающих войти!».

Приводя эти слова Спасителя, епископ Феофан говорит: «Это сказано и священникам, которые оставляют народ в небрежении, не заботясь толковать им, что нужно для спасения души. От этого народ пребывает в слепоте, и одна часть остается в уверенности, что идет исправно, другая хотя и замечает, что у нее не так дело идет, но не идет куда следует, потому что не знает, как и куда идти. От этого разные нелепые понятия в народе; от этого находят у него прием и раскольники, и молокане, и хлысты; от этого удобно идет к нему и всякое злое учение. Священник обычно думает, что у него в приходе все исправно, и хватается за дело только тогда, когда это зло уж разрастается и выходит наружу; но тогда уж ничего не поделаешь» (Мысли на каждый день. С. 260–261).

Горе будет вам, книжники и фарисеи, лицемеры, за то, что долгим стоянием на притворной молитве стараетесь казаться особенно набожными, таким мнимым благочестием своим втираетесь в доверие вдов и других бедных людей и бессовестно обираете их, выманивая последнее достояние их в виде пожертвований на дела Божии! Если за подобные дела всякому угрожает осуждение, то какому же наказанию подлежите вы, прикрывающие свои преступления лицемерным благочестием и напускной праведностью?!

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что совершаете путешествия для обращения в свою веру хотя бы одного чужеземца! Вы думаете, что делаете этим доброе дело? Нет, вы причиняете обращенному ужасное зло, потому что ведете его за собой тем ложным путем, который приводит к осуждению на вечные мучения.

Горе вам, вожди слепые (Мф. 23, 16), которые взяли вести его к Царству Небесному, но, по нравственной слепоте своей, не различающие истинного пути к нему от путей ложных! В своем ослеплении, вы, например, учите народ, что можно безбоязненно нарушать клятвы, зная лишь, какую клятву для этого надо избрать; по-вашему, можно смело обманывать людей, клянясь храмом и жертвенником его, так как исполнение такой клятвы будто бы необязательно; но вместе с тем вы требуете исполнение; клятвы, если кто поклянется золотыми сосудами и украшениями храма или жертвой, возложенной на жертвенник. **Безумные и слепые вожди** (Мф. 23, 17)! Ведь храм священнее находящегося в нем золота, которое и освящается-то лишь тем, что находится в храме; и жертвенник, освящающий жертву, возложенную на него, больше самой жертвы. Безумные! Как не поймете вы, что клянущийся жертвенником клянется тем самым и всем, что находится на нем; и что клянущийся храмом клянется не только всем золотом, находящимся в нем, но и Богом, невидимо пребывающим в нем, подобно тому, как клянущийся небом несомненно клянется и вездесущим Творцом его! Итак, разрешая своим ученикам нарушать клятвы храмом и жертвенником, вы делаете их клятвopеступниками.

Блаженный Феофилакт говорит, что кто клялся золотым сосудом или жертвенным животным, а потом

нарушал клятву, тот присуждался представить в храм то, чем клялся; золото и жертвы фарисеи предпочитали храму ради прибыли, получаемой ими от жертв. А так как от поклявшегося храмом и нарушившего клятву нельзя потребовать того, чем он клялся, и от такого нарушения им не могло предстать никакой прибыли, то они и разрешали нарушать такие клятвы (Толкование на Евангелие от Матфея).

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что исполняете в мелочах более того, что от вас требуется законом, и вместе с тем пренебрегаете самыми главными обязанностями! Вы даете на храм десятую часть получаемых вами доходов от разведения мяты, аниса и тмина, хотя закон и не требует этого, и вместе с тем не исполняете важнейших требований закона: судите несправедливо, относитесь к бедным и несчастным немилосердно и не обнаруживаете ни малейшей верности Богу. Отдавайте, если хотите, и то, к чему закон вас не обязывает, но будьте справедливы, милостивы и верны! В заботливости об исполнении всех мелочных требований предания вы уподобляетесь тем людям, которые, по поговорке народной, тщательно отцеживают попавшегося в напиток комара, боясь проглотить его, и безбоязненно глотают целого верблюда.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что заботитесь о наружной чистоте подаваемых к обеду чаш и блюд и не обращаете никакого внимания на то, что чаши эти и блюда наполнены похищенным и неправдой приобретенным! **Фарисей слепой!** (Мф. 23, 26). Очисти прежде внутренность чаши и блюда, позаботься, чтобы в них было только приобретенное честным трудом, чтобы в них не было ничего нечистого; тогда эта внутренняя чистота отразится и на внешности их.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поступаете и по отношению к себе лично так же, как и к чашам и блюдам своим! Вы заботитесь о том, чтобы только по наружности казаться праведными, и не думаете об очищении своей души, оскверненной лицемерием и всякими беззакониями. Вы через это уподобляетесь гробам окрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, внутри же полны костей и всякой нечистоты от разложившегося трупа.

По закону Моисея (Числ. 19, 16) гроб, труп или кости человеческие считались настолько нечистыми, что одно прикосновение к ним оскверняло человека, поэтому сравнение фарисеев с окрашенными гробами должно было показаться им особенно унижительным.

Горе вам, книжники и фарисеи, что лицемерно строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, убитых вашими предками! Поступая так, вы как бы осуждаете убийц и даже говорите, что не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков, если бы жили в те дни. Но все это с вашей стороны притворно, лицемерно. В сущности, вы одобряете преступления своих отцов, вы продолжаете их дело: они убили пророков, а вы строите им гробницы, как бы опасаясь, что иначе с течением времени изгладятся следы, напоминающие о их злодеяниях. Стыдиться надо, имея таких предков, а вы называете себя их потомками; вы гордитесь происхождением от убийц и скоро сами сделаетесь убийцами, превзойдете даже отцов ваших. **Дополняйте же меру злодеяний отцов ваших** (Мф. 23, 32), совершайте задуманное вами убийство! Но, злые сыны злых отцов, **змии, порождения ехиднины!** (Мф. 23, 33). Поступая так, подумали ли вы, что ожидает вас за это? Подумали ли вы, что не можете избежать ожидающего вас осуждения на вечные мучения?

Я еще пошлю к вам Своих Апостолов, которые будут проповедовать Мое учение с праведностью пророков и мудростью книжников; но знаю, что вы и к ним отнесетесь с той же злобой, как и ваши отцы к убитым ими пророкам: одних вы убьете и распнете, других будете бить в синагогах и гнать из города в город; и поступите с ними так, дабы принять на себя ответственность и за кровь всех праведников, когда-либо убитых вашими предками, — от крови Авеля праведного, убитого братом его Каином, до крови Захарии, сына Варахиина, убитого вами между храмом и жертвенником». (Объяснения о Захарии см. выше,

с. 575).

«Истинно говорю вам, — сказал Иисус, обращаясь к народу, — что вся эта ответственность падает на них!»

Некоторые толкователи Евангелия полагают, что Иисус Христос с *гневом* обличал книжников и фарисеев. Нет! Не с гневом обличал Он этих лукавых и лицемерных руководителей еврейского народа, а с величайшей скорбью, которую мы, быть может, не в силах даже и понять, с той скорбью, которая, при торжественном въезде Его в Иерусалим и ликовании всего народа, выразилась в рыдании над судьбой священного города и избранного Богом народа, с той скорбью, которая вынудила у Него через два дня моление в Гефсиманском саду об отсрочке исполнения воли Божией. Думать, что Христос гневался на книжников и фарисеев, значит приписывать Ему свои недостатки и слабости. Да, мы гневались бы на этих злодеев и проявили бы, быть может, свой гнев в каких-либо насильственных над ними действиях; но Христос жалел как их, так и руководимый ими народ: их Он обличал в надежде, что они одумаются, раскаются и отступятся от своих коварных замыслов, а обличал Он их всенародно потому, что жалел этот темный народ и хотел предостеречь его от лжеучений фарисейских. Подавляя в Себе слезы, Он с грустью и невыразимой скорбью обращался к вождям народным и самому народу со Своим последним словом, с последним предостережением. Сейчас Он выйдет из храма с тем, чтобы больше не возвращаться в него. Служение Его как Мессии оканчивается. Избранный Богом народ, которому было обещано пришествие Мессии, хотя и принимал Его как Чудотворца, и не упускал случая пользоваться Его Божественной силой, хотя и намеревался провозгласить Его земным Царем Иудейским, чтобы под предводительством Его завоевать весь мир, — отверг Его, однако, как истинного Мессию. При таких волновавших Иисуса чувствах мог ли Он гневаться, обращаясь к фарисеям и народу со Своим последним увещанием, с последней попыткой спасти их от страшного осуждения? Нет! Не гнев подавлял Он в себе, а слезы, и когда окончил Свои обличения, то, преисполненный невыразимой тоской и скорбью, со слезами на глазах воскликнул: **«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст (Мф. 23, 37–38), ибо вы увидите Меня тогда только, когда настанет время моего Второго Пришествия и Страшного Суда».**

Лепта вдовы

С этими словами Иисус пошел, направляясь к выходу, но, проходя мимо сокровищницы, то есть кружки, в которую опускали пожертвования на храм, сел близ нее отдохнуть. По установившемуся обычаю, никто не входил в храм перед праздником пасхи, не положив предварительно в эту кружку денег; все подходило к ней и клали, кто сколько мог. На глазах Иисуса многие богатые клали много, а одна бедная вдова положила две лепты, то есть две самые мелкие монеты, равнявшиеся одному кодранту. Подозвав к Себе Апостолов, Иисус сказал им, что богатые клали хотя и много, но от избытка средств, то есть жертвовали то, без чего легко могли обойтись, а эта вдова отдала последнее, отдала все, что имела, последнее пропитание свое. Жертва ее, даже по отношению к ее состоянию, больше жертв всех богачей; но Бог измеряет жертвы не суммами пожертвованного, а силой любви, с какой жертва приносится; с чистым сердцем и сильной любовью к Богу подошла эта вдова к сокровищнице и, не задумываясь, отдала все, что имела.

Приход Эллинов

В это время к Апостолу **Филиппу**, который был родом из **Вифсаиды Галилейской**, подошли эллины, говоря: **нам хочется видеть Иисуса**. Эллин — это грек, но в те времена так называли всех язычников. По сказанию Евангелиста, они пришли в Иерусалим к празднику пасхи **на поклонение** (Ин. 12, 20); следовательно, это были язычники, оставившие своих идолов и признавшие Единого Бога. Видеть Иисуса

они могли и без посредничества Филиппа, и если обратились к нему с такой просьбой, то, значит, хотели поближе подойти к Нему и поговорить, хотели быть представленными Ему. Не решаясь беспокоить в такую минуту Иисуса, Филипп посоветовался с Андреем и уже совместно с ним доложил Иисусу о желании эллинов.

До сих пор вся деятельность Иисуса была направлена ко спасению народа израильского. Посылая в первый раз Апостолов на проповедь Он сказал им: **к язычникам не ходите... а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева** (Мф. 10, 5–6). И когда язычница, хананеянка, обратилась к Нему с мольбой, исцелить ее беснующуюся дочь, Он, прежде чем исцелить ее, сказал: **Я послан только к погибшим овцам дома Израилева** (Мф. 15, 24). Но из этого нельзя заключать, что Он ограничивал Свое посланничество только обращением евреев, нет, Он в то же время говорил: **Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь** (Ин. 10, 16). На вопрос же о том, когда именно овцы не сего двора (то есть не евреи) будут привлечены Иисусом и услышат Его голос, Он Сам отвечал: **Когда вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе** (Ин. 12, 32). Следовательно, назначение Иисуса было привлечь к Себе Своим учением: евреев лично, а язычников — через Апостолов, после Своей крестной смерти. Поэтому пришествие этих язычников (эллинов) должно было напомнить Иисусу, что посланничество Его к евреям окончено и начинается призвание язычников, но что этому призыванию должна предшествовать Его смерть на кресте, а затем Воскресение и Вознесение, то есть прославление Его. Да, настало время отвергнуть когда-то избранный Богом народ и на его место призвать язычников; настало время идти на крест! Под влиянием таких мыслей Иисус сказал: **пришел час прославиться Сыну Человеческому** (Ин. 12, 23).

Притча о пшеничном зерне, упавшем на землю

Но этой славе должна предшествовать смерть; и вот, чтобы Апостолы и эллины не отшатнулись от Него, когда Его поведут на крест, Он теперь же говорит им о необходимости Своей смерти и объясняет это примером из жизни растений: «Если зерно, например, пшеничное, посаженное в землю, даст росток, то хотя само и умирает, то есть перестает существовать в виде зерна, зато приносит много плода, а если лежит в земле нетронутым, не проросшим, то остается бесплодным. Так бывает и в жизни людей: иногда человек может принести ближним своим большую пользу не иначе, как путем самопожертвования; жертвуя собой, он спасает многих, а если он любит себя больше этих многих, если он ради своего благополучия готов жертвовать их судьбой, то он хотя и остается неприкосновенным, но зато и бесплодным, как осужденная смоковница. Кто любит земную жизнь свою настолько, что не решается жертвовать ею для блага других, тот в сущности теряет все: оберегая всячески эту жизнь, которая представляется лишь мгновением в сравнении с вечностью, он лишается блаженства Вечной Жизни, а кто считает Вечную Жизнь выше этой мимолетной, тот не задумается пожертвовать ею, если того требует благо ближних или торжество истины.

Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную (Ин. 12, 25). Кто хочет служить Мне и быть Моим последователем, тот должен идти за Мной тем путем самоотверженной любви, каким Я иду; такой слуга Мой будет там же, где и Я буду, Отец Мой почтит его».

Объяснив, таким образом, всем присутствовавшим настоятельную необходимость и неизбежность Своей смерти и высказав эллинам в кратких словах сущность Своего учения о самоотверженной любви, Иисус, как Человек, на мгновение смутился при мысли о предстоящей Ему мучительной смерти на кресте. Он не скрывает Своего смущения, но, как и всегда в подобных случаях, немедленно обращается с молитвой к Отцу Своему. В такую тяжелую минуту душевного содрогания перед представшим Его воображению крестом, казалось бы, надо молить Бога об избавлении от этого часа страданий.

Но мимолетное, вполне человеческое смущение скоро сменилось покорностью воле Отца и готовностью идти на крест ради прославления имени Его.

Молитва Иисуса и голос с неба

Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне и голос сказать? не сказать ли: **Отче! избавь Меня от часа сего!** Нет, не это Я скажу; ведь **на сей час Я и пришел** (Ин. 12, 27). А скажу Я: **Отче! прославь имя Твое.** Как только Иисус сказал — **Отче! прославь имя Твое,** — немедленно раздался голос с высоты небесной: **и прославил и еще прославлю** (Ин 12, 28). Громкий голос этот своей внезапностью поразил присутствовавших. Внимание всех было сосредоточено исключительно на молящемся Иисусе, и слух их был сильно напряжен, чтобы не проронить ни единого слова Его; а в такие минуты душевного настроения можно совершенно не слышать того, что делается вокруг, или можно слышать около себя, например, говор других людей, но не понимать его, не отличать его от простого гула. Находясь в таком настроении, толпа, окружавшая Иисуса, слышала голос с неба, но, не разобрав отдельных слов его, приняла это явление за гром; некоторые же, не поняв слов небесного голоса, поняли, однако, что это не гром, а слова, сказанные кем-то; и, хотя Иисус обращался в Своей молитве к Богу, они приняли эти неведомые им слова за говор ангела. Для самого же Иисуса и Апостолов слова эти были ясны и понятны; это доказывается тем, что слышавший их Апостол и Евангелист Иоанн в своем Евангелии передает их не как предполагаемые, а как слышанные им самим. Несомненно, что слышавшие и понявшие этот голос тогда же рассказали другим, что именно слышали; и, таким образом, слова небесного голоса сделались общеизвестными, так как и самый голос был не для Иисуса, а **для народа.** **«Не для Меня был глас сей, но для народа,** чтобы он понял, что Я творю во всем волю Отца Моего и что смертью Моею, которая так соблазняет всех, прославится Бог, прославлюсь и Я».

Да, голос этот нужен был для жестоковыйного народа. Несмотря на множество чудес, совершенных Иисусом, несмотря на воскрешение Им Лазаря и на полную победу Его над фарисеями, саддукеями и прочими вождями народными, народ все еще не мог и не хотел отрешиться от ложных представлений о Мессии как царе-завоевателе и потому никак не мог признать обещанного Избавителя в кротком и бедном Иисусе, говорящем к тому же о смерти Своей. Для того, чтобы уверовать в Иисуса как Мессию, народу нужно было знамение с неба, которого так добивались раньше фарисеи. И вот, знамение дано. Теперь не может быть никаких оправданий неверия; теперь народ, отвергающий Иисуса, сам произносит суд над собой. **«Ныне суд миру сему** (Ин. 12, 31). Теперь за Мной не идут, соблазняясь предстоящей Мне смертью; но когда Я буду вознесен на крест, привлеку к Себе всех, кто не ослепил очи свои и не окаменил сердце свое; тогда все истинные последователи Мои отвергнут соблазны диавола, освободятся от его пагубных внушений и обманов, восторжествуют над ним; тогда он, князь мира сего, изгнан будет вон из Царства Моего».

Несмотря на эти разъяснения, народ все еще не хотел верить, что Мессия может умереть, и потому кто-то из народа, подстрекаемый, вероятно, фарисеями, а может быть, и один из их учеников, спросил Иисуса: «Мы слышали из книг Писания пророчества о том, что Христос пребывает вовек, что Царство Его вечное, следовательно, Он не может умереть; как же Ты говоришь, что Сын Человеческий должен быть распят, вознесен на крест? Если Ты, называя Себя Сыном Человеческим, говоришь о Себе, о Своей смерти, то, значит, Ты не Христос; а если Ты говоришь не о Себе, то кто же тогда этот Сын Человеческий?»

Вопрос предложен в фарисейском духе; отвечать на него — значит вновь вступить в продолжительные объяснения, вновь повторять то, что много раз было сказано. Но это было бы бесполезно; если не поверили знамени с неба, которого так долго добивались, то тем более не поверят свидетельству Иисуса о Самом Себе. Вот почему Он оставил этот вопрос без ответа, но, уходя навсегда из этого храма, обратился к народу с последним увещанием: «Еще на малое время Я с Вами; старайтесь уверовать в Меня теперь, пока светит вам Свет истины, да будете сынами Света; скоро Свет этот перестанет вам светить, и вы будете блуждать в потемках, не зная, куда идти».

Повествуя об этом, Евангелист Иоанн высказывает удивление, что народ не уверовал в Иисуса как Мессию, несмотря на столько чудес, совершенных Им. Впрочем, поясняет Иоанн, все это было предсказано пророком Исайей. Пророчествуя об униженном явлении Мессии, о Его страданиях и смерти, Исайя воскликнул: «Господи! Кто же поверит этому? Кто поймет, что в таком страдающем Мессии заключается божественная сила всемогущества? Кому откроется эта сила (мышца)?» Рассказывая же о том, как он видел славу Бога, тот же Пророк передает слышанный им голос Господа: **Пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули...** (Ис. 6, 1—13; 53, 1—12).

Объясняя таким образом исполнение пророчества о неверии народа, Евангелист оговаривается, что не все были с такими ослепленными глазами и окаменелыми сердцами, что даже и из начальников многие уверовали, но открыто об этом не говорили, боясь отлучения от синагоги и потери через это власти; а власть свою они любили больше, чем славу Божию.

Выходя из храма, Христос в последний раз обратился к народу с разъяснением цели пришествия Своего на землю и с повторением ранее сказанного о Своем единстве с Отцом Небесным: **«Я пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме (Ин. 12, 46) неведения воли Божией; ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец заповедал Мне, что сказать (Ин. 12, 49). И все, что Я говорю, говорю так, как сказал Мне Отец (Ин. 12, 50). И Я знаю, что заповедь Его, воля Его, — чтобы все люди удостоились блаженства Вечной Жизни, чтобы все спаслись; для того-то Он и послал Меня, и послал не судить мир, но спасти (Ин. 12, 47); поэтому Я и не сужу никого (Ин. 8, 15). Да и к чему судить теперь, когда всякий, не исполняющий возвещенную Мною волю Божию, сам себя осуждает».**

Сказав это, Иисус вышел (с Апостолами) из храма, оставил этот дом пустым, лишенным благодати Божией: **се, оставляется вам дом ваш пуст (Мф. 23, 38; Лк. 13, 35).**

ГЛАВА 37. Беседа Иисуса с Апостолами о разрушении Иерусалима и о кончине мира. Притча о десяти девах и талантах. Рассказ о Страшном Суде

Иисус вышел из храма и пошел по направлению к горе Елеонской; с Ним шли и Апостолы. Все происшедшее в течение этого дня произвело сильное впечатление на них. Они не могли отрешиться от еврейских мечтаний о блистательном Царстве Мессии и о своем видном положении в этом Царстве. Они ждали, что это Царство вот-вот откроется. Но все происшедшее в этот день привело их в такое душевное состояние, какое близко к разочарованию. Обличительная речь Иисуса против фарисеев и начальников народных была последней попыткой довести их до раскаяния, но цели своей не достигла, а еще более ожесточила их злобные сердца; народ, два дня назад встречавший Иисуса, как Мессию, желанного Царя Израилева, охладил к Нему, когда узнал, что Он будет распят на кресте; им самим, сподвижникам Иисуса, предсказаны бедствия: все они будут гонимы, а некоторые даже убиты и распяты; самый храм Иерусалимский, эта гордость всех истинных евреев, будет разрушен; а Учителя их, Иисуса, не увидят более до кончины мира. Когда же откроется ожидаемое Царство Мессии? Должно же оно открыться, если о нем было столько пророчеств? Не начнется ли оно с кончины этого мира и Второго Пришествия Иисуса?

Разговор Иисуса с апостолами о храме его сокровищах

Апостолы не в силах были разрешить все эти недоумения, но и оставаться под гнетом их не могли; им надо было наедине поговорить со своим Учителем. И вот, один из Апостолов обращает внимание Иисуса на величественность храма: **«Посмотри, какие камни и какие здания! Неужели все это будет разрушено?»** Другие же Апостолы начали говорить об украшении храма драгоценными камнями и другими дорогими вкладами. Им жаль было этого храма, им хотелось услышать что-нибудь успокоительное, утешительное о судьбе его. Но Иисус остановился, посмотрел на величественные здания храма и, указывая на них Апостолам, сказал: **придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено!**

Предсказание о разрушении его

Ответ этот рассеял всякие сомнения относительно судьбы храма. Значит, и все остальное свершится так же, как говорил Иисус. Конец надеждам на славное Царство Мессии, конец мечтаниям о разделении с Ним славы этого царствования! — Под влиянием этих грустных дум молча шли теперь Апостолы за Иисусом. Некоторые из них даже отстали от Него; только Петр, Иаков, Иоанн и Андрей шли вместе с Ним, и когда Он, взойдя на гору Елеонскую, остановился и сел так, что весь Иерусалим, освещенный луной, был у ног Его, то спросили: **скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться?** (Мк. 13, 4) **и какой признак Твоего пришествия и кончины** (Мф. 24, 3) **мира?**

Помирившись с мыслью о неизбежности разрушения храма, Апостолы теперь думали, что ожидаемое всеми Царство Мессии начнется после этого разрушения, что Иисус Христос вторично придет, и тут одновременно с кончиной мира начнется Его славное Царство; они думали, что все это случится скоро, пока они живы. Вот от этих-то ожиданий и надлежало предостеречь их. А потому Иисус, прежде, чем прямо ответить на их вопрос, сказал: **«Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас** (Мф. 24, 4) **лживыми уверениями о Моем пришествии и наступающей кончине мира. Многие придут под именем Моим и будут говорить: "Я — Христос"; многих они введут в заблуждение, многих прельстят; и это время близко** (Лк. 21, 8). **Но вы не верьте им! Начнутся народные смуты, междоусобия и кровопролитные войны; восстанет**

народ на народ, царство на царство; голод, моровая язва и землетрясение довершат все беды, появятся знамения на небе; и многие, видя все это, начнут уверять всех, что наступает кончина мира. Не верьте им! Это еще не конец; это будет только началом наказания народа израильского, началом его болезней. Кончина же мира последует тогда только, когда Мое учение будет возведено во всей вселенной, когда эта проповедь станет обличительным свидетелем против тех, которые, слыша ее, не уверовали в Меня» [71].

Беседа на горе Елеонской о предстоящем разрушении Иерусалима

Предупредив Апостолов, что кончина мира и Его Второе Пришествие последуют не так скоро, как они думали, Иисус остановился на событиях, какие должны предшествовать разрушению храма и Иерусалима. «Прежде всего вы сами подвергнетесь преследованиям как от рассеянных по всей земле евреев, так и от язычников; вас будут гнать, предавая в синагоги и в темницы, и поведут к царям и правителям; и будете вы перед ними свидетельствовать обо Мне и о Моем учении. Вас будут мучить и убивать, и возненавидят вас за Меня. Но не ужасайтесь! И когда вас будут допрашивать, то не обдумывайте заранее ответов, не заботьтесь о том, как вам отвечать: отвечать за вас будет Дух Святой; Я дам вам такую мудрость, которой не в силах будут ни противоречить, ни противостоять все противящиеся вам. Во время таких гонений на вас и на Моих последователей, которых вы привлечете своею проповедью, многие от страха мучений и смерти отрекутся от Меня; другие же из-за Меня возненавидят друг друга и будут друг на друга доносить: в одной семье будут последователи Мои и язычники, и брат будет доносить на брата, отец на детей, и дети на родителей, и своими доносами доведут их до казни; появятся и лжепророки, которые совратят многих; вражда, ненависть и беззакония среди людей настолько умножатся, что в сердцах их не останется и места для любви. Но вы безропотно терпите все, что вам будет ниспослано; терпением спасайтесь от всяких искушений; знайте, что спасется только тот, кто до конца своей жизни будет терпеливо нести крест свой, кто до дна изопьет ниспосланную ему от Бога чашу страданий! **Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось** время запустения его (Лк. 21, 20). Об этом возведено было пророку Даниилу через Гавриила, сказавшего, что город и святилище будут разрушены народом вождя, который придет, и конец его будет, как от наводнения, и до конца войны будут опустошения, а на крыле святилища будет мерзость запустения (Дан. 9, 26–27). Итак, когда увидите город, окруженный войсками, а в храме мерзость запустения, то спасайтесь в горы; кто будет застигнут в городе, беги скорее из него, а кто в окрестностях — не входи в него. Не откладывайте ни на минуту своего бегства, не останавливайтесь даже за тем, чтобы взять с собой самое необходимое; если кто будет на кровле дома, беги, не заходя даже в дом, чтобы взять что-нибудь; и кто будет работать в поле, сняв свою верхнюю одежду, беги, не останавливаясь даже за тем, чтобы захватить ее с собою. Помни, что это — дни Суда Божия над неверным народом, предсказанные пророками. Горе тогда будет беременным и кормящим грудью, которые не в силах будут бежать, ибо и их постигнет великое бедствие, призываемое на народ сей. Многие падут тогда от меча, остальные будут взяты в плен и расселены по всем странам, а покоренный Иерусалим останется во власти язычников до тех пор, пока не окончатся времена язычников. Молитесь, чтобы это не случилось зимой или в субботу, и тем не воспрепятствовало бы вашему поспешному бегству. Скорбь будет тогда такая, какой не было от начала мира, и никогда уже не будет. Эти скорбные дни сократятся ради избранных, ради уверовавших в Меня, которые не успеют спастись бегством; иначе никто не остался бы в живых. Эта скорбь усилит среди евреев ожидание Мессии, и многие станут злоупотреблять таким ожиданием; появятся лжехристы и лжепророки и станут совершать ложные знамения и чудеса, которые, однако, будут так походить на истинные, что даже и верующие в Меня могут обмануться. Но вы не верьте им! Берегитесь! Вот, Я наперед сказал вам все. Не забывайте указанных Мной вам признаков предстоящего разрушения Иерусалима; возьмите в пример смоковницу: когда ветви ее становятся мягки и листья начинают распускаться, то вы по этим знакомым вам приметам узнаете, что близко лето; так и в деле, о котором Я вам говорю: когда увидите, что начинаются предвозвещенные Мной события, то знайте, что

близок, уже при дверях, и суд над народом израильским. Истинно говорю вам, что это случится скоро, что многие живущие ныне будут очевидцами всех бедствий и на себе испытают их; все сбудется так, как Я говорю, ибо скорее небо и земля могут уничтожиться, нежели Мои слова не исполняться. Еще раз предупреждаю вас: не верьте лжехристам, которые придут; не верьте и людям, которые будут уверять вас, что сами видели Христа скрывающимся в пустыне или в потаенных комнатах, и не идите к Нему. Не так придет Сын Человеческий. Как молния сверкает неожиданно и озаряет разом все небо, так мгновенно и повсеместно будет пришествие Его; и как на труп слетаются орлы, так и Сын Человеческий соберет к Себе всех людей [72]».

На этом оканчиваются предсказания о разрушении Иерусалима; сказанное после относится уже к кончине мира и Второму Пришествию Христа. Слова Иисуса о смоковнице, о том, что все сказанное Им сбудется, пока еще живо современное Ему поколение, и что сбудется непременно, — помещены Евангелистами Матфеем, Марком и Лукой в том месте их повествований, в котором говорится о кончине мира, а так как слова эти не могут иметь никакого отношения к кончине мира и несомненно сказаны по поводу предстоявшего разрушения Иерусалима, то, для последовательности повествования, они и помещены здесь вслед за двадцать третьим стихом Евангелия Марка.

Посмотрим теперь, что говорят историки об исполнении пророчества Иисуса.

Обзор исторических сведений о состоявшемся разрушении Иерусалима и храма

Евреи, признававшие себя подданными одного только Бога, всегда относились к римлянам со страшным озлоблением и готовы были воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы возмутиться против них и свергнуть ненавистное иго. Сами правители (прокураторы) римские своей жестокостью и сребролюбием усиливали это озлобление. Особенно тяжело было евреям в правление Флора. Они просили римского императора удалить Флора и, когда получили отказ, взбунтовались, перебили всех римских воинов, охранявших порядок в Иерусалиме, и захватили в свои руки власть. Скоро восстали и другие города, и мятеж охватил всю Палестину. Для усмирения взбунтовавшихся евреев посланы были войска, которые под предводительством Веспасиана вступили в Галилею. Так началась иудейская война, подробно описанная участником ее, еврейским историком, евреем Иосифом Флавием.

Но раньше этого исполнилось сказанное Апостолам о судьбе, какая постигнет их самих. **Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое** (Лк. 21, 12). Из повествований Евангелиста Луки, содержащихся в другой книге его, *Деяния Апостолов*, а также из сочинений языческих историков того времени, видно, что Апостолов, отправившихся проповедовать во все страны известного тогда мира, всюду с особой ненавистью встречали евреи; эти единоплеменники Апостолов клеветали на них, привлекали их в свои синагоги, чтобы судить их своим судом, доносили на них местным властям, сами били их и язычникам помогали. По доносам евреев, на Апостолов воздвигли гонения и язычники; их гнали, били, побивали камнями, предавали суду царей и правителей, заключали в темницы, распинали, убивали; когда же их вели на допрос, они, следуя завету Христа, не обдумывали ответов; они знали, что за них будет говорить **Дух Святый** (Мк. 13, 11), и своими мудрыми ответами поражали судей и истязателей. Гонениям подверглись не только Апостолы, но все вообще христиане; особенно жестокими гонения стали в царствование Нерона, когда христиан сжигали живьем для освещения царских садов и отдавали на растерзание львам для потехи праздной толпы язычников. Однако, несмотря на свирепость этих гонений, проповедь Апостолов проникала всюду, и в самом Риме было множество семейств, некоторые члены которых были тайными христианами. Когда же христианская религия была объявлена вредною, а христиане подлежащими истреблению, то в таких смешанных в религиозном отношении семействах началась страшная вражда. Правительство требовало, чтобы на христиан доносили, чтобы выдавали их

властям для казни, и тогда брат доносил на брата, отец на детей, дети на родителей; ненависть и предательство господствовали, а любовь была забыта, изгнана; и даже самое слово **христианин** стало ненавистным для язычников. Так исполнилось пророчество Иисуса Христа, сказавшего: **тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга** (Мф. 24, 10); **предаст же брат брата на смерть, и отец — детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их** (Мк. 13, 12); **и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь** (Мф. 24, 12); **и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое** (Мк. 13, 13). И среди всех этих бедствий Апостолы, а с ними и многие из христиан, были непоколебимо стойки: храня завет Христа *терпеть до конца*, они безбоязненно шли на мучения и смерть; они смело говорили правду в глаза сильным мира сего; они пронесли учение Христа по всему известному тогда миру, почти все умерли мученической смертью, но зато стали достойными сынами Отца Небесного. Помня слова Иисуса: **берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим** (Мф. 24, 4), Апостолы не соблазнились ни лжепророками, ни лжехристами, которых было немало. По словам Иосифа Флавия, Палестина того времени была наполнена обольстителями и чародеями, которые водили народ в пустыню, чтобы показать чудеса, будто бы творимые ими божественной силой. Из числа таких обольстителей известны: Досифей самарянин, называвший себя Христом, Симон волхв, тоже самарянин, называвший себя сыном Божиим, Февда, Менандр, какой-то египтянин и другие. Евреи того времени, отвергнув Христа, так страстно ждали мессию-завоевателя, что охотно шли навстречу всякому самозванцу.

Все это предшествовало разрушению Иерусалима; это должно было случиться **прежде всего**; так оно и свершилось. Но уже к концу этого времени, когда Апостол Петр был в Риме распят, а Апостол Павел там же обезглавлен, начала сбываться и вторая часть предсказаний Иисуса Христа: **восстал еврейский народ на народ римский, царство иудейское на царство римское**, прошли слухи о войне, и началась война.

Веспасиан шел со своими войсками из Антиохии, и первый натиск их должна была выдержать Галилея. Там было собрано сто тысяч молодых евреев под предводительством Иосифа Флавия. Но наскоро собранное, необученное военному делу еврейское войско не в силах было устоять против испытанных в боях римских легионов; и все города Галилеи, а затем Самарии, и многие города Иудеи, один за другим, были покорены и подверглись страшному опустошению, а военачальник Иосиф Флавий был взят в плен. Первым пала Гадара, причем находившиеся в городе и окрестностях мужчины, женщины и дети были убиты все поголовно. При осаде Иотапаты пало 40000 евреев, и 1200 взяты были в плен. В Аскалоне убито 10000 человек, в Иафии 27000 убиты, а все женщины и дети проданы в рабство. В Самарии, на горе Гаризим убито 11000. В Иопии 8400 убито, а 4200 утонуло. В Тарихее 2200 убито и 6000 взято в плен. В Гамале 4000 убито, а 5000 человек бросились с крутизны горы и погибли. Из взятых в плен продано в рабство 30400 человек. Покорив Галилею, Самарию и почти всю Иудею, Веспасиан хотел двинуться к Иерусалиму, но весть о смерти императора Нерона вынудила его приостановить на некоторое время военные действия; когда же он сам был провозглашен войсками императором, то уехал в Рим, а продолжение войны поручил сыну своему Титу. Тит подступил к Иерусалиму перед самым праздником еврейской пасхи в 70 году по Р. Х.

Христиане, помня завет Христа, бежали из Иерусалима еще до осады его и спаслись за Иорданом, в безопасных по пустынности местах.

Иосиф Флавий свидетельствует, что еще до осады Иерусалима были **знамения**, предвещавшие будущее разорение: в продолжение целого года над городом стояла звезда, подобная мечу; перед началом войны, в праздник опресноков, ночью, вокруг жертвенника и святилища стало так светло как днем; тогда же медные ворота храма, которые двадцать человек с трудом запирали и в которых имелись запоры, глубоко входящие в порог, ночью сами собой отворились, а в праздник Пятидесятницы священники, войдя в храм для служения, слышали сначала шум и движение, а потом голоса: *Переселимся*

отсюда!

В Иерусалиме же с самого начала войны происходили раздоры между партиями, желавшими захватить власть в свои руки. Город был наполнен шайками разбойников, которые, под именем ревнителей еврейской независимости, или *зилотов*, скоро стали во главе всего населения и бесстыдно распоряжались жизнью и имуществом граждан. Сюда же стали стекаться и беглецы из осажденных римскими войсками городов; а один из таких беглецов, Иоанн Гисхальский, быстро составил преданную ему партию, стал во главе ее и начал междоусобную войну с зилотами и мирными жителями Иерусалима; последними предводительствовал первое время первосвященник Анан. Между враждующими партиями происходили кровопролитные стычки на улицах города и во дворах храма; храм был обогрен кровью и завален трупами убитых, так что **на святом месте** стала **мерзость запустения** (Мф. 24, 15). Враждующие партии призвали на помощь идумеян, и междоусобие еще более усилилось. Грабежи, разбои, насилия, убийства производились днем на улицах; нападали преимущественно на богатых и обирали до нитки. В таком положении полного безначалия находился Иерусалим, когда войска Тита подошли к нему. Тит окружил город окопами с целью воспрепятствовать подвозу хлеба и голодом принудить осажденных к сдаче. Начался страшный голод; многие хотели спастись бегством от голодной смерти, но беглецов ловили римские воины и распинали на крестах; беглых было так много, что у осаждающих не доставало ни крестам мест, ни распинаемым крестов. В самом же городе происходили раздоры, побоища, грабежи, насилия и убийства; голод усилился настолько, что множество людей умирало в страшных мучениях, а одна обезумевшая от голода мать изжарила и съела своего ребенка. Сначала мертвых погребали в пещерах и опустевших домах, но когда уже негде было погребать, то стали выносить трупы за городские ворота или сваливать с городских стен. Один из перебежчиков говорил Титу, что только через те ворота, к которым он был приставлен, было вынесено 150880 трупов; по исчислениям же других перебежчиков, до 600000 трупов было вынесено и выброшено из города. Когда Тит обходил город вокруг стен и увидел, что все рвы наполнены гниющими трупами, то в ужасе поднял руки к небу, призывая Бога свидетелем, что не он виной такого бедствия. И он был отчасти прав, потому что предлагал осажденным сдаться, но те не захотели. Посылал Тит к стенам Иерусалима самого Иосифа Флавия уговаривать осажденных, и он в длинной речи напомнил своим согражданам всю историю еврейского народа, и доказал, что евреи всегда побеждали, когда Бог вступался за них, и никогда не имели успеха, если надеялись только на свои силы, на свое оружие, и что теперь, когда они святой храм сделали вместилищем всех непотребств, могут ли они надеяться на помощь Божию? И, взявшись за оружие, не ведут ли они, таким образом, войну с Самим Богом? Но и эти увещания не имели успеха.

Гибель Иерусалима была бы несравненно ужаснее, **если бы**, по предсказанию Иисуса Христа, **Господь не сократил тех дней... ради избранных** (Мк. 13, 20), которые не успели спастись бегством. Дела призывали Тита в Рим, и поэтому он решил взять город приступом.

Отчаяние осажденных достигло высшей степени, когда римские войска проломили городскую стену, ворвались в город и взяли башню Антония; тогда все собрались в храмовые дворы и притворы, заперли ворота и решили защищаться тут до последней возможности. Но осаждающие ворвались и в храм и обагрили его потоками крови. Тит хотел спасти самый храм, но не мог удержать своих воинов, дошедших до неистовства; они подожгли храм и затем стали убивать всех находившихся там евреев; вокруг святилища лежало ужасное множество трупов, а по ступеням жертвенника обильно текла кровь; вся земля была сплошь покрыта трупами; ступая по ним, римляне гнались за убегающими евреями. Оставшиеся в живых евреи пробились к воротам храма, ушли в город и там укрепились, но не устояли и тут против римских войск. Когда войска ворвались в город, то убивали всех попадавших им по пути, заградили улицы трупами и весь город потопили в крови. Сгорел храм, сгорел и весь Иерусалим. Воины утомились убивать, между тем оставалось еще много живых; и вот приказано убивать не всех поголовно, а только

вооруженных и сопротивляющихся, а остальных брать в плен. Всего взято в плен до 97000, а погибло во время осады 1100000 человек. Сокровища храма и города были разграблены, весь город и храм разрушены до основания.

Так сбылись слова Иисуса Христа о судьбе жестоковыйного народа, беспощадно убивавшего своих пророков и, наконец, распявшего своего Мессию. Так взыскана с них кровь праведников, невинно пролитая ими, до крови Самого Христа, которую они дерзновенно призывали на свою голову, крича Пилату: **кровь Его на нас и на детях наших!**

Попытка Юлиана Отступника восстановить храм

Проследим за дальнейшей судьбой храма и Иерусалима. Иисус сказал, что храм будет разрушен так, что и камня на камне не останется, а Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников. И действительно, храм разрушен так, что и следов его не осталось; попытки же восстановить его окончились полной неудачей. Один из римских цезарей, Юлиан, прозванный Отступником, поклялся, что восстановит Иерусалимский храм и тем посрамит Иисуса, предсказавшего его окончательную гибель. Он созвал для этого евреев со всех стран света, которые с особенным усердием и благоговением начали расчищать место, где был храм; но каждый раз, как только они принимались за работу, множество огненных шаров вырывалось из земли; много раз переделывали работу, но при возобновлении ее огненные шары опять разгоняли работавших; наконец, строители поняли, что продолжать работу бесцельно, и разошлись, оставив навсегда попытки восстановления храма, разрушенного по воле Божией.

Беседа о кончине мира и втором пришествии Иисуса Христа

Продолжая беседу, Иисус перешел к ответу на вопрос о кончине мира и Втором Пришествии Своем. Апостолы, конечно, желали знать, когда именно последуют эти знаменательные события, но Иисус сказал им, что **о дне... том и часе никто не знает, ни даже Ангелы небесные, а только Отец Его один** (Мф. 24, 36); но чтобы они не думали, что это может совершиться скоро, Он сказал, что это будет не только не ранее разрушения Иерусалима (после скорби дней тех), но даже не ранее того времени, когда учение Его станет известным всем народам, населяющим землю.

О дне и часе второго пришествия

Положим, что люди не должны знать с точностью дня Второго Пришествия Иисуса Христа, так как должны быть готовы во всякое время встретить Его; ангелы могут не знать этого, но как же Иисус говорит, что знает это только Отец Его? Как может не знать этого Он Сам, если Он в Отце и Отец в Нем? Если Евангелист Матфей и умалчивает о неведении Сына Человеческого, зато Евангелист Марк передает слова Иисуса так, что недоразумений быть не может, **о дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец** (Мк. 13, 32). Как же может не знать об этом Тот, Кто придет судить род человеческий? Иоанн Златоуст отвечает на этот вопрос так. «Словами — **ни Ангелы** — Христос удерживает учеников Своих, чтобы они не старались узнать того, чего не знают и сами Ангелы; словами же — **ни Сын** — возбраняет им не только знать, но и спрашивать об этом. А что слова эти сказаны Им с этим именно намерением, узнай из того, как Он, по Воскресении, с большей силой воспретил им любопытство» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 77). В книге Деяний Апостолов говорится, что когда Христос перед Вознесением Своим явился Апостолам, то они спросили Его: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?» А Он ответил им: **не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти** (Деян. 1, 7). По мнению Василия Великого, смысл сказанного Иисусом (по Евангелию Марка) таков: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные; не знал бы и Сын, если бы не знал Отец; по тому что от Отца дано Ему ведение» (Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 7. С. 159). А Григорий Богослов по этому поводу говорит: «Как Сыну, Который подробно знает, что будет пред

последним часом и как бы во время конца, не знать самого конца? Для всякого ясно, что Сын знает, как Бог, приписывает же Себе незнание, как Человек» (Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 3. Второе слово о Боге Сыне. С. 76). Соглашаясь с этим мнением, блаженный Феофилакт говорит: «Он (то есть Христос), как Бог, знает, а как Человек не знает времени Своего пришествия» (Блж. Феофилакт. Толкование на Евангелие от Матфея. Гл. 24).

Но если предположить, что Иисус знал день Своего Второго Пришествия, а сказал Апостолам, что не знает, то это будет равносильно признанию, что Он сказал неправду. Между тем вера наша в Него и во все, чему Он учил и о чем говорил, основана на убеждении, что Он, безгрешный и правдивый, не мог говорить неправду и что всякое слово Его истинно. Поэтому слова Иисуса Христа о дне и часе Его Второго Пришествия надо понимать в ином значении. Если предположить, что день и час кончины нашего земного мира, а следовательно и начала Страшного Суда, еще не назначены и что назначение их зависит от воли Отца Небесного, то тогда станет понятным, что **о дне... том, или часе, никто не знает, ни Ангелы Небесные, ни Сын, но только Отец**, от воли Которого зависит назначение их. День и час еще не назначены Отцом, а потому не знает их никто, даже Сын.

Несколько лет назад появилась книга Бейнингена «Бодрствуйте! Се, гряду скоро». В ней говорится, что Второе Пришествие Христа на землю последует в 1932 или 1933 году, но что Он придет не для Страшного Суда, а для открытия тысячелетнего царствования 144000 избранных. Свои выводы автор основывает на своеобразном толковании того места книги Даниила, в котором сказано: **Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней. Блажен, кто ожидает и достигнет тысяча трехсот тридцати пяти дней** (Дан. 12, 11–12). Считая день пророчества за лунный год и переводя 1335 лунных лет в солнечные, он получает 1295 с четвертью солнечных лет, которые должны (по его мнению) пройти до Второго Пришествия Христа со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения на святом месте; принимая затем совершенно произвольно таким начальным годом 638-й год, когда последовала закладка мечети Омара на месте разрушенного храма Иерусалимского, и считая таковую закладку поставлением мерзости запустения, он складывает 1295 с четвертью лет с 638-ю годами и получает 1933-й год, то есть время Второго Пришествия Христа. Считая излишним доказывать очевидную ошибочность выводов автора, трудящегося над разрешением одного уравнения со многими неизвестными, сделаю лишь два замечания:

1. По словам Господа, поставлением мерзости запустения на месте святом надо считать разрушение храма и Иерусалима в 70 году по Р. Х.; следовательно, если к 70-ти годам прибавить вычисленные г-ном Бейнингеном 1295 с четвертью лет, то окажется, что Второе Пришествие Христа уже было в 1366 году.

2. Если Господь сказал, что о дне и часе том не знает даже Сын, то как же может знать г-н Бейнинген? Не слишком ли много он берет на себя? И не кощунственно ли утверждение, что Господь говорил только о дне и часе, а о годе умолчал?

И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются.

Слова эти надо понимать так: после скорби дней тех, то есть после разрушения храма и Иерусалима, но когда именно — неизвестно, последует кончина мира; видимыми признаками ее будут необычайные явления в природе: солнце померкнет и луна, отражающая свет его, перестанет светить, а земля будет так потрясена, что звезды покажутся падающими с неба, а самое небо, силы небесные — поколебленным.

Из слов Спасителя не видно, будет ли то кончина всего мира, всей Вселенной, или только мира земного; поэтому можно строить различные предположения. Однако Сам Спаситель говорил, что с кончиной мира последует Страшный Суд над родом человеческим, населявшим землю; а если кончина мира коснется только обитателей земли, то надо полагать, что это будет не конец Вселенной, а только

конец жизни на земле, конец существования самой земли вообще или же существования Земли как населенной планеты. Впрочем, это известно одному только Богу. Но так как, судя по словам Господа, вероятнее кончина жизни земной, то я и решаюсь объяснить себе, с точки зрения обитателя Земли, те явления, которые будут предшествовать этому. Поэтому я и говорю, что от потрясений, какие постигнут Землю, обитателям ее *покажется*, что звезды падают с неба. Упасть с неба на землю звезды не могут, так как Земля, в сравнении не только со всеми ими, но даже с каждой из них в отдельности, составляет ничтожную величину. К тому же Господь говорит, что когда все это свершится, то **поднимите головы ваши** (Лк. 21, 28) и увидите **Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою** (Мф. 24, 30); а из этих слов можно заключить, что и небо, то есть вся вселенная, кроме земли, и облака небесные, останутся для продолжения своей жизни, то есть исполнения воли Творца-Вседержителя.

Что именно произойдет тогда с земным шаром, на котором мы живем? Будет чем-либо нарушена правильность его вращения вокруг нашего Солнца, и он будет притянут Солнцем и как бы поглощен им? Или само Солнце охладает настолько, что перестанет быть источником света и тепла? Или произойдут какие-либо другие перемены в нашей планетной системе — все эти вопросы остаются открытыми; да и разрешение их было совершенно излишне при объяснении Апостолам признаков кончины мира. Для них достаточно было знать, что за этими явлениями последует открытие Царства Небесного, новой блаженной Вечной Жизни.

Все эти необычайные явления, к которым присоединится небывалое волнение моря, приведут людей в недоумение и как бы в оцепенение; затем, когда они, наконец, поймут, что на них надвигаются страшные бедствия, то в унынии станут рыдать, падать духом, изнывать и с отчаяния даже умирать. Но верующие во Христа и исполняющие волю Отца Его не должны ни бояться, ни унывать; напротив, когда начнет все это сбываться, они должны радоваться, что приближается избавление их от этой земной жизни и начало блаженства в Жизни Вечной. Тогда пусть смело поднимут взоры свои к небу и увидят в нем знамение Сына Человеческого, а затем и Его Самого, грядущего на облаках небесных с силой и славой великой.

Какое именно знамение явится — Иисус не сказал, да и Апостолы не спрашивали Его. Очевидно, что это будет такое знамение, которое не оставит в людях ни малейшего сомнения в том, что оно знаменует шествие Христа. По мнению Иоанна Златоуста, таким знаменем будет *крест*. И когда явится это знамя Христово, все поймут, что настал Страшный Суд; и тогда восплачут все племена земные, все люди, которые сознают себя неподготовленными к встрече Христа-Судьи, — которым нечем оправдаться пред Ним; и **увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их**.

Говоря о Своем Втором Пришествии, Иисус употреблял выражения и образы, удобопонятные для Апостолов, взятые из жизни евреев. Моисей, ведя евреев в землю обетованную, созывал их в собрания и для отправления в дальнейший путь приказывал трубить в серебряные трубы (см. Числ. 10, 1—10); этот способ созыва обратился в обычай и соблюдался евреями и в последующие времена. Выражение **от четырех ветров** употреблялось в разговорном языке евреев для обозначения четырех стран света, востока, запада, севера и юга; выражение же **от края небес до края их** употреблялось и в ветхозаветных книгах для обозначения всей земли, всего пространства земного шара, населенного людьми (см. Втор. 4, 32).

Поэтому слова Иисуса, что Он пошлет ангелов Своих с трубой громогласной, надо понимать не буквально. Как явление Иисуса Христа будет мгновенное, сразу видимое всем, так и посланные Им ангелы сразу же соберут со всех концов земли людей; и это одновременное и мгновенное воскрешение всех, как бы разом услышавших призыв Христа, возвещенный ангелами, уподобляется обычному у евреев созыву в собрание трубой громогласной, которую слышат одновременно все созываемые. Евангелист Матфей

передает здесь слова Иисуса о созыве только избранных, то есть тех, которые удостоятся Царства Небесного; но так как в дальнейшем повествовании тот же Евангелист говорит о том, что соберутся все народы (Мф. 25, 32), то надо полагать, что избранные и неизбранные, то есть достойные Царства Небесного и недостойные его, все будут призваны.

Когда это совершится, в какой день и час, об этом **никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один**. Люди будут жить так же беспечно, как живут теперь, как жили и в дни Ноя; будут есть, пить, жениться и выходить замуж, не подозревая, что близок конец; и как во дни Ноя не думали о предстоявшей всем гибели, пока Ной не вошел в ковчег и потоп не истребил всех, так будет и в Пришествие Сына Человеческого: многие будут жить, нисколько не думая, что настает час дать ответ перед Богом за прожитую жизнь. **Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному** (Лк. 21, 34–35).

Говоря о внезапности Своего Пришествия, Иисус сказал, что тогда из двух застигнутых в поле один будет взят, а другой оставлен, и из двух женщин, мелющих муку на ручном жернове, одна будет взята, другая же оставлена. Для того, чтобы понять эти слова, надо иметь в виду, что при Втором Пришествии Своем Христос повелит ангелам Своим собрать избранных Его от четырех ветров (Мф. 24, 31), и хотя ангелы соберут на Суд всех без исключения, но первоначально соберут **избранных**, то есть достойных Царства Небесного; и соберут так быстро, мгновенно, что если, например, двое будут работать в поле и один из них, как избранный, будет взят, то другой, оставленный пока, так будет поражен внезапностью явления, что не в состоянии будет дать себе отчет в происшедшем, не в силах будет опомниться; так же будет изумлена и оставленная за жерновом женщина при взятии от нее подруги.

Наставление о бодрствовании в ожидании Второго Пришествия

Вообще в этой беседе Иисус Христос обращает особенное внимание всех Своих последователей на внезапность Своего Второго Пришествия; говорит об этом несколько раз и каждый раз предостерегает от беспечности, от преданности житейским благам и заботам; и уговаривает их бодрствовать духом и быть во всякое время готовыми с чистым сердцем встретить Его. Для большей убедительности Своих слов Он привел им несколько примеров из обыденной жизни.

Если бы хозяину дома было известно, в какой час ночи придет к нему вор, то он бодрствовал бы только в этот час и не дал бы ему подкопаться под дом; но так как этот час ему неизвестен, то он вынужден караулить дом всю ночь. Так и вы будьте готовы во всякое время, **ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий**.

Быть готовыми встретить Пришествие Спасителя — значит не только думать об этом пришествии и ожидать его, но и постоянно, всю жизнь свою готовиться к этой встрече; а готовиться к встрече Спасителя, готовиться дать ответ Ему на Страшном Суде Его — значит исполнять все Его заповеди, жить не так, как хочется, а как Бог велит, вспоминать все свое прошлое, все грехи свои, осуждать себя за совершение их, каяться, слезами покаяния омыв их, дать себе слово больше не грешить и всеми силами своими бороться с искушениями; падая же нравственно, скорее опять подниматься, вновь осуждать себя, вновь каяться и молить милосердного Господа о поддержке и о прощении всех прегрешений, о невменении их в вину.

Притча о рабе благоразумном

Чтобы нагляднее представить Апостолам необходимость бодрствовать и быть готовыми встретить Его во всякое время и чтобы разъяснить им, в чем именно должна заключаться такая готовность, Господь сказал им притчу: «Один господин, уходя на некоторое время, поручил рабу своему раздавать его слугам

пищу своевременно; уходя же, не сказал, когда возвратится. Конечно, в отсутствие господина, раб тот должен свято исполнять возложенные на него обязанности; и блажен будет, если будет поступать так, потому что господин, возвратясь, наградит его, окажет ему еще большее доверие: над всем имением своим поставит его. Да, так будет поступать **верный и благоразумный раб** (Мф. 24, 45). Но если раб тот окажется злым и будет думать: "Не скоро придет господин мой", и, думая так, начнет обижать слуг, бить их, а сам есть и пить с пьяницами, то горе ему! Придет господин его, непременно придет, и придет неожиданно, и подвергнет злого раба печальной участи; будет раб плакать с досады и скрежетать зубами, но поздно: прошлого не вернешь и участи своей не изменишь».

Другую притчу сказал Господь Апостолам. Второе Пришествие Сына Человеческого подобно будет тому, как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть, и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать; **итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими** (Мк. 13, 35–36).

Оканчивая эти притчи, Христос сказал: **А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.**

Не будем же беспечны, не будем говорить, что до кончины мира и Страшного Суда еще далеко, что еще будет время подумать об этом; ведь мы не знаем ни дня, ни часа, когда будем отозваны из этой жизни, то есть умрем; а после смерти нет места покаянию. Будем же наблюдать за собой ежеминутно, не дадим житейским заботам и благам мира сего поработать нас; пусть дух наш постоянно бодрствует и охраняет нас от всяких соблазнов и уклонений с прямого пути, чтобы нам можно было во всякое время безбоязненно предстать на Суд Сына Человеческого.

Говоря о слугах, которым господин поручил управление домом своим, Иисус, несомненно, называл Господином — Себя, домом — землю, а слугами — людей, населяющих землю; поэтому, если слуги, получившие в управление дом своего господина, должны всегда добросовестно исполнять свои обязанности, чтобы во всякое время безбоязненно дать господину отчет по управлению домом, то и мы, пользуясь благами жизни, должны всегда помнить, что блага эти принадлежат не нам, а Богу, и что все, чем мы владеем, дано нам лишь в управление, сопряженное с несением известных обязанностей; мы не должны забывать, что от нас потребуются отчет в исполнении возложенных на нас обязанностей, и потому мы должны поступать так, чтобы быть готовыми во всякое время дать этот отчет. Дадим мы его при Втором Пришествии Иисуса Христа, но заканчиваем его с окончанием нашей земной жизни; и если мы жили беспечно, не думая о своем Господине, если мы пользовались благами земными не как чужим достоянием, данным в управление, а как присвоенным или похищенным, и расточали его на удовлетворение своих прихотей, то, умирая и, так сказать, подписывая свой жизненный отчет, мы в ужасе вспоминаем, что все данное нам в управление расхищено нами и растрачено, что оправдать расход нам нечем, что нет у нас оправдательных документов; и уподобимся мы тем слугам, которых возвратившийся господин застал спящими.

В приведенных притчах говорится, что господин не только оставил своим слугам в управление дом свой, но еще дал **каждому свое дело** (Мк. 13, 34). Поэтому, каждый из нас *должен* не только управлять домом Божиим, то есть ниспосылаемыми нам житейскими благами, согласно с волей Божией, но и делать *свое дело* так, чтобы во всякое время быть готовым дать отчет грядущему Судье. У каждого из нас есть *свое дело*, своя служба, своя работа, свой промысел, ремесло; каждый занят *своим делом*, порученным ему Богом, и должен дать отчет в нем: так ли вел *свое дело*, как Богу угодно?

Перед явлением Господа нашего Иисуса Христа, когда толпы народа шли к Иоанну в пустыню каяться во грехах и креститься, и когда крестившиеся спрашивали: «Что нам делать?» — Иоанн советовал каждому добросовестно делать *свое дело*. Кажется, требование невелико и удоисполнимо. Того же требует от нас

и Христос: каждому делать *свое дело* так, как повелел Господь; и если мы будем поступать так, то всегда будем готовы встретить своего Господина, и встреча эта будет радостна для вас. Но если мы забудем повеления Господина нашего и будем делать *свое дело* как нам хочется, то горе нам!

Говорится в этих притчах еще и о рабе, которому поручено раздавать слугам пищу в свое время, и о привратнике. Под именем раздавателя пищи надо разуметь священника, которому Христос поручил раздавать овцам стада Его духовную пищу, то есть проповедовать слово Божие и совершать таинства, через которые даруется верующим благодать Божия; под именем же привратника — всех власть имеющих, всех, призванных охранять безопасность обитателей дома Божия.

И им говорит Господь: **бодрствуйте** (Мк. 13, 37). Бодрствуйте, исполняя возложенные на вас Богом особые обязанности, и никогда не забывайте, что и вы должны будете дать отчет: добросовестно ли делали *свое дело*. И чем больше власти вам дано, чем больше от добросовестного несения этой власти зависит спокойствие и благосостояние вверенного вам стада Христова, тем строже и Суд будет над вами, ибо «кому много дано, с того много и взыщется». Если Христос приходил на землю **не для того... чтобы Ему служили**, а для того, **чтобы послужить** и жизнь Свою отдать **для искупления многих** (Мк. 10, 45); если Он говорил: **кто** из вас **хочет быть первым, будь** каждому **слугою** (Мк. 9, 35), то и вы должны помнить, что властью своей, Богом вам данной, вы должны служить тем, охранять которых призваны. Помните же это и бодрствуйте!

Притча о десяти девах

Продолжая Свою беседу и заповедуя всем бодрствовать, Иисус сравнил ожидание Второго Пришествия Его и открытия Царства Небесного с обычным у евреев ожиданием жениха, приходящего за невестой в дом ее родителей. Жениха, приходившего в сопровождении *друзей* и *сынов брачных* (ср.: Ин. 3, 29; Мф. 9, 15), встречали торжественно, выходили к нему навстречу со светильниками в руках; а так как жених мог и опоздать приходом, то встречавшие должны были иметь в отдельных сосудах запасное масло на случай, если налитое в светильник сгорит до прихода его. Ссылаясь на этот обычай почти всех восточных народов, Иисус сказал: «Ожидание Второго Пришествия Сына Человеческого можно сравнить с ожиданием жениха. Было десять дев, которые должны были встретить жениха, но из них только пять были заботливы; они действительно хотели встретить его, как и подобало, с горящими светильниками, и для этого на всякий случай взяли с собой запас масла; а другие пять дев понадеялись, что налитого ими в светильники масла будет достаточно, и потому запасного не взяли. Все десять дев долго ждали жениха с зажженными светильниками и наконец заснули, а светильники, поставленные тут же наготове, продолжали гореть. Вдруг в полночь раздался крик: **жених идет, выходите навстречу ему** (Мф. 25, 6). Проснулись девы и бросились к своим светильникам, начали оправлять их и заметили, что налитое в них масло уже сгорело; заботливые или, как назвал их Иисус, мудрые девы стали поспешно наливать в светильники свое запасное масло, а беспечные или глупые, видя, что их светильники гаснут, стали просить масла у мудрых, но получили отказ. Если мы дадим вам масла, сказали мудрые, то может случиться, что его не достанет и нам и вам; так идите лучше к тем, у кого можно купить его. Глупые девы пошли купить масла и, пока ходили, пришел жених; мудрые девы встретили его и вошли за ним на брачный пир, двери которого тотчас же затворились. И, когда пир начался, возвратились неразумные девы и стали стучаться в дверь, прося жениха, чтобы впустил их; но он дверей им не отворил и сказал: Уходите! **не знаю вас**».

Оканчивая эту притчу, Иисус опять сказал Апостолам: **Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.**

Из этой притчи видно, что недостаточно выражать на словах готовность исполнять заповеди Христовы, называться христианином и ожидать Пришествия Его: надо еще позаботиться о том, чтобы было с чем встретить Его. Недостаточно верить во Христа; надо еще исполнять заповеди Его, так как **не всякий,**

говорящий Ему: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но только исполняющий волю Отца Его Небесного (Мф. 7, 21), а воля Отца Небесного, чтобы мы любили ближних, всех безразлично, друзей и врагов, и самоотверженно трудились на благо им. Вот эти-то добрые дела и составляют тот запас, без которого нельзя идти навстречу Христу; недостаточно одного светильника веры: без добрых дел он угаснет и некуда будет тогда пойти для совершения добрых дел; тогда поздно будет думать об этом, да и бесполезно, так как двери Царства Небесного закроются и стоящие перед ними с угасшими светильниками услышат голос Христа: **истинно говорю вам: не знаю вас (Мф. 25, 12).**

Итак, надо бодрствовать, надо постоянно заботиться об исполнении воли Божией и накапливать запас добрых дел, с которым можно было бы спокойно умереть и затем, при Втором Пришествии Иисуса Христа, безбоязненно встретить Его. Не надо упускать ни малейшего благоприятного случая для накопления этого запаса, и накапливать его по мере сил и способностей. Справедливый Бог не требует от человека ничего чрезмерного или непосильного; Он дал людям различные способности и имущественные средства для исполнения воли Его, и от того, кому дал мало, не потребует многого. Но, надеясь на милость Божию, нельзя оправдывать свое ничегонеделание своею бедностью и отсутствием особых дарований, которыми блещут другие. Тебе мало дано, с тебя мало и взыщется, но все-таки взыщется, если предстанешь на Суд вовсе без добрых дел, хотя бы и малых. Бедная вдова, имея всего две лепты, не отговаривалась своею бедностью, а положила в церковную кружку все, что имела и, по замечанию Иисуса, положила даже больше всех богачей; и если она во всем так же поступала, то накопила себе запас хотя и малых дел, но такой, однако, который откроет ей двери Царства Небесного.

Притча о талантах

Мысли эти наглядно выражены в притче о талантах. Собственно талантом в древности называлась высшая денежная единица. В притче же под талантом понимаются данные Богом человеку духовные дарования и вещественные блага, то есть все, что человеку дано и чем он должен пользоваться не только лично для себя, но и для ближних своих.

Один богатый человек, отправляясь в чужую страну, поручил управление своим именем рабам своим; и так как он знал способности и силы каждого из них, то одному дал пять талантов, другому два и третьему один, а сам тотчас же отправился в путь. Получившие пять и два талантов пустили их в оборот и, к возвращению господина своего, удвоили хозяйское достояние. Получивший же один талант нашел, что ему против других дано слишком мало, что не стоит трудиться над умножением такого ничтожного капитала и что все равно ничего на него не наживешь; однако он боялся господина своего, зная его строгость, и потому не совершил по отношению к его капиталу никакого преступления, и думал, что достаточно будет, если он только сохранит его; поэтому он зарыл данный ему талант в землю. По прошествии долгого времени, возвратился господин тот и потребовал от рабов своих отчет. Пришел получивший пять талантов и сказал: «Ты мне дал пять талантов, но я удвоил их; вот они, десять талантов, возьми их». Похвалил господин раба того, назвал его добрым и верным, обещал большую награду, а главное приблизил к себе настолько, что предложил ему разделить с ним радость его. Получивший два таланта представил господину четыре, и удостоился одинаковой с первым похвалы и награды. Наконец, подходит получивший один талант и, не зная, чем оправдать свое нерадение, начинает обвинять самого господина: «Вот тебе твой талант! Он цел; я не растратил его; я верен был тебе, а если я не увеличил его, подобно другим, так в этом ты сам виноват: ты хочешь жать, где не сеял, и собирать там, где ничего не оставлял; ты жестокий господин! Почему ты дал другим больше, чем мне? Почему ты дал мне так мало? Стоило ли употреблять в дело и умножать такое ничтожное дарование? Будь доволен и тем, что я, боясь тебя, сохранил твое, остался верен тебе!» — «Ленивый и лукавый раб, — сказал ему господин, — если ты называешь меня жестоким и говоришь, что боишься меня, то тем более ты должен был позаботиться об увеличении данного тебе моего достояния, как бы оно мало ни было; не зарывать его в землю надлежало, а

употребить в дело, чтобы другим пользу принести, да и самому чтобы было с чем предстать предо мною. Все это от лености твоей и нерадения, а не от того, что тебе дан был только один талант. Возьмите же у него этот талант и отдайте имеющему десять, так как имеющий дарование и охотно применяющий его к делу тем самым развивает и усиливает его, и ему как бы вновь дается; а ленивый, не желающий приносить пользу данными ему от Бога дарованиями, не употребляющий их в дело, доходит до того, что эти дарования сглаживаются, стусеваются и как бы отнимаются у него. А негодного раба этого выбросьте отсюда; не место ему здесь! Пусть остается вне, во тьме; пусть мучается и с досады скрежещет зубами».

Итак, в притче о десяти девах и в притче о талантах изображается встреча Иисуса Христа при Его Втором Пришествии и притом встреча верующими в Него. Пять глупых дев верили в предстоящее пришествие жениха, искренно желали встретить Его; светильники веры их горели, но скоро потухли; и так как им не с чем было встретить его, так как по нерадению они не запаслись добрыми делами, то и были не допущены к брачному пиру, а пять мудрых дев, встретившие жениха не только с ярко пылавшими светильниками веры, но и с запасом добрых дел, были введены им в чертоги брачные. Также и в притче о талантах: даже ленивый раб, представлявший лукавые оправдания, и тот оказывается верующим в необходимость дать Господину своему отчет; и тот сохраняет веру в Него до конца, но является к Нему с одной этой верой, и сознается, что ничего доброго в своей жизни не сделал. И такого веровавшего во Христа раба, зарывшего талант свой в землю, равно как и тех дев, которые не сумели поддержать добрыми делами пламень своей веры, — словом, таких христиан не допустят в Царство Небесное, Христос скажет им: «Уйдите! Не знаю вас».

Как же заблуждаются после этого пашковцы и другие сектанты, утверждающие, что *всякому верующему* открыты врата Царства Небесного!

Объяснив Апостолам признаки Своего Второго Пришествия и заповедав им и всем вообще Своим последователям бодрствовать и готовиться к встрече Его с надлежащими оправданиями своей жизни, Иисус рассказал, как Он будет судить всех людей.

Речь Иисуса о страшном суде

Явление Христа во всей Славе Своей, со всеми ангелами, уподобляется торжественному выходу величественного земного царя, который садится обыкновенно перед собравшимися подданными своими на парадном троне или престоле, но это только уподобление, из которого вовсе не следует, что будто бы Иисус Христос сядет на Престоле Своем; из этого видно только, что явление Его как Царя Небесного будет сопровождаться такой величественной обстановкой, о какой люди и понятия не имеют, а могут лишь догадываться, судя по торжественным выходам могущественнейших царей земных. Сопровождать Его будут все ангелы, а встречать все люди, как застигнутые Его Пришествием, так и когда-либо жившие и теперь воскресенные. В каком виде предстанут воскресенные из мертвых, об этом Иисус сказал, отвечая на вопрос саддукеев о воскресении (см. выше, с. 707); что же касается тех людей, которые будут застигнуты живыми при Втором Пришествии Христа, то, по слову Апостола Павла, они будут телесно преобразованы, так как с чувственным телом нельзя вступить в Жизнь Вечную.

Когда придет Христос во всей славе Своей как Царь Небесный, и соберутся пред Ним на Суд все народы земли, то отделит праведников и поставит их по правую сторону, а остальных — по левую. Каким образом можно из всех людей, вместе собранных, выделить праведников, это, вероятно, показалось Апостолам непонятным, потому что Иисус сейчас же сказал им, что как пастух без всякого затруднения отделяет в своем стаде овец от козлов, так и Он отделит *Своих* овец, сынов Отца Небесного.

После того Он обратится к праведникам и скажет им: «Идите, достойные сыны Отца Моего, в приготовленное вам Царство! Ибо вы накормили Меня, когда Я был голоден; напоили, когда Я жаждал; приютили Меня, когда Я странником приходил к вам; одели Меня, когда Я был наг; навестили Меня, когда

Я был болен, и посетили Меня в темнице».

Истинные праведники, творящие добро так, чтобы левая рука не знала, что делает правая, отличаются особенной скромностью: они не только сами не хвалятся своими добрыми делами, но даже не любят, чтобы кто-либо обращал внимание на эти дела; они сознают ничтожность совершенного ими в сравнении с тем, что должны были бы совершить и к чему пламенно стремились; называя себя **рабами, ничего не стоящими** (Лк. 17, 10), сделавшими лишь то, что должны были сделать, они бывают даже удивлены, когда говорят об их добрых делах как о чем-то выдающемся. С такой же скромностью и неподдельным изумлением они на Страшном Суде ответят Христу: «Господи! Да когда же мы видели Тебя голодным, и накормили? Жажущим, и напоили? Когда же Ты приходил к нам странником, и мы приняли Тебя? Когда одели Тебя нагого? Когда мы видели Тебя больным или в темнице, и навестили Тебя?»

И Царь скажет им (Мф. 25, 40): «Да, лично Мне вы ничего этого не делали; но не Я ли говорил вам, что кто примет одного из малых сих, тот Меня принимает? И вот, вы не отказывали в помощи никому, кто именем Моим просил вас о ней; голодных вы кормили, жаждущих поили, нагих одевали, странников принимали, больных и заключенных утешали; и все, что вы сделали доброго для бедных, несчастных и страдальцев, нуждавшихся в вашей помощи, все это вы сделали как бы Мне Самому. Идите же и наследуйте Царство Небесное!»

«А вы? — скажет Царь стоящим слева, — вы отказывали Мне в куске хлеба, когда Я, голодный, протягивал к вам руку, вы не дали Мне даже воды, когда Я изнемогал от жажды; вы прогоняли Меня, когда Я в виде странника стучался в ваши двери, прося приюта и ночлега; вы равнодушно смотрели на Мои рубища и не подумали даже, что Я нуждаюсь в одежде для защиты от холода продрогшего тела; вы не только не навестили Меня, когда Я был болен, но даже боялись прикоснуться ко Мне; вы с презрением относились ко Мне, когда Я был заключаем в темницы! Идите же прочь от Меня и теперь! Ступайте туда, где приготовлены вечные мучения диаволу и ангелам — сотрудникам его!»

«Господи! — скажут тогда в ужасе и отчаянии стоящие слева, — когда же мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Этого никогда не было; никогда мы не видали Тебя, тем более в таком бедственном положении».

«Да, — ответит им Христос, — Меня в таком положении вы не видели; но вы отворачивались от всех несчастных, именем Моим моливших вас о помощи; вы гнали их от себя, чтобы они видом своим не нарушали беспечного веселья вашей праздной жизни. А между тем, вы должны были знать, что, отказывая им, вы отказываете Мне».

И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную (Мф. 25, 46).

О вечных мучениях

Мысль об осуждении грешников на вечные мучения смущает многих. За грехи кратковременной земной жизни страдать вечно! Справедливо ли это? Соразмерно ли наказание вине? И согласуется ли такое осуждение на вечные мучения с понятиями о милосердном и любящем Боге?

Мы знаем из слов Иисуса Христа, что милосердный Бог прощает нам даже самые тяжкие грехи, если мы здесь, во время нашей земной жизни, искренно каемся и доказываем искренность своего покаяния воздержанием от грехов и добрыми делами в дальнейшей жизни нашей. Мы знаем, что Бог прощает даже таких грешников (как, например, блудный сын притчи), которые, по нашим человеческим понятиям (выраженным в негодовании старшего брата блудного сына), не заслуживают никакой пощады. Мы знаем, что особенно одаренный от Бога, но беспутно расточивший эти дарования, немилосердный должник притчи был прощен, когда пал перед своим господином и дал слово исправиться и потрудиться, чтобы вернуть потерянное. Мы знаем, что Христос простил разбойника, покаявшегося тогда лишь, когда был уже

распят на кресте. Зная же такое, по-видимому, беспредельное и нам даже непонятное милосердие Божие, вправе ли мы задаваться вопросами о справедливости или несправедливости осуждения нераскаянных грешников на вечные мучения? В Своей безграничной любви, Бог указал человеку на Свое беспредельное милосердие как на средство избежать осуждения. Человеку указан верный путь, чтобы оправдаться и получить прощение. **Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, — сказал Христос, — и Я успокою вас** (Мф. 11, 28). А если, несмотря на все это, люди не хотят знать ни Бога, ни Его милосердия; если *они* упорно отказываются идти по Его зову к блаженству вечной жизни, — то можно ли удивляться, что на Страшном Суде Христос, напомнив им, как Он звал их к Себе, с грустью и глубоким сожалением скажет: **«И вы не захотели!** (Мф. 23, 37), уйдите же от Меня! Вы сами своей жизнью произнесли приговор над собой; вы сознательно, по собственному желанию, шли туда, где должен был бы быть один диавол со своими падшими ангелами; идите же туда, и оставайтесь там вечно!»

Каковы будут мучения грешников, в чем именно они будут заключаться — этого мы не знаем. Многие толкователи Евангелия, основываясь на словах Спасителя о вечном огне, склонны считать этот огонь таким же вещественным и жгучим, какой известен нам; другие же, отвергая мнения о мучениях от огня, отказываются объяснить свойства его. Так, блаженный Августин говорит: «Какого рода этот огонь — никто из людей не знает». По мнению же Дамаскина, «грешники будут преданы огню вечному, не такому вещественному, как у нас, но такому, какой ведом одному Богу». Мне же кажется, что если Иисус Христос и говорил об огне неугасаемом, о геенне огненной, о тьме и скрежете зубов, то лишь для того, чтобы сравнением с такими, понятными Его слушателям, страданиями дать Им некоторое представление о предстоящих грешникам мучениях после осуждения их на Страшном Суде. Из ответа *Иисуса* Христа саддукеям на вопрос о воскресении мы знаем, что в будущей жизни воскресенные люди будут подобны духам, ангелам, следовательно, не будут облечены в такие чувственные тела, которые можно было бы мучить обыкновенным огнем; поэтому с большой вероятностью можно предположить, что осужденные грешники подвергнутся душевным мукам, а не телесным. Каковы будут эти душевные мучения — мы не знаем, но некоторое подобие их может представить себе тот, кто когда-либо испытывал невыразимую тоску, доводящую до отчаяния, такую тоску, когда места себе не находишь, не знаешь, куда уйти, бежишь от людей, ищешь успокоения в одиночестве... и нигде его не находишь! Не такой ли тоской, быть может во сто крат большей, будут мучиться грешники, не пожелавшие во время своей земной жизни искать успокоения во Христе?.. [\[73\]](#)

Открыв Апостолам тайну предстоящего разрушения Иерусалима, кончины мира, Своего Второго Пришествия и Страшного Суда, Иисус отвлек внимание их от отдаленного будущего к тому, что должно совершиться через два дня. **Вы знаете, сказал Он, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие** (Мф. 26, 2). Какое впечатление произвели на Апостолов эти слова — Евангелист не поясняет; не говорит он также и о том, куда пошел Иисус после этой знаменательной беседы. Судя по всему, что произошло в этот день в храме, а также и по продолжительности беседы на горе Елеонской, можно полагать, что наступила уже ночь, **когда Иисус окончил все слова сии** (Мф. 26, 1). С наступлением же ночи Он мог отправиться в Вифанию, куда уходил в предшествовавшие дни, или же остаться до утра на горе и провести ночь в молитвенном единении с Отцом Небесным. Последнее предположение вероятнее, судя по тому, в каком настроении духа Он должен был находиться после окончательного разрыва с правящей партией еврейского народа. Апостолы тоже остались на горе и, вероятно, скоро заснули, что дало Иуде Искариоту возможность незаметно отлучиться в Иерусалим.

Совещание в доме Каиафы

В это самое время в Иерусалиме, в доме первосвященника Каиафы, собрались на совет первосвященники, фарисеи, книжники и старейшины народа. Обсуждению подлежал вопрос о том, как и когда убить Иисуса. Они давно уже решили убить Его и отдали приказание, в силу которого каждый,

узнавший местопребывание Его, обязан был донести об этом синедриону. Следовательно, теперь рассуждали только о времени и порядке исполнения этого приговора. Все происшедшее в тот день в храме, в особенности же всенародное обличение их Иисусом, побудило их собраться в чрезвычайное заседание синедриона и тонко обсудить все щекотливые стороны вопроса. Они прекрасно понимали, что если народ и не признавал в Иисусе Мессию, все же считал Его выдающимся Пророком и небывалым Чудотворцем, а потому схватить Его и убить теперь, когда Иерусалим переполнен пришедшими на праздник пасхи, будет крайне неосторожно и опасно: народ может вступить за Него; при малейшем подстрекательстве со стороны Его учеников это заступничество перейдет в бунт, для усмирения которого придут римские войска, и начнутся все ужасы, которых так страшились члены синедриона. Так рассуждали теперь главари еврейского народа; и решили взять Иисуса хитростью и убить, но только все это сделать по окончании праздника пасхи, когда прибывший со всех стран народ разойдется.

Предательство Иуды

Пока они так рассуждали, тайно пробирался к ним один из Апостолов, Иуда Искариот, которого сатана соблазнил возможностью заработать некоторую сумму денег, оказав синедриону крайне необходимую для него услугу. Это был тот самый хранитель денежного ящика, казначей малого стада Христова, которого Евангелист Иоанн называет вором. Назвавшись одним из двенадцати Апостолов, Иуда предложил свои услуги указать синедриону, когда и где можно взять Иисуса, и обещал он устроить это так секретно, что народ ничего не будет знать, следовательно, не будет и никаких поводов к народным волнениям. Но что же **вы дадите** мне за такую услугу? — спросил Иуда. **Они обрадовались и предложили ему тридцать сребренников** (Мф. 26, 15).

Да и как было не обрадоваться добровольному появлению такого союзника! Помимо того, что Иуда знает все тайные места, куда Иисус удаляется в ночное время, уже одно то, что против Иисуса восстал один из двенадцати учеников Его, могло поколебать в народе веру в Него даже как в Пророка.

Иуда не стал торговаться, надеясь, вероятно, получить добавочную плату, когда исполнит обещанное. Да и синедрион готов бы был заплатить за такую услугу гораздо дороже, но назначил только тридцать сиклей потому, что этой ценой хотел унижить Иисуса, так как по закону Моисея такая сумма назначена была в вознаграждение за раба, случайно убитого.

Окончив переговоры, Иуда удалился, и теперь все заботы его состояли в том, чтобы ловко обработать выгодное и важное дело: **и с того времени он искал удобного случая предать Его**. Все это происходило во вторник перед пасхой.

ГЛАВА 38. Иисус в доме Симона-прокаженного

В следующие дни, в среду или четверг, но вероятнее, что в среду, Иисус был приглашен Симоном-прокаженным отобедать с ним в его доме, в Вифании. По закону Моисея, строго воспрещались всякие сношения с прокаженными до их выздоровления, поэтому следует признать, что пригласивший Иисуса Симон в то время не страдал уже проказой. Почему же Евангелисты Матфей и Марк называют его прокаженным? Разве прежняя болезнь могла усвоить ему навсегда такое прозвище? Едва ли. Не будет ли правильнее предположить, что он исцелен был Иисусом от проказы так недавно, что не только близкие, но и сам он не отвык называть себя прокаженным? Некоторые толкователи полагают, что этот Симон и тот Симон-фарисей, о котором повествует Евангелист Лука (Лк. 7, 36) — одно и то же лицо. Но ведь Симон-фарисей враждебно относился к Иисусу, не оказал Ему даже самой обычной вежливости, не велел омыть Ему ноги и не приветствовал Его лобзанием, да и жил-то в Галилее, тогда как Симон-прокаженный был расположен к Иисусу, и жил в Иудее, в Вифании; следовательно, это не одно и то же лицо.

Помазание головы Иисуса миром

Во время обеда, когда все возлежали вокруг стола, вошла женщина с алавастровым сосудом драгоценного цельного нардового мира (о нардовом мире и алавастре см. выше, с. 387). Кто была эта женщина, Евангелисты не говорят. Три женщины в разное время помазали Иисуса миром: первая — в доме Симона-фарисея, предание называет ее Марией Магдалиной, вторая — Мария, сестра Лазаря, и третья — в доме Симона-прокаженного. Иоанн Златоуст, Августин и другие полагают, что одна и та же женщина помазала Иисуса два раза, в доме Симона-фарисея и в доме Симона-прокаженного. Надо полагать, что предположение это основательно, и что женщина, явившаяся теперь в дом Симона-прокаженного, была действительно Мария Магдалина, так как Евангелисты Матфей и Марк не называют ее по имени, и не называют ее, вероятно, по той же причине, по какой и Евангелист Лука не назвал по имени явившуюся в дом Симона-фарисея грешницу (об этом см. выше с. 387).

Ропот присутствовавших при этом

Женщина эта, став сзади Иисуса, наскоро отбила тонкое горлышко алавастрового сосуда и вылила драгоценное миро на Его голову. Благоухание разнеслось по всей комнате, и **некоторые** из присутствующих (Мк. 14, 4), по сказанию же Евангелиста Матфея (Мф. 26, 8) — ученики Иисуса — стали шепотом переговариваться между собой: «К чему такая безрассудная трата? Какое значение она может иметь для Иисуса, чуждого всякой роскоши, живущего в бедности, не имеющего даже постоянного жилища? Ведь это драгоценное миро можно было бы продать более, чем за триста динариев! Не лучше ли было бы деньги эти раздать нищим?»

Речь Иисуса по этому поводу

«Оставьте ее, — сказал им Иисус, — зачем смущаете ее такими разговорами? Зачем стараетесь внушить ей, что она поступила дурно? **Она доброе дело сделала для Меня** (Мк. 14, 6). Вы заботитесь о нищих; это похвально; но нищих вы всегда будете иметь перед глазами, и можете благотворить им во всякое время, когда захотите; Меня же недолго будете видеть. И эта женщина, как бы прощаясь со Мной, **сделала все, что могла** (Мк. 14, 8): она помазала тело Мое к предстоящему погребению Моему. И это доброе дело ее будет известно в целом мире: везде, где будет проповедано обо Мне, будет сказано о ней».

Да, имя Марии Магдалины известно всему миру; везде, где читают Евангелие (а читают его на 409 языках), говорят и о ней, и приводят ее жизнь как пример, до какого совершенства, до какой святости может дойти грешник, искренне покаявшийся и порешивший: больше не грешить!

ГЛАВА 39. Тайная Вечеря. Приготовления. Спор Апостолов. Омовение ног. Наставление о смирении. Обличение предателя и уход его с Вечери. Установление Таинства Евхаристии. Прощальная беседа Иисуса с одиннадцатью Апостолами. Окончание Тайной Вечери и уход из Иерусалима на гору Елеонскую

Наступал праздник пасхи, установленный в воспоминание освобождения евреев от ига египетского. По закону (Исх. 12, 2—20), в четырнадцатый день первого весеннего лунного месяца, нисана, каждая еврейская семья (или две малых семьи вместе) обязана была испечь на огне годовалого агнца (ягненка или козленка) и в ночь того же дня съесть его с пресным хлебом и горькими травами; этот агнец и назывался пасхой. На другой день начинался семидневный праздник опресноков, названный так потому, что как в эти дни, так и в день пасхи, евреям предписывалось есть пресный хлеб и даже не держать в домах своих ничего квасного. Из повествований первых трех Евангелистов (Мф. 26, 17; Мк. 14, 12; Лк. 22, 7) мы знаем, что Иисус накануне Своей смерти, то есть в четверг, ел со Своими Апостолами пасху. А из Евангелия Иоанна нам известно, что члены синедриона, приведя в пятницу утром Иисуса к Пилату, не вошли к нему, **чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху** (Ин. 18, 28); следовательно, они, а с ними и все евреи, ели пасху в пятницу вечером, уже после погребения Иисуса [74]. Надо полагать, что если Иисус признал необходимым в последний раз совершить ветхозаветную пасху, то совершил ее в тот самый вечер, в какой и надлежало, то есть 14-го нисана. Не следует забывать, что у евреев день (то есть сутки) начинался с заходом солнца; следовательно, 14-е нисана началось не в нашу пятницу, а в наш четверг после захода солнца, но этот вечер нашего четверга у евреев считался началом пятницы. Поэтому следует считать, что Тайная Вечеря происходила по еврейскому счету — в самом начале пятницы, а по нашему счету — в конце четверга, после захода солнца. И распят Иисус в пятницу же, 14-го нисана, в девять часов утра по нашему счету или в три часа по еврейскому. В тот год все евреи ели пасху, по нашему счету, в пятницу вечером, после погребения Иисуса, а по еврейскому счету это было уже начало субботы, 15-е нисана. Полагают, что всенародное празднование пасхи в тот год было отложено до 15го нисана для того, чтобы первый день опресноков не приходился в канун субботы. Правильно ли это последнее предположение или нет — для нас безразлично; достаточно знать, что Иисус со Своими Апостолами ел пасху 14-го нисана, а все прочие евреи — 15-го нисана.

Приготовление пасхи для Иисуса и апостолов

Апостолы Петр и Иоанн спросили Иисуса: **«Где хочешь есть пасху? скажи, мы пойдем туда и приготовим»** (Мк. 14, 12). Погруженный в думы о предстоящей смерти, Иисус, как бы не слушая их, сказал им: **«Да, пойдите, приготовьте нам есть пасху»** (Лк. 22, 8). Тогда они вновь спрашивают Его: **«Где же велишь нам приготовить?»** (Лк. 22, 9). — Где приготовить пасху Христу, не имевшему где и головы преклонить? Не все ли равно, где? — «Пойдите, — говорит Он Им, — в город (конечно, Иерусалим); при входе в него встретите человека, несущего кувшин воды; идите за ним и, когда он войдет в дом, спросите

его именем Моим: где та комната, в которой можно было бы есть пасху Мне с Моими учениками? Он укажет вам большую комнату, устланную коврами, вполне готовую для этого, там и приготовьте».

Приход его в Иерусалим

Петр и Иоанн пошли в Иерусалим и встретили при входе человека с кувшином; они сказали ему, что повелел им Иисус, в указанной им комнате приготовили все, что требовалось по закону Моисея, и пошли сказать об этом Иисусу, вероятно, в Вифанию.

Когда настал вечер, пришел Иисус с двенадцатью Апостолами в Иерусалим, направился в приготовленную для них комнату и, когда настало время, возлег с ними за столом, но вскоре встал. По восточному обычаю, при входе гостей в дом слуги или рабы домохозяина омывали их запыленные ноги. В данном же случае, при входе Иисуса с Апостолами в дом, где приготовлена была для них пасха, никто не омыл им ног, вероятно, потому, что они лишь заняли, с дозволения домохозяина, одну из комнат его дома, но гостями его не были.

Спор апостолов, кто из них должен омыть ноги пришедшим на тайную вечерю

Иисус не обратил внимания на это обстоятельство и прямо возлег за стол, так как не придавал никакого значения этому и другим обычным омовениям, требуя от Своих последователей чистоты сердца, чистоты помыслов более, чем чистоты тела. Но между Апостолами произошел разговор по этому поводу; они хотели соблюсти обычай омовения, особенно важный, по мнению евреев, в пасхальный вечер, но никого из слуг тут не было; надо было кому-нибудь из них решиться на эту услугу своему Учителю и товарищам; но так как эта услуга считалась особенно унижительной, несогласной с достоинством свободных евреев, то между Апостолами произошел спор, **кто из них должен почитаться большим** (Лк. 22, 24), следовательно, свободным от такой унижительной работы? Хотя Евангелист Лука и не говорит, по какому поводу произошел этот спор, но очевидно, что иного повода не могло быть, так как о старшинстве в Царстве Мессии они в свое время уже поспорили, и спор их был прекращен Иисусом.

Иисус услышал этот спор и напомнил Апостолам сказанное раньше по поводу спора их за первенство (см. выше, с. 518): «Вы знаете, что **цари земные господствуют над народами** (Лк. 22, 25), и все вообще, имеющие власть над людьми, считают за благодеяние по отношению к ним проявление этой власти; но в Царстве Божием, в Царстве любви и добра, должно быть не так. Я избрал вас, чтобы устроить это Царство на земле и через него вести людей в Царство Небесное, а потому вы первые должны своим примером показать, что в этом Царстве нет места ни властолюбию, ни гордости; поймите, что власть или старшинство прежде всего налагают обязанности на облакаемого властью; права же на почет и уважение приходят потом, сами собой, если кто заслужит их. А потому, если кто из вас почему-либо считает себя большим, тот должен держать себя так, как будто бы он был самым меньшим; и кто из вас будет начальствующим над другими, тот не должен забывать, что, начальствуя, надо всем служить, быть первым слугой для всех!»

Христос оmyвает ноги апостолам

Говоря это, Иисус тотчас же примером Своим подтвердил сказанное: встал из-за стола, снял с Себя верхнюю одежду, взял приготовленное для омовения полотенце, налил воды в умывальницу и начал оmyвать ноги Апостолам, и вытирать полотенцем, которым опоясался.

Повествуя об этом, Евангелист Иоанн говорит: «И это сделал Тот, Который знал, что Бог отдал в Его власть все, — что Он от Бога исшел и к Богу отходит!» Да, Христос так любил людей, что под конец не погнушался примером Своим показать им, насколько смирение и кротость необходимы для вступления в Царство Божие. Оmyвая ноги Своим Апостолам, Он не отвернулся и от Иуды, который в то время уже был заодно с врагами Его и, следовательно, сам был врагом. Заповедуя Своим последователям любить врагов и благо творить ненавидящим, и желая довести Иуду до раскаяния и тем сотворить добро ему, спасти его, Он

наклоняется и перед ним и смиренно оmyвает его ноги. Казалось бы, что и железное сердце должно было расплавиться от такого проявления всепрощающей любви и смирения; но сердце Иуды стало уже недоступным добру; смирение Иисуса не тронуло его, а скорее поселило в нем уверенность, что его предательство сохраняется синедрионом в строгом секрете.

Сопротивление Петра

Не без смущения и стыда остальные Апостолы протягивали свои ноги Иисусу для омовения. Но когда Он подошел к Петру, то этот не выдержал: **«Господи! Тебе ли умывать мои ноги?»** — сказал он (Ин. 13, 6), — Тебе ли исполнять обязанности слуги, когда мы ждем открытия Твоего Царства, славного Царства Мессии, где все будут преклоняться пред Тобою?»

Не желая пока вступать в объяснения с Петром, Иисус сказал ему: **«Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»** (Ин. 13, 7).

Что я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после

Следовало бы почаще вспоминать эти слова всем, кто ропщет на Бога, не понимая Его предначертаний. «Объясните мне, — говорит Берсье, — почему прерывается прекрасная и полезная жизнь, между тем как столько бесполезных существ остаются влачить свою жалкую жизнь в страдании? Объясните мне, почему испытание часто обрушивается на самых благочестивых людей и, по-видимому, щадит тех, надменность которых оно могло бы смирить своими ударами? Объясните мне все, что кажется нам роковым в природе и истории! Объясните мне все несправедливости, все незаслуженные страдания; объясните мне, почему столько тысяч существ осуждены на рождение и жизнь среди нищеты и позора! О, мы рассуждаем об этом, мы одеваем эти скорби в жалкие лохмотья нашей философии! Но разве это значит найти объяснение? Сознать свое бессилие, сознать, что мир движется по пути роковой необходимости и что природа, сокрушая нас своими стихийными силами, не разумнее и не ответственнее простой машины, бесстрастной ко всем слезным мольбам возратить жизнь человеку, измолотому в сцеплении ее зубчатых колес! Нечего сказать, хорошо утешение! Нет, мы не фаталисты. Когда, отказываясь понять свою судьбу, мы смиренно склоняем голову, то мы преклоняемся пред волей Отца. Отец говорит нам: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь»; Отец — и этого нам довольно. Что удивительного в том, что Его намерения не согласуются с нашими? Что удивительного в том, что мы не можем постичь их? «Ты уразумеешь после», — сказал Иисус Христос. Эти слова стали для нас истиной, подтверждаемой опытом. Сколько темных страниц нашей жизни стали нам понятны лишь тогда, когда мы пробежали их по истечении многих лет! Вы жаловались на свои неудачи, на несбывшиеся надежды, на расстроенные планы, на испытания, постигшие вас; вы обвиняли свою злую судьбу, вы упрекали, может быть, Бога — и вот, во всех этих испытаниях заключалось ваше благо. Этого, конечно, вам было достаточно, чтобы смириться и обратиться к Богу. Последнее, окончательное объяснение будет дано нам за пределами этого мира. Тогда мы узнаем причины всех этих беспорядков, смут, несправедливостей и торжества зла, смущающих ныне нашу веру» (Берсье. Беседы).

Наставление о смирении

На успокоительные слова Иисуса — **«уразумеешь после»** — Петр отвечал: **«не умоешь ног моих вовек!»** Несомненно, что Петр, оказывая такое неповиновение Иисусу, руководствовался чувством беспредельного благоговения пред Ним и сознанием своего ничтожества в сравнении с Его божественным величием. Но все-таки это было неповиновение, между тем как истинное смирение состоит в беспрекословном исполнении воли Того, во власть Которого Отец отдал все. От такого-то, хотя бы по существу и благочестивого, сопротивления воле Божией и предостерегает Петра Иисус, говоря: **«Если не умою тебя, не имеешь части со Мною»** (Ин. 13, 8). Петр приходит в ужас при мысли о том, что он, бросивший все и последовавший за Иисусом, не будет участником в Царстве Мессии; и потому спешит высказать свою

покорность: **Господи! не только ноги мои, но и руки и голову** (Ин. 13, 10).

Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь (Ин. 13, 10), — сказал ему Христос и продолжал прерванное временно омовение ног.

В жарких странах ходят босыми ногами, надевая на них сандалии, предохраняющие лишь подошву ноги от случайных укулов; при ходьбе босые ноги становятся запыленными, и их приходится часто омыывать; полное же омовение всего тела делается значительно реже, вследствие чего и сложилось понятие, что омытому, который чист весь, нужно омыть только ноги. В применении к Апостолам и вообще последователям Христа это изречение означает, что искренно покаявшийся и отставший от греховной жизни не должен успокаивать себя тем, что уже переродился и, так сказать, омылся от грехов своих: освободясь от прежних грехов, он остался все-таки грехоспособным и, если не совершает тяжких грехов, все же мелкие грехи грязнят душу его, как пыль его босые ноги; и как омытому не избежать постоянного омовения ног, так и отставшему от греховной жизни нельзя обойтись без постоянного покаяния в ежедневно совершаемых грехах.

Омывая ноги Петру, Иисус обратился к остальным Апостолам, сказав им: **и вы чисты, но не все** (Ин. 13, 10). Передавая эти слова, Евангелист поясняет, что Иисус **знал... предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты.**

Окончив омовение ног, Иисус надел Свою верхнюю одежду, возлег за стол и, обращаясь к Апостолам, сказал: **«Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и, говоря так, вы говорите правильно** (Ин. 13, 12). Итак, если Я, будучи вашим Учителем и Господом, умыл вам ноги, то и вы должны всегда и во всем проявлять такое же смирение. Раб не больше господина своего, посланник не больше пославшего, и служащий за столом не больше возлежащего; однако же Я, посылающий вас на проповедь, Господь ваш, возлежащий здесь на первом месте, омыл ноги ваши. К чему же ваши споры о том, кто из вас больший? Не спорить вам надо, а поступать так, как Я, брать пример с Меня. И если будете исполнять то, что Я вам говорю, то блаженны будете. Впрочем, вы были верны Мне при всех сопротивлениях, которые оказаны были Мне врагами Моими; вы не оставили Меня и тогда, когда многие ученики отошли от Меня. За это Я завещаю вам Царство Мое и введу вас в Царство Небесное, где вы будете удостоены величайшей чести быть со Мною. Но Я говорю не обо всех вас, так как знаю, что сбудется Писание, в котором сказано: **ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою** (Ин. 13, 18); для того и говорю вам об этом теперь, чтобы вы, когда это сбудется, поняли, что в Писании это сказано обо Мне».

Скорь Иисуса о предателе

Присутствие Иуды на этом прощальном вечере смущало Иисуса; Иуда должен был уйти, оставив Его наедине с остальными Апостолами; но он не уходил и нагло смотрел на всех. Желая показать ему, что он лишний здесь, Иисус сказал, обращаясь ко всем Апостолам: **«Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня** (Ин. 13, 21); впрочем, так и должно быть, ибо все в жизни Сына Человеческого происходит так, как предсказано о Нем; но горе тому, кем Сын Человеческий предается! **Лучше было бы этому человеку не родиться** (Мф. 26, 24)».

Если бы Иуда имел хоть каплю стыда, то, после таких слов Иисуса, пал бы к ногам Его, с рыданиями покаялся бы в своем тяжком грехе и не встал бы, пока не получил прощения от всепрощающего и любвеобильного Христа. Но он был вор и думал только о том, как бы похитрее устроить свое дело и получить от синедриона, кроме полученного уже, еще и дополнительное вознаграждение за предательство.

Обличение предателя и уход его

На остальных же Апостолов слова Иисуса произвели удручающее впечатление: среди избранных

двенадцати — предатель! Это ужасно! И никто из них не поверил бы этому, если бы не сказал Сам Христос. В ужасе смотрят они друг на друга, желая своими испытующими взорами вызвать признание предателя; но Иуда молчит. Тогда они начинают переговариваться, недоумевая, кто бы из них способен был на такую подлость? Но и это ни к чему не привело. Опечаленные, они стали один за другим спрашивать Иисуса: «Не я ли, Господи?», «Не я ли?» Но их вопросы остались без ответа. Когда же Иуда, не желая отставать от других, нагло спросил: «Учитель, не я ли?» — то Иисус ответил ему тихо, так что в то время другие Апостолы не расслышали ответа: **ты сказал**. Это была обычная форма утвердительного ответа, равносильная словам: «Да, это ты».

Мысли Апостолов были так заняты поразившей их вестью, что они не расслышали или не поняли ответа Иисуса на вопрос Иуды; между тем им хотелось узнать имя предателя; и вот, Петр смотрит на Иоанна, возлежавшего рядом с Иисусом, и знаками просит его спросить Иисуса, кто предаст Его? Иоанн, припав к груди Иисуса, тихо спросил: **Господи! кто это?** (Ин. 13, 25). Иисус так же тихо ответил ему: **тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам** (Ин. 13, 26).

Евангелист Матфей повествует, что на вопросы Апостолов — **не я ли, Господи?** — Иисус ответил: **опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня** (Мф. 26, 23).

Не допуская противоречия в повествованиях Евангелистов, мы должны признать, что Иисус сначала сказал как бы всем, что предаст Его тот, кто одновременно с Ним опустит руку в блюдо; но, вероятно, смущенные Апостолы настолько были заняты поразившей их вестью, что даже не проследили, кто из них одновременно с Иисусом протянул руку к блюду. Поэтому на вопрос Иоанна Иисус дал другое указание.

На пасхальном вечере, кроме испеченного агнца, пресных хлебов и горьких трав, подавали еще на особом блюде густой соус из фиников, смокв и других плодов. Вилки и ножи тогда не употребляли, а брали кушанье просто руками, и пресный хлеб ели, обмакивая куски его в блюдо со сладким соусом.

Ответив Иоанну, Иисус обмакнул кусок хлеба в блюдо и подал его Иуде. Иуда взял и начал есть, причем, по замечанию Иоанна, следившего в это время за ним, в лице его произошла резкая перемена: прежнее, хоть и притворное, спокойствие исчезло и заменилось дерзким, сатанински-злым взглядом: **после сего куска вошел в него сатана**. Видя, что ничем уже не спасти сына погибели, Иисус сказал ему: **что делаешь, делай скорее** (Ин. 13, 27).

Иуда понял, что предательство его известно Иисусу, и потому на предложение уйти с радостью поспешил в синедрион за стражей, чтобы успеть захватить Иисуса тут же, пока Он не ушел куда-нибудь для ночлега. Была уже ночь, когда Иуда удалился.

Никто, кроме Иоанна, не понял, к чему Иисус сказал Иуде, чтобы он скорее исполнил задуманное, а так как Иуда был казначеем и всегда исполнял все поручения, сопряженные с денежными расходами, то некоторые из Апостолов подумали, что ему и теперь Иисус приказал купить, что нужно к празднику, или дать что-либо нищим.

С уходом Иуды [75] Иисус несомненно почувствовал некоторое облегчение от угнетавшего Его смущения. Предатель ушел, и теперь уже никто и ничто не мешает Идущему на крест дать последние прощальные наставления Своим избранным посланникам, отправляющимся вскоре возвестить миру Его учение.

Обращаясь к ним, Иисус сказал, что очень хотел есть с ними эту последнюю ветхозаветную пасху перед Своими страданиями, так как не будет более есть ее, пока она не совершится в Царстве Божием, и не будет пить от плода сего виноградного до того дня, когда будет пить с ними новое вино в Царстве Отца.

По мнению Иоанна Златоуста, этими словами Иисус предсказывал Апостолам, что, по Воскресении Своем, будет есть с ними и пить вино, чтобы доказать им Свое действительное Воскресение. По мнению

епископа Михаила — это таинственная речь в речи о таинстве.

Установление Таинства Евхаристии

Да, эта речь неразрывно связана со следующей, установившей таинство Причащения Тела и Крови Христовой. Ветхозаветная пасха служила воспоминанием освобождения евреев от рабства египетского. Отныне же в том Царстве Божиим, которое основал Христос, верные сыны этого Царства будут вспоминать иное освобождение, будут вспоминать Христа, указавшего путь к освобождению от греха, путь к блаженству в вечной жизни. Христос идет на крест и отдает Свое тело и Свою кровь за грехи всего человечества; и вот, это распятое на кресте Тело Его и эта пролитая Кровь Его должны служить последователям Его вечным напоминанием принесенной Им жертвы, должны служить постоянным единением их со Христом. Для установления такого воспоминания о Нем и единения с Ним Он взял хлеб, благословил его, разломил на части и, раздавая Апостолам, сказал: **примите, ядите: сие есть Тело Мое** (Мф. 26, 26), которое за вас предается (Лк. 22, 19). Потом, взяв чашу с вином, разбавленным, по обычаю, водой, произнес слова благодарения Богу и, подавая ее Апостолам, сказал: **пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов** (Мф. 26, 27–28). **Сие творите в Мое воспоминание** (Лк. 22, 19). И пили из этой чаши все.

Апостолы не смутились, когда Христос под видом хлеба и вина предложил им Тело и Кровь Свою. Они, конечно, вспомнили сказанное Им раньше о хлебе жизни (см. выше, с. 474). Тогда они не поняли своего Учителя, и многие из учеников даже перестали ходить за Ним; теперь же, не спрашивая никаких пояснений, они, очевидно, с глубокой верой приняли предложенное и не задавались вопросами о том, как это хлеб и вино, сохраняя свой вид и вкус, могут превратиться в Тело и Кровь Христову? Христос сказал: **сие есть Тело Мое и сие есть Кровь Моя**, — и этого было для них достаточно, чтобы поверить в истинность непостижимого умом таинства.

Это таинство, называемое по-гречески *евхаристия*, что означает *благодарение*, служило всегда, и ныне служит, воспоминанием искупительной жертвы, принесенной Иисусом Христом за грехи человечества. В книге Деяния Апостолов и в Посланиях Апостола Павла имеется много указаний на то, что всякое молитвенное собрание христиан того времени сопровождалось принятием Тела и Крови Христовой под видом хлеба и вина. В первые века христианства все приходившие в церковь в воскресные и праздничные дни приобщались Святых Тайн.

Прощальная беседа Иисуса с одиннадцатью Апостолами

Когда Апостолы безмолвно приняли Тело и Кровь Христа, Он сказал: **ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его**. В этой пророческой речи Иисус говорит о ближайшем будущем, как о совершившемся уже. Говоря Апостолам о предстоящей смерти Своей, указав им на предателя Своего, наконец, предложив им Свое Тело и Кровь, Иисус хотел вывести Своих учеников из того угнетенного состояния духа, в которое должно было привести их только что совершившееся. Поэтому Он тотчас же приковывает их внимание к мысли о славе Своей. «Быть преданным смерти (говорит Иоанн Златоуст) и победить смерть, и после смерти явиться более могущественным, чем прежде, — это действительно великая слава». Если Бог прославился таким образом в лице Сына Человеческого, то вскоре прославит и Его принятием Его (в Вознесении) в единение с Собою.

Говоря о смерти Своей, которая, однако, составит славу Его, Иисус невольно перешел к мысли о предстоящей разлуке с теми, которые пребыли верными Ему до конца. Обращаясь к ним теперь с прощальным словом, Он назвал их так, как никогда еще не называл. «**Дети!** — сказал Он, — **недолго уже быть Мне с вами** (Ин. 13, 33). Как прежде, беседуя с иудеями, Я говорил, что они не могут следовать за Мной туда, куда Я уйду, так и вам говорю, что не можете идти за Мной. Вы должны остаться и продолжать

дело Мое. А чтобы вы могли продолжать его так, как Я начал, **заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою** (Ин. 13, 34–35). Из любви к человечеству Я отдаю жизнь Свою за него, и вы должны проявлять такую же самоотверженную любовь к людям; такая любовь будет служить признаком, отличающим Моих последователей».

Любовь к ближним — это закон Бога, безусловно обязательный для всех вступающих в Царство Божие; об этом законе Иисус уже не раз говорил Своим ученикам; следовательно, заповедь о любви вообще не могла быть для Апостолов *новой*; и если Иисус назвал ее новой заповедью, то потому только, что теперь Он заповедал им не только любить всех, даже врагов, и благоволить им, как об этом сказано было в Нагорной проповеди, но даже жертвовать и жизнью своей, если это необходимо для спасения других, душу полагать за них.

В пылком и любящем сердце Петра мучительно отзывалась мысль о предстоящей разлуке. «К чему разлучаться? — думал он, — если Ему надо уйти из этого мира, то пойду и я за Ним». «**Господи!** — сказал он, — **куда Ты идешь?**» Иисус понял, к чему клонится этот вопрос, и отвечал Петру: **куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною** (Ин. 13, 36).

К сказанному перед этим, что Апостолы не могут идти за Ним, Иисус добавил теперь: **а после пойдешь за Мною**. Это добавление означает, что придет время, когда и он, Петр, потерпит такую же мученическую смерть, какая ожидает Иисуса; в настоящее же время такая смерть была бы для него преждевременна: ему надлежит исполнить высокое назначение проповедника нового учения; к тому же теперь он еще и неспособен добровольно пострадать за это учение.

Сильное желание во что бы то ни стало идти за Иисусом всюду, куда бы Он ни пошел, дало Петру смелость заявить Ему об этом теперь же. **Господи!** — возразил он, — **почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя** (Ин. 13, 37).

Зная, что любовь Апостолов к Нему, к сожалению, не достигла еще той степени, какая могла бы подвинуть их теперь же душу свою положить за Него, Иисус с грустью сказал Петру: «Ты душу свою положишь за Меня? В эту самую ночь, прежде, чем пропоет петух, ты трижды отречешься от Меня! Симон! Симон! Если бы ты знал, какая предстоит тебе борьба с искушениями и испытаниями, то не сказал бы этого так самонадеянно. Сатана хотел распорядиться вами, сеять вас, как пшеницу; но Я молился, чтобы, по крайней мере, вера твоя не ослабела и чтобы ты, покайся после своего падения, укрепил бы и братьев своих».

Петр не мог допустить возможности своего, хоть бы временного, отпадения от Христа, и потому с прежней самонадеянностью отвечал: **Господи! с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти** (Лк. 22, 33). Но Иисус опять предостерегает его от самоуверенности: **говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня** (Лк. 22, 34).

Посылая Своих Апостолов на проповедь и зная, с какой злобой отнесется языческий мир к новому учению любви и милосердия, Иисус должен был предупредить их о предстоящих им опасностях. Тихая, спокойная жизнь их оканчивается с удалением Его от них. Когда они ходили, по Его поручению, проповедовать в Галилее и Иудее, то ничто не препятствовало им исполнить свое назначение; они ни в чем не нуждались, хоть не брали с собой ни мешка с деньгами, ни сумы с хлебом, ни запасной обуви. Теперь же, когда им предстоит идти к язычникам, они должны быть особенно заботливы, предусмотрительны и мужественны, тем более, что тогда уже не будет их Учителя. И если над Ним исполнится пророчество, и Его, распиная, причтут к злодеям, то чего же должны ожидать они, ученики Его? Неустойчивость в убеждениях, маловерие и слабохарактерность должны теперь смениться такой силой глубоко убежденной веры, какую и врата ада одолеть не могут, и таким мужеством в отстаивании этой веры среди всех

испытаний и гонений, какое можно сравнить только с крепостью меча [76].

Апостолы не поняли этих слов; они думали, что Иисус повелевает им вооружиться мечами, и с наивностью сказали Ему: **Господи! Вот, здесь два меча** (Лк. 22, 38).

Видя, что Апостолы не поняли Его, и намереваясь в последующей беседе нагляднее разъяснить им ту же мысль, Иисус прекратил этот разговор, с кроткой улыбкой сказав им: **довольно**.

Обращаясь опять к вопросу об отшествии Своем из этого мира и желая, чтобы Апостолы догадались, наконец, куда Он идет, Иисус сказал им: «Куда со временем пойдет за Мной Петр, пойдете и вы все; всем вам найдется место в доме Отца Моего, ибо **в доме Отца Моего обителей много** (Ин. 14, 2)».

Казалось бы, Апостолы должны были понимать, что Иисус Христос идет к Отцу Своему, то есть к Богу, и что путь этого восшествия к Богу есть путь страданий, смерти и Воскресения Его. Но они так еще были отуманены ложными еврейскими понятиями о Царстве Мессии, что никак не могли догадаться, о чем говорит Христос. И вот один из них, Фома, сказал Ему: **Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?** (Ин. 14, 5).

Путь, ведущий Христа к Богу, — это страдания Его, смерть и Воскресение; путь же, ведущий к Богу людей, — это Сам Христос, открывший людям истину Божию и путь к Вечной Жизни. Полагая, что Фому более интересует путь, которым должны идти к Богу люди, Иисус сказал ему: **«Никто не приходит к Отцу, как только через Меня, ибо Я есмь путь к Нему и истина и жизнь** (Ин. 14, 6). Если бы вы понимали, Кто Я, то знали бы и Отца Моего, и если вы говорите, что знаете Меня, то, следовательно, вы знаете и Отца Моего».

Несмотря на такие пояснения, маловерие все еще смущало Апостолов; и вот, Филипп говорит: **«Господи! покажи нам Отца** (Ин. 14, 8), и этого довольно будет, чтобы мы уверовали во все, что Ты говоришь».

«Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Дела, какие Я творю, творю не от Себя: Отец, пребывающий во Мне, творит их. Слова, которые Я говорю вам, говорю тоже не от Себя: это Отец говорит во Мне. Пора вам не только верить словам Моим, но даже убедиться делами Моими, что Я в Отце, и Отец во Мне. Следовательно, видевший Меня видел и Отца. А ты просишь показать вам Отца».

Христос сказал Апостолам, что если они не верят словам Его, что Он в Отце и Отец в Нем, то по самым делам Его должны поверить этому. Если Он вынужден был сослаться на дела Свои, то это доказывает, что вера Апостолов была еще слишком слаба. Вот почему Он и напомнил им прежде сказанное о силе веры, о необходимости иметь им эту силу. Прежде Он говорил им, что сильная, ничем непоколебимая, вера может творить необычайные чудеса, даже горы может переставлять; и теперь сказал, что истинно верующий в Него может совершить еще большие чудеса, чем Он совершил; но при этом добавил, как бы в пояснение, что эти чудеса верующие могут совершать не самостоятельно, не собственной силой или властью, но что все совершенное ими будет творить через них Он, Христос: **чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю Я** (Ин. 14, 14).

В дальнейшей беседе с Апостолами Иисус уговаривает их любить Его, так как любовь к Нему побудит их в точности соблюдать все заповеди Его, а кто соблюдает заповеди и любит Его, тот будет возлюблен и Отцом. **И Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам. Не оставлю вас сиротами; приду к вам** (Ин. 14, 21, 18).

Апостолы все еще ожидали, что Иисус явит Себя миру в том величии, какое воображение евреев приписывало ожидаемому ими Мессии. Поэтому один из Апостолов, Иуда (не Искариот), спросил: **Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?** (Ин. 14, 22). Отвечая на этот вопрос, Иисус, в развитие высказанной мысли добавил, что если они, то есть Апостолы, будут любить Его и исполнять Его заповеди, то Он явится им не один, а вместе с Отцом: **и Мы придем к нему и обитель у него сотворим** (Ин.

14, 23). На вопрос же о том, как, каким образом Бог-Отец и Сын Божий придут и поселятся в душах Апостолов, ответ содержится в только что сказанных словах Иисуса: **И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять** (Ин. 14, 16–17). Это означает, что, по отшествии Иисуса Христа из этого мира, то есть после Воскресения и Вознесения Его, Дух Святой, обитающий в Нем и Отце, будет ниспослан к Апостолам, сотворит как бы обитель Свою в душах их и будет пребывать с ними до конца их жизни. Дух Святой будет Утешителем их и научит их всему, что необходимо будет им знать для их проповеднической деятельности, и напомним им все, что говорил им Христос и чего они в свое время не могли понять. Из книги Деяний Апостолов известно, что через десять дней после Вознесения Иисуса Христа на Апостолов сошел Дух Святой, сообщивший им знание всего для них необходимого, знание языков тех народов, к которым им надлежало идти на проповедь, а также понимание всего, что они слышали и видели, когда следовали за Христом, и чего тогда не понимали [77].

Таким образом, вся эта речь Иисуса содержит в себе обещание послать Апостолам Духа Святого, и в Лице Его явиться им с Отцом. Но так как эта речь прерывиста и содержит повторения сказанного (что объясняется отчасти и состоянием духа Самого Иисуса), то из отдельных слов ее, например: **приду к вам, вы увидите Меня**, можно заключить, что Иисус говорил Апостолам и о предстоявших явлениях Его им после Своего Воскресения.

Окончание тайной вечери

Пасхальный вечер пришел к концу. По обычаю, при окончании этого вечера глава семьи говорил присутствующим: *Мир вам!* Эти же слова говорились при встрече кого-либо, при уходе, и вообще служили обычным приветствием. После произнесения на пасхальном вечере главой семьи «мир вам» начиналось пение псалмов, и затем все расходились.

Соблюдая этот обычай, Иисус, в конце вечера, сказал Апостолам: **«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам мир**, чтобы ничем не смущалось и не устрашалось сердце ваше» (Ин. 14, 27).

Обычное пожелание мира, высказываемое людьми при известных случаях, так и остается одним лишь пожеланием, бессильным привести его в исполнение. Христос же не ограничивается одним желанием мира, Он *дает* его Апостолам, *оставляет* его им, и притом дает им тот мир, который наполняет Его собственную душу. Это тот мир души, то равновесие всех духовных сил, то умиротворение духа, о котором пели ангелы в ночь рождения Иисуса Христа. Этот-то мир и принес Христос на землю и даровал его всем истинным последователям Своим, членам основанного Им на земле Царства Божия.

Продолжая Свою речь, Иисус сказал: «Я оставляю вам мир Мой потому, что уйду от вас; расставаясь со Мной, вы должны радоваться, так как Я уже сказал вам, что иду к Отцу, Который более Меня».

По божеству Христос равен Отцу, но по человечеству не может равняться с Ним; вот почему, говоря о славе Отца, к Которому Он идет, Христос сказал, что слава эта более виденной Апостолами славы Его как Богочеловека.

Уход из Иерусалима

«О том, что Я отхожу к Отцу, Я нарочно говорю вам теперь, чтобы вы вспомнили Мои слова и поверили им, когда они сбудутся. Уже немного остается времени говорить Мне с вами, ибо идет князь мира сего в лице предателя Моего, хотя во Мне нет ничего, что давало бы ему право так поступать со Мной. Но чтобы мир знал, что Я добровольно иду, исполняя волю Отца Моего из любви к Нему, говорю вам теперь: **Встаньте! Пойдем отсюда навстречу идущим взять Меня!**»

Все встали, пропели псалмы (115–118) и пошли по направлению к горе Елеонской.

ГЛАВА 40. Наставление Апостолам по пути в Гефсиманию. Притча о виноградной лозе. Молитва Иисуса. Наставление апостолам по пути в Гефсиманию. Притча о виноградной лозе

Выйдя из дома, в котором происходила Тайная Вечеря, Иисус продолжал Свою прощальную беседу с Апостолами. Желая наглядно объяснить им их отношения к Нему, Он остановился у виноградника, расположенного по пути, и, обращая на него внимание Апостолов, сказал: «Я — истинная виноградная лоза, вы ветви, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне».

Уход за виноградным кустом был, конечно, знаком Апостолам. Они знали, что кисти винограда растут на побегах, ветвях, вырастающих на стволе или лозе виноградной. Весной от этой лозы отрастает много побегов, ветвей, но не все они бывают плодоносными; и вот, для того, чтобы неплодоносящие ветви не могли истощать корня, виноградарь обрезает их, а плодоносящие ветви очищает от избытка боковых отростков, чтобы все соки направить в завязавшиеся кисти и тем увеличить объем и вес их, чтобы получить более плода. Если не производить такой обрезки и очистки, то ягод или совсем не получается, или получаются мелкие, недозревшие.

Сравнивая жизнь виноградного куста с жизнью Апостолов и всех вообще членов Царства Божия, Иисус сказал, что как виноградная ветвь не может сама по себе принести плод, если не будет питаться от лозы, так и последователи Его не могут ничего доброго сделать, не будучи в постоянном единении с Ним. И как виноградную ветвь, для усиления ее плодородия, очищают от всего, что только препятствует этому, так и Его ученикам, членам Царства Божия, ниспосылаются различные испытания, заставляющие их отбросить от себя все, что мешает им приносить плоды, которых вправе ожидать от них, которых требует от них Христос. Продолжая эти сравнения далее, Иисус сказал Апостолам, что они лично уже очищены тем учением Его, которому всегда внимали, и им, как виноградным ветвям, надлежит только оставаться на лозе, пребывать в Нем. **«Кто пребывает во Мне, в том и Я пребываю; поэтому тот приносит много плода... без Меня же не можете делать ничего (Ин. 15, 5).** А потому, кто во Мне не пребудет, тот, как ветвь неплодоносящая, будет извергнут вон из Божия виноградника; выброшенные же из виноградника ветви засыхают и становятся никуда не годными, так что их сжигают, чтобы не занимали места. Итак, если будете в постоянном духовном единении со Мною, если слова Мои запечатлеются в сердцах ваших и будут руководить вами во всех поступках ваших, то просите, чего пожелаете, и будет дано вам. Поймите, что если вы и те, кого вы своею проповедью приведете ко Мне и сделаете Моими ветвями, будете давать в изобилии те плоды, каких требую от всех вас Я, ваша Лоза, то тем самым прославите и Виноградаря, Отца Моего. Но для того, чтобы пребывать со Мною в единении, чтобы оставаться плодоносящими ветвями, надо питаться соками лозы, надо в точности исполнять заповеди Мои. Главнейшая же заповедь Моя: **любите друг друга так, как Я возлюбил вас (Ин. 5, 12).** Я подаю вам пример, жертвуя жизнью за вас из любви к вам, и вы понимаете, что **нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 5, 13).** И вы останетесь навсегда друзьями моими, если всегда будете исполнять все, что Я заповедую вам. Я вас не называю рабами, так как раб, хотя и знает, чего требует от него господин, но сокровенных мыслей и желаний господина не может знать; вы же теперь в этом отношении не можете

называться рабами, так как знаете не только все, чего Я от вас требую, но знаете даже, почему Я это требую от Вас. Я сказал вам все, что слышал от Отца Моего, потому и называю вас друзьями Своими, а не рабами. И говорю вам это для того, чтобы вы, как друзья мои, радовались Моею радостью, и чтобы радость эта была в вас совершенна, как основанная на сознании, что вами исполнена воля Божия. Помните, что вы — друзья Мои в том только случае, если будете исполнять все, что Я вам заповедал; и тогда, чего ни попросите от Отца во имя Мое, дано будет вам. Не вы избрали Меня своим Учителем, но Я избрал вас и поставил вас Моими учениками, чтобы вы шли в мир проповедовать Мое учение и распространять на земле Царство Божие. Любите друг друга и не возмущайтесь, когда увидите, что за вашу любовь даже к врагам мир возненавидит вас. Знайте, что прежде вас мир возненавидел Меня, посылающего вас на проповедь. Помните, что раб не больше господина своего, и если Меня гнали, то будут гнать и вас. Если бы вы шли проповедовать учение мира, потворствовали бы порокам его, то мир полюбил бы вас как своих. Но вы идете обличать мир в грехе и призывать грешников к покаянию; и за это вас, обличителей, мир возненавидит. Но и в этом испорченном мире найдется немало людей, которые, видя ревность вашу в соблюдении всего, что Я вам заповедал, станут внимать вашим словам и соблюдать их. Озлобленный мир язычников будет преследовать вас даже за одно упоминание имени Моего, и будет поступать так потому, что не знает Пославшего Меня. Это, конечно, не может оправдать мир, который, не зная ни Меня, ни Пославшего Меня, будет гнать вас и всех, кого вы привлечете ко Мне. Но те, которые видели Меня, видели и совершенные Мною дела, каких никто другой не делал, не могут иметь никакого извинения в грехе своем. Если бы Я не приходил к ним, не говорил с ними и не сотворил среди них всех дел Своих, то не имели бы греха. А теперь и видели, и все-таки возненавидели Меня и Отца Моего, так как ненавидящий Меня ненавидит вместе с тем и Отца Моего, пребывающего во Мне. Впрочем, о том, что это случится, предсказано было пророком их, сказавшим: возненавидели Меня напрасно».

Объяснение выражения «Да сбудется сказанное пророками»

Выражение «да сбудется сказанное пророком» употребляется в Евангелии нередко и, большею частью, как мнения самих Евангелистов, иногда же и как слово Иисуса Христа. По поводу этих выражений и содержащихся в них указаний, что почти все события земной жизни Иисуса Христа предсказаны пророками, некоторые высказывают мнение, что события эти, так сказать, подгонялись к пророчествам, чтобы оправдать их и тем придать им сверхъестественное значение. Говорящие так, очевидно, считают Иисуса Христа только человеком, и притом способным на предумышленное совершение таких деяний, которые не вызывались необходимостью, но совершались Им с единственной целью возвысить Себя в глазах евреев осуществлением пророчеств. С мнением этим нельзя согласиться уже потому; что Иисуса Христа нельзя признавать только человеком. К тому же даже отрицающие Его божество признают Его совершеннейшим в нравственном отношении человеком, а такой Человек, конечно, не способен подделывать события и тем обманывать людей. Но если бы Иисус Христос был только человеком, и притом способным на такие поступки, как же мог Он заставить других людей, в большинстве случаев врагов Своих, творить то, что необходимо было Ему для осуществления на Себе пророчеств? Как мог Он заставить их не только делать то, что они делали, но даже говорить то, что они в действительности говорили, и что вполне совпадает с предсказанным пророками? Ведь если признавать за Иисусом Христом такую силу, которая заставляла людей даже говорить и думать, как Ему хотелось, то тем самым надо признать Его всемогущим, то есть Богочеловеком. Бога же мы представляем себе не иначе, как высочайшую Истину, Добро и Любовь, а с этими представлениями не вяжется подозрение в подделке событий. Поэтому надо признать, что все события жизни Иисуса Христа совершались вследствие свободного воздействия многообразных причин на обстоятельства, вызывавшие эти события. Предсказания пророков не могут, конечно, считаться причиною, вследствие которой произошли события; поэтому и события эти совершились не потому, что о них предсказано пророками. Пророки же, в силу особого вдохновения свыше, предвидели задолго, что эти

события совершатся, поэтому и высказали это предвидение в виде предсказания или пророчества.

Но тут мы подходим к другому вопросу. Если (говорят) все совершившееся должно было совершиться, если так предназначено было Богом, то чем же виноваты те, которых надо признать в таком случае лишь слепыми орудиями Божией воли? По этому поводу надо заметить, что Бог одарил людей разумом и свободой воли. Люди действуют во всем произвольно, так, как находят это необходимым; и если их воля бывает нередко стеснена, то исключительно обстоятельствами или волей других. Случается, что обстоятельства или воля других людей ставят иногда человека в такое затруднительное положение, что он поступает дурно вопреки своему желанию; но все-таки он сам решает, как ему поступить: по своему ли желанию, или под давлением чуждых ему сил? Все-таки он действует и в таких случаях по своей воле, ибо выбор принадлежит ему. И если слабовольного человека, не выдержавшего борьбы и решившегося на совершение дурного поступка, мы и признаем заслуживающим сострадания и снисхождения к его положению, если мы оказываем ему милосердие и даже прощаем его, все же мы не отрицаем его ответственности перед Богом, и не отрицаем единственно лишь потому, что признаем человека разумным и свободным существом. Об ответственности пред Богом за свои поступки мы знаем из учения Иисуса Христа, а если мы должны дать ответ Ему, то опять-таки только потому, что от нашего свободного выбора зависит устраивать свою жизнь согласно с волей Его, или вопреки Его воле. И если бы мы не могли действовать произвольно, по своему выбору, то, конечно, не несли бы никакой ответственности, ибо привлечение нас к ответственности в таком случае было бы явной несправедливостью. Итак, признавая Бога безусловно справедливым, признавая, что Он воздаст людям в будущей жизни каждому по делам его, мы, вместе с тем, должны признать противным понятию о Боге мнение, что все в жизни человека совершается по заранее составленному Богом предопределению. Не предопределяя заблаговременно того, что должно случиться с людьми в будущем, но и не устраняя Себя от руководства в известных случаях как народами, так и отдельными людьми, Бог, по всеведению Своему, знает наперед все, что случится с людьми и как будут они пользоваться дарованными им разумом и свободой воли; поэтому нет ничего удивительного, если Он вдохновляет избранных, то есть лучших, людей пророческим даром предвидения будущих событий.

Итак, все преступления евреев против своего Мессии, Иисуса Христа, совершены не потому, что Бог так повелел, а потому, что преступные евреи сами того захотели и воспользовались благоприятно сложившимися для того обстоятельствами. Бог, конечно, мог отвратить эти преступления, если бы на то была Его воля; но Он не отвратил их, и они совершились. Совершились же, как сказано, не потому, что о них предсказывали пророки? напротив, пророки предсказывали о них только потому, что они действительно совершатся.

Сказав Апостолам, что о ненависти к Нему мира засвидетельствовано пророком, Иисус добавил, что о Нем же свидетельствовать будет Утешитель, Дух истины, Которого Он пошлет им от Отца, и Который от Отца же исходит, и что, руководимые этим Духом, они тоже будут свидетельствовать о Нем.

Откровение Иисуса Апостолам о своем единосущии с Отцом и обещание послать им Духа Святого

В этой же беседе Иисус сказал Апостолам, что умолит Отца, чтобы Он даровал им Утешителя, Духа истины; теперь же Он говорит, что Сам пошлет Его от Отца, от Которого Дух Святой исходит. Противоречия в этих словах нет: по человечеству Своему, Иисус молит Отца о даровании Апостолам Духа Святого; по божеству же Своему посылает Его Сам, ибо Он и Отец — одно.

После этого краткого отступления Иисус опять начинает говорить о предстоящих Апостолам испытаниях. Для еврея было величайшим наказанием отлучение от иудейского общества, выражавшееся между прочим и в изгнании из синагог. Предвидя злобное гонение Апостолов и вообще христиан евреями, поселившимися к тому времени во всех странах мира, Иисус сказал: **«Изгонят вас из синагог; даже**

наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не poznали ни Отца, ни Меня (Ин. 16, 2–3). Говорю же вам об этих гонениях и тяжких испытаниях, которые вам предстоят, для того, чтобы вы не смущались и чтобы от страха неожиданности их не отпали от Меня. Говорю вам это еще и для того, чтобы вы вспомнили эти слова Мои, когда они сбудутся. Прежде Я не предупреждал вас об опасностях, потому что Я был с вами. Вся злоба людская направлена теперь исключительно на Меня, и потому вы остаетесь пока в стороне, в безопасности. Но Я ухожу, и с уходом Моим злоба людская направит все свои силы на вас, Моих учеников, которым Я заповедую идти в мир и продолжать Мое дело. Да, Я ухожу к Пославшему Меня; и хотя теперь уже никто из вас не спрашивает Меня — куда идешь? — однако Я вижу, как опечалилось сердце ваше. Но к чему печалитесь? **Истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден** (Ин. 16, 7-11)».

В этих последних словах говорится о победе, которую Апостолы, руководимые Духом Святым, одержат над миром.

Говоря о предстоящем обличении мира в грехе неверия, Иисус имел в виду преимущественно евреев. Он только что сказал Апостолам, что если бы Он не пришел и не сотворил среди евреев таких дел, каких никто другой не делал, то они не имели бы этого греха, и что вся тяжесть их греха, не заслуживающего никакого извинения, происходит оттого, что они видели Его, слышали Его учение и присутствовали при совершении Им необычайных чудес. Но в настоящее время, когда Евангелие переведено почти на все языки и наречия, на каких говорят люди, населяющие землю, когда проповедники Евангелия проникли во все страны, — в настоящее время всякому предоставлена возможность познать Христа, и потому отвергающие Его теперь не имеют никакого извинения в своем неверии.

До пришествия Христа мир не знал правды, то есть воли Божией, — не знал и истины, то есть не имел истинного понятия о Боге, назначении человека и предстоящей ему будущности. Древний мир закончился вопросом: **Что есть истина?** (Ин. 18, 38). Новый мир начался ответом Христа на этот вопрос: **Я... истина** (Ин. 14, 1.6). И вот, те из видевших и слышавших Иисуса, которые не поверили, что Он от Бога Отца пришел и к Нему уходит, следовательно, не приняли и возвещенную Им волю Божию, будут обличены в незнании правды, несмотря на то, что им дана была полная возможность познать ее.

До пришествия Христа люди считали себя полновластными владыками земли, этого Божия виноградника, и не думали даже, что обязаны дать отчет в своем управлении Божиим достоянием. Заботясь исключительно об удовлетворении своих прихотей и накоплении богатств, угнетая и поработывая для этого своих ближних? Они и не подозревали, что ими руководит дух зла, непонятый им заклятый враг их; они слепо шли за ним, действуя во всем по его внушениям, и хотя иногда сознавали бедственность своего положения, однако не знали, как выйти из него. Теперь же Апостолы своею проповедью докажут миру, что дух зла, диавол, которое Иисус называет князем мира сего, вследствие господства его над людьми, — что этот князь мира отныне осужден, то есть лишен присвоенной им себе власти; отныне все уверовавшие во Христе познают средство избавиться от его обольщений, от власти тьмы; они узнают, что творящему волю Божию, зорко оберегающему себя от соблазнов, бывший князь мира, ныне же изобличенный и осужденный дух зла, не страшен.

Рассказав об этой победе, которую Апостолы одержат Духом Святым, Иисус сказал: **«Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить** (Ин. 16, 12), не можете понять, усвоить себе все, что Я хотел бы вам поведать. Но когда придет Дух истины, то откроет вам все и наставит вас на всякую истину. Открывая вам истину, Он, как и Я, будет говорить не от Себя, а лишь то, что слышал от Отца; а так как Он

возвестит вам то же, чему и Я учил, то есть как-бы возьмет у Отца Мое и принесет его вам, то тем докажет вам, что все, что имеет Отец, есть Мое, и, возвестив вам об этом, прославит Меня».

Во время этой беседы мысль о предстоящих страданиях и смерти не покидала Иисуса; Его особенно озабочивало, что Апостолы, по-видимому, не хотят даже и верить, что их Учитель, так долгожданный Мессия, должен умереть, вместо того, чтобы восстановить царство Израилю и царствовать вечно. Вот почему Он так часто повторяет Апостолам, что скоро уходит от них. Рассказав Апостолам, как Дух Святой обличит мир и прославит Его, Иисус опять говорит: «Я иду к Отцу. Вскоре вы не увидите Меня». Но тут же Он утешает их, говоря: **и опять вскоре увидите Меня** (Ин. 16, 16).

Иисус много раз говорил Апостолам о том, что Он умрет и воскреснет, но каждый раз это оставалось непонятным для них. И вот, когда после таких многих объяснений Иисус говорит, что вскоре они не увидят Его, но затем вскоре опять увидят, надо было бы догадаться, что Он говорит о смерти Своей как разлуке с ними, и о Воскресении Своем как новом свидании с ними. Но они не поняли этого ясного намека, а некоторые из них стали переговариваться друг с другом, недоумевая, что значат эти слова: «Вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня» и «Я иду к Отцу»? Не умея разрешить свои недоумения, они окончили признанием: **Не знаем, что говорит** (Ин. 16, 18).

Заметив, что недоумевающие Апостолы хотят просить объяснения только что сказанного им, Иисус спросил их: «Вы спрашиваете друг друга, что означают Мои слова: "Вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня?" Скажу вам на это, что приближаются такие дни, когда вы будете плакать и рыдать, а мир будет радоваться; вы будете печальны, но знайте, что за этой печалью настанет для вас радость. Как женщина, претерпевающая скорбь и муки во время родов, тотчас же забывает о них, как только родит, радуясь рождению ребенка, так и вы теперь, когда Я ухожу от вас, печалитесь, но когда Я увижу вас опять, возрадуетесь, забудете про свою печаль, и радости вашей никто уже не отнимет у вас. И в тот день, когда опять увидите Меня, вы уже не спросите у Меня разъяснения своих недоразумений, вы поймете тогда, о чем Я теперь говорю. И тогда, о чем бы вы ни попросили Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили, но тогда просите и получите просимое, и будет радость ваша совершенна. Я говорил вам притчами, но наступает время, когда Я прямо возведу вам об Отце. До сих пор Я просил Отца за вас; но тогда вы сами будете просить во имя Мое, и получите; ибо Отец любит вас за то, что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Да, **Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу**».

Поняли ли Апостолы, что Иисус Христос, говоря об уходе Своем от них и скором после того свидании с ними, разумел Свою смерть и явление им после Своего Воскресения, — неизвестно; скорее надо признать, что не поняли. Что же касается слов Его об исшествии от Отца, то эти слова были, по-видимому, поняты сердцем и с радостью ими приняты, так как они тотчас же сказали Ему: **вот, теперь Ты прямо говоришь, и поему мы веруем, что Ты от Бога исшел**.

Зная, насколько еще слаба вера Апостолов, Иисус спросил их: «Теперь веруете? Не думаете ли вы, что теперь вера ваша настолько крепка, что может выдержать всякие испытания? Нет, до пришествия к вам вместо Меня, иного Утешителя, Духа Святого, ваша вера так слаба, что поколеблется при первом же искушении. Наступает час, и настал уже, когда вы в эту же ночь оставите Меня одного и рассеетесь каждый в свою сторону, куда кто успеет скрыться. Но Я не останусь Один, потому что со Мною будет Отец. Я предупреждаю вас о том, что вы все в эту же ночь оставите Меня и что после того вас ожидает в мире много скорбных дней; и делаю это для того, чтобы вы не падали духом при предстоящих вам испытаниях. Необходимое для этого спокойствие духа, кротость, мир души и готовность пострадать за правду вы найдете во Мне, если будете пребывать в постоянном единении со Мною. **Мужайтесь** же! Вас ожидает победа, потому что **Я победил мир!**»

Апостолы, конечно, не поняли этого торжественного победного возгласа, а вслед затем, когда

наступили дни тяжелых испытаний их веры во Христа, они, быть может, и не вспоминали о нем; не победа, а полное поражение представлялось им, доходившим до уныния, отчаяния. Но когда они, исполняя завет Христа, пошли в мир проповедовать Его учение, когда стали привлекать к Нему толпы людей разных народностей, когда гонения, истязания и самая смерть не могли вынудить у обращенных ими ко Христу отречения от Него, — тогда Апостолы вспомнили победные слова своего Учителя и поверили им.

Молитва Иисуса

Этим торжественным победным возгласом окончил Иисус прощальную беседу Свою с Апостолами. Сказав последние прощальные наставления тем, которые должны нести в мир Его учение, Иисус, готовый идти на Крест, оканчивает Свое земное поприще торжественной молитвой, не стесняясь присутствием при этом Апостолов.

Оканчивая Свое служение роду человеческому, Иисус оставлял всего лишь одиннадцать Апостолов и немногих учеников. Этому малому стаду Христову предстояло идти в царство тьмы и внести в него свет божественной истины. Понятно, с каким озлоблением встретят их в этом царстве; начнутся гонения против них и их последователей; даже слово «христианин» станет ненавистным для сынов тьмы. И какой непоколебимой верой, каким мужеством должны они обладать, чтобы выдержать натиск озверелых врагов Божией правды? А вот этой-то непоколебимости веры, этого-то мужества им и недоставало теперь. Сейчас они покинут своего Учителя, а казавшийся до сих пор наиболее верующим в Него Петр, этот камень веры апостольской, три раза отречется от Него. Предвидя все это, Иисус сознавал, что победа нелегко достанется Его ученикам, и что без особой поддержки свыше они даже и не могут выйти победителями из предстоявшей им борьбы, а потому понятно, что Он, преподав им все последние, прощальные наставления Свои, обращается с мольбой к Отцу Своему, чтобы Он охранил их веру от всяких искушений и колебаний, чтобы освятил их истиной Своей, чтобы удостоил их, по совершении ими своего земного подвига, быть там же, где будет и Он, Христос, и чтобы не только они, но и все вообще, которые уверуют по слову их, были бы объединены самоотверженной любовью друг к другу и находились бы в постоянном единении с Ним, Иисусом Христом, и посланным Его Отцом.

Эта молитва, кроме просьбы поддержать и освятить Апостолов и всех, которые уверуют по слову их, содержит в себе как бы краткий обзор исполнения Иисусом того поручения, какое дано было Ему посланным Его Отцом. Слова этой молитвы изображают душевное состояние Божественного Страдальца так понятно для всякого, знакомого с жизнью Его, что всякие комментарии к ней представляются излишними. Ни с какими молитвами нашими ее нельзя сравнивать, ибо никто из грешных людей никогда не может испытывать того, чем полна была душа Богочеловека, отдававшего Свою человеческую жизнь за чужие грехи, за грехи всего мира. Преклонимся же перед величием и святостью этой жертвы и оставим всякое дерзновение передавать читателям иными словами содержание этой молитвы. Будем читать ее теми словами, какие записаны Евангелистом, писавшим не только по памяти, но и по вдохновению Духа Святого.

Предсказание Иисуса о том, что все апостолы в эту же ночь разбегутся, а Петр трижды отречется

Окончив молитву Свою, Иисус пошел с Апостолами далее и перешел поток Кедрон; за этим потоком был сад, называемый Гефсимания, куда и направлялся Иисус. Перейдя Кедрон, Он опять обратился к Своим ученикам с грустным предсказанием, что наступает час, когда вера их поколеблется.

«Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; и сбудутся слова пророка Захарии, сказавшего: поражу пастыря, и рассеются овцы Его (Зах. 13, 7). Но не смущайтесь и этим. Я воскресну и соберу вас опять в Галилее».

Апостол Петр настолько был уверен в себе, что не принял на свой счет предсказаний Иисуса и

решительно возразил Ему: **если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь.**

«Ты ли не соблазнишься, Петр? — сказал Ему Иисус. — **Истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня».**

Но он еще с большим усилием говорил: хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя.

Апостолы поддержали Петра, и все стали уверять Иисуса, что с Ним готовы и умереть. Сопутствуемый такими уверениями, Иисус вошел в Гефсиманский сад.

ГЛАВА 41. Иисус в Гефсиманском саду. Моление о чаше. Взятие Иисуса под стражу. Иисус в Гефсиманском саду

Сад, в который вошел Иисус с Апостолами, был Его любимым местом уединения и отдохновения, куда Он часто уходил из Иерусалима. Евангелист Марк говорит, что этот сад был в селении, называемом Гефсимания (Мк. 14, 32); поэтому, от названия селения и самый сад назывался Гефсиманским. Войдя в сад, Иисус остановил Апостолов и сказал им: **посидите тут, пока Я пойду помолюсь там** (Мф. 26, 36). Но не всех Он оставил тут: трех Апостолов, Петра, Иакова и Иоанна, которые видели славу Его Преображения, Он взял с Собой и пошел с ними в сад. Евангелист Лука повествует, что Иисус отошел от Апостолов на расстояние *вержения камня* (Лк. 22, 41), то есть на такое расстояние, на какое обыкновенно долетает брошенный камень. Говоря вообще довольно кратко о случившемся в Гефсиманском саду, Лука не поясняет — от оставленных ли при самом входе в сад Апостолов отошел Иисус на вержение камня, или от тех трех, которых взял с Собой; и не поясняет он этого потому, что вовсе не упоминает о взятии Иисусом с Собой трех Апостолов. А так как, по сказаниям Евангелистов Матфея и Марка (Мф. 26, 39; Мк. 14, 35), Иисус **немного** отошел от Петра, Иакова и Иоанна, то следует признать, что на вержение камня Иисус отошел с тремя Апостолами от остальных. К этому заключению приводит еще и то соображение, что начало Гефсиманской молитвы Иисуса должны были слышать Петр, Иаков и Иоанн, иначе мы ничего не знали бы о ней; слышать же эту молитву они могли в том только случае, когда Иисус отошел от них **немного**, то есть когда находился от них вблизи, на расстоянии же вержения камня нельзя было слышать Молившегося.

Итак, взяв с Собой Петра, Иакова и Иоанна, Иисус отошел от остальных Апостолов на расстояние вержения камня. Ужас, скорбь и страшная тоска стали терзать Его, и Он не скрывал Своих душевных мук от избранных из друзей Своих. **Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною**, сказал Он; **душа Моя скорбит смертельно** (Мф. 26, 38).

Моление Иисуса об отвращении от него чаши страданий

Он отошел от них, пал на землю и молился; и они слышали, как Он начал молиться, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: **Авва! [78]Отче! все возможно Тебе; прinesi чашу сию мимо Меня** (Мк 14, 35–36). **О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет** (Лк. 22, 42).

Продолжения этой молитвы Апостолы не слышали, так как от усталости сон стал одолевать их, и они заснули.

О будущих страданиях Своих и смерти Иисус много раз говорил Апостолам; Он считал их неизбежными, в них видел Свою славу, и даже высказывал желание, чтобы все это скорее свершилось. Предсмертные страдания Свои Он уподоблял той чаше, наполненной ядом, какую в те времена иногда подносили осужденным на смерть; крестную смерть Свою Он называл крещением. **Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?** — спросил Он у сыновей Зеведеевых (Мк. 10, 38). **Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!** — сказал Он при другом случае всем Апостолам (Лк. 12, 50).

Что же значит этот ужас, охвативший Иисуса при наступлении часа Его страданий? Что значат Его скорбь и смертельная тоска? Неужели Он поколебался в Своем решении умереть? Нет, Он не поколебался, так как, подчиняя Свою волю воле Отца, Он тут же говорит: «Впрочем, пусть будет не так, как Я хочу, а как

Ты!»

А если Он безусловно подчиняется воле Отца и знает эту волю, то зачем же Он просит, чтобы миновала Его чаша страданий? Зачем содрогается от ужаса предсмертных мучений? Не лучше ли было Ему идти на смерть, как потом шли Его последователи, без страха и даже с радостью?

Но кто же может утверждать, что Иисус ужасался, скорбел и тосковал от страха ожидавших Его мучений? Ведь после того, то есть по окончании гефсиманской молитвы, конца которой мы не знаем, Он молча, без стонов и содроганий, перенес все оскорбления, истязания и самую мучительную казнь? А что божественная природа Его несколько не ослабила этих мучений, мы знаем из предсмертного возгласа Его: **Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?** (Мк. 15, 34). Следовательно, не страх предстоящих мучений привел Иисуса в такое душевное состояние, что Он стал молить об отвращении от Него этой чаши.

Предположение об искушении его дьяволом

Не надо забывать, что Иисус как Человек подвергался искушениям. Перед началом служения Своего, когда предстояло исполнить волю Пославшего, Он подвергся искушению дьявола, предлагавшего Ему достигнуть цели иным путем, не тем, какой определен волей Отца, а кратчайшим, полным величия и блеска и чуждым всяких страданий и неудач. Иисус не поддался тогда этим искушениям и пошел к Своей цели тем путем, который привел Его теперь к страшной развязке, к мучительной смерти. Понятно, что в таком положении Иисуса дьявол опять должен был выступить со своими искушениями. Евангелисты ничего не говорят об искушении в Гефсиманском саду; они молчат, но не потому, что искушения этого не было, а потому только, что о нем они не знали и не могли знать. О первом искушении в пустыне они могли узнать только от Самого Иисуса Христа, так как свидетелей искушения не было. Теперь же они и от Самого Господа не могли узнать ничего об искушении потому, что вслед за тем Он был взят под стражу и уже не виделся со Своими Апостолами наедине. Вот почему Евангелисты ничего не говорят о том, явился ли дьявол со своими искушениями в Гефсиманский сад, или же не являлся. Этого никто не знает; и если мы говорим об этом, то лишь предполагая, что дьявол перестал бы быть дьяволом, если бы не попытался возобновить свои искушения в такую скорбную Для Христа минуту. В чем именно состояли теперь искушения духа зла, мы не знаем, но можем, с некоторой вероятностью, делать основательные предположения. Если полагать, что дьявол внушал Иисусу мысль просить Отца, чтобы миновала Его чаша страданий, то это значит признавать, что Иисус, обратясь с такой мольбой к Отцу, поддавался искушению, а если Он поддавался власти дьявола хотя бы на одно мгновение, то уже не мог бы считаться Победителем его. К тому же дьявол восстал бы сам против себя, если бы советовал Иисусу обратиться к Отцу за разъяснением Своего положения; не к Богу направлять, а от Него отвращать — вот задача духа зла.

Следовательно, искушения дьявола должны были быть направлены в другую сторону. Он должен был напомнить Иисусу Христу о тех предложениях, которые делал Ему в пустыне, искушая царствами мира сего; он мог указать Ему на неблагодарность благодетельствованного Им народа и на предстоящую смерть на кресте, он мог вновь повторить то искушение, которое было уже отвергнуто Христом. Он мог обратиться к Иисусу примерно с такой речью: «Помнишь ли, как три с половиной года назад я предлагал Тебе явиться народу еврейскому в блеске земного величия и подчинить Своей власти весь мир? Помнишь ли, как я уверял Тебя, что именно такого воинственного мессию и ждут евреи? Помнишь ли, как я отвращал Тебя от того пути, которым Ты хотел идти к Своей цели, — как я предсказывал Тебе, что это путь страданий и позорной смерти? Ты не поверил мне тогда; Ты думал, что я желаю Тебе зла. И что же? К чему привел Тебя избранный Тобой путь? — К полной неудаче: народ, сначала увлекавшийся Твоими чудесами и не упускавший случая извлечь из них осязательную для себя выгоду, отвернулся от Тебя, как только узнал, как только убедился, что Ты не тот мессия, которого он ждет; начальники народные приговорили Тебя к смерти, как лже-мессию, и уже послали отряд воинов взять Тебя для исполнения приговора. Ты утешал Себя тем,

что, по крайней мере, двенадцать избранных Тобой Апостолов верны Тебе до конца; но так ли это? Один из них продал Тебя за тридцать сребренников, а остальные (посмотри!) беспечно спят в такую ужасную минуту Твоей жизни; да и те (кто знает?) не бросят ли Тебя, не разбегутся ли, как только Тебя возьмут под стражу? И что же дальше ожидает Тебя? Оставленного всеми, поведут Тебя на казнь. И некому будет заступиться за Тебя. И распнут Тебя, и в страшных мучениях Ты умрешь!.. Но подумай, такой ли участи заслуживаешь Ты, Царь Израилев?.. Ведь народ не признал Тебя своим мессией и отвернулся от Тебя только потому, что Ты не принял предложенной Тебе царской власти; прими ее, и народ с восторгом опять встретит Тебя, Царя Израилева, и пойдет за Тобой покорно, куда бы Ты ни повел его. Яви же Себя народу во всем величии страстно ожидаемого ими мессии!.. Уйдем! Уйдем отсюда! Иди за мной, и я ручаюсь Тебе, что мы победим мир, конечно, не Твоей кротостью и самоотверженной любовью, которых мир ни понять, ни вместить не может, а силой, оружием мира сего, силой испытанной, непобедимой!.. Решайся же! Спеши! Уйди!.. Предатель приближается!»

Победа Иисуса над искушителем

Если только искушение было, то отвергнуто, конечно, Иисусом так же спокойно и величественно, как и искушения в пустыне. Там Он сказал: **Господу Богу... поклоняйся и Ему одному служи** (Мф. 4, 10). Ту же покорность воле Божией Он, несомненно, проявил и здесь.

Диавол удалился. Но изображенная им картина пути, пройденного уже и еще предстоящего впереди, предстала пред Иисусом во всей своей ужасной действительности. Да, вот она — та чаша нравственных терзаний, какая представилась теперь взору Божественного Страдальца! Было от чего содрогнуться, было от чего впасть в смертельную тоску. Не страх физической боли предстоящих мук обуял Иисуса; нет, не этот страх терзал теперь Его душу, не предстоящими муками и истязаниями тела была наполнена стоявшая пред Ним чаша страданий. Да и что значат эти страдания тела в сравнении с теми душевными муками, какие испытывал теперь Христос, оглядываясь на пройденный Им путь?

Скорбь Иисуса о грехах мира

Ко времени пришествия Его на землю языческий мир изверился в своих самодельных богов, в лице лучших своих представителей искал Неведомого Бога и не находил, — в безбожии своем потерял смысл жизни и, отдавшись исключительно чувственным удовольствиям, свое личное я сделал своим кумиром, ему единому поклонялся и ему единому служил; и в жертву этому кумиру, за минутное удовлетворение ненасытной жажды наслаждений, приносилось все, имущество, свобода, честь, даже жизнь людей; зло господствовало всюду, подчиняя своей власти все. Не лучше был и мир иудейский: «гордясь своим познанием Истинного Бога, давшего ему закон, он перестал понимать Бога, он искажил смысл Его закона; то же себялюбие, та же жажда личных наслаждений, хотя бы и сопряженных со страданиями ближних, то же царство зла и тьмы, только прикрытое личиной фарисейского лицемерия. И вот, в этот мир, погрязший в пороках, в это царство тьмы проник луч божественной правды, принесенной на землю Христом. И как люди, долго сидящие в темной комнате, не выносят света неожиданно внесенного светильника и стремятся поскорее погасить его, так и мир иудейский (и языческий) озлобленно восстал против Проповедника самоотверженной любви и воздаяния добром за зло. Став лицом к лицу с этими враждебными силами, Христос предпочел скорее быть жертвой грехов всего мира, выдержать лично на Себе всю адскую злобу врагов Своих, но силы против силы не употреблять. Он знал, что для основания Царства Божия на земле надо преобразовать испорченное веками сердце человека и что силой этого не достигнешь. Он знал, что лучше бросить на благоприятную почву хоть одно горчичное зерно, чем разбросать все семена на обширном каменистом поле. Он, олицетворение божественной Любви, любил этот испорченный мир; Он шел ко всем мытарям, грешникам и пропащим людям, призывая их к покаянию, согревая их всепрощающей любовью и исцеляя их от всех телесных недугов; Он всенародно воскрешал

мертвых и совершал такие чудеса, какие может творить только Бог; Он лично не стремился ни к какой земной славе, и все утешение Свое полагал лишь в пробуждении любви в сердцах людей. И каково же было любящему сердцу Его видеть, как народ, желавший провозгласить Его Царем, тотчас же отвернулся от Него, как только узнал, что Царство Его не от мира сего. Каково было видеть Ему всю возмутительную неблагодарность благодетельствованных Им, адскую злобу начальников народа, измену одного из ближайших учеников? Что может быть мучительнее душевного состояния того человека, которому на беззаветную любовь отвечают ненавистью, за услугу платят презрением, а за добрые дела мстят с дьявольским остервенением? В таком-то положении находился Христос, когда стал тосковать, войдя в Гефсиманский сад. Тоска эта усилилась сознанием, что и те Апостолы, которые, одни из всей восторженной толпы Его прежних учеников, не побоялись открыто стать на Его сторону, что и они, без особой поддержки свыше, не могут считаться надежными последователями Его; один из них продал Его, остальные при первой опасности разбегутся, а самый стойкий из них в вере, Петр, сейчас же трижды отречется от Него. И останется Он один, непонятый, отвергнутый миром; и этот мир, в озлоблении своем против божественной правды, подвергнет Его мучительной казни...

Все эти мысли овладели душой Божественного Страдальца и довели Его до такой сердечной тоски, какую никто из нас и понять не может. К этой невыразимой тоске, естественно, присоединился и ужас предстоящей мучительной, незаслуженной смерти [79]. Чашу душевных терзаний, причиненных грехами всего мира, Он готов испытать до дна; но смерть Его нужна ли при таких обстоятельствах? Если нужна, Он примет и ее безропотно; но если и помимо этого Бог может окончить начатое дело спасения людей? **Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня**, — воскликнул Он (Мк. 14, 36). Ответа не было...

Целый час молился Христос; но ни продолжения, ни конца Его молитвы мы не знаем, так как призванные присутствовать при ней свидетели еще в начале ее заснули.

Окончив молитву, Иисус идет к ученикам, дабы утешить Себя их присутствием, но находит их спящими. Грустно было видеть, как сам Петр, за час перед тем обещавший положить душу свою за Учителя, не устоял против обыкновенной слабости. **Симон! и ты спишь?** — сказал Господь, — **не мог ты бодрствовать один час?** (Мк. 14, 37). А когда проснулись Иаков и Иоанн, которые незадолго перед тем хвалились, что могут пить ту чашу страданий, какая предстоит их Учителю, и креститься тем крещением, каким Он будет креститься, когда они теперь пробудились от одолевшего их сна, Христос с грустью посмотрел на них и сказал: **Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение: дух бодр, плоть же немощна** (Мк. 14, 38). Им предстояло большое испытание: при взятии Иисуса под стражу, перед ними возникнет вопрос: а не возьмут ли и их, как Его учеников? Не подвергнут ли и их, как Его соучастников, одинаковой с Ним участи? Немощная плоть их вступит в свои права, станет действовать на их бодрый до сих пор дух и подчинять его себе. А если им предстоит такая борьба, то не спать им теперь надлежало, а бодрствовать и молиться, чтобы бодрствующий дух победил немощную плоть.

Не найдя поддержки и утешения в учениках Своих, Христос отошел от них, опять преклонил колена Свои и опять начал молиться; *но теперь Он уже не просит*, чтобы миновала Его чаша страданий, а покорно отдается воле Отца. **Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня... да будет воля Твоя** (Мф. 26, 42).

Ответа не было и на эту молитву. Изнемогая под бременем смертельной тоски, Иисус опять идет к Апостолам, думая утешиться в беседе с ними, но опять застает их спящими. На этот раз они так крепко заснули, что не скоро пробудились; глаза их казались отяжелевшими от сна; они не сразу поняли даже, где они, и не знали, что отвечать разбудившему их Иисусу. **И, оставив их, Иисус отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю** (Лк. 22, 44).

И эту третью молитву Он окончил словами решительной покорности: **да будет воля Твоя.**

Три раза молился Иисус, в первой молитве Он обращается к Отцу с решительной просьбой об отвращении от Него чаши страданий: **«Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня.** Впрочем, Я знаю, что должно совершиться **не то, чего Я хочу, а чего хочешь Ты»** (Мк. 14, 36). Не получив ответа на эту молитву, Он начинает вторую уже прямым изъявлением покорности воле Божией: **если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, то да будет воля Твоя** (Мф. 26, 42). Не получив ответа и на эту молитву, Он начинает молиться в третий раз, сказав то же слово, а окончив ее, будит Апостолов и говорит: **Кончено, пришел час Мой! Встаньте, пойдём** (Мк. 14, 41–42).

Таким образом, из самых слов этой молитвы видно, как постепенно подчинялся Иисус воле Отца и укреплялся духом; но, несмотря на это, к третьей молитве Его послан был Ему ангел, который даже одним появлением своим должен был еще более ободрить Иисуса и придать Ему сил для перенесения предстоящих мук. И это было крайне необходимо, так как силы Его стали упадать, доказательством чему служит появление на лице Его особого пота, **как капли крови, падающие на землю.**

Во время молитвы от напряжения с лица Спасителя падал пот, **как капли крови.** Был ли это действительно кровавый пот, или же Евангелист только сравнивает его с каплями крови — неизвестно. Как бы то ни было, но с появлением ангела Иисус окреп не только духом, но и телесно, так как в состоянии был затем перенести и эту мучительную, без сна проведенную ночь, и все последующие страдания.

Окончив молитву в совершенной уверенности, что страдания Его и смерть необходимы, и при том теперь же, а не в другое время, Иисус в третий раз подошел к Петру, Иакову и Иоанну, и опять застал их спящими. Он разбудил их и сказал: **«Вы все еще спите и поживаете? Не время теперь спать. Все кончено, пришел час Мой! Вот, сейчас вы увидите, как предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдём; вот, приблизился предающий Меня».**

Взятие Иисуса под стражу

Три избранные Апостола проснулись, встали и вместе с Иисусом пошли к выходу из сада, где спали остальные. Подойдя к выходу, они могли заметить приближающуюся толпу с фонарями и другими светильниками. То Иуда вел вверенный ему синедрионом отряд римских воинов, сторожей храма и слуг первосвященников, вооруженный мечами и кольями.

Первосвященники, дав тайное поручение Иуде взять Иисуса и связанного привести к ним и сделать все это осторожно, не могли, конечно, объявить отряду, кого именно он должен задержать; они должны были ограничиться приказанием взять Того, на Кого укажет им Иуда. Такая осторожность со стороны первосвященников требовалась по двум причинам: посланные могли встретить случайно бодрствующих из народа, проболтаться им, за Кем идут, и тем привлечь толпу, которая могла бы и освободить задержанного Пророка своего; к тому же, был уже случай, когда стража храма и слуги первосвященников, посланные взять Иисуса, не посмели задержать Его (Ин. 7, 45–46). Вот почему отряду было приказано взять Того, на Кого укажет Иуда. А Иуда, строго храня тайну данного ему поручения, ограничился одним лишь указанием: **Кого я поцелую, Тот и есть, за Кем мы идем; возьмите Его и ведите осторожно.**

Из последующего поведения Иуды и предложенного Ему Иисусом вопроса можно заключить, что он намеревался, отделившись от отряда, подойти к Иисусу с обычным приветствием, поцеловать Его, затем отойти к Апостолам и тем скрыть свое предательство. Но это ему не удалось. Когда он поспешно подошел к Иисусу и растерянно сказал: **Равви! Равви!** — то Иисус кротко спросил его: **друг, для чего ты пришел?** (Мф. 26, 50). Не зная, что сказать, Иуда в смущении произнес: **радуйся, Равви! и поцеловал Его** (Мф. 26, 49).

Чтобы показать Иуде, что он не может скрыть своего предательства, Иисус сказал: **Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?**

Между тем, стража приблизилась к Иисусу, и Он, желая показать, что Сам добровольно отдается ей, спросил: **кого ищете?**

Хотя отряд не знал, за кем послан, но в нем находились старейшины народа (члены синедриона), пришедшие, быть может, для того, чтобы наблюдать и за Иудой, как он исполнит секретное поручение, не обманет ли он? Эти-то старейшины, на вопрос Иисуса — **кого ищете?** — ответили: **Иисуса Назорея** (Ин. 18, 4–5). Трудно предполагать, что прибывшие с отрядом старейшины не узнали Иисуса; скорее можно думать, что они притворились не узнавшими Его, любопытствуя видеть, что Он при таких обстоятельствах предпримет. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его, которому, вследствие обнаружения предательства, не удалось присоединиться к Апостолам.

«**Это Я, кого вы ищете**», — громко сказал Иисус старейшинам и всему явившемуся за Ним отряду.

Стражникам внушено было действовать осторожно; им сказано было, что Того, за Кем они посланы, придется взять хитростью, обманом, так как Он имеет приверженцев, которые могут заступиться за Него и укрыть Его. И каково же было удивление стражников, когда Иисус говорит им: «**Это Я, Кого приказано вам взять; берите же Меня!**»

Неожиданность такого ответа, сила духа, проявленная при этом Иисусом, произвели на стражников необычайное действие: **они отступили назад и пали на землю** [80]. Эта могучая сила заставила жадных до наживы торгашей безмолвно подчиниться Иисусу и без сопротивления очистить храм. Та же сила духа подчинила себе озлобленных фарисеев, схвативших камни, чтобы убить Иисуса: руки их опустились и камни выпали на них. И теперь толпа, пришедшая с мечами и дрекольями, чтобы взять какого-то важного преступника, пораженная той же силой, отступила и в испуге припала на землю.

В это время стали собираться вокруг Иисуса остальные восемь Апостолов. Стражники очнулись от охватившего их ужаса; некоторые из них подошли к Иисусу ближе, другие же, по-видимому, хотели предупредить сопротивление со стороны учеников Его, и для этого захватить и их всех. Тогда Иисус опять спросил их: **кого ищете?** — и когда ему ответили по-прежнему — **Иисуса Назорея**, — то сказал им: **Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут.**

Приводя эти слова Иисуса, Евангелист Иоанн от себя поясняет, что в эту самую ночь Иисус, молясь за Своих учеников, чтобы Отец Небесный сохранил их, сказал: **из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого.** И эти слова должны были сбыться, и действительно сбылись: стража оставила Апостолов и приступила к Иисусу.

Тогда Апостолы, подошедши ближе к Иисусу, хотели заступиться за Него; кто-то спросил: **Господи! не ударить ли нам мечом?** — а Петр, не дождавшись ответа, выхватил из ножен находившийся при нем меч, ударил им одного из стражников, по имени Малха, оказавшегося слугой первосвященника, и отсек ему правое ухо.

По-видимому, и другие Апостолы хотели последовать примеру Петра, но Иисус остановил их рвение, сказав им: **оставьте, довольно** (Лк. 22, 51). И, подойдя к Малху, коснулся поврежденного уха его и тотчас же исцелил его. Обращаясь же затем к Апостолу Петру, сказал: **вложи меч в ножны, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут** (Мф. 26, 52; Ин. 18, 11) (то есть все, противящиеся проявлению зла грубой силой, злом, рано или поздно погибнут от такой же силы).

Разъясняя далее Петру всю необдуманность его поступка, Иисус сказал: «Неужели ты думаешь, что можешь помешать исполнению воли Отца Моего? **Неужели возможно Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?** (Ин. 18, 11). Как еще слаба твоя вера! Неужели ты думаешь, что они могут взять Меня против Моей воли? **Или думаешь, что Я не могу теперь же умолить Отца Моего**, чтобы Он послал в защиту Мую **более, нежели двенадцать легионов Ангелов?** (Мф. 26, 53). И если все это непонятно тебе, то смотри, по

крайней мере, на все свершающееся теперь как на исполнение пророчеств обо Мне».

Первоначально казалось, что в отряде воинов, сторожей храма и слуг имеется всего лишь несколько осведомленных с делом старейшин, которые и отвечали на вопрос — **кого ищете?** После же выяснилось, что с этой толпой пришли первосвященники и начальники храма, которые, очевидно, не могли утерпеть, чтобы не удовлетворить свое злорадство присутствием при аресте ненавистного им Пророка.

В Евангелии нередко говорится о первосвященниках. Собственно первосвященником (первым из священников) мог быть только один священник; но называли первосвященниками не только состоящего в этой должности, но и всех отставных первосвященников; отставных же в то время было много, так как после присоединения Иудеи к Римской империи утверждение и смена первосвященников зависели от римских правителей, которые часто сменяли их, назначая угодных себе, и вообще не любили, чтобы на этой должности долго оставалось одно и то же лицо. Кроме того, первосвященником называли и первого в священнической чреде. Таким образом, кроме одного настоящего первосвященника, каким был в то время Каиафа, было много еще так называемых первосвященников. Такие-то первосвященники и начальники храма и вмешались в толпу отправленных за Иисусом стражников. *Увидя их, Иисус сказал: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня? Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы* (Лк. 22, 52–53).

После того вполне уже пришедшие в себя стражники подошли, по приказанию первосвященников и старейшин, к Иисусу и связали Его. Тогда Апостолы, опасаясь, что и их постигнет та же участь, тотчас же оставили своего Учителя и бежали. И сбылось предсказание: **поражу Пастыря, и рассеются овцы Его** (Зах. 13, 7; Мф. 26, 31).

Когда предводительствуемый первосвященниками и тысяченачальником отряд повел Иисуса в Иерусалим, то воины заметили, что какой-то юноша, завернувшись в покрывало, следовал за ними; находя такое выслеживание подозрительным, они схватили его за покрывало, но он рванулся, покрывало осталось в их руках, а он убежал, причем оказалось, что покрывало было надето им на совершенно нагое тело. Очевидно, этот юноша жил тут же, в селении Гефсимании, проснулся от шума, произведенного отрядом, и поспешил, не одеваясь, а лишь прикрывшись одеялом, выйти из дома и узнать, кто это так шумит в полночь.

Об этом юноше упоминает один только Евангелист Марк, но не называет его по имени. Древнее предание гласит, что этот юноша был сам Марк.

Куда бежали девять Апостолов — неизвестно, но двое, Петр и Иоанн, если и оставили Иисуса, то все-таки не решились далеко уйти от Него. Желание узнать, что станет с Ним, влекло их к Нему. И вот они вышли из своего кратковременного убежища и издали стали следить за удалявшимся отрядом; потом пошли следом за ним, хотя и в некотором отдалении, и так дошли до Иерусалима.

ГЛАВА 42. Иисус у бывшего первосвященника Анны. Иисус перед судом синедриона. Отречение Петра. Вторичное, на рассвете, заседание синедриона. Раскаяние Иуды. Иисус у бывшего первосвященника Анны

Придя в Иерусалим, стражники привели Иисуса не к первосвященнику Каиафе, который доказал уже свою ненависть к Галилейскому Пророку, сказав в синедрионе, что лучше одному человеку умереть, чем всему народу погибнуть; не к нему привели Иисуса, а к тестю его Анне (которого Иосиф Флавий называет Ананом), отставному первосвященнику, пробывшему в этом звании одиннадцать лет.

Следовавшие невдалеке Петр и Иоанн хотели войти за Иисусом и во двор Анны. Иоанн был известен Анне и потому безбоязненно вошел во двор, а Петр остановился у входа, не решаясь войти. Тогда Иоанн, заметив, что Петра нет около него, пошел к воротам, сказал привратнице, чтобы онапустила Петра, и после того ввел его с собой во двор.

Была холодная ночь; рабы и служители развели во дворе костер, и все грелись вокруг него. Петр также стоял и грелся с ними. Подошла к ним погреться и привратница, впустившая Петра, и так как в это время Анна допрашивал Иисуса (все же подробности допроса слуги тотчас же сообщали стоявшим на дворе), то гревшиеся у костра стали разговаривать об учениках Иисуса, и тогда-то привратница, всматриваясь в Петра, спросила: **и ты не из учеников ли Этого Человека?** Петр оробел и ответил: **Нет** (Ин. 18, 17).

Между тем Анна, злорадствуя при виде связанного Иисуса, стал расспрашивать Его об учении Его и учениках. Вопросы эти были предложены из праздного любопытства, так как Анне должно было быть известно учение Иисуса; знал он также, что у Него имеются и ученики.

Не желая удовлетворять праздное любопытство хитрого саддукея. Спаситель сказал: **Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил.**

Оскорбление Иисуса служителем Анны

Анна понял, что иного ответа и нельзя было ожидать и, вероятно, прекратил бы допрос, но стоявший тут же служитель его нашел в ответе этом нечто неуважительное к такому важному лицу, как бывший первосвященник, и, желая показать особенное усердие к своему господину, ударил Иисуса по щеке и дерзко сказал: **так-то отвечаешь Ты первосвященнику?**

Если бы Иисус молча перенес это оскорбление, то могли бы подумать, что Он признает его заслуженным; особенно же возгордился бы не в меру ревностный слуга таким молчаливым одобрением его поступка. Поэтому, чтобы пресечь зло в самом его начале, чтобы дать слуге почувствовать всю тяжесть его греха, Иисус побеждает зло добрым словом. **«Если Я сказал худо, — говорит Он, обращаясь к Своему оскорбителю, — то покажи, что худо, укажи, что именно в моем ответе первосвященнику ты считаешь дурным; а если Я сказал хорошо, то за что же ты бьешь Меня?»** (Ин. 18, 23)».

Признав бесполезным продолжать допрос Иисуса, Анна отправил Его связанного к настоящему

первосвященнику, зятю своему Каиафе.

Иисус перед судом синедриона в доме Каиафы

Между тем, пока Иисус находился у Анны, в дом первосвященника Каиафы собрались все так называемые первосвященники, старейшины народа и книжники, словом, почти весь синедрион. Несмотря на глубокую ночь, все спешили на суд, чтобы скорее покончить с Галилейским Пророком. Все наличные члены синедриона еще раньше сговорились убить Иисуса, так как вполне разделяли мнение Каиафы, что лучше умереть одному Человеку, чем погибнуть всему народу; но все-таки они считали необходимым произвести формальное расследование вины Иисуса, подкрепить обвинение свидетельскими показаниями и затем уже окончательно произнести смертный приговор. Следовательно, теперь вся остановка за свидетелями. И вот первосвященники и все члены синедриона стали разыскивать таких свидетелей, стали вспоминать, кто бы из известных им лиц мог оказать им услугу своим лжесвидетельством; и разослали по всему городу собирать подходящих свидетелей.

Охотников угодить начальству оказалось очень много. Начался допрос их. Что именно они говорили — неизвестно, но, должно быть, не могли сказать ничего такого, чего хотели судьи, так как даже таким явно пристрастным судом свидетельства их были признаны недостаточными для произнесения смертного приговора. Наконец явились два свидетеля и сказали: **Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его** (Мф. 26, 61). Некоторые же из присутствовавших встали и начали говорить, что и они слышали, как Он говорил: **Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный** (Мк. 14, 58).

Последнее показание могло бы дать синедриону повод к произнесению смертного приговора. Слово **рукотворенный** употреблялось для означения идола, а в применении к храму могло означать идольский храм. Такое явное неуважение к Иерусалимскому храму, в котором обитает Сам Бог, можно было бы счесть за хулу на Бога и виновника подвергнуть смертной казни, установленной законом (Лев. 24, 16). Но это показание находилось в явном противоречии с другим показанием о разрушении храма — **могу разрушить храм Божий и в три дня создать его**. Поэтому показания всех свидетелей о разрушении храма признаны были недостаточными для присуждения Иисуса к смерти.

Таким образом, наскоро собранные лжесвидетели, несмотря на значительное число их, не дали синедриону желанных им доказательств виновности Иисуса. Все свидетели уже допрошены, новые не являются. Что делать? Где добыть их? Да и возможно ли из-за этого откладывать суд? Время уходит; надо спешить, чтобы проснувшийся утром народ не помешал осуждению. И вот, встает со своего председательского места Каиафа, выходит на середину судилища и обращается к Иисусу, все время молчавшему, с вопросом: **«Что же Ты ничего не отвечаешь? Разве не слышишь, что они против Тебя свидетельствуют?»** (Мк. 14, 60). 26 Иисус молчал. Да и что было говорить против таких лжесвидетелей, уличавших во лжи самих себя и друг друга? Но это молчание раздражало первосвященника. Он стал допрашивать Иисуса, надеясь вынудить Его на такое признание, какое освобождало бы суд от требования дальнейших доказательств Его вины. Но Иисус молчал. Тогда Каиафа прибег к решительному средству. Ему, как первосвященнику, предоставлялось право допрашивать обвиняемого под клятвой. И вот, он обращается к Иисусу с требованием под клятвой ответить ему на тот вопрос, какой будет предложен. **Заклинаю Тебя Богом живым, — говорит он, — скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?** (Мф. 26, 63).

Если Иисус не отвечал, то есть не возражал на показания лжесвидетелей, то на вопрос, прямо поставленный Ему Каиафой, Он ответил бы и без заклинания, так как не имел никакого намерения скрывать Свое божественное, мессианское значение даже перед таким нечестивым судом, каким теперь был синедрион. На это именно и рассчитывал Каиафа; собственным ответом Иисуса он и намеревался уличить Его в хуле на Бога.

Итак, на прямо поставленный вопрос: **Ты ли Христос, Сын Божий?** то есть: «Ты ли обещанный нам Мессия?» — Иисус ответил: **Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных** (Мк. 14, 62).

Каиафе и прочим членам синедриона было известно, что в таких именно выражениях пророк Даниил описывал свое видение Сына Человеческого, шедшего на облаках небесных и подведенного к Ветхому днями, то есть Богу-Иегове (Дан. 7, 13).

Каиафа этого ответа и ожидал; с целью добиться его он и предложил свой вопрос. Поэтому желанный им ответ Иисуса должен был обрадовать его, и действительно обрадовал, так как освобождал синедрион от дальнейшего судопроизводства. Но обнаружить при всех эту радость было бы неприлично его сану. Служитель Божий должен был возмутиться, слыша хулу на Бога, и чем-нибудь особенным выразить свое негодование на хулителя и ревность о славе Бога. И вот, хитрый первосвященник притворился возмущенным такой дерзостью Иисуса, осмелившегося назвать Себя Христом, Сыном Божиим; в порыве притворного негодования он разорвал переднюю часть своей одежды, подражая в этом Иисусу Навину и другим праотцам, и воскликнул: **Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы сами слышали богохульство Его!** (Мф. 26, 65).

В чем же состояло это богохульство? Не в том ли, что Иисус подтвердил теперь раньше сказанное Им, что Он действительно Мессия? Да ведь евреи ожидали пришествия Мессии; ведь Мессия должен был придти; в этом не сомневались евреи как народ; в это верили и фарисеи. Нельзя же Самого Мессию судить за то, что Он Мессия? Следовательно, не осуждать Иисуса на смерть надлежало бы суду, если бы он был судом беспристрастным, а исследовать, можно ли, не противореча пророчествам, признать в Иисусе того Мессию, Который должен прийти? Но этот вопрос не занимал теперь нечестивых судей, давно уже переставших понимать истинный смысл пророчеств, потерявших ключ к разумению их. Они так привыкли верить в своего, ими же изобретенного Мессию как непобедимого царя земного, покорителя евреям всего мира, что никак не могли даже и подумать, что Мессией может быть бедный и кроткий Галилейский Учитель.

Добившись признания Обвиняемого, Каиафа, обращаясь к членам синедриона, спросил: «Ну, **как вам кажется?** Достаточно ли выяснилась виновность Его, и какому Он подлежит наказанию?»

Все ответили: **повинен смерти** (Мф. 26, 66).

Приговор произнесен; но Каиафе хотелось облечь его в ту форму законности, какой требовал установившийся обычай. В Талмуде имеется указание, что в уголовных делах окончательное произнесение приговора должно следовать не ранее, как на другой день после начала суда. Ни Каиафа, ни синедрион не хотели надолго, то есть до окончания праздников пасхи, откладывать окончательное осуждение Иисуса, так как такая отсрочка могла вызвать замешательство в народе, и все планы их могли расстроиться. Но форму вторичного суда надо было соблюсти. И вот, члены синедриона решили разойтись по домам, но на рассвете вновь собраться.

Отречение Петра

Между тем, пока происходил суд над Иисусом, Петр, пришедши, вероятно, с Иоанном же из дома Анны к дому Каиафы, сидел во дворе этого дома, стараясь придать себе вид постороннего человека, пришедшего на шум из одного лишь любопытства. Слуги Каиафы часто входили в судилище и выходили из него, сообщая сидевшим на дворе все происходившее там. Петр, вероятно, весьма тревожился, прислушиваясь к их рассказам, и тем обнаружил, что не одно праздное любопытство привлекло его сюда. Заметив его беспокойство, одна из служанок подошла к нему и спросила: «Должно быть, **и ты был с Иисусом Галилеянином** (Мф. 26, 69), что так прислушиваешься ко всему, что говорят о Нем?» Петр не успел

еще ответить, как один из рабов первосвященника, родственник Малха, у которого Петр отсек ухо, всматриваясь в Петра, сказал: **не я ли видел тебя с Ним в саду?**

Петр смутился и сказал: **не знаю и не понимаю, что ты говоришь** (Мк. 14, 68). С этими словами он встал и направился к выходу, на передний двор; и когда он подходил к воротам, запел петух.

Предсказание Иисуса об отречении Петра передано всеми Евангелистами вполне согласно; но Матфей, Лука и Иоанн ничего не говорят о том, сколько раз пропел петух, когда Петр трижды отрекся от Иисуса; Марк же, писавший свое Евангелие со слов Петра и, следовательно, лучше других Евангелистов знавший подробности этого грустного события, передает предсказание Иисуса такими словами: **истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня** (Мк. 14, 30). Поэтому, Евангелист Марк, повествуя об отречении Петра, отмечает подробность о том, что после первого же отречения во дворе Каиафы петух пропел в первый раз, а после третьего — во второй раз. Конечно, эта подробность, имеющая существенное значение, не могла быть забыта Петром.

Итак, Петр отрекся уже один раз от Христа; и тотчас же, как бы в напоминание ему о предсказании Иисуса и в предупреждение дальнейших отречений, раздался первый, полночный крик петуха. Но Петр, по видимому, не обратил внимания на это предостережение, так как тотчас, при выходе его за ворота, другая служанка подошла к нему и, обращая на него внимание стоявших у ворот людей, сказала: **и этот был с Иисусом Назореем** (Мф. 26, 71). Все присутствовавшие при этом обратились к Петру с испытующими взорами; он не выдержал их; страх обуял его, и он не только вторично отрекся от Иисуса, но даже с клятвой стал уверять всех, что **не знает Сего Человека** (Мф. 26, 72); он даже не назвал Его по имени.

Вероятно, клятвенные уверения Петра подействовали на его обличителей: они оставили его в покое, и он, спустя некоторое время, увлекаемый страстным желанием знать, что делается с его Учителем, опять вошел во двор и уселся у костра. По сказанию Евангелиста Луки, **прошло с час времени** (Лк. 22, 59) после второго отречения; по словам же Евангелистов Матфея (Мф. 26, 73) и Марка (Мк. 14, 70), **немного спустя** началось третье его отречение.

Петр, как уроженец и житель Галилеи, говорил на галилейском наречии, которое резко отличалось своей грубостью и неправильностью произношения некоторых звуков и даже целых слов от того арамейского наречия, на каком объяснялись тогда жители Иудеи.

Все сидевшие у костра служители первосвященника говорили, конечно, об Иисусе и, вероятно, повторяли внушенное им раньше их господином мнение о том, что Мессия должен прийти из Вифлеема, а не из Назарета Галилейского, и что Иисус как Галилеянин не может быть даже пророком. Говоря о Галилее, не могли не обратить внимания и на Петра, своим наречием явно выдававшего себя за галилеянина; вспомнили раньше возбужденное подозрение, не ученик ли он Иисуса, и стали говорить ему: «Хотя ты и клялся, что не знаешь Этого Человека, но теперь мы догадываемся, что ты из Его учеников, ибо по твоему говору видно, что ты галилеянин».

Страх опять напал на Петра, и **он же начал клясться и божиться**, говоря: **не знаю Человека Сего, о Котором говорите** (Мк. 14, 71).

К этому времени суд над Иисусом уже окончился, и Его вывели из судилища на двор. Тотчас же петух пропел второй раз, и Христос посмотрел на Петра. Тут-то вспомнил Петр слово, сказанное Ему Иисусом: **прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня** (Мк. 14, 72); он вышел вон и горько заплакал.

Святой Климент, ученик Апостола Петра, свидетельствует, что Петр в течение всей последующей жизни своей при ночном пении петуха падал ниц, со слезами каялся в своем отречении и просил прощения, хотя и получил уже его от Самого Иисуса Христа вскоре после Его Воскресения.

Петр в раскаянии обливался слезами; но как тяжело было Иисусу видеть лучшего из оставшихся одиннадцати учеников клянущимся, что не знает **Сего Человека**, боящимся даже назвать имя Его! Чаша душевных мук переполнилась.

Издевательства над Иисусом

Озлобленный мир приступает теперь к истязанию тела божественного Страдальца. Пока члены синедриона отдыхали по домам своим в ожидании утреннего заседания, Иисуса держали во дворе Каиафы, под охраной стражи, связанного. Ни в ком Он не возбудил ни сострадания, ни даже жалости к Себе; чувства эти были чужды окаменелым сердцам рабов и прислужников первосвященника. В испорченном сердце человеческом гнездится скверное чувство: желание оскорбить, да посильнее, того, кто когда-то был силен, а ныне стал беззащитным. Движимая этим чувством толпа, окружившая теперь Иисуса, стала издеваться над Ним. Начальство объявило Его лжемессией, повинным смерти, и, вероятно, намекнуло своим прислужникам, что они могут не стесняться с таким Человеком. Этого было достаточно, чтобы дать простор чувствам озверелой толпы. Иисуса стали бить; закрывали лицо Его покрывалом и, ударяя по щеке, спрашивали: «Узнай, кто ударил Тебя?» Мессия должен был знать все, и если Иисус — Мессия, то, по мнению Его истязателей, Он должен каждый раз узнавать, кто Его ударил. Но Христос молчал, и это молчание дало некоторым повод отнестись к Нему, как к лжемессии, с обычным у евреев выражением крайнего презрения: стали плевать Ему в лицо. **И много иных хулений произносили против Него** (Лк. 22, 65). Христос безропотно перенес все эти оскорбления и истязания и, быть может, молча молился за окружающих Его теперь, как будет молиться за Своих распинателей: **Отче! прости им, ибо не знают, что делают** (Лк. 23, 24).

Вторичное, на рассвете заседание синедриона

До самого утра Христос пробыл на дворе Каиафы, все время подвергаясь оскорблениям и побоям. С наступлением же утра первосвященники, старейшины и книжники опять собрались для окончательного суда, но уже не в доме Каиафы, а в помещении синедриона, куда повели и Иисуса.

Когда все судьи собрались, ввели Иисуса. Председатель Каиафа начал разбор дела с того, на чем окончил в ночном заседании, то есть с выслушания собственного признания Обвиняемого, и, обращаясь к Нему, спросил: **Ты ли Христос?**

Что было отвечать на такой вопрос? Если сказать — да, Я Христос, — как было сказано при первом допросе, то это будет бесполезно, так как пристрастные судьи, давно решившие убить Иисуса, не уверуют в Него из-за такого ответа; если же спросить их самих о том, что препятствует им признать в Нем Мессию, то они, конечно, и отвечать не станут; и если бы вздумали отвечать и вступить, таким образом, в исследование вопроса, действительно ли Он Мессия, и если бы Он наглядно доказал им, что Он Христос, то и в таком случае они не отпустят Его. Поэтому на вопрос — **Ты ли Христос?** Иисус отвечал: **«Если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня** (Лк. 22, 67). Но знайте, что после всего того, чему подобает свершиться, вы увидите Меня не иначе, как в славе Отца Моего. **Отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией** [\[81\]](#) (Лк. 22, 69)».

Желая добиться более точного, прямого ответа на предложенный вопрос, все члены синедриона, как бы в один голос, спросили: **итак, Ты Сын Божий?**

Вы сами говорите, что Я Сын Божий, — сказал Иисус; и этот ответ был принят как утвердительный на предложенный вопрос (Лк. 22, 70).

И сказали тогда все члены синедриона: **какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его.**

Признав Иисуса виновным в том, что он выдает Себя за Мессию, синедрион приговорил Его к

смертной казни, по закону смертный приговор Моисея. Но лжемессия мог быть опасен и для римской власти, мог произвести возмущение в народе и восстать против кесаря; поэтому, по мнению синедриона, Иисус подлежал смерти и по римским законам. Как бы то ни было, но синедрион, сохранив еще за собой право судить виновных в религиозных преступлениях, лишен уже был права приводить в исполнение смертные приговоры без разрешения или утверждения римской власти. Вот почему синедрион, признав Иисуса повинным смерти, должен был представить свой приговор на утверждение римского правителя, Пилата. Откладывать это дело до окончания праздника пасхи, наступавшего с вечера того дня, синедрион находил опасным, и потому решил немедленно, в полном составе своем, идти к Пилату и требовать утверждения и немедленного исполнения приговора. И поднялось все множество их, чтобы идти к Пилату.

Появление Иуды, его раскаяние и смерть

Но не успели они еще выйти из зала суда, как вошел туда Иуда-предатель. При виде осужденного и связанного Иисуса раскаяние стало мучить его, и он торжественно заявил первосвященникам и старейшинам: **согрешил я, предав кровь невинную** (Мф. 27, 4).

Казалось бы, что раскаяние Иуды должно было тронуть судей и доказать им их судебную ошибку в только что произнесенном приговоре; на самом же деле они, вполне соглашаясь с Иудой, что намереваются пролить кровь **невинную**, спешили как можно скорее пролить ее; и потому, преодолев невольное смущение от такого неожиданного объявления предателем невинности Того, Кого они единогласно осудили, они с холодным презрением ответили Иуде: «Какое нам дело до твоего греха? ты согрешил, ты и отвечать будешь. **Что нам до того? смотри сам** (Мф. 27, 4)».

Иуда мог бы броситься к ногам Иисуса и со слезами молить о прощении своего тяжкого греха, и наверное Всепрощающая Любовь простила бы искренно кающегося. Но или Иисуса успели уже увести из судилища до прихода Иуды, или же Иуда не посмел молить о прощении Того, Кого предательски выдал врагам, — как бы то ни было, однако Иуда ограничился принесением покаяния лишь перед первосвященниками и прочими членами синедриона. Он надеялся получить от них хотя малейшее облегчение своего отчаяния и повлиять на судейскую совесть в смысле немедленной отмены только что объявленного приговора; но цели своей он не достиг: силы приговора он не поколебал нисколько, сам же был презрительно и холодно отвергнут. Не зная, что делать, на что решиться, он вспоминает про полученные тридцать сребренников и бросает их первосвященникам, сам же бежит вон из судилища, нигде не находит покоя от угрызений совести и кончает жизнь самоубийством: он повесился, удавился. Из книги Деяний Апостолов, написанной Евангелистом Лукой, мы знаем, что мертвое тело Иуды сорвалось и упало, при чем **расселось чрево его, и выпали все внутренности его** (Деян. 1, 18).

Евангелист Матфей не поясняет, куда именно вошел Иуда с изъявлением своего раскаяния; но так как повествование об этом он начинает вслед за рассказом об окончании суда над Иисусом, и начинает его словами — **тогда Иуда...** — то с большой вероятностью можно полагать, что Иуда вошел в самое судилище и в то именно время, когда синедрион находился еще там. В другое время, когда первосвященники и старейшины были отвлечены судом Пилата и Ирода, а также распятием Иисуса, Иуда едва ли мог принести им свое покаяние.

Но где Иуда бросил сребренники? Евангелист Матфей говорит, что **в храме** (Мф. 27, 5). Несомненно, что он должен был бросить их там же, где так холодно отвергли его покаяние; не в храме же он каялся? Ведь там в то время, кроме очередных священников, никого не было; все первосвященники были заняты судом, а он каялся именно перед первосвященниками. А так как синедрион заседал в одном из храмовых зданий, а все здания храма, притворы и дворы его назывались общим именем *храма*, то можно полагать, что бросить сребренники в одном из зданий храма означало то же, что и бросить их в храме. С другой стороны, если сопоставить слова стиха 3-го главы 27-й Евангелия Матфея — **и, раскаявшись, возвратил**

тридцать сребренников, — со словами 5-го стиха той же главы — **и, бросив сребренники в храм**, — то можно допустить предположение, что возвращаемые Иудой сребренники не были приняты от него в зале синедриона, и потому Иуда подошел к самому храму и бросил их в него. Как бы то ни было, но первосвященники подобрали брошенные сребренники и после, на досуге, обсудили вопрос, что с ними делать.

Покупка земли у горшечника на деньги, брошенные Иудой

При всей своей развращенности они все-таки признали невозможным употребить в пользу храма это орудие гнусного подкупа, потому что **это цена крови** (Мф. 27, 6), и потому купили у одного горшечника участок земли для погребения странников. И долго земля эта называлась землей крови.

Евангелист добавляет к своему повествованию, что во всем этом сбылось предсказание пророка Иеремии. На самом деле, не Иеремия, а Захария говорил: **И они отвесят в уплату мне тридцать сребренников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, — высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника** (Зах. 11, 12–13). Полагают, что указание на Иеремию вместо Захарии есть следствие ошибки переписчика, в древнейших же списках сделана ссылка на Захарию.

Различные мнения о личности Иуды

О личности Иуды высказано много разнообразных мнений. Секта каинитов, например, считала, что из всех двенадцати апостолов один только Иуда вполне понимал назначение своего Учителя, — только он один и знал, что слава Иисуса — в Его страданиях и смерти за род человеческий; поэтому своим предательством он содействовал спасению людей, и за это его надо почитать, а не презирать. Мнение это настолько не согласуется со всем, что нам известно из Евангелия об Апостолах вообще и об Иуде в частности, что едва ли надо и возражать против него. Но раскаяние Иуды, его убеждение в том, что за предательство нет ни прощения, ни спасения, осуждение самого себя на смерть за этот грех и приведение самоубийством в исполнение этого приговора — все это доказывает, что голос совести не был окончательно подавлен в Иуде его сребролюбием; настало время, когда и его совесть вступила в свои права, когда начались и его страдания. Но тут-то он и обнаружил полное непонимание своего Учителя: он был убежден, что для него нет прощения, между тем Христос притчами Своими о немилосердном должнике и о блудном сыне старался внушить всем Своим слушателям вообще и в особенности Апостолам, что нет такого положения в греховной жизни человека, когда бы прощение было невозможно. Да, и Иуда мог бы получить прощение, если бы в своем покаянии обратился к Богу. Если он почему-либо не мог тогда же со слезами пасть к ногам Иисуса и молить о прощении, то ничто не могло мешать ему постоянно и неотступно молить о том же Отца Небесного. Но он не прибег к этому средству, он забыл слова блудного сына притчи — **встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою** (Лк. 15, 18). Он не пошел к Отцу (и в этом его ужасная, пагубная ошибка), а хотел уйти от своей совести, от ее преследований; но куда бы он ни уходил, куда бы ни убежал, всюду преследовал его призрак креста; совесть все громче и громче обличала его, угрызения ее становились все мучительнее... он не выдержал этой пытки и с отчаяния повесился.

Думаю, что Иуда повесился не вслед за осуждением Иисуса, а несколько позднее. Он мог еще надеяться, что Пилат оправдает Невинного, и потому мог ждать окончания его суда. Когда же Пилат отдал Иисуса во власть синедриона и Иисуса повели на Голгофу, тогда только Иуда мог потерять всякую надежду на освобождение своего Учителя, тогда только он мог с отчаяния покончить с собой. Но об этом будет сказано в следующей главе.

ГЛАВА 43. Иисус на суде Пилата. Иисус у Ирода.

Вторичный суд Пилата. Бичевание Иисуса. Предание Пилатом Иисуса во власть синедриона

Когда Иуда удалился из залы суда, **все множество** (Лк. 23, 1) членов синедриона отправилось к Пилату, куда повели и Иисуса.

Суд Пилата

Пилат был язычник, и потому члены синедриона не вошли в его дворец, боясь оскверниться от такого общения с ним. По закону (Числ. 9, 6—11) еврей становился нечистым для совершения в установленное время пасхи только от прикосновения к мертвым; но фарисеи считали всех язычников и даже вещи, принадлежащие им, такой нечистью, от прикосновения к которой еврей становился оскверненным и, вследствие этого, лишался права есть пасху одновременно со всеми. В тот день предстояло им есть пасхального агнца, и они, из боязни сделаться нечистыми для такого дела, не вошли к Пилату. Заведомо Невинного осудить на смерть, по мнению их, можно было, это их не осквернило, но случайно занести на своих сандалиях пыль из дома язычника — это было бы ужасно для фарисея! Забыли они, как Господь обличал их, гордящихся своей внешней чистотой, но внутри преисполненных всякой мерзости.

Синедрион был не в дружелюбных отношениях к Пилату, не мог рассчитывать на его сочувствие, и потому, опасаясь противодействия с его стороны, явился к нему в полном составе своем.

Пилат вышел к синедриону на площадку перед своим дворцом, среди которой находилось судейское место; место это называлось по-гречески **Лифостротон** (Ин. 19, 13), и здесь, под открытым небом, Пилат творил суд.

Выйдя на Лифостротон, Пилат спросил первосвященников: **в чем вы обвиняете Человека Сего?** (Ин. 18, 29).

Они сочли нужным показать Пилату, что подобный вопрос обижает их, доказывает недоверие к ним правителя; между тем, явившийся в полном составе синедрион заслуживает иного к нему отношения. Поэтому первосвященники ответили Пилату: **если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе** (Ин. 18, 30).

Из такого ответа Пилат мог усмотреть, что синедрион не признает за римским правителем права пересмотра постановленного им приговора, а требует лишь покорного утверждения и исполнения. Гордый римлянин не мог допустить такого унижения своей власти и потому сказал первосвященникам: «Если так, если вы считаете, что я должен осудить приведенного вами Человека, не зная даже, виноват Он или нет во взводимом на Него преступлении, то **возьмите Его вы сами, и по закону вашему судите Его** (Ин. 18, 31), как знаете».

«Да мы уже осудили Его, — отвечали первосвященники, — и присудили к смерти, но сам же ты знаешь, что вы, римляне, отняли у нас право казнить смертью, что мы без твоего согласия не можем привести в исполнение постановленный нами смертный приговор. **Нам не позволено предавать смерти никого**» (Ин. 18, 31).

Приводя эти слова первосвященников, Евангелист Иоанн ссылается на предсказание Иисуса о том, какой смертью Он умрет. Если бы у синедриона не было отнято право предавать смерти осужденных, то к ним применялась бы еврейская казнь — убиение камнями; а так как, с отнятием этого права от

синедриона, оно перешло к римской власти, по законам же римским казнь была двоякого рода: для римских граждан — отсечение головы мечем, а для прочих лиц — распятие на кресте, то Иисус и предсказывал, что Его распнут [82].

После таких предварительных препирательств первосвященники вынуждены были признать за Пилатом право на пересмотр приговора по существу и предъявили обвинение против Иисуса. Религиозную сторону мнимого преступления они оставили в стороне и стали обвинять Иисуса в возмущении народа против кесаря. **Мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем** (Л к. 23, 2).

Пилат не поверил, конечно, такой ревности первосвященников в охране власти римского императора над ними же; он прекрасно знал, что они о том только и мечтают, как бы свергнуть эту власть. Он не обратил бы никакого внимания на то, что Обвиняемый синедрионом называет Себя Христом, то есть Мессией, если бы не знал, что ожидаемый евреями Мессия будет, по их понятиям, Царем Иудейским и должен будет восстановить самостоятельное Иудейское царство. Как бы нелепо ни было подобное обвинение, но Пилат счел своей обязанностью рассмотреть его, чтобы узнать, не угрожает ли какая опасность императорской власти со стороны Обвиняемого.

Не желая, вероятно, допрашивать Иисуса в присутствии Его обвинителей, Пилат велел Ему войти в преторию, то есть в следственную или судебскую палату внутри дворца. Вошел туда же и Пилат и, посмотрев на кроткое, чуждое даже и тени воинственности, лицо Иисуса, тотчас же пришел к заключению, что такой Человек не опасен для могущественного кесаря. Поэтому он и спросил Иисуса, может быть, не без некоторой доли насмешки: **Ты Царь Иудейский?** (Ин. 18, 33).

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо было выяснить, спрашивает ли Пилат об этом сам от себя, понимая под словом «царь» обыкновенного царя с верховной государственной властью, или же спрашивает потому, что ему сказали об этом первосвященники, которые должны были понимать, что Мессия — духовный Царь всего мира. Это необходимо было выяснить для того, чтобы сообразно смыслу вопроса дать ответ. Поэтому Христос и спросил у Пилата: **от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне?** (Ин. 18, 34).

«Разве я Иудей? — сказал Пилат, — какое мне дело до этих тонкостей? Но Твой народ и руководители его, первосвященники, привели Тебя ко мне на суд и обвиняют Тебя в присвоении царской власти. Скажи же, **что Ты сделал** такого, что дало им повод взвести на Тебя такое обвинение? Сам-то Ты признаешь ли Себя Царем?»

«Царство Мое, — отвечал Христос, — не такое, как царства мира сего. Если бы оно было похоже на эти известные тебе царства, то у Меня были бы подданные, которые вступились бы за Меня и не допустили бы, чтобы Я был предан синедриону. И они могли бы быть у Меня, если бы Я, например, захотел воспользоваться той торжественной встречей Меня в Иерусалиме, о которой и ты, конечно, знаешь. Но Я отклонил от Себя все, что только могло бы придать Моему Царству хотя малейшее сходство с существующими царствами мира сего, потому что **Царство Мое не от мира сего**» (Ин. 18, 36).

Пилат мог бы вполне удовлетвориться таким ответом, но так как Иисус все-таки не сказал, в чем же заключается Его царская власть и над кем Он намеревается царствовать, то Пилат спросил: «**Итак, Ты все-таки считаешь Себя Царем? Какой же ты Царь? Скажи же прямо: Ты Царь?**» (Ин. 18, 37). Задавая такой вопрос, Пилат как бы хотел дать Иисусу понять, что при таком понимании Им Своего Царства не следовало бы и называть Себя Царем и тем навлекать на Себя обвинение в присвоении царской власти. Но Христос, отдав Себя добровольно во власть врагам Своим, не захотел, конечно, пользоваться такими средствами защиты, на какие явно намекал Пилат, и потому на вопрос — **Ты Царь?** — ответил утвердительно: «Да, **Я Царь** (выражение — **ты говоришь, что Я Царь**, — равносильно словам: да, **Я Царь**); Я не отрекаюсь от этого,

потому что это — истина. **Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об этой истине** (Ин. 18, 37), с какой бы опасностью это свидетельство ни было сопряжено, и всякий, кому дорога эта истина, поверит Мне».

Убедившись теперь окончательно, что Иисус не опасен для Римского императора, Пилат торопился окончить разбор дела, спросил Иисуса: «А что такое истина?» И, не дождавшись ответа, вышел из претории к ожидавшему его синедриону и всенародно провозгласил: **я никакой вины не нахожу в Нем.**

После такой неудачи по первому обвинению первосвященники стали предъявлять другие обвинения. В чем именно они обвиняли теперь Иисуса, Евангелист не говорит, ограничиваясь лишь указанием, что **первосвященники обвиняли Его во многом.** За первосвященниками выступали старейшины со своими обвинениями. По-видимому, после каждого обвинения Пилат спрашивал Иисуса, что может сказать Он в Свое оправдание; но Иисус не отвечал ни на один вопрос, **ни на одно слово** (Мф. 27, 14). Наконец Пилат сказал: **не слышишь разве, сколько свидетельствуют против Тебя?** (Мф. 27, 13) Но и на этот вопрос Иисус не ответил ничего. Впрочем, все взводимые на Него обвинения были, вероятно, вполне ничтожны в глазах Пилата, потому что он опять сказал первосвященникам и всему присутствующему тут народу: **я не нахожу никакой вины в этом человеке.**

Но первосвященники упорно продолжали обвинять Иисуса, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее и Галилее.

А разве Он Галилеянин? (Лк. 23, 6) — спросил Пилат. Галилеяне считались в то время мятежниками, поэтому первосвященники полагали, что назвав Иисуса Галилеянином, они тем самым выставят Его как способного к возмущению народа. «Да, Он Галилеянин», — отвечали они.

Отправление Пилатом Иисуса к Ироду

Галилея была подчинена четверовластнику Ироду Антипе, который, в угоду Иродиаде, обезглавил Иоанна Крестителя. Антипа хотя и был родом идумеянин, но исповедовал еврейскую религию и потому, по случаю праздника пасхи, был теперь в Иерусалиме. Пилат был во враждебных отношениях с Антипой. И вот, узнав, что Иисус действовал в Галилее, Пилат задумал устранить себя от решения Его дела, отправить Его на суд Ирода, и тем сделать первый шаг к восстановлению добрых отношений с соседом. Повели Иисуса к Ироду. Пошел за Ним и весь синедрион.

Ирод знал Иисуса только по слухам и одно время считал Его за воскресшего Иоанна Крестителя. Несомненно, что он слышал про чудеса, которые совершал Иисус, и ему захотелось, чтобы какое-нибудь чудо совершилось теперь же, в его присутствии. Учением Иисуса он едва ли интересовался, но чудо хотел видеть и был уверен, что Иисус, участь Которого теперь зависит от него, Ирода, не откажет ему в этом удовольствии. Но Христос не только не совершил никакого чуда перед Иродом, но даже не ответил ни на один вопрос его. По всей вероятности, Ирод освободил бы Его от преследований синедриона, если бы Он совершил перед ним какое-либо чудо. Но, во-первых, Христос никогда не пользовался Своею божественной силой лично для Себя, а во-вторых, проявлять эту силу для удовлетворения любопытства развращенного властелина — это значило бы метать жемчуг перед свиньями.

Иисус у Ирода

Иисус молчал; но зато много говорили первосвященники и книжники, усиленно обвиняя Его. Однако и Ирод признал их обвинения вздорными, не заслуживающими внимания; он знал, что первосвященники и начальники народные преследуют Иисуса из-за своих личных видов, и потому недоверчиво отнесся к их уверениям. Но, вместе с тем, он был недоволен и Иисусом за то, что Он не совершил перед ним никакого чуда. Ирод не мог даже и подумать о том, что Иисус не хочет метать жемчуга Своего перед ним; нет, он, наверное, решил, что Иисус и не может совершить никакого чуда, что Он едва ли и совершал их когда-

нибудь и что лишь невежественная толпа могла считать Его Чудотворцем. А такой Человек, по его мнению, не опасен; не смерти Он заслуживает, а осмеяния. И сам начал сейчас же издеваться над Ним; примеру его последовали царедворцы и прислужники. А чтобы показать Пилату, что Иисус, кроме насмешек, никакого иного наказания не заслуживает, Ирод велел надеть на Него длинную светлую одежду, какую обыкновенно надевали полководцы римские, а также цари иудейские в торжественных случаях. В такой одежде Ирод отправил Иисуса к Пилату обратно. Не произнося сам никакого приговора, ни обвинительного, ни оправдательного, а предоставляя суд Пилату, Ирод, со своей стороны, хотел этим оказать ему вежливость; и с того дня Пилат и Ирод сделались друзьями.

Раздраженные неудачей первосвященники и прочие члены синедриона потянулись за Иисусом опять к претории Пилата.

Вторичный суд Пилата

Узнав, что Ирод не осудил Иисуса, а только поглумился над Ним, Пилат вышел на Лифостротон и, обращаясь к первосвященникам, начальникам народным и народу, сказал: **«Вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его; и Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти (Лк. 23, 14–15).** Итак, я должен отпустить Его. Но если вы все-таки считаете Его виновным в чем-то и подлежащим наказанию, то, если хотите, я накажу Его, но, **наказав... отпущу (Лк. 23, 16)».**

Хорош судья? Признать Обвиняемого невиновным во взводимых на Него преступлениях, и тут же, в угоду злобным обвинителям, подвергнуть Его наказанию?! Он хотел, как говорится, угодить и нашим и вашим, но ошибся в расчете: первосвященники, заметив колебание в нем, стали еще более настойчивыми в своих домогательствах; никакими уступками нельзя было насытить их жажду крови, только смерть Иисуса могла удовлетворить их.

Но Пилат все-таки надеялся устроить дело так, чтобы обе стороны остались им довольны. Собравшаяся толпа народа напомнила ему про установившийся обычай освобождать перед пасхой от присужденного наказания одного из содержащихся под стражей и отпускать его на свободу; и хотя он знал, что народ намерен просить его отпустить Варавву, осужденного за возмущение в городе и убийство, однако думал, что если предложит отпустить вместо Вараввы Иисуса Христа, то народ воспользуется таким удобным случаем для освобождения своего Галилейского Пророка. Поэтому он обратился к народу с вопросом: **кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом? (Мф. 27, 17).**

В толпе народа происходили, вероятно, разговоры о том, за кого из двух подавать голоса, так как ответ на предложенный Пилатом вопрос был дан не тотчас же, а спустя некоторое время, когда Пилат вторично обратился к народу. Надо поэтому полагать, что если народ и хотел просить за Варавву, то только потому, что не знал о предании Иисуса на суд синедриона и Пилата; узнав же от самого Пилата, что можно вместо Вараввы просить за Иисуса, народ призадумался.

В это самое время жена Пилата прислала сказать ему: **не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него.**

Что именно видела во сне жена Пилата — неизвестно, но так как в то время весь Иерусалим говорил об Иисусе и всем известны были коварные замыслы синедриона, то весьма вероятно, что толки эти дошли и до жены Пилата, которая составила себе мнение о Нем как о Праведнике, и что мнение это еще более укрепилось в ней, когда она увидела о Нем страшный сон.

Между тем, пока Пилат был занят разговором со служителем, передававшим ему просьбу жены, первосвященники и прочие члены синедриона не дремали: они вмешались в толпу народа и стали

возбуждать его против Иисуса; тут-то они дали волю своим злым языкам; на клеветы и клятвы не поспешили и, конечно, по-прежнему уверяли народ, что Иисус безбожник, грешник, заодно с дьяволом, именем которого и творил чудеса. Толпа состояла преимущественно из иерусалимлян, преданных фарисеям и не любивших галилеян. Поэтому в такой толпе успех проiscaм синедрiona почти был обеспечен. **И возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить** (Мф. 27, 20). Из этих слов Евангелиста (**а Иисуса погубить**) видно, что первосвященники со своими сподвижниками подстрекали народ не только просить об освобождении Вараввы, но еще требовать смерти Иисуса. Возбудив таким образом народ против Иисуса, приобрета себе в этой толпе сильного союзника, первосвященники и прочие члены синедрiona с торжествующими лицами вновь подошли к Лифостротону.

Тогда Пилат вторично спросил толпу: **кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам?** — в один голос толпа закричала: **Варавву** (Мф. 27, 21).

Пилат никак не ожидал такого ответа. Смущенный неожиданным оборотом дела, он опять обратился к толпе: «Хорошо, я отпущу вам Варавву; но что же мне делать с Иисусом, называемым Христом?»

Опять непопозвопительная уступка со стороны судьи! Признавать Обвиняемого невиновным и тут же, вместо того, чтобы немедленно освободить Его, спрашивать у разнузданной толпы — что делать с Нем, то есть с Тем, Который ни в чем не повинен? Метаться так из стороны в сторону — значит обнаруживать свое бессилие, отсутствие твердых убеждений и желание поддаться под настроение толпы! Если на толпу можно действовать силой духа, заставляя ее подчиняться этой силе, то вместе с тем, обнаружение перед толпой своего бессилия доводит ее до безумной дерзости.

Чего же теперь мог ожидать Пилат, предложивший толпе произнести свой приговор над Иисусом Христом? — **да будет распят** (Мф. 27, 22), — неистово закричала толпа.

И теперь, вместо того, чтобы оправиться от первого смущения и проявить ту сильную римскую власть, которая ему вверена над народом иудейским, Пилат совсем растерялся. Судьей теперь стала толпа, а он ограничился ролью робкого защитника.

«**Какое же зло сделал Он** вам, что вы требуете позорной казни Его?» — спросил Пилат. Вместо прямого ответа на этот вопрос, толпа еще сильнее закричала: **да будет распят**.

Странный Пилат! Добивается, чтобы настроенная и озверелая толпа ответила ему, за что она требует казни Иисуса!

В третий раз он обращается к этой толпе: «**Какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем** и потому не могу согласиться на Его казнь. Если хотите, в угоду вам, я накажу Его, но смерти не предам».

Тут уже и первосвященники с прочими членами синедрiona слились с толпой в один голос и с **великим криком** требовали, чтобы Иисус был распят. Крик был так силен, что заглушил голос Пилата. Правитель римский растерялся окончательно; к тому же он испугался, что дальнейшая настойчивость в защите Праведника может вызвать волнение народа, которое придется усмирять силой, и что озлобленные первосвященники могут донести на него кесарю, обвиняя его самого в том, что он вызвал это волнение неуместной защитой какого-то Галилейского Учителя. Под давлением этих чувств Пилат решил прекратить дальнейший спор с народом и удовлетворить его жажду крови обещанным уже бичеванием Невинного. Он все еще надеялся ограничиться одним истязанием Страдальца, все еще думал, что этой уступкой народной ярости он освободит Его от крестной смерти. Но, как оказалось, уступчивость только усиливала наглость и требовательность дикой толпы, руководимой первосвященниками, книжниками и фарисеями.

Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его.

Бичевание Иисуса

Бичевание, которому Пилат велел подвергнуть Иисуса в угоду синедриону и озверелой толпе народа, назначалось у римлян за тяжкие преступления, и притом большей частью для рабов. Бичи делались из веревок и ремней, и в концы их вдевались острые костяные и металлические палочки. Число ударов не определялось и зависело от числа бичующих воинов и их усердия. Истязание это было настолько мучительно и опасно для жизни бичуемого, что многие под бичами умирали. Такому-то наказанию Пилат велел подвергнуть Того, в Ком не находил никакой вины!

Выслушав приказ Пилата, воины отвели Иисуса внутрь двора и собрали для бичевания Его весь полк. Полк, или когорта, составляла десятую часть римского легиона и была численностью от 400 до 600 человек.

Евангелисты не приводят ужасных подробностей бичевания, так как они в то время римского владычества были достаточно известны всем. Воины сняли с Иисуса одежду и приступили к казни, составлявшей для них приятное развлечение. По обычаю бичуемого привязывали к столбу в наклонном положении, затем воины били по обнаженной спине его бичами; с первых же ударов тело разрывалось, и кровь обильно текла из ран. Иисус как Человек страдал от этой ужасной пытки, но ни стопа, ни жалобы Его никто не услышал.

Жестокосердные воины, окончив бичевание, стали издеваться над Страдальцем. Поверх израненного тела они накинули военный плащ красного цвета, подобный тем плащам, какие надевали цари, императоры и высшие военные чины. Такие плащи были без рукавов, накидывались через плечо и застегивались так, что правая рука оставалась свободной. Иисуса, обвиняемого в присвоении царской власти, воины захотели одеть как бы по-царски, то есть в багряницу, украсить голову Его венцом и в руки дать скипетр. Надев царскую багряницу, они сплели из колючего кустарника (терна) венок и положили его на голову Иисуса, в руки же дали трость. Затем по очереди подходили к Нему, становились на колена в знак почтения, говорили: **радуйся, Царь Иудейский!** (Мф. 27, 29). Потом вынимали из рук Его трость и били ею Его по голове, отчего колючки терна глубже впивались в тело, и, наконец, в знак крайнего презрения, плевали Ему в лицо. И все эти издевательства и побои Христос перенес молча и, вероятно, молился за Своих мучителей.

Пока происходило бичевание Иисуса, весь синедрион и громадная толпа народа продолжали стоять у Лифостротона, так как первосвященники и старейшины решились добиваться смерти Иисуса во что бы то ни стало. В это время Пилат, вероятно, находился в своих внутренних покоях и слушал рассказ своей жены о ее страшном сне. Узнав, что синедрион и народ не расходятся, он вошел туда, где происходило бичевание, чтобы удостовериться, как приведено в исполнение его приказание. Увидев Иисуса, Пилат должен был ужаснуться. «Слишком поусердствовали жестокосердные воины! Но что делать дальше? — думал Пилат, — не показать ли Иисуса в таком виде Его озлобленным врагам? Неужели их злоба не насытится таким истязанием и осмеянием? Неужели они и после этого будут считать Его опасным и достойным смерти? Нет, дрогнут и их сердца, и они, наверное, удовлетворятся этим незаслуженным наказанием Праведника». — Так рассуждал язычник, не знавший Истинного Бога, не знавший данной евреям заповеди любить ближнего, как самого себя. Но, к сожалению, не так рассуждали служители Иеговы, с нетерпением ожидавшие выхода Пилата.

Наконец Пилат вышел и сказал: **вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины.**

В это время на Лифостротон вошел Христос, шедший за Пилатом, но несколько отставший от него. Он был в багрянице и терновом венце и имел вид истомленного, измученного, еле живого Человека. Колучки тернового венца впивались в Его голову, и из этих ран струилась кровь; накинутая на Него багряница была покрыта кровавыми пятнами от ран Его истерзанного тела.

Вид Этого измученного, истерзанного Праведника так подействовал на Пилата, что он невольно воскликнул: **се, Человек!**

Се, Человек!

Этими двумя словами многое сказано: «Посмотрите на этого измученного в угоду вам Человека! Посмотрите на этого Праведника, ни в чем не повинного! Как Он страдает и как кротко смотрит на вас, жаждущих Его смерти! Неужели для вас и этого мало? Неужели только смерть Его насытит вашу ненависть к Нему? Неужели вы думаете, что Он способен возмутить народ и провозгласить Себя Царем Иудейским? Подумайте, какой Он Царь? Но не забывайте того, что и Он — Человек! И если в вас есть хоть капля человечности, то вы должны пожалеть Его, а не домогаться Его смерти».

Появление Христа и возглас Пилата, по-видимому, произвели впечатление на народ. Народ молчал. Одни лишь **первосвященники и служители их закричали: распни, распни Его!**

Пилат не ожидал проявления такой злобы и жажды крови от тех, которые кичились перед язычниками своей праведностью и близостью к Богу. Теряя терпение, он сказал им: «Если вы так упорно добиваетесь смерти Его, то **возьмите Его** и, если хотите, сами **и распните** а я повторяю вам, что **не нахожу в Нем вины**» (Ин. 19, 6).

Первосвященники до сих пор обвиняли Иисуса в государственном преступлении, в присвоении Себе царской власти; но так как это обвинение оказалось неудачным, то они и решили обвинять Его теперь в преступлении религиозном. Отвечая Пилату, они сказали: «Какое нам дело, что Он по вашим римским законам оказывается невиновным! **мы имеем свой закон, и по закону нашему Он должен умереть**, потому что выдавал Себя за Сына Божия».

По сказанию Евангелиста, **Пилат, услышав это слово**, то есть, что Иисус выдает Себя за Сына Божия, еще **больше убоялся**. Он, несомненно, слышал о совершенных Иисусом чудесах и через это мог составить себе мнение о Нем, как о Человеке выдающемся, особенном; к тому же жена его видела страшный сон о Нем, а тут сами первосвященники говорят, что Он **сделал Себя Сыном Божиим** (Ин. 19, 7). Пилат не знал Того Бога, о Котором говорили первосвященники, он поэтому не мог верить в Него; он, пожалуй, не верил и в своих языческих богов; но это самое неверие в своих богов невольно пробуждало в нем мысль о Неведомом Боге. Римляне относились с некоторым уважением к чужим религиям и из суеверного страха помещали статуи чужих богов в своем Пантеоне. Поэтому слова первосвященников произвели сильное впечатление на Пилата. Он подумал: а что, если подвергнутый им бичеванию Иисус в самом деле Сын какого-нибудь Бога или полубога? Не станет ли Отец мстить за Сына? Недаром же жена уже пострадала из-за Него во сне; как бы и самому не пострадать наяву? — Эти мысли, вероятно, толпились в голове Пилата; ему захотелось объясниться с Иисусом, но, конечно, не всенародно, не в присутствии Его врагов; и он пошел в преторию, позвав и Его с собой.

Вопрос Пилата: откуда ты?

Когда они остались наедине, Пилат спросил: **откуда ты?** то есть: «От кого Ты приходишь? От Бога ли или от людей, как и все?» Христос не ответил на этот вопрос. Он отдал Себя добровольно на суд, истязание и смерть как Человек, а не как Бог. И если первосвященники с книжниками и фарисеями не могли понять Его божественного происхождения, то мог ли вместить эту тайну совсем неподготовленный к тому язычник?

Желая, однако, добиться ответа, Пилат совершенно неуместно вздумал показать свою власть. **Мне ли не отвечаешь?** — сказал он, — разве **не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?**

Иисус отвечал: **ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше;**

посему более греха на том, кто предал Меня тебе.

По поводу этого ответа Иоанн Златоуст говорит, что некоторые могут подумать, что если Пилату **дано было свыше**, то ни он, ни даже иудеи не подлежат никакой ответственности за то, что распяли Иисуса Христа; но такое мнение было бы неосновательно, потому что слово **дано** употреблено здесь вместо слова *допущено*, и потому сказанное Христом означает, что Пилат не мог бы проявить своей власти над Ним, если бы Бог не допустил его к этому; и если он проявит эту власть, то только потому, что Богу угодно будет допустить это (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 84).

Но, чтобы Пилат не вообразил себя безответственным за проявление такой власти, Иисус тотчас же поясняет, что и он понесет ответственность за свои действия, но только эта ответственность будет меньше той, какая ожидает Иуду-предателя и весь синедрион.

Пилат остался в недоумении. Кто же перед ним? Сын Божий или нет? Ответа не было; между тем Подвергнутый им жестокому бичеванию говорит о каком-то грехе, об ответственности, как бы угрожая этой ответственностью, если он согласится на требование первосвященников. Как тут быть? «Нет, лучше спасти Его», — так решил Пилат и, по выражению Евангелиста, **с этого времени искал отпустить Его** (Ин. 19, 12), то есть придумывал повод или выжидал случая, чтобы отпустить Иисуса.

Но, пока он объяснялся с Иисусом в претории, первосвященники и прочие члены синедриона успели опять подействовать на толпу, изменившую им, не поддержавшую их, когда Пилат, указывая на Христа, сказал: **Се, Человек!** (Ин. 19, 5). Этим же временем они могли воспользоваться и для совещаний, в каком направлении поддерживать дальнейшие обвинения. Если, решили они, Пилат не придаст никакого значения тому, что Сей Человек выдавал Себя за Сына Божия, то будем опять обвинять Его в присвоении царской власти, да припугнем самого Пилата, что он плохо защищает права своего кесаря, если не обращает внимания на появление лже-царей. С таким решением они вновь подошли к Лифостротону, как только появился из претории Пилат.

Что именно сказал теперь Пилат синедриону и народу. Евангелист не поясняет, но так как Пилат **искал отпустить** (Ин. 19, 12) Иисуса, то надо полагать, что он опять, но еще с большим убеждением, объявил, что не находит никакой вины в Нем и что если синедрион считает Его виновным в наименовании Себя Сыном Божиим, то Он за это уже достаточно наказан, и было бы крайне несправедливо подвергать Его другому наказанию.

Видя упорное желание Пилата освободить Христа, первосвященники надменно заметили ему: **«Если ты отпустишь Его, то этим докажешь, что ты не друг кесарю** (Ин. 19, 12); ты должен знать, что всякий, присваивающий себе царскую власть в пределах владычества кесаря, считается противником кесаря, а ты берешь Такого Противника под свою защиту и хочешь освободить Его от заслуженной Им казни? Поступай, как знаешь, но помни, что, освободив Сего Человека, именующего Себя Царем, ты сам станешь противником кесарю!»

Первосвященников поддержали и прочие **иудеи**, разом закричавшие: **если отпустишь Его, ты не друг кесарю.**

Как громом поразили Пилата эти слова и этот зловеший крик. Он понял, что враги Христа готовы перенести это дело в Рим, на суд самого кесаря, и он, Пилат, должен будет оправдываться по обвинению в государственном преступлении. Положим, можно было бы и оправдаться, если бы кесарем был кто иной, а не подозрительный и злой Тиверий; к тому же эти кровожадные враги Иисуса дошли до такой степени озлобления, что способны подстрекнуть народ к возмущению против него, представителя власти кесаря, а затем обвинить во всем его же, и осудит его кесарь за то, что он своим неуместным для римлянина мягкосердечием раздражил народ и довел его до открытого восстания. Так, вероятно, рассуждал Пилат,

поставленный в довольно щекотливое положение неожиданным оборотом дела. Несомненно, что он хотел по-своему быть справедливым, правосудным судьей в деле Иисуса, но вместе с тем не имел ни малейшего желания ради правосудия поступаться своим благополучием, не хотел навлекать на себя гнев кесаря. Себялюбие превозмогло, и он решился подчиниться явно бессовестным требованиям.

Приказав ввести Иисуса, Пилат сел на судейское место. Водворилась тишина, все ожидали, что он сейчас объявит свой приговор. Сообщая об этом, Евангелист Иоанн поясняет, что это было в пятницу перед пасхой, и был **час шестой** (Ин. 19, 14). Шестой час еврейского исчисления соответствует нашему двенадцатому часу; но так как Евангелисты Матфей, Марк и Лука свидетельствуют, что, когда Иисус был уже распят, от часа шестого до девятого была тьма, то надо полагать, что Евангелист Иоанн, писавший свое Евангелие не для евреев, исчислял часы дня по способу римскому, то есть с полуночи, как и мы теперь исчисляем. Поэтому следует признать, что Пилат сел на судейское место около шести часов утра (подробности см. в приложении 2-м).

Се, Царь ваш!

Когда ввели Иисуса, Пилат, указав на Него, сказал: **се, Царь ваш!** (Ин. 19, 14). Что хотел он выразить этим возгласом? Хотя Евангелист и не дает ответа на этот вопрос, но надо полагать, что Пилат и тут еще пытался освободить Иисуса от казни, и что, указывая на Него, как на Царя Иудейского, он как бы так говорил: «Вы обвиняете этого Человека в присвоении царской власти, в наименовании Себя Царем Иудейским; вы считаете Его из-за этого врагом кесаря, намеревающимся лишить его власти над вами; вы и меня называете недругом кесаря за то, что я не соглашаюсь с вами; *но* посмотрите же сами на Него, неужели Он может быть опасен могущественному кесарю? Ведь только вы и считаете Его опасным; и если вы правы в этом, значит, Он действительно Царь ваш!»

Тут голос Пилата был заглушён неистовым криком: **возьми, возьми, распни Его!**

«Как? Распять вашего Царя?» — спросил Пилат. **Нет у нас царя, кроме кесаря** (Ин. 19, 15), — отвечали первосвященники.

Было время, когда первосвященники говорили: «Нет у нас иного Царя, кроме Бога». Да и теперь ни Анан, ни Каиафа не могли отвергать того, что все евреи ждут такого Мессию, который должен восстановить самостоятельное царство иудейское; если они сами, как саддукеи, относились равнодушно к религии и не верили ни в будущую жизнь, ни в воздаяние за грехи земной жизни, то должны же были понимать, что народ, именем которого они говорили, с нетерпением ждал своего Царя. Но все это они забыли теперь и произнесли над народом еврейским вечный приговор: никогда не иметь иного царя, кроме кесаря, то есть вечно быть в изгнании, всегда подчиняться царям тех народов, среди которых евреям придется проживать, вечно повторять: **нет у нас царя, кроме кесаря!**

Пилат убедился теперь, что враги Христовы не пойдут ни на какие соглашения; все средства к миролюбивому окончанию дела исчерпаны, ничто не помогло. Откладывая дальше разбор дела значило еще более усиливать смятение народа, и без того уже достаточно возбужденного своими вождями. Надо было скорее кончить, надо было, наконец, произнести приговор. Но какой? Оправдать и освободить Иисуса — значит навлечь лично на себя обвинение в государственном преступлении; но и осудить на смерть тоже нельзя, так как это было бы явной несправедливостью. И вот, по некотором размышлении, Пилат придумал такой лукавый исход: лично не произносить обвинительного приговора и не присуждать Невинного к смерти, но вместе с тем и не препятствовать первосвященникам привести в исполнение поставленный синедрионом смертный приговор. Приняв такое решение, он захотел еще раз всенародно объявить, что не находит никакой вины в Иисусе, но так как толпа народа была слишком велика и слова Пилата не могли быть расслышаны стоящими в отдалении от него, то он воспользовался установившимся среди евреев обычаем без слов выражать свою непричастность к делу.

Умывание рук Пилатом

По закону Моисея (Втор. 21, 1–9), если найден будет неизвестно кем убитый, то старейшины ближайшего города должны над трупом нарочно для этого убитой телицы омыть руки свои и сказать: **руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели; очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил... и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови. И они очистятся от крови** (Втор. 21, 7–8). Это исключительное повеление закона применялось и к другим случаям, и таким образом установился фарисейски-лицемерный обычай: формальным омовением рук успокаивать свою совесть и уверять людей, что руки их чисты, не участвовали в совершении преступления или какого-либо гнусного дела, а, следовательно, и весь человек непричастен к делу. Руки? Да разве только руками совершаются преступления?

Жалкий Пилат хотел укрыться этим обычаем, оправдаться им! Он всенародно оmyвает руки свои и говорит: «Я невиновен буду в пролитии крови Праведника Сего; вы домогаетесь Его смерти, вам же и отвечать за нее; смотрите же! Не я, а вы виновны будете!»

Первосвященники крикнули: **кровь Его на нас и на детях наших** (Мф. 27, 25). Многотысячная толпа подхватила этот возглас, и прогремело перекатами страшное проклятие, призываемое народом на себя. **Кровь Его на нас и на детях наших** — неистово кричала озверелая толпа, забывшая, что требует крови Того, Кого пять дней назад величала Сыном Давидовым и встречала победными криками: «Осанна!»

Предание Пилатом Иисуса во власть синедриона

Тогда (как свидетельствует Евангелист Лука) **Пилат решил быть по прошению их, и отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу (Варавву), которого они просили; а Иисуса предал в их волю.**

Так свершился суд людской над Божественной Правдой. Греховный мир, погрязший во зле, не мог перенести этой правды и восстал на Нее; и в этом восстании проявилась отчаянная борьба зла за удержание своего векового господства над людьми. И если зло не в силах победить Божественную Правду, то все-таки в этой ожесточенной борьбе Глашатай Правды, как Человек, должен был быть не побежден, нет, а умерщвлен. Смерть Его предвидели и предвещали вдохновленные Богом Пророки. Даже лучшие люди из язычников понимали, что против Правды, если она когда-либо осуществится в Человеке, ополчится почти весь мир людской; так, например, греческий мудрец Платон за триста лет до явления Христа говорил, что если когда-нибудь явится на земле Праведник, то Его будут бичевать, мучить, свяжут и, после всевозможных поруганий, пригвоздят на столбе. И в этой смерти Вестника Божественной Правды зло дерзало торжествовать свою победу; но оно ошиблось: смерть эта и победила зло! Только после смерти и Воскресения Христа люди поняли, хотя не все и не сразу, что они восстали против Самого Бога; сознав это, они познали волю Божию и подчинились ей; они поняли, что, страдая и умирая на Кресте, Христос Сам добровольно, согласно с волей Отца, принес Себя в Жертву за грехи человечества и что Жертва эта стала для них искупительной.

О суде над Иисусом Пилат донес Тиверию, как о том свидетельствуют Иустин Философ и Тертулиан; Тиверий так был поражен этим донесением, что предложил Сенату включить Иисуса Христа в число римских богов; Сенат не согласился с этим, и Тиверий ограничился приказом не преследовать христиан.

Смерть Пилата

Пилат окончил жизнь самоубийством, но подражатели его живы даже и до сего дня.

Подражатели его

Архиепископ Иннокентий в своем громоносном слове в Великую Пятницу перед плащаницей

призывал всех общественных деятелей стать у Гроба Христа и дать отчет, и, обращаясь к судьям, сказал: «Властелин судьбы ближних, кому дано право вязать и решить, стань у Гроба сего и дай отчет! И ты не имеешь никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; и ты творишь суд Божий. Помнишь ли это и со страхом ли Божиим держишь весы правды? Чтоб ты не страшился за истину потерять, в случае нужды, имя друга кесарева, приязнь сильных земли, Голгофский Страдалец приобрел для тебя имя друга Божия; чтобы ты всегда умел отличать невинность от преступления, слабость от злонамеренности, Он, в помощь мерцанию твоей совести, придал светильник слова Своего. Пользуешься ли ты сим средством во благо ближних и твердо ли идешь путем закона и долга? Если ты не зришь на лица, побораешь по истине, как бы она ни была презрена другими; если твой Лифостротон не омыт ни кровью, ни слезами несправедливо осужденных, то приступи к будущему Судии своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай из них новую силу к побеждению лжи и лукавства, к сражению с искушениями и соблазнами, к священнодействию правды. Там, на всемирном Суде, и ты станешь одесную, примешь милость и будешь увенчан венцом правды. Но если ты, имея власть пустить невинного и зная невинность его, тем не менее готов предать его в руки врагов, чтобы не оскорбить их гордости; если, вместо суда и защиты невинности, ты глумишься над ее несчастьями и заставляешь ее влачиться из одного судилища в другое; если твоя правда состоит только в омовении рук пред народом, — то удались от Гроба сего! Твое место не здесь, а в претории Пилата!» (Сочинения архиепископа Иннокентия. 2-е изд. Вольфа. 9, С. 234).

ГЛАВА 44. Шествие на Голгофу. Распятие. Иисуса и двух разбойников. Смерть Иисуса. Снятие тела Иисуса со креста и погребение Его. Приставление стражи ко гробу

Когда Пилат решил **быть по прошению** первосвященников и Иисуса **предал** в их волю (Лк. 23, 24–25), воины взяли Иисуса, **сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его**; и вышел Он со двора претории, неся крест Свой; и повели Его к месту казни, за город. Место это называлось лобным, или Голгофой. Еврейское слово Голгофа означало — лоб, череп; поэтому и место, именуемое Голгофой, называлось также лобным местом. По древнейшему еврейскому преданию, на этом месте погребен Адам, поэтому принято изображать человеческий череп под Крестом Иисуса Христа.

Об устройстве креста

Евангелисты ничего не говорят ни об устройстве креста, на котором был распят Христос, ни о том, как производилось распятие; все это было слишком хорошо известно современникам их. Надо полагать, что первосвященники, торопившиеся как можно скорее предать смерти Иисуса, и воины, исполнявшие казнь, не имели ни времени, ни охоты отступать в данном случае от установившегося порядка казни. Поэтому кажется вполне возможным признать, что крест Господа нашего Иисуса Христа ничем не отличался от других крестов. Кресты же в то время делались из бревен или досок; основанием служил прямой столб или доска, которые вкапывались в землю, к верхней части столба или доски приделывалась перекладина, иногда к самому верхнему концу, иногда немного ниже его. Посредине столба укреплялось так называемое седалище, которое служило точкой опоры для распятого. Приделывалось ли к столбу еще и подножие, к которому прибивались гвоздями ступни ног, — неизвестно, древнейшие писатели об этом не упоминают. Вверху столба, над головой распятого, прибивалась белая дощечка, на которой черными буквами писалось имя его и преступление.

О совершении казни через распятие

Самое распятие производилось так: крест вкапывался в землю и укреплялся в ней нижним концом своим, чтобы стоял крепко и не мог покачнуться. Распинаемого поднимали на крест; распинали руки его по перекладине и привязывали их веревкой; туловище и ноги направляли по столбу ниже перекладины, и ноги тоже привязывали веревкой; затем ладони рук и ступни ног прибивали гвоздями к кресту. Иногда же клали крест на земле, на нем распинали, и затем уже с распятым человеком поднимали крест и вкапывали его в землю. Кресты не делались высокими; Евангелисты Матфей, Марк и Иоанн свидетельствуют, что один из воинов поднес к губам распятого Иисуса Христа губку с уксусом, насаженную на трость иссопа, следовательно, он не мог рукой достать до головы Иисуса; но так как трости из иссопа бывали небольшой длины, около аршина, то и полагают, что от земли до ступней ног распятого Иисуса было около полутора аршина. Распятые умирали не скоро, иногда лишь через несколько дней. Это была медленная и самая мучительная смерть. И на такую смерть люди осудили своего Спасителя!

Шествие на Голгофу

В то время содержались в темнице осужденные на смерть два разбойника, которых тоже надлежало распять на крестах. Их привели в преторию и повели вместе с Иисусом на Голгофу. По обычаю приговоренный к смерти должен был сам нести свой крест до места казни, поэтому на плечи Иисуса и

разбойников возложили их кресты. По всей вероятности, впереди ехал римский сотник, за ним, под охраной небольшого отряда воинов, шли осужденные, потом торжествующий синедрион и вся бывшая у претории многотысячная толпа народа. К шествию присоединялись встречавшиеся по пути и нарочно выходившие навстречу; присоединился и небольшой кружок друзей и почитателей Иисуса; тут были: Богоматерь, Мария Магдалина, Мария Клеопова (Ин. 19, 25), Саломия (Мк. 15, 40) и Апостол Иоанн.

Измученный бессонной ночью, нравственными терзаниями и бичеванием, Иисус стал изнемогать под тяжестью Своего креста. Крест, судя по размерам его, весил, вероятно, около ста килограммов; тяжесть его несколько уменьшалась тем, что нижний конец его волочился по земле, но все-таки для обессилевшего Христа это была непомерная тяжесть, и Он стал падать.

Если бы не надо было спешить с казнью, если бы можно было отложить ее до восстановления сил Иисуса, то первосвященники и их единомышленники радовались бы такому бессилию своей жертвы; но теперь это бессилие привело их в смущение. «А что, если Сей Человек (думали они), не дойдя до Голгофы, умрет? Ведь Он тогда избегнет позорной казни!» И вот, из опасения, что, пожалуй, не придется насытить свою кровожадность мучительной крестной смертью своего Обличителя, первосвященники заявляют римскому сотнику о необходимости освободить Иисуса от несения креста. Ни сотнику, ни воинам его не было нужды заботиться, чтобы осужденные непременно дожили до своей казни; не все ли равно для них, когда и как, они умрут?

Возложение креста Господня на Симона Кириянина

Как бы то ни было, но решено было казнь не откладывать и заставить кого-нибудь донести крест Иисуса до Голгофы. Несение креста считалось позорным, добровольно едва ли кто согласился бы нести его и потому воины вынуждены были захватить первого встречного и силой принудить его нести Крест. Этим встречным оказался возвращавшийся в город с поля Симон Кириянин; воины остановили его и возложили на него крест, а дабы никто не мог подумать, что казни подлежит сам Симон, заставили Иисуса идти впереди него. По сказанию Евангелиста Матфея, эта встреча произошла при выходе из города, следовательно, у городских ворот (Мф. 27, 32). Евангелист Марк дополняет повествование о Симоне Кириянине, говоря, что он был отцом Александра и Руфа (15, 21). Если Евангелист Марк счел необходимым упомянуть о сыновьях Симона, то, вероятно, они во время написания им Евангелия были достаточно известны в христианском мире. Полагают, что один из них — тот самый Руф, приветствие которому Апостол Павел послал в своем Послании к Римлянам (16, 13).

Плач женщин, сопровождавших Христа на Голгофу

Приостановленное на время шествие тронулось опять. **Шло... великое множество народа и женщин. Женщины плакали и рыдали** (Лк. 23, 27), мужчины же, по-видимому, шли молча.

Речь к Ним Иисуса

Обращаясь к плачущим женщинам, Христос сказал: **дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?** (Лк. 23, 28–31).

В этом обращении к рыдавшим женщинам Христос говорил о предстоявшем разрушении Иерусалима, когда голод, неистовства враждующих партий и страх от осады города римскими войсками заставят жен оплакивать своих детей и завидовать бесплодным, когда люди с отчаяния захотят хоть бы провалиться сквозь землю и сами будут искать себе смерти, молить о ней, молить, чтобы окружающие Иерусалим горы и холмы пали на город, покрыли их и прекратили бы их страдания. Сравнивая Себя с зеленеющим деревом, а народ еврейский — с сухим (с бесплодной, засохшей смоковницей), Он окончил

Свое обращение к рыдавшим женщинам такими словами: **если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?** (Лк. 23, 31) — Что будет? То, что предрекал еще Иоанн Креститель, говоривший: **всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь** (Лк. 3, 9). Он предупреждал евреев, что у корня их дерева уже лежит секира, готовая срубить его, если оно по-прежнему будет бесплодно (Мф. 3, 10), но никакие предупреждения не подействовали на этот жестоковыйный народ.

Когда шествие остановилось на Голгофе, осужденным предложен был по обычаю особый напиток из вина, смешанного со смирною; напиток этот ослаблял сознание и притуплял чувства, вследствие чего страдания на кресте становились как бы не так мучительными. Предложен был этот напиток и Иисусу, но Он отказался от него, так как хотел сознательно перенести все мучения. О том же напитке говорит и Евангелист Матфей (27, 34), но называет его смесью уксуса с желчью. Нельзя предполагать, чтобы Иисусу дали два различных напитка, поэтому принято считать, что Евангелист Матфей смесь горькой смирны с прокисшим вином назвал смесью уксуса с желчью, и поступил так, имея в виду выражение псалма Давида: **И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом** (Пс. 68, 22).

Распятие Иисуса и двух разбойников

Поставлено было три креста, из которых средний был крест Иисуса Христа. Приступая к исполнению ужасного злодеяния, воины сняли с Него одежды, приподняли на крест, распростерли руки и стали прибивать их гвоздями. Кровь полилась из ран на землю, но никто не услышал ни стоны, ни вздоха; слышно было только, как Христос молился за Своих распинателей: **Отче! прости им, ибо не знают, что делают**. Другие воины распинали в то же время разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону; и **сбылось** (говорит Евангелист) предсказание Пророка Исаяи: **и к злодеям причтен**.

Надпись на кресте Иисуса

Ко кресту Иисуса, выше головы Его, прибили воины составленную Пилатом надпись: **Сей есть Царь Иудейский** (Лк. 23, 28). Написано это было на трех языках: еврейском (арамейском), греческом и римском (латинском); и поступил так Пилат для того, чтобы и иностранцы, съехавшиеся к празднику в Иерусалим, могли прочесть, что распят Царь Иудейский, чтобы могли понять, как евреи поступают со своими царями. Прочтя эту надпись, первосвященники поняли, что Пилат зло надсмеялся над ними, и потому сейчас же отправили к нему некоторых из своих единомышленников сказать: «Зачем ты написал — Царь Иудейский? Напиши то, что Он Сам говорил; напиши так: **Я Царь Иудейский** (Ин. 19, 21) тогда всякий поймет, что Он так называл Себя, но что мы не признавали Его своим Царем».

Пилат не мог простить первосвященникам, что они довели его до рабского подчинения их упрямству, и потому теперь резко ответил им: «Не ваше дело вмешиваться в мои распоряжения! Что я написал, то так и останется написанным!»

Воины делят одежды Иисуса

Когда осужденные были распяты, воины взяли одежды Иисуса и по установившемуся обычаю стали делить их между собой. По свидетельству Иоанна, делили одежды на четыре части, из чего следует, что воинов, распинавших Иисуса, было четыре. Всех воинов было, конечно, значительно больше, но другие, вероятно, были заняты распятием разбойников и охраной их, а остальные — поддержанием порядка на месте казни. Верхнюю одежду Иисуса разодрали на четыре части, а нижнюю, хитон, не стали разрывать, потому что в нем не было швов, он был весь тканый; и согласились бросить о нем жребий, чтобы узнать, кому он достанется. Так и поступили. И в этом исполнилось пророчество Давида: **делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий** (Пс. 21, 19).

Разделив одежду Иисуса, воины сели у креста и, сидя, стерегли Его.

Из всех четырех Евангелистов один только Марк говорит о времени распятия Христа: **Был час третий**,

и распяли Его (Мк. 15, 25). Третий час еврейского счета соответствует нашему девятому; следовательно, Иисуса Христа распяли в девятом часу или в девять часов утра. Но наше духовенство считает, что Христос был распят в двенадцатом часу дня, и такое мнение свое основывает на церковном песнопении: *Иже в шестый день же и час на кресте пригвожден...* Полагаю, что это мнение неосновательно, ибо правдивость повествования Евангелиста нельзя опровергать церковным песнопением. Если мы, ради церковных песнопений, вздумаем колебать доверие к словам Евангелистов, то, выражаясь словами Апостола Павла, *тщетна будет и вера наша* (подробности см. в приложении 2-м).

Издевательства над распятым Иисусом

И стоял народ и смотрел. Первосвященники и другие члены синедриона не могли не обратить внимания на молчание народа. Не сострадание ли, не сожаление ли Распятого заставило его умолкнуть после таких неистовых криков и требований казни? «Кто знает, на что способен этот народ? **Этот народ невежда в законе, проклят он** (Ин. 7, 49); надо вразумить его». Так, вероятно, рассуждали первосвященники со своими сообщниками и решили вывести народ из опасного молчания. И вот, по сказанию Евангелиста Марка (15, 31), они, как бы разговаривая друг с другом, но, конечно, так громко, чтобы слышал народ, говорили: «**Других спасал, а Себя Самого не может спасти** (Мк. 15, 31). Вот и вышло по-нашему: мы всегда говорили народу, что нарушитель закона о субботе, друг мытарей и грешников, не может быть Мессией, Царем Израилевым; мы предупреждали не увлекаться Его чудесами, которые Он творил силой веельзевула; но нам тогда многие не верили, и что же вышло? Именующий Себя Сыном Божиим распят среди злодеев! Некоторые думали, что мы из личных видов преследуем Его; но разве мы сами не ждем с нетерпением Мессию, истинного Царя Израилева? Разве мы не пойдем вслед за Ним? Но признать Мессию в Висящем на кресте мы не можем, ибо закон Моисея гласит: проклят всяк висящий на древе. Если Он действительно Царь Израилев, пусть сейчас же сойдет с креста, и мы первые уверуем в Него! Пусть сойдет!.. Но отчего же Он не сходит с Креста? Он, Который уповал на Бога и называл Его Отцом Своим? Если Сам не может сойти с Креста и если Он действительно был угоден Богу, то пусть же Бог избавит Его от такой позорной казни!.. Но и Бог не избавляет...»

Эти богохульные слова, по-видимому, подействовали на народ; по крайней мере, Евангелист Лука, повествующий о том, что народ стоял и смотрел, добавляет к этому, что **насмехались же вместе с ними и начальники** (Лк. 23, 35). Это добавление можно объяснить так: сначала народ, пораженный кротостью Иисуса и Его молитвой за распинателей, стоял как бы в оцепенении, смотрел на ужасное зрелище и молчал; но потом, когда начальники вмешались в толпу и, клеветая на Иисуса, стали издеваться над Ним, то и из толпы послышались такие же дерзкие насмешки.

Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм, и в три дня созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста. Не были ли это те лжесвидетели, которые так охотно явились в ночное заседание синедриона свидетельствовать против Иисуса? Самое издевательство их над обещанием разрушить храм и в три дня воздвигнуть его, заключая в себе повторение их судебного показания, дает основание полагать, что это были они. Конечно, их слова повторяли и другие.

Слыша издевательства первосвященников и старейшин, грубые **воины**, в свою очередь, **ругались над Ним** (Лк. 23, 36). Страшная жажда мучила распятых, и потому им подносили кислотоватое питье, похожее на уксус. И вот, поднося Иисусу такое питье, воины, подражая начальникам еврейского народа, говорили: **если Ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого** (Лк. 23, 37).

Раскаianie одного из распятых разбойников

Даже один из распятых разбойников заразился недугом издевательства и дерзко сказал Иисусу: «Если Ты говорил правду, что ты Христос, то спаси же Себя, да и нас не забудь спасти».

Другой же распятый разбойник унимал своего дерзкого товарища и говорил ему: «**Или ты не боишься Бога**, если издеваешься над Его страдальческим положением, **когда и сам осужден на то же страдание?** Но мы не должны, **мы** не смеем и сравнивать себя с Ним, потому что **осуждены справедливо** и приняли достойное наших дел наказание; **а Он**, как ты знаешь, никому **ничего худого не сделал**».

Это был пока единственный на Голгофе голос, всенародно заявивший о невинности Иисуса. Смелость, с которой голос этот раздался в присутствии первосвященников и старейшин, свидетельствует, что говоривший это знал Иисуса как Чудотворца и Праведника; мало того, последующие слова его доказывают, что он был знаком и с учением Христа и верил в Него как истинного Мессию. Крест Христов не соблазнил его, не поколебал в нем эту веру; он все-таки верил, что умирающий теперь на Кресте Христос действительно Царь Израилев, Который рано или поздно восстановит Свое Царство. И вот, под влиянием такой веры, для распятого разбойника наступает минута покаяния; он всенародно признает, что заслужил крестную смерть; он не ропщет на осудивших его, не просит Иисуса избавить его от этой смерти, а думает теперь только о будущем и смиренно молит, чтобы Господь вспомнил и его, когда вступит в Свое Царство. **Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое.**

Когда капернаумский сотник высказал уверенность, что Иисусу достаточно только сказать слово и выздоровеет слуга его, то Иисус, обращаясь к народу, сказал: **и в Израиле не нашел Я такой веры** (Лк. 7, 9). Теперь же, когда вера разбойника не поколебалась и от соблазна Креста, Он мог подумать: «И в Апостолах Своих не нашел Я такой веры!» Поэтому, обращаясь к этому разбойнику, Он сказал: **истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.**

Слово *рай* происходит от персидского корня и означает *сад*. В жарких странах, во время солнечного зноя, тенистый сад служил местом отдыха и успокоения, поэтому с садом или раем сравнивали и то место, которое предназначается для праведников в загробной жизни. Место для душ умерших евреи называли шеолом и делили его на две части: одна называлась раем, или лоном Авраамовым, и назначалась для праведных, другая же, назначенная грешникам, называлась адом.

Прощая покаявшемуся разбойнику грехи, Христос сказал ему, что **ныне же**, то есть в тот же день, когда он умрет, душа его, как очищенная верой от грехов [\[83\]](#), будет вместе с душами праведников; применяясь же к уровню его понятий, Христос назвал раем то место, куда душа его вступит в тот же день.

Евангелист Лука свидетельствует, что злословил Иисуса один разбойник, а другой унимал его. Евангелисты же Матфей (27, 44) и Марк (15, 32) говорят: и **распятие с Ним поносили Его** (Мк. 15, 32; Мф. 27, 44). Это кажущееся противоречие нетрудно примирить. Несомненно, что покаявшийся разбойник не мог почти одновременно и злословить Христа, и исповедовать свою веру в Него, поэтому надо признать, что злословил один разбойник. Сведения о том, как один разбойник унимал другого, как он обратился ко Христу и какой получил от Него ответ, сообщает один только Евангелист Лука. Евангелисты Матфей и Марк об этом ничего не говорят, но, перечисляя всех злословивших Иисуса, упоминают и о разбойниках, не придавая, очевидно, никакого значения тому, один или два разбойника злословили; говоря, что издевались над Иисусом **проходящие** (Мф. 27, 39), **первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями** (Мф. 27, 41), **воины** (Лк. 23, 36), они не могли, конечно, обойти молчанием и издевательство одного из разбойников, и потому, употребляя, как это часто бывает в описаниях, множественное число вместо единственного, говорят: **Также и разбойники, распятие с Ним, поносили Его** (Мф. 27, 44).

Несмотря на злорадство и издеательства находившихся на Голгофе врагов Иисуса, ко кресту Его не побоялись приблизиться Пресвятая Дева Мария, Мария Магдалина, Мария Клеопова и Апостол Иоанн.

Архиепископ Иннокентий полагает, что они подошли ко Кресту только тогда, когда настала тьма, — что раньше этого было бы небезопасно так явно выразить свое расположение к Иисусу, и что Сама Богоматерь могла бы подвергнуться дерзким издеательствам, если бы была узнана врагами Своего Сына.

Но едва ли можно согласиться с таким мнением. Трудно допустить, чтобы Богоматерь лишь издали смотрела на страдания Своего Сына; нет, любящее сердце Матери звало к Нему, туда, где страдает Он один, окруженный злобными врагами, где не на ком остановить Ему Свой страдальческий взор. Всякому понятно, как тяжело страдать среди врагов, не видя вокруг себя никого, кто бы мог хоть бы своим расположением и вниманием облегчить душевные муки страдальца; сердце же матери понимает это лучше всех и в своем влечении никогда не руководствуется соображениями об опасностях, какие могут угрожать. Вот почему надо полагать, что как только воины окончили свое дело и уселись стеречь Иисуса, тотчас же Иоанн провел сквозь толпу Богоматерь, за Которой шли Мария Магдалина и Мария Клеопова; и все они стали у креста, презирая всякие опасности. Весьма возможно, что они сначала стали так, что Христос и не заметил их; быть может, это произошло оттого, что крест окружали злобные враги и не было места около него, чтобы стать поближе. Когда же враги насытили свою злобу и стали понемногу отходить от креста, к нему тотчас же приблизились Богоматерь и охранявший Ее Иоанн, и стали они так, что Иисус увидел их.

Поручение Иисусом Иоанну попечения о Богоматери

С отшествием Христа из этого мира Пресвятая Матерь Его оставалась одна, и некому было позаботиться о Ней. Иосифа в то время уже не было в живых; так называемые братья Господни были сыновьями Марии Клеоповой, родственницы Ее, и даже не были в числе последователей или учеников Иисуса; других родных не было. Поэтому, увидев Свою Мать и стоявшего с Нею любимого ученика Своего, Иисус благоволил поручить этому ученику (Иоанну) заботу о Ней и, обращаясь к Ней, сказал: **Жено! се, сын Твой** (Ин. 19, 26), а взглядом Своим указал Ей на Иоанна. Потом, обращаясь к Иоанну и указывая взглядом на Свою Мать, сказал: **се, Матерь твоя!** (Ин. 19, 27).

Об этом повествует сам Иоанн, добавляя, что **с этого времени ученик сей взял Ее к себе** (Ин. 19, 27), то есть принял Ее в свой дом и до смерти Ее заботился о Ней, как сын о Матери.

Евангелисты Матфей и Марк, говоря о женщинах, присутствовавших при смерти Иисуса и смотревших на Него издали, не упоминают о Богоматери (Мф. 27, 55–56; Мк. 15, 40–41), а из этого можно вывести предположение, что Богоматерь не присутствовала при самой смерти Своего Сына.

Весьма возможно, что Сам Иисус хотел избавить Свою Мать от ужасных душевных мук при виде умирающего на Кресте Сына, и взглядом дал Иоанну понять, чтобы он увел Ее к себе; но тогда надо признать, что Иоанн увел Богоматерь, а сам вернулся ко кресту опять, потому что он говорит и о том, что после этого совершилось, и сопровождает свое повествование об этом такими словами: **И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину** (Ин. 19, 35). Трудно же, почти невозможно предполагать, что Иоанн, отведя Богоматерь в дом свой, тотчас же и оставил Ее, оставил Одну в такую ужасную, скорбную минуту. Поэтому имеется достаточно оснований полагать, что Богоматерь оставалась до конца у самого креста или же в незначительном от него отдалении.

И стоял народ и смотрел (Лк. 23, 35). Но где же остальные, кроме Иоанна, Апостолы? Где те постоянные спутники Христа, решившиеся идти за Ним, в последнее путешествие Его в Иерусалим, чтобы там и умереть с Ним? Где Петр, так самоуверенно клявшийся душу свою положить за Него? Где они в эту скорбную минуту их Учителя, Которого они так недавно еще признавали Сыном Божиим? Где они? Куда разбежались?..

Смерть Иуды

Вон, вдали от Голгофы, бежит, оглядываясь, Иуда. Первосвященники отвергли его раскаяние, и он бросил им их сребренники, которые были в руках его безмолвными свидетелями гнусного предательства. Он думал освободиться от этого обличителя и тем успокоить свою совесть, но, увы! Совесть, вступившая в

свои права, все более и более терзала его и незаметно для него влекла его туда, где он мог бы найти себе действительное успокоение и прощение тяжкого греха: она влекла его к Невинной Жертве его предательства. Он наверное стоял в толпе, окружавшей преторию Пилата; он прислушивался к словам римского правителя, подававшим надежду на оправдание Неповинного; он почти успокоился, когда Пилат властно сказал злобному синедриону: «Я не нахожу никакой вины в Этом Человеке!» Но последовавшие затем колебания Пилата, его уступчивость, боязнь доноса кесарю, приказание подвергнуть Христа бичеванию — все это должно было невыразимой болью терзать сердце Иуды. Когда же первосвященники крикнули и народ подхватил: «Кровь Его на нас и на детях наших!» — то Иуда понял, что принял на свою душу не только свой грех предательства, но и грех народный, призываемое на себя народом проклятие. И побежал Иуда от претории, потеряв теперь всякую надежду на оправдание Христа Пилатом; побежал он за город, думая там, в одиночестве, найти себе успокоение. Но вот, он видит, как из городских ворот выходит толпа народа, предшествуемая и сопровождаемая римскими войсками; впереди толпы несут кресты, орудия мучительной казни. «Теперь (думает Иуда) все кончено; теперь ничем уже не изгладить своего греха». Останавливается он и смотрит на Голгофу; ждет, что будет дальше, хотя прекрасно знает, как римляне распинают осужденных на казнь. Когда же свершилось все, когда Невинный Страдалец был пригвожден ко кресту, Иуда очнулся от оцепенения и побежал в противоположную от Голгофы сторону, оглядываясь назад. Но куда же он бежит? И зачем? Терзаемый совестью, он решил, что такому человеку, как он, жить нельзя, что надо прекратить эти мучения. И вот, взору его предстало засохшее дерево, на котором можно окончить расчеты с жизнью. Он стремится к нему, подходит, становится на большой камень, судорожными движениями рук накидывает на дерево свой пояс, привязывает один конец его ко стволу, а петлю надевает на шею и, взглянув последний раз на Голгофу, бросается с камня. Петля туго затянулась на его шее, и, после нескольких судорожных движений, мертвое тело его повисло, а затем сорвалось и упало. Так осудил себя на казнь предатель, и сам был своим палачом!

Где остальные десять апостолов?

Но где же остальные десять Апостолов? Где те, которых в последней прощальной беседе Христос называл **друзьями** Своими (Ин. 15, 15)? — Никаких ответов на эти вопросы мы не найдем в Евангелии.

Но, зная предшествовавшие и последовавшие события, мы можем составить довольно правдоподобное предположение о душевном состоянии разбежавшихся десяти Апостолов.

Апостолы со всеми евреями того времени ждали Мессию, как воинственного Царя Израилева, который свергнет римское иго, покорит все народы земли и подчинит их власти евреев. Таковы были понятия евреев о назначении Мессии; и эти мечты были так заманчивы, что даже Апостолы, которым Христос много раз говорил, что Царство Его не от мира сего, никак не могли отрешиться от них, расстаться с ними. И мечтали они о тех местах, какие займут в Царстве Мессии, и даже поспорили как-то между собой, кому из них будет отведено в этом Царстве наипочетнейшее место, кто будет выше всех. А «сыны грома», Иоанн и Иаков Зеведеевы, дерзнули даже просить Господа, чтобы Он в Царстве Своем сравнял их с Собой, посадил одного по правую сторону Свою, а другого по левую. И вера их в такое блистательное, воинственное Царство Мессии была настолько сильна и так затемняла по временам их рассудок, что они не верили даже словам Господа о предстоявших Ему страданиях, смерти и Воскресении. Страдания сии были совсем несовместимы с их понятиями о Царе Израилевом. Как Он может страдать? А умереть? Да разве Мессия может умереть? Нет, Он будет царствовать вечно; следовательно, умереть не может. Но как же Христос воскреснет, если Он как Мессия и умереть не может? Вот этот последний вопрос был для Апостолов неразрешимым недоумением. Они никак не могли понять его, да и не пытались разрешить его. Их удивляло, что Иисус так медлит открыть Свое Царство; они, вероятно, недоумевали, почему Он отказался от провозглашения Его Царем Израилевым, когда толпа чудесно насыщенного Им народа хотела насильно взять Его и вести для этого в Иерусалим. Они теряли уже надежду на осуществление своих

мечтаний, когда Иисус отправился в последнее путешествие Свое в Иерусалим; они уговаривали Его не ходить туда на верную, по их мнению, смерть. А если они допускали теперь возможность Его смерти, то, конечно, только потому, что вера в Него как Мессию уже поколебалась и только любовь к Нему, как к Пророку и Чудотворцу, вынудила идти за Ним. Фома сказал: «Пойдем и мы умрем с Ним!» — и все пошли. Последовавший после того торжественный въезд Иисуса в Иерусалим, победные крики народа, восторженно приветствовавшего своего Царя-Мессию, временно возродили в сердцах Апостолов надежду на скорое открытие блистательного Царства, но окончательный разрыв Иисуса с правящей партией и охлаждение к Нему народа вновь повергли в скорбь друзей Христовых. Когда же Его связали, как преступника, и повели на суд, все они в страхе оставили Его, а самый пылкий из них, самый, по-видимому, преданный Христу, три раза отрекся от Него, даже побоялся назвать Его по имени. Но и после того они могли еще лелеять надежду, что каким-нибудь чудом Учитель их освободится от угрожающей Ему позорной казни, и тогда-то Он, торжествующий над Своими врагами, откроет Свое Царство. И с этой надеждой они, наверное, явились на Голгофу и вмешались в толпу. Но, увы! И этим надеждам не суждено было сбыться. Христос не только не воспользовался Своей чудодейственной силой, чтобы избавить Себя от казни, но даже молился за Своих палачей. Когда же Его распяли, когда злобные иудеи с насмешкой обращались к Распятому и говорили: «Если Ты Сын Божий, сойди со креста», то не закралось ли и в души Апостолов сомнение? Не взмолились ли они Ему мысленно: «Господи! *Если* Ты Сын Божий, сойди со креста и открой Свое Царство! И все уверуют в Тебя. Господи! Не медли же! Сойди со креста! Сойди же, Господи!» Если после того крест был большим соблазном для многих, которые готовы были уверовать в Иисуса как Сына Божия то не послужил ли крест соблазном и для Апостолов? Не поверг ли он их в скорбь, уныние, отчаяние и разочарование? Смотри издали на распятого Учителя своего, обращаясь к Нему с мольбой, чтобы Он сошел со креста, и не видя исполнения этой мольбы, они могли дойти до безнадежного отчаяния. Рухнули их заветные мечты о блистательном Царстве Мессии, рухнули надежды на видное участие их в этом Царстве; все кончено, все потеряно! А сколько раз это Царство было в их мечтах так близко, так возможно. Ведь спросили же они как-то Иисуса, что будет дано им за то, что они оставили все и последовали за Ним? И Христос ответил им, что когда Он сядет на Престоле славы Своей, то и они воссядут на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. Не поняв тогда истинного смысла этих слов Господних, они могли вспомнить их теперь и с грустью и отчаянием спросить самих себя: «Где же эти обещанные двенадцать престолов? И где Престол славы Самого Иисуса? Не этот ли крест? И не придется ли и им разделить Его участь? Не распнут ли и их, как Его учеников, сообщников и исполнителей Его воли? О, зачем же Он довел нас до такого ужасного, невыносимого положения? Зачем Он говорил об этих престолах, когда Его Самого, вместо Царства славы, ожидал Крест?.. О, Господи! *Если* Ты Сын Божий, сойди же скорее со креста и воссядь на Престоле славы Своей! [84] Сойди, Господи! Сойди!..» Эти вопли то сомнения и страха, то смутной надежды и, вслед за нею, безнадежного отчаяния терзали сердца десяти Апостолов, прятаясь в толпе, окружавшей Голгофу. Они не могли тогда еще понять, постигнуть все великое значение совершавшихся событий. Они не понимали еще Самого Христа, они не знали, что только смертью и Воскресением Христос победит мир. Они забыли Его слова прощальной беседы: *Мужайтесь! Я победил мир!* И только после Воскресения Господня, после сошествия на них Духа Святого, открылись их сердца, до тех пор окамененные, и просветлел разум, омраченный фарисейским лжеучением о Царстве Мессии. Только тогда они поняли все и с полным убеждением и верой стали проповедовать воскресшего Христа. Поэтому нам, пытающимся постигнуть душевное состояние Апостолов, издали смотревших на распятого Учителя их, не следует ни удивляться маловерию и сомнениям их, ни сожалеть о том, что все так случилось. Отцу Небесному угодно было привести Апостолов к сознательной вере путем постоянных сомнений, кажущихся нам даже обидными. Только дошедши таким путем до сознательной непоколебимой веры в Иисуса Христа как воплотившегося Бога, они могли выступить убежденными проповедниками и победить языческий мир, Следовательно, все сомнения их, все разочарование и

отчаяние были необходимы. Такова была воля Божия.

И стоял народ, и смотрел (Лк. 23, 35). Станем же и мы, многогрешные, у Креста Господня! Станем мысленно у ног Страдальца, Единного Безгрешного, принесшего Себя в Жертву за грехи мира! Станем и прислушаемся: что говорит Он нам с высоты Креста Своего, по прошествии почти девятнадцати веков со времени принесения Им этой искупительной Жертвы? Слышите ли, как Он напоминает нам заповедь, данную Апостолам в последней прощальной беседе с ними? **Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас** (Ин. 13, 34). Слышите ли, как Он спрашивает нас: «Любите ли вы друг друга? Помните ли сказанное Мною, что **нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих** (Ин. 15, 13)? Помните ли, что **по тому и узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою** (Ин. 13, 35)? Помните ли и исполняете ли то, что Я заповедал вам?» Что ответим мы пострадавшему за нас Господу? Дерзнем ли сказать, что заповеди Его помним и друг друга любим так, как Он возлюбил нас? Нет, скажем Ему: «Господи, Ты все знаешь; Ты знаешь, любим ли мы Тебя и исполняем ли мы то, что Ты нам заповедал. Ты знаешь, Господи, как враг Твой сеет плевелы на ниве Твоей и какую обильную жатву он собирает. Ты видишь, Господи, что не самоотверженной и всепрощающей любовью к ближним, не смирением и кротостью преисполнены сердца наши, а себялюбием, гордостью, жестокостью и человеконенавистничеством. Ты видишь, как дерзающие именовать себя христианами поклоняются не Тебе, а своему я, из которого сотворили себе кумира, и как в жертву этому кумиру приносится все, даже счастье, благополучие, достояние, а нередко и жизнь ближних. Ты знаешь, что, по учению *мира сего*, добром считается не послушание Богу, не исполнение Его воли, а удовлетворение своих желаний, своих прихотей, хотя бы это и было сопряжено с несчастьем и даже гибелью ближнего, что любовь к ближним и помощь им в беде отвергнуты и заменены борьбой за существование и порабощением слабого сильным. Ты видишь, Господи, как народы воюют друг с другом, как сотни тысяч людей умирают в страшных муках на этой человеческой бойне, и как кровь их льется рекой!.. Дерзнем ли мы, после этого, сказать Тебе, Господи, что заповеди Твои исполняем, и что недаром именуемся христианами? Нет! Жизнью своей, заменой Твоих заповедей учением мира сего мы причиняем Тебе невыразимые страдания, мы непрестанно распинаем Тебя на Кресте Твоем, Господи!»

Приидите же все, верующие в Господа нашего Иисуса Христа! Приидите к подножию Креста Его все, помнящие Его заветы! Приидите и припадем к Нему, и со слезами раскаяния будем молить Его: «Да умолкнет в нас дух злобы, вражды и человеконенавистничества! Да воспламятся сердца наши любовью к Нему и друг к другу! Да поможет Он нам сознать свою духовную нищету, свое нравственное бессилие и ничтожество в сравнении с тем совершенством, к какому мы должны стремиться! Да дарует Он нам силы возродиться к новой жизни и вновь начать созидание Царства Божия! Да одухотворит нас Духом Святым! И да будем все едино, и да будем едино с Ним! Аминь».

Наступление тьмы

По сказанию Евангелистов Матфея (27, 45), Марка (15, 33) и Луки (23, 44), **в шестом же часу, или около шестого часа дня**, настала **тьма по всей земле** и продолжалась **до часа девятого** (Лк. 23, 44). Эти три Евангелиста исчисляли часы дня по-еврейски, с утра, а не с полуночи, как считали римляне и мы считаем; следовательно, переводя на наш счет, тьма настала около двенадцати часов дня и продолжалась до трех часов после полудня. Евангелист Иоанн, повествуя, что **был час шестой** (Ин. 19, 14), когда оканчивался суд у Пилата, разумел не еврейское исчисление дня, а общепринятое в римской империи, так как писал свое Евангелие не для евреев. К сказанию Матфея и Марка о тьме Лука добавляет, что **померкло солнце** (Лк. 23, 45). Померкнуть от обыкновенного солнечного затмения оно не могло: солнечное затмение, как известно, бывает тогда, когда Луна находится между Солнцем и Землей в прямой между ними линии и, таким образом, заслоняет его, делает его невидимым для обитателей Земли; смерть Иисуса последовала в пятницу, в день еврейской пасхи (Ин. 19, 14); пасха же, по закону Моисея, начинается в четырнадцатый

день первого весеннего лунного месяца, то есть в полнолуние, когда Луна не может находиться между Солнцем и Землей в прямом направлении. Поэтому тьма, о которой свидетельствуют Евангелисты, была явлением необычайным; если же принять во внимание, что за тьмой последовало землетрясение, что камни гробниц расселись и многие умершие святые воскресли, то надо признать в этих знамениях особое чудесное проявление воли Божией. Об этой тьме и землетрясении свидетельствуют не одни только Евангелисты. Историк Евсевий приводит следующую выписку из сочинений Флегонта времен императора Адриана: «На четвертом году 202-й Олимпиады было затмение солнца, самое большое из всех известных того времени; в шестом часу дня была ночь, так что видны были на небе звезды». Тот же Флегонт говорит, что в то же время было сильное землетрясение в Вифинии и разрушило большую часть Nikeи. На Флегонта ссылается и Ориген, а Тертулиан, писавший свою «Апологию» римскому сенату около 200 года по Р. Х., говорит об этом затмении так: «Внезапно день исчез среди полудня. Те, которые не знали, что явление сие было предсказано на случай смерти Христа, сочли его за обыкновенное затмение. Впоследствии, не имея возможности открыть причину тому, они вовсе отвергли его, но оно у вас записано, и записки хранятся в архивах ваших» (Апология, 21).

Поэтому, ввиду неоспоримости свидетельств о наступившей тьме и при полной невозможности считать это явление обыкновенным солнечным затмением, не будем доискиваться объяснений его какими-либо иными известными нам законами природы. Злобные враги Христа много раз требовали от Него знамения с неба; Он всегда отказывал им, так как знал, что никаким знамениям они не поверят, что даже, если **бы кто и из мертвых воскрес, не поверят** (Лк. 16, 31). И теперь эти знамения даны не им, а народу.

Внезапное помрачение солнца если и не заставило врагов Иисуса уверовать в Него, все-таки должно было произвести на них потрясающее впечатление. Считая это затмение лишь случайным совпадением с распятием Иисуса, они верили, однако, что это не к добру, что такие знамения всегда предвещают какое-либо народное бедствие. Впечатление же на толпу должно было быть еще сильнее. Насмешки и издевательства прекратились, воцарилась мертвая, томительная тишина.

Последние слова Иисуса

И среди этой тишины, **в девятом часу** (в третьем часу пополудни), когда страдания Христа достигли высшей степени, Он **возопил... громким голосом... Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?**

«Этот вопль не был воплем отчаяния; в нем выразилась только глубокая скорбь растерзанной души Богочеловека. Связь между Иисусом и Отцом Его неразрывна. Они суть едино. Но для того, чтобы Искупительная Жертва до дна испила чашу человеческих скорбей, непостижимая воля Божия требовала, чтобы Иисус на Голгофе не чувствовал радости единения Своего с Отцом; почему из груди Его и исторгся скорбный вопль: **Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?**» (из соч. Дидона «Иисус Христос»).

Этот вопль Евангелисты приводят на том языке, на каком произнес его Иисус, то есть на арамейском, дабы читателям понятнее было, почему присутствовавшие тут евреи подумали, что Он зовет Илию: **Элой! Элой! ламма савахфани?** (Мк. 15, 34).

На еврейском языке слово Илия произносилось Елиагу. Поэтому вследствие сходства этого слова со словом Элой некоторые из стоящих близ Креста, не расслышав всего возгласа, слышали лишь начало его и подумали, что Иисус зовет на помощь пророка Илию.

Немногие, которых особенно поразили кротость Иисуса, Его молитва за распинателей и внезапное наступление тьмы среди дня, с недоумением и страхом говорили: **вот, Илию зовет** (Мк. 15, 35). Евреи верили, что Илия должен явиться перед пришествием Мессии; мысли о Мессии и Илии были для них неразрывны, и потому вопрос, не придет ли Илия по зову Иисуса, был тесно связан с вопросом, не Мессия

ли распятый Иисус? Эти мысли и заставили некоторых призадуматься и сказать: **вот, Илию зовет.**

Но так рассуждали немногие, очевидно, не принадлежащие к правящей партии. Враги же Иисуса и тут нашли возможным поглумиться над Страдальцем. Когда стоявший у креста воин, услышав, что Иисус что-то говорит, и полагая, что Он просит пить, побежал к сосуду с уксусом и, наполнив им губку, понес ее к Иисусу, то первосвященники остановили его словами: «**Постой!** не давай Ему пить! Он зовет Илию, на него надеется; так подожди же, **посмотрим, придет ли Илия спасти Его**».

Евангелист Матфей на этом и оканчивает свое повествование о возгласе Иисуса; Евангелист же Марк дополняет его рассказ указанием на ответ этого воина. Воин, не останавливаясь исполнением своих обязанностей, ответил им: «**Постойте!** Не мешайте мне!..» А потом, когда напоил Иисуса, сказал: «Ну, теперь если хотите, **посмотрим, придет ли Илия снять Его**» (Мк. 15, 36).

После того тьма еще продолжалась до трех часов пополудни; прошел почти час томительного времени; враги Иисуса, по-видимому, перестали издеваться над Ним, устали от издевательств и с нетерпением ждали смерти Его. В этот же день вечером наступал великий для них праздник пасхи; к вечеру надо было все покончить, даже убрать с крестов тела мертвых. У римлян допускалось прекращать страдания распятых или ударом в голову, или перебитием голеней; и хотя первосвященники в другом случае старались бы продлить страдания Иисуса, но теперь, ввиду наступающего праздника, они примирились с необходимостью прекратить Его мучения и послали с этой целью уполномоченных к Пилату, а сами остались ждать конца. Конец наступил скоро.

Изнемогая от жажды, Христос сказал: **жажду** (Ин. 19, 28). Воины напоили Его уксусом, подав наполненную им губку на трости иссопа. Утолив жажду, Иисус сказал: **совершилось!** (Ин. 19, 30).

Смерть Иисуса

Да, окончилось земное поприще Христа-Мессии; совершилось назначенное Отцом спасение рода человеческого.

Вслед за этим Иисус громким голосом сказал: **Отче! в руки Твои предаю дух Мой** (Лк. 23, 46). Голова Его наклонилась, и Он, предав дух Свой, умер.

Землетрясение

Тьма еще продолжалась, и как только умер Иисус, началось землетрясение настолько сильное, что камни расселись, гробницы раскрылись. Страх напал на всю толпу, находившуюся на Голгофе, сошедшую туда, как говорит Евангелист Лука, на сие зрелище. Все стали поспешно расходиться; многие, вероятно, плакали, другие же с отчаяния били себя в грудь. Мысль о том, не Мессия ли распятый Иисус, должна была запасть в душу тех, кто не совсем еще заглушил голос совести. Даже язычники, римский сотник и воины, которые стерегли Иисуса, были настолько потрясены всем, что им довелось видеть и слышать, что из уст их невольно вырвалось восклицание: **воистину Он был Сын Божий** (Мф. 27, 54).

Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это (Лк. 23, 49). **Между ними была и Мария Магдалина, и Мария (Клеопова), мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия (мать Иакова и Иоанна), которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим.** Евангелист Иоанн говорит, что Мария Магдалина и Мария Клеопова вместе с Богородицею стояли у креста. Поэтому, если Евангелист Марк удостоверяет, что в минуту смерти Иисуса Мария Магдалина и Мария Клеопова стояли вдали, то надо полагать, что они к этому времени уже отошли от креста.

Завеса храма

В это же самое время, в храме, завеса, отделявшая вход в Святое Святых, разодралась на две части

сверху донизу; гробницы открылись, многие умершие святые воскресли и, по воскресении Иисуса, пришли в Иерусалим и явились многим.

О том, что завеса храма разодралась, повествует один только Евангелист Матфей; и он узнал об этом, конечно, не сейчас же, когда это случилось, а несколько позже, и, вероятно, от очевидцев — священников или даже и не принадлежащих к числу священников.

Опасаясь, что распятые не скоро умрут и что тела их могут остаться на крестах в субботу, чего не позволял закон Моисея, первосвященники еще раньше смерти Иисуса послали просить Пилата об ускорении наступления смерти осужденных. Хотя римляне обыкновенно оставляли на крестах тела распятых, но в исключительных случаях добивали распятых, прекращая тем их страдания, и отдавали тела их родственникам для погребения. Поэтому Пилат послал воинов перебить голени распятых и снять их тела с крестов.

Прободение бока Иисуса копьем

Пришли воины и перебили голени у двух разбойников, которые были еще живы. Когда же подошли к Иисусу, то увидели, что Он уже умер; поэтому не стали перебивать Его голени, но один из воинов, желая, вероятно, окончательно удостовериться в смерти Его, пронзил Ему бок копьем. В этом Евангелист усматривает исполнение пророчеств о том, что **кость Его да не сокрушится** (Ин. 19, 36), и что **воззрят на Того, Которого пронзили** (Ин. 19, 37). Это же прободение бока, безусловно смертельное для живого, лишает неверующих всякой возможности говорить, что Христос не умирал.

Присутствовавший при этом Апостол и Евангелист Иоанн удостоверяет, что из прободенного бока Иисуса истекла кровь и вода. Безусловно правдивый во всем, Иоанн счел нужным добавить к этому именно рассказу, что **истинно свидетельство его**, что он, **видевший** это, **знает, что говорит истину** (Ин. 19, 35).

По поводу истечения из раны Иисуса крови и воды епископ Михаил говорит, что по естественным законам этого не могло быть, потому что при пронзении мертвого тела не истекает кровь и вода (Толковое Евангелие. 3. С. 524). Священник Буткевич приводит мнения Штрауса, Вейсе, Баура, Шлейермахера и Вильке о том, что из мертвого, застывшего тела не может истекать кровь, что она находится в жидком состоянии в мертвом теле весьма недолго, не более часа, что отделения водянистой жидкости из крови начинаются лишь с наступлением разложения, да еще при некоторых болезнях, предшествовавших смерти, как-то: тифозной горячке, лихорадке, водяной и т. п.; основываясь на этих данных, означенные отрицатели утверждают, что из мертвого тела Иисуса не могла истечь кровь и вода. Возражая им, Буткевич говорит, что после обильного кровоизлияния всегда наступает лихорадочное состояние, что из рук и ног Иисуса, пригвожденных ко кресту, не могло не быть обильного кровоизлияния, что, следовательно, в предсмертных муках Иисус должен был страдать лихорадкой и что поэтому в крови Его могло быть отделение водянистой жидкости. К тому же прободение ребра последовало вскоре после наступления смерти, и потому нет никаких оснований утверждать, что тело Иисуса к тому времени уже застыло и что из него не могла показаться кровь [\[85\]](#) (Буткевич. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа).

Снятие тела Иисуса со креста

Наступал вечер, когда надлежало снять со крестов тела, дабы они не висели в дни праздников пасхи. Тогда к Пилату явился богатый человек, Иосиф, родом из Аримафеи, города иудейского. Это был **знаменитый член Совета** (Мк. 15, 42), то есть синедриона, добрый и правдивый, не участвовавший ни в заговоре первосвященников и фарисеев против Иисуса, ни в тех заседаниях синедриона, в которых произнесен Ему смертный приговор, как это удостоверяет Евангелист Лука (Лк. 23, 50–51). Он был учеником Иисуса, но тайным, так как боялся явно присоединиться к Нему (Ин. 19, 38), потому что синедрион грозил отлучением от синагог всем явным ученикам Иисуса. Будучи хотя и тайным учеником,

Иосиф верил в скорое наступление Царства Божия и ожидал его. Он-то и пришел теперь к Пилату просить тело Иисуса для погребения.

Услышав просьбу Иосифа, Пилат удивился, что Иисус так скоро умер. Вероятно, приказ о перебитии голеней был только что отдан и не мог быть приведен в исполнение к прибытию Иосифа; быть может, Иосиф, входя к Пилату, встретил уходивших от него посланных первосвященниками просить об ускорении смерти распятых. Чтобы удостовериться, что Иисус действительно умер, Пилат послал за сотником, находившимся на Голгофе. Пока гонцы ходили за сотником, на Голгофе успели уже исполнить приказ Пилата: перебили двум разбойникам голени и пронзили бок Иисуса. Явившийся на зов Пилата сотник удостоверил, что Иисус действительно умер, и тогда Пилат велел ему отдать Иосифу тело Иисуса.

С Иосифом приходил и Никодим, но, вероятно, не вошел к Пилату, а ожидал на улице разрешения. Это был тот самый Никодим, который приходил к Иисусу ночью (см. выше беседу с Никодимом, с. 193) и потом в заседании синедриона заступился за Него, сказав: **судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?** (Ин. 7, 51).

Погребение Его

Иосиф купил новую плащаницу, то есть пелены, в которые евреи заворачивали при погребении тела умерших; Никодим принес с собой около ста литр (или фунтов) благовонного состава из смирны (смолы из одного аравийского дерева) и алая (душистого индийского растения). Близ Голгофы был принадлежащий Иосифу сад, а в саду том была высечена в скале приготовленная им для себя гробница, то есть пещера, в которой до того времени никто еще не был погребен. К этой пещере Иосиф и Никодим перенесли снятое *ими же* (Мк. 15, 46; Лк. 23, 53) с креста тело Иисуса и предали его погребению, как принято было погребать богатых людей. Обмыв тело чистой водою, натерли благовонным составом, завернули в плащаницу, голову обвили полотенцем, завязали то и другое шнурками, положили в гробницу и, окончив погребение, привалили ко входу в пещеру большой камень и удалились.

Мария же Магдалина и Мария Иосиева (то есть Мария Клеопова, мать Иосии и Иакова) **смотрели, где Его полагали.** Они сидели против входа в пещеру, как свидетельствует о том Евангелист Матфей (Мф. 27, 61). Были тут и другие женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, которые смотрели, как Иосиф с Никодимом полагали тело Его в гроб; все они, возвратившись по домам, приготовили благовония и масти, чтобы, по еврейскому обычаю, помазать тело Иисуса, но отложили это до дня, следующего за субботой, чтобы не нарушить заповеди о субботнем покое.

Приложение синедрионом печати к камню, которым завален был вход

Не побоялись нарушить этот покой только первосвященники и фарисеи. На другой день, то есть в субботу, которая называлась великой, они вспомнили, как Иисус предсказывал не только Свою смерть, но и Воскресение в третий день. Это воспоминание заставило их призадуматься: что, если ученики Его придут ночью, украдут тело Его и объявят народу, что Он воскрес? Народ может поверить, и тогда им не поздоровится. Нет, решили они, не удастся ученикам обмануть нас и народ; поставим к гробу стражу и будем охранять его. Но как же быть с субботой? Ведь сегодня такой день, когда ничего нельзя предпринимать, ничего нельзя делать... Но и откладывать нельзя, потому что с окончанием субботы наступит тот третий день, в который Сей Человек, по словам Его, должен воскреснуть.

Фарисеи были изворотливы и, вероятно, придумали какое-нибудь самопроизвольное толкование закона, чтобы оправдать задуманное дело. Тотчас же они, с первосвященниками во главе, пошли к Пилату и сказали ему: **господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого** (Мф. 27,

63–64).

Первосвященники имели в своем распоряжении стражу из римских воинов, которая давалась им для охранения порядка при храме во время праздника; но распорядиться ею для охраны гроба до третьего дня они, очевидно, не могли без особого разрешения. Для получения этого разрешения они и пошли к Пилату. Поступая так, они, сами того не ведая, были орудиями Провидения: если бы они не приставили стражу ко гробу Иисуса, то могли бы, после Его Воскресения, клеветать на учеников, обвиняя их в похищении Его тела; клеветца, они могли бы сослаться на опустевший гроб, и склонили бы на свою сторону весьма многих, тем более, что Иисус Христос, по Воскресении Своем, являлся лишь верующим в Него. Теперь же, задумав охранять гроб вооруженными воинами, они лишили свою клевету даже и тени правдоподобия (подробно выше, с. 43–46).

Пилат не стал возражать первосвященникам, но не мог и скрыть свое раздражение против них за вчерашнее нравственное насилие, и потому довольно грубо ответил им: «Вы **имеете** воинскую **стражу** при храме; **пойдите**, возьмите ее, и **охраняйте** гроб, **как знаете**».

Они пошли, взяли стражу, пришли ко гробу Иисуса и приступили к делу. Прежде всего им надлежало удостовериться, не украдено ли тело Иисуса в прошлую ночь, с пятницы на субботу; иначе незачем было приставлять стражу, нечего было бы охранять. И вот, они велели отвалить камень, закрывавший вход в пещеру, причем удостоверились, что камень этот **весьма велик** (Мк. 16, 4; Мф. 27, 60); потом вошли в пещеру и увидели там лежавшее в пеленах тело Иисуса; осмотрели, нет ли другого выхода из пещеры, и, совершив все с надлежащей осторожностью и предусмотрительностью, вышли, велели привалить ко входу тот же камень, приложили к нему печать синедриона, приставили стражу, объяснив ей цель охраны гроба, и удалились в сознании, что если и нарушили субботний покой, зато совершили великое дело.

ГЛАВА 45. Воскресение Иисуса Христа. Подкуп первосвященниками стражников. Явление Христа Марии Магдалине. Явление Его женам-мироносицам

Приготовления женщин галилейских к шествию ко гробу Иисуса Возвратясь в Иерусалим после погребения Иисуса, некоторые женщины, пришедшие с Ним из Галилеи, успели до захода солнца купить благовония и масти, а Мария Магдалина, Мария Клеопова (она же Мария Иаковлева, как мать Иакова) и Саломия, вероятно, возвратились в Иерусалим несколько позже, когда торговля уже была прекращена, и потому только по прошествии субботы, то есть в субботу после захода солнца, купили ароматические **масти**, чтобы, по обычаю еврейскому, помазать ими тело Иисуса и тем воздать Ему последний долг.

Купив ароматы, женщины эти, которых принято называть женами-мироносицами, не могли тотчас же тронуться в путь ко гробу, потому что наступила уже ночь. И ждали они рассвета, и казалась им эта ночь особенно длинной; и, не дождавшись конца ее, рассчитывая на скорое наступление дня, они пошли при свете полной луны.

Между тем, в эту же ночь, но в каком часу, неизвестно, свершилось величайшее из всех чудес: Христос воскрес!

Ночью, когда все еще спали, воины стерегли вход в пещеру. И вдруг послышалось сильное сотрясение земли: мгновенно отвалился припечатанный к входу камень. И увидели воины на камне какое-то неземное существо в белой как снег одежде, блистающее, как молния. Затрепетали воины от страха; смотрят на необычайное явление и с места тронуться не могут, **стали как мертвые**. Долго ли продолжалось такое явление — неизвестно; но, придя мало-помалу в себя, воины стали удаляться от пещеры и пошли, конечно, объявить обо всем начальству; *некоторые* же из них отправились к первосвященникам, которыми были поставлены на стражу.

Явсь к первосвященникам, эти воины рассказали все, что сами видели и слышали. Первосвященники тотчас же сообразили, что если воины начнут всем и каждому рассказывать об этом ночном происшествии, то народ несомненно поверит, поверит, что Иисус воскрес, что Он Мессия, Царь Израилев, и тогда... тогда не сдобровать им, первосвященникам, и всему синедриону. Надо было поскорее что-нибудь придумать для своего спасения; надо склонить этих воинов, этих опасных очевидцев, на свою сторону, но как? И собрали они старейшин, и на совещании с ними порешили привлечь воинов на свою сторону путем подкупа.

После совещания со старейшинами первосвященники просили воинов рассказать, что ученики Иисуса, пришедши ночью, украли тело Его в то время, когда они, воины, спали; причем первосвященники обнадежили их, что если Пилат узнает об этом, то они сами заступятся за них. Покончив на этом, первосвященники **довольно денег дали воинам** (Мф. 28, 12), чтобы окончательно склонить их на свою сторону.

Воины, взяв деньги, поступили, как научены были. И разнесся слух об этом среди евреев и держался упорно **до сего дня**, то есть до времени составления Евангелия Апостолом Матфеем (подробности о том, как именно поступили те и другие воины, см. во Введении, с. 46).

Землетрясение было ощущаемо, вероятно, лишь вблизи пещеры, и так как при этом отвалился весьма

большой камень, то оно и показалось стражникам великим. Вообще об этом землетрясении, о том, что камень был отвален ангелом, и что гроб оказался после того пустым, Евангелист Матфей мог узнать только от не подкупленных первосвященниками воинов, очевидцев происшедшего, или от тех достоверных свидетелей, которым эти воины рассказывали об этом.

Неверующие в Иисуса Христа как Богочеловека направили все свои усилия к тому, чтобы доказать недостоверность повествований Евангелистов о Его Воскресении. Они прекрасно понимали, что если им удастся подорвать веру в Его Воскресение, то тем самым будет подорвана и вера в Него как Богочеловека, Сына Божия.

Но все усилия их напрасны. Истинность Воскресения Христа доказана, возражения неверующих опровергнуты. Подробности по этому вопросу изложены выше (см. Введение, с. 43–50); здесь же коснемся только замечаний о кажущихся противоречиях в повествованиях Евангелистов.

Примирение кажущегося противоречия в повествованиях Евангелистов

Евангелист Лука свидетельствует, что женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, **смотрели гроб, и как полагалось тело Его; возвратившись же (в город), приготовили благовония и масти** (чтобы, по обычаю еврейскому, помазать ими тело Иисуса); **и в субботу остались в покое по заповеди** (Лк. 23, 55–56). **То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними** (Лк. 24, 10). Евангелист Матфей говорит, что при погребении Иисуса были **Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба** (Мф. 27, 61). Евангелист Марк, говоря о том же, поясняет, что эта **другая Мария** была Мария Иосиева, то есть мать Иосии. Таким образом, из свидетельства трех Евангелистов нам известно, что Мария Магдалина, Мария Клеопова и другие женщины, пришедшие из Галилеи, в том числе и Саломия, мать Апостолов Иакова и Иоанна, постарались узнать место, куда Иосиф и Никодим положили тело Иисуса. Повествуя об этом, Евангелисты хотели лишь удостоверить, что некоторым женщинам было известно это место; но перечислять поименно всех этих женщин они сочли излишним для своей цели и потому ограничились вышеприведенными указаниями на Марию Магдалину, Марию Клеопову и других, пришедших из Галилеи. Все они купили ароматы или благовония для помазания тела Иисуса. По сказанию Луки, некоторые сделали это, возвратясь в город после погребения, из чего следует заключить, что они возвратились довольно рано, когда еще не начался пасхальный вечер, когда торговля еще продолжалась. Другие же, а именно Мария Магдалина, Мария Клеопова и Саломия, вероятно, вернулись в город несколько позднее, так как купили ароматы лишь по прошествии субботы, то есть в субботу вечером, так как празднование субботы у евреев начиналось с вечера пятницы и оканчивалось с заходом солнца в субботу же; об этом свидетельствует Евангелист Марк, говоря: **По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его** (Мк. 16, 1). И в этом нет никакого противоречия или разногласия. Вероятно, все они вместе тронулись в путь, но пришли ко гробу не одновременно, потому что некоторые шли скорее, спешили прийти первыми, прежде остальных. Этим и объясняется кажущееся разногласие Евангелистов о времени прихода их к погребальной пещере.

Приход Марии Магдалины ко гробу

Евангелист Лука, не поименовав сначала женщин, шедших ко гробу, а ограничиваясь лишь указанием, что это были пришедшие с Иисусом из Галилеи, говорит: **В первый же день недели, очень рано... пришли они ко гробу** (Лк. 24, 1). Евангелист Иоанн говорит, что **Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно** (Ин. 20, 1). Евангелист Матфей повествует, что **на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб** (Мф. 28, 1), а Евангелист Марк говорит, что **Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия... весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца** (Мк. 16, 1–2).

Выражения Евангелистов — **очень рано, на рассвете и при восходе солнца** — нельзя считать

противоречащими одно другому. Как восход солнца, так и рассвет, это очень раннее время дня, начало его; определения времени словами **на рассвете** и **при восходе солнца** тоже нельзя считать противоречивыми, так как в южных странах нет тех продолжительных зорь, какие бывают у нас в средней и северной России; там после захода солнца быстро темнеет, равно как и при рассвете скоро восходит солнце. Поэтому одно и то же время можно определить и как настоящий рассвет дня, и как начало восхода солнца. Но с этими определениями времени стоит в несомненном противоречии сказание Евангелиста Иоанна о том, что Мария Магдалина пришла ко гробу, **когда еще было темно**; и это противоречие было бы непримиримым, если бы Иоанн сообщил о приходе всех жен-мироносиц; но так как он говорит только о приходе Марии Магдалины, то надо полагать, что она ушла вперед, оставив далеко за собой остальных женщин, и пришла ко гробу, когда еще было темно; другие же пришли позже, но все-таки очень рано, на рассвете, при начале восхода солнца. Евангелист Иоанн, писавший свое Евангелие последним и дополнявший упущенное первыми Евангелистами, не нашел нужным говорить о других женщинах, шедших ко гробу, так как об этом уже было достаточно сказано другими Евангелистами; не стал бы он говорить и о том, что с остальными женщинами шла Мария Магдалина, если бы первые Евангелисты не упустили заметить, что она пришла ко гробу первая, когда еще было темно. Евангелисты Матфей, Марк и Лука, сообщая о приходе женщин ко гробу, не придавали особого значения тому обстоятельству, что Мария Магдалина пришла ранее всех, и потому, перечисляя по именам некоторых из этих женщин, упоминают и Марию Магдалину, как бы приходившую вместе с остальными ко *гробу*. Евангелист же Иоанн, дополняя их повествования, вносит поправку к их сказаниям, говоря, что Мария Магдалина пришла раньше всех, и делает это потому, что рассказывает о явлении ей Христа, о чем первые Евангелисты умалчивают. Поправка эта имеет особенное значение как сделанная свидетелем-очевидцем: Мария Магдалина, найдя камень отваленным от пещеры, тотчас же побежала к Петру и Иоанну поведать им свое горе и затем вместе с Иоанном опять прибежала к пещере. Следовательно, все, что Иоанн повествует об этом, он знал тогда же от самой Марии, да и сам своими глазами видел то, о чем она говорила ему, то есть отваленный камень и опустевший гроб.

Вообще ни один из Евангелистов не намеревался описать все без исключения события Евангельской Истории; да это было бы даже и невозможно, так как, по словам Евангелиста Иоанна, весь мир не мог бы вместить написанных книг. Поэтому умолчание одного или нескольких Евангелистов о каком-либо событии нельзя принимать за отрицание ими таковых. Для того, чтобы читатели могли сознательно уверовать в действительное Воскресение Иисуса Христа, первым Евангелистам было вполне достаточно рассказать о том, как пришедшие ко гробу женщины нашли его пустым и как после того Христос являлся им и ученикам; подробностям же о том, когда именно пришли женщины ко гробу, кто из них пришел раньше и кто опоздал, а также сколько раз являлся Христос — они, по-видимому, не придавали существенного значения.

Итак, следует признать, что в день, следовавший за субботой, который назывался первым днем недели, а теперь называется воскресеньем, женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, в числе которых были Мария Магдалина, Мария Клеопова, Саломия и Иоанна, еще ночью, когда было темно, вышли из Иерусалима с купленными благовонными составами и направились к пещере, в которую было положено тело Иисуса. Слова Иоанна, что тогда еще было **темно** (Ин. 20, 1), надо понимать в том смысле, что тогда была еще ночь, день еще не наступал; дневного солнечного света не было, но был свет лунный, так как это происходило во вторую ночь после полнолуния, когда луна светит до самого восхода солнца.

Удрученные горем женщины шли тихо, намереваясь лишь к утру дойти до гроба; но Мария Магдалина, как особенно любившая Иисуса, шла впереди их и, быть может, сама того не замечая, отделилась от них и ускоренными шагами пошла одна. Впрочем, есть некоторое основание полагать, что она не одна ушла вперед, так как после того, говоря Петру и Иоанну о том, что унесли Господа из гроба, она добавила: **не знаем, где положили Его** (Ин. 20, 2). Не шла ли с ней Мария Клеопова?

Поспешный уход ее в Иерусалим к Апостолам

Подойдя к пещере, Мария Магдалина увидела, **что камень отвален от гроба** (Ин. 20, 1). Не входя в пещеру, она подумала, что тело Иисуса перенесено в другое место; но кем и куда? В страхе и недоумении бежит она назад в Иерусалим, чтобы рассказать об этом Апостолам Петру и Иоанну.

Приход к пещере остальных женщин

Не успела еще Мария Магдалина вернуться из города с Петром и Иоанном, как дошли до пещеры, уже на рассвете, при восходе солнца, остальные женщины. Дорогой они говорили между собой: Кто отвалит нам камень от двери гроба? (Мк. 16, 3). Этот вопрос озабочивал их потому, что камень **был весьма велик** (Мк. 16, 4), и отвалить его им было бы не по силам. Но вот, подходя к пещере, они видят, что камень уже отвален кем-то; и вдруг предстали перед ними два мужа (два ангела) в одеждах блистающих.

Явление им ангелов

Они в страхе пали ниц, а явившиеся им два мужа сказали: **что вы ищете Живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес** (Лк. 24, 5–6). **Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь** (Мф. 28, 6). Женщины вошли в пещеру и увидели юношу (ангела) в белой одежде, сидящего на правой стороне. И ангел этот сказал им: **не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен** (Мк. 16, 6). **Вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть. И вспомнили они слова Его** (Лк. 24, 6–8). **Пойдите же скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите** (Мф. 28, 7).

Слова ангела переданы всеми первыми тремя Евангелистами вполне согласно; разноречие касается только числа ангелов и места, где они явились. Евангелисты Матфей и Марк говорят о явлении одного ангела, которого Матфей называет ангелом, а Марк — юношей; Евангелист же Лука говорит, что явились им два мужа. Различие в названиях (ангел, юноша, муж) не имеет существенного значения. Ангелы как невидимые духи должны принять какой-нибудь вид, когда являются людям; но так как в данном случае они явились в ослепительном блеске, вследствие чего пораженные этим чудным явлением женщины **наклонили лица свои к земле** (Лк. 24, 5), то весьма возможно, что говоривший ангел одним показался юношей, а другим мужем; весьма возможно также, что одни женщины рассмотрели одного только явившегося в таком виде ангела, а другие — двух. Для доказательства действительности воскресения Иисуса было безразлично, один или два ангела явились пришедшим ко гробу женщинам; важно было сообщить, что именно сказал говоривший ангел, а что при этом присутствовал и не говоривший ангел — это не имело никакого значения по отношению к цели повествования; поэтому-то два Евангелиста повествуют об одном говорившем с женщинами ангеле, а третий Евангелист дополняет их повествование указанием и на другого ангела, тут же находившегося.

Относительно места, где сказаны ангелом эти слова, имеется тоже кажущееся разногласие между Евангелистами. Из повествования Луки вовсе не видно, где говорил ангел, в пещере или вне ее. Марк свидетельствует, что явление говорившего ангела было в пещере. А Матфей, хотя и говорит, что ангел отвалил камень от двери гроба и **сидел на нем** (Мф. 28, 2), но где именно он обратился к женщинам со словами утешения, из его повествования не видно; положим, выражение — **подойдите, посмотрите место, где лежал Господь** (Мф. 28, 6) — дает некоторое основание полагать, что говорил это ангел, находясь вне пещеры, быть может, сидя на камне; но так как камень был отвален до прихода женщин, то можно с большой вероятностью утверждать, что сидящего на камне и блистающего, как молния, ангела видели воины, которые от этого **пришли в трепет и стали, как мертвые** (Мф. 28, 4), а женщины могли увидеть его уже в пещере. Впрочем, можно допустить и такое положение: ангел явился всем женщинам вне пещеры, при входе в нее, объявил, что Христос воскрес, и предложил войти в пещеру посмотреть, где лежал Господь, чтобы убедиться, что Он воистину воскрес; когда же они вошли в пещеру, то увидели (как говорит

Марк) юношу, сидящего на правой стороне; и тут они слышали голос говорившего им (или продолжавшего говорить) ангела, и могли того же ангела, но вновь явившегося им уже в пещере, принятые другого, вследствие чего Лука и говорит, что явилось им два мужа.

Как бы то ни было, но для Евангелистов важно было только установить, что камень был отвален, что гроб был пуст и что причину такой пустоты объяснил явившимся женщинам ангел; было ли два ангела или один, и где именно он говорил, — это не имело для Евангелистов существенного значения. Ведь не полицейские дознания они производили и не протоколы составляли, в которые записываются обстоятельно всякие мелочи и подробности; нет, они сообщили только главнейшие события, которые привели их к убеждению, что Христос действительно воскрес.

Возвращение жен-мироносиц в город

Услышав такую благую весть, женщины вышли из пещеры и побежали в город возвестить о том Апостолам. Тем временем Мария Магдалина успела уже прибежать к Апостолам, Петру и Иоанну, и, входя к ним, с отчаянием воскликнула: **унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его** (Ин. 20, 2).

Приход Иоанна, Марии и Петра

Испуганные этой вестью Апостолы побежали к пещере; но Иоанн был помоложе и бежал скорее, поэтому первый и прибежал; войти в пещеру он почему-то побоялся один и потому только заглянул в отверстие ее и увидел лежащие пелены. Вслед за ним прибежал и Петр, вошел в пещеру, увидел пелены в одном месте, а платок, которым закрыта была голова, в другом, причем платок был свернут. И пошел Петр назад, удивляясь всему происшедшему. Тогда вошел в пещеру Иоанн, и увидел то же, **и уверовал**.

По поводу этого выражения — **и уверовал** — Иоанн Златоуст говорит, что Иоанн уверовал в то, что Христос воскрес. Того же мнения держатся Феофилакт и епископ Михаил. При всем глубочайшем уважении к мнениям святителя Иоанна Златоуста нельзя не допустить и другого толкования: если Евангелист Иоанн после слов — **и увидел, и уверовал** — говорит: **Ибо они** (то есть Петр и он же, Иоанн) **еще не знали из Писания, что Ему** (Иисусу) **надлежало воскреснуть из мертвых** (Ин. 20, 9), то это пояснение заставляет полагать, что Иоанн, как не знавший из Писания, что Иисусу надлежало воскреснуть, не мог по одной лишь пустоте гроба заключить о том, что Он воскрес; тем более, что раньше, когда Иисус неоднократно говорил Апостолам о предстоящей Ему смерти и последующем за смертью Воскресении, то **слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного** (Як. 18, 34); к тому же, по сказанию Евангелиста Луки, Петр возвратился от гроба, **дивясь сам в себе происшедшему** (Лк. 24, 12); а остальным Апостолам **слова** возвратившихся от гроба женщин, возвестивших им о воскресении Иисуса, **показались... пустыми, и не поверили им** (Лк. 24, 11). Все это дает основание думать, что Иоанн, увидев пустой гроб и лежащие пелены и плат, уверовал лишь в то, что тела Господа нет во гробе, что Мария Магдалина в этом отношении не ошиблась.

Возвращение Петра и Иоанна в Иерусалим

Итак, осмотрев гроб, Петр и Иоанн **возвратились к себе**, то есть в Иерусалим, в тот дом, где все они собрались после распятия Иисуса Христа.

Но Мария Магдалина осталась; она хотела добиться истины, хотела узнать, куда же положили Господа? В первый приход свой она не вошла в пещеру; с Апостолами Петром и Иоанном она тоже не входила туда, но только слышала от них, что гроб действительно пуст. После ухода Апостолов она стала у гроба, то есть у входа в пещеру, и плакала **и, когда плакала, наклонилась во гроб**.

Явление воскресшего Христа Марии Магдалине

Вход в пещеру был, вероятно, ниже человеческого роста, вследствие чего, стоя у входа, нельзя было

видеть внутренности ее; чтобы заглянуть в нее, надо было нагнуться, наклониться; сам Евангелист Иоанн, **наклонившись**, но не входя в гроб (пещеру), увидел лежащие пелены. Так и Мария, **когда плакала, наклонилась во гроб**, то есть нагнулась, и смотрела, продолжая стоять у входа; **и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса** (Ин. 20, 12).

На вопрос Ангела — **жена! что ты плачешь?** — она с рыданиями и отчаянием ответила: **унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его** (Ин. 20, 13)! Этот вопль истерзанного сердца усилил ее рыдания; слезы стали душить ее, она отклонилась от входа в пещеру, невольно оглянулась назад **и увидела Иисуса стоящего** перед ней, **но не узнала Его** (Ин. 20, 14). Иисус говорит ей: **жена! что ты плачешь? кого ищешь?** (Ин. 20, 15).

Как Апостолы, даже избранные из Апостолов, не понимали, что Иисусу **надлежало** умереть и воскреснуть; как для них слова сии были сокровенны, так и Мария не разумела их. Она и подумать даже не могла, что Иисус воскреснет, и потому не обратила внимания ни на пустоту гробницы, ни на ангелов, сидевших у изголовья и подножия ее, а озабочена была лишь желанием узнать, куда же положили тело ее Господа; в таком настроении она даже не узнала Его, когда Он обратился к ней с вопросом о причине ее слез. И, несмотря на это, неверующие решаются говорить, что Магдалина так сильно верила, что Иисус непременно воскреснет, так хотела во что бы то ни стало увидеть Его воскресшим, что дошла до болезненного состояния, при котором видела и слышала то, чего страстно желала, но чего в действительности не было.

Всецело охваченная мыслью о том, что унесли Господа и неизвестно куда положили, она принимает явившегося ей Иисуса за садовника, так как погребальная пещера, в которой положено было тело Иисуса, находилась в саду. Думая, что добрый садовник перенес тело Иисуса куда-нибудь в безопасное от врагов Его место, она обращается к нему с мольбой: **«Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его, я лучше тебя уберегу Его** (Ин. 20, 15)».

Мария! — сказал ей Христос знакомым ей голосом. Тут-то она узнала Его, вскрикнула: **Раввунни!** — и бросилась к ногам Его.

Бросаясь к Нему, она тем самым обнаружила желание прикоснуться к Нему и не только зрением, но и осязанием познать, что это не дух ее Учителя, а Он Сам.

Христос остановил ее, сказав: **не прикасайся ко Мне**, верь не осязанию своему, а Моему слову; верь, что Я не дух, **ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему**.

Повинуясь этому велению, Мария тотчас же пошла к Апостолам, которых воскресший Христос назвал братьями. Теперь она поняла, что Христос воскрес, теперь для нее стало ясно все: и отваленный камень, и пустота гроба, и сидевшие там ангелы.

И возвестила она Апостолам, плачущим и рыдающим, что Христос воскрес! Но они не поверили ей.

Явление Христа остальным женщинам

Пока она возвращалась в город, туда же шли остальные женщины, приходившие ко гробу. Услышав от ангела радостную весть, они поспешили поделиться ею с Апостолами, и вдруг дорогой видят встречающего их Иисуса. Когда они подошли ближе, Он сказал: **радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и, убедившись, что это не дух, поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня** [86] (Мф. 28, 9-10).

Они пошли и рассказали все виденное и слышанное не только одиннадцати Апостолам, но **и всем прочим**, любившим Иисуса; **и показались им слова их пустыми и не поверили им**.

Так окончилось первое утро после Воскресения Иисуса Христа. В это утро Он явился прежде всех Марии Магдалине, а затем и всем остальным женщинам, приходившим к гробу Его. Все они возвестили Апостолам об этих явлениях и о всем, что им довелось видеть и слышать; но **показались им** (то есть Апостолам) **слова их пустыми, и не поверили им.**

Обсуждая события этого дня, нельзя не заметить, что Господь не позволил Марии Магдалине прикоснуться к Нему и собственным осязанием убедиться, что это не дух, не привидение, а другим женам-мироносицам позволил, **и они ухватились за ноги Его.** Почему же Господь сделал такое исключение для Марии Магдалины? Точный ответ на этот вопрос может дать только Сам Христос; мы же можем лишь догадываться, предполагать.

Думаю, что из всех учеников и учениц Господа только одна Мария Магдалина обладала сильной верой в Него, такой верой, которая не требовала никаких осязательных доказательств; только она и могла поверить слову явившегося ей Господа, и поверила. Апостолы же и другие ученики и ученицы не обладали такой верой, и им нужны были доказательства Воскресения Христа, не оставляющие никаких сомнений. Не потому ли Господь и явился Марии Магдалине первой? Не потому ли на обеде у Симона-прокаженного Господь сказал, что где бы ни было проповедано Евангелие, будет сказано и о ней?

«Не прикасайся ко Мне! Верь, что это Я Сам, что Я не восшел еще к Отцу Моему! Верь Моему слову, а не осязанию своему!»

ГЛАВА 46. Явление Господа ученикам, шедшим в Эммаус. Явление Его десяти Апостолам. Вторичное явление им и Фоме

Явление Иисуса двум ученикам по пути в Эммаус

В тот же день два ученика Иисуса шли в селение Эммаус, отстоящее от Иерусалима в шестидесяти стадиях, то есть в 10–12 верстах. Это были не Апостолы, а другие ученики, быть может, из числа семидесяти. Одного из них звали Клеопой, как это видно из дальнейшего повествования, другого же Евангелист Лука не называет по имени; по преданию, это был сам Лука.

Шли они и разговаривали о всех событиях последних дней и не заметили, как к ним приблизился Сам Иисус. Они не узнали Его, так как, по сказанию Евангелиста Марка, Он явился им **в ином образе** (Мк. 16, 12); и когда Он, идя с ними, спросил, о чем они рассуждают, и отчего так печальны, то один из них, именем Клеопа, даже удивился такому вопросу и как бы с упреком сказал: **неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?** (Лк. 24, 18).

И начали они рассказывать Ему, **что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его** (Лк. 24, 19–20). Рассказывая все это, Клеопа и другой ученик откровенно признались, что после распятия Иисуса все вообще ученики Его считали Его только пророком. Говоря так, они добавили: **А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля** (Лк. 24, 21). Этими словами они определили душевное состояние Апостолов и других учеников в то время: они надеялись было, что Он — Мессия, но... Он оказался не Мессией! Рухнули все надежды; наступило полное разочарование: ни веры, ни надежды не осталось!

И, несмотря на это, неверующие решаются говорить, что Апостолы и все ученики Христа так мечтали о Его Воскресении, так страстно ожидали это событие, что представившееся их расстроенному воображению видение приняли за действительное Воскресение Его.

Передавая затем сообщение некоторых женщин о явлении им ангелов, сказавших, что Иисус жив, Клеопа и другой ученик высказали полнейшее неверие в возможность Его воскресения, так как добавили, что женщины те **изумили нас** (Лк. 24, 22).

«О, как вы не догадливы, и как сердца ваши не отзывчивы, что не понимаете предсказанного пророками! **Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?**» — сказал им Иисус и начал объяснять все сказанное о Нем пророками, во всем Писании, начиная от Моисея.

Ученики с большим вниманием слушали Его объяснения и не заметили, как приблизились уже к тому селению, в которое шли. Иисус сделал вид, что хочет идти далее, но они удерживали Его, просили остаться с ними, говорили, что не стоит продолжать путь, потому что скоро окончится день и наступит вечер. Иисус исполнил их просьбу, вошел с ними в Эммаус и продолжал объяснять все сказанное о Нем в Писании; когда ж возлег с ними за столом, взял хлеб, благословил его, преломил и подал им так, как всегда это делал, тогда только **открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он мгновенно стал невидим для них** (Лк. 24, 31).

Тут-то они уверовали, что Христос воистину воскрес, и стали удивляться, как они не признали Его еще на пути в Эммаус. **Не горело ли в нас сердце наше** (говорили они друг другу), **когда Он говорил нам на**

дороге и когда изъяснял нам Писание? (Лк. 24, 32). Радость, что они удостоились видеть воскресшего Иисуса, была так сильна, что они поспешили поделиться ею с Апостолами и остальными почитателями Его, и потому тотчас же встали из-за стола и пошли в Иерусалим. Они застали всех одиннадцать Апостолов вместе и еще некоторых учеников, бывших с ними, и рассказали им все; но Апостолы **и им не поверили**.

В этом явлении воскресшего Христа двум ученикам, как и в последующих явлениях Его, особенно замечательны три обстоятельства:

1. шествие в Эммаус и, конечно, обратно в Иерусалим Иисуса Христа, умершего два дня назад от прободения рук, ног и легких, обильной потери крови и страшных мучений;
2. принятие Им пищи;
3. внезапные явления Его, несмотря ни на какие преграды, и свойство Его становиться невидимым.

Обстоятельства эти невольно приковывают к себе внимание читателя, и потому о них необходимо поговорить.

Если бы Христос воскрес с тем самым израненным, измученным, истощенным телом, которое было погребено после последовавшей на Кресте смерти, то Он не мог бы не только пройти до Эммауса и обратно около 20 верст, но даже и с места сдвинуться. А если Он совершил такое путешествие, то, значит, воскрес с телом восстановленным, таким, каким оно было до распятия, но только с приобретенными на Кресте ранами. Как же это могло быть?

Отвечая на этот вопрос, мы должны припомнить, что во время земной жизни Своей, то есть до самой смерти на Кресте, Христос никогда не пользовался Своей Божественной властью, чтобы хоть в чем-нибудь облегчить Свои человеческие немощи; и не пользовался Он ею потому, что в противном случае не мог бы быть Образцом обязательного для нас совершенства. Но Он тогда же говорил: **Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее... Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее** (Ин. 10, 17–18). Если, таким образом, Христос Сам имел власть принять жизнь, то есть воскреснуть Своей властью, а не быть воскрешенным, и если несомненно, что с Воскресением Его не предстояло уже надобности ограничивать Себя в пользовании Своей Божественной властью, то несомненно, что Христос воскрес не с немощным, израненным и истощенным телом, а с восстановленным или, как говорят, *прославленным*. Имея власть не только совершать величайшие чудеса и воскрешать мертвых, но и воскреснуть, Господь, конечно, мог употребить Свою Божественную власть и на восстановление Своего измученного и доведенного до смерти тела. С телом же восстановленным Он мог беспрепятственно совершить шествие в Эммаус и обратно.

Воскреснув с восстановленным телом, Христос мог, конечно, принимать пищу, хотя и не нуждался в ней для подкрепления Своих человеческих сил в продолжение всех сорока дней, протекших от Воскресения Его до Вознесения на небо.

Становился же Он невидимым и мгновенно появлялся в силу присущей Ему Божественной власти, для пользования которой не было уже никаких препятствий.

Явление Иисуса десяти апостолам

В тот же самый день, вечером, когда Фома ушел, а остальные Апостолы, опасаясь преследований со стороны врагов Иисуса, заперли двери, вдруг Сам Иисус мгновенно явился, стал посреди них и сказал Свое обычное приветствие: **мир вам!**

Забыв все сказанное прежде Иисусом о Его Воскресении, не веруя даже в возможность воскресения умершего Учителя своего; не поверив ни Марии Магдалине, ни прочим женам-мироносицам, ни даже двум ученикам, только что возвестившим о Воскресении Его, — Апостолы смутились и испугались, когда увидели теперь Его сами. Они так тщательно заперли входные в их комнату двери, что никто не мог войти к

ним; и если они видят теперь Иисуса, то, по их мнению, это тень Его, Дух, но это не Он.

Видя смущение и ужас Своих учеников, Иисус сказал: **«Что смущаетесь, почему думаете, что это не Я, а только Дух Мой? и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня, если не верите словам Моим, и рассмотрите Меня; может быть это разгонит ваши сомнения, ибо вы знаете, что дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня».**

И, сказав это, показал им руки и ноги, а по сказанию Евангелиста Иоанна, даже и ребра Свои (Ин. 20, 20). Тогда Апостолы, все еще не уверовавшие, приступили к Иисусу, стали дотрагиваться до Него и осязанием Его тела и костей убеждаться, что это не Дух, а Сам Господь Иисус Христос. Что они действительно осязали Его, в этом убеждает нас Апостол и Евангелист Иоанн, так говорящий об этом в своем первом послании: **О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими глазами, что рассматривали и что осязали руки наши** (1 Ин. 1,1).

Рассматривали, осязали и все-таки не вполне поверили, а только обрадовались и удивлялись. Тогда, чтобы дать им новое доказательство, что перед ними стоит не Дух, Иисус спрашивает их: **есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними.**

Значение маловерия апостолов

Как велико было неверие Апостолов в возможность воскресения, и каких обидно-осязательных доказательств они потребовали, чтобы рассеять свое неверие и всякое сомнение! И после этого неверующие решаются говорить, что Апостолы так слепо верили что их Учитель воскреснет, так страстно желали видеть Его воскресшим, что довели свое воображение до болезненного состояния и потому видели не воскресшего Иисуса, а лишь призрак, созданный их мечтами! Возможно ли приписывать Апостолам болезненность воображения, когда они не верили ни словам женщин и двух учеников, видевших воскресшего Иисуса, ни даже своим собственным глазам, а убедились в действительности Его Воскресения только осязанием Его тела, костей и ран собственными руками, а также и тем, что явившийся им Иисус, в их же присутствии, ел рыбу и мед? Это неверие, это обидное требование осязательных доказательств указывает на проявление во всем этом воли Божией. Богу угодно было, чтобы Апостолы постепенно дошли до сознательной веры в Иисуса Христа как Сына Божий; им надлежало идти в мир и проповедовать Его учение, и они должны были обладать для этого верой, не допускающей никаких сомнений, и веру эту должен был принять от них и их последователей весь мир. Слепая вера возможна теперь у христиан, когда все сомнения опровергнуты и истинность Богочеловечества Иисуса доказана; но тогда, когда самое слово **крест** было соблазном и для иудеев, и для эллинов, с одной слепой верой Апостолы не могли бы совершить такого подвига, какой совершили. Да, им нужна была такая сознательная вера, вера не только сердцем, но и рассудком, до какой они дошли через свое прежнее неверие и постоянные сомнения.

Доказав Апостолам, что перед ними стоит не Дух, а Сам Господь их, Иисус начал объяснять им то, о чем прежде много раз говорил им, но чего они тогда не понимали. Говорил Он им, как в книгах Моисея, псалмах и пророчествах предсказывалось Пришествие Христа-Мессии, как по этим предсказаниям Мессии надлежало пострадать, умереть и воскреснуть в третий день, и как все эти предсказания вполне сбылись на Нем. **Тогда отверз им ум к уразумению Писаний** (Лк. 24, 45), которых раньше, под влиянием учения фарисеев, они не понимали.

Оканчивая объяснения Писания, Иисус сказал, что всему, что произошло с Ним, надлежало быть; надлежит также проповедовать во всех народах покаяние и прощение грехов во имя Его. И проповедовать это должны **вы...** как **свидетели сему. Мир вам! как послал Меня Отец, таки Я посылаю вас** (Лк. 24, 48; Ин. 20, 21).

Сказав это, Иисус дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся.

Дарование апостолам власти прощать грехи

В прощальной беседе Своей с Апостолами, перед страданиями Своими и смертью, Иисус говорил им, что умолит Отца, И Отец даст им другого Утешителя, Духа истины (Ин. 14, 16–17), этот Утешитель не придет к ним, если Он, Иисус, не уйдет (Ин. 14, 16–17), — когда же придет Он, Дух истины, то наставит их на всякую истину (Ин. 16, 13). Из этих слов надо заключить, что Святой Дух будет послан Апостолам Самим Отцом по просьбе Сына, но не Сыном. Поэтому Православная Церковь признает Духа Святого исходящим от Отца, но не от Сына; Церковь же Римско-Католическая, основываясь на вышеприведенных словах Иисуса (примите Духа Святаго) признает, что Дух Святой исходит от Отца и Сына [87].

По поводу этих слов Иисуса Иоанн Златоуст говорит: «Как царь, посылая правителей, дает им власть и заключать в темницу, и освобождать из темницы, так и Христос, посылая учеников, облакает их такую же властью. Как же Он прежде сказал: **если Я не пойду, Утешитель не придет к вам** (Ин. 16, 7), а теперь дает Духа? Некоторые говорят, что Христос не сообщил ученикам Духа, а только посредством дуновения сделал их способными к Его принятию. Ведь если Даниил при виде ангела пришел в ужас, то чего не испытали бы и ученики, если бы приняли эту неизреченную благодать, не будучи к тому приготовлены? Но не погрешит и тот, кто скажет, что и тогда ученики получили некоторую духовную власть и благодать; потому-то Христос и присовокупил: **Кому простите грехи, тому простятся**, показывая тем, какой род благодатной силы даруется им» (Беседы на Евангелие от Иоанна. 86).

Прежде, когда Апостол Петр от имени всех Апостолов сказал Иисусу: **Ты — Христос, Сын Бога Живаго**, — то Иисус ответил ему: **...и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах** (Мф. 16, 16, 19). Тогда Иисус только обещал Петру дать ему эту власть; теперь же Он дал ее, и не только Петру, но и остальным Апостолам.

О свойстве телавоскресшего Иисуса

Евангелист не говорит, как Господь оставил Своих Апостолов после этого явления им; надо полагать, что Он так же мгновенно стал невидим для них, как мгновенно явился. Во всей Евангельской истории упоминается об одном только случае, когда тело Иисуса Христа не было подчинено законам природы; случай этот — шествие Его по морю к Апостолам, изнемогавшим в отчаянной борьбе с разъяренными морскими волнами. Как Бог, Он был выше всех законов природы, господствовал над ними, творя чудеса, но не подчинялся им; а как Человек, Он никогда не пользовался лично для Себя Своей Божественной властью, и если пошел по водам морским, то для того только, чтобы спасти Своих учеников. Словом, Он был истинный Бог и совершенный Человек, обладавший телом человеческим, подчиненным законам природы, способным чувствовать страдания, подверженным смерти. После же Воскресения Христа тело Его приобрело другие свойства. Не стесняясь пространством и преградами, Христос мгновенно появлялся и мгновенно становился невидимым, несмотря на то, что обладал таким телом с костями, которое можно было осязать, которое способно было принимать пищу. Это доказывает, что Христос воскрес не только духовно, Духом, но и телесно; только тело Его стало особенным. Такое состояние тела кажется нам непонятным. Но все ли мы знаем? Все ли для нас понятно? Все ли доступно нашему ограниченному уму? Не верим ли мы в такие явления (например, электричество, X-лучи, N-лучи и т. п.), которые понять мы не можем, но которыми, однако, пользуемся? Какое же основание мы можем иметь, чтобы отвергать особое состояние тела воскресшего Господа, если достоверные свидетели дают нам несомненные, хотя бы и непонятные для нас, сведения о нем? Если мы признаем сведения эти безусловно достоверными, то должны и верить им так же безусловно, как верим во многие непонятные для нас явления, в

достоверности которых не сомневаемся.

Фома, один из двенадцати Апостолов, называемый Близнец, не присутствовал при этом явлении Христа. Когда он пришел к ним, то они поспешили сообщить ему радостную весть: **мы видели Господа!** Фома, как и прочие Апостолы, не верил в возможность воскресения Иисуса, и потому сказал: **если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.**

Принято считать, что Фома обнаружил большее неверие, чем другие Апостолы. С тех пор всякого не верующего даже вполне достоверным свидетелем, но домогающегося лично, посредством чувств своих, удостовериться в истинности их слов, принято отождествлять с Апостолом Фомой, называть Фомой неверующим. Но так ли это? Не домогались ли того же самого и другие Апостолы? Не рассматривали ли и они раны Иисуса, и не осязали ли ребра Его? То же общее неверие выразил и Фома, но только в более точной, определенной форме, а это могло зависеть как от его характера, так и от принятого им способа выражения своих мыслей.

Другие явления Иисуса

Прошло восемь дней после первого явления Христа десяти Апостолам. Являлся ли Он в эти дни кому-нибудь еще — неизвестно. Евангелист Лука, рассказывая о явлении Господа двум ученикам, шедшим в Эммаус, говорит, что когда эти ученики вернулись в Иерусалим, то **нашли вместе одиннадцать Апостолов бывших с ними, которые говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону** (Лк. 24, 33–34). Об этом явлении Господа Симону Петру говорит только один Лука, и говорит так, как будто Господь явился Петру до явления Своего десяти Апостолам, но когда и где — об этом умалчивает. Судя по порядку изложения Евангелистом Лукой повествования о явлении Христа двум ученикам, шедшим в Эммаус, можно заключить, что о явлении Христа Симону сообщили этим двум ученикам сами Апостолы в то время, когда эти ученики рассказывали им, что видели Господа. Между тем Петр, при явлении Господа десяти Апостолам, не только не укрепил в них веру в Воскресение Христа, но вместе с ними принял явившегося Господа за призрак, дух, и, чтобы рассеять свое недоумение, своими руками *осязал* Его (1 Ин. 1, 1). А это дает основание задаться вопросом: действительно ли Христос явился Петру в первый день по Своему Воскресению, и притом ранее явления Его десяти Апостолам? Если бы Он явился Петру ранее прихода к десяти Апостолам двух учеников, возвратившихся из Эммауса, и если бы Петр, видя явившегося ему Иисуса, уверовал в то, что Он действительно воскрес, то Евангелист Марк, писавший свое Евангелие со слов Петра, не написал бы, что **два ученика, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили** (Мк. 16, 13). А так как, по свидетельству самого же Петра (через Марка), он не поверил двум ученикам, что Христос воскрес, то надо полагать, что явление Иисуса одному Петру последовало после явления Его десяти Апостолам, но когда и где — неизвестно. Мы уже знаем, что Евангелист Лука хотя и старался описать все по порядку, но не всегда соблюдал строгую последовательность в своем повествовании.

По преданию, Иисус Христос по Воскресении Своем явился прежде всех Богоматери. Хотя Евангелисты ничего не говорят о таком явлении, но трудно, даже невозможно, допустить предположение, чтобы Христос не порадовал Своим явлением Богоматерь, к Которой так заботливо отнесся в предсмертных муках Своих; невозможно думать также, что Христос явился Ей не первой. Умолчали же Евангелисты об этом явлении Христа, вероятно, по желанию Самой Богоматери, всегда благодарившей Господа, **что призрел Он на смирение Рабы Своей** (Лк. 1, 48).

Явление Иисуса одиннадцати апостолам

После восьми дней со времени Воскресения Христа Апостолы опять собрались, вероятно, в том же доме, причем и Фома был с ними. Опять из предосторожности двери были заперты и, несмотря на это, мгновенно явился среди них Христос и сказал: **мир вам!** (Ин. 20, 26). Потом, обращаясь к Фоме, говорит:

подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; вложи перст в раны от гвоздей. Фома повиновался, пальцем своим осязал гвоздевые раны рук. Потом Иисус говорит ему: **подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим** (Ин. 20, 27). Иисус обнажил Свой прободенный бок, рана которого была так велика, то можно было вложить в нее руку. Фома, убедившись уже в том, что руки стоявшего перед ним Иисуса действительно пробиты насквозь, протягивает руку свою к ране на боку, осязает ее и, падая пред Ним, восклицает: **«Ты — Господь мой и Бог мой!»** (Ин. 20, 28). Фома был первым из всех людей, признавшим Иисуса Христа Богом.

«Ты поверил (говорит ему Христос), **потому, что увидел Меня;** но надо было верить в Мое Воскресение на основании всего сказанного обо Мне пророками и всего совершенного Мною; и блаженны те, которые не видят Меня теперь воскресшим и уверуют в Меня; **блаженны невидевшие и уверовавшие** (Ин. 20, 29)».

Оканчивая рассказ о явлении Христа Апостолам в присутствии Фомы, Евангелист и Апостол Иоанн говорит: **Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его.**

ГЛАВА 47. Явление Христа Апостолам в Галилее.

Вознесение Господне

Явление Христа в присутствии Фомы последовало по окончании еврейской пасхи. Толпы богомольцев двинулись по домам, пошли и Апостолы в свою Галилею; пошли они туда еще и потому, что Иисус велел им собраться там, так как им обещано было, что там Он явится им.

Да, в прощальной беседе Своей с Апостолами, перед самым входом в Гефсиманию, Иисус сказал: **по воскресении же Моим предварю вас в Галилее** (Мф. 26, 32). После того, ангел, явившийся женам-мироносицам по Воскресении Иисуса, сказал: **пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите** (Мф. 28, 7; Мк. 16, 7). Наконец, Сам воскресший Иисус, являсь тем же женам-мироносицам, сказал: **пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня** (Мф. 28, 10). Словом, Иисус намеревался явиться Своим Апостолам в первый раз в Галилее, куда велел им идти. Почему же Он явился им в Иудее, и притом раньше явлений в Галилее?

Состояние духа Апостолов было таково, что крайне необходимо было поддержать их, успокоить, не допустить полного разочарования. Вот почему, вероятно, и последовали явления Иисуса Христа еще в Иерусалиме.

Явление в Галилее

Вернувшись в свою родную Галилею, Апостолы взялись за прежнее занятие свое, рыбную ловлю. И вот, при море Тивериадском, которое называлось также озером или морем Галилейским, собрались Симон Петр, Фома, по прозванию Близнец, Нафанаил, который был родом из Каны Галилейской, сыновья Зеведеевы, Иаков и Иоанн, и еще два ученика, не поименованные Евангелистом; полагают, что это были Андрей и Филипп. Симон сказал, что идет ловить рыбу, и все пошли за ним; вошли в лодку, отъехали от берега, закинули сети, проработали всю ночь, но ничего не поймали. Утром, приближаясь к берегу, они увидели стоявшего там Человека, Который обратился к ним с такими словами: **дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет; а Он сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете** (Ин. 21, 5–6). Они послушались, закинули сети, и когда стали их тянуть, то не могли вытащить от множества попавшей в них рыбы. Тогда Петр, Иаков и Иоанн вспомнили, как три года назад на том же озере, они, по повелению Иисуса, закинули сети после неудачного ночного лова, и как сети их наполнились множеством рыб; посмотрел Иоанн на стоявшего на берегу Человека, узнал в Нем Иисуса и сейчас же сказал Петру: **это Господь!** (Ин. 21, 7). Смотрит Петр на берег, видит — точно Он! Вне себя от радости, он схватывает первую попавшуюся одежду, опоясывает ею свое нагое тело и бросается в воду, чтобы поскорее доплыть до берега. Хотя до берега было и не далеко, всего около двухсот локтей (или ста метров), но лодка не могла скоро причалить, так как сидевшие в ней должны были тащить перегруженную рыбой сеть. Петр доплыл или дошел вброд до берега и остался с Иисусом, а остальные Апостолы тянули сеть к берегу. **Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб** (Ин. 21, 9).

Когда собрались все, Иисус сказал: **принесите рыбы, которую вы теперь поймали**. Симон Петр пошел с остальными Апостолами и **вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три**. Усматривая в этом обильном улове несомненное чудо, Евангелист говорит: **и при таком множестве не порвалась сеть** (Ин. 21, 10–11).

Когда Апостолы вытащили сеть, Иисус сказал им: **придите, пообедайте**. Когда они подошли к месту, где на углях лежала испеченная рыба, подошел туда же и Иисус, взял хлеб и рыбу, и роздал им. Молча начали

они обедать, и никто не смел спросить Его: кто Ты? Да этот вопрос был бы излишним, так как они знали уже, что это Господь (Ин. 21, 12).

Восстановление Петра в Апостольстве

Молчание прервал Сам Иисус, спросивший Петра: **Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?** Петр понял, что в этом вопросе содержится и напоминание ему его же собственных слов — **если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнусь** (Мф. 26, 33). Вспомнил он и последовавшее затем троекратное отречение свое, и *раскаяние; потому не стал уже отвечать: да, я люблю Тебя больше всех, а ответил со смирением так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя.*

Паси агнцев Моих, — сказал ему Иисус.

После своего отречения от Христа Петр, несмотря на свое искреннее, омытое слезами, раскаяние, должен был чувствовать свой грех, должен был сознавать себя лишенным того доверия Господа, без которого нельзя и быть Его Апостолом, проповедником Его учения. Надо было получить прощение, надо было быть восстановленным в Апостольском звании, и восстановленным Самим Христом. Вот почему Иисус обращается не ко всем Апостолам с вопросом — любите ли Меня? Вот почему не всем Апостолам Он говорит — пасите агнцев Моих, — а только одному Петру. Поручение пасти стадо Христово дано всем Апостолам; это видно и из прежних обращений к ним Иисуса, и из последних слов Его, сказанных перед Вознесением на небо. Следовательно, если теперь оно дается и Петру, то для того лишь, чтобы показать этим, что он прощен и восстановлен в своем Апостольстве.

Вторично спрашивает Иисус Петра: **Симон Ионин! любишь ли ты Меня?** Теперь уже не спрашивает — любишь ли больше других, так как видит глубокое смирение Петра. Вторично Петр отвечает: **так, Господи! Ты знаешь, что я люблю тебя... Паси овец Моих**, говорит Христос.

Первый раз Иисус назвал Своих последователей агнцами, а второй — овцами. По мнению епископа Михаила, агнцами Господь называет членов духовного Царства Своего с точки зрения их юности, нежности и слабости, как новорожденных, которые более нуждаются в заботливом уходе за ними пастыря; овцами же называет членов Своего духовного Царства в обычном их состоянии, в совершенном духовном возрасте (Толковое Евангелие. 3. С. 553).

В третий раз Иисус спрашивает Петра: **Симон Ионин! любишь ли ты Меня?**

Повторение этого вопроса в третий раз смутило и опечалило Петра. Как бы не случилось того же, что было уже (думал он)? Ведь и тогда он уверенно говорил, что не соблазнится никогда и душу свою положит за Иисуса, а потом и отрекся от Него, да еще три раза? Вот почему он теперь не уверяет уже, а говорит: **Господи! Ты всеведущ! Ты все знаешь.** Ты знаешь Сам, люблю ли я Тебя! **Ты знаешь, что я люблю Тебя.**

«**Паси овец Моих** и душу свою положи за них, как обещал положить ее за Меня!» — сказал ему Христос.

Восстановив Петра в его Апостольстве, поручая и ему, наравне с прочими Апостолами, пасти стадо Свое, Христос напоминает ему о трудности предстоящего ему пути. Об этом и раньше Он много раз говорил всем Апостолам, а теперь обращается лично к Петру. На Тайной Вечери, когда Иисус сказал одиннадцати Апостолам, что не долго уже быть Ему с ними, и Петр спросил: **Господи! куда Ты идешь?** — то Он ответил Петру: **куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною** (Ин. 13, 36). Вот об этом-то после и говорит теперь Христос: **когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь** (Ин. 21, 18). Передавая эти слова, Евангелист добавляет от себя, что Иисус этим дал Петру уразуметь, какой смертью он умрет. Когда Евангелист Иоанн писал свое Евангелие, Петра давно уже не было в живых: в последний год царствования Нерона, в Риме, он был распят на кресте; тогда он уже

состарился, и препоясал его другой, и повели его, куда не хотел, и при распятии простер руки свои; он не хотел быть распятым так, как распяли Иисуса, считая себя недостойным такого уподобления, а потому, по его просьбе, его распяли головой вниз.

Предсказав, таким образом, Петру, какой смертью он умрет, Иисус сказал ему: **иди за Мною**, — и пошел, вероятно, по берегу озера. Пошел за ним Петр, понявший теперь, что и ему предстоит крестная смерть, что не пустые слова он сказал, когда говорил Иисусу, что душу свою положит за Него; предсказание это не устрасило его, а напротив, придало ему больше бодрости. Когда он шел с Иисусом, то, оглянувшись назад, увидел Иоанна, который шел за ними. Евангелист Иоанн, повествуя об этом, не называет себя, но говорит, что это был тот любимый Иисусом ученик, который на пасхальном вечере, приклонившись к груди Его, спросил: **Господи! кто предаст Тебя?** (Ин. 21, 20). Далее он говорит, что **сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие** (Евангелие) (Ин. 21, 24). После таких разъяснений самого Евангелиста нет никаких сомнений, что он говорил про себя, когда рассказывал, как Петр увидел идущего за ним ученика. Узнав свой конец, Петр захотел узнать также, чем окончится жизнь Иоанна, и потому, указывая на него, спросил: **Господи! а он что?** (Ин. 21, 21).

«Если бы Я захотел, чтобы он вовсе не умер, а оставался жив до Второго Пришествия Моего, то и в таком случае, **что тебе до того? ты иди за Мною** (Ин. 21, 22)».

Буквально понятое слово это дало уверенность другим Апостолам и братьям во Христе, что Иоанн не умрет; и пронеслось слово это между последователями Христа, и поддерживалось продолжительностью жизни Иоанна, умершего естественной смертью в глубокой старости.

По свидетельству Евангелиста Матфея, Иисус явился еще раз одиннадцати Апостолам в Галилее, на горе. Увидя Его, одни узнали Его и поклонились, другие же усомнились, точно ли это Христос. Но Он приблизился к ним, и все сомнения исчезли. И обратился тогда Христос к ним, нарочно для того призванным в Галилею, с такими словами: «Я посылаю вас проповедовать Мое учение; посылаю Я, Которому дана **всякая власть на небе и на земле. Итак, не бойтесь, смело идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века** (Мф. 28, 18–20)».

Во многих Своих беседах с Апостолами и во всенародных поучениях Иисус Христос говорил о Боге Отце, Себя называл Сыном Его и упоминал о Духе; теперь же, соединяя как бы воедино все прежде сказанное, Он ясно говорит о троичности Бога: Отца, Сына и Святаго Духа.

По сказанию Евангелиста Марка, Христос добавил к этому пояснение о необходимости крещения для вступления в Царство Божие и для спасения, которое невозможно, однако, без веры. **Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет.**

Кто будет веровать; веруя, будет креститься, и, крестясь, будет исполнять все, что повелел Христос, — тот спасен будет. Но кто принимает крещение, не веруя и не исполняя всего, что повелел Христос, или, веруя и крестясь, не исполняет повелений Христа — тот будет осужден на окончательном Суде.

Апостолам, отправляющимся на проповедь о Христе, распятом и воскресшем, нужна была особая власть, чтобы рассеять в людях соблазн Креста и доказать, что даровавший им такую власть Христос есть Бог, а не просто Человек. И вот, Господь дает им эту власть. **Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы.**

По поводу этих знамений святой Григорий Двоеслов говорит: «Если вы, братья любезные, не творите тех знамений, кои были необходимы при начале Церкви Христовой, то по сему одному не исключайте себя из числа верующих. Чудеса нужны были только для распространения веры, подобно как и мы, насаждая

деревья, дотоле только поливаем их водою, пока они укоренятся, а когда они вырастут и пустят глубокие корни свои в землю, то перестаем их поливать».

Что эта власть дана преимущественно первым проповедникам Евангелия и верующим, с этим согласен и епископ Михаил. Обещание, что верующие будут говорить новыми языками, исполнилось собственно на Апостолах, которые в день Сошествия на них Святого Духа стали говорить на разных языках; им необходимо было уметь говорить на языках тех народов, к которым они шли, и вот, этот дар они и получили, не учась. Изгнание бесов и исцеление больных они производили и прежде властью, данной им Иисусом Христом при первом отправлении их на проповедь к погибшим овцам дома Израилева; теперь же эта власть подтверждена. Способность оставаться невредимыми как от смертоносных ядов, так и от укушения ядовитых змей, дана теперь, по-видимому, впервые. В книге Деяний Апостолов Лука рассказывает, как Апостол Павел набрал много хворосту, чтобы положить его на разведенный костер, и ехидна повисла на руке его, но он стряхнул змею, не потерпев никакого вреда. Он несомненно был укушен этой ядовитой змеей, так как присутствовавшие при этом ожидали, что он внезапно упадет мертвым, или что у него, по крайней мере, будет воспаление; когда же он остался невредим, то стали говорить, что он Бог (Деян. 28, 3–6). Относительно безвредности для Апостолов смертоносных ядов предание гласит, что Апостол Иоанн выпил чашу яда и яд не повредил ему.

Власть эта теперь только обещана Апостолам; принять же они ее должны тогда, когда Дух истины будет послан к ним от Отца. Поэтому, говоря об этой власти, о знамениях, какие будут сопровождать Апостолов, Христос окончил эту беседу с ними словами: **И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше.**

Кроме этих явлений воскресшего Христа, Он явился еще отдельно одному Апостолу Иакову и **более нежели пятистам братии в одно время**, как о том свидетельствует Апостол Павел, удостоверяющий, что большая часть этих пятисот братии были живы в то время, когда он писал об этом в своем первом послании к Коринфянам (1 Кор. 15, 6).

Почему Господь не явился по воскресении своем народу и своим врагам?

Но почему Господь по Воскресении не явился тотчас всем иудеям? На этот вопрос отвечает Иоанн Златоуст так: «Если бы Своим явлением Он мог обратить всех к вере, то не преминул бы явиться всем. Но Он никак не преклонил бы иудеев к вере, если бы явился им по Воскресении: этому научает Он нас через Лазаря. Ибо, когда Христос воскресил этого четверодневного мертвеца, смердевшего и тлевшего, когда, по гласу Его, сей мертвец, обвитый погребальными пеленами, встал перед лицом всех, то и тогда не только не обратил их к вере, но еще раздражил против Себя. Пришедшие туда совещались убить и самого Лазаря за то, что он был предметом чуда Христова. Итак, если они за то, что Господь другого воскресил из мертвых, не уверовали в Него, то каким неистовством воспылали бы против Него, если бы Он явил им Себя Самого, воскресшего собственной силой?»

Развивая далее мысль святителя, можно сказать, что если Апостолы, прожившие с Христом более трех лет, видевшие все Его знамения и чудеса, слышавшие Его учение, знавшие от Него о предстоявшей Ему смерти и Воскресении, не поверили в Воскресение Его даже и тогда, когда Он стал посреди них; если они поверили только тогда, когда, осязанием Его тела, костей и ран убедились, что перед ними стоит не дух, и когда Сам воскресший Христос стал при них есть, — то как же можно рассчитывать, что народ, так недавно кричавший — **распни, распни Его!** (Лк. 23, 21) — поверит в Его воскресение, если Он явится ему? Если Апостолы, которым Христос много раз говорил, что Ему надлежит быть распяту, умереть и в третий день воскреснуть, — если они приняли явившегося им Христа не за воскресшего из мертвых, а за дух, призрак, то тем более народ принял бы явление ему воскресшего Христа за простое видение и не поверил бы в Его Воскресение; и в таком неверии народу помогли бы первосвященники, члены синедриона и фарисеи,

которые сумели бы и тут возвести клевету на своего Обличителя. Достаточно было явиться избранным, показать им раны Свои и затем облечь их властью именем воскресшего Иисуса творить чудеса. И действительно, как только Петр сказал рожденному хромым — **во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи** (Деян. 3, 6), — как только он совершил над ним чудо, тотчас же около пяти тысяч присутствовавших при этом уверовали в Воскресение Иисуса Христа. Вот почему Иисус Христос по Воскресении Своем не явился ни разу ни врагам Своим, ни народу, а являлся только тем, которые, хотя и с трудом, но все-таки могли поверить, способны были поверить в Его Воскресение.

После последнего явления Христа одиннадцати Апостолам в Галилее они по Его велению собрались в Иерусалиме. Из повествований Евангелиста Луки, содержащихся в его Евангелии и книге Деяний Апостолов, видно, что Иисус Христос явился Апостолам в последний раз в Иерусалиме, **и вывел их вон из города** (Лк. 24, 50) на гору Елеонскую, на восточном склоне которой была Вифания [88]. По этой горе спускался Иисус при торжественном въезде Своем в Иерусалим, когда восторженный народ встретил Его, как Царя Израилева, победными криками — осанна! На этой же горе Христос беседовал с Апостолами о Царстве Божиим и о Царстве Небесном; тут же Он предрек и гибель Иерусалима. Понятно, что приведенные теперь на эту гору Апостолы должны были невольно перенестись мыслями к Царству Мессии. Теперь для них уже нет сомнения в том, что воскресший Христос действительно Мессия; но когда же Он откроет Свое Царство? Прошло сорок дней со дня Его Воскресения, а Он как будто медлит с этим важным делом. Размышляя так, они подходят к Иисусу и спрашивают: **не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?** (Деян. 1, 6).

Они все еще не понимали истинного значения Царства Божия, и все смешивали его то с Царством Небесным, то с Царством Израиля, восстановить которое, по их мнению, должен Мессия; и не понимали они этого потому, что еще не были озарены, просвещены Духом Святым. Вот почему Иисус не дал им ответа на этот вопрос, предоставляя им самим ответить на него скоро, когда придет к ним Утешитель, Дух истины, когда поймут они многое, теперь еще недоступное их пониманию. **Не ваше дело**, — сказал Он им, — **знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли** (Деян. 1, 7–8).

Вознесение Господне

Сказав это, Христос поднял руки и стал благословлять их и, благословляя, отделяться от земли и возноситься на небо. В благоговении Апостолы поклонились возносившемуся Христу; потом долго смотрели на Него и видели, как облако скрыло Его из вида их. Тогда **предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо. Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима** (Деян. 1, 10–12) и пребывали всегда, то есть все дни до Сошествия на них Святого Духа, в храме, прославляя и благословляя Бога.

И так, Господь после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знаменами. Они помнили сказанное им Христом: **мужайтесь: Я победил мир** (Ин. 16, 33).

Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю (говорит Апостол и Евангелист Иоанн), **и самому миру не вместить бы написанных книг.**

ГЛАВА 48. Что вы думаете о Христе?

Оканчивая Свое служение, Иисус спросил книжников и фарисеев: **что вы думаете о Христе?** (Мф. 22, 42). Ученые евреи не сумели тогда ответить на этот вопрос, несмотря на то, что гордились знанием Писания, видели совершенные Иисусом чудеса и слышали Его проповеди, притчи и вообще все учение Его. Мы же, окончив чтение Евангелия, *должны*, с Божией помощью, ответить на этот вопрос, иначе *тщетна будет и вера наша*.

Пособием для ответа должно служить нам то же Евангелие, то есть записанные в нем рассказы Евангелистов о совершенных Иисусом Христом делах, и слова Самого Христа, сказанные Им о Себе.

Предвидя, что свидетельству Его о Самом Себе могут и не поверить, Христос, в начале еще Своего служения, сказал книжникам и фарисеям: **«Вы думаете, что если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно; но ведь свидетельствуют о Мне дела, которые Отец дал Мне совершить; этими делами пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне (Ин. 5, 31–37)»**. И после того Он несколько раз говорил Своим слушателям, в том числе и фарисеям, что дела, которые Он творит, которых никто, кроме Бога, сотворить не может, свидетельствуют о Нем и доказывают, что Он о Себе говорит истину.

Итак, прежде всего дела, совершенные Иисусом, должны ответить на вопрос: кто Он? За дальнейшим же разъяснением вопроса придется обратиться к словам Его.

1. Исследуя вопрос о Личности Иисуса Христа, мы видим, что Христос, в первые же дни Своего общественного служения, при встрече с Нафанаилом (Ин. 1, 45–51) обнаружил такие присущие Ему свойства, какими не обладает никто из людей (см. выше, с. 172–173).

Призванный Самим Иисусом Филипп встретил Нафанаила. сказал Ему: **мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета**. Нафанаил усомнился, чтобы Мессия мог быть из Назарета, и повторил народную поговорку: **из Назарета может ли быть что доброе?** Тогда Филипп говорит ему: **пойди и посмотри**. И пошли. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, сказал: **вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**. Пораженный этими словами Нафанаил, впервые видевший Иисуса, спросил Его: **почему Ты знаешь меня?** А Иисус ответил ему: **прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел Тебя**. Слова эти так подействовали на Нафанаила, что он сказал: **Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев** (Ин. 1, 45–51). А это впечатление, произведенное на Нафанаила словами Иисуса, доказывает, что Нафанаил, сидя под смоковницею и затем разговаривая с Филиппом, находился на таком расстоянии от Иисуса, какое недоступно ни для зрения человеческого, ни для слуха. А если, несмотря на это, Иисус все-таки видел Нафанаила и знал, о чем он говорил с Филиппом, то это служит доказательством, что Иисусу ведомо было и происходящее за пределами чувственных восприятий.

После чудесного насыщения более пяти тысяч человек Апостолы, отправленные Иисусом в Вифсаиду, плыли по морю Галилейскому; **становилось темно... дул сильный встречный ветер, и море волновалось** (Ин. 6, 17–18); **лодка их была уже на середине моря, и ее било волнами** (Мф. 14, 24). А Иисус, оставшийся на берегу, взошел на гору помолиться наедине, и около четвертой стражи ночи (то есть, по нашему счету, в четвертом часу утра) **увидел их бедствующих в плавании и пошел к ним... идя по морю** (Мф. 14, Мк. 6, 45–48; Ин. 6, 16–19) (см. выше, с. 469–471). В темную ночь нельзя было видеть человеческими глазами происходившее расстоянии 25–30 стадий, то есть почти пяти километров; а если, несмотря на это, Иисус увидел Апостолов бедствующих в плавании то следует признать, что Он знал о постигшем Апостолов бедствии, то есть, что Он знал происходящее за пределами чувственных восприятий.

Такое же знание Иисус обнаружил, исцелив заочно сына царедворца. **Пойди, сын твой здоров**, — сказал Он царедворцу, умолявшему Его об исцелении умиравшего сына своего. Умирающий был в Капернауме, а слова эти были сказаны в Кане (см. карту Палестины); причем оказалось, что умиравший выздоровел в тот самый час, в который Иисус сказал: **сын твой здоров** (Ин. 4, 46–53) (см. выше, с. 222).

Исцелив заочно бесноватую дочь хананеянки, Иисус сказал ей: **пойди; бес вышел из твоей дочери. И исцелилась дочь ее в тот час** (Мф. 15, 21–28; Мк. 7, 24–30) (см. выше, с. 493–495).

И о смерти Лазаря Иисус как Человек не мог знать, так как находился в то время от Вифании на расстоянии около двух дней пешего хождения; однако в самый день смерти его Он сказал Апостолам: **Лазарь умер; и радуюсь за вас что Меня не было там, дабы вы уверовали** (Ин. 11, 1–17) (см. выше, с. 655–656).

Все это доказывает, что Иисус знал происходящее за пределами человеческих чувственных восприятий, то есть обладал таким свойством, каким никто из людей не обладает.

Мало того, Он знал и помышления людей. Апостол и Евангелист Иоанн утверждает, что Иисус **знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал Ему о человеке, ибо Сам знал, что в человеке** (Ин. 2, 24–25), то есть все, что таится в душе человека и сокрыто от посторонних людей, было открыто Иисусу, было ведомо Ему.

Евангелист Лука, рассказывая об исцелении Иисусом сухорукого, утверждает, что Иисус **знал помышления** книжников и фарисеев (Лк. 6, 8) (см. выше, с. 264–265).

То же утверждает вместе с Лукой и Евангелист Марк. Оба они рассказывают, как Апостолы, возвращаясь в Капернаум, дорогою заспорили, кто из них больше. Из их рассказов видно, что спора этого Иисус не слышал; не слышал Он этого спора, вероятно, потому, что Апостолы отстали от Него. Однако, не слышав этого спора, Иисус, по приходе в Капернаум, спросил Апостолов: **о чем дорогою вы рассуждали между собою?** — и, не дождавшись ответа их на этот вопрос, Сам ответил на него, сказав: **кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою**. Этими словами Иисус доказал Апостолам, что от Него не могут укрыться ни тайные разговоры их, ни даже помышления; и Евангелист Лука прямо говорит: **Иисус же, видя помышление сердца их** (Мк. 9, 33–37; Лк. 9, 46–48) (см. выше, с. 518–519).

Не мог скрыть от Иисуса свои помышления и Иуда Искариот. Мысль о предательстве запала в душу Иуды задолго до взятия им от синедриона тридцати сребренников; и запала в душу его эта мысль как раз после непонятой учениками Иисуса беседы Его о хлебе жизни, когда **многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним**. Но Иисус тотчас же обнаружил эту мысль Иуды о предательстве, сказав Апостолам: **не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол**. А Евангелист Иоанн, записавший в своем Евангелии эти слова Иисуса, от себя добавляет, что это **говорил Он об Иуде Симонове Искариоте, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати** (Ин. 6, 66–71) (см. выше, с. 483).

Все это доказывает, что Иисус знал и помышления людей, а такое знание не свойственно человеку.

Книжники и фарисеи всенародно засвидетельствовали, что Иисус прекрасно знал Писание, не учившись ни в одной раввинской школе. А в те времена, когда евреи говорили на арамейском наречии и не понимали уже ничего написанного по-еврейски, знать Писание, написанное на еврейском языке, можно было, только изучив этот язык в какой-либо школе. Когда Иисус учил народ в храме, враги Его **дивились... говоря: как Он знает Писания, не учившись?** То есть как, каким образом Он знает Писание, не учившись? Это смущало их; они удивлялись знанию Иисусом Писания и никак не могли объяснить себе причины такого знания; но, вместе с тем, они же своим возгласом удостоверили, что обыкновенному человеку нельзя было в то время знать Писания, не учившись (Ин. 7, 15) (см. выше, с. 128 и сноску 2).

Кроме знания того, что происходит за пределами чувственных восприятий, а также знания

помышлений людей и знания Писания, Иисус знал прошлое людей, знал и будущее.

Относительно знания им прошлого из жизни людей, с которыми Он никогда не имел никакого общения, которых даже никогда не видел, мы имеем свидетельство Апостола и Евангелиста Иоанна. Рассказывая о беседе Иисуса с самарянкой, Иоанн передает следующий разговор их: **Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе.** Эти слова Иисуса произвели такое сильное впечатление на самарянку, что она тотчас же воскликнула: **Господи! вижу, что Ты пророк** (Ин. 4, 16–19). Самаряне и иудеи постоянно враждовали и не имели никакого общения между собою (Ин. 4, 9). Иудеи, проходя в Галилею и обратно, обходили Самарию, совершали кружной путь, лишь бы не встречаться с ненавистными им самарянами; да и самаряне не давали в своих жилищах приюта иудеям (Лк. 9, 51/-53; 17, 11). Поэтому следует признать, что обыкновенный человек, впервые проходивший Самарию и встретивший незнакомую ему женщину, не мог знать ее прошлое, не мог знать, что она имела пять мужей и живет с шестым в незаконном сожителстве. А Иисус знал.

Что Иисус знал и будущее, и что все [\[89\]](#) предсказания Его сбылись с поразительной точностью, мы имеем немало доказательств.

Посылая Апостола Петра к морю и приказывая ему закинуть в море удочку, Иисус сказал ему, что он поймает рыбу, во рту которой будет **статир**, то есть серебряная монета (Мф. 17, 24–27). Хотя Евангелист ничего не говорит, пошел ли Петр к морю и поймал ли рыбу со статиром во рту, однако мы не имеем никаких оснований сомневаться в точном осуществлении этого предсказания. Если бы Петр не пошел к морю, то такое непослушание было бы записано в Евангелии, если не Евангелистом Матфеем, то самим Петром, устную проповедь которого в Риме записал ученик его, Евангелист Марк. Безусловно-правдивый свидетель-очевидец, Апостол Петр, рассказал своим слушателям в Риме все свои сомнения, все свои прегрешения в отношении Иисуса Христа, даже свое отречение от Него и бегство, (Мк. 4, 41; 6, 52; 8, 16, 31–33; 9, 10, 30–32, 34; 14, 50; 15, 34, 37, 40–41, 50, 66–72; 16, 11, 13–14); конечно, он рассказал бы и о своем непослушании, если бы, несмотря на приказание Иисуса, не пошел к морю. А если бы Петр, отправился к морю и закинув в него удочку, не поймал бы рыбы со статиром во рту, то, думаю, мы ничего не знали бы о таком повелении Иисуса, ибо как Матфей, так и другие Евангелисты и Апостолы, зная, что Иисус ошибся в Своем предсказании относительно статира, не стали бы ни проповедовать о Нем, ни описывать Его жизнь и учение.

Четыре раза Иисус говорил Апостолам о предстоящих Ему страданиях, смерти на кресте и Воскресении.

В первый раз, проходя селения Кесарии Филипповой, Иисус **начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть** (Мф. 16, 21). Во второй *раз*, после Преображения Своего, сходя с горы с Апостолами Петром, Иаковом и Иоанном, Иисус сказал им: **никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых** (Мф. 17, 9; Мк. 9, 9). *В третий раз*, проходя через Галилею с Апостолами, Иисус сказал им: **Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет из мертвых** (Мф. 17, 22–23; Мк. 9, 31; Лк. 9, 44). И *в четвертый раз*, при последнем путешествии Своем в Иерусалим, Иисус сказал Апостолами: **Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание... и распятие; и в третий день воскреснет** (Мф. 20, 18–19; Мк. 10, 33; Лк. 18, 31–33).

О предстоявшей Ему смерти на кресте Иисус говорил и при других случаях, хотя не в тех выражениях,

которые приведены выше. Беседуя ночью с Никодимом, Иисус сказал ему: **как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную** (Ин. 3, 14–15).

На празднике кущей в Иерусалиме, в разговоре с книжниками и фарисеями Иисус сказал: **когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я** (Ин. 8, 28). Оставляя навсегда храм Иерусалимский, Христос повторил то же предсказание, сказав: **когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе** (Ин. 12, 32). А что во всех этих случаях Иисус говорил о предстоявшем распятии Его на кресте, а не о вознесении на небо, это видно из пояснения последнего предсказания, сделанного Евангелистом Иоанном: **Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет** (Ин. 3, 14–15).

Словом, много раз Иисус говорил о Своей крестной смерти и Воскресении из мертвых в третий день; и мы знаем, что предсказания Его сбылись в точности. Предсказывая заблаговременно, что будет убит старейшинами и первосвященниками, Иисус, казалось бы, должен был предсказать Себе смерть по еврейскому закону, есть от побиения камнями; но Он предсказал Себе смерть на кресте, по закону римскому; и это предсказание, которое могло показаться евреям несбыточным, сбылось в точности: Он был придан смерти по приговору римского правителя Пилата и потому не побит камнями, а распят на кресте.

Что старейшины и первосвященники, ставшие в явно враждебные отношения к Иисусу, убьют Его, это мог предсказать даже обыкновенный человек, находившийся в положении Иисуса. Старейшины и первосвященники посылали слуг своих взять Иисуса с тем, чтобы убить Его (Ин. 7, 32, 44); с нетерпением ждали удобного случая, чтобы схватить Его (Ин. 7, 30); и даже два раза покушались побить Его камнями (Ин. 8, 59; 10, 31), а после воскрешения Лазаря, в составе всего синедриона, порешили: **убить Его** (Ин. 11, 53). Что враги Христовы вовсе и не думали о распятии Его, а просто составили тайный заговор убить Его при первом удобном случае, об этом свидетельствует Евангелист Матфей [\[90\]](#): **и положили в совете** (говорит он) **взять Иисуса хитростью и убить; но... только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе** (Мф. 26, 4–5). Словом, по всем данным обыкновенный человек, находившийся в положении Иисуса, мог бы предсказать, что старейшины и первосвященники тайно, хитростью схватят его и убьют без суда. Христос же, вопреки всем этим данным, предсказал, что Его *будут судить* и передадут в руки язычников, которые и распнут Его на кресте. А так как эти предсказания, явно противоречившие ходу событий, сбылись с поразительной точностью, то надо признать, что Иисусу ведомо было и будущее.

Что Иисусу Христу ведомо было и будущее, видно еще и из предсказаний Его о предательстве Иуды (Мф. 26, 21; Мк. 14, 18; Лк. 22, 21; Ин. 13, 21), об отречении Петра (Мф. 26, 34; Мк. 14, 30; Лк. 22, 34; Ин. 13, 38) и об оставлении Его всеми Апостолами (Мф. 26, 31; Мк. 14, 27; Ин. 16, 32). И мы знаем, что все предсказания эти сбылись.

Мысль Иуды о предательстве была обнаружена Иисусом задолго до самого предательства; следовательно, на Тайной Вечери Иисус лишь повторил Свое прежнее предсказание. Предсказание же об отречении Петра и бегстве Апостолов были новыми и казались Апостолам явно несбыточными: Петр клялся, что с Иисусом готов идти и в темницу и на смерть и никогда не отречется от Него, если бы даже все другие отреклись (Мф. 26, 33; Мк. 14, 29–31; Лк. 22, 33); то же говорили и все прочие Апостолы, кроме, конечно, ушедшего уже в то время в синедрион Иуды (Мк. 14, 10). Свои клятвы Апостолы закрепили обнаруженной ими готовностью защищать Иисуса мечом, а Петр даже поднятием меча (Лк. 22, 49; Мф. 26, 51; Мк. 14, 47; Лк. 22, 50; Ин. 18, 10); и все-таки, несмотря на казавшуюся Апостолам несбыточность предсказаний Иисуса, предсказания Его сбылись с поразительной точностью: все ученики Иисуса, оставив Его, бежали, а Петр в ту же ночь трижды отрекся от Него.

Все рассмотренные нами предсказания касались ближайшего будущего; предсказания же о

разрушении Иерусалима и храма относились к будущему более отдаленному и сбылись во всей точности. Два раза повторил эти предсказания Христос. Первый раз, при торжественном въезде в Иерусалим, Христос, смотря на него с горы Елеонской, заплакал о нем и сказал: **о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего** (Лк. 19, 41–44). Во второй раз, во время беседы с Апостолами Петром, Иаковом, Иоанном и Андреем на горе Елеонской, Иисус более подробно говорил о предстоявшем разрушении Иерусалима и храма, причем пояснил, что это случится при жизни современников Его: **не пройдет род сей, как все сие будет** (Мф. 24, 1–34; Мк. 13, 1–30; Лк. 21, 5–32). И мы знаем, что в 70 году по Р. Х., эти предсказания исполнились с поразительной точностью во всех мельчайших подробностях, как о том свидетельствует современник разрушения Иерусалима войсками Тита и участник Иудейской войны Иосиф Флавий (см. выше, с. 725–730, а также «Иудейская война» Иосифа Флавия).

Итак, из вышеизложенного видно, что Иисус Христос:

1. знал происходящее за пределами человеческих чувственных восприятий;
2. знал помышления людей, знал все, что в человеке (Ин. 2, 25);
3. знал Писания, нигде не учившись, и притом знал так, что приводил в смущение и изумление знатоков Писания, книжников;
4. знал прошлое из жизни даже незнакомых Ему людей; и, наконец,
5. знал будущее.

Словом, Христос обладал свойством *всеведения*, которое мы приписываем только Богу.

Впрочем, неверующие во Христа отвергают Его всеведение на том основании, что после исцеления женщины, страдавшей кровотечением, Он сказал: **кто прикоснулся ко Мне?** (Як. 8, 45). Если (говорят) Он обратился с таким вопросом к окружавшим Его, значит Сам не знал, кто прикоснулся к Нему. Он чувствовал, что кто-то сзади прикоснулся к одежде Его, но кто именно — не знал, а если не знал, то Его нельзя считать всеведущим.

При таких доказательствах всеведения Христа, какие содержатся в Евангелии и приведены выше, надо с чистым сердцем подходить к раскрытию истинного значения вопроса: *кто прикоснулся ко Мне?* И если мы, очистив сердце свое и ум от лукавых помышлений, посмотрим на это событие просто, без предвзятых мыслей, то поймем, что Иисус поступил в данном случае так, как нередко поступают воспитатели детей. Понимающий свое дело воспитатель, зная, кто именно из его воспитанников сделал шалость, не станет прямо уличать виновника, а постарается довести его самого до чистосердечного признания. С этой целью он говорит: «Я знаю, что кто-то из вас провинился, нашалил; скажите же — кто?» Задавая такой вопрос, воспитатель окидывает взглядом всех учеников и, как бы случайно, останавливается на виновнике и пристально смотрит на него. Шалун не выдерживает этого взгляда, совесть говорит ему — «сознайся», и он, при всех товарищах своих, сознается. Такой способ вызова признания всегда практикуется понимающими свое дело воспитателями детей и действует благотворно, приучая детей быть правдивыми; и едва ли кто-нибудь из благоразумных людей решится сказать, что воспитатели поступают так *только* потому, что сами не знают виновников шалостей и желают обнаружить их этим способом. А если мы не решаемся упрекнуть в подобном неведении обыкновенных людей, занимающихся воспитанием детей, то кто решится упрекнуть в том же Иисуса Христа, признаваемого даже неверующими за величайшего Учителя нравственности? Неужели Этот Учитель и Наставник должен был, в угоду будущим атеистам, прямо уличить страдавшую кровотечением женщину в том, что она прикоснулась к Нему?

Почему же Он не мог воздействовать на совесть ее так, чтобы она сама призналась в своем поступке, заслуживающем, к тому же, не порицание, а похвалу? А ведь такое воздействие было в данном случае необходимо для обнаружения у исцелившейся той силы веры, какой не имели не только толпившиеся в то время вокруг Иисуса слушатели Его, но даже и Апостолы. Это было необходимо и для укрепления веры Иаира, к дому которого в то время шел Иисус для исцеления его дочери, так как вслед за тем к Иаиру должны были прийти друзья его с печальной вестью, что дочь его умерла и что поэтому незачем утруждать Учителя. Удрученному горем отцу Христос сказал: **не бойся, только веруй, и спасена будет** (Лк. 8, 50). Возбудить в Иаире веру в спасение, то есть в воскрешение умершей дочери его одними словами нельзя было, так как он не состоял в числе учеников Иисуса и почти не знал Его; надо было на примере показать ему, какой благодати Божией может удостоиться сильная, ничем непоколебимая вера, и пример этот был указан Иаиру в лице больной женщины, веровавшей, что исцелится от одного только прикосновения к одежде Иисуса. Вот почему Иисус не указал прямо на виновницу, а только посмотрел на нее и сказал: «Кто прикоснулся ко Мне?»

Неверующие во Христа ссылаются еще на слова Его относительно времени кончины мира и Его Второго Пришествия: **О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец** (Мк. 13, 32; Мф. 24, 36). Если, говорят неверующие, Иисус Сам засвидетельствовал, что не знает времени Своего Второго Пришествия, то Его нельзя считать всеведущим.

Выше, на с. 731 было сказано, что неизвестность дня кончины мира и Страшного Суда зависит оттого, что день этот еще не назначен, а так как назначение его будет зависеть от воли Отца, могущего, по милосердию Своему к роду человеческому, отсрочить окончательный Суд, то понятно, почему о дне же том, или часе, никто не знает, ни даже Сын, но только Отец. Если бы в то время *день* уже был определен волей Отца, то всеведущий Сын должен был бы знать его; незнание же того, что еще не определено и потому не может быть известным, несколько не ослабляет много раз проявленного Христом всеведения.

Итак, приняв во внимание все вышеизложенное, мы должны признать, что Иисус Христос был всеведущ.

2. Продолжая исследование вопроса о Личности Иисуса Христа, мы останавливаем внимание свое на делах Его, которые называются *чудесами*.

С рассказами Евангелистов о совершенных Иисусом Христом чудесах некоторые из неверующих в Бога обращаются весьма нецеремонно: просто вычеркивают их из Евангелия, не доверяя свидетельству очевидцев. Так поступал и граф Л. Н. Толстой. Отвергают они чудеса на том основании, что, по их мнению, все в мире происходит в силу неизменяемых законов природы, нарушение которых невозможно, немислимо, а так как чудеса считаются нарушениями этих законов, то они невозможны.

Другие же из неверующих, не отвергая совершения чудес, говорят, что ничего чудесного, то есть сверхъестественного, в них нет; они так же естественны, как и все происходящее в природе, но только нам пока неизвестны те силы природы, которые в них действуют.

Да, так говорить могут только люди, отвергающие бытие Бога; люди же, верующие, что вся вселенная сотворена Богом, Который и управляет ею, должны признавать, и признают, возможность чудес. Для верующих в Бога как Творца вселенной законы природы — не что иное, как проявление воли Божией в порядке управления вселенной. Возможно ли изменение этой воли, мы не знаем. Но если бы воля Божия, проявленная Богом в порядке управления всей вселенной, была бы относительно общего строя вселенной неизменяема, то и в таком случае, в отношении частных, несколько не нарушающих общего строя вселенной и порядка управления ею, проявление воли Божией было бы возможно во всякое время и в любом направлении. Кто решается ограничивать всемогущество Божие, тот, в сущности, отвергает бытие Бога, ибо не всемогущий Бог — не Бог.

К сожалению, и среди людей, верующих в Бога, Творца и Вседержителя, встречаются нередко такие, которые относятся как-то боязливо, нерешительно к вопросу о чудесах: одни из них говорят, что в чудесах проявляются силы высшего порядка, неизвестные нам; другие утверждают, что в чудесах нет никакого нарушения законов природы, а проявляется только приостановление действия их; третьи же полагают, что для проявления чуда необходима воспринимающая его вера, без наличия которой не может быть и чуда. Думаю, что все эти мнения, высказываемые ради уступки неверующим, не имеют никакого основания. Рассмотрим их по порядку.

Говорят, что в чудесах проявляется действие сил высшего порядка. К чему так говорить? Не проще ли сказать, что в чудесах действуют силы природы, о которых мы по-прежнему ничего не знаем? Так именно и говорят неверующие. Зачем же подделываться под их понятия о чуде и силы природы называть силами высшего порядка? Если сила высшего порядка есть Сила Божия, то не лучше ли сказать, что в чудесах проявляется действие непонятной нам Силы всемогущества Божия? Это будет исповедание веры в Бога-Творца, а туманное выражение *силы высшего порядка* оставляет читателя или слушателя в недоумении: говорит ли это верующий в Бога или же атеист?

Неправы также и те, которые слово *нарушение* хотят заменить словами *приостановление действия*. Если всемогущей Силой Божией слепорожденный прозрел, прокаженные очистились от проказы, расслабленные стали ходить, мертвые воскресли, разъяренное море умолкло, смоковница, покрытая листьями, засохла, и т. д., то, скажите, в чем же тут приостановление действий законов природы? Я не вижу в этих случаях ни нарушения законов природы, ни приостановления их действия; вижу только проявление творческой Силы Божией, и верую, что Бог, сотворивший мир и доныне творящий, властен проявлять Свое творчество когда и как захочет.

Неправы и те, которые обуславливают совершение чуда наличием воспринимающей его веры. Это — слишком грубое объяснение, совсем не применимое к чуду. В мире физическом это так: мы знаем, например, что колебания с известной скоростью воздуха или эфира, доходя до слухового или зрительного нерва, производят впечатления звука или света; но если у человека нет приемников для этих колебаний, если он глух или слеп, то нет для него звука, нет и света. В чудесах же мы видим не то: во-первых, в чудесах над бездушной природой такого приемника не может быть; не может его быть и при заочных исцелениях и при исцелениях больных, находящихся без сознания. Следовательно, если вера и необходима при проявлении некоторых чудес, то все-таки не как приемник чудотворной силы. Для человека, находящегося в полном сознании и молящего об исцелении его от какого-либо недуга, вера необходима как причина, побуждающая его к молитве; и чем сильнее его вера, чем сильнее в нем желание исправиться, отстать от грехов, тем пламеннее и молитва его. **По вере вашей да будет вам** (Мф. 9, 29), — сказал Христос; следовательно, вера есть мерило, насколько человек достоин милости Божией. Но милость Божия беспредельна и не связана верой молящих; Бог оказывает Свою милость и людям маловерным, и даже неверующим, совершая над ними чудеса, примером чему может служить обращение Савла, примеров чему мы видим и в настоящее время немало.

Итак, для верующих во всемогущего Бога, творящего и доныне, чудеса возможны и объясняются всемогуществом Божиим. Но при таком объяснении возможности чудес мы должны признать, что чудеса может творить только Бог.

Нельзя смешивать чудеса как проявление Силы Божией с фокусами древних волхвов и современных фокусников и спиритов, основанными исключительно на обмане слуха, зрения и осязания зрителей и слушателей. О таких-то фокусах говорил Спаситель, предупреждая Апостолов, что перед разрушением Иерусалима появятся **лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных** (Мф. 24, 24; Мк. 13, 22). Здесь слово чудеса надо понимать в смысле

подделки под чудеса, в смысле кажущегося только чуда, а не действительного, ибо **прельстить**, обмануть можно только подделкой под чудо, фокусом, обманом, а не чудом действительным. Действительное чудо есть проявление всемогущей, творческой силы Божией, а лжехристы и лжепророки такой силой обладать не могут.

Много говорят теперь об оккультизме и об индийской раджа-йоге как учениях о проникновении человека, во время его земной жизни, в потусторонний таинственный духовный мир. Индийская наука об этом проникновении (раджа-йога) существует издавна, тысячелетия; в течение этого времени множество индийцев достигли степени йога, то есть совершенства, какое доступно, по их мнению, человеку; и если они приобрели через это возможность проникновения в потусторонний мир, то, конечно, поделились бы с человечеством теми знаниями, какие они приобрели вследствие созерцания этого мира; однако завеса, скрывающая от нас тот мир, по-прежнему остается опущенной, и раджа-йога не дала нам никаких знаний о нем.

В сочинении одного йога, образованного человека, Суоми Вивекананда («Философия йоги») говорится много о тех упражнениях, проделывая которые в течение многих лет, можно научиться владеть всеми частями своего тела, в том числе и дыханием; говорится об упражнениях в сосредоточении сознания на одном каком-либо предмете или на одной какой-либо мысли; говорится, что путем такого сосредоточения сознания можно направлять его в любую сторону и отвлекать его от чувственных восприятий; можно сделаться, таким образом, нечувствительным к боли, к телесным страданиям. Говоря об этих упражнениях, Суоми Вивекананда предупреждает, что они весьма опасны и могут довести до помешательства, если будут производиться без руководства со стороны йога.

Трактуя о способах достижения высшего сознания или сверхсознания, Суоми Вивекананда слишком уж самонадеянно говорит, что йог всемогущ, вездесущ и бессмертен. Однако, все йоги, в том числе и сам Суоми Вивекананда, умерли, знаний из области неведомого нам мира не сообщили и всемогущества своего ничем не проявили.

Правда, путем многолетних упражнений в подчинении своему сознанию всех частей своего тела они выработали в себе замечательные свойства. Например, научившись управлять своим дыханием и замедляя его постепенно, они доходят до того, что могут *как бы* совсем не дышать довольно продолжительное время; самой строжайшей умеренностью в пище они приобретают возможность долгое время совсем ничего не есть. И вот, приобретя путем упражнений эти два свойства или способности, некоторые из йогов соглашались, чтобы их, в виде опыта, зарыли на месяц в землю; и, оставаясь в земле, они продолжают жить. Но в этом нет никакого чуда, нет ни малейшего проявления всемогущества, которым так смело хвастаются йоги. Организм, приученный к дыханию, замедленному до пределов возможного, а следовательно, и к кровообращению, столь же замедленному, нуждается в самом ничтожном количестве пищи для самосогревания и питания; причем, в особенности в жарком климате Индии, такой организм может и совсем обойтись без пищи довольно долгое время, согреваясь и пополняя убыль в отработанных клеточках за счет запасов, отложенных в нем же самом. А для замедленного до крайних пределов дыхания надо очень мало воздуха, надо такое количество его, какое всегда имеется и в рыхлой могильной насыпи. Такое состояние йога вполне подобно летаргическому сну, при котором жизнь, а следовательно, и дыхание, продолжают. Нередко при разрытии могил или старинных кладбищ находят скелеты перевернутыми спиной вверх, то есть в таком положении, в каком никогда ни один народ не хоронил своих покойников. Очевидно, что такие скелеты принадлежат похороненным заживо, в летаргическом сне. Мы не можем судить о том, долго ли пролежали такие несчастные люди в могилах до наступления смерти; но нам известны случаи, когда находившиеся в летаргическом сне не были погребены и жили гораздо более месяца.

Следовательно, ничего нет чудесного в том, что йог, много лет упражнявшийся в замедлении своего дыхания и в периодических воздержаниях от всякой пищи, оставался жив зарытым на месяц в землю. Думаю, однако, что не все подобные опыты удавались йогам и что некоторые из заживо погребенных умирали до срока; об этом, конечно, йоги умалчивают.

Суоми Вивекананда говорит в своей «Философии Йоги», что йог может привести себя в такое состояние, когда душа его временно оставляет его тело с тем, чтобы опять вернуться в него. Насколько это верно, судить не берусь, но не могу умолчать о том, что во время такого опыта, произведенного самим Суоми Вивекананда, душа его не возвратилась в его тело: он умер.

Вообще как индийские йоги, так и европейские оккультисты держат в строгом секрете те способы, какими они приводят себя в состояние, называемое ими сверхсознанием, а также и результаты, каких достигают этим сверхсознанием. А при такой таинственности, какой они обставляют свои учения, нельзя и говорить о них. Достаточно приведенных двух примеров, чтобы так называемые ими «чудеса», будто бы совершаемые ими, признать за те **знамения**, которые, по словам Господа, могут **прельстить** даже **избранных** (Мф. 24, 24).

Сделав эти краткие объяснения о том, что называется чудом и что надо считать подделкою под чудеса, приступим теперь к рассмотрению чудес, совершенных Иисусом Христом.

Сколько совершено Иисусом Христом чудес, мы с точностью не знаем. Апостол и Евангелист Иоанн в своем Евангелии свидетельствует, что **много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг** (Ин. 20, 30; 21, 25). Следовательно, сотворено Иисусом великое множество чудес, из которых лишь немногие описаны Евангелистами.

Из записанных в Евангелии чудес наибольшее количество исцеления больных.

Неверующие в возможность чудес говорят; что исцеления больных происходят не вследствие воздействия на них чудотворной силы, а потому, что больные веруют в эту воображаемую ими силу; вера эта, действуя на нервы их, производит такие изменения в их организмах, которые и вызывают так называемое исцеление; но действует тут *исцеляющая вера*, а не внешняя сила. Выше, на с, 221–222, сказано, что если бы исцеляла вера, то все верующие в возможность чудесного исцеления и усердно молящие о том, непременно исцелялись бы. Однако мы знаем, что множество больных, обладающих сильной верой в возможность чудесного исцеления и молящих Бога об исцелении их, не получают никакого облегчения. Следовательно, недостаточно только веры и молитвы, а нужна еще исцеляющая сила и посторонняя воля, направляющая эту силу; а так как эта сила и воля находятся вне самого больного и, конечно, вне окружающих его лиц, то следует признать, что сила эта, творящая чудесное исцеление, есть сила Самого Бога и что действует она вследствие свободного проявления воли Божией. Если не все верующие и молящие об исцелении исцеляются, то, надо полагать, потому, что не все достойны милости Божией.

Итак, если одна вера, без силы и воли Божией, не может исцелить больного, то и чудесные исцеления нельзя объяснять силой исцеляющей веры; тем более нельзя объяснять исцеляющей верой исцеления заочные, а также исцеления больных, находившихся без сознания и, следовательно, даже не имевших возможности проявить свою веру и воздействовать этой верой на свои нервы.

Известно, что многие болезни проходят бесследно сами собой, без всякого постороннего воздействия на них; излечивает их жизненная сила организма (*Vis medicatrix naturae*). Мы мало придаем значения этой силе, этому безотчетному стремлению всего живого продолжать свою жизнь, бороться со смертью; но если

мы отнесемся к ней с должным вниманием, то узнаем, что сила эта действует помимо нашего сознания и нашей воли, но, однако, так разумно, так целесообразно, что, изучая ее проявления, невольно склоняешься перед мудростью Творца, даровавшего всему живому этот источник жизни [91]. Не препятствовать действию этой силы во время болезни, а напротив, содействовать, помогать ей, вот задача врача; и лекарства, даваемые врачами во время болезни, только тогда благотворно действуют, когда оказывают ей содействие. Следовательно, при лечении болезней не лекарства исцеляют, а заложенная Богом в живой организм жизненная сила, то есть сила божественная.

Говорят теперь, и очень много, об исцелении от некоторых болезней внушением, то есть воздействием на волю больных, как наяву, так и во время сна. Но и в таких случаях действует та же жизненная сила организма, призываемая лишь воздействием на волю больного к усиленной деятельности. Известно, что люди *мнительные* легче заболевают и труднее излечиваются потому, что они своим расстроенным воображением приписывают себе всевозможные болезни, какими на самом деле вовсе и не страдают; их воля угнетена этими воображаемыми болезнями, а так как дух человека несомненно влияет на его тело, то угнетенная воля мешает действию жизненной силы организма. Надо воздействовать на эту больную волю, надо внушить такому слабовольному человеку, что он здоров, что нет у него тех болезней, которые он приписывает себе и которыми от мнительности иногда заболевает; и так как воля гипнотизируемого слепо подчиняется [92] воле гипнотизера, то внушение оказывает содействие жизненной силе организма, и некоторые болезни проходят. Понятно, что тут нет никакого чуда. При лечении лекарствами содействие жизненной силе организма оказывается материально, а при лечения гипнозом (внушением) — духовно.

Но во всех рассмотренных нами случаях исцеление происходит довольно медленно: для восстановления лекарствами повреждений, произведенных в организме болезнью, нужно время иногда весьма продолжительное; для гипнотического же лечения требуется многократное повторение внушений, и почти всегда с искусственным усыплением больных.

Ничего подобного мы не видим в чудесах, совершенных Иисусом Христом. Все исцеления совершались мгновенно, по одному лишь слову Его. И слово Его мы не можем принимать за внушение, потому что внушение, как сказано выше, лишь дает толчок замедленному действию жизненной силы организма, действующей разумно, целесообразно, но *медленно*; слово же Иисуса Христа исцеляло *мгновенно*, и притом исцеляло такие болезни, которые не поддавались никакому лечению, которые вполне приостанавливали действие жизненной силы организма. Примером может служить исцеление прокаженных.

Чудодейственное слово Иисуса Христа нельзя считать за внушение еще и потому, что слово это действовало чудотворно и при заочных исцелениях, и при исцелениях больных, находившихся в бессознательном состоянии, то есть действовало и в таких случаях, когда внушение (гипноз) совсем неприменимо.

Разбирая случаи исцелений, совершенных Иисусом Христом, мы замечаем, что по слову Его не только болезни оставляли больных, но и утраченные во время болезни силы мгновенно возвращались к исцеленным, а этого не могут достигнуть никакие лечения, никакие внушения.

Из тридцати пяти описанных Евангелистами чудес в пятнадцати случаях произошло исцеление от болезней, в одном — исправление прирожденного телесного недостатка и в шести — освобождение от злых духов; все эти двадцать два случая можно отнести к исцелениям. Исцелил Христос бесчисленное множество больных, такое множество, что описать все исцеления не было никакой возможности; поэтому Евангелисты ограничились лишь немногими случаями.

Исцелил Христос тещу Симона, которая была в сильной горячке. Он не сказал ей ни слова, и не сказал,

конечно, потому, что она была без сознания и не могла бы ни слышать, ни понять сказанного ей. В других случаях, когда больные были в сознании, Христос всегда обращался к ним с каким-либо словом, большей частью властным, повелительным (например: **«встань и ходи! очистись! прозри!»**); а тут подошел к больной, взял ее за руку и поднял с постели; и тотчас же **горячка... оставила ее, и она стала служить им** (Мк. 1, 30–31; Лк. 4, 38–39; Мф. 8, 14–15). Сильная горячка, доведшая больную до потери сознания, должна была настолько обессилить ее, настолько истощить весь организм ее, что о какой-либо мускульной работе после исцеления нельзя было и думать; между тем исцеленная теща Симона, встав с одра болезни, тотчас же принялась за хозяйственные дела и стала служить за столом Иисусу и Апостолам. Этот случай исцеления особенно замечателен: здесь не могло быть никакого воздействия на волю и нервы больной, так как она была без сознания; даже неверующие не могут сказать, что тут действовали внушение или же исцеляющая вера больной. Поэтому следует признать, что в исцелении тещи Симона и в мгновенном восстановлении утраченных во время болезни сил действовала всемогущая сила Божия.

Нельзя приписать также ни внушению, ни «исцеляющей вере» и заочные исцеления сына царедворца (Ин. 4, 46–53), слуги сотника (Мф. 8, 5–13; Лк. 7, 1–10) и дочери хананейки (Мф. 15, 22–28; Мк. 7, 24–30), а также не заочное исцеление у овечьей купальни расслабленного, страдавшего тридцать восемь лет (Ин. 5, 1–16). В первых трех случаях больные во время исцеления находились далеко от Иисуса, не видели Его, даже не знали Его, а потому и верить в Его чудотворную силу не могли; нельзя было подействовать на них и внушением. Расслабленный же, ожидавший долгое время движения воды в овечьей купальне, видел Иисуса в первый раз, не знал Его даже по слухам и не мог назвать своего Благодетеля по имени, когда книжники и фарисеи спрашивали его: **кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи?** так как Иисус, совершив чудо, тотчас же скрылся в толпе народа.

Поэтому рассмотренные нами пять чудес могут быть объяснены только действием творческой, всемогущей силы Божией.

В других случаях исцеления от болезней больные видели Иисуса и верили в Его чудотворную силу; но и тут исцеление не могло последовать от одной лишь веры в возможность исцеления (см. выше, с. 901) или же от внушения, так как болезни были неизлечимы. Проказа до сих пор считается болезнью неизлечимой, а Христос одним словом Своим исцелил сначала одного прокаженного (Мф. 8, 2–3; Мк. 1, 40–42), а потом разом десятерых (Лк. 17, 11–19). К неизлечимым болезням следует отнести и *водяную*, а Христос одним прикосновением Своим исцелил такого больного (Лк. 14, 1–4). Страдавшая двенадцать лет кровотечением и «пролечившая» у многих врачей все свое состояние, очевидно, была больна затяжной (хронической) болезнью, превратившейся в неизлечимую, но мгновенно исцелилась от одного лишь прикосновения к одежде Иисуса (Мк. 5, 24–34; Лк. 8, 43–48; Мф. 9, 20–22).

Остается рассмотреть еще один случай исцеления расслабленного, которого спустили на постели с кровли дома к ногам Иисуса (Мф. 9, 2–7; Мк. 2, 1–12; Лк. 5, 17–25). Исцеление произошло мгновенно от одного лишь повеления Христа: **встань, возьми постель твою и иди в дом твой**. Повеление это можно было бы принять за внушение наяву, и притом внушение, сделанное человеку, веровавшему в чудотворную силу Иисуса; однако никогда еще и никто не мог в один раз воздействовать на расслабленного и недвижимого больного так, чтобы он не только мгновенно встал, но еще и понес постель, имевшую форму носилок и, следовательно, довольно тяжелую. Исцеление это привело в изумление и даже в ужас всех присутствовавших; все поняли, что это — Сила Божия, и все славили Бога, давшего такую власть Иисусу. Они смотрели на Иисуса как на Человека и потому славили Бога за дарование такой власти человекам. Этот ужас и это прославление Бога доказывают, что, по мнению присутствовавших, исцелить этого расслабленного Иисус-Человек не мог, и если исцелил, то властью и силой Божией. Евангелисты не говорят, как долго страдал этот расслабленный и в каком виде его спустили к ногам Иисуса; но ужас, охвативший всех присутствовавших, и прославление Бога за такое исцеление

доказывают, что здесь ни внушение, ни вера не могли превратить живой труп в здорового и бодрого человека.

Рассмотрим теперь исцеление другого рода, исцеление не болезней, а от последствий перенесенных ранее болезней; и начнем с исцеления слепых, потерявших зрение от болезней. В Евангелии записано три таких случая.

Когда Иисус шел из дома Иаира, за Ним следовали двое слепых и кричали: Помилуй нас, Иисус, Сын Давидов! Иисус продолжал идти и, когда вошел в дом, вошли за Ним туда же и эти слепые. Господь спросил их: **веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И тотчас же открылись глаза их** (Мф. 9, 27–31). Особенность этого исцеления заключается в том, что Господь **коснулся глаз** этих слепых. Такой же особенностью отличается и другое исцеление слепого в Вифсаиде; и тут Господь возложил руки Свои на глаза слепого, который тотчас же стал видеть все ясно (Мк. 8, 22–26). В третьем же случае исцеления слепых в Иерихоне Господь не прикасался к глазам их [\[93\]](#); Он только спросил одного из них: **чего ты хочешь от Меня?** Слепой сказал Ему: **чтобы мне прозреть**, и Иисус ответил ему: **прозри! вера твоя спасла тебя** (то есть сделала тебя достойным исполнения твоей просьбы) (Лк. 18, 41–42). И слепые тотчас прозрели и пошли за Ним, славя Бога. Сопоставляя это последнее исцеление с двумя первыми, мы видим, что для исцеления слепых достаточно было одного слова Спасителя, и если Он нашел нужным возложить руки Свои на глаза слепого в Вифсаиде и двух слепых в Капернауме, то, конечно, поступил так не потому, что из Его рук исходила исцеляющая сила, а для того, чтобы слепые, не видевшие Иисуса, могли лучше уразуметь, что исцелил их именно Он, так как зрение возвращалось им в то самое мгновение, когда к глазам их прикасался Иисус. Но чтобы нельзя было подумать, что без такого прикосновения Иисус не мог даровать слепым зрение, Он исцелил Иерихонских слепых одним словом Своим: **прозри!**

Особенно поразительно дарование зрения слепорожденному (Ин. 9, 1–7). Тут, конечно, ни вера слепорожденного, ни внушение не могли бы сделать ничего; да и веровать-то в Иисуса этот слепорожденный не мог, так как жил в Иерусалиме, куда Христос приходил довольно редко и то на короткое время, и где первосвященники, книжники и фарисеи усиленно распространяли в народе слух, что Иисус «обольщает народ силою князя бесовского». Дарование зрения слепорожденному последовало вслед за тем, как первосвященники, книжники и фарисеи схватили камни, чтобы убить ими Иисуса (Ин. 8, 58–59). Понятно, что при таких обстоятельствах Господь не захотел еще более раздражать врагов Своих всенародным совершением чуда, ибо **время Его еще не настало** (Ин. 7, 6), и если Он даровал слепорожденному зрение, то только из любви к страждущим. Вот почему Он, помазав слепому глаза брением, велел ему пойти и умыться в Силоамской купальне. Тот пошел и умылся, и пришел зрячим, но Иисуса уже не застал. Если в Иерихоне Господь мог одним словом Своим (**Прозри!**) даровать зрение слепым, то, конечно, мог и в данном случае ограничиться одним властным повелением; но Он этого не сделал, вероятно, по вышеуказанной причине; и это нисколько не умаляет величия совершенного чуда. Чудо это так поразило народ, узнавший о нем, что синедрион признал необходимым войти в тщательное расследование его, надеясь или опровергнуть его, или же поколебать доверие к нему в народе. Но это не удалось врагам Иисуса, и они услышали из уст исцеленного знаменательные слова: **От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному** (Ин. 9, 32).

В настоящее время, когда хирургия сделала замечательные успехи, были случаи возвращения зрения слепорожденным путем хирургических операций и непосредственно следующего за операциями лечения. Но в этих случаях хирург не дает зрения слепорожденному, а только устраняет путем операции те физические недостатки, которые препятствовали зрению. Например, сросшиеся веки препятствуют проникновению в глаз лучей света и производят слепоту; если представляется возможным сделать разрез сросшихся век, то препятствие это устраняется, и слепой начинает видеть. Но Господь не прибегал ни к

каким операциям при исцелении слепых. Собственно, дарование зрения слепорожденному нельзя и назвать исцелением: это скорее исправление телесного недостатка, дарование не существовавшего от рождения органа зрения.

К чудесному устранению природных телесных недостатков надо отнести и чудо с глухим косноязычным. Оглохнуть можно и от болезни, но косноязычие всегда прирожденное. И вот, когда привели к Иисусу глухого косноязычного, Он вложил персты Свои в уши ему, коснулся языка его и сказал: **отверзись**. И тотчас отверзся у него слух, и он стал говорить чисто (Мк. 7, 32–35). Глухой не мог бы слышать, если бы Иисус спросил его о чем-либо или сказал что-нибудь; но он должен был, однако, знать, что сейчас будет исцелен не кем иным, как Иисусом; потому-то и необходимо было особое воздействие для вразумления его; и способом такого вразумления Господь избрал вложение пальцев Своих в уши глухого косноязычного и прикосновение к языку его.

Устранить природный недостаток в устройстве языка нельзя ни воздействием на нервы косноязычного, ни внушением; можно было сделать это только всемогущей Силой Божией.

Из всех записанных в Евангелии случаев исцелений нам остается еще рассмотреть исцеления сухорукого и скорченной женщины. Сухорукого Господь исцелил одним словом Своим. **Протяни руку твою**, — сказал Он. Сухорукий протянул руку свою, которой совсем не владел, **и стала рука его здорова, как другая** (Мф. 12, 9-14; Мк. 3, 1–6; Лк. 6, 6-11).

Чудо это так поразило всех присутствовавших в синагоге, что книжники и фарисеи **пришли в бешенство** и тотчас же порешили погубить Иисуса, чтобы народ не мог признать Его Мессией. Это злобное настроение врагов Христовых, приравненное Евангелистами к бешенству, доказывает, что никакими человеческими силами нельзя было сухую (атрофированную) руку сделать здоровою; и враги Христовы сознавали, что сделать это можно было только силою сверхъестественной; но они приписывали эту силу дьяволу, а не Богу.

Окончив разбор произведенных Иисусом Христом исцелений от болезней телесных, перейдем теперь к исцелению от душевных болезней, то есть от одержания злыми духами, бесами.

Неверующие в Бога не признают, конечно, и существования бесов и потому отвергают все чудеса над бесноватыми. Они говорят, что Иисус принимал сумасшедших за бесноватых. Сделаем им временно эту уступку; допустим, что те, которых Евангелисты называют бесноватыми, были просто умалишенными, сумасшедшими. Но какой же силой Иисус возвращал этим умалишенным рассудок? Если отрицатели чудес говорят, что сильная вера больного в возможность чудесного исцеления действует на волю и разум его, то есть на его дух, и что сила духа производит самоисцеление, то что же скажут они про тех больных, воля и разум которых были подавлены, как бы уничтожены болезнью умопомешательства? Ведь в таких случаях больной не мог ни обладать верой в чудотворную силу Христа, ни воздействовать этой верой на свой дух, ни победить болезнь силой духа. А если такие больные все-таки исцелялись по слову Иисуса, если Он возвращал им и разум и волю, утраченные ими, то не все ли равно (для ответа на вопрос о чуде), исцелял ли Он сумасшедших или же бесноватых? Если мы проследим все случаи исцеления Господом бесноватых, то должны будем признать, что исцеленные Им бесноватые не утратили рассудка: они могли рассуждать и сознавать свое ужасное положение; они сами просили Господа освободить их от власти бесовской. А это доказывает, что их, по понятиям неверующих, легче было исцелить, чем сумасшедших: на бесноватых возможно было воздействие, на сумасшедших же воздействие духа не могло оказать никакого влияния. Следовательно, надо признать, что чудо мгновенного исцеления сумасшедших было бы более поразительным чудом, чем исцеление одержимых бесами. Поэтому возражение неверующих не только не колеблет чудотворной силы Иисуса Христа, но еще более усиливает ее в глазах людей беспристрастных.

Сделав временно такую уступку неверующим в Бога, я, конечно, отказываюсь от нее и признаю, что

Господь имел дело именно с бесноватыми, и бесы повиновались Ему, когда Он повелевал им оставить одержимого ими человека.

Однажды, когда Иисус проповедовал в Капернаумской синагоге, вдруг раздался дерзкий крик: **оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.** Это кричал бесноватый, незаметно пробравшийся в синагогу. Говоря о себе во множественном числе (**что Тебе до нас? Ты пришел погубить нас**), бесноватый, очевидно, говорил не лично о себе и не от себя, а от других; его устами говорил тот, кто боялся, что Иисус погубит его и его собратий, а бояться гибели от Иисуса, везде сеявшего добро, мог только дух зла; он-то и подчинил себе одержимого им человека; он-то и поработил волю этого человека настолько, что одержимый им высказывал не свои мысли, не свои желания и опасения, а мысли, желания и опасения того, воле которого подпал, подчинился.

На дерзкий крик злого духа, действовавшего через одержимого им, Иисус повелительно сказал: **замолчи и выйди из него.** И бес, повергнув его посреди синагоги, вышел из него, нимало не повредив ему. И напал на всех ужас и рассуждали между собою: **что это значит, что Он со властью и силою повелевает нечистым духам и они выходят?** Этот ужас присутствовавших, в числе которых несомненно были и враги Христовы, и их рассуждения устраняют всякие сомнения в том, что здесь действительно произошло изгнание злого духа (Мк. 1, 21–28; Лк. 4, 31–37).

Рассказывают Евангелисты еще о трех случаях изгнания Иисусом бесов: из бесноватого немого (Мф. 9, 32–34; Лк. 11, 14–15), из бесноватого слепого немого (Мф. 12, 22–24) и из бесноватого глухонемого (Мк. 9, 14–27; Мф. 17, 14–18; Лк. 9, 37–42). Во всех этих случаях Иисус не только изгнал бесов, но и даровал первому способность говорить, второму — говорить и видеть, и третьему — говорить и слышать; следовательно, в каждом из этих случаев надо признать двойное чудо. И все присутствовавшие при совершении этих чудес, в том числе и фарисеи (враги Христовы), признавали, что совершить это человеческими силами нельзя и что тут действовала сверхъестественная сила; причем народ считал эту силу за Божию, а фарисеи — за диавольскую. Но Господь тогда же пристыдил фарисеев, сказав им, что сатана не восстанет сам на себя и не будет изгонять своих бесов из одержимых ими.

Господь еще изгнал беса из дочери хананеянки, и изгнал его заочно, не увидев даже одержимую им (Мф. 15, 21–28; Мк. 7, 24–30). Но особенно замечателен случай с бесноватым в стране Гадаринской. Увидя Иисуса издали, бесноватый прибежал к Нему, пал пред Ним и поклонился Ему, очевидно, желая просить о чем-то; и эти действия бесноватого надо признать сознательными; здесь видны и воля и разум бесноватого. Но как только Господь повелел духу нечистому выйти из этого человека, то тот же самый человек, смиренно павший перед Иисусом и поклонившийся Ему, закричал громким голосом: **что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня.** Казалось бы, что бесноватый, павший к ногам Иисуса, должен был благодарить Его за повеление духу нечистому оставить его; ведь не за чем иным, как за этим именно, он и прибежал к Иисусу и поклонился Ему; между тем вместо благодарности он дерзко выговаривает Иисусу, зачем Иисус пришел мучить его. Здесь видно раздвоение мыслей и желаний, резко противоположных одно другому. Поклонился Иисусу сам бесноватый по своему личному желанию; дерзкие же слова, сказанные им вслед за тем, никак нельзя приписать ему же; говорил-то он сам, но словами своими он бессознательно выражал чье-то чуждое ему желание, чьи-то чужие мысли; устами его говорил кто-то другой, и это, очевидно, был тот, кто и довел несчастного до страшных мучений. Но кто же был этот другой, говоривший устами бесноватого? Если мы примем во внимание, что свирепый до того времени бесноватый, такой страшный, что все боялись встречаться с ним, стал мгновенно здоровым, как только Иисус повелел бесам оставить его, то должны будем признать, что говорили устами бесноватого те злые духи, которые потом оставили его, повинувшись велению Иисуса. Эти духи настолько подчинили своей воле волю одержимого ими, что он под влиянием их действовал, как безвольный, как слепое орудие чужой воли, вопреки собственным интересам; говорил он не то, что сказал бы от себя, не

будучи одержим ими, а то, что они внушали ему. Вот это-то раздвоение мыслей и желаний у Гадаринского бесноватого доказывает, что он действительно был одержим злыми духами. И духи эти повиновались властному, повелительному слову Господа (Мк. 5, 1-20; Лк. 8, 26-39; Мф. 8, 28-34).

Мы рассмотрели двадцать два исцеления от болезней и злых духов и, при тщательном исследовании всех обстоятельств, сопровождавших эти исцеления, не могли найти ничего, что могло бы говорить об исцелении верою или внушением; мы привели мнения свидетелей всех этих исцелений и даже врагов Христовых о том, что во всех тех исцелениях действовала сверхъестественная сила. Перейдем теперь к рассмотрению рассказов Евангелистов о воскрешении мертвых.

Я уже говорил, что одни из неверующих в Бога совсем вычеркивают из Евангелия все рассказы о совершенных Иисусом чудесах, не доверяя свидетелям-очевидцам и считая их обманщиками; другие же, не отвергая событий, о которых говорят Евангелисты, стараются объяснить их так, чтобы ничего чудесного в них не осталось.

Про воскрешения дочери Иаира (Мк. 5, 22-24 и 35-43; Лк. 8, 41-42 и 49-56; Мф. 9, 18-19 и 23-25) и сына вдовы Наинской (Лк. 7, 11-17) они говорят, что никакого воскрешения мертвых тут не было, так как и дочь Иаира, и сын вдовы Наинской были мнимоумершие, находились в летаргическом сне. Но, во-первых, такое мнение вполне голословно, ни на чем не основано; во-вторых, в действительной смерти дочери Иаира все близкие к этому семейству так были уверены, что даже смеялись над Иисусом, сказавшим, что **она не умерла, но спит**. Не забывайте, что это было в Капернауме, где Господь совершил много чудес и тем возвысил, прославил этот город (Мф. 11, 23-24). В Капернауме все смотрели на Иисуса как на великого Чудотворца, и в чудотворную силу Его верили даже не ходившие за Ним, то есть не считавшиеся Его учениками, даже язычники. Язычник, римский сотник, просил исцелить его слугу и проявил при этом такую веру в чудотворную силу Иисуса, какой Господь не нашел и в Израиле (Мф. 8, 5-13; Лк. 7, 1-10). Сам Иаир, как начальник Капернаумской синагоги, принадлежал, вероятно, к партии, враждебной Иисусу, но и он верил в чудотворную силу Его, и только эта вера подвинула его просить об исцелении умиравшей дочери его. А когда, в том же Капернауме, Иисус исцелил тещу Симона, то все, имевшие больных разными болезнями, приводили их к Нему; и Он, возлагая на каждого из них руки, исцелял их; **и весь город собрался к дверям** (Мк. 1, 32-34; Лк. 4, 40-41; Мф. 8, 16). Да, в этом городе едва ли кто сомневался в том, что Иисус может исцелить всякую болезнь; думаю, что не было в нем ни одного дома, обитатели которого не воспользовались бы чудотворной силой Его. А такая вера вынуждала жителей Капернаума относиться к проживавшему в нем Иисусу с должным почтением и уважением. И несмотря на это, члены семьи Иаира и его близкие смеялись над Иисусом, когда Он сказал, что дочь Иаира не умерла, но спит. Наступление действительной смерти ее было для всех так очевидно, что они, забыв все благодеяния, оказанные Иисусом жителям Капернаума, забыв то уважение, с которым всегда относились к Нему, стали смеяться над Ним: им смешно было даже и подумать о том, что умершая не умерла, но спит. И вот, такую умершую Господь воскресил одним словом Своим, сказав: **девица, тебе говорю, встань** (Мк. 5, 41). И она встала и начала ходить. Он не только воскресил ее, но и возвратил ей силы, утраченные во время смертельной болезни, то есть совершил двойное чудо.

Вскоре после того Он воскресил сына вдовы Наинской, которого уже несли хоронить. **Юноша! тебе говорю, встань!** — сказал Господь; и мертвый, поднявшись, сел и стал говорить. И всех объял страх, и славили Бога, говоря: **великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой** (Лк. 7, 11-17). Все были уверены, что в этом чуде действовал Бог через Иисуса, великого Пророка. Следовательно, никто не сомневался в действительной смерти сына бедной вдовы. И этот мертвец по слову Иисуса ожил, встал и заговорил.

Пусть, однако, неверующие в Бога утешают себя выдумкой о том, что и дочь Иаира, и сын вдовы

Наинской были в летаргическом сне; оставим их в этом заблуждении. Но что скажут они о воскрешении Лазаря, тело которого уже четыре дня разлагалось и издавало такой сильный трупный запах, что даже верующая Марфа признавала бесцельным открытие пещеры, в которую оно было положено? Не имея основательных возражений, они говорят, что если бы Лазарь действительно был воскрешен, то об этом чуде должны были бы говорить все Евангелисты; но так как о нем говорит один только Иоанн, то, значит, остальные Евангелисты признавали это событие недостоверным, потому и умолчали о нем.

Ни один Евангелист не намеревался описать все события последних лет жизни Иисуса Христа; да это было бы и невозможно, так как, по свидетельству Иоанна, весь мир не мог бы вместить написанных книг, если бы писать подробно о всем, что совершил Христос. Поэтому умолчание одним или двумя и даже тремя Евангелистами о каком-нибудь событии, записанном в Евангелии, нисколько не лишает это событие достоверности. Многие чудеса, совершенные Иисусом, описаны не всеми Евангелистами, но из-за этого нельзя же отвергать достоверность сказаний тех Евангелистов, которые записали эти чудеса в своих Евангелиях. Говорят, что о таком событии, как воскрешение Лазаря, должны были писать все Евангелисты. Но почему же они должны были писать? Ведь если нам теперь, после возражений неверующих в Бога, это чудо кажется особенно выдающимся, то далеко не так смотрели на него Апостолы. До воскрешения Лазаря Христос воскресил не только дочь Иаира и сына вдовы Наинской: Он воскресил еще много других мертвецов, что доказывается ответом Его на вопрос учеников Иоанна Крестителя: **Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам?** Совершив в присутствии учеников Иоанна множество чудес, Иисус сказал им: **пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют** (Лк. 7, 18–22). А если Господь воскресил многих мертвых и если описать все чудеса Его не было никакой возможности, то умолчание тремя первыми Евангелистами о воскрешении Лазаря не может поколебать достоверность рассказа Апостола и Евангелиста Иоанна об этом чуде. Иоанн, как известно, дополнял в своем Евангелии повествования первых трех Евангелистов и писал, главным образом, о деятельности Иисуса Христа в Иудее, тогда как первые три Евангелиста описывали, главным образом, события, протекавшие в Галилее. Каждый Евангелист писал свое Евангелие с известной целью и говорил о тех событиях которые отвечали намеченной им цели. Если признавать достоверными только те события, о которых говорят все четыре Евангелиста, то придется вычеркнуть из Евангелия очень многое, и в нем почти ничего не останется. Но к такому способу толкования исторических событий никогда еще не прибегал ни один добросовестный историк.

Рассматривая совершенные Иисусом Христом чудесные исцеления больных, увечных и бесноватых, мы видели, как неверующие в Бога стараются объяснить эти исцеления. Тут, по мнению их, действовала не творческая сила Божия, а исцеляющая вера и внушение. Но что скажут они про чудеса над предметами неодушевленными, которые верой не обладают и внушению не подчиняются?

Про превращение воды в вино в Кане говорит нам свидетель-очевидец, Иоанн, один из первых учеников Иисуса; и мы не имеем никакого права относиться к его показанию с недоверием. Пусть говорят, что в двух необычайных уловах рыбы не было ничего чудесного, а произошло лишь случайное совпадение этих уловов с приказанием Иисуса закинуть сети. Пусть отвергают чудо со статиром, основываясь на умолчании Евангелистов о действительном улове рыбы с такою монетою во рту. Но что скажут про насыщение более пяти тысяч людей пятью хлебами и более четырех тысяч семью? Ведь рассказывают нам об этом свидетели-очевидцы, Апостолы Матфей, Петр (через Марка) и Иоанн, которые своими руками раздавали народу хлеб; нельзя же было, разрезав каждый небольшой хлеб более чем на тысячу кусочков, раздать каждому по такому кусочку и накормить голодных? А ведь ели эти голодные, **сколько кто хотел** (Ин. 6, И) и **насытились** (Мк. 6, 42) а что первая толпа действительно была поражена чудом насыщения ее пятью хлебами, видно уже из того, что она хотела тотчас же взять Иисуса, вести Его в Иерусалим и

провозгласить Его там Царем Израилевым (см. с. 464–465). А мгновенное укрощение бури по слову Иисуса — **умолкни, перестань** — бури, от которой погибали Апостолы, привыкшие к волнениям родного озера? Ведь об этом свидетельствуют три Евангелиста, и если один из них, Лука, не был в то время в числе погибавших, зато Евангелист Матфей и Апостол Петр, со слов которого писал Марк свое Евангелие, были в то время в лодке и сами молили Иисуса о спасении. А хождение Иисуса по воде? Это хождение своими глазами видели и о нем рассказали нам Матфей, Петр (через Марка) и Иоанн; если они и приняли Иисуса первоначально за привидение, призрак, то потом, когда Он вошел в их лодку, они убедились, что это действительно их Учитель. А мгновенное засыхание осужденной Иисусом смоковницы, которая была покрыта листьями и потому не могла быть сухою?

Про все эти чудеса отрицатели их говорят, что ничего подобного в действительности не было и что все это выдумали сами Евангелисты, чтобы выставить Иисуса как Сына Божия. Но если признать, что никаких чудес не было совершенно Иисусом и что рассказы о них придуманы Его Апостолами, то как объяснить, что неграмотные галилеяне, не знавшие никакого языка, кроме арамейского наречия, испорченного галилейским произношением, прошли по всему известному тогда миру, везде проповедовали воскресшего Христа и, несмотря на соблазн креста, везде имели громадный успех и обращали ко Христу толпы своих слушателей? Если Христос не совершал чудес и Сам не воскрес, если это знали Его Апостолы, то спрашивается: зачем, для чего они проповедовали о Нем? Зачем обманывали всех? И что могло заставить их отречься от всего в мире, даже жертвовать своею жизнью, чтобы поддержать этот обман? Нет, господа отрицатели! Обманщики прежде всего преследуют свои личные цели и обманывают-то людей ради достижения этих целей; Апостолы же не преследовали никаких своих личных выгод и потому не могли употреблять обман как средство к достижению цели; да и возможно ли допустить, что они, обманывая народ, были настолько упрямы, что ради поддержания своей лжи испытывали все возможные мучения и безбоязненно шли на казнь?

Нет, мы не можем отрицать событий, о которых нам говорят свидетели-очевидцы, и притом, самые достовернейшие свидетели, в правдивости которых нельзя сомневаться. Ведь познания о всех событиях, при которых мы сами не присутствовали, мы основываем на показаниях свидетелей-очевидцев и на записи этих показаний. Нельзя же отрицать действительность событий только потому, что они не нравятся нам или не согласуются с нашими убеждениями? Если так свободно обращаться с историческими данными, то почему же не отрицать, например, существование Нерона и все его ужасные казни христиан? Если признать, что нормальный человек не способен на такие зверства, какие историками приписываются Нерону, и что ненормальный человек не мог быть облечен властью римского императора, то все зверства Нерона придется счесть выдумкой христиан, пожелавших окружить своих братьев ореолом мученичества. И так можно отрицать все историческое прошлое, всю историю человечества.

Считая невозможным идти по пути голословного отрицания событий, действительность которых удостоверена достовернейшими свидетелями-очевидцами, мы должны признать, что Иисус Христос действительно совершил все чудеса, описанные Евангелистами.

Но какой же властью, какой силой Христос творил все чудеса, описанные Евангелистами? Ведь мы верим, что чудеса может творить только Бог. Мы знаем, что ни один пророк, ни один Апостол, ни один угодник Божий не совершали чудес собственной властью или силой; все они молили Бога о совершении чуда, и чудо по молитвам их совершалось, но совершалось Богом. Христос же совершал все чудеса Своим именем, Своей властью. Когда прокаженный сказал Ему: «Господи! Если хочешь, можешь меня очистить», Он не стал молить Бога об исцелении несчастного, не сказал: «Отче! Очисти сего прокаженного!» Нет, Он, не обращаясь с мольбой к Отцу, ответил больному: **хочу, очистишься**, то есть: «Я хочу, чтобы ты очистился, и потому Я повелеваю тебе — **очистишься**». Укрощая ураган и разбушевавшееся море, Он тоже не обращался к Отцу; Он властным, повелительным тоном сказал: **умолкни, перестань**. Воскрешая умершую дочь Иаира,

Он опять-таки Своим именем совершил чудо, сказав умершей: **девица, тебе говорю, встань**. И сыну вдовы Наинской Он так же властно повелел: **Юноша! тебе говорю: встань!** Словом, все чудеса Христос совершал Своим именем, Своей силой или властью. Один только раз Он перед совершением чуда обратился к Отцу. Перед воскрешением Лазаря Он возвел очи к небу и сказал: **Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня**. Но, сказав это громко, Он тотчас же пояснил окружающим Его причину такого обращения к Отцу: **Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня** (Ин. 11, 41–42). Сказать это было необходимо, потому что фарисеи распускали в народе клевету на Спасителя, уверяя всех, что Он совершает чудеса дьявольской силой; необходимо было убедить народ, что то чудо, которое будет вслед за тем совершено, как и все прочие чудеса, совершаются Божественной силой. Но и после такого обращения к Отцу Христос громким голосом сказал: **Лазарь! иди вон** (Ин. 11, 43).

Итак, все чудеса Христос совершал собственной, лично Ему принадлежавшей Божественной силой или властью. Власть эту Он передал Апостолам, которые затем совершали чудеса именем Его. Посылая Апостолов на проповедь, Господь дал им власть: больных исцелять, прокаженных очищать, мертвых воскрешать и бесов изгонять, — но, дабы они не могли подумать, что, совершая чудеса, совершают их своей властью, Он тут же добавил: «Вы даром получили эту власть от Меня; поэтому и совершайте ею чудеса тоже даром, не беря за это ничего и не приписывая их себе или своим заслугам». Так и поступали Апостолы. После Сошествия на Апостолов Святого Духа Апостол Петр, увидя хромого от рождения, сказал ему: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.

Да, Христос дал Апостолам власть совершать чудеса. Но ведь дать можно только *свое*; чужого нельзя дать, и потому, если Христос дал эту власть Апостолам, значит, она принадлежала лично Ему, и Он дал им *Свою* власть, а не чужую.

Неверующие в Божественность Иисуса Христа говорят, что такая власть чудотворения вовсе не принадлежала исключительно Ему, так как Он Сам же сказал Апостолам: **верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит** (Ин. 14, 12). Да, Господь сказал это; но, дабы Апостолы не могли подумать, что они своею властью будут совершать чудеса, Он тут же пояснил, что верующие в Него будут совершать чудеса потому, что Он к Отцу идет и уже не будет лично, непосредственно творить их, а будет давать эту власть верующим в Него: **если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю Я, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю** (Ин. 14, 13–14). Следовательно, если верующие и могут совершать чудеса, и совершать даже более тех, которые совершал Сам Господь, то все-таки совершать их будут не они, а через них Сам Христос: **Я то сделаю**; не вы, а Я.

Итак, мы должны признать, что Иисус Христос действительно совершал чудеса и совершал их Своей властью, Своей силой.

3. Посмотрим же теперь, чему учил всеведущий и всемогущий Христос.

Он учил о Боге, о назначении человека, о средствах для осуществления этого назначения и о будущей вечной жизни; и учил, как власть имеющий, как никто и никогда не учил. Но, чтобы лучше усвоить себе возвещенную Им истину, надо сравнить Его учение с ветхозаветным.

Ветхозаветные люди считали Бога грозным, мстительным, карающим за грех не только самого согрешившего, но и неповинных в том грехе детей его, внуков и правнуков. Приписывая Богу все свои недостатки и, так сказать, очеловечивая Его, они тем самым обнаружили полное непонимание Его; Истинный Бог был для них Неведомым Богом. Моисей же, сдерживая свой буйный и жестоковыйный народ только страхом жестоких наказаний, вынужден был рисовать запуганному воображению евреев страшные картины последствий Божьего гнева. Внушая им, что за каждый грех Бог жестоко покарает их в этой же земной жизни их, он влагает в уста Божий такие, например, слова: **Когда изострою сверкающий меч Мой, и рука Моя примет суд, то отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам; упою стрелы**

Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага (Втор. 32, 41–42). Понятно, что при таких понятиях о Боге евреи должны были задаваться вопросом: кто же может избежать Божьего гнева, если безгрешных людей нет? И Моисей должен был дать ответ на него; он должен был успокоить совесть по крайней мере лучших людей своего народа. И вот, воспользовавшись обычаем жертвоприношений, существовавшим издревле, он узаконил случаи и порядок принесения очистительных жертв. Хотя он прекрасно понимал, что сожжение жертвенного животного, нарочно для того убитого, не может очистить грешника от греха его, не может избавить его от последствий этого греха, — но он все-таки установил эти жертвы; и требовал он принесения их с целью вызвать у согрешившего сознание вины и, следовательно, стремление к воздержанию от дальнейших грехов. Евреи же, не понимая воспитательного значения законов Моисея о жертвоприношениях, вообразили, что такими подарками Богу, такими жертвами, дым от которых составляет **приятное** для Него **благоухание** (Лев. 2, 2 и др.), они могут умилостивить Его и отвратить от себя страшные последствия Его гнева. Итак, страх перед грозным и мстительным Богом — вот что служило руководящим началом в жизни ветхозаветных людей, и потому все отношения их к Богу выражались в словах: **бойся Бога** (Еккл. 12, 13).

Христос же проповедовал Бога любви и всепрощения — Бога, идущего навстречу заблудшему грешнику, чтобы довести его до раскаяния и исправления, Бога, прощающего всех искренно кающихся и радующегося обращению каждого грешника на путь истинный, Бога, с радостью принимающего в Свой дом возвратившегося с покаянием блудного сына, Бога, подающего надежду спастись даже таким грешникам, которые, по преклонному возрасту своему, стоят одной ногой в могиле и потому не смеют уже и надеяться на милосердие Божие, Бога, вводящего в Царство Небесное разбойника, покаявшегося только на кресте, перед последним предсмертным вздохом своим! Словом, Христос проповедовал Бога любви, и все отношения людей к Нему выражал в двух словах: *люби Бога*. Какая же громадная разница в понятиях о Боге, ветхозаветных и принесенных на землю Христом! По закону Моисея надо было воздерживаться от грехов из-за страха жестокой казни от мстительного и грозного Судьи, а по заповедям Христа — из-за свободного желания исполнять волю Того, Кого любишь всем сердцем, всей душой своей.

И во взаимных отношениях людей какая громадная разница между законами Моисея и заповедями Христа! Именем Бога Моисей говорил своему народу: **Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя** (Лев. 19, 18). Хотя этим законом евреям предписывалось любить только евреев, но мы не сомневаемся, что Бог внушил Моисею заповедь о любви ко всем вообще людям. Евреи поняли превратно эту заповедь, быть может, вследствие неудачной редакции ее и потому ненавидели людей других народностей, презирали их и даже предпринимали очистительные омовения после неизбежного соприкосновения с ними. Насколько ниже себя они ставили всех не евреев, видно из следующего закона их: **Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему** (Втор. 14, 21). А что чувство жалости к врагам было недоступно сердцам ветхозаветных евреев, видно из повеления Моисея убить после войны с мадианитянами всех пленных мужчин, даже мальчиков, и всех замужних женщин и вдов (Чис. 31, 17).

Христос же заповедал нам любить всех людей, к каким бы народностям они ни принадлежали, любить даже врагов, благо творить ненавидящим нас и молиться за обидчиков и притеснителей. Прощаясь со Своими Апостолами, Он сказал: **любите друг друга так, как Я возлюбил вас** (Ин. 15, 12). А возлюбил Он всех людей так, что отдал Себя в Жертву им и, когда не понявшие ни Его, ни учения Его, распинали Его, Он молился за них: **Отче! прости им, ведь они не знают, они не понимают, что делают** (Лк. 23, 34).

Восстанавливая Царство Божие на земле, Он восстановил и забытый устав этого Царства: *трудись! люби Бога! люби ближнего!* Этим уставом люди должны руководствоваться во всех своих делах. Трудясь не только для себя, но и для других, любя Бога и друг друга, они должны постепенно объединяться в одну всемирную, дружную, общечеловеческую семью, в единое стадо с Единым Пастырем — Христом.

Какая же неизмеримая пропасть между ветхозаветным учением и учением Христа о взаимных отношениях людей! Там — обособленность каждого народа и вражда, даже ненависть к людям не своей народности; там — стремление каждого народа поработить себе всех и пользоваться трудами побежденных; там — каждый народ считал Бога исключительно своим Богом, покровительствующим только ему и относящимся враждебно ко всем другим народам! Здесь же — любовь ко всем, даже врагам; здесь — стремление не поработить себе других, а послужить им; здесь — все люди братья, все дети одного Отца Небесного, все члены одной всемирной семьи!

Относительно назначения человека, цели и смысла его жизни мы напрасно будем искать каких-либо указаний в книгах Моисея. Прощаясь с народом своим, Моисей умолял его в точности исполнять все законы его и обещал за это все блага *земные*, ни единым словом не упомянув о благах небесных. **И будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы (и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать)**. И призывал Моисей все проклятия на народ свой, если он отступит от закона, все бедствия опять-таки в *земной* жизни: **И рассеет тебя Господь (Бог твой) по всем народам, от края земли до края земли... Но и между этими народами не успокоишься** (Втор. 28, 12–13, 64–65). Таким образом, для ветхозаветных людей целью земной жизни их были блага этой же жизни: **чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на... земле** (Втор. 5, 16).

Христос же учил, что земная жизнь наша не что иное, как подготовительная школа ко вступлению в настоящую, вечную загробную жизнь, для которой человек и создан. Он учил, что награды и наказания за прожитую жизнь ожидают нас в будущей жизни, беды же, какие мы испытываем в этой жизни, чаще всего служат испытаниями нашей веры, а также средствами довести нас до раскаяния, до сознания своих грехов.

Заповедуя нам любить Бога, верить в Его беспредельную любовь к нам и надеяться на Его милосердие и всепрощение, Христос требовал, чтобы мы, согласуя во всем свою волю с волей Божией, постоянно стремились к совершенству и, совершенствуясь, достигали той степени богоподобия, или богочеловечества, которая открывает двери Царства Небесного. Таким образом, по учению Христа достижение людьми возможного для них совершенства и затем Царства Небесного составляет цель, а неуклонное стремление к этой цели — смысл их земной жизни, за пределами которой начнется иная жизнь, жизнь вечная, где ожидает блаженное состояние достигших такого совершенства и прощенных Богом грешников и мучительное состояние духа — всех нераскаянных и непрощенных.

Указав людям цель их земной жизни, Христос указал им и на средства к достижению цели; Он научил нас, как мы должны жить, чтобы составить здесь Царство Божие и через него достигнуть блаженства в Царстве Небесном. Он знал, что погрязшему в грехах человеку трудно сразу отстать от них, и потому в Нагорной проповеди Своей указал нам, как мы должны перевоспитывать себя, как исправляться и отставать от греховной жизни; и расположил Он эти способы в такой строгой постепенности, что, начав самоисправление по Его программе с сознания своего ничтожества в сравнении с тем совершенством, к какому надо стремиться: **Блаженны нищие духом** (Мф. 5, 3; Лк. 6, 20), и последовательно применяя к себе все параграфы этой программы, мы легко, почти незаметно для себя будем подвигаться по пути к этому совершенству.

Да, Своим учением Христос дал ответ на все вопросы, над разрешением которых тщетно трудились лучшие люди древнего мира.

И это учение нельзя считать плодом размышления, мнением философа. Нет, Сам Христос говорит, что оно **от Бога**, и предлагает всякому, путем личного опыта, убедиться в этом: **кто хочет творить волю Божию (то есть жить согласно этой воле), тот узнает об этом учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю** (Ин. 7, 17). Да, всякий, постигший это учение и устраивающий жизнь свою по правилам его, невольно преклоняется пред его неземною мудростью и святостью, невольно признает его учением божественным,

не человеческим, убеждается, что оно действительно **от Бога**. Известный философ Иустин (живший во втором веке по Р. Х.), будучи язычником, изучил все философские системы, чтобы познать цель и смысл человеческой жизни, но ответ на волновавшие его вопросы и полное успокоение нашел только в учении Иисуса Христа, когда случайно познакомился с Евангелием. Да, никакие человеческие учения, никакие религиозные и философские системы древнего и нового мира не могут сравниться с простотою, величию и мудростью учения Христа! Все человеческие мудрствования не что иное, как жалкий младенческий лепет в сравнении с тем *Словом*, Которое было у Бога и открылось людям во Христе.

Неверующие в Бога употребляют всевозможные усилия, чтобы подорвать веру в божественное происхождение учения Иисуса Христа. Они не стесняются ничем, прибегают даже к подлогам и клевете. Они, например, говорят, что Иисус долго проживал в Индии, ознакомился там с учением Будды и это учение выдал потом за Свое.

Клевета эта, не опирающаяся ни на какие исторические данные, легко опровергается обстоятельствами, истинность которых удостоверена Евангелистами.

Мы знаем, как враждебно относились к Иисусу все фарисеи, все первосвященники и книжники иудейские. Они не признали в Нем Мессию, но боялись, что все увеличивающееся влияние Его на народ может повести к крушению их власти, а следовательно, и к лишению их тех материальных выгод, которые сопряжены с этой властью. Вот почему они употребляли все усилия, чтобы подорвать в народе уважение к новому Пророку. Они не стеснялись распространять в народе клевету о том, что Иисус обольщает народ, совершая чудеса силой дьявольской. Они всегда обвиняли Его, и обвиняли всенародно, в нарушении закона о субботнем покое, в отступлении от преданий старцев. А когда это не помогло, они решили убить Его, и осуществили свою мечту, довели Иисуса до крестной смерти. Отыскивая всякие поводы к обвинению Его в чем-либо, они, конечно, постарались тщательно разведать все обстоятельства Его прежней жизни и, несомненно, успели в этом. Если и в наше время люди, желающие повредить кому-нибудь, унижить его в глазах его знакомых, заботливо копаются в его прошлом и собирают даже всякие сплетни о нем, то, конечно, и враги Христовы не оставили без подробного исследования всех обстоятельств предшествовавших лет Его жизни.

А сделать это было так легко: стоило только пожить некоторое время в Назарете. В этом маленьком городке жизнь каждого обитателя его была хорошо известна всем его согражданам; так же хорошо известна, как известны теперь в наших уездных городишках мелочные подробности жизни всех и каждого. И если бы Иисус отлучился в Индию, то об этом знали бы все назаретяне; знали бы об этом с их слов и враги Христовы и, конечно, не упустили бы случая открыто обвинить Его в этом. А так как никто из них ни разу даже не заикнулся об этом, то следует признать, что рассказы неверующих о путешествии Иисуса в Индию и о пребывании Его там — гнусная ложь (подробности об этом см. сноску 2, с. 128).

Но (скажут) разве Иисус не мог познакомиться с учением Будды и не путешествуя в Индию? — Мог ли скромный Назаретский плотник, оставаясь в Назарете, знать учение Будды, судить не берусь. Но, сравнивая учение Иисуса Христа с учением Будды, утверждаю, что это — два учения, резко противоположные одно другому. Христос заповедал нам любовь к Богу и ближним; Он заповедал нам так любить ближних, чтобы и жизнью жертвовать за них в случае надобности. Любовь — основа всей жизни человека, по учению Христа; любовью определяются все отношения людей между собою. Люби! И любящее сердце твое подскажет тебе, как должен ты поступать с людьми, с которыми придется тебе сталкиваться. Только взаимная любовь обеспечивает всеобщее благо; только она может водворить возможное земное счастье, вернуть людям потерянный рай. Да, вот на чем основано все нравственное учение Господа нашего Иисуса Христа.

Посмотрим же теперь, как Будда смотрел на любовь. Отвергая бытие Бога, веруя в переселение душ, признавая жизнь страшным бедствием, от которого надо избавиться, Будда все свое учение направил на

прекращение перевоплощений и скорейший переход в небытие. Поэтому все, что мешает человеку достигнуть этой конечной цели жизни, должно быть устранено. «Все скорби и жалобы (говорил Будда), все страдания происходят оттого, что человек любит кого-нибудь или что-нибудь; где нет любви, там нет и страданий. Поэтому свободны от страданий только те люди, которые ничего и никого не любят. Кто стремится туда, где нет ни скорби, ни печали, тот не должен любить!» (Подробное изложение учения Будды см. в моей книжке «Беседы о переселении душ и сношениях с загробным миром. Буддизм и спиритизм»).

Вот как расходятся эти два учения: Иисуса Христа и Будды! Христос говорил: **Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, таки вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих** (Ин. 13, 34–35; 15, 13). А Будда говорил: «Блажен будет только тот, кто никого и ничего не любит!» Можно ли после этого сравнивать учение Иисуса Христа с учением Будды? Можно ли говорить, что Христос заимствовал Свое учение от Будды? Кажется, больше этой нелепости и сказать нельзя!

4. Не ограничиваясь одним учением, Христос примером Своей жизни доказал нам, что жить так, как Он учил, возможно и совсем не так трудно, как это кажется многим. Он исполнял все, чего требовал от людей, и слово Его никогда не расходилось с делом. Он был Образцом того совершенства, к достижению которого люди должны стремиться. Он был безгрешен: на вопрос Его фарисеям — **Кто из вас обличит Меня в неправде, в грехе?** (Ин. 8, 46) — даже злобные враги Его не могли указать ни на один поступок Его, который можно было бы счесть грехом, и ни на одно слово Его, которое можно было бы назвать неправдой. А ведь они неотступно следовали за Иисусом, следили за каждым шагом Его, за каждым словом; они имели и шпионов, доносивших им обо всем, что только касалось Иисуса. Они искушали Иуду (и искусили) задолго до последних дней жизни Иисуса. Они проникли в кружок самых близких к Господу людей и одного из них подкупили, склонили на свою сторону. Доказательством этому служат слова Спасителя, сказанные Им вслед за тем, как многие ученики Его, не поняв беседы о хлебе жизни, оставили Его и больше не ходили за Ним. Спрашивая Апостолов, не хотят ли и они отойти от Него, Господь сказал: **не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол** (Ин. 6, 70). Этими словами Господь обнаружил замыслы Иуды о предательстве, а может быть, и не одни только замыслы. Наконец, враги Христовы имели полную возможность узнать от назаретян все подробности прошлой жизни Иисуса, и, конечно, узнали. И вот, если такие люди не могли указать ни на одно слово Иисуса, которое можно было бы счесть неправдой, ни на один поступок Его, который можно было бы назвать грехом, то следует признать, что Христос был безгрешен. И не грешил Он не потому, что не мог грешить, а потому, что не хотел грешить, потому что как Человек вполне подчинил Себя воле Отца Своего, Бога (подробности об этом см. выше, с. 149–150).

Мы знаем, что самые святейшие люди, например, Апостолы и величайшие из пророков, сильнее других сокрушались о своих грехах и каялись и проповедовали другим необходимость покаяния. Христос же, проповедуя покаяние и возвещая прощение всем искренно кающимся, Сам никогда не каялся ни в чем и не просил у Бога прощения. И это было следствием сознания Своей безгрешности, такого сознания, какое составляет отличительную черту Его; и это сознание мог проявлять только Тот, Кто, как говорит Апостол Павел, **не почитал хищением быть равным Богу** (Флп. 2, 6). Положим, некоторые, даже из христиан, полагают, что Христос бил торговцев, выгоняя их из храма, и гневно обличал книжников и фарисеев. Но о том, что Он обличал Своих врагов (за которых потом молился) не с гневом, а с глубоким сокрушением сердечным, с искренним сожалением к ним и почти со слезами, сказано выше, на с. 715, а про изгнание торговцев — на с. 190; добавим только к сказанному, что употребленное Евангелистами слово выгнал нельзя понимать буквально: если я, например, молча укажу на дверь непрошенному гостю, и он уйдет, то про меня скажут, что я выгнал его; так и про Иисуса, выгонявшего скот бичом из веревки и взглядом Своим

указавшего торговцам, что им не место здесь, Евангелисты сказали, что Он **выгнал** торговцев. Нет, Христос ни на кого не гневался, никого не обижал; вся жизнь Его была точным исполнением Его божественного учения; и если Он, по человечеству Своему, подвергался искушениям, то всегда побеждал их, и побеждал исключительно покорностью воле Отца: **не Моя воля, но Твоя да будет** (Лк. 22, 42). И эту покорность воле Отца Он заповедал и нам как единственное действительное средство для победы всех искушений и для стремления к совершенству.

Итак, простота, мудрость и величие учения Христа, подтвержденного жизнью Его, и Его безусловная безгрешность приводят нас не только к вере, но и к глубокому убеждению, что учение Его есть учение пославшего его Отца.

5. Продолжая изучение Личности Иисуса Христа, мы поражаемся Его гениальностью, строжайшей логикой во всех суждениях Его. Против Него сплотилась большая партия ученых евреев, знатоков Священного Писания, изощрившихся в словесных состязаниях; но никогда никто из них не одержал победы в спорах с Тем, Кого они считали только назаретским плотником. В последний день пребывания Иисуса в Иерусалимском храме они долго совещались о том, как бы поймать Его на каком-нибудь неосторожном слове, чтобы обвинить Его или в политическом преступлении, или в нарушении законов Моисея. Они избрали из своей среды самых умных, самых хитрых (лукавых), изощрившихся в ведении всевозможных споров, и по очереди подсылали их к Иисусу; но все лукавые искусители были посрамлены неожиданными для них мудрыми ответами Иисуса. Ответ Иисуса саддукеям о воскресении произвел такое впечатление на некоторых книжников, что они, забыв свои враждебные отношения к Нему, с восторгом сказали: **Учитель! Ты хорошо сказал** (Лк. 20, 39).

6. Итак, Христос был всеведущ и всемогущ, безгрешен и гениален. Он принес людям такое учение, которое исполняющие его на основании личного опыта признают учением действительно божественным, принесенным от Бога.

Кто же был Христос, обладавший такими свойствами? Чтобы не ошибиться в суждениях о Нем, послушаем, что Он Сам говорил про Себя.

На первых страницах Евангелия мы читаем, что двенадцатилетний Иисус назвал Бога *Своим* Отцом. Хотя все люди считают Бога Отцом своим Небесным, но из слов двенадцатилетнего Иисуса видно, что Он говорил о Боге как лично о *Своем* Отце, а не как об Отце всего человечества. **Зачем было вам искать Меня (вне храма)? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?** Так ответил Он Своей Матери на Ее упрек. Если бы Он говорил о Боге как об Отце всего человечества, всего сущего, то, в таком случае, не Он Один, а все люди должны были бы находиться в том, что принадлежит их Отцу. Но Он говорил не о всех людях, а исключительно о Себе; следовательно, говоря о Боге, Он говорил о Нем как о *Своем* личном Отце, а о Себе как о Сыне Божиим (Лк. 2, 42–49).

И после, когда Иисус выступил на общественное служение, Он всегда называл Бога Своим личным Отцом, а Себя Его Сыном, Сыном Божьим. Правда, Он чаще называл Себя Сыном Человеческим, чем Сыном Божиим; но, именуя Себя так, то есть говоря о Себе как о Человеке, Представителе всего человечества, Он всегда разъяснял, что, будучи Человеком, Он не перестает быть Сыном Божиим.

Когда Нафанаил, пораженный всеведением Иисуса, сказал Ему: **Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев**, то Иисус ответил ему: **ты веришь, что Я Сын Божий потому, что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего... отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому** (Ин. 1, 49–51). Называя Себя Сыном Человеческим после того, как Нафанаил признал Его Сыном Божиим, Иисус не отверг этим признания Нафанаила; но Он предвидел, что Его Человечество может в будущем соблазнить как самого Нафанаила, так и других учеников Его, и потому обратился к Нафанаилу со словами, в которых выражена следующая мысль: Ты

поверил, что Я Сын Божий, потому, что Я обнаружил перед тобою Свое всеведение; но ты видишь, однако, что Я — Человек, Сын Человеческий; и это может соблазнить тебя, поколебать веру, которую ты только что исповедал; но для того, чтобы вера твоя в Меня как Сына Божия не поколебалась, ты и другие ученики мои будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих восходящих и нисходящих ко Мне, то есть находящихся в служебном ко Мне положении, в подчинении Мне, конечно, не как Человеку, а как Сыну Божию.

Вскоре после того, придя в Иерусалим и войдя в храм, Иисус увидел, что храмовые дворы обращены в базарную площадь. Изгнав находившийся тут скот и опрокинув столы меновщиков, Он сказал продающим голубей: **Возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли** (Ин. 2, 14–21). Надо заметить, что разведением и продажей голубей по дорогой цене занимались сами первосвященники, а потому следует признать, что с таким повелением Иисус обратился к ним. И первосвященники поняли, что Иисус называет Бога Своим личным Отцом, а не Отцом всех евреев и всего человечества; иначе они возразили бы Ему примерно так: «Ты говоришь об Отце *нашем* Небесном и именем Его повелеваешь; но ведь Он такой же Отец и нам, как Тебе». Однако ничего подобного они не сказали Ему, а спросили только: **каким знаменем докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?** то есть: каким знаменем Ты докажешь нам, что Бог — Твой Отец, а Ты — Сын Божий?

В беседе с Никодимом Иисус прямо назвал Себя Сыном Божиим, а чтобы Никодим не мог подумать, что все вообще люди — такие же сыны Божий, Иисус назвал Себя Единородным Сыном Божиим. Говоря о Себе сначала как о Сыне Человеческом, Который должен быть вознесен на крест, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную, Иисус тотчас же назвал Сына Человеческого, то есть Себя, Единородным Сыном Божиим (Ин. 3, 13–18).

После исцеления у овечьей купальни расслабленного Христос вел продолжительную беседу с книжниками и фарисеями о Самом Себе. Его не только упрекали, но даже убить хотели за то, что Он исцелил расслабленного в субботу. На эти упреки Спаситель ответил: **Отец Мой доныне делает, и Я делаю;** то есть: как Отец Мой, сотворивший весь мир, продолжает Свою творческую деятельность всегда, непрерывно, так и Я творю чудеса во все дни. Враги Христовы поняли из этих слов, что Он называет Бога Своим личным Отцом и, приравнивая непрерывную творческую деятельность Отца к Своей деятельности, делает **Себя равным Богу** (Ин. 5, 16–18). В той же беседе Он прямо назвал Себя Сыном Божиим. Говоря о том, что дела, которые Отец дал Ему совершить, свидетельствуют о том, что Отец послал Его и тем Сам засвидетельствовал о Нем, Христос сказал: «Не дивитесь тому, что Я — Сын Человеческий, ибо настало время, когда мертвые услышат глас **Сына Божия** и, услышав, оживут» (Ин. 5, 26–28). Здесь очевидно Он отождествляет Себя, как Сына Человеческого, с сыном Божиим.

Посылая Апостолов на проповедь к погибшим овцам дома Израилева, дав им власть совершать Его именем чудеса, Христос предупредил их, что их будут гнать и преследовать; но, несмотря ни на какие гонения, они должны открыто исповедовать Его; ибо **всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным** (Мф. 10, 32–33). В этих словах Христос выделяет Себя из среды всех людей, противопоставляет Себя всем остальным людям и потому не оставляет ни малейшего сомнения в том, что Он называет Бога Своим личным Отцом, а Себя Сыном Божиим.

Что, говоря о Себе, Христос называл Бога не Отцом всего человечества, а Своим личным Отцом, это видно и из беседы Его о хлебе жизни, в которой Он несколько раз повторяет, что послан Отцом творить на земле волю Его. **Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та... чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день** (Ин. 6, 38–40). Здесь опять противопоставление Себя всем людям.

Совершив перед Апостолами множество таких чудес, какие может творить только Бог, показав им Свое всеведение и объявив Себя Сыном Божиим, сошедшим с небес, чтобы творить волю пославшего Его Отца, Христос спросил Апостолов: **а вы за кого почитаете Меня?** Именем всех Апостолов Петр сказал: **Ты — Христос, Сын Бога живаго.** Тогда Иисус сказал ему: **блажен ты, Симон, сын Ионии, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах** (Мф. 16, 15–17). Здесь опять-таки Христос противопоставляет Себя всем людям, и даже Апостолам; поэтому, если Он называет здесь Бога Своим Отцом, то, конечно, Своим личным Отцом.

Такое же противопоставление Иисусом Себя всем прочим людям видно и из следующих слов Его, сказанных Апостолам: **если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного** (Мф. 18, 19).

Окончив притчу о немилосердном должнике, Иисус сказал Своим слушателям: **Так и Отец Мой Небесный поступит с вами если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его** (Мф. 18, 35). Здесь опять-таки Христос не говорит — **Отец ваш Небесный поступит с вами;** или: **Отец наш Небесный;** нет, Он говорит — **Отец Мой Небесный.** Противопоставляя Себя всем людям и не включая Себя в их число даже по человечеству Своему, Христос тем самым ясно, точно объяснил Свои отношения к Богу и людям.

В беседах с фарисеями на празднике кушней Христос много раз называл Бога Своим Отцом, а Себя Его Сыном. А когда Он сказал им: **Я и Отец — одно,** то они сочли это за богохульство и хотели побить Его камнями. Но Он сказал им: **Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я — Сын Божий?** (Ин. 10, 36). Тогда же Христос сказал врагам Своим: **Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш** (Ин. 8, 54). Может ли быть после этого хотя бы малейшее сомнение в том, что, говоря так, Христос называл Бога Своим личным Отцом, а не Отцом всего человечества?

Слепорожденного, после исцеления его, Христос спросил: **ты веруешь ли в Сына Божия?** Исцеленный, в свою очередь, спросил Его: **а кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него?** Тогда Христос сказал ему: **и видел ты Его, и Он говорит с тобою** (Ин. 9, 35–37). Здесь Христос опять назвал Себя Сыном Божиим и исцеленный Им слепорожденный понял, что Сын Божий, даровавший ему зрение, достоин такого же поклонения, как Сам Бог, и потому **поклонился Ему** (Ин. 9, 38).

Когда до Иисуса дошла весть о болезни Лазаря, Он сказал: **эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий.** А что, говоря так, Он под Сыном Божиим разумел Самого Себя, это видно из последующих слов Его. Пробыв два дня в том месте, где застала Его весть о болезни Лазаря, Иисус сказал Апостолам: **Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали** (Ин. 11, 4, 14–15). Во что уверовали? Конечно, в то, что Иисус есть Сын Божий, что, говоря о предстоящем прославлении Сына Божия, Он говорил о Себе.

В последний день пребывания Своего в храме Иерусалимском Христос сказал: **Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой** (Ин. 12, 26).

Вообще Иисус Христос много раз называл Бога Своим личным Отцом, а Себя Его Сыном; но дабы не подумали, что Он и других людей считает такими же сынами Божиими, Он в беседе с Никодимом назвал Себя *Единородным* Сыном Божиим, а в других случаях, говоря о Себе как о Сыне Божиим, противопоставлял Себе всех людей. И это знали враги Христовы; но то были частные беседы с фарисеями, книжниками и народом, и потому этим беседам враги Христовы не придавали значения судебного доказательства. Им надо было, чтобы на суде Сам Иисус назвал Себя Сыном Божиим. И желание их сбылось. Первосвященник Каиафа спросил Иисуса, приведенного на суд синедриона: **заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?** Иисус ответил: **Я; и вы узрите Сына Человеческого,**

сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных (Мф. 26, 63–64; Мк. 14, 61–62; Лк. 22, 67–70). Это признание Обвиняемого занесено было в протокол судебного заседания и послужило основанием к произнесению смертного приговора.

Итак, из всех приведенных изречений Иисуса Христа видно, что Он называл Бога Своим личным Отцом, а Себя Сыном Божиим Единородным.

Именуя Себя Сыном Божиим, сошедшим с небес для того, чтобы творить волю пославшего Его Отца, Иисус, вместе с тем, называл Себя и Мессией, то есть Тем Исккупителем, Избавителем, послать Которого в мир для спасения и искупления падшего человечества обещал Сам Бог через боговдохновенных пророков.

В беседе с самарянкой Иисус прямо объявил Себя Мессией, Христом. Когда эта женщина сказала Ему: **знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все**, то Иисус ответил ей: **Это Я, Который говорю с тобою** (Ин. 4, 25–26).

Мессией Иисус объявил Себя и в Назаретской синагоге. Прочитав во всеуслышание пророчество Исаяи об обещанном и ожидаемом Мессии, Иисус сказал, что это пророчество ныне исполнилось на Нем (Лк. 4, 16–30; Мк. 6, 1–6).

Итак, по определению Самого Иисуса, Он — Сын Божий и, вместе с тем, обещанный Богом Исккупитель, Спаситель рода человеческого.

Но так как Он был в то же время и Человеком, **Сыном Человеческим**, то надлежало разъяснить отношения Сына Божия к Сыну Человеческому; и Христос разъяснил.

В одной из бесед со Своими врагами, происходивших в Иерусалиме на празднике кущей, Иисус сказал: **прежде нежели был Авраам, Я есмь** (Ин. 8, 58), то есть: «Я существовал ранее Авраама»; существовал ранее Авраама, конечно, не как Сын Человеческий, но как Сын Божий. Эти слова приняты были врагами Христа за открытое объявление Себя *Вечносущим*, и они, соблазняемые Его человечеством, сочли это за такое богохульство, что схватили камни и хотели ими убить Его (Ин. 8, 59) (см. выше, с. 553–554).

А в последней молитве Своей, которой Он закончил прощальные наставления Апостолам, Христос молил Отца Своего: **прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира** (Ин. 17, 5). Этими словами, которые слышали Апостолы, Христос окончательно определил Свои отношения к человечеству: Он, Вечносущий Сын Божий, воплотился, стал Человеком для исполнения воли пославшего Его Отца. Как Сын Божий, Он существует вечно, безначально, а как Сын Человеческий имеет начало Своего бытия со дня рождения Своего от Духа Святого и Пресвятой Девы Марии.

Что касается отношений Сына Божия к Отцу, то и на это имеется много указаний в словах Иисуса Христа.

На празднике кущей обступили Его книжники, фарисеи и первосвященники и сказали Ему: **долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо**. На это Иисус ответил им: **Я сказал вам, и вы не верите; то есть: «Я много раз говорил вам, что Я — Христос, Сын Божий, но вы не верите. Дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне, они свидетельствуют, что Я говорю правду о Себе; но вы и делам Моим не верите, ибо вы не из овец Моих. Знайте же, что Я и Отец — одно»** (Ин. 10, 24–30).

Несколько позже, на Тайной Вечери, когда Филипп просил показать им Отца, Иисус сказал: **столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, верьте словам Моим, что я**

в Отце, и Отец во Мне, а если не так, если не верите словам Моим, то верьте Мне по самым делам, которые Я творю (Ин. 14, 8-11).

Этими и многими другими разъяснениями, Христос определил Свое равенство Отцу, объявил Себя единосущным Отцу. И эти определения Своих отношений к Отцу Он подкрепил Своими делами. Он на деле проявлял власть, принадлежащую Богу. Если же эта власть принадлежит одновременно и Отцу и Сыну, то несомненно, что Отец и Сын — одно, Отец в Сыне и Сын в Отце.

Расслабленному, спущенному с кровли, Иисус сказал: **держай, чадо! прощаются тебе грехи твои.** Книжники же и фарисеи, слышавшие это, начали рассуждать, говоря: **кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?** Из этого вопроса видно, что, по мнению книжников и фарисеев, Иисус присваивал Себе власть, принадлежащую одному только Богу, то есть (как выразились они позже) сделал Себя равным Богу; и это они сочли богохульством, то есть тяжким грехом. Но Иисус тотчас же обезоружил их, доказав им на деле, что Он не присваивает Себе чужой власти и потому не богохульствует, а действует лично от Себя, как имеющий эту власть. **Что легче сказать (спросил Он): прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, (сказал Он расслабленному) тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой.** И расслабленный тотчас же встал, взял, на чем лежал и пошел в дом свой, славя Бога (Лк. 5, 17–26; Мф. 9, 1–8; Мк. 2, 11–12). Смолкли книжники и фарисеи; **и ужас объял всех**, следовательно и их; и в страхе говорили: **чудные дела мы видели ныне.**

Власть Свою прощать грехи Христос проявил еще в доме Симона фарисея, когда раскаявшаяся грешница обливала ноги Его слезами и отирала их волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала их миром. И ей Христос сказал: прощаются тебе грехи. И опять возроптали фарисеи, говоря: кто это, что и грехи прощает? (Лк. 7, 36–50).

А почему власть прощать грехи принадлежала Христу, это Он Сам объяснил, сказав: **Все предано Мне Отцем Моим** (Мф. И, 27), то есть: вся Божественная власть, принадлежащая Отцу, дана Отцом Сыну Своему Единородному. **Все, что имеет Отец, есть Мое** (Ин. 16, 15).

Вот почему Христос, исполняя волю Отца Своего, пославшего Его для спасения и искупления рода человеческого, творил дела Божественные от Себя, от Своего имени, как равный Отцу.

В Нагорной проповеди Своей Христос говорил **как власть имеющий** (Мф. 7, 29). Разъясняя синайские заповеди, Он выражался так: **Вы слышали, что сказано древним: не убивай! А Я говорю вам... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй! А я говорю вам... Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы! А Я говорю вам... Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам...** (Мф. 5, 21–22, 27–28, 33–34, 38–39, 43–44). Пояснив Своим слушателям, что пришел не нарушить Закон, но дополнить, и на самом деле дополняя его Своими требованиями, Христос тем самым признал за Собой право на такие дополнения.

Когда фарисеи упрекнули Христа за то, что проголодавшиеся Апостолы срывали в субботу колосья, растирали их и ели заключавшиеся в них зерна, то Он сказал: **суббота для человека, а не человек для субботы; но Сын Человеческий есть Господин и субботы** (Мк. 2, 27–28; Мф. 12, 8; Лк. 6, 5). Объявляя всенародно, что имеет власть даже отменить четвертую синайскую заповедь о субботнем покое, Христос тем самым объявил Свое равенство с Отцом.

Говоря о предстоящей Ему смерти и Воскресении, Христос не сказал, что будет воскрешен Богом, Отцом Его, а говорил много раз, что воскреснет Сам; и пояснил, почему воскреснет Сам, а не будет воскрешен: **Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю**

ее. **Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее** (Ин. 10, 17–18).

Поясняя Апостолам Свое равенство Отцу, Христос сказал: **если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю** (Ин. 14, 13–14). Это выражение Иисуса Христа имеет чрезвычайно важное значение для разрешения вопроса об отношениях Сына Божия к Отцу. Здесь Христос говорит: просите у Отца Моего, но исполню вашу просьбу *Я*, Сын Божий.

Говоря о Своем единосущии с Отцом и равенстве Ему, Христос провозгласил Себя *Господом*.

Спросил Он фарисеев: **что вы думаете о Христе? чей он Сын?** Они ответили Ему: **Давидов**. Но Он сказал: **как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он Сын ему?** (Мф. 22, 42–45; Мк. 12, 35–36; Лк. 20, 41–44). Фарисеи считали, что Христос будет Человеком и потому называли Его, как должествовавшего быть потомком Давида, Сыном Давидовым; но они не знали, что во Христе Иисусе воплотился Сын Божий, о Котором сам Давид говорил как о своем *Господе*.

В конце Нагорной проповеди Своей Иисус Христос назвал Себя Господом, сказав: **Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного** (Мф. 7, 21).

После изгнания бесов из гадаринского бесноватого, Христос сказал ему: **иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя** (Мк. 5, 19; Лк. 8, 39).

Омыв ноги Апостолам на Тайной Вечери и показав им пример смирения, Христос сказал им: **Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны делать то же, что Я сделал вам** (Ин. 13, 13–15).

Слово *Господь* применялось только к Богу, и потому, если Христос называл Себя *Господом*, то тем самым Он утверждал Свое равенство Богу.

В беседе Своей на горе Елеонской с четырьмя Апостолами (Петром, Андреем, Иаковом и Иоанном) о кончине мира Иисус Христос сказал, что Он придет на землю вторично судить весь род человеческий и пошлет ангелов *Своих* собрать всех людей живущих и когда-либо живших; и разделит всех, как пастырь отделяет овец от козлов; и произведет Суд Свой над ними; и пойдут праведники в жизнь вечную, а грешники в муку вечную (Мф. 25, 31–46).

О том, что Он придет вторично, окруженный ангелами *Своими*, Христос говорил и раньше этой беседы.

Когда Апостолы попросили Иисуса объяснить им значение сказанной Им притчи о плевелах, Он, оканчивая объяснение, сказал: **так будет и при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие...** (Мф. 13, 40–42). В другой раз Он сказал народу и ученикам: **придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его** (Мф. 16, 27; Мк. 8, 38; Лк. 9, 26).

Таким образом, Христос говорил о том, что разделит Славу Отца Своего, явится вторично в сопровождении ангелов *Своих* и будет судить всех людей.

Дабы Апостолы поверили всему сказанному, Христос взял Петра, Иакова и Иоанна на гору и там преобразился перед ними, показал им Себя в божественной Славе (Мф. 17, 1–8; Мк. 9, 2–8; Лк. 9, 28–36). В божественной Славе Своей Христос представился всем Апостолам, когда шел по воде спасать их. Мы знаем, что Христос никогда не пользовался Своей творческой силой, Своим всемогуществом лично для Себя, для избавления Себя от каких-либо человеческих страданий или для облегчения Своих человеческих

немощей. Божественной силой Своей Он пользовался только для других. Но в этих двух случаях (в Преображении и в хождении по воде) Он воспользовался Своей властью по отношению к Самому Себе; но опять-таки не для облегчения Своих человеческих немощей, а исключительно для показания Апостолам Себя Самого в божественной Славе, в ином, не человеческом, бытии. И это было крайне необходимо, потому что Апостолы смотрели на Него как на земного царя, который покорит евреям весь мир и будет царствовать вечно. При Преображении Христос вызвал души ветхозаветных пророков Моисея и Илии, облек их видимою для глаз формою человеческих тел и в сообществе с ними предстал изумленным Апостолам в сиянии Славы Своей.

В не меньшей Славе Он предстал Апостолам и тогда, когда они погибали на озере Галилейском. Они увидели Его, приняли Его за призрак, испугались и закричали. Он явился им в сиянии Славы Своей, а они это сияние Славы сочли за призрак. Прошел ли Христос по морю все пространство, отделявшее Его от Апостолов, — неизвестно: Евангелисты ничего не говорят об этом. Думаю, однако, что если Иисус Христос признал необходимым дать Апостолам новое знамение и тем доказать им, что Он действительно Сын Божий, равный Отцу, то Ему незачем было проходить все пространство моря, отделявшее Его от Апостолов. Тот, Кто мог ходить по воде, Кто мог совершить это чудо над Самим Собой, Тот, конечно, мог и перенестись мгновенно к погибавшим Апостолам и предстать перед ними в полной силе Своего всемогущества, в сиянии Славы Своей. Это предположение мое подтверждается словами Евангелиста Иоанна: он говорит, что как только Иисус вошел в лодку Апостолов, так **тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли** (Ин. 6, 21). А была она тогда посредине моря (Мф. 14, 24; Мк. 6, 47); следовательно, до берега оставалось еще далеко. А так как лодка тотчас же пристала к берегу, то в этом надо видеть новое чудо. И чудо это так подействовало на Апостолов, что они поклонились Иисусу и сказали: **истинно Ты Сын Божий!** (Мф. 14, 33).

Итак, Иисус Христос называл Себя Единородным Сыном Божиим, безначальным (бывшим прежде бытия мира), равным Отцу. И это богосознание было неизменно в Нем от начала и до конца.

Как же назвать после этого учение графа Л. Н. Толстого, который внушал своим поклонникам, что Иисус Христос такой же сын Божий, как и все люди вообще, и что Он никогда не называл Бога Своим личным Отцом? Сказать это мог только тот, кто советовал читающим Евангелие вычеркивать из него все, чего читающий не может понять, все, что может показаться ему неправдоподобным. Только вычеркнув из Евангелия богосознание Христа и рассказы о совершенных Им чудесах, можно было прийти до такого заключения. Но добросовестно ли такое обращение с Евангелием, подлинность которого и достоверность записанных в нем свидетельств доказана неоспоримыми данными? Гордый граф признавал истинным только то, что допускает его рассудок, а мудрейший из всех смертных, Сократ, сознавал, что все, что человек знает и что может понять, — ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает.

7. Книжники и фарисеи требовали от Иисуса особого знамения с неба в подтверждение того, что Он действительно Сын Божий. На это требование Христос сказал им, что такое знамение будет дано всем, следовательно и им, когда Он воскреснет из мертвых (Мф. 12, 38–40). Но и до Воскресения Его знамение с неба было дано, конечно, не лукавым фарисеям, а тем, кто достоин был принять его. Во время Крещения Иисуса на Иордане Иоанн Креститель слышал голос с неба: **Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение** (Мф. 3, 17; Мк. 1, 11; Лк. 3, 22). И Иоанн свидетельствовал об этом; и свидетельству его надо верить, потому что он был не трость, ветром колеблемая, а пророк, **больше которого нет** (Лк. 7, 28) и не было.

В другой раз перед тремя Апостолами: Петром, Иоанном и Иаковом — голос с неба в тех же выражениях засвидетельствовал, что Иисус есть действительно Сын Божий (Мф. 17, 5; Мк. 9, 7; Лк. 9, 35).

В третий раз, когда Иисус хотел выйти из Иерусалимского храма с тем, чтобы больше и не входить в него, Он обратился с молитвой к Отцу: **Отче! прославь имя Твое. И тотчас же раздался голос с неба: и**

прославил и еще прославлю (Ин. 12, 28). Обращался с мольбой Сын к Отцу, и ответ Отца засвидетельствовал, что Сей, обращавшийся к Отцу, есть действительно Сын Его. Народ, стоявший тут, слышал этот голос, но не понял слов; Апостолы же и, в особенности, Иоанн, записавший это событие в свое Евангелие, несомненно слышали голос и поняли, что этим голосом сказано.

Таким образом, три раза голос с неба, звучавший по повелению Бога, подтвердил справедливость слов Самого Иисуса Христа о том, что Он — Сын Божий.

К этим свидетельствам с неба присоединяется еще величайшее доказательство — Воскресение распятого и умершего Христа. Что Христос действительно умер и воскрес, об этом подробно сказано во «Введении» к «Толкованию Евангелия» (см. с. 42). Так же доказано свидетелями-очевидцами и Вознесение Христа на небо. Эти два последние свидетельства особенно важны, и потому все усилия неверующих были направлены к тому, чтобы опровергнуть показания свидетелей, несколько раз видевших воскресшего Христа, осязавших Его руки и ноги и видевших, как Он ел перед ними; но все попытки их тщетны: тщательный разбор всех доказательств Воскресения Христа и всех сделанных неверующими возражений приводит всякого беспристрастного читателя к твердому убеждению, что Христос воистину воскрес, что Он в течение сорока дней после Воскресения являлся несколько раз Апостолам и другим ученикам и затем вознесся.

8. Вот что мы знаем о Христе. Повторим же в кратких словах сказанное о Нем.

Христос был всеведущ: знал то, что происходит за пределами человеческих чувственных восприятий; знал помышления людей; знал Священное Писание, не учившись; знал прошедшее, знал и будущее.

Христос был всемогущ: Он совершал мгновенные исцеления не только от всяких болезней, но даже и от неизлечимой проказы; совершал исцеления и заочные; освобождал от бесов одержимых ими людей, повелевая бесам оставить их; исправлял словом Своим телесные недостатки людей, даже прирожденные: слепым даровал зрение, глухим — слух, немым — способность говорить и т. д.; наконец, Он воскрешал мертвых и повелевал силами природы.

Христос был безгрешен, и не грешил не потому, что не мог грешить, а потому, что не хотел грешить, потому что, как Человек, вполне подчинил Свою волю воле Отца.

Христос был гениален; во всех беседах Своих с народом и в спорах с врагами Он всегда был строго логичен, и все удивлялись Его уму.

Христос принес миру поистине божественное учение, перед которым невольно преклоняются даже неверующие в Бога. И Сам Он исполнял в точности все, чего требовал от людей.

Христос умер, воскрес и вознесся на небо. И о Нем три раза голос с неба засвидетельствовал, что Он — Сын Божий Возлюбленный.

Ученики Христовы, книжники с фарисеями и народ недоумевали: Кто же Христос? И на эти недоумения Сам Христос много раз отвечал, именуя Себя Единородным Сыном Божиим, безначальным, равным Отцу.

Сведя теперь воедино все эти сведения о Христе, сведения безусловно верные, доказанные неоспоримыми данными, постараемся ответить на занимающий нас вопрос: **что вы думаете о Христе?**

Все, что мы знаем о Христе, приводит нас прежде всего к убеждению (не к вере только, а к непоколебимому ничем убеждению), что Его нельзя считать только Человеком. Такого не было за все время существования рода человеческого. Но Кто же Он? Вопрос этот волновал не только народ, пользовавшийся благодеяниями Христа, но даже и близко стоявших к Нему Апостолов. И они не раз спрашивали друг у друга: **кто же Это?** Но никто из видевших Христа не мог сам, своим умом, дать

надлежащий ответ на этот вопрос. Человечество Христа смущало всех и препятствовало додуматься до правильного ответа. Когда же Он объявил Себя Сыном Божиим, сошедшим с небес, то возбудил этим даже ропот среди слушателей: **Не плотник ли Он** (Мк. 6, 3), которого мы знаем? Как же говорит Он, что сошел с небес? Это приводило в смущение и Апостолов; и они, под гнетом разных сомнений, молили Его: **Господи! умножь в нас веру** (Лк. 17, 5). Да, соединение в одном лице Сына Божия с Сыном Человеческим было непонятно слушателям и ученикам Христа до самого Воскресения Его и Вознесения и, в особенности, до Сошествия на Апостолов Святого Духа (подробности о значении события Сошествия Святого Духа см. в моей книжке «Сошествие Святого Духа»). В прощальной беседе Своей с Апостолами Христос, видя колебания их веры, сказал: **Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит... то наставит вас на всякую истину** (Ин. 16, 12–13; 15, 26). И слова Его вполне оправдались; только Сошествие на Апостолов Святого Духа рассеяло все их сомнения и поселило в них ничем непоколебимое убеждение в том, что Христос воистину Сын Божий. Но Апостолам препятствовало дойти до такого убеждения лжеучение современных им книжников и фарисеев о том, что обещанный Мессия будет воинственным царем, который покорит евреям весь мир и будет царствовать вечно. Это лжеучение пустило такие глубокие корни в умах и сердцах современных Христу евреев, что отрешиться от него не могли даже Апостолы. Личность же Иисуса Христа не только не отвечала мечтаниям еврейским о Мессии, но даже резко противоречила им, потому-то евреи и не признали Его Мессией. И вот, чтобы освободить Апостолов от гнета этого лжеучения, потребовалась чрезвычайная мера: Сошествие на них Святого Духа. И тогда мгновенно спала с их глаз завеса, сотканная лжеучением книжников и скрывавшая от их взоров Божественный Лик Христа — Сына Божия; и тогда они поняли все: Дух Святой наставил их на всякую истину.

Да, лжеучение еврейских книжников мешало Апостолам понять Христа. Для нас же, не зараженных этим лжеучением, препятствий к пониманию Христа нет.

Христос говорил, что Он — Сын Божий, равный Отцу. Но правду ли Он говорил?

Если Он говорил неправду, то был или обманщиком, или сумасшедшим (да простит мне Господь вынужденное произнесение этих ужасных слов!).

Спрошу у всех, даже неверующих: можно ли считать обманщиком безгрешного, правдивого во всем Христа, Которого все признают недостижимым для людей Образцом совершенства? Перед Его высочайшей нравственностью вообще, перед Его идеальной честностью, правдивостью, беспредельной добротой, безграничной любовью к людям, кротостью и смирением преклоняются даже неверующие в Бога. Можно ли не верить Ему? Одни только евреи, коснеющие в своем невежестве, считают Его обманщиком; да и те считают Его обманщиком потому только, что Он обманул их ожидания, или, лучше сказать, они сами обманулись в Нем: они думали, что Он — тот величественный земной царь, который покорит им весь мир, а Он постоянно внушал им, что **Царство Его не от мира сего**. Да, они обманулись в своих нелепых ожиданиях, но, по свойственной людям склонности, свою вину перенесли на Христа и стали называть Его обманщиком. Но, кроме евреев, никто из здравомыслящих, честных людей не осмелится назвать Его так. Кто изучит Личность Христа по Евангельским данным, тот полюбит Его всеми силами своей души и будет гнать от себя мысль (очевидно, внушаемую диаволом), что Христу можно не верить, что можно считать Его Человеком, не заслуживающим доверия, — тот с полным убеждением скажет: «Нет! Нет! Нет! Христос не мог обманывать, не мог быть обманщиком!»

Но не заблуждался ли Он, считая Себя Сыном Божиим, равным Отцу, то есть Богу?

Было немало прежде, много есть и теперь людей, выдающих себя за вторично пришедшего Христа; существуют даже секты (скопческая, хлыстовская), проповедующие непрерывное воплощение Христа. Но

те из сектантов, которые принимают поклонение себе, как Христу, ничуть не заблуждаются: они действуют сознательно, извлекая выгоды для себя из такого заблуждения сектантов, и потому поддерживают эти заблуждения. Те же люди, которые действительно заблуждаются, считая себя Богом, или Христом, или Богородицей, те доходят до такого заблуждения исключительно путем помешательства, потери рассудка. И в домах для умалишенных немало таких несчастных. Поэтому, если признать, что Иисус Христос заблуждался, именуя Себя Сыном Божиим, равным Отцу, Богу, то это будет равносильно признанию, что Он был сумасшедшим, помешанным. Но кто же решится назвать сумасшедшим всеведущего, всемогущего, гениального, строго логичного во всех суждениях Христа, Которого не могли победить в спорах самые умные, испытанные в словесных состязаниях книжники, саддукеи и фарисеи? Разве только воистину сумасшедший человек, считающий безумными всех, кроме себя, — разве только он осмелится назвать Христа умалишенным; люди же, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, с негодованием отгонят от себя такую мысль, если бы она и была навеяна им духом зла.

Остается теперь последний, третий вопрос: можно ли признать Христа Сыном Божиим, безначальным, равным Отцу?

Надо заметить, что никакого четвертого вопроса о Христе поставить нельзя. Положим, на одной из моих лекций о Христе один из моих слушателей сказал, что можно поставить четвертый вопрос: не был ли Христос Пророком? На это я ответил ему, что понятия о Личности Христа несовместимы с понятиями о пророках. Все пророки, сколько их ни было, считали себя рабами Божиими. Величайший из всех пророков, Иоанн Креститель, говорил, что Христос настолько неизмеримо выше его, Иоанна, что он считает себя недостойным быть даже слугой Его, считает себя недостойным развязать ремень обуви Его. Все ветхозаветные пророки, по вдохновению Божию, говорили о Христе как об Исккупителе, Спасителе рода человеческого, а не как о пророке, а Давид прямо назвал Его Господом. Возвещая людям волю Божию, пророки всегда говорили не от себя, а от имени открывшего им эту волю Бога: **Было слово Господне ко мне...** (3 Езд. 1, 4), **И сказал мне Господь...** (Втор. 9, 13). Вот как обыкновенно начинали свою проповедь пророки. А Христос никогда так не говорил. Он учил, **как власть имеющий** (Мф. 7, 29), и, давая заповеди, давал их от Своего имени: **а Я говорю вам...** (Мф. 5, 28). Пророки если и совершали чудеса, то совершали их не своей властью или силой, а именем Божиим; то есть: не они совершали чудеса, а Бог, по их молитвам. Христос же совершал все чудеса Своей властью, Своей силой, не обращаясь к Отцу с мольбой о совершении чуда: **хочу, очистишь** (Мк. 1, 41), **тебе говорю: встань** (Мк. 2, 11). Ни один из пророков не обладал властью прощать грехи, принадлежащей исключительно Богу, а Христос прощал их... Словом, Личность Христа и личность пророка несоизмеримы; сравнивать их нельзя. А потому и нельзя считать *Христа*, пророком.

Итак, при определении Личности Христа можно поставить только три вопросам или Он говорил правду о Себе, называя Себя Сыном Божиим, равным Отцу, или Он обманывал Своих слушателей, или же Он был сумасшедший, вообразивший Себя Сыном Божиим? И если мы пришли к твердому убеждению, что Он не был сумасшедшим и не обманывал Своих слушателей, то логическая необходимость вынуждает нас признать, что Он говорил правду о Себе, что, значит, Он действительно Сын Божий, равный Отцу, существовавший прежде бытия мира.

Итак, здравый смысл говорит нам, что если Христос не обманывал людей, говоря о Себе, то, значит, говорил правду. И вывод этот подкрепляется всеми известными нам сведениями о Христе; и потому мы с глубоким убеждением должны сказать: да, Христос действительно был Тем, Кем Себя именовал, то есть безначальным Сыном Божиим, равным Отцу.

Отец и учитель Церкви, святой Иустин мученик, искавший истину о Боге и человеке будучи еще языческим философом и нашедший ее только в Евангелии, так определял Личность Христа — Сына Божия:

воплотился и пострадал не Творец всего мира, Которого мы называем Богом, Отцом Небесным, а Некто Иной, рожденный Им предвечно для того, чтобы быть Его Словом или Органом Его откровений в мире.

Такое мнение свое Иустин Философ основывает на словах Апостола и Евангелиста Иоанна, который начинает свое Евангелие так: **В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.** Это — то же, что говорил Сам Христос о Себе. В Своей молитве Он просил Отца прославить Его славой, которую Он имел у Него (Отца) прежде бытия мира (Ин. 17, 5). Он отделял Себя от Отца, но, вместе с тем, и соединял Себя с Ним воедино: **Я и Отец — одно** (Ин. 10, 30). Поэтому Иоанн как бы повторяет слова Спасителя, когда говорит, что **в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. В начале,** то есть до начала исчисления времени, или до создания мира, Христос был; и был Он у Бога, как Сын Божий, как Слово; и Сам Он был Бог. Все, что существует, получило свое бытие чрез Него; **все чрез Него начало быть;** то есть весь мир создан Богом чрез Него. И это **Слово стало плотью, вочеловечилось, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его... как Единородного от Отца. И Сей Единородный Сын, сущий в недрах Отца... явил нам Бога, Которого не видел никто никогда** (Ин. 1, 1—18).

9. Но если Христос постоянно и неизменно сознавал Себя Богом, Сыном Божиим, равным Отцу, то как же Он мог допустить, что Его распяли на кресте? И для чего нужна была Его смерть? Вопросы эти соблазняли прежде, соблазняют и теперь многих. Для ответа на них обратимся к тому же Евангелию и постараемся узнать, как смотрел на крест и Свою смерть Сам Христос.

Мы знаем, что Христос говорил о предстоящих Ему страданиях, смерти и Воскресении еще тогда, когда книжники, фарисеи и старейшины народа не соединились во враждебную Ему партию, когда среди них не возникала еще мысль об убийстве Его. При первом изгнании торговцев из храма Он уже говорил о Своей смерти и Воскресении. **Разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его** (Ин. 2, 19), — сказал Он; но слушатели Его не поняли тогда этих слов. Тогда же, в беседе с Никодимом, Он сказал, что **как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому;** и тут же объяснил Никодиму, что Он, Сын Человеческий, есть Единородный Сын Божий, Которого Бог послал спасти мир (Ин. 3, 13—17); и Никодим должен был понять, что вознести Сына Человеческого — значит распять Его. Вскоре после того на вопрос учеников Иоанна, почему не посятятся Его, Иисуса, ученики, Он ответил, что **придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни** (Лк. 5, 35). Под этими днями Он, несомненно, разумел дни взятия Его под стражу, суда над Ним, распятия, погребения и пребывания Его во гробе. И так постоянно Он говорил о предстоящей Ему смерти; фарисеям и народу Он говорил об этом притчами, а Апостолам много раз объяснял прямо и вполне понятно. Следовательно, смерть не могла быть и не была для Него неожиданностью. Сознывая Себя Сыном Божиим, Он всегда говорил, что творит не Свою волю, но волю пославшего Его Отца. Он знал, что Ему **надлежит** пострадать и умереть *по воле Отца* Его, и потому не только отклонил просьбу Петра пожалеть Себя, но даже назвал эту просьбу сатанинской, как противную воле Божией (Мф. 17, 22—23). Оставляя храм с тем, чтобы больше и не возвращаться в него, Он говорил о неизбежности Своей смерти, а чтобы выразить эту мысль удобопонятнее для слушателей, Он сравнил Себя с пшеничным зерном, которое сеется в землю для получения от него урожая; и как зерну этому надлежит умереть, чтобы принести плод, так и Ему, Христу, надлежит пострадать, чтобы спасти мир и тем исполнить волю Отца. Продолжая Свою речь о неизбежности Своей смерти, Он сказал: **когда Я вознесен буду от земли** (то есть когда буду распят), **всех привлеку к Себе;** и это будет судом миру сему: **Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон** (Ин. 12, 24, 31—32).

Таким образом, страдания, смерть и Воскресение Христа последовали по воле Отца, и Христос добровольно отдался во власть мира. Но зачем же, для чего Богу угодно было, чтобы Христос был распят?

На этот вопрос едва ли кто может дать положительный ответ, ибо никто не может знать воли Божией, если она не открыта людям. Мы можем только предполагать, можем только представлять различные

соображения, более или менее основательные, но утверждать ничего не можем; да и предположения наши по этому вопросу мы можем строить только на тех, хотя бы и не прямых, указаниях, которые содержатся в записанных Евангелистами словах Иисуса Христа.

Мы знаем, что Христос пришел не судить мир, но спасти его, а чтобы спасти людей от греха, надо было разъяснить им, что такое грех. Мы знаем также, что Христос возвестил людям волю Божию и сказал, что всякое, даже малейшее отступление от этой воли, всякое действие, слово и даже желание, не согласное с нею, составляют грех. Но этого недостаточно было для спасения людей от греха; надо было еще, чтобы люди поверили Христу, что Он действительно знает волю Божию и проповедует ее, а не Свою волю, и чтобы, поверив Ему, подчинились этой воле, покаяться, перевоспитали себя и начали новую жизнь. Но люди ко времени Пришествия Христа так погрязли в грехах, так низко пали нравственно, что принесенное Христом слово Божие, слово любви не вмещалось в них, и в их сердцах не было места для Бога. Чтобы поверить Ему, что Он говорит действительно слова Божий, надо было поверить Ему, что Он — Сын Божий. Сам Христос сознавал это и на вопрос, что нам делать, чтобы творить волю Божию, отвечал: «Веровать в **Того, Кого Он послал** (Ин. 6, 29), веровать, что Христос есть действительно Сын Божий». Но этому верованию мешало Его человечество. **Не плотник ли Он, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? и братья Его... и сестры Его не все ли между нами? как же говорит Он, что сошел с небес?** (Мк. 6, 3; Ин. 6, 42; Мф. 13, 55–56). Вот какие вопросы смущали и волновали слушателей Христа, когда Он говорил им о Своем Божестве. Не вмещая в себя этих слов, не понимая их, мир и не поверил Ему.

Евреи готовы были признать в Нем своего, измышленного книжниками, Мессию как земного царя-завоевателя, покорителя им всех народов; но Сына Божия признать в Нем не могли, потому что и не ждали пришествия Его. Чудесно насыщенная в пустыне толпа народа хотела насильно взять Его, вести в Иерусалим и там заставить Его объявить Себя Царем Израилевым. Но Он, понятно, уклонился от такого намерения народа, ибо искушение земными царствами Он отверг еще перед началом Своего служения. И что же? Та самая толпа, которая хотела провозгласить Его своим Царем, сейчас же отвернулась от Него, как только узнала от Него, что Он не тот Мессия, какого ждут евреи. Мало того, что отвернулась, но даже весьма непочтительно спросила Его: «Ты-то что делаешь, чтобы мы могли поверить Тебе, что Ты говоришь правду?» (Ин. 6, 30). Народ увлекался чудесами, которые творил Христос, и не упускал случая воспользоваться Его чудотворной силой. Многие думали, что Он только медлит объявить Себя Царем и откладывает это до наступления праздника пасхи. И, когда Он принял торжественное чествование Его как Сына Давидова, Царя Израилева, то народ пришел в восторг и встречал Его победными криками — **осанна!** А когда Он, вступив в Иерусалим и храм, не принял царской власти, а скромно, пешком ушел со Своими Апостолами в Вифанию, то наступило полное разочарование; и первосвященники с фарисеями воспользовались этим настроением народа, уверили его, что Иисус обманщик, и довели народ такими уверениями до того, что он через четыре дня кричал Пилату: **распни, распни Его!** Да, народ не поверил Христу, что Он Сын Божий, а с тем вместе не поверил и тому, что Он проповедовал волю Божию; не приняв же слово Иисуса за слово Божие, мир не мог и спастись; а если, при таких обстоятельствах, мир не мог спастись, то, следовательно, и назначение Христа не было бы выполнено. Вот почему потребовались другие меры для вразумления мира.

Христос пришел не поработить людей воле Божией, а сделать их свободными исполнителями ее; Своим учением и делами Он хотел повлиять на разум и сердце человека, и потому не мог прибегать ни к каким принудительным мерам. И вот для того, чтобы довести мир до сознания, что Он действительно Сын Божий, Он отрекся от Своей власти над миром и отдался в его власть. Все это было известно Христу с самого начала Его служения; Он знал, что Ему придется отдаться во власть мира и пострадать, и умереть, и в третий день воскреснуть. Он не искал смерти подобно многим мученикам, пострадавшим за веру; Он даже содрогнулся всем Своим человеческим существом, когда пришло время идти на крест. Крест был

величайшим искушением Самого Христа в Его Человечестве, величайшим испытанием Его богосознания. И Христос выдержал это испытание: богосознание Его не поколебалось. Так угодно было Отцу, и Христос, не искавший Своей славы, но славы Пославшего Его, безропотно пошел на крест, в крестной смерти и Воскресении Своим видел завершение Своего дела, победу над властью тьмы и, прощаясь с Апостолами, сказал: **мужайтесь**, не падайте духом, когда увидите Меня на кресте! Знайте, что в этом Моя слава! Знайте, что **Я победил мир** (Ин. 16, 33). И мы знаем, что Крест Христов действительно победил мир,

Изобличенный в грехах мир не мог вместить слов Иисуса и потому не поверил Ему, не поверил, что Он говорил слова Божии. Луч света проник в темное царство, и обитатели его всполошились и накинулись на Источник света с тем, чтобы потушить Его, чтобы Он не резал глаза им и не освещал их темные дела. Всякому знакомому с жизнью известно, с какой злобой относятся к обличителям люди, не желающие каяться, не признающие свои поступки дурными, безнравственными. Если к обыкновенным смертным, выступающим иногда в роли обличителей, обличаемые ими относятся с нескрываемой злобой и всеми силами стараются устранить их со своего пути, то каково же было озлобление книжников и фарисеев и руководимого ими еврейского народа на Христа, не вступавшего с человеческими слабостями ни в какие сделки, ни в какие соглашения? Враги Христовы могли еще терпеть свое поражение в богословских спорах с Ним, так как у них была отговорка, оправдывающая их в глазах народа: что может понимать в Писании Иисус, нигде не учившийся? Но простить Ему всенародное обличение их в хищениях, обманах и других явно безнравственных поступках они не могли; в особенности же они не могли простить обличение том, что они, как слепые вожди слепых, ведут народ не туда, куда следовало бы, закрывают от него врата Царства Небесного и отнимают ключ к разумению Писания. **Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры... горе вам... змии, порождения ехиднины!** (Мф. 23, 23, 33). Понятно, с каким озлоблением темное царство восстало против божественной правды; понятно, что Глашатай этой правды должен был быть умерщвлен, должен был быть осужден порочным миром на мучительную казнь. В смерти Христа зло дерзало торжествовать свою победу; смертью Его мнило устранить от себя все беспокойство, причиненное Его Пришествием, и продолжать властвовать над миром по-прежнему. Но в действительности оказалось, что смерть Христа и последовавшее затем Воскресение Его победили мир. Мир, изобличенный Воскресением Христа (о Воскресении см. с. 42–54), познал весь ужас совершенного им величайшего преступления и уверовал, что распятый Христос — воистину Сын Божий! Уверовав же в Него как в Богочеловека, Сына Божия, мир уверовал также, что Он говорил не от Себя, а от имени Отца Своего, и что Он действительно возвестил волю Божию. Познав же волю Божию, мир познал, что такое грех, и приобрел возможность спастись от последствий греховной жизни. Люди познали истину, и истина сделала их свободными. Да, по воле Отца Христу надлежало отречься на время от Своей власти над миром и отдаться в его власть, принести Себя в Жертву погрязшему в грехах миру; иначе мир не *уверовал* бы в Него и потому не мог бы быть спасен.

Итак, крестная смерть Иисуса Христа была необходима для *спасения* людей. Это доказывается Его же словами: **не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир... но чтобы мир спасен был чрез Него** (Ин. 3, 17). Но мы знаем, что Христос придавал Своей смерти еще и другое значение. Он говорил, что **пришел для того, чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих** (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45). Таким образом, по словам Самого Спасителя нашего, крестная смерть Его была необходима *для спасения и искупления многих*, и такое значение крестной смерти Христа составляет основной догмат христианства; и мы должны верить в истинность этого догмата потому, что признавая Иисуса Христа Богочеловеком, Сыном Божиим, мы вместе с тем признаем, что всякое слово Его — истина, хотя бы кое-что из сказанного Им и было недоступно нашему ограниченному уму.

Апостолы, проповедуя язычникам воскресшего Христа, говорили, что Его крестная смерть есть *искупительная жертва*, добровольно принесенная Им Богу за грехи мира. Они проповедовали, что **Кровь**

Иисуса Христа... очищает нас от всякого греха (1 Ин. 1, 7), что Христос... предал Себя за нас в приношение и жертву Богу (Еф. 5, 2), чтобы избавить нас от всякого беззакония (Тит. 2, 14), что все согрешили и лишены славы Божией, но получают оправдание... искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления (Рим. 3, 23–25) и т. д. Словом, Апостолы проповедовали, что Христос принес Себя в Жертву Богу за грехи людей, чтобы умилостивить Его и приобрести людям прощение.

Буквальное толкование такого учения Апостолов о значении крестной смерти Христа встретило сильное возражение со стороны язычников в первые же века распространения христианства. Язычники говорили, что незачем было Богу приносить Себе же в Жертву неповинного ни в чем Сына Своего и подвергать Его мучительной смерти за чужие грехи, когда от Него зависело простить грешников и тем избавить их от заслуженного ими наказания.

Поэтому защитники догмата старались обосновать его так, чтобы он не препятствовал язычникам уверовать во Христа. Они говорили, что в деле спасения людей непременно должны были осуществиться одновременно и любовь Божия к людям, и Его правосудие. Любовь требует прощения грешника, а правосудие — наказания его; поэтому, несмотря на любовь Божию к людям, они все-таки должны были бы погибнуть, если бы милосердие Божие не нашло возможным спасти их чудом искупительной Жертвы Единородного Сына Божия; и эта добровольно принесенная Богу Жертва, удовлетворив правосудие Божие, открыла место для всепрощающей любви Божией и потому сделала спасение людей возможным.

Такое чисто юридическое объяснение догмата породило тогда же много недоумений, и с ним были согласны не все Отцы Церкви, а в позднейшее время протестанты, основываясь на буквальном толковании догмата об искуплении, стали утверждать, что крестной смертью Своею Христос принял на Себя грехи всех людей, которые уверуют в Него; поэтому достаточно только верить во Христа как Искупителя, и будешь спасен.

Ошибочность такого (протестантского) понимания догмата доказывается учением самих Апостолов. По их разъяснению, спасение людей искупительной Жертвой Христа совершается не помимо их воли, а в том только случае, если они заслужат этого своею праведной жизнью: **Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины (1 Ин. 2, 4).**

Не соглашался с юридическим толкованием догмата и святой Григорий Богослов. В своем 45-м «Слове на Пасху» он говорил: «Кому и для чего пролита сия излиянная за нас Кровь? Кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как это оскорбительно! А если Отцу, то, во-первых, не у Него мы были в плену, а, во-вторых, по какой причине Кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, но заменил жертвоприношение, приняв овна, вместо словесной жертвы?» И святой Иоанн Златоуст говорил: «Ни крещение, ни отпущение грехов, ни ведение, ни приобщение Святых Тайн и ничто другое не может принести нам никакой пользы, если мы не станем вести жизнь честную, строгую и чуждую всякого греха» (Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. С. 252). И современный нам богослов, архиепископ Сергей Финляндский, в своей диссертации «О спасении» говорит, что вера человека открывает ему только ту истину, что Бог любит его и за его прежние грехи карать не будет, что, напротив, Он готов его принять и помиловать, признать Своим сыном; но такое состояние уверовавшего есть только преддверие и приготовление к спасению или оправданию: благодать Божия не может действовать насильно на том лишь основании, что человек узнал о возможности получить эту благодать и хочет ее получить; надо самому протянуть руку, чтобы взять помогающую ему десницу Божию; недостаточно пожелать, хотя бы искренно, жизни по закону Божию, необходимо и на самом деле ее начать (Архиеп. Сергей Финляндский. О спасении. С. 302–320).

Итак, приведенными мнениями святого Григория Богослова, святителя Иоанна Златоуста и архиепископа Сергея вполне опровергается лжеучение о спасении крестною смертью Христа всех людей

без их личного участия в том. Но все-таки и эти мнения не дают прямого ответа на вопрос язычников: зачем Бог принес Себе в Жертву Своего Сына за грехи людей, если мог просто простить людям все их грехи?

На этот вопрос профессор В. Несмелов («Наука о человеке». Т. 2, 4) дает приблизительно такой ответ. Грех, совершенный человеком, навсегда остается при нем; человек может покаяться, осудить свое прошлое и начать новую жизнь, подчинив свою волю воле Божией; он может быть прощен Богом за такое раскаяние и возрождение; он может быть освобожден от наказания, какое заслужил грехами своими; но он все-таки остается грешником, хотя и прощенным, ненаказанным. Как же такой грешник может вступить в Царство Небесное, приготовленное только для праведников? Очевидно, для этого надо не только простить грешника, но и снять с него грехи его прошлой жизни, надо сделать так, чтобы их не было. Но это — не во власти самого грешника; он может больше не грешить, но вернуть прошлое не может. Это может быть совершено только Всемогущим Богом. И это совершено Господом нашим Иисусом Христом. Он добровольно страдал на кресте и умер, конечно, не за свои грехи, ибо их не было, а за чужие, за грехи всего мира. Он принял на Себя чужие грехи; и Он мог поступить так потому, что Он был не только совершенный Человек, восстановивший Собою утраченные людьми образ Божий и подобие Ему, — Он был и Бог, Творец мира, создавший человека и, следовательно, властный и снять с него грехи, сделать так, чтобы их совсем и не было. И он совершил это чудо божественной любви к людям Своею крестною смертью: Он снял с людей их грехи и принял их на Себя; но не со всех людей Он снял их и потом постоянно снимает, а только с тех, которые, вследствие покаяния и возрождения к новой жизни, удостоились прощения грехов их прошлой жизни.

Развивая мысли профессора Несмелова, я нахожу, что догмат искупления объясняется притчей о брачном пире. По обычаю, существовавшему при дворах восточных царей, приглашенные на царский пир должны были надевать одежды, предлагаемые от царя; в своей же одежде никто не мог войти на царский пир. Ссылаясь в Своей притче на этот обычай, Христос вступление в Царство Небесное сравнил со входом на царский пир. Как к царю земному на его пир нельзя было войти в своей одежде, так и в Царство Небесное нельзя войти человеку, который хотя и покаялся и удостоился прощения, но все-таки загрязнен грехами прошлого. Чтобы впустить его в Царство Небесное, приготовленное для праведников, надо снять с него грехи его, надо сделать так, чтобы их не было, надо как бы переодеть его в одежду праведности, предложенную ему Царем. **Человекам это невозможно; но так как Богу... все возможно** (Мф. 19, 25–26), то понятно, что только один Бог может совершить такое освобождение грешника от его грехов, такое, так сказать, переодевание его в одежду праведников. И это совершает Сын Божий, Своею крестною смертью пострадавший за чужие грехи. Судя даже по-человечески, всякий человек, неповинно, но добровольно пострадавший за чужую вину, понесший за эту вину наказание, вправе требовать, чтобы виновный, за которого он пострадал, был освобожден от ответственности. Тем более воплотившийся Сын Божий, добровольно пострадавший за грехи людей, принявший на Себя ответственность за их грехи, вправе освободить их от заслуженного ими наказания, вправе снять с них их грехи и, так сказать, переодеть их в одежду праведности. И сделать это может только Он. Вот почему Он и говорил, что страдания Его на кресте необходимы для **искупления** многих. И мы принимаем этот догмат сознательно, а не только потому, что логической необходимостью вынуждены верить каждому слову Господа.

Оканчивая на этом исследование вопроса о личности Христа, я не вхожу в подробное обсуждение догматического учения Православной Церкви о единосущии Сына с Отцом и о Его предвечном рождении от Отца. Эти догматы засвидетельствованы Самим Господом нашим Иисусом Христом. Поверим же Ему, что Он в Отце и Отец в Нем, что Он и Отец — одно, и что Он был прежде основания мира; поверим всему этому, хотя бы это и было не вполне доступно нашему ограниченному уму; поверим потому, что всякое слово Господа истинно.

Итак, изучив учение, жизнь и дела Иисуса Христа, отвратив от себя соблазн креста, постигнув,

насколько это доступно нам, самопожертвование Христа для спасения мира, ответим Ему на предложенный Им вопрос (**что вы думаете о Христе?**) так, как ответил Апостол Фома: **Ты — Господь мой и Бог мой!**

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Когда Иуда ушел с Тайной Вечери?

Некоторые толкователи Евангелия полагают, что Иуда-предатель оставался на Тайной Вечери до самого установления Христом Таинства Евхаристии и даже причастился Святых Тайн. Мнение свое они основывают на церковном песнопении, которое поется в Великий Четверг и в котором говорится, что *Иуда небесный хлеб в устех носяй...* Но с таким мнением нельзя согласиться.

Из повествований Евангелистов мы знаем, что в этот пасхальный вечер Иисус Христос омыл ноги Апостолов, обличил предателя, установил Таинство Евхаристии и обратился к Апостолам с последними прощальными наставлениями. В начале вечера было двенадцать Апостолов, но, по свидетельству Евангелиста Иоанна, во время вечера Иуда ушел. Спрашивается: когда именно ушел Иуда? До установления Таинства Евхаристии или после? Ел ли он тот хлеб, указывая на который Иисус сказал: **сие есть тело Мое**? Пил ли он вино из той чаши, указывая на которую Христос сказал: **сие есть кровь Моя**?

Евангелисты Матфей, Марк и Лука, повествуя вообще весьма кратко о Тайной Вечери, говорят только об изблещении Иуды и установлении Таинства Евхаристии, а об омовении ног и прощальной беседе Иисуса с Апостолами, равно как и об уходе Иуды, ничего не говорят, и оканчивают свои повествования словами: **И, воспев, пошли на гору Елеонскую** (Мф. 26, 30; Мк. 14, 26, то же и Лк. 22, 39). Поэтому, если основываться только на первых трех Евангелиях, то можно заключить, что все Апостолы остались с Иисусом до конца вечера, — что по окончании ее, воспевши, все пошли на гору Елеонскую, и что лишь после того Иуда отделился от них и пошел к первосвященникам за стражей; а из этого — прямой вывод, что Иуда присутствовал на вечери от начала до конца, а следовательно, был при установлении Таинства и из рук Иисуса причастился Святых Тайн.

Но, ввиду очевидной неполноты сказаний первых трех Евангелистов о происходившем на Тайной Вечери, следует обратиться к Евангелию Иоанна, который, как известно, дополнял упущенное первыми Евангелистами и умалчивал о том, о чем они подробно рассказали. Евангелист Иоанн повествует, что во время пасхального вечера Иисус омыл ноги Апостолам и по этому поводу говорил им о смирении, и что затем последовало обличение предателя и уход Иуды (Ин. 13, 30). Об обличении Иуды рассказали и первые три Евангелиста, а потому если и Иоанн говорит о том же, то, конечно, с целью пояснить, что первые Евангелисты упустили сказать об уходе Иуды; делая же такую поправку, он должен был с точностью указать и время ухода его. Затем, ничего не говоря об установлении Таинства, подробно рассказанном первыми Евангелистами, Иоанн прямо переходит к прощальной беседе и начинает свое повествование о ней словами: **Когда он** (то есть Иуда) **вышел, Иисус сказал...** (Ин. 13, 30–31).

Таким образом, из сопоставления сказаний всех четырех Евангелистов становится очевидным:

1. что Иуда присутствовал при омовении ног;
2. что он удалился тотчас же после обличения его и обращения к нему Иисуса со словами: **что делаешь, делай скорее** (Ин. 13, 27); и
3. что при прощальной беседе он не присутствовал.

Теперь постараемся определить, когда именно последовало установление Таинства Евхаристии.

Читая Евангелие Иоанна (13, 1–30), приходишь к несомненному заключению, что обличение Иуды последовало вслед за наставлением о смирении, сказанном Иисусом по поводу произведенного Им

омовения ног, так как это обличение находится в неразрывной связи с тем наставлением, служа как бы продолжением его. Следовательно, если установление Таинства не могло последовать между омовением ног и обличением Иуды, то следует прийти к заключению, что оно последовало или до омовения ног, или после ухода Иуды.

Евангелист Иоанн говорит, что омовение совершено **во время вечера**, и что для этого Иисус **встал с вечера** (Ин. 13, 2, 4). Но что же происходило в самом начале, пока еще Иисус не встал с вечера для омовения ног? Ответ на этот вопрос надо искать в Евангелии Луки; там сказано, что был между Апостолами **спор... кто из них должен почитаться большим** (Л к. 22, 24). Спор этот не мог возникнуть по поводу занятия ими мест за столом, так как они не первый раз возлежали с Иисусом и, вероятно, занимали места по установившемуся между ними обычаю; не могли они спорить и о старшинстве в Царстве Мессии, так как такой спор уже был разрешен Иисусом. Скорее всего, спор этот возник по вопросу о том, кто из них должен, за отсутствием слуги, исполнить в этот вечер рабские обязанности, омыть участникам вечера запыленные ноги; это доказывается и дальнейшими словами Евангелиста Луки, удостоверяющего, что, обратившись к Апостолам по поводу этого спора, Иисус, между прочим, сказал: **кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий**. Слова — а **Я посреди вас, как служащий** — произнесены были, очевидно, после омовения Иисусом ног Апостолам, а самое омовение произведено после спора Апостолов. Но, по какой бы причине ни произошел этот спор, во всяком случае следует признать, что Апостолы заспорили в самом начале вечера. Он не мог возникнуть после омовения ног, так как после показанного Иисусом примера смирения подобные споры не могли бы иметь места. Этот спор не мог возникнуть и после установления Таинства Евхаристии, так как это Таинство уравнило всех Апостолов. А если самое начало вечера было занято спором Апостолов, за которым должно было последовать омовение ног; если непосредственно за омовением ног последовало наставление о смирении, а за этим наставлением — обличение предателя и уход его, то очевидно, что установление Таинства не могло произойти в самом начале вечера, до омовения ног. Следовательно, Таинство установлено после ухода Иуды.

К этому заключению приводит еще следующее соображение: предложить под видом хлеба и вина Свое Тело и Свою Кровь и сказать при этом— **сие творите в Мое воспоминание** — Христос мог только верующим в Него, только тем, которые будут создавать на земле Царство Божие, Царство любви и добра, и объединять всех вступающих в него совершением этого Таинства единения с Основателем и постоянным Руководителем этого Царства. Иуда же к этому Царству не принадлежал с тех пор, как замыслил предать своего Учителя, поэтому не место ему было присутствовать при установлении этого Таинства.

Итак, порядок всего происшедшего на Тайной Вечери таков: спор Апостолов, омовение ног, наставление Иисуса по поводу спора Апостолов и показанного Им примера смирения, обличение Иуды-предателя, уход его с вечера, установление Таинства и прощальная беседа. А из этого несомненный вывод: Иуда при установлении Таинства не присутствовал.

2. В котором часу был распят Иисус Христос?

По общепринятому теперь мнению, Иисус Христос был распят перед полуднем, в двенадцатом часу дня. Мнение это было выражено в известном церковном песнопении: «Иже в шестый день же и час на кресте пригвожден...» И так как это песнопение вошло в состав богослужения, то некоторые люди стали приводить эти слова в доказательство того, что Христос действительно был распят в шестом часу по еврейскому счету, или в двенадцатом по нашему. Это мнение настолько укоренилось, что сторонники его не хотят верить Евангелию, опровергающему слова песнопения.

Думаю, что авторитет Евангелистов несравненно выше авторитета составителя этого песнопения; думаю также, что опровергать текстами Евангелия истинность церковного песнопения можно, но песнопением опровергать достоверность Евангелия нельзя.

Никто из нас не видел Иисуса Христа и не слышал Его проповедей; однако мы верим в Него как в Богочеловека, и верим потому, что убеждены в подлинности и достоверности Евангелий, в которых описаны Его жизнь и учение. Но если наше убеждение в подлинности и достоверности Евангелий поколеблется, если возникнет хотя бы малейшее сомнение в правдивости Евангелистов, то поколеблется и сама вера наша в Иисуса Христа, или, как говорил Апостол Павел, **тщетна будет и вера ваша** (1 Кор. 15, 14). Вот почему я нахожу невозможным сомневаться в авторитете Евангелистов ради поддержания авторитета составителей церковных песнопений.

Посмотрим же, что говорят об этом Евангелисты. Собственно о времени распятия Иисуса Христа говорит один только Евангелист Марк, или, лучше сказать, устами Марка говорит Апостол Петр: **Был час третий, и распяли Его** (Мк. 15, 25). Третий час еврейского счета соответствует нашему девятому; следовательно, по сказанию Петра, Христа распяли в девятом часу или в девять часов утра (пополуночи), а не перед полуднем. Что Евангелие Марка есть не что иное, как письменное изложение им устной проповеди Петра в Риме, это удостоверяет святой Ириней в своей третьей книге «Против ересей» (глава 1, 1), а что Петр читал это Евангелие и одобрил его, об этом свидетельствует Климент Александрийский. Следовательно, Марк записал то, что говорил Петр. И мы не имеем никаких оснований не доверять Апостолу Петру. Если он и не решился открыто стать на Голгофе у креста, то, несомненно, был в толпе народа, окружавшего место распятия. Если в минуты отречения его влекло туда, где он мог узнать о судьбе своего Учителя, то, конечно, после раскаяния он должен был быть на Голгофе, он должен был все видеть, хотя издали; он не был бы Петром, если бы не пошел на Голгофу. И потому надо безусловно верить этому достоверному свидетелю-очевидцу, что **был час третий**, когда распяли Иисуса.

Надо безусловно верить ему еще и потому, что это сказание его не находится ни в малейшем противоречии со сказаниями других Евангелистов о событиях того же дня.

Евангелисты Матфей и Лука, ничего не говоря о времени распятия Христа, говорят, однако, о наступлении в шестом (двенадцатом) часу тьмы, продолжавшейся три часа, и о последовавшей в девятом (третьем по полудни) часу смерти Иисуса Христа.

Матфей: **От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом... и испустил дух** (Мф. 27, 45–46, 50).

Лука: **Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого. Иисус, возгласив громким голосом... испустил дух** (Лк. 23, 44, 46).

Вполне согласно с ними повествует об этом и Марк: **В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого. В девятом же часу возопил Иисус громким голосом... и испустил дух**

(Мк. 15, 33–34, 37).

Итак, если в шестом часу или в шесть часов по еврейскому счету (а по нашему в двенадцатом или в двенадцать) настала тьма, продолжавшаяся до самой смерти Иисуса Христа, то несомненно, что само распятие Его должно было произойти значительно ранее. Ведь из повествований тех же Евангелистов и Евангелиста Иоанна мы знаем, что от распятия до наступления тьмы произошли следующие события: издевательства членов синедриона, народа, прохожих, воинов и даже одного из распятых разбойников, а затем раскаяние другого разбойника, хождение первосвященников к Пилату с просьбой переменить надпись над крестом Иисуса, и, наконец, поручение Господом Иоанну попечения о Богоматери. На все эти события, в особенности же на хождение первосвященников к Пилату, потребовалось немало времени, и ими вполне мог быть заполнен период времени от девяти до двенадцати часов дня. Следовательно, нет ничего неправдоподобного (как полагают некоторые) в этом отношении в повествовании Марка о том, что распяли Христа в девятом часу.

Если согласиться с противоположным мнением и считать, что Иисуса Христа распяли в двенадцатом часу, то в какой период времени мы поместим все вышеуказанные события? Нельзя же предполагать, что все эти события и само распятие и наступление тьмы могли совершиться в течение одного двенадцатого часа; а если так, то пришлось бы все события, кроме самого распятия, отнести к периоду времени, наступившему после полудня, когда началась уже тьма. Но это более чем неправдоподобно. С наступлением тьмы на Голгофе воцарилась томительная тишина, которая была нарушаема только стонами распятых да предсмертными возгласами Христа. Настроение толпы сразу изменилось, и издевательства должны были моментально прекратиться. Если после последовавшего в момент смерти Христа землетрясения, **народ... возвращался, бия себя в грудь** (Лк. 23, 48), то несомненно, что с наступлением необычайного (во время полнолуния) солнечного затмения многие из находившихся на Голгофе должны были задаться мучительным вопросом: не Мессию ли распял синедрион? Когда же Христос возопил: «Элои! Элои!» — то многие со страхом и недоумением говорили: «Вот, Илию зовет» (Мк. 15, 35). При таком настроении толпы издевательства были невозможны. Только озверелые в своей ненависти члены синедриона решились при такой удручающей всех обстановке сказать: «Посмотрим, придет ли Илия спасти Его» (Мф. 27, 49).

Итак, повествования Матфея и Луки не только не противоречат повествованию Марка о времени распятия Иисуса Христа, но даже вполне подкрепляют истинность последнего.

Посмотрим теперь, что говорит об этом четвертый Евангелист. Апостол Иоанн, дополнявший повествования первых трех Евангелистов, ничего не сказал ни о времени распятия, ни о наступлении тьмы, ни даже о времени смерти Иисуса. Умолчал он об этих обстоятельствах потому, что о них обстоятельно рассказали первые Евангелисты; и это умолчание служит подтверждением истинности их повествований: когда Иоанн писал свое Евангелие, то имел под руками первые три Евангелия, и если бы в них была допущена какая-либо погрешность, то он непременно исправил бы ее, а так как он эти вопросы обошел молчанием, то следует признать, что он считал повествования о них первых Евангелистов верно изложенными; и это молчаливое свидетельство дорого для нас потому, что Иоанн, один из всех Апостолов, не побоялся открыто стать у креста и, следовательно, был свидетелем-очевидцем всего происшедшего на Голгофе. Признавая излишним говорить о том, о чем уже сказано первыми Евангелистами, Иоанн нашел нужным, однако, дополнить их повествования указанием на время суда у Пилата: **Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш!** (Ин. 19, 14).

Сторонники общераспространенного мнения о распятии Иисуса в двенадцатом часу дня говорят, что, если Пилат оканчивал свой суд в шестом (двенадцатом) часу, то Христос не мог быть распят в третьем (девятом) часу. Словом, в сказании Иоанна они видят поправку повествования Марка и подкрепление их

мнения. Мне же кажется, что Иоанн не опровергает, а утверждает сказание Марка, и вот почему.

Иоанн писал свое Евангелие в глубокой старости, когда проживал в Ефесе, среди римлян и греков; писал он не для евреев, и все еврейские названия переводил на греческий язык; поэтому и время он считал уже не по-еврейски, а по принятому римлянами способу, то есть с полуночи; и если он говорит, что суд у Пилата происходил в шестом часу, то надо считать, что это был шестой час или шесть часов утра.

Что Евангелист Иоанн исчислял время не по-еврейски, доказательством служат другие места его Евангелия, в которых он определяет время часами. Рассказывая о том, как он сам и Андрей пошли за Иисусом и **пробыли у Него день тот**, Иоанн поясняет: **Было около десятого часа** (Ин. 1, 39); то есть: пробыли они у Иисуса весь день, до десятого часа. Если считать по-нашему, то, пробыв у Иисуса до десятого часа пополудни, они действительно пробыли у Него весь день; а если считать по-еврейски, то, пробыв у Иисуса только до четвертого часа пополудни, Иоанн не мог бы сказать, что он и Андрей пробыли у Него весь день. В другом случае, когда Иисус, возвращаясь с учениками Своими через Самарию в Галилею, остановился у колодца Иакова отдохнуть, Иоанн поясняет, что тогда **было около шестого часа** и что пришла женщина из Самарии **почерпнуть воды** (Ин. 4, 6–7); если считать время по-еврейски, то окажется, что самарянка пришла за водой около двенадцати часов дня, или около полудня; между тем известно, что на востоке не принято ходить за водой в полдень, а потому следует признать, что и в этом случае Евангелист Иоанн определял время не по еврейскому счету.

Несогласные с таким толкованием говорят, что неправдоподобно в краткий утренний период времени вмещать такие крупные события, как суд синедриона, первый суд Пилата, суд Ирода, второй суд Пилата и бичевание Иисуса Христа.

В таких странах, как Палестина, все занятия и работы всегда начинались с рассветом, так как жители их спешили побольше сделать утром, до наступления дневного зноя. Да и вообще в прежние времена, даже не очень отдаленные, и не только в жарких странах, рано ложились спать, рано и пробуждались. Даже у нас, при Петре Великом, сенаторам было вменено в обязанность являться в заседания Сената в шесть часов утра. Поэтому будет вполне правдоподобным считать, что вторичный суд синедриона начался с рассветом, с наступлением утра, до восхода солнца, тем более, что это подтверждают все Евангелисты. Первый из них говорит, что когда **настало утро**, первосвященники и старейшины народа имели совещание... (Мф. 27, 1). По сказанию второго, это произошло **немедленно поутру** (Мк. 15, 1). Лука говорит: **И как настал день**, собрались старейшины... (Лк. 22, 66). Иоанн же свидетельствует, что **было утро**, когда повели Иисуса в преторию (Ин. 18, 28). Все эти свидетельства доказывают, что не в двенадцатом часу дня (по нашему счету) Пилат судил Иисуса, а **немедленно поутру**, как только **настал день**, когда дневной свет сменил ночную тьму.

Вторичный суд синедриона был созван лишь для соблюдения формальности, продолжался недолго и ограничился допросом Обвиняемого (Лк. 22, 66–71; 23, 1), на что могло потребоваться не более десяти минут; такая быстрота вполне правдоподобна при понятной торопливости синедриона. Заседание происходило не в доме Каиафы, где был первый суд, а в постоянном помещении синедриона (Лк. 22, 66), в одном из храмовых зданий. Немедленно же после произнесения приговора весь синедрион отправился к Пилату, дворец которого был тут же, около башни Антония; следовательно, на переход этот затрачено было очень мало времени. Первый суд у Пилата был краток. Отправление Иисуса Христа к Ироду, занимавшему помещение тут же, близ претории, и пребывание Его у Ирода тоже не могли потребовать много времени: ни на один вопрос Ирода Христос не ответил (Лк. 23, 9), и Ирод ограничился лишь издевательством над Ним. Более продолжительным был второй суд у Пилата, прерванный на время бичеванием Иисуса Христа и потом опять возобновленный. Трудно определить с точностью время, употребленное на это, но думаю, что на второй суд с бичеванием потребовалось не более часа; но если

даже от начала второго суда Пилата и не до конца его, а только до произнесения Пилатом слов «се, Царь ваш!» — прошел целый час, то все же будет вполне правдоподобным считать, что от начала второго суда синедриона и до произнесения Пилатом этих слов прошло не более двух часов.

Все это произошло 14-го нисана, в пятницу, в 783 году от основания Рима, то есть 7 апреля, когда от рассвета в Иерусалиме и до шести часов пополуночи должно было пройти по крайней мере полтора или два часа. И если принять во внимание торопливость синедриона, имевшего основательные опасения, что народ помешает осуществлению его замыслов, то придется признать, что все события от начала второго суда синедриона и до произнесения Пилатом известных слов могли вписаться в период времени от рассвета и до шести часов пополуночи.

Если же полагать, что и Иоанн считал время по-еврейски и что, следовательно, Пилат в двенадцатом часу дня еще не окончил своего суда, то тогда сборы к шествию на Голгофу, самое шествие, распятие и все события, происшедшие до наступления тьмы, придется совершенно произвольно, вопреки ясным утверждениям Евангелистов, отнести ко времени, следующему за полуднем, а смерть Иисуса Христа и Его погребение — к вечеру, то есть к субботе.

Кажется, эти доводы достаточно убедительны; но защитники противоположного мнения говорят, что если Пилат творил свой суд в шестом часу утра, то нечем будет заполнить время от шести до девяти часов утра.

Посмотрим, так ли это: действительно ли нечем? Нам известно, что после отдачи Пилатом Иисуса во власть синедриона Христа переодели в Его одежды, принесли кресты, а может быть, и заготовили их тут же. Предстоявшая казнь в канун еврейской пасхи была совершенно неожиданна для римских воинов, исполнявших обязанности палачей, и потому кресты могли быть и не готовы. Потом возложили кресты на осужденных и пошли на Голгофу. Христос был изнурен бессонной ночью, истязаниями бичеванием; к тому же нервы Его были страшно потрясены предательством Иуды, отречением Петра и бегством всех Апостолов; Он изнемог, поминутно падал под тяжестью креста и этим останавливал, замедлял шествие. С такими остановками шествие медленно достигало городских ворот, и лишь за городом воины возложили крест Христов на возвращавшегося с поля Симона Киринаянина, и только тогда шествие могло продолжаться безостановочно. Когда же пришли на Голгофу, надо было выкопать глубокие ямы для установки и укрепления в них крестов, а затем и произвести само распятие. Думаю, что все время от седьмого до девятого часа было заполнено этими событиями, а потому и в этом отношении мнение о распятии Христа в девятом часу утра представляется вполне правдоподобным.

Итак, на основании евангельских повествований следует признать, что второй суд синедриона начался на рассвете в пятницу, что Пилат еще продолжал свой суд в шестом часу утра, что распяли Иисуса Христа в девятом часу, что тьма наступила в двенадцатом часу и что Иисус Христос умер в третьем часу по полудни и до шести часов вечера был погребен. Конечно, выражения Евангелистов — «шестой», «третий», «девятый» — можно принимать двояко: или буквально, как *шестой* час, или же как *шесть* часов и т. д.

Мое мнение основано на авторитете Евангелистов и подтверждает истинность их повествований. Общепринятое же мнение о времени распятия Иисуса Христа силится доказать ошибочность евангельских сказаний; и делается это единственно для того, чтобы поддержать авторитет церковного песнопения. Ревностным сторонникам общепринятого мнения я скажу в заключение: «Если вы подрываете доверие к Евангелистам, то тщетна и вера ваша».

Примечания

1

Греческое слово «Иисус» (по-еврейски «Иешуа», сокращенное из «Иегошуа») означает «Спаситель». Греческое «Христос» и еврейское «Машиах» (Мессия) означают «Помазанный». Поэтому слова Христос и Мессия — однозначные и применялись к лицу обещанного евреям Избавителя или Примирителя. Еврейских царей и первосвященников помазывали елеем в знак ниспослания им особых даров Божиих, поэтому они назывались помазанными.

2

Гл. 4 послания; см. «Писание мужей апостольских». Пер. Преображенского 1895 г.

3

Православная Церковь учит, что Ангелы созданы Богом ранее создания Им видимого мира. Поэтому мое выражение «строгая последовательность в сотворении живых существ, начиная от растительной клеточки и доходя до человека, должна была продолжаться далее и остановиться на создании мира духов», — может показаться некоторым читателям как будто противоречащим учению Церкви. На самом же деле никакого противоречия тут нет. Бог, по всеведению Своему, наперед знал, что и в каком порядке Он создаст; по всемогуществу же Своему, Он мог создать мир и не в той последовательности, которая представляется нашему воображению; следовательно, Он мог сотворить мир духов ранее мира материального. Создал ли Господь духов вначале или в конце Своей творческой деятельности (хотя конца этой деятельности нет: Отец Мой доныне делает, и Я делаю (Ин. 5, 17)), — это, для доказательства бытия ангелов безразлично. Но, если рассматривать все, уже сотворенное Богом, то нельзя умолчать о требованиях разума, чтобы между Богом и человеком были существа, более близкие к своему Творцу, чем человек. Далее этого требования разума я не иду в желании своем доказать существование ангелов.

4

Здесь и далее указаны номера страниц дореволюционных изданий.

5

в Евангелиях от Матфея и от Марка в этих стихах слова Иоанн в славянском переводе не имеется.

6

Это подтвердил и Сам Господь, сказав фарисеям и старейшинам иудейским: Пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне. А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели (Ин. 5, 33–37). Если бы при Крещении Иисуса народ слышал голос с неба, то, конечно, Иисус сказал бы теперь об этом, так как речь шла о свидетельстве Иоанна; а так как Он, напротив, сказал, что гласа Его (Отца) не слышали, то надо полагать, что голос с неба при Крещении Иисуса был только для Него и Иоанна, но не для народа.

7

Исповеда и не отвержеся: и исповеда (Ин. 1, 20) означает: открыто заявил.

8

Иоанн Креститель засвидетельствовал перед посланными от синедриона, что не знал Иисуса. Но (спрашивают неверующие) почему же он, не зная Иисуса, не хотел допустить Его до Крещения и сказал Ему: Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? (Мф. 3, 14). Ведь из этих слов Крестителя видно, что он узнал Иисуса, следовательно, знал Его.

На это мы ответим: Иоанн не мог сказать неправду. Это был человек стойкий, неспособный колебаться в ту или иную сторону. Это — не трость, ветром колеблемая. Это служитель правды, и любовь свою к ней он запечатлел своей смертью. Если бы он согласился не обличать Ирода Антипу в противозаконной связи с женой живого брата, то за одно только молчание его царь осыпал бы его золотом с ног до головы! Но он не остановился в своих обличениях даже перед угрозой казни и от правды не отступил. Зная это, надо безусловно доверять показанию такого свидетеля и не требовать никаких доказательств правдивости его.

Говоря посланным от синедриона, что он не знал Иисуса, Иоанн тут же объяснил им, почему он в Иисусе узнал Мессию, Сына Божия. Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом... И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий (Ин. 1, 33–34).

Поэтому, если Иоанн, не знавший Иисуса, не хотел допустить Его к Крещению, признав себя недостойным крестить Его, то надо полагать, что Божественность Иисуса открыл Иоанну и в этот момент никто иной, как Тот же Дух Святой, Который во время самого Крещения дал ему возможность узнать, что крестящийся Иисус есть Сын Божий.

9

Христос говорил ученикам об ангелах, нисходящих к Нему с неба и обратно восходящих от Него; и говорил Он это вскоре после искушения Его диаволом. А мы знаем, что когда Христос отверг все искушения диавола, то Ангелы приступили и служили Ему (Мф. 4, 11); приступили, значит сошли с неба, а по окончании служения своего опять взошли на небо. Во время Преображения Господня Апостолы Петр, Иаков и Иоанн видели сошедших с неба пророков Моисея и Илию (Мф. 17, 3; Мк. 9, 4; Лк. 9, 30). В Гефсиманском саду, после третьего моления Иисуса о чаше, явился... Ему Ангел с небес и укреплял Его (Лк. 22, 43). На третий день после погребения Иисуса Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем (Мф. 28, 2). Этого Ангела, а также и другого видели как Мария Магдалина, так и другие жены-мироносицы (Мф. 28, 5; Мк. 16, 5; Лк. 24, 4; Ин. 20, 12). При Вознесении Господнем, когда облако взяло Его из вида их (то есть Апостолов), предстали... два мужа (два ангела) в белой одежде (Деян. 1, 9, 10). Вот и подтверждение слов Господних об ангелах нисходящих и восходящих.

10

В числе так называемых братьев Господних, которые могли быть не ближе, как только троюродными братьями Иисуса Христа, были Иаков и Иуда, а в числе двенадцати Апостолов были два Иакова и два Иуды.

Это совпадение имен дает повод к вопросу: не были ли братья Господни, Иаков и Иуда, в числе двенадцати Апостолов? Вопрос этот представляется многим вполне уместным потому, что Иаков, брат Господень, после Воскресения Христова занимал выдающееся положение в Иерусалимской Церкви как епископ, и перу его принадлежит Соборное послание Апостола Иакова. Словом, на этот вопрос надо дать ответ.

Из двух Апостолов, носивших имя Иакова, первый был сыном Зеведея и Саломии (Мф. 4, 21; 27, 56). Само собой разумеется, что Иаков, сын Соломин, не мог быть братом Господним, потому что Иаков, брат Господень, был сыном Марии Клеоповой (Мф. 27, 56; Мк. 15, 40; 16, 1; Лк. 24, 10; Ин. 19, 26). Не мог быть Иаков Зеведеев братом Господним еще и потому, что умер раньше Иакова, брата Господня: Иаков Зеведеев был убит мечем по приказанию Ирода в царствование императора Клавдия, которое продолжалось с 39 по 42 г. по Р. Х. (Деян. 12, 2); — Евсевий. Кн. 2. Гл. 11); а Иаков, брат Господень, был сброшен первосвященниками с кровли Иерусалимского храма и побит камнями незадолго до осады Иерусалима, в царствование Нерона, которое продолжалось с 54 до 67 г. по Р. Х. (Евсевий. Кн. 2. Гл. 23; Иосиф Флавий. Иудейские Древности. Кн. 20. Гл. 9).

Что же касается Апостолов Иакова Алфеева и брата его Иуды (не Искарриота), то, в доказательство того, что и они не были братьями Господними, сошлемся на свидетельство Евангелиста Марка. Св. Марк называет Иакова, брата Господня, Иаковом меньшим или, по-другому, более правильному переводу, малым (Мк. 15, 40), вероятно, по причине его малого роста; тогда как Апостола Иакова второго тот же Евангелист (а равно и другие) называет Иаковом Алфеевым (Мк. 3, 18; Мф. 10, 3; Лк. 6, 15). Наименование Иакова, брата Господня, малым сделано, конечно, не без умысла: здесь видно желание Евангелиста отличить Иакова, брата Господня, от двух Апостолов, носивших то же имя. Кроме того, мы знаем, что братья Господни Иаков, Иосия, Иуда и Симон были сыновьями Марии, мужа которой звали Клеопой, а не Алфеем; Апостолы же Иаков Алфеев и брат его Иуда (не Искарриот) были сыновьями Алфея.

Евангелисты, упоминая о братьях Господних, всегда отличали их от двенадцати Апостолов (напр. Мф. 12, 48; Мк. 3, 33; Ин. 2, 12; Деян. I 14), а Евангелист Иоанн свидетельствует, что братья Господни не веровали в Него (Ин. 7, 5), следовательно, не состояли не только в числе Апостолов, но даже и в числе учеников Его.

Правда, в Соборном послании Иакова, которое признается за послание епископа Иерусалимского Иакова, брата Господня, автор его называется Апостолом; но это не делает нам никакого основания считать автора этого послания одним из двенадцати Апостолов. Апостольское звание Иаков, брат Господень, получил по своему положению епископа Иерусалимской Церкви подобно тому, как и Павел (Савл), бывший гонитель христиан, именовался Апостолом после явления ему Иисуса Христа.

Итак, троюродные братья Иисуса Христа, сыновья Марии Клеоповой, уверовавшие во Христа лишь после Воскресения Его, не были в числе двенадцати Апостолов.

11

Если бы Спаситель бил продавцов быков, а не самих быков, то бил бы продавцов птиц, но о них сказано: и сказал продающим голубей: возьмите это... (Ин. 2, 16).

12

Возможно, впрочем, что Никодим понял мысль о необходимости духовного возрождения, но на основании опыта почитал сие столь же невозможным для старого человека, как вторичное плотское рождение от своей матери. Тогда Господь начинает изъяснять ему учение о Своей возрождающей

благодати, предварив его повторением прежней мысли.

13

Думаю, что эти слова: возжаждет опять (Ин. 4, 13) можно отнести и ко всем людям, стремящимся к познанию истины. Все так называемые богоискатели, ищущие Бога помимо Христа, все философы, мечтающие познать истину помимо Откровения, всегда будут жаждать, никогда не утолят свою жажду истины, ибо сами же отвергают эту истину. И мы, изучая различные философские системы с целью познания истины, никогда не утолим своей жажды; сколько бы мы ни черпали из этого источника, мы все-таки возжаждем опять. Почти каждый философ начинает с критики всех философских систем, созданных до него, и на развалинах их возводит свое собственное здание, свой храм истины. Но последующие философы, войдя в этот храм, не находят в нем того, чего искали, не находят истины и, разрушив его, тщетно принимаются за сооружение нового храма, смутно сознавая, что и их работу постигнет та же участь. Но почему же они, жаждущие познания истины, не могут утолить свою мучительную жажду? Да потому, что черпают воду не из того источника, какой указан Господом, забывают слова Его: Я есмь истина, не хотят беспристрастно, без предубеждений и навязчивых мыслей потрудиться над разрешением вопроса: Кто был Христос? А если бы они основательно изучили Евангелие, то узнали бы, что Христос не мог быть не Тем, Кем Себя именовал и что поэтому Он действительно был Богочеловеком, Сыном Божиим, принесшим на землю Истину. И тогда они, утолив свою жажду, познали бы, что кто будет пить воду, которую дает Христос, тот не будет жаждать вовек (Ин. 4, 14).

14

Меня удивляют люди, верующие в Бога и вместе с тем отвергающие возможность совершения Им чудес. Если они признают Бога всемогущим Творцом всего мира, то какое же право они имеют ограничивать Его власть над миром? Если Бог всемогущ, то, несомненно, Он может проявлять Свое всемогущество во всякое время и в любом направлении, то есть может творить чудеса, если признает это необходимым. Кто отвергает власть Божию творить чудеса, тот отвергает Самого Бога, отвергает Его бытие, ибо Бог без всемогущества — не Бог.

Немало удивляют меня и те, которые признают достоверными все повествования Евангелистов, кроме повествований о чудесах и Воскресении Христовом. Ведь если Евангелисты выдумали все чудеса и самое Воскресение Иисуса, то они не заслуживают никакого доверия; таким свидетелям нельзя верить ни в чем, следовательно, надо отвергнуть все вообще повествования их, надо отвергнуть все Евангелие. А если люди, страдающие такими навязчивыми идеями о чудесах, все-таки признают Евангелистов достоверными повествователями, то здравый смысл должен указать им на логическую необходимость верить Евангелистам во всем, верить и повествованиям их о чудесах, как о событиях, действительно совершившихся.

15

Мех, или бурдюк, — это вместилище для вина, мешок, изготавливаемой из цельной кожи ягненка, барана или вола, имеющий вид туловища того животного, из кожи которого он сделан. В странах с жарким климатом принято сохранять вино в таких мехах.

16

В Евангелии Иоанна всех стихов 879; повествует он о пребывании Господа в Галилее и Самарии в 146-ти стихах; в первых 18-ти стихах первой главы он говорит вообще об Иисусе, как воплотившемся Слове, и об Иоанне, который послан был Богом свидетельствовать о Христе; в остальных же 715-ти стихах Евангелист Иоанн говорит о пребывании Господа в Иудее.

17

Слова и суд Мой праведен (Ин. 5, 30) означают: и суждение Мое о Себе правильно, истинно.

18

А вы хотели малое время порадоваться при свете его (Ин. 5, 35). Почему они хотели порадоваться и чему порадоваться? Ведь они не приняли свидетельства Иоанна о Христе, значит, нечему было радоваться. Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что время выхода Иоанна из пустыни и хождения его по всей окрестной стране Иорданской совпало с теми знаменательными событиями, которые означали скорое пришествие Мессии: скипетр отошел от Иуды (см. пророчество Иакова, с. 69), то есть царская власть над евреями перешла к чужеземцу, и седмины Данииловы приходили к концу (см. с. 69–74). Первосвященники, фарисеи и книжники, зная эти пророчества, должны были ожидать скорого пришествия Мессии и должны были, конечно, радоваться, что пришествие это произойдет при их жизни. Они, извратив пророчества о Мессии, ждали Его, как непобедимого царя-завоевателя, который покорит евреям весь мир, а их поставит царями над покоренными народами. И вот, при таких понятиях о Мессии, они слышат о новом Пророке, который проповедует в стране Иорданской. Мысль о том, что, быть может, этот Пророк и есть давно ожидаемый Мессия, несомненно, должна была занимать главарей еврейского народа; мечты же о наступлении того времени, когда они будут царить над всем миром, должны были радовать их. И вот, отдаваясь своим мечтаньям, радовались скорому осуществлению их. Но не долго они радовались: пошли они к Иордану, где крестил Иоанн, и, увидя его самого и услышав его громовую обличительную речь, обращенную к ним, порождениям ехидниным (см. с. 134), порешили, что Иоанн не соответствует тому представлению о Мессии, какое они составили себе и потому ушли от него, разочарованные и озлобленные. Да, радость их была непродолжительна; порадовались они малое время (Ин. 5, 35).

19

Потому-то Евангелист Лука и пояснил в своем повествовании, что это происходило в субботу, первую по втором дне Пасхи (Лк. 6, 1).

20

Наследование земли кроткими предсказано еще Псалмопевцем (Пс. 36, 11).

21

Точнее, под многословием должно разуметь подробное перечисление наших житейских нужд, что и поныне свойственно молящимся язычникам (например, черемисам), взамен испрошения даров духовных.

22

Подробности о Царстве Божием изложены ниже на с. 697–702.

23

Из этих слов видно, сколь неправы говорящие, будто Господь не предписывал людям поститься.

24

Фетлер, проповедник баптистов, в своей брошюре «Кто спасется» говорит, что никто собственными усилиями не может спастись; не спасутся и те, которые уповают на свои добрые дела; человек, умеющий оправдаться собственными своими делами, так же мало будет иметь успеха, как чернокожий, желающий смыть свою черноту. Признавая, впрочем, необходимость любви к ближним, прощения их согрешений и раскаяния в собственных грехах, этот проповедник все-таки продолжает так: «И не думайте сами помочь себе! Спасетесь только верою в Иисуса Христа. Спасется только тот, кто призовет имя Господне: Всякий, кто призовет имя Господне, спасется (Иоил. 2, 32)! Найти свою беспомощность, смириться душою, обратиться взором к Господу и призвать имя Его, — вот путь ко спасению! Что может быть проще этого? Все спасение заключается в одном маленьком слове "призовет". Тут не требуется ни силы, ни мужества; тут нужно лишь чувство боли, изнеможения, нужды! Всякий, кто призовет имя Господне, спасется! Всякий! Да, в ту же минуту, Господь, не откладывая, дает прощение грехов, лишь только вера протягивает свою руку».

Из этих основных положений учения баптистов, из этих изречений их проповедника, приведенных мной дословно, вы видите, как легко им спастись. Стоит лишь обратиться к Господу, и будешь спасен в ту же минуту. Всякий, кто призовет имя Господне, спасется! Не странно ли звучат эти слова в устах проповедника баптизма? Господь наш, Иисус Христос, в Своей Нагорной проповеди, сказал: Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но (только) исполняющий волю Отца Моего Небеснаго (Мф. 7, 21), то есть: не всякий, признающий Иисуса Христа Господом и призывающий имя Его, спасется. А проповедник баптистов, не соглашаясь с Господом, поправляет Его и говорит: Нет, всякий, кто призовет имя Господне, спасется! Не слишком ли много берут на себя господин Фетлер и все баптисты, исповедующие его учение?!

25

Христос, Сын Божий, сошел на землю и вочеловечился не только для того, чтобы научить людей исполнять волю Божию и примером Своей земной (по человечеству) жизни доказать, что исполнение ее возможно, но, главным образом, для искупления многих (Мф. 20, 28). Об искуплении будет сказано ниже, в главе «Что вы думаете о Христе?» Здесь же говорится пока только о том, как Христос Своим словом и примером научил людей исполнять волю Божию. Делаю эту оговорку для того, чтобы читатели не могли составить себе превратного мнения о цели пришествия на землю Господа нашего Иисуса Христа.

26

Ср. притчу о мытаре и фарисее.

27

Я говорю о заповеди Господней трудись! вот на каком основании. В книге Бытия сказано: И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать и хранить его

(Быт. 2, 15). Вот одна из трех заповедей, данных Богом первому человеку. Отдавая людям в обладание всю землю, Бог внушил Адаму, что без труда счастье невозможно даже в раю, что и в этом чудном саду надо трудиться, надо возделывать и хранить его. И этот закон труда дан был первым людям не в наказание за грех (так как они тогда еще не согрешили), а как необходимое условие счастливой жизни. О двух других заповедях (люби Бога! люби ближнего!) Моисей не говорит ничего в своем повествовании о сотворении первых людей и упоминает о них в других книгах своих (Лев. 19, 18; Втор. 6, 5) потому, что эти главнейшие заповеди были всем известны, как вписанные, так сказать, в сердцах человеческих. (Подробности см. в моей брошюре «Три заповеди»).

28

Это только примеры, до чего должна доходить снисходительность человека. Лучше подставить другую щеку, чем самому ударить обидчика. Если суд своим несправедливым решением присуждает тебя отдать рубашку твоему сопернику, то лучше будет для тебя отдать ему и верхнюю одежду, чем воздавать ему за это зло каким-либо иным злом. Если кто-либо принуждает тебя поработать на него, то лучше будет для тебя сработать ему вдвое более того, к чему тебя принудили, чем воздавать ему каким-либо злом за такое принуждение.

29

Прозящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся (Мф. 5, 42) и от взявшего твое не требуй назад (Л к. 6, 30). Да позволено будет мне поставить наперед заповедь — от хотящего занять у тебя не отвращайся. Мы знаем, что люди нуждающиеся не решаются иногда просить о помощи. Стыдятся ли они просить или что-нибудь иное заставляет их молчать — это вопрос второстепенный, не имеющий для нас никакого значения. Но так как нужду свою такой молчаливец скрыть не может, ее легко прочесть по его глазам, то мы не должны ждать, пока он обратится к нам с просьбой; довольно с нас того, что он нуждается в нашей помощи и что хочет просить о ней; и мы должны идти навстречу его желанию, должны сами или догадаться, или спросить его, чем бы мы могли ему помочь. На самом же деле, люди жадные, боящиеся расстаться даже с копеечкой, часто отворачиваются от таких скромных бедняков, делают вид, что не замечают их. К ним-то и обращается Господь, говоря: От хотящего занять у тебя не отвращайся (Мф. 5, 42). Надо заметить, что слово занять не следует понимать буквально. Занять, значит воспользоваться какой-либо помощью или услугой.

Да, от хотящего занять у тебя не отвращайся! Тем более не отвращайся от того, кто уже просит о помощи. Прозящему у тебя дай — то есть помоги просящему по мере сил твоих. Если мы ежедневно просим у Бога разных милостей, то как же смеем отказывать просящим у нас? Ведь тогда же Господь сказал: какую мерою мерите, такую же отмерится и вам (Лк. 6, 38); а это значит: какой мерой вы определяете нужду просящего у вас помощи и какой мерой отпускаете эту помощь, такой же и вам воздаст Господь, когда вы будете просить Его о чем-либо. Когда мы оказываем просящему помощь, то не должны рассчитывать ни на какую услугу, ни на какую помощь с его стороны, ибо Господь сказал: От взявшего твое не требуй назад. Давая нам эту заповедь, Христос говорил не об обманщиках, грабителях, ворах и иных хищниках, которые обманом, тайно или явно берут себе чужое имущество; Он, конечно, не мог покровительствовать им и обеспечивать им плоды нарушения ими восьмой синайской заповеди — не кради. Не о них говорил Господь, а о тех, которым мы оказали услугу или дали какую-либо материальную поддержку; они это взяли от нас, и от таких, взявших наше, мы не вправе требовать его обратно, мы можем только надеяться, что и они помогут нам, когда мы сами будем нуждаться, но требовать помощи, требовать как бы назад добровольно данное нами, подаренное, мы не смеем, ибо Господь сказал; от

взявшего твое не требуй назад.

30

Евангелист Матфей, рассказывая об исцелении слуги сотника, обратил особенное внимание на силу веры самого сотника, просившего о заочном исцелении его слуги: скажи только слово, и выздоровеет слуга мой (Мф. 8, 8). Обратил особенное внимание на эти слова Евангелист Матфей потому, что они дали повод Спасителю пожалеть о неверии евреев и предсказать им за то печальное будущее. Поэтому, оттеняя особенно силу веры сотника и передавая подробно последовавшие за просьбой сотника слова Господа, Евангелист Матфей не придавал никакого значения подробностям этого события; подробности о том, кто передал Господу просьбу об исцелении больного и как сотник выслал своих друзей, не имели никакого отношения к цели, с которой Евангелист Матфей рассказал о самом событии. Заочное исцеление слуги, сильная вера сотника и предсказание Господом участи евреев — вот что хотел записать Евангелист Матфей, а для этой цели было безразлично, передал ли сотник свою просьбу лично или через третьих лиц.

Евангелист же Лука, писавший свое Евангелие после Матфея и, несомненно, имевший под руками Евангелие Матфея, захотел дополнить его некоторыми подробностями, на которые не обратил внимание первый Евангелист. Что Лука хотел только дополнить рассказ Матфея, видно уже из того, что он передал очень кратко слова Господа; передал кратко, чтобы не повторять сказанное Матфеем.

Таким образом, судя по тому, какую цель имел в виду каждый из этих Евангелистов, следует признать, что никакого противоречия в их повествованиях не имеется.

31

Будьте мудры, как змии и просты (то есть кротки, незлобивы), как голуби. Эта заповедь дана Господом не одним только Апостолам, которых Он отправлял на проповедь, но и всем вообще проповедующим слово Божие. Проповедник, будь то пастырь, облеченный священным саном, или миссионер, или же просто верующий человек, должен с голубиным незлобием относиться к заблудшим овцам стада Христова. Доказывая им их ошибки в понимании догматов веры, силы таинств, значения общественных молитв и пр., он не должен раздражаться, если речь его почему-либо оказывается неубедительной для слушателей; видя упорство заблуждающихся, он должен скорбеть о том и молить Господа, да откроет Он сердца их слову истины; но гневаться за это на них не должен. Мудрость подскажет ему, когда и где надо прекратить проповедь; но и уходя от них, он должен молить Господа, чтобы и они были близки к Царству Небесному, чтобы Он и их вернул в Свое стадо. Да, молиться, но не гневаться и, тем более, не проклинать заблуждающихся.

32

Он принес на землю истину. А истина, как и свет, разделяет людей: одни идут к свету, а другие предпочитают оставаться во тьме. Поэтому слово меч нельзя понимать в буквальном смысле. Как силой меча можно разъединить самых близких людей, так и разногласие во мнениях людей разобщает, даже ссорит их и доводит до ожесточения. И такое-то разногласие во многих семьях произошло из-за проповеди Апостолов о воскресшем Христе.

33

В ноябре 1911 года я видел в музее княжества Монако скелет кита длиной 28 аршин, убитого в Средиземном море.

34

По нашему счету, днем называется время от восхода солнца и до захода его, а ночью — время от захода и до восхода солнца; сутки же считаются от полуночи до полуночи. А у евреев был счет другой: сутки исчислялись от захода солнца и до следующего захода его.

35

1 Коварная женщина предусмотрела возможность всякой отговорки царя: если бы она сказала просто — «казни Иоанна» — то Ирод мог ответить: «Я обещал тебе подарок, а не действие». Вот почему она говорит: «Дай мне в дар голову Крестителя на этом блюде».

36

Во время так называемого освободительного движения в России, на различных народных собраниях ораторы старались уверить толпу, что Сам Иисус Христос был революционером. Но эта кощунственная клевета опровергается рассказами святых Евангелистов. Чудесно насыщенная толпа, в которой одних только взрослых мужчин было около пяти тысяч, предлагала Иисусу царскую власть, хотела даже помимо Его желания вести Его в Иерусалим и там провозгласить Царем Израилевым. Несомненно, что к этой толпе, по пути шествия её в Иерусалим, присоединились бы ещё несметные толпы народа, страстно желавшего свергнуть римское иго и начать осуществление народных мечтаний о покорении евреями всего мира. Народ был так подготовлен к восстанию, революции, что стоило Иисусу Христу согласиться объявить Себя Царем Израилевым, и евреи пошли бы за Ним почти все поголовно. Но Христос отказался от такого предложения. А кто из революционеров не воспользовался бы таким случаем, чтобы стать во главе народного движения и осуществить свои революционные замыслы? Да разве это был единственный случай? Каждый день Христос мог создавать такие поводы к провозглашению Себя Царем. А воскрешение Лазаря, когда многие даже из враждебной Иисусу партии уверовали в Него? А торжественный въезд Иисуса в Иерусалим, когда весь народ встречал Его, как желанного Царя Израилева, и кричал победное осанна? Кто из революционеров не воспользовался бы таким благоприятным случаем, чтобы поднять народ и объявить себя царем? А Христос, хотя и принял чествование Его как истинного Мессии, обещанного Богом и предвозвещенного пророками, но власти земного царя не принял. Народ был так возбужден в то время, что пошел бы за Иисусом всюду, куда бы Он его ни повел; и народ был уверен, что Сын Давидов, торжественно въезжавший в столицу Своего Царства, немедленно же и примет принадлежавший Ему скипетр. Но на самом деле оказалось, что Христос, осмотрев храм и увидя его опять превращенным в базарную площадь, не предпринял ничего, по случаю позднего времени, и пешком ушел со своими Апостолами в Вифанию на ночлег; на другой день Господь совершил исцеления всех больных, находившихся в храме, а на третий — обличал фарисеев и книжников, но о Царской власти Своей не только не сказал ни слова, но даже заповедал отдавать кесарево кесарю. И этот отказ от предложенной Царской власти, в связи с подстрекательствами первосвященников, книжников и фарисеев, произвел переворот во мнениях народа об Иисусе. Если Он не принял власти, не провозгласил Себя Царем Израилевым, значит, Он — не Мессия; так, несомненно, рассуждал народ; и ему больно было признать свои мечтания несбывшимися; больно было опуститься из-за облаков всемирного царства еврейского на неприглядную землю, охраняемую мечами беспощадных римских воинов. Разочарование в человеке нередко влечет за

собой страшное озлобление к нему. Если Иисус не Мессия, то — распни, распни Его! И Господь знал, что все это так и будет, и, несмотря на это, не стал во главе зарождавшейся революции, отклонил от Себя скипетр Царя Израилева. Так пусть же не дерзает никто называть Его революционером! Пусть не сбивают с толку простодушных людей, имеющих смутное понятие о Христе, Сыне Божиим!

37

На с. 463 высказано предположение, что Господь, направляясь в лодке с Апостолами к Вифсаиде Юлиевой, высадился на берег раньше, чем доехал до этого города, так как сжалился над толпами народа, шедшими поспешно по берегу. Если это предположение верно, то место чудесного насыщения народа определить весьма трудно.

38

Плывшие в лодке Апостолы находились от берега, где остался Господь, на расстоянии около пяти верст (25–30 стадий). На таком расстоянии, да еще в темную ночь, Иисус, как Человек, не мог видеть бедствующих Апостолов; а если Он знал, что они бедствуют, то это доказывает Его всеведение, то есть свойство Божеское.

39

Собственно, не сила веры Петра совершила чудо: совершил чудо Христос Своей Божественной силой; но для воспринятия этой силы нужна была сильная вера Петра. Пока Петр не сомневался, что дойдет до идущего по воде Господа, он шел; а как только вера его поколебалась и страх напал на него, он стал тонуть.

40

Книжники и фарисеи, всегда враждебно относившиеся к Иисусу Христу, не упускали ни малейшего повода, чтобы поколебать в народе веру в Него, как в Мессию. И теперь, когда Господь сказал, что Он сошел с небес... чтобы творить волю... пославшего Его Отца (Ин. 6, 38), они, с нескрываемой насмешкой, обратились к народу, говоря, что Иисус из Назарета, Которого отца и Мать мы знаем (Ин. 6, 42), не мог сойти с небес.

Тайна рождения Иисуса была неизвестна врагам Его и говорить о ней теперь было бы бесцельно; но указать на тот путь, который может привести к вере во Христа, следовало. И вот, с этой целью Господь сказал: Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня (Ин. 6, 44).

При буквальном понимании этих слов невольно задаешься вопросом: если прийти ко Христу и, следовательно, спастись могут лишь те из людей, которых привлечет к Нему Отец, то чем же виноваты те, которых Отец не привлек и не хочет привлечь к Нему? Отвечая на этот вопрос, мы должны вспомнить, что Бог-Отец, по беспредельной любви Своей к роду человеческому, по безграничной благодати своей, желает, чтобы все люди спаслись; для этого Он и послал в мир Сына Своего едиnorodного; для этого Он и зовет к Сыну всех, зовет делами, которые дал Сыну совершать всенародно. А при таких понятиях наших о Боге, основанных на учении Господа нашего Иисуса Христа, нельзя говорить, что Отец привлекает к Сыну не всех, а кого хочет. А если нельзя так говорить об Отце, то нельзя и понимать буквально вышеприведенные слова Иисуса Христа.

Как же надо понимать эти слова? Думаю, что в них речь идет не об Отце, к Которому все люди, по

природе своей, должны иметь влечение, а о людях, из которых одни имеют естественное, врожденное влечение к своему Творцу, а другие, отуманив свой ум и ожесточив сердце свое, заглушили в себе это природное влечение. И если принять это разъяснение, то истинный смысл слов Господа будет таков: кто не имеет влечения к Богу-Отцу, кто не любит Его и не старается исполнять Его волю, словом, кто равнодушно относится к Отцу, кого ничто не влечет к Нему, тот, понятно, не пойдет и к Сыну; в Сыне открылся Отец, и если люди не интересуются Отцом, то станут ли интересоваться Сыном?

Да, никто не придет к Сыну, если не чувствует природного влечения к Отцу, и это мы видим почти повседневно в наш век неверия: люди, отвергающие бытие Бога или равнодушно относящиеся к вопросу о его бытии, совсем не интересуются и Евангелием. Зачем им знать Христа, в Котором открылся отвергаемый ими Бог? Бог, в бытие Которого они не верят, не влечет их к Себе. Вот почему они и не идут ко Христу. Люди же, ищущие Бога, следовательно, имеющие влечение к Нему, прежде всего берутся за Евангелие, то есть идут ко Христу и в Нем стараются познать Бога.

Таким образом, мысль Господа, выраженную в вышеприведенных словах Его, следует понимать так: Никто не придет ко Мне, если не имеет влечения к пославшему Меня Отцу. Правильность такого понимания Мысли Господней подтверждается Его же словами: Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне (Ин. 6, 45).

41

Слова Господа, приведенные Евангелистом Матфеем (Мф. 15, 4), записаны Евангелистом Марком несколько иначе: Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий отца или мать свою смертью да умрет (Мк. 7, 10).

Почитай отца своего и мать свою — это пятая заповедь Божия, объявленная на Синае через Моисея; а злословящий отца или мать смертью да умрет — это один из карательных законов, изданных Моисеем.

Евангелист Марк в одном стихе передал слова Господа как о законе Божиим, так и о законе Моисеевом; а так как закон Божий, изложенный в десяти синайских заповедях, объявлен народу еврейскому тем же Моисеем, то Евангелист Марк оба эти закона называет объявленными Моисеем (ибо Моисей сказал). Но тот же Евангелист (Мк. 7, 9) передает предшествовавшие сему слова Господа вполне согласно с записью Евангелиста Матфея: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? (а у Матфея: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? (Мф. 15, 3)). Словом, оба Евангелиста передают слова Господа о заповеди Божией, которую фарисеи и книжники отменили ради соблюдения предания своего.

Спрашивается теперь, какую же заповедь отменили книжники и фарисеи? Конечно, Божию, ибо об этом Господь прямо говорит. Но так как заповедью Божией считается заповедь о почитании родителей и так как только ее отменили книжники и фарисеи (а закон Моисея о смертной казни за злословие родителей не отменяли), то, сопоставляя передачу слов Господа обоими Евангелистами, можно предположить, что Господь сказал так: Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать и Моисей сказал: злословящий отца или мать смертью да умрет. Думаю, что при таком изложении слов Господа не будет никакого противоречия в пересказах Евангелистов; да и сторонники смертной казни не будут оправдывать ее ссылкой на кажущееся им одобрение этой казни Самим Господом. Заповедуя любовь к ближним, даже злодеям и врагам нашим, и вменяя нам в обязанность спасти грешников заблудших овец и блудных сыновей, содействуя их самоисправлению, Христос не мог одобрять смертную казнь; ибо казнь эта не ведет грешника к исправлению, не возвращает его в стадо Христово, а напротив, окончательно препятствует ему вернуться в это стадо.

42

Не сама пища, но дух невоздержания, возникающий от объедения.

43

Из пределов Тирских и Сидонских Господь пошел к морю Галилейскому через Десятиградие. Если припомнить, что в Десятиградии, стране языческой, Господь исцелил двух бесноватых, из которых одного послал проповедовать (см. выше, с. 413–418), то можно предположить, что Господь не без цели избрал этот путь. Исцеленный бесноватый, несомненно, ходил по всем городам и селениям своей страны Гадаринской и всюду рассказывал, как исцелил его Господь; говорил он, конечно, всем своим и об учении Господа, и о Его заповедях, так как он после исцеления провел у ног Спасителя достаточно времени, чтобы услышать из уст Его принесенную Им на землю истину. Таким образом, можно предположить, что проповедь бывшего бесноватого подготовила в стране Гадаринской почву для выслушания Самого Господа, Которого прежде испуганные жители этой страны просили удалиться. Вот почему Господь и избрал такой, довольно кружной, путь к морю Галилейскому.

44

Царство Божие, а не Царство Небесное.

45

О злых духах см. выше, с. 156.

46

Около 260 000 кг серебра.

47

Около 430 г серебра.

48

По мнению профессора Несмелова, так называемые братья Иисуса не верили в Него как в Мессию, Избавителя, единственно потому, что Он решительно отказывался выступить в роли политического деятеля (Наука о человеке. Т. 2. С. 298).

49

См. сноску 2 на с. 128.

50

Если бы Иисус перед вступлением Своим на проповедь путешествовал по Индии и Египту, то на слова Его "Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня" враги Его могли бы сказать и, наверно, сказали бы: да, это учение действительно не Твое; Ты жил в Индии и Египте и оттуда заимствовал все, что говоришь. — Однако, никто не решился сказать ничего подобного, потому что всем было известно, что Иисус — плотник из Назарета, Которого все знают, знают и все Его прошлое. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно (Ин. 7, 17). Здесь Христос говорит об одном из способов познания Бога, о религиозном опыте. Если хотите убедиться, что проповедуемое Мною учение есть учение пославшего Меня Отца, то попробуйте творить волю Его, то есть исполнять в точности все заповеди, содержащиеся в этом учении; и вы увидите, как исполнение их, то есть воли Отца, преобразит вас, какая перемена к лучшему произойдет в вас и как вы через это приблизитесь к Богу; и тогда, чувствуя эту близость, вы узнаете, от Бога ли Мое учение, или Я Сам от Себя говорю.

51

Если бы вы знали, откуда Я, то верили бы Мне, не требуя никаких доказательств истинности Моих слов; но вы не знаете, откуда Я пришел и куда иду, потому и говорите, что свидетельство Мое о Себе не истинно. Но ведь вы знаете, что в делах, которые Я творю, свидетельствует о Мне Сам Отец Мой, пославший Меня; свидетельству же Его вы не можете не верить.

52

Иначе: суждение Мое.

53

И истина сделает вас свободными (Ин. 8, 32). Разъясняя это выражение, Господь назвал всякого, делающего грех, рабом греха; поэтому следует признать, что быть свободным — значит не быть рабом греха, не грешить.

С пришествием Христа на землю люди познали истину о назначении человека, узнали и средства для достижения цели земной жизни, чего не знали прежде. Не зная этой истины, не зная воли Божией, люди грешили, то есть жили не так, как Бог велит, и не сознавали даже, что грешат. Положим, воля Божия, выраженная в главнейших заповедях о любви к Богу и ближним, вписана, так сказать, в сердцах людских при самом сотворении людей; но люди скоро ожесточили свои сердца, разучились читать в них и стали грешить почти бессознательно; словом, стали рабами греха. Христос же возвестил людям истину, предоставил им возможность освободиться от этого рабства, сбросить с себя цепи раба и стать свободными. Но, к сожалению, мы так сроднились с этими цепями, что, несмотря на объявленную нам свободу, все-таки остаемся в рабстве; остаемся, но не все. А кто, познав истину, сбрасывает с себя связывавшие его оковы, тот действительно становится свободным гражданином Царства Божия и твердой поступью идет к вратам Царства Небесного. Да, принесенная Христом истина делает принимающих ее свободными! И что значат всевозможные политические свободы в сравнении с этой свободой?

54

См. мою брошюру «Три заповеди».

55

Христос постоянно призывал всех Своих слушателей к покаянию, то есть к самоосуждению за грехи вообще; в данном же случае Он говорил о грехе особенном, которым заражено было громадное большинство современных Ему евреев. Грех этот — непризнание в лице Иисуса истинного Мессии. Три года Иисус разъяснял евреям, что обещанный Избавитель — не тот земной царь-завоеватель, пришествия которого они ждут, а сошедший с небес Сын Божий, Царство Которого не от мира сего. Когда Его спросили: что нам делать, чтобы творить дела Божии? (то есть исполнять волю Божию), — Он ответил: Веровать в Того, Кого Он послал (Ин. 6, 28–29). Но громадное большинство евреев и слышать не хотело, что Царство обещанного им Избавителя — не от мира сего. Христос применял особые меры к вразумлению заблуждавшихся: Он объявил Себя вечнующим Сыном Божиим и, в подтверждение истинности Своих слов, совершал такие дела, какие может творить только Бог. Но и это не привело евреев к сознанию своей грубейшей ошибки, к самоосуждению за этот тяжкий грех. Вот об этом-то грехе и говорил теперь Господь, предупреждая не только Своих слушателей, но через них и всех евреев, что если не уверуют в Него, то погибнут так же, как погибли убитые Пилатом и задавленные Силоамской башней. И предсказание Его сбылось в точности.

56

Вот эти случаи: Лк. 2, 49; Ин. 1, 51; Ин. 2, 16; Ин. 3, 13–18; Ин. 4, 25–26 Лк. 4, 17–21; Лк. 5, 21–25; Ин. 5, 17–47; Мф. 12, 6–8; Мф. 7, 21–23; Лк. 7 48–49; Мк. 5, 19; Мф. 11, 27; Мф. 10, 32–33; Мф. 12, 28; Ин. 6, 38–46, 62 Мф. 16, 15–19, 27; Мф. 18, 10, 19–20, 35; Ин. 8, 12–16, 18–19, 23, 28–29, 38, 42 54–58; Ин. 9, 35–37; Ин. 10, 15–18; Ин. 10, 24–38; Ин. 11, 4, 25; Мф. 20, 23 Мф. 22, 41–45; Ин. 12, 44–50; Мф. 24, 30–31; Мф. 25, 31–46; Лк. 22, 28–30 Ин. 14, 1-25; Ин. 15, 1-27; Ин. 16, 5, 7, 15, 27–28; Ин. 17, 1-26; Мк. 14, 61–62 Лк. 22, 67–70; Ин. 19, 7; Лк. 23, 43. О многих случаях богосознания Иисуса Христа говорят два, три и даже все четыре Евангелиста; но, чтобы не особенно затруднять читателей справками, я привожу о каждом случае богосознания повествование только одного Евангелиста.

57

Порфира — верхняя одежда из дорогой материи пурпурного цвета; виссон — нижняя одежда, белая, из очень тонкой египетской льняной ткани, ценившейся на вес золота.

58

Талант — слиток серебра весом около 26 кг.

59

2 Мина — 1/60 таланта.

60

Рассказ свой об этой четвертой притче Евангелист Лука начинает так: Сказал же и к ученикам Своим. А так как учениками Иисуса назывались все вообще следовавшие за Ним и поучавшиеся Его проповедями и

притчами (см. Ин. 6, 66–67), то следует признать, что с этой четвертой притчей Он обратился к пожелавшим поучаться у Него мытарям и грешникам, окружавшим Его в то время, но никак не к Апостолам, к которым такая притча не могла иметь никакого отношения.

61

Выше, на с. 621, было объяснено, почему за управителем этим осталось прозвище «неверного» и после примирения его с арендаторами, которых он притеснял.

62

Но, конечно, живя такой жизнью, мы будем испытывать душевную нужду частой и продолжительной молитве.

63

Иисус Христос, как Сын Божий, равный Отцу, обладая божественным всеведением, не мог, конечно, высказывать никаких сомнений относительно будущего: будущее было Ему известно. Поэтому и в словах Его — Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле? (Лк. 18, 8) — нельзя усматривать ни неведения, ни сомнения с Его стороны относительно силы веры и распространения ее на земле ко времени второго пришествия Его. Христос говорил, что избранным, неотступно молящим Бога, Бог непременно даст просимое ими, и в этом никто не должен сомневаться. Скорее можно усомниться в верности Богу этих избранных, чем в верности Богу Своему обещанию подавать помощь избранным, неотступно молящим о ней.

Думаю, никакого иного значения это изречение Господа не имеет и не может иметь.

64

При этом должно помнить, что обет нищеты предложен был Господом уже после того, как юноша ему ответил, что он не преступил заповедей десятословия. Следовательно, вовсе не правы Толстой и другие нравоучители, требующие начинать подвиги жизни с отказа от имущества. Применение такого правила умножило бы только тунеядцев и воров.

65

Выслушав сказанное Господом о любостыжании и о том, как трудно спастись надеющимся не на Бога, а на свое богатство, Апостолы спросили: Так кто же может спастись? И Господь ответил им: Человекам это невозможно, Богу же все возможно (Мф. 19, 25–26).

В этом вопросе Апостолов и в ответе на него Господа содержится весьма важное указание на спасение. Мы уже знаем, что Господь требовал от людей, чтобы они сознали свое ничтожество в сравнении с доступным им совершенством; чтобы они оплакивали свои грехи и осудили бы себя за них; чтобы, осуждая себя за свои грехи, они твердо решились больше не грешить; и чтобы в борьбе с соблазнами и искушениями напрягали все дарованные им силы; словом, Господь требовал, чтобы мы, при помощи Божией, собственной силой брали Царство Небесное, чтобы стали достойными этого Царства. Но войти в это Царство человекам... невозможно (Мф. 19, 26; Мк. 10, 27): они должны быть введены в него.

Но как ввести в это Царство человека покаявшегося и после того жившего праведной жизнью? Ведь он все-таки грешник, хотя бы и прощенный. Грешник (а кто из людей не грешил?) может быть прощен Милостивым и Любящим Богом; прощен, то есть не наказан за грехи. Но прощение не есть оправдание: совершенные прощенным грешником грехи все же остаются на нем. Как же такой грешник может быть введен в Царство Небесное, приготовленное для праведников? Снять с себя прежние грехи, сделать так, чтобы их не было в его прошлом, он не может; а с этим грузом нельзя быть принятым в Царство Небесное. Да, человекам это невозможно, Богу же все возможно.

Сказанной (вскоре после этого) притчей о брачном пире Христос разъяснил, что для вступления в Царство Небесное прощенный грешник должен как бы переодеться в одежду праведности, предложенную от Царя; и только Сам Царь Небесный может сделать это. Только Он может снять греховную одежду, то есть прежние грехи прощенного грешника, и облечь его в одежду праведника, то есть сделать так, как бы этих грехов не было. И делает это Христос, Царь Небесный, Своей искупительной жертвой на кресте принявший на Себя все грехи прощенных грешников, то есть совершает то, что невозможно человекам, но возможно Богу (Лк. 18, 27).

66

Да прославится через нее (то есть болезнь Лазаря) Сын Божий. Этими словами Иисус опять объявил Себя Сыном Божиим. Но граф Толстой и другие все-таки стараются уверить своих слепых поклонников, что Иисус никогда не называл Себя Сыном Божиим.

67

Из этого разговора видно, что Апостолы начинали уже верить в возможность смерти их Учителя, но они не понимали, что смерть эта — к славе Его, что за смертью последует Воскресение, иначе они не стали бы отговаривать Его от путешествия в Иерусалим. Но они отговаривали, потому что видели, как недавно, в том же Иерусалиме, в храме, фарисеи схватили камни, чтобы убить ими Иисуса; они предчувствовали, что озлобленные книжники и фарисеи приведут в исполнение свои преступные замыслы, и им стало жаль своего Учителя, Которого любили, Которого не могли не любить все, близко стоявшие к Нему. Они понимали, что Он идет на верную смерть, и хотели предотвратить ее; а когда это не удалось им, то, в порыве искренней любви в Иисусу, сказали: «Неужели мы расстанемся с Ним? Нет! Если Он должен умереть, умрем и мы с Ним!»

Слова — пойдём и мы умрем с Ним (Ин. 11, 16) — доказывают, что Апостолы смотрели теперь на Иисуса просто, как на горячо любимого ими Учителя, Пророка и Чудотворца, то есть как на Человека, а не как на еврейского Мессию и не как на Сына Божия. Если бы Он был Мессия, то не говорил бы о Своей смерти; а если бы был вечносущим Сыном Божиим, то тем более не мог бы умереть. А если Он постоянно внушает Апостолам мысль о неизбежности Его смерти, то значит, Он не Мессия и не Сын Божий, но просто замечательный Учитель, Пророк, к Которому Бог особенно благоволит и проявляет Свое благоволение к Нему в совершаемых Им чудесах. Так могли думать Апостолы и с такими, по-видимому, мыслями пошли за Иисусом по направлению к Иерусалиму.

68

И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими (Мф. 22, 10).

В этом изречении особенное внимание обращают на себя слова: и злых и добрых. Читая их, можно, пожалуй, подумать, что на брачный пир Царского Сына, то есть в Царство Небесное, будут допущены все, кого только звали, в том числе и злые, нераскаянные грешники. Но такое предположение было бы крайне ошибочным. Слуги Господни, Апостолы и их приемники, звали и зовут на брачный пир всех, и злых и добрых; но быть званым не значит еще быть избранным. Из всех званых на пир будут допущены только достойные, избранные. В рассматриваемой притче не сказано, что на пир были допущены все званые, и злые и добрые; сказано только, что рабы собрали всех, кого нашли; не сказано также, что пир наполнился и злыми, и добрыми; сказано только, что брачный пир наполнился возлежащими; а так как наполнению пира возлежащими должно было предшествовать предложение от Царя гостям брачных одежд, и так как брачные одежды даны не всем званым, то следует признать, что перед наполнением пира возлежащими сделан был выбор достойных и допущены были только избранные из всех явившихся.

В притче говорится, что один из возлежавших оказался не в брачной одежде: ему, как недостойному, не было дано брачной одежды, но он самовольно вошел в царские чертоги и был за это изгнан во тьму внешнюю. Подобный случай мог быть при пиршестве какого-либо земного царя по недосмотру служащих у него; но в Царстве Небесном такие случайности невозможны; и если Господь в притче Своей говорит об изгнании не имевшего брачной одежды, то только для наглядности рассказа о том, что без одежды, предложенной от Царя, нельзя войти в Царство Небесное (о значении этой одежды см. сноску на с. 648). Если бы на пир допускались и злые, то между возлежащими оказалось бы много не имевших брачных одежд; а так как царь нашел только одного не в брачной одежде, то это доказывает, что Господь сказал о нем лишь для наглядного вразумления слушателей, что недостаточно быть добрым: надо еще снять с себя одежду греховности и надеть ту одежду праведности, которую может дать только Царь Небесный.

69

Если Бог заповедал любить ближнего как самого себя, то это означает, что любить себя не грешно. Но любовь эта не должна доводить человека до самообожания, до преклонения пред собою, как пред кумиром. Ведь выше себялюбия, выше любви к ближним должна стоять любовь к Богу и, следовательно, постоянная готовность исполнять Его волю, хотя бы исполнение ее и было сопряжено с самолишением, с неудовлетворением наших личных желаний. Да, так должно было бы быть; но, на самом деле, мы, люди грешные, любим себя больше, чем ближних, больше даже, чем Бога; и такое себялюбие — тяжкий грех, освободиться от которого собственными силами, без помощи Божией, довольно трудно. Себялюбие не должно превышать любви к ближним; любить себя дозволяется, но любить так же, как и ближних; и только в таком случае себялюбие не составляет греха.

70

Ссылаясь на эти слова, сектанты осуждают нас, что мы называем отцами священников, а некоторые из них, на основании сих слов Спасителя, не называют отцом даже своего родителя. Для опровержения такого заблуждения должно заметить, что здесь Господь обратился только к Апостолам: вы же, противопоставляя их народу. Апостолы были братья, а учеников своих называли чадами, например, постол Иоанн (1-е послание) и Апостол Павел (послание к Галатам).

71

Нельзя строго наказывать людей за неисполнение ими воли Божией, если она была неизвестна им.

Положим, воля Божия, то есть любовь к Богу и ближним, вписана, так сказать, в сердцах людей при самом создании их; и потому, строго говоря, никто не смеет отговариваться незнанием воли Божией. Но так как люди ожесточили свои сердца и разучились читать в них, стали глухи к божественному голосу совести, то надлежало напомнить и волю Божию. Господь наш Иисус Христос пришел, между прочим, для того, чтобы напомнить и разъяснить ее не одним только евреям, но всем вообще людям, живущим на земле. Поэтому и окончательный суд над родом человеческим, по необходимости, отсрочивается до того времени, когда проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам (Мф. 24, 14). Только тогда и возможен будет суд. Но и тогда, безусловно, справедливый Господь будет судить людей по степени вины их: Раб... который знал волю господина своего, и не был готов (встретить Его), и не делал по воле его, бит будет много (то есть будет строго наказан); а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут (Лк. 12, 47–48).

72

Точнее будет, если сказать так: и как на труп слетаются орлы, так и к Сыну Человеческому соберутся все люди живущие и когда-либо жившие.

73

Мое мнение о том, каковы будут вечные мучения осужденных грешников, основано на учении святого Ириния, отца и учителя Церкви. Вечные мучения грешников будут, по мнению святого Ириния, заключаться в лишении их того, чем будут наслаждаться праведники. А так как блаженство праведников — в постоянной близости к Богу, в общении с Ним, то вечные мучения грешников будут заключаться в лишении их этого общения. «Тех, которые по своей же воле (говорит святой Ириней) отступили от Бога, Бог подвергнет отлучению от Себя, которое они сами же избрали. Отчуждение от Бога есть лишение тех благ, какие имеются у Него». В этом-то лишении благ, в этом-то отчуждении от Бога, на какое сами грешники обрекли себя, и будут (по мнению св. Ириния) заключаться вечные мучения. Само собой понятно после этого, что мучения эти будут не грубо-чувственные, не физические страдания, а душевные.

74

Многие исследователи утверждают, что Пасху переносили на субботу, хотя она происходила в пятницу.

75

Об уходе Иуды см. приложение 1-е.

76

Слова — продай одежду свою и купи меч (Лк. 22, 36) — нельзя понимать буквально. Христос посылал Своих Апостолов распространять Его учение не силой меча, но словом и примером. Заповедав раньше не противиться злу злом же, а побеждать его добром, — запретив в эту же ночь Апостолам защищать Его силой и предупредив их, что все, взявшие меч, мечом погибнут (Мф. 26, 52), — Господь не мог дать им теперь новую заповедь, противоречащую всему учению Его. Поэтому слова — купи меч — надо принять

как иносказание. Кротостью и мудростью вооружил Господь Апостолов, посылая их с проповедью к своим же евреям, к погибшим овцам дома Израилева (Мф. 10, 6); они должны были нести евреям радостную весть о пришествии Желанного Избавителя, Мессии; и потому им не надо было брать с собой ни сумы с хлебом, ни запасной одежды, ни денег, ни обуви: все это они должны были найти у гостеприимных хозяев, которым они несут эту радостную весть. Теперь же не то; теперь им предстоит идти к язычникам, которые Мессии не ждут, которых нельзя порадовать вестью о пришествии Его; теперь им понадобится и сума с хлебом; и у кого ее нет, пусть продаст одежду свою (конечно, запасную) и купит ее, то есть суму с хлебом, как крайне необходимую в путешествии по чужим странам; а главное, пусть, кроме мудрости и кротости, вооружится еще мужеством, стойкостью в перенесении всех гонений, таким мужеством, какое можно сравнить по силе и крепости с крепостью меча. Что не о мече в буквальном смысле этого слова говорил теперь Господь, видно еще из того, что на заявление Апостолов о двух имеющихся у них мечах, Господь сказал: Довольно! Это слово вовсе не означает, что двух мечей достаточно будет Апостолам для самозащиты; это значит: Оставьте! Довольно об этом говорить, если вы не понимаете Меня. Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины (Ин. 16, 12, 13), то научит вас всему (Ин. 14, 26).

77

См. мою книжку «Сошествие Святого Духа», в которой содержится подробное исследование величайшего чуда, преобразившего Апостолов из маловерных и сомневающихся в таких убежденных проповедников воскресшего Христа, которых не могли поколебать и все соединенные силы ада.

78

Авва — сирское слово, равнозначащее слову отец, и употреблено для усиления воззвания: Отец! Отец! Все возможно Тебе!

79

Скорбь о глубоком падении людей — вот в чем состояла та чаша, которую пил в этот горчайший час Своей земной, жизни Спаситель. И Он молился, чтобы Бог отнял ее от уст Его, то есть облегчил Его подавленное настроение: и вот явился ангел и укреплял Его. Об этой молитве говорит Апостол Павел: «Он с великим воплем и многими слезами возопил к Могущему избавить Его от смерти, и услышан был за благоговение».

80

В толпе, пришедшей взять Иисуса, были, между прочим, и служители от первосвященников. Не те ли это служители, которых первосвященники как-то посылали взять Иисуса? Они тогда не взяли Его и, вернувшись к пославшим их, сказали: Никогда человек не говорил так, как Этот Человек (Ин. 7, 46). Если это были те самые служители, и шли за Иудой не зная, кого им предстоит взять, то несомненно, что, увидев Иисуса и услышав Его кроткий ответ, они не только могли, но должны были прийти в величайшее смущение; невольный страх перед Иисусом, слову Которого повиновались даже и бесы, должен был потрясти их настолько, что они отступили назад и пали на землю (Ин. 18, 6). Отступили назад, то есть как бы отказались от своего намерения взять Иисуса; пали на землю, быть может, в знак преклонения пред Тем, Кто совершил такое множество чудес.

Но главную силу в отряде, пришедшем в Гефсиманский сад, составляли римские воины с тысяченачальником, взятые первосвященниками из числа охранявших порядок при храме. Воины эти были язычники. А язычники того времени, утратив веру в своих самодельных богов, были крайне суеверны. Иуда не сказал воинам, за кем они идут. Но когда на вопрос Иисуса — кого ищите? — старейшины ответили: Иисуса Назорея, — воины должны были вспомнить все, что слышали о Нем; должны были вспомнить и торжественный въезд Его в Иерусалим. Они, быть может, слышали от членов синедриона, что Иисус Назарянин именует Себя Сыном Божиим. И если Пилат убоился, когда первосвященники стали обвинять Иисуса в том, что Он сделал Себя Сыном Божиим (Ин. 19, 7–8), то и римские воины, приведенные Иудой в Гефсиманский сад, зная, в чем первосвященники и фарисеи обвиняют Иисуса, не только могли, но должны были испугаться, когда узнали, что пришли арестовать известного Чудотворца, именующего Себя Сыном Божиим. Мысль о том, что неведомый им Бог, Сыном Которого называет Себя Иисус, будет мстить за Сына, невольно должна была привести в трепет суеверных язычников. И они, в страхе, отступили назад и пали на землю.

Но, когда затем они увидели, что Иисус не только не призывает Отца своего к отмщению, но Сам добровольно отдается в их власть и даже запрещает ученикам Своим защищать Его, — тогда страх их рассеялся, смущение прошло, и они приступили к исполнению приказа первосвященников.

81

Эти слова — если спрошу вас и пр. — имеют отношение к вышеуказанному пророчеству Даниила. Спаситель мог им доказать, что на Нем должно исполниться пророчество о Сыне Человеческом, но видел бесцельность этой беседы и потому ограничился прямым ответом.

82

Возможно, что Евангелист имеет в виду предсказание Спасителя о том, что Его предадут язычникам для казни.

83

Употребленное выражение «душа его, как очищенная верой от грехов» не совсем точно и может дать повод к недоразумениям. Правильнее выразиться так: душа его, как удостоенная прощения грехов за открытое исповедание веры и искреннее всенародное покаяние, а главное, очищенная искупительной жертвой Христа, будет вместе с душами праведников.

84

Отчего Христос не сошел с креста? Ведь этим Он доказал бы, что обладает божественной властью, и все уверовали бы в Него.

Таковыми вопросами задаются и теперь многие из неверующих. И что сказать им на это? Тот, по слову Которого повиновались бесы, ветры и морские волны, Кто исцелял даже заочно всякие болезни, Кто воскрешал мертвых, Тот мог, конечно, и сойти со креста, если бы это было необходимо. Поэтому, если Он не сошел со креста, то, значит, тому были основательные причины. А если хотите знать эти причины, то я скажу, что они ведомы только Богу. Да, мы, грешные люди, не знаем их. Но, не зная их, мы все-таки можем

строить предположения, основываясь на словах Самого Господа.

Из Евангелия мы знаем, что Христос ставил Себя, по Человечеству Своему, образцом доступного нам совершенства; Он требовал, чтобы мы подражали Ему, брали пример с Него, жили так, как жил Он, Христос-Человек. Но для того, чтобы быть Образцом доступного нам совершенства, Он должен был не пользоваться никогда лично для Себя, как человека, Своей божественной властью могущества; в противном случае, Он был бы образцом недоступного для нас совершенства; Он оказался бы требующим от нас невозможного; самые заповеди Его казались бы неисполнимыми; да и цель Его пришествия была бы не вполне достигнута. И мы знаем, что Он действительно никогда не пользовался Своей божественной властью, чтобы облегчить Свои человеческие немощи и страдания. Он, как Человек, испытывал усталость, нуждался в подкреплении Своих сил пищей и сном; Он томился от жажды, страдал от мучений голода; Он радовался и скорбел, и не всегда Он мог подавить в Себе скорбь, не всегда мог скрыть ее, скорбь Его нередко разрешалась слезами. Он, как Человек, подвергался искушениям, но всегда побеждал их; и побеждал не божественной властью, присущей Ему, как Сыну Божию, а единственно покорностью воле Отца; покорность эту заповедал Он и нам, как могучее средство выходить победителями из борьбы с соблазнами, искушениями. Он, как Человек, содрогнулся в Гефсиманском саду от представшей мысленному взору Его чаши страданий и молил Отца об отсрочке исполнения Его воли; но и это искушение Он победил покорностью воле Отца, которую выразил в словах: не Моя воля, но Твоя да будет (Лк. 22, 42). А когда Он подчинился воле Отца, то страшные физические страдания на кресте исторгли вполне человеческий вопль Его: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф. 27, 46). То есть: почему в такой ужасный час мучительной казни божественная сила Самого Христа, всегда пребывавшая с Ним нераздельно, не облегчила Его незаслуженных страданий? Думаю, потому, что если бы Христос сошел со креста или сделал бы нечувственными для Себя страдания от самой мучительной казни, то Он не мог бы быть для нас примером, образцом истинного человека, то есть таким, какими и мы должны быть; и тогда цель Его пришествия на землю не была бы достигнута. Но Он достиг своей цели именно потому, что никогда не пользовался Своей божественной властью для облегчения своих человеческих немощей и страданий. Да, Христос, как Человек, исполнял Сам в точности все свои заповеди; Он жил так, как учил других жить; слово Его никогда не расходилось с делом; божественной властью Своей Он никогда не облегчал Себе несение ига Своих заповедей; и потому Он, в Своем Человечестве, служит обязательным для нас примером; и мы должны жить так, как жил Он; и мы можем так жить! (Подробности см. в моей книге «Три лекции»: лекция 3-я «Исполнимы ли заповеди Христа?»).

85

Выше, на с. 52, было приведено мнение профессора, доктора медицины А. Шилтова о том, что бичевание и истязания Иисуса до распятия, полное изнеможение и упадок сил, затем невыносимые муки на кресте должны были вызвать опаснейшую болезнь — отек легких, доказательством чему служит истечение крови и воды из прободенного бока. Следовательно, отек легких есть причина истечения воды или водянистой жидкости из прободенного бока Господа, и это вполне естественно.

86

Думаю, что сообщенное в Евангелии от Матфея о Марии Магдалине и другой Марии было вторичным их путешествием ко гробу, уже знавших о Воскресении Господнем, почему Господь и разрешил им прикоснуться к Его ногам.

87

Смешивая предвечное исхождение Духа по божеству Своему от Отца с временным Его посланничеством к благодетельствованным людям.

88

Место это называлось Галилеей и тогда, и доньше. Посему слова — предваряю вас в Галилее — можно относить к двум событиям.

89

Только предсказания Его о кончине мира Страшном Суде пока не осуществились, и то потому только, что для этого не настало еще время.

90

Евангелист Матфей, не присутствовавший, конечно в синедрионе, когда решено было убить Иисуса, мог узнать об этом заговоре от члена синедриона, Никодима, тайного ученика Христова.

91

Известно, что большинство болезней наших происходит вследствие проникновения в наш организм болезнетворных микробов. Но для борьбы с ними в нашей крови имеются так называемые «белые тельца», или «лейкоциты», и как только в организм попадут болезнетворные микробы, так немедленно же целыми полчищами устремляются на них лейкоциты и пожирают их, обезвреживают. Но если эти лейкоциты ослаблены, спиртными ли напитками или чем иным, то организм прибегает к другим мерам: повышает температуру крови настолько, чтобы микробы погибли от непереносимого ими жара. Вот два примера (а их множество) разумной, целесообразной деятельности самого организма, без всякого участия в том нашего сознания или нашей воли.

92

Люди с сильной волей не поддаются внушению: при столкновении воли гипнотизера с волей гипнотизируемого происходит борьба, и гипноз не удается.

93

Об исцелении иерихонских слепых см. выше, на с. 672